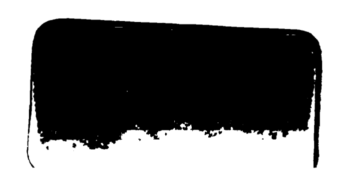
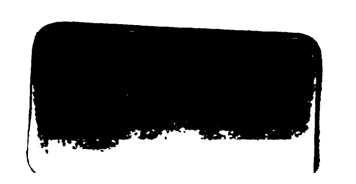

VE RI
TAS

VE RI
TAS

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЯНВАРЬ.

1883.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.
1883.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Топографія средневѣковаго Константинополя . . . . Г. Дестуниса.

Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи . . . . Ѳ. Успенскаго.

Прежнія воззрѣнія польскаго писателя Кращевскаго на бывшее Литовское княжество, то-есть, западную Россію . . . М. Кояловича.

Кавказскія преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ . . . . Вс. Миллера.

Новые архивные матеріалы для исторіи Грузіи XVIII столѣтія . . . . . . А. Цагарели.

Критика и библіографія:

Новыя изслѣдованія о буддизмѣ. . . . . И. Минаева.

А. В. Лихачевъ. Самоубійство въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія . . . . Д. А—на.

Грађа за историју Краљевине Србије. Време прве владе кнеза Милоша Обреновића. Прирედили Вукашин *І. Петровић* и Др. *Ник. І. Петровић*. Књига прва, од 1815 до 1821 године . . . . . П. Кулаковскаго.

Труды третьяго международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ. . . . . Н. Веселовскаго.

Rumänische Märchen, übersetzt von *Mite Kremnitz*. . А. Веселовскаго.

По поводу сибирскаго юбилея.

Императорская Публичная библіотека въ 1880 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты.

Александръ Осиповичъ Іонинъ. (Некрологъ). И. Помяловскаго.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

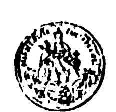
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CCXXV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.
1883.

Средняя Подьяческая, № 1.
3136

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (17-го сентября 1882 г.). О предоставленіи министерству народнаго просвѣщенія утверждать уставы вспомогательныхъ и ссудо-сберегательныхъ кассъ для служащихъ по вѣдомству этого министерства.

Министерство народнаго просвѣщенія входило съ представленіемъ въ комитетъ министровъ по вопросу о порядкѣ утвержденія уставовъ такихъ вспомогательныхъ и ссудо-сберегательныхъ кассъ, которыя учреждаются не при отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а для лицъ, служащихъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ или же вообще по учебному вѣдомству.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, соизволилъ на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія утверждать уставы вспомогательныхъ и ссудо-сберегательныхъ кассъ для служащихъ по вѣдомству этого министерства вообще, по надлежащемъ сношеніи, относительно кредитныхъ операцій кассъ, съ министерствомъ финансовъ.

2. (20-го сентября 1882 г.). О присвоеніи народной школѣ въ д. Лозоваткѣ, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи, наименованія „Лозоватской Алексѣя фонъ-Буксгевдена народной школы".

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, Высочайше соизволилъ на присвоеніе народной школѣ въ д. Лозоваткѣ, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи, наименованія „Лозоватской Алексѣя фонъ-Буксгевдена народной школы", во вниманіе къ пожертвованію женою фонъ-Буксгевдена капитала 5000 руб. въ пользу названной школы.

3. (26-го октября 1882 г.). О почетныхъ смотрителяхъ при пансіонахъ для киргизскихъ и русскихъ дѣтей въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о почетныхъ смотрителяхъ при пансіонахъ для киргизскихъ и русскихъ дѣтей въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о почетныхъ смотрителяхъ при пансіонахъ для киргизскихъ и русскихъ дѣтей въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе Высочайше утвержденнаго 27-го января 1881 г. мнѣнія государственнаго совѣта объ устройствѣ училищной части въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской, постановить:

1) При существующемъ въ городѣ Омскѣ пансіонѣ для киргизскихъ и русскихъ дѣтей, а также при каждомъ подобномъ пансіонѣ въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской, полагается почетный смотритель.

2) На почетныхъ смотрителей упомянутыхъ пансіоновъ распространяются правила, постановленныя относительно почетныхъ смотрителей городскихъ училищъ въ параграфахъ 31, 33 и 34 Высо-

чайше утвержденнаго 31-го мая 1872 г. положенія о сихъ училищахъ (Полн. Собр. Зак. т. XLVII, № 50909), при чемъ означеннымъ лицамъ предоставляется надзоръ за хозяйственною частью пансіоновъ и попеченіе о благоустройствѣ ихъ въ матеріальномъ отношеніи. Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

4. (20-го октября 1882 г.). О преобразованіи С.-Петербургской Введенской шестиклассной прогимназіи въ гимназію.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи С.-Петербургской Введенской шестиклассной прогимназіи въ гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи С.-Петербургской Введенской шестиклассной прогимназіи въ гимназію, мнѣніемъ положилъ:

1) С.-Петербургскую Введенскую шестиклассную прогимназію преобразовать въ полную гимназію, съ отпускомъ изъ казны въ 1882 году, на содержаніе VII класса этой гимназіи, одной тысячи трехсотъ руб. на счетъ остатковъ по дѣйствующей смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія;

и 2) На содержаніе упомянутой гимназіи въ 1883 году внести въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія на тотъ годъ четыре тысячи девятьсотъ сорокъ пять рублей, начиная же съ 1884 г. вносить въ смѣты названнаго министерства на тотъ же предметъ по пяти тысячъ восьмисотъ пятнадцати рублей ежегодно, сверхъ той суммы, какая отпускается нынѣ изъ казны на содержаніе Введенской прогимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

2-го декабря 1882 г. (№ 17). Производятся: почетный попечитель Иркутской мужской гимназіи и тамошней учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Хаминовъ—за отличіе, въ тайные совѣтники.

Старшій учитель приходскаго училища на пересыпи въ г. Одессѣ, Дмитрій Цвиклинскій — въ коллежскіе регистраторы съ 21-го ноября 1882 г. (Высочайшаго повѣленія 21-го ноября 1882 г.).

Опредѣляется: директоръ Харьковской второй гимназіи, статскій совѣтникъ Скворцовъ—директоромъ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, съ 3-го ноября 1882 г. (Высочайшее повелѣніе 3-го ноября 1882 г.).

Утверждаются: оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, Корочанскій уѣздный предводитель дворянства; статскій совѣтникъ Шетохинъ, въ званіи камергера статскій совѣтникъ Себряковъ и въ званіи камеръ-юнкера коллежскій ассессоръ графъ Платовъ—почетными попечителями гимназій: Нарышкинъ-Тамбовской, Шетохинъ-Александровской Корочанской, оба на три года, Себряковъ—Усть-Медвѣдицкой и графъ Платовъ—Новочеркасской мужской; послѣдніе два по май 1885 г.

Генералъ-адъютантъ графъ Меншиковъ въ званіи камергера графъ Уваровъ, статскій совѣтникъ Фе и отставный подполковникъ Авиловъ—почетными попечителями реальныхъ училищъ: князь Меншиковъ—Новочеркасскаго, графъ Уваровъ—Муромскаго, Фе—состоящаго при Евангелическо-Лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ и Авиловъ—Урюпинскаго; изъ нихъ князь Меншиковъ и Авиловъ по май 1885 года, и графъ Уваровъ и Фе на три года.

Назначается: директоръ Одесскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Филоматитскій—окружнымъ инспекторомъ Одесскаго учебнаго округа.

Командируются съ ученою цѣлію: а) въ Россіи и за границу: кандидатъ Императорскаго университета св. Владиміра Богдановъ—на два года.

и б) за границу: Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Вржесніовскій—на зимнее вакаціонное время 188²/₃ учебнаго года.

Хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго Варшавскаго университета Тачановскій—на три мѣсяца.

Доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, магистръ гражданскаго права Гамбаровъ, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Штейнманъ и кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Ланге—на одинъ годъ.

Лаборантъ Императорскаго Новороссійскаго университета Вернеръ—на два года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: почетному попечителю Курской гимназіи Левковичу—на два мѣсяца, по болѣзни.

Увольняется: коммерціи совѣтникъ Рыковъ—отъ должности почетнаго попечителя Скопинскаго реальнаго училища.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (19-го ноября 1882 г.). Правила для стипендіи графовъ Муравьева-Амурскаго и Игнатьева.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На капиталъ въ 3,650 рублей оставшійся отъ некомплекта бывшихъ стипендіатовъ графа Муравьева-Амурскаго и генералъ-адъютанта Игнатьева, учреждается при факультетѣ восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета необязательная стипендія въ размѣрѣ 180 руб. въ годъ.

2) Стипендія эта назначается для студентовъ Китайско-Маньчжуро-Монгольскаго разряда.

3) Назначеніе стипендіи производится на основаніи общихъ установленныхъ для сего правилъ.

4) Для полученія стипендіи и для сохраненія ея при переходѣ въ высшіе курсы необходимо имѣть на испытаніяхъ въ среднемъ выводѣ не менѣе четырехъ и не менѣе трехъ изъ каждаго предмета.

5) Свободные остатки, могущіе образоваться отъ незамѣщенія сей стипендіи предоставляется употреблять на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

2. (20-го ноября 1882 г.). Положеніе о стипендіи потомственнаго почетнаго гражданина Платона Осиповича Иванова при С.-Петербургской VII мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго вдовою потомственнаго почетнаго гражданина Надеждою Ивановною Ивановою капитала въ одну тысячу двѣсти руб., заключающагося въ 5% билетѣ государственнаго банка въ 1000 руб. и четырехъ облигаціяхъ восточнаго займа по 50 руб., учреждается при седьмой С.-Петербургской гимназіи одна стипендія имени покойнаго мужа ея потомственнаго почетнаго гражданина Платона Осиповича Иванова.

2) Означенный капиталъ, составляя неприкосновенную собственност[illegible]ьмой С.-Петербургской гимназіи хранится въ С.-Петербургском[illegible]ернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гим[illegible]

[illegible] проценты съ капитала, въ количествѣ шестидесяти рублей въ годъ употребляются на уплату за обученіе одного изъ учениковъ С.-Петербургской гимназіи.

4) Стипендія предоставляется одному изъ бѣднѣйшихъ и лучшихъ по успѣхамъ и поведенію учениковъ гимназіи безъ различія званія и вѣроисповѣданія.

5) Стипендіату оставшемуся на второй годъ въ томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена только въ виду особо уважительныхъ причинъ какъ напримѣръ тяжкой продолжительной болѣзни.

6) Выборъ стипендіата предоставляется г-жѣ Ивановой, а по смерти ея—педагогическому совѣту гимназіи.

7) Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8) Въ случаѣ выхода процентныхъ бумагъ въ тиражъ, на педагогическій совѣтъ гимназіи возлагается обязанность пріобрѣсть другія такія же Государственныя или гарантированныя правительствомъ 5% процентныя бумаги

3. (25-го ноября 188[illegible] года). **Положеніе о стипендіи имени бывшаго Курскаго городскаго головы Прокопія Адріановича Устимовича при Курскомъ реальномъ училищѣ.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ 700 руб., собраннаго по добровольной подпискѣ между жителями города Курска, учреждается при

Курскомъ реальномъ училищѣ стипендія имени бывшаго Курскаго городскаго головы Прокопія Адріановича Устимовича.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя неприкосновенную собственность названнаго училища.

3) Проценты съ капитала выдаются по опредѣленію педагогическаго совѣта Курскаго реальнаго училища, въ стипендію одному изъ бѣдныхъ, прилежныхъ и отличающихся хорошимъ поведеніемъ воспитанниковъ этого учебнаго заведенія.

4) Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5) Могущіе образоваться почему либо отъ стипендіи остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

4. (5-го декабря 1882 года). Правила для стипендіи Алоисія Валевскаго, учрежденной при институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства учреждается стипендія имени Алоисія Валевскаго на счетъ процентовъ съ капитала въ 6,000 р., пожертвованнаго наслѣдниками Алоисія Валевскаго: а) Теклей Іосифовной Валевской, рожденной Буякевичъ; б) Клеменсомъ Алоисіевичемъ Валевскимъ; в) Фелиціей Алоисіевной Квѣценъ и г) Вандой Алоисіевной Меллеровичъ, рожденными Валевскими. Указанный капиталъ заключается въ билетахъ восточнаго займа и внесенъ на вѣчныя времена въ депозитъ польскаго банка.

2) На содержаніе стипендіата назначается 300 руб. изъ процентовъ вышеуказаннаго капитала.

3) Стипендіатомъ Алоисія Валевскаго можетъ быть только бѣдный студентъ польскаго происхожденія, католическаго исповѣданія, оказавшій удовлетворительные успѣхи въ наукахъ. Всѣ другіе студенты, ни подъ какимъ предлогомъ, не могутъ получать стипендіи Алоисія Валевскаго.

4) Изъ студентовъ, удовлетворяющихъ § 3, имѣютъ преимущество

предъ другими на полученіе стипендіи студенты: а) фамиліи Валевскихъ; б) фамиліи Вуякевичей и в) уроженцы Калишской губерніи.

5) Избраніе стипендіатовъ производится попечителемъ стипендіи Алоисія Валевскаго только изъ числа кандидатовъ, указанныхъ совѣтомъ института. Избравъ кандидата, попечитель стипендіи представляетъ его на утвержденіе г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа, присоединяя къ представленію метрическое свидѣтельство, свидѣтельство о бѣдности, удостовѣреніе о томъ, что избранное лицо состоитъ студентомъ института и оказало удовлетворительные успѣхи въ наукахъ.

6) Попечителемъ стипендіи въ настоящее время избранъ учредителями ея Клеменсъ Алоисіевичъ Валевскій, преемникомъ его Казиміръ Станиславовичъ Валевскій. По смерти Казиміра Станиславовича Валевскаго, попечителями стипендіи считаются, по мѣрѣ старшинства, сыновья его: Казиміръ Казиміровичъ, Станиславъ Казиміровичъ и Стефанъ Казиміровичъ Валевскіе. Послѣднему изъ нихъ, т. е. Стефану Казиміровичу Валевскому, предоставляется, во время его попечительства, право назначать, на случай своей смерти, попечителемъ кого либо изъ фамиліи Валевскихъ. Въ случаѣ же его смерти, разстройства его умственныхъ способностей, а также лишенія всѣхъ правъ состоянія, до избранія имъ себѣ преемника по попечительству надъ стипендіей, всѣ права по избранію стипендіатовъ переходятъ къ совѣту Ново-Александрійскаго института.

7) Стипендіатъ Алоисія Валевскаго обязанъ подвергаться установленнымъ испытаніямъ въ теченіе всего времени бытности въ институтѣ. Не выдержавшій удовлетворительно испытанія, равно какъ и неудовлетворительно аттестованный въ поведеніи, хотя бы и хорошо выдержавшій испытаніе, лишается стипендіи по рѣшенію совѣта и съ утвержденія г. попечителя Округа. О рѣшеніи совѣта увѣдомляется попечитель стипендіи.

8) Въ случаѣ упраздненія Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства, стипендія предоставляется на тѣхъ же условіяхъ (§ 3 и § 4) другому высшему учебному заведенію въ Царствѣ Польскомъ, по выбору попечителя стипендіи, до открытія правительствомъ новаго сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія, которому она, послѣ открытія, должна быть возвращена.

5. (8-го декабря 1882 года). Положеніе о стипендіи при Казанскомъ реальномъ училищѣ для сыновей лицъ почтоваго вѣдомства.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Казанскомъ реальномъ училищѣ учреждается одна стипендія, съ присвоеніемъ ей наименованія: „стипендія Казанской уѣздной земской управы, потомственнаго почетнаго гражданина Михайлова и душеприкащика, дѣвицы Васильковой, тайнаго совѣтника Журавлева" на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго этою управою и упомянутыми лицами, а также попечительствомъ реальнаго училища, капитала въ семьсотъ пятьдесятъ рублей.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Казанскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названнаго училища, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Стипендіею пользуются сыновья лицъ почтоваго вѣдомства: а) круглыя сироты или неимѣющіе отцовъ; б) дѣти недостаточныхъ родителей; в) воспитанники благонравнаго поведенія, съ успѣхомъ проходившіе низшіе классы училища или другихъ заведеній. Воспитанникъ не перешедшій, по истеченіи года, изъ низшаго класса въ высшій, по лѣности, или оставленный въ одномъ классѣ на третій годъ по болѣзни или малоуспѣшности, лишается права пользоваться стипендіею.

4) За пользованіе стипендіею, стипендіатъ обязанъ прослужить въ почтовомъ вѣдомствѣ не менѣе 3 лѣтъ, если по окончаніи курса реальнаго училища, онъ не поступитъ въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній.

5) Выборъ стипендіата принадлежитъ душеприкащику дѣвицы Васильковой, тайному совѣтнику Журавлеву и потомственному почетному гражданину Михайлову, а за выбытіемъ ихъ управляющему почтовою частію въ Казанской губерніи.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено, книгу:

„Старославянская грамматика". Составилъ М. Колосовъ (бывшій профессоръ Варшавскаго университета). Изданіе 11-е. Варшава 1882 г. одобрить какъ одно изъ лучшихъ руководствъ при обученіи церковнославянскому языку.

Книгу: „Русская историческая библіографія за 1865—1876 г. включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I и II. С.-Петербургъ 1882 г.—рекомендовать, какъ трудъ выдающійся по своей пользѣ и достоинствамъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Руководство къ изученію главныхъ основаній педагогики въ учительскихъ семинаріяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія". Дидактическая пропедевтика. Курсъ II-го класса. Составилъ Иванъ Никольскій, директоръ Несвижской учительской семинаріи. Москва. 1883. Цѣна 50 коп.—одобрить, какъ руководство для учительскихъ семинарій и институтовъ и для учительскихъ библіотекъ начальныхъ училищъ.

— Книгу; „Modern Englich", Сборникъ статей изъ новѣйшихъ англійскихъ писателей, съ примѣчаніями, біографическими очерками и словаремъ". Составилъ Р. Гердъ, преподаватель англійскаго языка въ лицеѣ Цесаревича Николая, въ реальномъ училищѣ при Ев.-Лют. церкви и въ друг. Москва 1881 года. Цѣна 1 р. 75 коп.—одобрить какъ отличное пособіе для класснаго чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподается англійскій языкъ.

— Книгу: Livre de lecture, composé pour servir, à l'enseignement de la langue française, dans les classes élémentaires. 1. Conversations, historiettes, contes, caractéres, leçons de choses usualles, descriptions, récits, legends, anecdotes, lectures instructives. 2. Lectures supplémentaires. 3. Sujets de compositions. 4. Choix de poesies extraites de divers auteurs et accompagnées d'un vocabulaire. Спб. 1882 г. Цѣна 40 коп.—одобрить какъ учебное пособіе для практическаго обученія французскому языку и въ видѣ христоматіи въ низшихъ классахъ мужскихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Избранныя сатиры Горація для среднихъ учебныхъ заведеній, латинскій текстъ съ русскими примѣчаніями и со статьей о Гораціѣ". В. И Модестова. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, Спб. 1882 г.—одобрить, какъ пособіе по латинскому языку для гимназій.

— Книгу: „Пособіе для практическихъ занятій при первоначальномъ изученіи русскаго языка въ гимназіяхъ". Книга I. Составилъ

заслуженный преподаватель при С.-Петербургской 6-й гимназіи М. Николенко. Изданіе 6-е исправленное. Спб. 1883 года, внести въ списокъ пособій при изученіи русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Сборникъ геометрическихъ задачъ, примѣненный къ курсамъ гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Задачи алгебраической геометріи. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Съ приложеніемъ списка задачъ, служившихъ геометрическими темами на испытаніяхъ зрѣлости во всѣхъ учебныхъ округахъ Россіи. Составилъ В. П. Мининъ преподаватель Московской 3-й гимназіи. Изданіе 3-е. Москва 1882 г. Цѣна 85 к.—одобрить въ качествѣ весьма полезнаго учебнаго пособія изъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли и объясненіемъ каждой статьи, съ 300 темъ и плановъ для устныхъ и письменныхъ упражненій и съ біографіями писателей". Въ концѣ сборника приложенъ краткій курсъ теоріи словесности. Часть II. Изданіе третье. П. Невзорова. Казань 1882 г. Цѣна 70 к. съ пересылкою—одобрить какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній и для старшихъ классовъ городскихъ училищъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Очеркъ элементарныхъ свѣдѣній изъ психологіи и логики съ педагогическими выводами, составленный примѣнительно къ инструкціи для учительскихъ семинарій Министерства Народнаго Просвѣщенія инспекторомъ — руководителемъ Вымыслинской учительской семинаріи П. Соломоновскимъ. Варшава. 1880 г. Цѣна 50 к., допустить для употребленія въ учительскихъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книгу: „Прокопія Кессарійскаго исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандалами и Готѳами".—Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарій Гавріила Дестуниса. Кн. I и II. С.-Пб. 1876—1880 г.—рекомендовать, какъ выдающійся изъ ряда, ученый трудъ, для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Греческо-русскій словарь", составленный А. Д. Вейсманомъ, экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института. Изданіе 2-е, дополненное и исправленное. С.-Петербургъ 1882 года, признать заслу-

живающею полнаго одобренія, даже рекомендаціи, какъ учебное пособіе по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла учебнаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено книгу „Элементарное объясненіе явленій природы". Составилъ А. Игнатовичъ. Девятое изданіе. С.-Пб. 1881 г. Цѣна 60 коп.—одобрить для библіотекъ начальныхъ училищъ.

— Книжки: 1) „Нѣтъ работы, нѣтъ и хлѣба". Варшава 1880 г. и 2) „Подъ старость—радость". Изданіе „Досугъ и Дѣло", С.-Пб. 1880 г. допустить въ библіотеки народныхъ училищъ.

— Брошюру священника „Мартирія Чемены" подъ заглавіемъ: „Поученія о состраданіи къ животнымъ" (изданіе второе, Россійскаго общества покровительства животнымъ. С.-Петербургъ 1881 г.), согласно заключенію учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, одобрить для библіотекъ народныхъ школъ.

— Книгу: Общеобразовательныя бесѣды съ нижними чинами и народомъ.—Изданія артиллеріи подполковника Павла Меньшикова. Варшава и Петербургъ, 1878—1881 г.—Цѣна каждой бесѣды 25 коп.— Бесѣды IV, V, XI, XII, XIII и XIV—одобрить для библіотекъ городскихъ училищъ и сельскихъ школъ, и двѣ послѣднія, т. е. XIII и XIV, кромѣ того для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: „Курсъ педагогики, дидактики и методики.—Составилъ примѣнительно къ нормальной программѣ педагогики для духовныхъ семинарій В. Тихомировъ. С.-Пб. 1882 г. Цѣна 1 рубль 25 коп.— допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ.

— Книгу: „Русскій самоучка Семенъ Прокофьевичъ Власовъ". Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло". С.-Петербургъ. 1881 г. включить въ каталогъ книгъ для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книжку: „Турчанка Галя". Разказъ Н. Бутовскаго. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло". С.-Петербургъ. 1882 г., внести въ каталогъ народныхъ школъ для ученическихъ библіотекъ.

— Книгу: „Вода въ воздухѣ“. Съ 13-ю рисунками. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло“. С.-Петербургъ. 1882 г., допустить въ каталогъ ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ.

— Книгу: „Руководство къ наблюденію природы и собиранію естественно-историческихъ коллекцій“. Составилъ А. П. Кирпотенко, изданіе 3.—С.-Петербургъ 1882 года, цѣна 30 коп. одобрить для ученическихъ библіотекъ начальныхъ училищъ.

— Книги: 1) „Вода въ трехъ видахъ“. Изданіе Редакціи журнала „Досугъ и Дѣло“ С.-Пб. 1881 г.—включить въ число книгъ для ученическихъ библіотекъ сельскихъ и городскихъ училищъ и 2) „Замѣчательные русскіе люди“ Ерофей Хабаровъ и Семенъ Дежневъ. Изданіе редакціи журнала: „Досугъ и Дѣло“ С.-Пб. 1881 г.—допустить въ библіотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу: „Катакомбы“. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Сочиненіе Евгеніи Туръ. С.-Пб. 1882 г. Цѣна 1 р.—допустить въ новомъ изданіи въ библіотеки городскихъ и народныхъ школъ.

— Книгу: „Начальное обученіе ариѳметикѣ“ (для родителей и учителей). А. Литвинскій. Выпускъ 1-й. С.-Пб. 1881 г. Цѣна 40 к.—одобрить для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а также для учительскихъ библіотекъ уѣздныхъ, городскихъ и народныхъ училищъ.

— Составленную С. Миропольскимъ книгу подъ заглавіемъ: „Обученіе грамотѣ“ методическое руководство для учительскихъ семинарій, учителей начальныхъ школъ и руководителей педагогическими курсами. Изданіе 3-е. С.-Петербургъ. 1881 г. Цѣна 1 р., распространить и на 3-е изданіе этой книги одобреніе, данное двумъ первымъ изданіямъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Г. министръ народнаго просвѣщенія, разрѣшилъ открыть въ реальномъ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви Св. Павла въ Одессѣ общее отдѣленіе дополнительнаго класса на счетъ средствъ этой церкви.

— Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, утвердилъ: сдѣланное начальствомъ Оренбургскаго учебнаго округа распоряженіе объ открытіи въ текущемъ учебномъ году параллельнаго отдѣленія при II классѣ Оренбургскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, съ отнесеніемъ по-

требнаго на сей предметъ расхода на счетъ мѣстныхъ земства и городскаго общества; опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Полтавскаго реальнаго училища размѣръ платы за ученіе въ этомъ училищѣ по тридцати рублей въ годъ съ каждаго ученика, съ 1-го января 1883 г.

— Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ: увеличить размѣръ платы за ученіе въ Люблинской мужской гимназіи, съ 1-го января будущаго 1883 года, въ приготовительномъ классѣ съ 15 до 25 руб., а въ остальныхъ классахъ съ 20 до 37 р. въ годъ съ каждаго ученика; увеличить размѣръ платы за ученіе въ Варшавскихъ II, III, IV и V мужскихъ гимназіяхъ, съ 1-го января будущаго 1883 года, въ приготовительныхъ классахъ съ 20 до двадцати четырехъ руб., а въ остальныхъ классахъ съ 30 до сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика; увеличить размѣръ платы за ученіе въ мужскихъ гимназіяхъ: Радомской — въ приготовительномъ классѣ съ 12 до двадцати руб. и въ остальныхъ съ 20 до тридцати четырехъ руб. и Плоцкой въ приготовительномъ классѣ съ 15 до двадцати руб. и въ остальныхъ классахъ съ 20 до тридцати трехъ рублей въ годъ съ каждаго ученика; установить въ параллельныхъ отдѣленіяхъ I и V классовъ Динабургскаго реальнаго училища размѣръ платы за ученіе по шестидесяти руб. въ годъ, съ каждаго ученика; увеличить, съ 1-го января будущаго 1883 года, размѣръ платы за ученіе въ мужскихъ гимназіяхъ: въ Петроковской въ приготовительномъ классѣ до двадцати одного руб. и въ остальныхъ классахъ до тридцати трехъ руб., въ Калишской, Кѣлецкой и Ломжинской въ приготовительныхъ классахъ до двадцати руб. и въ остальныхъ классахъ до тридцати руб. и въ Сѣдлецкой и Сувалкской въ приготовительныхъ классахъ до двадцати девяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

Открыты слѣдующія начальныя городскія училища Министерства Народнаго Просвѣщенія 1) двухклассныя: въ с. Бохотѣ, Мстиславскаго уѣзда, Могилевской губ., въ станицѣ Филоновской, Хоперскаго округа, Области Войска Донскаго, и въ с. Таганчѣ, Ковенскаго уѣзда, Кіевской губ., при 61 ученикѣ; и 2) одноклассныя: въ с. Нижнемъ Аблязовѣ, Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губ. при 86 учащихся, въ

с. Грушкѣ, Ушицкаго уѣзда, Подольской губ. при 30 учащихся на станціи Угловкѣ, Николаевской желѣзной дороги, Валдайскаго уѣзда, Новгородской губ. при 31 учащемся, въ с. Ульмѣ, Кишиневскаго уѣзда, Бессарабской губ., для чувашъ и мордвы въ Гавриловскомъ хуторѣ Оренб. губ. и уѣзда при 20 учащихся, Цивильскаго уѣзда, Казанской губ., въ деревнѣ Норвашъ Мишеховой при 45 учащихся и въ с. Янтиковѣ (Подгорные Темяши тожъ) при 60 учащихся, въ Илецкомъ городкѣ Уральской Области для киргизъ, при 17 учащихся, и въ с. Камратѣ, Бендерскаго уѣзда, Бессарабской губ. при 60 учащихся.

ТОПОГРАФІЯ СРЕДНЕВѢКОВАГО КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Обзоръ главныхъ сочиненій по исторической топографіи средневѣковаго Константинополя, написанныхъ въ послѣднюю четверть прошедшаго вѣка и въ нынѣшнемъ.

I.

Главныя сочиненія по топографіи средневѣковаго Константинополя, изданныя съ середины XVI в. до послѣдней четверти XVIII в., были разсмотрѣны нами въ статьѣ, которую мы посвятили этому предмету въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1882 годъ [1]). На послѣдней четверти прошлаго столѣтія мы остановились на томъ основаніи, что въ это время возобновлены были спеціальныя работы по описанію древняго и новаго Константинополя. Два первыя по времени сочиненія принадлежатъ: одно—Даллаваю, а другое—Лешевалье.

Намѣреніе Даллавая, по его собственному признанію, состояло въ ознакомленіи его читателей съ тѣмъ, что̀ показалось ему достопримѣчательнымъ въ столицѣ отоманской, въ продолженіе его полуторагодоваго пребыванія въ ней [2]). На этомъ основаніи авторъ по во-

---

[1]) Ч. CCXIX (январская книжка).

[2]) Это подлинныя слова Даллавая, взятыя нами изъ стр. 22 его сочиненія, извѣстнаго намъ по французскому переводу *Морелле:* Constantinople ancienne et moderne et description des côtes et isles de l'Archipel et de la Troade, par *Jacques Dallaway*, traduit de l' Anglais par *André Morellet*. Paris. An VII (то-

просамъ о древностяхъ отсылаетъ читателей къ спеціальнымъ работамъ, при чемъ описываетъ остатки древностей коротко, прибавляя къ готовому кое-что изъ своихъ собственныхъ наблюденій; древностей же, исчезнувшихъ съ лица земли, онъ и не упоминаетъ. Такимъ образомъ у него сжато описаны колонны и обелискъ Ипподрома (стр. 114—117), водопроводъ Валента (183), изъ цитернъ только двѣ (183), Обожженная колонна (187), Маркіанова колонна (188), городская стѣна (193), зданія, обращенныя изъ церквей въ мечети (99—112), и Св. Софія (по поводу которой приведена имъ и литература предмета, 84—99). Краткость описанія древностей входитъ въ планъ всего сочиненія Даллавая; этого нельзя считать упущеніемъ со стороны автора; но полное пренебреженіе пріуроченія описываемыхъ предметовъ къ занимаемой ими мѣстности—это ужь есть недостатокъ, и притомъ коренной. Напримѣръ, при описаніи Обожженной колонны авторъ вовсе не упоминаетъ, гдѣ она стоитъ (187); о положеніи Маркіановой колонны онъ довольствуется сказать, что она возвышается въ маленькомъ саду одного частнаго лица (188). Ему не было надобности пускаться въ новые розыски, но и не слѣдовало упускать указанія, наукой уже дознанныя. Поэтому сочиненіе Даллавая не особенно полезно для историковъ великой столицы. Какъ основанное на личныхъ наблюденіяхъ надъ современными ему предметами, оно было встрѣчено очень одобрительно [1]).

Французъ Лешевалье прожилъ на Воспорѣ 1785 и 1786 года. Изъ его „Путешествія въ Пропонтидѣ и въ Понтѣ Эвксинскомъ" только 3-я часть больше всего относится къ нашему предмету, какъ заклю-

---

есть, 1799). Мы приводимъ страницы по французскому изданію въ четвертку; того же года есть и изданіе въ осьмушку, французское же. Англійскій подлинникъ вышелъ, судя по нижепоименованной статьѣ *Паризо*, въ 1797 г.: посѣтилъ же Даллавай Воспоръ и Малую Азію незадолго передъ тѣмъ. См. *Parisot* въ его статьѣ Dallaway, помѣщенной въ Biographie Universelle, t. 10, p. 46.

[1]) Такъ Паризо въ вышеупомянутой статьѣ приводитъ слѣдующее мнѣніе Кларка о Даллавaѣ: «Le docteur Clarke, dont la réputation comme voyageur était fort grande, déclara que cet ouvrage (сочиненіе, о которомъ мы здѣсь говорили), était le meilleur qu' on eût encore écrit en anglais sur Constantinople». (Biographie Univers., s. Dalloway, T. 10, p. 46). Тамъ же сказано, что между статьями Даллавая находится »dans l'Archéologie (de la société des Antiquaires) une Description des murs de Constantinople (T. 14). Намъ эта статья неизвѣстна. См. сверхъ того отдѣльныя замѣтки о Даллаваѣ, у *Хаммера*, Const. und d. Bosporus I, XII, и у *Скар. Византія* 'Η Κωνστ. I, σ. ιγ'., 471, 561.

чающая въ себѣ описаніе древнихъ памятниковъ Константинополя [1]). Эта 3-я часть, состоящая всего изъ 80 страницъ, представляетъ читателю, знакомому съ прежними трудами, слишкомъ мало новаго и много ошибочнаго (т. I. стр. 83—168). Укажемъ прежде на замѣчанія, по видимому, принадлежащія самому автору, при описаніи стѣнъ (103), цитернъ (стр. 106—108), Валентова водопровода (109—110), Имрхоръ-джами (120), Манганъ (123), Ипподрома (129), дворца Константинова (137), ограды Влангa-бостана (144—145); колонны, нарисованной Беллини (по Лешевалье, это была Θеодосіева, а не Аркадіева (156—159), церкви св. Апостолъ (118). Бѣглыя замѣтки, по видимому принадлежащія самому Лешевальѐ, должны приниматься въ разсчетъ, по нашему мнѣнію, только тогда, когда имѣютъ подтвержденіе въ другихъ писателяхъ. Къ такому убѣжденію привели меня слѣдующія мои розысканія. Вся гл. 1-я (этой 3-й части)—Des régions ou quartiers de Constantinople au tems des romains—состоитъ изъ нѣсколькихъ заимствованныхъ изъ Жиля указаній, не провѣренныхъ и не пополненныхъ, при чемъ и намека нѣтъ на принадлежность Жилю всего содержанія этой главы (впрочемъ, 4 грубыя ошибки не принадлежатъ Жилю). Во 2-й главѣ (той же 3-й части) „О воротахъ“ находимъ сокращенный переводъ на французскій языкъ Дюканжевыхъ отъ 14-й—16-й главъ книги I, съ прибавленіемъ турецкихъ названій воротъ. 3-я глава—полна ошибокъ; тутъ находится и замѣчаніе Лешевалье, что мѣстоположеніе Золотыхъ воротъ есть его открытіе. Не считаю себя достаточно свѣдущимъ, чтобъ объ этомъ произнести сужденіе. Меня поразила слѣдующая фраза Лешевальѐ: „son existence et sa position (то-есть, Золотыхъ воротъ) avoient été long—tems l'objet des recherches du célèbre d'Anville et regardées jusqu' alors comme un problème d'antiquité“. (Lechev. Voy. I, 98). По ссылкѣ Лешевальѐ на р. 747, Т. 35 Mém. de l' Ac. des Belles—Lettres, гдѣ помѣщенъ Mémoire sur l'étendue de Constantinople, Данвиля, я заинтересовался узнать что-нибудь о розысканіяхъ этого ученаго по темному вопросу о мѣстоположеніи Золотыхъ Воротъ. Оказалось, что Данвиль въ указанномъ изслѣдованіи этимъ вопросомъ вовсе

[1]) Voyage de la Propontide et du Pont-Euxin... par *J. B. Lechevalier*, Paris, An VIII (1800). Два тома (стр. въ обоихъ XII, 416). Приложены карты и планы: Мраморнаго моря, Дарданеллъ, Бруссы, Воспора Θракійскаго, Константинополя, Чернаго моря. Предпослѣдняя карта озаглавлена такъ: Carte de Constantinople levée par *F. Kauffer* et *J. B. Lechevalier*. 1786.

не занимается, а упоминаетъ объ этихъ воротахъ лишь мимоходомъ. Оставимъ разборъ слѣдующихъ главъ 3-й части Лешевалье: это для читателя обременительно и безполезно. Скажемъ вообще, что авторъ на каждомъ шагу впадаетъ въ непозволительные промахи и ошибки. Царская цитерна у него къ сѣверо-востоку отъ Св. Софіи (106), между тѣмъ какъ, по Жилю, она отъ Св. Софіи приходилась ad occidentem aestivum. Лешевалье упоминаетъ о монастырѣ Psareleos (I, 108), при чемъ наконецъ-то ссылается на Gyll. 3, 8., у котораго тутъ этого слова нѣтъ, а сказано: templum vulgo nominatum Myreleos. Обитель Мирелейская обозвана была Псарелейскою только по личному кощунству одного изъ иконоборцевъ. Лешевалье увѣряетъ насъ, что въ Октогонѣ „douze jeunes gens étoient élevés par un vieillard qu' on appeloit économe" (I, 133): догадайтесь, читатель, что это οἰκουμενικὸς διδάσκαλος съ двѣнадцатью профессорами [1]). Navalia древней Descriptio и Жиля у Лешевалье оказались naumachies, то-есть, онъ смѣшалъ доки съ тѣми прудами, гдѣ происходили примѣрныя морскія битвы (88) и т. д. Къ нашему предмету, кромѣ 3-й части, относится еще глава 17-я, части 4-й, Des églises grecques, представляющая нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній. Мы полагаемъ, что въ занимающей насъ задачѣ главная заслуга Лешевалье, которую онъ раздѣляетъ съ Кауферомъ, это—составленіе плана Константинополя [2]). Этотъ планъ долго служилъ главною основой при составленіи послѣдующихъ плановъ: Барбье-дю-Бокажемъ, Хаммеромъ, Хеллертомъ, Скарлатомъ Византіемъ, дополнявшими и исправлявшими планъ Лешевалье и Кауфера [2]). Извѣстно, что Порта не допускала

---

[1]) Впрочемъ, этому главному учителю не повезло и у *Хаммера*: онъ пишетъ, что въ дворцовой библіотекѣ «wohnte der [Professor *Oikonomicus* (der älteste Professor der *Oekonomie* indem höheren philosophischen Sinne) sammt zwölf Custoden seinen Schülern in der Philosophie welche die eigentliche Oekonomie des Lesens ist». И вѣдь это выписано изъ Constantinopel und der Bosporus *Хаммера* (I, 261—262), а не изъ Jardins des racines grecques и не изъ Тысячи и одной ночи.

[2]) О Кауферѣ Андреоси говоритъ: «On lui doit un plan de Const. qu' il ne serait plus possible de refaire aujourd' hui (въ 1818 г.) et une carte très imparfaite du Bosphore qui ne renferme que le littoral, encore y-a-t-il, des omissions, et la topographie du terrain n' y est point exprimée: les seuls endroits bien traités sont, les environs de Péra». (Voyage, par *Andréossy*, 1818. См. стр. 318). Не знаемъ, о какихъ картахъ толкуетъ здѣсь Андреоси: о тѣхъ ли, которыя составлены Кауферомъ вмѣстѣ съ Лешевалье? Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ умалчиваетъ

съемокъ въ предѣлахъ своего господства; но тогдашній французскій посланникъ при Портѣ, Шуазель-Гуфье, извѣстный своею ревностью къ археологіи, пользуясь своимъ вліяніемъ, одолѣлъ всѣ препятствія (171) [1]). На планѣ, о которомъ идетъ рѣчь, изображены преимущественно сооруженія и мѣстности новыя; древнихъ же означено очень мало; но такъ какъ новыя пріурочены несравненно точнѣе и подробнѣе, чѣмъ на прежнихъ планахъ, то этимъ самымъ облегчено было на будущее время и пріуроченіе мѣстъ и построекъ древнихъ. Но, какъ мы уже показали, достоинствамъ плана далеко не соотвѣтствуетъ достоинство того сочиненія, къ которому онъ приложенъ,— по крайней мѣрѣ въ его историко-археологическихъ частяхъ.

Недовѣріе наше къ авторитету Лешевальѐ еще больше возросло, когда мы замѣтили, что восемь главъ сряду въ его второй части переведены имъ въ сокращеніи, съ латинскаго языка на французскій, изъ Жилева De Bosporo Thracio, при чемъ нѣтъ и намека о томъ, что все это—чужое добро. Даже мысли и ощущенія своего великаго соотечественника нагло приписываетъ онъ себѣ [2]).

о послѣднемъ? Или же есть другія самостоятельныя карты Кауфера? Лабартъ для своихъ работъ пользовался подлиннымъ планомъ Константинополя, снятымъ Кауферомъ въ 1770 г., провѣреннымъ и пополненнымъ послѣднимъ въ 1786 г. (*Labarte*, Le palais Impérial, p. 11 и planche 1-re). Лабартъ нашелъ этотъ планъ Константинополя во французскомъ депо морскихъ картъ—portefeuille 98 bis, 8 division, pièce 9-e. Что означало бы это молчаніе Андреоси и Лабарта объ участіи Лешевальѐ? И Унгеръ утверждаетъ о себѣ, что онъ держится плана Константинополя, предпринятаго Кауферомъ въ 1776 г., и при пользованіи астрономическихъ наблюденій Тондю (Tondu) (въ Ѳерапьяхъ 1785 г.), исправленнаго и, распространеннаго въ 1786 г., обнародованнаго въ *Melling*, Voyage pittoresque de Constantinople (Paris 1819).

[1]) Отъ Шуазеля-Гуфьѐ не осталось никакихъ серьезныхъ работъ по исторической топографіи Константинополя. Что касается до тѣхъ параграфовъ его путешествія по Греціи, гдѣ онъ пишетъ о топографіи Конст., его стѣнахъ, воротахъ, холмахъ, раздѣленіи на регіоны, то они не имѣютъ никакого научнаго достоинства (Voyage pittoresque de la Grèce, par *Choiseul-Gouffier*. Paris. 1782—1822. Въ 3 томахъ). См. упомянутые параграфы въ т. II, на стр. 459—479.

[2]) Вотъ доказательства:

Lechevalier, Voyage, p. 48:	*Gyllius*, De Bosporo Thracio, I, 4, p. 265 Band.
J'ai souvent observé les flots rejetés de la pointe du sérail jusqu'au promontoire d' Effendi Bouroun, et là se former	Vidi etiam reflante vento rejectos fluctus a promontorio Bosporio per vertices ferri ad Estias, versus promonto-

Несмотря на то, Лешевальѐ считался однимъ изъ лучшихъ руководителей для путешественниковъ, осматривающихъ Константинополь и его окрестности. Объяснить ли это его работами по съемкѣ и плану? Или онъ умѣло описалъ новыя зданія? То и другое пусть рѣшатъ судьи по праву.

Мы вступаемъ въ XIX вѣкъ. Въ первой же его четверти жили трое ученыхъ, посвятившихъ изученію Константинополя очень много времени и труда: это Андреоси, Хаммеръ и патріархъ Константій. Изъ нихъ первый по времени, Андреоси, прикасается къ нашему предмету только лишь съ одной стороны. Что касается двухъ другихъ — топографія столицы входитъ въ ихъ программу.

Сочиненіе французскаго инженера Андреоси „Путешествіе къ устью Чернаго моря", изданное въ 1818 г., хотя сообщаетъ и не много данныхъ, пригодныхъ для нашей цѣли, но за то эти немногія данныя отличаются и новостію, и самостоятельностію. Оставляя въ сторонѣ книгу первую „О Босфорѣ Ѳракійскомъ", мы обратимся къ 2-й книгѣ, гдѣ изслѣдована та часть Ѳракійской дельты, которая ограничена оконечностію Балкана, Босфоромъ и Мраморнымъ моремъ, и которая охватываетъ систему водъ, снабжающихъ Константинополь [1]). Въ этой второй книгѣ насъ занимаютъ существенные вы-

---

une lutte affreuse entre les eaux qui tendoient à descendre et celles qui tendoient à remonter.

Lechev., Voyage p. 58:

Denis de Byzance raconte que les écrevisses de mer ne pouvant le surmonter (то-есть, мыса Akindi-Bourou), se rendoient par terre jusqu'à son origine, et qu'à force de marcher à travers les rochers elles y avoient creusé leur route. Ælien confirme le même fait, qui n' a après tout rien d'incroyable, puisque les fourmies elles-mêmes à la longue creusent aussi les rochers.

Сравни еще о бухтѣ Фармакійской (=Ѳерапійской) Lechev. Voy. p. 61 и Gyll. ib., II, 16, p. 299 (и 297 гдѣ о Медеѣ).

rium, ubi colluctatio quaedam verticosa videtur contrariorum fluctuum, aliorum descentium (читай: descendentium) aliorum ascendentium.

Gyll. Ib., II, 11, 289 B.

Demonstrantur autem quaedam semitae, impressiones in saxis cancrorum marinorum pedestri itinere rapidissimum fluxum praetereuntium. Haec quidem Dionysius recte narrat. Vidi ipse ibi saxa attrita longo cancrorum excursu; ac si non vidissem, a vero remotum non existimassem, cancrorum forcipibus duris posse atteri saxa, cum assiduo pedum attritu formicas excavare silices, viamque facere videamus. Quae de concrorum itinere terrestri Dionysius scribit, Ælianus confirmat и т. д.

[1]) *Andréossy*, Voyage à l' embouchure de la mer Noire, ou Essai sur le Bosphore et la pa io du delta de Thrace, précédé de Considérations générales sur la

воды, сдѣланные Андреосси по поводу изученія имъ системы водоснабженія, ибо этимъ изученіемъ положено основаніе болѣе осмысленному пониманію причинъ, почему именно наружнымъ и подземнымъ водопроводамъ сообщено было то или другое направленіе, и почему разныя гидравлическія сооруженія и многочисленные водоемы города занимаютъ то или другое мѣсто. Водоснабженіе Константинополя происходитъ посредствомъ сооруженій, которыхъ приспособленіе до времени Андреосси едва было замѣчено. Весьма важно то, что упомянутыя сооруженія представляютъ собою одно стройное цѣлое. Изъ ключей, помѣщающихся къ сѣверо-западу отъ столицы въ разныхъ разстояніяхъ, не дальше однако 6-ти лье, собирается вода въ водохранилища (бендè); изъ этихъ послѣднихъ вода проведена черезъ трубы при посредствѣ башенокъ, имѣющихъ видъ усѣченныхъ конусовъ (сутеразй) до водоема Эгри-капу. Этотъ водоемъ принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ **таксимовъ**, то-есть, заключаетъ въ себѣ множество неодинакой ширины отверстій, сквозь которыя вода распредѣляется въ разныя стороны [1]).

Таксимъ Эгри-капу находится за городомъ близъ сухопутной стѣны, у тѣхъ воротъ, отъ которыхъ получилъ онъ свое имя. Ворота Эгри-капу суть самыя сѣверныя въ сухопутной стѣнѣ. Изъ этого таксима воды направлены въ различные участки столицы (Andréossi, p. 199—200). Отсюда тянутся каналы со сводами (conduits voûtés), одинъ къ таксиму Святой Софіи, другой черезъ ворота Адріанопольскія къ Нарликапу, что̀ на Мраморномъ морѣ близъ Семибашеннаго за̀мка. Каналъ,

---

géographie physique, avec un atlas composé d'une carte nouvelle du Bosphore et du canal de la mer Noire, et de plusieurs autres nouveaux dessins, par M. le Comte *Andréossy*, lieutenant-général d'artillerie, ancien ambassadeur... Paris, 1818. Къ сожалѣнію, атласа, приложеннаго къ путешествію Андреосси, мы не могли найдти въ тѣхъ библіотекахъ, въ которыхъ разсматривали самое сочиненіе. Андреосси въ этомъ сочиненіи упоминаетъ о «carte topographique du Bosphore et des environs de Constantinople, levée en 1813 et 1814 sous ma direction par M. M. *Thomassin* et *Vincent*, capitaines de génie, et M. *Moreton de Chabrillan*, cap. d' artillerie... C'est la seule carte qui existe. Jusque-là les environs de Constantinople et du Bosphore, à une certaine distance n'avoient pas été explorées et son hydrographie n' étoit pas plus connue que sa topographie» (p. 305—306).

[1]) Такъ опредѣляетъ Андреосси tacsim. Скарлатъ Византій переводитъ это турецкое слово греческими νυμφαῖον и ὑδρονομεῖον. Ср. I, 542 и II, 73. (На послѣдней стр. онъ описываетъ таксимъ Перы). См. прим. 1 къ стр. 10 въ нашей первой статьѣ, *Ж. М. Н. Пр.*, ч. CCXIX. отд. 2. О сутеразй *Andréossy*, Voyage, 181 и дал. и 330. О бендè—тамъ же 209, 303.

по которому вода несется изъ таксима Эгри-капу къ таксиму Святой Софіи, доставляетъ воду тому склону, который направляется къ порту (Золотому Рогу), а также и одной части того склона, которая ведетъ къ Мраморному морю, черезъ посредство таксима Ат-базарскаго, промежуточнаго между таксимами Эгри-капускимъ и Свято-Софійскимъ. Таксимъ Ат-базарскій соотвѣтствуетъ Валентову водопроводу, къ которому онъ близокъ. Этотъ таксимъ помѣщается на 16 метровъ ниже верхней части Валентова водопровода: такимъ образомъ, эти двѣ постройки принадлежатъ къ двумъ совершенно отдѣльнымъ водоснабженіямъ (тамъ же, стр. 200). Бо́льшая часть писателей, къ которымъ надо отнести и Жиля, котораго другіе списывали, предполагаютъ, что водопроводъ Валентовъ принимаетъ въ себя воды, приводимыя изъ Бѣлграда; но это явная ошибка (Andréossi., p. 201)... Длина остатковъ, сохранившихся отъ Валентова водопровода, 314 туазовъ, а вышина 70 футовъ (pieds). Можно предположить, что это зданіе имѣло нѣкогда по крайней мѣрѣ 600 туазовъ въ длину (233). Число водопроводовъ, устроенныхъ въ столицѣ при Константинѣ, было достаточно до времени ея распространенія, особенно до покоренія ея мусульманами, которымъ такъ нужна вода для ихъ омовеній. Еще со времени императоровъ, а потомъ султановъ, почувствовалась необходимость искать другихъ ключей и найдти легкій способъ провести ихъ воды въ столицу. Это-то и побудило къ устроенію водоснабженія посредствомъ сутеразй. Въ этихъ сооруженіяхъ замѣтно менѣе величія, нежели въ римскихъ, но они представляютъ больше простоты, обличаютъ больше тонкости ума... (245—246). Греки Аргирокастра сохранили со временъ очень отдаленныхъ, по преданію, переходившему отъ отца къ сыну, — водопроведеніе посредствомъ сутеразй [1]). Впослѣдствіи Турки стали имъ въ этомъ подражать, но они примостились къ этому дѣлу больше для пользованія доходными мѣстами, чѣмъ для производства большихъ построекъ (стр. 246). При Греческихъ императорахъ разныя системы проведенія воды въ Константинополѣ дополнялись употребленіемъ цитернъ (247). То были просто водоемы, одни подъ сводами, другіе подъ открытымъ небомъ. Послѣдніе теперь называются чокуръ-бостанами, то-есть, садами въ углубленіи, по-

---

[1]) Андреосй говоритъ о sou—ioldji (corps des fontainiers), что они занимаются устроеніемъ всѣхъ гидравлическихъ сооруженій; дѣло это они очень хорошо знаютъ; у нихъ нѣтъ теоретическихъ началъ, но они держатся устнаго преданія (*Andréossy*, Voyage... ср. стр. 242 и 330).

тому что и на самомъ дѣлѣ днища ихъ обращены въ сады (248). Нельзя допустить, чтобы воды, остававшіяся въ цитернахъ, въ запасѣ, происходили отъ дождей: количество выпадающей каждогодно дождевой воды въ Константинополѣ слишкомъ незначительно для ихъ наполненія. Цитерна Ере-батан-серайская, единственная изъ всѣхъ городскихъ цитернъ, удержавшая свое первобытное назначеніе, принимаетъ въ себя текучія воды, прибывающія извнѣ: аналогія ведетъ къ заключенію, что и прочіе водоемы снабжены были такимъ же способомъ (248—249). Древнія цитерны Константинопольскія были размѣщены съ большимъ умомъ по ихъ отношенію къ формамъ земли и къ назначенію самихъ цитернъ. Онѣ занимали мѣстности, господствующія надъ другими, и были распредѣлены по разнымъ участкамъ столицы (263). Въ подтвержденіе этого Андреосй даетъ краткій обзоръ 10 главныхъ цитернъ (263—265). Подробное описаніе каждой изъ нихъ находится нѣсколько выше (247—263). Изъ числа ихъ та, которая примыкаетъ къ мечети султана Селима, описана имъ первымъ (256—257).

Изъ вышеприведенныхъ выписокъ нашихъ можно замѣтить, какими вѣскими научными пріобрѣтеніями обогатилъ топографію Византіи Андреосй. Такихъ пріобрѣтеній нельзя было ожидать ни отъ археологовъ, ни отъ путеописателей: нужно было, чтобы въ столицу невѣжества явился такой человѣкъ, который обладалъ бы полнымъ и глубокимъ знаніемъ физическаго строенія земли и законовъ статики. Такимъ и былъ Андреосй, который еще въ 1800 г. издалъ свою „Исторію Южнаго канала“. Путешествіе же, насъ занимающее, представляетъ шагъ впередъ не по одной только точности своей и не по одному только пріуроченію стараго къ новому, но преимущественно потому, что разъяснило систему распредѣленія водъ. Добытые имъ факты обыкновенно повторяемы были въ сокращеніи послѣдующими учеными. Перейдемъ къ его современникамъ.

Въ продолженіе почти всей первой четверти нашего столѣтія собирали свои матеріалы для описанія стариннаго и новаго Константинополя два ученые: Вѣнскій оріенталистъ Іосифъ Хаммеръ и архіепископъ Синайскій, въ послѣдствіи патріархъ Новаго Рима, Константій.

Трудъ Хаммера, подъ заглавіемъ „Константинополь и Босфоръ“, обнародованный въ 1822 г., состоитъ изъ двухъ томовъ [1]). Первый

[1]) Constantinopolis und der Bosporos örtlich und geschichtlich beschrieben von *Jos.* von *Hammer*. Mit 120 griechischen, lateinischen, arabischen, persischen und

изъ нихъ раздѣляется на шесть главъ: 1) мѣстоположеніе и окрестности; 2) климатъ; 3) произведенія природы; 4) объемъ и раздѣленіе; 5) площади и улицы, храмы и памятники, древніе и новые дворцы; 6) зданія общественныхъ учрежденій. Во второмъ томѣ находимъ описаніе окрестностей Константинополя и Воспора, главу о жителяхъ столицы и, въ видѣ приложенія, подробное описаніе процессій, совершаемыхъ цехами, переведенное съ турецкаго языка, изъ Евліи (Ewlia). Первыми тремя главами тома перваго и всѣмъ томомъ вторымъ намъ заниматься здѣсь не мѣсто. Въ остальныхъ трехъ главахъ перваго тома при описаніи мѣстностей и сооруженій разказано очень много событій изъ исторіи города въ византійскую и турецкую эпоху. Авторъ знакомъ съ этими событіями не только по прежнимъ разработкамъ старинныхъ знатоковъ, но и по источникамъ греческимъ, западнымъ и восточнымъ, приводимымъ въ выпискахъ и ссылкахъ. Многое описываетъ онъ какъ самовидецъ, напримѣръ, Серай султанскій, Эски-Серай, Семибашенный замокъ. Послѣднее сооруженіе онъ едва-ли не первый подробно описалъ [1]). Но описанія и разказы, о которыхъ мы упомянули, мало вносятъ данныхъ для разъясненія старинной топографіи, а потому мы не станемъ ихъ разбирать.

Прежде всего отмѣтимъ одно большое затрудненіе, въ которое поставленъ читатель самымъ распредѣленіемъ содержанія книги. Топографическія главы, то-есть, 4-я, 5-я и 6-я, разбиты на 57 параграфовъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ всѣ однородные предметы собранными во едино (кромѣ 10 параграфовъ, посвященныхъ, каждый, одному предмету).

Когда въ одной главѣ описаны городскія стѣны (19-я), въ дру-

türkischen Inschriften, dem Plane der Stadt Constantinopol und einer Karte des Bosporos, BB. 2. Pesth, 1822. 8° (XXVIII, 626, LXXII; 534, LXXIV). Заглавіе плана: Plan von Constantinopel und seinen Vorstädten diesseits und jenseits des Bosporos geometrisch aufgenommen im J. 1776 berichtigt und vermehrt im J. 1786 von *Fr. Kauffer*, Ingenieur bey der französischen Gesandschaft des Grafen Choiseul Gouffier mit neuen Zusätzen von *J. D. Barbié du Bocage*. 1821. Pesth;, bei C. A. Hartleben. Надписей приведено 29 греческихъ и 7 латинскихъ (I ст. III—XVI). Въ предисловіи къ этому труду Хаммера онъ знакомитъ читателей съ прежними трудами топографовъ и путеописателей о Константинополѣ и Воспорѣ (стр. XI—XXVII). Этимъ интереснымъ библіографическимъ опытомъ мы пользовались какъ указателемъ.

[1]) *Hammer*, Const. u. d. B. I, 620—626.

гой городскія ворота (20-я), въ третьей (21-я) гавани, въ четвертой (58-я) водопроводы и тому подобное,—то такое размѣщеніе удобно, потому что стѣны представляютъ цѣлую систему строеній; подобное можно сказать и о воротахъ, гаваняхъ, водопроводахъ. Но попытайтесь въ этомъ лабиринтѣ, называемомъ столицею султановъ, розыскать въ одной главѣ площади каждую отдѣльно (гл. 22-я), въ другой—улицы (24-я), тоже каждую отдѣльно, въ третьей (34-я)—султанскія мечети, также всѣ по одиночкѣ, греческія церкви (37-я), каждую порознь, и тогда вы увидите, что сколько отдѣльныхъ предметовъ, столько же надо сдѣлать отдѣльныхъ скачковъ. Это затрудненіе такое же, какое мы видѣли и въ книгѣ Дюканжа; но въ Дюканжѣ оно происходило отъ недостатка личнаго знакомства его съ описываемыми предметами и отъ неимѣнія хорошаго плана, чего нельзя сказать въ оправданіе Хаммеру.

Этотъ способъ раздробительнаго изображенія топографическихъ данныхъ, къ счастію, не помѣшалъ автору дать читателямъ и обобщенныя обозрѣнія. Такъ, по поводу описанія Золотыхъ воротъ онъ ведетъ читателей по тѣмъ мѣстностямъ столицы, по которымъ проходили цари Византійскіе вмѣстѣ съ высшими чинами, при возвращеніи изъ походовъ. „Процессія шла", пишетъ онъ,—„черезъ Троянскіе портики (помѣщавшіеся близъ Золотыхъ воротъ внутри города) къ Сигмѣ (бухтѣ, что̀ при Псаматія-Капуси), отсюда налѣво вверхъ къ Ексакіонію (котораго имя сохранилось еще въ нынѣ стоящей тамъ мечети Екси-Мармара), отсюда къ Фору Аркадія или Ксиролофу, нынѣ Авретъ-базари, то-есть, женскій рынокъ [1]) (гдѣ еще стоитъ стилобатъ Аркадіевой побѣдной колонны), къ Фору Быка (Forum Bovis) (на площади цитерны Бодрунъ-Джамиси), къ Капитолію и Филадельфамъ, которые оба вблизи Фора Θеодосьева или Фора Тавра (Forum Tauri) (нынѣ Таукъ-базари или куринаго рынка (Hühnermarkt) къ Артополіямъ, то-есть, пекарнямъ, вблизи Фора-Константинова (площади, что у „Обожженной колонны" [2]). Здѣсь, у церкви Богоматери, стоявшей на этой самой пло-

[1]) Авретъ-базари или женскій рынокъ получилъ это названіе потому, что до самаго Абдулъ-Меджида на немъ происходилъ торгъ невольницами.

[2]) *Hammer*, Const. u. d. B. I, 114. Сравни съ вышеприведенною выпиской еще его же о Псаматія-Капуси 116, объ Екси-Мармара 385, объ Авретъ-базари 181, 184, о Forum Bovis 463, 471, о Forum Tauri 170, 184, о Forum Constantini 160.

щади, всѣ спѣшивались, разоблачались, и предшествуемые инсигніями, продолжали, чрезъ Золотой Мильный Показатель, стоявшій у самаго Августея (Augusteon) (это собственно площадь зáмка, между Святой Софіей и Сераемъ) путь свой въ церковь Святой Софіи, откуда входили въ большой дворецъ" [1]. „Эта процессія", продолжаетъ Хаммеръ,—„которая шла черезъ всѣ четыре городскіе фора (Θеодосьевскій, Аркадіевскій, Константиновскій и Августовскій), опредѣляетъ съ достовѣрностію (bestimmt mit Gewissheit) многіе пункты, которыхъ не могъ доискаться Дюканжъ, въ особенности положенія Евксионія, чѣмъ ставится предѣлъ древней городской стѣны, предѣлъ Forum Bovis, котораго названіе удержалось въ Bodrum (Βοῦ), Капитолія и Филадельфія, которые, должно быть, стояли тамъ, гдѣ нынѣ казармы Янычаръ" [2]). Приводя эти выписки изъ Хаммера, мы имѣли въ виду остановить вниманіе читателей на замѣчательномъ стараніи автора пріурочить къ новымъ мѣстностямъ и названіямъ то знаменательное шествіе, которое извѣстно было ему изъ источниковъ. Нельзя не быть ему благодарнымъ за такую заслугу. И едва ли, въ его время, кто-нибудь изъ ученыхъ, кромѣ патріарха Константія, могъ представить такую картину. О болѣе раннихъ ученыхъ, я думаю, нечего и говорить. Но рядомъ съ рѣдкою начитанностію и съ похвальнымъ прилежаніемъ, находимъ въ ней непростительные для ученаго пріемы. Въ предыдущихъ выпискахъ упомянуты Forum Bovis и Forum Tauri: остановимся на нихъ.

Хаммеръ относитъ Forum Bovis (Ochsenplatz) къ мѣсту, гдѣ нынѣ Будрунъ-джамиси, котораго имя произошло, какъ онъ говоритъ, отъ Βουδρομος (такъ и напечатано!), древняго имени этой площади (ср. т. I, стр. 178 и 114). Пробѣгая это объясненіе, читатель невольно подумаетъ, что автору, кромѣ древняго названія этой площади, Βοῦς, извѣстно еще древнее имя ея—Βουδρομος [3]), или, по меньшей мѣрѣ, что ему извѣстно слово Βουδρομος. Однако ни о пло-

---

[1]) *Hammer*, Const. I p. 114—115.

[2]) Тамъ же въ прим. 1 къ стр. 115 (т. I), гдѣ ссылка на Constant. Porphyrog. p. 289.

[3]) Такъ, по видимому, и понимаетъ Хаммера, черезчуръ преданно слѣдующій по стопамъ его, составитель статьи Constantinopel (у *Эрша* и *Грубера* когда пишетъ: «Der Name des Platzes (Βοῦδρομος) (такъ!) hat sich in dem Namen der hier gelegenen Moschee (Budrun dschamissi)... erhalten». (Примѣч. 38 къ стр. 131 тома XIX, въ Allgemeine Encyclopädie von *Ersch* u. *Gruber*). Ту же ошибку повторяетъ за Хаммеромъ и Унгеръ, какъ показано будетъ ниже.

щади этого имени, ни о такомъ греческомъ словѣ никто и не слыхивалъ. Хаммеръ придумалъ греческое слово для объясненія названія турецкой мечети, и все это потому, что его соблазнило какое-то созвучіе. Этого созвучія для него было довольно для пріуроченія древней площади къ вовсе не подходящей мѣстности. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, былъ древній Βοῦς? Изъ древней „Описи градскихъ регіоновъ" (Descriptio regionum Urbis) извѣстно только, что площадь эта лежала въ XI-мъ регіонѣ, а этотъ регіонъ примыкалъ къ среднимъ частямъ сухопутной стѣны; къ какой сторонѣ этого регіона относился Βοῦς, изъ Описи не видно [1]): мечеть же Будрунъ, занимающая мѣсто древняго Мирелея, высится на с.-в. отъ садовъ Вланги, слѣдовательно ужъ никакъ не въ XI регіонѣ [2]). И такъ у автора на первомъ планѣ здѣсь не топографическія соображенія и не этимологія, а одно случайное подобозвучіе βοῦς и „будрунъ"; показаніе же древней Описи даже на видъ не поставлено; полное недоумѣніе осторожныхъ Жиля и Дюканжа относительно ближайшаго опредѣленія Βοός въ предѣлахъ, указанныхъ описью, его не смутило [3]),

---

[1]) *Gyllii* C. T. IV, 2. p. 410 ed. *Bandurii*: «Bos aereus in Undecima Regione fuit: sed in qua parte, conjicere possumus ex magna Cisterna, quam recentes historici tradunt conditam fuisse prope Bovem aereum a Niceta Eunucho temporibus Theophili Regis, si haec extaret; aut *si non extat*, ejus nomen retineretur: aut si Forum extaret, quod nonnulli scriptores appellant Bovis Forum». Въ изданіи Эльзевировскомъ подчеркнутое здѣсь *non* пропущено, чѣмъ и отнятъ надлежащій смыслъ словъ Жиля. *P. Gyllii* de Const. Top. Lugd. Batav. Ex officina Elzeviriana, Anno 1632. На стр. 279: «aut *si extat* ejus nomen retineretur».

[2]) См. въ первой статьѣ нашей Топографія средневѣк. Константинополя, стр. 15 и пр. 3, въ *Ж. М. Н. Пр.* Ч. CCXIX, Отд. 2.

[3]) Дюканжъ, какъ и Жиль, пишетъ, что *Bos aereus* стоялъ въ XI регіонѣ, на основаніи «Описи» (Descriptio); что отъ этой вещи и самый форъ названъ Βοός (*Ducang*. C. C. I, 14, 11, p. 82).—О названіи «Будрунъ» Паспати пишетъ (въ Βυζαντ. Μελετ. 335): «Сеид-Али говоритъ, что эта мечеть, нѣкогда церковь, называется Будрумъ-джамія, отъ находящихся подъ нею подваловъ»; а въ прим. 8-мъ тамъ же Паспати прилагаетъ и справку: Μπεδρούμ, ὑπόγειον (будрумъ значитъ подземелье, подвалъ), Ἀβρ. Μαλιάκα, Λεξικ. Τουρκικόν. Дальше Паспати сообщаетъ свѣдѣніе Жиля и этимологію Хаммера. Своей критики въ этомъ случаѣ Паспати не прилагаетъ. У Біанки же я нашелъ: «*podrom* (du hongrois) cave à vin». *Bianchi* et *Kieffer* Dictionnaire Turc-Français I, 397, ed. 2. Paris, 1850. Считаемъ нужнымъ привесть все мѣсто изъ *Хаммера*, Constant. I, 179: «Heute hat sich der Nahme des alten Platzes (βούδρομος) im dem Nahmen der hier gelegenen *Moschee* und *Cisterne* erhalten, *Budrun-dschamissi* und *Budrun-sahrnidschi*,

Въ вышеприведенномъ обобщеніи кромѣ Forum Bovis упомянутъ Forum Tauri, который Хаммеръ отожествляетъ съ нынѣшнимъ Taukbasari, Hühnermarkt (т. I, стр. 114, 126, 170, 184). Вотъ что̀ сказано на страницѣ 170, гдѣ онъ старается пріурочить Forum Tauri (= F. Theodosianum) къ нынѣшней обстановкѣ: Бо̀льшую часть этого древняго... форума занимаетъ старый Серай, необстроенную доселѣ часть его (то-есть, древняго форума) Куриный рынокъ (der Hühnermarkt), который напоминаетъ Бычачью площадь (= der Stierplatz) созвучіемъ турецкаго Tauk съ латинскимъ Taurus" (ср. эту стр. 170 съ 322 [1]).

Мы не оспориваемъ пріуроченія Forum Tauri отчасти къ Старому Сераю (= Эски-Серай); оно подтверждается приблизительно и позднѣйшими работами; мы выдвигаемъ опять страсть къ созвучіямъ, ведущую къ путаницѣ. Подъ Таукъ-базаромъ, начиная съ Жилля, обыкновенно разумѣютъ Константиновскую площадь, а не Θеодосіевскую [2]). Если же Хаммеръ нашелъ, что и Θеодосіевскую площадь кто-либо въ его время называлъ „Куриною", то долженъ былъ оговорить, что это другая площадь, именуемая тоже Куриною, отличная отъ той, которая извѣстна другимъ. Таковы замѣченные нами въ вышеприведенной выпискѣ недостатки. И все же въ томъ освѣщеніи, которое даетъ Хаммеръ описанію процессіи, нельзя не видѣть заслуги для топографіи средневѣковой эпохи.

Вообще Хаммеромъ подобрано много новыхъ названій разныхъ мѣстъ и сооруженій; эти турецкія названія приводитъ онъ въ нѣмецкой транскрипціи съ переводомъ ихъ значенія. Пріуроченіемъ новыхъ названій къ старымъ Хаммеръ значительно раздвинулъ прежнее количество свѣдѣній, а мѣстами прежнія данныя исправилъ. Нельзя не обратить вниманіе на то, что его списокъ мечетей и церквей

---

und von der letzten scheint das Wort *Bulrun* dann zu Constantinopel überhaupt als ein Gemeinnahme tiefer Gründe und gesenkten Bodens gang und gäbe geworden seyn». Пусть судятъ знающіе.

[1]) Приводимъ изъ подлинника: «*Forum Tauri* oder *Theodosiacum* heute *Taukbasari*. Einen grossen Theil dieses alten... Forum's nimmt das alte Serai, den noch unbebauten Theil desselben der *Hühnermarkt*, ein, der an den *Stierplatz* durch die Assonanz des türkischen *Tauk* mit dem lateinischen *Taurus* erinnert». Hammer, Const. I, 170.

[2]) См. въ прежней статьѣ нашей стр. 9 и 10, *Ж. М. Н. Пр.* часть CCXIX, Отд. 2, гдѣ ссылки на *Gyll.* C. T. I, 8, 9; III, 2, 3, 6, и на *Скарлата Византія*, I, 427—435, 411, 419, 422, 424.

гораздо обширнѣе, чѣмъ прежніе. Къ сожалѣнію списокъ этотъ далеко не отчетливъ. По описаніи мечетей (I, 335 — 446) и христіанскихъ церквей (I, 446 — 471), Хаммеръ прибавляетъ на стр. 471: „Nachdem wir nun die vorzüglichsten Moscheen und Kirchen durchgegangen, wollen wir die byzantinischen, die noch heute als Moscheen oder Kirchen nachgewiesen werden können, hier zusammenstellen. Положимъ, что церкви, при которыхъ стоитъ турецкое имя съ прибавкой „джамиси“, сами за себя говорятъ: это—мечети; но что подумаетъ читатель о Сергіѣ и Вакхѣ, когда прочтетъ послѣ вышеприведенной выписки слова: A. Σεργιου και Βαχχου der Heiligen Sergius und Bacchus (klein Aja Sofia [1])? Церковь ли это, или мечеть? Что подумаетъ читатель, когда прочтетъ: A. Ιρενης der heil. Irene (im ersten Hofe des Serais)? Это, конечно, не церковь, догадается читатель, потому что она въ оградѣ Серая; но онъ можетъ принять ее за мечеть, хотя это и не мечеть. Далѣе: которыя изъ названій списка относятся къ церквамъ еще существующимъ, въ видѣ церквей, и которыя изъ названій принадлежатъ къ церквамъ не существующимъ ни въ видѣ церквей, ни въ видѣ мечетей? Читатель, желающій рѣшенія подобныхъ вопросовъ, долженъ отыскивать отвѣты на нихъ не только въ главахъ о церквахъ и мечетяхъ, на протяженіи 136 страницъ, но и въ другихъ мѣстахъ сочиненія, а это, при отсутствіи указателя, очень затруднительно.

Вышеприведенныя замѣчанія наши достаточно показываютъ хо-

---

[1]) Хаммеръ съ трудомъ добился возможности видѣть внутренность мечети Кучукъ-ая-Софья (бывшей церкви Сергія и Вакха), которую и описалъ (I, 375—378 и прим. 1 къ 378). На фризѣ читается надпись изъ 12 греческихъ героическихъ стиховъ, приведенная Хаммеромъ въ прилож. къ I тому на стр. XII—XIII. До Хаммера она была извѣстна лишь по копіи, снятой Николаемъ Алеманомъ изъ одной Ватиканской рукописи, и издана имъ въ его примѣчаніяхъ на «Тайную Исторію» Прокопія Кесарійскаго Procopii Caes. Hist. Arcana, ed. Paris. 136, ed. Bon. 124). Затѣмъ приводившіе эту надпись ученые постоянно печатали ее согласно съ текстомъ Алемана. Но Хаммеръ издалъ ее 1822 г. *въ другомъ видѣ* на стр. XII и XIII перваго тома своего Константинополя, и поддерживалъ вѣрность своего чтенія и въ 1855 г. въ *Извѣстіяхъ Вѣнской Акад. Наукъ*. Чтеніе Хаммера имѣетъ предпочтеніе, судя по оттиску, сдѣланному въ самой Малой Софьѣ Детьѐ и приложенному къ его статьѣ: Fac-simile der Inchrift in der kleinen Hagia Sophia zu Konstantinopel. (Ср. *Sitzungsberichte der philosophisch-hist. classe d. Kaiserl. Ak. d. Wiss. Wien*, T. XV, 1855., гдѣ статья Хаммера о книгѣ Зальценберга, и въ тѣхъ же *Извѣстіяхъ*, гдѣ статья *Детье*, томъ XVII, 1858 г.). Главное разночтеніе во 2-мъ стихѣ: читай ανονητος, а не ανοητος.

рошія и дурныя стороны разбираемаго сочиненія по отношенію къ исторической топографіи. Теперь для, большей отчетливости, послѣдуемъ порядку, принятому авторомъ. По описанію стѣнъ города, повторяя вкратцѣ за Дюканжемъ тѣ историческія событія, которыхъ воспоминаніе съ ними связано, онъ нѣсколько дополняетъ ихъ фактами изъ эпохи турецкой [1]) (стр. 79,I).

Поименовывая городскія ворота своего времени, Хаммеръ упоминаетъ и о старинныхъ названіяхъ большею частію согласно съ прежними описателями. Догадки, высказанныя авторомъ о разныхъ исчезнувшихъ. воротахъ во Влахернахъ, не имѣютъ никакого научнаго значенія, потому что не опираются ни на свидѣтельства, ни на какіе либо доводы (I, 105). Спорныя ворота Quinti (Quinta) Хаммеръ помѣщаетъ между Edrene-kapussi (Адріанопольскими) и Top-kapussi (Романовскими) (I, 108—9) [2]). При описаніи старыхъ портовъ и пристаней авторъ представляетъ нѣсколько турецкихъ ихъ названій. Онъ пытается исправить Дюканжа (I, 121—126). Вотъ одно изъ его замѣчаній: „Du Cange der nicht wusste, dass Kadriga Limani in Konstoscale liegt vervielfältigt irriger Weise die Häfen, indem er aus dem von Kontoscale, dem julianischen und dem bucoleonischen drey verschiedene macht, da dieselben doch nur einer und derselbe sind. S. Du Cange I, 19“. Ср. Hammer I, 123—124. Но не думаемъ, чтобъ эту тожественность можно было считать дознанною. Слич. Lechevalier, ч. III, гл. 13; Константій I, гл. 6; Скарл. Византій I, 268; Паспати кн. I. гл. 5; карту Spruner'а (Das Byzantinische Reich bis in das XI Jahrh. въ Histor. Atlas) и планъ Штолпе (см. ниже).

Здѣсь же прибавимъ только, что Хаммеръ отожествленіемъ Августея съ площадью Константиновскою идетъ наперекоръ и источникамъ, и розысканіямъ другихъ ученыхъ, не объясняя ни мало своихъ основаній [3]). Касательно положенія древнихъ дворцовъ,

---

[1]) Извѣстіе Дуки (гл. 42, стр. 313 и 317 Бон. изд.) объ исправленіяхъ, произведенныхъ въ сухопутной стѣнѣ Мухаммедомъ II, понимаетъ Краузе совсѣмъ иначе, чѣмъ Хаммеръ (*Hammer*, Constantinopolis, I, 78; *Krause*, Die Eroberungen von Constant.... Halle, 1870, p. 18—19).

[2]) Не странно ли однако, что въ I, 84 своего сочиненія Хаммеръ ворота Quinti отожествляетъ съ Kanonen-thor, то есть съ Top-kapussi, вопреки самому себѣ?

[3]) *Hammer*, Constantinopolis I, 150. Разумѣется, это же повторяетъ за нимъ и составитель статьи Constantinopel въ Энциклопедіи *Эрша* и *Грубера*, XIX, 130.

авторъ разъясняетъ не больше того, что̀ было извѣстно и до него. Пріуроченія же разныхъ частей большаго дворца, собственно говоря, вовсе нѣтъ, хотя и видно усиліе уяснить нѣкоторыя неопредѣленныя данныя Константина Порфиророднаго (Ham. I 194—196). Но вспомнимъ, что это такой предметъ, который въ то время оставался еще для всѣхъ вполнѣ темнымъ. Авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Die verschiedenen Odas oder Säle des Serais's entsprechen zwar nicht der Lage, aber ihrer Bestimmung nach den verschiedenen Triklinien des Pallastes der Byzantinischer Kaiser“ (I 251). Это совершенная правда: назначеніе отдѣльныхъ покоевъ Византійскихъ императоровъ и Оттоманскихъ султановъ сходно, а мѣстность ихъ тѣмъ еще не опредѣлена. Само собою разумѣется, что ни составленное авторомъ описаніе Серая (I, 307—321), ни приложенный къ I, 308 стр. Abriss des Neuen Serai's, то-есть, планъ его, нисколько не помогаетъ уясненію расположенія частей древняго большаго дворца и его околичностей [1]). Статья Хаммера о цитернахъ (I, стр. 552—560) въ исторической части своей основана на Жилѣ и Дюканжѣ, а въ описательной—на Андреосй. Кромѣ нѣкоторыхъ неважныхъ и отчасти неточныхъ догадокъ, а къ сожалѣнію, и описокъ, она не отличается самобытностію. Напротивъ, статьи Die Wasserleitungen, Die Bende, Die Wasserpfeiler (Suterasu) (I стр. 560—583) отчасти значительно пополняютъ и выясняютъ наблюденія, сдѣланныя французскимъ инженеромъ Андреосй, отчасти же представляютъ опроверженіе выводовъ послѣдняго [2]).

---

[1]) По поводу 3-го покоя, что̀ въ 3-мъ дворѣ, Хаммеромъ приведены свѣдѣнія, слышанныя отъ кого-то Французомъ Тавернье́—о книгахъ и рукописяхъ Серая. Эти свѣдѣнія Хаммеръ пополняетъ извѣстіями ученыхъ Европейцевъ и Азіятцевъ (I, 256—62). По поводу султанскаго харема и султаншъ посвящаетъ онъ около 30 страницъ Византійскимъ царицамъ (267—270; 270—299), о которыхъ онъ разказываетъ по *Дюканжеву* Familiae Byzantinae.

[2]) На стр. 580—581 (т. I) Хаммеръ приводитъ выписку изъ Plinius XXXI, 6 незамѣченную, какъ онъ утверждаетъ, этимъ французскимъ ученымъ, въ которой Плиній подъ названіемъ libramenta aquae описываетъ Римскія сооруженія, одинаковыя съ Турецкими су-теразу. Въ своемъ образцовомъ изслѣдованіи Le Bosphore et Constantinople avec perspectives des pays limitrophes... Paris, 1864 П. А. Чихачевъ помѣстилъ одну главу, заключающую въ себѣ дополненія къ Андреосй и Хаммеру, и отчасти критику ихъ взглядовъ на цѣль построеній, именуемыхъ су-терази. Это глава 2-я, части 1-й, озаглавленная: Système hydraulique de Constantinople. Сверхъ того Чихачевъ описываетъ подробно и отчетливо водоснабженіе поселеній Европейскаго берега Воспора. Онъ изслѣдуетъ климатъ, образованіе земли, произведенія природы окрестностей Констан-

Разсмотрѣвъ внимательно тѣ части сочиненія о Константинополѣ, въ которыхъ Хаммеръ толкуетъ о древней его топографіи, мы нашли въ нихъ мало розысканій, ему принадлежащихъ. Справедливы слова автора, что онъ соединяетъ въ одно цѣлое данныя источниковъ и свои личныя наблюденія (I, XXVII, предисл). Но рядомъ съ одолѣніемъ трудностей и съ большою начитанностію, такъ и выставляется наружу слабость научной критики, какъ объ этомъ можно судить по приведеннымъ выше выпискамъ. Почему это сочиненіе приводится нѣкоторыми учеными какъ трудъ классическій, это для меня не ясно.

Архіепископъ Синайскій Константій, бывшій впослѣдствіи Константинопольскимъ патріархомъ, хотя и издалъ свою Константиніаду двумя годами послѣ выхода книги Хаммера, но очевидно совсѣмъ съ послѣдней не знакомъ [1]) Въ перечняхъ своихъ источниковъ и по-

---

тинополя и отчасти касается положенія жителей этого края. Историческая топографія не входила въ программу этого сочиненія.

[1]) Κωνςαντινιας παλαια τε και νεωτερα ητοι περιγραφη Κωνςαντινοπολεως ἀπ' ἀρχῆς μέχρι τοῦ νῦν καθιςοροῦσα γενικῶς τὰ τῆς πόλεως ταύτης, τὰς πέριξ αὐτῆς τοποθεσίας, τάς τε ἀντιπροσώπυς δύω παραλίας τῶν Στενῶν τοῦ Βοσπόρου καὶ τὰς παρακειμένας νήσυς τῇ πόλει ταύτῃ. Συνταχθεισα παρα ἀνδρος φιλολογου και φιλαρχαιολογου. Εν Βενετια. Παρὰ Πάνῳ Θεοδοσίου τῷ ἐξ Ἰωαννίνων. 1824. Такъ озаглавленъ имѣющійся у меня экземпляръ этой книги. Г. Паспати ссылается на это сочиненіе по другому его изданію, помѣщенному въ книгѣ, имѣющей такое заглавіе: Κωνςαντίου Α'. Πατριάρχου Κωνςαντινοπόλεως τοῦ Βυζαντίου, βιογραφία καὶ συγγραφαὶ αἱ ἐλάσσονες ἐκκλησιαςικαὶ και φιλολογικαί ὑπὸ Θ. Μ. Ἀριςτοκλέους. Ἐν Κωνςαντινοπόλει, 1866. Пападопуло-Вретò приводитъ сочиненіе его подъ тѣмъ же заглавіемъ, какъ и въ моемъ экземплярѣ до слова ταύτῃ включительно, послѣ чего слѣдуютъ такія слова: φιλοπονηθεῖσα παρὰ τοῦ Ἀρχιεπισκόπυ Σιναίυ Κυρίου Κωνςαντίου, καὶ ἰδίοις ἀναλώμασι τυποθεῖσα νῦν πρῶτον διὰ τοῦ Κυρίου Μιχαὴλ Βασιλείυ. Ἐν Βενετίᾳ, παρὰ Πάνῳ Θεοδοσίου, 1820. εἰς 8-ον. (Νεοελληνικη φιλολογια... υπο Ανδρευ Παπαδοπυλυ Βρετυ, Μερος Β'. № 701). Изъ этого слѣдовало бы заключить, что имѣющееся у меня изданіе 1824 г. не было первымъ; но, въ такомъ случаѣ, отчего на заглавіи его не означено, что оно есть переизданіе? Не отъ того ли умолчанъ этотъ фактъ, что съ начала Греческой войны за независимость ученый Константій во все ея продолженіе скрывался на островѣ Антигонѣ? не отъ желанія ли остаться забытымъ и неизвѣстнымъ скрылъ онъ свое имя на изданіи 1824 года? *Саѳа* въ своей Νεοελληνικὴ φιλολογία, стр. 743 приводитъ еще изданіе Константиніады 1844 г. въ Венеціи и Константинополѣ. Намъ извѣстенъ французскій переводъ этой книги: Constantiniade ou Description de Constantinople ancienne et moderne composée par un philologue et archéologue traduite du grec par *M. R.* Constantinople. Imprimerie Antoine Coromila et P. Paspalli. Galata (rue Yuksek Caldirim), 1846. Переводчикъ въ своемъ пре-

собій, помѣщенныхъ имъ въ предисловіи и въ особомъ приложеніи въ концѣ сочиненія, Константій нигдѣ не упоминаетъ о книгѣ Хаммера, да и самая „Константиніада“ не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ заимствованія изъ Хаммера. Константій, описывая старинный и новый Константинополь, передаетъ только самое существенное, не вдаваясь въ подробности; пишетъ ново-греческимъ языкомъ, хотя и правильнымъ, но общепонятнымъ. Что авторъ желаетъ сдѣлать свою работу общедоступною для своихъ единоплеменниковъ, это доказывается, кромѣ общаго характера изложенія, въ особенности тѣмъ, что сообщая извѣстія греческихъ писателей, древнихъ и средневѣковыхъ, онъ приводитъ ихъ тексты не въ подлинномъ ихъ видѣ, а въ переводѣ на ново-греческій языкъ. Но что онъ имѣлъ въ виду и читателей ученыхъ, это явствуетъ изъ упомянутыхъ выше перечней его источниковъ и пособій. Несмотря однако на простоту изложенія, сочиненіе Константія было плодомъ долгаго и глубокаго изученія. Скарлатъ Византій, лично знакомый съ ходомъ работы Константія, сохранилъ слѣдующее любопытное свѣдѣніе. Заявивъ о томъ, что никто изъ Грековъ въ продолженіе четырехъ вѣковъ по взятіи Константинополя, на сколько ему извѣстно, не занялся топографіей этого города и Воспора, Скарлатъ Византій пишетъ: „Этотъ подвигъ, очевидно, предстоялъ достопочтенному автору Константиніады, который первый и задумалъ и исполнилъ замыслъ систематическаго описанія и города и Воспора; и въ правду, онъ одинъ и былъ въ такомъ положеніи, что могъ обработать и выяснить этотъ предметъ. Будучи уроженцемъ этой столицы, обладая обиліемъ свѣдѣній, зная иностранные языки, онъ могъ бы довести свой трудъ до болѣе совершеннаго вида, если бы постороннія причины (уваженныя и оцѣ-

---

дисловіи пишетъ автору панигирикъ. Онъ выпустилъ и предисловіе автора и важное его приложеніе, въ которомъ показаны источники и пособія, чѣмъ исказилъ восхваляемую имъ книгу. Выпустилъ и оглавленіе. Переводчикъ не объясняетъ происхожденія тѣхъ прибавокъ и убавокъ, которыя находятся въ переводѣ сравнительно съ подлинникомъ; напримѣръ, на стр. 15—16 подлинника нѣтъ той ссылки на Ризо и на Хаммера, которая есть въ переводѣ (стр. 19). Также и примѣчанія 1-го, что́ на стр. 76 перевода, на соотвѣтствующей страницѣ подлинника, 62-й, нѣтъ. Сдѣланы ли сіи и другія измѣненія переводчикомъ или самимъ авторомъ—этого не видно. Подъ нѣкоторыми примѣчаніями въ переводѣ подписано Т. (вѣроятно traducteur). Это сочиненіе патріарха переведено и на англійскій языкъ: Ancient and Modern Constantinople, translated by *John P. Brown*, Secretary of the American Legation at the Sublime Porte. London, 1868 г.

ненныя публикой) постепенно не задерживали его стремленія. Но и въ нынѣшнемъ ея видѣ носящая его имя „Константиніада“ есть трудъ драгоцѣнный, потому что въ ней собрано такое, что̀ осталось бы на вѣки неразысканнымъ“. Можно догадываться изъ біографіи Константія, что причины, о которыхъ упоминаетъ Византій, задержавшія Константія повести свой трудъ въ томъ видѣ, какъ онъ того желалъ, были политическаго свойства [1]). Это явствуетъ еще и изъ письма самого Константія отъ 12-го апрѣля 1852 г., и именно изъ того мѣста, гдѣ онъ говоритъ, что онъ въ книгѣ своей не дерзнулъ упомянуть о гробницѣ послѣдняго Палеолога, мученически и достославно погибшаго вмѣстѣ со своей имперіей [2]).

Не имѣя достаточно свѣдѣній для разъясненія всего дѣла, извѣстнаго намъ лишь въ общихъ чертахъ, мы покамѣсть оставимъ этотъ вопросъ и займемся самою книгой. Просимъ читателей обратить особенное вниманіе на главу о регіонахъ и на главу о православныхъ церквахъ и обителяхъ, обращенныхъ въ мечети, такъ какъ надъ этимъ много потрудился патріархъ. Мы показали, что старинная „Опись градскихъ регіоновъ“ (Descriptio) нѣкогда была провѣрена на мѣстѣ Петромъ Жилемъ [3]). Послѣдующими учеными, послѣ Жиля, этой Описи посвящено было слишкомъ мало вниманія со стороны топографіи и археологіи. Комментарій на эту Опись, Панцироля, какъ я уже показалъ—работа поверхностная и наполненная ошибками [4]). Дюканжъ, вставившій въ свой „Христіанскій Константинополь“ эту Опись въ видѣ отдѣльной главы (гл. 21, кн. I), и составившій, какъ сказано, на основаніи этой Описи и сочиненія Жиля свой планъ Константинополя, не былъ озабоченъ провѣркой и новымъ изученіемъ объема регіоновъ и ихъ взаимныхъ предѣловъ [5]). Бандури, слѣдя

---

[1]) Σάθα, Νεοελλ. φιλολ., стр. 742—743. Біографію патріарха Константія написалъ Ѳ. М. Аристоклъ (см. предыдущее наше прим.) и Саѳа въ N. Ф. 741—744. Бесѣду свою съ этимъ іерархомъ, происшедшую въ 1838 г. лѣтомъ, описываетъ Цахаріэ въ своемъ Reise in den Orient, Heidelberg, 1840. По ошибкѣ онъ называетъ Константія Athanasios: см. стр. 306—308. Одну главу своей поѣздки, 40-ю, Цахаріэ посвящаетъ Константинополю; она любопытна, но не по топографіи, которая не входила въ планъ автора.

[2]) Письмо это Константія къ Скарлату Византію помѣщено въ предисловіи ко II тому сочиненія этого послѣдняго о Константинополѣ (см. стр. ι'.).

[3]) См. нашу первую статью въ *Ж. М. Н. Пр.* Ч. CCXIX, отд. 2 стр. 6.

[4]) См. въ первой статьѣ нашей «О топографіи средневѣковаго Константинополя», стр. 20—21 и пр. 3. *Журн. М. Н. Пр.*, часть CCXIX, отд. 2.

[5]) Послѣ перепечатки у себя Описи Дюканжъ довольствуется такимъ за-

исключительно за дѣленіемъ, принятымъ его Анонимомъ, старинные регіоны совсѣмъ выпустилъ изъ вида. Какъ поверхностно отнесся къ нимъ Лешевальѐ, мы выше сказали [1]). Хаммеръ въ своемъ „Константинополѣ" ими вовсе не занимается. Константій же, на сколько намъ извѣстно, послѣ Жиля, первый снова задался ихъ разсмотрѣніемъ. Вотъ собственныя слова патріарха въ переводѣ: „Руководимый скудными останками старины, я", говоритъ Константій,—„при напряженномъ изученіи и многотрудномъ розысканіи посредствомъ личнаго наблюденія былъ въ состояніи открыть главныя древнія части и зданія, неправильно пріурочиваемыя въ такъ называемыхъ Πάτρια, и такимъ образомъ распредѣлить памятники подобно Гиллію (Жилю), вмѣстѣ и по холмамъ и по регіонамъ, такъ чтобы они заключали въ себѣ въ болѣе полномъ и ясномъ видѣ, какъ древнее, такъ и новое, и чтобъ тѣмъ облегчить любознательнымъ моимъ единоплеменникамъ пониманіе этихъ предметовъ" [2]). И дѣйствительно, его глава седьмая о регіонахъ, умѣстившаяся всего на 12 страницахъ [3]), представляетъ сравнительно много новаго, именно тѣмъ, что выясняетъ старыя урочища новыми, греческія названія, сопоставленными съ ними,—турецкими. По этому предмету можно считать автора продолжателемъ Жиля. Другая самостоятельная заслуга Константія состоитъ въ розысканіи православныхъ церквей, въ разныя времена обращенныхъ въ мечети: это имъ разработано и подробнѣе и исправнѣе чѣмъ Хаммеромъ [4]). Высокую цѣну книгѣ даютъ личныя наблюденія Константія надъ тѣми остатками старины, которые по временамъ внезапно выступали наружу на Божій свѣтъ главнымъ образомъ вслѣдствіе силь-

---

ключеніемъ: «Enimvero descriptionem suam ita exaravit Anonymus, minutaque adeo narratione, ut non modo gemini regionum ipsarum situs, sed quibus lateribus sibi invicem adjunctae fuerint ac vicinae, vix ex illius verbis liceat assequi: etsi Gyllius, qui plurimam Constantinopoli agendo, ad hunc illustrandum scriptorem industriam adhibuerit, et colles et depressiora urbis loca, quae non modice ad regionum indicia juvant, observaverit, accurateque descripserit, ad quem lectorem amandare, quam illius verba exscribere, satius visum est». *Du Cang.* Const. Chr. I, XXI ad fin.

[1]) См. стр.

[2]) Κωνςαντινιας... стр. 30 (изданія 1824 г.).

[3]) Тамъ же стр. 27—39. Унгеръ, помѣстившій въ своихъ «Источникахъ (Quellen)» нѣмецкій переводъ «Описи регіоновъ», приложилъ къ нему небольшія замѣтки, заслуживающія вниманія (стр. этого сочиненія 101—109. Полное заглавіе этого сочиненія Унгера см. ниже).

[4]) Тамъ же 75—89, и кромѣ того 67, 108.

ныхъ пожаровъ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ такихъ его наблюденій. Онъ пріурочиваетъ башню Анема́ къ сѣверо-западному углу столицы и прямо утверждаетъ, что тотъ бокъ, которымъ она обращена къ Влахернской агіазмѣ, имѣетъ большую дверь внизу и другую малую на верху: эти свѣдѣнія, какъ увидимъ ниже, облегчили путь Паспати къ его недавнимъ открытіямъ по трудному вопросу о башнѣ Анема́ [1]). Башню Евгеніеву Константій видѣлъ самъ въ Константинополѣ до 1817 года; а въ этомъ году она была срыта при перестройкѣ того сарая, что на Акрополѣ [2]). Упомянувъ по Пахимеру о томъ, что Кондоскальская гавань Михаиломъ Палеологомъ обложена была кругомъ большими камнями, онъ прибавляетъ: часть этого круглаго огражденія гавани обнаружилась въ 1819 году; она состояла изъ наложенныхъ одинъ на другой огромныхъ камней [3]). Двѣ башни, стоявшія по сторонамъ воротъ св. Варвары, въ 1816 году срыты были по приказанію султана Махмута, и на томъ мѣстѣ воздвигнутъ новый дворецъ, что у Серай-Бурну [4]). Между строеніями 4-го регіона находилась церковь св. Іоанна Богослова, послѣ взятія города Турками обращенная въ звѣринецъ; авторъ утверждаетъ, что это зданіе стояло до 1809 года [5]). Онъ описываетъ Текфуръ или Текьуръ-Серай, какъ самовидецъ [6]); описываетъ сохранившуюся ограду Влахернскаго замка, какъ самовидецъ [7]). Я упомянулъ о нѣкоторыхъ предметахъ, которые изображены Константіемъ, какъ самовидцемъ, для того, чтобы показать, какъ не правы тѣ изъ позднѣйшихъ ученыхъ, которые, повидимому, съ его сочиненіемъ не знакомы.

При томъ особенномъ положеніи автора, что онъ, во время случайныхъ раскопокъ, могъ слѣдить, и на самомъ дѣлѣ пристально слѣдилъ, за обломками старины, книга его заслуживаетъ больше вниманія, чѣмъ какое на нее обращалось до сихъ поръ многими уче-

---

[1]) Тамъ же стр. 13. *Паспати*, Βυζαντιναὶ Μελέται, книги I, глава 1.

[2]) Κωνσταντινιάς... стр. 14.

[3]) Тамъ же... стр. 24. (Ср. *Дюканж*. Const. Chr. I, 19, 4, p. 60, гдѣ у него ссылка на Pachymeris V, 10).

[4]) Κωνσταντινιάς... стр. 26—27.

[5]) Тамъ же, стр. 32.

[6]) Тамъ же, 44—45, гдѣ приложено гравированное изображеніе этого дворца. Это зданіе описываютъ, какъ самовидцы, и *Лешевалье*, I, 137, *Хаммеръ*, I, 263, и *Скарлатъ Византій* I, 365 (см. ниже объ Описаніи Константинополя *Ск. Византіемъ*).

[7]) Κωνσταντινιάς... 52.

ными. Кромѣ Константиніады, мы находимъ нѣсколько весьма основательныхъ критическихъ замѣтокъ того же автора въ упомянутомъ нами выше письмѣ отъ 12-го апрѣля 1852 года, написанномъ имъ Скарлату Византію [1]).

За всю вторую четверть нынѣшняго столѣтія едва ли можно указать на какой-либо спеціальный трудъ по нашему предмету. Въ 1851 г. вышелъ въ Аѳинахъ первый томъ подробнаго описанія Царяграда Скарлата Византія [2]). Мы уже не разъ касались тѣхъ труд-

---

[1]) Оно помѣщено цѣликомъ *Византіемъ* въ его т. II, стр. στ'—ιβ' въ примѣчаніи.

[2]) Ἡ Κωνςαντινουπολις η περιγραφη τοπογραφικη, αρχαιολογικη και ιςορικη της περιωνυμυ ταυτης μεγαλοπολεως και των εκατερωθεν τυ κολπυ και τυ Βοσπορυ προαςειων αυτης, απ' αυτων πυ των αρχαιοτατων χρονων αχρι και καθ' ημας μετα πολλων και ποικιλων εικονων και των απαιτυμενων τοπογραφικων και χρονολογικων πινακων προς διασαφησιν της Βυζαντινης ιςοριας υπο Σκαρλατυ Δ. τυ Βυζαντιυ συνδρομη φιλωτιμω τυ ευγενεςατυ αρχοντος ποςελνικυ Σωτηριυ Καλλιαδυ ω και προσανετεθη. Τόμος Α'. περιέχων τὴν ἐντὸς καὶ πέριξ τειχῶν Κωνςαντινούπολιν. Αθηνησιν, εκ τυ τυπογραφειυ Ανδρευ Κορομηλα... 1851 (страницъ всего IΘ и 616).—Того же сочиненія Τόμος Β'. περιέχων τὴν ἐπὶ τοῦ Κόλπυ Περαίαν καὶ τὰ ἑκατέρωθεν τοῦ Βοσπόρυ. Αθην. 1862 (страницъ: Ιγ' и 556).—И наконецъ: Τόμος Γ'. περιέχων τὰ πάλαι καὶ νῦν ἤθη καὶ ἔθη τῶν τῆς Κωνςαντινυπόλεως κατοίκων. Αθην. 1869 (страницъ: Ιδ' и 656). Къ этому сочиненію приложены: 1) гравюры и литографіи, числомъ 57; 2) планы новаго Константинополя и св. Софіи; 3) карты Воспора и Принцевыхъ острововъ. — Этотъ планъ столицы, приложенный къ I тому, озаглавленъ: Χάρτης τοπογραφικὸς τῆς Κωνςαντινυπόλεως καὶ τῶν περὶ αὐτὴν μεταφρασθεὶς καὶ προσεπαυξηθεὶς ὑπὸ Σκαρλάτυ Δ. τοῦ Βυζαντίυ ἐκ τῶν ὑπὸ τῶν Κ. Κ Κάουφφερ, Σεβαλιέρ, Βαρβιέ—Δε—Βοκάζ καὶ Χάμμερ προεκδεδομένων καὶ χαλκογραφηθεὶς ἐν Παρισίοις τῷ 1850 ὑπὸ Α. Φ. Λεμαίτρυ. Планъ этотъ представляетъ большое сходство съ помѣщеннымъ подъ N. XXXVII. въ Nouvel Atlas.... de l' empire Ottoman... dressé par *J. J. Hellert*. Paris. 1843. Но у Хеллерта масштабъ немножко больше; онъ приведенъ туазами, а у Византія метрами. У Византія тѣ же имена кварталовъ (махаллэ), что и у Хеллерта, но подъ другими циѳрами. Есть и нѣкоторыя другія различія; напримѣръ два моста черезъ Золотой Рогъ у Византія, которыхъ у Хеллерта нѣтъ. Изъ самого заглавія Византіевой карты видно, что при ея составленіи не принятъ въ пособіе планъ Мольтке, снятый имъ въ 1836—1837 г. Вотъ его заглавіе: Karte von Constantinopel den Vorstaedten, der Umgegend und dem Bosphorus, im Auftrage Sr. Hoheit Sultan Mahmud's II mit dem Messtisch in $^{1}/_{25000}$ aufgenommen in den Jahren 1836—1837. durch Freiherrn von *Moltke* Hauptmann im Königl. Preussischen General-Stabe. Berlin, Verlag von Simon Schropp et Comp. 1842. Тутъ топографія новаго Константинополя, при чемъ лишь кое-гдѣ приписано какое-либо старинное названіе. Карта сѣверной укрѣпленной части Воспора составлена Мольтке тоже въ 1836—1837 г., а издана въ 1849.

ностей, которыя необходимо одолѣвать изслѣдователямъ Константинополя, когда имъ приходится установлять отношенія между старымъ городомъ и новымъ. Въ большей части случаевъ имъ остается держаться однихъ соображеній правдоподобныхъ; такъ поступаетъ и Скарлатъ Византій. Вотъ его основныя предположенія: 1) бо̀льшая часть общественныхъ зданій, полагаетъ онъ, искони находилась на протяженіи четырехъ первыхъ холмовъ; 2) на мѣстѣ прежнихъ общественныхъ зданій появились соотвѣтствующія имъ по своему назначенію позднѣйшія, такъ что по этимъ послѣднимъ нетрудно догадываться и о положеніи первыхъ; напримѣръ, что древній квесторій былъ тамъ, гдѣ нынѣ Девтер-Ханѐ; птитаній или сенатъ—тамъ, гдѣ теперь паша-капусу; стратигій или преторій—тамъ, гдѣ архивъ бывшаго янычаръ-аги, или вѣроятнѣе, гдѣ Харачи-баши; Халка дворца тамъ, гдѣ Баби-хумаюнъ; Хортоволонъ,—гдѣ Ахуръ-капу; Ксенòнъ Сампсона,—гдѣ Имаретъ Святой Софіи; джиритъ,—гдѣ былъ Циканистирій; звѣринецъ находился на Ипподромѣ; площадь Быка (ὁ Βοῦς) на Атъ-базарѣ и проч.; 3) бо̀льшая часть мечетей занимаетъ преимущественно мѣста древнихъ церквей, а поэтому и можно почти несомнѣнно пріурочить обитель Евергета къ Султанъ-Селиму, церковь Всѣхъ Святыхъ къ Лалелй, Халкопратійскую къ Султанъ-Баязиту, церковь Сорока Святыхъ къ Османіэ, церковь Святаго Мокія къ Хасекй, церковь Святой Евфиміи къ Султанъ-Ахмету, церковь Святой Анастасіи къ Шахъ-Задѐ и т. д., 4) Безестаны (τὰ Βεζεςάνια) суть части древнихъ портиковъ (ἐμβόλων), по коимъ и теперь, какъ въ старину, можно пройтись, не опасаясь солнечныхъ лучей (томъ I, стр. 140—141 и 182).

Руководствуясь этими общими соображеніями, Скарлатъ Византій, по его собственнымъ словамъ, держится ихъ только какъ путеводныхъ вѣхъ и считаетъ нужнымъ провѣрять ихъ по возможности свѣдѣніями, заимствуемыми изъ древнихъ и новыхъ источниковъ. Но въ томъ-то и неудобство, что подобныя догадки часто нѣчѣмъ доказать. Напримѣръ, въ Гюль-Ханѐ (въ Сераѣ) есть площадь, назначенная для джирита (метанія дротовъ); такая мѣстность естественно напоминаетъ и Хаммеру и Византію циканистирій греческихъ царей (въ главномъ дворцѣ), гдѣ происходила игра въ мячъ. Вотъ повидимому согласіе; что же дальше? Византій полагаетъ однако, какъ мы показали, что циканистирій тамъ же и находился, гдѣ нынѣ джиритъ; а Хаммеръ относитъ самую мѣстность циканистирія не къ Гюль-Ханѐ, а

по другую сторону, у церкви Святой Софіи и у сената [1]). Ни тѣмъ, ни другимъ никакихъ доводовъ не приведено. На основаніи вышеозначенной аналогіи, базаръ Быка (ὁ Βοῦς), какъ мы видѣли, отнесенъ Византіемъ, къ нынѣшнему Атъ-базару (I, стр. 141). Можно бы ожидать, что при частномъ описаніи это будетъ чѣмъ либо подкрѣплено: что́ же вы тамъ читаете? „Къ сѣверу отъ Сарачъ-Хане, пишетъ Византій, и въ окружности мечети Султанъ-Махмеда, — находится Атъ-базаръ или конный рынокъ, гдѣ вѣроятно, въ старину простирался базаръ Быка (ἡ τοῦ Βοὸς ἀγορά), отличный отъ базара Тавра (τοῦ Ταύρυ)“ [2]). Вы остаетесь опять же при одной аналогіи, правда менѣе произвольной, чѣмъ аналогія между Βοῦς и Будрунъ-джами, проведенная Хаммеромъ, но все же не подкрѣпленной ни малѣйшими доказательствами.

Первый томъ сочиненія Византія, здѣсь насъ занимающій, представляетъ слѣдующія восемь главъ: 1) Топографическое раздѣленіе и положеніе Константинополя (стр. 1—21), 2) климатъ, воздухъ, болѣзни и проч. (22—40); 3) произведенія (стр. 31—41); 4) миѳологическія и историческія преданія: основаніе и политическіе перевороты Византіи (стр. 42—52); 5) основаніе Константинополя (стр. 52—62); 6) административное дѣленіе Константинополя (стр. 63—96); 7) общественныя зданія, а именно: а) стѣны, б) башни, в) ворота, г) улицы и площади, д) общественные склады, е) водопроводы, цитерны, ж) храмы, з) дворцы и благотворительныя заведенія, и) училища и библіотеки (стр. 97—135); 8) отдѣльные предметы въ городѣ (стр. 136—616), а именно: а) общій планъ, б) Серай, в) большой дворецъ, г) Ипподромъ, д) храмъ Святыхъ Апостолъ, е) площадь Константинова, ж) Августей, з) Святая Софія и) Влахерны. Изъ названныхъ осьми главъ ближе другихъ сюда относятся: 1-я, 6-я, 7-я и 8-я [3]). Всматриваясь въ содержаніе двухъ послѣднихъ главъ,

[1]) *Скарлата Византія* Константинополь I, 141—142 и 182; *Hammer*, Konst. u. d. Bosporus I, 240; ср. планъ Константинополя у послѣдняго, гдѣ на мѣстѣ, занимаемомъ султанскимъ садомъ написано Dgirit.

[2]) Σκαρλάτυ Βυζαντίυ Κωνς. I: сравните стр. 141 и 376, а также на его планѣ Констант. № 163 къ сѣверу отъ сѣверо-западнаго края Валентова водопровода.

[3]) Въ *Вѣстникѣ Имп. Русскаго Географическаго Общества* 1857 г. №№ 1 и 2, помѣщена мною статья: «Очерки Константинополя», назначеніе которой познакомить читателей съ содержаніемъ этого перваго тома (2-й и 3-й томъ тогда еще не появлялись въ свѣтъ). Въ статью мою вошли: мѣстоположеніе Констан-

мы замѣчаемъ, что одна изъ нихъ разбираетъ особо каждую группу однородныхъ сооруженій столицы, а другая, при подробномъ описаніи достопримѣчательностей столицы, размѣщаетъ ихъ не въ разбивку, а по предопредѣленному, послѣдовательному порядку. Постараемся объяснить этотъ порядокъ.

Начавъ свою прогулку, какъ выражается авторъ,—съ края мыса, именуемаго Серай-Бурунъ, какъ съ мѣста прежде всѣхъ бросающагося въ глаза пріѣзжимъ, онъ протягиваетъ оттуда продолжительную ломанную линію, долженствующую служить нитью въ лабиринтѣ Султанской столицы [1]). Такой общій планъ прогулки находимъ у автора

тинополя и его окрестностей, климатъ и произведенія, жители, ихъ характеръ, нравы и обычаи. Статья эта вышла и отдѣльными оттисками (всего 35 стр.).

[1]) Для желающихъ передаемъ то мѣсто, гдѣ авторъ излагаетъ упомянутый общій планъ осмотра столицы: начиная отъ ограды, авторъ слѣдуетъ за линіею серайской стѣны, при чемъ описываетъ дворецъ; по обходѣ всей серайской стѣны снаружи, онъ возвращается къ точкѣ своего отправленія и вступаетъ въ ограду царскими воротами Топъ-капу (Пушкарными) (этихъ воротъ не должно смѣшивать съ одноименными сухопутной стѣны). Пройдя по діагонали черезъ дворцовые сады, онъ выводитъ читателя первыми (считая отъ дворца) воротами со стороны Мраморнаго моря, называемыми по дворцовымъ конюшнямъ Ахуръ-капу. Отъ этихъ воротъ далѣе стѣна серайская не можетъ быть обойдена; поэтому авторъ опять вступаетъ въ ограду и дописываетъ заключающіяся въ ней достопримѣчательности. Изъ ограды выходитъ онъ черезъ ворота Чатлади-капу, слѣдующими за Ахуръ-капу. Держась того же способа обозрѣнія, онъ, то вводитъ, то выводитъ читателя черезъ ворота Кумъ-капу, Даудъ-паша, Ени-капу и такъ далѣе вдоль берега Мраморнаго моря, а потомъ черезъ ворота сухопутной стѣны, все дальше, до воротъ Эгри-капу, что̀ въ сѣверо-западномъ углу столицы. Отсюда возвращаясь городомъ къ воротамъ Эдирне́-капу (Адріанопольскимъ) и проходя по такъ называемой Средней улицѣ (Меси или Диванъ-гьолу), описываетъ все то, что̀ лежитъ по обѣ стороны этой улицы, заходя то вправо, то влѣво, покамѣстъ доходитъ до Паша-капусу (или Везиръ-Серая, что̀ на сѣверозападъ отъ Святой Софіи). Отсюда, поворотивъ налѣво и держась стѣны Серайской, авторъ спускается къ побережью Залива (Κόλπος т.-е. Золотаго Рога), и опять таки, тѣмъ же способомъ попеременныхъ выходовъ и входовъ черезъ ворота, выступаетъ изъ города воротами Бахче-капу (Неорія), опять входитъ въ него Балыкъ-Базарскими воротами (Рыбнаго рынка) и такъ далѣе, описывая пропущенное, до тѣхъ поръ, пока достигнетъ до воротъ Влахернскихъ (Эюбъ-Энсари). «Здѣсь, оставляя тотъ городъ, что̀ внутри стѣнъ, мы слѣдуемъ, пишетъ авторъ, побережьемъ, и по описаніи пригорода Эюбскаго и лежащихъ за нимъ царскихъ дачъ... мы доходимъ до рѣки, и тамъ, подъ тѣнью прекрасныхъ деревъ, прикрывающихъ царскій домъ Кіангидъ-хане́, мы даемъ благосклонному читателю отдохнуть отъ длиннаго и труднаго пути». (Βυζαντὶς Κωνςαντ. I, 142—143).

на стр. 142—143, и этого плана держится онъ при описаніи отдѣльныхъ предметовъ, начиная съ Серая (τὸ Σαράϊ) и оканчивая Верблюжьимъ мостомъ (Καμηλογέφυρον), то-есть отъ стр. 143-й до 616-й (гдѣ конецъ I тома). Читая первый томъ сряду, можно безъ труда слѣдить, по приложенному къ нему плану столицы, за всѣми предметами новыми, и этимъ путемъ получить понятіе о мѣстонахожденіи предметовъ или мѣстностей старинныхъ. Такому отысканію предметовъ и мѣстностей, описанныхъ въ книгѣ, пособляетъ еще и списокъ названій участковъ и кварталовъ столицы (I, стр. 67—72). Такихъ участковъ (семтй) приведено 36, а кварталовъ (махалѐ) 318. Каждый кварталъ въ спискѣ названъ по имени и выставленъ подъ особою цифрой; подъ тою же цифрою онъ значится и на планѣ. Очень жаль однако, что авторъ не разставилъ тѣхъ же цифръ въ самомъ текстѣ своего подробнаго описанія, не приставилъ въ скобкахъ или въ видѣ примѣчаній, при каждомъ описываемомъ предметѣ, цифры того квартала, въ которомъ или у котораго находится этотъ предметъ.

„Огромная начитанность, знаніе и пониманіе источниковъ и умѣнье распорядиться своимъ матеріаломъ—вотъ главныя характеристическія черты этого труда". Таковъ былъ выводъ, сдѣланный мною четверть вѣка назадъ: при немъ остаюсь я и теперь. Знакомый съ Византійцами, опираясь на разработку Жилля и Дюканжа, пользуясь всѣмъ тѣмъ, что̀ внесено было въ общій складъ наблюденій и свѣдѣній Даллаваемъ, Лешевальѐ, Андреоси, Хаммеромъ, Константіемъ и другими, присмотрѣвшійся къ своему родному городу, — обладая притомъ замѣчательнымъ литературнымъ дарованіемъ, Скарлатъ Византій составилъ такое описаніе и новаго, и стараго, которое по полнотѣ, исправности и обозрительности превосходитъ всѣ до него составленныя. Онъ подробно и отчетливо описываетъ все, относящееся къ топографіи старинной столицы на основаніи описаній самовидцевъ, дополняя и исправляя одного другимъ, иногда критикуя ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что очень многое наблюдалъ онъ самъ; но личныя наблюденія его имѣютъ болѣе значеніе повѣрки, чѣмъ новаго научнаго розысканія. Другой мѣстный житель, позже работавшій и болѣе его авторитетный археологъ, Паспати не разъ указывалъ на то, что о нѣкоторыхъ зданіяхъ Византій писалъ, не видавъ ихъ. Впрочемъ, это иначе и не бываетъ въ сочиненіяхъ, представляющихъ такіе огромные итоги.

Византій считаетъ точное пріуроченіе частей большаго дворца Византійскихъ императоровъ дѣломъ невозможнымъ, вслѣдствіе неясности изложенія историковъ, ихъ обычнаго уклоненія отъ однообразной терминологіи и вслѣдствіе ихъ противорѣчій. Они заняты больше, чѣмъ слѣдуетъ, какъ напримѣръ Константинъ Порфирородный, подробными и пышными описаніями частностей и упускаютъ изъ вида общій планъ. Не смотря на все это, Византій дѣлаетъ попытку представить взаимное отношеніе частей древняго дворца (I, 139—225), въ томъ предположеніи, что такая попытка можетъ содѣйствовать уясненію историческихъ событій, которыя иначе останутся непонятыми (I, 189). Слѣдуетъ ли считать эту попытку удачною? Едва ли. Дальше я покажу, что надъ тѣми же вопросами усердно и спеціально трудились Лабартъ и Унгеръ, и пришли къ различнымъ выводамъ.

Изъ вышеизложеннаго можно видѣть, что учеными первой половины нашего столѣтія были съ успѣхомъ разъяснены многіе трудные вопросы по средневѣковой топографіи. Но эти успѣхи нисколько не повліяли на сочиненіе „О мятежѣ въ Константинополѣ при императорѣ Юстиніанѣ", составленное профессоромъ Шмитомъ [1]). Мы вполнѣ раздѣляемъ слѣдующее мнѣніе объ этомъ трудѣ, высказанное знатокомъ византійской археологіи Унгеромъ: „Die Uebersicht der Topographie von Constantinopel, говоритъ Унгеръ, welche Adolph Schmidt in seiner Schilderung des Nikaaufruhrs giebt, kann nicht in Betracht kommen, da er es verschmäht, die Beweise seiner grösstentheils unhaltbaren Ansichten mitzutheilen" [2]). Но этого мало. Топографическое описаніе и планъ Константинополя составлены Шмитомъ, по его собственному признанію, на основаніи соображенія источниковъ и старыхъ пособій. Подъ старыми пособіями разумѣетъ онъ, надо думать, сочиненія тѣхъ ученыхъ, на которыхъ онъ ссылается, то-есть сочиненія Жиля, Дюканжа, Бандури [3]). Это произошло, объясняетъ авторъ,—по той простой причинѣ, что новыхъ и новѣйшихъ пособій въ его распоряженіи не имѣлось. На нѣтъ, какъ говорится, и суда нѣтъ. Ни въ какомъ случаѣ однако нельзя извинить изслѣдователя одного изъ важныхъ событій всемірно-историческихъ, писавшему во второй половинѣ нашего вѣка, когда онъ изображаетъ площадь Константина

---

[1]) Der Aufstand in Constantinopel unter Kaiser Justinian. Von Dr. *W. Adolf Schmidt*. Nebst einem Plan von Constantinopel. Zürich, 1854 (страницъ: IV, 89).

[2]) *Unger*, Griechische Kunst, въ Griechenland, T. V, стр. 319.

[3]) *Schmidt*, *Adolf*, Der Aufstand... стр. 9, пр. 1.

въ серединѣ городскаго треугольника, Св. Софію два раза ближе къ Золотому Рогу, чѣмъ къ Мраморному морю, Святую Ирину почти у самого Рога, Ипподромъ простирающимся съ востока на западъ. Такъ между тѣмъ пріурочены эти четыре мѣстности и въ его книгѣ и на его планѣ. Мы и не считали бы нужнымъ упомянуть здѣсь объ этой книгѣ, если бы не опасались, что извѣстность имени ея автора и увлекательность его разказа, могутъ поселить въ читателяхъ-неспеціалистахъ излишнюю довѣрчивость къ его фантастической топографіи.

Г. Дестунисъ.

(*Окончаніе будетъ*).

КЪ ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ ВИЗАНТІИ.

On ne peut se faire une idée nette de l'ensemble d'une question sans en connaître plus ou moins les parties: on ne peut se faire une idée nette d'une partie sans savoir quels sont ses rapports avec l'ensemble.
(*Spencer—Revue philosophique* 1-e janv. 1876).

Гибель же славянскихъ общинъ равняется пагубѣ всего аѳинскаго округа.
Докладъ 1198 г.

Всякій разъ какъ представляется нашему наблюденію новый фактъ изъ жизни изучаемой эпохи, является потребность привести его въ согласіе съ цѣлой системой, въ какой располагались въ нашемъ сознаніи однородные съ нимъ прежніе факты и наблюденія. Нерѣдко случается, что вновь полученный фактъ не укладывается въ имѣющуюся систему и вызываетъ пересмотръ и соотвѣтствующія въ ней перемѣны. Удача въ указаніи своего мѣста вновь пріобрѣтенному наблюденію зависитъ какъ отъ тщательнаго изученія его самого по себѣ, такъ и всей системы однородныхъ съ нимъ фактовъ и явленій.

Когда идетъ рѣчь о новыхъ наблюденіяхъ, относящихся къ внутренней исторіи Византіи и касающихся прямо или косвенно административныхъ, хозяйственныхъ, землевладѣльческихъ и сословныхъ отношеній, здѣсь каждый новый фактъ просто присоединяется къ другимъ безъ опасенія нарушить систему по той простой при-

чинѣ, что идея системы и строя въ учрежденіяхъ Византіи составляетъ такую величину, которой еще доискиваются изслѣдователи. И по всей вѣроятности, византинистамъ долго еще придется жаловаться на недостатокъ текстовъ, на скудость извѣстій и ожидать какъ откровенія новыхъ находокъ по преимуществу въ библіотекахъ и архивахъ восточныхъ. Справедливость этихъ жалобъ не подлежитъ сомнѣнію, но далеко не въ той же мѣрѣ основательны надежды на особенно крупныя и важныя находки въ области изученія Византіи. Поэтому и теперь уже возможны и весьма желательны попытки бросить свѣтъ хотя на нѣкоторыя учрежденія Византійскаго государства; можетъ быть, и въ изданныхъ матеріалахъ уже окажется достаточно данныхъ для ближайшихъ выводовъ и соображеній. Во всякомъ случаѣ, правильный ходъ въ развитіи науки о Византіи, зависящій отъ накопленія новыхъ источниковъ, не менѣе обусловливается предварительной оцѣнкой и размѣщеніемъ находящагося въ наличности матеріала.

Такого рода попытка оцѣнить матеріалы для внутренней исторіи Византіи недавно предложена была въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Во всякой другой литературѣ она была бы встрѣчена справедливыми похвалами и вызвала бы рядъ популярныхъ статей, назначенныхъ для большой публики. У насъ же изслѣдованія проф. Васильевскаго остались почти незамѣченными, хотя они направляются къ разрѣшенію любопытныхъ задачъ не только византійской, но общей и русской исторіи. Изъ нихъ можно, между прочимъ, убѣдиться, что недалеко время, когда позволительно будетъ строить систему политическихъ учрежденій Византіи. Нельзя уже болѣе приписывать Византійской исторіи не принадлежащихъ ей качествъ и придумывать для нея особенныя формулы вѣковаго застоя или неудержимаго стремленія къ паденію. Обнаруживаются мало по малу принципіальные элементы, обусловливавшіе живучесть и развитіе государства. Выступаетъ на видный планъ борьба экономическая и сословная, интересы провинцій и центра, состязаніе между греко-римскими понятіями и учрежденіями и варварскими, выдѣляются періоды съ преобладающимъ вліяніемъ того или другаго принципа; словомъ, усматривается смѣна направленій и становится очевиднымъ основный законъ развитія человѣческихъ обществъ. Съ этой точки зрѣнія своеобразіе средневѣковой греческой исторіи не исключаетъ аналогій и сближеній съ соотвѣтствующими періодами средневѣковой вропейской исторіи. Слѣдуетъ еще принять во вниманіе замѣча-

тельную устойчивость административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ нормъ, которыя, разъ установившись, безъ значительныхъ измѣненій продолжаютъ свое дѣйствіе до конца имперіи, то-есть до половины XV вѣка. Не смотря на многократныя потрясенія, иноземныя нашествія, чуждое господство, коренныя области Византіи упорно держатся своего обряда, поселяне отыскиваютъ свои права, нарушенныя за два и за три поколѣнія, правительство настойчиво ищетъ возстановленія прежняго строя или въ обычномъ правѣ мѣстнаго населенія, или въ памятникахъ письменнаго законодательства.

Предлагаемое изслѣдованіе направлено частію къ разрѣшенію тѣхъ же задачъ, которыя поставлены проф. Васильевскимъ. И прежде всего намъ желательно дополнить его „Матеріалы для внутренней исторіи Византійскаго государства" данными, заимствованными изъ писателя Михаила Акомината. Пять лѣтъ тому назадъ, въ первый разъ знакомясь по рукописнымъ сборникамъ съ сочиненіями М. Акомината, мы возлагали слишкомъ много надеждъ на нѣкоторыя мѣста, прочитанныя у этого писателя, въ которыхъ, казалось намъ, заключается разгадка административныхъ и землевладѣльческихъ отношеній Византіи. Теперь сочиненія М. Акомината сдѣлались доступны для изученія въ прекрасномъ изданіи г. Спиридона Ламброса, который и самъ приложилъ много усилій и ученаго труда, чтобы ввести изданнаго писателя въ разрядъ весьма цѣнныхъ источниковъ для исторіи Византіи. Подразумѣваемыя нами мѣста остались однако далеко не выясненными въ комментаріяхъ г. Ламброса, вслѣдствіе чего извѣстіямъ М. Акомината о внутреннемъ состояніи Византіи не сдѣлано надлежащей оцѣнки.

I.

Матеріалы о внутреннемъ состояніи Византіи въ сочиненіяхъ Михаила Акомината [1]).

Монастырскіе акты Миклошича и Мюллера [2]), Аѳонскіе акты, изданные гг. Терновскимъ [3]) и Флоринскимъ [4]), письма Ѳеофилакта

[1]) Λαμπρος Μιχαηλ Ακομινατου του Χωνιατου τα σωζομενα, εν Αθηναις 1879—1880, два тома.

[2]) *Miklositch* et *Müller*. Acta et diplomata graeca medii aevi, Vindobonae 1860—1870, четыре тома.

[3]) Акты русскаго на святомъ Аѳонѣ монастыря. Кіевъ, 1873.

[4]) *Т. Флоринскій*. Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ. С.-Петербургъ, 1880.

Болгарскаго [1])—знакомятъ насъ съ состояніемъ церковнаго землевладѣнія и съ положеніемъ въ Византіи крестьянъ на церковныхъ земляхъ. Но до сихъ поръ не отыскалось въ такой же степени цѣнныхъ матеріаловъ для исторіи свѣтскаго землевладѣнія, изъ которыхъ бы можно было ознакомиться съ состояніемъ крестьянъ-собственниковъ и крестьянъ, арендующихъ помѣщичьи земли. Правда, византійское законодательство X вѣка [2]) сохранило слѣды гуманныхъ мѣръ правительства въ защиту мелкаго землевладѣнія и борьбы противъ крупныхъ собственниковъ, стремившихся къ насильственному захвату мелкихъ участковъ. Но наши свѣдѣнія объ этой любопытной борьбѣ почти не переходятъ за X столѣтіе. Повидимому борьба прекратилась въ XI в., и побѣда одержана была не законодательствомъ, но властелями, то-есть крупными поземельными собственниками. Мелкая собственность и свободное крестьянство, доведенныя до полнаго ослабленія, должны были пасть къ началу XII в. Такъ позволяютъ судить объ этомъ дошедшіе памятники.

Въ нашихъ глазахъ особенную цѣну пріобрѣтаетъ та часть писемъ М. Акомината, или, правильнѣе, тѣ мѣста въ его сочиненіяхъ, по которымъ можно слѣдить за состояніемъ свободнаго крестьянства и въ концѣ XII вѣка. Митрополитъ Аѳинскій вооружается всѣмъ авторитетомъ своего вліянія и связей въ Константинополѣ противъ фискальныхъ мѣръ правительства и противъ обложенія непосильными налогами не въ интересахъ только подвластнаго церкви населенія, но преимущественно въ защиту городскихъ и сельскихъ людей, для блага округа. Онъ представляетъ собой весьма отрадный образецъ печальника земли и умнаго политическаго дѣятеля, которому высокій санъ и положеніе не воспрепятствовали со всей энергіей выступить противъ неправдъ современной ему администраціи, не способной возвыситься до сознанія общихъ интересовъ.

Слѣдуютъ самые матеріалы, которые мы передадимъ въ русскомъ переводѣ.

Письмо къ Ѳеодосію Мацукѣ [3]). „Если бы не было другихъ поводовъ къ печали, то уже одна разлука способна доставлять мнѣ мучительное состояніе. Не могу и сказать, какую власть имѣетъ

---

[1]) *Migne*, Patrologiae Cursus completus; series graeca. Paris 1864, vol. 126.

[2]) *Zachariae a Lingenthal*, Jus Graeco-Romanum, pars III, Lipsiae, 1857.

[3]) Λάμπρος, II, 40. Важнѣйшія мѣста, на которыхъ будутъ опираться послѣдующіе выводы, приводятся въ оригиналѣ.

надо мной привычка и какъ мнѣ тяжело переносить лишеніе такихъ мужей, которые привлекательны не только тогда, какъ ихъ видишь и слушаешь, но и когда получаешь отъ нихъ письмо и привѣтствіе. И одно напоминаніе достаточно, чтобы представить себя въ сообществѣ милыхъ друзей и пользоваться отсюда облегченіемъ, пока пришедши въ себя и не имѣя передъ собою дорогихъ, улетѣвшихъ съ мысленными ὄбразами, не обратишь свою радость, вызванную бесѣдой съ тѣнями, въ тяжкую скорбь и не начнешь плакать о своемъ одиночествѣ. Въ Аѳинахъ ужасная пустыня и недостатокъ не только другихъ благъ, но гораздо болѣе—дружбы и любви во Христѣ... Но объ этомъ лучше и не писать, развѣ только поплакаться на то, что̀ губитъ мое малое стадо и на что не посѣтуетъ, думаю, твое великодушіе, отличающееся столько же благородствомъ, сколько любвеобиліемъ и отзывчивостью: говорю о мѣдномъ небѣ, желѣзной чрезъ то землѣ, незасѣянной и не вспаханной. Къ тому же, чтобы умолчать о другомъ, пираты со всѣхъ сторонъ опустошаютъ Аттику. То угоняютъ они и губятъ стада домашняго скота, то захватываютъ толпами безоружное и беззащитное населеніе, обращая въ рабство и убивая, или подвергая увѣчьямъ или наконецъ отводя въ продажу... Въ самомъ благопріятномъ случаѣ, желая поступать мягче, подвергаютъ пыткамъ, ударамъ, мученіямъ, вѣшаютъ, бросаютъ въ глубину, вынуждая несчастныхъ ради выкупа жертвовать своимъ имуществомъ и прибѣгать къ займамъ и ссудамъ. Присоединю къ этимъ губительнымъ бѣдствіямъ и дурно проведенную раскладку государственныхъ повинностей и неравномѣрную скидку... что̀ повело къ конечному разоренію бѣдныхъ и поголовному выселенію [1]). Представь въ умѣ, что они умоляютъ тебя вмѣстѣ съ нами о защитѣ: глаза муміи, грубое рубище на плечахъ, которымъ едва прикрывается нагота, снѣдаемые голодомъ, потемнѣвшія лица! Ибо не увидавъ ячменемъ питающихся Аѳинянъ, ты можешь думать, что они до-сыта ѣдятъ и хорошо накормлены какъ конь въ стойлѣ. Но ячмень не уродился у Аѳинянъ, такъ что жнущему нечего взять на серпъ и собирающему колосья нечего подобрать. Нѣкоторые не ждутъ времени жатвы и молотьбы, но обрывая гдѣ попало колосья, шелушатъ ихъ въ рукахъ подобно евангельскимъ мужамъ. Какъ не пожалѣть мучимыхъ

---

[1]) Προστίθημι τοῖς ὀλοθρευτικοῖς τούτοις κακοῖς καὶ τὴν κακῶς γενομένην διανομὴν καὶ κουφισμὸν τῶν δημοσίων τελῶν (здѣсь поврежденіе въ текстѣ) καὶ ἐπὶ συντριβῇ μᾶλλον τῶν πτωχοτέρων καὶ ἀποικισμῷ παντελεῖ.

уже не недостаткомъ пищи, но ячменя. Вопли ихъ да донесутся чрезъ меня до ушей господина моего, блистательнѣйшаго Хумна, и да не обратятся выборные отъ страны со стыдомъ и униженіемъ [1]). О, если бы онъ воспользовался для этого своимъ родствомъ съ царемъ и смѣшеніемъ по крови, если бы употребилъ въ дѣло свое вліяніе и случай! Я могу лишь оплакивать бѣдствія моихъ Аѳинянъ, твоей же человѣколюбивой душѣ, не пренебрегающей моимъ ничтожествомъ, предстоитъ убѣдить того мужа позаботиться о справедливой раскладкѣ [2]). Желательно было бы также принять нѣкоторыя мѣры относительно Эгины, общаго пристанища всѣхъ морскихъ пиратовъ, откуда они, какъ изъ весьма удобнаго убѣжища, дѣлаютъ набѣги на всѣ здѣшнія области, словомъ — позаботиться о нашихъ дѣлахъ, ибо тебя одного поставилъ Господь печальникомъ за насъ. Да хранитъ тебя Богъ въ здравіи, счастіи и долгоденствіи".

Предоставляя себѣ возвратиться къ разсмотрѣнію содержанія всѣхъ приводимыхъ писемъ, и во избѣжаніе излишнихъ повтореній, мы ограничимся по поводу каждаго письма въ отдѣльности лишь необходимыми хронологическими и историческими замѣчаніями. Ѳеодосій Мацука, къ которому М. Акоминатъ адресовалъ и еще нѣсколько писемъ, есть довольно извѣстное лицо. Онъ достигъ значенія въ царствованіе Мануила Комнина, пользовался большимъ вліяніемъ при Андроникѣ и Исаакѣ Ангелѣ, при послѣднемъ поступилъ въ монашество, перемѣнивъ свѣтское имя Ѳеодора на Ѳеодосія [3]). Ѳеодоръ Хумнъ былъ хартуларіемъ при Алексѣѣ II, пользовался большимъ расположеніемъ Андроника и занималъ при немъ высшія должности [4]). Письмо это слѣдуетъ помѣтить 1184 годомъ, вторымъ пребыванія М. Акомината въ Аѳинахъ.

Ѳеодосію Мацукѣ [5]). „Вѣренъ Богъ, всечестнѣйшая моя глава! Онъ не попускаетъ на насъ испытанія сверхъ силъ, но щадитъ нашу немощь. Прежде чѣмъ забушевало море, даетъ запретъ вѣтрамъ и волнамъ, и сейчасъ же тихій вѣтерокъ усмиряетъ тифонъ и удоб-

---

[1]) Τούτων αἱ κραυγαὶ δι' ἡμῶν εἰςελθέτωσαν εἰς τὰ ὦτα τοῦ κυρίου μου, τοῦ λαμπροτάτου Χούμνου, καὶ μὴ στραφήτωσαν οἱ τῆς χώρας ἐντολεῖς κατησχυμένοι, τεταπεινωμένοι.

[2]) Πεῖσαι μὲν τὸν τοιοῦτον ἄνδρα ἐνδῦναι τῇ διορθώσει τῆς διανομῆς.

[3]) О Мацукѣ см. Nicetas Acominatus, p. 281 и Λαμπρος II, 563—564.

[4]) Nicetas, p. 355, 412, 553, примѣчанія *Ламброса*.

[5]) Λαμπρος II, 47.

ная для стоянки гавань принимаетъ плавателей. Чтобы не продолжать фигуральную рѣчь,—всепресвѣтлый преторъ прежде другихъ посѣтилъ нашу область [1]) и, будучи по природѣ ненавистникомъ зла и любителемъ справедливости, рѣшился привести въ порядокъ и гармонію разстроенныя наши дѣла. И прежде всего (озаботился исправить) неравномѣрное распредѣленіе снятыхъ податей [2]), что̀ для сборщика было предлогомъ, хотя и несправедливымъ, для чрезмѣрныхъ переборовъ. И если бы скоро не была произведена новая разверстка, для которой, по моему мнѣнію, не представляется никакихъ затрудненій, то возникли бы многія нелѣпости, или уже оказавшіяся остались бы неисправимыми, именно истребленіе бѣднаго класса и благовидный предлогъ для взимательской неправды [3]). Противъ этихъ бѣдъ одно цѣлебное средство въ тебѣ, безцѣнная моя глава!"

Подъ неназваннымъ преторомъ, посѣтившимъ Аѳины, разумѣется Дмитрій Дрими, миссія котораго падаетъ на 1184 г., чѣмъ опредѣляется и хронологія приведеннаго письма. Указанія на заслуги Дрими въ пользу Аѳинской области находятся въ похвальномъ ему словѣ М. Акомината [4]).

Севасту и канцлеру Дмитрію Торнику [5]). „Кто изъяснитъ величіе Господа и разкажетъ всѣ хвалы его, ибо низвелъ во адъ и опять вывелъ, наказалъ и уврачевалъ, разгнѣвался и помиловалъ! И нынѣ, соотвѣтственно съ величіемъ скорбей, которыя нанесъ христіанамъ тотъ страшный человѣкъ, утѣшенія человѣколюбиваго царя веселятъ всякую благочестивую душу. Ибо къ горечи наказанія примѣшавъ уравновѣшивающій антидотъ сладости, онъ наградилъ насъ столько же гуманнымъ и кроткимъ царемъ, сколько прежній былъ жестокъ и неумолимъ, дабы въ такой же мѣрѣ утѣшить насъ, въ какой чрезъ того мы были наказаны. Таковъ первый поводъ къ радости и удовольствію для всякой христолюбивой души. Второй же

---

[1]) ὁ πανυπέρλαμπρος πραίτωρ πρό γε τῶν ἄλλων τὰ καθ' ἡμᾶς ἐπεσκέψατο.

[2]) Καὶ πρῶτον τὴν ἄνισον διανομὴν τῶν ἐκκοπέντων τελῶν, ἣν καὶ πρόφασιν, εἰ καὶ μὴ εὔλογον, τῆς ἀμέτρου παρεισπράξεως ὁ πράκτωρ προβάλλεται.

[3]) Καὶ εἴ περ μὴ αὖθις ἀναδασθείη, δυσχέρεια δὲ οἶμαι οὐδεμία, πολλὰ τὰ ἐντεῦθεν ἀναφυήσονται ἄτοπα, μᾶλλον δὲ ἤδη ἀναφυέντα μενοῦσιν ἀνίατα, ὁ συντριμμὸς τῶν πενήτων, ἡ τῆς φορολογικῆς ἀδικίας εὐάφορμος πρόφασις.

[4]) Λαμπρος, I, 157; также мои статьи «Неизданныя рѣчи и письма М. Акомината» въ *Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія*, январь и февраль 1879 года.

[5]) Λαμπρος, II, 50.

заключается въ томъ, что и сотрудникъ избранъ достойный такого царства, добрый слуга добраго царя, дабы шире растекался источникъ благодѣяній, дабы раскрылось человѣколюбивое сердце и было ласково и милостиво ко всѣмъ, являющимся предъ лице царя со своими нуждами, и просителей не мучило бы и не доводило до отчаянія „откладываніе до завтра" и кивающая голова не обманывала бы и не проводила на однихъ обѣщаніяхъ.—Да будетъ же и моя просьба выслушана. А я прошу не по своему дѣлу, ибо здѣсь ничего не имѣю собственнаго. Мое благо есть или общественная польза моихъ Аѳинянъ, или благо моей церкви. То, что сдѣлаешь, обратится въ благо общественное и мое личное: мое благо есть благо моей паствы" [1]).

Ему же [2]). „Ясное дѣйствіе Божія о насъ смотрѣнія! Нынѣ мы увидѣли такія блистательныя свидѣтельства его попечительства о насъ, что я затрудняюсь — что прежде воспѣвать: легкое ли уничтоженіе тяжкой тиранніи и законное провозглашеніе человѣколюбиваго царства, или морскую и сухопутную побѣду надъ врагами, или стройное теченіе общественныхъ дѣлъ, которыя такимъ царемъ поручены тебѣ, блистательнѣйшій господинъ мой! Если же всемірное счастіе разливается повсюду и не изсякаетъ, отчего же оно не доходитъ до нашей отдаленной страны?... Впрочемъ, теперь я не боюсь за будущее, ибо Богъ поставилъ тебя общимъ спасителемъ и облекъ тебя силою творить добро, и ты знаешь, какъ оказать намъ благодѣяніе; не на насъ обратится оно, а на матерь Божію, ибо мы сами ничего не имѣемъ своего. Я доложу только, что наша Аѳинская область, особенно нуждающаяся въ благодѣяніи, какъ болѣе другихъ опустѣлая, не соотвѣтственно съ прочими областями воспользовалась царскимъ даромъ [3]): незначительно количество общинъ, притомъ же онѣ не въ состояніи вносить идущихъ съ нихъ податей (собственно безполезны для общественнаго дѣла [4]). Если же ты ссылаешься на снятіе, сдѣ-

[1]) Αἰτούμεθα δὲ οὐδὲν ἴδιον, ὅτι μηδ' ἔχομεν δεῦρο ἴδιον, ἀλλ' ἢ λυσιτελές τι τῷ κοινῷ τῶν ἐμῶν 'Αθηναίων ἢ καὶ τῇ καθ' ἡμᾶς ἐκκλησίᾳ, ὡς εἶναι τὸ γενησόμενον ἀγαθὸν κοινόν τε καὶ ἐμόν. 'Εμὸν γὰρ τὸ τοὐμοῦ λάχους καλόν.

[2]) Λαμπρος, II, 52.

[3]) 'Εκεῖνο δὲ τῷ τέως ἀναφέρω, ὡς ἡ μᾶλλον δεομένη εὐποιίας ἡμετέρα χώρα τῶν 'Αθηνῶν, ὡς καὶ μᾶλλον ἐρημωθεῖσα, οὐκ ἀναλόγως ταῖς λοιπαῖς τῆς βασιλικῆς δωρεᾶς ἀπήλαυσε.

[4]) Βραδεῖα γαρ ἡ τῶν συστημάτων ποσότης καὶ οὐδ' αὐτὴ κοινωφελής. Чтеніе этого мѣста конечно встрѣтитъ возраженія. Ни одинъ словарь не придаетъ слову σύστημα того техническаго значенія, какое мы желаемъ придать ему въ приве-

ланное при покойномъ царѣ Алексѣѣ, то, во-первыхъ, не съ однихъ насъ, но съ Еврипа и Коринѳа сложены были недоимки при томъ же царѣ; во-вторыхъ, если поземельная и имущественная перепись, произведенная Просухомъ, не получитъ законной силы, то снятіемъ податей не воспользуются именно тѣ, которые болѣе нуждаются въ милости [1]). Ибо экономія Хумна поступилась этимъ снятіемъ въ

денномъ мѣстѣ, сближая его съ выраженіями κωμητοῦραι, ὁμάδες, ἀνακοινώσεις. Ламбросъ, II, 570, отказываясь отъ объясненія, склоняется въ пользу мнѣнія, что здѣсь разумѣются снятыя съ аѳинскаго округа недоимки. Все мѣсто получаетъ съ его точки зрѣнія такой смыслъ: незначительно количество снятыхъ податей, да и оно распредѣлено не соразмѣрно и потому не можетъ принести пользы для общаго блага. Насъ убѣждаетъ въ необходимости принять другое толкованіе не только совокупный смыслъ всѣхъ мѣстъ въ письмахъ М. Акомината о крестьянахъ, но и наблюденія надъ употребленіемъ слова σύστημα въ бытовомъ и юридическомъ языкѣ Византіи. *Zachariae* von *Lingenthal*, Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 11-e Auflage, S. 342: ὁ ἔπαρχος ἐξουσίαν ἔχει ἐπὶ πᾶσι τοῖς συστηματικοῖς καὶ ἰδιώταις τέχνην οἱανδήτινα μετερχομένοις, т. е. σύστημα цехъ, общество ремесленниковъ. Πεῖρα (*Zachariae*, Jus Graeco-Romanum, I) Z I. 7, различаетъ притомъ σωματεῖον и σύστημα какъ два рода цеховъ. Но σύστημα обозначаетъ и другаго рода общества и корпораціи: ἀναγνωστῶν συστήματα (Cameniata p. 199), ὀρφανοί τε καὶ χῆραι καὶ τὸ λοιπὸν τῶν ἀνθρώπων σύστημά τε καὶ σύνταγμα (Miklosich, Acta IV, 326); одно послѣднее слово обычно у Анны Комниной, Alexias I, 452, 453, II 360; συστήματα—вообще collegia, corpora ap. Harmenopul. ed. Heimbach, Lipsiae 1851. Но и употребленіе слова у древнихъ писателей не противорѣчитъ нашему объясненію, какъ можно видѣть въ словарѣ *Софокла—Sophocles*, Geeck Lexicon, Boston 1870. Σύστημα напоминаетъ намъ другое загадочное слово М. Акомината ὁ δροῦγγος (Λ α μ π ρ ο ς I, 311).

[1]) Εἶτα εἰ μὴ καταστρωθῆναι γένηται ὁρισμὸς τὸ παρὰ τοῦ μακαρίτου Προσούχ γενόμενον κατάστιχον, οὐδ' ἐκ τῆς ἐκκοπῆς ταύτης ὠφελοῦνται οἱ μᾶλλον ἐλέους δεόμενοι..... Καταστρωθήτω τοίνυν δι' ὁρισμοῦ τὸ τοῦ Προσούχ. Выраженія καταστρωθῆναι, καταστρωθήτω—спеціальные термины канцелярскаго дѣлопроизводства. Значеніе этого термина, а равно юридическая важность подразумѣваемаго здѣсь акта видна изъ сопостановленія слѣдующихъ мѣстъ: καταστρωθήσεται γοῦν δι' εἴδησιν ἡ παροῦσα τῆς βασιλείας μου πρόσταξις καὶ ἐν τοῖς χαρτίοις τοῦ θεοφαλάκτου βεστιαρίου τῆς βασιλείας μου (*Miklosich*, Acta IV, 46); cp. ibid. 147, 292; τὸ ἴσον τιμίου καὶ προσκυνητοῦ προστάγματος, καταστρωθέντος δὲ καὶ εἰς τὸ σεκρέτον τοῦ βεστιαρίου (*Zachariae*, Jus, III, 348); κατεστρώθη ὑπομνηστικὸν... μηνὶ μαρτίῳ ς' ἡμέρᾳ ἑβδόμῃ ἰνδικτιῶνος β' (ib. III, 893); cp. ib. p. 394; τὸ δὲ παρὸν διάταγμα οὐ μόνον ὀφείλει ἐν ταῖς ἁπανταχοῦ τῶν ἐκκλησιῶν διαγγελθῆναι, ἀλλὰ κἀν τοῖς πολιτικοῖς δικαστηρίοις καταστρωθῆναι (ibid. 404); καταστρωθήτω οὖν τὸ παρὸν πιττάκιον ἐν τοῖς τῶν ὑφ' ἡμᾶς σεκρέτων χαρτίοις εἰς δήλωσιν τῆς προστάξεως καὶ οἰκονομίας τῆς βασιλείας μου, ὡς ἂν οὕτως ἐνεργῆται ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ ἐπὶ τὰ ἔμπροσθεν (ib. 412). Не приводя болѣе мѣстъ, укажемъ еще въ томъ же третьемъ томѣ *Цахаріэ*:

пользу властелей [1]). Да и всякій сборщикъ, который бы получилъ эту область, сдѣлалъ бы такъ же, какъ Хумнъ. Пусть же войдетъ въ законодательный актъ перепись Просуха: лучше я не умѣю ничего придумать".

Дмитрій Торникъ, бывшій логоѳетомъ дрома и хранителемъ государственной чернильницы (ὁ ἐπί τοῦ κανικλείου) при Андроникѣ и Исаакѣ Ангелѣ, принадлежалъ къ знаменитому роду, дававшему государственныхъ дѣятелей еще въ XIV в. Письма къ нему относятся къ концу 1185 года, т.-е. ко времени, послѣдовавшему за низверженіемъ Андроника и вступленіемъ на престолъ Исаака Ангела [2]). Нельзя не замѣтить, что эти письма имѣютъ весьма серьезное значеніе, и не столько по своему политическому характеру, какъ по яснымъ указаніямъ на податныя реформы, падающія на время царя Андроника, который хотѣлъ быть крестьянскимъ царемъ.

Логоѳету Дмитрію Торнику [3]). „Я думалъ, богоравный господинъ мой, или лучше былъ убѣжденъ, что наступаетъ время снова ожить Аѳинамъ, соединиться въ одну общину и освободиться отъ прежнихъ бѣдствій, несчастному же епископу немного успокоиться отъ слезъ и получить малое облегченіе отъ безчисленныхъ заботъ. Когда гуманнѣйшій царь посланъ былъ исправить вселенную и когда ему помогаетъ добрый и справедливый слуга, достойный такой власти, не въ Аѳины ли преимущественно передъ другими мѣстами слѣдовало провести рѣку царской милости? Будучи одного и того же происхожденія съ древними мужами, царь обязанъ благодарностью къ общему отечеству филологовъ и ихъ благоговѣйному уваженію къ душамъ тѣхъ мудрецовъ принять всѣ мѣры, чтобы Аѳины перестали постоянно терять своихъ обитателей и разрушаться до самыхъ основаній [4]), особенно, когда царскій чертогъ и философія соединились на благоденствіе народовъ. Я думалъ, что теперь такимъ образомъ осуществятся мои мечты; но напрасно загадывалъ впередъ, я обманулся въ ожиданіяхъ! Въ то время, какъ

pp. 445, 454, 456. Изъ этихъ мѣстъ видно, что перепись Просуха оставалась пока проэктомъ, которому не давали въ Константинополѣ движенія, т. е. не передавали въ соотвѣтствующій приказъ къ исполненію.

[1]) Ἡ γὰρ τοῦ Χούμνου οἰκονομία τοῖς δυναμένοις ταύτην ἀπέδοτο.

[2]) Nicetas, 344; Λαμπρος II, 568—569.

[3]) Λαμπρος II, 65.

[4]) Εἰ μὴ δι' αὐτοῦ παύσονται Ἀθῆναι τοῦ ἀεὶ τῶν οἰκητόρων ἐκκενοῦσθαι καὶ ἕως τῶν θεμελίων καταστρέφεσθαι.

сосѣдніе съ нами города пользуются облегченіемъ повинностей и скидкой податей, на долю несчастныхъ Аѳинъ не выпало никакой милости, если не говорить о мелочной внимательности переписчиковъ, которая едва ли приведетъ къ чему полезному [1]). Самое же бѣдственное—это пропреторъ, первое и конечное разореніе Аѳинъ. Освободившись отъ его насилія вотъ уже три года, когда неожиданно увидѣли, что вмѣсто одного прибыло двое, ужаснулись отъ страха и били въ свои перси, какъ будто настало конечное истребленіе Аѳинянъ изъ среды людей. Вспомни же Аѳины, не забудь и наше ничтожество. Не великаго чего-нибудь и вреднаго для государства просимъ, но прежде всего—не посылать въ Аѳины пропретора, а чтобы наѣзжалъ періодически и по мѣрѣ надобности самъ преторъ, какъ дивный Дрими и до него Просухъ [2]). Далѣе, если пожелаешь постепенно уврачевать тѣхъ, кому нанесъ раны, выхлопочи опредѣленіе, чтобы размѣривающій участки переписчикъ считалъ на номисму столько же модіевъ, сколько принято считать въ сосѣднихъ съ нашей областяхъ [3]). Покажи самими дѣлами, что мы не забыты въ твоемъ сердцѣ будто умершіе".

Неизвѣстный по имени пропреторъ посланъ былъ въ Аѳины въ первый годъ Исаака Ангела, и самое письмо должно быть помѣчено 1186 г.

Дядѣ царя Кастамониту [4]). „Получивъ первое и второе письмо, посланныя твоимъ величіемъ въ нашу даль, я началъ тотчасъ же

---

[1]) Ταῖς μὲν ἀστυγείτοσιν ἡμῶν πόλεσι κουφισμοὶ τελῶν καὶ φόρων ἀνέσεις, Ἀθήναις δὲ ταῖς ἀθλίαις τοιοῦτον οὐδὲν, ἀναγραφικὴ δὲ μᾶλλον πολυπραγμοσύνη.

[2]) Οὐ μεγάλα τινὰ καὶ ἐπιζήμια τῷ δημοσίῳ αἰτούμεθα ἀλλὰ πρῶτον μὲν μὴ στέλλεσθαι εἰς ἀντιπραίτωρα, αὐτὸν δὲ τὸν πραίτωρα κατὰ περιόδους ἐπιδημεῖν καὶ ὁσάκις δεήσειε, καθὼς ὁ θαυμάσιος Δριμὺς καὶ ὁ πρὸ αὐτοῦ Προσούχ.

[3]) Εἶτα οὓς ἔτρωσας εἰ βούλει μετρίως ἰάσασθαι, διορισθήτω καταλογίζεσθαι τὸν ἀναγραφέα τὸν γεωμετρούμενον γήδια τοσούτων μοδίων τῷ νομίσματι ὅσων καὶ ταῖς ἀγχιθυρούσαις χώραις ἡμῖν κατελογίσθησαν. Модіи, какъ мѣра земли, не были одинаковы въ разныхъ частяхъ имперіи. Здѣсь однако идетъ рѣчь не о разности величины модіевъ въ аѳинской и смежныхъ областяхъ (Коринѳъ и Ѳивы), а о неравномѣрномъ обложеніи модія податями, при чемъ принималось во вниманіе качество земли. Возможны были неправильности при самомъ измѣреніи: ἐπὶ δὲ τῇ παραδόσει τῆς γῆς, τό τε τῆς σχοίνου μέτρον κολοβοῖ, καὶ ἔτι περὶ τὴν τοῦ μοδισμοῦ συναρίθμησιν ἀμαθέστατα πράττει (Theoph. Bulg. ap. Migne CXXVI p. 452). Различаются μόδιοι ἐγχώριοι (*Miklosich*, Acta, IV, 21), ἀννονικοὶ и θαλάσσιοι (ibid. IV, 284. 286), βασιλικοί (*Miklosich*, III, 237). μεγάλοι (*Miklosich* IV, 232).

[4]) Λαμπρος, II, 70.

пріобрѣтать смѣлость, оставляя робкую нерѣшительность. Чего ты робѣешь, говорю я себѣ, почему ты смотришь только на величіе, а не обращаешь вниманія на милость и снисходительность: самъ великій логоѳетъ далъ позволеніе говорить и писать, самъ простираетъ къ тебѣ письма какъ объятія! Такъ я говорилъ себѣ недавно. Когда же молва и письмо извѣстили насъ, что всемощный великій логоѳетъ взялъ Аѳины за себя и принялъ заботу и попеченіе о нихъ [1]), я опять вспомнилъ о промыслѣ Божіемъ. Какъ Господь отдѣлилъ себѣ Израиля, такъ и высокій логофетъ, поручая другимъ прочія ромэйскія области и ихъ управленіе, себѣ отдѣлилъ Аѳины, присвоивъ себѣ насъ какъ свой народъ. И всѣ мы, удрученные разнообразными бѣдствіями, оживились радостной надеждой. Хотя нѣкоторыя части покланяемаго царскаго указа, вставленныя по доносу совершенныхъ телхиновъ и клеветниковъ, выражаютъ неудовольствіе на нашу церковь, но служители Богоматери, полагаясь на справедливость твоей милости, не лишились черезъ то доброй надежды и общей радости. Мы были увѣрены, что непоколебимая и боголюбезная душа не позволитъ себѣ увлечься вымышленной клеветой и измѣнить что-нибудь въ древнихъ правахъ церкви, заключающихся въ данныхъ ей хризовулахъ [2]). И такъ, мы просимъ не давать значенія клеветѣ, пока твоя милость не убѣдится отъ самыхъ дѣлъ, что церковь аѳинская не приноситъ вреда государству и не притѣсняетъ неимущихъ, но и имъ помогаетъ по силамъ [3]). Мы и сами знаемъ, что̀ отдавать каждому: кому оброкъ—оброкъ, кому пошлину—пошлину, кому честь—честь. Если же помѣстья нашей церкви—одни совершенно погибли отъ разныхъ случайностей, другія же исчезаютъ мало по малу, расхищаемыя пиратами, то и доходы наши весьма сократились и не покрываютъ необходимыхъ издержекъ [4]). Но такъ какъ мы имѣемъ счастіе вступить подъ надзоръ и попеченіе общаго и единственнаго

---

[1]) ὡς ὁ τὰ πάντα διοικῶν παμμέγιστος λογοθέτης τὰς 'Αθήνας ἰδίας ἑαυτοῦ πεποίηται καὶ τὴν κατ' αὐτὰς ἀνεδέξατο κηδεμονίαν καὶ φροντίδα.

[2]) ὡς οὐ παρασύρεται—εἰς τὸ καινίσαί τι ἐπὶ τοῖς ἀνέκαθεν δικαίοις τῆς ἐκκλησίας παρὰ τὰς περιλήψεις τῶν προσόντων αὐτῇ χρυσοβούλων.

[3]) οὔτε τὸ δημόσιον ἡ ἐκκλησία τῶν 'Αθηνῶν ζημιοῖ, οὔτε τοὺς ἀπορωτάτους ἀδικεῖ, ἀλλὰ καὶ τούτοις κατὰ δύναμιν προσβοηθεῖ.

[4]) εἰ καὶ τῆς καθ' ἡμᾶς ἐκκλησίας κτήματα τὰ μὲν τὸ παρ' ἅπαν ἀπώλοντο πολυτρόπως, τὰ δὲ καθ' ἑκάστην ὑπορρέουσιν, ὑπὸ τῶν πειρατῶν ληιζόμενα, καὶ τὰ τῶν προσόδων εἰς στενὸν κομιδῇ καὶ οὐκ ἀνάλογον ταῖς ἀναγκαίαις δαπάναις περιίστανται.

управителя ромэйскими дѣлами, то смѣемъ надѣяться, что наша страна и церковь, нынѣ умершія, снова оживутъ и процвѣтутъ".

Ѳеодоръ Кастамонитъ, временщикъ въ первые годы правленія Исаака Ангела, отличался весьма непривлекательными для государственнаго дѣятеля качествами. О характерѣ его управленія „взятыми за себя" областями подробно говоритъ историкъ Никита Акоминатъ [1]). Письмо къ нему относится къ 1186 или 1187 г.

· Вселенскому патріарху Леонтію [2]). „Святѣйшій господинъ мой и повелитель! И прежде я страстно желалъ возвратиться въ Константинополь, почти съ того даже времени, какъ попалъ въ эту глубочайшую пропасть. Нынѣ же питаю неудержимое желаніе поклониться великой святости твоей и позаимствоваться отъ нея освященіемъ и совѣтомъ. И поелику полны золъ земля и море, умоляю и прошу, какъ божественный Давидъ, крыльевъ голубиныхъ, дабы распустить ихъ и подняться на воздухъ. Какъ бы мнѣ посмотрѣть на святой храмъ твой, какъ бы поклониться апостольскому трону и обнять его! Три года назадъ намъ поручено было церковное управленіе островомъ Эгиной. Исполняя въ теченіе года это порученіе и испытавъ его неудобства, мы просили освободить насъ отъ управленія [3]), и потомъ опять, не знаю уже какимъ образомъ, противъ воли принуждены были снова понести это бремя. Послали акростихъ—сколько могли съ безчисленными затрудненіями собрать тамъ, именно двѣ литры иперпировъ [4]). Относительно прочаго да будетъ экономія, какую укажетъ великая святость твоя. Мы же не можемъ послать туда даже своего человѣка, потому что большинство населенія находится въ бѣгахъ изъ-за разбоевъ и всяческихъ притѣсненій, и остались на мѣстѣ весьма немногіе, именно тѣ, которые вступили въ

[1]) Nicetas p. 571—576; Λαμπρος, II, 575.

[2]) Λαμπρος, II, 74.

[3]) Ἡ ἐκκλησιαστικὴ νῆσος ἡ Αἴγινα ἀνετέθη μὲν ἡμῖν πρὸ χρόνων τριῶν, καὶ ἐνεργήσαντες τὴν ταύτης δουλείαν ἐπὶ ἐνιαυτῷ ἑνὶ καὶ ἰδόντες τὴν ταύτης δυσχέρειαν, εὐθὺς παρῃτησάμεθα.

[4]) καὶ ὅσον ἠδυνήθημεν ἐκεῖθεν ἀκρόστιχον ἀναλαβέσθαι διὰ μυρίων καινοτομιῶν καὶ δεξιώσεων ἀπεστείλαμεν, ἤγουν λίτρας ὑπερπύρων δύο. Слово ἀκρόστιχον встрѣчается у М. Акомината еще два раза: Λαμπρος, I, 310. II, 107. Акростихомъ называлась поземельная подать; ее собирали на основаніи предварительной переписи, которая давала матеріалъ для писцовыхъ книгъ (στίχοι, κατάστιχοι = кадастръ), см. *Zachariae*, Geschichte 194. Сумма, собранная съ Эгины, равняется приблизительно 645 р. или 1613 драхмамъ, Λαμπρος, II, 577.

браки съ толпами пиратовъ и усвоили себѣ ихъ занятія [1]). Обо всемъ этомъ подробнѣе изъяснено въ письмѣ къ всечестнѣйшему великому эконому".

Патріархъ Леонтій возведенъ былъ въ санъ въ августѣ 1190 г. и управлялъ церковью семь мѣсяцевъ [2]), такимъ образомъ легко установить хронологію для этого письма. Къ сожалѣнію, не сохранилось любопытное письмо къ великому эконому, въ которомъ излагаются подробнѣе эгинскія дѣла.

Великому логоѳету Велиссаріоту [3]). „Изъ твоего письма я понялъ, какъ хорошо тобой оцѣнены люди, съ которыми я живу уже много времени, но характера которыхъ не узналъ. Твоя удивительная прозорливость, не смотря на разстояніе, не только разгадала этихъ людей, но предусмотрѣла и ихъ расположенія. Развѣ посрамила упорныхъ ваша снисходительность, по которой вы не вручили изданные указы тому, кто приставленъ исполнять ихъ, но препроводили ихъ къ намъ [4])? Или развѣ образумило ихъ, что мы держали въ тайнѣ полученные указы? Клянусь милосерднымъ Богомъ, они такъ и поступили, какъ сказано въ вашемъ письмѣ. Ты знаешь и такъ наши обстоятельства, ибо что̀ скроется отъ твоего кругозора, обнимающаго широкое пространство. Однако позволю себѣ вкратцѣ объясниться. И прежде, подстрекаемый Комнинымъ и вызываемый безразсудствомъ тѣхъ людей, я не выступалъ изъ того круга соображеній, какой усвоилъ себѣ разъ навсегда и съ которымъ ты можешь ознакомиться изъ письма къ логоѳету дрома [5]), и нынѣ не измѣню своего взгляда; желалъ бы остаться при томъ же мнѣніи и до конца, подкрѣпляемый свыше.

---

[1]) Ἡμεῖς γὰρ οὐκέτι δυνάμεθα οὐδὲ ἄνθρωπον γοῦν ἀποστέλλειν ἐκεῖσε διὰ τὸ τοὺς πλείονας φυγάδας γενέσθαι σφαττομένους καὶ πάντα δὴ τρόπον κακουμένους, ὀλιγοστοὺς δέ τινας ἐναπομεῖναι, ὅσοι δῆλα δὴ ἐμίγησαν τοῖς πειρατικοῖς ἔθνεσι δι' ἐπιγαμιῶν καὶ ἔμαθον τὰ ἔργα αὐτῶν.

[2]) Nicetas. p. 529—530; Λαμπρος, II, 576.

[3]) Λαμπρος, II, 88.

[4]) Ἆρα γὰρ κατεδυσώπησε τοὺς ἀτεράμονας ἡ ὑμετέρα ἐπιείκεια, δι' ἣν τοὺς ἀπολυθέντας ὁρισμοὺς οὐκ ἐνεχειρίσατε τῷ τὰ κεκελευσμένα διαπραττομένῳ ἀλλ' εἰς τὰς ἡμετέρας χεῖρας διεπέμψατε; — Выраженія ὁρισμὸς ἀπολυθεὶς или χρυσόβουλλον ἀπολυθὲν означаютъ указъ или хризовулъ изданный, за этими выраженіями слѣдуетъ дата; см. *Zachariae*, Jus Graeco-Romanum III, 532, 457 и др.

[5]) Подъ логоѳетомъ дрома разумѣется извѣстный уже намъ Д. Торникъ. Въ письмѣ къ нему (Λαμπρος, II, 93) Михаилъ Акоминатъ говоритъ: «Еллины и

„Вотъ уже тринадцатый годъ я живу присельникомъ въ Аѳинахъ [1]), сколько еще остается мнѣ жить? Мнѣ было бы стыдно за себя, если бы я не держался мужественно и безъ страха не стоялъ за то, въ чемъ издавна упражнялся продолжительнымъ размышленіемъ. Страшатъ меня и слова Божіи: „Я отдамъ возмездіе“. Онъ самъ по своему всемогуществу или перемѣнитъ сердца и этихъ братьевъ [2]) въ человѣческія, или воспользуется рѣшительными средствами и при нашемъ молчаніи, словомъ—исцѣлитъ какимъ бы то ни было образомъ. Если же не захочетъ сдѣлать ни того, ни другаго, тогда буду знать, что эта клика собралась въ наказаніе за содѣянные мной грѣхи и будетъ мнѣ сатаной, какъ Адеръ Соломону, на всѣ дни моей жизни. Обители святыхъ исповѣдниковъ, вы пожаловали свободу отъ податей въ память о покойномъ Ѳеофилактѣ [3]). Нынѣ игуменъ снова

всегда были дѣтьми, нашимъ же съ большей еще справедливостью свойственно это имя, какъ любящимъ шутку и забаву (1 Коринѳ. 14. 20). Забавой я называю то, о чемъ они сами по себѣ всего болѣе заботятся (Дѣян. 17. 21) и въ чемъ весьма мало отличаются отъ женщинъ апостольскихъ, водимыхъ похотями и всякими удовольствіями (посл. къ Тимоѳею 3. 6—7). Ибо хотя мы преподаемъ имъ уроки и наставленія, никакъ не могутъ прійдти къ разумѣнію полезнаго. Что же я слышу отъ тебя? Ты укоряешь меня и причину неблаговоспитанности этихъ дѣтей ставишь въ вину мнѣ, несчастному отцу! Но выслушай, я не скрою отъ тебя моихъ соображеній, руководясь которыми стараюсь какъ можно великодушнѣй переносить дурное поведеніе нѣкоторыхъ. Во-первыхъ, я чту евангельскую философію, иго которой какъ полезное и удобоносимое добровольно принялъ отъ рукополагающаго. Смыслъ этой философіи состоитъ въ томъ, чтобы не только не платить зломъ за зло, но любить и благотворить ненавидящимъ и ударившему въ правую щеку подставить другую, обѣтованіе побуждаетъ меня и самому такъ поступать, и учить другихъ. Во-вторыхъ, перебирая въ умѣ священныхъ мужей, возсіявшихъ предстательствомъ за народъ, я не нахожу ни одного, который бы дѣйствовалъ насиліемъ, но словомъ и убѣжденіемъ. Затѣмъ, мнѣ было бы стыдно за себя, если бы столько времени живя въ этихъ правилахъ, нынѣ измѣнилъ ихъ. Такія соображенія заставляютъ меня благодушно переносить затрудненія, доставляемыя моими врагами. Полагаясь во всемъ на Бога, вѣрую, что Онъ не постыдитъ мою надежду и благополучно устроитъ мое дѣло».

[1]) Τρισκαιδέκατον ἐνιαυτὸν ἤδη ἀνύω παροικῶν ἐν Ἀθήναις καὶ πόσον ἔτι παροικήσω τοῦ λοιποῦ;

[2]) Αὐτὸς τοίνυν ἢ τὰς καρδίας καὶ τουτῶν τῶν ἀδελφῶν; сравни Λαμπρος, II, 95; οὐκ ἄμισθές μοι ὁ μόχθος κερδάναντι τοὺς ἀδελφούς.

[3]) Τῇ μονῇ τῶν Ἁγίων Ὁμολογήτων ἐχαρίσατε ἀτέλειαν διὰ τὸν μακαρίτην Θεοφύλακτον. Обитель св. Исповѣдниковъ, очевидно, находилась въ Аттикѣ и подчинена была Аѳинской митрополіи. Упоминаемый здѣсь Ѳеофилактъ — племянникъ Велиссаріона, на смерть его сохранилась рѣчь М. Акомината, Λαμπρος, I, 197.

отправился (въ Константинополь), почестите и еще чѣмъ можете, въ этомъ не будетъ несправедливости, только чтобы не было нарушенія правъ, какія имѣетъ въ обители аѳинская церковь. Это не принесло бы пользы и его душѣ, повредило бы и вашей, да и вообще не будетъ утверждено (не будетъ прочно), какъ противное канонамъ [1]).

„Если Богоматерь внушитъ вамъ мысль приписать Оропъ къ церкви [2]) прошу скрѣпить даръ надлежащими актами. Церковь будетъ имѣть нѣкоторую помощь отъ этого помѣстья въ своихъ безмѣрныхъ расходахъ, безъ всякаго для него обремененія, при томъ же и остающіеся крестьяне будутъ спасены [3]). Отнимать же и отдавать человѣку что̀ разъ посвящено Богу—и нечестиво, и достойно осмѣянія; со стороны поселянъ, которые склонны глумиться даже надъ достойнымъ похвалы, это обратилось бы къ нашему поруганію. Какія же слѣдуетъ принять мѣры къ законному скрѣпленію (т.-е. дара), о томъ мы дали знать возлюбленному мнѣ зятю твоему“ [4]).

Іоаннъ и Михаилъ Велиссаріоты были въ свойствѣ съ Акоминатами, именно братъ аѳинскаго митрополита, извѣстный историкъ Никита женатъ былъ на сестрѣ Велиссаріотовъ. Здѣсь имѣется въ виду Іоаннъ, носившій титулъ великаго логоѳета [5]). Дата письма

---

[1]) Μόνον μὴ γένηταί τι ἐπὶ παραγραφῇ ὧν ἔχει ἐπ' αὐτῇ δικαίων ἡ ἐκκλησία. Τοῦτο γὰρ—οὐδὲ στερκτὸν ἄλλως ἔσεται, κανόσιν ἐναντιούμενον. Выраженіе στερκτὸν ἔσεται, какъ и другія въ этомъ же письмѣ, στηριχθῆναι βεβαιότερον, τὴν ἐπιστήριξιν—обычны въ царственныхъ записяхъ. *Miklosich*, Acta, IV, 40; ἐδεήθησαν δὲ οἱ μοναχοὶ Λεμβηνοὶ καὶ ὁρισμοῦ τῆς βασιλείας μου στηρίζοντας αὐτοὺς εἰς τὴν τούτου κατοχὴν καὶ νομήν; ib. p. 41 στερκτέον εἶναι χωρὶς τινος δικαιολογίας.

[2]) Τὸν Ὠρωπόν, ἐπεὶ ὡδηγήθητε παρὰ τῆς θεομήτορος ἀνατεθῆναι τῇ ἐκκλησίᾳ, παρακαλῶ στηριχθῆναι βεβαιότερον. Мѣстечко Оропъ было спорное между аѳинской и ѳиванской церковью (Λαμπρος, II, 131, 600); Михаилъ желаетъ, чтобы вкладъ скрѣпленъ былъ царскимъ хризовуломъ и владѣнной записью (πρακτικόν).

[3]) ἕξει γὰρ ἡ ἐκκλησία συγκρότησίν τινα ἐπὶ ταῖς ἀμέτροις δουλείαις αὐτῆς ἀπὸ τοῦ προαστείου τούτου, μηδενὸς ἀδικουμένου, καὶ οἱ περίλοιποι χωρῖται σωθήσονται. Для выраженія συγκράτησιν можно указать параллельное мѣсто, *Miklosich*, IV, 142: ὡς ἂν κατέχῃ ταύτην (т. е. землю) καὶ ἐργάζηται καὶ τὴν ἐξ αὐτῆς ἐσοδιάζῃ εἴσοδον εἰς συγκρότησιν τῶν ἐν τῇ τοιαύτῃ μονῇ ἀσκουμένων μοναχῶν. Не безъ значенія и терминъ οἱ χωρῖται для крестьянскаго населенія.

[4]) Зятемъ Велиссаріона былъ братъ аѳинскаго митрополита, извѣстный историкъ Никита Акоминатъ. Письмо, о которомъ здѣсь говорится, не сохранилось.

[5]) Въ сочиненіяхъ М. Акомината много матеріаловъ для исторіи Велиссаріотовъ. Λαμπρος, I, 351. 352, 356; II, 21, 58, 88, 105, 123 и др.

точно возстановляется изъ указанія самого автора, что онъ живетъ въ Аѳинахъ уже тринадцать лѣтъ: оно написано въ 1195 году.

Логоѳету дрома Димитрію Торнику [1]). „Доколѣ же, всечестнѣйшій господинъ мой, громко звать мнѣ и не быть выслушиваемымъ, обращаться къ тебѣ вмѣстѣ съ этимъ бѣднымъ и несчастнымъ народомъ и не получать отъ тебя облегченія? Уже время мнѣ воззвать къ тебѣ словами Аввакума къ Богу: тѣснящіе и обижающіе насъ увеличились паче власъ главы нашей, и къ прежнимъ бѣдствіямъ однѣ за другими преемственно и послѣдовательно присоединились на нашу пагубу новыя. Что осталось отъ гусеницы, то поѣла акрида, послѣ акриды напала саранча, остатки же послѣ саранчи уничтожила ржавчина. На насъ же разомъ выпали всѣ эти бѣдствія, и притомъ набросились, какъ бы выразился поэтъ, со всѣмъ ожесточеніемъ, такъ что ничего не осталось въ добычу другой язвѣ.

„Прочти просьбу, которую несчастные Аѳиняне отправили къ державному и святому нашему царю и, [2]) сосчитавъ число разрушительныхъ силъ, сообрази—кто для насъ гусеница и какія прочія язвы. Склонившись на ихъ (т.-е. народа Аѳинскаго округа) и на мои мольбы, прикажи уменьшить поборы, постарайся облегчить сколько возможно вымогательства, дабы не обрушилась на тебя вина въ погибели Аѳинъ. [3]) Ради необходимѣйшихъ по этому дѣлу хлопотъ посланъ честнѣйшій господинъ Ѳома, чрезъ котораго и привѣтствуемъ твою милость".

Этимъ письмомъ открывается цѣлый рядъ особенно важныхъ документовъ, стоящихъ въ связи съ докладами царю Алексѣю Ангелу-Комнину III, представленными жителями Аѳинскаго округа. Всѣ они составлены въ одно время и отправлены въ Константинополь съ довѣреннымъ отъ Михаила Акомината лицомъ, именно съ упомянутымъ въ письмѣ къ Торнику Ѳомою, которому поручено было также давать словесныя объясненія по поводу изложенныхъ въ докладѣ об-

---

[1]) Λαμπρος, II, 96.

[2]) Ὑπανάγνωθί μοι τὸν διητήριον χάρτην, ὃν οἱ παντλήμονες Ἀθηναῖοι ἀνέπεμψαν πρὸς τὸν κράτιστον καὶ ἅγιον ἡμῶν αὐτοκράτορα. Этимъ мѣстомъ рѣшается вопросъ о знаменитомъ Докладѣ (Ὑπομνηστικὸν), который былъ собственно крестьянскимъ докладомъ, чисто народнымъ дѣломъ, принятымъ подъ свою защиту аѳинскимъ митрополитомъ.

[3]) Ἐπικαμφθεὶς οὖν ταῖς αὐτῶν τε καὶ ἡμῶν δεήσεσι, τὴν μὲν παρείσπραξιν μετριωτέραν κέλευσον γίνεσθαι, τὰς δ' ἐπηρείας κουφισθῆναι ὅση δύναμις σπούδασον, ἵνα μὴ τῆς ἀπωλείας τῶν Ἀθηνῶν ἡ αἰτία τῇ αὐθεντίᾳ σου προστριβῇ.

стоятельствъ. Само собой понятно значеніе этихъ писемъ въ дополненіе и разъясненіе трудныхъ мѣстъ доклада. Время составленія ихъ опредѣляется 1198 годомъ [1]).

Великому дукѣ Стрифну [2]). „Поелику Богъ, возводя изъ одной степени въ другую и облегчая доступъ къ высшимъ достоинствамъ, поставилъ тебя предстателемъ ромэйскаго рода и устроителемъ государственныхъ дѣлъ, и какъ Богу ты повиненъ за это долгомъ признательности, христіанамъ же всѣмъ благотворительностію, сочувствіемъ къ нуждамъ и готовностью помочь страждущимъ,—то просимъ и мы твою милость: склони ухо твое и выслушай меня, дабы и Господь внялъ тебѣ въ день печали. Твоя мудрость знаетъ, что наша Аѳинская область неплодородна, не богата пастбищами и не производитъ шелковыхъ тканей. Не обладая и никакими другими жизненными благами, она обилуетъ лишь морскими разбойниками [3]). Послѣдніе не ограничиваются хищническими набѣгами на береговыя мѣста, но грабятъ и внутри страны, такъ что и самое море, изъ котораго Аѳиняне прежде извлекали нѣкоторую выгоду, нынѣ обратилось для нихъ въ погибель. Помню, ты сказалъ во время пребыванія здѣсь, что Аѳины походятъ на нынѣшній царственный городъ, и что какъ Константинополь посредствомъ купеческихъ судовъ пользуется всевозможными благами, такъ и Аѳины обогащаются отъ морской торговли [4]). Ибо городъ не пользуется никакимъ другимъ благомъ, какъ морскимъ мѣстоположеніемъ, которое вмѣстѣ съ богатствами отъ моря сообщаетъ ему выгодное физическое положеніе. Этотъ-то городъ, выгоды котораго такъ справедливо засвидѣтельствовала твоя дальновидность, сокрушаютъ и наперерывъ стараются уничтожить многія бѣдствія: зависть нѣкоторыхъ здѣшнихъ клеветниковъ, злонравіе сосѣдей, набѣги пиратовъ, ненасытность вымогателей (податей) и—чтобы не надоѣсть перечисленіемъ всего по порядку—многія другія. Видя несчастную мою страну, посѣщенную такими и подобными бѣдствіями, и не зная чѣмъ помочь ей, я въ от-

[1]) Λαμπρος, II, 510, 582.

[2]) Λαμπρος, II, 98.

[3]) Οἶδεν ἡ πανσύνετος αὐθεντία σου ὡς ἡ καθ' ἡμᾶς αὕτη χώρα τῶν 'Αθηνῶν οὐ κάρπιμός τίς ἐστιν, οὐ ζωοτρόφος, οὐχ ἱστουργὸς ὑφασμάτων σηρικῶν.... μόνοις δ' ἐνευθηνεῖται θαλαττίοις λῃσταῖς.

[4]) Καὶ ὡς ἐκείνη διὰ τῶν φορταγωγῶν πλοίων πάντα καρπίζεται τὰ ἀγαθά, οὕτω καὶ 'Αθῆναι τῇ παρὰ τῶν πλοίων ἐμπορείᾳ ἐνευθηνοῦντο πολυανδρούμεναι, ὥς φασιν.

чаянія прибѣгаю къ тебѣ одному и касаясь ногъ твоихъ я умоляю во имя священнаго сана, во имя матери Божіей и славнаго ея селенія: побойся, сжалься и преклонись на милость ради такого множества несчастныхъ уводимыхъ и разносимыхъ на всѣ четыре стороны и переселяемыхъ въ чужія страны [1], и дай облегченіе отъ сокрушительныхъ насилій. Многое далъ тебѣ Богъ: деньги, имѣнія, рабовъ, друзей, высшія званія и тѣснѣйшее родство съ царицей. Будемъ и мы твоимъ собственнымъ жребіемъ. отъ котораго, правда, не получишь матеріальныхъ выгодъ, ибо мы сами не имѣемъ средствъ, но получишь нѣчто другое, что̀ выше золота и драгоцѣннѣе камней и жемчуга, именно благодарственныя хвалы и похвальныя слова и молитвы къ Богу, дабы твое благоденствіе сохранилось твердо и неизмѣнно. Останови же стремящіяся на насъ со всѣхъ сторонъ бѣдствія, о которыхъ можетъ дать тебѣ объясненія честнѣйшій грамматикъ, и мы съ своей стороны готовы вознаградить тебя вышеуказанными дарами".

Великій дука флота Стрифнъ извѣстенъ какъ въ высшей степени корыстолюбивый временщикъ, вполнѣ разучившійся отличать казенную собственность отъ своей. Опираясь на сильныя связи при дворѣ, такъ какъ былъ женатъ на родной сестрѣ царицы Евфросиніи, жены Алексѣя III, онъ наложилъ руку на византійскій флотъ и довелъ до полнаго упадка морскія силы. При немъ стали поручать пиратамъ защиту приморскихъ областей [2].

Севасту Θеодору Иринику [3]. „Твоя боголюбезная душа повинна Богу многимъ какъ за другія посланныя свыше милости, такъ и за то, что стоя въ срединѣ между Богомъ и по землѣ ходящими людьми, ты, подобно Моисею въ облакѣ, входишь въ царскій чертогъ и съ глазу на глазъ бесѣдуешь съ боговиднымъ царемъ, передавая его волю извнѣ находящимся. По своей милости Онъ не потребуетъ отъ тебя ничего иного, кромѣ освобожденія города Аѳинъ отъ оскорбителей, или лучше разорителей,—того древняго города, который былъ когда-то благополученъ, ненавидѣлъ тиранію и составлялъ любезное отечество всѣхъ мудрецовъ, а потому дорогаго и тебѣ. И что-

[1]) κάμφθητι πρὸς ἔλεον τοσούτων πτωχῶν ἀγομένων καὶ φερομένων παντὶ ἀνέμῳ καὶ πρὸς ἀλλοδαπὰς ἐκτοπιζομένων χώρας.

[2]) Nicetas, p. 716, ср. февральскую кн. *Ж. М. Н. Пр.* за 1879 г. стр. 395; Λαμπρος, II, 530, 583.

[3]) Λαμπρος, II, 102.

бы присоединить послѣдующе по времени и славѣ какъ болѣе почетное, назову славную защитницу, Всецарицу-Дѣву и Богоматерь, которой здѣшнее божественное селеніе на вершинѣ древняго Акрополя утвердило славу въ небѣ, или лучше само стало вершиной неба, какъ божественный Парѳенонъ и надземный храмъ Богородицы, предлагающій безчисленные духовные дары приходящимъ и молящимся. Сей-то городъ, такъ украшенный древними и новыми почестями, порабощаетъ съ варварствомъ Ксеркса преторъ. Не земли и воды требуетъ онъ, но все, что̀ производитъ земля, весь скотъ, вдобавокъ подрываетъ источники богатства и желаетъ найдти Пактолы, нѣкогда текущіе золотомъ, — великій насильникъ свирѣпствуетъ съ большей злобой, чѣмъ тридцать тирановъ вмѣстѣ [1]). А я несчастный нахожусь въ безсиліи отразить страшныя бѣдствія и обреченъ дѣлить съ жалкимъ населеніемъ плачъ и рыданія. Умоляю васъ и прошу: доведите и до Аѳинъ глубокій потокъ царской милости. Что просьба наша умѣренна и справедлива и безвредна для государства, объ этомъ узнаешь изъ доклада, отправленнаго Аѳинянами [2]). Отдай же Господу молитвы твои, т.-е. долгъ твой".

Ѳеодоръ Ириникъ вскорѣ послѣ 1198 г. сдѣланъ былъ великимъ логоѳетомъ и канцлеромъ. Но и ранѣе, какъ видно изъ этого письма, онъ игралъ значительную роль. Сочувственная характеристика его находится у Никиты Акомината [3]).

Велиссаріотамъ [4]). „Слѣдовало бы мнѣ самому, оставивъ всѣ дѣла, отправиться къ вамъ, чтобы высказать мое невыносимое поло-

---

[1]) οὐ γῆν γὰρ καὶ ὕδωρ αἰτεῖ, τῆς γῆς δὲ ἅπαν ἐκφόριον καὶ θρέμματα πάντα, καὶ πρός γε πηγὰς ἀνορύττει θησαυροῦ καὶ μαστεύει Πακτωλοὺς χρυσῷ ποτε ῥέοντας· κακοῖ δὲ ἅπας ἐπηρεαστὴς βαρύτερον ἤ περ οἱ τριάκοντα τύραννοι.

[2]) Ἃ δὲ δεόμεθα, μέτρι' ἄττα καὶ δίκαια καὶ τῷ δημοσίῳ ἀζήμια, τὸ παρὰ τῶν Ἀθηναίων ἀνενεχθὲν δεητήριον ἀπαγγέλλει.

[3]) Nicetas, p. 652 — 653. Вслѣдъ за письмомъ къ Ирнику слѣдуетъ въ сборникѣ письмо къ неизвѣстному лицу Георгію Падіату. Изъ него приведемъ здѣсь одно мѣсто. Говоря о причинахъ рѣдкой переписи, Михаилъ замѣчаетъ: «И рука бы легка, и служитъ какъ крыло или мысль, и оказіи не рѣдки, но безчисленны и эти, какъ листья и цвѣты весной: сборщики, преторы, переписчики, дозорщики, межевщики, вымогатели корабельнаго и многіе другіе изъ той же негодной дряни, которыхъ царственный городъ ежегодно высылаетъ повсюду и въ особенности въ Элладу и притомъ въ такомъ большомъ количествѣ, какъ Богъ не насылалъ лягушекъ на Египетъ. Можешь отсюда понять и самъ тайну нашего молчанія».

[4]) Λαμπρος, II, 105.

женіе, выплакать свое горе и либо снискать какое либо облегченіе, либо же бросить все и скрыться куда нибудь, отказавшись отъ борьбы противъ теченія и тяжкихъ условій времени. Но какъ Господу еще не угодно освободить меня изъ этой преисподней и возвратить къ вашему безоблачному утру, то остается обратиться къ вамъ письменно, излить свои горести и просить вашего состраданія. А какъ нельзя передать письмомъ такое множество бѣдствій, то мы заблагоразсудили послать съ нимъ достопочтеннаго господина Ѳому, чтобы онъ подробно разказалъ вамъ обо всемъ, что̀ въ письмѣ изложено кратко, и чтобы мнѣ знать—по нерадѣнію ли, какъ многіе укоряютъ, пришли въ упадокъ наши дѣла, или по нѣкоему божественному попущенію.

„Выслушайте, на что̀ мы жалуемся,—и если окажется, что мы справедливо терпимъ, заткните для письма ваши уши, а тому, кто принесъ его, укажите двери. Если же несправедливо насъ притѣсняютъ размежевывающіе землю [1]), выжимая соки изъ насъ безъ всякой иной причины, какъ потому, что мы стали очень убоги, смирны и для всякаго желающаго представляемъ изъ себя легкую добычу, ибо нѣтъ вокругъ насъ твердынь, могущихъ отражать напоръ злодѣевъ, нѣтъ узкаго и опаснаго перешейка, который бы дѣлалъ трудную переправу, къ тому же и городъ нашъ не такъ населенъ, чтобы быть въ состояніи защищаться [2]),—если въ этомъ причина, то что̀ же вы продолжаете бездѣйствовать и предаваться покою, а не встанете и не поспѣшите на помощь, имѣя на то средства по милости Божіей?

---

[1]) Εἰ δὲ ἀδίκως ἐκπιεζόμεθα καὶ παρὰ τῶν δασμολογούντων ἐκμυελιζόμεθα. Письмо къ Велиссаріотамъ по содержанію своему и по точности выраженій ближе всѣхъ другихъ подходитъ къ «докладу». Весьма натурально поэтому искать объясненія трудныхъ мѣстъ одного документа въ другомъ, хотя удается это не во многихъ случаяхъ. Параллельное приведенному мѣсту въ докладѣ читается такъ (Λαμπρος, I, 307): οὐ μόνον γὰρ ἡμεῖς δὶς καὶ τρὶς καὶ πολλάκις παρὰ τὰς γείτονας ἡμῶν χώρας ὑπέστημεν ἀναγραφὰς καὶ ἐπιτηρήσεις ἀναγραφῶν γεωμετρουσῶν ἴχνεσι ψυλλῶν ἄντικρυς τὰ ὑπόψαμμα ταυτὶ καὶ λυπρόγεα ἡμῶν γήδια, т. е.: Мы два и три раза, и часто не въ рядъ съ сосѣдними намъ областями, подвергались переписямъ и перевѣркѣ переписей, причемъ почти блошиными скачками измѣрялась наша песчаная и безплодная почва. Сравненіе этихъ мѣстъ придаетъ выраженію δασμολόγοι, δασμολογοῦντες опредѣленный смыслъ. Сравн. Λαμπρος, II, 48, I, 300 (рѣчь на смерть Евстаѳія); въ особенности Πεῖρα XV, 10 (ap. *Zachariae*, Jus, I.); Novellae 266 (ibid. III; Nicetas p. 631; Anna Comnena, Alex. II. 305.

[2]) οὔτε γὰρ ἐρυμνά τινα περὶ ἡμᾶς, τὰς ἐπηρεαστικὰς ἐπελεύσεις ἐκδεδιττόμενα, οὔτε πορθμοῦ γέφυρα ὀλισθηρὰ καὶ στενὴ καὶ τὸν νοῦν διαπεραιουμένων συνάγουσα, οὐ πολυοχλία πόλεως χυμαινομένη καὶ τὴν ἄμυναν ἐπικλύζουσα.

Не вы-ли общіе попечители областей ромэйской имперіи, не должны-ли вы на ряду съ другими городами помочь и Аѳинамъ, если не ради насъ, то ради самихъ Аѳинъ, очага всѣхъ мудрецовъ, которыя находятся въ опасности быть вычеркнутыми изъ числа греческихъ городовъ? Вы, наблюдатели надъ государственными доходами и кураторы надъ кураторами, ужели вы не прострете руку Аѳинамъ, уже погруженнымъ въ потопъ бѣдствій?

„Но чтобы не показалось, что мы напрасно повторяемъ чужой вымыселъ, перечтите со мной всѣхъ насильниковъ, строителей катергъ (морскихъ судовъ), сборщиковъ на флотъ Стиріопа, другихъ сборщиковъ на флотъ [1]), присоедините къ нимъ взимающихъ подать съ дыма, съ тягла [2]), пріемщиковъ претора [3]), самую встрѣчу претора, безчисленныя повинности кормовыя, фуражныя, поклонныя [4]),

---

[1]) ἀριθμεῖτέ μοι τοὺς ἐπηρεαστάς, κτίστας κατέργων, πλωιμολόγους τοῦ Στειριόνου, ἑτέρους πλωϊμολόγους. Въ докладѣ о корабельномъ сборѣ читается; Καὶ μαρτυρεῖ τὸ προσεχῶς παρελθὸν ἔτος, ὅτε κτίσεως κατέργων ὁρισθείσης, ἡμεῖς πρῶτοι καὶ μόνοι τῶν ἄλλων, καὶ περ μὴ κτισθέντων ἐζημιώθημεν, ὅτε τοῦ Πανσίου Στειριόνου καταπεπλευκότος, μόνοι πάλιν ἡμεῖς νομίσματα ὑπὲρ πλωΐμων κατεβαλόμεθα· ἡνίκα πάλιν ὑπὲρ πλωΐμων τῷ Σγουρῷ καὶ τῷ πραίτωρι ποσότητα νομισμάτων δεδώκαμεν, т. е. Мы можемъ сослаться на только-что минувшій годъ. Когда былъ изданъ приказъ о постройкѣ судовъ, мы обложены были данью первые, и притомъ одни изъ всѣхъ, хотя судовъ не было построено. Когда присталъ Пансій (Пансій) Стиріонъ, опять мы одни привлечены были ко взносу корабельныхъ денегъ. Потомъ еще Сгуру и претору уплатили извѣстную сумму. Это мѣсто обращаетъ на себя вниманіе не столько потому, что свидѣтельствуетъ о трехъ поборахъ на корабли въ одинъ годъ, ибо византійская податная система можетъ удовлетворить возникающія недоразумѣнія хоть бы тѣмъ, что различаетъ постановку судовъ къ мѣсту или выгонъ (ἐξέλασις πλωΐμων, *Miklosich*, IV, 249), снаряженіе судовъ (ἐξόπλισις πλωΐμων, *Zachariae*, Jus, III, 374) и самую постройку (δόσις или ζήτημα πλωΐμων, *Mikl.*, IV, 225, 249, 253, 343, 352 и др.),—сколько потому, что сборы одной и той же податной статьи предъявляются повидимому отъ двухъ правительствъ, или по крайней мѣрѣ исходитъ изъ двухъ разныхъ системъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія право Сгура на подать съ Аѳинъ.

[2]) ἀλλὰ καπνολογοῦντας, ζευγολογοῦντας. Главная податная статья—съ дыма и съ тягла. Недоразумѣніемъ нужно считать замѣчаніе къ этому мѣсту г. *Ламброса* (II, 587) 'Αλλ' ἐπειδὴ κατατάσσονται ἀμφότεροι (то-есть та и другая подать) εἰς τοὺς πλωιμολόγους, ἐννοεῖται ἴσως ἰδιαίτερος φόρος καπνικὸς καὶ ζευγικὸς ἐπιβληθεὶς χάριν τῶν πλωΐμων.

[3]) τοὺς ὑποδοχάτορας τοῦ πραίτωρος. Въ докладѣ объ нихъ же читается: ἔμπροσθεν δὲ αὐτοῦ, τὸ τῆς Γραφῆς εἰπεῖν, τρέχει ἀπώλεια, ὑποδοχάτορές τινες καλούμενοι.

[4]) αὐτὴν τοῦ πραίτωρος τὴν ἐπέλευσιν, τὰς ἀμέτρους τροφάς, τὰς ζημίας, τὰ προσ-

барщинную поставку подъемныхъ животныхъ или лучше отчужденіе подъ предлогомъ ямской повинности [1]), наконецъ новую поземельную подать, собираемую вестіаритомъ съ его сердитымъ и метающимъ громы сотрудникомъ [2]). Не говорите мнѣ, что это общія повинности, но обсудите наше печальное положеніе, заключающееся въ томъ, что нѣкоторыя изъ вышеуказанныхъ податей лежать на насъ

χυνητικα. Изъ доклада: πενταχοσιομεδίμνους ζητοῦντες ἑκάστης ἡμέρας ἀνδρῶν τε καὶ ἵππων τροφὰς καὶ θρεμμάτων ὅλα ποίμνια καὶ ὀρνίθων ὅλας ἀγέλας καὶ τὸ σύμπαν τῆς θαλάττης ὄψον εἰςπραττόμενοι οἴνου τε χρῆμα ὅσον οὐδ' ἂν πᾶσαι αἱ καθ' ἡμᾶς ἄμπελοι γεωργήσαιεν, то-есть они (пріемщики претура) требуютъ на каждый день по пятисотъ медимновъ жита для людей и лошадей, цѣлыя стада овецъ, большія стаи птицъ и всѣ виды морской рыбы, а вина имъ нужно такое количество, сколько не родятъ и всѣ наши виноградники. Τὰ προσκυνητικὰ = въ докладѣ ζητεῖ προσκυνητήκιον.

[1]) τὰς ἐπὶ τῇ ἐξελεύσει αὐτοῦ ἀγγαρείας τῶν ὑποζυγίων, μᾶλλον δὲ προφάσει ἀγγαρείας διαπράσεις. Въ докладѣ: εἶτα ποῖον ὑποζύγιον οὐκ ἀγγαρεύεται, μᾶλλον δὲ ποῖον ἀγγαρευόμενον οὐ τῷ οἰκείῳ δεσπότῃ πιπράσκεται οὐχ ἅπαξ, ἀλλὰ πολλάκις καὶ δεύτερον; то-есть потомъ рѣдкое вьючное животное уйдетъ отъ ямской повинности, или лучше — взятое подъ извозъ не продается потомъ своему хозяину, да не одинъ разъ, а часто дважды.

[2]) ἐπὶ τούτοις καὶ τὴν παρὰ τοῦ βεστιαρίτου καινοφανῆ τοῦ κήνσου ἀπαίτησιν μετὰ σοβαροῦ τινος καὶ ὑψιβρεμέτου συνεργοῦ. Въ докладѣ: ἐῶμεν ἀναφέρειν τὴν τοῦ κήνσου ἀπαίτησιν. Новая, или лучше «необычная» подать (καινοφανής), собираемая вестіаритомъ, была именно поземельная. Κῆνσος довольно рѣдко встрѣчается въ византійскихъ памятникахъ, такъ какъ господствующимъ терминомъ для поземельной подати было или выраженіе произведенное отъ тягла-ярма (ζεῦγος)—ζευγάριον, ζευγηλατεῖον, или отъ писцовыхъ книгъ (στῖχος—статья, столбецъ)—ἀκρόστιχος. Однако же въ этомъ смыслѣ понимаемыя нами два мѣста М. Акомината не стоятъ одиноко. *Zachariae*, Jus, III, 265: εἰ δὲ καὶ οὗτοι οὐκ εἶεν, ἀνάγκη καὶ τοὺς πολιτικοὺς συντελεστὰς εἰσακούεσθαι πρὸς τὸ μὴ διαπίπτειν τὸν ἐκ τοῦ κήνσου φόρον. Нужно замѣтить еще, что въ обоихъ нашихъ документахъ упомянуто и про акростихъ. Сопоставленіе этихъ мѣстъ еще болѣе убѣждаетъ насъ, что κῆνσος=ἀκρόστιχος. Письмо къ Велиссаріотамъ и Докладъ Алексѣю III составлены, какъ извѣстно, въ одно и тоже время; хотя послѣдній поданъ отъ имени жителей аѳинскаго округа, но редакція его принадлежитъ митрополиту Михаилу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть совершенное тожество оборотовъ, напримѣръ: ἵνα μὴ λέγωμεν ἀπαίτησιν καὶ παρείσπραξιν βαρεῖαν τοῦ ἀκροστίχου καὶ θαλαττίων λῃστῶν λεηλασίαν συνεχῆ (письмо)=ἐῶμεν ἀναφέρειν τὴν τοῦ κήνσου ἀπαίτησιν. τὴν λεηλασίαν τῶν θαλαττίων λῃστῶν (докладъ). Различіе этихъ мѣстъ лишь въ занимающихъ насъ выраженіяхъ. Такимъ образомъ, и поземельная подать, какъ корабельная, собираема была два раза: центральною властью и Сгуромъ, или другимъ лицомъ, также мало уважающимъ центральную власть.

однихъ, какъ Стиріонова [1]), и корабельная (на устройство катергъ), другія же собираются съ насъ въ большемъ чѣмъ слѣдуетъ размѣрѣ, не говоря уже о несоразмѣрномъ требованіи и переборѣ акростиха и постоянныхъ грабительствахъ морскихъ разбойниковъ.

„Ужели ваша человѣколюбивая душа не содрогнулась, услышавъ объ этомъ? Если же ужасъ обнимаетъ душу отъ одного слуха, то до какого состоянія доведены мы, испытывая эти бѣдствія? Но пощадите насъ, уже потерявшихъ голову и помышляющихъ о бѣгствѣ; пощадите Аѳины, римское наслѣдіе, дошедшее до крайней степени бѣдствія, окажите снисхожденіе, безвредное для государства. Какой взносъ слѣдуетъ съ Аѳинъ на претора?—Вѣдь никакого? [2]). Такъ зачѣмъ же мы поплатились почти десятью литрами [3]), или лучше за-

---

[1]) οἷον τὰ τοῦ Στειριώνου. Подъ Стиріоновой податью повидимому разумѣется корабельная. Но едвали не вѣрнѣе видѣть здѣсь того *вестіарита*, о которомъ говорится выше и толковать это мѣсто въ соотвѣтствующемъ смыслѣ. Калабрійскаго происхожденія, пиратъ Іоаннъ Стиріонъ дѣйствительно получилъ почетное званіе при дворѣ византійскомъ и распоряжался въ приморскихъ областяхъ имперіи съ полною независимостью, то-есть, собиралъ корабельное и облагалъ поземельною податью. *Страшный его сотрудникъ* тогда будетъ никто иной, какъ генуэзецъ Каѳаро (Καφούρης). Разбираемыя нами мѣста находятъ себѣ освѣщеніе въ извѣстіяхъ Никиты Акомината, Nicetas p. 636—637, особенно 637, 10.

[2]) Τίς ἡ ἐξ Ἀθηνῶν παρὰ τοῦ πραίτωρος εἰσκομιδὴ, ἢ δῆλον ὡς οὐδεμία τις; смыслъ приведенныхъ словъ выясняется соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ докладѣ: Ἀλλὰ τὴν πραιτωρικὴν ἐπήρειαν καὶ δυναστείαν πῶς ἂν ἀδακρυτὶ καὶ διηγησαίμεθα; Μηδεμιᾶς γὰρ οὔσης ἐνοχῆς ὑπὲρ τοῦ ὁρίου ἡμῶν τῷ κατὰ καιροὺς πραίτωρι, οὐ πρακτορικῆς (πραιτωρικῆς?) ἐνεργείας, οὐ πραιτωρικῆς δικαιοδοσίας, καθότι προσκυνητὸν χρυσόβουλλον καὶ αὐτὴν ἀπείργει τὴν εἰς Ἀθήνας αὐτῷ πάροδον, то-есть, но безъ слезъ мы не могли бы говорить о преторскомъ вымогательствѣ и насиліи. Хотя наша область не имѣетъ никакой связи съ періодически назначаемыми преторами, ни съ преторской администраціей, ни съ преторскимъ судомъ, ибо царскимъ хризовуломъ воспрещенъ ему и самый въѣздъ въ Аѳины, онъ, повидимому уважая силу хризовуловъ выставляетъ благочистивыя цѣли какъ предлогъ къ посѣщенію». Михаилъ Акоминатъ ссылается, какъ видно, на особаго рода иммунитетъ, изъятіе аѳинскаго округа отъ преторской администраціи и суда. Въ подразумѣваемомъ хризовулѣ могло читаться: ἐξκουσευθήσεται μέντοι ἡ ῥηθεῖσα ἅπασα χώρα τῶν Ἀθηνῶν ἀπὸ τῆς τε πραιτωρικῆς καὶ κατεπανικῆς χώρας καὶ χρείας, ἀπό τε ἐκβολῆς χρειῶν τῶν χορηγουμένων δικασταῖς ἢ πράκτορσιν ἢ ἑτέροις ἄρχουσι, δουξὶ, πραίτωρσι, κατεπάνοις, δόσεως προσκυνητῶν, ἐκβολῆς χορτασμάτων, διατροφῆς и т. п. (ср. подобные хризовулы ap. *Zachariae*, Jus, III, 374, 506).

[3]) καὶ ἵνα τί λοιπὸν ζημιούμεθα ἐγγὺς τῶν δέκα λιτρῶν. Высчитываютъ эту сумму въ 8064 греческихъ драхмъ, что составляетъ около 2500 р., см. Λάμπρος II, 528.

чѣмъ насъ уничтожаютъ и сокрушаютъ всѣми средствами? Почему хризовулъ утверждаетъ ѳиванскія привиллегіи, и Ѳивы свободны отъ снаряженія кораблей [1], а мы привлечены къ этой повинности царскимъ указомъ и должны вносить не только приходящіяся по раскладкѣ на нашу долю подати [2]), но сколько захотятъ проклятые сборщики на флотъ, которые попираютъ ногами поклоняемые указы?— Но я выступилъ изъ границъ и вдался въ утомительное разглагольствованіе, увлеченный безмѣрными страданіями. Пора замолчать. Остальное передастъ господинъ Ѳома. Или онъ выхлопочетъ какое-нибудь облегченіе, или пусть лучше и не возвращается назадъ, но извѣститъ о томъ, чтобы и намъ убраться куда заблагоразсудится".

Братья Велиссаріоты Іоаннъ, великій логоѳетъ, и Константинъ, тоже занимавшій важную должность въ Константинополѣ, какъ извѣстно, находились въ близкомъ родствѣ съ Акоминатами. Письмо къ нимъ отличается сравнительно большею полнотой и точностью и во многихъ мѣстахъ можетъ быть поставлено рядомъ съ докладомъ Алексѣю III. Дѣлать объ немъ заключеніе значило бы повторять изложенные въ немъ факты. Письмо къ Велиссаріотамъ любопытно и съ общей точки зрѣнія, оно рисуетъ положеніе провинцій имперіи передъ четвертымъ крестовымъ походомъ. Безпокойныя и предпріимчивыя

---

[1]) Ἵνα τί τὸ Θηβαίων μὲν χρυσόβουλλον στέργει καὶ οὐ καταβάλλονται πλωΐμους. Мы уже выше указывали, что въ дарственныхъ и обѣльныхъ грамотахъ выраженіе στέργειν значитъ утверждать, принимать. См. Miklosich Acta IV, 40, 41, 58, 87 στέργομεν καὶ ἡμεῖς τὰ πρὸ καιροῦ γεγονότα παρ' ἐκείνου καὶ παρ' ἡμῶν χαρτῷα δικαιώματα то-есть мы утверждаемъ его и наши владѣнныя грамоты; ibid. 104, οἱ κατὰ καιροὺς κυριεύοντες τὰ τοῦ τόπου ἔστεργον τὴν τοῦ κῦρ 'Αδὰμ ἐκείνου δωρεὰν; ibid, 136, 212 ὃς δὴ βασιλικὸς καὶ θεῖος προσκυνητὸς ὁρισμὸς διηγόρευε τὸ στέργον ἔχειν βεβαιόν τε καὶ πάγιον πάντα τὰ ἐν τῇ τοιαύτῃ μονῇ προγεγονότα προσκυνητὰ χρυσόβουλλά τε καὶ τὰ λοιπὰ δικαιώματα. Въ докладѣ нѣтъ помина о ѳиванскихъ привилегіяхъ, сказано просто: δεδώκαμεν ποσότητα νομισμάτων, ὁπόσην οὐδὲ τὸ ὅριον Θηβῶν καὶ Εὐρίπου κατεβάλετο.

[2]) ἡμεῖς δὲ ἐξ ὁρισμοῦ ἀπογραφέντες, οὐ τοὺς κατατεθέντας ἡμῖν καὶ τὰς ἐπιβαλλούσας συνδοσίας ἀπαιτούμεθα. ἀλλ' εἴ τι βούλονται οἱ κατάρατοι πλωϊμολόγοι. Въ докладѣ: καὶ ταῦτα τῷ καθ' ἡμᾶς ὁρίῳ ἔκ τε παλαιοῦ ἔθους, ἀλλὰ δὴ καὶ ἀπὸ τῆς γενομένης καθ' ὁρισμὸν ἀπογραφῆς πολλοστημορίου ἐπιβάλλοντος ὧν ἐκεῖνα (Ѳивы и Еврипъ) καταβαλέσθαι ὤφειλον, то-есть, «Между тѣмъ на нашу область и по древнему обычаю, и на основаніи опредѣленнаго указомъ росписанія приходится гораздо меньшая сумма, чѣмъ на Ѳивы и Еврипъ». Относительно выраженія ἀπογραφέντες можно указать параллельныя мѣста: *Miklosich*, III, 225, IV, 320; *Флоринскій*, Акты 84; *Zachariae*, Jus, III, 259, и въ докладѣ Λάμπρος, I, 310.

силы, какъ выражается въ другомъ мѣстѣ нашъ писатель, именно помѣстное дворянство, стремятся разными способами „обручиться“ съ провинціей и налагаютъ на нее свое ярмо податей и повинностей. Въ примѣчаніяхъ мы старались обосновать въ особенности два заключенія: 1) двойные сборы корабельной и поземельной подати, причемъ одинъ сборъ предназначался не для государственнаго казначейства; 2) самовольный, въ противность хризовулу, объявившему Аѳинскій округъ отъ преторскаго суда и администраціи, пріѣздъ претора въ Аѳины въ 1198 г. и произвольно сдѣланные имъ поборы. Въ дополненіе къ сказанному въ примѣчаніяхъ можемъ сослаться еще на одно мѣсто изъ письма къ Д. Дримы [1]), гдѣ дѣлается указаніе на „автономію“ Аѳинянъ: „пріятнѣе и выгоднѣе жить подъ безоблачнымъ небомъ Константинополя въ сообществѣ доброй жены и милыхъ дѣтей. Принявъ на себя во второй разъ управленіе Элладой, ты не только долженъ бы былъ лишить себя этихъ благъ, но и подвергнуться другимъ безчисленнымъ неудобствамъ. Разумѣю дальше путешествіе и соединенное съ путешествіемъ утомленіе, назойливость безпокойныхъ людей, которые ссылаются на свою автономію чуть не съ деревянныхъ столбцовъ Солона, объявляютъ притязанія на всевозможныя изъятія и которые издаютъ свои законоположенія, подрывающія силу судейскихъ опредѣленій“.

Докладная записка царю Алексѣю Комнину [2]). „Недостойные и ничтожные рабы державнаго и святаго царства твоего осмѣливаемся просить тебя, святой владыка нашъ.

„Нашъ Аѳинскій округъ, теряя съ давнихъ поръ, вслѣдствіе разныхъ тяжелыхъ поборовъ, множество поселянъ [3]), въ настоящее время подвергается опасности обратиться въ извѣстную изъ поговорки Скиѳскую пустыню. Причина же заключается въ томъ, что мы

---

[1]) Λαμπρος, II, 81—82; сравн. мою статью въ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія*, февраль 1879, стр. 374.

[2]) Ὑπομνηστικόν, Λαμπρος, I, 307. Для сравненія можно указать *Miklosich*, Acta, IV, 320, 327.

[3]) πάλαι τοῦ πλήθους τῶν ἐποίκων αὐτοῦ—ἐκκενούμενον. Ниже мы надѣемся показать, что выраженіе ἔποικοι употребляется у византійцевъ не въ общемъ смыслѣ «населеніе», а въ болѣе спеціальномъ. Важно теперь установить, что докладъ именно составленъ отъ этихъ ἔποικοι и имѣетъ въ виду ихъ интересы. Параллельное мѣсто въ томъ же докладѣ: τοῦ δημοσίου μηδὲν ἐντεῦθεν κερδαίνοντος, μᾶλλον μὲν οὖν ζημιουμένου δι’ ὧν κατὰ βραχὺ μεταναστεύουσιν οἱ πλείους ἡμῶν καὶ ἐρημοῦται ὅσον ἤδη ἡ χώρα ἡ ἡμετέρα.

обременены всяческими поборами, болѣе многочисленными и тяжелыми, чѣмъ сосѣдніе съ нами другіе крестьяне [1]). Ибо мы два и три раза, и часто не въ рядъ съ сосѣдними намъ областями, подвергались описямъ и повѣркѣ переписей [2]), причемъ наши песчаные и худокачественные участки размѣривались почти скачками блохи, перечислялся каждый волосъ на головѣ, не говоря уже о листвѣ винограда или другаго растенія. Но и всѣ другія мірскія тягости, которыя въ прочихъ областяхъ или совсѣмъ не введены, или облегчены преторами, жалующими имъ изъятія, такъ какъ они же сами по большей части и взыскиваютъ ихъ, или по крайней мѣрѣ содѣйствуютъ при сборахъ,—у насъ всѣ взыскиваются и съ вымогательствами и притомъ гораздо прежде, чѣмъ у другихъ, хотя мы находимся въ отдаленной Элладѣ.

„Мы можемъ сослаться на только-что минувшій годъ. Когда былъ изданъ приказъ о постройкѣ судовъ, мы обложены были данью первые, и притомъ одни изъ всѣхъ, хотя судовъ не было построено. Когда присталъ Стиріонъ [3]), опять мы одни привлечены были ко взносу корабельныхъ денегъ. Потомъ еще Сгуру и претору, понуждаемые насиліемъ и вымогательствами, уплатили мы такую сумму, какой не внесли даже Ѳиванскій и Еврипскій округъ. Между тѣмъ на нашу область и по древнему обычаю, и на основаніи опредѣленнаго въ указѣ росписанія приходится гораздо меньшая сумма, чѣмъ на Ѳивы и Еврипъ.

„Оставляемъ въ сторонѣ поземельную подать и хищническіе набѣги морскихъ разбойниковъ. Но безъ слезъ мы не могли бы гово-

---

[1]) ἤ περ οἱ γειτονοῦντες ἡμῖν λοιποὶ κατωτικοί. Κατωτικός значитъ здѣсь тоже, что ὁ ἔποικος.

[2]) ὑπέστημεν ἀναγραφὰς καὶ ἐπιτηρήσεις ἀναγραφῶν. Здѣсь мы не видимъ тавтологіи, какую усматриваетъ г. *Васильевскій* — *Журн. Мин. Нар. Пр.*, августъ 1879 стр. 400, и считаемъ чтеніе Ламброса правильнымъ. Слѣдуетъ только припомнить нашихъ переписчиковъ, дозорщиковъ и справщиковъ. Греческіе тексты предусматриваютъ перепись и перевѣрку ея. См. Флоринскаго, Аѳонскіе акты 84: συντηρηθήσονται δὲ—ἀνώτεροι — καὶ τῆς ἀπογραφικῆς ἀναθεωρήσεως καὶ ἀποκαταστάσεως; Zachariae III, 447 καὶ μηδέποτε τῶν καιρῶν ὑπ' ἀνάκρισιν ἄγοιντο παρ' οὑτινοσοῦν τῶν κατὰ καιροὺς ἀναγραφέων ἢ ἐποπτῶν ἢ ἐξισωτῶν, то-есть именно даруется свобода отъ переписчиковъ дозорщиковъ и справщиковъ.

[3]) ὅτε τοῦ Πανσίου Στειριόνου καταπεπλευκότος. Стиріонъ, упоминаемый также у Н. Акомината, р. 636—637, носилъ имя Іоанна. Вполнѣ согласны съ Ламбросомъ, предлагающимъ чтеніе πανσεβάστου, или βεστιαρίτου, сравн. Λαμπρος II, 107, 513.

рить о преторскомъ вымогательствѣ и насиліи. Хотя нашъ округъ не имѣетъ никакой связи съ періодически назначаемыми преторами, ни съ преторской администраціей, ни съ преторскимъ судомъ, ибо царскимъ хризовуломъ воспрещенъ ему и самый въѣздъ въ Аѳины, онъ, повидимому, уважая силу хризовуловъ, выставляетъ благочестивыя цѣли какъ предлогъ къ посѣщенію. Является же къ намъ съ вооруженною свитой, увеличенной туземными трутнями, жалкими людишками, не стоющими трехъ оволовъ, и какъ будто входя въ непріятельскую и варварскую страну, хищеніемъ и грабежемъ добываетъ себѣ ежедневное пропитаніе. Впереди его, говоря словами писанія, идетъ гибель,—это такъ называемые пріемщики (заготовщики). Они требуютъ на каждый день по пятисотъ шедисиновъ жита для людей и лошадей, цѣлыя стада овецъ, большія стаи птицъ и всѣ виды морской рыбы, а вина имъ нужно такое количество, сколько не родятъ и всѣ наши виноградники. И, чтобы не входить во всѣ подробности, они требуютъ еще за это плату, какъ будто за какія благодѣянія, и не скромную и легкую плату, но такія суммы золота, которыя были бы достаточны удовлетворить ихъ ненасытную алчность. Въ слѣдъ за ними слѣдуетъ самъ преторъ и часто, прежде чѣмъ воздать поклоненіе Богоматери, на одного накладываетъ руки за то, что не вышелъ на встрѣчу, другого же за иную вину заключаетъ въ темницу и подвергаетъ пенѣ. Тогда, потѣшившись надъ нами столько дней, сколько ему заблагоразсудится, онъ требуетъ платы поклоннаго—за наше ли ему челобитье, или за свое поклоненіе Богородицѣ, о томъ не умѣемъ сказать; да не только самъ онъ этого требуетъ, но и логаристъ, и протовестіарій, и протокентархъ и по порядку вся его свита. И требуетъ настойчиво, угрожая не выѣхать, прежде чѣмъ получитъ плату въ свои руки. Наконецъ, послѣ нашихъ усиленныхъ просьбъ и заклинаній, что мы не иначе можемъ сдѣлать требуемый взносъ, какъ разложивъ его на весь міръ [1]), едва соглашается на уступку и, назначивъ пріемщика, отдаетъ приказъ объ отъѣздѣ. Рѣдкое при этомъ вьючное животное уйдетъ отъ ямской повинности, или лучше—взятое подъ извозъ рѣдкое не продается потомъ своему хо-

[1]) Ὅμως πολλὰ δεομένων ἡμῶν καὶ διομνυμένων μὴ ἄλλως δύνασθαι τοῦτο καταβαλεῖν, εἰ μὴ κοινὸς ἔρανος γένοιτο, собственно «пока не сдѣлаемъ общую складчину» или «общій взносъ». Ὁ ἔρανος имѣетъ, однако, особенное значеніе, къ которому близко подошелъ *Тафель* (De Thessalonica, 464), толкуя его терминомъ Mahlzeit.

зяину, да не одинъ разъ, а часто дважды. И развѣ не расхищается и не продается и не пропадаетъ совсѣмъ и всякій другой видъ собственности?

„За что обрушилась на насъ такая гибель, владыко нашъ святой! Для государства нѣтъ въ томъ никакой пользы; напротивъ, оно терпитъ ущербъ вслѣдствіе того, что бо́льшая часть изъ насъ покидаетъ свои мѣста, такъ что наша область обращается, какъ сказано выше, въ невоздѣланную пустыню и уменьшается сборъ установленнаго акростиха [1]). Посему, обративъ вниманіе только на небольшую часть того, что мы терпимъ, умоляемъ человѣколюбивѣйшее святое царство твое: да будетъ и на насъ милость, и да ослаблены будутъ задушившіе насъ налоги. Прикажи, чтобы подати собирались въ болѣе умѣренномъ количествѣ, сообразно съ нашими силами и согласно съ существующими въ нашу пользу указами. Мы не просимъ ничего новаго и не ищемъ изъятій, вредныхъ для государства. И прежде всего благоволи освободить насъ отъ преторскаго наѣзда, и набѣга, и разхищенія, чтобы пожалованный намъ въ лицѣ высоковластнаго мистика дефендарій отнимаемое у насъ удерживалъ, по положенію, изъ преторскихъ поборовъ [2]), и издать другую грамоту съ внушеніемъ и угрозой, что они подвергнутся самому строгому наказанію, если не будутъ воздерживаться отъ Аѳинскаго округа. Далѣе, чтобы мы

---

[1]) καὶ κολοβοῦται τὸ ἐγνωσμένον ἀκρόστιχον, то-есть уменьшается количество установленнаго для аѳинскаго округа оклада поземельной подати. Для выраженія κολοβοῦται приводимъ параллельное мѣсто Theophilacti ap. *Migne*, CXXVI, p. 452 ἐπὶ δὲ τῇ παραδόσει τῆς γῆς, τό τε τῆς σχοίνου μέτρον κολοβοῖ, καὶ ἔτι περὶ τὴν τοῦ μοδισμοῦ συναρίθμησιν ἀμαθέστατα πράττει.

[2]) Это мѣсто остается и для насъ не совсѣмъ яснымъ, что слѣдуетъ приписать порчѣ текста. Что касается до защитника (дефендарій) Аѳинъ, носившаго титулъ мистика, то по письмамъ М. Акомината многія высокопоставленныя лица имѣютъ право заботы и попеченія объ Аѳинахъ. Таковъ напримѣръ Кастамонитъ Λαμπρος II, 10), Ѳ. Ириникъ ibid. 103, 122. Въ одной грамотѣ Алексѣя II (*Zachariae*, III, 506) мистику вообще усвояется право блюсти интересы церкви противъ свѣтскихъ властей, хотя въ данномъ случаѣ идетъ вопросъ объ интересахъ гражданскаго округа, а не эпархіи. Что же касается до удержанія переборовъ и возвращенія ихъ пострадавшему учрежденію, то очевидно было такого рода «положеніе» въ византійской практикѣ. У *Миклошича*, Acta, IV, p. 254, приводится приказъ Іоанну Сиропулу слѣдующаго содержанія: «Царство мое опредѣляетъ: излишекъ сбора съ имущества Лемвійской обители въ размѣрѣ 15 иперпировъ, возвратить въ монастырь, остальное же пусть будетъ обыкновеннымъ окладомъ къ поступленію въ казну».

участвовали во взносѣ корабельныхъ денегъ и въ поставкѣ кораблей въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это установлено для насъ по раскладкѣ, произведенной логоѳетомъ дрома Іоанномъ Дукой [1]), и никакъ не болѣе того, и чтобы безъ особеннаго указа не требовали съ насъ корабельнаго болѣе, чѣмъ приходится по той разверсткѣ. Ибо мы, несчастные, подвергались иногда и такимъ произвольнымъ поборамъ.

„Поелику же мы выдержали много описей, какъ объ этомъ сейчасъ сказано, то просимъ, чтобы эта тяжесть миновала на будущее время нашу область даже и въ томъ случаѣ, если бы объявлена была крестьянская перепись въ другихъ областяхъ, но да благоволено будетъ подтвердить дарованный намъ на сей конецъ поклоняемый указъ святаго царства твоего. Просимъ также подтвердить и другія, въ разное время изданныя грамоты, которыми воспрещается живущимъ въ замкахъ властелямъ всячески захватывать и владѣть селами и участками крестьянскими [2]). Это ведетъ къ распаденію и погибели общинъ, гибель же общинъ крестьянскихъ равняется пагубѣ всего нашего округа [3]). Если благоволено будетъ исполнить

---

[1]) Nicetas 525; Λαμπρος II, 517.

[2]) ἀλλὰ καὶ τοὺς διαφόρως ἀπολυθέντας καὶ ἀπείργοντας τοὺς πειρωμένους ἐκ τῶν καστρηνῶν κατέχειν ὁπωσδήποτε καὶ νέμεσθαι χωρία καὶ στάσεις χωριτικάς. Эти, равно какъ въ слѣдъ за ними слѣдующія слова, для всѣхъ толкователей составляютъ камень преткновенія. Легко понять, что пока не объяснено это важное, но весьма трудное мѣсто, весь документъ много проигрываетъ въ своемъ значеніи. Считаемъ весьма удачнымъ переводъ г. Васильевскимъ термина καστρηνὸς словомъ зàмковый; только не нужно было пріурочивать этихъ замковыхъ къ аѳинскому акрополю. Объясненія представимъ ниже.

[3]) Εἰς συντριβὴν γὰρ τοῦτο τῶν δρούγγων καὶ ὄλεθρον ἀφορᾷ· ἡ δὲ τῶν δρούγγων ἀπώλεια τοῦ καθ' ἡμᾶς ὁρίου παντός ἐστιν ἀπώλεια. Если въ объясненіи этихъ двухъ мѣстъ выходить изъ обычнаго значенія словъ καστρηνός и δροῦγγος, то получается нѣчто весьма странное (см. Λαμπρος II, 518—519). Горожане или лучше крѣпостной гарнизонъ захватываетъ крестьянскіе участки. Слѣдствіемъ этого оказывается гибель военныхъ отрядовъ, а съ гибелью этихъ послѣднихъ соединяется пагуба всего аѳинскаго округа. При томъ опасность для аѳинскаго округа заключается не въ томъ, что военные люди станутъ заниматься земледѣліемъ, а страна подвергнется нападенію пиратовъ, что̀ было бы вполнѣ последовательно; нѣтъ, округъ отъ этого не будетъ въ состояніи вносить наложенныя на него подати! Очевидно, общепринятое значеніе указанныхъ выше терминовъ здѣсь неприложимо. Справедливость требуетъ сдѣлать еще замѣчаніе *pro domo sua*: мы первые еще въ 1879 г. пришли къ догадкѣ, что выраженіе δροῦγγος не можетъ быть иначе передано, какъ словомъ община, см. Образованіе втораго Болгарскаго царства, стр. 45, — это толкованіе принято и въ переводѣ доклада г. *Васильевскимъ*, стр. 399.

нашу просьбу, мы спасены, соблюдена будетъ и государственная польза, доставляемая нами. И мы, недостойные рабы, не перестанемъ молиться за святое царство твое, которое осмѣлились утруждать своею просьбой".

Приведенный документъ пользуется большою и довольно уже давнею извѣстностью. Знакомство съ нимъ стало обязательнымъ для всякаго, кого занимаютъ вопросы, касающіеся внутренняго строя Византіи. Въ русской литературѣ есть уже два перевода этого документа [1]). Если мы рѣшились предложить еще свой переводъ, то это обусловливается столько же безспорною важностію доклада въ ряду сообщаемыхъ нами матеріаловъ, сколько новыми заключеніями, къ которымъ мы пришли при изученіи его. Выше мы нашли, что значительная часть доклада по содержанію своему совпадаетъ съ письмомъ къ Велиссаріотамъ. Такимъ образомъ, примѣчанія,сдѣланныя къ этому письму, должны быть отнесены и къ докладу. Здѣсь же мы остановимся на объясненіи нѣсколькихъ терминовъ въ докладѣ, понимаемыхъ нами иначе, чѣмъ другими толкователями.

Κατωτικός. Общепринятое значеніе этого слова—нижній или южный относительно Константинополя. Правда, чаще въ греческомъ языкѣ для понятія „нижній" употребляются производимыя отъ κάτω: οἱ κάτω, κατώτεροι, κατώτατοι; но и κατωτικός иногда употребляется въ томъ же значеніи, напримѣръ у Θеофана и Константина Порфиророднаго [2]). Ламбросъ, сославшись еще на одно мѣсто Евстаѳія [3]), устраняетъ безъ всякихъ колебаній другія толкованія этого слова. Въ новѣйшемъ переводѣ г. Васильевскаго на это слово не обращено вниманія. У Михаила Акомината оно встрѣчается нѣсколько разъ: I. 307, 311; II. 89, 131. Чтобы установить правильный взглядъ на значеніе этого термина, беремъ мѣсто изъ письма къ Велиссаріоту (II, 89): „Отнимать же и отдавать человѣку что̀ разъ посвящено Богу—и нечестиво и достойно осмѣянія; со стороны крестьянъ (или

---

[1]) Въ *Православномъ Обозрѣніи* за 1873 г. № 11; въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* августъ 1879.

[2]) Въ особенности у Θеофана употребленіе этого слова не оставляетъ никакого сомнѣнія. Theophanis Chronographia p. 662 ἤνεγκεν συμφαμίλους ἐκ τῶν νήσων καὶ Ἑλλάδος καὶ τῶν κατωτικῶν μερῶν καὶ ἐποίησεν κατοικῆσαι τὴν πόλιν; ibid p. 720 ἐξώρισεν ἐπὶ τὰ κατωτικὰ μέρη ἕως Σικελίας. Сравн. Constantini De Cerimoniis I, 469.

[3]) II, 511.

поселянъ), то есть παρὰ τῶν κατωτικῶν, которые склонны глумиться даже надъ достойнымъ похвалы, это обратилось бы къ нашему поруганію". Нужно замѣтить, что рѣчь идетъ объ Оропѣ, спорномъ между Аѳинской и Ѳиванской церковью помѣстьѣ. Во-первыхъ, Ѳивы не занимаютъ нижняго или южнаго положенія ни относительно Аѳинъ, ни относительно Константинополя сравнительно съ Аѳинами; во-вторыхъ, почему бы могли такъ занимать М. Акомината насмѣшки (κωμῳδία) сосѣдей Ѳиванцевъ по случаю неудачнаго для него разрѣшенія вопроса о помѣстьѣ?—Ясно, что тутъ κατοτικὸς просто значитъ поселянинъ, крестьянинъ. Несомнѣнно такой же смыслъ имѣетъ это выраженіе въ докладѣ, и притомъ въ обоихъ случаяхъ. Въ началѣ оно однозначуще съ ὁ ἔποικος, чтó позволяетъ намъ разсматривать эти два слова какъ тожественныя. Въ концѣ оно никакъ не можетъ обозначать ни нижній, ни южный: εἰ καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις τυχὸν χώραις τῶν κατωτικῶν ὁρισθῇ γενέσθαι ἀναγραφή, то-есть, по нашему переводу: если бы и объявлена была крестьянская перепись въ другихъ странахъ. Не все ли равно, въ самомъ дѣлѣ, въ интересахъ Аѳинскаго округа—въ верхнихъ или въ нижнихъ областяхъ объявлена будетъ перепись, когда существенная важность заключается лишь въ выдѣленіи Аѳинскаго округа изъ другихъ, чтó и сдѣлано посредствомъ слова ἐν ταῖς ἄλλαις. Совсѣмъ другое дѣло—просьба изъять этотъ округъ изъ крестьянской переписи, если таковая будетъ объявлена въ другихъ областяхъ. Не слѣдуетъ забывать еще и того, что и Аѳинскій округъ, какъ Ѳиванскій, по отношенію къ Константинополю тоже южный. Такимъ образомъ, τῶν κατωτικῶν нужно поставить въ этомъ случаѣ въ связь не съ словомъ χώρα, а съ ἀναγραφή. Наконецъ, еще разъ встрѣчаемъ тотъ же терминъ въ испорченномъ видѣ κατακός (Λαμπρος II, 131). М. Акоминатъ жалуется, что мѣстечко Оропъ записано за Ѳиванскимъ округомъ „на основаніи свидѣтельскихъ показаній" Ѳиванцевъ и прибавляетъ, что это заставляетъ его на будущее время недовѣрять „крестьянамъ" (τοῖς κατωκοῖς). Зачѣмъ тутъ понадобились бы нижніе?—Хорошо извѣстно, изъ кого состоятъ окольные люди въ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ о межахъ. Собираются окрестные крестьяне, и отъ нихъ требуются показанія.—Своимъ объясненіемъ слова κατωτικός мы возвращаемся къ толкованію Тафеля (De Thessalonica, 462), который угадалъ здѣсь homines rurales.

Ἔρανος. Въ объясненіе этого любопытнаго слова Ламбросъ II, 516 сказалъ весьма немногое—ἐννοεῖται ἡ κοινὴ συνεισφορά,—находя его совсѣмъ нетруднымъ. Въ переводѣ г. Васильевскаго „общая склад-

чина". Другое русское выраженіе трудно и подыскать, если не захотимъ воспользоваться нашимъ „вѣче" или южнославянскимъ „купъ". Дѣло идетъ въ этомъ мѣстѣ доклада не только о сборѣ подати посредствомъ общей складчины, но и о способѣ осуществленія самой раскладки: выраженіе ἔρανος заключаетъ въ себѣ оба понятія. Въ древнихъ Аѳинахъ были взаимно-вспомогательныя общества или товарищества, имѣвшія особенное устройство и называвшіяся ἔρανος [1]). Весьма можетъ быть, что и ἔρανος XII вѣка обозначаетъ не просто складчину, но указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на какую-нибудь общественную организацію. Къ сожалѣнію, у насъ весьма мало средствъ слѣдить за употребленіемъ этого термина, который совсѣмъ не упомянутъ въ словарѣ Дюканжа. Но все же можемъ привести одно прекрасное мѣсто изъ историка Никиты Акомината, знакомящее съ терминомъ ἔρανος гораздо полнѣе, чѣмъ докладъ и придающее ему болѣе обширный смыслъ [2]). Рѣчь идетъ о принятыхъ Исаакомъ Ангеломъ мѣрахъ къ проведенію вопроса о новомъ налогѣ, именно о германской подати. „Собравъ городское населеніе, членовъ сената и духовенства, равно какъ различные классы ремесленниковъ и художниковъ, потребовалъ, чтобы, состоялась складчина (ἔρανον ἀπῄτει γενέσθαι) и чтобы каждый уплатилъ опредѣленную часть со своего имущества". Намъ думается, что и здѣсь слово „складчина" не вполнѣ передаетъ греческій терминъ ἔρανος. Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлать складчину значитъ тоже, что внести каждому приходящуюся на его долю часть. Зачѣмъ же поставлены одно возлѣ другаго два положенія: ἔρανον γενέσθαι и ἀπόδασμά τι καταθέσθαι? Въ дальнѣйшихъ затѣмъ словахъ Н. Акомината какъ будто слышится отчетъ о шумныхъ преніяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ собраніяхъ перечисленныхъ классовъ общества по поводу новаго налога: „Множество людей всякаго рода начали громко говорить и распространять возмутительную мысль, что подобные налоги и наборы необычайные рѣшительно невыносимы. Нѣкоторые стали даже высчитывать расходы самого царя, утверждая, что онъ разорилъ государство своею расточительностію, раздавъ управленіе епархіями своимъ родственникамъ, людямъ совершенно неспособнымъ и лишеннымъ зрѣнія. Вслѣдствіе всего этого

---

[1]) *Hermann*, Lehrbuch der griechischen Antiquitäten, Heidelberg, 1875, 5 Auflage, § 146, 9; 188, 16.

[2]) Nicetas, p. 631—632.

царь съ такою поспѣшностію отказался отъ своего предположенія, какъ будто бы не онъ даже придумалъ и составилъ этотъ планъ".

Καστρηνός. Значеніе этого слова въ докладѣ осталось бы и для насъ темнымъ, если бы вслѣдъ за другими комментаторами мы остановились на признаніи, что κάστρον у Византійцевъ означаетъ всякій городъ, кромѣ столицы (πόλις), отсюда καστρηνός—urbanus, ἀστεῖος, ἀστικός. Уже значительнымъ шагомъ впередъ была мысль, что κάστρον можетъ обозначать и просто крѣпость или замокъ, и что καστρηνοί можно понимать какъ гарнизонъ крѣпости, что такъ назывались иногда военные люди, стратіоты. Такъ получились „замковые" въ переводѣ г. Васильевскаго. Недоставало еще весьма незначительнаго движенія въ сторону отъ аѳинскаго акрополя, чтобы освободиться отъ слѣдующей исторической и логической невозможности. Византійское правительство всегда было щедро на земли и отмежевывало большіе участки государственной земли для поселенія на нихъ стратіотовъ, съ обязательствомъ военной службы. Но стратіоты бѣжали съ этихъ участковъ, или запускали ихъ до того, что они не обезпечивали расходовъ на службу, вообще же стратіоты неохотно брались за земледѣліе [1]). Въ докладѣ же видимъ обратное явленіе: стратіоты захватываютъ и владѣютъ крестьянскими участками!

Очевидно, здѣсь есть недоразумѣніе, которое теоретически разрѣшается легко. Не со стратіотами ведетъ исконную и никогда не прерывающуюся борьбу крестьянская община и мелкое свободное землевладѣніе. Византійское, какъ и всякое другое крестьянское сословіе, падаетъ въ неравной борьбѣ съ крупною поземельною собственностью, съ властелями (δυνατοί). Эти послѣдніе столько же были опасны для крестьянина, какъ и для стратіота, и византійское законодательство сохранило весьма много гуманныхъ мѣропріятій правительства въ защиту мелкой земельной собственности. Не можетъ быть сомнѣнія, что изложенная въ концѣ доклада просьба крестьянъ Аѳинскаго округа подтвердить въ разное время изданные указы, воспрещающіе τοὺς πειρωμένους ἐκ τῶν καστρηνῶν (пытающимся замковымъ) захватывать крестьянскіе участки, предусматриваетъ именно или гуманныя новеллы X вѣка, или подобныя имъ законоположенія послѣдующаго времени. Но если возможно весьма вѣроятное теоретиче-

[1]) Новеллы Константина VII и Романа о военныхъ участкахъ, ap. *Zachariae*, III; *Васильевскій — Ж. М. Н. Пр.*, мартъ 1879, стр. 192.

ское разрѣшеніе вопроса въ указанномъ смыслѣ, на практикѣ представляется повидимому совсѣмъ неразрѣшимый ребусъ—отождествить или по крайней мѣрѣ найдти связь между καστρηνὸς и δυνατὸς.

Между тѣмъ только этимъ путемъ рѣшаются недоразумѣнія относительно занимающаго насъ мѣста. Въ самой жизни, т.-е. въ обычаяхъ и терминологіи начинаетъ обнаруживаться смѣшеніе между гражданскимъ и военнымъ: помѣщикъ перестаетъ быть помѣщикомъ, а получаетъ другое названіе, какъ живущій въ замкѣ; его окружаетъ уже не дворъ и не челядь, а свита вооруженныхъ людей, отрядъ; на части гражданскаго общества переходятъ имена отдѣловъ войска. Мы думаемъ, что система проній имѣла громадное значеніе въ указываемомъ бытовомъ явленіи. Но попытаемся подтвердить текстами наши догадки.

Что касается κάστρον (castrum), то уже и другіе толкователи согласились, что не всегда обозначаетъ оно городъ, а иногда просто значитъ крѣпость, замокъ. Но употребленіе этого слова въ византійскихъ памятникахъ не исключаетъ предположенія, что были κάστρα государственныя и частныхъ владѣтелей. Такъ, на κάστρα выдаются владѣнныя грамоты, κάστρα жертвуются въ даръ въ качествѣ проніи, вообще онѣ могли не имѣть ничего общаго съ городами [1]. Κάστρα, наравнѣ съ крестьянскими участками, захватываются и присвояются

---

[1]) Что были κάστρα и καστέλλια, устроиваемыя спеціально для военныхъ цѣлей, это не требуетъ доказательствъ; по минованіи надобности онѣ становились μικρὰ καὶ ἄπορα. Nic. p. 210, ἄοικα ib. 231, на случай войны опять принимали грозный видъ ib. p. 561. Случай пожалованья замкомъ приводится также у Никиты, 37. Важнѣйшее значеніе имѣютъ мѣста, находимыя у Цахаріэ, Jus Graeca-Romanum III. Именно, въ грамотѣ Мануила софійской церкви между прочимъ упоминаются κάστρα: κἂν κάστρα ἔν τισι τούτων ᾠκοδομήθησαν (p. 447) и въ особенности заглавіе несохранившейся новеллы Михаила Дуки (1071—1078) Νεαρὰ τοῦ βασιλέως κυροῦ Μιχαὴλ τοῦ Δούκα θεσπίζουσα τοὺς κάστρα λαμβάνοντας κἂν ὅπως ταῦτα λάβωσιν, ἐφ' ἑνὶ προσώπῳ ταῦτα κεκτῆσθαι, καὶ οὕτω νοεῖσθαι τὰς δωρεάς, то-есть новелла царя Михаила Дуки повелѣвающая тѣмъ, которые получаютъ (въ пронію) замки, чтобы они считались самоличными владѣтелями и что такъ должно быть понимаемо пожалованье. Чтобы не входить здѣсь въ длинныя объясненія—почему мы такъ понимаемъ это мѣсто, ограничимся указаніемъ, что λαμβάνειν διὰ τῆς δωρεᾶς=διδόναι διὰ τῆς προνοιαστικῆς δωρεᾶς. Самоличное владѣніе исключало дробленіе дара между родственниками, то-есть обезпечивало интересы государства и можетъ быть предупреждало передачу дара въ потомство. Для вопроса о проніи хорошій матеріалъ сообщенъ г. *Макушевымъ* въ *Ж. М. Н. Пр.*, сентябрь 1874; ср. *Васильевскаго*, тамъ же, апрѣль 1879, стр. 415.

властелями [1]). На мѣсто крестьянскихъ хижинъ возникали постепенно обширныя и богатыя барскія усадьбы [2]), населеніе которыхъ являлось дѣйствительно пагубой для окрестныхъ крестьянъ. При царѣ Исаакѣ Ангелѣ, слѣдовательно почти въ то-же время, къ которому относится докладъ, одинъ изъ губернаторовъ его въ офиціальномъ документѣ рисуетъ такую картину деревенскихъ порядковъ, произведенныхъ властелемъ, по имени Карантиномъ: „Мы приступили къ выслушанію показаній окольныхъ людей. Не было ни одного, кто бы не оплакивалъ съ сердечною болью свою обиду и потери. Одни показывали на отнятіе и похищеніе жилищъ и виноградниковъ, угодій и деревьевъ; другіе жаловались на расхищеніе участковъ, усадебъ, помѣстій, запашекъ. Каждый у нашихъ ногъ положилъ грамоты на владѣнія свои. И вотъ мнѣ пріятнѣйшее зрѣлище. Церкви разгласили, монастыри затрубили о насильственныхъ дѣйствіяхъ того мужа, сироты и вдовы и другіе классы и общества людей съ горькимъ плачемъ повѣствовали о своихъ утратахъ,—тогда радовался и веселился всякій, получивъ несправедливо захваченное у него" [3]). Требовался незначительный періодъ времени, въ соединеніи конечно съ благопріятными обстоятельствами, чтобы византійскіе властели устроили свою жизнь въ замкахъ по образцу западно-европейскаго рыцарства. Такой типъ и выработался въ лицѣ Льва Сгура, окруженнаго пажами, пышной свитой военныхъ людей и предававшагося въ своемъ замкѣ рыцарскимъ занятіямъ [4]).

Относительно смѣшенія терминовъ, относящихся до гражданскаго и военнаго строя, приведемъ нѣсколько наблюденій надъ употребленіемъ слова ὁ στρατός. Обыкновенное значеніе его „военный лагерь" и „войско". Но вотъ Ѳеофилактъ Болгарскій жалуется на нѣкоего Николая, сына Вута, за то, что онъ нанесъ вредъ крестьянину Михаилу Весу и ссылается на свидѣтельскія показанія въ такихъ выраженіяхъ: „все войско можетъ засвидѣтельствовать истину въ

---

[1]) *Trinchera*, Syllabus graecarum membranarum, Neapoli 1865, II, a. 1000. λέγων ὅτι εἰς διάφορα κάστρα τὰ ὑπὸ θέματος Ἰταλίας κατέχῃ καὶ δεσπόζῃ ἐκ πάλαι τῶν χρόνων ἡ εἰρημένη ἡμῶν μονὴ ὁ ἅγιος Υενεδίττος καὶ κατακρατοῦσιν αὐτὰ τυραννικῇ χειρὶ διάφορα πρόσωπα.

[2]) *Zachariae* III, 299. ἐξωνήσαντο δὲ μετὰ ταῦτα ἀπὸ τῶν συγχωριτῶν αὐτῶν σμικρά τινα καὶ ὀλιγοστὰ τόπια, ἐν οἷς οἰκήματα πολύτιμα καὶ ἀπειρομεγέθη ἐδείμαντο·

[3]) ***Miklosich,*** Acta, IV, 326; таковъ же δυνάστης ἐνδαπὸς ποικίλῃ πονηρίᾳ στικτὸς ὡσεὶ πάρδαλις, εἴτε λύκος ἅρπαξ, ap. Λαμπρος, I, 295.

[4]) Λαμπρος, II, 180, 183, 611.

этомъ дѣлѣ" [1]). Не можетъ быть сомнѣнія, что не военный лагерь и не войско могло быть приглашаемо для дачи показаній по чисто-крестьянскому дѣлу, а окольные люди, т.-е. тѣ же крестьяне, слѣдовательно στρατὸς нужно и понимать здѣсь соотвѣтствующимъ образомъ. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Θеофилактъ говоритъ о Страворомане, „растолстѣвшемъ на счетъ церковныхъ имуществъ", и проситъ своего высокаго покровителя пригрозить Странороману и войску его, чтобы они не смѣли притѣснять церковь [2]). Здѣсь также στρατὸς не значитъ войско, но или люди Страворомана, или свита его. Когда въ докладѣ говорится, что преторъ вступаетъ въ Аθины πανστρατιᾷ, опять-таки нужно читать: съ большою или вооруженною свитою. Такимъ же смѣшеніемъ терминологіи объясняются затрудненія со словомъ δροῦγγος [3]).

Нашъ выводъ относительно слова καστρηνός состоитъ въ томъ, что его дѣйствительно можно переводить: „замковый"; но подразумѣваться здѣсь должны не стратіоты, вообще не гарнизонъ какого-нибудь опредѣленнаго акрополя, а живущіе въ замкахъ со своею свитою архонты, динаты т.-е. визатійскіе властели. Нельзя сказать, чтобы это слово стояло совсѣмъ особнякомъ. Еще въ 1879 г. мы поставили [4]) это мѣсто доклада рядомъ съ нѣсколькими строками изъ письма Θеофилакта къ епископу города Видина [5]). Утѣшая этого послѣдняго въ несчастіяхъ, испытываемыхъ отъ набѣга хищныхъ кочевниковъ Половцевъ и не менѣе ужасныхъ сборщиковъ податей, Θеофилактъ противопоставляетъ свое положеніе бѣдствіямъ Видинскаго епископа [6]): „Одолѣваютъ злодѣи замковые? Но это дѣти въ сравненіи съ нашими болгарскими замковыми, или лучше, чтобы не посрамить величіе злобы, царствующей въ нашемъ замкѣ, что̀ твои великіе злодѣи въ сравненіи съ нашими грубыми

---

[1]) *Migne* Patrologia graeca, CXXVI, p. 532 καὶ ὁ στρατὸς γὰρ ἅπας ἐρωτηθεὶς διατρανῶσι τὴν ἐπὶ τῇ ὑποθέσει ἀλήθειαν.

[2]) Ibid. p. 524 ἀνασταλείη δι' ἀπειλῶν τοῦ αὐθέντου μου, παραγγελλομένου καὶ τοῦ στρατοῦ περὶ αὐτοῦ... ὡς ἄν...

[3]) Сравн. наблюденія г. *Васильевскаго* надъ употребленіемъ термина катепаникій, *Журн. М. Н. Пр.*, іюль 1879, стр. 123.

[4]) Образованіе втораго Болгарскаго царства, Одесса 1879, стр. 44.

[5]) *Migne*, ibid. p. 337.

[6]) Ἔχεις Καστρηνοὺς πονηρούς; Ἀλλὰ παῖδες οὗτοι πρὸς τοὺς ἡμετέρους Βουλγάρους, Καστρηνούς, μᾶλλον δέ, ἵνα μὴ καταισχύνω τὸ μέγεθος τῆς ἐν Κάστρῳ ἡμῶν κακίας, τίνες οἱ σοὶ παμπόνηροι πρὸς τοὺς ἡμετέρους Μοχρινούς.

крестьянами изъ Мокра?" Нужно только ближе всмотрѣться въ сравниваемые предметы и во фразеологію подлинника, чтобы не колебаться долѣе на заключеніи, что подъ замковыми здѣсь не можетъ быть понимаемъ ни гарнизонъ крѣпости Видина, ни военный лагерь. Грубымъ во мнѣніи просвѣщеннаго Грека крестьянамъ или помѣщикамъ изъ Мокра, всячески нарушающимъ владѣльческія права архіепископа, вполнѣ подходящій эквивалентъ представляютъ живущіе въ замкахъ властели, бичъ и пагуба крестьянъ Видинскаго округа. Въ грамотѣ царя Андроника 1319 года [1]), καστρινός не только не имѣетъ ничего общаго съ стратіотомъ, но прямо противопоставляется ему. Вышеприведенныя письма М. Акомината могутъ дать отвѣтъ даже на спеціальный вопросъ о томъ, кто были тѣ замковые, которые притѣсняли крестьянъ Аѳинскаго округа. Во многихъ письмахъ встрѣчаются жалобы на клику Комниновъ, на ихъ злоправіе и притѣсненія, чинимыя митрополиту Аѳинскому. Крестьяне въ докладѣ не называютъ своихъ злодѣевъ, но они хорошо были извѣстны въ Константинополѣ. Свѣдѣнія о пелопонисскихъ Комнинахъ, скоро сдѣлавшихся деспотами Эпира, заимствуются изъ Г. Акрополиты и въ особенности изъ мало извѣстнаго житія Св. Ѳеодоры [2]). Въ этомъ послѣднемъ говорится, что при царѣ Алексіѣ III нѣкто Михаилъ Комнинъ, родственникъ рода Ангеловъ, облеченъ былъ властію въ Пелопоннисѣ, родной же братъ его Сеннахиримъ получилъ въ управленіе Этолію и Никополь. Женаты они были тоже на представительницахъ высшаго боярства, такъ что Мелиссины и Петралифы оказываются въ близкомъ родствѣ съ Комнинами. Притомъ же Петралифы управляли въ Македоніи и Ѳессаліи и во всякое время могли подать руку помощи пелопоннисскимъ Комнинамъ, какъ это и случилось на самомъ дѣлѣ во время латинскаго нашествія на Византію [3]).

[1]) Эта во многихъ отношеніяхъ любопытная для занимающихъ насъ вопросовъ грамота помѣщена въ Χρονογράφια τῆς Ἠπείρου. Аѳины 1857, II, 295—307. Καστρινοὶ Ἰωαννιῶται, но они же и οἱ ἔποικοι. Οὐδεὶς τῶν στρατιωτῶν ἔχῃ ἄδειαν ἀπληκεῦσαι εἰς ὁσπήτιόν τινος καστρινοῦ παρὰ γνώμην καὶ θέλησιν αὐτοῦ (p. 302, тоже повторяется p. 305). Здѣсь καστρινοὶ городскіе жители, но они разсматриваются какъ землевладѣльцы.

[2]) Ἀκολουθεία εἰς τὴν ἁγίαν μητέρα ἡμῶν Θεοδώραν τὴν θαυματουργὸν, βασίλισσαν ἐν τῇ Ἄρτῃ. Сравн. *Buchon*, Recherches et Matériaux. Paris, 1811, I, 450.

[3]) Излишне прибавлять, что усиленіе византійскаго дворянства совершается

Δροῦγγος. Сдѣланныя выше замѣчанія объ употребленіи слова χαστρηνός не оставляютъ мѣста сомнѣніямъ относительно принципіальнаго значенія термина δροῦγγος въ докладѣ. Тѣмъ не менѣе ближайшее опредѣленіе его характера и свойствъ представляется въ высшей степени сложнымъ и труднымъ дѣломъ. Этотъ терминъ въ сохранившихся памятникахъ имѣетъ весьма тѣсный смыслъ и, повидимому, не выходитъ изъ круга понятій, обозначающихъ роту, баталіонъ и вообще отдѣлъ арміи, не превышающій по численности и по значенію нашъ полкъ. Помимо двукратнаго упоминанія въ докладѣ, это слово встрѣчается только въ спеціально военныхъ сочиненіяхъ, начинающихся съ VI в., именно въ Стратигикѣ царя Маврикія, въ Тактикѣ Льва и еще у весьма немногихъ писателей, и при томъ въ такомъ точномъ, не допускающемъ дальнѣйшихъ толкованій и сомнѣній смыслѣ, что за словомъ δροῦγγος по всему праву не могло не утвердиться то значеніе, въ которомъ оно застыло на цѣлыя столѣтія. Еписсенъ Гопфъ и въ новое время Ламбросъ въ недоумѣніи сложили руки передъ этимъ страннымъ словомъ, ограничившись ссылкой на мѣста, приведенныя въ Словарѣ Дюканжа, хотя послѣднему докладъ не былъ извѣстенъ, и не разгадали таинственнаго смысла термина, который по всей вѣроятности еще будетъ служить камнемъ преткновенія и соблазна въ наукѣ, но это уже въ другомъ отношеніи, какъ ясно будетъ изъ нижеслѣдующаго.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть властели или династы изъ замковъ нападаютъ на села и земли крестьянскія: это никоимъ образомъ не можетъ отразиться вредомъ на частяхъ войска, называемыхъ друнгами (допустимъ себѣ на время это выраженіе). И совершенную уже невозможность представляетъ дальнѣйшій выводъ, будто вредъ, причиненный друнгамъ, влечетъ за собой разрушеніе экономическаго благосостоянія крестьянъ, отъ имени которыхъ составленъ нашъ документъ. Теоретически намъ удалось разрѣшить это недоразумѣніе тѣмъ, что мы перевели затрудняющій терминъ изъ тѣсной области понятій бытовыхъ или даже государственно-политическихъ, какова по существу община. Все мѣсто получило отъ этого ясность и широкій смыслъ, притомъ же оказалось въ согласіи и съ главнымъ предметомъ всего доклада и съ тѣми отношеніями, въ которыхъ находилась въ Византіи мелкая поземельная собственность къ крупной. Но

на почвѣ помѣстной. Комнины и Сгуры суть выразители того же порядка вещей, что указанные выше Карантины или Фордины ap. *Miklosich*, Acta, I, 38.

все же это не болѣе какъ догадка, къ которой можно относиться различнымъ образомъ. Для непривычнаго уха замѣна друнги общиной можетъ казаться такимъ же недоразумѣніемъ, какимъ представляется для насъ во что бы то ни стало доказываемая связь между гибелью друнги и разрушеніемъ крестьянскаго благосостоянія въ Аѳинскомъ округѣ. Поэтому теперь же считаемъ за нужное оговориться въ томъ смыслѣ, что мы далеки отъ желанія настаивать на полномъ соотвѣтствіи между словами δροῦγγος и община. Пока мы желаемъ поддержать положеніе, что друнга представляетъ собой застывшее слово съ военнымъ характеромъ, но что въ докладѣ оно должно быть понимаемо какъ терминъ гражданскій и бытовой — все равно будетъ ли это община, или жупа, дружина, задруга, верва или что подобное. И притомъ, не потому извѣстная совокупность крестьянскихъ хозяйствъ могла быть названа друнгой, что съ нея шелъ наборъ опредѣленнаго числа военныхъ людей, опредѣленной дружины (δροῦγγος), а совсѣмъ на оборотъ: потому и осталась за извѣстнымъ отдѣломъ военныхъ людей имя друнги, что онъ поставляемъ былъ въ византійскую армію тою частью населенія имперіи, у которой δροῦγγος имѣло либо этнографическое, либо бытовое и политическое значеніе.

Прежде всего намъ придется обратиться къ употребленію этого слова въ военныхъ сочиненіяхъ. Изъ Тактики узнаемъ, что друнга была составная часть войска, подобно турмѣ и бандѣ, и что всѣ эти части управлялись своими архонтами [1]). Число военныхъ людей въ друнгѣ не должно было превышать трехъ тысячъ [2]). Болѣе общее названіе для друнги — μοῖρα, оттого встрѣчаются выраженія: Μοῖρα δέ ἐστιν ἤτοι δροῦγγος или μοίρας τὰς λεγομένας δρούγγους [3]). Имя друнги переходитъ на предводителя, такъ что архонтъ друнги есть друнгарій. Необходимая связь между двумя этими терминами особенно ясно выражена у Кодина: друнгой называется совокупность таковыхъ, которыми командуетъ друнгарій [4]). Но мы не можемъ останавливаться только на этой связи, указываемой Кодиномъ. Мы знаемъ,

---

[1]) Leonis Tactica, ap. *Migne*, CVII, Constit. IV. § 3. 'Επιστήτωσαν δὲ αὐτοῖς ἄρχοντες κατὰ βάνδα καὶ δρούγγους καὶ τούρμας καὶ τὰς ἄλλας δεούσας ἀρχάς.

[2]) Ibid. IV, 45: Χρὴ — μήτε δροῦγγον πλέον τῶν τρισχιλίων.

[3]) Ibid. IV, 9; IV, 42.

[4]) Codinus de Officiis c. 5 (ed. Bonn. p. 43) δροῦγγα ποσότης τοσούτων τινῶν ἑρμηνεύεται, ἧς ἡ ἀρχὴ ὁ τοιοῦτος δρουγγάριος.

что въ византійской администраціи пользуется весьма широкимъ значеніемъ и распространеніемъ титулъ друнгарія: въ качествѣ постулата слѣдуетъ теперь выставить связь между друнгой какъ caterva militum и военной, морской, судебной и административной системой византійскаго друнгарата. Не выходя однако же изъ тѣснаго круга военныхъ сочиненій, мы можемъ продолжить любопытныя наблюденія надъ этимъ терминомъ. Именно существуютъ нѣкоторыя указанія на происхожденіе друнги и системы друнгарскаго управленія.

„Друнгарій назывался прежде хиліархомъ, то-есть, тысяцкимъ [1]), слѣдовательно это учрежденіе не исконное въ Византіи, а появилось въ сравнительно позднее время". Знаю, говорится въ Тактикѣ, что въ прежнее время по подобію царскаго флота и начальники отдѣловъ областнаго (то-есть, земскаго) флота назывались стратигами, а подвластные имъ вожди комитами и кентархами, нынѣ же команда перешла къ друнгаріямъ" [2]). Но дальше находимъ попытку сказать еще нѣчто большее, кромѣ сравнительной новости введенія друнгарата въ армію и во флотъ: какъ, то-есть, изъ какого состава населенія образовалась друнга. „Друнга есть отрядъ, составленный изъ людей, называемыхъ комитами" [3]). Не можетъ быть сомнѣнія, что эти комиты совсѣмъ не тождественны съ комитами-стратигами или вообще архонтами [4]), ибо не можетъ же друнга, какъ военный отрядъ, состоять изъ однихъ архонтовъ, то-есть, начальныхъ людей. Очевидно, друнга составлялась ἐκ τῶν κωμήτων, то-есть, изъ деревенскихъ людей, изъ крестьянскаго сословія, и не вообще изъ крестьянъ, а изъ тѣхъ, которые подходили подъ политическій терминъ, подразумѣваемый въ выраженіи τάγμα: τὸ ἐκ ταγμάτων ἤτοι ἀνδρῶν и проч. Κόμητες—должность начальственная и чинъ и κωμῆται—деревенскіе

---

[1]) Leo IV, 42. τοὺς δρουγγαρίους οὓς ποτε χιλιάρχους ἐκάλουν οἱ παλαιοί.

[2]) Ibid. XIX, 23. οὐκ ἀγνοῶ δὲ ὅτι περ κατὰ τὴν ὁμοίωσιν τοῦ βασιλικοῦ πλωΐμου καὶ οἱ τῶν ἄλλων θεμάτων πλώϊμοι στρατηγοὶ ἐκαλοῦντο ποτὲ τοῖς ἄνω χρόνοις, καὶ οἱ ὑπ' αὐτοὺς κόμητες μόνον καὶ κένταρχοι· ἀλλὰ νῦν εἰς στρατηγίδα ἑκάστου τῶν δρουγγαρίων ἀρχὴ ἀναβέβηκε καὶ καλουμένη ταῖς στρατηγικαῖς καταμερίζετο τάξεσιν.

[3]) Ibid. IV, 9. δροῦγγος, τὸ ἐκ ταγμάτων ἤτοι ἀνδρῶν τῶν λεγομένων κομήτων συγκείμενον πλῆθος.

[4]) Κόμητες въ тѣхъ же военныхъ сочиненіяхъ вполнѣ обличаютъ свою натуру, сближающую ихъ съ разнозначущимъ латинскимъ терминомъ. Leo III, 10 κόμητες ἤγουν οἱ τῶν λεγομένων βάνδων ἄρχοντες; Constant. de Themat. I, 1. κόμητας τοὺς νῦν στρατηγούς; Leo XIX, 23 κόμητες οἱ ὑπ' αὐτοὺς то-есть подъ стратигами; Alex. II, 41. δρουγγάριον τὸν καλούμενον δεύτερον κόμητα.

жители и крестьяне нерѣдко въ памятникахъ смѣшиваются и въ ороографическомъ и грамматическомъ отношеніи, что и могло повести къ серьезнымъ недоразумѣніямъ. Укажемъ на подобный примѣръ въ исторіи Анны Комниной: τοὺς κόμητας μεταπεμψάμενος μετὰ τῶν ὑπ' αὐτοὺς στρατευμάτων [1]) и ἀλλὰ καὶ οἱ λοιποὶ κόμητες — ἐξ ἑκάστης κομητούρας ἀνὰ διακοσίους διελόμενοι [2]). Во второмъ случаѣ, по связи съ комитурой, которая имѣетъ въ Византіи техническое значеніе, κόμητες должно значить нѣчто другое, чѣмъ въ первомъ [3]). Весьма вѣроятно, что внутреннею связью между κώμη деревня и κόμητες чинъ объясняются οἱ δρουγγαροκόμητες Константина Порфиророднаго [4]). Въ военныхъ сочиненіяхъ, наконецъ, дается еще нѣсколько совѣтовъ, какихъ правилъ должно держаться при назначеніи въ должности начальниковъ отрядовъ. И между прочимъ, друнгарія должно избирать изъ способныхъ, вѣрныхъ и доброжелательныхъ ромэйской политіи [5]).

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что на основаніи самыхъ военныхъ сочиненій можно усматривать земское происхожденіе друнги. Предполагаемая приведенными выше мѣстами связь между друнгой и деревней должна имѣть рѣшительное значеніе при изученіи новыхъ мѣстъ, въ которыхъ встрѣчается это слово. Но это еще не все. Замѣчательно, что Дюканжу уже было извѣстно одно мѣсто о друнгѣ не изъ спеціально военнаго сочиненія, а изъ историка Ѳеофана. Но и это мѣсто подведено было подъ разрядъ caterva militum, хотя оно просто трещитъ подъ такимъ военнымъ грузомъ. Въ сочиненіи Ѳеофана подъ 6031 годомъ читается слѣдующее [6]): Τούτῳ τῷ ἔτει ἐκίνησαν οἱ Βούλγαροι δύο ῥῆγες μετὰ πλῆθος Βουλγάρων καὶ δρούγγου εἰς τὴν Λυσίαν καὶ Μυσίαν. Поучительно и то, какъ переводилось это мѣсто на латинскій: Anno duodecimo imperii Iustiniani moti sunt Bulgarorum duo reges, Vulger scilicet et Droggo cum multitudine (Анастасія Биб-

---

[1]) Alex. II, 132.

[2]) Ibid. II, 71.

[3]) Таковы же κομῆται μοναχοὶ у Евстаѳія, Eustathii Opuscula 257, вмѣсто κόμητες; ibid. p. 30 Καλυτῶ κώμη... ἡ τοιαύτη Καλύτη ἀγαθοὺς τούτους κωμήτας ἤνεγκεν—очевидное указаніе на κόμητες.

[4]) De Cerimoniis 482 ed. Bonn. Это мѣсто имѣетъ спеціальное значеніе для разъясненія вопроса объ администраціи: τάγμα и θέμα, ταγματικὸς и θεματικός.

[5]) Leo Tact. IV, 3. ἐπιστήτωσαν δὲ ἄρχοντες, οἱ ἱκανώτατοι ἤγουν ὅσοι καὶ πιστοὶ καὶ εὐγνώμονες φαίνονται τῇ Ῥωμαϊκῇ πολιτείᾳ ἡμῶν. Значитъ у архонтовъ могла быть и другая, враждебная ромэйской политика!

[6]) Theophanis Chronographia, ed. Bonn. 338.

ліотекаря). Въ подстрочномъ латинскомъ переводѣ: Hoc anno Bulgari reges duo cum Bulgarorum innumera multitudine et drungo — arma moverunt. Въ русскомъ переводѣ особенно ярко выступила бы невозможность понимать подъ δροῦγγος caterva militum. Такъ: „въ этомъ году два болгарскіе короля со множествомъ Болгаръ и съ военнымъ отрядомъ (со множествомъ друнги) двинулись"... По русски представляетъ логическую ошибку сочетаніе такихъ понятій: двинуться съ войскомъ и съ отрядомъ въ одно и то же время. Итакъ, μετὰ πλῆθος δρούγγου здѣсь должно имѣть особенный смыслъ.

Намъ припоминаются здѣсь слѣдующіе обороты русской лѣтописи: „Поиде Олегъ, поя (или совокупивъ) вои многи, варяги, словени, кривичи" и проч., или совершенно тождественный оборотъ у византійскихъ лѣтописцевъ: Пошли Авары, собравъ множество подвластныхъ имъ Славянъ. Словомъ, въ извѣстіи Θеофана за πλῆθος Βουλγάρων должны были слѣдовать и дѣйствительно слѣдовали подчиненные народы. Положеніе дѣла совершенно ясное: вопросъ идетъ о царствованіи Юстиніана и о походахъ Болгаръ и Славянъ на Византію. Смыслъ мѣста Θеофана не можетъ быть иной, какъ „двинулись Болгаре, взявъ съ собой друнги (дружины или задруги) славянскія". Разбираемое извѣстіе, имѣя рѣшительное значеніе для вопроса о мнимомъ родствѣ Болгаръ и Славянъ, придаетъ особый смыслъ нашей друнгѣ. Чтобы продолжать поиски для разъясненія этого термина, мы не только должны выдти изъ византійскаго военнаго лагеря, но и совсѣмъ покинуть средневѣковой греческій міръ.

Пока возможны два пути къ объясненію появленія термина δροῦγγος въ византійскихъ памятникахъ. Хотя мы увѣрены, что въ концѣ концовъ оба пути приведутъ къ одному широкому и торному, но ради метода и болѣе тщательной техники предпочитаемъ расположить систему доказательствъ по двумъ направленіямъ.

Между народными названіями всѣхъ славянскихъ вѣтвей попадаются такія, въ образованіи или въ фонетической формѣ которыхъ, безъ всякой натяжки, если только сравнивать греческія формы, усматривается нашъ терминъ. Таковы болгарскіе Драговичи, въ греческомъ написаніи Δραγουβῖται или Δρουγοβῖται, епископія Δρουγουβιτίων, Θракія Δρογοβιτίας, она же у Кодина Δραγοβετίας [1]). Дреговичи русскіе — въ знаменитомъ мѣстѣ Константина [2]), гдѣ упоминается и о гирѣ или

---

[1]) *Šafařík*, Slovanské Starožitnosti, str. 617—618.

[2]) De administr. imperio c. 9 Ἡνίκα ὁ Νοέμβριος μὴν εἰσέλθῃ εὐθέως οἱ αὐτῶν

полюдьи—εἰς τὰς Σχλαβινίας τῶν τε Βερβιάνων καὶ τῶν Δρουγουβιτῶν. Наконецъ, не говоря о полабскихъ Древлянахъ и Драговитѣ, укажемъ на слѣдующія названія между Славянами македонскими, особенно сохранившіяся въ Житіи Дмитрія Солунскаго и у Каменіаты: Δρουγουβῖται, Δραγουβῖται, Δρογουβῖται [1]); или нѣсколько измѣненныя названія Δρουγουβιτείων, Δραγοβιντίας [2]).

Во всѣхъ греческихъ формахъ славянскаго племени есть примѣта иностраннаго для Грека корня слово, выражающаяся въ различіяхъ выговора и написанія коренной гласной: δραγ, δρογ, δρουγ, δρεγ, δουργ. Что это былъ слогъ съ носовымъ характеромъ, доказывается появленіемъ γ или ν въ концѣ производнаго Δραγοβεντία. Но еще съ большею очевидностью носовой характеръ корня удержался въ мѣстныхъ названіяхъ, такова рѣка Δρέγχων [3]), такова же τὸ ὄρος τοῦ Δρόγγου [4])—оба въ странахъ, занятыхъ Славянами. Этого рода путаница въ формѣ написанія иностранныхъ словъ не представляетъ исключенія для славянскихъ терминовъ, но имѣетъ свои аналогіи: κουμούνιον—commune, κουμέρκιον, κουμπανία [5]).

Охотно допускаемъ па время, что болгарскіе и македонскіе Друговиты, первые изъ всѣхъ Славянъ сдѣлавшіеся извѣстными Византіи, были виновниками появленія въ византійской литературѣ и политическихъ учрежденіяхъ имперіи новаго термина δροῦγγος. Это заключеніе могло бы оправдываться не только военною ролью южныхъ Славянъ въ судьбахъ имперіи, но и тою литературной тенденціей, которая пріурочиваетъ къ имени Друговитовъ столько же политическое, сколько и религіозное богомильское ученіи: Dragovetica, Duguntbia,

---

ἄρχοντες ἐξέρχονται μετὰ πάντων τῶν 'Ρῶς ἀπὸ τὸν Κίαβον, καὶ ἀπέρχονται εἰς τὰ πολύδια ἃ λέγεται Γύρα, ἤγουν εἰς τὰς Σχλαβινίας τῶν τε Βερβιάνων καὶ τῶν Δρουγουβιτῶν καὶ Κριβιτζῶν. Если еще есть сомнѣнія относительно слова γύρα, то мы можемъ указать на *Zachariae*, Jus Graeco-Romanum, III, 506, гдѣ даруется освобожденіе отъ πρακτορικῆς καὶ κατεπανικῆς γύρας, то-есть отъ нашего полюдья.

[1]) *Šafařik*, str. 623; сравн. *Иречекъ*, Исторія Болгаріи въ переводѣ *Бруна*, стр. 149.

[2]) *Parthey*, Hieroclis Synecdemus, Berolini, 1866.

[3]) Const. de Legationibus (*Migne*, CXIII, p. 748) ὅτι οἱ ἀμφὶ τὸν 'Ανατόλιον καὶ Νόμον τὸν Ἴστρον περαιωθέντες ἄχρις τοῦ Δρέγχωνος λεγομένου ποταμοῦ εἰς τὴν Σκυθικὴν διέβησαν.

[4]) *Miklosich*, Acta, IV, 331.

[5]) Можно присоединить и βάραγγοι — варяги, κούλπιγγοι.

Dugranica, Ordo de Dugrutia [1]). Словомъ, не представляется затрудненій принять, что δροῦγγος сдѣлалось военнымъ терминомъ въ Византіи съ тѣхъ поръ, какъ Друговиты стали вступать въ военную службу имперіи, или иначе друнга сдѣлалась политическимъ терминомъ со времени соединенія Славянъ и Грековъ въ одно политическое цѣлое. Легко понять, что вытекающіе отсюда выводы неизмѣримы. И прежде всего они ставятъ на очередь вопросъ о военномъ, морскомъ, судебномъ и административномъ значеніи византійскаго друнгарата [2]).

Прежде чѣмъ перейдти къ другому ряду доказательствъ и соображеній относительно друнги въ византійскихъ памятникахъ, считаемъ умѣстнымъ сдѣлать два указанія относительно русской и сербской исторіи, которыя въ нашихъ глазахъ придаютъ друнгѣ не тѣсный этнографическій смыслъ (Друговиты=Дреговичи), а общій и всеславянскій. Извѣстное мѣсто лѣтописцевъ, придающее Русскимъ эпитетъ дромиты: Ῥῶς δὲ οἱ καὶ Δρομῖται φερώνυμοι, ἀπὸ Ῥῶς τινὸς σφοδροῦ διαδραμόντες и проч., должно толковаться не отъ Ахиллесова дрома, а отъ того корня, который образовалъ, какъ мы видѣли, такъ много производныхъ словъ въ византійской и славянской жизни. Требуется весьма легкая и совершенно законная съ точки зрѣнія палеографіи поправка въ текстѣ: вмѣсто δρομῖται читать δρογγῖται или δραγῖται (см. выше разнообразныя формы написанія корня)—и эта поправка, мы глубоко убѣждены, должна рано или поздно оправдаться знакомствомъ съ рукописями. Наше мѣсто получаетъ весьма простой смыслъ: Русь, носящая имя отъ дружины или отъ задруги, „Русь—дружинники". Другое мѣсто касается Сербовъ: точно также и оно можетъ быть объяснено тѣмъ же эпитетомъ, который носятъ у Льва Русскіе. У Дюканжа, подъ χουμπανάτος, читается фраза изъ пророчествъ Льва Мудраго: ἦλθεν δίκην ἀνδριωμένη μετὰ Σέρβων καὶ χουμπανάτων. Въ другихъ спискахъ, относящихся къ тому же циклу сказаній съ именемъ Льва, повторяется эта фраза съ небольшимъ измѣненіемъ: μετὰ Σέρβων χουμπανάτων [3]), то-есть, χουμπανάτοι не составляютъ чего-нибудь отдѣльнаго отъ Сербовъ, а это сами Сербы, носящіе эпитетъ χουμπανάτοι. Иностранцы могутъ ставить выраженіе χουμπανάτοι въ связь съ com-

---

[1]) *Иречекъ*, Исторія Болгаръ, 229.

[2]) Theoph. Cont., p. 374: ὁ δὲ βασιλεὺς διεδέξατο τὸν Εὐστάθιον ἐπονομαζόμενον Ἀργυρὸν ἀπὸ τοῦ δρουγγαράτου.

[3]) Annuaire de l'Association des Études Grecques, 1874, p. 173, v. 28.

pagnon (socius), но для славянскаго ученаго предпочтеніе должно оказаться на сторонѣ старосербскаго к у п, к у п а, которое и перешло въ греческій въ видѣ κοῦμπα. Такъ какъ указанные сербскіе термины, равно какъ и наше д р у ж и н а, внѣшнимъ образомъ входятъ въ латинское понятіе socii и греческое κουμπανάτοι, то вполнѣ понятнымъ становится усвоенный греческимъ памятникомъ эпитетъ по отношенію къ Сербамъ. Σέρβοι κουμπανάτοι есть то же, что οἱ 'Ρῶς δρογγῖται. Въ греческихъ эпитетахъ, усвоенныхъ русскому и сербскому народу, играетъ роль не этнографическій терминъ, а бытовой, свойственный всему славянскому племени. Роль термина δροῦγγος въ общественной исторіи—громадная по ея значенію, особенно если могутъ оправдаться примѣненія, подобныя слѣдующему. Въ текстѣ Θеофилакта Болгарскаго о Тиверіупольскихъ мученикахъ гл. 34 (Migne CXXVI) есть одно мѣсто, въ высшей степени странное и никоимъ образомъ непримиримое ни съ современными латинскими хрониками, ни съ общимъ ходомъ дѣлъ (см. весьма хорошо составленную книгу г. Соколова „Изъ древней исторіи Болгаръ", стр. 151). Ἐπεὶ γὰρ τὴν ἀρχὴν ὀριθῆς (слѣдуетъ исправить ὁ ῥηθεὶς) διεδέξατο Βωρίσης ὁ θαυμάσιος, Φράγγων νέφος τὴν Βουλγαρίαν πᾶσαν ἐκάλυψε, то-есть, „когда упомянутый дивный Борисъ принялъ власть, туча Франковъ покрыла всю Болгарію". Никакой войны съ Франками тогда не было, напротивъ всѣ извѣстія подтверждаютъ, что у Болгаръ съ Франками были тогда дружественныя отношенія, слѣдовательно нужно или отвергнуть это мѣсто, или дѣлать поправку въ текстѣ. Если бы не это собственное имя, то давно бы уже можно было подмѣтить въ самомъ текстѣ Θеофилакта мотивъ къ поправкѣ страннаго собственнаго имени. Дальше читается: Βωρίσης—ἐπεγνώσθη τὴν θεῖαν μάστιγα καὶ ὡς ἐπάγει ταύτην ὁ παιδευτὴς πατὴρ καὶ Δεσπότης, ἐπιστρέψαι θέλων τοὺς υἱοὺς καὶ δούλους πρὸς τὴν ἀλήθειαν, ἀμέλει τότε и проч., то-есть, „Борисъ позналъ божій бичъ, и что насылаетъ его учитель Отецъ и Господь, желая обратить сыновъ и рабовъ къ истинѣ, сейчасъ же" и проч. Во-первыхъ, въ византійской рѣчи оборотъ καὶ ὡς ἐπάγει ταύτην совершенно равносиленъ ἐπαγομένην ὑπὸ и проч.; во-вторыхъ, πρὸς τὴν ἀλήθειαν несомнѣнно нужно понимать въ конкретномъ смыслѣ, то-есть, къ христіанской вѣрѣ. Если, какъ обыкновенно и понимается это мѣсто, Богъ наслалъ на Болгарію бѣдствія, желая обратить Болгаръ къ истинной вѣрѣ, то кто же по отношенію къ Богу были дѣти и рабы? Если подъ первыми разумѣть христіанъ, чего однако нельзя допустить, а подъ вторыми язычниковъ, то зачѣмъ же бичъ бьетъ тѣхъ и другихъ? Къ тому

же несогласно съ христіанской моралью и чуждо склонностямъ далеко нерасположеннаго къ Славянамъ знаменитаго болгарскаго архіепископа—различать между Болгарами языческой эпохи сыновъ и рабовъ божіихъ. Дѣло въ томъ, что не совсѣмъ вѣрно понимается это мѣсто. Не Богъ, желая обратить сыновъ и рабовъ къ христіанской вѣрѣ, насылаетъ бичъ, а Борисъ, желая обратить и проч., обращается съ посольствомъ къ царю Романъ и сенату, то-есть фразу, гдѣ говорится о сыновьяхъ и рабахъ, нужно относить къ Борису, а не къ Богу. Для царя же Бориса дѣйствительно были въ тогдашней Болгаріи дѣти и не дѣти (рабы). Первыми были Болгаре, вторыми Славяне. Противоборство собственно земскаго крестьянскаго населенія, каковое и представляли собой Славяне, предпринятому Борисомъ дѣлу выясняется изъ свидѣтельства Гинкмара (Annal. Bertin. a. 866): quod proceres sui (читай жупаны) moleste ferentes, concitaverunt populum adversus eum, ut illum interficerent. Quotquot igitur fuerunt intra decem comitatus (въ десяти жупахъ), aduraverunt se circa palatium ejus, то-есть, „тѣмъ недовольные жупаны возбудили противъ него народъ, чтобы убить его. Итакъ, всѣ, сколько ихъ было въ десяти жупахъ, собрались вокругъ его дворца". Вотъ здѣсь и нужно дѣлать различіе между дѣтьми и рабами, между вѣрными Борису Болгарами, и невѣрными Славянами. Итакъ, возвращаясь къ извѣстію Θеофана, дѣлающему различіе между Болгарами и Друнгами, мы предлагаемъ замѣнить Φράγγων νέφος чтеніемъ Δρούγγων νέφος, послѣ чего извѣстія Θеофилакта и Гинкмара будутъ весьма тождественны.

Δρούγγων νέφος τὴν Βουλγαρίαν πᾶσαν ἐκάλυψε	Quotquot igitur fuerunt intra decem comitatus adunaverunt se circa palatium ejus.

Βουλγαρίαν πᾶσαν=circa palatium ejus. Palatium предводителя дружины болгарской назывался αὐλή; ср. Zonarae XV, 15 (ed. Dindorf, III, 372).

Такимъ образомъ, какъ ни важна въ исторіи Византіи роль Друговитовъ-Дреговичей, все же не въ этнографическихъ именахъ слѣдуетъ искать происхожденія друнги. Современный изслѣдователь не долженъ остановиться на производствѣ друнги отъ этнографическихъ терминовъ и потому, что δροῦγγος—народное имя, застывшее въ византійскихъ памятникахъ съ утратой этнографическаго характера—представилось бы одинокимъ явленіемъ, лишеннымъ аналогій въ западноевропейской исторіи, которая хорошо разъяснила періодъ

сліянія разныхъ народностей въ одно политическое тѣло и процессъ образованія политическихъ учрежденій. И мы сами сознаемъ возможность хоть бы такого возраженія: можетъ быть, не Друговиты-Дреговичи были виновниками термина друнги, а совсѣмъ наоборотъ. Нужно, слѣдовательно, обратиться къ бытовой исторіи Славянъ и поискать въ политическихъ учрежденіяхъ славянскаго племени источника, откуда вытекаетъ и византійская друнга и этнографическіе термины. Но эта задача не представляетъ уже особенныхъ трудностей, и она частію разрѣшена славянской наукой въ смыслѣ выясненія общеславянскаго значенія задруги [1]). Намъ остается лишь присоединить, что терминъ δροῦγγος застылъ въ византійскихъ памятникахъ сравнительно въ отдаленное время, къ которому не восходятъ славянскіе письменные памятники. То обстоятельство, что Греки удержали именно этотъ терминъ какъ синонимъ къ „Славяне", находитъ себѣ освѣщеніе въ словахъ Цезаря и Тацита о Германцахъ: generatimque constituerunt paribus intervallis (De Bello Gall. 1. 51); non casus neque fortuita conglobatio turmam aut cuneum facit, sed familiae et propinquitates (Germania c. 7), т.-е. славянскій Тацитъ могъ бы сказать про Славянъ, когда они въ первый разъ стали сражаться съ Греками: „не случай и не простое соединеніе образуетъ ихъ отряды и дружины, но семьи и задруги (друнги)".

Въ заключеніе нѣсколько словъ, и прямо уже въ примѣненіи къ докладу. По нашему мнѣнію терминъ друнга, въ докладѣ не только смѣло можетъ быть переведенъ словами община, жупа, задруга, дружина, но даже съ прибавкой прилагательнаго „славянскій". Δροῦγγος раньше застыло въ византійскихъ памятникахъ, чѣмъ успѣли выдѣлиться эти слова, имѣющія при внѣшнихъ различіяхъ одно внутреннее бытовое и политическое сродство. Приходится снова выдвинуть знаменательныя слова: „Ославянилась вся эта страна и сдѣлалась варварскою [2]); весь Эпиръ и Елладу и Пелопоннисъ и Македонію занимаютъ Славяне". Слишкомъ еще недавно прекратился знаменитый споръ о томъ, въ какой мѣрѣ Еллада и Пелопоннисъ ославянились и въ какой мѣрѣ справедливо мнѣніе Фаллмерайера объ уничтоженіи греческой расы на материкѣ подъ напоромъ Славянъ. Литература этого спора должна быть снова пересмотрѣна и взвѣшена, причемъ центръ тяжести въ доказательствахъ долженъ быть перене-

---

[1]) *Вука Караджича*, Српски Рјечникъ, 173.

[2]) Constant. De Thematibus, II, 6.

сенъ съ филологической почвы и географической номенклатуры на исторію византійскихъ учрежденій и на исторію крестьянства въ Византіи. Тогда получатся новые и до сихъ поръ непредполагаемые выводы. Во всякомъ случаѣ, теперь Грекамъ придется вести борьбу не съ подлогомъ и не съ антиэллинской тенденціей, а съ историческимъ документомъ, въ подлинности котораго никто не можетъ сомнѣваться. Михаилъ Акоминатъ снова выдалъ тайну, которую такъ желательно было многимъ замаскировать и которая закрывала отъ Славянъ значеніе и смыслъ византійскихъ занятій. Теперь понятно, почему Аѳинскій митрополитъ боялся забыть греческій языкъ, живя 20 слишкомъ лѣтъ въ Аѳинахъ; понятно также, почему онъ считалъ страну варварскою: славянское крестьянское населеніе составляло единственную экономическую силу Аѳинскаго округа, при ослабленіи которой государству не съ кого было брать подати! Съ этой точки зрѣнія развѣ не пріобрѣтаетъ совсѣмъ иное освѣщеніе слѣдующее письмо къ Василію Пикриду[1]: „Пріятный звукъ и въ другихъ отношеніяхъ и въ особенности потому, что чисто эллинскій и весьма рѣдкій для меня и даже странный, хотя я и живу въ средней Елладѣ. Ибо нынѣшній представитель аттической рѣчи есть варваръ (ὁ γὰρ νῦν ἀττιχιστὴς βαρβαριστής ἐστιν ἀτεχνῶς). И какъ на лучшее доказательство посмотри хорошенько на меня, который, прежде чѣмъ получилъ мудрыя Аѳины, владѣлъ благородною аттическою рѣчью; нынѣ же, проживъ долго въ Елладѣ, превратился совсѣмъ въ варвара (νῦν δὲ, βεβαρβάρωμαι γὰρ χρόνιος ὢν ἐν 'Ελλάδι; такъ и просятся подъ перо другія слова (ἐσθλαβώθη δὲ πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος). Посмотри, какъ я говорю съ тобой: понятны ли тебѣ мои слова, или слышишь невнятный лепетъ? Говорю не о дѣтскомъ лепетѣ, но о лишеніи дара слова, подобно какъ та дѣвица, у которой Тирей вырѣзалъ языкъ. Ибо какъ ее сдѣлалъ безсловесною варваръ Ѳракіецъ, такъ и меня пляшущее надъ Аттикой невѣжество (οὕτω κἀμὲ ἡ κατορχουμένη τῆς 'Αττικῆς ἀμουσία τέθεικεν ἄγλωττον). Хотя мы утратили употребленіе языка съ тѣхъ поръ, какъ вырваны были изъ своей среды и свалились въ эту глубокую пропасть, но все еще чувствуемъ прелесть привычнаго намъ и просвѣщеннаго слова“.

Канцлеру Ѳедору Иринику[2]). Лучшимъ подтвержденіемъ того, что ты не забываешь наши Аѳины, служитъ облеченіе властью

---

[1]) Λαμπρος, II, 87.

[2]) Λαμπρος, II, 121.

надъ Аѳинами всечестнѣйшаго логоѳета, мужа доблестнаго и въ другихъ отношеніяхъ и усвоившаго отъ отца дружеское расположеніе къ Аѳинамъ. Вѣрю, что ты устроилъ такъ, желая болѣе угодить намъ, чѣмъ ему, дабы могли мы насладиться его калокагаѳіей: когда же говорю: я, мы—разумѣю Аѳины. О, если бы это благо было для насъ прочное. Ибо много у насъ недоброжелателей и враждебно къ намъ расположенныхъ между высшими лицами [1]), въ особенности изъ тѣхъ, которые не любятъ доставшуюся на нашъ жребій Спарту, недовольны областію Истма и желаютъ наложить руку на самую Аттику. Они обручаютъ Аѳины съ разными предпріимчивыми властелями, посредствомъ которыхъ и насъ желаютъ приблизить къ весьма жалкому положенію епископа Аргоса. Постарайся, чтобы намъ не потерять доблестнаго Торника, и если логоѳету случится быть въ отлучкѣ, чтобы намъ не попасть подъ злую власть".

Здѣсь имѣется въ виду логоѳетъ дрома Константинъ Торникъ, сынъ Дмитрія Торника. По всѣмъ вѣроятіямъ, письмо это написано въ 1201—1202 г. Интересъ его заключается въ характеристикѣ положенія провинцій передъ латинскимъ завоеваніемъ, когда мѣстные династы готовы были и сами оторвать провинціи отъ центра [2]). То же значеніе имѣетъ и слѣдующее письмо.

Логоѳету дрома Константину Торнику [3]). „Вѣчная память тому покойному мудрому логоѳету. Лучшія качества отца перешли къ тебѣ по наслѣдству, какъ по наслѣдству же справедливо владѣешь всѣми его почестями. И такъ, если не умеръ для насъ мудрый логоѳетъ, но удалившись на короткое время, опять возвратился въ тебѣ въ Аѳины, спаси насъ какъ спасалъ твой отецъ. Ибо наверху много у насъ есть враговъ, изъ нихъ первый—всечестнѣйшій (πανυπέρτιμος) [4]). Подчинивъ область Истма, онъ съ большею чѣмъ прежде рѣшительностію надвигается на Аттику, и не какъ Архидамъ, посѣкающій Ахарнянъ и уносящій плоды, но дѣлаетъ нѣчто болѣе ужасное и подобно Димаду подготовляетъ крушеніе городу, или лучше развалинамъ бывшаго нѣкогда города. Посмотри, какъ онъ

---

[1]) Разумѣются Комнины, о которыхъ было говорено выше, и Сгуръ; Λαμπρος, II, 593.

[2]) Nicetas 800, 841; Житье св. Ѳеодоры изъ Арта.

[3]) Λαμπρος, II, 124.

[4]) *Ламбросъ*, II, 595, прилагаетъ этотъ титулъ къ Льву Сгуру, который носилъ и еще титулъ σεβαστουπερτάτου.

передаетъ Аѳины, какъ нѣкую чашу изобилія, отпивъ изъ нея сначала самъ, разнымъ предпріимчивымъ властелямъ, зятьямъ и шуревьямъ царя [1]) и помощнику мистика, дабы затѣмъ, напоивъ другихъ, снова самому наслаждаться ею".

Переписчику Георгію Колимвѣ и товарищу его Номикопулу [2]). „Уже во всѣхъ дѣлахъ распущенность, когда и прямую статью закона негодяи—я не говорю ужь о справщикахъ—обходятъ кривыми путями [3]). Не ты ли, почтеннѣйшій Сергій, вотъ уже цѣлый годъ завѣдываешь аѳинскими писцовыми книгами, по которымъ мѣстечко Оропъ значится въ кадастрѣ Аѳинской епархіи [4])? Развѣ не дана тебѣ и о немъ въ Аѳинахъ писцовая справка, какъ и о другихъ имѣніяхъ Аѳинской епархіи [5])? Какъ же ты допустилъ нынѣ закрѣпить его за Ѳиванцами [6]) (внести въ писцовыя книги Ѳиванцевъ)? Про Ѳиванцевъ я ничего не сказалъ бы дурнаго, но прочитавъ преторскій приказъ, составленный по ихъ показаніямъ, на будущее время не легко бы довѣрился свидѣтельствамъ крестьянъ [7]). И такъ, оставьте несчастное мѣстечко безъ обложенія [8]). Господь да хранитъ васъ въ многолѣтнемъ здравіи".

---

1) Это мѣсто не истолковано Ламбросомъ. Оно выясняется изъ житья св. Ѳеодоры, и здѣсь нужно разумѣть Комниновъ пелопоннисскихъ и Мелиссиновъ.

2) Λαμπρος, II, 131.

3) ὅτε καὶ τὴν εὐθύτητα τῶν κανόνων, τοῦτο γὰρ πᾶς ἐξισωτὴς δήπου, οἱ ἐνδιάστροφοι παρεγκλίνουσιν.

4) τὰ ἀθηναϊκὰ πρακτικὰ στρέφεις ἐν ταῖς χερσὶν ὅλον ἐνιαυτόν, οἷς συγγέγρακται καὶ τὸ ὑπὸ τὴν ἀθηναϊκὴν ἐπίσκεψιν τελοῦν χωρίον ὁ Ὠρωπός; относительно выраженія πρακτικὰ укажемъ параллельное мѣсто *Miklosich*, Acta, IV, 63: ἐν τῷ πρακτικῷ τῷ παρὰ τοῦ Κασταμονίτου γεγονότι καταγεγραμμένα ἐν τῷ στίχῳ τῆς μονῆς, то-есть, въ писцовой книгѣ, составленной Кастамонитомъ, записано въ статьѣ монастырской. Что касается мѣстечка Oропа и спора изъ-за него между Аѳинами и Ѳивами, то это споръ весьма давній, можно сказать классическій, какъ можно видѣть у *Германа*, Griechische Antiquit., § 172, 9, 174, 2, 176, 3.

5) οὐκ ἐδόθη σοι ἐν Ἀθήναις καὶ τὸ τούτου ἀναγραφικὸν ζήτημα μετὰ τῆς λοιπῆς ἀθηναϊκῆς ἐπισκέψεως; сравн. Miklosich IV, 316 δικαιώματα περὶ τούτων (то-есть, владѣнныя грамоты) ἐνίστατο ἔχειν καὶ ἐν τῇ πόλει φυλάττεσθαι.

6) καὶ πῶς νῦν ἠνέσχου τυπωθῆναι καὶ αὖθις παρὰ τῶν Θηβαίων τοῦτο; относительно выраженія τυπωθῆναι, смыслъ котораго остался неизвѣстнымъ Ламбросу, укажемъ: *Mikl.* IV, 42, 43: ἐπετυπώθη δοθῆναι; ibid. 327; Alex. II, 80, 78, 243; Πεῖρα (ap. *Zachariae*, I) XV, 10 τέως δ' οὖν ἐτύπωσεν ὁ μάγιστρος, то-есть, магистръ опредѣлилъ.

7) τοῖς κατωχοῖς раньше мы объяснили въ смыслѣ κατωτικοῖς и понимаемъ здѣсь окольныхъ людей.

8) τὸ χωρίον ἀνεπηρέαστον переводимъ «безъ обложенія», то-есть податями,

Этимъ мы могли бы закончить первую главу, въ которой предположено было сообщить матеріалы для внутренней исторіи Византіи, находящіеся въ письмахъ М. Акомината. Послѣднее письмо уже выводитъ насъ изъ области крестьянскихъ интересовъ и возвращаетъ къ предмету, нѣсколько лучше сдѣлавшемуся въ послѣднее время извѣстнымъ,—къ церковному землевладѣнію. Безъ сомнѣнія, и Аѳинская церковь владѣла помѣстьями и землями, положеніе церковныхъ людей также должно было привлекать къ себѣ вниманіе Аѳинскаго митрополита; но по особенной случайности, къ ознакомленію съ этимъ вопросомъ нельзя почти ничего почерпнуть у М. Акомината. Дѣло въ томъ, что донесеніе его, отправленное въ Константинополь вскорѣ по прибытіи въ Аѳины и по ознакомленіи съ дѣлами, утратилось безъ слѣда, а въ немъ-то и должны были заключаться самыя важныя для насъ свѣдѣнія [1]). Такимъ образомъ, кромѣ неясныхъ намековъ [2]) и двухъ-трехъ мѣстъ о спорномъ Оропѣ, по части церковнаго землевладѣнія мы ничего не узнаемъ изъ писемъ М. Акомината. Есть одно любопытное указаніе на смѣшанныя права церковной и свѣтской власти въ одномъ секуляризованномъ помѣстьѣ.

Епископу Ѳивъ Михаилу [3]) „Мы живы, славу Богу, немного облегченные, хотя и не совсѣмъ еще освобожденные отъ болѣзни. Зять Лашари принесъ намъ преторскій указъ о кураторіи, копія съ котораго послана и къ твоей святости [4]), дабы твоя свя-

---

имѣя въ виду другое письмо II, 89, на основаніи котораго можно догадываться, что въ пользу Оропа какъ помѣстья аѳинской церкви существовали изъятія: ἕξει γὰρ ἡ ἐκκλησία συγκρότησίν τινα (облегченіе, помощь) ἀπὸ τοῦ προαστείου τούτου.

[1]) Объ этомъ донесеніи узнаемъ изъ письма къ патріарху Василію Каматиру (1185—1186): Ἡμεῖς μέντοι πολλὰς δυσχερείας εὑρηκότες ἐν τῇ καθ' ἡμᾶς ἐκκλησίᾳ— τῷ τέως δεόμεθα ἵνα τὰ κακῶς ἐκδεδομένα ἀκίνητα ἐπανέλθωσιν εἰς αὐτήν, περὶ ὧν ἡ ἀποσταλεῖσα πρὸς τὴν μεγάλην ἁγιωσύνην σου ἀναφορὰ κατὰ μέρος ἀναγγελεῖ то-есть, а мы нашли много затрудненій для нашей церкви, просимъ возвратить ей неправильно розданныя земли, о чемъ освѣдомитесь въ подробности изъ посланнаго вашему святѣйшеству донесенія.

[2]) Сюда относится мѣсто въ письмѣ къ Кастамониту, II, 71.

[3]) Λαμπρος, II, 137.

[4]) ὁ γαμβρὸς τοῦ Λάμαρι σημείωμα κουράτωρος πραιτωρικὸν προςκεκόμικεν ἡμῖν, οὗπερ ἴσον καὶ ἀπεστάλη. Чтобы понять это мѣсто, мы нѣсколько измѣнили чтеніе, вмѣсто κουράτωρος κουρατωρείας, ибо иначе выходитъ безсмыслица: преторскій указъ куратора. Что же касается до значенія термина кураторъ, то несомнѣнно онъ представляетъ собой выраженіе вмѣшательства свѣтской власти въ

тость сдѣлала запросъ преторамъ: позволительно ли клирику равнять куратора со своимъ архіереемъ [1] (т.-е. позволительно ли клирику, при подчиненіи духовной власти, признавать надъ собой свѣтскую власть куратора)? Если это будетъ признано незаконнымъ, тогда не назначая другаго куратора, пусть перемѣнятъ владѣнную запись на спорное имущество".

Письмо это, дѣлающее слабый намекъ на мало извѣстный государственно-экономическій принципъ, мы понимаемъ такъ: мѣстечко Оропъ, спорное между Аѳинами и Ѳивами, бывъ отписано административной властью отъ Аѳинской церкви, не безусловно закрѣплено было за Ѳивами, а съ ограниченіемъ. Именно, Оропъ переданъ былъ въ формѣ кураторіи—харистикарія свѣтскому архонту, зятю Лашари. На первый разъ возникли затрудненія между кураторомъ и епископомъ Ѳивъ изъ-за раздѣленія власти. Митрополитъ Аѳинскій даетъ совѣтъ своему собрату поставить на видъ претору принципіальное неудобство отъ назначенія куратора, что̀ и вообще τὰ κακῶς ἐκδεδαμένα ἀκίνητα обозначаетъ именно раздачу подъ видомъ кураторіи и харистикарія.

Позволяемъ себѣ подвести итогъ всему сказанному въ этой главѣ. Существенный интересъ сообщенныхъ матеріаловъ заключается въ томъ, что они по преимуществу касаются положенія свободнаго крестьянства въ концѣ XII вѣка. Высокое значеніе въ наукѣ должны прі-

---

церковныя и монастырскія владѣнія (извѣстнаго рода секуляризація этихъ послѣднихъ). Въ этомъ отношеніи кураторъ долженъ быть поставленъ вмѣстѣ съ *харистикаріями*, указанными и оцѣненными г. *Васильевскимъ*, *Ж. М. Н. Пр.*, апрѣль 1879, стр. 400. Опредѣленіе этой должности мы находимъ у Евстаѳія Солунскаго, Opuscula, 244: ἐπιστασία ἐν τοῖς μεγάλοις σεμνείοις ἀρχόντων ἐκ τῶν ἐν κόσμῳ, ἵνα—οἱ ἄρχοντες αὐτοὶ τυρβάζοιεν περὶ πολλὰ, καὶ ὡς οἷα τινὲς πρόβολοι κατὰ κυμάτων βιωτικῶν ἀνιστάμενοι, θραύοιεν ἐκεῖνα καὶ ἀποστρέφοιεν, то-есть, свѣтскимъ лицамъ (архонтамъ) давались монастыри для управленія церковными землями и людьми. Сравн. *Zachariae*, III, 290: εἴτε ἀφωρίσθησαν οἱαςδήποτε κουρατωρείαις, ἢ καὶ τινι τῶν δυνατῶν—ἐδωρήθησαν; Πεῖρα ар. *Zachariae* I, LXVI, 27 κουράτωρ ἐπῆλθέ τινι, ἵνα ἐκδιώξῃ αὐτὸν ὡς στρατιώτην ἀπὸ τοῦ ἐκκλησιαστικοῦ κτήματος. Это значитъ, что кураторъ было лицо чуждое церковной администраціи, въ извѣстной степени враждебное интересамъ церкви: стратіотъ пристроился въ качествѣ парика на церковной землѣ, а кураторъ стремится возвратить его къ первоначальному состоянію. Словомъ, по нашему мнѣнію, харистикарій и кураторъ суть представители одного и того же политическаго принципа.

[1]) εἰ θεμιτόν ἐστιν κληρικὸν κουράτωρα ἀντικρίνεσθαι τῷ ἰδίῳ ἀρχιερεῖ.

обрѣсть тѣ мѣста писемъ, въ которыхъ М. Акоминатъ является печальникомъ земли,—не въ узкомъ смыслѣ какъ землевладѣлецъ, защищающій интересы подвластнаго церкви населенія, каковъ архіепископъ Болгарскій Θеофилактъ, а въ самомъ обширномъ, какъ умный политикъ, умѣвшій различать въ государственномъ смыслѣ дѣйствительныя выгоды отъ призрачныхъ. Если вспомнимъ при томъ, что лучшіе матеріалы для внутренняго состоянія Византіи выдвигаютъ почти исключительно церковное и монастырское землевладѣніе и оставляютъ насъ въ совершенномъ невѣдѣніи относительно другихъ формъ владѣнія землей, то сдѣланныя Аθинскимъ митрополитомъ сообщенія, не смотря на ихъ краткость и неполноту, должны получить особенное значеніе въ глазахъ изслѣдователя. По всей справедливости имъ принадлежитъ первое мѣсто послѣ знаменитыхъ новеллъ X вѣка, излагающихъ борьбу законодательства съ крупной собственностью и насильственнымъ захватомъ властелями мелкихъ земельныхъ участковъ. М. Акоминатъ раскрываетъ предъ нами исторію этой борьбы въ XII вѣкѣ и даетъ ключъ къ уразумѣнію смысла той же борьбы въ послѣдующее время. Онъ первый своими извѣстіями позволяетъ въ настоящее время поставить вопросъ о связи соціальныхъ реформъ и соціальныхъ движеній въ Византіи съ вопросомъ о значеніи славянскаго элемента въ имперіи.

Насъ могутъ упрекнуть, что мы въ увлеченіи позволяемъ себѣ дѣлать широкіе выводы на основаніи двухъ-трехъ мѣстъ писателя, неправильно, можетъ быть, понятыхъ. Пусть будетъ это увлеченіемъ, которое мы старались однако же посильно оправдать и обставить и на провѣрку котораго употребили не мало времени и труда. Въ научномъ языкѣ такія увлеченія принято называть теоріями. Никто не можетъ отрицать законности этихъ послѣднихъ, если онѣ не затрудняютъ, а объясняютъ. Мы и думаемъ, что немногія мѣста М. Акомината объясняютъ очень многое какъ въ общеславянской, такъ и византійской исторіи. Къ нашему успокоенію, можемъ сослаться на процессъ развитія историческихъ знаній, который свидѣтельствуетъ, что ради двухъ-трехъ мѣстъ, даже ради одного новаго термина стòитъ иногда войдти въ новое разсмотрѣніе всего наличнаго матеріала. Ибо нерѣдко бывали случаи, что два-три новые факта оживляли запасъ прежнихъ наблюденій и изученій и были достаточны для того, чтобы привести въ систему цѣлый отдѣлъ знаній, или пролить свѣтъ на цѣлую эпоху (имѣемъ въ виду извѣстные спеціалистамъ факты въ процессѣ развитія науки о германскихъ и французскихъ учрежденіяхъ). Не боимся

впасть въ преувеличеніе, если скажемъ, что въ изученіи внутренней исторіи Византіи, именно что̀ касается администраціи, хозяйства, землевладѣнія и соціальныхъ отношеній, наши знанія весьма далеки отъ системы, что въ нихъ нѣтъ строго поставленныхъ и общепринятыхъ положеній, которыя были бы обязательны, словомъ, нѣтъ идеи о ростѣ, выработкѣ политическихъ учрежденій Византіи, что̀ называется у Нѣмцевъ Verfassungsgeschichte. И едва ли причину этого слѣдуетъ искать только въ недостаткѣ текстовъ и скудости матеріаловъ, какъ бы ни были иногда справедливы жалобы на такой недостатокъ. Нѣтъ, и изданные и сдѣлавшіеся извѣстными новые тексты значительно долгое время остаются безъ изученія, или дѣлаются предметомъ слишкомъ поверхностнаго вниманія. Вредъ поверхностнаго отношенія къ изданнымъ памятникамъ въ экономіи науки не менѣе, если не болѣе ощутителенъ, чѣмъ прямое ихъ незнаніе. Можно бы увеличить недосмотры въ сочиненіи знаменитаго автора Исторіи греко-римскаго права, но довольно и того, что̀ указано уже было въ свое время проф. Васильевскимъ [1]). Если принять во вниманіе вполнѣ, впрочемъ, заслуженный авторитетъ, которымъ пользуется Цахаріэ фонъ Лингенталь, если его книга служитъ показателемъ византійскихъ знаній вообще, то недосмотры и пропуски его въ сочиненіи, изданномъ въ 1877 году, должны свидѣтельствовать по крайней мѣрѣ о томъ, что въ византійскихъ занятіяхъ не установлено соотвѣтствія между наличнымъ матеріаломъ и попытками къ построенію системъ. Но за этимъ выдвигается на сцену вопросъ о пересмотрѣ матеріаловъ у того руководителя, безъ совѣта съ которымъ не можетъ обходиться византинистъ, говоримъ о Словарѣ незабвеннаго Дюканжа. Мы слышали, что въ Аѳинахъ думаютъ предпринять новое изданіе этого труда Дюканжа, но его слѣдовало бы издавать не въ Аѳинахъ, а въ Петербургѣ — въ прямыхъ насущныхъ и обязательныхъ интересахъ славянской науки. Греки не будутъ искать связи между χούμπα и купа, между δρούγγος и задруга, между ἔποικος и славянская община.

Помимо указанныхъ обстоятельствъ, которыя заставляютъ всякій разъ внимательно осмотрѣться прежде чѣмъ in verba magistri jurare и которыя служатъ предостереженіемъ противъ жалобы на скудость матеріаловъ и чаянія новыхъ откровеній въ неизданныхъ текстахъ, должно принять во вниманіе и другое, также весьма внушительное предостереженіе. Едва-ли не настоятельно необходимъ новый пере-

---

[1]) *Журн. Мин. Нар. Пр.*, іюль 1879.

смотръ византійскихъ историковъ, съ цѣлію извлечь у нихъ матеріалы какъ для внутренней исторіи Византіи, такъ и для другихъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь изданіями сравнительно недавняго времени, причемъ преимущественное вниманіе должно быть обращено на терминологію историковъ, на термины для выраженія бытовыхъ, экономическихъ, земледѣльческихъ и наконецъ общественно-политическихъ понятій.—Странно сказать, но мы въ сущности не знаемъ, какое реальное понятіе соединялось съ весьма обычными терминами, въ родѣ ἄρχων, ἔποικος, χομιτοῦρα, τάγμα, θέμα, κάστρον, στρατός, δροῦγγος, не говоря уже о различныхъ административныхъ и податныхъ терминахъ. И въ большое затрудненіе поставили бы болѣе сложные, хотя въ сущности простые вопросы о томъ, напримѣръ, была ли связь между административной должностью и помѣщичьимъ положеніемъ, какое отношеніе гражданской къ военной власти, какая судьба постигла крестьянское землевладѣніе и т. п.

Таковы общія соображенія, на которыя наводятъ письма М. Акомината. Какъ навѣянныя на насъ изученіемъ писателя и способомъ пониманія сообщаемыхъ имъ данныхъ, эти соображенія могутъ быть вѣрны и невѣрны, могутъ оправдаться и не оправдаться при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Было бы большимъ самомнѣніемъ съ нашей стороны—претендовать на всестороннее выясненіе намѣченныхъ здѣсь вопросовъ. Что̀ сказано лишняго или преувеличеннаго, то отнесется на нашъ собственный счетъ, и конечно не будетъ вмѣнено въ похвалу. Но судьбу собственныхъ выводовъ мы не хотимъ соединять или ставить въ зависимость отъ пріема, котораго заслуживаютъ точныя и безспорныя данныя, заключающіяся въ письмахъ Акомината. Эти данныя вкратцѣ заключаются въ слѣдующемъ. Царствованіе Андроника Комнина сопровождалось какимъ-то страннымъ, дотолѣ небывалымъ движеніемъ среди крестьянскаго сословія. Поднятъ былъ вопросъ о размежеваніи земель, о реформахъ въ податной системѣ. И дѣло уже вполнѣ необычное—крестьяне избираютъ отъ себя представителей и посылаютъ ихъ въ Константинополь хлопотать по своимъ дѣламъ. Это движеніе, засвидѣтельствованное письмами къ Ѳ. Мацукѣ отъ 1184 г., когда выборные главари сами ходили въ Константинополь, было, по всей вѣроятности, пріостановлено высшею администраціей и мѣстными властелями и осталось неудовлетвореннымъ. Но броженіе не утихало, и въ 1198 г. оно было принято подъ защиту Аѳинскимъ митрополитомъ, который, придавъ претензіямъ крестьянъ законную по тому времени форму, составилъ отъ ихъ имени знамени-

тый докладъ, который и направилъ въ Константинополь уже не съ выборными отъ крестьянъ, а съ своимъ граматикомъ, снабдивъ послѣдняго множествомъ писемъ къ вліятельнымъ лицамъ и рекомендаціей. Въ этомъ документѣ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о тяжкой податной системѣ и о крестьянскомъ малоземельѣ, виновниками котораго выставляются живущіе въ замкахъ властели, т.-е. по существу претензіи, выставленныя въ докладѣ, сближаются или, лучше, кроются въ соціальномъ броженіи, поднятомъ въ 1184 и засвидѣтельствованномъ въ письмахъ къ Ѳ. Мацукѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ отъ того же времени. Но что всего замѣчательнѣе, однимъ оброненнымъ словечкомъ докладъ выдаетъ величайшую тайну о національности крестьянъ, ищущихъ землицы и облегченія отъ податей. Оказывается, что около Аѳинъ жили славянскія друнги. Такъ какъ изъ другихъ и тоже греческихъ источниковъ извѣстно, что Еллада и Пелопоннисъ дѣйствительно были заселены Славянами, то δρούγγος доклада является вполнѣ на своемъ мѣстѣ, и этотъ терминъ, примѣненный къ различнымъ запутаннымъ фактамъ византійской и общеславянской исторіи, долженъ принести исторической наукѣ громадную услугу. Всѣ выводы, какіе отсюда могутъ быть сдѣланы, будутъ отправляться изъ доклада М. Акомината. Само собой разумѣется, что и соціальное движеніе конца XII в. должно быть названо славянскимъ движеніемъ. Многія частныя письма, въ которыхъ М. Акоминатъ жалуется на варварство Аттики и высказываетъ опасеніе забыть аттическій языкъ, должны быть понимаемы буквально, именно въ томъ смыслѣ, что господствующая рѣчь въ странѣ была варварскою, т.-е. славянской. Это—самые крупные и самые главные факты, почерпаемые изъ переписки Аѳинскаго митрополита; они отстраняютъ на второстепенное мѣсто многое другое, что̀, не находясь въ такомъ подавляющемъ своею важностію сосѣдствѣ, само по себѣ имѣло бы независимое значеніе.

Между фактами сравнительно второстепенными обращаетъ на себя вниманіе общее состояніе провинціи передъ знаменательной эпохой латинскаго завоеванія. Это было время, когда отъ имперіи отдѣлялись громадные куски, образуя независимыя государства. За Болгаріей и Кипромъ готова была отпасть и Греція отъ государственнаго единенія съ Константинополемъ. М. Акоминатъ подводитъ насъ къ самой колыбели будущихъ деспотовъ эпирскихъ и знакомитъ съ первыми проявленіями владѣльческихъ притязаній также могущественнаго дома Сгуровъ. Сообщаемыя имъ въ письмѣ къ Велиссаріотамъ дан-

ныя о двойномъ сборѣ корабельной подати и также о двойномъ поземельномъ налогѣ въ высшей степени любопытны для характеристики эпохи. Центральная власть оказывается безсильною для борьбы съ внутреннимъ врагомъ—возрастающею до опасныхъ размѣровъ силой крупныхъ землевладѣльцевъ, которые безъ страха наказанія и безъ зазрѣнія совѣсти округляли свои помѣстья насильственными захватами. Читая письма Акомината, мы можемъ понимать все значеніе реформъ, задуманныхъ, но не проведенныхъ до конца Андроникомъ. Въ связи съ картиной экономическаго положенія провинціи, имѣетъ значеніе перечисленіе податныхъ статей, причемъ сличеніе терминологіи по письмамъ и по докладу не можетъ не привести къ точнымъ выводамъ спеціально по вопросу о податяхъ.

Еще въ большей степени обнаруживается административная неурядица и безсиліе центральной власти въ той области, которая, въ силу приморскаго положенія Византіи, и всегда служила показателемъ ея могущества или слабости,—во флотѣ. Нанятые имперіей на службу итальянскіе пираты, Стиріонъ и Кафаро, разыгрывали роль морскихъ королей, самовольно облагали податями береговыя области и не стѣсняли другихъ охотниковъ поживиться на счетъ имперіи. Слѣдующее мѣсто изъ письма къ патріарху Леонтію безцѣнно по своей простотѣ и наглядности: „Мы не можемъ послать на островъ Эгину даже своего человѣка, потому что большинство населенія находится въ бѣгахъ изъ-за разбоевъ и всяческихъ притѣсненій, и остались на мѣстѣ весьма немногіе, именно тѣ, что̀ вступили въ браки съ толпами пиратовъ и усвоили себѣ ихъ занятія". На твердой землѣ было царство властелей, на морѣ—пиратовъ. Имперія не имѣла своего флота; хотя и собирались корабельныя деньги, но онѣ оставались въ распоряженіи дуки номинальнаго флота.

Наконецъ, нельзя забыть указаній на любопытное учрежденіе кураторіи, которая по своему значенію и смыслу напоминаетъ извѣстный изъ другихъ источниковъ харистикарій.

Ѳ. Успенскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПРЕЖНІЯ ВОЗЗРѢНІЯ ПОЛЬСКАГО ПИСАТЕЛЯ КРАШЕВСКАГО НА БЫВШЕЕ ЛИТОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО, ТО-ЕСТЬ, ЗАПАДНУЮ РОССІЮ.

Въ 1880 г. въ статьѣ „Новыя явленія въ русско-польскомъ вопросѣ", напечатанной въ Новомъ Времени (№№ 1725 и 1755), я, между прочимъ, заявилъ, что польскій писатель Крашевскій, котораго Поляки теперь признаютъ старѣйшимъ и неутомимымъ двигателемъ польскихъ идей и польской литературы, держался прежде совсѣмъ иныхъ взглядовъ на Польшу и на плоды ея цивилизаціи въ бывшемъ Литовскомъ княжествѣ, то-есть, нынѣшней Западной Россіи.

Это заявленіе вызвало большое негодованіе въ польскихъ газетахъ. Самъ г. Крашевскій счелъ нужнымъ объявить, что онъ никогда не измѣнялъ своихъ взглядовъ [1]).

Въ отвѣтъ на это я изложилъ (Новое Время, 1881 г. № 1759) доказательства моего мнѣнія о г. Крашевскомъ, и, между прочимъ, перепечаталъ мой отзывъ объ исторіи Вильны этого писателя, сдѣланный мною еще въ 1859 г. въ 1 т. моего изслѣдованія объ уніи [2]), и на сколько мнѣ извѣстно, не возбуждавшій никакихъ возраженій, хотя онъ несомнѣнно былъ извѣстенъ г. Крашевскому [3]). Подтвер-

---

[1]) Заявленіе это перепечатано было изъ *Warszawskiey Gazety* въ газетѣ *Порядокъ* 1881 г. № 11.

[2]) См. въ Обзорѣ литературы предмета подъ № 44, стр. 212—213.

[3]) Въ моемъ отвѣтѣ указаны основанія этого, именно, что въ 1862 г. въ издававшейся г. Крашевскимъ *Польской газетѣ* (*Polska Gazeta*) въ прибавленіи къ № 43, сдѣланъ отзывъ о моей книгѣ и не сдѣлано никакого возраженія на мое мнѣніе о г. Крашевскомъ.

дить этотъ отзывъ выписками изъ самаго сочиненія г. Крашевскаго мнѣ тѣмъ менѣе стоило труда, что у меня находился, какъ и теперь находится, съ тогдашними моими помѣтками тотъ самый экземпляръ исторіи Вильны г. Крашевскаго, по которому я еще передъ 1859 г. изучалъ взгляды его. Я и заявилъ объ этомъ въ упомянутомъ отвѣтѣ; но печатать въ газетѣ ученую аргументацію съ подлинными выписками разбираемаго автора, само собою разумѣется, было неудобно. Приходилось отложить это дѣло, и даже очень замедлить. Была, впрочемъ, и особенная, чисто научная причина этого замедленія.

Для моего изслѣдованія объ уніи, изданнаго въ 1859 г., я изучалъ воззрѣнія г. Крашевскаго на польскій вопросъ по общеизвѣстному изданію его исторіи Вильны 1840 г. въ четырехъ томахъ. На заглавномъ листѣ перваго тома этого изданія сказано, что онъ вновь исправленъ и передѣланъ (na nowo poprawiony i przerobiony). Упоминается о первомъ изданіи перваго тома и въ началѣ введенія. Тогда я не имѣлъ никакихъ другихъ свѣдѣній о первомъ изданіи этого тома. Только впослѣдствіи я узналъ, что первый томъ этого изданія былъ напечатанъ за нѣсколько лѣтъ раньше, именно въ 1838 г. а цензоромъ подписанъ былъ еще въ 1836 г. Но этого перваго тома перваго изданія я долго не могъ нигдѣ найдти. Его нѣтъ и въ Императорской Публичной библіотекѣ, хотя когда-то онъ тамъ былъ. Только въ послѣднее время мнѣ удалось достать его, изучить, и теперь я могу еще больше подкрѣпить мое мнѣніе, что прежде г. Крашевскій дѣйствительно иначе смотрѣлъ на Вильну, и затѣмъ измѣнялъ, и даже не разъ свои взгляды на блага польской цивилизаціи для западной Россіи. Ограничусь сличеніемъ перваго тома исторіи Вильны г. Крашевскаго по первому и второму изданію его. По своему содержанію первое и второе изданія этого тома не совпадаютъ. Въ первомъ изданіи исторія Вильны доведена до смерти Сигизмунда-Августа (1572 г.), во второмъ до смерти Сигизмунда III (1632 г.) Наши сличенія, очевидно, будутъ ограничиваться историческимъ періодомъ Литовскаго княжества, изложеннымъ въ первомъ изданіи. Выписки изъ того и другаго изданія мы будемъ передавать въ русскомъ переводѣ, обозначая вездѣ страницы того и другаго изданія.

Не безъ основанія авторъ думалъ по первоначальному плану выдѣлить въ особый періодъ историческое время Вильны до смерти Сигизмунда-Августа. Авторъ сильно былъ занятъ мыслію, что со смертію этого послѣдняго наслѣдственнаго литовскаго князя быстро стала падать Вильна, пользовавшаяся особеннымъ вниманіемъ своихъ

князей, что тутъ былъ конецъ историческаго процвѣтанія столицы Литовскаго княжества. Печальное признаніе это, ясно показывающее, что г. Крашевскій относился къ Вильнѣ не какъ Полякъ, а какъ мѣстный житель Западной Россіи, сохранилось безъ измѣненія въ обоихъ изданіяхъ.

„Послѣ него (Сигизмунда-Августа), говоритъ авторъ, Литва уже не имѣла своихъ князей, а короли (польскіе) пребывали здѣсь рѣдко и на короткое время. Городъ (Вильна), отданный въ управленіе воеводамъ, епископамъ, маршаламъ, капитулѣ, митрополитамъ, гетманамъ, трибуналу, совѣту (radzie), подвоеводамъ и т. п., городъ, обязанный подчиняться всякому, кто желалъ господствовать, присматриваемый съ гораздо меньшею заботливостію, расторгаемый религіозными раздорами, которые со времени введенія іезуитовъ, а еще болѣе со времени Брестской уніи возгорѣлись, склонялся мало по малу къ упадку, а длинный рядъ невзгодъ, повѣтрій, пожаровъ и военныхъ опустошеній развился съ этою именно новою эпохою Вильны“ (стр. 295 по первому изданію, 291 по второму) [1].

Авторъ несомнѣнно связываетъ упадокъ Вильны и вообще Литовскаго княжества съ соединеніемъ Литвы съ Польшей. „Польша, говоритъ онъ одинаково въ обоихъ изданіяхъ, брошенная (послѣ смерти Сигизмунда-Августа) на добычу элекцій и торговли, которыя ее присуждали, какъ при продажѣ съ торговъ, тому, кто больше давалъ, оживала нѣсколько разъ при послѣдующихъ государяхъ, но можно уже было чувствовать, что безъ перемѣны законовъ, безъ болѣе крѣпкаго правительства и безъ рѣшительныхъ вообще перемѣнъ въ

[1]) О соединеніи Литвы съ Польшей въ 1579 г. Крашевскій говоритъ почти то же еще въ другомъ мѣстѣ перваго изданія, но это мѣсто во второмъ изданіи сильно измѣнено. Приводимъ оба текста.

По первому изданію:

1569 г. «Заключена была унія 1 числа іюля и Литва съ тѣхъ поръ исчезла (znikła) совсѣмъ. Событія ея съ того времени должны-бы какъ бы прекратиться, потому что съ тѣхъ поръ на нее смотрѣли только какъ на часть королевства (Польскаго) безъ всякаго особеннаго значенія и самобытности, и она смиренно покорилась судьбамъ, постигшимъ Польшу» (стр. 284).

По второму изданію:

«Слѣдующій 1569 г. замѣчателенъ послѣднею и самою крѣпкою уніею Польши и Литвы, заключенною въ Люблинѣ, которая совершенно внѣдрила Литву въ Польшу, не оставляя ей даже надежды въ будущемъ оторваться отъ нея. Эта унія тѣмъ сильнѣе была предшествовавшихъ уній, что воздвигнута была, послѣ двухвѣковыхъ приготовленій, на нравственномъ соединеніи народовъ» (стр. 281).

болѣзненномъ строеніи ея политическаго тѣла, которыя бы отняли власть у сильныхъ и сосредоточили ее въ одной рукѣ, она не могла жить. Соединенная съ нею Литва, слабая, бездушная, послѣ Витовта всегда печальная вдова, слѣдовала съ тѣхъ поръ за ея судьбою, подражая ей во всемъ даже до анархіи и паденія" (По перв. изд., стр. 287, по втор.—285). Причиною этого уничиженія Литвы и въ частности Вильны, авторъ въ двухъ мѣстахъ признаетъ наплывъ чужихъ элементовъ, безразборчивое заимствованіе чужаго. Начало этого онъ видитъ еще во временахъ Сигизмунда-Августа. „Ничего не осталось, говоритъ онъ о Вильнѣ, роднаго, кромѣ горъ. Все смѣшано, составлено изъ разнородныхъ начатковъ, разнородной окраски и происхожденія (стр. 274 по 1 изд., 272—по 2; то же стр. 271 по 1 изд. и 270 по 2).

Но самое большее въ этомъ отношеніи негодованіе автора возбуждаетъ религіозный фанатизмъ, внесенный въ страну латинскимъ духовенствомъ, особенно іезуитами. „Скажемъ правду, говоритъ онъ, потому что всегда слѣдуетъ говорить правду, все равно — зла она или добра. Вильна, можетъ быть, долго бы еще не имѣла никакого училища, если бы не стало распространяться иновѣріе. Виленскій епископъ Валеріанъ Протасевичъ-Сутковскій, желая задержать распространеніе иновѣрія, пригласилъ іезуитовъ—орденъ, основанный св. Игнатіемъ Лойолой, утвержденный папой Павломъ III Фарнезе въ 1540 г..., но для просвѣщенія ли ихъ призвали? Нѣтъ. Въ привилегіи имъ находимъ только, что это сдѣлано изъ ревности объ искорененіи разновѣрцевъ. Приписывать основателю этой (Виленской) гимназіи виды распространять просвѣщеніе — значило бы не знать, что тогда о просвѣщеніи меньше всего думали. Слѣпая вѣра была самою лучшею заслугой; но нужно было идти по требованію духа времени, и если евангелики (протестанты) основали въ своей общинѣ училище и учили, то нужно было тоже учить"... „Приглашеніе этого ордена имѣло громадное вліяніе на состояніе города (Вильны). Съ этого времени начались открытые споры, нарушавшіе его спокойствіе, диспуты, насилія, нападенія, пожары, костры, даже пролитіе крови,—и все это было безуспѣшно, потому что борьба ослабляла силы начавшихъ ее и придавала новыя силы апостоламъ церковной реформы"... (стр. 285—286 по 1-му изданію и 282—285 по новому).

Здѣсь авторъ очевидно становится на сторону реформаторовъ латинской церкви и выражаетъ имъ сочувствіе. Но еще больше со-

чувствія онъ оказываетъ русскимъ жителямъ Вильны[1] и Литвы. Онъ признаетъ ихъ господствующимъ по числу слоемъ населенія Вильны и вообще Литовскаго княжества, признаетъ естественными ихъ стремленія къ восточной Россіи, признаетъ даже естественными притязанія московскихъ государей на западную Россію и даже на Вильну, съ участіемъ описываетъ гражданскую и религіозную русскую жизнь въ западной Россіи, и съ неизмѣннымъ постоянствомъ осуждаетъ латинскій фанатизмъ. Это мы, впрочемъ, говоримъ собственно о первомъ изданіи перваго тома. Во второмъ изданіи, хотя сущность дѣла мало измѣнена, но сдѣланы пропуски или смягченія почти всѣхъ рельефныхъ мѣстъ.

Описавъ хорошія и дурныя заимствованія изъ западной Европы, авторъ (въ обоихъ изданіяхъ одинаково) такъ отзывается о состояніи Вильны до половины XVI в.: „Въ нашемъ городѣ однако эти перемѣны были незамѣтны, потому что онъ подчинялся особымъ вліяніямъ, и, какъ свидѣтельствуютъ всѣ путешественники, внѣшность Вильны дѣлаетъ ее болѣе похожею на русскіе города еще (въ первомъ изданіи по крайней мѣрѣ) въ началѣ XVI столѣтія“ (стр. 195 по перв. изд. и 204 по втор.).

О временахъ Ягайлы авторъ говоритъ: „Этихъ послѣднихъ (которые передъ тѣмъ уже крещены были въ русскую вѣру) въ самой Вильнѣ была половина населенія (ссылка на Соф. Времен. у Даниловича), если вѣрить лѣтописямъ, что̀ если бы было справедливо, то оказалось бы, какъ далеко во времена Ольгерда распространилась здѣсь греческая вѣра и насколько впослѣдствіи число ея послѣдователей уменьшили преслѣдованія и унія“ (стр. 68 перваго изданія. Во второмъ изданіи это мѣсто уничтожено, см. стр. 76).

Авторъ уясняетъ, какимъ образомъ во времена Ольгерда Вильна русѣла. „При немъ, говоритъ онъ, торговля съ Русью сильно оживилась; изъ Твери, Пскова и Новгорода стали пріѣзжать купцы, еще больше полагаясь на покровительство женъ Ольгерда, нежели на его собственныя обѣщанія. Построеніе въ Вильнѣ греческихъ церквей не мало также ихъ ободряло. Между тѣмъ жители города, сносясь съ ними, освоивались съ ихъ вѣрою и теряли старое предубѣжденіе и отчужденіе отъ людей чужой вѣры“ (стр. 46 по перв. изд. и 43 по второму; во второмъ, впрочемъ, изданіи сдѣлана прибавка, въ которой подрывается достовѣрность свидѣтельствъ о существованіи тогда въ Вильнѣ нѣсколькихъ церквей). Черезъ нѣсколько страницъ ниже авторъ даже высказываетъ такую мысль: „(Литовскій край) уже ка-

зался склоняющимся больше къ восточной церкви, чѣмъ къ римской (стр. 65 по перв. изд.; во второмъ изданіи это мѣсто уничтожено). Во второмъ изданіи тоже уничтожены нѣкоторыя положенія, подкрѣпляющія это мнѣніе автора, какъ напримѣръ: въ первомъ изданіи авторъ принимаетъ извѣстія русскихъ лѣтописей, что Ольгердъ принялъ по убѣжденіямъ своей жены Іуліаніи христіанство (православіе) и даже передъ смертію схиму (стр. 44 по 1-му изд., а во 2-мъ изд. достовѣрность этого подвергается сомнѣнію, стр. 43); въ первомъ изданіи авторъ признаетъ виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія православными и смѣется надъ желаніями уніатскихъ писателей сдѣлать ихъ уніатами (стр. 46 — 47), а во второмъ изданіи (см. стр. 36 и 370 — 371, прим. 6) онъ оставляетъ это нерѣшеннымъ). Но при всемъ томъ онъ оставляетъ неприкосновеннымъ въ обоихъ изданіяхъ главнѣйшія основанія своего мнѣнія о силѣ русскаго, православнаго направленія въ Литовскомъ княжествѣ и въ частности въ Вильнѣ. Вотъ его замѣчательныя въ этомъ отношеніи слова: „Оставляемъ въ сторонѣ длинное и безплодное изслѣдованіе о происхожденіи Литвиновъ. По языку мы различаемъ два народа около Вильны—Русскихъ и Литву. Эти два языка граничатъ между собою въ окрестностяхъ Вильны; но самый городъ лежитъ среди (поселеній) Русскихъ, можетъ быть потому, что путемъ частыхъ и давнихъ сношеній съ столицей языкъ этотъ (русскій) занялъ мѣсто первобытнаго литовскаго, но на это нѣтъ никакихъ доказательствъ", (стр. 7 по 1-му изд. и 9—10 по 2-му).

Совершенно естественно, что при такомъ взглядѣ на вещи, авторъ оправдываетъ стремленія къ восточной Россіи русскихъ жителей Литовскаго княжества, и неизмѣнно нападаетъ на латинское духовенство за возбужденіе имъ религіозныхъ раздоровъ, нарушавшихъ спокойствіе этихъ мирныхъ жителей любимаго имъ Литовскаго княжества.

Время Ягайлы вызываетъ въ немъ прежде всего жесткія сужденія. „Съ введеніемъ (при Ягайлѣ) католической вѣры начались, говоритъ онъ, по Литвѣ, а въ особенности въ Вильнѣ, чтобы не прекращаться уже нѣсколько вѣковъ, удручающіе и вредные споры двухъ вѣроисповѣданій—греческаго и латинскаго, которыя въ непрерывной борьбѣ, поджигаемой латинскимъ духовенствомъ, какъ болѣе сильнымъ, не могли въ этой странѣ пребывать въ спокойствіи и согласіи. Латинское вѣроисповѣданіе имѣло на своей сторонѣ то преимущество, что было вѣрой государей, и господствующею, греческое —то пре-

имущество, что прежде латинскаго распространилось по Литвѣ, и въ особенности въ Вильнѣ, гдѣ, какъ мы уже сказали, 1387 годъ засталъ если не половину, то значительную часть города крещенною въ греческую вѣру" (стр. 72—73 по 1-му изд. Во второмъ изданіи это мѣсто значительно измѣнено: уничтожено обвиненіе латинскаго духовенства, что оно начало споры изъ-за вѣры и прибавлено, что сначала эти споры не были сильны (стр. 78—79).

Съ большею еще силою г. Крашевскій нападаетъ на латинскій фанатизмъ временъ Казиміра Ягайловича и Александра,—фанатизмъ, который заставилъ русскихъ князей Литвы переходить подъ власть Московскаго князя. Замѣчательно, что въ этомъ случаѣ мнѣнія г. Крашевскаго совпадаютъ съ мнѣніями покойнаго митрополита Макарія касательно времени короля Александра (Ист. Р. Церкви м. Макарія, т. IX, стр. 84—119), а касательно времени Казиміра даже гораздо рѣшительнѣе (тамъ же, т. IX, стр. 77—79). Возставая противъ мнѣнія, что причиной этого перехода были личныя неудовольствія сѣверскихъ князей на невниманіе къ нимъ короля Казиміра, г. Крашевскій говоритъ:

Въ первомъ изданіи:

«Нѣтъ нужды такъ далеко искать причинъ, возбудившихъ желаніе въ этихъ князьяхъ отторгнуться отъ Литвы и соединиться съ Россіей. Причины эти очевидны и безъ того, что придавлена была нога (одного сѣверскаго князя). Достаточно взять во вниманіе лишь то, что Казиміръ — ревностный католикъ, окруженный католическими ксендзами, благоволилъ только къ лицамъ своей вѣры, а грековъ (православныхъ) угнеталъ. Это и было единственнымъ и достаточнымъ поводомъ соединенія ихъ съ Россіей, съ которой ихъ уже связывало единство вѣры. Печально было положеніе грековъ (православныхъ) въ Вильнѣ. Ихъ деревянныя церкви разваливались (ссылка на Мѣховиту); ихъ священники — бѣдны; народъ русскій — угнетенъ; вездѣ только обращенія (въ латинство) и насиліе, даже запрещеніе строить и починять церкви. Развѣ

Во второмъ изданіи:

«Не слѣдуетъ въ этихъ мелкихъ случайностяхъ искать причины отторженія русскихъ князей отъ Литвы. Она очевидна и безъ того, что была придавлена нога одному сѣверскому князю (порывавшемуся силою войдти къ королю). Русь во все продолженіе царствованія Казиміра смотрѣла на него недовольнымъ глазами. Его окружало католическое духовенство, отчуждавшее его отъ нея или пріобрѣтавшее себѣ и ему враговъ несвоевременнымъ обращеніемъ (Руси въ латинство). Религіозное угнетеніе можетъ быть самою дѣйствительною причиною этого отдѣленія, а вліяніе ненавистныхъ поляковъ — второю, не менѣе важною. Можно заключать, каково было положеніе Русскихъ изъ того, что мы знаемъ о церквахъ въ Вильнѣ, —онѣ были бѣдны, стары, развалившіяся, деревянныя, священники—нищіе, народъ—бѣденъ. Запрещено было въ Вильнѣ строить

можно было, видя въ другомъ мѣстѣ лучшее положеніе, оставаться здѣсь безъ надежды на улучшеніе своего положенія?» «По этому-то поводу, продолжаетъ авторъ, а не по какимъ либо другимъ, князья русской вѣры, усматривая себѣ лучшую судьбу и защиту, присоединились къ возрастающей Россіи, которая, объединяясь, чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилась сильною и могущественною» (стр. 146).

новыя церкви. Могли ли они (русскіе) смотрѣть на это терпѣливо и ожидать, какъ въ скоромъ времени вліяніе латинскаго духовенства станетъ подвигаться далѣе въ глубь страны?» «По этому-то поводу князья русской вѣры, всѣ мало по малу присоединились къ возраставшей въ силѣ и могуществѣ Россіи, которая послѣ смерти Витовта исполинскими шагами выступала (впередъ)» (стр. 162).

Перечисливъ князей, перешедшихъ подъ власть Московскаго князя и замѣтивъ опять (одинаково въ обоихъ изданіяхъ), что они это дѣлали „по единству съ Россіей вѣры, языка, происхожденія, а слѣдовательно и по единству съ нею дѣла“, авторъ заключаетъ:

По первому изданію:

«Съ католическою и чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе толерантною Литвой они не могли дольше быть въ согласіи, не имѣя съ нею никакой соединяющей связи; напротивъ различіе въ вѣрѣ, благодаря подущеніямъ духовенства, начинало порождать ту непріязнь двухъ сосѣднихъ странъ одного племени, которыя могли ввести за собою столь страшныя и долговременныя послѣдствія, и произошла не отъ чего другого, какъ отъ духа религіозной нетерпимости. Не въ этомъ одномъ событіи оказалось вреднымъ для страны чрезмѣрное вліяніе духовенства; но трудно его обвинять, принявъ во вниманіе понятія вѣка и цѣли, какія оно себѣ назначало» (стр. 162—163).

По второму изданію:

«Съ католическою и, чѣмъ дальше, тѣмъ больше не толерантною Литвой они не могли быть соединены, потому что, благодаря подущеніямъ духовенства, различіе въ вѣрѣ уже начало порождать ту непріязнь двухъ сосѣднихъ странъ (восточной и западной Россіи) одного поколѣнія, которая могла имѣть столь страшныя и долговременныя послѣдствія, и произошли не отъ чего иного, какъ отъ духа нетерпимости, который и другимъ странамъ принесъ столько вреда!» (стр. 146—147).

Такимъ же естественнымъ дѣломъ авторъ считаетъ и заявленіе со стороны Московскаго государя его правъ на западную Россію, включая и Вильну. Разказывая о переговорахъ между Іоанномъ IV и Сигизмундомъ-Августомъ въ 1563 г., авторъ такъ освѣщаетъ требованія Москвы:

По первому изданію:

«Другая сторона (то-есть, Московская) требовала отъ нихъ (литовско-польскихъ пословъ) не только Кіева, Волыни, Подоліи, какъ давнихъ рус-

По второму изданію:

«Другая сторона требовала отъ нихъ не только Кіева, Волыни, Подоліи, какъ давнихъ русскихъ владѣній, но даже и Вильны, издавна ей (Россіи)

скихъ владѣній, но также и города Вильны, издавна ей (Россіи) принадлежавшаго. Этого иначе нельзя объяснить, какъ братствомъ (pobratymstwem) народа, который тутъ—русскій, и русскимъ происхожденіемъ литовскихъ князей» (стр. 279—80).

принадлежавшей, потому что Русскіе имѣли въ своихъ лѣтописяхъ упоминанія, что когда-то даже та страна, въ которой находилась Вильна, повиновалась Руси, и хорошо знали, какимъ образ мъ, во время нашествія Монголовъ, Литва, ринувшись изъ своихъ скрытыхъ убѣжищъ, легко покорила тѣ страны, представлявшія послѣ Монгольскихъ опустошеній широкую пустыню, и какъ эта эпоха, надолго памятная Руси, была въ то же время для Литвы началомъ ея возрастанія» (стр. 277).

Эти выписки, смѣемъ думать, даютъ твердое основаніе высказанному нами въ первой изъ нашихъ статей о г. Крашевскомъ мнѣнію, что было время, когда этотъ писатель какъ бы находился въ нерѣшительности, куда ему идти—въ русскую сторону, куда его явно тянули какія-то симпатіи, или въ польскую, въ которой онъ былъ воспитанъ, образованъ и на языкѣ которой писалъ свои сочиненія. Послѣднее направленіе, какъ видно изъ поправокъ перваго изданія исторіи Вильны, стало усиливаться. Судя по тому, что г. Крашевскій въ предисловіи ко второму изданію (стр. XIV — XV) перваго тома очень жалуется на затрудненія, встрѣченныя имъ со стороны лицъ, обладавшихъ нужными ему источниками (очевидно, польскихъ людей) и по тому что русская власть въ Вильнѣ сильно ему покровительствовала, такъ что онъ даже посвятилъ свое сочиненіе тогдашнему виленскому генералъ-губернатору, князю Долгорукову (стр. V),—нужно думать, что направленіемъ его, высказаннымъ въ первомъ изданіи, была недовольна польская среда и что подъ ея-то давленіемъ онъ сдѣлалъ поправки во второмъ изданіи. Въ предисловіи же къ этому второму изданію есть намекъ на особенно сильный авторитетъ, съ которымъ въ этомъ отношеніи долженъ былъ считаться г. Крашевскій. Онъ говоритъ (стр. XIII), что, начавъ разработку исторіи Вильны, онъ не зналъ, что этимъ же предметомъ занимался М. Балинскій. Эта конкуренція имѣла для г. Крашевскаго большое значеніе, какъ можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ фактовъ. Въ началѣ 1836 г. или въ концѣ 1835 г. Виленская цензура не могла не быть поражена страннымъ совпаденіемъ. На ея разсмотрѣніе было представлено два сочиненія—оба по исторіи Вильны: одно г. Балинскаго (въ двухъ частяхъ; исторія доведена до смерти Баторія). другое г.

Крашевскаго. Мы не знаемъ, есть ли въ архивѣ Виленскаго цензурнаго комитета какой либо слѣдъ того, что это совпаденіе обратило на себя вниманіе; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что такое богатство научной работы по исторіи Вильны не прошло безслѣдно. Почти въ одинъ день цензура разрѣшила къ изданію обѣ книги. 22-го января 1836 г. подписано разрѣшеніе г. Балинскому, а 23-го января того же года г. Крашевскому. Первенство, данное при этомъ г. Балинскому, оказалось роковымъ для г. Крашевскаго. Балинскаго исторія вышла въ свѣтъ въ томъ же 1836 г., а рукопись г. Крашевскаго почему-то не доходила до типографскихъ станковъ почти два года и напечатана только въ 1838 году.

Едва-ли можно думать, что тутъ дѣйствовала случайность, а не отзывчивость тогдашняго Виленскаго общества на то, что̀ ему больше нравилось. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ заглянуть въ исторію города Вильны г. Балинскаго.

Исторія эта основана на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ исторія г. Крашевскаго, и построена, можно сказать, при всеобщемъ сочувствіи и поддержкѣ болѣе видныхъ людей польскаго образованнаго общества въ Вильнѣ и за ея предѣлами. Кромѣ извѣстнаго Даниловича, который, подобно нашимъ, достойнымъ благодарной памяти Бантышу-Каменскому и Малиновскому, отзывавшимся на запросы ученыхъ, доставлялъ матеріалы и справки г. Балинскому, ему помогалъ уяснять дѣло бывшій профессоръ Виленскаго университета умный и бѣдовый старикъ Онацевичъ. Передъ Балинскимъ раскрывались архивы не только г. Вильны, но и знаменитый архивъ Хребтовича и даже архивъ метрики Литовской при сенатѣ. При такомъ доступѣ къ источникамъ, г. Балинскій имѣлъ громадныя средства изучить Литовскую старину Вильны и вообще Литовскаго княжества. Но онъ пошелъ другимъ путемъ и безжалостно пренебрегъ представлявшеюся такъ ясно своей задачей. Не Литовское княжество съ его особенностями, не благо народа, по преимуществу русскаго, населявшаго его, занимали г. Балинскаго, а начала западно-европейской цивилизаціи и то, насколько они выражались въ исторической жизни Литовскаго княжества и въ особенности г. Вильны. Онъ даетъ намъ понятіе о феодальномъ устройствѣ Западной Европы, разъясняетъ, какъ, благодаря дробленію владѣній феодаловъ, выдвинулись города и какъ латинское духовенство содѣйствовало ихъ возрастанію и силѣ (ч. I, введеніе, стр. VII—XIII). Затѣмъ авторъ переходитъ къ Польшѣ и въ исторіи ея городовъ видитъ тотъ же путь развитія ихъ (стр. XIII—XVII). Не-

реносясь съ этими воззрѣніями въ Литовское княжество, онъ видитъ помѣху развитію здѣсь городовъ, между прочимъ, въ быстромъ усиленіи княжеской власти (стр. XIX—XX). Даже русскіе старые города, какъ Кіевъ, особенно Новгородъ и Псковъ, ему представляются болѣе развитыми, чѣмъ Вильна, потому что не знали такой сильной власти, были свободнѣе (стр. XXI). Но свободу городовъ Литвы авторъ не простираетъ на самостоятельное усвоеніе чужаго. Чужое западно-европейское, или что̀ то же—польское, латинское, по его взгляду, благодѣтельно и обязательно для Вильны. Онъ выражаетъ сочувствіе апостольской, съ латинской точки зрѣнія, дѣятельности въ Литвѣ Ягайлы и, что̀ еще рѣзче, явно сочувствуетъ іезуитамъ. Вотъ классическое въ этомъ отношеніи мѣсто въ исторіи Вильны г. Балинскаго: „Утвержденіе въ литовской столицѣ этого памятнаго ордена, знаменитаго талантами, научностію и свойственною ему ловкостію, повело въ позднѣйшее время ко многимъ послѣдствіямъ, которыя сильно вліяли на судьбу всей страны. Трудно, однако, было іезуитамъ, тогда еще бѣднымъ пришельцамъ изъ Брунсберга, укрѣпить и расширить свое новозаложенное гнѣздо.“ (ч. 2, стр. 106—107).

Этой одной выписки достаточно, чтобы видѣть, какихъ противоположныхъ воззрѣній держались оба писателя, Балинскій и Крашевскій, и какъ трудно было послѣднему продолжать свое дѣло при всеобщемъ сочувствіи польскаго виленскаго общества воззрѣніямъ г. Балинскаго. Правда, г. Крашевскій могъ находить себѣ ободреніе не въ однихъ Русскихъ, къ которымъ онъ былъ близокъ по тогдашнимъ своимъ сношеніямъ и воззрѣніямъ. Среди западно-русскихъ писателей, писавшихъ по польски, были тогда почтенныя имена, въ которыхъ г. Крашевскій могъ находить опору. Это—вопервыхъ, неутомимый, благодушный подражатель Карамзина, историкъ Нарбуттъ [1]) и особенно бывшій профессоръ Виленскаго университета Ярошевичъ, авторъ замѣчательнаго изслѣдованія о Литвѣ [2]), обнаружившій въ немъ вполнѣ самостоятельныя воззрѣнія на свою родную страну и сохранившій ихъ до самой смерти, несмотря на сильное неблаговоленіе Поляковъ. Но для этого нужно было имѣть такую стойкость въ мысляхъ и чувствахъ, какою обладалъ Ярошевичъ, или, по крайней

[1]) Dzieje starożytne narodu Litewskiego, 9 томовъ, Вильна 1835—1841 г.

[2]) Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi. 3 тома, Вильна, 1844—1845 г. Отдѣльныя изслѣдованія автора стали появляться еще въ 1831 году, см. предисловіе къ 1 т., стр. 1.

мѣрѣ, такую безхитростную любовь къ родинѣ, какую имѣлъ Нарбуттъ. Г. Крашевскій тогда былъ еще начинающій писатель со всѣми особенностями той неустойчивости, какая неизбѣжно должна была въ немъ сказаться, какъ въ человѣкѣ, вышедшемъ изъ русской страны, но воспитанномъ въ Польшѣ. Это видно и въ первомъ изданіи его перваго тома, и во второмъ. Онъ то откликается сочувственно на требованія русской жизни въ западной Россіи, то прячетъ это сочувствіе и оправдываетъ начала польской жизни. Трудъ г. Балинскаго имѣлъ въ этомъ случаѣ для г. Крашевскаго едва ли не самое рѣшающее значеніе. Г. Крашевскій задумалъ-было занять по отношенію къ г. Балинскому положеніе соперника, которому достанетъ работы и при изысканіяхъ г. Балинскаго (см. введеніе Крашевскаго т. I, стр. XIII—XIV). На этотъ путь естественно склоняла его краткость исторіи Вильны Балинскаго и по мѣстамъ замѣтная въ ней научная торопливость, незаконченность. Г. Крашевскій во второмъ изданіи своего перваго тома и въ слѣдующихъ томахъ и сталъ соперничать съ г. Балинскимъ подробностями разказа, видимою точностію и обстоятельностію научныхъ данныхъ. Но это соперничество было, такъ сказать, механическое, въ той же области фактовъ и мало по малу въ той же области воззрѣній, то-есть польскихъ, да и трудно было г. Крашевскому подняться дѣйствительно выше г. Балинскаго. Даже просто научная работа плохо ему удавалась; между тѣмъ живое воображеніе влекло его къ живописнымъ картинамъ, къ изображенію исторіи въ поэтическихъ формахъ романа. Мы уже указывали въ нашей статьѣ „Новыя явленія въ русско-польскомъ вопросѣ“, какъ г. Крашевскій этимъ путемъ перешелъ къ историческимъ картинамъ польской жизни и сталъ совершеннымъ Полякомъ. Теперь онъ, какъ извѣстно, усердный проповѣдникъ польской цивилизаціи для всѣхъ странъ, когда-то входившихъ въ составъ Польши. Онъ уже забылъ права на русскую жизнь русскаго народа западной Россіи, которыя когда-то защищалъ, и полагаетъ, что этотъ народъ нужно впрягать въ ярмо польской цивилизаціи. Поляки Галиціи повинуются своему старому вождю и усердно впрягаютъ въ свое ярмо Русскій народъ этой страны.

Такъ измѣнился писатель, начавшій было говорить правду: мы видѣли, онъ сталъ измѣняться такъ давно, что забылъ объ этомъ, и ему кажется, что онъ всегда былъ такимъ, какимъ оказывается теперь.

М. Кояловичъ.

КАВКАЗСКІЯ ПРЕДАНІЯ О ВЕЛИКАНАХЪ, ПРИКОВАННЫХЪ КЪ ГОРАМЪ.

Извѣстно, что развязка трагической судьбы титана Прометея происходитъ, по представленію древнихъ, гдѣ-то въ Азіи, и по видимому на Кавказѣ. Позднѣйшіе миѳографы Аполлодоръ и Гигинъ прямо называютъ Кавказскій хребетъ мѣстомъ, гдѣ Прометей былъ прикованъ къ скалѣ. Но и болѣе древній авторъ, Эсхилъ, въ извѣстной трагедіи „Скованный Прометей" указываетъ, хотя нѣсколько глухо, на мѣста Азіи, сосѣднія съ Скиѳами и Сарматами. Олицетвореніе силы (Κράτος), въ діалогѣ съ Гефестомъ, открываетъ трагедію словами: „Мы пришли къ отдаленному предѣлу земли, къ скиѳскому пути, въ недоступную пустыню". Въ этой глуши долженъ Гефестъ приковать Прометея къ скалѣ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ трагедіи хоръ оплакиваетъ судьбу узника въ слѣдующихъ словахъ, которыя содержатъ въ себѣ указаніе на мѣстность:

Всѣ племена, что обитаютъ
На лонѣ Азіи священной,
Съ тобой скорбятъ съ тобой страдаютъ
Въ твоей судьбѣ многоплачевной.
И дѣвы Колхиды безстрашныя въ битвахъ,
И Скиѳовъ народъ, что на крайнемъ предѣлѣ
Земли обитаетъ, у водъ Мэотійскихъ,
И племя Сарматовъ, любимцевъ Арея,
Живущее въ градѣ высокомъ въ ворогахъ
Кавказа, та грозная рать, коей любо
Стучать заостренными копьями шумно [1]).

---

[1]) Стт. 410—424. Стихотворное переложеніе принадлежитъ профессору *В. Г. Зубкову*.

И такъ, если здѣсь и нѣтъ яснаго указанія на мѣсто заключенія Прометея, то во всякомъ случаѣ, по Эсхилу, его сосѣдями были жители Колхиды (съ юга), жители побережья Азовскаго моря и Кавказскихъ горъ (съ сѣвера). Въ болѣе раннемъ изложеніи миѳа у Гезіода не находимъ и такихъ указаній на мѣстность. Въ Ѳеогоніи (ст. 522) говорится только, что Зевсъ привязалъ Прометея оковами къ столбу, къ срединѣ его (такъ что Прометей висѣлъ между небомъ и землею).

Такъ упорно державшееся убѣжденіе Грековъ, что Прометей былъ прикованъ гдѣ-то на Кавказѣ, должно необходимо имѣть какое-нибудь основаніе. Трудно думать, чтобы только капризъ воображенія перенесъ въ Азію, на Кавказъ, древняго національнаго бога, въ честь котораго въ Аѳинахъ ежегодно устраивались бѣга съ факелами, и котораго миѳъ, связанный съ ранними успѣхами Эллиновъ въ культурѣ былъ на столько популяренъ, что послужилъ сюжетомъ знаменитой трилогіи Эсхила. Причина пріуроченія Прометея къ Кавказу должна быть та, что эти мѣста, по мнѣнію Грековъ, были какъ-нибудь связаны съ его миѳомъ. Дѣйствительно, еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа ходятъ преданія о какомъ-то богатырѣ или великанѣ, прикованномъ Богомъ къ вершинѣ горъ. Мы разсмотримъ рядъ такихъ преданій въ географическомъ порядкѣ, двигаясь съ сѣвера на югъ, и затѣмъ возвратимся къ вопросу о причинахъ связи греческаго миѳа съ Кавказомъ.

У Кабардинцевъ до сихъ поръ ходитъ преданіе о великанѣ на горѣ Эльборусѣ. На вершинѣ ея есть громадный шарообразный камень, на которомъ сидитъ старикъ съ длинною до ногъ бородой, все его тѣло обросло сѣдыми волосами, ногти на ногахъ и рукахъ длинные и похожи на орлиные когти, красные глаза горятъ, какъ раскаленные угли. На шеѣ, по срединѣ тѣла, на рукахъ и ногахъ тяжелая цѣпь, которою прикованъ онъ съ незапамятныхъ временъ. Онъ прежде былъ близокъ къ великому Тха (богу) за свое благочестіе, но когда думалъ свергнуть его и стать выше, то погибъ въ борьбѣ и прикованъ къ скалѣ на вѣчныя времена. Немногіе его видѣли, потому что доступъ къ нему сопряженъ съ большими опасностями; никто не могъ видѣть его два раза: „кто пытался этого достигнуть—погибалъ“ [1]. Старикъ находится большей частью въ оцѣ-

[1]) Газета *Кавказъ* 1846 г. № 35, стр. 140 статья *Султанъ-ханъ-Гирея*: Миѳологія черкесскихъ народовъ.

пенѣніи, но когда пробуждается, то прежде всего обращается къ сторожамъ: „Растетъ ли на землѣ камышъ и родятся ли ягнята?“ спрашиваетъ онъ. „Камышъ растетъ и ягнята родятся“, отвѣчаютъ сторожа. Великанъ приходитъ въ бѣшенство, зная, что будетъ томиться до тѣхъ поръ, пока земля не перестанетъ производить камышъ и ягнятъ. Съ отчаянія онъ рветъ на себѣ оковы, и тогда земля дрожитъ отъ его движеній, цѣпи его производятъ громъ и молнію, тяжелое дыханіе—порывы урагана, стоны—подземный гулъ, а слезы его—та бурная рѣка, которая съ неистовствомъ выбивается изъ подножья Эльборуса [1]).

И такъ, подобно Прометею, черкесскій великанъ терпитъ наказаніе отъ Бога, противъ котораго онъ возсталъ.

Осетинское преданіе, которое намъ привелось лично записать на Кавказѣ отъ старика Осетина Таймураза Хетагурова изъ Нарскаго общества, называетъ великана по имени и разказываетъ случай, когда его видѣлъ одинъ Осетинъ. Привожу это преданіе въ близкомъ переводѣ:

Амиранъ—такъ звали богатыря—былъ насильникъ, и Богу въ этомъ обида показалась. Поэтому Богъ его хитростью поймалъ и велѣлъ запереть въ пещеру. Одинъ охотникъ сбился съ пути и Богъ его привелъ какъ разъ къ двери Амирановой пещеры. У пещеры была мѣдная дверь; Богъ ее отворилъ. Охотникъ вошелъ и видитъ: сидитъ Амиранъ и смотритъ на него глазами величиной съ бычьи хомуты [2]). Охотникъ въ испугѣ отшатнулся назадъ. „Не бойся, мое солнце, меня, я Амиранъ и связанъ божьимъ проклятіемъ!“ сказалъ великанъ. Когда мальчикъ увѣрился (въ своей безопасности) онъ сказалъ: „Какого ты рода, что ты за чудо, и что ты здѣсь дѣлаешь?“ „Я Амиранъ изъ рода Дарезановъ [3]), я былъ насильникъ, не давалъ покоя людямъ на землѣ, спорилъ съ божьими дзуарами (ангелами, духами) и даже Бога самого ни во что ставилъ. Вотъ онъ развернулся надо мною и сюда меня пригналъ, и здѣсь я стою привязаннымъ. Если ты подашь мнѣ перевязь моего меча, я тебѣ великое

---

[1]) Профессоръ горнаго института И. В. Мушкетовъ сообщилъ намъ изъ личнаго наблюденія, что западная вершина Эльборуса, если смотрѣть на нее съ востока, съ ледника Азау, сильно напоминаетъ своимъ очертаніемъ профиль исполинской человѣческой фигуры.

[2]) Деревянные обручи, надѣваемые на шею быкамъ.

[3]) Семья богатырей, часто являющаяся въ нарскихъ (богатырскихъ) сказаніяхъ.

добро сдѣлаю". Охотникъ схватился за перевязь его меча (лежавшаго, вѣроятно, въ сторонѣ) тянетъ, тянетъ, но напрасно. „Будь милостивъ ко мнѣ, не могу! Что я могу сдѣлать?" говоритъ охотникъ. „Привяжи одно предплечіе къ перевязи меча", говоритъ Амиранъ,— „а другое предплечіе протяни ко мнѣ". Охотникъ сдѣлалъ это. Амиранъ потянулъ, и члены охотника затрещали. „Будь милостивъ ко мнѣ, не вырви у меня душу!" сказалъ мальчикъ. Амиранъ сжалился надъ нимъ и выпустилъ его. „Ступай", сказалъ онъ,—„и принеси мнѣ вашу (домашнюю) цѣпь, унеси ее, не говоря ни слова и, когда побѣжишь, не смотри назадъ, а не то дверь моей пещеры захлопнется". Охотникъ исполнилъ приказаніе, схватилъ цѣпь и унесъ ее, не говоря ни слова. Но вслѣдъ за нимъ бросились родные и вся деревня: „Что за сумасшедшій! Куда несетъ онъ цѣпь?" кричали они. Мальчикъ пустился бѣжать, и уже ему мало оставалось до пещеры; но видно Богу не было угодно и мальчикъ посмотрѣлъ назадъ. Мѣдная дверь пещеры захлопнулась и Амиранъ тамъ остался на вѣки [1]).

Другое сходное осетинское преданіе изложено г. Н. Дункель-Веллингомъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Осетинская легенда о Прометеѣ" [2]). Въ примѣчаніи авторъ говоритъ: Легенда эта слышана мною въ Рачѣ, въ сел. Уцерго. Она также существуетъ у Осетинъ Мамисонскаго ущелья и подтверждается нѣкоторыми другими разказами". Къ сожалѣнію, въ изложеніи автора легенда получила сильную фельетонную окраску. На счетъ этой окраски нужно отнести нѣкоторыя детали, слишкомъ близко напоминающія греческаго Прометея, мысль о которомъ несомнѣнно водила перомъ автора. Нѣтъ, конечно, основанія сомнѣваться въ завязкѣ легенды, въ томъ, что нѣкій пастухъ Бессо Симонишвили заблудился въ горахъ близъ Эльборуса, попалъ въ незнакомую, глухую мѣстность и услышалъ голосъ изъ разсѣлины. Но можно сильно сомнѣваться въ томъ, чтобъ онъ увидѣлъ въ разсѣлинѣ то, что его заставляетъ видѣть авторъ: „Прямо противъ свѣта, къ громадному камню былъ прикованъ толстыми цѣпями красивый полунагой юноша. Прекрасные голубые глаза его выражали отчаяніе, а отъ стоновъ и рыданій дрожалъ воздухъ темной пещеры; шелковистыя золотыя кудри въ безпорядкѣ лежали тучей на широкихъ плечахъ, съ которыхъ висѣли обрывки пурпурной мантіи, испещренной золотыми узорами; напряженные мускулы лица, рукъ и груди доказы-

[1]) См. наши Осетинскіе этюды, I, стр. 68 и слѣд.

[2]) Газета *Кавказъ* 1859 г., № 20.

вали сверхъестественныя усилія вырваться изъ цѣпей, а глаза, горящіе отчаяніемъ и злобою, выражали муки, которыя терпѣлъ этотъ странный узникъ. Придя въ себя отъ испуга, оправившись отъ удивленія, Бессо увидѣлъ, что весь полъ пещеры былъ усыпанъ монетами, золотыми и серебряными слитками, оружіемъ и драгоцѣнными вещами, а въ стѣнѣ, противъ той скалы, къ которой былъ прикованъ несчастный, былъ ввинченъ обрывокъ толстой желѣзной цѣпи, схватить конецъ которой напрасно старался бѣдный узникъ"... Жаль, что ради посредственной картинки, автору вздумалось такъ размалевать осетинскаго великана. Къ чему понадобилось сдѣлать его юношей красавцемъ, съ шелковистыми золотыми кудрями, съ прекрасными голубыми глазами и одѣть его пурпурной мантіей? Конечно, ничего подобнаго не слышалъ авторъ отъ Осетинъ и ничего подобнаго нѣтъ въ другихъ кавказскихъ преданіяхъ того же рода. Хорошо еще, что эти преданія, записанныя болѣе научнымъ образомъ, даютъ намъ возможность провѣрить рачскую легенду въ изложеніи г. Дункель-Веллинга. Намъ приходится отбросить изъ нея и бо́льшую часть романтическаго разговора, завязывающагося между Бессо и узникомъ, причемъ послѣдній восклицаетъ точно на сценѣ въ мелодрамѣ: „Духи злобы! Неужели вѣка адскихъ мученій недостаточны для искупленія моего проступка!" Далѣе нужно отбросить и коршуна, по увѣренію узника, грызущаго (sic) его внутренности. Можно оставить лишь сущность легенды, заключающуюся въ томъ, что Бессо долженъ былъ подать узнику обрывокъ цѣпи, но онъ оказался слишкомъ коротокъ. Тогда узникъ проситъ Бессо сковать изъ стараго желѣза цѣпь, прикрѣпить ее къ обрывку и подать конецъ ему. Тогда онъ легко разорветъ свои оковы. Бессо соглашается исполнить просьбу узника. Онъ возвращается въ аулъ и собираетъ всякое старое желѣзо, чтобы перековать его въ цѣпь. Но односельцы, подозрѣвая, что онъ нашелъ кладъ въ горахъ, слѣдятъ за нимъ, когда онъ понесъ цѣпь къ пещерѣ. Бессо уже видитъ издали гротъ, но вдругъ скала съ отверстіемъ грота пошатнулась и повалилась въ бездну. Бессо вскрикнулъ и упалъ безъ чувствъ на землю.

Отъ Осетинъ перейдемъ къ ближайшимъ ихъ сосѣдямъ на югѣ, къ Грузинамъ. Подобно Осетинамъ, они называютъ эльборусскаго узника Амираномъ. Онъ заключенъ на Ялбузѣ по слову Божію съ незапамятныхъ временъ. Желѣзная цѣпь, къ которой онъ прикованъ, такъ крѣпка, что никакія силы не въ состояніи ее разорвать сразу. Вмѣстѣ съ Амираномъ находится въ пещерѣ собака, которая безъ

устали лижетъ оковы своего господина. Она давно бы ихъ разлизала, если бы грузинскіе кузнецы ежегодно, въ утро страстнаго четверга, не ударяли три раза о наковальню. Отъ этихъ ударовъ цѣпь пріобрѣтаетъ прежнюю крѣпость, и Амирану суждено освободиться отъ оковъ только въ день втораго пришествія [1]). Отмѣтимъ въ этомъ преданіи новую подробность—пса, лижущаго оковы узника, и обрядовые удары по наковальнѣ въ великій четвергъ. Въ другомъ варіантѣ того же преданія, сообщаемомъ г. Эминымъ [2]) разказывается о прикованномъ Амиранѣ, что въ великій пятокъ изъ нѣдръ земли выходитъ кузнецъ, сильно ударяетъ по утонченной цѣпи Амирана и она получаетъ прежнюю толщину. Затѣмъ кузнецъ исчезаетъ до слѣдующаго года. Къ тому же циклу относится имеретинское преданіе, сообщенное намъ въ Тифлисѣ княземъ В. С. Микеладзе. Въ нижней Имеретіи (Кутаисск. губ.) существуетъ общераспространенная легенда о богатырѣ-узникѣ Рокапи, прикованномъ цѣпями къ громадному чугунному столбу. Исполинъ силится вытащить этотъ столбъ изъ земли. Но съ 14-го на 15-е августа (ночь эта въ Имеретіи извѣстна подъ именемъ ночи вѣдьмъ), когда Рокапи дѣлаетъ послѣднія усилія и близокъ къ цѣли, прилетаетъ маленькая птичка, которая садится на столбъ. Узникъ ударяетъ въ это время громаднымъ молотомъ по столбу, чтобы убить птичку, но напрасно: птичка улетаетъ невредима, а столбъ вновь вбивается глубоко въ землю. Такимъ образомъ уничтожаются потребовавшія цѣлаго года усилія прикованнаго богатыря. Къ этому добавляютъ, что если Рокапи когда-нибудь удастся освободиться, то настанетъ конецъ міру.

Обязательности Г. Н. Потанина обязаны мы двумя слѣдующими варіантами—грузинскимъ и абхазскимъ. Первый, сообщенный г. Демуріа со словъ Грузина Аслапа Геловани, разказываетъ подробности о томъ, за что̀ былъ Амиранъ наказанъ Богомъ. Амиранъ былъ крестьянинъ Божій и потому обладалъ неимовѣрною силою. Разъ онъ воткнулъ въ землю длинную палку и каждому изъ прохожихъ приказывалъ тащить ее изъ земли: кто не могъ вытащить—отвѣчалъ головой. Палка была такъ глубоко всажена, что никто не былъ въ силахъ ее вытащить, и Амиранъ убивалъ всѣхъ безпощадно. Вотъ

[1]) *Дубровинъ*, Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ, т. I, кн. II, стр. 159.

[2]) *Н. Эминъ*, Моисей Хоренскій и древній эпосъ Армянскій. Москва 1881 г. стр. 78.

Богъ принимаетъ видъ старца, сходитъ съ неба и проходитъ мимо того мѣста, гдѣ воткнута палка Амирана. Амиранъ кричитъ старцу вслѣдъ: „Погоди, вынь палку, а не то,—убью!“ Богъ отвѣчаетъ: „Гдѣ тебѣ старцу, вытащить палку!“ Но безжалостный Амиранъ, какъ раненый левъ, бросается на старика. Тотъ быстро однимъ пальцемъ вытаскиваетъ палку и налагаетъ на Амирана проклятіе. Создавъ на горѣ стеклянный домъ, Богъ наложилъ на Амирана оковы, заключилъ его въ домъ и положилъ неподалеку отъ него его мечъ. Ворота дома отворялись разъ черезъ каждыя сто лѣтъ. У Амирана была маленькая собака, которая ежедневно лизала цѣпь, и къ великому четвергу цѣпь готова была разорваться; но утромъ на разсвѣтѣ этого дня кузнецы ударили по наковальнѣ молотами, и цѣпь снова становилась цѣлою. Однажды мимо Амиранова дома, въ то время когда ворота были отворены, проходили крестьяне, и увидя Амирана пустились съ испуга бѣжать. Тогда Амиранъ зоветъ ихъ къ себѣ, говоря, что онъ такъ-же, какъ и они, созданъ Богомъ. Крестьяне, поразмысливъ, вернулись; Амиранъ принялъ ихъ ласково, освѣдомился о ихъ житьѣ-бытьѣ и спросилъ ихъ: „Что это вы запрягаете восемь паръ воловъ въ какую-то палочку и ходите по полю?“ „Это плугъ“, отвѣчаютъ крестьяне,—„имъ мы пашемъ землю и добываемъ хлѣбъ“. Амиранъ проситъ у нихъ хлѣба, и взявъ кусокъ, сильно жметъ его рукою; изъ хлѣба потекла кровь. Потомъ онъ беретъ свой хлѣбъ, данный ему Богомъ, и при давленіи изъ хлѣба потекло молоко. Когда крестьяне собрались домой, Амиранъ попросилъ одного изъ нихъ принести ему бычевую (которая употребляется для запряганія воловъ въ плугъ) и сказалъ, чтобы, возвращаясь обратно къ стеклянному дому, крестьянинъ не оглядывался назадъ; въ противномъ же случаѣ ворота затворятся. Крестьянинъ, доставъ бычевую, идетъ къ Амирану; но жена его идетъ за нимъ и проситъ сказать ей, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Своимъ приставаньемъ она надоѣдаетъ ему до того, что онъ, разсердившись, обращается назадъ и прогоняетъ ее домой. Вотъ приходитъ онъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ Амиранъ, но не находитъ его: Амиранъ исчезъ невѣдомо куда. Теперь эту гору, которая находится въ Джавахетіи, называютъ горой Амирана. Впрочемъ городъ Амирана называютъ также и Эльборусъ, и Араратъ.

Замѣтимъ, что въ этотъ варіантъ объ Амиранѣ вошли черты изъ другихъ кавказскихъ преданій о великанахъ. Параллель давленію

хлѣба находится, напримѣръ, въ нашихъ Осетинскихъ Этюдахъ (ч. I, отд. III № 1 и отд. I № 12).

Абхазскій варіантъ, также сообщенный Г. Н. Потанину г. Демуріа, содержитъ въ себѣ ту подробность, что Амиранъ былъ прикованъ Богомъ къ Эльборусу въ верховьѣ рѣчки Хадзильги (?). При Амиранѣ его пегасъ (рашь), который грызетъ его цѣпи. Когда цѣпь становится уже совсѣмъ тонкою, стоящая тутъ женщина въ черной одеждѣ прикасается къ ней палкою, и цѣпь становится цѣлою. Амиранъ былъ воспитанъ Абхазцемъ изъ рода Цицибаевыхъ. Цицибаевы пошли однажды вверхъ по рѣкѣ Хадзильги, чтобы посѣтить Амирана, но не могли дойдти до него: они только слышали его голосъ. Онъ спросилъ ихъ „Растетъ ли у васъ папоротникъ (квимра)?" „Ничего нѣтъ обильнѣе папоротника", отвѣчалъ Цицибаевъ. „Это несчастіе сказалъ Амиранъ;—„а есть-ли у васъ рыжеволосые люди?" „Есть". И это несчастіе; а есть-ли у васъ виноградныя лозы, перекинутыя надъ тропинками?" „Есть". „И это несчастіе". Говорятъ, Амирану послѣднее непріятно, потому что люди, проходя подъ лозами, должны наклоняться и какъ бы невольно чрезъ это кланяются Богу.

Обрядовые удары кузнецовъ существуютъ и у Армянъ, при чемъ приводятся въ связь съ армянскимъ Прометеемъ — Артваздомъ. Моисей Хоренскій въ своей исторіи Арменіи сохранилъ любопытное преданіе, почерпнутое изъ народныхъ устъ. Разказавъ о смерти и погребеніи Армянскаго царя Арташеса, современника императора Адріана, онъ прибавляетъ [1]: О немъ гохтенскіе пѣвцы поютъ такъ: „Во время смерти Арташеса, много было пролито крови по обычаю язычниковъ; огорчился Артваздъ (его сынъ) и говоритъ къ тѣни отца: „Ты ушелъ, отецъ, и унесъ съ собою всю нашу землю; какъ же мнѣ царствовать надъ развалинами?" За это Арташесъ проклялъ его, говоря: „Если ты поѣдешь на охоту на свободный Масисъ [2]), тебя захватятъ духи [3]), повлекутъ на свободный Масисъ, тамъ останешься и свѣта не увидишь болѣе". Старухи разказываютъ про него"—продолжаетъ Моисей Хоренскій—„что двѣ собаки безпрестанно грызутъ его цѣпи, и онъ силится выйдти и положить конецъ міру, но что отъ звука ударовъ молота кузнецовъ снова оковы укрѣпляются. По этому самому даже и въ наше время многіе изъ кузнецовъ, слѣдуя

---

[1]) Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго, пер. *Н. Эмина*, гл. 62, стр. 130.

[2]) Масисъ—гора Араратъ.

[3]) К'адж на древнѣйшемъ языкѣ Армянъ значило духъ, по мнѣнію г. Эмина.

легендѣ, ударяютъ (молотомъ) о наковальню, чтобъ укрѣпились, какъ говорятъ, цѣпи Артавазда... Другіе говорятъ, что при рожденіи приключилось съ нимъ несчастіе, и полагаютъ, что женщины изъ рода Аждахака заколдовали его; почему и Арташесъ долго и жестоко пыталъ ихъ. Это самое такъ повѣстствуютъ пѣвцы въ легендѣ: „Драконида украли младенца Артавадза и дэва положила на его мѣсто".

Ученый переводчикъ замѣчаетъ, что между персидскими Армянами, поселившимися въ Джульфѣ, предмѣстіи Испагани, до сихъ поръ существуетъ слѣдующій обрядъ у кузнецовъ: въ субботу вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ запирать кузницу, кузнецъ съ молотомъ подходитъ къ наковальнѣ и со всего размаху три раза ударяетъ по ней [1]).

О распространенности сказаній того же цикла у Армянъ свидѣтельствуютъ другіе варіанты, приводимые г. Эминымъ. Одна легенда называетъ прикованнаго великана Шидаромъ, сыномъ Артавадза. „Жилъ былъ царь Армянскій, по имени Артавадзъ. У него былъ сынъ помѣшанный по имени Шидаръ. Артавадзъ, умирая, не передалъ царства Шидару, такъ какъ онъ былъ сумасшедшій. По этой причинѣ пошла смута по нашей землѣ и не мало было разореній. Разъ Шидаръ садится на коня, приказываетъ трубить въ трубы и возвѣстить, что онъ желаетъ царствовать, самъ же съ избранными всадниками отправляется на охоту. И только что въѣхалъ онъ на рѣчной мостъ, нечистый духъ тотчасъ потрясъ его, и онъ упалъ въ рѣку и исчезъ. И всадники распустили слухъ, что боги Шидара схватили его и заключили въ черную гору, въ старшій Масисъ, наложивъ на него оковы. Двѣ собаки—одна бѣлая, другая черная—непрестанно лижутъ цѣпи Шидара. Къ концу года цѣпи его дѣлаются тонки, какъ волосъ. Если онѣ порвутся, Шидаръ выйдетъ и уничтожитъ нашу землю. Для предотвращенія этого, кудесники постановили, чтобы въ исходѣ года, въ первый день мѣсяца навасарда, всѣ ковачи, какой бы работой ни были заняты, ударяли три раза по наковальнѣ, дабы оковы Шидара, дошедшія до тонины волоса, толстѣли и крѣпчали; иначе выйдетъ Шидаръ и уничтожитъ нашу землю".

Между турецкими Армянами ходитъ подобное преданіе, пріуроченное къ мѣстности Вана. На востокъ отъ Ванской крѣпости виднѣется небольшой горный хребетъ съ тремя вершинами, изъ кото-

---

[1]) *Н. Эминъ*, Моисей Хоренскій и древній эпосъ Армянскій, стр. 76 и слѣд.

рыхъ средняя называется дверью Мхера. Она представляетъ собою гладко обтесанную скалу, имѣющую видъ двери, на которую сверху падаетъ каплями какая-то черная влага. Легенда гласитъ, что тамъ за дверью, по божьему повелѣнію, заключенъ Мхеръ съ своимъ конемъ... За тою дверью находится колесо, приводящее землю съ небомъ во вращательное движеніе. Мхеръ, не отводя глазъ отъ колеса, пристально смотритъ на него. Когда колесо остановится, Мхеръ получитъ избавленіе, выйдетъ и разоритъ міръ.

Армянское сказаніе представляетъ любопытный примѣръ наслоенія древнихъ эпическихъ мотивовъ на историческое имя, и самъ Моисей Хоренскій, указывая на свои источники, облегчаетъ намъ работу. По его свидѣтельству, смерть проклятаго отцемъ Артавазда произошла такъ: „Нѣсколько дней спустя послѣ восшествія на престолъ Артаваздъ, во время переѣзда черезъ мостъ города Арташата, чтобъ идти на охоту на кабановъ и онагровъ, внезапно впалъ въ помѣшательство, и въ этомъ состояніи долго носился на конѣ безъ цѣли, пока наконецъ упалъ въ глубокую пропасть и пропалъ безъ слѣду".

Этою странною и таинственною смертью царя воспользовалась народная фантазія и переплела событія знакомыми мотивами прежнихъ миѳическихъ преданій. Артаваздъ отожествился съ персидскимъ Зохакомъ (у Фирдуси) или древне-иранскимъ змѣемъ Аждахака, упоминаемымъ въ Авестѣ. Извѣстный древній миѳъ борьбы національнаго героя или бога со змѣемъ, духомъ тьмы и зла, принимаетъ у Иранцевъ политическую окраску: змѣй переходитъ въ личность тирана, царя другаго враждебнаго племени, и отъ гнета этого тирана освобождаетъ Иранъ какой-нибудь національный богатырь. На эту работу народной фантазіи указываетъ самъ Моисей Хоренскій, приводя народное преданіе, что Артаваздъ былъ околдованъ женщинами изъ рода Аждахака; онъ былъ подмѣненъ еще младенцемъ: „Дракониды украли младенца Артавазда и д э в а положили на его мѣсто". Такимъ образомъ для народа Артаваздъ сталъ уже дэвомъ, изъ рода Аждахака, первоначально змѣя, а затѣмъ Медійскаго царя, національнаго врага Ирана и Арменіи. Этому Аждахаку, врагу Кира и его армянскаго современника и друга Тиграна, Моисей Хоренскій посвящаетъ нѣсколько главъ (I кн. главы XXIV—XXIX включ.), въ которыхъ нѣкоторыя историческія черты переплетены ирано-армянскими народными миѳами. Для насъ любопытно только двойственное преданіе о смерти Аждахака: по одному преданію, Аждахакъ былъ убитъ въ бою Тиграномъ. По другому, парсійскому преданію, запе-

сенному въ видѣ дополненія къ 1-й книгѣ, „какой-то Рудѐнъ (очевидно Феридунъ Шахнамэ и Ѳрайтаона Зендавесты) связываетъ Аждахака цѣпями, уводитъ на гору, называемую Дэмбавѐндомъ (Демавендъ)... ведетъ Бюраспа (собств. имя Аждахака—авестійск. Baevaraspa) въ пещеру горы, заключаетъ его въ оковы и самъ становится скалою у входа пещеры. Устрашенный Бюраспъ повинуется своимъ оковамъ и не смѣетъ выйдти и опустошать землю" [1]).

Такимъ образомъ уже изъ матеріала, доставляемаго Моисеемъ Хоренскимъ, можно вывести тожество преданія о заключеніи Артавазда на Араратѣ (Масисѣ) съ иранскимъ преданіемъ о заключеніи Аждахака на Демавендѣ; но мы все-таки разсмотримъ иранскія преданія на основаніи иранскихъ источниковъ, потому что найдемъ въ нихъ указаніе на поводъ къ эпическому отожествленію Артавазда съ Аждахакомъ.

Вотъ сущность исторіи Зохака у Фирдуси (X в.). Послѣ Тахмураса (въ Зендавестѣ Тахмоурупа) на престолъ Персіи вступилъ сынъ его Джемшидъ (въ Зендавестѣ Іима-хшайто). Онъ царствовалъ 700 лѣтъ, ему подчинилась вселенная, повиновались дивы и пери. Онъ былъ царемъ-строителемъ, введшимъ культуру къ Персамъ: онъ научилъ ихъ изготовлять оружіе, шить одежды, раздѣлилъ подданныхъ на сословія, строилъ зданія и корабли. Такъ протекли триста лѣтъ, въ теченіе которыхъ люди не знали смерти, не имѣли понятія о трудѣ (sic) и повелѣвали дивами, какъ рабами. Но счастіе подѣйствовало неблагопріятно на царя: онъ сталъ надмененъ и требовалъ себѣ поклоненія. Тогда божественная благодать оставила его.

Въ это время въ землѣ Тази (въ Аравіи) царствовалъ благочестивый царь Мердасъ, имѣвшій сыномъ Дохака или Зохака, прозваннаго также Пейвераспомъ (владѣтелемъ 10,000 коней). Однажды къ Зохаку явился Иблисъ (Ариманъ) и внушилъ ему желаніе овладѣть престоломъ. Въ саду была выкопана глубокая яма, сверху покрыта соломой. Туда по неосторожности упалъ старикъ отецъ, и Дохакъ овладѣлъ престоломъ чрезъ отцеубійство. (Отмѣтимъ здѣсь, что и Артаваздъ дурно относится къ своему отцу и подвергаетъ его проклятію. Быть можетъ, это было однимъ изъ поводовъ къ перенесенію на Артавазда и другихъ чертъ миѳа о Дохакѣ). Иблисъ, принявъ образъ красиваго юноши, вступилъ поваромъ на службу Зохака и сталъ кормить его мясомъ, а до того времени люди вкушали только растительную пищу.

[1]) См. переводъ г. *Эмина*, стр. 72.

Въ награду за свою службу, Иблисъ просилъ позволенія царя поцѣловать его въ плечи. Отъ поцѣлуя духа тьмы, на плечахъ царя выросло по черной змѣѣ. Такимъ образомъ въ легендѣ человѣкъ—царь постепенно возвращается къ своему первообразу—змѣю. Зохакъ ищетъ средство отдѣлаться отъ змѣй, велитъ ихъ срѣзать, но онѣ снова выростаютъ. Тогда опять явился Иблисъ въ видѣ врача и совѣтовалъ Зохаку кормить змѣй человѣческимъ мозгомъ, чтобъ ихъ успокоить. Этимъ онъ думалъ обезлюдить міръ.

Вслѣдствіе возмущенія Иранцы отложились отъ Джемшида и провозгласили царемъ Зохака. Джемшидъ бѣжитъ, скрывается въ теченіе ста лѣтъ, наконецъ попадается во власть Зохака, который велитъ распилить его надвое пилою. Зохакъ царствуетъ 1,000 лѣтъ, совершая безчисленныя злодѣйства: ежедневно приносятся въ жертву его змѣямъ два человѣка. Между тѣмъ изъ рода Джемшидова родится Феридунъ, будущій убійца Зохака. Отецъ его, Абтинъ, былъ убитъ Зохакомъ, но мать — Фиранекъ—спасаетъ младенца въ лѣсу, гдѣ его кормитъ чудесная корова Пурмаіэ. Затѣмъ мать съ ребенкомъ удаляется въ Гиндустанъ къ горѣ Албурзу, и отдаетъ сына на воспитаніе пустыннику. Вслѣдъ затѣмъ Зохакъ приходитъ въ лѣсъ и убиваетъ Пурмаіэ. На 16-мъ году Феридунъ сходитъ съ Альбурза и спрашиваетъ мать о своемъ отцѣ. Фиранекъ разказываетъ ему, что онъ происходитъ отъ царственнаго рода Тахмураса, что ихъ преслѣдуетъ Зохакъ, убійца отца его Абтина. Феридунъ клянется отомстить Зохаку. Обстоятельства благопріятствуютъ его намѣренію. Семнадцать сыновей испаганскаго кузнеца Каве были съѣдены змѣями Зохака; у Каве хотятъ отнять 18-го сына. Отецъ призываетъ народъ къ возстанію и вмѣсто знамени прикрѣпляетъ къ древку копья свой кожаный передникъ. Такъ произошло государственное знамя Ирана. Около Каве собираются многочисленныя дружины и кузнецъ вызываетъ Феридуна быть ихъ предводителемъ. Феридунъ является вооруженнымъ булавой съ изображеніемъ коровьей головы (въ воспоминаніе Пурмаіэ) и выступаетъ противъ Зохака [1]). Послѣ ряда похожденій, наконецъ Феридунъ поражаетъ Зохака булавой, но по приказанію ангела Сероша не убиваетъ его, а везетъ къ горѣ Демавенду. Здѣсь приковали Зохака къ скалѣ въ глубокой пещерѣ, гдѣ

---

[1]) Услуга Каве была щедро вознаграждена Феридуномъ: онъ сдѣлалъ его начальникомъ части войска и его потомки составляютъ знатнѣйшій родъ въ Персіи.

онъ время отъ времени выражаетъ свое бѣшенство землетрясеніями [1]).

Въ заключеніе приведемъ любопытное свидѣтельство путешественника Морьера о мѣстныхъ преданіяхъ у Демавенда [2]): „Въ городѣ Демавендѣ, у подошвы соименной ему горы, замѣчаются развалины, носящія названіе замка Зохакова, и 31-го августа бываетъ праздникъ въ память низверженія тирана. Въ этотъ день всѣ жители, какъ изъ города, такъ и изъ всего Демавендскаго округа, собираются и предаются общему веселью; они разъѣзжаютъ верхомъ на коняхъ и лошакахъ; окрестность оглашается радостными криками, а вечеромъ городъ и всѣ дома освѣщаются. Мѣстное преданіе говоритъ, что юноша рѣшился убить Зохака, который жилъ у вершины Демавенда и ежедневно приносилъ по два человѣка на пожраніе находившимся у него на плечахъ змѣямъ; въ случаѣ успѣха предпріятія, герой обѣщалъ зажечь огонь на ближайшей вершинѣ. Умертвивъ Зохака, онъ въ самомъ дѣлѣ развелъ условленный огонь, въ память чего и бываетъ ежегодное освѣщеніе... Равно существуетъ повѣрье, что скованный Зохакъ живетъ въ подземной горной пещерѣ и причиняетъ землетрясенія, часто случающіяся въ этой странѣ“.

Припоминая теперь всѣ вышеприведенныя азіатскія сказанія—черкесское, осетинскія, грузинскія, армянскія и иранскія—мы замѣчаемъ, что личность, за которою мы начали слѣдить, какъ за великаномъ, прикованнымъ божествомъ къ скалѣ, мало по малу превращается въ змѣя, а въ божествѣ, приковавшемъ его, обнаруживается широкораспространенный во всѣхъ народныхъ сказаніяхъ типъ бога или богатыря змѣеборца. Такимъ образомъ мы имѣемъ возможность разбить всѣ эти легенды на двѣ группы: въ первую войдутъ многочисленныя легенды о змѣѣ, заключенномъ богомъ или богатыремъ подъ какой нибудь горой; во вторую—легенды о великанѣ, прикованномъ къ скалѣ въ какой нибудь горной пещерѣ. Послѣдовательное обращеніе древняго змѣя, иранскаго Ажи-дахака (ведійскаго Ahi), въ царя Аждахака и затѣмъ въ царя Зохака наглядно показываетъ, что сказанія первой группы древнѣе сказаній второй. Но въ исторіи народныхъ сказаній происходитъ рѣдко такое явленіе, чтобы новый видъ сказанія вполнѣ вытѣснилъ прежній; напротивъ, обыкновенно

[1]) *Spiegel*, Eran. Alterthumskunde, I, p. 530—549; *Зиновьевъ*, Эпическія сказанія Ирана, стр. 53 слѣд.

[2]) *Morier*, Second journey, p. 357; приведено у *Зиновьева*, стр. 60.

прежній продолжаетъ по мѣстамъ существовать одновременно съ новымъ и переходныя формы часто не сохраняются. Такъ, у древнихъ Грековъ, развившихъ сказаніе о Прометеѣ, сохранилось и сказаніе, которое мы отнесли къ первой группѣ — сказаніе о Тифонѣ. Аналогія между послѣднимъ и Прометеемъ была ясна и для Эсхила; въ трагедіи „Скованный Прометей" (стр. 347 и слѣд.) онъ влагаетъ въ уста олицетвореннаго Океана, утѣшающаго Прометея, разказъ о Тифонѣ: „Я видѣлъ землерожденнаго Тифона, нѣкогда жившаго въ Киликійскихъ пещерахъ, и сжалился надъ воинственнымъ чудовищемъ, стоглавымъ, подвергавшимъ насилію другихъ; онъ воевалъ противъ боговъ, изрыгая смерть изъ страшныхъ зѣвовъ; изъ глазъ его сверкала горгонская молнія и, казалось, онъ овладѣетъ могуществомъ Зевса; но настигла его бдительная стрѣла Зевса, стремительная молнія, изрыгающая пламя; громкіе вопли выбила она изъ него; въ самое сердце пораженный, опаленъ онъ былъ молніей, и оглушенный громомъ утратилъ онъ силы. А нынѣ немощное, отверженное тѣло его лежитъ у морскихъ тѣснинъ подъ подножіемъ Этны; на вершинѣ же куетъ расплавленную массу Гефестъ; но оттуда нѣкогда вырвутся потоки огня, пожирая дикими челюстями обширные посѣвы плодовитой Сициліи...

Конечно, если мы станемъ разсматривать Прометея такимъ, какимъ его впослѣдствіи сдѣлала фантазія греческихъ поэтовъ-философовъ, то въ этомъ благодѣтелѣ и заступникѣ человѣческаго рода трудно открыть змѣиное происхожденіе. Но нужно вспомнить нѣкоторыя черты, сохранившіяся въ культѣ и мѣстныхъ преданіяхъ, и тогда это родство станетъ уже значительно яснѣе. Прометей принадлежитъ къ породѣ титановъ, этихъ враговъ олимпійскимъ богамъ, наравнѣ съ Бріаревсомъ, Атлантомъ и другими. Какъ Тифонъ — олицетвореніе земнаго огня, заключеннаго въ нѣдрахъ огнедышащихъ горъ, такъ и Прометей носитъ эпитетъ огненоснаго бога (ὁ πυρφόρος θεός) и приноситъ огонь съ неба на землю, хотя огонь, принесенный имъ, уже сталъ символомъ культуры, а не истребленія, какъ стихійный огонь Тифона-Дахаки. Въ честь Прометея, древняго бога огня, въ Аѳинахъ ежегодно устраиваются бѣга съ зажженными факелами, причемъ побѣдителемъ остается тотъ, кто первый съ своимъ факеломъ достигаетъ цѣли [1]).

Родство Прометея съ Тифономъ видно далѣе и въ роли Гефеста

[1]) Pausan. I, 30.

при борьбѣ Зевса съ тѣмъ и другимъ. Гефестъ, этотъ олимпійскій кузнецъ, устроилъ свою кузницу надъ трупомъ Тифона; онъ же, по повелѣнію Зевса, какъ это видно изъ начала трагедіи Эсхила, приковываетъ Прометея къ скалѣ. Отмѣтимъ азіатскую параллель Гефесту въ личности ведійскаго Kâvya uçana, сопровождающаго Индру въ бою его съ змѣемъ Ahi и выковывающаго ему перунъ, и иранскаго, испаганскаго кузнеца Каве, поднявшаго знамя возстанія противъ Зохака. Память объ этомъ кузнецѣ-змѣеборцѣ (ср. русскую легенду о Кузьмѣ и Демьянѣ и Борисѣ и Глѣбѣ) сохраняется въ обрядовыхъ ударахъ испаганскихъ и армянскихъ кузнецовъ по наковальнѣ, съ цѣлью укрѣпить оковы скованнаго великана-змѣя. Эти удары раздаются не только на востокѣ, но и на западѣ въ Германіи, что свидѣтельствуетъ о глубокой древности обряда. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ Тиролѣ вечеромъ наканунѣ праздниковъ кузнецы ударяютъ три раза по наковальнѣ, чтобы прикрѣпить цѣпи Луцифера, который иначе можетъ вырваться наружу и перевернуть міръ. Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Вильдшёнау, мѣсто Луцифера заступаетъ волкъ, сидящій на тройной желѣзной цѣпи за девятью желѣзными дверями. Въ Вальдкирхенѣ, въ нижней Баваріи, послѣдній, оставляющій кузницу, кузнецъ ударяетъ разъ по наковальнѣ, чтобы чортъ не могъ перепилить своей цѣпи. Онъ пилитъ постоянно, такъ что ко дню св. Іакова (25-го іюля) цѣпь становится тонка, какъ нитка. Но въ этотъ день, если исполняется обрядъ, цѣпь снова утолщается [1]). Перенесеніе роли древняго змѣя на діавола находимъ, по свидѣтельству Гана, и у Альбанцевъ. По ихъ сказаніямъ, чортъ прикованъ огромною цѣпью къ скалѣ. Онъ гложетъ цѣпь въ теченіе цѣлаго года, и къ великой субботѣ звенья ея тонки, какъ бобовые листья; но въ Свѣтлое воскресенье приходитъ Спаситель и приковываетъ діавола новою цѣпью [2]).

Къ переходному типу между змѣемъ и человѣкомъ принадлежитъ скандинавскій Локи, котораго связь съ древне-арійскимъ змѣемъ указана Маннгардтомъ [3]), и сходство съ греческимъ Прометеемъ развито Ганомъ [4]). Подобно Тифону и Прометею, Локи, за смерть Бальдура, прикованъ Торомъ въ пещерѣ надъ тремя утесами. Надъ головою

---

[1]) См. другія подробности у *Mannhardt*, Germanische Mythen, p. 87.
[2]) Alban. Studien, I, 156.
[3]) O. c., pp. 84 и слѣд.
[4]) Sagwissenschaftliche Studien, pp. 140 и слѣд.

его боги прикрѣпили ядовитаго змѣя, котораго ядъ постоянно каплетъ узнику на лицо. Жена Локи Sigyn держитъ подъ капающимъ ядомъ тазъ, но когда онъ переполняется, то нѣсколько капель падаютъ на Локи, и онъ корчится такъ сильно, что потрясаетъ всю землю. Отъ этого происходятъ землетрясенія.

Другую группу легендъ, въ которыхъ змѣй замѣненъ уже великаномъ, представляютъ, кромѣ греческаго, сказанія черкесское, осетинское, абхазское и грузинское объ Амиранѣ. Къ этой группѣ относится множество нѣмецкихъ сказаній о древнихъ царяхъ Карлѣ Великомъ, Барбароссѣ, спящихъ глубокимъ сномъ въ нѣдрахъ какой нибудь горы. Это славные національные короли, которымъ суждено проснуться въ отдаленномъ будущемъ, когда міръ перемѣнится, и воспрянуть къ новой дѣятельности. Такъ въ Кифгэйзерѣ до сихъ поръ сидитъ Фридрихъ Барбаросса и будетъ сидѣть тамъ до страшнаго суда. Когда онъ выйдетъ, то повѣситъ щитъ свой на сухое дерево, которое немедленно распустится и зазеленѣетъ. Тогда наступятъ лучшія времена.

Какъ кабардинскій эльборусскій узникъ спрашиваетъ своихъ сторожей: родятся ли еще ягнята и растетъ ли камышъ на землѣ, такъ нѣмецкій императоръ, пробуждаясь по временамъ отъ сна, спрашиваетъ: летаютъ ли еще вороны вокругъ горы? На утвердительный отвѣтъ онъ говоритъ: „Видно, еще мнѣ спать сто лѣтъ!" [1]).

Въ заключеніе возвращаемся къ поставленному нами вопросу объ отношеніи греческаго Прометея къ кавказскому, и отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ самъ собою изъ ряда разсмотрѣнныхъ родственныхъ сказаній. Греки, подобно другимъ арійскимъ народамъ, вынесли изъ Азіи широкораспространенный чуть ли не у всѣхъ народовъ миѳъ о борьбѣ бога свѣта съ змѣемъ, о побѣдѣ перваго надъ вторымъ и о заключеніи змѣя подъ гору. Послѣдняя форма сказанія развилась особенно у народовъ, знакомыхъ съ волканами. Затѣмъ у Грековъ же были представленія о низшествіи земнаго огня съ неба, причемъ божество, принесшее людямъ огонь, въ теченіе времени, при смѣнѣ древнихъ вѣрованій новыми и прежнихъ боговъ новыми типами (Олимпійцами), становится такимъ образомъ соперникомъ новому міродержцу Зевсу и переходитъ въ разрядъ титановъ, бунтовщиковъ, приравниваясь вслѣдствіе этого къ древнему змѣю. Понятно, что этого древняго бога огня, при новомъ порядкѣ вещей, должна

---

[1]) *Grimm*, Deutsche Sagen, № 23, ср. № 28.

постигнуть судьба древняго змѣя, и прежній миѳъ наслояется на другое лицо. Какъ соперникъ Зевса, Прометей такъ-же долженъ быть прикованъ къ скалѣ, какъ былъ нѣкогда скованъ Тифонъ, соперникъ того же Зевса.

Такова канва типа Прометея, хотя конечно эта канва еще не можетъ объяснить намъ всѣхъ художественныхъ узоровъ, выведенныхъ по ней артистическою и философскою мыслью Грековъ. Работа Грека покажется намъ особенно высока, если мы сравнимъ типъ Прометея, какъ онъ изображенъ Эсхиломъ, съ разными чудищами востока—Зохакомъ, Амираномъ, Рокапи, Шидаромъ, Мхеромъ, которые несомнѣнно однако представляютъ его ближайшую родню. Греки, перенесли мѣсто наказанія своего героя на Кавказъ. Но едва ли это объясняется азіатскимъ происхожденіемъ Прометея. Намъ кажется вѣроятнѣе, что географическая подробность, которой притомъ нѣтъ у Гезіода, явилась позднѣе, когда миѳъ уже сложился, и объясняется тѣмъ, что вслѣдствіе сношеній съ Кавказомъ Греки могли услышать тамъ преданія о прикованномъ къ скалѣ великанѣ и увидѣть въ послѣднемъ своего Прометея. Мы знаемъ, напримѣръ, что они же заставляли путешествовать своего Геракла по всѣмъ извѣстнымъ землямъ, едва только находили въ туземныхъ преданіяхъ черты, напоминавшія имъ ихъ національнаго полубога. Вспомнимъ также, что армянское преданіе о прекрасномъ царѣ Арѣ попало въ сочиненія Платона. Все это можетъ подтвердить наше объясненіе локализаціи Прометея на Кавказѣ.

Вс. Миллеръ.

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ГРУЗІИ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Историческая отрасль грузинской литературы хотя въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ и обращала на себя особенное вниманіе изслѣдователей и усердно разработывалась ими, тѣмъ не менѣе далеко еще не можетъ считаться исчерпанною. Сравнительная скудость грузинскихъ лѣтописныхъ памятниковъ (если принять въ соображеніе болѣе чѣмъ двадцати-вѣковое существованіе Грузинскаго царства) и поздняя ихъ редакція восполняются въ значительной степени другаго рода письменными памятниками, дошедшими до насъ въ большемъ изобиліи и разнообразіи и имѣющими тѣсную связь съ исторіей. Таковы, напримѣръ, гуджари и сигели, то-есть, церковныя и гражданскія грамоты Грузинскихъ царей и владѣтельныхъ князей, которыя они давали, какъ духовнымъ и гражданскимъ учрежденіямъ, такъ равно и отдѣльнымъ лицамъ. Эти драгоцѣнные историко-юридическіе памятники, обнимающіе время съ первой четверти XI вѣка вплоть до начала XIX столѣтія, сохранились во множествѣ. Я имѣлъ уже случай указывать на ихъ обиліе и громадное значеніе преимущественно для внутренней исторіи Грузіи (см. Журн. Мин. Нар. Пр. декабрь 1877 г.). Въ одномъ только архивѣ Кутаисскаго губернскаго правленія лѣтомъ 1877 года я нашелъ свыше 50-ти тысячъ гуджаровъ и сигелей, еще совершенно невѣдомыхъ наукѣ. Массу такихъ документовъ мы находимъ въ тифлисскихъ архивахъ—губернскаго правленія и управленія государственныхъ имуществъ. Перечень нѣкоторой части этихъ документовъ находится въ трудахъ

г. Пурцеладзе: 1) Грузинскіе церковные гуджари (грамоты) (Тифлисъ 1881) 2) Грузинскія дворянскія грамоты (Тифлисъ, 1881) Разсмотрѣнно имъ до 1000 документовъ разныхъ годовъ: церковныхъ съ 1024 по 1815 годъ и дворянскихъ—карталинскихъ и кахетинскихъ съ 1455 по 1803 г., а имеретинскихъ съ 1454 по 1846 годъ. Къ сожалѣнію, замѣтки г. Пурцеладзе больше возбуждаютъ въ читателѣ интереса къ упомянутымъ документамъ, чѣмъ удовлетворяютъ ему. Далѣе, въ первомъ томѣ „Актовъ Кавказской археографической коммиссіи", изданномъ въ Тифлисѣ въ 1866 г., напечатано 62 подобные документа, относящіеся къ періоду съ XIV по XVIII столѣтіе. Это единственный случай, когда гуджари и сигели были изданы цѣликомъ въ оригиналѣ съ русскимъ переводомъ и снабжены примѣчаніями, хотя и весьмо скудными. Громадное же большинство этихъ документовъ совершенно не разобрано и не обслѣдовано. Между тѣмъ приведеніе въ извѣстность и изданіе ихъ крайне желательно: это принесло бы пользу не одной только исторіи, но и праву, и лингвистикѣ, ибо документы эти, помимо ихъ историческаго значенія, суть весьма важные юридическіе акты Грузинскаго царства, и вмѣстѣ съ тѣмъ, памятники грузинскаго письма и языка за восемь вѣковъ ихъ развитія.

Желательно, чтобы Кавказская археографическая коммиссія обратила снова вниманіе на эти гуджари и сигели и издала древнѣйшіе и важнѣйшіе изъ нихъ, хотя бы въ видѣ дополнительнаго тома къ тѣмъ восьми томамъ, которые уже изданы и составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи Кавказа съ начала текущаго столѣтія. Судя по задачамъ и цѣлямъ другихъ археографическихъ коммиссій, существующихъ въ Россіи и издающихъ акты преимущественно древніе, надо полагать, что и Кавказская археографическая коммиссія не обязана ограничиваться изданіемъ матеріаловъ только для новѣйшей исторіи Кавказа, но имѣетъ полное право простирать свою дѣятельность и на приведеніе въ извѣстность и изданіе актовъ болѣе древнихъ, какъ болѣе рѣдкихъ, и слѣдовательно, болѣе цѣнныхъ для будущей исторіи Кавказа съ древнихъ временъ. Изданіемъ вышеупомянутыхъ грузинскихъ и мусульманскихъ актовъ въ I-мъ томѣ своего сборника Кавказская археографическая коммиссія уже доказала, что она широко и правильно смотритъ на свою задачу и цѣли. Желательно, чтобы въ своей прогрессивной, неутомимой дѣятельности (она подошла уже къ 40-мъ годамъ текущаго столѣтія), коммиссія бросила ретроспективный взглядъ и на письменные памятники бо-

лѣе отдаленнаго прошлаго и также спасла бы ихъ отъ забвенія и уничтоженія.

Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ однако въ виду обратить вниманіе на другого рода документы, могущіе служить также драгоцѣннымъ матеріаломъ для исторіи Грузіи. Это—письменные памятники дипломатическихъ сношеній Грузіи съ Россіей, хранящіеся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Извѣстно, что Грузинскіе цари не разъ вступали въ дипломатическія сношенія съ разными государями Азіи и Европы. Сношенія съ государями западной Европы, напримѣръ, съ Римскими папами въ XIII, XV, XVII вѣкахъ, въ XVIII в. — съ Людовикомъ XIV королемъ Французскимъ и Карломъ XII Шведскимъ (переписка съ ними частью уже издана), случайныя и непродолжительныя, и не имѣли особеннаго вліянія на судьбу Грузіи, тогда какъ сношенія съ Византіей, Персіей, Турціей, и наконецъ, съ Россіей поддерживались въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и оказали сильное вліяніе на судьбу Грузіи и ея внутреннюю и внѣшнюю исторію. Письменные памятники этихъ сношеній, напримѣръ, съ Византіей, сохранились не у однихъ, конечно, лѣтописцевъ византійскихъ, но и въ отдѣльныхъ актахъ, ожидающихъ еще изслѣдователей и издателей. Съ одной стороны, то обстоятельство, что письменная часть въ дипломатическихъ сношеніяхъ въ старину была меньше развита на Востокѣ, чѣмъ въ Европѣ, а съ другой—отсутствіе государственныхъ архивовъ въ вышеупомянутыхъ мусульманскихъ странахъ Востока, не позволяютъ однако надѣяться на особенно обильную жатву въ этомъ отношеніи; тѣмъ не менѣе надо полагать, что при умѣньи и желаніи поискать въ дворцовыхъ и фамильныхъ архивахъ и библіотекахъ древнѣйшихъ родовъ Турціи и Персіи, найдется не мало уцѣлѣвшихъ еще письменныхъ документовъ изъ дипломатическихъ сношеній этихъ странъ съ Грузіей. Небольшое число (14) такихъ документовъ, а именно, фирманы Персидскихъ шаховъ къ Грузинскимъ царямъ и католикосамъ, уже напечатаны въ I-мъ томѣ Актовъ Кавказской археографической коммиссіи; эти акты относятся къ XVII — XVIII столѣтіямъ. Но эти desiderata—дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго; въ настоящей же статьѣ мы имѣемъ въ виду нѣчто болѣе близкое и болѣе достижимое, а именно—дать краткій обзоръ матеріаловъ для исторіи Грузіи XVIII в., хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и высказать желаніе.

чтобы по крайней мѣрѣ важнѣйшіе изъ нихъ увидѣли свѣтъ въ ближайшемъ будущемъ.

Извѣстно, что это государственное древлехранилище заключаетъ въ себѣ громадный и разнообразный матеріалъ для русской исторіи; не менѣе обиленъ и тотъ матеріалъ, которымъ оно обладаетъ для исторіи христіанскихъ и мусульманскихъ провинцій Закавказья, коихъ цари и владѣтельные князья приходили въ соприкосновеніе и поддерживали сношенія сначала съ Московскимъ дворомъ, а затѣмъ съ Петербургскимъ кабинетомъ, пока наконецъ ихъ владѣнія не вошли въ составъ Русскаго государства.

Значительная часть историческихъ сокровищъ, хранящихся въ упомянутомъ архивѣ, касается прямо или косвенно исторіи Грузіи, съ начала XVI столѣтія по начало XIX вѣка. Это не ускользнуло отъ внимательнаго взора покойнаго академика Броссе, который, при содѣйствіи нѣсколькихъ другихъ лицъ, издалъ часть этихъ документовъ подъ заглавіемъ: „Переписка на иностранныхъ языкахъ Грузинскихъ царей съ Россійскими государями отъ 1639 г. по 1770 г.". (С.-Петербургъ 1861 г.).

Переписка между царями Грузіи и государями Россіи началась собственно съ 1686 года; но первый по времени памятникъ, который вошелъ въ изданіе Броссе, относится къ 1639 году; такимъ образомъ, документы, во многихъ отношеніяхъ весьма интересные, за предшествующіе 53 года (1586 — 1639), не нашли себѣ мѣста въ этомъ сборникѣ. Изъ напечатанныхъ же актовъ за одно только столѣтіе (1639—1740 гг.) нерѣдко на одинъ и тотъ же годъ приходится по нѣскольку. За 30 лѣтъ, съ 1740 г. по 1770 напечатано только четыре коротенькіе акта, относящіеся къ 1746 и 1770 годамъ; слѣдовательно, изданы документы, собственно говоря, только за періодъ съ 1639 по 1740 г., и то далеко не всѣ; между тѣмъ старѣйшіе акты за 53 года, и равно акты съ 1740 по 1802 г., въ совокупности за періодъ въ 115 лѣтъ, не изданы. Между тѣмъ изданіе этихъ старѣйшихъ, а также новѣйшихъ документовъ, значительно ускорило бы постепенное сближеніе Грузіи съ Россіей.

Лѣтомъ 1881 года, я былъ командированъ въ Москву для занятій въ упомянутомъ архивѣ, и здѣсь, благодаря любезной предупредительности директора архива барона Ѳ. А. Бюлера, имѣлъ возможность заняться разборомъ этихъ документовъ, но конечно, успѣлъ только осмотрѣть, и то въ самыхъ общихъ чертахъ, документы, относящіеся къ періоду съ 1740 по 1802 г. Нижеслѣдующій перечень

этихъ документовъ или „дѣлъ" составляетъ вкратцѣ результаты этого осмотра.

Почти для всѣхъ важнѣйшихъ событій, сблизившихъ Грузію и Россію въ XVIII в., имѣются въ архивѣ матеріалы въ большомъ количествѣ. Таковы: 1) пріѣздъ царя Грузинскаго Теймураза II въ Петербургъ 1761—1764 гг. (дѣла подъ №№ II, III и IV); 2) война Россіи и Грузіи съ Турціей въ 1769—1774 гг. (документы, сюда относящіеся встрѣчаются въ нѣсколькихъ объемистыхъ „дѣлахъ", напримѣръ, подъ №№ IV, V, VII и др.); 3) пріѣздъ въ Петербургъ Грузинскаго католикоса Антонія въ 1774 году съ проэктомъ договора между императрицей Екатериной II и царемъ Иракліемъ II (№ XV); 4) заключеніе союза на основаніи этого договора въ 1783 году (№ XVI); 5) посольство кн. Гаресвана Чавчавадзе къ Петербургскому двору съ 1783 по 1802 годъ (№ XVIII; 6) нашествіе Аги-Магомедъ-Хана на Грузію въ 1795 году (№№ XIX, XX).

По мѣрѣ того, какъ совершались эти событія, русскимъ правительствомъ наводились справки и собирались свѣдѣнія всякаго рода о прошедшемъ и настоящемъ Грузіи — объ ея естественныхъ богатствахъ и произведеніяхъ, о числѣ, составѣ, бытѣ и характерѣ народонаселенія, о доходахъ царства, о путяхъ сообщенія, о судопроизводствѣ и судоустройствѣ, о военномъ и гражданскомъ управленіи, о сословныхъ правахъ, о духовенствѣ и народномъ образованіи, объ отношеніи Грузіи къ Имеретинскому царству и другимъ закавказскимъ владѣльцамъ, ханамъ и султанамъ мусульманскихъ областей, а равно и объ отношеніяхъ ея къ Персіи и Турціи. Свѣдѣнія эти собирались не рѣдко самими же Грузинами, которые состояли на русской службѣ и назначались русскимъ правительствомъ повѣренными въ дѣлахъ въ Грузіи, каковы, напримѣръ, князь Моуравовъ, князь Амилахваровъ, Хвабуловъ (Кобуловъ?) и др., имена которыхъ встрѣчаются въ нижепоименованныхъ документахъ. Они были дѣтьми грузинскихъ выходцевъ и имѣли еще въ Грузіи родственниковъ и однофамильцевъ, владѣли русскимъ и грузинскимъ языками, и слѣдовательно, имѣли много удобствъ для успѣшнаго исполненія возлагаемыхъ на нихъ важныхъ миссій. Кромѣ того, послы Грузинскихъ царей и владѣтельныхъ князей, пріѣзжая въ Россію, представляли здѣсь нерѣдко весьма подробныя докладныя записки о положеніи ихъ страны. Такимъ образомъ, свѣдѣнія, заключающіяся въ нижепоименованныхъ документахъ, яркими красками рисуютъ затруднительное положеніе

Грузіи въ прошломъ столѣтіи, и при критическомъ отношеніи къ нимъ, могутъ служить драгоцѣннымъ матеріаломъ для исторіи Грузіи.

Въ нижеслѣдующемъ перечнѣ я привожу заглавія дѣлъ, нерѣдко состоящихъ изъ нѣсколькихъ сотъ листовъ, въ порядкѣ годовъ, выставленныхъ на ихъ заглавныхъ листахъ, хотя впрочемъ это не есть порядокъ хронологическій, основанный на послѣдовательности событій, такъ какъ въ этихъ дѣлахъ и связкахъ попадаются документы, не относящіеся къ тому періоду времени, который выставленъ на заглавномъ листѣ, а къ послѣдующимъ или же къ предшествующимъ годамъ; нерѣдко документы, касающіеся одного и того же событія, встрѣчаются въ дѣлахъ разныхъ періодовъ, а трактующія о разныхъ событіяхъ соединены въ одномъ и томъ же дѣлѣ.

За исключеніемъ весьма не многихъ, всѣ документы имѣются въ Московскомъ архивѣ въ оригиналѣ, нерѣдко безъ перевода. Кромѣ грузинскихъ, въ этой коллекціи есть документы и письма на нѣмецкомъ языкѣ (таковы, напримѣръ, всѣ письма графа Тотлебена, писанныя имъ изъ Грузіи въ 1770-хъ годахъ), французскомъ, италіанскомъ, греческомъ, персидскомъ, турецкомъ и сирійскомъ языкахъ. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ могутъ служить образцомъ восточнаго каллиграфическаго искусства; таковы, напримѣръ, всѣ письма царя Ираклія II, которыхъ очень много, и которыя, конечно, только подписывались этимъ царемъ; таковы еще одно письмо на сирійскомъ языкѣ и фирманы шаховъ.

Весь наличный матеріалъ, сохранился въ совершенной цѣлости, и кромѣ неизбѣжныхъ неудобствъ, происходящихъ отъ поблекшихъ чернилъ и сѣроватаго цвѣта бумаги, пользованіе этими документами не представляетъ никакихъ трудностей.

I. Дѣло подъ заглавіемъ „Грузія, 1741 г.“ заключаетъ въ себѣ „тринадцать грузинскихъ оригинальныхъ писемъ“, безъ перевода, писанныхъ изъ Грузіи въ Москву и Петербургъ къ жившимъ тамъ въ то время Грузинамъ „о грузинскихъ дѣлахъ“; такъ, нѣсколько писемъ адресованы на имя царевича Баграта, пріѣхавшаго въ Москву въ 1725 году вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, царемъ Карталинскимъ Вахтангомъ VI; другія адресованы на имя Георгія и Вахуштія, дѣтей этого же царя, проживавшихъ тамъ же. Бо́льшая часть этихъ писемъ писана нѣкіимъ полковникомъ Рафіела (Рафаиломъ).

II. „Грузинскія и имеретинскія дѣла, 1760 годъ“. Содержаніе: пріѣздъ Грузинскаго царя Теймураза II изъ Грузіи въ Астрахань, число лицъ его свиты (47), пріемъ его, расходы по этому случаю,

подлинные акты и письма Теймураза и его сына, царя Кахетинскаго Ираклія II. Тутъ же нѣсколько документовъ о пріѣздѣ и отъѣздѣ другихъ лицъ изъ Грузіи.

III. „Грузинскія дѣла, 1761 годъ“, связки 31—36. Содержаніе: дѣла о пріѣздѣ царя Теймураза II изъ Астрахани въ Москву, а затѣмъ и въ Петербургъ; журналъ, куда внесено подробно все касающееся пребыванія Теймураза въ этой послѣдней столицѣ: о цѣли пріѣзда Теймураза; церемоніалъ пріема его при дворѣ и аудіенція его у императрицы Елизаветы Петровны; рѣчь, сказанная царемъ императрицѣ, и отвѣтная рѣчь императрицы Теймуразу; расходы на свиту царя и т. п. Изъ этихъ документовъ видно, что царь Теймуразъ II выѣхалъ изъ Грузіи въ 1760 году и раннею весною 1761 года былъ уже въ Петербургѣ. Императрица приказала принять Теймураза со всѣми почестями, подобающими его сану, подобно тому, какъ тесть Теймураза, Грузинскій царь Вахтангъ VI, былъ принятъ императрицей Екатериной I, когда въ 1725 г. онъ пріѣхалъ въ Москву со свитой болѣе чѣмъ въ тысячу человѣкъ. И дѣйствительно, Теймуразу II былъ оказанъ въ Петербургѣ весьма лестный пріемъ: для царя и его свиты былъ нанятъ цѣлый домъ; въ воскресенье, 8-го апрѣля 1761 года, предсѣдатель статсъ-конторы кн. Амилахваровъ отправился въ придворномъ экипажѣ къ Теймуразу, чтобъ отвезти его на аудіенцію къ императрицѣ, которая приняла царя стоя и дала ему поцѣловать руку; послѣ обоюдныхъ привѣтственныхъ рѣчей, Елизавета Петровна представила царя великому князю Петру Өеодоровичу и великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; затѣмъ, по распоряженію государыни, въ домѣ царя Грузинскаго былъ устроенъ обѣдъ, на которомъ прислуживала придворная прислуга. Послѣ того Теймуразъ принималъ участіе въ придворныхъ празднествахъ; такъ, 15-го апрѣля, въ день Пасхи, царю было отведено въ церкви особое мѣсто, по близости императрицы; 21-го апрѣля, въ день рожденія великой княгини, Теймуразъ также былъ при дворѣ; бывалъ также на придворныхъ спектакляхъ въ Петергофѣ, на частныхъ свадьбахъ и т. п.

Замѣтимъ кстати, что сохранился печатный листъ бумаги въ нѣсколько строкъ, который пишущій эти строки видѣлъ у покойнаго Броссе нѣсколько лѣтъ тому назадъ: это—привѣтствіе Теймуразу, отпечатанное грузинскими литерами въ присутствіи же царя въ память посѣщенія имъ типографіи Академіи Наукъ 21-го іюня 1761 года. Въ концѣ 1761 года, 25-го декабря, скончалась императрица Елизавета Петровна, а спустя дней тринадцать, 8-го января 1762 года, умеръ

въ Петербургѣ и Теймуразъ. За дальностью и трудностью зимней дороги черезъ Кавказскія горы, свита, сопровождавшая тѣло покойнаго царя, рѣшилась предать его землѣ въ Астрахани въ каѳедральномъ соборѣ, гдѣ почиваетъ и прахъ его тестя, царя Вахтанга VI, скончавшагося въ 1537 году.

IV. „Грузія, 1761 годъ. Выписки о пріѣздѣ Грузинскаго царя Теймураза II (и посланника Крымскаго хана Канки—Салтана). „Въ этомъ весьма объемистомъ дѣлѣ находятся слѣдующіе акты: 1) весьма интересная записка, составленная по повелѣнію императрицы Екатерины II о томъ, какимъ способомъ можно склонить Грузинскихъ царей и христіанскихъ владѣтельныхъ князей Закавказья къ принятію участія въ предстоявшей въ 1768 г. войнѣ съ Турками; 2) четыре или пять вопросныхъ пунктовъ, предложенныхъ императрицей Екатериною II иностранной коллегіи отъ 28-го ноября 1768 г., именно: о цѣли пріѣзда Грузинскаго царя Теймураза II? Имѣетъ ли Грузія порты на Черномъ или Каспійскомъ морѣ? На однѣхъ картахъ городъ Тифлисъ (или по тогдашнему Тефлисъ) показанъ на берегу Чернаго моря, на другихъ на берегу Каспійскаго, а на третьихъ „по среди земли“: гдѣ „истинное его положеніе“? Вѣренъ ли слухъ, что царь Грузинскій Ираклій II принялъ „католицкій законъ“, и на чемъ основаны эти слухи? Тутъ же приложена обстоятельная докладная записка, поданная императрицѣ отъ иностранной коллегіи, въ которой даются подробные отвѣты на вышеприведенные вопросные пункты, а именно, что царь Теймуразъ II пріѣзжалъ „для поклоненія ея величеству императрицѣ Всероссійской“ Елизаветѣ Петровнѣ; что Поти, портъ на Черномъ морѣ, принадлежитъ Имеретинскому царству, но владѣютъ имъ „нынѣ“ Турки; что городъ Тифлисъ лежитъ на значительномъ разстояніи отъ Чернаго и Каспійскаго морей, и что слухи о принятіи Грузинскимъ царемъ Иракліемъ II католичества невѣрны, возникли же они вслѣдствіе того, что царь Ираклій пригласилъ снова на грузинскую каѳедру католикоса Антонія I, удаленнаго изъ Грузіи отцемъ Ираклія Теймуразомъ якобы за склонность его къ католицизму и проживавшаго въ Россіи въ теченіе семи лѣтъ въ качествѣ архіепископа Владимірской епархіи; 3) объ историческихъ обстоятельствахъ (то-есть, о политическихъ событіяхъ) въ Грузіи при царѣ Иракліѣ II и въ Имеретіи при царѣ Соломонѣ I—докладная записка, составленная княземъ Амилахваровымъ въ 1769 году; 4) рекомендательное письмо отъ графа Панина къ царю Грузинскому Ираклію II объ оказаніи покровительства и содѣйствія отправляющемуся съ ученою экспедиціей въ Закавказье ака-

демику Гюльденштедту для изслѣдованія естественныхъ богатствъ края. Извѣстно, что Ираклій II, какъ и царь Соломонъ I Имеретинскій, дѣйствительно оказывали путешественнику покровительство и содѣйствіе. Гюльденштедтъ совершалъ свои экскурсіи въ разныхъ направленіяхъ Закавказья или въ свитѣ этихъ царей, или же подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя, такъ какъ подобныя поѣздки были сопряжены нерѣдко съ большою опасностью. Результатомъ этихъ изслѣдованій Гюльденштедта было прекрасное „Путешествіе по Грузіи и Кавказскимъ горамъ", изданное Палласомъ послѣ смерти сравнительно молодаго путешественника. Оно посвящено всестороннему описанію Кавказскаго края; не забыты даже горскіе языки Кавказа, впервые сдѣлавшіеся извѣстными наукѣ, благодаря этому труду Гюльденштедта; 5) описаніе Кавказа и Закавказья на грузинскомъ языкѣ, присланное изъ Тифлиса въ иностранную коллегію „для свѣдѣнія"; 6) собственноручное письмо царя Ираклія II изъ города Гори, отъ 2-го декабря 1770 года, къ князю Отару Орбеліани (въ Астрахань?) съ просьбой уговорить военнаго начальника края (линіи) прислать въ Грузію какъ можно скорѣе артиллерію дѣло отъ 1780 г. о непропускѣ изъ Имеретіи въ Россію духовныхъ лицъ, неимѣющихъ паспортовъ отъ царя Имеретинскаго Соломона I; 8) подлинный рескриптъ императрицы Екатерины II, на трехъ большихъ листахъ, на грузинскомъ, русскомъ и италіанскомъ языкахъ, данный 9-го іюля 1770 года; этимъ рескриптомъ Екатерина II приглашаетъ Грузинскихъ царей Ираклія II и Соломона I и владѣтельныхъ князей христіанскихъ оказать содѣйствіе и помощь генералу графу Тотлебену и его отряду въ войнѣ съ общимъ врагомъ христіанства, съ Турціей; 9) донесеніе о положеніи дѣлъ въ Грузіи кн. Моуравова, бывшаго въ то время русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Грузіи и сопровождавшаго отрядъ графа Тотлебена.

V. „Грузія 1768—1771 г. Пріѣздъ въ Россію и обратное отправленіе посланника Имеретинскаго царя Соломона I князя Давида Кевнихидзева". Это весьма интересное дѣло касательно военныхъ дѣйствій со стороны Закавказья въ первую Турецкую войну. Это дѣло содержитъ въ себѣ: 1) фирманы султана (подлинники съ переводами) съ 1768 и 1771 годъ царю Имеретинскому Соломону I; въ нихъ султанъ напоминаетъ царю Имеретинскому о его вассальныхъ отношеніяхъ къ Портѣ и предлагаетъ ему не только не вступать ни въ какія сношенія съ русскими войсками, но и не впускать ихъ въ предѣлы Имеретіи; 2) письма царя Соломона къ Ахалцихскому пашѣ въ подлинникѣ и переводѣ; 3) письма царя Соломона изъ Кутаиса къ послан-

нику своему въ Петербургѣ князю Давиду Квепихидзеву о положеніи дѣлъ въ Имеретіи; 4) донесеніе графа Тотлебена и его преемника, генерала Сухотина, командовавшихъ русскимъ отрядомъ, дѣйствовавшимъ противъ Турокъ со стороны Закавказья. Вообще эта связка, довольно объемистая, заключаетъ въ себѣ весьма полныя и подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ русскаго отряда въ Закавказьѣ во время первой Турецкой войны при Екатеринѣ II, а равно о содѣйствіи, оказанномъ ему войсками Грузинскихъ царей и мѣстныхъ владѣтельныхъ князей; въ эту коллекцію вошло множество документовъ о ходѣ этой войны, нѣсколько указовъ императрицы, большое число писемъ графа Тотлебена въ оригиналѣ, на нѣмецкомъ языкѣ безъ перевода, писанныхъ имъ къ своему начальству изъ Грузіи въ Россію; въ нихъ мы встрѣчаемъ свѣдѣнія не только по военной части, но и географическія, этнографическія и историческія о мѣстностяхъ и народахъ, среди которыхъ впервые приходилось русскому войску жить и дѣйствовать; въ нихъ же графъ Тотлебенъ распространяется о возникшихъ между нимъ и мѣстными царями и владѣтелями недоразумѣніяхъ, результатомъ чего было отозваніе графа Тотлебена и назначеніе на его мѣсто генерала Сухотина.

VI. „Грузія 1768—1774 г. Рапорты въ коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ Кизлярскихъ комендантовъ Потапова и Неймича и отъ исправлявшихъ ихъ должность Парисера и Штендера“. Дѣло это содержитъ въ себѣ: 1) письма, въ подлинникахъ и переводахъ, царей Ираклія II, Соломона I и владѣтеля Мингреліи Каціи Дадіани по поводу первой Турецкой войны; 2) весьма подробное и интересное донесеніе поручика Хвабулова (Кобулова?) о внутреннихъ дѣлахъ Грузіи и Имеретіи при царяхъ Ираклiѣ II и Соломонѣ I. Поручикъ Хвабуловъ былъ посланъ въ Грузію со спеціальною цѣлью собрать эти свѣдѣнія на мѣстѣ и прислать ихъ въ иностранную коллегію; 3) списки „старшинъ“, или представителей турецкой власти въ селеніяхъ и городахъ Имеретіи, какъ-то: въ Багдадѣ, Поти, Кутаисѣ и др. Свѣдѣнія эти драгоцѣнны для исторіи Имеретіи, опредѣляя степень и характеръ отношеній, существовавшихъ между этою страной и Турціей; 4) дѣло о мингрельскомъ князѣ Чичуа, обвинявшемся въ измѣнѣ; 5) подробный списокъ важнѣйшихъ мусульманскихъ городовъ и стратегическихъ пунктовъ Закавказья и прилежащихъ странъ, каковы: Ахалцихъ, Карсъ, Ганджа (нынѣ Елизаветополь), Шура, Баязедъ, Ерзерумъ и др. Дѣло это очень объемистое и сообщаетъ массу свѣдѣній о Грузіи, Имеретіи, Одиши (Мингреліи), объ отноше-

нія этихъ странъ къ Россіи въ 1770-хъ годахъ и о роли, какую онѣ играли въ первой русско-турецкой войнѣ при Екатеринѣ II.

VII. „Грузія 1768—1771 г. Бумага надворнаго совѣтника кн. Антона Моуравова, относящіяся до пребыванія его русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Грузіи". Содержаніе этого дѣла: 1) Инструкціи и письма, данныя изъ иностранной коллегіи кн. Антону Моуравову, отправлявшемуся въ Грузію по дѣламъ службы. 2) Рескрипты императрицы Екатерины II царямъ Грузинскому Ираклію II и Имеретинскому Соломону I, владѣтелю Мингреліи Каціи Дадіани, владѣтелю Гуріи Гуріели и Рачинскому Эристову, которыми они приглашались начать совмѣстную войну противъ Турціи вмѣстѣ съ русскимъ отрядомъ силою въ 3467 человѣкъ, прибывшихъ въ Грузію подъ начальствомъ гр. Тотлебена. 3) Подробная докладная записка въ иностранную коллегію отъ статскаго совѣтника кн. Амилахварова объ Имеретіи, составленная со словъ имеретинскаго посланника, митрополита Максимѐ. 4) Въ этомъ же дѣлѣ находимъ весьма много свѣдѣній о моровой язвѣ, свирѣпствовавшей въ Грузіи, и особенно въ Тифлисѣ, въ которомъ, по словамъ грузинскихъ историковъ, умерло свыше 5 тысячъ человѣкъ. Свѣдѣнія эти сообщаетъ самъ гр. Тотлебенъ; равно много черновыхъ бумагъ и писемъ, писанныхъ имъ же по-нѣмецки. 5) Множество писемъ отъ царя Ираклія II къ кн. Моуравову по поводу недоразумѣній, возникшихъ между нимъ и гр. Тотлебеномъ. 6) Письма кн. Моуравова къ гр. Тотлебену по этому же поводу. Вообще въ этой перепискѣ, происходившей между царемъ Иракліемъ, кн. Моуравовымъ и гр. Тотлебеномъ, встрѣчается масса свѣдѣній о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Закавказьѣ за время первой Турецкой компаніи. Но между всѣми этими документами есть одинъ, который имѣетъ особенное значеніе для внутренней исторіи Грузинскаго царства въ XVIII в. Документъ этотъ помѣченъ 1760 годомъ и сообщаетъ краткія свѣдѣнія: о крупныхъ населенныхъ пунктахъ Грузинскаго царства (Карталиніи и Кахетіи), то-есть, „о большихъ и малыхъ городахъ", о числѣ и составѣ народонаселенія царства по національностямъ и вѣроисповѣданіямъ, о доходахъ царства, о церквахъ и монастыряхъ, резиденціяхъ высшихъ духовныхъ сановниковъ, о придворныхъ чинахъ и т. п. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этомъ документѣ, особенно важны въ томъ отношеніи, что они относятся ко времени, предшествовавшему двумъ злосчастнымъ эпохамъ въ жизни Грузинскаго народа въ XVIII в., а именно 1770 году, когда во время Турецкой войны, Грузію поразила чума, унесшая въ одномъ только

Тифлисѣ почти четвертую часть его населенія, и 1795 году, когда Грузію посѣтилъ болѣе страшный бичъ, персидскій шахъ Ага-Магомедъ-Ханъ, окончательно опустошившій край, не оставившій въ самомъ Тифлисѣ, какъ говорится, камня на камнѣ и уведшій въ плѣнъ не менѣе 10,000 обитателей. Документъ, о которомъ идетъ рѣчь, имѣется въ архивѣ въ подлинникѣ на грузинскомъ языкѣ безъ перевода; онъ составленъ, какъ видно, по просьбѣ князя Мауравова однимъ изъ царскихъ чиновниковъ „для свѣдѣнія" Петербургской иностранной коллегіи. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этого интереснаго документа:

Въ Карталиніи и Кахетіи считалось тогда христіанъ, то-есть, Грузинъ, Арманъ и католиковъ, 18 тысячъ „дымовъ" или семействъ, а мусульманъ 5 тысячъ семействъ, и того 23 тысячи семействъ; полагая примѣрно пять душъ на семейство, мы получимъ общее число населенія этихъ областей въ 115 тысячъ душъ.

Городъ Тифлисъ, говорится въ документѣ,—имѣетъ жителей Грузинъ, Армянъ, католиковъ, мусульманъ 4 тысячи семействъ.

Въ г. Гори Грузинъ, Армянъ, католиковъ 500 семействъ.

Въ г. Кехилвани (Крцхилвани, Цхинвали?) Грузинъ, Армянъ, Евреевъ 700 семействъ.

Въ „маломъ" городѣ Сурами Грузинъ, Арманъ и Евреевъ 200 семействъ.

Въ г. Телавѣ Грузинъ и Арманъ 750 семействъ.

Въ маломъ г. Сигнахѣ Армянъ 100 семействъ.

Въ маломъ г. Ананури Грузинъ и Арманъ 100 семействъ.

Въ маломъ г. Ахалгори Грузинъ и Арманъ 150 семействъ.

Въ Арагвскомъ ущельи Осетинъ 1,200 семействъ.

Въ Ксанскомъ ущельи Осетинъ 2000 семействъ.

Въ Арагвскомъ ущельи христіанъ 2000 семействъ.

Въ Ксанскомъ ущельи христіанъ-Осетинъ 1600 семействъ.

Царскихъ или казенныхъ крестьянъ изъ Осетинъ 1400 семействъ.

Крестьянъ князей Мачабели Осетинъ 800 семействъ.

Евреевъ, принадлежащихъ этимъ же князьямъ, 40 семействъ.

Въ Кахетіи православныхъ христіанъ, не считая грузинскихъ семействъ, временно-проживающихъ (хизани) на помѣщичьей землѣ: крестьянъ царскихъ, церковныхъ, князей и дворянъ 4000 семействъ.

Въ Карталиніи Армянъ 5000 семействъ.

Въ Кахетіи православныхъ христіанъ вмѣстѣ съ временно-прожи-

вающими (хозани) семействами, Грузинъ 7000 семействъ, Армянъ, живущихъ тамъ же, 450 семействъ, мусульманъ въ Кахетіи 1000 семействъ.

Хевсуръ, горцевъ Грузинскаго племени, одна часть которыхъ христіане, другая—язычники, 1000 семействъ.

Пшавцевъ, грузинскихъ горцевъ, христіанъ, 1000 семействъ.

Тушинцевъ, горцевъ, бо̀льшая часть которыхъ грузинскаго происхожденія и христіане, 1400 семействъ.

Земли съ мусульманскимъ населеніемъ, платившія дань Грузіи еще въ 60-хъ годахъ прошедшаго столѣтія:

Дидойцы, отнятые у Лезгинъ въ теченіе послѣднихъ 100 лѣтъ—4000 семействъ.

Демурчи Асаклу, султанство, 1000 семействъ.

Бандаръ, султанство, 200 семействъ.

Борчало и Бамбакъ, ханство, 2560 семействъ.

Казахъ, ханство, мусульманъ 3500 семействъ, Армянъ 1200 семействъ.

Шамшадилъ, султанство, мусульманъ 2200 семействъ, Армянъ 1200 семействъ.

Земли, платившія подати Кахетинскому царю Иркалію II до 1760-хъ годовъ: Харабаинцы, Енисели, Падари, Лалаги и др., всего Грузинъ, Армянъ и мусульманъ 10.000 семействъ.

Пустопорожнія области, оставшіяся безъ населенія вслѣдствіе истребленія или выселенія жителей во времена опустошительныхъ нашествій иноземцевъ: Тріалети, обширная и плодородная провинція, въ ней множество деревень въ развалинахъ, вся она необитаема; Кайкули, весьма плодородная область, но безъ населенія, въ ней много деревень въ развалинахъ; Таширн, также опустошена; Гуджарети также безъ населенія; Сомхетія или грузинская Арменія вся въ развалинахъ, изъ 40 человѣкъ жителей остается на мѣстѣ, можетъ быть, одинъ, остальные выселились въ другія области; Сабаратіано, владѣнія князей Баратовыхъ, вся опустошена; изъ ста человѣкъ прежнихъ жителей остается на мѣстѣ, быть можетъ, одинъ, остальные выселились и укрываются въ другихъ мѣстностяхъ царства. Сомхетія и Сабаратіано равняются по пространству половинѣ Карталиніи и называются нынѣ нижнею Карталиніей.

Прибережныя мѣста на рѣкѣ Іори въ Кахетіи также превращены въ развалины; тамъ жили мусульманскіе кочевники числомъ 12.000

семействъ, которые занимались производствомъ шелка, хлопка и рису.

Доходы царства, смотря по внутреннимъ и внѣшнимъ политическимъ и другимъ обстоятельствамъ, то увеличивались, то уменьшались, но при царѣ Иракліи въ 60-хъ годахъ они достигали отъ 10 тысячъ до 12 тысячъ тумановъ, то-есть 100,000—120,000 руб. сер.

Далѣе въ этомъ документѣ мы находимъ перечень монастырей и каѳедральныхъ соборовъ, существовавшихъ въ Карталиніи и Кахетіи съ указаніемъ ихъ духовныхъ представителей.

Грузинскіе монастыри и каѳедральные соборы не упраздненные, въ которыхъ настоятелями архимандриты, въ Карталиніи: Мцхетскій—церковь во имя св. Архангеловъ, Ананурскій — Пресв. Богородицы, Ларгвисскій—вел. муч. Ѳеодора, Эртацминдскій—св. первомуч. Евстафія, Геѳсиманскій—пресв. Богородицы.

Монастыри и каѳедральные соборы упраздненные вслѣдствіе опустошенія, въ Карталиніи: Квабтахевскій—во имя пресв. Богородицы, Улумбійскій (Олимпійскій)—пресв. Богородицы, Питаретскій—пресв. Богородицы, Хинцвисскій—св. Николая Чудотворца, Нувійскій—пресв. Богородицы, Мгвимскій—св. Шіо, Зедзаденскій близь Мцхеты—пресв. Богородицы.

Монастыри и каѳедральные соборы въ Кахетіи, въ которыхъ настоятелями архимандриты: Портаитскій—Иверской Божьей Матери, Зедзаденскій—Животворящаго Креста.

Каѳедральные соборы и монастыри въ Карталиніи съ указаніемъ имени и сана настоятелей, управлявшихъ ими въ 60-хъ годахъ XVIII столѣтія: Бесаріонъ (Виссаріонъ) митрополитъ Самтаврскій, Христофоръ митрополитъ Тифлисскій, Германъ епископъ Мровскій (Мровели), Іосифъ епископъ Урбнисскій, Давидъ епископъ Никозскій; Самтависская каѳедра не замѣщена.

Каѳедральные соборы и монастыри въ Карталиніи, упраздненные вслѣдствіе опустѣнія: Ахтальская — митрополія, Манглисское — епископство, Цилканское — епископство, Цалкійское — епископство, Болнисское — епископство, Цинцкаросское — епископство, Дманисское — епископство.

Каѳедральные соборы и монастыри въ Кахетіи съ указаніемъ настоятелей, управлявшихъ ими въ 60-хъ годахъ XVIII столѣтія: Зенонъ архіепископъ Алавердинскій, Давидъ митрополитъ Кизикскій, Савва митрополитъ Нино-Цминдскій, Зосимъ архіепископъ Руставскій, Досиѳей архіепископъ Некресскій.

Упраздненные, вслѣдствіе опустѣнія, въ Кахетіи, епископства: Самебское, Гишское, Черамское и Харчишское.

Этотъ интересный документъ оканчивается перечнемъ „придворныхъ чиновъ царства Грузинскаго, какъ они въ старину назывались и какъ они нынѣ называются"; здѣсь перечислены 22 названія придворныхъ чиновъ въ порядкѣ послѣдовательности ихъ ранга.

Нужно ли прибавлять, что приведенныя выше статистическія свѣдѣнія далеки отъ полноты и безусловной точности, но и въ такомъ видѣ они весьма поучительны.

VIII. „Грузія 1769—1773 г. О пріѣздѣ грузинскаго посланца, князя Андроникова и о кн. Заалѣ Орбеліани". Дѣло это, между прочимъ, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя подробности о личности и дѣйствіяхъ гр. Тотлебена и о недоразумѣніяхъ, возникшихъ между нимъ и царемъ Иракліемъ II.

IX. „Грузія 1769—1770 г. Дѣло о пріѣздѣ въ Петербургъ грузинскаго (имеретинскаго) митрополита Максимѐ со свитой и объ его отправленіи обратно съ надворнымъ совѣтникомъ кн. Мауравовымъ, назначеннымъ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Грузіи". Оно содержитъ въ себѣ, между прочимъ, письма Имеретинскаго царя Соломона I и довольно подробную докладную записку императрицѣ составленную митрополитомъ Максимѐ, о положеніи дѣлъ въ Имеретинскомъ царствѣ.

X. „Грузинскія дѣла 1768 года. Донесенія по грузинскимъ и армянскимъ дѣламъ 1768—1769, 1794, 1797—1798 (1802 и 1806 годовъ, составленныя статскимъ совѣтникомъ Бакунинымъ по повелѣнію ея величества. Въ этой связкѣ многаго недостаетъ, какъ напримѣръ, докладной записки Бакунина о положеніи дѣлъ въ Грузіи, или очерка Грузіи въ историческомъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ по имѣющимся въ наличности матеріаламъ. Сохранился одинъ интересный документъ: это—описаніе Имеретіи при царѣ Соломонѣ I, сдѣланное вышеупомянутымъ митрополитомъ Максимѐ. При подлинникѣ, который писанъ на грузинскомъ языкѣ, имѣется и русскій переводъ.

XI. „Грузія 1769—1776 г." Дѣло это содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: переписка царей Ираклія II и Соломона I съ графомъ Панинымъ. Множество писемъ царя Ираклія II въ подлинникахъ, которые по справедливости могутъ служить образцами грузинскаго каллиграфическаго искусства въ XVIII в. Письмо сирійскаго патріарха на сирійскомъ языкѣ съ переводомъ. Отправленіе въ Грузію повѣ-

9*

реннаго въ дѣлахъ капитана Языкова. Переписка его и описаніе Грузіи, составленное имъ въ 1770—1771 годахъ. Отправленіе въ Грузію къ гр. Тотлебену капитана Ив. Львова. Донесенія Львова о гр. Тотлебенѣ и о ходѣ войны съ Турціей въ Грузіи.

XII. „Грузія 1769—1775 г." Дѣло это содержитъ въ себѣ: грамоты императрицы Екатерины II, данныя царю Имеретинскому Соломону I; представленія отъ царей Ираклія II и Соломона I императрицѣ. Письма этихъ царей въ подлинникахъ и переписка ихъ съ графомъ Панинымъ.

XIII. „Грузинскія дѣла 1762—1776 г." Довольно большая связка въ переплетѣ, содержитъ въ себѣ: списокъ (копія) лицъ (свыше 1300 душъ), пріѣхавшихъ съ Вахтангомъ VI, царемъ Грузинскимъ, въ Москву въ 1724 году. Дѣло о грузинскомъ попѣ Захарьѣ (растригѣ), пріѣхавшемъ въ Кизляръ якобы съ письмами отъ царя Ираклія II и католикоса Антонія I. Донесеніе отъ Дербендскаго хана о готовящемся нападеніи со стороны Персіи на Грузинскаго царя Ираклія II. Свѣдѣнія о разныхъ царевичахъ и частныхъ лицахъ, Грузинахъ, бывшихъ въ то время въ Россіи.

XIV. „Грузинскія дѣла 1762—1799 г." Содержаніе: 1762 г. „Дѣло" о грузинскомъ дворянинѣ В. Кобахидзевѣ; 1762 г. „Дѣло" о надворн. совѣтникѣ Давидѣ Абасадзе; 1762 г. „Дѣло" о князѣ Д. Баратовѣ; 1768 г. „Дѣло" о кн. Амилахваровѣ; 1781 г. Просьба царя Ираклія II императрицѣ Екатеринѣ II о защитѣ Грузіи отъ Персидскаго шаха Аги-Магомедъ-хана и объ одолженіи „милліона рубл. серебромъ"; для поправленія финансовъ царства; 1770 г. Дѣло о пріѣздѣ въ Россію царицы Елизаветы, матери католикоса Антонія I; 1771 г. Донесенія о графѣ Тотлебенѣ, царѣ Соломонѣ I и кн. Мауравовѣ 1782 г. Эта послѣдняя тетрадь имѣетъ особенный интересъ въ историческомъ отношеніи: она заключаетъ въ себѣ довольно подробную исторію рода князей Амилахваровыхъ, въ которой эти князья производятся отъ Багдадскихъ халифовъ. Тутъ же мы находимъ „краткую исторію Грузіи", составленную со словъ царя Арчила, который умеръ въ Москвѣ въ 1712 г. Она интересна въ томъ отношеніи, что, какъ видно, ея составленіе предшествовало Вахтанговской редакціи грузинскихъ лѣтописей, относящейся къ началу XVIII столѣтія. Наконецъ, тутъ же имѣется пачка изъ двадцати-пяти писемъ, относящихся къ XVII—XVIII столѣтіямъ и принадлежащихъ перу Грузинскихъ царей Теймураза I, Ираклія I, Вахтанга VI (ихъ нѣсколько) и разныхъ другихъ лицъ. Въ этихъ письмахъ ясно рисуется тогдашнее затрудни-

тельное положеніе Грузіи. Большая часть писемъ на грузинскомъ языкѣ въ подлинникахъ, нѣсколько изъ нихъ на персидскомъ, а одно большое на греческомъ языкѣ.

XV. „Грузія 1769—1776 г." Связка эта заключаетъ въ себѣ донесенія и письма къ графу Панину въ коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ повѣренныхъ въ дѣлахъ въ Грузіи капитана Языкова, капитанъ-поручика Львова и надворнаго совѣтника кн. Антона Мауравова. Въ этой коллекціи мы находимъ одно довольно подробное и вѣрное описаніе Грузіи и Имеретіи, въ которомъ сообщаются свѣдѣнія статистическія, этнографическія и историко-географическія. Въ одномъ мѣстѣ Языковъ описываетъ царя Ираклія II слѣдующимъ образомъ: Царь Ираклій средняго роста, носитъ небольшую бороду, цвѣтъ лица у него желтоватый, любитъ роскошь, имѣетъ много придворныхъ и чиновниковъ, долго жилъ при Персидскомъ Шахѣ-Надирѣ и во всемъ старается подражать ему, безъ пистолета никогда не бываетъ, а во время войны съ саблею въ рукахъ первый бросается на врага. Очень дѣятеленъ, хитръ и уменъ. Часто воюетъ съ непріятелями своими войсками, а охранять царство поручаетъ Лезгинамъ и Осетинамъ. Эриванскій и Ганджинскій ханы платятъ ему дань; доходы царства простираются до 150,000 руб. Въ Тифлисѣ большею частью Армяне и католики, всего 5,000 дворовъ. Ираклій одѣвается по персидски и носитъ богатую шапку съ опушкой. Управляетъ царствомъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, управлялъ имъ еще при жизни своего отца (ср. съ № VII). Не менѣе интересны у Языкова свѣдѣнія о домашней обстановкѣ и общественной жизни Грузинъ, о судоустройствѣ и законахъ, о положеніи школьнаго или учебнаго дѣла и о народномъ образованіи въ Грузіи въ описываемое имъ время.

XVI. „Грузія 1771 — 1775 г. Пріѣздъ въ Петербургъ и обратное отправленіе въ Грузію царевича Леона и католикоса Антонія I". Дѣло это одно изъ интереснѣйшихъ. Католикосъ Антоній I и сынъ царя Ираклія II Леонъ (Юлонъ?), прибывшіе въ сопровожденіи, между прочимъ, іеромонаха Гаіоза, въ Петербургъ въ 1774 году, представили имп. Екатеринѣ II проектъ договора, на основаніи котораго Грузинскій царь Ираклій II желалъ вступить подъ покровительство Россіи. Документъ этотъ, имѣющійся при дѣлѣ въ подлинникѣ и въ переводѣ, не разнится въ существенныхъ чертахъ отъ договора, заключеннаго между Иракліемъ II и Екатериной II, спустя девять лѣтъ, въ 1783 году (см. ниже № XVII). При этомъ было представлено заявленіе со стороны царицы Даріи или Дареджанъ, супруги Ираклія и сестры

владѣтеля Мингреліи Каціи Дадіани, что и братъ ея желаетъ вступить подъ покровительство Россія. Отвѣтъ императрицы былъ неопредѣленный. Тутъ же имѣются свѣдѣнія объ обратномъ путешествіи этихъ пословъ и о прибытіи ихъ въ Тифлисъ, о чемъ Ираклій II извѣщаетъ Петербургскій кабинетъ, прибавляя при этомъ, что Турки Персіяне и Лезгины готовятся напасть и разорить Грузію.

XVII. „Грузія 1774—1804 г." Въ этой объемистой связкѣ имѣются: грамоты, указы, рескрипты, договоры, трактаты, письма, рапорты и прочія бумаги, таковы: 1774 г. Письма графа Панина къ царю Ираклію II; 1783 г. Письма царя Ираклія императрицѣ Екатеринѣ II; 1783 г. Договоръ черновой, писанный рукою графа Безбородко, со многими помарками и замѣтками. Договоръ этотъ, какъ извѣстно, былъ заключенъ между царемъ Иракліемъ II и императрицей Екатериною II и подписанъ представителями ихъ, княземъ Потемкинымъ, съ одной стороны, а съ другой—княземъ Гарсеваномъ Чавчавадзе и княземъ Иваномъ Багратіономъ-Мухранскимъ въ городѣ Георгіевскѣ 24-го іюля 1783 г. Оригиналъ этого договора, съ русскимъ переводомъ, имѣется тутъ же въ архивѣ. Онъ писанъ грузинскими церковными буквами на пергаментѣ in-folio, на четырехъ листахъ; тутъ же имѣется „полномочіе" на грузинскомъ языкѣ, данное царемъ Иракліемъ II кн. Г. Чавчавадзе и Ив. Багратіону-Мухранскому на подписаніе этого договора, который уже напечатанъ на русскомъ и грузинскомъ языкахъ; два экземпляра его имѣются и въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, со списками князей и дворянъ грузинскихъ, которые должны были пользоваться такими же правами и въ Россіи. Содержаніе этого договора подробно передано г. Дубровинымъ въ его сочиненіи: „Закавказье отъ 1803—1806 г." (С.-Пб. 1866, стр. 11—12). Какъ я замѣтилъ выше (см. № XXVI), сущность этого договора мало разнится отъ содержанія проекта договора, представленнаго Екатеринѣ II отъ имени царя Ираклія II посланниками его, католикосомъ Антоніемъ I и царевичемъ Леономъ въ 1774 году. Далѣе, въ этой же связкѣ находимъ подъ 1784 г. грамоты, съ русскимъ переводомъ, къ императрицѣ Екатеринѣ II отъ имеретинскаго царя Давида и его народа, и письма этого же царя къ вице-канцлеру графу Остерману; 1785 г. Собственноручныя письма царя Ираклія II и супруги его царицы Даріи (Дареджанъ) къ императрицѣ Екатеринѣ II; 1785 г. Два рескрипта императрицы Екатерины II къ царю Имеретинскому; 1793—1794 г. Бумаги, касающіяся

до пріѣзда и отправленія обратно грузинскаго посланника князя Гарсевана Чавчавадзе.

XVIII. „1800—1804 г. Донесенія и рапорты статскаго совѣтника Коваленскаго къ императору Александру и графамъ Ростопчину и Панину; 1802 г. Рескриптъ Коваленскому и письма грузинскимъ царевичамъ и Дадіану; 1802—1803 г. Переписка графа Мусина-Пушкина съ графомъ Воронцовымъ; 1804 г. Письма Имеретинскаго царя къ царицѣ (матери); Аудіенція имеретинскаго посла князя Леонидзе у императора Александра I; записки, ноты и грамоты, данныя имеретинскому послу.

№ XIX. „Посольство князя Гарсевана Чавчавадзе съ 1784 по 1799 годъ". Нижепоименованныя „дѣла" заключаютъ въ себѣ массу свѣдѣній о жизни и дѣятельности кн. Г. Чавчавадзе, которому суждено было играть весьма важную роль въ исторіи своей страны. Кахетинскій помѣщикъ, кн. Г. Чавчавадзе былъ въ 80-хъ годахъ прошедшаго столѣтія „правителемъ" мусульманскихъ провинцій, принадлежавшихъ Грузіи, Казахъ-Борчало, съ придворнымъ званіемъ мандатуртъ-ухуцеси, или генералъ-адъютанта царя Ираклія II. По отзыву современниковъ, онъ былъ однимъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени. Въ качествѣ одного изъ грузинскихъ делегатовъ онъ подписалъ договоръ 1783 г. въ Георгіевскѣ (см. выше № XVIII). Онъ же былъ назначенъ, въ силу этого же договора, представителемъ Грузинскаго царя при Петербургскомъ дворѣ. Въ качествѣ „полномочнаго министра" (какъ онъ самъ подписывается на имѣющихся документахъ), онъ оставался въ Петербургѣ въ теченіе 18 лѣтъ, какъ представитель двухъ царей Грузинскихъ, сначала Ираклія II, а затѣмъ, послѣ смерти его въ 1798 году, Георгія XII, то-есть, съ 1784 по 1802 годъ, слѣдовательно, при Екатеринѣ II, Павлѣ и Александрѣ I. Въ теченіе этого времени кн. Чавчавадзе не разъ уѣзжалъ изъ Петербурга въ Грузію съ важными порученіями. Въ Петербургѣ онъ былъ окруженъ почетомъ, подобающимъ его высокому званію и положенію. Здѣсь же родился у него сынъ Александръ, котораго крестила императрица Екатерина II. Александръ получилъ прекрасное европейское образованіе, дѣлалъ кампанію 1812 года, занималъ высокіе административные посты и занимался литературой; его грузинскіе стихи дышатъ неподдѣльною поэзіей, онъ переводилъ также не мало: Вольтера, В. Гюго, Пушкина и другихъ. Одну изъ своихъ дочерей выдалъ за поэта и посланника нашего при Персидскомъ дворѣ Грибоѣдова, такъ трагически и безвременно погибшаго, вторую за владѣтеля Мин-

греліи Давида Дадіани, а третью—за барона А. П. Николаи, бывшаго министра народнаго просвѣщенія. Свѣдѣнія, имѣющіяся въ дѣлахъ архива, о которыхъ идетъ рѣчь, рисуютъ намъ кн. Гарсевана Чавчавадзе человѣкомъ вполнѣ преданнымъ интересамъ своей родины, но въ то же время ясно сознающимъ тяжелое, критическое положеніе Грузіи въ концѣ XVIII столѣтія.

Дѣло, котораго заглавіе мы выписали выше, содержитъ въ себѣ слѣдующіе документы: 1) О пріѣздѣ и обратномъ отправленіи посольства кн. Чавчавадзе со свитою съ 1784—1788 годъ. 2) О пріѣздѣ грузинскаго посланника кн. Чавчавадзе къ Высочайшему двору, о пребываніи его здѣсь по 1797 годъ и отлучкѣ его въ Грузію на время. 3) Пребываніе кн. Чавчавадзе у высочайшаго двора съ 1797—1798 годъ; передача чрезъ него писемъ Грузинскаго царя и царицы и его донесенія государю и министерству. 4) Прошеніе грузинскаго царевича Георгія Ираклієвича объ утвержденіи его на грузинскомъ престолѣ. Отправленіе кн. Чавчавадзе въ Грузію съ утвердительною грамотой на имя царевича Георгія и отвѣтнымъ письмомъ отъ Государя Императора съ 1798--1799 г.

XIX. Пакетъ или книга подъ № 455; „Грузія—переписка грузинскихъ князей, царей и владѣльцевъ съ императорскимъ дворомъ съ 1793—1799 г.“ Содержаніе этого пакета: 1) 1798 г. отправленіе курьера въ Георгіевскъ къ графу Маркову по грузинскимъ дѣламъ. 2) Разныя бумаги и свѣдѣнія о Грузіи. 3) 1798—1799 г. Письма и прошенія царя Георгія XIII (XII) и высочайшіе рескрипты къ нему. 4) Прошенія къ ея величеству отъ Грузинскаго царя Ираклія II и царевича Миріана, равно письма къ министерству относительно охраненія Грузіи, въ силу договора 1783 года, отъ готовящагося нашествія Персидскаго шаха Аги-Магомедъ-Хана, 1793—1796 г. Тутъ же имѣется подлинный фирманъ шаха къ царю Ираклію II, въ которомъ Ага-Магомедъ-Ханъ совѣтуетъ ему отказаться отъ союза съ Россіей, а въ противномъ случаѣ угрожаетъ полнымъ разореніемъ Грузіи, фирманъ этотъ in-folio писанъ по персидски, но имѣется тутъ же и русскій переводъ. 5) Прошенія Грузинскаго царя Ираклія II о защитѣ его царства отъ приближающагося Аги-Магомедъ-Хана и донесенія его по этому же поводу главнокомандующему на Кавказской линіи, генералъ-аншефу гр. Гудовичу въ 1795 году.

Эти документы даютъ самыя полныя и подробныя свѣдѣнія о нашествіи Аги-Магомедъ-Хана на Грузію въ 1795 году и о диплома-

тическихъ сношеніяхъ по этому поводу, происходившихъ между Грузіей и Россіей.

XX. Дѣло 1795 года, подъ № 19, содержитъ въ себѣ: 1) Грузинскій подлинникъ въ листъ съ русскимъ переводомъ „донесенія“ кн. Г. Чавчавадзе, вѣроятно, министерству иностранныхъ дѣлъ, помѣченное 23 ноября 1795 г. С.-Петербургъ. Въ немъ кн. Г. Чавчавадзе, въ качествѣ грузинскаго посланника, доноситъ, что шахъ Ага-Магомедъ-Ханъ, разоривъ Грузію и разрушивъ Тифлисъ, отступилъ къ Дагестану, но какъ слышно, зимою намѣренъ снова возобновить свое опустошительное нашествіе на Грузію и истребить все, что̀ еще осталось въ ней живаго, посему и „по долгу службы и какъ сынъ своей земли“, проситъ послать хотя бы „два полка“ русскаго войска на защиту союзной Грузіи, и, что въ случаѣ если ихъ задерживаетъ трудность зимней дороги черезъ Кавказскія горы, то онъ самъ готовъ сопровождать войска и перевезти ихъ черезъ горы здравыми и невредимыми. 2) Traduction du mémoire, presenté de la part de Murtéza-Kouli-Han contenant la narration de tout ce qui est arivé, ecrit le decembre 1795. Эта объемистая французская записка есть переводъ, надо полагать, съ персидскаго подлинника, котораго въ дѣлѣ не оказывается. Въ ней мы находимъ подробныя и драгоцѣнныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Персіи и въ закавказскихъ мусульманскихъ провинціяхъ въ концѣ прошедшаго столѣтія, о судьбѣ русскихъ плѣнныхъ, уведенныхъ въ Персію, и наконецъ, весьма подробный разказъ о возвышеніи Аги-Магомедъ-Хана и объ его завоеваніяхъ. 3) Выписка по персидскимъ дѣламъ изъ донесеній отъ ¹⁶/₂₇-го сентября 1794 года находившагося въ Царьградѣ посланника Кочубея. Въ этой выпискѣ мы находимъ подробное описаніе тогдашняго политическаго броженія въ Персіи и безпокойства Турціи и Грузіи, по поводу появленія на сценѣ персидской исторіи Аги-Магомедъ-Хана, быстраго возвышенія и усиленія его, и наконецъ, провозглашенія себя шахомъ Персидскимъ. Къ донесенію посланника Кочубея приложены копіи на французскомъ языкѣ писемъ, полученныхъ имъ отъ своихъ агентовъ изъ Діарбекира, Багдада и другихъ мѣстъ Малой Азіи. Письма эти рисуютъ намъ живо и наглядно тогдашній политическій горизонтъ Персіи и сосѣднихъ странъ, равно даютъ намъ ключъ къ уразумѣнію причинъ быстраго возвышенія и громадныхъ успѣховъ въ предпріятіяхъ шаха-евнуха Аги-Магомедъ-Хана.

А. Цагарели.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Новыя изслѣдованія о буддизмѣ [1]).

The sacred Books of the East, translated by various oriental scholars and edited by *F. Max-Muller*. Vol. I, X, XII (Священныя книги востока, переведенныя разными оріенталистами и изданныя *Максъ-Мюллеромъ*. Томы I, X и XII). Oxford. 1879—1881.

V.

Послѣдніе годы въ исторіи индійской филологіи были отмѣчены многими весьма важными находками: отысканы рукописи очень древнія, считавшіяся утраченными, приведены въ извѣстность надписи, драгоцѣнныя по своему содержанію, открыты многіе архитектурные памятники и прекрасно описаны. Одно обстоятельное перечисленіе всѣхъ этихъ находокъ заняло бы нѣсколько страницъ, что̀ не входитъ въ задачу настоящей статьи, посвященной исключительно описанію одной только археологической находки; сдѣлана она была нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ англійскимъ нумизматомъ и археологомъ Кеннингэмомъ.

Памятникъ, о которомъ будетъ сдѣлано далѣе нѣсколько болѣе или менѣе обширныхъ замѣтокъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ высказанному въ предшествующихъ статьяхъ—единственный въ своемъ родѣ. Онъ выдѣляется изъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ нынѣ старо-индійскихъ архитектурныхъ памятниковъ—не своею особливою красотою и изяществомъ, не можетъ почитаться самымъ древ-

[1]) См. октябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1882 г.

нимъ и не поражаетъ грандіозностью замысла и трудностью выполненія, то-есть, именно тѣмъ, что составляетъ наиболѣе характерную черту въ древне-индійской архитектурѣ. Важенъ онъ и съ него, быть можетъ, слѣдуетъ начинать изученіе не только буддійской архитектуры но и буддійской религіи,— потому, что въ его барельефахъ и образахъ мы имѣемъ какъ бы нѣкоторый ключъ къ уразумѣнію многаго, что оставалось до открытія Бхархутской ступы совершенно непонятнымъ.

Вся Индія, какъ это давно извѣстно, покрыта архитектурными памятниками древними, болѣе поздними и новыми. Оригинальные по красотѣ и стилю, грандіозные по основному смѣлому замыслу и отчетливому выполненію, эти величавые остатки прошлаго разказываютъ современнымъ изслѣдователямъ блестящую исторію народнаго творчества на протяженіи двадцати слишкомъ вѣковъ.

Всѣ памятники, за немногими и неважными исключеніями— религіозные. Монолиты, чудовищные въ своихъ размѣрахъ, обращенные въ храмы, монастырскіе чертоги, выдолбленные въ гранитныхъ скалахъ, раскинулись на огромныхъ пространствахъ, или галлереями вытянулись на протяженіи нѣсколькихъ верстъ; ихъ стѣны и плафоны, разукрашенные тонкою изящною скульптурою и блестящими фресками, все это какъ бы правдивая и живая въ своемъ образномъ изложеніи повѣсть о религіозномъ экстазѣ индійскаго народнаго генія, наглядное выраженіе въ гранитѣ благочестиваго подвига, полнаго самоотреченія, того подвига, что воспѣтъ и прославленъ Индусомъ въ многочисленныхъ сагахъ и легендахъ.

Индусъ, обращавшій скалу въ многоэтажный храмъ, рѣзцемъ испещрявшій его стѣны, былъ сынъ того же народа, который умилялся и понынѣ умиляется житіями своихъ святыхъ, бѣжавшихъ отъ жизни и въ порывѣ безграничнаго милосердія отдававшихъ свое тѣло въ утоленіе голода лѣснаго хищника. Стремленіе къ вѣчному, неопредѣляемому ничто или абсолютному духу, этотъ идеалъ земной дѣятельности человѣка на индійской почвѣ нашелъ себѣ выраженіе не только въ религіозныхъ эпопеяхъ о подвигахъ боговъ и святыхъ; несокрушимая временемъ скала, долотомъ преображенная въ храмъ, повѣствуетъ о тѣхъ же помыслахъ, о томъ же отрицательномъ отношеніи къ земной юдоли.

Поражая величавостью выполненія, беззавѣтностью подвига строителей, эти памятники важны для историка и въ другомъ отношеніи. Помимо, быть можетъ, сознательной воли строителей-энтузіастовъ,

на памятникахъ, запечатлѣнныхъ идеею религіознаго экстаза и отрицаніемъ жизни, выразились всѣ мелочи ихъ скорбной обыденной жизни. Ихъ стѣны покрыты надписями, скульптурными украшеніями, живописью, и во всемъ этомъ сохранились не только живыя и образныя представленія о религіи, но и масса мелочныхъ деталей о нравахъ, обычаяхъ и цивилизаціи древнихъ Индусовъ.

Казалось бы, стоило только хорошенько вчитываться да вглядываться, и здѣсь нашлось бы много поучительнаго, много такого, чего не сохранили литературные памятники. Но для разбора этого поучительнаго представлялись трудности не только значительныя, но и весьма часто непреодолимыя. Передъ глазами проносились фигуры, полныя изящества, чудовищные образы, выступали изображенія какихъ-то сценъ, на гранитѣ повѣствовалось о какихъ-то событіяхъ и лицахъ. Но къ уразумѣнію всего этого не было ключа; въ литературныхъ источникахъ изслѣдователь не находилъ поясненія тому, что̀ онъ видѣлъ высѣченнымъ на гранитѣ.

Но вотъ былъ найденъ въ 1874 году памятникъ очень старый, съ массою скульптурныхъ изображеній. И почти на каждомъ изображеніи была пояснительная надпись, вырѣзанная, быть можетъ, самимъ артистомъ. Памятникъ этотъ былъ открытъ Кеннингэмомъ и извѣстенъ подъ именемъ Бхархутской ступы.

Это—компендіумъ буддизма, книга, изсѣченная на гранитѣ, правда, безъ многихъ листовъ, съ нѣкоторыми страницами, только отчасти разобранными,—но цѣнность и значеніе книги отъ этого нисколько не умаляются. Уже то, что̀ сохранилось изъ нея и можетъ быть разобрано и истолковано въ настоящее время, представляетъ матеріалъ, достаточный для довольно полной картины развитія буддизма въ опредѣленную эпоху. Вмѣстѣ съ успѣхами буддійскихъ изслѣдованій выяснится еще болѣе значительность Кеннингэмовой находки, а пока этотъ памятникъ съ его барельефами и надписями представляется для историка буддизма единственнымъ въ своемъ родѣ.

Каковъ же этотъ памятникъ, именуемый Бхархутскою ступою? Когда онъ былъ сооруженъ и кѣмъ разрушенъ?

VI.

Бхархутскій памятникъ принадлежитъ къ разряду буддійскихъ священныхъ сооруженій, обыкновенно называемыхъ ступами. По своему внѣшнему виду онъ напоминаетъ наши курганы, а по своему

назначенію ступа была мѣстомъ молитвеннымъ; то былъ громадный алтарь, обнесенный оградою съ роскошными вратами; онъ былъ воздвигнутъ подъ открытомъ небомъ, быть можетъ, надъ какою-либо святынею, или же въ мѣстѣ святѣ по преданію о какомъ-либо чудесномъ дѣяніи кого-нибудь изъ буддійскихъ святыхъ. Почему именно, надъ какою святынею была сооружена Бхархутская ступа — вопросъ объ этомъ пока долженъ оставаться нерѣшеннымъ.

Съ внѣшней стороны ограда, колонны вратъ, различные столбы покрыты образами. На гранитныхъ барельефахъ съ пояснительными надписями живописуются и культъ, и буддійская космологія, догматическія представленія о спасителѣ міра, то-есть, о великомъ буддійскомъ Учителѣ, его многовѣковая исторія и т. д.

Ничего неизвѣстно о томъ, кто задумалъ и началъ сооруженіе массивнаго и грандіознаго алтаря, но можно думать, что онъ былъ сооруженъ не съ разу и объ его благолѣпіи и украшеніяхъ заботились многіе вѣрующіе буддисты. На основаніи нѣкоторыхъ палеографическихъ данныхъ Кеннингэмъ съ большимъ вѣроятіемъ опредѣлилъ начало построенія ступы [1]).

Палеографическія данныя, не давая вполнѣ точнаго отвѣта на вопросъ о времени первоначальнаго сооруженія, содержатъ, однакоже, нѣсколько весьма важныхъ указаній: фигуры, что̀ уже было упомянуто, покрыты надписями; онѣ или поясняютъ зрителю то, что̀ живописуется на камнѣ, или же разказываютъ о томъ, кто сдѣлалъ приношеніе святому мѣсту. Хронологическихъ датъ въ этихъ надписяхъ нѣтъ, но самаго бѣглаго обозрѣнія ихъ вполнѣ достаточно для того, чтобы прійдти къ убѣжденію, что азбука надписей та же самая, что и въ эдиктахъ царя Асоки. Если бы можно было сказать съ нѣкоторою увѣренностью, когда именно эта форма начертанія буквъ вышла изъ употребленія и замѣнилась новою, то, само собою разумѣется, зная таковой фактъ, изслѣдователь былъ бы поставленъ въ возможность опредѣлить съ приблизительною точностью и время бхархутскихъ образовъ.

Кеннингэмъ полагаетъ, что уже за полтораста лѣтъ до Р. Х. въ Индіи вышла изъ общаго употребленія азбука древнѣйшая, временъ Асоки, и появилась новая, видоизмѣненная въ своихъ начертаніяхъ. По своимъ надписямъ образа поэтому должны быть отнесены къ эпохѣ предшествующей, то-есть, по мнѣнію Кеннингэма, ко времени не позд-

---

[1]) The Stûpa of Bharhut, стр. 15 и слѣд.

нѣе двухсотъ лѣтъ до Р. Х. Строгой точности, несомнѣнно, невозможно, да и не слѣдуетъ искать въ выводахъ, построенныхъ на данныхъ, взятыхъ изъ области индійской палеографіи, до сихъ поръ далеко недостаточно изученной.

Весьма возможно, что знаменитый археологъ и нумизматъ, обозначая съ такою опредѣленностью эпоху начальнаго построенія памятника, впадаетъ въ нѣкоторую ошибку. Ступа могла быть сооружена за двѣсти лѣтъ до Р. Х., но съ такимъ же вѣроятіемъ можно было предположить, что стали ее строить и украшать лѣтъ пятьдесятъ позднѣе; во всякомъ случаѣ, памятникъ существовалъ до Р. Х., и притомъ во времена ближайшія къ царствованію Асоки. Отъ эпохи болѣе поздней и ближайшей къ началу нашей эры имѣются надписи временъ индо-скиѳскаго владычества въ Индіи. Эти надписи, а также найденныя въ пещерахъ западной Индіи, напримѣръ, въ Насикѣ, въ Карли, въ начертаніяхъ буквъ представляютъ такія видоизмѣненія азбуки, которыя не встрѣчаются ни въ надписяхъ Асоки, ни въ бхархутскихъ.

Такимъ образомъ, на основаніи соображеній о хронологическомъ отношеніи азбуки бхархутскихъ надписей къ болѣе позднимъ формамъ, можно съ большимъ вѣроятіемъ предполагать, что первоначальное сооруженіе Бхархутской ступы имѣло мѣсто не ранѣе двухсотъ лѣтъ до Р. Х. и не позднѣе ста лѣтъ до Р. Х., то-есть, въ промежутокъ времени между эпохой Асоки Великаго и началомъ индо-скиѳскаго владычества въ Индіи. Противъ этого предположительнаго опредѣленія эпохи сооруженія ступы можно было бы возразить, и дѣйствительно высказывалось одно возраженіе: азбука бхархутскихъ надписей — дѣйствительно та же самая архаическая, что и въ эдиктахъ Асоки; но архаическая азбука временъ великаго покровителя буддизма легко могла получить съ теченіемъ времени какъ бы священный характеръ и употребляться въ силу этого въ надписяхъ священныхъ мѣстъ даже послѣ того, какъ въ жизни ее замѣнила иная, видоизмѣненнаго начертанія.

Само собою разумѣется, разъ будетъ доказано, что архаическая азбука, которою писаны бхархутскія надписи, имѣла священный характеръ, и что ея употребленіе для надписей въ молитвенныхъ мѣстахъ почиталось благоприличнымъ, и быть можетъ даже, въ нѣкоторыхъ странахъ и въ извѣстную эпоху безусловно необходимымъ, тогда палеографическія данныя утрачиваютъ всякое значеніе въ

разсматриваемомъ вопросѣ о времени первоначальнаго сооруженія Бхархутской ступы.

Но ни такой характеръ архаической азбуки, а тѣмъ болѣе такое употребленіе ея не доказаны; факты, подтверждающіе предположеніе объ употребленіи азбуки временъ Асоки, какъ священной въ молитвенныхъ мѣстахъ, пока не извѣстны.

Надписи въ Бхархутѣ, очевидно, не были начертаны ради украшенія; ихъ цѣль была практическая—или пояснить зрителю содержаніе образа, или же прославить между молельщиками имя того, кто сдѣлалъ посильный вкладъ святому мѣсту. Неестественно думать, чтобы кто-либо, преслѣдуя такую чисто-практическую цѣль, обратился къ азбукѣ архаической, уже вышедшей изъ общаго употребленія, а потому и непонятной большинству; надписи сочинялись на языкѣ, понятномъ массѣ, и конечно, изсѣкавшій едва ли могъ стараться о томъ, чтобы скрыть общедоступный смыслъ подъ полузабытыми или совершенно забытыми начертаніями.

Но здѣсь совершенно естественно можетъ возникнуть вопросъ: въ тѣ отдаленныя времена въ Индіи могла ли существовать такая практическая необходимость? Имѣли ли въ виду бхархутскія надписи массу приходившихъ поклоняться святымъ? Для нихъ ли онѣ были начертаны?

Преслѣдованіе такой цѣли предполагаетъ значительное распространеніе грамотности въ народѣ. Одно существованіе эдиктовъ Асоки, наставленій, обращенныхъ къ народу, уже должно было рѣшать эти вопросы въ положительномъ смыслѣ.

Болѣе новыя открытія Кеннингэма еще убѣдительнѣе доказываютъ распространеніе грамотности въ древней Индіи. Около Буддха-Гаи, въ Матхурѣ были найдены столбы, отмѣченные буквами; буквы эти были знаками для каменьщиковъ, указаніями для распредѣленія столбовъ въ извѣстномъ порядкѣ. Очевидно отсюда, что грамотность была распространена среди каменьщиковъ принадлежавшихъ въ соціальномъ строѣ древней Индіи къ подонкамъ общества [1]). Если же каменьщики въ древней Индіи умѣли читать, то начертавшій надписи на бхархутскихъ образахъ смѣло могъ разчитывать на современныхъ ему читателей, принадлежавшихъ къ болѣе высокимъ кастамъ. Для нихъ онъ и дѣлалъ на образахъ пояснительныя приписки; чертилъ

---

[1]) *Bühler*, въ *The J. of R. As. Soc.*, vol XIV, стр. 339; *Cunningham*, Archaeol. Survey, III, 21.

ихъ на языкѣ своего времени, и азбукою бывшею въ то время въ обращеніи. Образа существовали и имъ молились очень долгое время. Бхархутская ступа, начавшая сооружаться во второмъ вѣкѣ до Р. Х., существовала и украшалась въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Буддизмъ держался тутъ болѣе тысячи лѣтъ. Вмѣстѣ съ древнимъ сооруженіемъ, въ томъ же мѣстѣ открытъ средневѣковой буддійскій храмъ съ колоссальною статуей Будды и другими меньшими изображеніями. По стилю архитектуры храмъ можетъ быть отнесенъ съ большимъ вѣроятіемъ къ началу XI вѣка по Р. Х.

О времени разрушенія Бхархутской ступы ничего не извѣстно. Невѣдомо, кто разрушилъ святыню: побывалъ ли здѣсь мусульманинъ или иной какой врагъ положилъ конецъ буддійской святынѣ, или же святыня, оставленная вѣрующими, постепенно и мало по малу приходила въ запустѣніе.

О времени разрушенія сосѣднихъ буддійскихъ святынь, напримѣръ, Бхилсы, есть болѣе или менѣе достовѣрныя извѣстія, и совершенно невѣроятно, чтобы Бхархутъ пережилъ ихъ долгое время.

Въ XIII вѣкѣ Бхилса разорялась мусульманами нѣсколько разъ: въ 1234 дельійскій султанъ Шамсъ-уддинъ послалъ свои войска въ Малву. Городъ и крѣпость Бхилса были взяты и разрушены, не пощажены были и святыни. Той же участи подвергся городъ Ужжаини. Отсюда мусульмане вывезли множество священныхъ изображеній: каменную статую бога Махâкâлы, статую знаменитаго царя Викрамадитья; множество мѣдныхъ истукановъ было свезено въ Делги.

Въ концѣ XIII в. Бхилса разоряется мусульманами еще разъ. Отсюда Ала-уддинъ награбилъ и свезъ въ Делги многое множество бронзовыхъ статуй. Въ Делги правовѣрные попирали ногами индусскія святыни.

Этотъ походъ, по словамъ историка-мусульманина, былъ ужасенъ для Индусовъ: Ала-уддинъ шелъ въ сады Берара, окрашивая землю кровью; жители при его приближеніи хоронились и прятались какъ муравьи въ землю. Онъ расчистилъ себѣ путь въ Ужжаини, не щадилъ святынь, розыскивая ихъ всюду; вытаскивалъ спрятанныхъ идоловъ со дна рѣки и предавалъ ихъ поруганію, Наполнивъ ужасомъ всю страну онъ покорилъ ее своей власти [1]).

Въ одинъ изъ этихъ ужасныхъ набѣговъ, вѣроятно, очередь дошла

[1]) *Elliot*, History, II, 328, III, 148, 543.

и до Бхархута: точно также какъ въ Ужжаини или въ Бхилсѣ, и здѣсь похозяйничалъ мусульманскій фанатизмъ. Время завершило остальное: отъ нѣкогда богатаго монастыря остались разграбленная ступа да полуразрушенная часовня.

VII.

Бхархутская ступа находится почти на полпути между Аллахабадомъ и Жабалпуромъ, въ 120 миляхъ на юго-западъ отъ перваго и въ 112 миляхъ отъ послѣдняго города; ступа расположена въ двухъ миляхъ къ востоку отъ желѣзной дороги, между двумя станціями Сатна и Учахара [1]).

Мѣстное преданіе утверждаетъ, что нѣкогда здѣсь стоялъ большой городъ; мѣстные жители называютъ его Бхайроппуромъ. По ихъ словамъ, онъ простирался на двѣнадцать косъ, то-есть, приблизительно на 24 англ. мили; даже теперешняя станція Учахара входила въ составъ этого стараго города, также какъ и всѣ окружающія въ настоящее время ступу деревни были кварталами и частями исчезнувшаго города.

Мѣстные жители въ доказательство преданія указываютъ на громадные кирпичи, разсѣянные всюду въ этой мѣстности. Кирпичи по своимъ размѣрамъ показались и Кеннингэму древняго происхожденія. Онъ отмѣчаетъ, что вся почва вокругъ ступы, на протяженіи по крайней мѣрѣ одной мили въ длину и около полмили въ ширину, покрыта изломанными кирпичами и горшечными осколками.

Существованіе въ древности многихъ сооруженій вокругъ ступы не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но о древней географіи этой части Индіи, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Кеннингэмъ,—извѣстно мало, а потому въ настоящее время, при наличномъ количествѣ историко-географическихъ свѣдѣній всякая попытка отожествлять Бхархутъ или Бхайроппуръ съ какимъ-либо мѣстомъ, упоминаемымъ у старинныхъ писателей, будетъ большою смѣлостью и можетъ показаться безполезною.

При взглядѣ на карту бросается въ глаза одно весьма вѣрное обстоятельство: развалины находятся какъ бы въ центральномъ пунктѣ цѣлой серіи буддійскихъ святынь. Въ неравномѣрномъ разстояніи

[1]) *Cunningham*, The Stûpa of Bharhut, стр. 1. и сл.; Archaeol. Survey, vol. IX, стр. 2.

отъ Бхархута расположены Ужжаини, Бхилса, Санчи, Матхура, Каусамби, Пайтанъ; къ юго-западу на сотни миль тянутся группы пещерныхъ храмовъ и монастырей; все мѣста знаменитыя въ буддійской исторіи.

Находясь въ кругу буддійскихъ знаменитыхъ святыхъ, эта ступа, расположенная въ узкой долинѣ р. Махіяръ, была выстроена въ мѣстѣ бойкомъ: извѣстно, что торговый путь отъ Борюгазы къ Паталипутрѣ лежалъ на Ужжаини. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этою то большою дорогой, по которой слѣдовали караваны съ товарами дальнихъ сѣверо-восточныхъ странъ для не менѣе отдаленнаго запада, пріютился подъ открытымъ небомъ, на глазахъ у всѣхъ Бхархутскій алтарь, разукрашенный массою образовъ съ пояснительными надписями. Эти толкованія на образахъ были тутъ точно для того чтобы всякій прохожій могъ понимать содержаніе живописуемаго. Барельефы служили какъ бы наглядною проповѣдью для всего этого люда, слѣдовавшаго съ китайскими шелками и индійскими драгоцѣнностями къ Борюгазѣ или другимъ пристанямъ, торговавшимъ съ западнымъ міромъ.

Буддизмъ однакоже, не здѣсь имѣлъ свою колыбель, хотя именно тутъ въ древней странѣ Аванти, и южнѣе въ странѣ Махараштра сохранились во множествѣ образцы стариннаго архитектурнаго творчества, памятники, выдающіеся по красотѣ и изяществу выполненія. Когда же пришли сюда буддисты, называвшіе себя въ древности сакискими сынами?

VIII.

Задолго до появленія македонскихъ воиновъ на берегахъ Инда, въ глубинѣ восточнаго Индустана, въ недалекомъ разстояніи отъ подножія Гималаевъ, умеръ одинъ изъ величайшихъ аскетовъ и святителей Индіи. Онъ умеръ, но его дѣятельность не прошла безслѣдно для міра. Ученіе, завѣщанное имъ своимъ послѣдователямъ, не погибло и уже до начала христіанской эры проникло въ отдаленныя страны за Гималаи и за Гиндукушъ, а еще позднѣе завоевало не только большую часть азіатскаго материка, но успѣло распространиться по многимъ островамъ Индійскаго океана.

Кто же былъ этотъ міродержавный учитель, нынѣ чтимый какъ богъ милліонами разноязычныхъ и разноплеменныхъ людей, народами разныхъ расъ?

Легендъ и сказаній о его жизни и дѣятельности—необозримая

масса. Разказы объ его жизни, проповѣди, о его чудесахъ и хожeніяхъ по обширной Индіи дошли до насъ въ оригиналахъ и въ переводахъ на разныхъ языкахъ народовъ, понынѣ исповѣдующихъ буддизмъ. Но, не смотря на массу сказаній о жизни буддійскаго первоучителя, вопросъ объ исторической личности мудреца изъ рода Сакьевъ, отъ котораго ведетъ начало буддизмъ, остается по сіе время открытымъ.

Всѣ разказы переполнены легендарными подробностями, чертами не правдоподобными или же въ высшей степени невѣроятными; научному біографу великаго Учителя предстоитъ имѣть дѣло съ источниками, неисторическій характеръ которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія. И въ виду этого матеріала изслѣдователь всего легче можетъ прійдти къ безусловно-отрицательному выводу, то-есть, объявить всѣ источники не заслуживающими никакого довѣрія, и такимъ образомъ вопросъ жизни исторической личности мудреца изъ роду Сакьевъ будетъ какъ бы устраненъ, а не рѣшенъ. Великая личность окажется объятою такимъ сумракомъ легендъ и вымысловъ, прояснить который не возможно, по недостатку средствъ: научная критика должна по необходимости отказаться отъ разсмотрѣнія этихъ источниковъ. Ихъ характеръ исключаетъ всякую возможность историко-критическаго отношенія къ нимъ. Или тотъ же изслѣдователь сдѣлаетъ попытку отнестись къ подлежащимъ ему источникамъ съ нѣкоторымъ довѣріемъ: онъ выдѣлитъ изъ нихъ весь легендарный матеріалъ, устранитъ изъ нихъ все, что̀, по его мнѣнію, невѣроятно и неправдоподобно, и прочистивъ такимъ образомъ свои источники, на основаніи фактовъ по своей видимости достовѣрныхъ создастъ образъ и подобіе учителя и аскета. Въ результатѣ, дѣйствительно, получится разказъ весьма правдоподобный о романической жизни личности, весьма привлекательной по основнымъ чертамъ своего характера [1]).

Но затѣмъ, совершенно естественно у самаго изслѣдователя долженъ же возникнуть вопросъ: въ моемъ разказѣ, сочиненномъ съ помощью такихъ незамысловатыхъ критическихъ пріемовъ, есть-ли хотя бы небольшая доля исторической истины? Излагаю-ли я правдивую повѣсть о жизни исторической личности, или только сочиняю правдоподобный, типическій образъ индійскаго аскета и проповѣдника, рисую типъ, правдивость, вѣрность котораго можно провѣрить и въ наши дни, приглядываясь къ образамъ факировъ и подвижниковъ, бродящихъ по Индіи?

---

[1]) Такую попытку сдѣлалъ *Ольденбергъ* въ своей книгѣ: Buddha, Sein Leben etc.

Отвѣчать отрицательно на этотъ послѣдній вопросъ то-есть, признать историческую вѣрность нарисованнаго типа, нѣтъ никакихъ основаній. Въ данныхъ для правдивой біографіи буддійскаго первоучителя всего менѣе личныхъ подробностей: правдоподобны и вѣроятны въ сказаніяхъ тѣ факты, которыми обрисовывается намъ не историческая индивидуальность, а общій типъ индійскаго аскета и подвижника.

По поводу тѣхъ же легендъ и разказовъ высказывались мнѣнія совершенно противоположныя [1]: эти разказы и легенды не суть жизнеописанія съ примѣсью легендарныхъ вымысловъ; они — ничто иное, какъ эпическое прославленіе нѣкоего миѳологическаго и божественнаго типа. Всѣ событія, разказанныя въ легендахъ, истинны, но не исторически вѣрны; разказанныя событія и факты принадлежатъ не исторіи, а естественной миѳологіи. Вѣдать и толковать ихъ должна не историческая критика, а миѳологическая интерпретація. Будда въ легендахъ есть солярный миѳъ.

Между крайнимъ отрицаніемъ всякаго значенія легендъ для исторіи буддійскаго первоучителя и попыткой отнестись къ нимъ съ историко-критической точки зрѣнія есть, такимъ образомъ, еще третье направленіе, миѳологическое; интерпретируя миѳологическія подробности, вплетенныя въ канву первичныхъ разказовъ о жизни аскета и мыслителя, миѳологи думаютъ разгадать этимъ путемъ, какъ смыслъ буддійской легенды, такъ и самый процессъ ея развитія.

Подбирая въ тѣхъ же разказахъ біографическія подробности о своемъ героѣ, историкъ великаго мудреца весьма легко забываетъ, что уже въ старѣйшей по времени общинѣ, той общинѣ, которая была хранительницею древнѣйшаго преданія объ Учителѣ, ясно сказывается своеобразное, чисто-индійское отношеніе къ личности Учителя: послѣдователи не только благоговѣйно чтили его память, но и молились своему Учителю... Онъ сталъ объектомъ религіознаго отношенія весьма рано, а вслѣдствіе того совершенно естественно историческая правдивость преданія должна была мало по малу исчезать, подъ вліяніемъ міросозерцанія, преобладавшаго въ общинѣ: община стремилась къ обоготворенію Учителя. Она хотѣла вѣрить въ него и молиться ему. Отсюда, совершенно понятно, почему въ преданіе была

---

[1]) Миѳологическую интерпретацію буддійскихъ сказаній читатель найдетъ въ книгѣ *E. Senart*, Essai sur la légende du Buddha, а также у *H. Kern*, Der Buddhismus.

привнесена цѣлая масса миѳическихъ подробностей. Но ими, конечно, далеко не исчерпывается вся сущность легенды, и миѳологическая экзегеза, само собою разумѣется, не въ состояніи разъяснить ея роста и развитія.

Разъясненіе всему этому слѣдуетъ искать въ послѣдовательномъ развитіи тѣхъ доктринъ и догматическихъ ученій, которыя въ различныя эпохи нарождались въ буддійской общинѣ. Легенды разростались и видоизмѣнялись подъ вліяніемъ ученій объ арханѣ или святомъ, Буддѣ или вѣщемъ. Исторія ученія о вѣщемъ всецѣло отразилась въ легендахъ о его жизни.

Интерпретація легендъ, по всему сейчасъ сказанному, должна была бы начать критику источниковъ разъясненіемъ хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ историческаго развитія буддійскаго ученія о святомъ (то-есть, объ арханѣ). Такъ какъ пока этого не сдѣлано, то изслѣдователю осторожному, при изложеніи жизнеописанія мудреца изъ роду Сакьевъ, остается ограничиваться весьма скудными, наиболѣе достовѣрными фактами.

Сага объ его земной жизни локализировалась въ восточномъ Индустанѣ. Онъ родился гдѣ-то въ сѣверномъ Аудѣ, въ мѣстѣ, опредѣлить которое по сіе время напрасно пытаются археологи [1]); въ Вихарѣ подъ святымъ древомъ ficus religiosa, онъ достигъ всевѣдѣнія, въ той самой Будда Гаѣ, куда понынѣ стекаются правовѣрные Индусы свершать поминки по умершихъ родичамъ. Проповѣдникомъ онъ впервые выступилъ въ Бенаресѣ, городѣ святомъ у Индусовъ, о которомъ, какъ въ древности, такъ и въ наши дни, говорится: „Варанаси убѣжище всѣмъ тѣмъ, кому никуда нѣтъ дороги". Умеръ Учитель также въ сѣверо-восточномъ Индустанѣ.

Мѣста эти буддистами почитались и почитаются—святыми. Паломничество къ нимъ есть великій религіозный подвигъ. Умершему на пути туда обѣщается завидный удѣлъ въ загробной жизни: онъ станетъ участникомъ небеснаго блаженства [2]).

Аскеты, которые, покинувъ свои дома и мірскую жизнь, пошли во слѣдъ за великимъ учителемъ, называли себя „сакійскими сынами", а своего учителя „мудрецомъ изъ роду Сакьевъ", Сâкjамуни. Его выдающіеся ученики принадлежали также къ тому же племени Сакьевъ.

---

[1]) См. Archaeological Survey of India, vol. XII, стр. 108 и слѣд.

[2]) Mahâparinibbâna sutta, стр. 51.

Но мало того: не только его послѣдователи назывались сынами сакійскими, но и проповѣданный имъ законъ—сакійскимъ [1]).

Такимъ рисуется буддійское движеніе и религія въ легендахъ несомнѣнно древнѣйшихъ.

Исторія проповѣдной дѣятельности мудреца изъ роду Сакьевъ, по этимъ древнимъ сказаніямъ, начинается съ момента его прозрѣнія: свершилось нѣчто необычайное, простой смертный, царевичъ, бѣжавшій изъ отчаго дому, сталъ, вслѣдствіе какого-то чуднаго, мистическаго процесса, вѣщимъ, обладателемъ четырехъ святыхъ истинъ: онъ постигъ, что жизнь исполнена скорби, и скорбь жизни постоянно растетъ; но есть и выходъ изъ „кола рожденій", есть путь къ успокоенію.

Все это узналъ мудрецъ изъ роду Сакьевъ; по представленіямъ древней общины, ставъ вѣщимъ, онъ не переставалъ быть человѣкомъ, не оставилъ всѣхъ человѣческихъ слабостей.

Тотъ, кто вѣдалъ путь ко спасенію, колебался его возвѣстить народу; люди казались ему страстными, объятыми тьмою невѣдѣнія; онъ отчаявался въ нихъ, думая, что его высокаго закона они не поймутъ. Въ немъ зародилось нежеланіе идти въ міръ, возвѣщать ему спасительныя истины.

Богъ Брахма, по легендѣ, является мудрецу. „Въ странѣ Магадской", говоритъ богъ,—„появился законъ грѣховный, нечистыми измышленный". Проповѣдывать нужно было, и первымъ поводомъ, понудительнымъ является состояніе Магадской страны. Въ Магадѣ онъ нашелъ первыхъ адептовъ, и тутъ же раздался первый ропотъ противъ строгаго аскетизма.

Словомъ, во всемъ этомъ мы имѣемъ черты, рисующія намъ мѣстное религіозное движеніе въ глубинѣ восточнаго Индустана, одну изъ тѣхъ проповѣдей, которыми Индія всегда была богата.

Казалось бы, въ этихъ мѣстахъ и слѣдовало искать древнѣйшихъ памятниковъ той религіи, которая, спустя нѣсколько сотъ лѣтъ, стала первою по времени вселенскою религіей. А между тѣмъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ пещеръ около Гаи, да обломковъ и развалинъ колоннъ и оградъ, найденныхъ тамъ же, все, что̀ осталось въ этихъ мѣстахъ, принадлежитъ гораздо позднѣйшей эпохѣ.

На западѣ, или въ странахъ, сопредѣльныхъ съ Гиндукушемъ, или въ мѣстахъ, ближайшихъ къ портамъ, торговавшимъ съ Европою,

[1]) Mahâvagga стр. 5, 43, 71.

находятся во множествѣ наиболѣе старые архитектурные памятники буддійской религіи.

Быть можетъ, даже такая высокая оцѣнка хожденія къ четыремъ вышеупомянутымъ святымъ мѣстамъ, о чемъ сейчасъ было говорено, явилась въ общинѣ послѣ, того какъ она заняла территорію обширную и удаленную отъ странъ Магадской и Сакійской, то-есть, отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ была ея колыбель.

Можно было бы думать, что буддизмъ весьма рано исчезъ изъ этихъ мѣстъ и явился позднѣе, въ пору своего полнаго развитія, о чемъ свидѣтельствуютъ поздніе памятники, въ развалинахъ находимые около Будда Гаи, Наланды и во многихъ другихъ мѣстахъ. И не подлежитъ сомнѣнію, что въ древности, въ эпоху своего зачатія, въ странѣ Магадской буддизмъ былъ совсѣмъ инымъ, не тѣмъ, какимъ онъ является въ величественныхъ западныхъ памятникахъ.

Въ Бихарѣ буддійская община еще называется сакійскою; ее составляютъ главнымъ образомъ сакійскіе сыны. Ея родоначальникъ— мудрецъ изъ роду Сакіевъ. На западѣ въ многочисленныхъ подписяхъ та же община именуется уже вселенскою. Вселенской общинѣ приносятъ, дары не сакійцы только, но и многочисленные вѣрующіе изъ разныхъ странъ Индіи, и даже вѣрующіе изъ народа Яванъ, то-есть, изъ Грековъ пекутся о благолѣпіи буддійскихъ храмовъ [1]). Весьма важно было бы опредѣлить когда и вслѣдствіе какихъ причинъ появились буддисты въ этихъ мѣстахъ западной Индіи?

Выше было говорено, что древнѣйшіе архитектурные памятники въ западной Индіи относятся ко времени за 200—100 лѣтъ до Р. Х.

Очевидно, буддизмъ появился въ западной Индіи до этой эпохи; быть можетъ, первымъ поводомъ къ разселенію буддійскихъ аскетовъ были тѣ раздоры въ общинѣ, о которыхъ говоритъ старое буддійское преданіе или эмиграція сакійцевъ изъ странъ пригималайскихъ въ страну Аванти, о чемъ утверждаетъ болѣе позднѣе преданіе [2]). Какъ бы то ни было, буддизмъ явился здѣсь ранѣе двухсотъ лѣтъ до Р. Х., то-есть, ранѣе тѣхъ грандіозныхъ памятниковъ, въ надписяхъ и образахъ, которыхъ мы имѣемъ его первыя заявленія міровыхъ задачъ.

Здѣсь въ западной Индіи въ горахъ вмѣстѣ съ появленіемъ буддистовъ начинаютъ созидаться не скромныя пещерныя жилища для

---

[1]) Inscriptions from the Cave-temples of W. India, и также надписи въ The the Bhilsá-topes.

[2]) Преданіе это приводится въ Bodhivamso (рукопись).

отшельниковъ, а величественные храмы. Въ храмахъ и ступахъ, на образахъ не только разказываются легенды о жизни сакійскаго мудреца, но и живописуется міровое бытіе Спасителя. Хранительницею ученія является не община сакійскихъ сыновъ, но Санга четырехъ странъ свѣтъ иными словами—вселенская буддійская церковь, объемлющая въ себѣ не только нищенствующую братію, но и благочестивыхъ вѣрующихъ изъ всѣхъ индійскихъ и многихъ не индійскихъ народовъ. Дары вселенской общинѣ приносятся съ цѣлью спасти весь міръ, а не въ эгоистическомъ попеченіи о личномъ блаженствѣ.

Буддійская община, носительница идеи о вселенскомъ общеніи, въ западной Индіи очутилась на рубежѣ двухъ міровъ: она стала лицомъ къ лицу съ западомъ, приходившемъ сюда исключительно за земными богатствами. Историко-географическія условія, среди которыхъ началась новая жизнь буддійской Санги, должны были во многомъ способствовать успѣхамъ и развитію духа вольнаго и невольнаго, несознательнаго прозелитизма, отличавшаго буддизмъ издревле.

IX.

Сношенія западныхъ странъ съ Индіей начались за долго до появленія буддизма въ центральной Индіи и въ Махратской странѣ. Начиная съ эпохи Финикіанъ, приходившихъ сюда „по злато" и вывозившихъ изъ Индіи и зубы слоновъ, и піѳики, и павы, и каменіе точеное и тесаное, молва объ Индіи богатой была распространена на западѣ. Исторія индійской торговли съ западнымъ міромъ поучительна во многихъ отношеніяхъ. Путемъ торговыхъ сношеній, есть основаніе думать, происходилъ между востокомъ и западомъ не только обмѣнъ естественныхъ богатствъ, но и умственнаго достоянія.

Въ эпоху, ближайшую къ началу процвѣтанія буддизма въ западной Индіи, міровая торговля была въ рукахъ Римлянъ, и изъ индійскихъ портовъ особенно выдавалась Борюгаза или Бхарукаччха. Сюда стекались товары со всѣхъ сторонъ. Сюда приходили корабли изъ Краснаго моря, изъ Персидскаго и Бенгальскаго заливовъ. Вверхъ по Инду поднимались внутрь страны также суда съ товарами. Сухимъ путемъ, съ сѣверо-запада, до Борюгазы заходили товары изъ Китая и другихъ странъ сѣверной Азіи. Они шли, по всей вѣроятности, двоякимъ путемъ, но въ томъ и другомъ случаѣ дорогами, пролегавшими въ ближайшемъ разстояніи отъ буддійскихъ святынь: или отъ Окса черезъ Гиндукушъ и Пенжабъ, или черезъ Тибетскіе перевалы къ

Паталипутрѣ на берегахъ Ганга и оттуда далѣе къ Борюгазѣ. Товары поднимались на судахъ по Инду или Гангу; у Гиндукушскихъ переваловъ ихъ перекладывали на вьючныхъ животныхъ, сплавляли далѣе по Оксу въ Каспійское море, а тамъ торговые караваны были уже у вратъ Европы. О томъ, какъ римскіе караваны ходили въ Китай, извѣстно изъ Птолемея. Они слѣдовали отъ береговъ Евфрата къ югу отъ Каспійскаго моря въ Бактріану. Въ Бактрѣ происходила продолжительная остановка; римскіе караваны соединялись съ приходившими изъ Индіи. Отсюда товары слѣдовали далѣе на востокъ къ λίθινος πύργος, то-есть, быть можетъ, теперешнему Ташкургану. Здѣсь происходила другая остановка; купцы приходили въ соглашеніе съ тѣми полуварварскими народами, черезъ территоріи которыхъ лежалъ дальнѣйшій путь въ Китай. Изъ Хорассана къ Оксу, и далѣе отъ Бактры тѣмъ же путемъ на востокъ слѣдовали персидскіе купцы.

Въ Индіи по большимъ дорогамъ, а значитъ и по той, которая тянулась отъ Борюгазы черезъ Ужжаини на сѣверо-западъ къ Гиндукушскимъ переваламъ, были настроены постоялые дворы [1]). Караваны двигались медленно, съ многочисленными остановками. Торговцамъ, если только они пускались внутрь страны, было полное раздолье присматриваться къ чужой жизни и ея диковинамъ. Товары закупались, конечно, главнымъ образомъ въ портахъ, и туда они свозились; но есть вѣроятность, что купля производилась и на ярмаркахъ, устроивавшихся у разныхъ святыхъ мѣстъ въ дни праздничные. И иной торговецъ съ запада легко могъ побывать у многихъ буддійскихъ святынь, насмотрѣться на тѣ блестящія торжества, описанныя въ многочисленныхъ буддійскихъ легендахъ и у болѣе позднихъ китайскихъ путешественниковъ. Иной могъ попасть въ Матхуру на праздникъ святой чаши буддійскаго Граля, увидѣть святыню въ процессіи подъ блестящимъ балдахиномъ, наслушаться разказовъ о чудесахъ, творимыхъ ею [2]). Другой случайно могъ попасть на другое празднество въ Карлійскій храмъ, горній чертогъ, высочайшій во всей Индіи [3]),

[1]) Объ индійскихъ постоялыхъ дворахъ есть извѣстія не только у арабскихъ путешественниковъ, но и въ туземныхъ памятникахъ, а также въ надписяхъ.

[2]) Описаніе праздника чаши и торжественной процессіи находится въ Rasavâhinî (рукопись).

[3]) Тамъ онъ именуется въ надписи, находящейся у входныхъ вратъ.

одинъ изъ тѣхъ храмовъ, отъ величавой красоты которыхъ приходилъ въ умиленіе даже нѣкій благочестивый англиканскій епископъ [1]). Наконецъ, легко могло случиться, что какой-нибудь торговый человѣкъ въ день праздничный могъ зайдти и въ Бхархутъ. И увидѣлъ бы онъ, какъ кругомъ ступы толпились молельщики съ цвѣтами, возносились благоуханныя куренія, сладкозвучное, нѣсколько протяжное пѣніе въ носъ раздавалось у разныхъ алтарей. Со всѣхъ сторонъ на него глядѣли лики: передъ нимъ развертывалась въ образахъ самая пестрая и разнообразная эпопея, исполненная невѣроятныхъ контрастовъ. Онъ увидѣлъ бы во очію и небо, и земную жизнь Учителя и многочисленныя иллюстраціи къ животному эпосу. Надъ всѣмъ этимъ пестрымъ содержаніемъ господствовало одно представленіе— идея спасителя міра, надъ бренными останками котораго воздвигнутъ былъ грандіозный алтарь.

Какихъ занимательныхъ и куріозныхъ разказовъ онъ могъ наслушаться здѣсь, присматриваясь къ образамъ! Вотъ на одномъ барельефѣ живописуется сказка о томъ, какъ царь фламинго искалъ супруга для своей дочери. Сошлись къ нему всѣ пернатые, въ томъ числѣ и блестящій павлинъ. Полюбился павлинъ царской дочкѣ, и выбрала она его въ супруги. Но бракъ не состоялся. Павлинъ вздумалъ показать себя во всемъ блескѣ, распустилъ свои перья и сталъ плясать передъ отцомъ нареченной: какъ-то неловко повернувшись, женихъ оскорбилъ чувство стыдливости своего будущаго тестя. И отвергъ царь фламинго блестящаго павлина:

„Поешь ты сладко, блестяща твоя спина, берилла цвѣтомъ сіяетъ твоя шея, и перья въ сажень длиною; но за пляску не отдамъ тебѣ дочери“ [2]).

Почти рядомъ съ этимъ образомъ, на другомъ изображенъ пѣтухъ, сидящій на деревѣ, а внизу начерчена кошка: она присѣла внизу, подъ деревомъ, подняла голову на пѣтуха, то-есть, какъ бы разговариваетъ съ нимъ. Передъ зрителемъ изображенъ діалогъ кошки и пѣтуха. Кошка льститъ и соблазняетъ пѣтуха. Она говоритъ:

„Въ пестрыя перышки покрытъ, а птичка съ нависшимъ гребешкомъ, сойди съ вѣточки, женою тебѣ буду безвозмездно“!

На это пѣтухъ отвѣчалъ: „Красавица, вѣдь ты четвероногая, а

---

[1]) *Reginald Heber*, Narrative of a Journey etc., vol. III, стр. 98.

[2]) Bharhut Stûpa, Pl. XXVII. Текстъ разказа см. *Fausböll*, Jâtakas, I, стр. 207.

я, прелестная, двуногій. Звѣри и птицы не соединяются: поищу другую какую-нибудь"!

Но кошка не унималась.

„Буду тебѣ дѣвственною супругою съ ласковымъ словомъ, стану сладко говорить. Возьми меня (не для грѣшнаго, а) для святаго дѣла. Пожелаешъ, тако рабынею провозгласи".

Не сдался и тутъ пѣтухъ: „Птицъ ты пожираешь, отвѣчалъ онъ прелестницѣ;—„кровопійца, воровка, куръ ты дерешъ. Не для святаго дѣла меня въ супруги ты воздѣляешъ" [1]).

При видѣ этихъ и другихъ подобныхъ иллюстрацій къ сказкамъ и баснямъ—всякій зритель совершенно естественно могъ спросить: какъ и почему онѣ попали сюда, въ мѣсто молитвенное? Что назидательнаго въ ихъ содержаніи, и почему онѣ достойны украшать сооруженія, воздвигнутыя надъ святынею?

Дѣйствительно, что̀ могли говорить религіозному чувству или какъ дѣйствовать на религіозное настроеніе эти образы, на одномъ изъ которыхъ, распустивъ свои перья, пляшетъ павлинъ, а на другихъ кошка ухищряется какъ бы ей пожрать пѣтуха.

Для вѣрующаго буддиста религіозное значеніе обѣихъ сказокъ заключалось не въ одномъ только содержаніи, не потому, что онъ видѣлъ особливую назидательность въ разумныхъ словахъ стойкаго пѣтуха или мудраго царя-фламинго, а главнымъ образомъ въ томъ, что подъ видомъ пѣтуха на барельефѣ изображенъ дѣйствующимъ самъ Будда. Онъ же опять является въ образѣ разумнаго и предусмотрительнаго фламинго. Въ этихъ барельефахъ иллюстрируются не просто сказки и басни, а **жатаки**, то-есть, священныя сказанія о перерожденіяхъ Будды, эпизоды исторіи, священной въ глазахъ буддиста. Иллюстраціи къ тому, что по нашимъ понятіямъ есть просто басня или сказка, попали въ бхархутское молитвенное мѣсто не за назидательность своего содержанія, а потому что уже ранѣе сооруженія ступы онѣ разсматривались въ вѣрующей средѣ какъ сказанія святыя, какъ эпизодъ долгой повѣсти о безначальномъ бытіи Будды.

Въ этихъ барельефахъ-иллюстраціяхъ ко многимъ сказкамъ, до сихъ поръ сохраняющимся въ устной литературѣ многихъ народовъ Азіи и Европы, излагаются всѣ перепетіи бытія отъ вѣчности единаго изъ тѣхъ многихъ вѣщихъ, которые, по буддійскимъ пред-

[1]) Kukkuta-jâtakam, VI, 1 8. Текстъ еще не изданъ у *Фаусбеля*.

ставленіямъ, являлись въ разное время искупителями всего сущаго въ мірѣ, иначе сансарѣ или круговоротѣ жизни.

То же догматическое представленіе о существѣ вѣщаго подтверждается не только образами, на которыхъ изображены жатаки, но и весьма многими другими, еще болѣе важными. Мы указали выше на жатаки, потому что присутствіе ихъ въ мѣстѣ молитвенномъ иначе трудно объяснимо; съ другой же стороны образа съ жатаками всего убѣдительнѣе доказываютъ существованіе догмата о бытіи отъ вѣчности искупителя.

Въ бхархутское молитвенное мѣсто, а также и въ другія, расположенныя по большимъ дорогамъ или вблизи отъ нихъ, заходили конечно, главнымъ образомъ не торговые люди; они попадали въ такія мѣста или случайно, или же исключительно тогда только, когда святыя обители были расположены около значительныхъ рынковъ.

Изъ надписей на нѣкоторыхъ бхархутскихъ образахъ вполнѣ очевидно, что не одни только мѣстные вѣрующіе были строителями и украшателями ступы. Люди пришлые изъ отдаленныхъ мѣстъ Индіи являлись въ Бхархутъ со своими дарами: изъ Паталипутры, Каусамби, Ведисы приносились даянія святому мѣсту [1]). Въ Санчи, одномъ изъ ближайшихъ мѣстъ къ Бхархуту, гдѣ также находится подобная же, и по всей вѣроятности, современная буддійская святыня сохранилось еще большее число надписей, указывающихъ на существованіе обычая хожденія по святымъ мѣстамъ: иностранцы съ дальняго сѣвера, изъ странъ Гиндукушскихъ, съ юга, изъ Пайтанан, сносили туда свои даянія [2]). Ходили по святымъ мѣстамъ и монахи, и міряне; и тѣ, и другіе шли туда молиться, и несли свои посильныя дары. По всей Индіи и въ наше время бродятъ отъ святыни къ святынѣ толпы богомольцевъ.

О встрѣчахъ съ индійскими паломниками не только въ Индіи, но и въ глухихъ мѣстахъ центральной Азіи, говорятъ старые и новые путешественники: Вудъ въ своемъ путешествіи къ истокамъ Окса видѣлъ одного индійскаго факира, направлявшагося въ Ваханъ. Скудно прикрытый тигровою кожею, подвижникъ пробирался глухою дорогой въ столь же глухія мѣста. Онъ всюду принимался какъ самый желан-

[1]) The Bharhut Stûpa. Надписи: 69, 73, 100; 22; 53, 1, 4.

[2]) The Bhilsa Topes. Надписи въ Санчи: 11, 12; 55—59; 60—63; 68, 70, 73; 76—7; 144, 149; 15, 81; 145.

ный гость. Въ трущобахъ, куда, кромѣ его, никто не рисковалъ проникать, онъ являлся вѣстникомъ новостей. Другой новый путешественникъ, Гардинеръ, на границахъ Бадакшана встрѣтился съ тремя индійскими подвижниками, возвращавшимися изъ Киргизскихъ степей. Они шли туда изъ Кашмира, побывали въ Балтистанѣ и Гилгитѣ. Индійскіе факиры или Госаины появляются весьма часто и во множествѣ въ Сининѣ, на китайской границѣ. Эти съ виду богомольные люди являются здѣсь торгашами. Ихъ скромность, ореолъ святости и высокаго подвига, разказы о дальнихъ странахъ, о трудностяхъ пути открываютъ передъ ними всюду ворота: всюду они желанные гости. Многіе изъ нихъ—нищіе только съ виду, и часто имѣютъ товары высокой цѣнности, но небольшіе по объему.

Старинные арабскіе путешественники и географы говорятъ также о странствующихъ подвижникахъ въ Индіи. Они поражали путешественниковъ своимъ чудовищно-безобразнымъ видомъ, своею мнимою магическою силою. Ибнъ Кхордадбе утверждаетъ, что въ Индіи есть классъ волшебниковъ свершающихъ всевозможныя чудеса: они вызываютъ привидѣнія, исцѣляютъ болѣзни, измѣняютъ погоду. Эти люди славились тѣмъ, что могли подниматься подъ облака, превращаться въ драконовъ.

Сами Индійцы разказываютъ о своихъ странствующихъ святыхъ мужахъ еще болѣе чудесъ. Они не только сами летали по воздуху, но могли приказывать неодушевленнымъ предметамъ подниматься и держаться въ воздушномъ пространствѣ, умѣли дѣлать золото и т. п.

Паломничество въ Индіи развито было въ глубокой древности.

Монахи странствовали, быть можетъ, болѣе, нежели вѣрующіе міряне; для нихъ этотъ подвигъ могъ имѣть особливый, высокій смыслъ. Монахъ шелъ вѣщать народу святыя истины, или же молиться. Буддистъ-мірянинъ главнымъ образомъ молиться. Хотя, по буддійскимъ понятіямъ, молиться у ступы или въ храмѣ не значитъ еще просить исключительно для себя благъ: вѣрующій, принося свои дары или поклоняясь святымъ, могъ молиться о спасеніи всѣхъ людей, то-есть, по буддійскому выраженію, о достиженіи всѣми людьми всевѣдѣнія. Индійскіе правители, какъ бы сознавая всю важность религіознаго подвига, установили для нищенствующихъ и странствующихъ нѣкоторыя облегченія при ихъ передвиженіяхъ: не для нихъ исключительно Асока Великій проводилъ дороги и обсаживалъ

пути деревами, или вырывалъ около нихъ колодцы [1]),—для общей пользы чистота по дорогамъ, подорожные дерева и пруды, мосты и пѣшеходные мостики, оберегались строгими узаконеніями [2]); но законодатель, установившій не взимать ничего съ странствующаго монаха на царскихъ перевозахъ [3]), очевидно, сдѣлавъ такое изъятіе для странника, долженъ былъ относиться съ полнымъ уваженіемъ къ обычаю хожденія по святымъ мѣстамъ.

Монахъ буддійскій былъ анâгарijо, то-есть, не имѣющій дома; онъ покинулъ домъ и всѣ житейскія дѣла для не дома; шествовалъ изъ дома къ внѣ дому; отсюда и названіе посвященія „пабажжâ", то-есть, уходъ (изъ дому).

Покинувъ міръ съ его дѣлами и треволненіями, монахъ не долженъ былъ прерывать общенія съ людьми: на немъ лежала великая обязанность—вѣщать народу истину. Въ его священномъ канонѣ записаны слова: „Въ горахъ и лѣсахъ открытыхъ пребывайте, вѣщая міру непрестанно мой святой законъ" [4]). Онъ долженъ былъ жить въ такихъ мѣстахъ, откуда до слуха людей могъ бы доходить пророческій глаголъ.

Но вѣщій завѣщалъ своимъ ученикамъ и другое; онъ говорилъ имъ: „Грядите на пользу и во благо людямъ, сострадая міру. Учите закону, проповѣдуйте цѣломудріе". „Не ходите вдвоемъ по одной дорогѣ", говорилъ онъ имъ также,—то-есть, ступайте въ разныя стороны, вѣщайте всюду истину [5]). Кто умретъ по дорогѣ ко святому мѣсту, тому обѣщалась по смерти небесная обитель [6]).

Изъ легендъ и предписаній Винаи очевидно, что хожденія были въ обычаѣ между буддійскими монахами. Самъ великій учитель провелъ бо̀льшую часть жизни переходя изъ мѣста въ мѣсто.

Вѣрующая община сохранила сказочныя подробности объ этомъ побѣдномъ шествіи великаго наставника; въ восторженныхъ повѣствованіяхъ о тріумфальномъ шествіи и проповѣдяхъ Сâкjамуни читается, что всюду, куда онъ ни являлся, цари и народъ, богатые и бѣдные спѣшили внимать его словамъ. Вездѣ ему былъ готовъ пышный и радушный пріемъ. Право угощать его и его послѣдователей

---

[1]) *Cunningham*, Corpus 67 (Ed. III).

[2]) Ману, IX, 279, 281—283, 285, 289; Митâкшера, 301, 336.

[3]) Ману, VIII. 407; Митâкшара 321.

[4]) Прâтимокша сутра, стр. X. цитата изъ Будда-вамса.

[5]) Mahâvagga. I. II. I. (стр. 21).

[6]) Mahâ parinibbâna sutta, 51.

перекупалось на вѣсъ золота. Великій Учитель приближался къ городу Вайсали [1]). Вѣсть объ этомъ пронеслась по городу. На встрѣчу господу показался пышный поѣздъ вайсалійскихъ правителей. Блескъ поѣзда поразилъ аскета: „Кто изъ васъ, о нищіе, не видѣлъ боговъ Тâватимса, тотъ да взглянетъ на поѣздъ Личчхави"... Но пышный поѣздъ правителей обогналъ другой: уже ранѣе ихъ богатая городская блудница Амбапâли успѣла пригласить къ себѣ на трапезу странствующихъ аскетовъ. Услышали объ этомъ правители города: „Отдай намъ эту трапезу за сто тысячъ!" говорили они блудницѣ Амбапâли. Ликующая Амбапâли отвѣчала, что не уступитъ своего права за цѣлый городъ Вайсали. И великій аскетъ, проповѣдникъ цѣломудрія, трапезовалъ у блудницы.

Не всѣ повѣствованія о монашескихъ хожденіяхъ, однако же,—одного и того же характера; не всегда и не всюду, конечно, монахи находили такой пріемъ, который могъ подать поводъ къ позднѣйшимъ разукрашеніямъ: нищъ, нагъ онъ могъ легко подвергаться разнообразнымъ оскорбленіямъ среди людей не вѣрующихъ, или держащихся другого толка, могъ и самъ вызывать эти оскорбленія. Въ сказаніяхъ о странствіяхъ Махâ-вûры, основателя жайнизма и современника Сâкjамуни, встрѣчаются весьма характерные эпизоды. Вопросъ о томъ, содержатъ ли эти эпизоды черты изъ жизни Махâ-вûры,—пока долженъ быть устраненъ и оставленъ безъ отвѣта; но несомнѣнно, въ этихъ сказаніяхъ передаются факты, взятые прямо изъ обыденной жизни, изображаются явленія, непосредственно списанныя съ натуры, а потому они важны для характеристики странствующихъ подвижниковъ, которые въ сказаніяхъ жайнскихъ называются „людьми добрыми" сâдху). Разказы о приключеніяхъ Махâ-вûры и его ученика Госâли отличаются наивностью и жизненною правдою. Передъ читателемъ проходятъ двѣ различныя фигуры, и обѣ представляютъ типъ нагихъ странниковъ, добрыхъ людей. Но одинъ—аскетъ по призванію, учитель и служитель идей, а другой обнажился и послѣдовалъ за учителемъ потому, что ему показалась такая жизнь легкою, и вступивъ на путь подвиженства, онъ остался обжорой и шутомъ. Увидѣлъ Госâла, какъ Махâ-вûру щедро угощали, и сказалъ: „Сдѣлаюсь я ученикомъ Господа!" Аскетъ молча согласился, и пошли они вдвоемъ по городамъ и весямъ; приходятъ въ одну деревню и расходятся по разнымъ домамъ. Госâлѣ служанка предложила вареннаго рису, онъ

[1]) Mahâparinibbânasuttam, стр. 19 и сл.

не взялъ. Хозяинъ, увидѣвъ это, разсердился и сказалъ рабынѣ: „Брось ему рисъ на голову". Она сдѣлала по приказанному. Разсердился Госâла и сталъ клясть: „Если у моего учителя есть пламень подвиженства, да сгоритъ этотъ домъ"... И домъ сгорѣлъ.

Пошли подвижники оттуда въ городъ Чампу и остановились въ пустомъ домѣ; только что они расположились тамъ, приходитъ туда же любовная пара: „Если здѣсь есть, çрâманъ или кто-либо, подай голосъ!" говорилъ пришедшій на любовное свиданіе. Добрые люди оба молчатъ. Но когда любовная пара стала выходить изъ дому, Госâла захохоталъ и былъ за то побитъ. Сказалъ тогда Госâла своему учителю: „Меня бьютъ, а ты не охраняешь своего служителя". „По своей винѣ тебя бьютъ, пасти не сдерживаешь!" отвѣчалъ учитель. Въ одномъ мѣстѣ странники попадаютъ на праздникъ еретиковъ, то-есть, подвижниковъ не ихъ, а какого-то другаго исповѣданія. Шелъ сильный дождь. Госâла укрылся въ храмъ. Пришли еретики съ женами, стали пѣть и играть. Госâла не удержался, и сталъ насмѣхаться надъ еретиками: „Ого! Вотъ обѣты еретиковъ!" Его выгнали изъ храма, а на дворѣ между тѣмъ было холодно; не удержался Госâла и сталъ плакать. Сжалились надъ нимъ и привели назадъ; онъ опять сталъ насмѣхаться; опять его выгнали на дождь и холодъ [1]).

Въ началѣ подвижники ходили по городамъ и весямъ, потому, что у нихъ не было пристанища постояннаго; покинувшій домъ существовалъ милостынею, доброхотными подаяніями, и онъ бродилъ для того, чтобы жить; но затѣмъ, когда появились монастыри, святыя ступы и святые останки, когда община Сангха получила законченное развитіе, тѣ же нищіе, бхикшу, стали ходить отъ одной святыни къ другой помолиться, сдѣлать посильное приношеніе святынѣ.

Бхикшу и тогда собиралъ милостыню, питался доброхотными даяніями, но въ то же время онъ былъ членъ Сангхи, имѣлъ права на ея имущества. Сангха, по очень распространенному буддійскому воззрѣнію, едина въ четырехъ странахъ свѣта, она „міровая", и „міровой общинѣ" вѣрующіе дѣлали приношенія; созидались пещерныя жилища и дарились „общинѣ четырехъ странъ свѣта настоящей и будущей" [2]). Таковъ же смыслъ предписаній Винаи [3]): монастырь

---

[1]) âваçjака лагху вртти (рукопись).

[2]) См. цейлонскія надписи у *Goldschmidt*, въ *Ind. Ant.*, vol. VII, 119.

[3]) Culla vagga, VI, 15 (стр. 170).

со всѣмъ своимъ добромъ принадлежалъ единой Сангхѣ; его собственность не могла быть отчуждаема въ пользу одного какого-либо члена, а принадлежала всей общинѣ, а потому и всякій пришлый монахъ имѣлъ право пользованія добромъ монастырскимъ. По предписаніямъ той же Винаи, пришлый монахъ въ чужомъ монастырѣ долженъ былъ находить и радушный пріемъ, и все то, чтó ему было необходимо для обыкновенной жизни. Къ старцу выходили на встрѣчу; ему готова была и келья, и ложе, и вода, какъ для питья, такъ и для омовенія ногъ. Ему разказывались монастырскіе обычаи: когда выходятъ собирать милостыню, когда возвращаются домой, куда слѣдуетъ ходить, гдѣ вѣрующія семьи и т. д., словомъ, съ перваго раза онъ становился своимъ человѣкомъ въ монастырѣ [1]). Не съ такимъ почтеніемъ, но также радушно, принимался молодой монахъ.

При такихъ удобствахъ, обычай хожденія по святымъ мѣстамъ, весьма понятно, держался во все время существованія буддизма въ Индіи. Буддійскіе монахи бродили изъ конца въ конецъ, отъ святыни къ святынѣ, также точно, какъ понынѣ по всей Индіи странствуютъ факиры различныхъ наименованій и исповѣданій. Ходили по монастырямъ и строгіе аскеты, люди, наивно въ экзальтаціи возмнившіе себя обладающими сверхъестественными силами, и такіе, которые выдавали себя за обладателей не человѣческихъ свойствъ [2]); отъ святыни къ святынѣ странствовалъ и аскетъ, и тотъ нищенствующій, о которомъ сказалъ туземный сатирикъ: „Онъ первый за трапезой—въ хвостѣ въ молитвенный часъ... На кухнѣ, въ усладу кухаря—онъ ораторъ и т. д.; тотъ монахъ, которому извѣстно: кто родился, кто умеръ, въ чьемъ домѣ поминки... монахъ, которому въ его странствіяхъ сотни утѣхъ" [3]).

Аскеты, чародѣи, вѣстовщики, вся эта странствующая братья была важнымъ проводникомъ и разносителемъ идей своей среды и своей страны; они были зачастую безсознательными сѣятелями великихъ идей въ глуши и въ дальнихъ странахъ, куда ихъ заводили религіозная экзальтація, страсть къ бродяжничеству и духъ авантюры. Странствовали они и въ ту отдаленную эпоху, къ которой относится начало сооруженія Бхархутской ступы, вѣроятно, не только по Индіи, но въ страны пограничныя. Есть прямыя указанія и извѣстія о томъ,

¹) Cullavagga 2. 2—3.
²) Великій грѣхъ пâра жика, навлекающій по Прâтимокшѣ отлученіе.
³) Çарнгадхарападдхати, 113.

что въ эпоху болѣе позднюю, то-есть, быть можетъ [1]), начиная со II столѣтія по Р. Х., индійскіе странствующіе монахи заходили и въ Хотанъ, и въ Китай. Кабульская долина была въ то время уже усѣяна буддійскими монастырями, находившимися въ постоянномъ общеніи съ индійскою буддійскою общиной. Китайцы сохранили извѣстія о буддійскихъ монахахъ, являвшихся ко двору съ приношеніями: они приходили въ Китай съ дорогими хрустальными чашами, съ благоуханіями, съ безцѣнными талисманами, съ мощами и элексиромъ безсмертія. Печати индійскаго происхожденія съ мистическими знаками, несомнѣнно буддійскими, были находимы въ Кандагарѣ [2]).

Въ эпоху, къ которой относится начало сооруженія Бхархутской ступы, и вообще до начала нашей эры, буддизмъ, конечно, не былъ распространенъ во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ является послѣ господства Индо-Скиѳовъ въ Индіи, его великихъ поборниковъ, заставлявшихъ, по свидѣтельству Матуанъ-лина, весь свой народъ исповѣдовать эту религію; они предписывали своимъ подданнымъ не убивать живыхъ существъ, не пить вина и т. д. [3]).

Бхархутская ступа, а также многія изъ ближайшихъ къ ней святынь были по всей вѣроятности выстроены до появленія Индо-скиѳовъ въ Индіи.

Куда же ходили въ это время странники буддійскіе?

Святыхъ мѣстъ было много у буддистовъ. Въ разныя времена не одни и тѣ же мѣста пользовались преимущественною славою въ ихъ общинѣ. Были мѣста святыя потому, что преданіе связало съ ними какое-нибудь происшествіе изъ земной жизни вѣщаго; въ другихъ хранились святые останки великаго начальника буддизма: было много и другихъ ступъ. Святыни были и въ Индіи, и внѣ Индіи. Одно изъ старѣйшихъ буддійскихъ преданій свидѣтельствуетъ, что уже при Асокѣ Великомъ были просвѣщены нѣкоторыя изъ внѣ-индѣйскихъ странъ; о просвѣщеніи не-арійскихъ странъ говоритъ также жаинское преданіе о томъ же царѣ. На основаніи извѣстій писателей китайскихъ и классическихъ есть поводъ думать, что буддійское и жаинское преданіе сохранило свѣдѣніе весьма близкое къ истинѣ. По китайскимъ извѣстіямъ, въ 122 г. до Р. Х. буддизмъ находился въ странѣ на западъ отъ Яркенда, а Александръ Полигисторъ утверж-

---

[1]) Chinese. Acc. of India, стр. 65 и слѣд.

[2]) *Journ. of As. Soc. of Bengal*, 1840, стр. 98 и слѣд.

[3]) Chinese Acc. of India, 63.

даетъ, что Σαμαναῖοί, то-есть, буддійскіе срамапы или подвижники были распространены между Бактрійцами и Персами [1]).

Но слѣды буддизма въ этихъ странахъ являются въ эпоху болѣе раннюю. На монетахъ Агаѳокла сохранились несомнѣнные буддійскіе символы [2]). А Менадръ изображаетъ на своихъ монетахъ колесо, то-есть, индійскій символъ міродержавнаго царя или чакравартина [3]). Нѣкоторые ученые подозрѣвали даже Менандра въ принадлежности къ буддійскому вѣроисповѣданію. Самое имя Менандра, сближали съ именемъ Мелинда, встрѣчающимся въ палійскихъ сочиненіяхъ. Рено, высказавшій сейчасъ приведенныя предположенія, въ подтвержденіе своей догадки указываетъ [4]) на разказъ Плутарха о томъ, какъ азіатскіе подданные Менандра послѣ его смерти враждовали изъ-за обладанія его бренными останками; по смерти великаго царя

---

[1]) *Lassen*, Ind. Alterthumskunde, II, 1091; III 355.

[2]) *Cunningham*, Numismatic Chronicle. vol. VIII, стр. 282. *Obv.* Tree in a square railed enclosure. Legend below, in Arian Pali characters, *Hidusa same* iord of the Indians. Rev. A peculiar symbol common on Indian Buddhist coins which is generally supposed to represent *Chaitya* or Buddhist *Stupa*. The symbol on this coin, which is perhaps the earliest representation that we possess, is almost certainly intended for Buddhist Stupa, or it is surmounted by a crescent with the horns pointed downwards, which I take for the umbrella that usually crowns the Buddhist edifice. Legend below, in Arian Pali characters. *Akathukrayasa* of Agathokel». Изображеніе тамъ же: Pl. X, fig. 10. Кеннингэмово чтеніе *Hidusa sami* совершенно неправдоподобно; еще менѣе вѣроятно его толкованіе. Cfr. Thomas, Marshen's Numismata Orientalia Paris I, стр. 59 прим. The reverse bears the conventional sacred tree, with the title *Maha raja* strongely distorted into *Hirajasa, me* or *He*, ragasa, me. Срв. *Lassen*. II, 309, *Sallet*, стр. 30, Taf II. 3.

[3]) *Cunningham* въ Numismatic chronicle, N. S. vol. X стр. 220 The coins of Menander are more numerous than those of any other Greek prince of the East На одной изъ его монетъ (см. тамъ-же Plat. XII, Fig. 13) изображено колесо. Авторъ замѣчаетъ, что I believe it to have been the symbol of *Chakravartti Raja* or supreme Ruler, a title which was applied to all great earthly monarchs, as to Buddha himself.... To Menander it was esrpecially appropriate from the extent of his territory; and the wheel on the coin was, therefor, perhaps intended to denote the extent of his rule, and probably also some acknowledgment of his leaning towards Buddhism Тамъ-же въ прим. On some coins from Taxila the wheel of eight spokes, with knob ornaments on the outside, forms the sole type of the obverse, just as it does on this coin of Menander. Описаніе монеты тамъ-же стр. 213. Срв. Ariana Antiqua, pl. IV. fig. 11 Греческая надпись: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΩΤΗΡΟΣ ΜΕΝΑΝΔΡΟΥ. Палійская: Mahârâjasa trâdâtasa Minadrasa. См. также *J. As. Soc. of Bengal, vol.* V, стр. 24, fl. II, 7. *Weber*, Indische Skizzen, 80, 83.

[4]) *Mémoires de l' Ac. des inscriptions* XXIV, стр. 259.

случилось, слѣдуя этому разказу, то же самое, что произошло по смерти буддійскаго первоучителя: изъ-за мощей святаго враждовали народы совершенно также, какъ изъ-за бренныхъ останковъ Чакравартина или міродержавнаго владыки.

Къ Менандру, могущественному властелину обширной страны, претендовавшему, судя по символамъ его монетъ на міродержавіе, туземное индійское населеніе могло относиться совершенно своеобразно, по индійски, то-есть, сдѣлать изъ него объектъ культа. О почитаніи мощей Чакравартина разказываетъ Сюанъ цзанъ [1]). Беладори повѣствуетъ, что Индійцы дѣлали изображенія арабскихъ завоевателей, поразившихъ ихъ фантазію своимъ могуществомъ и величіемъ подвиговъ. Въ современную намъ эпоху извѣстно, что нѣкоторые англійскіе генералы и весьма многіе туземные учителя почитались Индійцами или за святыхъ, или же за боговъ. Обожаніе Менандра Индійцами такимъ образомъ не можетъ казаться невѣроятнымъ.

Если же буддизмъ существовалъ въ Бактріи уже во II столѣтіи до Р. Х., то несомнѣнно, индійскіе паломники, главнымъ образомъ заносившіе его туда, должны были появляться въ тѣхъ странахъ гораздо ранѣе. Но съ какимъ же ученіемъ они проникали туда въ долины Кабула и Окса, или въ приморскія страны Индіи, словомъ, въ тѣ мѣста, гдѣ въ древности происходило свиданіе и общеніе двухъ міровъ: азіатскаго восточнаго и западнаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ на бхархутскихъ барельефахъ, рисующихъ развитіе буддизма во второмъ столѣтіи до Р. Х.

И. Минаевъ.

А. В. Лихачевъ. Самоубійство въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія. С.-Пб. 1882.

Научное, сравнительно-статистическое изученіе самоубійства началось одновременно съ статистическимъ изслѣдованіемъ нравственныхъ явленій вообще. Однимъ изъ первыхъ серьезныхъ трудовъ въ этой области можетъ быть признано сочиненіе Кетле: „Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou essai de physique sociale", 1836. Въ шестидесятыхъ годахъ вышло спеціальное статистическое изслѣдованіе самоубійства—А. Вагнера (Die Gesetzmässigkeit in den

[1]) Его путешествіе, I, стр. 38.

scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen. I. Statistik der Selbstmorde. Hamburg. 1864), изслѣдованіе обстоятельное и основанное большею частью на оффиціальныхъ статистическихъ изданіяхъ. Самымъ полнымъ, новѣйшимъ изслѣдованіемъ въ этой области наука обязана однако Италіанцу Морзелли (профессору психіатріи и директору дома умалишенныхъ въ Мачератѣ). Его сочиненіе (Il Suicidio. Milano 1879), вошедшее также, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, въ серію „Международной научной библіотеки", представляетъ сводъ всѣхъ имѣющихся въ настоящее время данныхъ и вытекающихъ изъ нихъ эмпирическихъ законовъ, и кромѣ того, попытку разъяснить вообще явленіе самоубійства, какъ одинъ изъ результатовъ борьбы за существованіе въ цивилизованныхъ обществахъ. Для ознакомленія съ современнымъ состояніемъ вопроса книга Морзелли является наилучшимъ пособіемъ, и переводъ ея на русскій языкъ составилъ бы цѣнный вкладъ въ нашу литературу по статистикѣ. Но г. Лихачевъ предпринялъ нѣчто большее, чѣмъ переводъ; придерживаясь, главнымъ образомъ, Морзелли, онъ воспользовался и другими матеріалами, сократилъ многія подробности, остановился болѣе на нѣкоторыхъ вліяніяхъ и мотивахъ, а главное—постарался собрать всѣ имѣющіяся данныя по статистикѣ самоубійствъ въ Россіи и обработалъ эти данныя параллельно и тѣмъ же методомъ, какой принятъ статистикой на западѣ. Въ результатѣ получилось изслѣдованіе, знакомящее не только съ современнымъ состояніемъ этого отдѣла нравственной статистики на западѣ, но и представляющее опытъ обстоятельной разработки того же вопроса по отношенію къ Россіи.

Авторъ, впрочемъ, оговаривается, что русскій статистическій матеріалъ по самоубійствамъ еще не только не разработанъ, но даже и не собирается ни въ одномъ оффиціальномъ изданіи, куда попадаютъ только самыя общія данныя, входящія въ уголовную статистику. Данныя эти заключаются въ „Сводахъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ" и въ губернаторскихъ отчетахъ, а по отношенію къ двумъ столицамъ, еще въ „Дневникѣ приключеній", печатаемомъ въ Вѣдомостяхъ Городской полиціи С.-Петербурга и Москвы. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что приведенныя во всѣхъ этихъ оффиціальныхъ изданіяхъ цифры и случаи еще далеко не исчерпываютъ всего числа самоубійствъ, и что, по степени точности, наши оффиціальныя данныя не могутъ быть поставлены наравнѣ съ тѣми, какія имѣются, напримѣръ, для Даніи, Франціи или Пруссіи. Тѣмъ не менѣе, попытки разработки имѣющагося матеріала начались

у насъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія; мы разумѣемъ опытъ академика Германа, который обработалъ данныя о самоубійствѣ для десяти губерній бассейна Оки (Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg, VI Section, Sciences politiques, I). Болѣе полное и обстоятельное изслѣдованіе было сдѣлано затѣмъ, въ сороковыхъ годахъ, К. С. Веселовскимъ, въ статьѣ, помѣщенной въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1847 г., кн. V. Данныя, которыми пользовался г. Веселовскій для своей, замѣчательной по тому времени, статьи, теперь, конечно, очень устарѣли, но интересно, что изслѣдованіе г. Лихачева во многомъ подтвердило выводы г. Веселовскаго относительно распредѣленія самоубійствъ въ Россіи. Въ новѣйшее время появилась еще статья г. Пономарева (Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ, 1880 г., т. III), основанная на данныхъ губернаторскихъ отчетовъ за 1877—1879 годы и на показаніяхъ Вѣдомостей Полиціи С.-Петербурга и Москвы, а относительно Петербурга—еще нѣсколько статей и замѣтокъ гг. Гюбнера, Максимова, Янсона и друг., чѣмъ и исчерпывается почти вся русская статистическая литература по этому вопросу. Для западной Европы матеріалъ обширнѣе, достовѣрнѣе и болѣе разработанъ; тѣмъ не менѣе и тамъ еще нѣтъ единообразія въ способѣ и формѣ собиранія статистическихъ свѣдѣній о самоубійствахъ, и различныя государства представляютъ значительное различіе, какъ въ давности собиранія, такъ и въ порядкѣ регистраціи данныхъ. Это отсутствіе единообразія весьма невыгодно для сравнительнаго изслѣдованія, которое лишается такимъ образомъ возможности проведенія полной параллели между различными государствами.

Изученіе самоубійства представляетъ важность въ томъ отношеніи, что мы имѣемъ въ немъ явленіе, присущее, по видимому, исключительно человѣку, и притомъ, по преимуществу, народамъ цивилизованнымъ. У первобытныхъ народовъ самоубійство не извѣстно или составляетъ весьма рѣдкое явленіе; такъ можно по крайней мѣрѣ заключить изъ всѣхъ имѣющихся свѣдѣній о некультурныхъ народахъ, хотя болѣе точныхъ данныхъ по этому предмету, само собою разумѣется, не существуетъ. У цивилизованныхъ же народовъ хотя процентъ самоубійствъ, сравнительно, и незначителенъ, тѣмъ не менѣе, въ общей массѣ, даетъ довольно крупныя цифры. По даннымъ за послѣдніе годы, въ одной Германіи совершается ежегодно около 9,000 самоубійствъ, въ Франціи — 7,000, въ Австріи — 2,600, а во всей Европѣ, по крайней мѣрѣ, 22,000. Но при этомъ слѣдуетъ за-

мѣтить, что многія самоубійства (напримѣръ, посредствомъ утопленія) остаются неизвѣстными, другія же, по разнымъ причинамъ, скрываются и не показываются въ отчетахъ, такъ что, по мнѣнію Мазарика, всего самоубійствъ въ Европѣ слѣдуетъ положить ежегодно около 50,000, то-есть въ 20 лѣтъ милліонъ—цифра весьма значительная. Въ большей или меньшей степени самоубійство встрѣчается во всѣхъ государствахъ и во всѣхъ слояхъ населенія. Интересъ изученія самоубійства усиливается еще тѣмъ, что оно оказывается наиболѣе распространеннымъ въ государствахъ съ высшею культурою, въ Германіи, Франціи, Даніи, и что оно въ большинствѣ европейскихъ государствъ возрастаетъ, и притомъ сильнѣе, чѣмъ совершается приростъ населенія. Уже 140 лѣтъ тому назадъ, отецъ германской статистики, Зюссмильхъ, высказалъ мнѣніе, что изъ трехъ вратъ, чрезъ которыя мы разстаемся съ жизнью, однѣ, врата старости, по видимому, все болѣе и болѣе суживаются, другія, врата болѣзней, достигли громадныхъ размѣровъ, и третьи, мрачныя, обрызганныя кровью, расширяются съ каждымъ днемъ: это именно врата насильственныхъ смертей и самоубійства. Послѣ того многіе статистики замѣчали возрастаніе самоубійствъ, но болѣе осторожные изъ нихъ приписывали его неполнотѣ прежнихъ данныхъ. Кетлѐ признавалъ постоянство цифръ, допуская отчасти ихъ возрастаніе. Въ новѣйшее время, послѣ работъ А. Вагнера и Морзелли, представляется въ значительной степени вѣроятнымъ, что по крайней мѣрѣ за послѣднія десятилѣтія въ большей части государствъ число самоубійствъ возрастаетъ быстрѣе увеличенія населенія, и именно на 1—5%, тогда какъ населеніе возрастаетъ только на 0,5—1,5%. Особенно это имѣетъ мѣсто по отношенію къ Франціи, Саксоніи, Бадену, Баваріи, Швеціи, Бельгіи, Италіи, нѣкоторымъ частямъ Австро-Венгріи, Испаніи, и кажется, Россіи; въ Пруссіи возрастаніе населенія и самоубійствъ идутъ болѣе параллельно; въ Англіи и Даніи, за послѣдніе годы, населеніе возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ число самоубійствъ. Такой фактъ возрастанія, естественно, возбуждаетъ вопросъ о причинахъ, его обусловливающихъ: вопросъ, который подразумѣваетъ другой, болѣе общій, о вліяніи вообще различныхъ условій на наклонность къ самоубійству. Вагнеръ и Морзелли сопоставили много данныхъ по этому вопросу и прослѣдили всевозможныя вліянія—природы или естественныхъ условій,—особенностей населенія, то-есть, расы и національности, общественной жизни (цивилизаціи вообще, вѣроисповѣданія, распространенія образованія, нравственности, экономическихъ отношеній, густоты населенія, и т. д.),—вліянія біоло-

гическихъ и соціальныхъ, качествъ особи (вліяніе пола, возраста, семейнаго и гражданскаго состоянія, занятій) и т. д. Въ результатѣ получился рядъ выводовъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, указывающихъ на то, что извѣстныя условія сопровождаются усиленною наклонностью къ самоубійству; но какія изъ этихъ условій дѣйствительно оказываютъ вліяніе, и какія представляютъ только совпаденія, предстоитъ еще разъяснить будущему, тѣмъ болѣе, что прямой, непосредственной связи между многими изъ этихъ вліяній и самоубійствомъ мы еще не въ состояніи себѣ уяснить положительно.

Такъ, изъ изслѣдованій Вагнера, Морзелли и другихъ оказывается, что число самоубійствъ въ Европѣ увеличивается по мѣрѣ удаленія съ юга на сѣверъ, къ 50° сѣв. шир., но за 57° сѣв. шир. снова уменьшается. Морзелли принимаетъ даже поясъ самоубійствъ (area suicidigena), между 47° и 57° сѣв. шир. и 20° и 40° долготы, въ который входятъ мѣстности съ наивысшею тенденціей къ самоубійству, и по мѣрѣ удаленія отъ котораго, на сѣверъ и югъ, интенсивность самоубійства уменьшается. Точнѣе, этотъ поясъ наивысшей тенденціи приходится между изотермическою линіей +12°,5 Цел. и + 7°,5 Цел. те-есть представляетъ полосу, пересѣкающую Европу съ сѣверо-востока на юго-западъ. Въ Германіи и Франціи maximum самоубійствъ заключается въ сѣверо-восточныхъ провинціяхъ; но слѣдуетъ принять во вниманіе, что это обусловливается, главнымъ образомъ, существованіемъ двухъ центровъ или фокусовъ—Парижа, съ окружающими его департаментами, и промышленной и болѣе образованной Саксоніи. Большій процентъ самоубійствъ въ средней Европѣ объясняютъ также большею наклонностью къ лишенію себя жизни въ средѣ Германскаго племени, которое въ Германіи, въ Австро-Венгріи и въ Даніи выказываетъ весьма высокую тенденцію къ самоубійству, значительно превышающую тенденцію Романскихъ народовъ Италіанцевъ, южныхъ Французовъ, Испанцевъ, Румынъ, а еще болѣе—славянскихъ и финскихъ народностей. Слѣдуетъ замѣтить однако, что наклонность къ самоубійству Французовъ (150 на милліонъ населенія) въ два съ четвертью раза превышаетъ наклонность Англичанъ (66—на милліонъ), и что процентъ самоубійствъ въ Швеціи и Норвегіи значительно ниже, чѣмъ въ Даніи. Это обстоятельство полагаютъ возможнымъ объяснить вліяніемъ германскаго элемента на почвѣ Франціи и вліяніемъ финскаго—на Скандинавскомъ полуостровѣ, а что касается Англіи, то вліяніемъ „элемента кельто-романскихъ народовъ“ (Лихачевъ, стр. 57). Съ другой стороны, интенсивность

самоубійства въ средней Европѣ, именно въ Германіи и Даніи, ставятъ также въ связь съ преобладаніемъ здѣсь протестантизма, а также съ бо́льшимъ распространеніемъ [illegible]зованія въ народныхъ массахъ, такъ какъ нѣкоторыя данныя указываютъ, по видимому, на то, что въ протестантскихъ странахъ самоубійства распространены болѣе, чѣмъ въ католическихъ и православныхъ, и въ населеніяхъ болѣе культурныхъ сильнѣе чѣмъ въ менѣе культурныхъ. Наконецъ, большій или меньшій процентъ самоубійства обусловливается также, по видимому, до извѣстной степени, распространеніемъ пьянства, душевныхъ болѣзней, бѣдности и нѣкоторыхъ занятій, какъ напримѣръ, военной службы, которая, по даннымъ для многихъ государствъ, значительно усиливаетъ тенденцію къ самоубійству въ классѣ лицъ соотвѣтственнаго возраста.

Что касается вліянія расы и народности, то г. Лихачевъ поставилъ эпиграфомъ къ третьей главѣ своего сочиненія слѣдующую фразу Бюхнера: „Неопредѣленно понятіе рода, но понятіе расы, если это возможно, еще менѣе ясно“. Между тѣмъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи, о расѣ говорится, какъ объ опредѣленномъ факторѣ, и приводятся попытки объяснить различія въ распространенности самоубійства— различіемъ племеннаго состава. Намъ кажется, что слѣдовало бы остановиться подолѣе на этомъ вопросѣ и выяснить самое понятіе о расѣ и племени. Подъ расой мы можемъ разумѣть только извѣстный физическій типъ, выражающійся въ цвѣтѣ кожи, ростѣ и формѣ волосъ, цвѣтѣ волосъ и глазъ, очертаніяхъ лица, формѣ черепа, ростѣ и другихъ физическихъ особенностяхъ. При изученіи этихъ физическихъ типовъ мы не должны принимать во вниманіе ни языка, ни другихъ характеристичныхъ качествъ племенъ и народностей, и должны отрѣшиться отъ современныхъ, вообще отъ историческихъ, границъ между народами и государствами. Данныя палеонтологіи и археологіи убѣждаютъ насъ, что уже задолго до исторической эпохи, въ періодъ, когда въ средней Европѣ жили еще мамонтъ, ископаемый носорогъ и другіе вымершіе нынѣ виды животныхъ, человѣкъ уже существовалъ, и притомъ, судя по черепу, въ нѣсколькихъ типахъ, которые мы встрѣчаемъ и теперь въ средѣ европейскаго населенія. Такъ, изъ изслѣдованій проф. Колльмана явствуетъ, что типъ извѣстнаго Неандертальскаго черепа или типъ череповъ изъ отложеній каменнаго вѣка въ пещерахъ Везеры можетъ быть констатированъ и между черепами изъ позднѣйшихъ могилъ, равно какъ и у современнаго населенія. Можно сказать даже, что всѣ типы совре-

менныхъ европейскихъ череповъ имѣли представителей уже въ періодъ каменнаго вѣка, и что все различіе сводится только къ большему или меньшему преобладанію извѣстныхъ типовъ. Такъ типъ, наиболѣе характеристичный для древнихъ Германцевъ, который встрѣчается всего чаще въ могилахъ такъ-называемой франко-аллеманской эпохи (Reithen gräber),—типъ долихоцефальный, или какъ его опредѣляетъ точнѣе Колльманъ, лептопрозопо-долихоцефальный, въ современномъ населеніи Германіи и Франціи встрѣчается много рѣже, и господствующимъ типомъ является здѣсь теперь брахицефальный. Этотъ послѣдній разсматривается обыкновенно, какъ результатъ вліянія позднѣйшихъ этническихъ элементовъ, главнымъ образомъ славянскаго и кельто-римскаго, которые признаются брахицефальными, однако безъ достаточно убѣдительныхъ основаній. Теперь у Славянскихъ племенъ дѣйствительно преобладаетъ, по видимому, брахицефалія, какъ и у населенія Германіи и Франціи, но 800 или 900 лѣтъ тому назадъ и на почвѣ Россіи, какъ то доказываютъ раскопки кургановъ, преобладающимъ типомъ череповъ былъ долихоцефальный. Такимъ образомъ, въ началѣ исторической эпохи мы встрѣчаемъ въ большей части Европы преобладаніе долихоцефальнаго типа, который затѣмъ начинаетъ все болѣе и болѣе уступать брахицефальному. Этотъ послѣдній, однако, нельзя разсматривать, какъ нѣчто новое; онъ существовалъ и прежде, но съ теченіемъ времени получилъ большее распространеніе, отчасти, вѣроятно, отъ смѣшенія съ долихоцефальнымъ типомъ; причемъ онъ оказался, по видимому, болѣе способнымъ передавать свои особенности потомству, отчасти, можетъ быть, отъ большей устойчивости сравнительно съ склоннымъ къ вымиранію долихоцефальнымъ типомъ. Какъ бы то ни было, оба эти типа—и тотъ, который преобладалъ въ началѣ исторической эпохи, и тотъ, который преобладаетъ теперь, были и остаются распространенными въ большей части Европы, то-есть, существовали и существуютъ у различныхъ народностей, точно также, какъ и на оборотъ, у одной и той же народности можетъ быть, и въ дѣйствительности имѣется, по нѣскольку типовъ, то-есть, другими словами, народность можетъ заключать въ себѣ представителей различныхъ расъ. Но если это такъ, то можно ли говорить о вліяніи расы на большій или меньшій процентъ самоубійствъ, основываясь только на статистическихъ цифрахъ для извѣстныхъ государствъ и провинцій и на выводахъ исторіи относительно состава населенія послѣднихъ? Можно ли, напримѣръ, говорить о германской расѣ, когда мы знаемъ, что въ образованіи Германскаго племени

принимали участіе нѣсколько расъ, вошедшихъ также въ составъ другихъ европейскихъ племенъ, и когда, съ другой стороны, мы имѣемъ основанія полагать, что нынѣшняя германская народность представляетъ иной расовый составъ (хотя изъ тѣхъ же элементовъ, но и въ иныхъ пропорціяхъ), чѣмъ Германское племя V—IX вѣковъ? Для того, чтобъ имѣть возможность прійдти въ этомъ отношеніи къ какому-нибудь выводу, нужно предварительно собрать матеріалы по изученію расовыхъ признаковъ самоубійцъ различныхъ странъ и сопоставить ихъ съ данными относительно расовыхъ типовъ въ населеніи тѣхъ же странъ вообще. Положимъ, мы нашли бы, напримѣръ, что въ населеніи извѣстной страны преобладаетъ типъ *a*, но существуютъ еще типы *b*, *c*..., при чемъ относительная распространенность ихъ можетъ быть выражена приблизительно отношеніемъ: 50: 30: 10...; съ другой стороны, положимъ, мы нашли бы, что между самоубійцами тѣ же типы встрѣчаются въ отношеніи: 30: 40: 8... Изъ этихъ данныхъ мы могли бы заключить, что типъ *b* представляетъ въ данной странѣ бо́льшую наклонность къ самоубійству, чѣмъ *a* и *c*, такъ какъ къ нему относится болѣе половины самоубійцъ, между тѣмъ какъ въ населеніи вообще типъ этотъ соотвѣтствуетъ только одной трети. Если бы затѣмъ тотъ же фактъ оказался и въ другихъ странахъ, населеніе коихъ представляетъ тѣ же типы, тогда нашъ выводъ пріобрѣлъ бы характеръ значительной достовѣрности и могъ бы быть болѣе обобщенъ, то-есть, можно бы заключить, что типъ *b* вообще болѣе склоненъ къ самоубійству. Но покуда мы не имѣемъ никакихъ наблюденій въ этомъ направленіи, а потому и не можемъ говорить о вліяніи расы, какъ опредѣленнаго фактора. Всѣ наши данныя о самоубійствахъ относятся лишь къ извѣстнымъ государствамъ, и мы можемъ—самое большее—разсуждать только о наклонности къ самоубійству извѣстнаго племени, то-есть, группы народностей, говорящихъ болѣе или менѣе родственными языками, или—извѣстной націи, могущей заключать въ себѣ представителей различныхъ расъ и племенъ. Но и эти соотношенія должны быть выводимы съ большою осторожностью, такъ какъ вообще вліяніе расы или племени на бо́льшую или меньшую тенденцію къ самоубійству представляется сомнительнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ, напримѣръ, расу, то-есть, извѣстный физическій типъ. Мы можемъ, конечно, предполагать, хотя это и не доказано, что извѣстнымъ наружнымъ признакамъ, извѣстной формѣ черепа соотвѣтствуетъ извѣстная форма мозга, опредѣленный типъ мозговыхъ извилинъ, а также, по связи мозга съ умственною дѣя-

тельностью, извѣстныя способности и наклонности. Но, не говоря уже о томъ, что въ этомъ случаѣ большое вліяніе можетъ оказывать индивидуальность, семейная наслѣдственность, характеръ испытываемыхъ впечатлѣній, воспитаніе и пр.,—что варіяціи формы и строенія мозга могутъ слѣдовать иному закону, чѣмъ, напримѣръ, варіяціи наружныхъ покрововъ или формы черепа, — мы, во всякомъ случаѣ, не можемъ считать наклонность къ убійству чѣмъ-то прирожденнымъ расѣ. Подобная наклонность можетъ развиваться только подъ вліяніемъ извѣстныхъ вліяній и впечатлѣній, обусловливаемыхъ большею частью отношеніями особи къ окружающему ее обществу, а также тѣлеснымъ и душевнымъ состояніемъ самой особи, зависящимъ въ свою очередь отъ многихъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ. Но эти вліянія и отношенія мѣняются съ особями, семьями, обществами, сословіями и классами населенія, родомъ занятій, религіей, образованіемъ, народностью, эпохой; во всякомъ случаѣ, онѣ весьма разнообразны въ предѣлахъ одной расы, и на оборотъ могутъ представлять много сходнаго по отношенію къ особямъ различныхъ расъ и племенъ. О вліяніи расы можно было бы еще говорить въ томъ случаѣ, если бы мы имѣли основанія думать, что тенденція къ самоубійству составляетъ особый видъ помѣшательства, связаннаго съ патологическимъ измѣненіемъ въ мозгу, при чемъ у насъ были бы данныя, что извѣстное строеніе или форма мозга предрасполагаетъ къ тому или другому виду душевныхъ болѣзней. Но подобными данными мы еще не располагаемъ, равно какъ и не имѣемъ основанія утверждать, чтобы самоубійство, вызываемое иногда умопомѣшательствомъ, обусловливалось всегда ненормальными состояніями или процессами въ мозгу.

Что касается вліянія племени, характеристическимъ признакомъ котораго можетъ служить только языкъ, то вліяніе это представляется еще болѣе сомнительнымъ. Общность или близкое родство языковъ не подразумѣваетъ ни одинаковости физическаго типа, ни тождества вліяній и отношеній, опредѣляющихъ умственное развитіе, чувство, характеръ, силу воли, наклонности особей. Самоубійство есть извѣстное проявленіе воли, вызываемое или сознательнымъ умозаключеніемъ, или безсознательнымъ увлеченіемъ извѣстнымъ чувствомъ или представленіемъ, или наконецъ, тѣмъ и другимъ одновременно; во всякомъ случаѣ, этотъ волевой импульсъ зависитъ, съ одной стороны, отъ характера и интенсивности получаемыхъ мозгомъ впечатлѣній, съ другой—отъ воспріимчивости мозга, его способности къ вообра-

женію, представленію, рефлексіи, умозаключенію и т. д. Оба эти условія опредѣляются несомнѣнно, главнымъ образомъ, физіологическимъ состояніемъ особи и ея отношеніями къ окружающимъ ее людямъ, и на изученіе этихъ двухъ факторовъ и должно быть обращено преимущественное вниманіе.

Сомнительность вліянія расы, племени, народности, только какъ таковыхъ, подтверждается и сравненіемъ имѣющихся статистическихъ данныхъ. Такъ, мы видимъ, что въ средѣ тѣхъ же расъ, племенъ и народностей процентъ самоубійствъ можетъ быстро возростать, и на оборотъ, временами, значительно понижаться. У народовъ, относящихся къ одному и тому же племени, напримѣръ, Германскому, мы встрѣчаемъ значительныя колебанія въ относительномъ числѣ самоубійствъ по народностямъ и государствамъ. Въ средѣ одной и той же народности города даютъ иной процентъ, нежели деревни, зима меньшій, нежели лѣто, земледѣльцы—иной нежели военные, женскій полъ—гораздо меньшій, нежели мужской, различные возрасты представляютъ довольно правильную градацію. Славянское племя, по статистическимъ даннымъ, оказывается менѣе наклоннымъ къ самоубійству, чѣмъ Германское, однако населеніе Саксоніи и Пруссіи, выказывающее значительную тенденцію къ лишенію себя жизни, несомнѣнно, состоитъ въ значительной степени изъ потомковъ онѣмеченныхъ Славянъ. Вліяніе финскаго элемента принимается обусловливающимъ пониженіе тенденціи къ самоубійству въ Швеціи и Норвегіи, и на оборотъ, повышающимъ его въ Европейской Россіи. Вообще можно привести много примѣровъ, способныхъ возбуждать сомнѣніе въ дѣйствительности или по крайней мѣрѣ значительности вліянія, обусловливаемаго непосредственно расою или племенемъ.

Три факта могутъ, по видимому, быть констатированы во всѣхъ болѣе значительныхъ серіяхъ статистическихъ данныхъ по самоубійству: это, во первыхъ, вліяніе временъ года, и вовторыхъ, вліяніе пола и возраста. Повсюду въ Европѣ minimum самоубійствъ приходится на зиму, вездѣ женское населеніе значительно менѣе склонно къ лишенію себя жизни, нежели мужское, и вездѣ, по видимому, тенденція къ самоубійству возрастаетъ съ возрастомъ. Вагнеръ и Морзелли пришли, правда, къ выводу, что въ глубокой старости (съ 70 или 80 лѣтъ) тенденція къ самоубійству ослабѣваетъ; но слѣдуетъ замѣтить, что для этого возраста приходится имѣть дѣло съ весьма незначительными абсолютными цифрами. Для всѣхъ же другихъ возрастовъ и вездѣ, гдѣ имѣются болѣе обстоятельныя

данныя, указанный фактъ, по видимому, подтверждается на столько, что его необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи тенденціи къ самоубійству для тѣхъ или другихъ категорій населенія. Между тѣмъ это условіе не всегда соблюдается, что̀ обусловливается недостаткомъ матеріала, происходящимъ отъ неполноты въ регистраціи случаевъ самоубійствъ. Такъ, напримѣръ, статистическія данныя показываютъ, что процентъ самоубійствъ весьма неодинаковъ между состоящими въ бракѣ, холостыми и вдовыми, что въ деревнѣ онъ—иной, нежели въ городѣ, и представляетъ значительныя варіаціи по роду занятій и профессіямъ. Но при выведеніи данныхъ для всѣхъ этихъ категорій необходимо было бы принимать во вниманіе распредѣленіе по возрастамъ и сравнивать данныя только для соотвѣтственныхъ возрастовъ. Въ городахъ тенденція къ самоубійству, по видимому, выше, чѣмъ въ остальной странѣ: во Франціи на 1 мильонъ жителей въ деревняхъ (domicile rural) приходится 112 самоубійствъ, въ городахъ (domicile urbain) — 167, въ Парижѣ — 328 въ Даніи (за періодъ 1866—1875) среднее годовое число случаевъ самоубійства на 1 милліонъ населенія было: въ деревняхъ—257, въ городахъ—275, въ Копенгагенѣ—312 (во всей странѣ—258). Съ другой стороны, данныя для нѣкоторыхъ государствъ (Данія, Франція, Саксонія и др.) показываютъ, что холостые лишаютъ себя жизни чаще чѣмъ женатые, но еще болѣе часты самоубійства между вдовыми и разведенными, при чемъ однако мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о возрастѣ самоубійцъ. При сопоставленіи этихъ выводовъ, у насъ является вопросъ: не можетъ ли меньшій процентъ самоубійствъ въ деревняхъ объясняться до извѣстной степени бо̀льшимъ числомъ лицъ, живущихъ въ бракѣ, или наоборотъ, не вліяетъ ли на уменьшеніе наклонности къ самоубійству живущихъ въ бракѣ то обстоятельство, что между ними сравнительно больше сельскихъ жителей, нежели городскихъ? Къ сожалѣнію, имѣющіяся статистическія данныя не даютъ возможности придти въ этомъ отношеніи къ опредѣленному заключенію; по мнѣнію Вестергарда (Westergaard, Die Lehre von der Mortalität und Morbilität. Jena 1882), для Даніи различіе между деревней и городомъ обусловливается въ значительной степени неодинаковымъ составомъ населенія (то-есть неодинаковымъ отношеніемъ между числомъ холостыхъ и женатыхъ). Весьма интересно было бы прослѣдить вліяніе на тенденцію къ самоубійству образованія, но матеріаловъ для этого весьма недостаточно. Во-первыхъ, не имѣется подробныхъ указаній на степень образованія от-

дѣльныхъ самоубійцъ, а вовторыхъ, весьма трудно опредѣлить съ достаточною точностью степень образованности извѣстной области, страны, категоріи населенія. Кромѣ того, трудно выдѣлить при этомъ вліяніе возраста и семейнаго состоянія, играющихъ между тѣмъ значительную роль въ колебаніи процента самоубійствъ.

Какъ важно имѣть подъ руками возможно большее число данныхъ для заключенія о степени вліянія того или другаго фактора, явствуетъ изъ слѣдующаго примѣра, приведеннаго Вестергардомъ. Въ статьѣ Седлачека о самоубійствахъ въ Вѣнѣ въ 1854—1878 гг. указано между прочимъ, что процентъ самоубійствъ въ этомъ городѣ выше въ болѣе достаточныхъ кварталахъ, чѣмъ въ бѣдныхъ. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ—вліяніемъ ли экономическихъ условій, степени образованія, различія профессій, или просто тѣмъ, что въ бѣдныхъ кварталахъ относительно больше дѣтей, или наконецъ, вліяніемъ многихъ банкротствъ, случившихся въ Вѣнѣ въ 1874—1878 гг.? Такъ какъ авторъ не выдѣлилъ вліяніе возраста и не могъ прослѣдить вліяніе другихъ факторовъ, то на основаніи его данныхъ нельзя сдѣлать опредѣленнаго вывода, годнаго для дальнѣйшихъ приложеній.

Большій процентъ самоубійствъ въ городахъ, сравнительно съ деревнями, можетъ обусловливаться, помимо различія въ относительномъ числѣ женатыхъ и холостыхъ, дѣтей и взрослыхъ, еще различіемъ занятій, скопленіемъ въ городахъ пролетаріата и болѣе сильнымъ развитіемъ здѣсь общественной жизни, конкуренціи, борьбы за существованіе. Весьма значительный процентъ самоубійцъ даютъ бродяги, нищіе, слуги, проститутки, лица безъ опредѣленныхъ занятій, лица либеральныхъ профессій, военные, учащіеся, заключенные; все категоріи, которыя преобладаютъ въ городахъ. Въ Россіи, въ Петербургѣ и Москвѣ, большій процентъ доставляютъ разночинцы, иностранцы, ремесленники, учащіеся, во Франціи—либеральныя профессіи (половина всего числа самоубійствъ), въ Италіи—правящіе классы (торговцы, чиновники, интеллигенція) и т. д. Тенденція къ самоубійству военныхъ почти вездѣ выше тенденціи въ остальномъ населеніи страны соотвѣтственнаго возраста. Такъ, во Франціи, въ 1862—1867 гг., армія доставляла ежегодно 510 самоубійствъ на 1 милліонъ, а остальное населеніе только, 194; въ Италіи, въ 1871—1875 гг., наклонность къ самоубійству военныхъ была въ четыре раза сильнѣе, чѣмъ вообще въ населеніи мужскаго пола, въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ; въ Англіи замѣчается подобное же отношеніе, именно число само-

убійствъ среди военныхъ въ три раза больше числа самоубійствъ въ мужскомъ населеніи страны, въ возрастѣ отъ 20 до 45 лѣтъ. Въ Австріи это отношеніе еще поразительнѣе: въ 1869—1873 гг. здѣсь было констатировано, между военными, 866 случаевъ самоубійствъ на 1 милліонъ, тогда какъ вообще у населенія страны соотвѣтственнаго возраста только 122 на 1 милліонъ. Въ германской арміи замѣчается прогрессивное возрастаніе числа самоубійствъ, съ 0,46 на 1000 (въ 1846—1863 гг.) до 0,57 (въ 1867—1875 гг.) и до 0, 69—въ 1877 году, не смотря на то, что средняя продолжительность военной службы здѣсь составляетъ только $2^2/_3$ года. Въ Россіи, по старымъ изслѣдованіямъ академика Германа, въ средѣ крестьянъ было 59,7 самоубійствъ на 1 милліонъ, у людей среднихъ классовъ—48,0, у дворянъ—90,0, а у нижнихъ воинскихъ чиновъ—332,3 на 1 милліонъ. Походы, усиленная дѣятельность, военное положеніе, по видимому, понижаютъ тенденцію къ самоубійству у военныхъ; въ Россіи кавказская армія доставляла только 95 самоубійцъ на 1 милліонъ; въ Босніи и Герцеговинѣ, въ австрійскихъ войскахъ, было въ послѣдніе годы только 136 случаевъ на 1 милліонъ. Въ италіанской арміи офицеры доставляютъ, относительно, большій контингентъ самоубійцъ, чѣмъ нижніе чины. Въ средѣ заключенныхъ тенденція къ самоубійству также значительно повышается, но болѣе всего она проявляется въ домахъ предварительнаго заключенія, тогда какъ у осужденныхъ она сравнительно невелика и понижается съ продолжительностію заключенія (очевидно-тутъ вліяетъ привычка и надежда на освобожденіе).

Индивидуальные мотивы самоубійствъ весьма разнообразны; въ офиціальныхъ статистическихъ изданіяхъ наибольшее число случаевъ подводится подъ рубрики душевныхъ болѣзней и пьянства. Въ Пруссіи, Саксоніи, Франціи, Бельгіи около трети самоубійцъ регистрируются, какъ лишившіе себя жизни въ припадкѣ умопомѣшательства или какъ страдавшіе передъ смертью душевною болѣзнью. Въ Петербургѣ и Парижѣ этотъ мотивъ прилагается только къ $^1/_6$ всего числа самоубійствъ, а въ Вѣнѣ—только къ 9%; очевидно, что различіе въ данномъ случаѣ зависитъ также отъ метода и точности регистраціи. Существуютъ данныя, показывающія, что число душевнобольныхъ и идіотовъ возрастаетъ въ Европѣ. Такъ во Франціи съ 1836 по 1869 годъ населеніе возрасло на 11, 2% а число душевнобольныхъ на 530, 8%; съ другой стороны, изъ сопоставленія цифръ душевно-больныхъ въ разныхъ европейскихъ государствахъ, у Легуа,

Осіандера, Гауспера, явствуетъ, по видимому, что распредѣленіе душевно-больныхъ сходно въ общихъ чертахъ съ распредѣленіемъ самоубійствъ. Такъ, въ германскихъ странахъ приходится, приблизительно, 2 душевно больныхъ на 1000, въ кельто-романскихъ—1 на 1000, въ славянскихъ—0, 6 на 1000. Такимъ образомъ, душевныя болѣзни и самоубійство выказываютъ нѣкоторую аналогію въ своемъ распредѣленіи и возрастаніи, что̀ позволяетъ предположить, до извѣстной степени, нѣкоторую общность въ обусловливающихъ ихъ причинахъ. Къ сожалѣнію, статистика душевныхъ болѣзней находится еще въ весьма несовершенномъ состояніи и представляетъ еще менѣе точности, чѣмъ статистика самоубійствъ. Если фактъ возрастанія числа душевно-больныхъ можно считать вѣрнымъ, то онъ долженъ, въ свою очередь, оказывать вліяніе и на возрастаніе числа самоубійствъ.

Пьянство признается обыкновенно однимъ изъ главныхъ мотивовъ самоубійствъ, хотя опредѣлить болѣе точно его вліяніе весьма затруднительно. Офиціальные регистры щедро приписываютъ пьянству массу самоубійствъ, но въ какой мѣрѣ пьянство было въ этихъ случаяхъ непосредственнымъ мотивомъ, въ какой только косвеннымъ, и въ какой лишь совмѣстнымъ явленіемъ—рѣшить почти не возможно. Указываютъ на тотъ фактъ, что въ южныхъ странахъ (Испаніи, Италіи, южной Франціи), гдѣ злоупотребленіе спиртными напитками менѣе распространено, самоубійства совершаются много рѣже, чѣмъ въ сѣверныхъ (Германіи, Сѣверной Франціи, Даніи), гдѣ пьянство болѣе обыкновенно. Однако въ славянскихъ странахъ пьянство проявляется еще въ болѣе рѣзкихъ формахъ, а между тѣмъ тенденція къ самоубійству здѣсь значительно ниже. Во всякомъ случаѣ, пьянство представляетъ аналогію съ самоубійствомъ въ томъ отношеніи, что оно также возрастаетъ въ средней и сѣверной Европѣ, что̀ выражается какъ въ возрастаніи количества потребляемыхъ напитковъ, такъ и мѣстъ продажи ихъ. Въ свою очередь увеличеніе пьянства возвышаетъ процентъ душевныхъ болѣзней (особенно delirium tremens), что̀ косвенно должно оказывать вліяніе и на тенденцію къ самоубійству, равно какъ и на увеличеніе числа преступленій и проступковъ (что̀ и подтверждается для Пруссіи и Франціи).

Меньшее значеніе представляютъ другіе мотивы: матеріальныя невзгоды, утомленіе жизнью, горе и обиды, физическія страданія, стыдъ и страхъ наказанія, любовь. Матеріальные мотивы самоубійствъ играютъ, по видимому, бо̀льшую роль въ Россіи, но вообще для Европы

экономическія условія не стоятъ въ непосредственномъ соотношеніи съ тенденціей къ самоубійству. Такъ, колебанія въ цѣнѣ на хлѣбъ не обусловливаютъ соотвѣтственныхъ колебаній въ цифрахъ самоубійствъ. Извѣстный процентъ самоубійствъ вызывается также политическими мотивами, но по даннымъ (правда довольно скуднымъ) собраннымъ Морзелли, революціи и войны скорѣе понижаютъ тенденцію къ самоубійству.

Нельзя умолчать также о вліяніи инстинкта подражательности, подъ вліяніемъ котораго самоубійство можетъ иногда принимать характеръ эпидеміи. Такая эпидемія самоубійства была въ 1793 г. въ Версали (1300 жертвъ), въ 1805 г. въ Булонскомъ лѣсу, въ 1806 г. въ Руанѣ (объясняютъ—сильными жарами и промышленнымъ кризисомъ), въ 1811 г. въ Штутгардтѣ, въ 1813 г. въ одной деревнѣ Saint-Pierre-Monjau и т. д. Въ 1772 году пятнадцать инвалидовъ повѣсились въ Парижѣ, въ теченіе небольшаго промежутка времени, на одномъ и томъ же крючкѣ; уничтожили крючекъ, и манія прекратилась. Въ 1843 г. одинъ человѣкъ въ Парижѣ бросился съ Іюльской колонны; въ скоромъ времени его примѣру послѣдовалъ другой, бросившійся съ Вандомской колонны, и затѣмъ еще нѣсколько, бросившихся съ Notre Dame de Paris, съ Arc de Triomphe и т. д. Въ 1862 г. появилась эпидемія самоубійства въ 4-мъ егерскомъ полку французской арміи, въ 1864 г.—въ 15-мъ линейномъ, въ 1868—въ 41-мъ линейномъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, у отдѣльныхъ особей были, конечно, и свои мотивы, но несомнѣнно, что примѣръ игралъ также значительную роль, и по всей вѣроятности, оказалъ рѣшающее вліяніе.

Многіе новѣйшіе изслѣдователи, Эттингенъ, Мазарикъ, отчасти также Легуа̀ и Морзелли, видятъ одну изъ главныхъ причинъ современнаго возрастанія тенденціи къ самоубійству въ утратѣ или ослабленіи религіознаго чувства. Такъ, Эттингенъ (Oettingen, Ueber acuten und chronischen Selbstmord, 1881) обвиняетъ особенно „матеріализмъ и атеизмъ", а Мазарикъ (Masaryk, Der Selbstmord als sociale Massenerscheinung d. modern. Civilisation. W. 1881, стр. 174) признаетъ „современное возрастаніе массы самоубійствъ слѣдствіемъ паденія того цѣлостнаго міровозрѣнія, которое послѣдовательно укоренилось въ народныхъ массахъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ чрезъ христіанство". „Борьба свободной мысли съ позитивными религіями ведетъ"—по мнѣнію того же автора—„къ потерѣ религіозности массами; потеря же религіозности означаетъ интеллектуальную и моральную анархію и смерть". Подтвержденіе своему мнѣнію Мазарикъ видитъ

между прочимъ, въ фактѣ преобладанія самоубійствъ въ протестантскихъ странахъ и въ средѣ „либеральныхъ профессій". Легуа́ отыскиваетъ причины въ темныхъ сторонахъ современнаго прогресса. Онъ спрашиваетъ: „Современный прогрессъ увеличилъ ли средства къ удовлетворенію нашихъ нуждъ? Скорѣе ли мы достигаемъ теперь нашихъ цѣлей? Пути—менѣе ли загромождены препятствіями, разочарованія—рѣже ли? Сдѣлались ли мы лучше; духъ согласія, братства, милосердія болѣе ли распространенъ между нами? Члены семейства тѣснѣе ли связаны между собою? Любимъ ли мы болѣе, искреннѣе другъ друга? Увы, можно усомниться, когда присутствуешь при этой страшной игрѣ политической вражды....., когда видишь эту постоянную борьбу капитала и труда, этого возрастанія антагонизма. Мы богаче, но наше стремленіе къ благосостоянію не возрастаетъ ли въ пропорціи высшей противъ той, съ какою увеличиваются средства къ его достиженію, и наша бѣдность, бѣдность относительная, не больше ли теперь, чѣмъ была прежде?... Наконецъ, прежде для жертвъ этой судьбы оставалось одно могущественное утѣшеніе, одна высокая нравственная сила,—вѣра въ лучшій міръ, который вознаградитъ за здѣшній. Теперь эта вѣра—по словамъ новѣйшихъ философовъ—есть ничто иное, какъ новая глава изъ исторіи человѣческихъ заблужденій и суевѣрій. Но если это такъ, то скоро не останется ничего для удрученныхъ и обремененныхъ кромѣ выбора между сумасшествіемъ и самоубійствомъ" [1]).

Не такъ мрачно смотритъ Морзелли, видящій въ самоубійствѣ „результатъ борьбы за существованіе и подбора, происходящихъ въ человѣческомъ родѣ въ силу закона развитія культуры". Борьба, конкуренція, говоритъ онъ,—составляютъ для человѣческихъ обществъ плодотворный источникъ развитія и прогресса, но отдѣльныя особи имѣютъ неодинаковую вѣроятность успѣха. Природа мало справедлива къ слабымъ, она покровительствуетъ сильнымъ, умнымъ, ловкимъ, а слабосильныхъ, неспособныхъ, съ недостатками отдаетъ на жертву. Такъ постоянно устраняются особи, стоящія ниже уровня и слабыя, результатомъ паденія коихъ являются нищета, болѣзни, сумасшествіе, самоубійство. „Самоубійство растетъ у отдѣльныхъ народовъ со степенью цивилизаціи не столько потому, что при высшемъ развитіи мозга увеличиваются и требующія удовлетворенія потребности, сколько потому, что мозгъ начинаетъ принимать болѣе силь-

[1]) *Legoyt*. Le Suicide. P. 1881. Введеніе, V.

ное участіе въ борьбѣ за существованіе". Вмѣстѣ съ тѣмъ Морзелли признаетъ и вліяніе на самоубійство религіи, или вѣрнѣе ея утраты. „Современная эпоха перехода отъ идеализма къ позитивизму", говоритъ онъ,—„неизбѣжно должна оказывать вліяніе на помутнѣніе этическаго сознанія въ слабыхъ и неразвитыхъ умахъ, увлеченія коихъ сдерживались до сихъ поръ узами религіи. Свѣтъ новаго идеала еще не проникъ въ эти души, скепсисъ подрываетъ ихъ способность противустоять несчастіямъ, и они неудержимо идутъ на встрѣчу самоуничтоженію". Морзелли смотритъ, впрочемъ, съ надеждою на будущее: „Нѣтъ сомнѣнія", говоритъ онъ, что—„самоубійство будетъ уменьшаться у цивилизованныхъ народовъ, когда возстановится равновѣсіе между индивидуальными потребностями и соціальною возможностью, когда каждый будетъ нести въ себѣ сознаніе долга, сознаніе обязанности—жертвовать собственнымъ эгоизмомъ для блага цѣлаго".

Г. Лихачевъ придерживается въ своихъ выводахъ взглядовъ Морзелли, но съ нѣкоторыми колебаніями и отступленіями. „Быть можетъ", говоритъ онъ (стр. 151—152),—„самоубійство есть необходимое слѣдствіе обострившейся борьбы за существованіе, можетъ быть, упадка религіознаго чувства—менѣе глубокой, менѣе общей причины. Но причинами, увеличивающими наклонность къ самоубійству людей, являются то дурныя экономическія условія, то политическія, измѣнять которыя мы можемъ. Мы не можемъ уничтожить самоубійства—прекратить жизнь остается естественнымъ правомъ человѣка; но отъ насъ зависитъ уменьшить число тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ самоубійство является не правомъ, но печальною необходимостью, и которыхъ убиваемъ мы, измѣняя къ худшему экономическую жизнь, или не улучшая всего быта государства". Авторъ не поясняетъ однако, какія экономическія условія и какая форма быта цивилизованнаго государства способны понижать тенденцію къ самоубійству до минимума, что впрочемъ и понятно, если принять во вниманіе, что самъ же авторъ (на стр. 88) указываетъ „на малое вліяніе, какое на тенденцію къ самоубійству оказываютъ перемѣны экономическихъ условій" и замѣчаетъ (на стр. 89), что „объ отношеніи тенденціи къ самоубійству къ политическимъ условіямъ жизни народа можно еще менѣе сказать достовѣрнаго, чѣмъ о вліяніяхъ экономическаго свойства".

Исходя изъ факта, что самоубійство встрѣчается чаще въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ, и особенно часто въ столицахъ, а также, что во Франціи, Италіи и нѣкоторыхъ другихъ государ-

ствахъ наибольшій, относительно, контингентъ самоубійцъ даютъ правящіе классы, либеральныя профессіи, вообще интелигенція, — Якоби (P. Jacoby, Etudes sur la selection dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme, p. 1881) смотритъ на самоубійство, какъ на одно изъ явленій вырожденія интеллектуально-привиллегированныхъ классовъ. Подобно тому, какъ, по его изслѣдованіямъ, результатами подбора соціальныхъ привиллегій и политическаго и экономическаго неравенства является невѣжество и нищета внизу, умопомѣшательство, преступность и безплодіе вверху (примѣры: фамилія Августа, нѣкоторые владѣтельные дома западной Европы, многіе роды патриціевъ, англійскихъ лордовъ и т. д.), такъ и въ результатѣ естественнаго подбора интеллектуальныхъ и моральныхъ привиллегій является накопленіе въ городахъ способностей, талантовъ, энергіи, дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нервныхъ болѣзней, френопатій, самоубійства, смертности дѣтей, безплодія и, наконецъ, вымиранія, тогда какъ въ деревняхъ усиливается невѣжество и тупость. Этимъ объясняется, по мнѣнію Якоби, разцвѣтъ и паденіе древнихъ цивилизацій, и подобная же участь (умственнаго и нравственнаго истощенія) ожидаетъ, по его словамъ, и современныя націи западной Европы. Все то, что выдѣляется надъ массою—въ политическомъ, экономическомъ или интеллектуальномъ отношеніи—получаетъ, вслѣдствіе этого самаго превосходства, зародыши вырожденія, и усвоивая себѣ избытокъ, косвенно обусловливаетъ недостатокъ въ остальной массѣ, что, въ концѣ концовъ, отражается неблагопріятно на обоихъ: Потомство всѣхъ этихъ, выдѣлившихся изъ массы, особей и классовъ, болѣе или менѣе скоро вырождается и вымираетъ, и будущее человѣчество составятъ не потомки богатыхъ, ученыхъ, энергичныхъ, развитыхъ, а потомки земледѣльцевъ—рабочихъ, мѣщанъ, однимъ словомъ—низшихъ и маленькихъ людей. Авторъ приводитъ изреченіе папы Климента IV: „Humana imprudentia impares esse voluit, quos Deus coaequaverat" и заключаетъ предисловіе своей, глубоко продуманной книги восклицаніемъ: „l'avenir est aux médiocrités" (будущее принадлежитъ посредственностямъ).

Здѣсь не мѣсто, конечно, входить въ разсмотрѣніе этихъ важныхъ выводовъ г. Якоби, изъ коихъ мы отмѣтимъ только тотъ, что возрастаніе тенденціи къ самоубійству есть такое же сопровождающее развитіе культуры явленіе, какъ и умноженіе нервныхъ болѣзней, френопатій, безплодія и другихъ признаковъ вырожденія. Составляя фактъ, почти недоступный регулированію извнѣ, оно, по ви-

димому, только въ ограниченной степени зависитъ отъ воли особей, которая обусловливается совокупностью, преобладающихъ въ данный моментъ, вліяній. Пріятно питать, подобно г. Лихачеву, надежду на будущее и вѣрить, что „политическая экономія и юстиція, со временемъ, при правильномъ развитіи своемъ, уничтожатъ въ человѣческомъ обществѣ позорящее его желаніе смерти",—но авторъ не поясняетъ соотношенія между экономическимъ и юридическимъ развитіемъ, съ одной стороны, и тенденціей къ самоубійству, съ другой, такъ что мы остаемся въ невѣдѣніи, на чемъ именно основывается надежда автора. Покуда наши свѣдѣнія о причинахъ, обусловливающихъ самоубійство, весьма недостаточны для того, чтобы прійдти въ этомъ отношеніи къ убѣдительному выводу, и необходимы еще многія, дружныя усилія статистики, антропологіи, нервной физіологіи, психіатріи и другихъ, соприкасающихся съ ними отраслей знанія, чтобы внести болѣе свѣта въ эту еще столь темную область нравственной статистики.

Самый способъ регистраціи самоубійствъ еще весьма далекъ отъ совершенства, и не только многіе случаи, по разнымъ причинамъ, остаются не регистрированными, но и тѣ, которые попадаютъ въ регистры, записываются не со всѣми желательными частностями и подробностями. Притомъ, для изученія тенденціи къ самоубійству важно было бы принять во вниманіе и не удавшіяся покушенія на самоубійство, но привести ихъ вполнѣ въ извѣстность почти не возможно, а еще труднѣе выяснить ихъ причину и дѣйствительные мотивы. Приходится по неволѣ ограничиваться только сравненіемъ совершившихся самоубійствъ и принимать во вниманіе лишь болѣе обстоятельныя данныя за послѣднія десятилѣтія. Изъ этихъ данныхъ, какъ они ни ограниченны, можно однако вывести заключеніе, что въ вышеприведенныхъ мнѣніяхъ Мазарика, Эттингена и др. о связи тенденціи къ самоубійству съ упадкомъ религіознаго чувства есть преувеличеніе и односторонность. Высказывая подобныя мнѣнія, авторы, очевидно, имѣли въ виду по преимуществу данныя для городовъ и случаи въ средѣ интеллигенціи, забывая о случаяхъ самоубійствъ, совершаемыхъ въ деревняхъ, въ средѣ крестьянъ и мѣщанъ, и особами, не выдѣляющимися по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ ничѣмъ отъ окружающей ихъ массы. Относительно нѣкоторыхъ самоубійцъ мы имѣемъ прямое подтвержденіе въ оставленныхъ ими запискахъ, что они были до конца людьми вѣрующими, сознававшими свой грѣхъ и надѣявшимися на искупленіе его молитвою—своею

или своихъ близкихъ. Извѣстно даже нѣсколько случаевъ, когда самоубійство было непосредственно вызвано религіозными мотивами (конечно—извращенными), но вообще религіозное настроеніе передъ смертью является, по видимому, у самоубійцъ скорѣе рѣдкимъ исключеніемъ.

Возвращаясь къ книгѣ г. Лихачева, мы позволимъ себѣ выразить мнѣніе, что было бы болѣе цѣлесообразно, еслибы данныя о Россіи были обработаны имъ отдѣльно, въ особой главѣ или въ отдѣльныхъ параграфахъ главъ, или же—если бы вездѣ была проведена наглядная параллель между цифрами для Россіи и для различныхъ государствъ западной Европы. Между тѣмъ, въ книгѣ г. Лихачева эти данныя разбросаны, такъ что составить изъ нихъ цѣлостное представленіе (особенно при отсутствіи алфавитнаго указателя) требуетъ усилій и отчасти даже не возможно, такъ какъ онѣ не сконцентрированы въ рядъ болѣе опредѣленныхъ положеній. Отсутствіе наглядности и нѣкоторая разбросанность замѣчаются и вообще въ сочиненіи г. Лихачева, которое читается, правда, легко и съ интересомъ, но которымъ не возможно удовлетвориться, если имѣется въ виду полученіе болѣе яснаго представленія о вліяніи того или другаго условія, въ различныхъ странахъ, на тенденцію къ самоубійству. Авторъ, напримѣръ, говоритъ о соотношеніи между наклонностью къ самоубійству и народнымъ образованіемъ, нравственностью, преступностью, распространеніемъ душевныхъ болѣзней и т. д., но не приводитъ цифровыхъ данныхъ, которыя позволяли бы составить болѣе опредѣленное понятіе объ этихъ условіяхъ въ различныхъ государствахъ. Могутъ возразить, что сопоставленіе всѣхъ этихъ данныхъ увеличило бы значительно размѣры книги, но намъ кажется, что нѣкоторые отдѣлы ея могли бы быть сокращены, и все изложеніе болѣе концентрировано. Впрочемъ, такая концентрація могла придать книгѣ бо̀льшую сухость и сдѣлать ее менѣе удобочитаемою, а авторъ, конечно, долженъ былъ имѣть въ виду бо̀льшую распространенность своего сочиненія. Во всякомъ случаѣ, книга г. Лихачева представляетъ пріятное явленіе въ нашей статистической литературѣ, столь еще бѣдной оригинальными изслѣдованіями соціальныхъ явленій, въ ряду которыхъ самоубійство является, безспорно, однимъ изъ интереснѣйшихъ для мыслителя-моралиста.

Д. А—нъ.

Грађа за историју Краљевине Србије. Време прве владе кнеза Милоша Обреновића. Приредили Вукашин *І. Петровић* и Др. *Ник. І. Петровић*. Књига прва, од 1815 до 1821 године. (Матеріалъ для исторіи Королевства Сербіи. Время правленія князя Милоша Обреновича. Собрали *Вукашинъ* и *Николай Петровичи*. Томъ первый, отъ 1815 до 1821 года). У Београду. 1882.

Въ русской исторической литературѣ имѣется, быть можетъ, самое капитальное изъ существующихъ сочиненій по новой исторіи Сербіи. Я разумѣю два большіе тома „Россія и Сербія", принадлежащіе перу профессора Н. А. Попова. Русскій ученый въ высшей степени заботливо воспользовался массою не изданныхъ матеріаловъ по новой исторіи Сербіи; онъ талантливо изложилъ и исторію возстаній Сербскаго народа, приведшихъ къ образованію Сербскаго государства, которое, такъ сказать, на этихъ дняхъ воскресило и свое старое имя королевства. Но почтенный ученый, слѣдя шагъ за шагомъ за политическимъ ростомъ Сербскаго государства, не всегда могъ достаточно изобразить и внутренній ростъ Сербіи. Едва ли, впрочемъ, кто можетъ это поставить въ вину автору замѣчательнаго труда „Россія и Сербія". Дѣло въ томъ, что лишь въ послѣднее время въ Сербіи начинаютъ собирать, приводить въ порядокъ, вообще цѣнить старый актъ, старый документъ временъ князя Милоша. Въ послѣдніе годы начинаютъ появляться и въ печати эти документы, и пока, впрочемъ, лишь письма и акты, относящіеся ко времени Кара-Георгія и перваго правленія князя Милоша Обреновича (1815—1839 гг.) Для примѣра укажу на статью г. Мишковича въ XLVIII томѣ Гласника (стр. 152—220) подъ заглавіемъ „Матеріалъ для новой исторіи Сербіи". Г. Мишковичъ излагаетъ краткія біографическія свѣдѣнія нѣкоторыхъ сербскихъ воеводъ и юнаковъ временъ князей Кара-Георгія и Милоша. Затѣмъ авторъ статьи, самъ полковникъ и бывшій военный министръ въ Сербіи, описываетъ главныя битвы Сербовъ съ Турками разсматривая ихъ съ точки зрѣнія стратегіи и тактики. Между прочимъ онъ разсматриваетъ ходъ битвы у Ясики и Варварина; послѣдняя происходила 6-го сентября 1810 г., и въ ней русскія войска, вмѣстѣ съ Сербами, подъ предводительствомъ графа Орурка и Кара-Георгія, одержали побѣду надъ Турками въ открытомъ бою. Къ своему описанію г. Мишковичъ приложивъ планъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ происходилъ бой, съ указаніемъ расположенія войскъ. По мнѣнію автора, приходится признать большой военный талантъ первыхъ предводителей сербскихъ возстаній, ко-

торые умѣли и выбирать мѣстности для битвъ, и располагать свои силы такъ, какъ будто они руководствовались указаніями и правилами теоретической практики, о которой они, конечно, не имѣли понятія. Полковникъ Мишковичъ, говоря о битвѣ на Мишарѣ въ началѣ августа 1806 года, окончившейся побѣдою Сербовъ надъ визиремъ боснійскимъ Сулейманомъ-пашею, замѣчаетъ: „Сербы сдѣлали хорошій выборъ мѣстности и еще лучше расположили свои боевыя силы. Руководство въ битвѣ было прекрасное: видно единство въ всемъ ходѣ дѣла; выбранъ былъ вполнѣ удачно моментъ для штурма и хорошо воспользовались результатомъ побѣды для преслѣдованія непріятеля... „Все это начала", продолжаетъ авторъ,—„которыя новая тактика признаетъ лучшими и рекомендуетъ для военныхъ дѣйствій".

Между документами временъ Кара-Георгія и Милоша, напечатанными г. Мишковичемъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе „наставленіе" воеводѣ Чолакъ-Антѣ, данное Кара-Георгіемъ и „правительствующимъ совѣтомъ", о томъ, какъ онъ долженъ исполнять свою должность. Интересно замѣтить, что уже Кара-Георгій совершенно отдѣляетъ область суда отъ администраціи и строго запрещаетъ своему воеводѣ вмѣшиваться въ судебныя дѣла, которыми долженъ былъ вѣдать магистратъ. На воеводѣ лежала лишь обязанность приводить рѣшенія суда въ исполненіе (Гласник., т. 48, стр. 217). Другой документъ изъ числа болѣе замѣчательныхъ — это прокламація князя Милоша къ Сербскому народу, помѣченная 8-мъ ноября 1815 г., слѣдовательно, относящаяся къ тому времени, когда топольское возстаніе счастливо окончилось для Сербовъ полной побѣдой надъ Турками. Въ ней уже видѣнъ тотъ умный политикъ, который, примѣняясь къ обстоятельствамъ и людямъ, умѣлъ и сберегать силы народа для дальнѣйшей борьбы за независимость, и обходить всѣ хитрости и уловки турецкихъ правителей, и извлекать пользу для Сербіи изъ всѣхъ затрудненій Турціи.

Перейдемъ къ книгѣ гг. Петровичей, заглавіе которой выставлено въ началѣ этой замѣтки.

Въ предисловіи издатели объясняютъ, что они намѣрены издать два тома документовъ, и что предлагаемая ими книга составляетъ первый томъ. Документы, изданные ими, извлечены изъ княжеской канцеляріи. Издатели объ этомъ говорятъ такъ: „Мы считали своею обязанностію сохранить отъ гибели этотъ небольшой матеріалъ, который мы нашли въ княжеской канцеляріи. Матеріалъ, который пе-

читаемъ въ первой книгѣ, относится ко времени отъ 1815 до 1821 года", именно до времени смерти Бѣлградскаго паши Марашли-али, 21-го августа 1821 года. Такое раздѣленіе матеріала издателями сдѣлано, между прочимъ, и потому, что смерть Марашли-али сильно повліяла и на ходъ тогдашнихъ дѣлъ въ Сербіи: подъ конецъ его жизни отношенія между нимъ и княземъ Милошемъ обострились до того, что можно было ожидать разрыва между ними и новой борьбы между Сербами и Турками.

Всѣ документы, вошедшіе въ этотъ томъ, составляютъ приказы. указы и письма князя Милоша: исключенія весьма рѣдки, ибо помѣщено лишь нѣсколько писемъ другихъ дѣятелей этого времени, напримѣръ на стр. 81—82 донесеніе князю Милошу—воеводъ Николаевича и Теодоровича, на стр. 135—два письма за подписью Ненадовича и Жуевича. Издатели правильно поняли свою обязанность и печатали эти письма такъ, какъ они написаны въ подлинникѣ или копіи, бывшей у нихъ въ рукахъ. Дѣло въ томъ, что въ сербской литературѣ завелся дурной обычай переиздавать старыхъ писателей и авторовъ въ передѣлкѣ на современный ладъ или съ исправленіями слога и орѳографіи. Можно было опасаться, что этотъ обычай повліяетъ и на изданіе документовъ. Многіе документы, вошедшіе въ эту книгу, писаны Вукомъ Караджичемъ, а это одно даетъ имъ значеніе и въ исторіи развитія сербской письменности и орѳографіи.

Издатели предпосылаютъ документамъ небольшія статьи, въ которыхъ характеризуютъ группу документовъ, ими помѣщаемыхъ въ отдѣлѣ. Въ началѣ же книги они помѣстили главу подъ заглавіемъ: „Сербія послѣ гибели". Подъ этимъ они разумѣютъ время между 1813 и 1815 годами, когда, послѣ перехода Кара-Георгія черезъ Дунай, Сербія подверглась всѣмъ ужасамъ турецкой мести за свой временной успѣхъ перваго возстанія. Какъ извѣстно, по XII-му параграфу Букурештскаго договора Россіи съ Турціей, для Сербіи были выговорены нѣкоторыя права, но Турки и не думали исполнить обѣщанное, хорошо зная затрудненія Россіи во время и послѣ Отечественной войны 1812 года. Новыя несчастныя битвы Сербовъ съ Турками заставили Кара-Георгія и его сподвижниковъ прекратить борьбу и уйдти изъ страны. Въ этой первой главѣ издатели задались счастливою мыслью охарактеризовать отношеніе предписаній Корана къ не-мусульманамъ, подвластнымъ вѣрнымъ поклонникамъ Магомета. Предписанія Корана были формулированы позднѣйшими магометанскими законодателями и учеными. Гг. Петровичи пользуются сочиненіемъ

Хаммера (Hammer, Ueber die Länderverwaltung unter den Chalifate· Berlin. 1835) для этой цѣли. Они раздѣляютъ эту главу на нѣсколько рубрикъ: а) мусульманскія учрежденія: судъ, полиція, финансовое управленіе, и b) вліяніе турецкихъ учрежденій въ Сербіи. Тутъ всякій читатель ожидаетъ найдти нѣкоторыя извѣстія о томъ, какъ примѣнялись эти предписанія турецкаго законодательства въ Сербіи, какую форму принимало въ Сербіи то или другое учрежденіе мусульманства, какія видоизмѣненія переживала эта форма? Но къ сожалѣнію, издатели мало сдѣлали въ этомъ отношеніи: они ограничились просто заявленіемъ, что многія магометанскія учрежденія были пересажены на сербскую почву, гдѣ нѣкоторыя скоро умерли, а нѣкоторыя задержались донынѣ. Правда, въ дальнѣйшемъ изложеніи они иногда говорятъ о примѣненіи нѣкоторыхъ предписаній мусульманства къ Сербіи, напримѣръ, въ главѣ о финансахъ, весьма интересной—замѣтимъ кстати—и самой обработанной, объясняется, какъ и сколько взималъ податей князь Милошъ, и какія это были подати, а какъ извѣстно, князь Милошъ придерживался турецкой системы податей, къ которой привыкли Сербы, и которая предписывалась турецкимъ духовнымъ законодательствомъ. Въ главѣ: „Вліяніе турецкихъ учрежденій въ Сербіи“ читатель не находитъ отвѣта на вопросъ: какъ и въ чемъ отразилось это вліяніе въ жизни Сербскаго народа; тутъ издатели даютъ изложеніе событій, предшествовавшихъ знаменитому Цвѣтному воскресенью (послѣ Вербной субботы), когда князь Милошъ произнесъ народу свои знаменитыя слова: „Вотъ вамъ я, вотъ вамъ война съ Турками“. Это произошло въ селѣ Таковѣ, у церкви, 11-го апрѣля 1815 года. Затѣмъ издатели въ краткихъ словахъ описываютъ послѣдовавшія событія—ходъ возстанія и переговоровъ о мирѣ Сербовъ съ Турками. Все это составляетъ вводную главу въ сочиненіе.

Вслѣдъ за этою вступительною главою идетъ текстъ документовъ, имѣвшихся въ рукахъ издателей, при чемъ каждой группѣ ихъ предпосылается, какъ сказано, небольшой очеркъ, составленный на основаніи этого матеріала. Въ предисловіи издатели такъ объясняютъ систему, которой они держались: „На первомъ мѣстѣ мы выставили внѣшнюю политику и назвали ее именемъ: дѣятельность относительно народныхъ правъ. Во внѣшнюю политику мы включаемъ дѣятельность депутацій (посылавшихся Сербами въ Царьградъ) и пріѣздъ коммисара Порты въ Сербію. На второмъ мѣстѣ мы ставимъ внутреннюю политику, государственное управленіе. На третьемъ мѣстѣ мы поставили одно

отдѣльное явленіе въ жизни Сербіи того времени, именно: бунтъ пожаревацкихъ кнезовъ". Всѣхъ документовъ напечатано, по этому распредѣленію, 231, изъ которыхъ 152 изданы вполнѣ и 79 лишь въ видѣ конспектовъ. Издатели заявляютъ, что они искали отвѣтовъ на княжескія распоряженія и предписанія, помѣщенныя въ ихъ сборникѣ, но рѣшительно нигдѣ не могли ихъ найдти. Слѣдуетъ замѣтить, что именно это отсутствіе отвѣтовъ князю Милошу со стороны подчиненныхъ ему лицъ значительно уменьшаетъ цѣнность разбираемой книги. Эти письма, донесенія, отвѣты, безъ сомнѣнія, освѣтили бы всю трудность положенія, въ которомъ находилась тогда Сербія, и объяснили бы причины весьма частыхъ волненій въ странѣ и возстаній противъ князя Милоша, которому, казалось бы, такъ много обязана эта страна, что возстанія противъ него кажутся не оправдываемыми. Уже изъ распоряженій и указовъ князя Милоша можно видѣть, какія сильныя и подчасъ жестокія мѣры принималъ этотъ энергичный и умный правитель. Но Милошъ былъ и основатель династіи, былъ и человѣкъ своего времени, сынъ обстоятельствъ и окружавшей его обстановки. Не даромъ Сербы иногда называютъ его въ своихъ воспоминаніяхъ сербскимъ пашею. Эта сторона личности и характера князя Милоша не нашла выраженія въ книгѣ гг. Петровичей. Объяснить это можно отчасти и тѣмъ, что въ Сербіи и теперь есть нѣкоторое опасеніе говорить хорошо о Кара-Георгіѣ и дурно о Милошѣ, въ видахъ уваженія къ династіи Обреновичей, и гг. Петровичамъ, какъ Сербамъ и сербскимъ чиновникамъ, тѣмъ менѣе удобно было касаться этой стороны вопроса.

Остановлюсь на главѣ „Государственное управленіе" (Државна управа), какъ на самой интересной, богатой документами, новой по своему содержанію и самой большой. Она занимаетъ около 250 страницъ (отъ 153 до 400). Глава эта распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) сербскія власти, 2) турецкія власти, 3) судъ, 4) финансовое управленіе, 5) церковное управленіе. Въ этой главѣ издатели, между прочимъ, устанавливаютъ даты первой народной скупщины послѣ освобожденія (23-го апрѣля 1816 г.) и разныхъ важнѣйшихъ событій въ Сербіи въ началѣ ея развитія. На этой первой скупщинѣ народъ выбралъ наслѣдственнымъ верховнымъ кнеземъ Милоша Обреновича, который размѣстилъ нахійскихъ (то-есть, областныхъ) начальниковъ, отъ которыхъ и были въ зависимости кнежинскіе кнезы, такъ какъ всякая нахія дѣлилась на кнежины. Всѣхъ нахій въ это время въ сербскихъ предѣлахъ было 13, включая сюда и островъ Поречь,

составлявшій особую нахію. Собиратели приводятъ имена многихъ изъ кнезовъ того времени, что весьма важно для историка этой эпохи сербской жизни, который легко можетъ запутаться въ безчисленныхъ именахъ, весьма похожихъ другъ на друга. Кромѣ сербскихъ властей, въ то время были въ Сербіи и турецкія власти, которыя получали содержаніе изъ дани, платимой Сербіей Портѣ. По уговору Милоша съ Турками въ 1815 году, во всякомъ городѣ былъ турецкій муселимъ (воевода) и кадія (судья). Когда на ихъ судъ являлся православный Сербъ, то приговоръ суда не имѣлъ никакой силы, если на судѣ не присутствовалъ и нахійскій кнезъ, назначенный Милошемъ. Издатели „Матеріаловъ" даютъ имена этихъ турецкихъ чиновъ, изъ которыхъ многіе состояли чиновниками при дворѣ бѣлградскаго паши. Князь Милошъ, зная жадность Турокъ, умѣлъ путемъ подкупа склонять бѣлградскаго пашу къ назначенію тѣхъ или другихъ изъ числа ему угодныхъ и болѣе податливыхъ людей на мѣста разныхъ муселимовъ.

Съ самаго же начала своей дѣятельности верховнаго князя, Милошъ старается ввести въ Сербіи нѣкоторый бюрократическій порядокъ, но патріархальность, простота отношеній и единство цѣлей и желаній и правителей, и управляемыхъ придавали и этому новому порядку чисто національный, мѣстный характеръ: отношенія властей между собою носили характеръ болѣе товарищескій, или семейный, при чемъ домо-владыка ничѣмъ не ограниченъ въ своей власти, чѣмъ бюрократическій. Милошъ, въ качествѣ верховнаго князя, вмѣшивался во всѣ дѣла и былъ доступенъ для всякаго селяка, недовольнаго или обиженнаго рѣшеніемъ нахійскаго или кнежинскаго кнеза. Милошъ пользовался своею властью строго и прибѣгалъ къ сильнымъ мѣрамъ наказанія и взысканій. Своимъ подчиненнымъ кнезамъ онъ предписывалъ мѣру взысканій, которыя они могли налагать. „Преступника слѣдуетъ наказывать лишь послѣ изслѣдованія его дѣяній", говоритъ Милошъ въ своемъ предписаніи отъ 9-го мая 1820 г., по поводу назначенія Милутина Петровича кнезомъ въ Омолѣ. „—Вамъ дозволяется (употреблять наказаніе) до 25 палокъ, и притомъ тонкихъ, какъ для человѣка. Что же касается большихъ преступленій, то описавъ всѣ преступленія и увѣдомивъ главнаго кнеза, слѣдуетъ послать преступника въ Бѣлградъ въ народную канцелярію для произнесенія приговора. Обирать или насильно отнимать имущество (у виновнаго) не дозволяется никому, каково ни было бы его преступленіе. А если бы кнезъ или народный защитникъ оказался преступникомъ, то онъ да заплатитъ жизнью за

преступленіе. Но имущество преступника остается неприкосновеннымъ на пользованіе его дѣтей". Такъ оберегалъ князь Милошъ народъ отъ его домашнихъ обидчиковъ! Когда въ Ужицкой нахіи два кнеза, Мичичъ и Демиръ, были обвинены народомъ въ вымогательствѣ и поборахъ, князь Милошъ нарядилъ слѣдствіе и предписалъ имъ возвратить все ими награбленное или взятое пострадавшимъ, по принадлежности.

Оберегая народъ и отъ Турокъ, и отъ всякаго насилія со стороны чиновъ, поставленныхъ пашею, князь Милошъ въ своихъ отношеніяхъ и письмахъ къ Туркамъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ. Такъ напримѣръ, въ 1821 году онъ пишетъ одному изъ беговъ, самыхъ приближенныхъ къ Марашли-али: „Я не виноватъ въ томъ, что почтенный („честити") визирь всѣ мои представленія, которыя больше всего направлены къ сокращенію бѣдствій и удержанію этого народа въ мирѣ и покоѣ, считаетъ лишь шуткою" (стр. 223), и прямо обвиняетъ турецкія бѣлградскія власти въ томъ, что по ихъ интригамъ сербскіе послы заключены въ тюрьму въ Царьградѣ. Въ другомъ письмѣ къ самому пашѣ князь Милошъ прямо упрекаетъ его въ злонамѣренности и интригахъ, хотя сообразно этикету и складу сербскаго народнаго стиля называетъ его „честити" и „велики". Основный мотивъ всей политики Милоша въ его отношеніяхъ къ Туркамъ—лукавство, но эта же черта, столь оправдываемая во внѣшней политикѣ князя Милоша, имѣвшей дѣло съ Турками, не можетъ быть на столько же оправдана во внутреннемъ управленіи Сербіи.

Князь Милошъ вмѣшивался рѣшительно во всѣ дѣла всякихъ вѣдомствъ. Судъ находился отъ него въ тѣсной зависимости; въ этомъ отношеніи особенно интересны документы, помѣщенные на стр. 253—273. Князь Милошъ не только самъ вмѣшивался въ дѣла брачныя: разрѣшалъ и разводилъ браки, но и разрѣшалъ нахійскимъ кнезамъ судить брачныя тяжбы.

Для этнографа интересны могутъ быть свѣдѣнія о брачныхъ обычаяхъ въ Сербіи времени князя Милоша. Прежде въ Сербіи обыкновенно женихъ платилъ отцу своей невѣсты извѣстную сумму, и дѣвушка часто выдавалась замужъ лишь по волѣ и договору родителей безъ ея согласія. Эта плата за невѣсту была старое вѣно. Рядомъ съ этимъ въ Сербіи былъ сильно распространенъ обычай умыканія невѣсты, отмица. Если, съ одной стороны, родители невѣсты старались выручить побольше за отнимаемую изъ ихъ дома рабочую силу и потому иногда заявляли слишкомъ высокія требованія вѣна, то

съ другой — вполнѣ естественно получала все большее развитіе отмица, нарушавшая правильный ходъ жизни. Раздавались частыя жалобы. Правительственная власть должна была принять мѣры противъ того и противъ другаго. Уже Кара-Георгій въ своемъ наставленіи Чолакъ-Антѣ (Гласн. XLVIII, стр. 218) опредѣляетъ maximum вѣна: „Ты долженъ распорядиться въ нахіи и особенно тщательно наблюдать, чтобы тотъ, кто выдаетъ замужъ дѣвушку, не бралъ болѣе 42 грошей за нее. А если бы кто взялъ выше опредѣленнаго, потеряетъ это, и деньги пойдутъ въ народную кассу, а виновный будетъ наказанъ“.

Князь Милошъ точно также рано обратилъ вниманіе на вѣно и отмицу и распорядился по своему, и притомъ весьма сурово. Онъ уже 10-го мая 1818 г. объявилъ на скупщинѣ, а затѣмъ 7-го іюля 1820 г. подтвердилъ письменно родителямъ и старшимъ братьямъ запрещеніе выдавать замужъ дочерей и сестеръ и женить сыновей и младшихъ братьевъ противъ ихъ воли. Безъ объявленія кмету (сельскому старшинѣ) и священнику ни отецъ, ни братъ не смѣли „обѣщать“ кому-нибудь дѣвушку: кметъ и священникъ должны были предварительно выслушать жениха и невѣсту, и лишь тогда, въ знакъ добровольнаго согласія, невѣста могла принять отъ жениха подарокъ въ присутствіи кмета и священника. Но если бы и послѣ исполненія этихъ формальностей оказалось, что тутъ было насиліе со стороны старшихъ, священнику запрещалось подъ страхомъ „лишенія чести и жизни“ вѣнчать такія пары. Что касается выкупа за дѣвушку, то князь Милошъ установилъ, чтобъ онъ никоимъ образомъ не превосходилъ 25 грошей (около 8 рублей по тогдашнему счету). Отмица, то-есть, увозъ дѣвушки, а также и самое бѣгство невѣсты къ жениху, запрещались подъ страхомъ висѣлицы. Между документами, помѣщенными въ книгѣ гг. Петровичей, находимъ одинъ, въ которомъ разсказывается о казни нѣкоего Іована Недѣльковича за „отмицу“. Это вышеупомянутый указъ князя Милоша отъ 7-го іюля 1820 г., писанный Вукомъ Караджичемъ, подъ заглавіемъ: „Пофторителна заповѣсть“. Онъ такъ характеренъ, что позволю себѣ сдѣлать изъ него выдержку. Повторяя свое прежнее распоряженіе о взиманіи вѣна въ 25 грошей и запрещеніи отмицы, Милошъ говоритъ: „Но къ великому моему негодованію вижу, что это мое приказаніе, вслѣдствіе небрежности кнезовъ, священниковъ и кметовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мало соблюдалось, и потому произошло то, что иные неразумные безумно стали думать, что имъ вновь можно будетъ пуститься во всякія вредныя

для народа бездѣлія. Такою безумною мыслью былъ напоенъ и нѣкто Іованъ Недѣльковъ сынъ, изъ Трнавы, нахіи Крагуевацкой, который годъ тому назадъ присватался къ дочери Ристивоя Миливоевича изъ Страгара, нахіи Рудницкой; эта дѣвушка не была согласна выйдти за него замужъ. Напослѣдокъ она должна была прибѣгнуть къ суду, чтобъ освободиться отъ насильственнаго замужества, а Іовану было приказано отказаться отъ своего намѣренія жениться на этой дѣвушкѣ. Но въ текущемъ году 30-го іюня нечаянно ночью этотъ вышеназванный Іованъ Недѣльковичъ изъ Трнавы съ четырьмя своими друзьями напалъ на домъ Ристивоя изъ Страгара и насильно отнялъ и увелъ дѣвушку, которая была уже обѣщана другому. Разсматривая этотъ случай и для предотвращенія несчастій, которыя могутъ отсюда проистечь, мы рѣшили нисколько не отступать отъ этого нашего постановленія: казнить висѣлицею всякаго „отимача" (умытчика), а его помощниковъ наказывать ударами и тяжкимъ тюремнымъ заключеніемъ на годъ и больше, а также каторжною работою. И такъ, по этому закону и этотъ умытчикъ Іованъ Недѣльковъ сынъ за свое преступленіе осужденъ и 4-го іюля повѣшенъ и выставленъ на показъ народу; его же четыре помощника, получивъ по 100 палокъ каждый, окованы въ желѣзо и будутъ въ каторжныхъ работахъ въ теченіе года, а затѣмъ получатъ опять по 100 палокъ". Затѣмъ запрещается въ указѣ принимать къ себѣ дѣвушку, которая сама прибѣжитъ къ жениху, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, а священнику вѣнчать такія пары. „Запрещается это по той причинѣ что часто случается"—говорится далѣе въ указѣ—„что два семейства, прежде дружныя между собою, становятся непримиримыми врагами. Иногда происходятъ оттого и убійства, какъ это случилось недавно въ Пожаревацкой нахіи въ селѣ Трнавчѣ, гдѣ одна дѣвушка убѣжала къ парню. Эти два семейства были сосѣди и жили въ дружбѣ, а изъ-за этого случая перессорились, и для того, чтобы помириться, позвали своего срезскаго кнеза Павла. Кнезъ, изслѣдовавъ дѣло, увидѣлъ, что дѣвушка самовольно ушла, и приказалъ семьямъ помириться. Но братъ дѣвушки счелъ это позоромъ и бросился съ ножомъ на сестру. Тогда кнезъ повалилъ брата дѣвушки, чтобъ его бить. На его крикъ прибѣжалъ младшій братъ и выстрѣлилъ кнезу изъ пистолета въ спину. Кнезъ упалъ мертвый на землю, а убійцу схватили сельчане и слуги кнеза и убили; а тотъ братъ, котораго кнезъ билъ, убѣжалъ неизвѣстно куда" (стр. 263—265).

Князь Милошъ, какъ выше сказано, вмѣшивался и въ дѣла брач-

ныя. Онъ своею властью разводилъ браки и приказывалъ священникамъ вѣнчать въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ могъ быть совершенъ только съ разрѣшенія епископа, напримѣръ, четвертый бракъ. За разрѣшеніе подобныхъ браковъ полагалась нѣкоторая плата епископу; князь Милошъ всегда въ подобныхъ случаяхъ взыскивалъ ее и передавалъ епископу и церковнымъ чинамъ. Такое вмѣшательство гражданской власти въ вопросы о бракѣ, при чемъ церковь и не спрашивали, объясняется весьма легко тѣмъ, что высшее духовенство въ Сербіи въ это время состояло изъ фанаріотовъ Грековъ и относилось даже враждебно къ Сербамъ. Оно, имѣя постоянныя связи съ Турками, и по своему образованію стояло на самой низкой степени развитія. Противъ развратнаго чужаго высшаго іерархическаго управленія и дѣйствовалъ князь Милошъ, становясь часто посредникомъ между митрополитами (ихъ тогда было въ Сербіи три: въ Бѣлградѣ, въ Ужицѣ и въ Шабцѣ) и народомъ и сербскимъ священствомъ. Князь Милошъ часто вмѣшивался и въ административныя дѣла церкви: онъ дѣлилъ приходы по личному усмотрѣнію, переводилъ священниковъ и монаховъ съ мѣста на мѣсто по своему произволу и т. д.

По отзыву гг. Петровичей, вслѣдствіе вліянія турецкаго законодательства, сербское правительство не считало частной собственности неприкосновенною. „Сербскія власти, а особенно верховный князь съ неограниченными правами, были въ полномъ убѣжденіи, что имѣютъ право вмѣшиваться въ вопросы, касающіеся частной собственности", говорятъ гг. Петровичи, прилагая и интересные документы по этому вопросу (стр. 239.)

Самая новая и интересная часть этой книги гг. Петровичей—это глава о финансовомъ управленіи (стр. 274-381.) Подробно и основательно разсматривая подати и систему взиманія ихъ, гг. Петровичи сообщаютъ очень много новаго объ этой отрасли управленія. Они объясняютъ всѣ виды сербскихъ податей, взимавшихся во время князя Милоша, финансовою системою Турокъ, которую предписывалъ Коранъ въ отношеніи райи. Свѣдѣнія о торговлѣ сербской того времени и средствахъ страны чрезвычайно богаты и интересны. При этомъ издатели напечатали не только тарифы тогдашней цѣнности монеты, но и первый сербскій таможенный тарифъ отъ 1-го марта 1819 года. Впрочемъ, что касается цифры года, можетъ быть нѣкоторый споръ [1]), такъ какъ тарифъ обозначенъ турецкимъ 1235 годомъ, и издатели не сдѣлали

[1]) Такъ напримѣръ, по нашему разчету выходитъ 1820 г.

настоящаго разчета между дифференціей нашего и турецкаго года. Многія названія податей и виды ихъ, до сихъ поръ представлявшіеся неясными мало знакомому съ турецкою податною системою, благодаря книгѣ гг. Петровичей, становятся совершенно ясными.

Издатели, между прочимъ, сообщаютъ и титулъ султана, съ которымъ князь Милошъ обращался къ повелителю Турціи. Вотъ онъ: „Великоможнѣйшій царю, патишахъ Отоманскій, преизрядныхъ султанъ, въ великихъ и почтенѣйшихъ царю, лѣпотнѣйшій менскій и меріскій (sic), защитителю святаго града Эрусалима, велики царю пространіехъ предѣля населеныхъ въ странахъ европейскихъ и азіатскихъ на Бѣломъ и Черномъ морю свѣтлѣйшій и державнѣйшій повелителю" [1]).

Послѣднія страницы книги заняты описаніемъ бунта пожаревацкихъ кнезовъ противъ Милоша, бывшаго весною 1821 г., и въ заключеніе напечатаны документы, относящіеся къ извѣстію о смерти бѣлградскаго паши Марашли-Али (21-го августа 1821 г.). Гг. Петровичи весь бунтъ пожаревацкихъ кнезовъ объясняютъ интригами Грековъ, которые тогда начали свое возстаніе, и хитростью Турокъ, желавшихъ вызвать въ Сербіи безпорядокъ, чтобы воспользоваться имъ для уничтоженія всѣхъ сербскихъ свободъ. Такой взглядъ на этотъ бунтъ, по нашему мнѣнію, односторонен. Были и другія причины, почему такъ часто бунтовали тѣ или другія лица противъ Милоша. Князь Милошъ рано сталъ думать объ единой и крѣпкой власти въ Сербіи. Онъ понималъ, что его сподвижники въ возстаніи могутъ тоже претендовать на власть. Воеводамъ не нравилось, конечно, такое стремленіе деспотичнаго князя Милоша, и каждый изъ нихъ легко отдавался честолюбивымъ мечтамъ. Не безъ вліянія на причины пожаревацкаго бунта была и указанная нами черта отношеній князя Милоша и воеводъ. Но гг. Петровичи о ней совершенно забываютъ.

Въ заключеніе позволю себѣ замѣтить издателямъ „Матеріаловъ для новой исторіи королевства Сербіи", что имъ слѣдовало бы присоединять къ своему сборнику указатель именъ и предметовъ, безъ чего книги, подобныя изданной ими, теряютъ почти половину своего практическаго значенія. Вамъ нужно подыскать свѣдѣніе о какомъ-нибудь предметѣ, и вы, не имѣя въ книгѣ указателя, принуждены всякій разъ перелистать почти всю книгу, что̀ въ высшей степени неудобно.

П. Кулаковскій.

---

[1]) Матеріалы, стр. 223.

Труды третьяго международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ. Томъ II, 1879—1880 [1]).

Между тѣмъ, какъ первый томъ „Трудовъ" Петербургскаго съѣзда оріенталистовъ содержитъ въ себѣ статьи на русскомъ языкѣ (кромѣ послѣдней), второй томъ заключаетъ въ себѣ статьи на разныхъ другихъ европейскихъ языкахъ.

Томъ этотъ начинается статьей англійскаго миссіонера въ Китаѣ, Ейтеля, «Очерки исторіи китайской философіи" (Outlines of a history of Chinese philosophy). Въ ней авторъ представилъ только раздѣленіе китайской философіи на періоды, имъ самимъ составленные, при чемъ указалъ, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣхъ китайскихъ философовъ, съ перечисленіемъ ихъ трудовъ, отъ древнѣйшихъ временъ до начала XVIII столѣтія. Всѣхъ періодовъ авторъ насчитываетъ девять: 1) легендарные начатки китайской философіи (почти за 3 тысячи лѣтъ до Р. Х.); 2) зарожденіе китайской философіи (1250—685 до Р. Х.); 3) первый классическій періодъ китайской философіи: Лао-цзе и Конфуцій; 4) ученики Лао-цзе и Конфуція; 5) второй классическій періодъ китайской философіи, имѣющій представителями фоиста Чуанъ-цзы и конфуціаниста Менція (Мэнъ-цзы); 6) упадокъ китайской философіи; 7) возрожденіе ея при Танской династіи; 8) третій классическій періодъ, философы Сунской и южной Сунской династій; 9) философы Минской династіи.

Этому перечню авторъ предпослалъ небольшое введеніе съ цѣлью познакомить читателей съ трудами европейскихъ ученыхъ по затронутому имъ предмету. Но въ этомъ введеніи мы, къ удивленію, видимъ труды однихъ Англичанъ. Такое отношеніе къ дѣлу, по нашему мнѣнію, должно ввести читателей въ заблужденіе на счетъ европейскихъ ученыхъ. Для насъ не удивительно еще незнакомство автора съ трудами В. П. Васильева по китайской философіи—такова ужь, въ большинствѣ случаевъ, судьба русскихъ оріенталистовъ—но въ европейской литературѣ существуютъ по этой части труды не на одномъ англійскомъ языкѣ.

Слѣдующая статья принадлежитъ другому англійскому миссіонеру въ Китаѣ, Джону Чальмерсу: „Китайское естественное богословіе" (Chinese natural theology). Какъ миссіонеръ, г. Чальмерсъ заинтересовался понятіями китайскихъ философовъ о Богѣ и изучилъ

[1]) См. январьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1882 годъ.

ихъ ученіе по ихъ трудамъ. Онъ извлекъ изъ книгъ всѣ изрѣченія китайскихъ философовъ о Верховномъ Существѣ, привелъ ихъ въ систему, и такимъ образомъ задумалъ познакомить читателей съ представленіями Китайцевъ о естествѣ Божіемъ, о единствѣ Божіемъ, о всевѣдѣніи Божіемъ и т. д. Самыя же изрѣченія приведены имъ въ китайскомъ текстѣ.

Профессоръ Гельсингфорскаго университета Лагусъ, въ статьѣ своей: „Quelques remarques et une propositon au sujet de la première expédition russe au Japon" („Нѣсколько замѣчаній и одно предложеніе по поводу первой русской экспедиціи въ Японію"), ведетъ рѣчь объ экспедиціи въ Японію своего соотечественника Адама Лаксмана совершенной имъ въ 1792—1793 годахъ. Тутъ прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе то, что авторъ называетъ эту экспедицію въ Японію первою. Правда, первымъ называется это посольство и въ старинныхъ русскихъ описаніяхъ, трактовавшихъ о нашихъ сношеніяхъ съ Японіей, и съ тѣхъ поръ такое мнѣніе держится въ литературѣ очень прочно. Но оно не основательно. Мы думаемъ, что первою надо назвать экспедицію въ Японію лейтенанта Шпанберга въ 1739—1740 гг., состоявшаго помощникомъ Беринга въ такъ-называемой первой академической экспедиціи. Шпанбергу дана была особая инструкція вступить въ сношенія съ японскимъ правительствомъ, и съ этою цѣлью ему даны два ученика изъ японской школы, существовавшей тогда въ Петербургѣ Русскій лейтенантъ принятъ былъ Японцами очень радушно, и если не добился у нихъ никакого благопріятнаго результата, никакого договора не заключилъ, то потому только, что это было въ то время совершенно невозможно, какъ невозможнымъ оказалось и для Лаксмана, а позже и для Рязанова въ 1804 году, и для Головнина съ Рикордомъ въ 1808 году.

Что же касается до самой статьи г. Лагуса, то она почти никакихъ новыхъ свѣдѣній намъ не представляетъ. Все это давно извѣстно и у насъ, и въ западной Европѣ, такъ какъ о посольствѣ Лаксмана писано очень много, даже больше, чѣмъ оно заслуживаетъ. Другое дѣло, если бы г. Лагусъ издалъ цѣликомъ весь путевой журналъ Лаксмана; это было бы гораздо полезнѣе, такъ какъ „журналъ" навсегда остался бы источникомъ для нашихъ попытокъ завязать сношенія съ Японіей въ концѣ XVIII столѣтія. „Замѣчанія" г. Лагуса, которымъ придаетъ онъ, какъ кажется, особенное значеніе, сводятся, главнымъ образомъ, къ защитѣ Лаксмана, въ виду

неуспѣшности его переговоровъ. Такая защита нѣсколько запоздала. Для насъ теперь дѣло совершенно ясно; да и правительство наше, вскорѣ же послѣ „неудачи" Лаксмана, именно въ началѣ XIX столѣтія, имѣло случай убѣдиться, что тутъ виноватъ не Лаксманъ, „офицеръ малаго чина" и человѣкъ не придворный, даже и не то обстоятельство, что ѣздилъ онъ отъ имени сибирскаго губернатора Пиля, а не отъ имени императрицы: камергеръ Рязановъ, человѣкъ придворный и снабженный всѣми полномочіями посланника, не только не осуществилъ плановъ нашего правительства, но даже испортилъ все это дѣло. Были, стало быть, другія тому причины.

„Предложеніе" г. Лагуса—назвать въ честь Лаксмана, его именемъ, проливъ между Кунаширомъ и Мацмаемъ—заслуживаетъ полнаго сочувствія, но въ томъ лишь случаѣ, если проливъ этотъ не имѣетъ еще названія (на европейскихъ картахъ онъ дѣйствительно не имѣетъ имени) иначе едва ли это будетъ удобно. Всякая замѣна одного названія другимъ показываетъ, по нашему мнѣнію, лишь неуваженіе къ историческимъ памятникамъ, каковымъ являются, между прочимъ, и названіе мѣстъ, городовъ, улицъ и т. д.

Слѣдующая статья принадлежитъ англійскому доктору, служившему одно время въ Калькуттѣ, **Макнамарѣ**: On the progress of asiatic cholera from India to Europe („Движеніе азіатской холеры изъ Индіи въ Европу"). Авторъ долго изучалъ азіатскую холеру и обогатилъ литературу по этому предмету нѣсколькими очень полезными трудами. Такъ, въ 1876 году онъ издалъ изслѣдованіе A History of Asiatic cholera, являющееся сводомъ его наблюденій о холерѣ. Въ настоящей статьѣ онъ приводитъ чрезвычайно интересныя указанія о путяхъ, какими въ разное время холера проникала изъ Индіи въ Европу въ нынѣшнемъ столѣтіи. Рядъ примѣровъ, въ этой статьѣ приводимыхъ, показываетъ, что холера двигается довольно медленно. Такъ, появившись въ Индіи въ 1817 году, она пробиралась на сѣверъ черезъ Месопотамію и Персію, и только въ 1822 году появилась на Кавказѣ. Въ 1826 году холера, занесенная изъ Индіи въ Кабулъ, проникла въ сѣверную Персію и въ 1829 году достигла Туркестана, оттуда, съ караваномъ, перешла въ Оренбургъ, Россію, въ западную Европу и распространилась даже до Америки. Холера, возникшая въ 1840 г. въ Бенгалѣ, перебралась въ Китай, въ Восточный Туркестанъ, и въ 1846 г., появилась въ сѣверной Персіи, откуда занесена была на Кавказъ и далѣе въ Европу. Для холеры 1848 года, появившейся также въ Бенгалѣ, потребовалось пять лѣтъ,

чтобы, черезъ Персію и Авіатскую Турцію, проникнуть въ Европу и далѣе въ Америку. Бенгальская холера 1867 года, двигавшаяся черезъ Кабулъ и Персію, появилась въ Требизондѣ и въ Закавказскомъ краѣ лишь въ 1869 году, и прекратилась въ Европѣ только въ 1872 году. Такая медленность движенія холеры происходитъ отъ несовершенства еще путей сообщенія въ Азіи, съ улучшеніемъ же этихъ путей, надо думать, индѣйская холера будетъ дѣйствовать еще успѣшнѣе.

Наша отечественная литература очень богата трудами о всевозможныхъ эпидеміяхъ въ Россіи и вообще въ Европѣ; особенно много такихъ статей и изслѣдованій печаталось въ періодической и особенно въ провинціальной печати въ 1879 году; но замѣтка Макнамары является и для насъ совершенно новою [1]).

За этою статьею слѣдуетъ разсужденіе маіора Бомбейской арміи Раверти о „Туркахъ, Татарахъ и Мунгалахъ" (On the Turks, Tattars, and Mughals). Оно прислано имъ на съѣздъ какъ отвѣтъ на вопросъ организаціоннаго комитета: „Существовалъ ли до Чингисъ-хана родъ или народъ, носившій имя Монголовъ, или Монголъ есть только династическое названіе, принятое Чингисомъ для основаннаго имъ государства"? Замѣтимъ, между прочимъ, что династическимъ призналъ это названіе впервые Сенковскій.

Г. Раверти извлекъ изъ мусульманскихъ источниковъ, которые и перечисляетъ, все, что̀ есть въ нихъ о происхожденіи Турокъ, Татаръ и Монголовъ. Онъ задумалъ распутать генеалогію этихъ народовъ, и посредствомъ рѣшенія этой задачи, отвѣтить и на предложенный вопросъ. Генеалогія эта, въ сущности, очень проста, и сложилась она у мусульманскихъ историковъ подъ вліяніемъ библейскихъ сказаній. У Яфета, сына Ноева, были сыновья: Туркъ, Чинъ, Гурзъ, Саклабъ, Русъ, Мангъ (или Мансагъ, Манджъ и т. п.). Тараджъ (или Тарахъ, Барахъ и т. п.), Гумари (Гомеръ). Они и являются родоначальниками разныхъ народовъ. Отъ Турка произошли, конечно, Турки; отъ Чина — Китайцы; отъ Руса — Русскіе, и т. д. Такое родословіе представляетъ много удобствъ. Является, напри-

[1]) Самыя краткія указанія въ этомъ родѣ можно встрѣтить только въ брошюрѣ французскаго доктора Толозана, переведенной на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Предохранительныя мѣры, принимаемыя отъ холеры на Востокѣ», и напечатанной въ 1870 году въ видѣ особаго приложенія къ *Правительственному Вѣстнику*.

мѣръ, новое какое-нибудь названіе народа, древнимъ мусульманскимъ писателямъ неизвѣстное; сейчасъ, безъ всякаго труда, можно сочинить ему родоначальника и пристроить къ сыновьямъ Яфета, или къ одному изъ его потомковъ. И эта система такъ ловко уложилась въ головѣ Азіатцевъ, не запутавшихся еще въ европейскихъ пріемахъ изслѣдованій, что иначе и не могутъ они начинать своихъ лѣтописей, какъ съ Ноя, и всякій другой пріемъ будетъ для нихъ пока непонятенъ. Это обстоятельство, по видимому, ускользнуло отъ вниманія нашего изслѣдователя, который на генеалогію народовъ, приводимую мусульманскими писателями, смотритъ очень серьезно.

Мы не хотимъ вовсе отвергать значеніе подобнаго родословія; но только для насъ значеніе это является въ другомъ смыслѣ. Мусульманскіе писатели, сдѣлавъ примѣненіе къ народамъ Востока готовой уже системы, все-таки не могли совершенно вычеркнуть преданія народовъ сѣверо-восточной Азіи, и мы видимъ слѣды ихъ миѳологіи въ мусульманскихъ сказаніяхъ, гдѣ они только, кажется, и сохранились. Выдѣлить эту миѳологію изъ родословій и объяснить ее было бы чрезвычайно важно для древней культуры кочевниковъ Средней Азіи. Впрочемъ, мы все-таки должны быть благодарны г. Раверти и за его попытку разобраться въ генеалогической путаницѣ средне-азіатскихъ народовъ. Помимо мусульманскихъ писателей г. Раверти обращается и къ европейской литературѣ по этому предмету, и дѣлаетъ оттуда нужныя извлеченія. Труды русскихъ оріенталистовъ ему, конечно, неизвѣстны. Въ концѣ концовъ г. Раверти дѣлаетъ такое заключеніе: азіатскіе писатели о Туркахъ знаютъ народъ, родъ или аймакъ подъ именемъ Мугалъ, Мугулъ—*не* Монголъ—за нѣсколько столѣтій до появленія Чингисъ-хана, и что Мугалъ не есть династическое имя, принятое Чингисъ-ханомъ для имперіи имъ основанной.

Слѣдующая за симъ статья, принадлежащая г. Говорсу, „Были ли Хазары Угры или Турки?“ (The Khazars. Were they Ugrians or Turks?) — стремится перерѣшить вопросъ о происхожденіи Хазаръ, считавшійся до этого уже рѣшеннымъ.

Народъ этотъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ, какъ со стороны религіи, имъ исповѣдуемой, такъ и со стороны государственнаго устройства и политической исторіи. Не удивительно, что судьбой этого народа и его происхожденіемъ занимались очень многіе, продолжаютъ заниматься и теперь. Первоначально Хазаръ считали Турками, на основаніи свидѣтельства византійскихъ писателей; но послѣ трудовъ Френа (Ueber die Russen und Chasaren 1819; Veteres memoriae

Chasarorum ex Ibn-Foszlano, Ibn-Haukale et Schems-Eddino Damasceno 1821; De Chasaris excerpta ex scriptoribus Arabicis 1822) стали считать ихъ Уграми. Френъ увлекъ своими доводами и Клапрота, державшагося турчизма Хазаръ, и Сенъ-Мартена и др. Теперь г. Говорсъ выступилъ на защиту забытаго мнѣнія, сдѣлавъ на съѣздѣ сообщеніе о происхожденіи Хазаръ и представивъ довольно обширную статью объ этомъ предметѣ для „Трудовъ". Доводы г. Говорса не кажутся намъ достаточно убѣдительными, даже и вмѣстѣ взятые. Всѣ они допускаютъ такія возраженія, съ которыми надо еще считаться. Положенія г. Говорса слѣдующія: 1) византійскіе писатели (Ѳеофанъ и Анастасій) постоянно называютъ Хазаръ Турками; 2) титулы у Хазаръ тюркскіе; 3) у арабскихъ писателей встрѣчается названіе Кара-Хазары, что̀ по тюркски значитъ „черные" Хазары; есть, сверхъ того, и „бѣлые", Акъ-Хазары (если Іорнандовыхъ Акациров принимать за Хазаръ); 4) до Хазаръ Волга называлась Ра, а при нихъ стала называться Итиль, что̀ по турецки значитъ „рѣка"; 5) Саркелъ состоитъ изъ двухъ словъ: саръ или сары—„желтый" и киль (по-чувашски „домъ", а у Ногайцевъ „крѣпость"); 6) обычаи у Хазаръ почти тожественны съ турецкими. Приводятся у автора и другіе доводы, менѣе важные, а потому ограничимся только этими.

Безъ всякой претензіи на рѣшеніе вопроса о происхожденіи Хазаръ, выскажемъ для будущихъ изслѣдователей свои замѣчанія. 1) Византійскіе писатели въ дѣлѣ опредѣленія народностей далеко еще не авторитетъ: они и Мадьяръ называли Турками. 2) Одни титулы тоже еще ничего не доказываютъ. Правда, Бекъ (у византійскихъ писателей Πεχ), хаканъ, чаушіаръ, кендеръ-хаканъ, даже иша, и др. все это слова турецкія; но вѣдь титулы очень легко заимствуются. Что̀ сказали бы будущіе изслѣдователи о происхожденіи Русскихъ, если бы до нихъ дошли только тѣ титулы и названія должностей, которые ввелъ у насъ Петръ Великій? Но положимъ даже, что всѣ эти титулы у Хазаръ не заимствованные, а свои собственные; и тутъ надо имѣть въ виду то обстоятельство, что у Хазаръ могла царствовать династія турецкаго происхожденія. Такія явленія въ исторіи Востока повторялись довольно часто. А если допустить турецкую династію у Хазаръ, то объснится, почему и Волга стала называться Итилью (если только будетъ еще доказано, что Хазары перемѣнили названіе этой рѣки), и названіе „черныхъ" и „бѣлыхъ" Хазаръ (такое раздѣленіе на Востокѣ встрѣчается очень часто); понятенъ будетъ и турецкій обычай избранія на престолъ хакана и нѣкото-

рые другіе обычаи у Хазаръ. 3) Слово Саркелъ, единственное дошедшее до насъ изъ хазарскаго языка, съ бо́льшимъ удобствомъ объясняется изъ восточно-финскихъ языковъ, чѣмъ изъ тюркскихъ. У Вогуловъ саръ значитъ бѣлый, а келъ—домъ, и Несторъ, конечно, зналъ это значеніе, когда перевелъ: „Бѣлая вѣжа" [1]), а не желтая, какъ слѣдовало бы отъ тюркскаго сары. Затѣмъ, дѣло обходится и безъ арабскаго слова калъа—„крѣпость".

Но можетъ быть, скажутъ, что наружность теперешнихъ Караимовъ (несомнѣнныхъ потомковъ Хазаръ) не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ наружностью восточныхъ Финновъ? Да, не имѣетъ, какъ не имѣютъ сходства и рослые, красивые Венгры съ безобразными, малорослыми Остяками; а Венгры и Остяки—родные братья. Такъ до неузнаваемости можетъ измѣняться наружность народовъ подъ вліяніемъ другихъ условій климата, мѣста, культуры и примѣси посторонней крови.

Для рѣшенія вопроса о происхожденіи Хазаръ нужны, кажется намъ, другіе нѣсколько пріемы, чѣмъ употреблялись до сихъ поръ. Армянскіе историки упоминаютъ о Хазирахъ (то-есть, Хазарахъ) уже во II вѣкѣ по Р. Х.; но въ это время мы не видимъ еще Турокъ въ нынѣшнемъ Туркестанскомъ краѣ. Слѣдовательно, прежде чѣмъ доказывать турчизмъ Хазаръ, намъ кажется, слѣдуетъ доказать, что Турки могли во II в. по Р. Х. появиться подъ Кавказомъ. Что же касается до хазарскаго царства VII, VIII и слѣдующихъ столѣтій, то въ составъ его несомнѣнно входили разные народы, а въ томъ, числѣ и Турки. А обряды и обычаи очень легко заимствуются, и кто у кого заимствовалъ въ древности—часто дѣло еще темное.

Въ заключеніе укажемъ, что мнѣніе г. Говорса, будто отъ Кумановъ произошли Кумыки, мы считаемъ ошибочнымъ, а сопоставленіе Туркменскаго племени Хизръ съ Хазарами—неудачнымъ. Ошибается также онъ, полагая, что Русскіе звали Хазаръ Хвалисами, откуда Волга стала называться Хвалисскою рѣкою, а море Каспійское Хвалисскимъ (стр. 137, 139). Не Хазаръ звали Русскіе Хвалисами, а совсѣмъ другой народъ.

Въ статьѣ „Объ исторіи Аббасидовъ эль-Якуби" (Ueber die Geschichte der Abbasiden von al-Jakûbî) г. де-Гуе представилъ отчетъ объ арабской рукописи, имѣющей важное значеніе для первоначальной исторіи халифата. Рукопись эта, хотя и была вывезена съ во-

[1]) *Вѣжами* у Нестора назывались жилища кочевыхъ народовъ.

стока Буркхардомъ, но оставалась неизвѣстною до послѣдняго времени, когда г. де-Гуе обратилъ на нее вниманіе и объяснилъ ея значеніе. Сочиненіе эль-Якуби, называющееся исторіей Аббасидовъ, собственно представляетъ сокращенную всемірную исторію, въ томъ родѣ, какъ писались подобныя исторіи арабскими исторіографами. Состоитъ оно изъ двухъ частей: въ первой идетъ обзоръ до-исламскаго періода, во второй излагается исторія Мухаммеда и его преемниковъ. Рукопись оканчивается въ началѣ царствованія халифа Мотамеда, на 259 годѣ гиджры (872 г.); начало утеряно. Эль-Якуби пользовался источниками самыми надежными, указаніями наиболѣе достовѣрными, какъ доказываетъ это нѣсколькими примѣрами г. де-Гуе. Кромѣ того, многіе изъ такихъ источниковъ до насъ не дошли. Изданіемъ этого важнаго памятника, предпринятаго уже въ Лейденѣ г. Гоутсма (Houtsma), значительно обогатится наше собраніе древнихъ арабскихъ источниковъ, которые, надо замѣтить, издавались въ Европѣ безъ всякой системы, безъ всякаго взвѣшиванія важности перваго попавшагося подъ руку текста. Результатомъ такого отношенія къ дѣлу явилось то, что позднѣйшіе компиляторы издавались раньше первоначальныхъ авторовъ, и труды менѣе важные прежде даже классическихъ сочиненій. Въ настоящее же время дѣло изданія восточныхъ текстовъ налажено болѣе правильнымъ образомъ.

Датскій арабистъ Меренъ, извѣстный многими своими трудами по мусульманскому богословію, помѣстилъ обширную статью по этому же предмету и въ „Трудахъ“ нашего съѣзда: „Изложеніе реформы ислама, начатой въ III вѣкѣ гиджры Абуль-Хасаномъ-Али эль-Ашъари и продолженной его послѣдователями“; съ приложеніемъ извлеченій изъ арабскаго текста Ибнъ-Асакира. (Exposé de la réforme de l'Islamisme, commencée au III-ème siècle de l' Hégire par Abou-l'-Hasan Ali el-Ash'ari et continuée par son école. Avec des extraits du texte arabe d'Ibn-Asâkir).

Тутъ сообщаются интересныя свѣдѣнія о жизни и ученіи извѣстнаго законовѣда ханефитскаго толка, эль-Ашъари, справедливо считающагося представителемъ схоластическаго богословія у Арабовъ. Его труды по богословію очень многочисленны, а кромѣ нихъ, написалъ онъ еще свыше 50 полемическихъ сочиненій. Статья г. Мерена дѣлится на 4 главы. Въ первой—приводятся подробности о происхожденіи Ашъари. Во второй—описывается жизнь Ашъари, его „обращеніе“ и смерть. (Родился онъ въ 260 г. гиджры=873 г., и умеръ въ первой половинѣ IV вѣка). Сперва Ашъари является при-

верженцемъ секты мутазилитовъ, но вскорѣ же дѣлается ярымъ противникомъ ихъ. Выступивъ толкователемъ „преданій" (преданій о жизни Мухаммеда), имѣющихъ важное значеніе у мусульманъ суннитовъ, Ашъари создалъ цѣлую школу своихъ послѣдователей. Такой переворотъ въ его исповѣданіи и направленіи его дѣятельности произошелъ, какъ передаетъ Ибнъ-Асакиръ, вслѣдствіе требованій самого пророка, который неоднократно являлся Ашъари во снѣ и побуждалъ его выступить на защиту „православнаго ислама", обуреваемаго различными ересями [1]). Тутъ же авторъ статьи старается показать значеніе Ашъари среди представителей другихъ направленій въ мусульманскомъ мірѣ.

Въ третьей главѣ излагается ученіе Ашъари, и она представляетъ особенный интересъ, хотя въ ней и идетъ рѣчь о такомъ предметѣ, о которомъ писалось въ западной Европѣ очень много. Въ первые же вѣка ислама въ немъ возникли секты, часто враждебныя другъ другу. Появленіе ихъ вызвано было различными толкованіями догматовъ ислама. Дѣло шло, главнымъ образомъ, объ аттрибутахъ (качествахъ) Божіихъ, о предопредѣленіи Божіемъ, и т. д. Одни толкователи, понимая выраженія Корана въ буквальномъ смыслѣ, учили, что Богъ обладаетъ всѣми качествами и способностями человѣка— слухомъ, зрѣніемъ, знаніемъ, и т. д. Другіе не отдѣляли этихъ аттрибутовъ отъ существа Божія. Были толкованія и въ другихъ направленіяхъ. Что же касается до Ашъари, то онъ держался середины между простотой древнихъ преданій и умозрительной философіей, развившейся у Арабовъ при Гарунѣ и Мамунѣ, въ теченіе 2-го вѣка гиджры. Такъ, напримѣръ, Ашъари училъ, что Богъ обладаетъ всѣми качествами человѣка, но въ степени, превосходящей всякое сравненіе. Особенности ученія Ашъари точнѣе выступаютъ изъ проводимой г. Мереномъ параллели между толкованіями Ашъари и другихъ арабскихъ богослововъ.

Въ четвертой главѣ перечисляются ученики Ашъари, наиболѣе замѣчательные. А въ заключеніе приложены выдержки изъ сочиненія Ибнъ-Асакира, послужившаго г. Мерену источникомъ для его статьи. Къ сожалѣнію, авторъ не воспользовался другими пособіями, которыя

[1]) Появленіе пророка и вообще мусульманскихъ святыхъ, въ нужныхъ случаяхъ, сильно развито въ мусульманскомъ мірѣ. У нѣкоторыхъ лицъ, напримѣръ, у Бухарскаго эмира Шахъ-Мурада, царствовавшаго въ первой четверти текущаго столѣтія, это было возведено даже въ правильную систему.

были бы ему очень полезны; а равнымъ образомъ не указалъ онъ на труды своихъ предшественниковъ по избранному имъ предмету [1]). Вообще же статья эта будетъ очень полезною для лицъ, занимающихся мусульманскимъ богословіемъ. У насъ имѣется цѣлый рядъ статей по мусульманскому богословію, преимущественно полемическаго направленія, печатавшихся въ 70-хъ годахъ въ трудахъ Казанской духовной академіи; но такихъ, которыя познакомили насъ съ полнымъ ученіемъ того или другаго арабскаго богослова, какъ сдѣлалъ это г. Меренъ,—у насъ нѣтъ.

Въ слѣдующей статьѣ А. Я. Гаркави, „Объ одномъ мѣстѣ въ Золотыхъ Лугахъ Масъуди, касательно древней исторіи Славянъ" (Sur un passage des Prairies d'or de Maçoudi concernant l'histoire ancienne des Slaves), дѣло идетъ объ имени одного славянскаго царя, называющагося у Масъуди Маджекомъ. Этотъ загадочный царь занималъ многихъ изслѣдователей (Доссона, Шармуа, Шафарика, Лелевеля), и всѣ они старались уразумѣть смыслъ и значеніе его имени, сохранившагося въ сочиненіи арабскаго полигистора. И только г. Гаркави удалось, по видимому, разрѣшить вопросъ просто и ясно. Сблизивъ имя этого царя съ именемъ Музока, царствовавшаго у Славянъ, по свидѣтельству византійскихъ писателей, въ концѣ VI вѣка, г. Гаркави пришелъ къ выводу, что Маджекъ есть небольшое искаженіе слова Мужекъ, а это послѣднее должно быть уменьшительнымъ отъ слова мужъ. Замѣтка г. Гаркави показываетъ, какъ трудно поддаются рѣшенію подобные вопросы [2]); а они въ исторіи древней Руси встрѣчаются на каждомъ шагу. Послѣ остроумнаго объясненія Сенковскимъ слова „владавцъ" не много сдѣлано нами пріобрѣтеній въ этомъ родѣ.

Менѣе удовлетворительною кажется намъ догадка г. Гаркави о значеніи слова Велинана, въ которомъ видитъ онъ искаженіе имени Влаховъ или Волоховъ, каковымъ именемъ назывались у Славянъ и Германцевъ римскіе колонисты въ Дакіи.

Слѣдующая затѣмъ „Замѣтка" г. Либлейна о Хэтахъ (Etude sur les Xétas) является отвѣтомъ на вопросъ организаціоннаго комитета:

[1]) Укажемъ на слѣдующій трудъ голландскаго арабиста г. Houtsma: De strijd over het dogma in den Islâm tot op al-Asj'ari. Leiden 1875.

[2]) Первая попытка объяснить «Маджека» сдѣлана была г. *Гаркави* въ магистерской диссертаціи его: «Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ» С.-Пб. 1870, стр. 135 и слѣд.

„Какъ пріурочить точнымъ образомъ, въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, встрѣчающіяся въ египетскихъ надписяхъ XVIII и XIX династій имена Рутэну и Хэта, съ которыми египетскіе государи этихъ династій воевали въ теченіе цѣлыхъ столѣтій?" Авторъ прежде всего задаетъ вопросъ: Хэты Египтянъ суть ли Хэтиты Библіи? Многіе египтологи затрогивали этотъ вопросъ и рѣшали его большею частію въ положительномъ смыслѣ. Г. Либлейнъ вновь подвергнулъ изслѣдованію извѣстія объ этомъ народѣ и пришелъ къ заключенію, что 1) Хэты Египтянъ и Хэтиты Библіи одинъ и тотъ же народъ; 2) передъ занятіемъ Евреями Палестины [illegible]одѣ ихъ изъ Египта, Хэты обитали въ южной части Палестины близъ города Геброна; 3) часть Хэтовъ была затѣмъ покорена Евреями, часть выселилась въ долину Оронта, откуда потомъ были вытѣснены Аморреями далѣе на сѣверъ до границъ Киликіи; 4) тамъ утвердились они на остаткахъ народа Рутэну, господствовавшаго въ сѣверо-западной Сиріи до конца XVIII египетской династіи (1231 г. до Р. Х.). Во время Ассирійскаго царя Тиглатъ Паласара I (1180—1114 до Р. Х.) Хэты играли первенствующую роль въ занятой ими странѣ. Въ царствованіе Соломона (около 950 г. до Р. Х.) въ Библіи говорится о Хэта, какъ о важнѣйшемъ народѣ сѣверной Сиріи. Эти положенія г. Либлейнъ подкрѣпляетъ цѣлымъ рядомъ доказательствъ, которыя, какъ намъ кажется, могутъ удовлетворить самыхъ строгихъ скептиковъ въ ученомъ мірѣ.

Нельзя того же сказать о второй части вопроса—объ этнографической принадлежности народа Хэта. Этой существенной-то задачи нашъ авторъ коснулся очень слегка. Изъ его статьи можно подумать, что Хэты несомнѣнно Семиты, тогда какъ далеко не всѣ раздѣляютъ подобное мнѣніе. Лаутъ, напримѣръ, старается доказать, что Хэта не имѣли ничего общаго съ Семитами. Поэтому г. Либлейну и слѣдовало обратить особенное вниманіе на вопросъ съ этой, этнографической стороны, если ужъ взялся онъ за подобную задачу.

Не обошлось дѣло безъ статей по нумизматикѣ и въ этомъ томѣ. Первая изъ такихъ статей принадлежитъ г. Лагусу: „Куфическія монеты и другіе древніе восточные памятники, открытые въ Финляндіи" (Numi cufici aliaque orientis monumenta vetera in Finlandia reperta). Финляндія, какъ извѣстно, очень богата кладами восточныхъ монетъ, и описаніе подобнымъ находкамъ ведется тамъ съиздавна. Статья г. Лагуса является, такъ-сказать, продолженіемъ этихъ описаній, сообщая о новыхъ находкахъ восточнаго происхожденія. Самая

богатая изъ нихъ обнаружена была въ іюнѣ 1876 г. въ мѣстечкѣ Бердтби, на одномъ изъ Аландскихъ островов, особенно славящихся кладами восточныхъ монетъ: дѣти, играя, случайно открыли кладъ, въ которомъ оказалось болѣе 800 арабскихъ монетъ, частію цѣлыхъ, частію въ обломкахъ, или просверленныхъ. Въ 1855 г. въ приходѣ Гауго найдено было ожерелье изъ восточныхъ монетъ. Въ 1870 г. въ приходѣ Сизма вырыты были плугомъ издѣлія изъ серебра, вмѣстѣ съ монетами англо-саксонскими, германскими и куфическими. Но особенно замѣчательна находка въ Лапландіи, въ приходѣ Куолаярви, гдѣ, вмѣстѣ съ монетами и другими восточными вещами, найдены были маленькіе вѣсы съ 12 гирями [1]). Эти вѣсы г. Лагусъ признаетъ издѣліемъ востока. Это обстоятельство, по видимому, вполнѣ подтверждаетъ мысль В. В. Григорьева, что серебряныя куфическія монеты принимались въ Европѣ на̀-вѣсъ.

Въ заключеніе г. Лагусъ высказываетъ предположеніе, что путемъ торговыхъ сношеній арабскіе писатели могли собрать свѣдѣнія о сѣверныхъ странахъ Европы. Это, конечно, такъ; но потому-то арабскіе писатели, въ тѣхъ случаяхъ, когда говорятъ о сѣверной Европѣ не по личному знакомству, такъ темны, неопредѣленны, что почти не имѣютъ никакой цѣны. И съ этой стороны торговля мусульманскаго востока съ средней и сѣверной Европой не оказала намъ большой услуги.

Въ статьѣ г. Боннеля, „Нѣкоторыя извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Скиѳахъ, Сарматахъ, Киммеріянахъ, Персахъ и другихъ народахъ“ (Einige Nachrichten der alten Griechischen und Römischen Schriftsteller über die Skythen, Sarmaten, Kimmerier, Perser und andere Völker), видимъ новую попытку разрѣшить вопросъ о происхожденіи этихъ народовъ, въ связи съ происхожденіемъ Руссовъ. Начинаетъ г. Боннель съ того, что Цейсъ и Мюлленгофъ доказали персидское происхожденіе Понтійскихъ Скиѳовъ и Сарматовъ. Послѣдній изъ нихъ заявилъ, что хотя языки этихъ народовъ и составляли два нарѣчія, но въ главномъ основаніи были тожественны (стр. 373). Это положеніе и послужило г. Боннелю исходною точкой для его изслѣдованія; онъ только полнѣе развиваетъ ту же мысль и старается привести въ подтвержденіе ея новые доводы. Съ полнымъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы статью г. Боннеля, но съ первыхъ

[1]) Они описаны профессоромъ Гельсингфорскаго университета *Гальстромомъ*.

же строкъ должны вступить съ нимъ въ противорѣчія. На нашъ взглядъ Мюлленгофъ составилъ только теорію о происхожденіи Скиѳовъ, теорію далеко еще не доказанную. Въ ней все держится на персидскомъ происхожденіи нѣкоторыхъ словъ, сохранившихся въ языкѣ Скиѳовъ. Но такія слова могли быть у Скиѳовъ заимствованными отъ Персовъ, могли уцѣлѣть въ языкѣ Скиѳовъ и потому, что принадлежали они къ той же семьѣ народовъ, которая послужила родоначальницей и для Персовъ. Наконецъ, у Скиѳовъ могла быть персидская династія. Мы второй уже разъ въ настоящемъ отчетѣ обращаемъ вниманіе на чужеземность династій, и особенно упираемъ на это обстоятельство, очень обыкновенное въ Азіи, потому что его обыкновенно упускаютъ изъ виду [1]). Вообще же однихъ филологическихъ изысканій еще очень недостаточно для рѣшенія вопросовъ такой важности, какъ происхожденіе народовъ. Тамъ, гдѣ остатковъ языка сохранилось немного, можно надѣлать страшныхъ промаховъ. Особенно надо быть осторожнымъ съ титулами. Вѣдь не станемъ же мы дѣлать никакихъ заключеній о языкѣ и происхожденіи Китайцевъ на томъ только основаніи, что императоръ ихъ носитъ монгольское названіе Богдо-ханъ. А относительно Хазаръ, напримѣръ, или Скиѳовъ—дѣлаемъ.

Одно замѣчаніе по поводу Сарматовъ. Мы такъ привыкли къ этому имени, что принимаемъ его за настоящее, тогда какъ это не больше какъ к л и ч к а, данная Греками какому-то народу („ящероглазый— σαῦρος ящерица, и ὄμματος глазъ), подлинное имя котораго намъ не извѣстно. То-есть, мы не знаемъ очень важнаго обстоятельства для рѣшенія вопроса о происхожденіи Сарматовъ [2]).

Свой взглядъ на дѣло г. Боннель формулируетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Если гипотезы о монгольскомъ, или тюркскомъ, или финскомъ происхожденіи европейскихъ Скиѳовъ все болѣе и болѣе теряли своихъ приверженцевъ, или должны терять, то тѣмъ легче можно

---

[1]) За исключеніемъ А. А. Куника, который допускаетъ существованіе тюркской династіи у Мадьяръ.

[2]) Правда, Д. И. Иловайскій высказалъ предположеніе, что Савроматы (ящероглазые) это только случайное созвучіе со словомъ Сербы или Сервы, наше Сѣверяне, при-Эльбскіе Сорабы (Розысканія, 1882, стр. 68). Такое объясненіе можно было бы принять къ свѣдѣнію, если бы мы не имѣли другихъ подобныхъ же примѣровъ; но всѣ эти Меланхлены, Дромиты, Аримаспы, Антропофаги и тому подобныя наименованія показываютъ, что у греческихъ писателей была своя, правильная система въ дѣлѣ названія разныхъ народовъ по тѣмъ или другимъ признакамъ ихъ; а совсѣмъ не случайно.

установить ту гипотезу, что какъ Скиѳы-Сарматы, такъ и Геты-Даки, были народы смѣшанные или народы слившіеся изъ галло(—гото)—германскаго и литово-славянскаго элементовъ; именно, я могу высказать догадку, что такъ-называемые Царскіе Скиѳы (господствовавшіе еще во времена Геродота) принадлежали къ Германскому племени" (стр. 373).

Разбираемая статья состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой авторъ приводитъ древнѣйшія извѣстія о Скиѳахъ, сохранившіяся у Геродота; довольно долго останавливается на ихъ движеніи къ Египту, при чемъ затрогиваетъ вопросъ и о народахъ Рутэну и Хэта, на которыхъ смотритъ иначе, чѣмъ г. Либлейнъ въ предыдущей статьѣ. Относительно Рутэну г. Боннель замѣчаетъ, что имя это созвучно съ Рутэнами, народомъ галльскимъ, упоминаемымъ у Цезаря, а также съ латинскимъ названіемъ Руссовъ (стр. 377). Подобное созвучіе — часто обманчивое въ тѣхъ случаяхъ, когда не знаемъ дѣйствительнаго произношенія,—можетъ повести очень далеко, какъ и случилось съ нашимъ авторомъ. Во второй главѣ г. Боннель объясняетъ библейскія сказанія, относящіяся къ разсматриваемому вопросу, и главнымъ образомъ извѣстное пророчество Іезекіиля, который говоритъ, что Израилю угрожаютъ Гогъ въ странѣ Магогъ, князь Роша, Мешеха, Ѳувала и союзники его, Парасъ, Кушъ, Футъ, Гомеръ и Ѳогарма. Много было попытокъ среди оріенталистовъ и не-оріенталистовъ объяснить эти имена. Сводятся они пока къ тому, какъ передаетъ и г. Боннель, что Магогъ означаетъ Скиѳовъ, Гомеръ—Киммеріянъ, Ѳогарма—Армянъ и Иберовъ, Мешехъ — Мосховъ, Ѳувалъ — Тибареновъ, Парасъ—Персовъ [1]). Но больше всего нашъ изслѣдователь соблазняется народомъ Рошъ. Трудно, казалось бы, отожествить этотъ народъ съ Ῥῶς'ами византійскихъ писателей, или съ Русскими, прибывшими изъ Скандинавіи княжить надъ Славянами; но г. Боннель обошелъ всѣ препятствія, отожествилъ эти народы, и такимъ образомъ, открылъ Руссовъ въ Библіи. Въ третьей главѣ сообщаются краткія извѣстія о религіи Скиѳовъ.

Гораздо большій интересъ представляетъ статья г. Аспелина „О доисторической цивилизаціи пермскихъ народовъ и ихъ торговлѣ съ Востокомъ. Археологическая замѣтка". (De la civilisation préhisto-

---

[1]) Недавно появилось новое объ этомъ предметѣ изслѣдованіе *Ф. Ленормана*: «Gôg et Mogôg, etude ethnographique» въ журналѣ *Le Museon*, Revue Internationale. 1882, t. I, № 1.

rique des peuples Permiens et de leur commerce avec l'orient. Notice archéologique).

Когда дѣло касается положенія Европы въ глубокой древности, мы обыкновенно обращаемся къ греческимъ и римскимъ писателямъ. Если о чемъ они молчатъ, не стараемся мы получить нужныя свѣдѣнія другимъ какимъ-либо путемъ. Мало того, мы придаемъ этому молчанію особенное значеніе: думаемъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ указаній у классическихъ писателей, ничего и не было. Въ такомъ именно положеніи очутился сѣверъ Европы, о которомъ греческіе писатели ничего не знали, а потому ничего достовѣрнаго и сообщить не могли. Только въ послѣднее время пришлось обратить вниманіе на многочисленныя находки предметовъ восточнаго происхожденія въ Пріуральскомъ краѣ. Цѣлый рядъ подобныхъ находокъ въ Пермской и отчасти въ Вятской губерніи несомнѣнно доказываетъ, что нашъ сѣверъ былъ оживленъ, отличался производительностію, велъ дѣятельную торговлю съ Среднею Азіей, а можетъ быть, и съ Переднею, что „Великая Пермь" служила торговымъ центромъ для всего сѣвера Европы, да пожалуй и для сѣверо-западной Азіи. Правда, въ скандинавскихъ сагахъ Біармія славится своимъ богатствомъ; но сказаніямъ сагъ, съ легкой руки Шлёцера, назвавшаго ихъ „глупыми бреднями сказочниковъ", не придаютъ еще должнаго значенія.

Статья г. Аспелина наглядно показываетъ всю важность археологическихъ памятниковъ, обнаруженныхъ въ Пермскомъ краѣ [1]). Но чѣмъ же—спросятъ—могла торговать Біармія съ востокомъ? Прежде всего она поставляла въ Азію произведенія сѣвера: мѣха, моржовую кость—предметы, всегда имѣвшіе большую цѣнность на востокѣ,—а можетъ быть, спабжала и своимъ неистощимымъ богатствомъ, желѣзомъ. Когда началась эта торговля—свѣдѣній пока еще не имѣемъ; но находки сассанидскихъ монетъ V и VI вѣковъ показываютъ, что онѣ, монеты, были занесены въ Пермь, путемъ торговли, приблизительно въ это же время [2]). Такую услугу археологія оказала исторіи и должна оказать еще въ будущемъ. „Наука нашего времени нашла въ срав-

---

[1]) Первый, обратившій у насъ вниманіе на Пермскія древности, былъ Мессершмидтъ, посѣтившій проѣздомъ Пермскую губернію въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

[2]) Доказательства В. В. Григорьева въ пользу его положенія, что зарытіе кладовъ относится къ эпохамъ, близкимъ самому времени чеканки позднѣйшихъ монетъ, добытыхъ въ кладахъ, мы считаетъ вполнѣ убѣдительными.

пительной археологіи средство разсѣять мракъ, покрывающій судьбу финно-угорскихъ народовъ въ доисторическія времена .... мѣстности, по которымъ протекаетъ Кама въ верхнемъ своемъ теченіи, Вычегда и Печора, самыя интересныя для археологическихъ изысканій" (стр. 391, 392)—справедливо замѣчаетъ авторъ.

Свою статью г. Аспелинъ начинаетъ съ описанія каменныхъ и бронзовыхъ орудій, найденныхъ въ Пермскомъ краѣ. Этотъ отдѣлъ былъ уже изложенъ имъ, и притомъ болѣе подробно, въ „Трудахъ" археологическаго съѣзда, бывшаго въ Стокгольмѣ въ 1874 году [1]); а потому гораздо интереснѣе его описаніе желѣзнаго вѣка у Пермяковъ. Характеристическія особенности этого вѣка составляютъ: нарюры съ подвѣсками, филиграновыя серебряныя и иногда золотыя издѣлія, а также и бронзовыя въ этомъ же родѣ. Конечно, тутъ есть свои подраздѣленія на періоды.

Затѣмъ авторъ дѣлаетъ перечисленіе находокъ восточныхъ предметовъ, добытыхъ при вспахиваніи почвы, и главнымъ образомъ, серебряныхъ вазъ. Вазы описываетъ онъ очень подробно и насчитываетъ ихъ до 28. Но свѣдѣнія о нихъ, собранныя авторомъ во время короткаго пребыванія его въ Россіи, далеко не полны. Такъ, напримѣръ, у него пропущена ваза, описанная г. S. въ „Пермскомъ Сборникѣ" (ч. II, стр. 41—42); а „Сборникъ" этотъ, по видимому, г. Аспелину извѣстенъ [2]). Монетъ найдено, сравнительно, немного; можетъ быть, потому, что Пермяки вазы предпочитали монетамъ. Находки монетъ г. Аспелинъ также упоминаетъ, но лишь съ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, при чемъ у него являются сассанидскія монеты

---

[1]) Прекрасная статья г. Аспелина объ этомъ предметѣ, состоящая изъ двухъ частей (Sur l'âge de la pierre des régions Finno-Ougriennes и Sur l'âge du bronze Altaïco-Ouralien), снабженная массою рисунковъ, можетъ служить образцомъ солиднаго изложенія для нашихъ молодыхъ антропологовъ, зачастую пускающихся, въ пылу увлеченія, въ самыя смѣлыя предположенія. Въ 1875 г. вышелъ новый обширный трудъ г. Аспелина, Suomalais-Ugrilaisen Muinaistutkinnon Alkeita. Helsingissä, извѣстный намъ по подробному отчету г. *Филимонова* въ *Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства*, 1876 г. № 11—12.

[2]) О журнальныхъ статьяхъ г. Аспелинъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній. Такъ, нѣтъ у него указаній на статьи: *Попова*: о пермскихъ древностяхъ (въ *Казанскихъ Извѣстіяхъ* 1812 года, № 24); *Иродіона Рябова*: «Нѣсколько словъ о древностяхъ, находимыхъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ, въ округѣ Нижнетагильскихъ заводовъ» (*Пермск. Губ. Вѣдом.* 1855 г. № 28), и нѣкот. др.

961 и 971 годовъ (стр. 414), тогда какъ эта династія покончила свое существованіе въ исходѣ VII вѣка [1]).

Въ концѣ концовъ авторъ дѣлаетъ такой выводъ: „Приведенные факты даютъ намъ право предположить, что торговля Біарміи началась въ послѣднее время классической эпохи и продолжалась, въ теченіе тысячелѣтія, до тѣхъ поръ, какъ Новгородъ и Москва стали мало по малу ограничивать независимость Пермскаго народа и наконецъ вовсе подавили ее. Изъ приведенныхъ находокъ слѣдуетъ, что торговля пермская не шла Волжскимъ путемъ, какъ обыкновенно думаютъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ не обнаружено ни одной подобной (пермскимъ) находки на берегахъ этой рѣки. Намъ кажется правдоподобнымъ, что торговымъ путемъ для Пермяковъ служилъ Иртышъ [2]). Такія находки сдѣланы были на востокъ отъ Пермской губерніи, въ Тобольской и до Красноярска; но прежде всего рѣдкость ихъ въ другихъ мѣстахъ Россіи говоритъ, кажется намъ, въ пользу этой гипотезы. Вѣроятно, слѣдовательно, что чрезъ посредство Сассанидовъ серебро греческое и византійское стекалось въ эти отдаленныя страны" (стр. 414—415). Древности помогутъ намъ для уясненія миѳологіи Пермяковъ и другихъ Финскихъ народовъ; а кропотливое изученіе цивилизаціи древнихъ обитателей Біарміи дастъ намъ отвѣтъ, какъ думаетъ г. Аспелинъ, на темные еще вопросы касательно миграцій Финновъ.

Лучшимъ украшеніемъ II тома является на нашъ взглядъ небольшое по объему, но важное по содержанію сообщеніе П. И. Лерха „О монетахъ Бухаръ-худадовъ, или государей Бухарскихъ, до завоеванія Мавераннагра Арабами" (Sur les monnaies des Boukhâr-Khoudahs, ou princes de Boukhara avant la conquête du Mavcrennahr par les Arabes). Это вторая нумизматическая статья въ настоящемъ томѣ.

Завоеваніе Арабами Средней Азіи шло довольно туго сравнительно съ быстрымъ ихъ захватомъ Передней. Сперва Хорасанскіе намѣстники предпринимали походы въ Мавераннагръ (Трансоксіана,

---

[1]) Указанія на находки сассанидскихъ монетъ раньше 60-хъ годовъ можно найдти въ статьѣ *П. С. Савельева* «Пермская губернія въ археологическомъ отношеніи» (въ *Ж. М. Вн. Дѣлъ* 1852 г., кн. 7).

[2]) Недавно г. *Эрнестъ Бабелонъ*, въ *Bulletin de l'Athénée Oriental* (1882, № 1), высказалъ другой взглядъ на отсутствіе находокъ съ восточными предметами въ низовьяхъ Волги, а именно: арабскіе купцы не останавливались тамъ, за неимѣніемъ торговыхъ пунктовъ; а шли прямо въ Болгарскую землю.

просто ради грабежа; потомъ стали стремиться къ овладѣнію этою страной. Тутъ мы видимъ три различныя мѣры со стороны арабскихъ администраторовъ. Первоначально они обращали мѣстныхъ владѣтелей въ вассаловъ халифа, довольствуясь съ нихъ извѣстною данью. Такое подчиненіе оказалось очень непрочнымъ, и скоро пришлось употребить другой способъ закрѣпленія власти халифа въ Мавераннагрѣ: была введена система помѣщенія арабскихъ гарнизоновъ въ наиболѣе важныхъ пунктахъ. А наконецъ, послѣдняя мѣра—заведеніе цѣлыхъ поселеній Арабовъ, уцѣлѣвшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Средней Азіи и до настоящаго времени. Прежніе владѣльцы держались въ своихъ земляхъ очень долго, если не стремились освободиться изъ-подъ власти халифа. О такихъ владѣльцахъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній, или очень отрывочныя: Хорезмъ-шахи (въ Хорезмѣ), Афшины (въ Осрушнѣ), Ихшиды (въ Ферганѣ), Испегбеды (въ Табаристанѣ), ждутъ еще своихъ изслѣдователей, и только Бухаръ-худады (въ Согдіанѣ) дождались своего — въ лицѣ П. И. Лерха.

Статья г. Лерха о монетахъ этихъ государей (VII и VIII вв.) является извлеченіемъ изъ его обширнаго изслѣдованія о Бухаръ-худадахъ, печатающагося въ Трудахъ восточнаго отдѣленія Археологическаго Общества. Монеты Бухаръ-худадовъ до сихъ поръ представлялись загадкою для нумизматовъ, такъ какъ письмо на нихъ (кромѣ имени халифа арабскими буквами) оставалось неизвѣстнымъ. Френъ сперва приписывалъ эти монеты Хазарамъ, а потомъ тюркскимъ хаканамъ, которыхъ относили тогда къ Уйгурамъ. Иностранные нумизматы (Е. Томасъ, Соре, Штикель) также не могли разрѣшить вопроса. Только г. Лерху удалось дешифрировать загадочное письмо. Такое важное открытіе, напоминающее въ нѣкоторомъ родѣ дешифровку клинообразныхъ письменъ, совершено при помощи „Исторіи Бухары", оставленной Абу-Бекромъ Мухаммедомъ Наршахи (жившимъ въ IV в. гиджры). Эта рукопись была вывезена г. Лерхомъ же изъ Бухары въ 1858 году.

У Наршахи сохранились слѣдующія извѣстія о монетахъ Бухаръ-худадовъ: „Первый государь, который сталъ чеканить въ Бухарѣ серебряную монету, былъ Кана Бухаръ-худадъ, царствовавшій тамъ 50 лѣтъ. Въ Бухарѣ торговали тогда бумажными тканями и пшеницей. И донесли ему, что въ другихъ странахъ чеканятъ серебряную монету. Тогда повелѣлъ онъ и въ Бухарѣ бить монету изъ чистаго се-

ребра съ изображеніемъ на ней его лица въ коронѣ [1]). Случилось это во время халифа Абу-Бекра (632—634), и продолжалось такъ до временъ Гарунъ эр-Рашида. Послѣдній назначилъ Гитрифа, своего дядю по матери, намѣстникомъ Хорасана. Когда тотъ прибылъ къ своему посту, жители Бухары отправили къ нему депутацію, которая заявила, что вслѣдствіе дурнаго качества монеты, чеканившейся тогда въ Хорезмѣ, изъ Бухары стали уходить мѣстные дирхемы, состоявшіе изъ чистаго серебра; а потому депутація просила Гитрифа разрѣшить чеканить въ Бухарѣ монету съ лигатурой низкой цѣны, чтобы положить конецъ вывозу дирхемовъ изъ Бухары. Гитрифъ согласился. Послѣ обсужденія этого жителями, начали чеканить въ Бухарѣ дирхемы изъ смѣси шести металловъ: золота, серебра, мѣди, свинца, олова и желѣза; но видъ монеты сохранили прежній. Новыя монеты получили названіе гитрифи (гитрифки). Между тѣмъ эта монета не имѣла ходу, потому что скоро чернѣла; народъ Бухарскій не хотѣлъ ея принимать, и 6 гитрифокъ шли за 1 дирхемъ изъ чистаго серебра. Чтобы дать имъ ходъ, намѣстникъ халифа приказалъ принимать ихъ въ государственныхъ учрежденіяхъ по тому же курсу. Слѣдовательно, по этому указу, говоритъ Наршахи,—бухарская подать съ 200,000 дирхемовъ перешла на 1.068,567 гитрифокъ. И когда поднялся курсъ гитрифокъ, намѣстникъ заставилъ населеніе платить подати исключительно гитрифками, не измѣняя разъ установленной суммы подати. Въ 220 г. гиджры за 100 дирхемовъ получалось 85 гитрифокъ. Въ 522 г. цѣна ихъ была еще выше: за 70 гитрифокъ приходилось платить 100 дирхемовъ“ (стр. 425—426).

Этотъ, интересный въ историческомъ и даже въ финансовомъ отношеніи, разказъ, надо сознаться, не совсѣмъ понятенъ безъ дальнѣйшаго поясненія. Зачѣмъ, напримѣръ, понадобилось хорасанскому намѣстнику взимать подати гитрифками, которые не могли быть приняты въ халифскую казну? Не производилось ли при этомъ еще какихъ операцій? Затѣмъ: свободно ли обращались въ странѣ гитрифки, или они имѣли значеніе только для уплаты подати, и въ этомъ ли, послѣднемъ случаѣ курсъ ихъ поднялся выше дирхемовъ изъ чистаго серебра? Можетъ быть, дѣло выяснится по выходѣ полнаго труда г. Лерха. Во всякомъ случаѣ, нашему изслѣдователю пришла счастливая мысль примѣнить къ загадочнымъ знакамъ на монетахъ тѣ

[1]) Образцомъ для бухаръ-худадскихъ монетъ послужила монета Сассанида Варакрена V.

буквы, изъ которыхъ образуется слово Бухаръ-худадъ, и буквы подошли совершенно. Такимъ образомъ открылись семь буквъ изъ новаго письма, которое г. Лерхъ окрестилъ именемъ согдійскимъ. Есть и еще доказательство тому, что эти монеты именно принадлежатъ Бухаръ-худадамъ. Онѣ двухъ родовъ, какъ это и должно быть по Наршахи: серебряныя высокой пробы, и низкопробныя. Вотъ эти послѣднія и были подвергнуты химическому анализу, при чемъ оказалось, что сплавъ, для нихъ употреблявшійся, состоитъ изъ шести металловъ, и притомъ тѣхъ самыхъ, о которыхъ сообщаетъ Наршахи.

Въ статьѣ г. Уайли „Монгольскіе астрономическіе инструменты въ Пекинѣ" (The Mongol astronomical instruments in Peking) рѣчь идетъ о предметѣ у Китайцевъ чрезвычайно важномъ, объ астрономіи. Авторъ собственно описываетъ астрономическіе инструменты, употреблявшіеся при Юаньской династіи и устроенные подъ руководствомъ іезуитовъ-миссіонеровъ; но говоритъ и вообще объ астрономіи въ Китаѣ при Юаньской и Минской династіяхъ. Сообщаетъ онъ изъ Юань-ши (исторія Монгольской династіи въ Китаѣ) біографію Ко-шоу-цина (Ko-schow-king), представителя китайской астрономіи при Юаньской династіи; сообщаетъ и о европейцахъ-астрономахъ, оказавшихъ большую услугу Китайскому правительству въ дѣлѣ правильной организаціи астрономическихъ наблюденій. Впрочемъ, дѣятельность на этомъ поприщѣ Матео Риччи, Фердинанда Вербиста и Адама Шалля достаточно уже извѣстна. Къ статьѣ приложены два рисунка, изображающіе древніе астрономическіе инструменты.

Статья Д. А. Хвольсона: „Гласные *в*, *ѕ*, *і* въ древне-еврейской орѳографіи" (Die quiescentes *w*, *h*, *i* in der Althebraeischen Orthographie) касается такого предмета, который, конечно, не можетъ имѣть общаго интереса; но это нисколько не умаляетъ ея научнаго значенія. Цѣль ея—доказать, что первоначально древніе Евреи, подобно Финикіянамъ, не употребляли гласныхъ буквъ *в*, *ѕ*, *і*, и что въ библейскій текстъ онѣ были введены уже впослѣдствіи. Отсюда выводъ тотъ, что при объясненіи Ветхаго Завѣта не слѣдуетъ обращать никакого вниманія на то, находятся означенныя буквы въ текстѣ, или нѣтъ. Мы не можемъ быть судьей въ этомъ дѣлѣ, для насъ совершенно чуждомъ, но по отзыву спеціалистовъ, изслѣдованіе г. Хвольсона имѣетъ большое значеніе для правильнаго чтенія и разумѣнія древне-еврейскихъ текстовъ.

Заключается 2-й томъ „Трудовъ" сообщеніемъ К. Г. Залемана „Объ одной парсійской рукописи Императорской Публичной библіо-

теки въ С.-Петербургѣ" (Ueber eine Parsenhandschrift der Kaiserlichen oeffentlichen Bibliothek zu St.-Petersburg).

Это подробное описаніе парсійской рукописи изъ собранія князя Долгорукова, бывшаго посланникомъ при Персидскомъ дворѣ. Въ ней заключаются: нѣсколько пеглеви-зендскихъ трактатовъ, пеглеви-пазендскій глоссарій, отрывки изъ Авесты и пеглеви-парсійскій глоссарій.

Описаніе г. Залемана, конечно, будетъ встрѣчено спеціалистами сочувственно, и нѣкоторыя части его труда обратили уже на себя вниманіе ученыхъ. Такъ, г. Гарлезъ отчасти коснулся пеглевійскаго текста, Ormuzd-Yesht, въ своемъ сочиненіи: Manuel du Pehlevi des livres religieux et historiques de la Perse. Grammaire, Anthologie, Lexique. Paris 1880 [1]). Тутъ же г. Гарлезъ дѣлаетъ нѣкоторыя исправленія, частію въ текстѣ (стр. 128—135), частію въ примѣчаніяхъ къ тексту (стр. 321—322) тѣхъ ошибокъ, которыя заключаются въ рукописи и оставлены г. Залеманомъ безъ исправленія. Впрочемъ, можетъ быть, тутъ все дѣло заключается въ особенностяхъ орѳографіи нашей рукописи, на что̀ и указываетъ г. Залеманъ въ своемъ отчетѣ.

Къ статьѣ приложены 3 фотолитографическіе снимка съ рукописи.

Отчетъ нашъ конченъ. Въ двухъ нашихъ статьяхъ, о двухъ томахъ „Трудовъ" съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ мы старались передать содержаніе помѣщенныхъ здѣсь статей, и на сколько понимаемъ дѣло, показать ихъ научное значеніе. Можетъ быть, на нѣкоторыхъ статьяхъ слѣдовало бы остановиться больше, чѣмъ это сдѣлано въ нашемъ разборѣ; но въ видѣ оговорки повторимъ еще разъ, что помѣщенныя въ „Трудахъ" статьи касаются спеціальностей самыхъ разнообразныхъ, едва ли доступныхъ одному лицу.

Въ заключеніе позволимъ себѣ нѣсколько словъ о томъ, на сколько подобные „Труды" съѣздовъ оріенталистовъ могутъ показывать дѣятельность ученыхъ въ области востоковѣдѣнія, и можно ли по этимъ „Трудамъ" судить о положеніи востоковѣдѣнія въ данное время? Отвѣтъ долженъ быть скорѣй отрицательный, чѣмъ положительный. Вопервыхъ, наиболѣе капитальныя изслѣдованія и изданія не подгоняются къ съѣздамъ и не залеживаются у авторовъ въ ожиданіи ихъ; а равно и съѣзды вліять на такія работы не могутъ, въ смыслѣ извѣстнаго направленія занятій ученаго. Вовторыхъ, не всѣ статьи,

---

[1]) Г. Гарлезъ высказалъ свое замѣчаніе объ этомъ трудѣ мимоходомъ и въ небольшой своей статейкѣ въ *Journal littéraire* 1880 г., по поводу изданія «Исторіи всеобщей литературы» г. *Корша*.

присланныя на съѣздъ, могутъ найдти мѣсто въ „Трудахъ“ его. Бо̀льшимъ, по видимому, мѣриломъ положенія дѣла должны служить сообщенія, дѣлаемыя на засѣданіяхъ. Тутъ всякій спѣшитъ подѣлиться своими мыслями, своими открытіями при работахъ, прежде чѣмъ успѣетъ обработать свой трудъ, надѣясь встрѣтить поддержку, указанія, разъясненія. Но вѣдь и тутъ надо имѣть въ виду то обстоятельство, что пріѣхать на съѣздъ имѣютъ возможность очень немногіе, и нерѣдко наиболѣе видные представители оріентализма въ Европѣ на съѣздахъ не присутствуютъ.

Н. Веселовскій.

Rumänische Märchen, übersetzt von *Mite Kremnitz* (Румынскія сказки, въ переводѣ *М. Кремницъ*). Leipzig. 1882.

Въ письмѣ, предпосланномъ первому выпуску Архива Питрэ, Максъ Мюллеръ нашелъ нужнымъ указать на необходимость дословнаго записыванія сказокъ, какъ ихъ разказываетъ народъ, безъ всякихъ стилистическихъ перемѣнъ и охорашиваній. Казалось бы, что это естественное требованіе на столько вкоренилось въ кругу собирателей и изслѣдователей сказочнаго матеріала, что излишне и повторять его. Сборникъ г-жи Кремницъ доказываетъ противное: составленный изъ переводовъ румынскихъ текстовъ, записанныхъ разными лицами, онъ обнаруживаетъ признаки литературной, умышленной или не умышленной перефразировки, при которой точный анализъ подробностей не возможенъ, и выводы могутъ получиться ложные. Я обращаю вниманіе лишь на № XX: поэтическую сказку, развитую болѣе чѣмъ на 45 страницахъ и нерѣдко возбуждающую подозрѣніе своимъ складомъ. Это не мѣшаетъ признать сборникъ г-жи Кремницъ цѣннымъ вкладомъ въ литературу предмета.

Въ слѣдующемъ разборѣ я остановлюсь на нѣкоторыхъ подробностяхъ 1) стиля, 2) обычаевъ, 3) повѣрій и миѳовъ и 4) сказочныхъ схемъ.

I. Интересны общія мѣста, которыми начинаются румынскія сказки: „Было однажды, что было; кабы не было, не стали бы о томъ и разказывать“ (№ 1); „было однажды, чего никогда не было; кабы не было, не стали бы и разказывать; когда ногу блохѣ подковали 99-ти фунтовою желѣзною подковой, и блоха прыгнула на небо, чтобы принести намъ оттуда эту сказку“ (№ II; сл. № V); „было однажды и т. д.: когда волки покоились въ стойлѣ съ овцами, па-

стухи пировали на зеленомъ лугу съ царями и королями, одно солнце заходило, а другое всходило" (№ X). Также типичны заключенія сказочниковъ: „я вскочилъ въ сѣдло (и поѣхалъ), чтобы разказать вамъ эту сказку" (№ II, V); или: „и я тамъ былъ, но такъ какъ я хромъ на одну ногу, то пришелъ, когда свадьбу уже сыграли, съ трудомъ досталъ пустой похлебки, не нашелъ въ ней ни крохи мяса, похлебалъ ситомъ. Посуди, сколько мнѣ досталось и каково мнѣ было!" (№ X).

На красоту дѣвушки засмотрѣлось солнце и остановилось (№ VII); при видѣ другой новое, болѣе чудное солнце взошло, когда старое уже скрылось за горы запада (№ X). Подобная характеристика женской красоты, заимствованная отъ солнца, принадлежитъ къ общимъ мѣстамъ ново-греческой народной лирики; сюда же относятся и соотвѣтствующія выраженія русскихъ пѣсенъ: „тепло красно наше солнышко", „солнышко закатное", межениое" и т. п. Въ румынской сказкѣ № VII царевичъ, ухаживающій за мудрою Иляной, такъ отвѣчаетъ на ея вопросъ—куда онъ собрался въ путь: „Я спѣшу къ солнцу, чтобы похитить у него лучъ, вручить его сестрѣ, а ее увезти, чтобы была мнѣ женой. Вотъ на пути остановился, чтобы на тебя поглядѣть, вглядѣться въ лучи твоего лица, сказать тебѣ слово и одно слово у тебя похитить". И здѣсь обычное, лишь иначе выраженное сближеніе солнца съ женскою красотой. Хитрая Иляна провела царевича: онъ впрыгнулъ черезъ окно въ ея покой, усѣлся за столъ. „Погоди", говоритъ она ему,—„дай посмотрѣть, таковъ ли ты, какимъ долженъ быть, а тамъ поговоримъ, плодъ раздѣлимъ и любовь сотворимъ. Можешь ли ты развести розы на лопухѣ?„ "Не могу". „Въ такомъ случаѣ репей—твой цвѣтокъ. Можешь ли заставить пѣть летучую мышь?" „Нѣтъ". „Стало быть, тебѣ ночь замѣсто дня. А можешь ли развести яблоки на бѣленѣ?" „Могу". „Это—тебѣ на снѣдь. Теперь садись за столъ". Шутливо-загадочный разговоръ царевны принадлежитъ къ общимъ мѣстамъ типа „мудрой дѣвы", „Пренія въ мудрости" и т. п. Такимъ же общимъ мѣстомъ является въ № XVI мотивъ „евангелистой пѣсни" („Скажи мнѣ, что единъ? что два?" и т. д.), недавно разобранный Хыждеу въ его Cuvînte din bĕtrânĭ (см. мои Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха, VI, стр. 79 и слѣд.).

Мудрая царевна провела юношу: только что онъ успѣлъ сѣсть за столъ, какъ провалился въ подземелье. Иначе вышло съ сестрами Иляны: онѣ поддались ухаживанію братьевъ царевича. Колебаніе

дѣвушки выражено типическими чертами. Въ первый разъ она такъ отвѣчаетъ на объясненіе въ любви: „Ступай туда, откуда пришелъ. да произрастутъ передъ тобою цвѣты, позади тебя тернія". Юноша возвращается, и слѣдуетъ новый отвѣтъ: „Сказала я тебѣ: возвратись, откуда пришелъ; да произрастутъ передъ тобою тернія, позади тебя цвѣты". Въ третій разъ дѣвушка позволила поцѣловать себя и говоритъ: „Пусть будутъ цвѣты передъ тобою и позади тебя".

Отмѣтимъ еще искреннее выраженіе радости: царь потолстѣлъ отъ нея (XVI); отецъ такъ обрадовался возвращенію сына, что умеръ—и тотчасъ же ожилъ (XIII).

Обычною принадлежностью чудовищъ румынской сказки является пасть, такъ широко зіяющая, что одна челюсть на землѣ, когда другая касается неба (либо притолка и порога). Такими чертами описаны скорпія (II) и змѣй (XIII, XVIII, XX). Сл. въ литовской сказкѣ въ Leskien u. Brugmann, Litauische Märchen, № 15, стр. 407 и волка Фенри въ Völuspâ.

II. Въ № XVIII описана процедура божьяго суда: судились три брата. Передъ церковью поставлены три улья, въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго; въ нихъ вступаютъ судящіеся, и каждый мечетъ вверхъ пращею камень; виновные поражены своими собственными камнями, упавшими на нихъ сверху. Почему здѣсь понадобились улья—я не знаю. Говорятъ, что Илья пророкъ никогда не пуститъ стрѣлы именно въ улей, хотя бы въ немъ и скрывался дьяволъ.

Молодымъ подаютъ за столомъ, по старому обычаю, яйцо въ смятку, которое они должны съѣсть вдвоемъ (VIII). Въ книгѣ г. Сумцова: „О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ" (стр. 120—1, 124 слѣд.) собрано достаточно данныхъ, указывающихъ на обрядовое употребленіе на свадьбѣ яичницы и хлѣба—коровая. Для послѣдняго обычая есть интересныя подробности въ сказкѣ № XIII: въ комнатѣ новобрачныхъ положенъ на столъ хлѣбъ, „бѣлый, какъ ликъ Христа" (какъ въ Нижегородской губерніи новобрачный на головѣ несетъ хлѣбъ въ опочивальню); ночью явился змѣй и потребовалъ исполненія стараго договора съ молодымъ: отдать ему, что у того будетъ самаго любаго. Пока молодой колеблется между любовью и долгомъ, хлѣбъ завозился на столѣ и началъ рѣчь держать: „Слушай, змѣй, посѣяли меня, и я выросъ; срѣзали меня серпомъ, связали въ снопы: я все перенесъ, потерпи и ты и отправься въ пучины морскія". Змѣй молчалъ, а хлѣбъ заговорилъ снова: „Затѣмъ перенесли меня въ овинъ,

лошади топтали (молотили) меня, потомъ меня просѣяли и повезли на мельницу: потерпи и ты, какъ я потерпѣлъ, и удались, чтобы намъ не слышать твоего имени". И еще въ третій разъ принялся говорить хлѣбъ: „Смололи меня, снова повезли домой, просѣяли, мѣсили съ водой, въ печь посадили и испекли, такъ что глаза чуть не вылѣзли у меня изъ головы. Все я претерпѣлъ; потерпи и ты, проклятый змѣй, пусть ты лопнешь!" И змѣй лопнулъ съ такимъ трескомъ, что во дворцѣ всѣ проснулись.

Исторія хлѣба и вина (сл. Мученія св. Гроздія) не рѣдко представлялась исторіей мученій, которымъ они подверглись. „Пшеница бо много мучима чистъ хлѣбъ подаетъ", говоритъ Даніилъ Заточникъ, а малорусская сказка, слышанная въ дѣтствѣ г. Потебней, противополагаетъ, какъ и румынская, хлѣбъ змѣѣ: увидѣвъ хлѣбъ на столѣ, она позавидовала ему и стала спрашивать: какъ онъ дошелъ до такой почести; хлѣбъ отвѣчаетъ, что не даромъ онъ теперь въ чести, что до этого онъ потерпѣлъ многія муки (Мандельштамъ, Опытъ объясненія обычаевъ, созданныхъ подъ вліяніемъ миѳа, I, 272, 276 [1]).

Хлѣбъ, замѣшенный на молокѣ матери, даетъ силы ея сыну, внушаетъ къ нему расположеніе всякаго, кто отвѣдалъ хлѣба, возбуждаетъ въ дочери тоску по родинѣ, которую она совсѣмъ забыла (XIV).

III. Чудесное зачатіе героя (отъ яблока, X; отъ рыбы, XVII; сл. Schott, Walachische, Märchen, 27), внѣ половаго процесса, распространено въ цѣломъ рядѣ разказовъ, которые полезно было бы изучить и послѣ попытки Шарансс. Распространеннымъ является и представленіе души, какъ самостоятельнаго существа, произвольно покидающаго тѣло, напримѣръ, во снѣ. У великана Могарзи нечистые (Elfen?) похитили душу и подмѣнили ее другою; мальчикъ, пріемышъ великана, добываетъ эту душу, спрятанную въ склянкѣ: велитъ Могарзи лечь на спину, самъ взобрался къ нему на грудь и принялся скакать, пока не выбилъ изъ него подметную душу; тогда онъ далъ ему проглотить настоящую, выпить воды, что была въ склянкѣ, сжалъ ему носъ и губы и въ заключеніе наложилъ пластыри. Могарзи вскочилъ какъ встрепанный (VI).

Кони румынскихъ сказочныхъ витязей—обычные чудные кони европейскаго народнаго преданія (см. Аѳанасьевъ, Поэт. Возэр. I, 616 и слѣд.; мои: Beiträge zur Erklärung der russischen Heldenepos,

---

[1]) Не такое ли же значеніе имѣетъ эпизодъ о приготовленіи льна въ литовской сказкѣ у *Leskin und Brugmann*, № 43.

въ Archiv f. slav. Philol. III, 559 и слѣд.). Либо это старая, заброшенная, паршивая лошадь, за которою ходитъ царевичъ, кормитъ ее овсомъ, вареным въ молокѣ; черезъ шесть недѣль она встряхнулась, вся нечисть съ нея слетѣла, и она очутилась чуднымъ конемъ о четырехъ крыльяхъ (II). Либо это больной, захудалый жеребенокъ съ которымъ происходитъ то-же превращеніе (XIV). Въ № XX сынъ проситъ отца ссудить ему для богатырской поѣздки лошадь, на которой онъ самъ ѣздилъ въ юности; но она давно околѣла, осталась лишь уздечка. Старуха велитъ царевичу ударить этою уздечкой о столбъ, поддерживавшій крышу дома, и передъ нимъ очутился богато осѣдланный конь, какого онъ никогда не видѣлъ. Ему насыпаютъ, вмѣсто корму, горячихъ угольевъ (сл. № XIV и Аѳанасьевъ, II В. I, 620), а онъ предлагаетъ хозяину понести его, какъ онъ желаетъ: со скоростью вѣтра, съ быстротою мысли, желанія или—проклятія.

Конкретными миѳическими образами румынскія сказки довольно богаты, но эта конкретность какая-то туманная, расплывающаяся, не дающая схватиться за костякъ. Въ особенности жаль, что масса подходящаго подъ эту точку зрѣнія матеріала находится въ сомнительномъ № XX-мъ. Въ № V являются мѣсяцъ, солнце и вѣтеръ, каждый со своею матерью; въ другомъ мѣстѣ говорится о дочеряхъ вихрей, пляшущихъ въ воздухѣ и ожидающихъ „пожирателя мѣсяца" (Mondfresser): такъ въ сказкѣ № XX, разказывающей о поѣздкѣ царевича Петра къ Утренней Зарѣ (Fee der Morgenröthe). Извѣстный сказочный мотивъ (два брата такъ похожи другъ на друга, что ихъ нельзя различить; одинъ изъ нихъ заколдованъ—обращенъ въ камень, проглоченъ вѣдьмою и т. п.; другой отправляется его искать, принятъ женою брата за ея мужа, и раздѣляя ея ложе, кладетъ между нею и собою мечъ и т. п.) примѣненъ къ небу: утренняя и вечерняя звѣзда—это царевичъ Busujokŭ (василекъ) и сынъ служанки Siminokŭ (кошачья лапка), чудесно зачатые отъ рыбы, которой отвѣдали ихъ матери (XVII). Обычныя въ румынской и славянской народной поэзіи олицетворенія Пятницы и Недѣли, Среды и Четверга, встрѣчаются и въ нашемъ сборникѣ. Въ № XIX Dominica—Недѣля является, окруженная змѣями и дикими звѣрями, какъ Vineri—Пятница въ сказкѣ у Hasdeu (см. мои Розысканія VI, стр. 13). О старо древней старухѣ говорятъ: она стара, какъ Пятница, сл. № X и стр. 265, № XX, гдѣ сообщаются еще новыя подробности о Пятницѣ и выведены на ряду съ ней Среда и Четвергъ.

Миѳическая номенклатура г-жи Кремницъ не отличается желатель-

ною опредѣленностью, хотя при отсутствіи нѣкоторыхъ подлинныхъ текстовъ точное сужденіе не всегда возможно. Въ №№ XIII (balaurü) XVIII (smeiü) и XX дѣло идетъ, очевидно, о змѣяхъ, драконахъ, въ XIV, вѣроятно, о „дракахъ", аналогичныхъ съ драками и драконтами новогреческаго повѣрья: тамъ и здѣсь въ переводѣ стоитъ: Drache. Той же широтою передачи отличаются выраженія: Spechtfee, Scorpionhexe (II), die heilige Mondgöttin, der heilige Sonnengott (V) и т. п. Въ № XIV вѣдьма оказывается живущею въ избушкѣ, вокругъ которой на жердяхъ красуются человѣческія головы; сама она сидитъ на дворѣ, на скамьѣ о трехъ ножкахъ (XIV). Я напоминаю избушку на курьихъ ножкахъ нашей Бабы-Яги.

„Велва—неопредѣлимое существо, живущее въ воображеніи румынскаго крестьянина", говорится въ примѣчаніи къ № XX (стр. 247). Въ самой сказкѣ она является не разъ и описана подробно, но сознательно неуловимыми чертами. Маннгардтъ, слѣдуя Шоттамъ, опредѣляетъ вилвъ или велвъ, что это—облачные духи, являющіеся въ образѣ змѣй, съ маленькими крыльями и длиннымъ хвостомъ, какъ у ящерицъ; онѣ носятся по воздуху, то въ бурномъ, то въ плавномъ полетѣ, вліяя на перемѣну погоды, встрѣчаясь другъ съ другомъ то во враждѣ, то въ дружбѣ. Отъ ихъ воздушной борьбы между собою зависитъ, установится ли ведро или ненастье. У каждой страны, каждаго царя есть своя велва, вѣруютъ румыны. Cihac даетъ: vâlvă, vâlfă, vêlvă, vólfă: sommité, comble, autorité, grandeur, réputation, crédit, éclat, bruit; vâlvă băii: esprit, génie d'une montagne, nymphe de montagnes; Lex. Bud.: vâlfa băii=lar montanus, vel daemon metallicus. Самое слово сближали съ црквися, влъхва, съ южнославянскою Вилой и сѣверною völva'ой (Шоттъ, Мангардтъ). Вопросъ о völva (=Сивилла), поставленный на-ново Бангомъ и Бугге, слѣдуетъ порѣшить въ связи съ указанными сближеніями, хотя бы для того, чтобъ прійдти къ ихъ отрицанію.

IV. Не имѣя подъ руками ни одного сказочнаго сборника, кромѣ разбираемаго, я не берусь за указаніе многочисленныхъ не-румынскихъ параллелей, которыя легко было бы подобрать къ каждому № собранія г-жи Кремницъ. Теоретически научная стоимость подобнаго рода сравненій представляется мнѣ незначительною, потому что ни одна сказка не покрывается до-цѣла другою, бо́льшая ихъ часть является спаемъ мотивовъ, поставленныхъ въ связь случайно, и сравненіе должно было бы обратиться именно къ этимъ мотивамъ, а не къ цѣлымъ сказочнымъ особямъ. Такъ, въ № II царевичъ ищетъ „юности

безъ старости, жизни безъ смерти", и сказка представляетъ очень удачное сцѣпленіе подробностей, обыкновенно встрѣчающихся отдѣльно, въ разныхъ сказочныхъ группахъ: 1) царевичъ заходитъ въ страну безсмертія, женится; ему запрещаютъ входить въ „долину сѣтованій"; онъ попадаетъ туда случайно и тотчасъ же ощущаетъ тоску по родинѣ; 2) вернувшись, онъ не узнаетъ ни страны, ни людей; ему казалось, что отсутствовалъ онъ всего нѣсколько дней, но эти дни были столѣтіями (мотивъ посѣщенія земнаго рая, легенды о семи спящихъ святыхъ); 3) онъ находитъ отцовскій дворецъ въ развалинахъ, и въ нихъ старый сундукъ. Открывъ его, онъ услышалъ изнутри голосъ: „Милости просимъ; кабы ты еще повременилъ приходомъ, я бы умерла". То былъ голосъ смерти, которая и накладываетъ на него свою руку (См. № XI: Голосъ смерти).

№ IX—одинъ изъ многочисленныхъ варіантовъ сюжета, части котораго разказывались уже о Сизифѣ: „Солдатъ и смерть (см. м. проч. библіографію у Leskien и Brugmann'a, въ прим. къ № 17, стр. 561) Героемъ является русскій солдатъ Иванъ (такъ и въ испанской сказкѣ: Juan soldado, въ сициліанской Fra Giugannuni и т. д.), онъ угощаетъ чертей „русскими или московитскими" ударами и кричитъ имъ: „Пошелъ въ ранецъ" (Paschol, hinein in das Ränzel, Bande). Главный между чертями Skaraoski, какъ въ румынской легендѣ (изъ Буковины) о происхожденіи тютюна: Scaraoski, то-есть, Искаріотскій (см. мои Разысканія, VI, 88). Прозвище принято за имя собственное; въ одной румынской колядкѣ Іюда — демона, властителя моря. — Аналогію къ такой замѣнѣ представляетъ сербская пѣсня (Караџић, Српск. нар. пјесме II 83), принадлежащая къ распространенному среди Славянъ циклу преданій о созданіи свѣта Богомъ и діаволомъ: вмѣсто Бога является св. Іоаннъ, вмѣсто діавола Діоклитіанъ. Сл. въ Хлудовскомъ текстѣ апокрифическаго мученія св. Георгія игру словами по поводу имени Діоклитіана: цароу неправды, противу имени твоѥмоу подгнѣщаемь ѿтцемь твоимь диѩволомь" (см. Разысканія II, стр. 47, прим. 1). См. у Нахичеванскихъ Армянъ: Неръ=глава ада, Антихристъ=Неронъ (?) [1]).

Разбирая малорусскія народныя сказанія о „сотвореніи человѣка" (см. мой отчетъ о сборникѣ Чубинскаго въ 22-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, стр. 12 слѣд., и Grimm, Deutsche Mythol. I, 473)

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, изд. управленія Кавк. учебн. округа. II, отд. 2-й, стр. 44.

я указалъ, между прочими параллелями, на одну греческую сказку изъ Закинѳа и на старо-французскую отреченную легенду объ императорѣ Фануилѣ (XII вѣка). Сюда же относится и № X въ собраніи г-жи Кремницъ.

На Закинѳѣ разказываютъ о могучемъ, добродѣтельномъ королѣ, снискавшемъ особую любовь Господа благочестивою жизнью и добрыми дѣлами. Рѣшившись остаться дѣвственникомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, желалъ имѣть потомство. И вотъ однажды, когда онъ сидѣлъ и плакалъ, сѣтуя о томъ, ангелъ явился ему, возвѣщая, что у него родится дочь отъ икры (у ноги). Вскорѣ послѣ того икра у него распухла; какъ-то разъ на охотѣ онъ накололъ ее терніемъ, и изъ нея выпорхнула дѣвушка, вооруженная съ головы до ногъ, съ копьемъ и шлемомъ. Тотчасъ по рожденіи ее похищаетъ ламія, запираетъ въ башню и погружаетъ въ сонъ; на вратахъ башни надпись гласила: „Икра была моею матерью, терновникъ повивальною бабкой". Какой-то царевичъ освобождаетъ красавицу, а Господь, особенно ее любившій, даетъ ей въ приданое даръ предвидѣть будущее, „возведя ее какъ бы въ значеніе богини".

По французской легендѣ Фануилъ—сынъ дочери Авраама, понюхавшей цвѣтокъ съ крестнаго древа, перенесеннаго въ вертоградъ отца, и отъ него забеременѣвшей. Фануилъ—святой, благочестивый царь; плоды крестнаго древа, древа жизни, служили ему средствомъ для врачеванія недужныхъ и прокаженныхъ. Однажды, онъ разрѣзалъ одинъ такой плодъ, чтобы раздѣлить его между больными, а сокъ, оставшійся на лезвеѣ ножа, отеръ о колѣно. Оттого его колѣно „поносъ понесло", и по прошествіи девяти мѣсяцевъ родилась красивая дѣвочка: это была св. Анна, мать Маріи. Исполненный стыда и недоумѣнія, Фануилъ поручаетъ одному изъ своихъ рыцарей отнести дѣвочку въ дремучій лѣсъ и тамъ убить, дабы никто не узналъ, что̀ съ нимъ приключилось. Рыцарь готовится исполнить приказаніе царя, когда съ неба является голубь, либо ангелъ, и вѣщаетъ: пусть онъ не убиваетъ ребенка,

> De ly naistra une puceille
> En cui Dieux char et sanc prendra
> Quant il en terre descendra.

Рыцарь покидаетъ дѣвочку въ гнѣздѣ лебедей, гдѣ ее сторожитъ лань, питая ее своимъ молокомъ, а Фануилу сообщаютъ, между тѣмъ, что его приказаніе исполнено въ точности. Десять лѣтъ спустя онъ отправляется на охоту, сопровождаемый своимъ сенешалемъ, Іоахи-

момъ, который, преслѣдуя лань, добирается до лебединаго гнѣзда, откуда слышитъ дѣтскій голосокъ, запрещающій убивать животное. На деревѣ, въ гнѣздѣ, онъ видитъ дѣвочку-красавицу, которая называетъ себя по имени, а Фануила — своею матерью: Пусть придетъ и сниметъ ее. Отецъ и дочь узнаютъ другъ друга, а Фануилъ отдаетъ Іоахиму руку своей дочери.

Въ сообщаемой далѣе румынской сказкѣ общаго съ легендой—зачатіе отъ плода, пребываніе въ гнѣздѣ, охота; съ греческою—зачатіе отъ плода, вмѣсто гнѣзда—башня, охота; вездѣ участвуетъ женихъ (царевичъ, сенешаль), освобождающій, достающій дѣвушку; ангелу греческой и румынской сказки отвѣчаетъ голубь либо ангелъ легенды.

Жили-были старикъ и старуха, старые, престарые, и сильно горевали, что у нихъ не было дѣтей. Всѣ средства они на то употребили, всякія снадобья,— все напрасно; наконецъ старикъ рѣшился сдѣлать еще одну попытку: идетъ куда глаза глядятъ, съ тѣмъ, чтобы либо найдти, чего ему страстно хотѣлось, либо никогда не возвращаться домой. Въ дремучемъ лѣсу, въ пещерѣ, онъ находитъ отшельника, который даетъ ему освященное яблоко, разрѣзавъ его на двѣ части: одну пусть съѣстъ самъ, другую же отдастъ женѣ. На обратномъ пути старика одолѣла жажда, и онъ съѣлъ половинку яблока, но по ошибкѣ, ту, что̀ назначена была его женѣ. Съѣлъ, и тотчасъ же свалившись, заснулъ мертвымъ сномъ, тогда какъ съ неба спустился ангелъ и сталъ около него на стражѣ. Когда проснулся старикъ, около него въ травѣ копошилась маленькая дѣвочка, которую ангелъ окропилъ водою, освященною девять лѣтъ тому назадъ (сл. стр. 125: въ раю), кропиломъ изъ василька, окрестилъ и назвалъ Розой (собственно: шиповникъ, Waldrose; сл. въ малорусской легендѣ о сотвореніи человѣка—жінку „зъ рожи", „зъ цвіту"). Обрадованный несказанно своею находкой, старикъ спѣшитъ домой, положилъ дѣвочку въ квашню, и идетъ извѣстить жену; въ это время громадный грифъ схватилъ дѣвочку и унесъ въ свое гнѣздо, гдѣ птенцы не только не тронули ея, но и принялись кормить крошками и прикрыли крыльями. Недалеко отъ дерева (далѣе говорится о двухъ деревьяхъ), на вершинѣ котораго находилось гнѣздо, жилъ въ ядовитомъ колодцѣ двѣнадцатиглавый змѣй, не разъ пожиравшій птенцовъ грифа. Въ полночь двѣ огненныя головы высунулись и потянулись къ гнѣзду съ ревомъ и воемъ, отъ котораго задрожали горы и долины; тогда въ золотистомъ облакѣ показался архангелъ (Михаилъ?), съ мечомъ въ рукѣ, спустился какъ молнія

и сталъ рубить чудовищу головы, продолжавшія выходить изъ колодца, пока не покончилъ со всѣми. Лѣсъ и болото наполнились кровью и ядомъ, отъ удара головъ о дерево его листья разсыпались вокругъ на разстояніи десяти миль. Архангелъ окропилъ мѣстность, кровяныя лужи собрались въ одну и вмѣстѣ съ головами и колодцемъ провалились сквозь землю. Стараго грифа въ это время не было дома; птенцы спали и не могли разказать ему, какъ все случилось; красота дѣвочки съ золотыми волосами, глазами, что звѣзды, возбуждаетъ въ немъ подозрѣніе, что чудо совершилось именно благодаря ей. Онъ спрашиваетъ птенцовъ: почему они ее не съѣли; тѣ молчатъ, а онъ проглатываетъ дѣвочку, которая вышла изъ него во сто разъ красивѣе прежняго (эпизодъ, мнѣ непонятный). Тогда онъ принимается строить ей изъ цвѣтовъ и моху красивое гнѣздышко, гдѣ ее баюкаютъ вѣтры, и она сама возрастаетъ въ такой красѣ, что новое солнце взошло на востокѣ, чтобы полюбоваться ею. Здѣсь увидѣлъ ее царевичъ: онъ увлекся, охотясь за дикимъ звѣремъ, въ чащу лѣса, наткнулся на дерево съ гнѣздомъ и сталъ цѣлиться въ молодыхъ грифовъ, когда на мгновенье показалось лучезарное личико дѣвочки и такъ его поразило, что онъ сталъ внѣ себя, точно въ обморокѣ. Приглашенія сойдти внизъ дѣвочка не послушалась, и царевичъ вернулся домой самъ не свой. На другой день объявили большую награду тому, кто достанетъ чудесную дѣвочку „изъ лѣсу что у колодца съ двумя деревьями". Удается это одной старухѣ—и сказка кончается свадьбой, какъ и слѣдовало ожидать.

Сходство между очертаніями и положеніями румынской сказки и французской легенды не подлежатъ сомнѣнію. Первая какъ бы досказываетъ вторую: здѣсь крестное, райское дерево съ гнѣздомъ и чудеснымъ ребенкомъ, тамъ—крестная символика цѣликомъ, на сколько она намъ извѣстна изъ сказаній этого круга: дерево съ гнѣздомъ и ребенкомъ, противоположеніе птицы на вершинѣ и змѣя внизу, колодецъ—родникъ, дерево безъ листьевъ (отъ удара змѣиныхъ головъ о стволъ) (сл. мои Разысканія IV, 60, 63 и слѣд.). Какъ объяснить это сходство? Вѣрованіе въ чудесное зачатіе отъ плода, цвѣта и т. д. принадлежитъ къ распространеннымъ; въ мадагаскарской сказкѣ первый человѣкъ помѣщенъ въ великолѣпномъ саду, гдѣ демонъ научаетъ его ѣсть и пить отъ всего, вопреки повелѣнію Господа; вскорѣ послѣ того у него на ногѣ явилась опухоль, откуда черезъ шесть мѣсяцевъ вышла красивая дѣвушка, мать людскаго поколѣнія, какъ Анна—изъ

икры Фануила [1]).—Символика крестнаго дерева встрѣчается и за чертой христіанства: укажу у Нонна (Dion. XL, 467 слѣд.) на загадочную оливу на блуждающихъ амвросійскихъ скалахъ, съ орломъ и чудесною чашей на вершинѣ, змѣей, извивающейся внизу, и пламенемъ, окутывающимъ вѣтви и не пожирающимъ ихъ. За баснословнымъ апокрифическо-христіанскимъ сказаніемъ не слѣдуетъ забывать нехристіанскую основу его баснословія, присталаго къ нему символизма; сказка, народное преданіе могло почерпать свои черты какъ изъ первоисточника, такъ и изъ его отраженія. Я нашелъ нужнымъ оговорить всѣ эти возможности; вѣроятіе рѣшенія часто зависитъ отъ микроскопическихъ подробностей: таковою представляется мнѣ въ румынскомъ сказаніи та черта, что ангелъ присутствуетъ при появленіи на свѣтъ чудесной дѣвочки, архангелъ громитъ змѣя, посягнувшаго на ея гнѣздо. Это приближаетъ насъ къ міросозерцанію старо-французской легенды и дѣлаетъ возможнымъ вопросъ: не лежала ли въ основѣ сказки какая-нибудь отреченная повѣсть, въ родѣ повѣсти о Фануилѣ? Типомъ подобныхъ повѣстей, легко проникавшихъ въ народъ, можетъ служить „Слово о Сивиллѣ и о Давидѣ царѣ", разобранное мною въ моихъ „Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды".

Остановлюсь въ заключеніе на нѣкоторыхъ эпизодахъ послѣдняго, XX № сборника г-жи Кремницъ. Петръ, младшій изъ трехъ сыновей царя, смѣявшагося правымъ глазомъ и плакавшаго лѣвымъ, отправляется въ царство Утренней Зари, чтобы достать воды изъ ея колодца: лишь подъ этимъ условіемъ отецъ засмѣется обоими глазами. Поѣздка описана пространно: Петръ бьется съ тремя змѣями, одинъ страшнѣе другаго, съ тремя Велвами, побывалъ у св. Середы, у св. Четверга и Пятницы, пока не достигъ царства Зари, на краю свѣта, гдѣ земля сходится съ небомъ, цвѣты бесѣдуютъ съ звѣздами, и надъ цвѣтущими полянами разлитъ утренній полусвѣтъ; гдѣ молочная рѣка катитъ въ своихъ волнахъ жемчугъ и драгоцѣнные камни, на деревьяхъ вѣтви золотыя, а всѣ цвѣты въ состояніи неразпустившихся почекъ, какъ будто здѣсь нѣтъ времени и вѣчно весна. Во дворцѣ, у чудеснаго родника, покоилась на богатомъ ложѣ красавица Утренняя Заря; возлѣ нея на столѣ лежалъ бѣлый хлѣбъ и кубокъ съ краснымъ виномъ; хлѣбъ, дающій силу, вино, дающее юность. Петръ

[1]) См. еще J. W. *Wolf*, Deutsche Märchen und Sagen, № 198: Kind aus dem knie, и также въ прим. стр. 599—600 пересказъ мадагаскарской легенды по *d'Herbelot*.

положилъ золотой вѣнокъ на голову спящей красавицы, три раза укусилъ ее, по три раза отвѣдалъ вина и хлѣба, и зачерпнувъ воды, удалился. Точно новымъ міромъ показалось ему все по выходѣ изъ дворца: почки развились въ цвѣты, быстрѣе мчались воды, солнечные лучи ласкали игривѣе. Между тѣмъ проснулась и Заря; кто-то у нея былъ, вѣнокъ положилъ, въ винѣ и хлѣбѣ убыль, вода въ колодцѣ помутилась, ею самою овладѣла не то печаль, не то желаніе по комъ-то. Напрасно были поиски за ушедшимъ; Заря опустила завѣсу между своимъ царствомъ и землею, запретила цвѣтамъ благоухать, вѣтрамъ вѣять, водамъ бѣжать свѣтлой струею; солнце стало испускать на землю лишь семь холодныхъ лучей по семи разъ въ день; люди перестали нарождаться. Наконецъ, весеннему вѣтру удалось отыскать кости Петра въ высохшемъ колодцѣ, куда сбросили его завистливые братья; Пятница, Четвергъ и Среда оживляютъ его, и онъ въ одинъ мигъ перелетѣлъ на своемъ волшебномъ конѣ въ царство Утренней Зари. Міръ снова сталъ прежнимъ, веселѣе прошлаго: царица Заря повѣнчалась съ царевичемъ.

Таково содержаніе этой нѣсколько прикрашенной сказки, принадлежащей къ распространенному циклу, котораго недавно коснулись снова гг. Ждановъ и Вольнеръ[1]). Обыкновенно разказъ о добываніи дѣвицы соединенъ съ двумя другими, предваряющими его: о добываніи чудесныхъ птицы и коня, но онъ встрѣчается и отдѣльно, съ типомъ румынской сказки (сл. Wollner, p. 532). Между тѣмъ и другимъ цикломъ происходили смѣшенія. Въ одной литовской сказкѣ (Leskien und Brugmann № 8) царевичъ, отправившись за чудесною птицей, съ которою связано выздоровленіе его отца, прямо попадаетъ въ замокъ красавицы, застаетъ ее спящею и раздѣляетъ ея ложе. Тутъ онъ нашелъ и птицу, небольшой хлѣбъ на окнѣ, фляжку вина и саблю, и все взялъ съ собою. Въ литовскомъ же варіантѣ у Шлейхера (p. 29) онъ находитъ не убывающіе: хлѣбъ и бутыль съ водою; въ чешской (у Божены Нѣмцовой II p. 140) такой же хлѣбъ и фляжку не убывающаго, цѣлебнаго вина. Птица попала ли въ эту связь внѣшнимъ образомъ, изъ другаго цикла (добываніе птицы, коня и дѣвицы), или

---

[1]) *Г. Ждановъ*, Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 143 и слѣд.; *Wollner* въ примѣчаніяхъ къ №№ 6—8 сборника литовскихъ сказокъ *Лескина* и *Бругмана*. Кстати обращу вниманіе на *Wolf*, Beiträge zur Deutschen Mythologie II, первая глава, p. 3 и слѣд., и на библіографическія указанія *Cosquin* къ XIX-му № его Contes populaires lorrains (Le petit Bossu).

стоитъ въ связи съ символизмомъ румынской и сходной съ нею сказокъ? Обычныя вещественныя выраженія этого символизма: не убывающая, живая и мертвая вода, хлѣбъ и вино, молодящія яблоки; всѣмъ этимъ владѣетъ красавица; молодецъ похищаетъ у нея воду и яблоки, отвѣдываетъ хлѣба и вина; все—акты, символически выражающіе слѣдующій: царевичъ „самое ее облюбилъ"; аварская сказка, согласно съ румынскою, заставляетъ его еще укусить красавицу въ щеку. Когда она просыпается, ея первыя слова въ нашихъ сказкахъ согласны съ румынскою: „что такой за невѣжа былъ, квашню раскрылъ и двѣ полушки на смѣхъ положилъ" (Аѳан. Ск. II № 104, стр. 53—60); либо: „Мой квасъ (либо вино) пилъ, ничѣмъ не покрылъ" (ib. стр. 39); „кто-то въ домѣ былъ, воды испилъ, колодезь не закрылъ" (ib. p. 42). Также въ малорусской сказкѣ, въ которой царица живетъ за „огнянымъ моремъ" (=Заря румынскаго пересказа), а молодецъ заѣзжаетъ по дорогѣ къ Понедѣльнику, Середѣ и Пятницѣ, какъ въ румынскомъ текстѣ [1]). Его початые вино и хлѣбъ и замутившійся колодезь, какъ раскрытые колодезь и квашня русскихъ сказокъ объясняются одною и тою-же символикой, поясненіемъ которой можетъ служить обрядовое значеніе дѣжи, квашни въ обиходѣ русской свадьбы и слѣдующая малорусская веснянка [2]):

Ой у полі криниченька
Обрубленая,—
Да вже моя дівчинонька
Полюбленая;
Ой у полі криниченька
Обчарованая,—
А вже жъ моя дівчинонька
Поцілованая;
Ой у полі криниченька
И крукъ, и ведро,—
Да вже-жъ моеі дівчиноньки
Давно не було;
Ой у полі криниченька,
Орли воду пъють,—
А вже-жъ мою дівчиноньку
До шлюбу ведуть.

[1]) Малорусскія сказки въ Трудахъ этногр. стат. экспед. въ западно-русскій край и т. д. Юго-западн. отдѣлъ.—Матеріалы и изслѣдованія, собр. *П. П. Чубинскимъ*, т. II № 81.

[2]) Труды, l. c., томъ III, стр. 149—150, № 55.

Александръ Веселовскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПО ПОВОДУ СИБИРСКАГО ЮБИЛЕЯ.

Когда, около двухъ лѣтъ тому назадъ, возникла мысль о праздновании трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ, прежде всего представился для рѣшенія вопросъ о томъ: какое именно событіе изъ исторіи присоединенія должно быть принято за исходную точку для исчисленія трехсотлѣтія, и затѣмъ—возможно ли вполнѣ точнымъ образомъ опредѣлить время этого событія. За разъясненіемъ такого вопроса высшее начальство Западной Сибири обратилось къ нѣкоторымъ изъ нашихъ ученыхъ учрежденій. Изъ сужденій ихъ выяснилось, что годовщину трехсотлѣтія всего умѣстнѣе считать съ того момента, когда царь Иванъ Васильевичъ, получивъ извѣстіе о разрушеніи Кучумова царства, изъявилъ согласіе принять новозавоеванную Сибирь въ свое подданство; но когда, въ какой день это случилось — вопросъ о томъ не могъ быть рѣшенъ вполнѣ опредѣлительно. Судя по лѣтописямъ сибирскимъ, Ермакъ лишь въ исходѣ 1582 года, то-есть, уже годъ спустя по взятіи Кучумовой столицы, отправилъ извѣстіе о томъ — сперва къ Строгоновымъ въ ихъ пермскія вотчины, а затѣмъ и къ самому царю. Но въ Москвѣ 16-го ноября 1582 года (когда писана опальная грамота Строгановымъ по тому случаю, что они будто бы не оказали помощи царскому воеводы при нападеніи Пелымскаго князца на Чердынь 1-го сентября 1581 года) еще не знали о торжествѣ Ермака; первое извѣстіе о побѣдѣ дошло до царя не ранѣе декабря 1582 года, и если вѣрить Строгановской лѣтописи, вообще весьма достовѣрной въ своихъ показаніяхъ, оно было сообщено Строгановыми сперва письменно, а по-

томъ и лично; посланный же Ермакомъ атаманъ Иванъ Кольцо прибылъ въ Москву нѣсколько позже, вѣроятно—уже въ январѣ 1583 года [1]). Какъ бы то же было, но примѣняясь къ этимъ соображеніямъ и къ тѣмъ немногимъ точнымъ датамъ, которыя имѣются относительно разсматриваемыхъ событій, признано было возможнымъ пріурочить празднованіе сибирскаго юбилея къ 6-му декабря 1882 года.

Не касаясь здѣсь всѣхъ многознаменательныхъ обстоятельствъ этого празднованія, скажемъ лишь о томъ, какъ отозвались на трехсотлѣтній юбилей славнаго Ермакова подвига нѣкоторыя изъ русскихъ ученыхъ учрежденій.

Въ октябрской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія была уже помѣщена статья профессора Е. Е. Замысловскаго: „Занятіе Сибири Русскими", представляющая вѣрную оцѣнку, какъ подвига Ермака съ его дружиной, такъ и дальнѣйшихъ дѣйствій московскаго правительства и казачьихъ отрядовъ, распространившихъ въ теченіе XVII вѣка русское господство до устьевъ Амура и Камчатки: статья эта есть не что иное, какъ рѣчь, произнесенная почтеннымъ профессоромъ въ іюнѣ минувшаго года на актѣ Императорскаго историко-филологическаго института.

Въ Императорскомъ Русскомъ географическомъ обществѣ, съ именемъ котораго связаны почти всѣ важнѣйшія изслѣдованія о природѣ и обитателяхъ Азіатской Россіи за послѣднія тридцать-пять лѣтъ, въ общемъ собраніи 8-го декабря вице-предсѣдатель Общества П. П. Семеновъ также произнесъ прекрасную рѣчь, въ которой выяснилъ значеніе пріобрѣтенія Сибири, причины, сдѣлавшія необходимымъ это событіе въ исходѣ XVI вѣка, и его послѣдствія для дальнѣйшаго развитія Русскаго государства.

„Излишне было бы"—сказалъ г. Семеновъ въ началѣ своей рѣчи— „въ средѣ нашего Общества представлять обзоръ историческаго хода завоеванія Сибири. Событія, сопровождавшія это завоеваніе, всѣмъ извѣстны. Вспомнимъ только, что 26-го октября 1581 года, въ знаменитой битвѣ подъ стѣнами Искера, на Иртышѣ, Ермакъ съ своею дружиною сокрушилъ татарское царство Кучума, служившее оплотомъ сибирскаго туземнаго населенія; что въ декабрѣ 1582 года Грозный царь и собиратель земли Русской принялъ Сибирское царство подъ

[1]) См. сентябрскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1881 годъ, гдѣ была помѣщена статья *Л. Н. Майкова*: «Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ».

свое владычество, и что въ послѣдующія 70 лѣтъ энергическіе піонеры русской колонизаціи основали одинъ за другими города Тару, Томскъ, Кузнецкъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Канскъ, Удинскъ, Баргузинъ, Якутскъ, Нерчинскъ, Албазинъ и т. д., а казаки Буза и Дежневъ достигли въ то же время до крайнихъ предѣловъ Сибири— устья Яны и Берингова пролива.

„Эта поразительная быстрота занятія необъятной страны, опоясывающей въ своей зонѣ широты одну треть земнаго шара, наводитъ насъ на вопросъ: было ли завоеваніе Сибири только случайностью, удальствомъ горсти Русскихъ людей конца XVI вѣка, или неотразимымъ послѣдствіемъ естественнаго роста Русскаго народа и Русскаго государства. Отвѣтъ на этотъ вопросъ послужитъ намъ къ уясненію значенія Сибири для Россіи и всѣхъ нынѣшнихъ отношеній метрополіи къ своей зауральской колоніи".

Для рѣшенія постановленнаго такимъ образомъ вопроса г. Семеновъ счелъ необходимымъ обратиться ко времени первыхъ сношеній Русскихъ съ Сибирью, къ тому времени, когда Новгородцы, еще въ концѣ XII и въ началѣ XIV вѣка, пытались, хотя и безуспѣшно, овладѣть Сибирью.

„Великій Новгородъ, какъ извѣстно, возникъ въ странѣ бѣдной и мало производительной и обязанъ былъ своимъ величіемъ не землѣ, его окружающей, а своему положенію на великомъ водномъ пути, съ одной стороны—изъ „Варягъ въ Греки", то-есть, отъ устья Невы къ устью Днѣпра, а съ другой—на еще болѣе важномъ впослѣдствіи, отъ устья Невы къ Волжской и Бѣломорской рѣчнымъ областямъ. Все богатство Новгорода было основано на транзитѣ—сначала между сѣверомъ и югомъ Европы, а потомъ между ея западомъ и отдаленнымъ востокомъ.

„Съ паденіемъ, и наконецъ, съ окончательнымъ разореніемъ верхнеднѣпровскаго центра Россіи, Новгородъ устремилъ свою главную дѣятельность на торговыя сношенія съ Верхневолжскою и Бѣломорскою областями Россіи. Верхневолжская область, въ которой развивалось сначала Владимірское великое княжество, а потомъ Московское государство, до поры до времени, а именно до XIV и даже до XV вѣка, еще не представляла для новгородской товговли такой богатой страны, какою, до паденія Кіевскаго княжества, была верхнеднѣпровская Русь и лежащая далеко за нею Византійская имперія. Потому естественно, что Новгородъ съ конца XII вѣка устремилъ всѣ свои силія на самостоятельную эксплуатацію богатствъ сѣвера и сѣверо-

востока Россіи и быстро захватилъ въ свои руки всю сѣверную или Бѣломорссую область и даже сѣверную часть Уральской до границы Сибири.

„Но эксплуатація богатствъ тѣхъ сѣверныхъ странъ, которыя лежатъ за среднею годовою изотермою 0° (и къ типу которыхъ въ Европѣ принадлежитъ страна къ сѣверу отъ Торнео, Архангельска, Устьсысольска и Чердыни, въ Азіи—большая часть Сибири, за исключеніемъ самыхъ южныхъ ея окраинъ, а въ Новомъ Свѣтѣ—вся англійская Америка, кромѣ Канады), представляетъ свои обусловленныя самою природою особенности. Здѣсь человѣкъ не можетъ основать такой осѣдлости, которая покоилась бы на постоянной и правильной земледѣльческой эксплуатаціи—встрѣчающей неодолимыя препятствія въ самыхъ климатическихъ условіяхъ крайняго сѣвера. Вездѣ, гдѣ только существуетъ земледѣліе на этомъ крайнемъ климатическомъ сѣверѣ, оно является въ такой сопряженной съ большими рисками спорадической и хищнической формѣ, что на немъ не можетъ быть основано благосостояніе и обезпеченіе осѣдлаго жителя, и оно можетъ служить въ общей экономіи страны только небольшимъ, болѣе или менѣе случайнымъ подспорьемъ населенія. На первомъ планѣ для этого населенія стоитъ, слѣдовательно, собираніе естественныхъ богатствъ края. А эти естественныя богатства хотя и существуютъ несомнѣнно, но разлиты, такъ-сказать, по обширнымъ поверхностямъ тонкимъ, вездѣ просвѣчивающимъ и мѣстами прорваннымъ слоемъ. Вотъ почему собирателемъ этихъ богатствъ можетъ быть только населеніе подвижное, состоящее изъ блуждающихъ звѣролововъ и рыболововъ или временныхъ гостей края, объѣзжающихъ его и собирающихъ богатства—путемъ ли обмѣна его у бродячихъ аборигентовъ края, или снаряженными ими временными партіями, опирающимися на небольшія факторіи или конторы, какъ ихъ называютъ въ англійской Америкѣ.

„Замѣчательно, что способы или пріемы эксплуатаціи Новгородцами сѣверныхъ странъ Стараго Свѣта въ XII, XIII, XIV и XV вѣкахъ были въ общихъ чертахъ тѣ же, какъ пріемы эксплуатаціи такихъ же странъ въ Новомъ Свѣтѣ Англичанами въ XVII, XVIII и даже XIX столѣтіяхъ—что̀ доказываетъ только то, что человѣкъ, поставленный незыблемыми свойствами природы въ одинаковыя условія, нерѣдко вынужденъ дѣйствовать одинаково, несмотря даже на различія мѣстностей, временъ и народностей.

„Эксплуатируя богатства сѣвернаго края экстенсивно и безъ земле-

дѣльческой осѣдлой колонизаціи, Новгородцы быстро дошли до странъ Хлыновскихъ (Вятскихъ), Пермскихъ и даже Югорскихъ, но не могли упрочить своего владычества за Ураломъ только потому, что главный ихъ центръ тяжести и опорный пунктъ, Новгородъ, находился слишкомъ далеко отъ Сибири.

„Съ паденіемъ независимости Новгорода и разселеніемъ его жителей въ различныя области Россіи, центръ тяжести эксплуатаціи сѣверо-востока Россіи и опорный пунктъ именитыхъ новгородскихъ людей, подобно Строгановымъ, продолжавшихъ свою дѣятельность въ области Уральской, перенесся въ Москву. Со взятіемъ Казани, этого ключа къ обладанію всею громадною рѣчною областью Волги, Русское государство въ немного лѣтъ стало твердою ногою на Волгѣ до Астрахани и на Камѣ до Строгановскихъ Чусовскихъ городковъ и такимъ образомъ сблизилось съ зауральскою Сибирью. Въ Бѣломорской области экстенсивное собираніе богатствъ сѣвернаго края становилось все менѣе и менѣе прибыльнымъ; тонкій слой этихъ богатствъ, уже отчасти снятый Русскими новгородскаго періода, оказывалъ все болѣе и болѣе просвѣтовъ. Нужно было идти далѣе и далѣе на востокъ, и русскіе передовые люди, чувствуя за собою въ Москвѣ и Казани болѣе близкія и сильныя точки опоры, чѣмъ предки ихъ въ отдаленномъ Новгородѣ, собрали на Волгѣ тѣ вольныя силы русскихъ піонеровъ, которыя, послѣ сокрушенія татарскаго владычества въ Казани, Сараѣ и Астрахани, оставаясь не примѣненными, и блуждая изъ стороны въ сторону, обратились временно не въ созидательныя, а разрушительныя силы, и двинули ихъ на уцѣлѣвшее и сильное еще татарское царство на Иртышѣ.

„Какъ Казань была ключомъ къ обладанію всею Волжско-Камскою областью, такъ Искеръ былъ ключомъ къ обладанію Сибирью. Съ его паденіемъ, вся Сибирь стала открытою для эксплуатаціи русскихъ піонеровъ, и въ этомъ смыслѣ подвигъ Ермака былъ дѣйствительно открытіемъ для Русскихъ, завоеваніемъ для Россіи всей Сибири. Мы уже видѣли, съ какою неимовѣрною быстротою, не смотря на всѣ препятствія природы и климата, піонеры русской колонизаціи дорвались до самой восточной оконечности Стараго Свѣта, а откуда перебрались и на Новый Свѣтъ, въ Америку, которую несомнѣнно открыли бы вполнѣ самостоятельно, еслибъ она уже ранѣе того не была открыта съ запада.

„Что же влекло русскую вольницу такъ далеко на востокъ? Разумѣется, то экстенсивное собираніе богатствъ сѣверныхъ странъ съ

громадныхъ пространствъ, которое пока представляется для человѣчества—все равно принадлежитъ ли оно къ русской, британской или самоѣдской народности—исключительно формою эксплуатаціи странъ, лежащихъ къ сѣверу отъ изотермы 0°.

„Но конечно, не вся Сибирь относится къ охарактеризованному нами типу. Юго-западная часть и южная полоса Тобольской губерніи, средняя часть Томской и прекрасныя долины Алтая въ южной, южные округа Енисейской губерніи, значительная часть Иркутской, глубокія и хорошо защищенныя долины Забайкальской области, южная пріамурская часть Амурской области и почти весь Уссурійскій край представляютъ несомнѣнныя удобства для осѣдлой жизни, основанной на земледѣліи и сельскихъ промыслахъ.

„Какъ только русскіе піонеры ближе ознакомились съ этими частями Сибири, такъ, съ самаго начала XVII вѣка, устремилась туда и русская колонизація, и съ тѣхъ поръ Россія постоянно высылала въ Сибирь, также какъ и въ свое Заволжье и Новороссійскія степи, свой избытокъ населенія, выходящій преимущественно изъ тѣхъ мѣстностей въ которыхъ, по ихъ неизмѣннымъ, естественнымъ и медленно измѣняющимся культурнымъ условіямъ, количество населенія приближалось къ предѣлу емкости страны при данныхъ условіяхъ.

„Уже съ начала XVII вѣка русскіе переселенцы начали занимать плодородные юго-западные округи Тобольской губерніи, а въ началѣ XVIII открытіе Демидовыми минеральныхъ богатствъ Алтая привлекло колонизацію и въ среднюю и южную части Томской губерніи.

„Но тяжелую борьбу пришлось вынести слабымъ зачаткамъ русской колонизаціи въ Сибири не только во все продолженіе XVII вѣка, но и въ первую половину XVIII. Кочевыя племена Средней Азіи, Киргизы и Калмыки, своими опустошительными набѣгами дѣлали развитіе гражданственности въ Сибири почти невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока проведеніе правительствомъ укрѣпленной Ишимско-Иртышской линіи не оградило наконецъ русской колонизаціи въ южной Сибири отъ постоянныхъ разорительныхъ набѣговъ кочевниковъ. Тогда Киргизскія племена и орды, стѣсняемыя на сѣверѣ крѣпкою русскою сибирскою границею, а съ юга подвергающіяся набѣгамъ сосѣднихъ племенъ, одно за другими искали защиты у Русскихъ и вступали въ русское подданство. Огражденіе этихъ новыхъ русскихъ подданныхъ выдвигало русскіе форпосты и русскую границу все далѣе и далѣе на югъ и ставило новыхъ нашихъ сосѣдей-кочевниковъ въ

подобныя же упомянутымъ отношенія къ Россіи, такъ что этотъ процессъ присоединенія все новыхъ и новыхъ областей не въ силу какой-либо предвзятой мысли или завоевательныхъ побужденій, а въ силу совершенной необходимости, долженъ былъ неминуемо продолжаться до тѣхъ поръ, пока наконецъ русская территорія не достигла твердой границы какого бы то ни было, хотя бы сколько-нибудь благоустроеннаго государства. Такимъ государствомъ на всей южной сторонѣ Сибири, отъ меридіана озера Зайсана до меридіана сліянія Шилки съ Аргунью, представлялась Китайская имперія, и здѣсь граница русской Сибири, опредѣленная трактатами и обозначенная прочными каменными столбами, уже очень рано окаменѣла.

„Иное явленіе мы видимъ въ Балхашской и Амурской рѣчныхъ областяхъ, гдѣ владычество Китая надъ кочевыми и бродячими племенами не имѣло опредѣленной границы и постоянно, такъ сказать, сводилось на нѣтъ. Здѣсь самая неопредѣленность отношеній туземцовъ къ Китайской имперіи, отсутствіе фактическаго владычества Китая ставило ихъ въ выше охарактеризованныя отношенія къ Россіи, имѣвшія послѣдствіемъ постоянное увеличеніе русской территоріи. Въ Семирѣченскомъ краѣ на нашихъ глазахъ русская колонизація и русское владычество захватывали только земли, не имѣвшія осѣдлаго населенія, и останавливались тамъ, гдѣ, напримѣръ, въ Чугучакѣ и Кульджинской области, встрѣчали осѣдлыя китайскія поселенія. Случилось, что Китайцы, вслѣдствіе мѣстной революціи, были вытѣснены изъ этой провинціи и анархическое состояніе образовавшагося государства, не могшаго удержать своихъ кочевниковъ отъ разорительныхъ набѣговъ на русскихъ подданныхъ, вынудило Россію занять и Кульджинскую область, съ такою неимовѣрною легкостью уступленную Китайцамъ, какъ только они вздумали вернуться въ брошенный ими западный край.

„Столь же анархическими и безсильными, по отношенію къ обузданію подданныхъ имъ кочевниковъ, какъ временное Таранчинское государство въ Кульджѣ, были небольшія туркестанскія государства Коканское, Бухарское и Хивинское. Сила необходимости обезпеченія своихъ границъ отъ хищничества кочевниковъ вынудила Россію, не смотря на всѣ перемѣны, какъ административныхъ лицъ, такъ и правительственныхъ взглядовъ, либо постепенно захватить упомянутыя средне-азіатскія владѣнія, либо подчинить ихъ своему дѣйствительному вліянію, безъ помощи котораго само правительство Бухары и не въ силахъ сдержать хищническихъ стремленій подданныхъ имъ

кочевниковъ. Наконецъ, между устьями Аму-Дарьи и Атрека все еще оставался промежутокъ, въ которомъ русская граница была открытою и беззащитною. Ахалъ-Текинская экспедиція сокрушила одинъ изъ послѣднихъ оплотовъ ни отъ кого независимыхъ и никѣмъ не сдерживаемыхъ кочевыхъ племенъ и дорвалась здѣсь, въ силу той же исторической необходимости, все далѣе и далѣе завлекающей насъ въ глубь Азіи, до границы сколько-нибудь благоустроеннаго государства—Персіи.

„На отдаленномъ востокѣ Сибири, на Амурѣ, неопредѣленность предѣловъ владычества двухъ колоссальныхъ государствъ—Русскаго и Китайскаго, произвела еще въ концѣ XVII вѣка столкновеніе, кончившееся въ то время паденіемъ Албазина и Нерчинскимъ трактатомъ, въ силу котораго вся Амурская область до малоизвѣстнаго Становаго хребта осталась за Китаемъ.

„Нерчинскій договоръ положилъ болѣе чѣмъ на полтора вѣка искуственный предѣлъ распространенію русской колонизаціи на крайнемъ востокѣ. Къ счастью Россіи, и Китайское государство фактически не заняло признанныя за нимъ этимъ трактатомъ области Амурскаго и Уссурійскаго края. Это обстоятельство и дало возможность Россіи, какъ разъ въ половинѣ нынѣшняго вѣка, занять фактически никому не принадлежавшее устье и низовье Амура и вслѣдъ затѣмъ открыть необходимыя сообщенія съ малодоступными, вслѣдствіе климатическихъ условій, съ морской стороны нашими поселеніями по теченію этой рѣки. Айгунскій трактатъ 1857 года и блестящій Пекинскій 1860 года закрѣпили за Россіей ея захваты, которые, какъ на Амурѣ, такъ и на Уссури, оканчивались все-таки тамъ, гдѣ начинались постоянныя китайскія поселенія и крѣпкая граница Китайской имперіи".

Послѣ этого очерка распространенія русскаго владычества въ сѣверной и средней Азіи, г. Семеновъ обратился къ разсмотрѣнію того, что̀ сдѣлала въ теченіе трехвѣковаго своего господства Россія для Сибири:

„Территорія Сибири необъятна. Она заключаетъ въ себѣ, включая Степное и Туркестанское генералъ-губернаторства, Амурскую и Приморскую области, Закаспійскую область и Зауральскую часть Пермской губерніи, 13.860.000 кв. вер., то-есть, вчетверо превосходитъ пространство всей западной Европы. Но если принять въ соображеніе, что большая часть этой площади, по самымъ климатическимъ своимъ условіямъ, неспособна къ обитанію осѣдлыми земледѣльче-

скими племенами, то едва ли не слѣдуетъ прійдти къ заключенію, что громадность площади Сибири есть элементъ ея слабости, а не силы.

„По сдѣланному нами приблизительному разчету, во всей Западной Сибири съ Степнымъ и Туркестанскимъ генералъ-губернаторствомъ, Закаспійскою областью и зауральскою частью Пермской губ., едва найдется 750.000 кв. верстъ, способныхъ къ осѣдлому обитанію и земледѣльческой эксплуатаціи. Эта цифра близка къ исчисленнымъ для Западной Сибири въ тѣсномъ смыслѣ министерствомъ государственныхъ имуществъ 660.000 кв. верстъ, способнымъ къ земледѣлію и, составляетъ немного болѣе 16% всего ея пространства (4.860.000 кв. в.). Въ Восточной Сибири, съ Амурскою и Приморскою областями, такое же исчисленіе дало намъ никакъ не болѣе $1^1/_2$ милліона кв. верстъ, то-есть, тоже 16% всего пространства (9 милл. кв. в.).

„На этомъ необъятномъ протяженіи уже обитаетъ нынѣ $9^1/_4$ милліоновъ жителей. Замѣчательно, что въ Западной Сибири въ тѣсномъ смыслѣ (въ губерніяхъ Тобольской и Томской), съ зауральскою частью Пермской губерніи, населеніе русское, осѣдлое земледѣльческое совершенно почти стерло съ лица земли, отчасти—разумѣется—ассимилировавъ, туземное инородческое, такъ что на $3^1/_2$ милліона населенія приходится немного болѣе 100 тысячъ инородцевъ, обитающихъ на крайнемъ сѣверѣ, на пограничной полосѣ съ Киргизскою степью и въ тѣснинахъ Алтая. Если принять въ соображеніе множество неблагопріятныхъ обстоятельствъ, препятствовавшихъ развитію русской колонизаціи въ Западной Сибири, то нужно еще удивляться, что населеніе ея достигло до такой значительной цифры, и что вся Западная Сибирь сдѣлалась болѣе русскою страною, чѣмъ многія изъ нашихъ восточныхъ губерній. Нужно вспомнить, что въ теченіе первой половины прожитаго трехсотлѣтія развитіе какой бы то ни было осѣдлой гражданственности въ Сибири было не возможно, вслѣдствіе необозначенности границы отъ опустошительныхъ набѣговъ Киргизовъ и Калмыковъ; что въ теченіе второй половины трехсотлѣтія свободная, добровольная колонизація изъ густонаселенныхъ частей Россіи была сдерживаема крѣпостнымъ правомъ, а недобровольная, состоящая въ преобладающемъ большинствѣ изъ лицъ одного пола, не имѣла будущности и скорѣе представляла отрицательные элементы для населенія, посреди котораго водворялась; что въ послѣднее двадцатилѣтіе, то-есть, съ того времени, какъ сельское населеніе Россіи, съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, получило свободу передви-

женія, переселенческое движеніе еще не подвергалось никакой правильной организаціи, какъ напримѣръ, заготовленію и отводу государственныхъ земель для переселенцевъ и направленію ихъ въ заранѣе опредѣленныя мѣста.

„Между тѣмъ, если бы даже колонизація Сибири была правильно организована, то при отводѣ всѣхъ земель, удобныхъ для осѣдлости, и считая при культурныхъ условіяхъ залежнаго хозяйства только по 20 десятинъ на душу, то-есть, значительно обрѣзывая нынѣшніе земельные отводы сибирскихъ крестьянъ, получилась бы возможность помѣстить въ Западной Сибири еще столько же населенія, сколько она имѣетъ нынѣ, то-есть, $3^1/_2$ милліона, и такимъ удвоеніемъ предѣлъ емкости страны для населенія былъ бы уже достигнутъ.

„Совершенно иной характеръ представляетъ русское владычество въ Степномъ генералъ-губернаторствѣ. Здѣсь, при населеніи до 2 милліоновъ жителей, Русскихъ не болѣе 300 тысячъ; остальное населеніе состоитъ исключительно изъ кочевниковъ-Киргизовъ, которыхъ Русскіе не могли ни вытѣснить, ни ассимилировать. Это произошло оттого, что, за исключеніемъ немногихъ подгорныхъ полосъ и оазисовъ, вся обширная страна, занимающая около 2 милліоновъ верстъ, не способна къ культурѣ и осѣдлости и предназначена самою природою, подобно сѣверной части Крыма, Астраханской и Арало-каспійской степямъ, для жизни номадовъ. Россія, въ этой части своихъ азіатскихъ владѣній, уже сдѣлала почти все, что̀ могла, занявъ большую часть земель, предназначенныхъ природою для земледѣлія и осѣдлой жизни, и доставивъ русскому владычеству достаточную опору для удержанія за собою и въ своей власти всего этого края. И здѣсь, какъ и въ Западной Сибири, найдется еще мѣсто для приселенія такого же количества Русскихъ, какое нынѣ находится въ краѣ, то-есть, для удвоенія Русскаго населенія, но не болѣе, и этимъ, при нынѣшнихъ культурныхъ условіяхъ, предѣлъ емкости страны для осѣдлаго населенія уже будетъ достигнутъ.

„Еще иную картину представляетъ Туркестанское генералъ-губернаторство. Здѣсь уже на двухмилліонное населеніе, состоящее только отчасти изъ кочевниковъ, а еще болѣе изъ осѣдлыхъ жителей, издавна занявшихъ, и притомъ съ достаточною густотою, всѣ оазисы, подгорныя и прирѣчныя полосы, превращенные искуственными орошеніями въ мѣстности, способныя для культуры и осѣдлаго населенія,—численность Русскихъ не превосходитъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, и они являются здѣсь, подобно Англичанамъ въ Индіи и

Китайцамъ въ Восточномъ Туркестанѣ или Малой Бухаріи, пока только гостями и обладателями, отчасти эксплуататорами, а не колонизаторами края, въ которомъ вовсе нѣтъ мѣста для развитія русскихъ осѣдлыхъ поселеній, кромѣ развѣ тѣхъ площадей, какія могутъ быть вновь отвоеваны у безплодной степной природы дорого стоющими ирригаціонными работами и сооруженіями.

„Наконецъ, въ Восточной Сибири изъ $1^{3}/_{4}$ милліона жителей, на долю Русскихъ пріидется 1.200.000, то-есть, вдвое болѣе противъ инородцевъ, которые не могли быть ассимилированы и поглощены здѣсь въ такой мѣрѣ, какъ въ Западной Сибири,—какъ потому, что русская колонизація при слишкомъ большомъ отдаленіи края не могла имѣть той интенсивности, какъ въ Западной Сибири, такъ и потому, что инородцы занимаютъ въ Восточнай Сибири нерѣдко обширныя сплошныя пространства, вовсе неудобныя для русской культуры и осѣдлости. Само собою разумѣется, что въ Восточной Сибири есть еще много свободныхъ мѣстъ для русской колонизаціи, и если бы русское населеніе ея увеличилось въ восемь разъ, то этимъ только едва былъ бы достигнутъ предѣлъ емкости, при нынѣшнихъ культурныхъ условіяхъ страны, для осѣдлаго населенія. Къ сожалѣнію, организація правильной колонизаціи значительныхъ массъ русскихъ переселенцевъ въ Восточную Сибирь возможна только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Громадныя разстоянія и неудобства путей сообщенія затрудняютъ колонизацію большихъ массъ въ Восточной Сибири въ одинъ переѣздъ. Очевидно, что такая колонизація возможна только при существованіи промежуточныхъ этаповъ или многолѣтнихъ временныхъ пребываній на полпути; другими словами, Восточная Сибирь доступна не для первичной колонизаціи, а только для вторичной, то-есть, чрезъ посредство Западной Сибири, если колонизація идетъ сухимъ путемъ, и прибрежной полосы, если колонизація направляется моремъ.

„Во всякомъ случаѣ, можно смѣло сказать, что въ теченіе трехсотлѣтняго обладанія Сибирью, въ отношеніи къ заселенію ея и водворенію въ ней культуры и гражданственности, Россія сдѣлала все что̀ могла. Она выслала въ предѣлы Сибири весь тотъ избытокъ населенія Европейской Россіи, которымъ только могла располагать; Западную Сибирь она превратила въ болѣе русскую страну, чѣмъ, напримѣръ, губерніи Казанская, Уфимская, Оренбургская и даже Вятская и Пермская; въ Степномъ генералъ-губернаторствѣ заняла большую часть оазисовъ и подгорьевъ, способныхъ для осѣдлой жизни

и культуры; даже въ отдаленной Восточной Сибири водворила русское населеніе, вдвое превосходящее численностью инородческое и постепенно его ассимилирующее, не истребляя его, какъ европейская колонизація истребляла туземныя племена Сѣверной Америки. Притомъ же Россія поставила своего переселенца въ Сибири даже въ лучшія условія, чѣмъ въ центрѣ Россіи, широко надѣливъ его принадлежащими государству землями и угодьями; она не стѣснила его свободы и не водворила въ Сибири крѣпостнаго права, несомнѣнно задерживавшаго народное развитіе въ самыхъ центральныхъ частяхъ Европейской Россіи.

„И если посмотрѣть внимательно на бытъ русскаго крестьянина въ Сибири, то легко убѣдиться что онъ не только не утратилъ дорогихъ для русскаго патріота чертъ русской народности, а напротивъ развилъ ихъ вслѣдствіе той вѣковой свободы, которою онъ умѣлъ съ достоинствомъ пользоваться, той, направленной на подчиненіе себѣ свободныхъ силъ природы, самостоятельной дѣятельности, которую онъ долженъ былъ проявлять съ самаго дня своего водворенія въ чуждомъ для него краѣ. Сибирскій крестьянинъ не только зажиточнѣе, но даже развитѣе, многостороннѣе и даже до послѣдняго десятилѣтія былъ грамотнѣе крестьянъ тѣхъ губерній, изъ которыхъ онъ вышелъ и даже иногда не безъ удивленія смотритъ на отсталость, неразвитость прибывающихъ къ нему новопоселенцевъ, которыхъ охотно учитъ всему тому, чему его научила свободная, вѣковая разносторонняя борьба съ дикими силами природы, но въ свою очередь охотно принимаетъ отъ нихъ тѣ дорогія Русскому народу преданія старины и вѣрованія, которыя новопоселенецъ, никогда не выходя изъ мѣстностей, служившихъ колыбелью этихъ преданій и вѣрованій, сохранилъ во всей ихъ первобытной архаичности. Однимъ словомъ, всякій безпристрастный наблюдатель, посѣтившій Сибирь въ самые послѣдніе годы существованія отживавшаго въ Россіи крѣпостнаго права, не могъ не вынести впечатлѣнія, что по крайней мѣрѣ въ то время Россія для своей восточной отдаленной окраины сдѣлала, не смотря на нѣкоторыя частные недостатки и неустройства, не только не менѣе, но даже болѣе, чѣмъ для самой себя, въ самыхъ коренныхъ своихъ центрахъ".

За изображеніемъ культуры, которую принесла въ Сибирь русская колонизація, г. Семенову естественно было перейдти къ характеристикѣ естественныхъ богатствъ и производительныхъ силъ этой страны. Онъ сдѣлалъ это въ слѣдующихъ словахъ:

„Столь же невыгодною для Сибири, какъ ея необъятная территорія, является и колоссальная сѣть ея путей сообщенія. Четыре рѣчныя системы, принадлежащія къ самымъ исполинскимъ на земномъ шарѣ, раскинули свои громадныя вѣтви такъ широко и роскошно, что онѣ почти соприкасаются одна съ другою. Но за исключеніемъ одной изъ нихъ, всѣ эти рѣки направлены поперекъ магистральной линіи торговыхъ сообщеній Сибири и имѣютъ устья, замерзшія большую часть года въ непривѣтливыхъ ледовитыхъ моряхъ. Даже текущій съ запада на востокъ Амуръ не дѣлаетъ исключенія въ этомъ отношеніи, впадая въ богатое льдами и китами Охотское море подъ изотермою Канина Носа и полярнаго Медвѣжьяго острова (20° Р.). Правда, человѣчество ухитрилось въ новѣйшее время, благодаря успѣхамъ метеорологіи и мореплаванія, дорваться и до этихъ полузамерзшихъ рѣчныхъ устьевъ, и пароходы могутъ нынѣ приходить за грузомъ въ устье Енисея; но если нагрузка заранѣе свезенныхъ на склады товаровъ не произойдетъ со скоростью немногихъ дней, то эти грузы должны быть неминуемо затерты льдами. Связать между собою рѣчныя сѣти Сибири каналами, расчистить русла судоходныхъ рѣкъ и получить почти непрерывный судоходный путь черезъ всю Сибирь, конечено, возможно, но громадныя дуги, образуемыя сліяніемъ на далекомъ сѣверѣ отдѣльныхъ рѣкъ этихъ водныхъ системъ и краткій навигаціонный періодъ будутъ всегда служить непреодолимыми неудобствами такого величайшаго на земномъ шарѣ рѣчнаго воднаго пути. На замѣну же его по кратчайшему протяженію обычнаго торговаго пути желѣзною дорогою потребны громадные усилія и капиталы.

„На оконечности магистральной линіи сибирскаго торговаго пути лежитъ, конечно, первое по абсолютной населенности на земномъ шарѣ культурное государство — Китай, и нѣтъ сомнѣнія, что если окупается желѣзный путь, соединяющій поперекъ всего материка Новаго Свѣта 30-милліонное населеніе пріатлантической Америки съ 6-милліоннымъ калифорнской, то окупился бы такой же путь, соединяющій поперекъ всего материка Стараго Свѣта 200-милліонное населеніе Европы съ 400-милліоннымъ Китая; но все-таки такая колоссальная желѣзнодорожная линія можетъ быть осуществлена только въ отдаленномъ будущемъ и въ настоящее время еще не по силѣ Русскому государству; а Сибирь еще надолго обречена на сравнительно мелкія улучшенія существующихъ путей, включая въ эти улучшенія и желѣзныя дороги, связывающія системы водныхъ путей между

собою или вѣтви, направленныя въ наиболѣе производительныя мѣстности Сибири.

„Мы уже упоминали о томъ, что небольшія—конечно, сравнительно съ необъятнымъ пространствомъ Сибири—ея части (до 17% ея площади) представляютъ удобство для развитія осѣдлости, культуры и земледѣлія. Но, кромѣ того, и независимо отъ естественныхъ богатствъ, къ которымъ принадлежатъ и знаменитыя сибирскія золотыя розсыпи, распространенныя, какъ мы выразились, тонкимъ слоемъ по остальной малопроизводительной поверхности Сибири и могущія быть эксплуатируемыми только тѣмъ же способомъ, какимъ эксплуатировали ихъ древніе Новгородцы, Сибирь имѣетъ всѣ задатки для развитія самостоятельной фабричной промышленности. Задатки эти заключаются въ совмѣщеніи, какъ напримѣръ, въ Кузнецкомъ бассейнѣ Алтайскаго округа, громадныхъ запасовъ желѣза, топлива и сырыхъ произведеній.

„Но конечно, до сихъ поръ фабричная промышленность въ Сибири еще мало, или лучше сказать, недостаточно развита, главнымъ образомъ вслѣдствіе отсутствія удобныхъ путей сбыта, достаточныхъ капиталовъ и даже достаточныхъ знаній.

„Сибирскія фабрики, не считая многочисленныхъ заводовъ, находящихся въ зауральской части Пермской губерніи, производятъ всего только на сумму 10 милліоновъ рублей, при 10 тысячахъ рабочихъ. Между тѣмъ сибирская промышленность имѣетъ, при упомянутыхъ выше условіяхъ, свою несомнѣнную будущность. Если 400-милліонное населеніе Китая уже и нынѣ потребляетъ значительную массу европейскихъ и русскихъ мануфактурныхъ издѣлій, и если между областями распространенія тѣхъ и другихъ во внутреннемъ Китаѣ очевидно должна установиться разграничительная линія, обусловливаемая постепеннымъ увеличеніемъ первоначальной стоимости товара расходами по его перевозкѣ, то очевидно, что эта раздѣльная въ Китаѣ линія между областями распространенія русскихъ и европейскихъ товаровъ можетъ быть отодвинута тѣмъ ближе къ Восточному океану, чѣмъ менѣе будетъ стоить производство русскаго товара, и чѣмъ дешевле обойдется его сухопутная перевозка. Въ настоящее время русскія фабричныя произведенія, идущія въ Китай, производятся въ Московской промышленной области и перевозятся дорогимъ и неудобнымъ гужевымъ путемъ отъ самаго Нижняго черезъ всю Сибирь. Какого же удешевленія русскихъ товаровъ можно было бы ожидать отъ перенесенія производства ихъ изъ Москвы и Владиміра въ Алтай, гдѣ

сырыя произведенія, желѣзо, топливо и даже хлѣбъ, идущій на прокормленіе работниковъ, несравненно дешевле, чѣмъ въ Московской области, не говоря уже о громадномъ удешевленіи перевозки этихъ товаровъ на китайскіе рынки вслѣдствіе перенесенія центра ихъ производства на нѣсколько тысячъ верстъ отъ запада къ востоку! Развитіе въ этомъ смыслѣ самостоятельной фабричной промышленности въ Сибири можетъ имѣть и еще одну выгоду: оно значительно увеличитъ емкость обитаемыхъ частей ея для принятія избытка населенія Европейской Россіи".

Въ послѣдней части своей рѣчи г. Семеновъ подвелъ итоги предшествовавшихъ соображеній, указавъ, какими тѣсными и неразрывными узами Сибирь связана съ Европейскою Россіей во всѣхъ отношеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ памѣтилъ дальнѣйшіе необходимые шаги въ культурномъ развитіи Сибири:

„Два фазиса уже пережила исторія отношеній Россіи къ Сибири въ теченіе истекшаго трехсотлѣтія. Въ первые полтора вѣка Русскій человѣкъ явился въ Сибирь, какъ древніе Новгородцы, для экстенсивнаго собиранія, при помощи поисковыхъ партій и туземнаго населенія, тѣхъ естественныхъ богатствъ, которыя, какъ предметы охоты, рыболовства, и даже наиболѣе легко добываемыя минеральныя богатства, распространены на необъятной поверхности недоступной, подобно всѣмъ странамъ крайняго сѣвера, культурной осѣдлости. Во вторыя полтора столѣтія Русскій человѣкъ, замѣтивъ и облюбивъ тѣ меньшія части Сибири, которыя, по удобствамъ климата и почвы, предназначены природой къ земледѣльческой осѣдлости, колонизировалъ эти части Сибири, ассимилировавъ обитавшихъ на нихъ туземцевъ, усвоилъ себѣ родной для насъ, симпатичный и вполнѣ русскій типъ Сибиряка, сдѣлавшись, съ одной стороны, полезнымъ производителемъ сырыхъ произведеній земледѣлія и скотоводства, снабжающимъ не только промышленные округи Урала, но и фабрики и заводы Европейской Россіи, а съ другой—потребителемъ произведеній этихъ фабрикъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошедшій черезъ Сибирь важный транзитный путь для торговыхъ сношеній съ Китаемъ и Среднею Азіей и развитіе горнаго промысла въ Алтаѣ дополняетъ для Россіи значеніе Сибири.

„Теперь, по истеченіи трехсотлѣтія, исторія сибирской части Россіи вступаетъ въ свой новый фазисъ. Время опредѣлитъ новыя задачи русскаго населенія въ Сибири, но несомнѣнно то, что для него наступаетъ пора болѣе самостоятельнаго развитія своихъ мѣстныхъ про-

изводительныхъ силъ, и что это развитіе встрѣтитъ самую дѣятельную помощь со стороны Русскаго государства и народа, безпрестанно обновляющаго составъ сибирскаго населенія притокомъ добровольныхъ переселенцевъ.

„И при этомъ, болѣе самостоятельномъ экономическомъ развитіи сибирскаго населенія, метрополія не можетъ опасаться какой бы то ни было экономической обособленности Сибири. Если бы даже Сибирь достигла до высшей нормы своей емкости для осѣдлаго русскаго населенія, какихъ-нибудь отъ 16 до 20 милліоновъ, еслибъ она развила свою фабричную и заводскую дѣятельности, упрочила для нея пути сбыта на крайнемъ востокѣ Стараго Свѣта, если бы, согласно уже выраженной съ высоты Престола Державной Волѣ, она получила возможность воспользоваться нераздѣльно съ Россіей одинаковыми правительственными и общественными учрежденіями и благами просвѣщенія, то ея русское населеніе, вытянутое узкою полосою между суровыми сѣверными тундрами и горною окраиной не менѣе суровыхъ высокихъ и безплодныхъ степей, могло бы, подобно Ганьсуйской провинціи Китая, играть роль не отдѣльнаго организма, а только вытянутой конечности русскаго государственнаго организма, обезпечивающей интересамъ единой русской сто-милліонной народности вліяніе на 400-милліонный дальній востокъ Стараго Свѣта, при чемъ голова и сердце упомянутаго организма остались бы неизмѣнно въ великихъ культурныхъ центрахъ Европейской Россіи.

„Притомъ и связь, скрѣпляющая узкую и растянутую на 120 градусовъ долготы полосу культурной Сибири съ Европейскою Россіей крѣпка, вслѣдствіе особыхъ географическихъ и культурныхъ историческихъ условій Сибири. Треть будущаго сгущеннаго населенія Сибири, и притомъ самая коренная и стародавняя, все-таки останется въ округахъ, ближайшихъ къ великому поясу Уральскаго хребта. Но хребетъ этотъ служитъ не стѣною, подобно Альпамъ и Пиренеямъ, преграждающею народныя отношенія, а напротивъ завязываетъ самыя крѣпкія узлы между населеніемъ, живущимъ по обѣ стороны, по той своей особенности, что, вездѣ легко проходимый, онъ развилъ на обоихъ склонахъ своихъ полную будущности горную промышленность, одинаково нуждающуюся, какъ въ Сибири, откуда заводскіе округи получаютъ свои средства продовольствія, такъ и въ Россіи, откуда уральская промышленность беретъ свои средства дѣятельности, и куда сбываетъ свои произведенія".

„Какъ скромные представители русскаго ученаго общества, посвя-

тившаго 40 лѣтъ своей дѣятельности изученію Сибири"—такъ закончилъ свою рѣчь г. Семеновъ—„пошлемъ же нашимъ зауральскимъ соотечественникамъ, русскимъ Сибирякамъ, вслѣдъ за милостивымъ Царскимъ Словомъ, и свой горячій привѣтъ въ день воспоминанія одного изъ величайшихъ событій русской исторіи. Для дальнѣйшаго экономическаго развитія Сибири необходимы и во второмъ трехсотлѣтіи ея исторической жизни доблестные піонеры, но уже не люди отваги и силы, подобные Ермаку и его сподвижникамъ, а люди познанія, которые со свѣточемъ науки займутся изслѣдованіемъ производительныхъ силъ необъятной территоріи Сибири и способовъ пользованія ими. Этихъ піонеровъ доставитъ Сибири вся Россія, но несомнѣнно, что они въ значительной мѣрѣ выростутъ изъ быстро развивающихся образованныхъ слоевъ сибирскаго общества. И пусть эти послѣдніе будутъ проникнуты тою трогательною любовью къ своей родинѣ, которая характеризуетъ Сибиряка, но пусть они сберегутъ, какъ святыню, самую доблестную черту своихъ предковъ, свою вѣрность русской народности, свою преданность Русскому Престолу и государству, которое несомнѣнно и въ слѣдующее трехсотлѣтіе достойно выполнитъ свои государственныя, обще-русскія задачи по отношенію къ своей полной свѣжихъ силъ и будущности зауральской колоніи".

Уважаемый руководитель Русскаго географическаго общества въ своей рѣчи мастерски начертилъ картину распространенія русской гражданственности на безпредѣльныхъ и дикихъ пространствахъ Сибири. Можно только пожалѣть, что рядомъ съ этою рѣчью, въ посвященномъ Сибирскому юбилею засѣданіи Географическаго общества не было представлено очерка собственно ученыхъ работъ, совершенныхъ русскими изслѣдователями въ предѣлахъ русской Азіи. Такой очеркъ былъ бы вполнѣ умѣстенъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ почти все, что наука знаетъ о природѣ и обитателяхъ этихъ странъ, она почерпаетъ изъ трудовъ русскихъ ученыхъ, обнаруживавшихъ въ этихъ своихъ изслѣдованіяхъ много энергіи и много наблюдательности и смѣтливости, столь свойственныхъ русскому человѣку. Данныя о Сибири, которыя вошли въ сокровищницу науки, стали собираться еще въ до-Петровское время; уже во второй половинѣ XVII вѣка въ Москву были высылаемы чертежи многихъ сибирскихъ областей, правда, составленные только на глазомѣръ, безъ знанія правилъ картографіи; но несомнѣнно, что изъ свода этихъ чертежей знаменитый Витсенъ, въ концѣ того же вѣка, извлекъ ма-

теріалъ для своей карты сѣверной Азіи. Точно также этнографическія свѣдѣнія о Сибири и прилежащихъ къ ней странахъ, появляющіяся въ западно-европейской литературѣ въ исходѣ XVII вѣка и въ началѣ слѣдующаго, заимствованы изъ русскихъ источниковъ [1]). Въ Петровское же время Лейбницу были доставляемы изъ Россіи лингвистическіе матеріалы о языкахъ сибирскихъ народовъ, а французскимъ ученымъ высланы были изображенія какихъ-то восточныхъ божествъ и листки изъ одной тибетской рукописи [2]). Къ сожалѣнію, однако, и къ стыду нашего просвѣщенія, мы сами легко забываемъ нашихъ старинныхъ научныхъ дѣятелей. Такъ, напримѣръ, кому у насъ извѣстны труды или хотя бы имена тѣхъ почтенныхъ людей, которые съ невѣроятными усиліями и лишеніями, еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, производили обширныя геодезическія работы, какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири, и составляли описи береговъ Ледовитаго океана? Академикъ Миддендорфъ, въ своемъ извѣстномъ „Путешествіи на сѣверъ и востокъ Сибири" (ч. I), сообщаетъ, что онъ съ трудомъ могъ разыскать въ архивахъ свѣдѣнія о съемочной экспедиціи 1730-хъ годовъ, описавшей Сибирское побережье, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, что труды ея весьма замѣчательны въ картографическомъ отношеніи.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что описаніе хода научнаго изслѣдованія русской Азіи можетъ составить блистательную страницу въ исторіи русской науки, и нельзя не пожелать, чтобы наконецъ исполненъ былъ подобный трудъ: онъ никогда не будетъ запоздалымъ, хотя никто, сколько мы знаемъ, и не предпринялъ его по случаю Сибирскаго юбилея.

Возвращаясь къ сему послѣднему, скажемъ однако, что эта годовщина вызвала все-таки появленіе нѣсколькихъ изданій, которыя послужатъ полезнымъ матеріаломъ для будущей исторіи изученія Сибири. Такъ, Географическое общество издало „Путешествіе чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго по-

[1]) Такъ напримѣръ, въ 1707 году появился переводъ на голландскій языкъ записки сибирскаго казака Ивана Петлина о его поѣздкѣ въ Китай въ 1619 году; въ 1720 г. нѣкто І.—Б. Миллеръ, капитанъ шведской службы, бывшій въ плѣну въ Сибири, издалъ описаніе нравовъ и обычаевъ Остяковъ, которое составляетъ передѣлку русскаго сочиненія о томъ же предметѣ нѣкоего Григорія Новицкаго, о чемъ впрочемъ Миллеромъ не упомянуто (см. *Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, 1876 г.).

[2]) *Русскій Архивъ* 1881 г., кн. I, стр. 15.

сланника Николая Спаѳарія въ 1675 году. Дорожный дневникъ Спаѳарія, съ введеніемъ и примѣчаніями Ю. В. Арсеньева". Въ числѣ литературныхъ трудовъ русскаго писателя второй половины XVIII вѣка Николая Спаѳарія извѣстно было до сихъ поръ лишь одно географическое сочиненіе, именно — „Описаніе Китайскаго государства", составленное имъ на основаніи личныхъ наблюденій и распросовъ о народѣ и обычаяхъ этой страны и сохранившееся въ нѣсколькихъ спискахъ, но никогда не появлявшееся въ печати. Между тѣмъ въ архивномъ извѣстіи о возвращеніи Спаѳаріева посольства въ Москву упоминается о двухъ отдѣльныхъ книгахъ, посвященныхъ путешествію и представленныхъ посланникомъ въ посольскій приказъ. Одна изъ нихъ тожественна съ упомянутымъ выше описаніемъ Китая; другая же, по архивному извѣстію, заключала въ себѣ описаніе пути посольства чрезъ Сибирь, съ перечисленіемъ всѣхъ „рѣкъ, горъ, острововъ, протокъ, городовъ, остроговъ, юртъ татарскихъ и остяцкихъ и всѣхъ знатныхъ мѣстъ и урочищъ царства Сибирскаго". Объ этомъ послѣднемъ сочиненіи нигдѣ до сихъ поръ не упоминалось; тѣмъ не менѣе оно не утрачено и отыскалось въ Китайскихъ дѣлахъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Г. Арсеньевъ снялъ съ этой рукописи точную копію, снабдилъ ее обширными примѣчаніями и введеніемъ и представилъ свой трудъ въ Географическое общество, которое пожелало издать его по случаю Сибирскаго юбилея. Дорожный дневникъ Спаѳарія содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ маршрутъ посольства; но какъ человѣкъ, по своему времени весьма образованный, посланникъ не пожелалъ ограничиться исключительно номенклатурой пройденнаго имъ пути и нѣсколько расширилъ свою задачу; правда, личныхъ своихъ приключеній онъ почти не описываетъ, но за то даетъ подробное описаніе рѣкъ, по которымъ онъ плылъ, и притомъ не только въ предѣлахъ своего плаванія, но по возможности и на всемъ ихъ теченіи; описываетъ главные населенные пункты, въ которыхъ онъ останавался, говоритъ о народахъ, которые видѣлъ, упоминаетъ даже о древностяхъ, встрѣченныхъ имъ на пути. Такимъ образомъ, путевой дневникъ Спаѳарія, кромѣ того замѣчательный особенною своею точностью, представляетъ значительный интересъ въ историко-географическомъ отношеніи. Что касается введенія и примѣчаній, составленныхъ г. Арсеньевымъ, то они полны интереса, въ особенности введеніе, въ которомъ авторъ представилъ постепенный ходъ провѣдыванья торговыхъ путей изъ Сибири въ Китай: по справедливому замѣчанію г. Арсеньева, съ этимъ провѣдываньемъ

тѣсно связаны раннія русскія открытія на южныхъ окраинахъ Сибири. Какъ введеніе, такъ и примѣчанія г. Арсеньева, заключаютъ въ себѣ много новыхъ свѣдѣній, впервые извлеченныхъ изъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Къ труду г. Арсеньева приложенъ снимокъ съ чертежа вершинъ Енисея, составленнаго посланными туда для развѣдокъ изъ Томска Старковымъ и Бобарыкинымъ въ 1665 году; по счастливой случайности, подлинный чертежъ этихъ посланцевъ уцѣлѣлъ въ архивномъ столбцѣ XVII вѣка, между тѣмъ всѣ другіе чертежи той эпохи куда-то изчезли: тѣмъ цѣннѣе этотъ сохранившійся образчикъ ихъ.

Другое ученое учрежденіе, которое позаботилось почтить память о подвигѣ Ермака учеными работами, есть Археографическая коммиссія. Уже въ прежнихъ своихъ изданіяхъ коммиссія напечатала не мало актовъ, относящихся къ исторіи Сибири и извлеченныхъ большею частью отъ такъ-называемыхъ портфелей Г.-Ф. Миллера. Какъ извѣстно, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка Академія Наукъ снарядила въ Сибирь ученую экспедицею, въ которой и принималъ участіе Миллеръ. Ему поручено было собраніе историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ, и онъ вывезъ изъ своего путешествія огромное количество историческихъ документовъ, въ подлинникахъ и копіяхъ, которые и составляютъ главное содержаніе Миллеровыхъ портфелей, сохраняемыхъ нынѣ въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, на долю Сибири выпало быть поприщемъ дѣятельности первой, предпринятой у насъ археографической экспедиціи. Собранный ею матеріалъ тѣмъ болѣе имѣетъ цѣны, что со времени совершенія экспедиціи многіе архивы сибирскіе истреблены были пожарами, и такимъ образомъ уничтожились подлинники тѣхъ актовъ, съ которыхъ Миллеръ снималъ копіи. Къ числу находокъ этого неутомимаго собирателя принадлежатъ, большею частью, и тѣ памятники сибирской исторіи, которые въ новѣйшее время изданы Археографическою коммиссіей.

Въ ряду ихъ прежде всего слѣдуетъ назвать „Краткую Сибирскую лѣтопись (Кунгурскую)", изданную коммиссіей еще въ 1880 году, но также въ виду Сибирскаго юбилея. Лѣтопись эта составлена тобольскимъ сыномъ боярскимъ Семеномъ Ремезовымъ, жившимъ въ исходѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII. Какъ историческое повѣствованіе о походѣ Ермака, составленное позже другихъ сибирскихъ лѣтописей, сказаніе Ремезова имѣетъ лишь малое значеніе: такъ думалъ еще Карамзинъ, не довѣрявшій Ремезову, вопреки впрочемъ мнѣнію Мил-

лера, который, напротивъ того, давалъ извѣстіямъ этого писателя особенное предпочтеніе. Но лѣтопись эта имѣетъ тотъ интересъ, что она сохранилась въ подлинной рукописи составителя (вывезенной Миллеромъ изъ Сибири и нынѣ хранящейся въ библіотекѣ Академіи Наукъ), украшенной множествомъ картинокъ, которыя занимаютъ въ ней мѣста даже болѣе, чѣмъ текстъ. Картинки эти рисованы Ремезовымъ при участіи трехъ его сыновей и послѣдовательно изображаютъ всѣ обстоятельства Ермакова похода и нѣкоторыя послѣдующія событія. Въ виду особеннаго интереса, который имѣетъ эта иллюстрація въ археологическомъ отношеніи, признано было полезнымъ воспроизвести рукопись Ремезова фотолитографическимъ способомъ, такъ что изданіе ея, сдѣланное Археографическою коммиссіей, представляетъ точный снимокъ съ подлинника.

Тѣмъ же способомъ издала коммиссія и другой трудъ Ремезова, несравненно болѣе важный въ научномъ отношеніи, чѣмъ его лѣтопись: это—„Чертежная книга Сибири", обширный географическій атласъ, составленный трудолюбивымъ Сибирякомъ въ концѣ XVII в. Выше было уже упомянуто о чертежѣ мѣстности въ верховьяхъ Енисея, составленномъ въ 1665 году двумя посланными туда русскими развѣдчиками. Во второй половинѣ XVII вѣка такіе чертежи, присланные изъ Тобольска, имѣлись въ Москвѣ для многихъ областей Сибири, а въ 1672 году изъ нихъ была составлена сводная карта всей Сибирской земли, которая впрочемъ не уцѣлѣла до нашего времени и извѣстна только по сохранившемуся довольно подробному ея описанію. Въ 1695 году состоялся боярскій приговоръ о новомъ составленіи чертежей сибирскихъ на основаніи свѣдѣній, вновь собранныхъ на мѣстахъ. Трудъ свести эти отдѣльные чертежи въ одно цѣлое былъ возложенъ на Ремезова, который и прежде того занимался чертежными работами. Онъ составилъ новый чертежъ въ двухъ экземплярахъ на листахъ александрійской бумаги, по 14 ф. длины и $8^1/_2$ ф. ширины каждый, и въ ноябрѣ 1698 года подалъ свой трудъ дьяку Сибирскаго приказа Виніюсу, и „за работу, милостію великаго государя, пожалованъ выходомъ и пять рублевъ денегъ". Продолжая и затѣмъ, по приказанію Виніюса, свои картографическія работы, Ремезовъ, при помощи своихъ сыновей, начертилъ атласъ Сибири, который и былъ ими конченъ 1-го января 1701 года. Этотъ-то атласъ, сохранившійся до нашего времени (онъ принадлежитъ теперь Румянцовскому музею въ Москвѣ) какъ драгоцѣнный памятникъ старинной русской картографіи, и явился теперь въ печати, точно воспроизведенный съ

подлинника. Выше было упомянуто, что ученый знатокъ Азіатской Россіи А. Ѳ. Миддендорфъ съ уваженіемъ отзывается о картографическихъ работахъ работахъ по Сибири, исполненныхъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Онъ же придаетъ значительную цѣну и болѣе раннему труду Ремезова—не только потому, что карты его, хотя и составленныя не научнымъ образомъ, удовлетворяли въ свое время потребностямъ администраціи, но и по тщательности ихъ исполненія, по крайней мѣрѣ для тѣхъ мѣстностей Сибири, которыя были наиболѣе извѣстны въ исходѣ XVII вѣка.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ ученомъ изданіи, появленіе котораго связано съ празднованіемъ Сибирскаго юбилея. Это—„Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка", сборникъ историческихъ документовъ, напечатанный на частныя средства, но также подъ покровительствомъ Археографической коммиссіи, въ распоряженіи которой имѣются копіи съ Миллеровской коллекціи сибирскихъ актовъ. Вышедшая нынѣ книга „Памятниковъ" содержитъ въ себѣ документы за періодъ съ 1701 по 1713 годъ, то-есть, относящіеся къ началу втораго столѣтія русской жизни въ странѣ, завоеванной Ермакомъ. Въ это время вся Сибирь была уже пройдена Русскими, и къ началу XVIII вѣка относится только занятіе Камчатки, о чемъ вновь изданные акты и сообщаютъ много любопытныхъ свѣдѣній. Но въ то время, какъ заканчивался періодъ исканія новыхъ землицъ въ погоню за дорогимъ пушнымъ звѣремъ, стало проявляться у русскихъ пришельцевъ въ Сибири новое стремленіе—овладѣвать страной при помощи осѣдлаго земледѣльческаго труда. Мы видѣли уже указаніе на этотъ поворотъ въ сибирской народной жизни въ рѣчи г. Семенова. Изданные теперь акты начала XVIII вѣка изображаютъ множествомъ живыхъ подробностей ту эпоху, когда совершился въ сибирской исторіи этотъ благодѣтельный переломъ, выразившійся направленіемъ переселенцевъ не на востокъ и не на сѣверъ, а прямо на югъ по верховымъ притокамъ трехъ великихъ сибирскихъ рѣкъ. Вольные люди стали охотнѣе селиться на пашню; пашенные крестьяне начали чаще устраиваться слободами, количество которыхъ—по свидѣтельству актовъ начала XVIII вѣка—значительно возросло въ то время. Акты эти указываютъ однако, что осѣдлая жизнь на пашнѣ не легко доставалась въ то время русскимъ поселенцамъ въ Сибири: имъ пришлось натолкнуться на кочевыя племена Киргизъ, Башкиръ и Калмыковъ, воспитавшихъ въ себѣ, при условіяхъ степной жизни, непримиримую ненависть къ осѣдлости и превратившихъ грабежъ чу-

жого въ племенной обычай баранты; изъ вновь изданныхъ актовъ, съ одной стороны, видно, что русскимъ землевладѣльцамъ приходилось работать въ полѣ не иначе какъ вооруженными, изъ опасенія внезапнаго набѣга кочевниковъ, а съ другой—обнаруживается общее, сознательное стремленіе этихъ послѣднихъ вытѣснить пришельцевъ и стереть съ лица ихъ слободы. Въ виду такой опасности, со стороны русскихъ властей требовались строгія и серьезныя мѣры охраны, о чемъ также находимъ многочисленныя свѣдѣнія во вновь напечатанныхъ документахъ. Кромѣ этихъ чертъ мѣстной исторіи, вытекавшихъ вполнѣ изъ историческихъ условій страны, сибирскіе документы начала XVIII вѣка представляютъ любопытные слѣды заботливости Петра I о государственныхъ нуждахъ въ примѣненіи къ Сибири: есть, напримѣръ, распоряженія объ охранительныхъ мѣрахъ противъ пожаровъ, о замѣнѣ казенныхъ деревянныхъ построекъ каменными, объ учрежденіи общественныхъ амбаровъ, о постройкѣ заводовъ, о поощреніи и устройствѣ торговли и т. п. Вообще, богатствомъ своего содержанія „Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка" проливаютъ новый свѣтъ состояніе Сибири въ такое время, которое до сихъ поръ оставалось не только не изслѣдованнымъ, но и недоступнымъ изученію, потому что матеріаловъ къ тому не было обнародовано.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ 1880 ГОДУ.

Богатѣйшее изъ отечественныхъ книгохранилищъ, Императорская Публичная Библіотека, въ С.-Петербургѣ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается въ своемъ составѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, все въ большей мѣрѣ получаетъ возможность удовлетворять потребностямъ лицъ, ищущихъ серіознаго чтенія и образованія. Извлекаемъ изъ только что вышедшаго въ свѣтъ отчета о состояніи Библіотеки въ 1880 году важнѣйшіе факты внутренней ея жизни за это время.

Новыя пріобрѣтенія Библіотеки въ 1880 году, въ общемъ выводѣ, опредѣляются слѣдующими цифрами: въ нее поступило:

а) печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листковъ 17,536 сочиненій, въ 20,527 томахъ; въ томъ числѣ: по закону, цензурнымъ вѣдомствомъ доставлено, въ двухъ экземплярахъ, 10,660 сочиненій, въ 11,264 томахъ; по распоряженіямъ разныхъ учрежденій 1032 сочиненія, въ 1418 томахъ; частныхъ приношеній 2576 сочиненій, въ 2989 томахъ; куплено самою Библіотекой 2998 сочиненій, въ 4863 томахъ;

б) рукописей и автографовъ 512; въ томъ числѣ частныхъ приношеній 67, и чрезъ покупку 445;

в) картъ и плановъ—179;

г) эстамповъ и фотографій—1548;

д) нотъ—691.

Въ частности важнѣйшія изъ этихъ пріобрѣтеній были слѣдующія:

Въ видѣ цѣлыхъ коллекцій Библіотека получила:

1) Собраніе изъ 12 русскихъ рукописей, принесенное въ даръ докторомъ Н. Г. Ординымъ, изъ Сольвычегодска. По времени написанія всѣ эти рукописи принадлежатъ XVII и XVIII столѣтіямъ, а по содержанію однѣ изъ нихъ относятся къ исторіи и географіи сѣвера Россіи и Сибири (лѣтописецъ Сольвычегодскій, Сибирская лѣтопись Саввы Есипова, лѣтописецъ Новгородскій, лѣтопись св. Димитрія Ростовскаго), другія же—къ разнымъ предметамъ (Страсти Господни, извлеченіе изъ проповѣдей Гедеона Криновскаго, Травникъ, сборники).

2) Принесенное въ даръ директоромъ королевской библіотеки въ Стокгольмѣ Клеммингомъ собраніе болѣе 150 брошюръ, относящихся по большей части до исторіи лифляндскихъ дворянскихъ фамилій; большинство этихъ брошюръ состоитъ изъ стихотвореній по поводу разныхъ семейныхъ событій, свадебъ, похоронъ и проч., а также выборовъ въ ректоры и профессора университетовъ и т. д.; но встрѣчаются также брошюры историческаго содержанія, давно уже тщетно пріискивавшіяся для отдѣленія „Rossica" Библіотеки; таковы, напримѣръ, очень рѣдкія брошюры: a) Narva triumphans super victoriam, quam Carolus XII in campis Narvensibus reportavit. Holmiae, 1700, и b) Narva Moscorum clade nobtlitata. S. l. 1700.

3) Принесенное въ даръ Кенсингтонскимъ художественно-промышленнымъ музеемъ въ Лондонѣ собраніе всѣхъ выпущенныхъ до 1880 года въ свѣтъ его изданій, въ количествѣ 61 тома. Каждый изъ заключающихся здѣсь томовъ представляетъ собою не только подробный описательный каталогъ, часто украшенный превосходными иллюстраціями, извѣстнаго отдѣленія Кенсингтонскаго музея, но также и историческій обзоръ и систематическое изслѣдованіе по данному предмету, такъ что совокупность этихъ томовъ, начатыхъ печатаніемъ съ 1868 года, образуетъ рядъ монографій очень цѣнныхъ и значительныхъ, особенно благодаря участію авторовъ-спеціалистовъ, давно пользующихся почетною извѣстностью въ Европѣ. Такъ авторомъ отдѣла „Textile fabrics" является Рокъ, отдѣла „Majolica"—Друри и Форнжумъ, отдѣла „Musical instruments"—Энгель, отдѣла „Ancient and modern furniture"—Поленъ, отдѣла разнообразныхъ коллекцій, пожертвованныхъ извѣстнымъ собирателемъ Дайсомъ,—Редгревъ, отдѣла „Bronzes"—Друри, отдѣла „Fictile ivories"—Уэствудъ, отдѣла Gold and silver work"—Полленъ, отдѣла „Glass vessels"—Несбиттъ и т. д.

4) Собраніе грузинскихъ рукописей и книгъ, купленное съ Высочайшаго разрѣшенія у грузинскаго князя Іоанна Александровича за 8000 рублей. Это собраніе, кромѣ 76 автографовъ и 101 печатной книги, заключаетъ въ себѣ 361 рукопись, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны слѣдующія: 1) Четвероевангеліе, XII вѣка, на пергаменѣ, въ 4-ю д. л., украшено одною заставкою. 2) Четвероевангеліе 1095 года, писанное на пергаменѣ, въ 4-ю д. л., въ два столбца крупнымъ почеркомъ; при рукописи имѣются изображенія евангелистовъ Марка и Луки византійской живописи; столпы евангельскихъ чтеній украшены тремя великолѣпными заставками; драгоцѣнная рукопись для языка. 3) Четіи-Минеи на весь годъ, писаны въ 4-ю д. л., въ два столбца, мелкимъ красивымъ почеркомъ. 4) Сборникъ словъ Григорія Богослова, Саввы Ѳивскаго и Василія Великаго, XI—XII вѣка, на пергаменѣ, въ 4-ю д. л. 5) и 6) Двѣ рукописи Четвероевангелія, XVII вѣка, въ 32-ю д. л., обѣ украшенныя изображеніями евангелистовъ и красивыми заставками, въ серебряномъ переплетѣ. 7) Четвероевангеліе 1711 года, писанное въ 24-ю д. л., въ два столбца, въ рамкѣ, писанной золотомъ и киноварью; рукопись украшена узорчатыми заставками и изображеніями четырехъ евангелистовъ; на оборотѣ же листовъ съ этими изображеніями помѣщены изображенія евангельскихъ событій; въ серебряномъ переплетѣ. 8) Псалтырь, XII—XIII в., на пергаменѣ, въ 24-ю д. л. 9) Четвероевангеліе, писанное въ 1676 году, въ 24-ю д. л., въ два столбца, каждая страница украшена узорчатою рамкою; передъ каждымъ Евангеліемъ помѣщено по два изображенія евангелистовъ, изъ которыхъ одно сдѣлано мѣстнымъ художникомъ, а другое, какъ кажется, русскимъ, такъ какъ на свиткахъ, которые держатъ евангелисты, слова изъ Евангелій писаны по славянски. 10) Пергаменный свитокъ, въ два столбца, значительно ветхій, длиною въ нѣсколько аршинъ, содержащій въ себѣ Требникъ, безъ начала и конца, церковнаго письма XII—XIII вѣка. 11) Синаксарь на пергаменѣ, церковнаго письма XI—XII вв., въ 4-ю д. л. 12) Проповѣди на разные дни недѣли и обширная переписка жившаго въ Петербургѣ грузинскаго монаха Іоны съ своими соотечественниками, какъ въ Россіи, такъ и въ Грузіи, съ 1820 по 1830 годъ. 13) Словарь Саба Орбеліани, писанный въ 1749 году. Автографъ царевича и наслѣдника Грузинскаго царства генералъ-маіора Давида. 14) Другой экземпляръ того же словаря, отчасти съ русскимъ переводомъ; рукопись замѣчательная по полнотѣ. 15) Русско-грузинскій словарь, составленный царевичемъ Іоанномъ, сыномъ

послѣдняго царя Георгія XIII, въ шести частяхъ. 16) Стихотворенія царя Теймураза II, подъ заглавіемъ „Зеркало", съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ Грузинъ, рукопись, переписанная въ 1823 году. 17) Героическая поэма Ростоміани, переводъ съ персидскаго Книги царей (Шахъ-наме) поэта Фирдауси; книга переведена въ царствованіе царя Карталинскаго Семеона Гремскимъ хевисъ-беремъ (начальникомъ ущелья) Сократомъ Сабашвилемъ; рукопись писана на лощеной бумагѣ въ 1671 году и украшена 105 рисунками: каждый листъ обведенъ рамкой изъ золотой и разноцвѣтныхъ линій; нѣсколько листовъ въ серединѣ рукописи вырвано; отъ перваго листа, писаннаго золотомъ и имѣвшаго, сколько можно судить по остаткамъ, великолѣпную заставку, сохранилась только нижняя половина. 18) Стихоренія царя Теймураза I „Роза и Соловей", XVII вѣка, въ л. 19) Книга мудрости и лжи (басни) Саба Сулхана Орбеліани, 1809 года, въ 4-ю д. л. 20) Сейланіани, героическій романъ, переведенный съ персидскаго на грузинскій царевичемъ Іоанномъ въ 1791 году; писанъ въ л. 21) Исторія Александра Македонскаго, въ л.; въ текстѣ помѣщено 139 рисунковъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются русскія надписи скорописью XVII вѣка, объясняющія ихъ содержаніе. 22) Путешествіе по Грузіи іеромонаха Іоны, заключающее въ себѣ краткую лѣтопись Грузіи и біографіи замѣчательнныхъ людей Грузинскаго царства съ эпохи введенія христіанства въ Грузіи св. Ниною, то-есть, съ 317 года, до 1518 включительно; весьма замѣчательная рукопись, въ л. 23) Лѣтопись Грузіи, составленная царемъ Вахтангомъ VI; доведена до царя Ростома; въ концѣ рукописи помѣщены самыя краткія житія грузинскихъ святыхъ; писана въ началѣ XVIII вѣка, въ л. 24) Лѣтопись Грузіи Сехніа Чхеидзева и Папуна Орбеліани съ царя Вахтанга до царя Теймураза II включительно; переписана въ 1771 году, въ л. 25) Хронографъ, переведеный съ греческаго по приказанію царя Арчила; писанъ въ 4-ю д. л. 26) Героическая поэма Амиранъ-Дареджаніани, переводъ, исполненный въ XII вѣкѣ; рукопись переписана въ 1699 году Багдасаровымъ, въ л. 27) Героическая поэма Караманіани, переведенная съ турецкаго языка Давидомъ Орбеліани и Николаемъ Габаонелисдзе при царѣ Соломонѣ, въ 1779 году; писана въ 4-ю д. л. 28) Героическая поэма Русуданіани, XIV вѣка, неизвѣстнаго автора; весьма замѣчательная рукопись, писанная на лощеной бумагѣ прекраснымъ почеркомъ XVI вѣка, въ л., содержитъ въ себѣ описаніе жизни и дѣятельности царицы Русудани, дочери Тамары. Кромѣ названныхъ рукописей, въ

собраніи автографовъ, принадлежащихъ къ этой коллекціи, находятся нѣкоторые любопытные и важные документы касательно присоединенія Грузіи къ Россійской имперіи.

5) Продолженіе приносимой въ даръ англійскимъ правительствомъ коллекціи патентовъ и привилегій на техническія изобрѣтенія, выдаваемыхъ въ Лондонѣ, въ количествѣ 146 томовъ.

6) Продолженіе коллекцій патентовъ и привилегій на разныя изображенія, выдаваемыхъ германскимъ правительствомъ и имъ приносимыхъ въ даръ Библіотекѣ, въ количествѣ 720 нумеровъ.

Важнѣйшія отдѣльныя пріобрѣтенія Библіотеки въ 1880 были слѣдующія:

Всѣ выходящія въ Россіи произведенія печати: книги, брошюры, повременныя изданія, карты, гравюры, литографіи и пр., какъ сказано выше, Библіотека продолжала получать, согласно закону, изъ цензуры, а также отъ разныхъ другихъ учрежденій и вѣдомствъ, и отъ частныхъ лицъ. Изъ числа приношеній книгами, со стороны разныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, наиболѣе значительными по числу томовъ были: отъ доктора Клемминга, директора королевской библіотеки въ Стокгольмѣ (184 т.), отъ директора Библіотеки, нынѣ министра народнаго просвѣщенія, И. Д. Делянова (161 т.), отъ почетнаго члена Библіотеки П. Е. Вецкаго (118 т.), отъ Русскаго географическаго общества (100 т.), отъ почетнаго корресподента Библіотеки Креля (98 т.), отъ Геттингенскаго университета (86 т.), отъ графа Д. А. Толстаго (70 т.), отъ князя Р. К. Гедройца (65 т.), отъ музея Кенсингтонскаго (61 т.), отъ сенатора Г. К. Рѣпинскаго (59 т.).

Нѣкоторыя изъ числа пріобрѣтенныхъ самою Библіотекою печатныхъ книгъ заслуживаютъ особеннаго вниманія на свой рѣдкости, по важности содержанія, или наконецъ, по своей цѣнности. Таковы нѣсколько печатныхъ указовъ и другихъ печатныхъ листовъ Петровскаго времени, не достававшихъ въ составленномъ Библіотекой, весьма богатомъ собраніи листовъ и книгъ гражданской печати этого періода. Таковы еще: въ высшей степени рѣдкое, совершенно неизвѣстное библіографамъ изданія Іоанна Мелетія: Libellus de religione et sacrificiis idolatricis veterum Borussorum, Liuonum, Litauorum, aliarumq. gentium vicinarum. Anno MDLXXIII, 8°, 16 страничекъ; нѣсколько многотомныхъ и въ научномъ отношеніи капитальныхъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ по разнымъ отраслямъ знанія, какъ напримѣръ, шведскій біографическій словарь, монографія Г. Эберса

о древнемъ Египтѣ, съ роскошными иллюстраціями, каталогъ Британскаго музея, 50 томовъ коллекціи: „Les grands Ecrivains de la France", сирійско-латинскій лексиконъ: „Thesaurus Syriacus (Oxonii, 1879), изданіе Макса Миллера: „The sacred books of tha East", рядъ роскошныхъ изданій по исторіи искусства, въ томъ числѣ новѣйшая перепечатка старинныхъ, крайне рѣдкихъ италіанскихъ сочиненій о венеціанскомъ кружевѣ и пр.

Къ числу же замѣчательныхъ произведеній печати, подаренныхъ Библіотекѣ, слѣдуетъ еще отнести: 1) очень рѣдкій литографированный и раскрашенный портретъ Петра Великаго, исполненный, по всему вѣроятію, въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія, въ Вѣнѣ, съ оригинала масляными красками, находившагося въ сербскомъ монастырѣ „Великая Ранета", на Фрушкой горѣ, и въ настоящее время купленнаго оттуда для Романовской галлереи Эрмитажа; настоящая литографія, въ большой листъ, была куплена, лѣтомъ 1880 года, В. В. Стасовымъ въ антикварной лавочкѣ въ Бѣлградѣ и принесена имъ въ даръ Библіотекѣ; 2) семь фотографическихъ снимковъ съ рисунковъ, представляющихъ разныя сербскія церкви, скульптуру и церковныя фрески, срисованныхъ и приготовленныхъ для изданія въ обширномъ сочиненіи сербскими архитекторами Вальтровичемъ и Милутиновичемъ. Рисунки суть слѣдующее: а) скульптурная орнаментистика разныхъ архитектурныхъ частей въ монастырѣ „Каленичьѣ", построенномъ Степаномъ Высокимъ, сыномъ князя Лазаря; б) фрескъ со свода въ паперти монастыря Благовѣщенія въ „Страярѣ", XVII вѣка („Поклоненіе Богородицѣ"); в) фрескъ изъ алтаря, оттуда же („св. Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ"); г) орнаментальная фресковая живопись въ монастырѣ „Жичѣ", XVI вѣка; д) фрескъ, тамъ же („Успеніе Богоматери"); е) фрескъ, тамъ же, на паперти („Богоматерь въ славѣ"); на этой картинѣ любопытны изображенія краля Родослава, его отца Стефана Первовѣнчаннаго и св. Саввы, при чемъ Стефанъ является окруженный сербскимъ дворянствомъ, а Савва—духовенствомъ; ж) фрескъ изъ монастыря „Драча", XVIII вѣка („св. Ѳеодоръ Стратилатъ").

Рукописное отдѣленіе Библіотеки, кромѣ вышеупомянутыхъ коллекцій, обогатилось также нѣсколькими цѣнными отдѣльными пріобрѣтеніями. Пожалованы Библіотекѣ Государемъ Цесаревичемъ, нынѣ царствующемъ Государемъ Императоромъ: 1) приказъ гетмана Мазепы, за его собственноручною подписью, начальнику Гадяцкаго замка Тимоѳею Чуйкевичу, отъ 3-го октября 1698 года, о невзиманіи

по просьбѣ вдовы Татьяны Андрушчихи пошлинъ съ мельницы, построенной ея умершимъ мужемъ; 2) универсалъ гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, за его собственноручною подписью, отъ 21-го августа 1764 года, о назначеніи полковаго писаря Якова Колодяжинскаго полковымъ судьею.

Частными лицами подарены, а также куплены самою Библіотекой: нѣсколько отрывокъ изъ богослужебныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ, XI, XII и XIII вѣковъ; нѣсколько русскихъ сборниковъ, духовнаго, историческаго и литературнаго содержанія; не изданныя записки Ив. Ив. Мѣшкова (р. 1767 г., ум. 1844 г.); десять рукописей на языкахъ персидскомъ, адербейджанскомъ и арабскомъ, религіознаго, нравоучительнаго, юридическаго и литературнаго содержанія; два собственноручныя письма Шамиля, съ переводомъ на русскій языкъ; автографы А. Ѳ. Гильфердинга, Г. Берліоза, М. И. Глинки, Ѳ. І. Іордана, Ф. Листа, А. В. Кольцова, Н. В. Гоголя, Г. Р. Державина и др.

Изъ числа художественныхъ пріобрѣтеній Библіотеки за 1880 годъ заслуживаютъ упоминовенія: портретъ гравера Чесскаго, рисованный карандашемъ, въ апрѣлѣ 1852 г., ученикомъ Чесскаго М. Дмитріевымъ, и сдѣланный карандашемъ эскизъ художника Красницкаго, по указанію Я. А. Исакова, изображающій мѣсто дуэли Пушкина.

Графиня Л. А. Мусина-Пушкина, исполняя желаніе своего покойнаго супруга графа Алексѣя Ивановича, принесла въ даръ Библіотекѣ пять найденныхъ на мѣстѣ древней Ольвіи, на сѣверномъ берегу Чернаго моря, мраморныхъ плитъ, на которыхъ высѣчены греческія надписи. Изъ этихъ камней одинъ имѣющій надписи съ трехъ сторонъ, служилъ подножіемъ двумъ, статуямъ, поставленнымъ въ честь Каракалла и брата его Септимія Геты; на прочихъ же начертаны: псефизмъ или опредѣленіе совѣта и жителей города Ольвіи въ честь Протогена, на двухъ сторонахъ плоскаго столба; прославленіе подвиговъ жителя Ольвіи Ѳеокла, сына Сатирова, и указаніе какіе города поднесли ему золотые вѣнцы; опредѣленіе совѣта и гражданъ Ольвіи о награжденіи золотыми вѣнцами стратиговъ Наутимана и его сотоварищей; псефизмъ въ честь Дада, сына Тумбасова.

Наконецъ, А. А. Смирдинымъ подаренъ Библіотекѣ бронзированный гипсовый бюстъ его отца, извѣстнаго съ 1820-хъ годовъ книгопродавца А. Ф. Смирдина.

Каталогизація поступившихъ въ Библіотеку, въ теченіе 1880 года, рукописей, книгъ, эстамповъ, картъ, нотъ, и проч. продолжалась безостановочно, по существующему порядку. Въ богословскомъ отдѣленіи приведены въ порядокъ весемь шкафовъ, заключающіе въ себѣ 2044 сочиненія въ 1820 томахъ, при чемъ исправлены, дополнены и отчасти вновь написаны карточки, какъ систематическаго, такъ и алфавитнаго, каталога помѣщенныхъ въ этихъ шкафахъ книгъ. Въ отдѣленіи естественныхъ наукъ и медицины вполнѣ окончено описаніе коллекціи медицинскихъ диссертацій, въ числѣ 6000, купленной у доктора Лаута въ Страсбургѣ и размѣщенной въ 95 картонахъ; систематическій каталогъ этой коллекціи былъ уже составленъ самимъ г. Лаутомъ и описанъ въ особой рукописи, пріобщенной къ коллекціи диссертацій; отдѣльныя карточки сочиненій размѣщены теперь въ томъ же порядкѣ въ систематическомъ каталогѣ отдѣленія, особо отъ общаго систематическаго каталога. Въ юридическомъ отдѣленіи оказалось необходимыхъ перенести всѣ книги изъ шкафовъ втораго этажа залы № X въ шкафы четвертаго этажа залы № XI, занятые до того времени книгами, не принадлежащими этому отдѣленію; такая переноска и установка въ новомъ помѣщеніи нѣсколькихъ тысячъ сочиненій потребовала, конечно, большой жертвы времени, но очистила мѣсто для значительнаго количества книгъ, чаще требуемыхъ читателями и потому долженствующихъ находиться ближе подъ рукой у завѣдующаго отдѣленіемъ. Въ отдѣленіи иностранной словесности разобрано и внесено въ каталоги изъ стараго фонда болѣе 2,000 томовъ; кромѣ того, расположено нѣсколько тысячъ французскихъ книгъ въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ для удобства пользованія этими сочиненіями впредь до настоящаго полнаго описанія ихъ въ каталогахъ алфавитномъ, систематическомъ и инвентарномъ. Библіотекарь Гаркави окончательно привелъ въ порядокъ и описалъ всѣ свитки Пятокнижія изъ втораго собранія Фирковичей, а также разсматривалъ и составилъ описаніе очень многихъ библейскихъ и другихъ рукописей (въ формѣ книги), изъ того же собранія. Изъ отдѣленія дублетовъ выдѣлены для библіотеки Томскаго университета сочиненія, выбранныя тайнымъ совѣтникомъ Деспотомъ-Зеновичемъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Флоринскимъ, всего на сумму 1,300 рублей.

Что касается пользованія Библіотекой, то главныя данныя о томъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ 1880 году выдано билетовъ для занятій въ Библіотекѣ 11,960

(въ 1879 г. 11,459). Читателей было въ общей читальной залѣ 113,941 (въ 1879 году 104,922).

Вытребовано книгъ: изъ отдѣленій: старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ 69 томовъ (въ 1879 году 125 томовъ), на русскомъ языкѣ 35,950 томовъ (въ 1879 году 30,197 томовъ) и на иностранныхъ языкахъ 14,338 томовъ (въ 1879 году 13,266 томовъ); изъ библіотеки при читальной залѣ 172,606 томовъ (въ 1879 году 162,497 томовъ), въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 149,433 тома (въ 1879 году 140,772 тома) и на иностранныхъ языкахъ 23,173 (въ 1879 году 21,725 томовъ).

Общее число взятыхъ посѣтителями для чтенія книгъ, какъ выданныхъ изъ отдѣленій, такъ и находящихся въ библіотекѣ при читальной залѣ, было 272,063 тома (въ 1879 году 245,872 тома), повременныхъ изданій 55,446 нумеровъ (въ 1879 году 47,006 нумеровъ), а всего 327,509 томовъ и нумеровъ (въ 1879 году 292,877 томовъ и нумеровъ).

Въ теченіе 1880 года было отказано: въ отдѣленіяхъ по 8,635 требованіямъ (въ 1879 году по 7,690 требованіямъ), а изъ библіотеки при читальной залѣ по 18,868 требованіямъ (въ 1879 году по 17,591 требованіямъ), въ томъ числѣ по 12,370 требованіямъ повременныхъ изданій (въ 1879 году по 9,980 требованіямъ), и изъ нихъ по 11,381 требованіямъ русскихъ періодическихъ изданій (въ 1879 году по 9,218 требованіямъ) и по 989 требованіямъ иностранныхъ періодическихъ изданій (въ 1879 году по 762 требованіямъ). Главною причиной отказа, также какъ и въ предшествующіе года, является неимѣніе требуемыхъ сочиненій въ Библіотекѣ въ моментъ спроса ихъ, въ томъ числѣ и за неполученіемъ книгъ изъ цензуры; въ 1880 году такихъ случаевъ было 2,887.

Рукописей выдано въ чтеніе 393 (въ 1879 году 428); 77 лицъ получили дозволеніе заниматься въ отдѣленіи рукописей. Библіотекарь Гаркави, постоянно занимающійся не только приведеніемъ въ порядокъ и описаніемъ, но также и ученымъ изслѣдованіемъ еврейскихъ рукописей изъ втораго собранія Фирковичей, напечаталъ, въ теченіе 1880 года, многіе отрывки изъ этихъ рукописей въ III части изданія „Studien und Mittheilungen aus der Kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek zu St.-Petersburg“ и въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, а также составилъ, на нѣмецкомъ языкѣ, обстоятельное описаніе, со многими извлеченіями, экзегетическихъ рукописныхъ сочиненій, грамматическихъ и лексикографическихъ; начало этого труда на-

печатано въ Zeitschrift für die Wissenschaft des Alten Testaments, издаваемомъ профессоромъ Штаде въ Гиссенѣ.

Съ Высочайшаго разрѣшенія нѣкоторыя принадлежащія Библіотекѣ рукописи были высылаемы для пользованія иностраннымъ ученымъ за границу; въ Россіи же двѣ рукописи были выданы изъ Библіотеки въ Археографическую коммиссію.

Обозрѣвали Библіотеку въ 1880 году 4,146 человѣкъ (въ 1879 году 4,147).

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Варшавскаго университета въ 1881 году: личный составъ преподавателей; вакантныя каѳедры; измѣненія въ распредѣленіи предметовъ и порядкѣ преподаванія; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ ихъ занятіями; присужденіе наградъ за представленные сочиненія; учебные труды преподавателей и другихъ служащихъ; публичныя лекціи; измѣненія въ раздѣленіи каѳедръ; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; командировки съ ученою цѣлію; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; учебно-вспомогательныя учрежденія; институтъ для образованія повивальныхъ бабокъ и фельдшерская школа.

Наличный составъ штатныхъ преподавателей въ Варшавскомъ университетѣ къ 1-му января 1882 года былъ слѣдующій: на историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 7, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 4, лекторовъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ 5; на физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 4, астрономовъ-наблюдателей 2, лаборантовъ 4; на юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 5, экстраординарныхъ 5, доцентовъ 2; на медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ 10, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 4, временныхъ преподавателей 2, прозекторовъ 3, лаборантовъ 2. Вообще по всѣмъ факультетамъ состояло штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ 27, экстраординарныхъ 16, доцентовъ 14, временныхъ преподавателей 2, лекторовъ 5, прозекторовъ 3, астрономовъ-наблюдателей 2, лаборантовъ 6. Сверхштатныхъ преподавателей было 2: ординарный про-

фессоръ по каѳедрѣ физіологіи и экстраординарный профессоръ по минералогіи. Приватъ-доцентовъ было два: одинъ—по математикѣ другой—по каѳедрѣ уголовнаго права и уголовнаго судопроизводства. Вакантными были слѣдующія каѳедры: по историко-филологическому факультету—сравнительная грамматика славянскаго и другихъ родственныхъ языковъ, всеобщей литературы, древне-славянскаго и русскаго языковъ и исторіи русской словесности, изъ нихъ первая и послѣдняя—въ теченіе 1-го полугодія, вторая—въ теченіе всего года; по физико-математическому—агрономической химіи, физической географіи, математической физики и общей химіи, изъ нихъ первыя три-въ теченіе всего года, послѣдняя—во 2-мъ полугодіи; по юридическому—гражданскаго судоустройства и судопроизводства, въ теченіе всего года; по медицинскому—фармаціи и фармакогнозіи и судебной медицины—въ теченіе всего года, гигіены и медицинской полиціи—въ теченіе 2-го полугодія. Но изъ перечисленныхъ каѳедръ были вакантными собственно пять: исторіи всеобщей литературы, агрономической и общей химіи, физической географіи, гигіены и медицинской полиціи; остальныя же каѳедры были замѣщены или отдѣльными временными преподавателями, или преподавателями другихъ предметовъ.

Въ теченіе 1881 года факультеты Варшавскаго университета имѣли засѣданій: историко-филологическій факультетъ—12, изъ нихъ одно экстренное, физико-математическій—12, юридическій—10, медицинскій—19. Въ распредѣленіи предметовъ и порядкѣ преподаванія произошли слѣдующія измѣненія: на физико-математическомъ факультетѣ: а) для большей полноты преподаванія, студенты IV курса естественнаго отдѣленія слушали лекціи физіологіи человѣка совмѣстно со студентами медицинскаго факультета; анатомію излагалъ для тѣхъ же студентовъ особый профессоръ, въ прежнее же время эти предметы излагались однимъ профессоромъ; б) вслѣдствіе назначенія со 2-го полугодія втораго преподавателя по каѳедрѣ физики, на него возложено было преподаваніе математической и спеціальнаго курса физики, излагавшихся прежде въ меньшемъ объемѣ двумя профессорами; в) со 2-го же полугодія одинъ изъ приватъ-доцентовъ читалъ для студентовъ математическаго отдѣленія необязательный курсъ начертательной геометріи. На медицинскомъ факультетѣ: а) лекціи по теоретическому акушерству, излагавшіяся на III курсѣ, перенесены, вслѣдствіе многочисленности предметовъ, читаемыхъ на этомъ курсѣ, на IV курсъ; б) преподаваніе аналитической химіи фармацевтамъ было

поручено не преподавателю фармаціи, какъ прежде, а доценту по каѳедрѣ химіи, за особое вознагражденіе. Основаніемъ къ этой перемѣнѣ главнѣйше послужило то обстоятельство, что фармацевтамъ гораздо удобнѣе заниматься анализомъ въ обширной и надлежащимъ образомъ приспособленной химической лабораторіи, чѣмъ въ фармацевтической у профессора фармаціи, такъ какъ эта лабораторія постоянно занята студентами-медиками, изучающими аналитическую и медицинскую химію. Дабы еще лучше обставить преподаваніе аналитической химіи фармацевтамъ, преподавателю химіи назначенъ особый помощникъ лаборанта съ помѣсячною платою и ассигнована единовременно сумма на пріобрѣтеніе приборовъ и реактивовъ в). Каѳедра госпитальной терапевтической клиники замѣщена въ 1881 году штатнымъ преподавателемъ, и потому изложеніе этого предмета велось въ теченіе года нормальнымъ образомъ, тогда какъ въ предшествующіе годы эта каѳедра велась сначала профессоромъ факультетской терапевтической клиники, а потомъ профессоромъ діагностики, независимо отъ чтенія лекціи по своимъ каѳедрамъ, вслѣдствіе чего часы клиническаго преподаванія по необходимости должны были сократиться.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ занятіями ихъ приняты были слѣдующія мѣры и способы: По историко-филологическому факультету эти мѣры и способы состояли главнымъ образомъ въ практическихъ упражненіяхъ профессоровъ со студентами и въ письменныхъ работахъ послѣднихъ. Практическія занятія производились по исторіи русскаго языка, славянскимъ древностямъ, всеобщей исторіи и греческому языку, и заключались въ слѣдующемъ: профессоръ Смирновъ разбиралъ языкъ нѣкоторыхъ памятниковъ древне-русской письменности со студентами III—IV курсовъ славяно-русскаго отдѣленія; профессоръ Первольфъ читалъ со студентами выдержки изъ лѣтописей Козьмы Пражскаго, Мартина Галла, Титмара и Гельвальда, нѣкоторыя свидѣтельства о Славянахъ у Византійцевъ (Прокопія, Маврикія, Константина Багрянороднаго и друг.), древнѣйшія граматы польскія и чешскія, разные источники древне-хорватской исторіи (по сборнику Parkаго Documenta), народныя пѣсни и сказки Славянъ (по изданіямъ Караджича, Миладиновыхъ, Эрбена и друг.); профессоръ Павинскій объяснялъ со студентами III и IV курсовъ историческаго отдѣленія Monumentum Ioannes Ostrorogu (XV стол.); профессоръ Карѣевъ разбиралъ французскую исторіографію, причемъ студенты составляли

рефераты на основаніи сочиненій Токвиля (L' ancien règime et la révolution), и Тэна (Les origines de la France contemporaine); профессоръ Мѣржинскій разбиралъ со студентами III курса значеніе и употребленіе греческихъ наклоненій сравнительно съ другими языками, особенно латинскимъ и русскимъ. Что касается письменныхъ упражненій, то по установленнымъ правиламъ, каждый студентъ обязанъ былъ представить одну письменную курсовую работу; не представившій оной не удостоивался перевода въ высшій курсъ. Такія работы представлены были по греческому языку и словесности, по исторіи русской литературы, славянской филологіи, русской исторіи и всеобщей исторіи. На физико-математическомъ факультетѣ отъ студентовъ не требуются ежегодныя письменныя работы обязательно, на томъ основаніи, что студенты-математики младшихъ курсовъ слушаютъ только общіе курсы наукъ, не могущіе имъ дать темъ для самостоятельныхъ разработокъ, а студенты старшихъ курсовъ и безъ того весьма обременены лекціонными занятіями по многочисленнымъ предметамъ; студенты же естественнаго отдѣленія почти все свободное отъ лекціонныхъ занятій время проводятъ въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, занимаясь тамъ практически наблюденіями и изслѣдованіями, результатомъ коихъ появляются иногда замѣчательныя письменныя работы, составляющія вкладъ въ науку; но опредѣлить годичный срокъ для этихъ работъ, очевидно, невозможно, такъ какъ изслѣдованія и наблюденія могутъ продолжаться въ теченіе всего университетскаго курса, а иногда и долѣе. Практическія же занятія производились какъ математиками, такъ и естественниками. Такъ, профессоръ астрономіи предлагалъ студентамъ задачи для вычисленій, а лекціи по практической астрономіи сопровождались практическими занятіями студентовъ на астрономической обсерваторіи. Для той-же цѣли на дворѣ обсерваторіи были построены двѣ астрономическія будки, но занятія въ нихъ студентовъ имѣлось въ виду организовать лишь въ 1882 году. Сверхъ того, для астрономической обсерваторіи пріобрѣтенъ универсальный инструментъ превосходнаго достоинства по цѣлесообразности и простотѣ своего устройства и по даваемымъ результатамъ, а также самопишущіе барометръ и термометръ съ электрическими часами. Въ ботаническомъ кабинетѣ студенты-естественники II, III и IV курсовъ занимались обязательно, по 2 часа въ недѣлю, подъ руководствомъ профессора, морфологическимъ и систематическимъ изслѣдованіемъ двудольныхъ грибовъ. Желающіе изъ студентовъ занимались въ кабинетѣ ежедневно изслѣдованіями живыхъ

растеній и гербарныхъ. Лекціи, какъ для естественниковъ, такъ и для медиковъ и фармацевтовъ, демонстрировались препаратами растеній въ ботаническомъ кабинетѣ и живыми растеніями въ ботаническомъ саду. Кромѣ того, подъ руководствомъ ассистента при ботаническомъ кабинетѣ, студенты предпринимали ботаническія экскурсіи въ окрестностяхъ Варшавы. Въ ботанической лабораторіи студенты II курса занимались микроскопическими изслѣдованіями по три часа въ недѣлю. Нѣсколько студентовъ I курса работали ежедневно, знакомясь съ пріемами микроскопическаго изслѣдованія и изучая морфологію клѣтки. Двое студентовъ III курса занимались изслѣдованіемъ водорослей окрестностей Варшавы. Окончившій курсъ Драммеръ производилъ эксперименты съ цѣлію разрѣшить вопросъ о дыханіи растеній въ закиси азота. Завѣдующій лабораторіею профессоръ производилъ изслѣдованіе по вопросу о зависимости дыханія отъ количества углеводовъ въ растеніи. Въ 1881 году для ботанической лабораторіи пріобрѣтено много разныхъ приборовъ, необходимыхъ для экспериментальнаго изложенія физіологіи растеній, такъ что явилась уже возможность демонстрировать студентамъ по крайней мѣрѣ главнѣйшія жизненныя отправленія растеній и знакомить ихъ съ новыми методами изслѣдованія. Въ зоотомической лабораторіи многіе студенты II, III и IV курсовъ работали ежедневно, подъ личнымъ наблюденіемъ профессора, занимаясь спеціальными научными изслѣдованіями, результатомъ коихъ явилось уже въ печати сочиненіе студента Нуссбаума „Объ отношеніи плавательнаго пузыря къ уху у карповыхъ рыбъ“. Точно также въ зоологической лабораторіи студенты почти ежедневно занимались въ свободное отъ лекцій время подъ руководствомъ профессора. Въ физическомъ кабинетѣ студенты III и IV курсовъ занимались подъ руководствомъ профессора, по 3 часа въ недѣлю, изученіемъ основныхъ экспериментальныхъ методовъ изслѣдованія, а нѣкоторые студенты начали спеціальные научныя работы, для чего пріобрѣтены разные приборы и аппараты. При физическомъ кабинетѣ устроена вновь лабораторія, въ которой съ 1882 года имѣютъ быть организованы спеціальныя работы по электрометріи и гальванометріи подъ руководствомъ доцента. Въ минералогическо-геогностическомъ кабинетѣ студенты занимались практическими изслѣдованіями по кристаллографіи и минералогіи и микроскопическими по минералогіи и петрографіи; кромѣ того студенты I курса медицинскаго факультета упражнялись по минералогіи, а студенты-естественники III и IV курсовъ—по зоологіи. При кабинетѣ вновь устроена

лабораторія для химическихъ, экспериментальныхъ и микроскопическихъ работъ, пріобрѣтены для оптическаго изслѣдованія кристалловъ нѣкоторые аппараты и приборы, пополнены нѣкоторыя коллекціи и положено основаніе библіотекѣ справочныхъ книгъ. Въ химической лабораторіи, кромѣ обычныхъ упражненій въ качественномъ и количественномъ анализѣ и приготовленія препаратовъ, студенты занимались изслѣдованіемъ надъ дѣйствіемъ цинкотила на нитробензолъ, изслѣдованіемъ спектра поглощенія нѣкоторыхъ органическихъ соединеній и изслѣдованіемъ дѣйствія цинкотила на хлористый фталилъ. Въ лабораторіи технической химіи студенты занимались, въ свободное отъ лекцій время, анализомъ техническихъ продуктовъ. Независимо отъ вышеозначенныхъ занятій, профессоръ Бабчинскій производилъ со студентами-математиками II и III курсовъ практическія упражненія въ механикѣ по 2 часа въ недѣлю, а приватъ-доцентъ Баранецкій упражнялъ студентовъ II курса того же отдѣленія въ анализѣ тоже по 2 часа въ недѣлю. На юридическомъ факультетѣ мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ состояли главнымъ образомъ въ письменныхъ упражненіяхъ. По установившимся правиламъ, каждый изъ студентовъ обязанъ былъ избрать одинъ изъ факультетскихъ предметовъ его курса, и въ теченіе года представить по этому предмету письменную работу на тему, одобренную преподавателемъ. Независимо отъ этихъ работъ, нѣкоторыми студентами представлены были медальныя сочиненія и на денежныя преміи. На медицинскомъ факультетѣ всѣ лекціонныя занятія студентовъ состояли главнымъ образомъ въ практической ихъ дѣятельности въ кабинетахъ, клиникахъ и лабораторіяхъ. Благодаря тому обстоятельству, что съ 1880 года Варшавскому университету предоставлено право пользоваться всею суммою сбора за слушаніе лекцій, въ 1881 году, кромѣ увеличенія бюджетовъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій и пріобрѣтенія для нихъ сложныхъ приборовъ и снарядовъ, вновь устроена лабораторія при факультетской терапевтической клиникѣ для спеціальныхъ клиническихъ изслѣдованій. Съ цѣлію же усиленія учебной дѣятельности студентовъ, увеличено число часовъ преподаванія по фармакологіи и рецептурѣ и введены вечернія практическія занятія студентовъ V курса по оперативной хирургіи и по частной топографической анатоміи. Къ сожалѣнію, университету и въ 1881 году не удалось еще открыть офталмологическую клинику, закрытую еще въ 1873 году Варшавскимъ городскимъ совѣтомъ общественнаго призрѣнія; но въ этомъ отношеніи начаты уже переговоры съ мѣстною

больницею Младенца Іисуса, изъявившею согласіе отвести для офталмологической клиники двѣ палаты.

За представленныя на заданныя факультетами темы сочиненія слѣдующіе студенты удостоены награды медалями: золотыми—историко-филологическаго факультета Іерон. Лопацинскій, физико-математическаго Генр. Мерчингъ; юридическаго Волесл. Водзинскій и Генр. Коницъ, медицинскаго Як. Путерманъ; серебряными—историко-филологическаго факультета Конст. Домбровскій, физико-математическаго Мансветъ Цемневскій и Бонифац. Черскій, юридическаго Вацл. Вильчинскій, Адамъ Якубовскій и Гавр. Любомудровъ, медицинскаго Евстафій Ціонглинскій. За такія же сочиненія удостоены почетныхъ отзывовъ студенты: историко-филологическаго факультета Ив. Паевскій, юридическаго Ант. Пясковскій и Станисл. Жеромскій. Лица эти представили слѣдующія сочиненія: Мерчингъ—„О методахъ опредѣленія длины свѣтовыхъ волнъ", Лопацинскій, Домбровскій и Паевскій „Характеристика дѣйствующихъ лицъ въ комедіяхъ Теренція", Водзинскій — „Объ эмфитевтическомъ правѣ въ историческомъ развитіи и о соотвѣтствующихъ этому праву отношеніяхъ по дѣйствующимъ европейскимъ законодательствамъ", Коницъ и Любомудровъ—„Гминное управленіе въ Царствѣ Польскомъ по указамъ 1864 года въ сравненіи съ гминнымъ управленіемъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ", Путерманъ—„Проба барабанной полости Вендтъ-Вредена", Цемневскій — „Способы преобразованія, приведенія и вычисленія многократныхъ интеграловъ", Черскій — „Изслѣдованіе уравненія движенія жидкостей, не обращая вниманія на треніе, въ предположеніи, что не существуетъ потенціальная функція скорости", Вильчинскій и Пясковскій—„Воззрѣнія позитивистовъ на право", Якубовскій и Жеромскій — „Мошенничество и подлогъ, по теоріи и по новѣйшимъ законодательствамъ, а особенно по уложенію 1866 года", Ціонглинскій — „Симптоматологія неправильностей menstruorum". Сверхъ наградъ медалями и почетными отзывами, нѣкоторымъ изъ студентовъ, за представленныя ими сочиненія, по опредѣленію совѣта, выданы были денежныя преміи изъ спеціальныхъ средствъ университета. Такихъ премій выдано было: на историко-филологическомъ факультетѣ 17, на физико-математическомъ 4, на юридическомъ 9, на медицинскомъ 6, всего—36. Размѣръ премій отъ 10 руб. до 100 руб. включительно. Нѣкоторые изъ студентовъ получили по двѣ преміи.

Профессоры, преподаватели и другія лица вѣдомства Варшавскаго университета издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе

учено-литературные труды: а) въ изданіяхъ университета: профессоры: Макушевъ—отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границею, Павинскій—„О слѣдахъ человѣка въ третичной формаціи", Будиловичъ—„Курсъ церковно-славянской грамматики", Карѣевъ—„Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра", Трейдосевичъ—„О разнообразіи геологической почвы Царства Польскаго"; студенты-стипендіаты: Вржбовскій и Кіенскій—отчеты о научныхъ занятіяхъ за границею; студенты: Нуссбаумъ—„Объ отношеніи уха къ плавательному пузырю у карповыхъ рыбъ" и Дьячанъ—„Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ до измѣненій ихъ государственнаго устройства въ XIV и XV вѣкахъ"; б) въ другихъ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльно: профессоръ Благовѣщенскій напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія рецензію сочиненія Нагуевскаго „Римская сатира и Ювеналъ", профессоры: Струве напечаталъ „Жизнь и труды Іосифа Кремера и послѣдній (XII) томъ его сочиненій", и помѣстилъ: въ Bibliotеka Warszawska—„Оцѣнка психологической дѣятельности Стрюмпеля", въ газетѣ Wiek—„Саломонъ Маймонъ, философъ изъ школы Канта" и въ Philosophische Monatshefte—„Психологія морали", Мѣржинскій помѣстилъ въ журналѣ Tygodnik illustrowany статью „Гермесъ Праксителъ"; Будиловичъ издалъ 1-й выпускъ II тома труда „Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ" и въ газетѣ Русь помѣстилъ вступительную рѣчь, читанную въ Варшавскомъ университетѣ; Смирновъ издавалъ Русско-филологическій Вѣстникъ, Макушевъ напечаталъ: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—разборъ сочиненія Березина „Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница", „О нѣкоторыхъ трудахъ историческаго отдѣла Краковской академіи наукъ", „О трудахъ филологическаго отдѣла Краковской академіи наукъ съ ея основанія по 1881 годъ" и „Великорусскія сказанія XVI вѣка въ рукописи библіотеки въ Львовѣ", въ журналѣ Русская Мысль—„Новый польскій учено-литературный журналъ Muzeum", въ Русскомъ филологическомъ Вѣстникѣ—„Рукопись сербскаго деспота Стефана Лазаревича 1421 г." и „О нѣкоторыхъ рукописяхъ народной библіотеки въ Бѣлградѣ", въ газетѣ Русь—„Письма о Галиціи", въ изданіи Сербскаго ученаго Общества въ Бѣлградѣ — „Monumenta historica Slavorum meridionalium"; Первольфъ помѣстилъ въ журнулѣ Osvéta статью Palácі a Rusini; Павинскій издалъ отдѣльно: „Skazbawosc w Polsce i jejdzieje za Stefana Batorego", „Księgi podskarbinskie z czasow Stefana Batorego"

„Portugalia-Lizty z podröży" и „Hiszpania" и напечаталъ въ Revue historique—„Bulletin historique"; Карѣевъ помѣстилъ: въ журналѣ Русская Мысль—двѣ рецензіи на книги: Jung'a—„Napoléon et son temps" и Соколова—„Объ отношеніи протестантизма къ Россіи" и въ Юридическомъ Вѣстникѣ—„О борьбѣ шляхты съ духовенствомъ въ Польшѣ въ XVI вѣкѣ"; Дьячанъ напечаталъ „Основы и времена греческихъ неправильныхъ глаголовъ" и помѣстилъ въ Варшавскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ двѣ рѣчи при отпѣваніи профессоровъ Левитскаго и Колосова"; Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ издалъ: „Delectus seminum horti botan. Varsoviensii" и литографированный курсъ органографіи и систематики растеній, и напечаталъ въ Запискахъ Московскаго Общества испытателей природы „Beitrag zur Kenntniss der Planerogamen-Flora des Gouvern. Moskau"; Вржесніовскій помѣстилъ въ Физіографической Памятной книжкѣ статью "Goplana polonica"; Егоровъ напечаталъ въ Comptes rendus des séances de l'Académie des sciences двѣ статьи: „Recherches sur les raies telluriques" и „Recherches sur le spectre de l'atmosphère terrestre, faites a l'Observatoire de Paris"; независимо отъ сего: а) производилъ на Парижской обсерваторіи спектральные изслѣдованія надъ атмосфернымъ воздухомъ въ слоѣ 10 ти километровъ между обсерваторіею и фортомъ Монъ-Валерьенъ и б) организовалъ, при содѣйствіи Русскаго физико-химическаго Общества С.-Петербургскаго университета, систематическія спектральныя изслѣдованія земной атмосферы между Кронштадтомъ и Ораніенбаумомъ; Трейдосевичъ издалъ: „Лекціи по минералогіи" съ атласомъ и „Очеркъ геологіи" и помѣстилъ въ изданіи Pamiętnik fizjograficzny статью „О залеганіи сармацкаго и верхнесредиземнаго ярусовъ міоценовой формаціи въ Люблинской губерніи"; Кашница напечаталъ статьи: въ Варшавскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ—отзывъ о сочиненіи Н. Чижова „Элементы понятія права" и въ журналѣ Niwa—„Nasze wykstatcenie polityczne", „Tak zwany oportunizm w polityce" и „Centralizacya w państwie tegoczesnem"; всѣ четыре статьи изданы и отдѣльно; Будзинскій помѣстилъ въ журналѣ Gazeta Sądowa три статьи: „O porwaniu Kobiety", „O porwaniu nieletnich" и „O nieprawem pozbawieniu"; Симоненко издалъ „Экономическое статистическое описаніе районовъ семи желѣзныхъ дорогъ, изслѣдованныхъ Варшавскою подкоммиссіею для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи"; Микляшевскій издалъ: „Iurisprudencya senatu rządzącego. Wyciagi wyroków Kassacyjnych departamentu Kryminalnego z roku 1877", и „Sprawa Stanistawa Hi-

szpanskiego ostarzonego o zabojstwo lekarza Aleksegò Kurcjusza“ и „Zbior prawi rozporzadzen rządowych w Królestwie Polskiem obowiązujących, zamieszczonych w urzedowem wydaniu p. t. „Собраніе узаконеній и распоряженій правительства z. v. 1881“, и помѣстилъ статьи: въ Gazeta Sądowa Warszawska—„Jurisprudencya Senatu rządzącego“, „Wyciągiz z wyroków Kassacyjnych“, „Sprawa K. Krupskiego o naduzycie wtadzy oskarzonego“, „Przegląd bibliograficzny“, „Studzieniec“, „Sprawozdanie sadu Okręgowego Warszauskiego za 1880 r.“, „Czasopismo prawne“, въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права—„Обозрѣніе польской юридической литературы за 1874—1877 г., преимущественно по уголовному праву“, „Первый съѣздъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній“, „Пятидесятилѣтній юбилей профессора С. И. Баршева“; Окольскій издалъ II томъ сочиненія: „Wyktad prawa administracyjnego oraz prawa administracyjnego obowiązującego w Królestwie Polskiem“; Дыдынскій напечаталъ „Prawo rolne w starozytnym Rzymie“; Самоквасовъ напечаталъ въ Извѣстіяхъ Московскаго Общества любителей естествознанія статью „Вещественные памятники Малороссіи и прочиталъ на Тифлисскомъ съѣздѣ археологовъ и въ Московскомъ археологическомъ Обществѣ три реферата: о народности Склоровъ, о раскопкахъ въ Терской области и о памятникахъ Склорской эпохи въ южной Россіи; Ламбль помѣстилъ статьи: въ Centralblatt für Gynaekologie—„Primitive Spondylotysis und deren Verhältniss zur Steatopyga an der hottentotischen Venus“ и „Ein seltener Fall von Hydramnios“, въ Gazeta lekarska—„Haematographia clinica“ и „Inwaginatio chronica jejuni, polipis provocata“, въ Варшавскомъ Дневникѣ - „Мнѣніе о диссертаціи Дунина „Патологическія изслѣдованія надъ воспаленіемъ почекъ“, въ сочиненій Ф. Нейгебауера о Spondylolisthesis—„Beschreibung eines Spondylolisthetischen Berkass ans Moskau“, „Ein Fall von pathologischer Lendenlordose„ и „Ein Fall von Hydrorrhashis lumbosanulis ohne Wirbelspatte“, въ Протоколахъ Варшавскаго окружнаго суда—судебно-медицинское изслѣдованіе и мнѣніе о свойствѣ ранъ, найденныхъ на головѣ Шмерка Райценштейна при случаѣ покражи 150.000 руб. въ банкирской конторѣ, и мнѣніе о душевномъ состояніи и умственныхъ способностяхъ одного лица, обвиняемаго въ нанесеніи ранъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ смерть потерпѣвшаго; Косинскій напечаталъ въ Gazeta Lekarska статью „O wewnętrznem nacięciu cewki moczowqej; Поповъ помѣстилъ въ Варшавскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ статью „О значеніи клиническаго преподаванія вообще и сравни-

тельно съ патологическимъ экспериментомъ въ особенности"; Чаусовъ напечаталъ въ Работахъ, произведенныхъ въ лабораторіяхъ медицинскаго факультета Варшавскаго университета, статью подъ заглавіемъ „Результаты изслѣдованій по вопросу о глубокихъ мышцахъ передней промежности и собственныхъ фасціяхъ этой области". Лекторъ Прянборовскій помѣстилъ въ журналѣ Przegląd bibliograficzno-archeologiczny статьи: „O wydaniu Krakowskiem dzicta Iana z Turrekrematy Explanatis in Psalterium", „Przyczynek do numizmatyki Piastow", „Kilka stow w sprawie mennicy, Lobzemckiej", „Opisanie pięciu wydań Spiecia z XVI wieku". Астрономъ-наблюдатель Ковальчикъ напечаталъ статьи въ Astronomische Nachrichten—„Meridianbeobachtungen des grossen Cometen 1881", въ Берлинскомъ астрономическомъ календарѣ—„Jahresephemeriden der Planeten. Hesperia und Thisbe für 1882" и въ изданіи Pamiętnik fizjograficzny—„O spostrzeniach meteorologicznych w Warszawie". Доценты: Соколовъ напечаталъ свою работу о гальванической поляризаціи электродовъ и помѣстилъ въ Journal de Physique статью „sur la polarisation singulière des electrodes", Блокъ помѣстилъ въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права статью „Новое нравственно-юридическое міросозерцаніе". Нейгебауеръ напечаталъ статьи: въ Tageblatt der 53 Versammlung deutscher Naturforscher und Aertzte in Danzig—„Bemerkungen über die Sacralgeschwulst des bekannten Böhmenmädohans Auna Prenesil und die ähnliche Geschwulst einer russischen Knaben mit Bezugnahme auf das Schliewener Kind, von D-r Ludwig Neugebauer", въ Compte — rendu du Congrès pèriodique international des sciences mèdicales — Ueber die Blasencheidenfisteloperation und über Elytorrhaphia mediana, von Dr. Ludwig Neugebauer„ и въ Centralblatt für Gynäkologie — „Einige Worte über die mediane Vaginalnacht als Mittel zur Beseitigang des Gebärmutter vorfalls von D-r E. A. Neugebauer"; Тауберъ помѣстилъ въ газетѣ Врачъ двѣ статьи: „Объ удаленіи раковаго новообразованія на основаніи языка посредствомъ остеопластической резекціи нижней челюсти„ и „О клиническомъ преподаваніи въ Вюрцбургскомъ университетѣ". Прозекторъ Пржевоскій напечаталъ во Врачебной Газетѣ четыре реферата: „Гинекомастія", „Одна изъ послѣдовательныхъ болѣзней послѣ брюшнаго тифа", „О сотрясеніяхъ разныхъ частей нервной системы и другихъ органовъ" и „Новый примѣръ болѣе значительнаго отдѣленія молока у мужчинъ". Помощники прозектора: Эльзенбергъ помѣстилъ: въ Мемуарахъ Общества врачей въ Варшавѣ—„Анатомія

измѣненія слюнныхъ железъ при бѣшенствѣ у собаки и человѣка", и въ Gazeta lekarska—„Случай Anaemiae perniciosae progressiwae" и „Zmiany slinianek pod wptywem pilokarpiny"; Нуссбаумъ напечаталъ въ Работахъ, произведенныхъ въ лабораторіяхъ медицинскаго факультета Варшавскаго университета, статью „Къ физіологическому антагонизму ядовъ". Лаборанты: Слюсарскій издалъ отдѣльно „O gtowach tura znalezivnych w Krolestwie Polskiem" и помѣстилъ въ Pamietnik fizjograficzny двѣ статьи: „Mieczaki nagie и Nowy gatunek Helix Lubomirski"; Знатовичъ напечаталъ въ Pamiętnik fizjograficzny анализы нѣсколькихъ скалъ; Крамштыкъ помѣстилъ въ Gazeta Lekarska статью „О питательномъ достоинствѣ пептоновъ и вообще о практическомъ значеніи питанія посредствомъ клистировъ. Ординары клиникъ; Ясинскій напечаталъ въ томъ же изданіи двѣ статьи: „Luxatio coxae congenita duplex" и „Sprowozdanie ze zjazdu międzynarodowego w Londynie"; Бейеръ помѣстилъ въ Gazeta Lekarska статью „Случай Anaemiae perniciosae progressiwae„; Пацановскій напечаталъ статьи: въ Gazeta Lekarska—„Przycznik do rozpoznawania guzów bruszych", въ Kronika Lekarska—многочисленные отчеты изъ медицинскихъ работъ. Публичные лекціи читалъ одинъ только профессоръ Трейдосевичъ—„О каменноугольномъ образованіи".

Совѣтъ Варшавскаго университета имѣлъ въ теченіе года 15 засѣданій, изъ коихъ одно экстренное. Измѣненій по раздѣленію факультетовъ на отдѣленія, соединенію каѳедръ и замѣнѣ однихъ изъ нихъ другими не было. Относительно же раздѣленія каѳедръ произведены были слѣдующія измѣненія, въ видахъ усиленія учебной дѣятельности студентовъ и полноты преподаванія: Каѳедра химія имѣетъ въ Варшавскомъ университетѣ только одного представителя. При обширности этого предмета, одному преподавателю невозможно изложить его съ надлежащей полнотой. Поэтому чтеніе лекцій по общему курсу химіи поручено было доценту по каѳедрѣ технической химіи. Точно также, по невозможности одному профессору изложить весь курсъ анатоміи человѣка, прозектору при каѳедрѣ патологической анатоміи, сверхъ исполненія имъ прямыхъ своихъ обязанностей, поручено было чтеніе лекцій по отдѣламъ анатоміи—сѣланхпологіи и эстезіологіи. Младшему астроному-наблюдателю поручено было чтеніе лекцій по сферической астрономіи, вслѣдствіе того, что преподаваніе всѣхъ отдѣловъ астрономіи и геодезіи весьма обременительно для одного профессора. Наконецъ, сверхштатному профессору по ка-

ѳедрѣ геологіи и палеонтологіи поручено было, сверхъ непосредственныхъ его обязанностей, чтеніе лекцій минералогіи для студентовъ I курса медицинскаго факультета и фармацевтовъ. По всѣмъ означеннымъ каѳедрамъ слѣдовало бы имѣть для пользы дѣла по нѣсколько штатныхъ преподавателей. Но это оказывается невозможнымъ вслѣдствіе уменьшенія штата личнаго состава Варшавскаго университета сравнительно съ штатами другихъ такихъ университетовъ на 10 профессоровъ и 9 доцентовъ.—Въ правилахъ объ испытаніяхъ студентовъ произведены были слѣдующія измѣненія: а) студентамъ, получившимъ на экзаменахъ по одному предмету неудовлетворительную отмѣтку, дозволено продолжать экзаменъ по другимъ предметамъ, съ правомъ подвергнуться до или послѣ каникулъ переэкзаменовкѣ только по тому предмету, по которому получена неудовлетворительная отмѣтка; б) отмѣнены контрольныя испытанія, производившіеся въ первыхъ числахъ декабря, и в) отсроченъ студентамъ взносъ платы за слушеніе лекцій: въ первомъ полугодіи—по 1-е декабря, во второмъ—по 1-е мая. Сдѣланы также нѣкоторыя измѣненія въ правилахъ о назначеніи студентамъ медалей, наградъ, стипендій и единовременныхъ пособій и въ правилахъ о взиманіи платы за слушаніе лекцій.

Удостоены ученыхъ степеней и званій: доктора медицины—лекари Дунинъ и Эльзенбергъ, степени магистра: кандидатъ Чижовъ—государственнаго права и провизоръ Классовскій—фармаціи. Утверждено: въ степени кандидата 22 (по историко-филологическому факультету 1, по физико-математическому 4, по юридическому 17), въ званіи дѣйствительнаго студента 20 (по историко-филологическому факультету 2, по физико-математическому 2, по юридическому 16), въ званіи землемѣра: 1-го класса—7, 2-го класса—4; въ медицинскихъ степеняхъ утверждено: въ степени лекаря 27 (10 съ отличіемъ), провизора фармаціи 24, аптекарскаго помощника 27, дендиста 4, повивальной бабки 21 (7 съ отличіемъ).—Для приготовленія къ профессорской дѣятельности оставлены были при университетѣ четыре кандидата: Лагодовскій—по славянской филологіи, Ренкавекъ—по чистой математикѣ, Любомудровъ—по финансовому праву, Кіеньскій—по исторіи польскаго права и политической экономіи. Сверхъ того, продолжали состоять стипендіатами оставленные при университетѣ въ прежніе годы: кандидатъ Стемпковскій—по греческой словесности, кандидатъ Аѳанасьевъ—по исторіи славянскихъ законодательствъ и лекарь Розенталь—по нервнымъ болѣзнямъ; изъ нихъ Аѳанасьевъ

командированъ былъ на полгода за границу, именно въ Прагу, для ознакомленія съ нѣкоторыми документами по исторіи чешскаго права. Наконецъ, находящійся въ заграничныхъ командировкахъ съ 1875 года кандидатъ Вержбовскій оставленъ былъ за границею и на 1881 годъ для собранія матеріаловъ по русской и польской исторіи въ архивахъ Рима, Неаполя, Вѣны и Кракова. Содержаніе Вержбовкій получаетъ изъ капитала, пожертвованнаго по записи частнаго лица.

Нѣкоторые изъ преподавателей Варшавскаго университета командированы были въ 1881 году съ ученою цѣлію: а) за границу—профессоры: Егоровъ—въ Парижъ, на международную электрическую выставку и конгрессъ электрологовъ; въ бытность въ Парижѣ онъ производилъ изслѣдованія при помощи электрическаго свѣта между Парижской обсерваторіей и фортомъ Монъ-Валерьенъ; Ришави—для ознакомленія съ преподаваніемъ ботаники и устройствомъ ботаническихъ институтовъ въ Вюрцбургѣ, Бреславлѣ, Страсбургѣ, Вѣнѣ и Лейпцигѣ, а также для разработки матеріаловъ, собранныхъ имъ по флорѣ водорослей Чернаго моря; Бялэцкій—для пополненія матеріала по изготовляемому имъ курсу международнаго права, Чаусовъ—для осмотра анатомическихъ музеевъ и ознакомленія съ новѣйшими способами изслѣдованій, Поповъ—для ознакомленія съ устройствомъ клиникъ и госпиталей, Лучкевичъ—для ознакомленія съ устройствомъ и трудами институтовъ экспериментальной патологіи, доцентъ Любовичъ—для ознакомленія съ рукописнымъ матеріаломъ, хранящимся въ библіотекахъ Данцига, Бреславля, Кенигсберга, Кракова и Львова, имѣющимъ большое значеніе для его диссертаціи „Польскіе раціоналисты XVI столѣтія, кальвинисты, антитринитаріи“; лаборантъ Дзевульскій—для научныхъ занятій въ физическомъ институтѣ профессора Берлинскаго университета Гельмгольца; б) внутри Россіи—профессоры: Никитскій и Самоквасовъ—въ Тифлисъ, на бывшій тамъ археологическій съѣздъ, Егоровъ—въ С.-Петербургъ, для продолженія изслѣдованій о поглощеніи солнечныхъ лучей земной атмосферы, доцентъ Гемиліанъ—въ нѣкоторыя фабричныя мѣстности Привислянскаго края, для изученія совмѣстно со студентами естественнаго отдѣленія различныхъ производствъ на мѣстѣ.

Денежныя средства Варшавскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы: отъ 1880 года оставалось 20,395 руб. 51 коп., въ 1881 году ассигновано изъ государственнаго казначейства на содержаніе университета 253,107 руб. 78 коп. (на содержаніе личнаго состава 192,180 руб., на учебныя пособія, хо-

зяйственные и другіе расходы 41,611 руб. 28 коп., на добавочное жалованье за выслугу узаконенныхъ лѣтъ въ Царствѣ Польскомъ 6,786 руб. 50 коп., въ пособіе на изданіе журнала Русскій Филологическій Вѣстникъ 500 руб., въ пособіе профессору Самоквасову для изслѣдованія древнихъ земляныхъ насыпей и изданія результатовъ этихъ трудовъ 500 руб., на содержаніе Варшавской фельдшерской школы 1,025 руб., на стипендіи 30 студентамъ русскаго происхожденія 10,500 руб.), израсходовано въ теченіе года 257,505 руб. 35 коп., затѣмъ къ 1-му января 1882 года имѣлось на лицо 15,997 руб. 94 коп.; б) сбора за слушаніе лекцій: остатка къ 1-му января 1881 года было 10,643 руб. 22 коп., въ теченіе года поступило 37,540 руб., въ тотъ же срокъ израсходовано 40,698 руб., къ 1-му января 1882 года оставалось на лицо 7,484 руб. 56 коп. Изъ сбора за слушаніе лекцій главнѣйшіе расходы были слѣдующіе: на содержаніе и устройство учебно-вспомогательныхъ учрежденій 8,611 руб., на пособія и стипендіи студентамъ 7,367 руб., на добавочное къ штатному содержанію жалованье профессорамъ и другимъ лицамъ 3,852 руб.. на канцелярскіе расходы и на разное печатаніе (Университетскія Извѣстія, ученые труды преподавателей и проч. 3,395 руб., на вознагражденіе профессоровъ и другихъ преподавателей 2,847 руб., на командировки преподавателей съ ученою цѣлію 2,700 руб., на жалованье и плату сверхштатнымъ служащимъ 2,694 руб. на содержаніе оставленныхъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ кандидатовъ и лекарей 2,500 руб., на пособія и награды служащимъ 1,262 руб., на преміи и награды студентамъ 1,010 руб.

Студентовъ къ 1-му января 1881 года состояло 792, въ теченіе 1881 года вновь прибыло 354 (328 изъ гимназій, 26 изъ другихъ учебныхъ заведеній), въ теченіе года выбыло 143 (59 до окончанія курса, 84 по окончаніи курса), затѣмъ къ 1-му января 1882 года оставалось на лицо 1,003. Вольнослушателей къ началу 1881 года было 198, въ 1881 году поступило 64 (43 изъ гимназій, 2 изъ духовныхъ семинарій, 19 изъ другихъ учебныхъ заведеній), выбыло 128 (50 до окончанія курса, 78 по окончаніи курса), къ началу 1882 года на лицо оставалось 6134. Состоявшіе къ 1-му января 1882 года 1003 студента распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 42, на физико-математическомъ—163, на юридическомъ—289, на медицинскомъ—509; б) по курсамъ: на I курсѣ 407, на II—248, на III—172, на IV—141, на V—35; в) по вѣроисповѣданіямъ: православ-

ныхъ 99, греко-уніатовъ 2, римско-католиковъ 710, лютеранъ-реформатовъ 30, евреевъ 161, магометанъ 1; г) по состояніямъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 626, духовнаго званія 42, почетныхъ гражданъ и купцовъ 24, мѣщанъ и разночинцевъ 268, крестьянъ 30, иностранныхъ подданныхъ 13); д) по предварительному образованію: гимназистовъ 959, семинаристовъ 32, изъ другихъ учебныхъ заведеній 12; е) по учебнымъ округамъ, въ предѣлахъ которыхъ находятся заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго 7, Московскаго 13, Казанскаго 3, Оренбургскаго 1, Сибири 1, Харьковскаго 11, Одесскаго 8, Кіевскаго 60, Виленскаго 61, Варшавскаго 831, Дерптскаго 14, Кавказскаго 2, изъ заграничныхъ заведеній 1. Изъ общаго числа студентовъ переведено изъ курса въ курсъ и окончили полный курсъ: на историко-филологическомъ факультетѣ изъ бывшихъ 33 студентовъ 29, на физико-математическомъ изъ 129-ти 89, на юридическомъ изъ 232-хъ 199, на медицинскомъ изъ 380-ти 337. Изъ бывшихъ къ 1-му января 1882 года 1.003 студентовъ стипендіями пользовались 164, всего на сумму 32.648 руб. 84 коп., въ томъ числѣ изъ суммъ казны 10.500 руб., отъ разныхъ вѣдомствъ 6.004 руб., изъ пожертвованныхъ капиталовъ 10.744 руб. 84 коп., изъ суммы сбора за слушаніе лекцій 5.400 руб.; размѣръ стипендій—отъ 50 руб. до 400 руб. включительно. Пособія выданы были 389 студентамъ въ количествѣ 13.061 руб. 75 коп. Освобождено было отъ платы: въ первомъ полугодіи 79, во второмъ—103, что̀ составляетъ 10% бывшаго въ полугодія общаго числа студентовъ. Общая сумма всѣхъ способовъ вспомоществованія студентамъ, включая 4.550 руб. отъ освобожденія отъ платы, составляетъ 50.260 руб. 59 коп. Въ теченіе года лишены были стипендій, въ виду того, что другіе студенты получили лучшія отмѣтки на переходныхъ испытаніяхъ: на физико-математическомъ факультетѣ одинъ, на юридическомъ—четыре, на медицинскомъ—шесть студентовъ.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Варшавскаго университета находились къ 1-му января 1882 года въ слѣдующемъ положеніи: Въ университетской библіотекѣ имѣлось: книгъ русскихъ и иностранныхъ 182.073 названія 331.350 томовъ, періодическихъ изданій 9.282 названія 24.537 томовъ, рукописей 1.303 названія, картъ, рисунковъ, портретовъ, нотъ и проч. 6.170 названій, всего 363.250 томовъ на сумму 228.369 руб. Изъ библіотеки выдано было 118 лицамъ 1.324 названія книгъ въ 8.587 томахъ; въ состоящую при

библіотекѣ читальню поступило 466 требованій, по которымъ выдано 2.212 названій книгъ въ 3.455 томахъ. Учрежденная при университетѣ библіотечная коммиссія, кромѣ обычныхъ своихъ занятій по составленію описей библіотечнаго имущества, контролированія дѣлопроизводства и надзору за правильнымъ пользованіемъ библіотекою, въ 1881 году приступила къ составленію неподвижнаго систематическаго каталога библіотеки. По конецъ года написано каталога по юридическому отдѣлу буквы A, B, C, D. E, по медицинскому—A, B, C, при чемъ карточки книгъ алфавитнаго каталога свѣрялись съ заглавіями книгъ; вновь поступающія книги вносятся уже въ систематическій каталогъ. Въ студентской читальнѣ: книгъ 7.009 названій 11.218 томовъ, періодическихъ изданій 54 названія 175 томовъ, атласовъ 53 названія 69 томовъ, всего на 10.177 руб. Въ теченіе года было выдано изъ читальни студентамъ около 10.000 книгъ: въ дни же, когда читальня была открыта, въ ней ежедневно занималось отъ 30 до 75 человѣкъ. Въ нумизматическомъ кабинетѣ: разныхъ предметовъ 10.448 нумеровъ на 4.295 руб. Въ музеѣ древностей: 1.956 предметовъ на 2.798 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: 807 нумеровъ 1.101 экземпляръ стоимостію 28.824 руб. Въ этомъ кабинетѣ, кромѣ обычныхъ практическихъ занятій по три часа въ недѣлю со студентами III и IV курсовъ физико-математическаго факультета, были произведены и болѣе спеціальныя работы по спектральному анализу и термоэлектричеству однимъ изъ окончившихъ полный курсъ наукъ и завѣдующимъ кабинетомъ; въ физической лабораторіи доцентъ Соколовъ производилъ изслѣдованія надъ поляризацией электродовъ. Въ химической лабораторіи съ кабинетомъ: разныхъ предметовъ 930 нумеровъ 2.283 экземпляра на 9.491 руб. Въ лабораторіи студенты-естественники II, III и IV курсовъ занимались практически качественнымъ и количественнымъ анализомъ, а также приготовленіемъ химическихъ препаратовъ. Кромѣ того, лаборанты при каѳедрѣ общей и технической химіи и нѣкоторые студенты IV курса занимались научными изслѣдованіями по органической химіи; во второмъ полугодіи въ лабораторіи занимались качественнымъ анализомъ фармацевты II курса. Въ лабораторіи физіологической, патологической и судебно-медицинской химіи: разныхъ предметовъ 195 нумеровъ 1.011 экземпляровъ на сумму 2.298 руб. Въ теченіе года въ лабораторіи занимались: лаборантъ Крамштыкъ—анализомъ новыхъ средствъ питанія младенцевъ и изслѣдованіемъ содержанія жира въ испражненіяхъ дѣтей въ первомъ году жизни; врачъ Гевельке—количе-

ственнымъ анализомъ мочи; студентъ Буйвидъ—анализомъ Цѣхоцинской воды и воздуха; студентъ Бринеръ—анализомъ мочи; студенты III курса въ числѣ 16-ти въ 1-мъ полугодіи и 18-ти во 2-мъ занимались количественнымъ анализомъ; всѣ студенты II курса упражнялись въ количественномъ систематическомъ анализѣ, и отчасти производили количественныя опредѣленія наиболѣе важныхъ для клиническихъ занятій веществъ. Въ кабинетѣ и лабораторіи технической химіи: разныхъ предметовъ 293 нумера 515 экземпляровъ на сумму 1.859 руб., химическихъ препаратовъ и посуды на 627 руб. Въ теченіе года студенты-естественники III и IV курсовъ занимались въ лабораторіи техническимъ анализомъ. Завѣдующій лабораторіею занимался научными изслѣдованіями по органической химіи; имъ же и лаборантомъ по общей химіи произведены анализы: свѣтильнаго газа, разныхъ сортовъ асфальта, воды, пива и другихъ техническихъ продуктовъ. Въ минералогическомъ, геогностическомъ и палеонтологическомъ кабинетахъ съ лабораторіею: разныхъ предметовъ 20.547 нумеровъ на сумму 16.230 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ и лабораторіи студенты занимались въ теченіе года изученіемъ минераловъ, кристаллографическихъ моделей и горныхъ породъ. Занимавшихся было 23. Кромѣ того, нѣкоторые ихъ нихъ, высшихъ курсовъ, занимались микроскопическими изслѣдованіями горныхъ породъ и минераловъ, приготовленіемъ микроскопическихъ препаратовъ, а также количественнымъ химическимъ анализомъ силикатовъ и упражнялись въ употребленіи паяльной трубки. По кристаллографіи занимались измѣреніемъ угловъ кристалловъ и изученіемъ оптическихъ свойствъ ихъ. Однимъ студентомъ было сдѣлано изслѣдованіе валуновъ окрестностей города Варшавы въ микроскопическомъ отношеніи. Въ ботаническомъ кабинетѣ: матеріаловъ и разныхъ предметовъ 5,286 нумеровъ на сумму 8,311 руб. Въ теченіе перваго полугодія студенты II, III и IV курсовъ естественнаго отдѣленія занимались въ кабинетѣ, подъ руководствомъ завѣдующаго имъ, по 2 часа въ недѣлю, изученіемъ двудольныхъ, а во второмъ полугодіи они опредѣляли и изучали грибы. Кромѣ того, желавшіе изъ студентовъ могли заниматься ежедневно въ часы, свободные отъ лекцій. Завѣдующій кабинетомъ производилъ различныя наблюденія надъ развитіемъ низшихъ грибовъ. Въ ботанической лабораторіи имѣлось предметовъ 711 нумеровъ на 2,857 руб. Въ лабораторіи студенты-естественники I курса знакомились съ пріемами микроскопическихъ изслѣдованій и изучали морфологію клѣтки. Студенты

II курса занимались микроскопическими изслѣдованіями по 3 часа въ недѣлю. Два студента III курса занимались изслѣдованіемъ водорослей окрестностей Варшавы. Кандидатъ Дриммеръ производилъ эксперименты съ цѣлію разрѣшить вопросъ о дыханіи растеній въ закиси азота. Завѣдующій лабораторіей производилъ изслѣдованія по вопросу о зависимости дыханія отъ количества углеводовъ въ растеніи. Въ зоологическомъ кабинетѣ и лабораторіи для анатомическаго препарированія и набиванія чучелъ находилось разныхъ предметовъ 113,840 нумеровъ на сумму 94,393 руб. Въ кабинетѣ этомъ были производимы постоянно демонстраціи студентамъ. Въ лабораторіи, во время демонстрацій, былъ вкратцѣ повторяемъ теоретическій курсъ. Студенты самостоятельно занимались микроскопическими наблюденіями, преимущественно надъ наливочными утворными, и двое изъ нихъ пришли къ весьма интереснымъ и довольно важнымъ результатамъ. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіею на лицо было 3,662 названія предметовъ, стоимостью въ 18,384 руб. Кромѣ назначенныхъ по росписанію часовъ для практическихъ занятій студентовъ сравнительной анатоміей и эмбріологіей, нѣкоторые изъ студентовъ III и IV курсовъ работали въ лабораторіи па заданныя темы. Результаты изслѣдованій студента IV курса Нуссбаума „Объ отношеніи уха къ плавательному пузырю у рыбъ" въ извлеченіи помѣщены въ Zoologischer Anzeiger. Въ физіологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: 370 нумеровъ 501 экземпляръ на 8,839 руб. Изслѣдованія, производимыя въ лабораторіи, помѣщаются въ изданіи „Работы, произведенныя въ лабораторіяхъ медицинскаго факультета Варшавскаго университета". Въ гистологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей находилось на лицо 637 нумеровъ на 4,833 руб. Въ кабинетѣ этомъ въ теченіе года упражнялось въ употребленіи микроскопа 36 студентовъ, самостоятельными наблюденіями занималось 10 студентовъ и 8 врачей. Результатами этихъ занятій были диссертація докторанта Неймана „Къ гистологіи костнаго мозга" и статья врача Камоцкаго „Къ гистологіи Гардеровой железы". Въ кабинетѣ и лабораторіи патологической анатоміи было 1,710 нумеровъ на сумму 12,215 руб. Въ лабораторіи въ теченіе года 5 студентовъ болѣе продолжительно занимались микроскопическими изслѣдованіями; сверхъ того занимались 7 врачей, прозекторъ патологической анатоміи и завѣдующій лабораторіею профессоръ. Анатомо-патологическихъ вскрытій сдѣлано было 350. Въ кабинетѣ и лабораторіи физіологической анатоміи имѣлось 1,824 нумеровъ разныхъ предметовъ на сумму 6,252 руб. Три сту-

дента высшихъ курсовъ занимались въ лабораторіи по слѣдующимъ вопросамъ: Вассерцугъ — о мышечномъ слоѣ мочеваго пузыря, Өедоровъ — объ образованіи суставной полости при соединеніи хряща съ грудиною, Никольскій—о нижнемъ соединеніи костей голени. Въ кабинетѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней находилость 322 предмета на 1,558 руб. Въ хирургическомъ кабинетѣ: 1,825 предметовъ на 6,040 руб. Въ офталмологическомъ кабинетѣ съ клиническимъ отдѣленіемъ: 165 предметовъ на 1,506 руб. Въ кабинетѣ оперативной хирургіи: 572 нумера на 1,085 руб. Въ теченіе года въ кабинетѣ этомъ студенты IV курса занимались практически, по 3 часа въ недѣлю, упражненіями въ производствѣ операцій на трупахъ и на живыхъ животныхъ; три студента приготовляли анатомическіе препараты, а одинъ изъ нихъ, Өедоровъ, представилъ работу „О переломахъ надколѣнника". Въ фармацевтическомъ кабинетѣ съ лабораторіею было 4,315 предметовъ на 3,843 руб. Въ первомъ полугодіи студенты, подъ руководствомъ завѣдующаго лабораторіей, занимались аналитическою химіей. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ: разныхъ предметовъ 239 нумеровъ на 1,067 руб. Въ геодезическомъ кабинетѣ: 63 предмета на 5,741 руб. Въ астрономической и физической обсерваторіи: 3,934 нумера на сумму 38,664 руб. Въ теченіе года астрономическая дѣятельность обсерваторіи состояла въ продолженіи наблюденій меридіаннымъ кругомъ для опредѣленія положеній звѣздъ зоны между 1° 15′ и 7° 10′ склоненій и въ вычисленіи этихъ наблюденій. Тѣмъ же инструментомъ наблюдалась планета Ирисъ и Комета b 1881 года. Наблюденія производились старшимъ астрономомъ-наблюдателемъ. Метеорологическія наблюденія производились, какъ и въ предъидущіе годы, по общей программѣ для всѣхъ метеорологическихъ станцій. Утреннія наблюденія сообщались телеграммами въ главную физическую обсерваторію въ С.-Петербургѣ и въ обсерваторію въ Гамбургѣ. Кромѣ публикаціи метеорологическихъ наблюденій въ Лѣтописяхъ главной физической обсерваторіи, они въ извлеченіи ежегодно печатались въ Варшавскомъ Дневникѣ. Въ кабинетѣ гипсовыхъ фигуръ и статуй: 762 нумера на 5,948 руб. Кабинетъ открытъ былъ для публики еженедѣльно по пятницамъ съ 12-ти до 2-хъ часовъ. Въ теченіе года посѣтило кабинетъ около 1,800 лицъ. Кромѣ того, 12 учениковъ Варшавскаго рисовальнаго класса, съ 18-го іюня по 1-е сентября, рисовали ежедневно, за исключеніемъ пятницъ и праздничныхъ дней, съ бюстовъ и статуй. Учреж-

денія, несостоящія въ вѣдомствѣ университета, но служащія учебнымъ и научнымъ его цѣлямъ: Въ музеѣ изящныхъ искусствъ, состоящемъ изъ картинной галлереи, находилось разныхъ предметовъ 577 нумеровъ на сумму 41,632 руб. На содержаніе музея отпущено было изъ средствъ казны 1,530 руб., которые и израсходованы, за исключеніемъ 100 руб., назначенныхъ на соотвѣтственное употребленіе въ 1882 году. За неимѣніемъ удобнаго помѣщенія для музея, картины и все вообще движимое имущество его находится, съ 1876 года, въ кладовыхъ дома вѣдомства министерства финансовъ, вслѣдствіе чего публика не имѣла возможности, какъ и въ предъидущихъ годахъ, посѣщать музей. Въ ботаническомъ саду состояло: тепличныхъ, оранжерейныхъ и воздушныхъ растеній 5,481 видъ 11,022 экземпляровъ стоимостью 15,100 руб., сѣмянъ 2,207 видовъ на 200 руб., предметовъ ботаническаго музея и лабораторіи на 95 руб., гербарій Шуберта на 500 руб. Садъ былъ открытъ для посѣтителей ежедневно, съ ранней весны до наступленія зимы, притомъ съ утра до поздняго вечера. Въ отдѣленіе такъ-называемой ботанической школы, предназначенное исключительно для учащихся, входъ былъ доступенъ только по именнымъ билетамъ, выдававшимся на весь годъ; точно также въ оранжереи и теплицы, для которыхъ выдавались разовые билеты и осмотръ посторонними посѣтителями допускался не иначе, какъ въ сопровожденіи одного изъ садовниковъ. Въ теченіе года садъ выслалъ различнымъ ботаническимъ садамъ до 4,000 капсулей сѣмянъ и самъ получилъ въ обмѣнъ около 900 капсулей. Растеніями сада пользовались для своихъ лекцій и практическихъ занятій оба профессора ботаники; въ самомъ саду, особенно въ ботанической школѣ, изучали растенія какъ студенты университета и фармацевты, такъ и постороннія лица; кромѣ того, многочисленныя растенія изъ воздушныхъ были розданы студентамъ и фармацевтамъ при демонстративныхъ лекціяхъ въ саду. Въ терапевтической факультетской клиникѣ (въ больницѣ св. Духа, 50 кроватей) находилось 937 предметовъ на сумму 5,089 руб. Въ первомъ полугодіи студенты IV курса имѣли на своемъ попеченіи отъ 4-хъ до 5-ти случаевъ больныхъ, во второмъ же полугодіи, при увеличеніи численности вновь поступившихъ на IV курсъ студентовъ (до 70-ти), на каждаго приходилось отъ 2-хъ до 3-хъ случаевъ. Письменныя исторіи наблюдаемыхъ болѣзней, представленныя студентами, хранятся въ архивѣ клиники. Кромѣ студентовъ занимались въ клиникѣ врачи: стипендіатъ Розенталь—

по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, докторантъ Нейгебауэръ — по болѣзнямъ позвоночнаго столба, докторантъ Павинскій — по изслѣдованіямъ кровообращенія, ординаторъ Гольдфлямъ — по нервнымъ болѣзнямъ, электротерапіи и болѣзнямъ кишечнаго канала. Въ теченіе года пользовалось въ клиникѣ 310 больныхъ, изъ нихъ выздоровѣло 248, выбыло получивъ облегченіе или по другимъ причинамъ 37, умерло 39. Клиническая амбулаторія, послѣ 10-тилѣтняго существованія, по распоряженію администраціи больницы, закрыта въ 1880 году. Операцій произведено было 17, клиническихъ вскрытій 39. Въ терапевтической госпитальной клиникѣ (въ больницѣ Младенца Іисуса, кроват. 54) находилось 540 предметовъ на сумму 4,919 руб. Кромѣ посѣщенія клиническихъ лекцій по 7-ми часовъ въ недѣлю и непосредственныхъ упражненій надъ больными, студенты работали въ кабинетѣ клиники, производя различныя микроскопическія и химическія изслѣдованія, занимались анализомъ мочи и кала, мокроты и проч. Подъ конецъ года при клиникѣ открытъ былъ пріемъ приходящихъ больныхъ, при которомъ обыкновенно присутствовали студенты, пріучаясь къ тому быстрому изслѣдованію больныхъ и той быстрой постановкѣ діагностики и леченія, которыя требуются отъ врача въ обыкновенной практикѣ. При веденіи курса клиники, кромѣ другихъ важныхъ сторонъ клиническаго преподаванія, особенное вниманіе было обращено на систематическое примѣненіе лекарственныхъ средствъ у постели больныхъ, причемъ выяснены были извѣстныя терапевтическія свойства такихъ средствъ, которыя еще недостаточно изучены и недостаточно установились въ медицинской практикѣ. Нѣкоторые изъ наблюдавшихся въ клиникѣ случаевъ представили особенный патологическій и терапевтическій интересъ и составятъ предметъ спеціальнаго описанія, имѣющаго появиться въ печати. Больныхъ въ клиникѣ пользовалось 536, изъ нихъ выздоровѣло 249, выбыло 191, умерло 56. Анатомическихъ вскрытій сдѣлано 56. Приходившихъ за совѣтами больныхъ было 9; такая незначительность ихъ объясняется позднимъ открытіемъ амбулаторіи. Въ хирургической факультетской клиникѣ (въ больницѣ Св. Духа, 55 кроват.) больныхъ пользовалось 557, изъ нихъ выздоровѣло 374, выбыло получивъ облегченіе или по другимъ причинамъ 102, умерло 27, приходило за совѣтами болѣе 3.000. Операцій произведено: большихъ 166, малыхъ 250, амбулаторно произведено 400 операцій. Занятія студентовъ состояли въ правильномъ пріемѣ больныхъ и наблюденіи надъ ними до выздоровленія или смерти.

Каждый изъ студентовъ имѣлъ въ продолженіе года отъ 3 до 5 больныхъ, за которыми долженъ былъ наблюдать, участвовать при операціяхъ и перевязкахъ и представлять исторію болѣзни пацiента. Въ клиникѣ производились наблюденія надъ дѣйствіемъ іодоформа и сравнительной пользы какъ противугнилостныхъ средствъ іодоформа, салициловой, карболовой и борной кислотъ. — Въ хирургической госпитальной клиникѣ (въ больницѣ Младенца Іисуса, 55 кроватей) находилось разныхъ предметовъ 1.127 нумеровъ на 4.997 руб. Въ теченіе года каждый изъ студентовъ имѣлъ въ наблюденіи отъ 4 до 5 больныхъ и каждый подалъ не менѣе трехъ исторій болѣзней. Многіе изъ студентовъ занимались перевязками больныхъ и оперированныхъ предъ началомъ клинической лекціи. Студенты, имѣвшіе больныхъ, требовавшихъ небольшихъ операцій, какъ-то вскрытіе нарывовъ производили эти операціи сами, подъ руководствомъ завѣдующаго клиникой. Въ клиникѣ дѣлались наблюденія надъ результатами Сейровскихъ повязокъ при болѣзняхъ позвоночника и надъ дѣйствіемъ іодоформа при леченіи золотушныхъ язвъ, коріозѣ свищей и т. д. Больныхъ было въ теченіе года 499, изъ нихъ выздоровѣло 357, выбыло получивъ облегченіе или по другимъ причинамъ 54, умерло 34. Операціи произведено: болѣе важныхъ 38, небольшихъ 250. Анатомическихъ вскрытій сдѣлано 34. Въ діагностическомъ клиническомъ отдѣленіи (въ больницѣ Младенца Іисуса, 28 кроват.) больныхъ въ теченіе года пользовалось 293, изъ нихъ выздоровѣло 175, выбыло по облегченіи и другимъ причинамъ 80, умерло 38. Операцій произведено 4, анатомо-патологическихъ вскрытій 6.—Во время лекцій студенты занимались діагностическимъ изслѣдованіемъ больныхъ, въ свободное же отъ лекцій время упражнялись въ постукиваніи и выслушиваніи, а также въ химическомъ и микроскопическомъ изслѣдованіи мочи, мокроты, крови. При этомъ отдѣленіи не имѣется особаго собранія инструментовъ, составляющихъ собственность университета.—Въ акушерской клиникѣ (въ больницѣ Младенца Іисуса) къ 1-му января 1881 года оставалось 12 родильницъ, въ теченіе года принято вновь беременныхъ, роженицъ и родильницъ 337, изъ нихъ оставило клинику—317, умерло 23, затѣмъ къ началу 1882 года оставалось: беременныхъ 1, родильницъ 8, всего 9. Родовъ было 310. Оперативнымъ пріемамъ подвергалось 75 женщинъ, изъ которыхъ умерло 11.—Въ клиникѣ сифилитическихъ и накожныхъ болѣзней (въ больницѣ Св. Лазаря) разныхъ предметовъ находилось 1,200 нумеровъ

на сумму 2.748 руб. Больныхъ въ теченіе года находилось 257, изъ нихъ выздоровѣло 155, выбыло по разнымъ причинамъ 99, умерло 3. Операцій произведено было 63, вскрытій сдѣлано 3. Больныхъ приходившихъ за совѣтомъ было 276. Въ клиникѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней имѣлось 322 предмета на сумму 1,732 руб. Больныхъ въ теченіе года пользовалось 123, изъ нихъ выздоровѣло 20, выбыло получивъ облегченіе 19, умерло 15, по большей части слабоумныхъ и паралитиковъ. Маловажныя операціи дѣлались по мѣрѣ надобности, болѣе важныхъ не было произведено. Больные, умершіе наканунѣ лекціи, вскрывались въ присутствіи студентовъ; вскрытія всѣхъ прочихъ умершихъ дѣлаются въ присутствіи ассистента и ординатора, а результаты вскрытія записываются въ особую книгу, въ родѣ секціонныхъ протоколовъ. Приходившихъ за совѣтами больныхъ было 41.— Въ госпитальномъ судебно-медицинскомъ отдѣленіи (въ больницѣ Младенца Іисуса) находилось разныхъ предметовъ 99 нумеровъ на 1,404 руб. Въ теченіе года при практическихъ судебно-медицинскихъ занятіяхъ вскрыто 42 трупа, изъ коихъ 20 въ первомъ и 22 во второмъ полугодіи. Производимы были также освидѣтельствованія живыхъ субъектовъ, а студентами—микроскопическія и химико-микроскопическія изслѣдованія вещественныхъ доказательствъ преступленій и преимущественно слѣдовъ крови. Каждый изъ производившихъ изслѣдованіе студентовъ обязанъ былъ составить протоколъ съ судебно-медицинскимъ заключеніемъ о каждомъ изслѣдованіи.

Въ вѣдѣніи Варшавскаго университета находятся: институтъ для образованія повивальныхъ бабокъ и фельдшерская школа. Первое изъ сихъ учрежденій состоитъ при акушерской клиникѣ университета и находится въ завѣдываніи профессора по каѳедрѣ акушерства въ качествѣ директора института, который преподаетъ ученицамъ какъ теоретическія, такъ и практическія лекціи; для обученія же ученицъ русскому языку при институтѣ состоитъ особый преподаватель. Къ 1-му января 1881 года въ институтѣ состояло 52 ученицы, въ теченіе года вновь принято 61, въ теченіе же года выбыло 36, въ томъ числѣ 20 по окончаніи курса съ званіемъ повивальной бабки, а 16—до кончанія курса; затѣмъ къ началу 1882 года оставалось 77, въ томъ числѣ: на первомъ курсѣ 55, на второмъ 22.— Фельдшерская школа учреждена для образованія гражданскихъ фельдшеровъ и состоитъ въ завѣдываніи старшаго учителя оной; сверхъ того при школѣ состоятъ два учителя. Къ 1-му января 1881 года

въ школѣ находилось 132 ученика, изъ нихъ: 26 удостоено званія младшаго фельдшера, 64 переведено изъ 1-го во 2-й курсъ, 5 оставлено на второй годъ въ 1-мъ курсѣ и 37 во 2-мъ, вновь принято въ школу 91, затѣмъ къ началу 1882 года оставалось 133 ученика, изъ нихъ на 1-мъ курсѣ 58, на 2-мъ — 75. Въ школѣ имѣлось разныхъ предметовъ 137 нумеровъ стоимостью въ 446 руб.

АЛЕКСАНДРЪ ОСИПОВИЧЪ ЮНИНЪ.

(Некрологъ).

24-го декабря нынѣшняго года погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ, въ С.-Петербургѣ, Александръ Осиповичъ Іонинъ. Въ ожиданіи болѣе подробной оцѣнки дѣятельности этого замѣчательнаго педагога со стороны лицъ, близко къ нему стоявшихъ, не могу не почтить его памяти хотя нѣсколькими словами, тѣмъ болѣе, что, будучи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сослуживцемъ покойнаго въ Историко-филологическомъ институтѣ и университетѣ, я имѣлъ случай нѣсколько ознакомиться съ его преподавательскою дѣятельностью.

Александръ Осиповичъ былъ питомцемъ С.-Петербургскаго университета, въ которомъ онъ кончилъ курсъ со степенью кандидата историко-филологическаго факультета, въ 1857 году. Всѣ безъ исключенія профессора, руководившіе ученою дѣятельностью молодаго филолога, отзывались о немъ съ величайшею похвалою, какъ о труженикѣ въ высшей степени добросовѣстномъ, съ неумолимою строгостью относившемся къ исполненію своихъ студенческихъ обязанностей. Покойный И. И. Срезневскій, вполнѣ цѣнившій Іонина и поддерживавшій впослѣдствіи связи съ нимъ, неоднократно высказывалъ пишущему эти строки свое глубокое сожалѣніе о томъ, что Іонинъ, по стеченію обстоятельствъ, отложилъ пріобрѣтеніе высшихъ ученыхъ степеней и тѣмъ закрылъ себѣ на долгое время доступъ къ профессорской каѳедрѣ. Тотчасъ по окончаніи курса Іонинъ поступилъ преподавателемъ латинскаго языка—предмета, излюбленнаго имъ

со студенческой скамьи, и которому онъ оставался вѣренъ въ теченіе всей своей послѣдующей дѣятельности,—въ одну изъ петербургскихъ гимназій и сразу обратилъ на себя общее вниманіе, какъ выдающійся преподаватель. Лучшею рекомендаціей его въ этомъ отношеніи можетъ служить то, что когда, по оставленіи 3-й гимназіи Гр. Ив. Лапшинымъ, его преемникомъ сдѣлался Іонинъ, то онъ съ честью выдержалъ сопоставленіе своего преподаванія съ преподаваніемъ столь извѣстнаго педагога-классика, каковымъ по справедливости считался Г. И. Лапшинъ. Латынь, преимущественно классическаго періода, Іонинъ зналъ въ совершенствѣ и любилъ цитировать длинныя тирады изъ прозаиковъ и поэтовъ, которыя помнилъ во множествѣ. Но не пренебрегалъ онъ и писателями другихъ періодовъ, и особенно ревностно штудировалъ Тацита и Сенеку, къ которому питалъ особенную симпатію. Въ древнихъ классикахъ одинаково прельщали его, какъ содержаніе, такъ и форма: подобно ученымъ добраго стараго времени, въ первомъ искалъ онъ отдохновенія отъ трудовъ и успокоенія отъ житейскихъ невзгодъ и треволненій. Къ совершенству формы онъ былъ особенно чутокъ и понималъ ее во всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за литературою грамматическою, и не было ни одного сколько-нибудь выдающагося въ ней явленія, съ которымъ онъ не поспѣшилъ бы познакомиться и составить себѣ ясное понятіе о его достоинствахъ и недостаткахъ. Нѣкоторые труды по грамматикѣ—любимцы Іонина—были имъ изучены до такой степени основательно, что онъ могъ наизусть воспроизводить то или другое заключающееся въ нихъ опредѣленіе. И не только теоритическимъ знатокомъ латыни былъ Іонинъ,—онъ былъ и превосходнымъ стилистомъ и у его учениковъ должны еще храниться тѣ мастерскіе переводы русскихъ текстовъ на латинскій языкъ, которые сдѣланы подъ руководствомъ Александра Осиповича. Владѣя въ совершенствѣ латынью, Іонинъ былъ отличнымъ знатокомъ и языка русскаго и обладалъ весьма труднымъ искусствомъ сохранить въ своихъ переводахъ оттѣнки рѣчи подлинника. Особенно хороши были его переводы поэтовъ, изъ которыхъ Горацій былъ его любимцемъ. Прибавимъ къ вышеуказаннымъ достоинствамъ рѣдкую ἀκρίβεια, которою въ высокой степени обладалъ покойный. Она проявлялась во всемъ и непривычному глазу могла показаться даже педантизмомъ: то, что̀ высказывалъ Іонинъ, было имъ передумано, облечено въ надлежащую форму и поражало своею простотой и отчетли-

востью. Онъ лучше готовъ былъ сознаться въ незнаніи чего-нибудь, чѣмъ прибѣгать къ полузнанію, и потому во всякое время могъ дать полный и основательный отчетъ въ томъ, что̀ высказывалъ. Особенно важна была эта ἀκρίβεια въ грамматическихъ объясненіяхъ и опредѣленіяхъ, которыя у Іонина были образцовыми.

Всѣ эти достоинства не могли не выдвинуть молодаго учителя, и когда, въ 60-хъ годахъ, министерство народнаго просвѣщенія отправило лучшихъ педагоговъ за границу для приготовленія къ профессурѣ, въ числѣ ихъ былъ посланъ и Іонинъ. Если не ошибаюсь, большее время своего заграничнаго пребыванія провелъ онъ въ Берлинѣ, слушая Бёка и Гаупта, и былъ также въ Боннѣ, гдѣ слушалъ Ричля и О. Яна. Въ сборникѣ отчетовъ, представлявшихся въ министерство молодыми учеными, изданномъ имъ въ шести томахъ, есть нѣсколько отчетовъ Іонина, отличающихся обстоятельностью и указывающихъ на то, что онъ работалъ серьезно и серьезно готовился къ профессурѣ. Особенно интересенъ отчетъ его, въ которомъ онъ излагаетъ сущность прослушаннаго имъ у Бёка курса энциклопедіи и методологіи классической филологіи.

Возвратясь изъ-за границы и успѣшно сдавъ магистерскій экзаменъ, Іонинъ сталъ обработывать магистерскую диссертацію, темою для которой избралъ греческое вліяніе на поэзію Горація. Многочисленные уроки, къ которымъ онъ добросовѣстно приготовлялся, и строгая требовательность къ самому себѣ воспрепятствовали покойному издать въ свѣтъ свою работу, много матеріаловъ для которой должно находиться въ его бумагахъ.

При открытіи въ 1868 году Историко-филологическаго института Іонинъ, какъ опытный педагогъ, былъ приглашенъ въ составъ преподавательской корпораціи института, и ему были поручены лекціи латинскаго языка въ двухъ младшихъ курсахъ и чтеніе римскихъ государственныхъ древностей въ старшихъ. Эту послѣднюю дисциплину Іонинъ читалъ, придерживаясь книги В. А. Беккера, и приготовилъ свои чтенія къ печати, но почему-то не издалъ. Думается, что изданіе ихъ было бы не излишнимъ, такъ какъ дало бы въ руки студентамъ-филологамъ обстоятельный компедій римскихъ государственныхъ древностей, составленный знатокомъ дѣла на основаніи прекраснаго пособія. Въ послѣдніе годы своей службы Іонинъ былъ приглашенъ для чтенія лекцій и въ университетѣ.

Болѣзнь преждевременно остановила полезную педагогическую дѣятельность покойнаго; послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ

отставкѣ, не переставая работать. Такъ какъ недугъ препятствовалъ ему выходить изъ дому, то онъ собиралъ около себя приходящихъ учениковъ, которыхъ даромъ обучалъ латыни. И эта дѣятельность прекратилась лишь за немного дней до его смерти.

Не оставивъ послѣ себя въ печати ни одного ученаго труда, покойный съ рѣдкою готовностью помогалъ другимъ въ ихъ ученыхъ предпріятіяхъ и знаніями своими, и совѣтомъ. Вѣчная ему память.

И. Помяловскій.

24-го декабря 1882 года.

КЪ АѲИНСКОЙ ЭОРТОЛОГІИ.

Въ моей замѣткѣ о культѣ Аммона въ Аѳинахъ, помѣщенной въ отдѣлѣ классической филологіи январьской книги Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1881 года, было указано между прочимъ (стр. 27), что жертвоприношеніе Аммону не упомянуто въ числѣ другихъ государственныхъ праздниковъ въ изданномъ покойнымъ Питтакисомъ обломкѣ счета τοῦ δερματικοῦ года архонта Никиты [1]), по крайней мѣрѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ это жертвоприношеніе поставлено въ счетѣ года архонта Никократа, часть котораго (счета) сохранилась на другомъ, давно извѣстномъ обломкѣ того же камня [2]). Принимая записанный въ счетѣ года архонта Никиты праздникъ Асклепія за тотъ самый, который фигурируетъ въ счетѣ года Ктесикла и въ другомъ, неизвѣстнаго года [3]), я полагалъ, что счетъ года Никиты былъ вообще не полонъ, и потому не придалъ большаго значенія отсутствію въ немъ упоминанія о жертвоприношеніи Аммону. Но небольшой обломокъ подобнаго же счета τοῦ δερματικοῦ, списанный мною впослѣдствіи въ музеѣ Акрополя и, насколько мнѣ

[1]) Ἐφημερὶς ἀρχαιολ. № 3451. Моя копія этого счета приложена къ упомянутой замѣткѣ подъ буквою B.

[2]) См. приложеніе къ моей замѣткѣ подъ б. A.

[3]) Изд. Бёкомъ въ Staatshaushaltung d. Ath. т. II, № VIII b изд. 2-го по копіи Росса, и Рангависомъ въ Ant. Hellén. т. II, № 842. Въ виду того, что обѣ копіи не могутъ быть названы вполнѣ безукоризненными (копія Росса нѣсколько лучше Рангависовой) и что до сихъ поръ существуетъ сомнѣніе въ вѣрности нѣкоторыхъ чтеній, я счелъ нелишнимъ приложить къ настоящей статьѣ мою собственную копію этого документа (см. приложеніе № 2).

№ 1.

извѣстно, еще не изданный, показалъ мнѣ, что 'Ασκληπιεῖα, упоминаемыя въ документахъ А (и Rang. 842) и В,—не одинъ и тотъ же праздникъ и что, стало быть, я напрасно обратилъ мало вниманія на отсутствіе упоминанія о жертвоприношеніи Аммону въ документѣ В.

Новый обломокъ несомнѣнно происходитъ отъ одного камня съ счетами А и В. Онъ обломанъ со всѣхъ сторонъ и задняя поверхность его испорчена (о чемъ приходится очень сожалѣть, такъ какъ камень былъ ὀπισθόγραφος). На передней сторонѣ, имѣющей 0,11 м. въ высоту и 0,10 м. въ ширину, прекрасно сохранились начала тринадцати строкъ, выведенныхъ στοιχηδόν (см. эпиграфическій текстъ въ приложеніи подъ № 1) и возстановляющихся, на основаніи прежде извѣстныхъ счетовъ, слѣдующимъ образомъ:

['Εξ 'Ελευσινίων παρὰ]
1. ἱεροπ[οιῶν: — —
'Εκ τῆς θ[υσίας τῆι Δημοκρατίαι παρὰ]
στρατηγ[ῶν: — —
'Εξ 'Ασκληπ[ιέων παρὰ βοωνῶν: — —
5. 'Εχ Θησέων [παρὰ στρατηγῶν: — —
'Εγ [Δ]ιονυσίω[ν τῶν ἐμ Πειραιεῖ παρὰ]
στρατηγῶν [: — —
'Εγ Διονυσίω[ν τῶν ἐπὶ Ληναίωι παρὰ]
στρατηγῶν: [— —
10. ['Εκ τ]ῆς θυσία[ς τῆι 'Αγαθῆι Τύχηι παρὰ ἱεροποι-
ῶν (?) κα]ὶ στρατ[ηγῶν: — —
['Εξ 'Ασκλ]ηπιέ[ων παρὰ ἱεροποιῶν: — —
13. ['Εγ Διονυσ]ίων [τῶν ἐν ἄστει κτλ.

Этотъ счетъ относится вѣроятнѣе всего къ году архонта Аристофана (Ол. 112, 2; 331—330 до Р. Х.), слѣдовавшаго непосредственно за Никитою; можно было бы подумать, что на новомъ обломкѣ находится продолженіе счета года Никократа, начало котораго мы имѣемъ на обломкѣ А, а конецъ на обломкѣ В, то-есть, другими словами, что новый фрагментъ долженъ быть помѣщенъ между А и В; но если приложить его къ обломку А, то оказывается, что между ними должны бы были уничтожиться при разбитіи камня по крайней мѣрѣ 6 или 7 строкъ кромѣ тѣхъ двухъ, окончанія которыхъ сохра-

нились внизу обл. А послѣ праздника Панаѳенэй [1]), а между тѣмъ въ счетѣ В между Панаѳенэями и Елевсиніями (съ которыхъ начинается новый обломокъ) не записано ни одного праздника, да и по спискамъ Германа (Gottesd. Alterth. § 55) и Авг. Моммзена (Heortologie, Taf. II) въ этомъ промежуткѣ не было важныхъ государственныхъ празднествъ, такъ что предполагаемыя 6 или 7 строкъ нечѣмъ было бы наполнить.

Несмотря на свою незначительную величину, новый отрывокъ счета (для краткости будемъ называть его С) очень важенъ для аѳинской эортологіи: 1) заключая въ себѣ, хотя далеко не въ полномъ видѣ, списокъ 8 праздниковъ отъ Боедроміона мѣсяца (3-го въ году) до Елафеболіона (9-го), онъ служитъ связующимъ звеномъ для остальныхъ трехъ извѣстныхъ до настоящаго времени отрывковъ, между которыми оставался промежутокъ какъ разъ въ срединѣ года; 2) на основаніи его вполнѣ и несомнѣнно возстановляется отрывокъ В, а вслѣдствіе этого съ точностью опредѣляется время записаннаго въ немъ жертвоприношенія Демократіи.

При первомъ же взглядѣ на обломокъ С вниманіе наше останавливается на томъ обстоятельствѣ, что въ немъ записаны два праздника Асклепія. Предложенное выше, въ транскрипціи текста, возстановленіе четырехъ послѣднихъ строкъ его, сдѣланное на основаніи док. А и Rang. № 842, можетъ быть названо безспорнымъ; по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ до сихъ поръ счетахъ τοῦ δερματικοῦ всѣ праздники записаны въ томъ порядкѣ, въ которомъ они слѣдовали одинъ за другимъ въ теченіи года. А въ такомъ случаѣ очевидно, что въ предпослѣдней строкѣ С, вслѣдъ за жертвоприношеніемъ τῇ Ἀγαθῇ Τύχῃ, записаны именно тѣ Ἀσκληπιεῖα, которыя совершались

[1]) Кстати объ этихъ двухъ строкахъ. Мнѣ кажется теперь весьма правдоподобнымъ предположеніе, что находящаяся въ нихъ запись (отъ которой въ предпослѣдней строкѣ сохранились буквы ΩΝΕΚ, а въ послѣдней—сумма въ 3Ꞁ др. 3 об.) относится также къ Панаѳенэямъ, то-есть что выручка ἐκ τοῦ δερματικοῦ въ этотъ праздникъ по какой нибудь причинѣ была записана подъ двумя рубриками, подобно тому, какъ выше на томъ же обломкѣ (стр. 7—10) записана два раза сумма, полученная отъ праздника Діониса въ Пирэѣ. Этимъ предположеніемъ легко объясняется, почему строкою выше записана незначительная сумма въ 61 др. 3 об., какъ выручка отъ праздника Панаѳенэй, — а иначе эта незначительность выручки не можетъ не казаться весьма странною. Возстановленіе [ἐκ Παναθηναί]ων ἐκ въ предпослѣдней строкѣ совершенно согласуется съ количествомъ несохранившихся буквъ, которое извѣстно съ точностью, такъ какъ надпись вырѣзана στοιχηδόν.

8-го числа Елафеболіона и служили какъ бы предпразднествомъ великихъ Діонисій. Другой праздникъ Асклепія, записанный въ строкѣ 4-й, между Елевсиніями (то есть великими мистеріями) и праздникомъ Ѳесея, долженъ быть отождествленъ съ такъ называемыми 'Επιδαύρια, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ праздниковъ бога-цѣлителя, совершавшимся въ Аѳинахъ въ одинъ изъ первыхъ дней Елевсиній, именно по предположенію Авг. Моммзена [1]) 18-го числа Боедроміона мѣсяца въ память того, что Асклепій по преданію въ этотъ день прибылъ изъ Епидавра въ Аѳины и былъ посвященъ въ мистеріи [2]). Объ обрядахъ этого праздника было очень мало извѣстно до недавнихъ раскопокъ въ аѳинскомъ храмѣ Асклепія, при которыхъ, между множествомъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, найдено было нѣсколько эпиграфическихъ документовъ и скульптуръ, проливщихъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ праздникъ [3]). Между прочимъ, въ надписяхъ встрѣчаются прямыя свидѣтельства о томъ, что въ этотъ день въ жертву Асклепію приносимы были быки [4]), — что̀ какъ разъ согласуется съ упоминаніемъ о βοῶναι въ нашихъ счетахъ.

Что подъ 'Ασκληπιεῖα въ 4-й строкѣ счета С надо разумѣть именно 'Επιδαύρια, это мнѣ кажется безспорнымъ уже потому, что промежутокъ времени между Елевсиніями и праздникомъ Ѳесея (8 и 9 числа слѣдующаго мѣсяца Піанопсіона) слишкомъ незначителенъ для того, чтобы помѣстить въ немъ еще одинъ праздникъ Асклепія, да и ко-

---

[1]) A. Mommsen, Heortologie стр. 226 и 250. Его мнѣнію слѣдуетъ и авторъ новѣйшаго сочиненія о культѣ Асклепія въ Аѳинахъ, Жираръ (P. Girard. L'Asclépieion d'Athènes d'après de récentes découvertes. Paris 1882, стр. 41). Однако уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Г. Ф. Унгеръ (въ статьѣ «Der Isthmientag und die Hyakinthien», въ журналѣ Philologus т. XXXVII стр. 41) замѣтилъ, что Епидаврія съ наибольшею вѣроятностью могутъ быть поставлены на 17-е число Боедроміона.

[2]) Paus. II, 26, 8; Philostr. v. Apoll. IV, 18. Здѣсь надо отмѣтить, что хотя Епидаврія составляли только часть многодневнаго празднества Елевсиній, но въ нашемъ счетѣ они записаны отдѣльно и притомъ послѣ Елевсиній, такъ какъ послѣднія начинались раньше. Фактъ этотъ пригодится намъ впослѣдствіи.

[3]) Свѣдѣнія, полученныя изъ вновь найденныхъ документовъ, собраны вкратцѣ Кёлеромъ въ статьѣ его «Der Südabhang der Akropolis zu Athen» etc. (въ Mittheilungen d. D. Arch. Inst. т. II стр. 245) при объясненіи найденнаго при раскопкахъ рельефа, представляющаго Асклепія въ обществѣ Деметры и Коры. Ср. указ. соч. Жирара, стр. 40 и сл.

[4]) C. I. A. II, Add. № 453 b. ['Ο ἱερεὺς 'Ασκληπιοῦ καὶ 'Υγιείας] — — — ἐβουθ[ύτησε — — τοῖς — —] καὶ 'Επιδαυρίοις καὶ 'Ηρωίοις κ.τ.λ.

нечно, еслибы таковой существовалъ, о немъ сохранились бы гдѣ нибудь упоминанія. Можетъ быть только возбужденъ вопросъ: почему этотъ праздникъ не названъ въ счетѣ тѣмъ именемъ, которое мы встрѣчаемъ у Павсанія, Филострата и въ нѣсколькихъ надписяхъ и которое по всѣмъ видимостямъ было общеупотребительнымъ? Въ отвѣтъ на это, указавъ на встрѣчающіяся въ томъ же и другихъ счетахъ τοῦ δερματιχοῦ названія разныхъ праздниковъ, можно замѣтить, что въ нихъ всегда ставились, такъ-сказать, оффиціальныя названія по божествамъ, въ честь которыхъ совершались праздники, хотя для нѣкоторыхъ изъ нихъ были въ употребленіи краткія названія по мѣстностямъ. Такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ въ счетахъ Διονύσια τὰ ἐπὶ Ληναίωι вмѣсто Λήναια, Διονύσια τὰ ἐμ Πειραιεῖ вмѣсто Πειραῖα [1]) и пр. Праздникъ Асклепія, понятно, не могъ быть названъ (для отличія отъ праздника 8-го Елафеболіона) Ἀσκληπιεῖα τὰ ἐν Ἐπιδαύρωι по аналогіи съ только что приведенными примѣрами, такъ какъ совершался въ Аѳинахъ. Однако, при обозначеніи этого праздника собственнымъ именемъ божества, при послѣднемъ встрѣчается обособляющее приложеніе ὁ ἐν Ἐπιδαύρωι, какъ напримѣръ, въ слѣдующемъ обломкѣ декрета въ честь какого-то жреца Асклепія:

[Ἔδοξεν] τῶι [δ]ήμω[ι, ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος, τοῦ δεῖνος δήμου εἶ]πεν· ὑπὲρ ὧν ἀπαγ[γέλλει ὁ ἱερεὺς τοῦ Ἀσκληπιοῦ] ὑπὲρ τῶν ἱερῶν [ὧν ἔθυεν τῶι τε Ἀσκληπιῶι τῶι ἐν Ἐπ]ιδαύρωι καὶ τ[ῆι Ὑγιείαι καὶ τοῖς ἄλλοις θεοῖς οἷς π]άτριον ἦν, ἐπε[μελήθη δὲ καὶ τῆς στρώσεως τῆς κλί]νης καὶ τῆς [κοσμήσεως τῆς τραπέζης καὶ τῆς πα]ννυχίδος [ἣν πάτριόν ἐστι συντελεῖν (?) τῶι τε Ἀσκληπ]ιῶι καὶ τ[ῆι Ὑγιείαι — — — — — — — — — — νεπε — — [2]).

[1]) По поводу этого послѣдняго праздника кстати замѣтимъ, что предложенное Авг. Моммзеномъ (Heort. стр. 254 пр. 2 и стр. 331) чтеніе [Ἐκ Διονυσίων τῶν ἐμ Πε]ι[ρ]αεῖ вмѣсто [Ἐκ τῆς θυσ]ίας [— — | — —] τῆι Δαείρ[αι] въ счетѣ Rang. Ant. Hell. № 842 не подтвердилось при сдѣланномъ мною сличеніи копій Росса и Рангависа съ подлинникомъ: на камнѣ ясно читается THIΔΛEIP, какъ въ копіяхъ (см. прил. № 2). Конъектура Моммзена совершенно не подходитъ и къ количеству несохранившихся буквъ, равно какъ и предложенное Ринкомъ возстановленіе [Ἐκ τῆς θυσ]ίας [τῷ Ἑρμῇ καὶ] τῆι Δαείρ[αι].

[2]) Обломокъ этотъ изданъ Куманудисомъ въ журн. Ἀθήναιον т. VI стр. 137, № 13. По мнѣнію издателя онъ относится «къ послѣднимъ македонскимъ и первымъ римскимъ временамъ». Въ 1-й строкѣ Куманудисъ поставилъ... τῇ βουλῇ

Въ фрагментѣ В подъ 'Ασκληπιεῖα несомнѣнно надо понимать также 'Επιδαύρια; за ними слѣдуютъ въ послѣднихъ трехъ строкахъ, какъ видно по количеству несохранившихся буквъ и по немногимъ сохранившимся, тѣ же самые праздники, что и въ С, а именно:

стр. 12: ['Εξ 'Ασκλ]ηπιείων παρὰ βοωνῶν: Χ — —
['Εχ Θησέ]ων παρὰ
[στρατηγ]ῶν: ΧΗΓΔΔΔ⊢⊢Ι·Ι
['Εγ Διονυσίων τῶν ἐ]μ Πει[ραεῖ κ. τ. λ. [1]).

Такимъ образомъ оказывается, что въ этомъ фрагментѣ (В) сохранился счетъ только за первый семестръ года архонта Никиты; предположеннаго было мною (въ замѣткѣ о культѣ Аммона) пропуска важныхъ праздниковъ въ немъ нѣтъ и стало быть тотъ фактъ, что въ этомъ году государственое жертвоприношеніе Аммону не было совершено, долженъ быть признанъ несомнѣннымъ. Почему не было жертвоприношенія? — это другой вопросъ, для отвѣта на который у насъ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Нужно ли принять вмѣстѣ съ Моммзеномъ, что жертва Аммону въ годъ Никократа была лишь исключеніемъ, вызваннымъ обстоятельствами времени, или предположить, что она въ тѣ времена была совершаема не ежегодно, а лишь разъ въ нѣсколько лѣтъ (напримѣръ, одинъ разъ въ 4 года),— рѣшить невозможно. Замѣтимъ только, что кромѣ жертвоприношенія

κ]αὶ τῶι [δ]ήμω[ι..., но я замѣтилъ на камнѣ передъ τ только нижніе концы двухъ вертикальныхъ черточекъ. Строки 1—4 возстановлены уже греческимъ издателемъ, для возстановленія остальныхъ ср. C. I. A. II № 305, add. № 453 b и др. (Нашъ камень обломанъ со всѣхъ сторонъ, такъ что распредѣленіе дополненій по строкамъ сдѣлано совершенно произвольно). На основаніи этого отрывка, мнѣ кажется, слѣдуетъ и въ подобномъ же декретѣ C. I. A. II, add. nova № 373 b, p. 427, vs. 6 возстановить τῶι 'Ασκληπι[ῶι τῶι ἐν 'Επιδαύρωι καὶ τῆι 'Υγιείαι κα]ὶ τοῖς ἄλλοις θεοῖς κ. τ. λ. вмѣсто предложеннаго Кёлеромъ чтенія τῷ 'Ασκληπι[ῷ καὶ τῇ 'Υγιείᾳ καὶ — — κα]ὶ τοῖς ἄλλοις θεοῖς κ.τ.λ.

[1]) Сумма дохода, полученнаго ἐκ τοῦ δερματικοῦ отъ жертвоприношеній въ Епидавріи (1000 др., а можетъ быть и болѣе)—одна изъ самыхъ значительныхъ во всѣхъ сохранившихся счетахъ (ее превышаютъ только суммы, вырученныя отъ жертвоприношеній Зевсу Спасителю въ счетахъ А и Rang. № 842 и отъ праздника Ѳесея въ счетѣ В) и тѣмъ самымъ наглядно показываетъ важное значеніе и пышность этого праздника. Другой праздникъ Асклепія, 8-го Елаѳеболіона, былъ гораздо менѣе значителенъ: вырученныя послѣ него суммы (291 др. въ годъ Ктесикла и не менѣе 225 въ другой годъ) почти впятеро менѣе дохода отъ Епидаврій.

Аммону въ счетахъ τοῦ δερματικοῦ встрѣчаются и другія такія, которыя, будучи записаны въ счетѣ одного года, не повторяются въ другомъ. Такъ, напримѣръ, въ фрагментѣ С нѣтъ жертвоприношенія [Деметрѣ и Корѣ] Даирѣ, записаннаго въ счетѣ Rang. № 842 непосредственно предъ Ленэйскимъ праздникомъ. Въ этомъ же послѣднемъ счетѣ послѣ жертвы Зевсу-Спасителю записаны еще два праздника, между тѣмъ какъ въ счетѣ года Ктесикла эта жертва стоитъ послѣднею [1]).

Разъ убѣдившись, что подъ 'Ασκληπιεῖα въ В и въ строкѣ 4-й С надо разумѣть 'Επιδαύρια, мы можемъ сейчасъ же почти съ полной точностью опредѣлить время жертвоприношенія Демократіи. Оно записано въ счетахъ между Елевсиніями и Епидавріями, стало быть совершаемо было въ одинъ изъ весьма немногихъ дней между началомъ Елевсиній и этимъ праздникомъ Асклепія, который и самъ совершался, какъ мы знаемъ, въ одинъ изъ первыхъ дней Елевсинскихъ праздниковъ. Если безусловно принять сдѣланное А. Моммзеномъ распредѣленіе дней этихъ празднествъ, то единственнымъ подходящимъ днемъ, къ которому можно было бы отнести жертву Демократіи, окажется 17-е число Боедроміона [2]). Однако, противъ этого можно высказать нѣсколько соображеній, которыя заставляютъ думать, что жертвоприношеніе Демократіи совершалось днями двумя

---

[1]) Такъ какъ ниже мнѣ уже не придется возвращаться къ замѣткѣ о культѣ Аммона, то я долженъ здѣсь попросить читателя благосклонно исправить въ ней нѣсколько вкравшихся, къ сожалѣнію, недосмотровъ и важнѣйшихъ опечатокъ, искажающихъ смыслъ. Именно, въ началѣ статьи на стр. 25 я забылъ упомянуть, что документъ А (C. I. Gr. № 157) послѣ Бёка былъ изданъ еще Питтакисомъ въ 'Εφημ. ἀρχαιολ. № 3266, а остатки строкъ на обратной сторонѣ его (вмѣсто σταθμός чит. σταθμόν)—Кёлеромъ въ журналѣ Hermes т. I стр. 317.—На стр. 27 въ строкѣ 20 сверху вм. совершившимся чит. совершавшимся.—Стр. 30, строка 4 снизу (въ варіантахъ) чит. ΛΙΙΙΟΝΤΟΝΕ.—Стр. 37, строки 10 и 14 снизу, чит. Лабравндскій.—Стр. 40, строка 31 сверху, чит. Оропъ вм. Ортъ.—Стр. 42, въ стр. 15 снизу послѣ словъ «нежели на ε» надо закрыть скобку.—Стр. 43, стр. 11 сверху чит. и тѣхъ вм. этихъ.—Стр. 44, стр. 3 сверху, вмѣсто «относимомъ мною приблизительно къ году арх. Евэнета (335—4 до Р. Хр.)» слѣдуетъ читать «относимомъ мною, на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, къ 324--2 годамъ до Р. Хр.».

[2]) Heortologie стр. 268: Боедроміона 14-го «полнолуніе служитъ для жителей Аттики сигналомъ, что пора отправляться въ Аѳины»; 15-го—ἀγυρμός; 16-го—πρόρρησις· ἅλαδε μύσται; 17-го — ἱερεῖα, главное жертвоприношеніе въ городѣ; 18-го—'Επιδαύρια.

раньше, а вмѣстѣ съ тѣмъ припуждаютъ отнести и начало Елевсиній ближе къ началу мѣсяца, нежели полагали Моммзенъ и его предшественники.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію этихъ соображеній, надо замѣтить, что̀ нашъ счетъ В—единственный, насколько я знаю, документъ, въ которомъ встрѣчается прямое свидѣтельство о существованіи въ Аѳинахъ культа Демократіи [1]); другихъ упоминаній объ этомъ культѣ мнѣ не приходилось встрѣчать ни у авторовъ, ни въ эпиграфическихъ памятникахъ. Извѣстно, правда, изъ Павсанія, что въ портикѣ Зевса Елевѳерія (близь „царскаго портика" на площади во внутреннемъ Керамикѣ) находилась между прочимъ картина, изображавшая Ѳесея съ Демократіею и Демосомъ, произведеніе кисти славнаго художника Евфранора Исѳмійскаго, жившаго около половины IV вѣка [2]). Еще упоминаніе о статуѣ (едва ли картинѣ) Демократіи имѣется въ извѣстномъ ефебовскомъ документѣ года архонта Агаѳокла, то есть конца первой половины послѣдняго вѣка до Р. Хр. [3]). Документъ этотъ (если можно употребить это слово въ собирательномъ смыслѣ) состоитъ изъ 6 отдѣльныхъ частей, вырѣзанныхъ на одномъ и томъ же камнѣ, именно изъ 5 декретовъ въ честь ефебовъ года арх. Аристарха и ихъ должностныхъ лицъ, и списка ефебовъ. Два послѣдніе декрета относятся еще къ году Аристарха, два первые—къ году Агаѳокла, а когда было сдѣлано постановленіе, записанное на камнѣ третьимъ,—неизвѣстно, такъ какъ обычный заголовокъ не былъ вырѣзанъ, поставлено только имя оратора. Ораторъ этотъ предложилъ похвалить и увѣнчать золотымъ вѣнкомъ ефебовъ и ихъ космета (а учителей и прочихъ должностныхъ лицъ ефебіи—

---

[1]) Я не упоминаю о новомъ фрагментѣ С, потому что въ немъ имя Демократіи не сохранилось на камнѣ, хотя возстановленіе его на основаніи В не подлежитъ сомнѣнію. Въ алфавитномъ спискѣ аѳинскихъ культовъ, приложенномъ къ недавно вышедшей диссертаціи Мартà объ аѳинскихъ жрецахъ (Jules Martha, Les sacerdoces athéniens. Paris, Thorin, 1882), вовсе не упомянутъ культъ Демократіи.

[2]) Павс. I, 3, 3: Στοὰ δὲ ὄπισθεν ᾠκοδόμηται γραφὰς ἔχουσα θεοὺς τοὺς δώδεκα καλουμένους, ἐπὶ δὲ τῷ τοίχῳ τῷ πέραν Θησεύς ἐστι γεγραμμένος καὶ Δημοκρατία καὶ Δῆμος. Ср. C. Wachsmuth, Die Stadt Athen im Alterthum т. I стр. 588; Overbeck, Die antiken Schriftquellen стр. 338. (По показанію Плинія, N. H. XXXV 128, eminuit longe ante omnis Euphranor Isthmius olympiade CIIII).

[3]) C. I. A. II, № 470. О годѣ архонта Агаѳокла см. въ моей статьѣ «Эпиграфич. этюды. II» въ отд. класс. филол. мартовской книги Ж. М. Н. Пр. 1881 г. стр. 160 и сл.

масличнымъ вѣнкомъ) за ихъ участіе въ праздникѣ Эанта на Саламинѣ (Αἰάντεια) и благоправное поведеніе во время праздника, на память объ этомъ отъ Саламинскаго народа (ὅπως ἁπάντων τούτων ὑπάρχῃ αὐτοῖς ὑπόμνημα παρὰ τοῦ δήμου τοῦ Σαλαμινίων, стр. 55 и сл.). Провозглашеніе объ увѣнчаніи ефебовъ предложено сдѣлать во время драматическаго представленія въ праздникъ Діониса на Саламинѣ, а декретъ вырѣзать на камнѣ и поставить παρὰ τὴν Δημοκρατίαν. Такъ какъ упомянутую въ декретѣ похвалу и почетную награду ефебы и ихъ чиновники получили отъ лица народа Саламинскаго, провозглашеніе о наградѣ сдѣлано во время Саламинскаго праздника и забота объ изготовленіи вѣнковъ, ихъ провозглашеніи и вырѣзкѣ декрета на камнѣ возложена была на Саламинскихъ чиновниковъ, то вполнѣ естественно предположить, что декретъ и выставленъ былъ на Саламинѣ, на городской площади или вблизи ея, вообще на видномъ мѣстѣ (гдѣ, стало быть, находилась и упомянутая Демократія), какъ это и приняли первый издатель надписи Кумануди[1]) и комментаторъ ея Грасбергеръ[2]), хотя первый счелъ нужнымъ оговориться, что о статуѣ или картинѣ Демократіи на Саламинѣ ему ничего неизвѣстно, а второй кромѣ того замѣтилъ, что во всякомъ случаѣ странно встрѣтить именно въ данномъ мѣстѣ такое краткое указаніе вмѣсто болѣе полнаго παρὰ τὴν ἐν Σαλαμῖνι Δημοκρατίαν, котораго нужно бы было ожидать на основаніи другихъ мѣстъ документа, гдѣ о. Саламинъ всегда точно обозначенъ. „Однако, продолжаетъ Грасбергеръ, упоминаетъ же Павсаній (I. 1, 3) о статуѣ Демоса въ Пирэѣ; подобное же изображеніе Демократіи могло существовать и въ общинѣ клеруховъ на Саламинѣ, хотя бы даже не изъ того времени, которое Страбонъ (IX, I, 11) разумѣетъ въ словахъ: ἔοικε δὲ τὸ παλαιὸν ἡ νῦν Σαλαμὶς καθ'ἑαυτὴν τάσσεσθαι". Нельзя не признать, что заключеніе отъ упоминанія о статуѣ Демоса на Пирэѣ къ существованію „подобнаго же" изображенія Демократіи въ Саламинѣ по меньшей мѣрѣ смѣло. Но если даже и допустить его, невольно рождается вопросъ: какимъ же образомъ интересующій насъ декретъ очутился въ Аѳинахъ, на одномъ камнѣ съ четырьмя остальными, изъ которыхъ въ двухъ первыхъ прямо сказано, что они должны были быть выставлены на пло-

[1]) Φιλίστωρ т. I стр. 48.

[2]) L. Grasberger, въ Verhandlungen d. philol. Gesellschaft in Würzburg 1862 г., стр. 32.

щади? [1]) Вѣдь въ декретѣ не сказано, чтобы онъ былъ изготовленъ въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ былъ бы выставленъ въ Аѳинахъ, другой въ Саламинѣ; напротивъ, выражено прямо и ясно: ἀναγράψαι εἰς στήλην λιθίνην. Противъ этого можно, пожалуй, возразить, что ефебы могли на свой счетъ вырѣзать копію этого декрета на одномъ камнѣ съ остальными постановленіями, сдѣланными въ честь ихъ народомъ; однако эти остальные документы того же года, равно какъ и всѣ предшествующіе и ближайшіе послѣдующіе по времени вырѣзаны на казенный счетъ (на деньги, выдававшіяся казначеемъ военныхъ суммъ); первое упоминаніе о собственныхъ издержкахъ коллегіи встрѣчается, если не ошибаюсь, только въ документахъ года арх. Аполлодора (между 48—42 гг. до Р. Хр. по мнѣнію Кёлера, C. I. A. II № 481). Наконецъ замѣченное уже Грасбергеромъ отсутствіе упоминанія о Саламинѣ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно было необходимо для избѣжанія недоразумѣнія, мнѣ представляется важнымъ доводомъ въ пользу принятія предположенія, что названная въ декретѣ статуя Демократіи находилась не на Саламинѣ, а въ Аѳинахъ [2]), и именно на агорѣ, какъ видно изъ 2-хъ первыхъ декретовъ, вырѣзанныхъ на томъ же камнѣ.

Какъ бы то ни было, ни въ приведенномъ мѣстѣ Павсанія, ни въ документѣ года архонта Агаѳокла нѣтъ ни малѣйшаго намека на существованіе въ Аѳинахъ культа Демократіи, и изображеніе ея на картинѣ Евфранора и въ статуѣ можно было считать только олицетвореніемъ идеи народоправленія, а не обоготвореніемъ ея. О послѣднемъ, пока не былъ найденъ нашъ счетъ B, можно было предполагать развѣ по аналогіи съ обоготвореніемъ самого державнаго народа, Демоса [3]). Зная теперь, что уже въ IV вѣкѣ въ Аѳинахъ совершаемы были ежегодно пышныя жертвоприношенія Демо-

[1]) Камень и найденъ былъ въ мѣстности агоры, при раскопкахъ на мѣстѣ церкви Παναγία Πυργιώτισσα. Ср. A. Dumont, Essai sur l'éphébie att. I, introd. p. IV.

[2]) Этого же мнѣнія держится К. Кейль (Philologus т. XXIII стр. 236 пр. 9).

[3]) Объ обоготвореніи Демоса см. Welcker, Griech. Götterlehre III, стр. 224; ср. замѣчанія Кейля въ Philologus XXIII, стр. 236.—Имѣя теперь прямыя свидѣтельства о культѣ Демократіи, можно видѣть намекъ на этотъ культъ и въ слѣдующей фразѣ оратора Антифонта (De chor. § 45): ἱεροποιῶν καὶ θύων ὑπὲρ τῆς δημοκρατίας... φανερὸς ἦ. Въ самомъ дѣлѣ, къ кому было естественнѣе всего обращаться съ мольбою объ охраненіи народнаго правленія, какъ не къ божественной его покровительницѣ?

кратіи, мы съ полнымъ правомъ, мнѣ кажется, можемъ отнести возникновеніе ея культа къ одному времени съ окончательнымъ переходомъ правленія въ руки народа, тѣмъ болѣе, что обоготвореніе Демократіи не вводило новаго божества въ сонмъ тѣхъ, которыхъ издревле чтилъ Аѳинскій народъ, а было слито съ величественнымъ образомъ дѣвственной богини, въ которой каждый Аѳинянинъ съ ранняго дѣтства привыкалъ видѣть главную покровительницу роднаго города. Это послѣднее свѣдѣніе сообщаетъ намъ надпись ΑΘΗΝΑΣ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ на обломкѣ пьедестала, найденномъ на акрополѣ близъ Пароенона и изданномъ въ первый разъ почтеннымъ археологомъ Л. Россомъ [1]). Надпись эта принадлежитъ, правда, довольно позднему римскому времени [2]), но врядъ ли можно допустить, чтобы обоготвореніе Демократіи въ лицѣ Аѳины произошло только въ позднѣйшую эпоху упадка, а не тогда, когда въ народѣ жили еще старинныя религіозныя вѣрованія, когда дѣвственная богиня казалась ему дѣйствительно могучею защитницею и покровительницею.

А что въ счетѣ В названа просто θυσία τῆι Δημοκρατίαι, а не τῆι Ἀθηνᾶι τῆι Δημοκρατίαι, это ничуть не должно насъ смущать; составителю счета, какъ и всякому Аѳинянину, было, конечно, досконально извѣстно, въ лицѣ какой именно богини была обоготворена демократія, такъ что прибавлять собственное имя богини казалось лишнимъ. Точно также встрѣчаемъ мы Παρθένος, безъ Ἀθηνᾶ, въ C. I. A. I, № 51, Πολιάς тамъ же въ № 190 и въ т. III, № 826, Λημνία у Лукіана [3]), Νίκη въ C. I. A. II, № 163 стр. 20 (извѣстный декретъ времени Ликурга объ устройствѣ празднованія Панаѳеней) и пр.,—такихъ примѣровъ можно было бы набрать не мало. Съ другой стороны сплошь да рядомъ встрѣчается и одно имя богини, Ἀθηνᾶ, безъ приложенія, особенно если не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, о какой именно Аѳинѣ идетъ рѣчь. Достаточно здѣсь припомнить, для примѣра, что въ спискахъ священныхъ сокровищъ богини-Дѣвы казначеи ея

---

[1]) Archäol. Aufsätze I, стр. 116; теперь также въ C. I. A. III, 1, № 165.

[2]) Въ самомъ низу пьедестала сохранились буквы ΗΡΩΙΔΗ, давшія Кейлю поводъ приписать постановку этой статуи благочестію и щедротамъ Герода Аттика; однако Диттенбергеръ (примѣч. къ надписи въ C. I. A.) не рѣшается принять безусловно мнѣніе Кейля: locus, ubi Herodis nomen positum est, говоритъ онъ, fortasse de artifice potius ut cogitemus suadet.

[3]) Luc. Imagg. 4. Λυκ. Τῶν δὲ Φειδίου ἔργων τί μάλιστα ἐπῄνεσας; Πολ. Τί δ᾽ἄλλο ἢ τὴν Λημνίαν, ᾗ καὶ ἐπιγράψαι τοὔνομα Φειδίας ἠξίωσε; (Ср. тамъ же, 6). Ср. Paus. I, 28, 2: Ἀθηνᾶς ἄγαλμα, ἀπὸ τῶν ἀναθέντων καλουμένης Λημνίας.

всегда называются просто ταμίαι τῶν ἱερῶν χρημάτων τῆς Ἀθηναίας (или Ἀθηνᾶς), безъ прибавленія τῆς Παρθένου.

Зная теперь, что божественною представительницею народоправленія считалась именно Аѳина и что жертвоприношеніе ей совершаемо было въ одинъ изъ самыхъ первыхъ дней Елевсиній, нельзя не обратить вниманія на одинъ изъ важнѣйшихъ аѳинскихъ эпиграфическихъ документовъ эпохи римскихъ императоровъ, именно С. I. A. III, 1, № 5, въ которомъ есть загадочное упоминаніе о жрицѣ Аѳины [1]). Документъ этотъ представляетъ собою народное постановленіе объ участіи ефебовъ въ процессіяхъ Елевсинскаго праздника, состоявшееся вѣроятно по предложенію членовъ рода Евмолпидовъ, основанному на законахъ о мистеріяхъ, которые возлагали на Евмолпидовъ заботу о благолѣпномъ устройствѣ процессій изъ Елевсина въ городъ и обратно. Вслѣдствіе находящагося въ документѣ упоминанія о совѣтѣ 500-тъ, онъ не можетъ быть древнѣе царствованія Адріана и скорѣе всего относится, по мнѣнію Диттенбергера, ко временамъ Марка Аврелія. Но такъ какъ этотъ декретъ изданъ народомъ именно съ цѣлью возстановленія въ старинномъ видѣ (κατὰ τὰ ἀρχαῖα νόμιμα въ стр. 7, κατὰ τὰ πάτρια въ с. 14) порядковъ праздничныхъ процессій, съ теченіемъ времени разстроившихся или измѣнившихся, то наука имѣетъ право пользоваться имъ, какъ источникомъ для ознакомленія со способами совершенія Елевсинскихъ празднествъ и въ болѣе древнія времена. Для насъ важно главнымъ образомъ начало декрета, которое читается слѣдующимъ образомъ по возстановленію Диттенбергера:

(a)

2. ... Ἐπειδὴ οἱ περὶ τῶν μυ]στηρί-
[ων νόμοι προς]κάττ[ουσι τῷ γένει τῶν Εὐμο]λπιδῶν

---

[1]) Семь обломковъ этого документа найдены въ 1860 г. при раскопкахъ у церкви Св. Димитрія Κατηφόρης и изданы Куманудисомъ въ Φιλίστωρ, т. II стр. 238 (перепечатаны А. Моммзеномъ въ Heortologie, стр. 227). Диттенбергеру посчастливилось найти въ C. I. Gr. подъ № 118 еще одинъ обломокъ, весьма важный для пониманія цѣлаго (находящійся теперь въ Британскомъ музеѣ), вмѣстѣ съ которымъ онъ вновь издалъ и подробно объяснилъ документъ въ I томѣ Hermes'а, стр. 405 и сл. Находящійся въ Англіи обломокъ (съ перепечаткою цѣлаго документа и комментаріями) вновь изданъ въ 1874 г. Гиксомъ въ Ancient Greek Inscr. of Brit. Museum т. I, № XIX. Въ C. I. A. текстъ этого фрагмента (отмѣченнаго буквою *a* въ приводимыхъ нами строкахъ декрета) данъ по изданію Гикса, а остальныхъ—по копіи Кёлера.

[ἐπιμελεῖσθαι], ὅπως ἄ[ν ἀεὶ παραπεμφθ]είη τὰ ἱερὰ [εὐκόσμω]ς Ἐλευσεινό[θεν εἰς ἄστυ καὶ ἐξ]άστεως Ἐ[λευσεῖν]άδε, ἀγαθῆι τύχ[ηι δεδόχθαι] τῶι δήμωι προς[τάξαι] τῶι κοσμητῆι τῶν [ἐφήβων κ]ατὰ τὰ ἀρχαῖα νόμι[μα ἄ]γειν Ἐλευσῖνάδε τού[ς ἐφήβ]ους τῆι τρίτηι ἐπὶ δέ[κα τ]οῦ Βοηδρομιῶνος με[τὰ το]ῦ εἰθισμένου σχήμα[τος] τῆς ἅμα ἱεροῖς πομπ[ῆς, ἵ]να τῆι τετράδι ἐπὶ δέκα πα[ραπ]έμψωσιν τὰ ἱερὰ μέ[χρι] τοῦ Ἐλευσεινίου τοῦ ὑπὸ [τῆι π]όλει, ὡς ἂν κόσμο[ς τ]ε πλείων καὶ φρουρὰ μείζων [περὶ] τὰ ἱερὰ ὑπάρχο[ι, ἐ]πειδὴ καὶ ὁ φαιδυντὴς τοῖν Θε[οῖν] ἀγγέλλει κ[ατ]ὰ τὰ πάτρια τῆι ἱερείαι τῆς Ἀθηνᾶς ὡς [ἥκει τὰ] ἱερὰ κ[αὶ] ἡ παραπέμπουσα στρατιά κτλ.

Елевсинскія празднества были, можно сказать, самыми важными для ефебіи. Для ефебовъ обязательно было участіе во всѣхъ процессіяхъ и жертвоприношеніяхъ этихъ празднествъ, въ томъ числѣ и въ торжественной помпѣ, сопровождавшей изъ Елевсина въ Аѳины священную утварь и статуи Елевсинскихъ богинь (такъ объясняетъ Диттенбергеръ въ Hermes I с. 409 слово τὰ ἱερά); многіе ефебовскіе документы, по времени значительно предшествующіе только что приведенному (II и I вв. до Р. Хр., C. I. A. II, 466 и слл.), изобилуютъ подробностями относительно этого участія ефебовъ въ праздникахъ. Мы не будемъ здѣсь касаться его, такъ какъ оно уже подробно разсмотрѣно сначала Диттенбергеромъ, потомъ А. Моммзеномъ и другими учеными, занимавшимися изученіемъ ефебіи ¹). Замѣтимъ только, что въ II и I вв. до Р. Хр. ефебы не ходили въ самый Елевсинъ для сопровожденія оттуда процессіи въ городъ, а выходили только на встрѣчу ей до извѣстнаго пункта на священной дорогѣ (именно μέχρι τῆς Ἠχοῦς, C. I. A. II, 470) и потомъ сопровождали ее, и что изъ приведеннаго нами декрета впервые сдѣлался извѣстенъ день этой процессіи, да и то только тогда, когда къ началу его былъ приложенъ Диттенбергеромъ фрагментъ C. I. Gr. № 118, такъ что Моммзенъ еще не зналъ дня процессіи („Gewisse heilige Gegenstände... werden in Tagen vor dem XIX nach Athen abgegangen sein". Heort. стр. 252).

¹) Dittenberger, De ephebis atticis стр. 61; A. Mommsen, Heortologie стр. 252; Dumont, Essai sur l'éphébie, I p. 260 sv.; L. Grasberger въ Verhandl. d. phil. Ges. in Würzburg и въ Erziehung u. Unterricht im class. Altertum т. III (die Ephebenbildung) стр. 120 сл. (Würzburg, 1881).

Весьма интересное замѣчаніе (въ концѣ приведенной нами части декрета) о томъ, что фэдинтъ Елевсинскихъ богинь объявлялъ жрицѣ Аѳины о прибытіи въ городъ священныхъ предметовъ и конвоировавшаго ихъ войска, обратило на себя особенное вниманіе Диттенбергера при первомъ изданіи имъ декрета; но придуманное имъ объясненіе не можетъ не казаться весьма натянутымъ: по его мнѣнію, между τὰ ἱερά навѣрное были статуи обѣихъ Елевсинскихъ богинь (это онъ заключаетъ изъ того, что въ процессіи участвовалъ фэдинтъ, на которомъ, по объясненію Гесихія, лежала забота о чистотѣ и сохранномъ содержаніи статуй); такъ какъ обѣ богини, слѣдовательно, сами прибывали въ Аѳины, то было весьма естественно, что жрица городской богини была извѣщаема объ этомъ посѣщеніи [1]). Но какую цѣль, спрашивается, могъ имѣть этотъ докладъ фэдинта? Испрошеніе богинямъ позволенія побывать въ городѣ? Но вѣдь онѣ не были въ немъ чужестранками, ихъ культъ существовалъ въ Аѳинахъ и кромѣ того онѣ являлись не на акрополь, а въ свой собственный городской храмъ (стр. 11-я декрета); кромѣ того нельзя еще считать вполнѣ доказаннымъ, что между ἱερά были и самыя статуи, фэдинтъ могъ завѣдывать исправнымъ содержаніемъ и прочей утвари [2]). На основаніи мнѣнія почтеннаго ученаго можно бы, пожалуй, предположить, что о прибытіи Елевсинскихъ богинь фэдинтъ ихъ долженъ былъ докладывать жрецамъ и жрицамъ и всѣхъ прочихъ городскихъ боговъ, или что предъ началомъ каждаго праздника и жертвоприношенія жрецъ или жрица божества, въ честь котораго имѣлъ быть праздникъ, должны были докладывать объ этомъ жрицѣ Аѳины и испрашивать ея позволенія совершить жертвоприношеніе!

---

[1]) «Die hier erwähnte Meldung des φαιδυντής an den Priester (!!) der Athene könnte auffallend erscheinen, da letztere zu dem Feste der eleusinischen Gottheiten keine Beziehung hat. Ich erkläre mir die Sache so: unter den ἱερά, deren Ankunft der Phädynt meldet, mögen zwar mit Mommsen (Heort. S. 263) zum Theil allerlei zum Dienst des Iacchos gehörige Geräthschaften», namentlich das aus kostbaren Stoffen gearbeitete Spielzeug des göttlichen Kindes mit zu verstehen sein, vor Allem aber waren darunter gewiss die Bilder der beiden eleusinischen Göttinnen... Da also die beiden Göttinnen von Eleusis selbst nach Athen kommen, so ist es ganz natürlich, das dem Priester der Stadtgöttin von diesem Besuche Meldung gemacht wird». Hermes I стр. 409. Гиксъ (Anc. Gr. inscr. стр. 37) соглашается съ этимъ объясненіемъ Диттенбергера.

[2]) Моммзенъ (Heort. стр. 236) допускаетъ даже предположеніе, что названный въ декретѣ ѳэдинтъ состоялъ при городскомъ Елевсиніи и, стало быть, вовсе не сопровождалъ процессіи.

Совершенно въ иномъ свѣтѣ представится дѣло, если мы примемъ упоминаемую въ декретѣ Аѳину за Аѳину-Демократію. Жертвоприношеніе ей было совершаемо, какъ мы знаемъ, въ одинъ изъ первыхъ дней Елевсиній. Упомянутая въ декретѣ процессія была, очевидно, первымъ актомъ этого праздника [1]),—значитъ жертвоприношеніе не могло быть совершаемо раньше ея; трудно допустить также, чтобы оно имѣло мѣсто въ день процессіи до прибытія ея въ городъ, такъ какъ въ ней участвовало, какъ видно изъ декрета, множество народа и войско (въ позднѣйшія времена замѣнявшееся вооруженною коллегіею ефебовъ), навѣрное и должностныя лица и между ними стратеги, которые завѣдывали матеріальною стороною жертвоприношенія Демократіи. Докладъ фэдинта жрицѣ Аѳины о прибытіи процессіи могъ быть установленъ ритуаломъ именно для того, чтобы дать ей знать, что народъ и войско (подъ войскомъ Диттенбергеръ l. c. совершенно вѣрно понимаетъ вооруженную гражданскую общину) возвратились въ городъ и что поэтому она можетъ приступить къ жертвоприношенію или, по крайней мѣрѣ, заняться приготовленіями къ нему. При такомъ пониманіи прибавленіе ἡ παραπέμπουσα στρατιά является совершенно понятнымъ и даже необходимымъ въ докладѣ фэдинта, между тѣмъ какъ если принимать объясненіе Диттенбергера, эти слова кажутся совершенно излишними. А что богиня названа въ декретѣ только собственнымъ именемъ, безъ приложенія Δημοκρατίας, это можно объяснить тѣмъ, что во время изданія декрета каждый Аѳинянинъ зналъ, какой именно Аѳинѣ совершалось жертвоприношеніе въ одинъ изъ первыхъ дней Елевсиній (и ужъ конечно никому не приходило въ голову, что пропускъ приложенія представитъ такое затрудненіе при объясненіи декрета 17 вѣковъ спустя!), или, если угодно, на оборотъ,—что въ тѣ позднія времена, къ которымъ относится интересующій насъ декретъ, когда самая демократія существовала только по имени, могло отойти на задній планъ представленіе о томъ, что во время Елевсинскихъ празднествъ Аѳина была чествуема жертвоприношеніемъ именно какъ божественная представительница народоправленія, и могъ удержаться только κατὰ τὰ πάτρια обычай приносить въ это время жертву Аѳинѣ просто какъ покровительницѣ города. Послѣднее предположеніе однако менѣе вѣроятно: вѣдь самая статуя Ἀθηνᾶς Δημοκρατίας на акрополѣ,

---

[1]) О другихъ мнѣніяхъ на счетъ этой процессіи будетъ сказано ниже.

отъ которой сохранился обломокъ пьедестала, была воздвигнута, судя по надписи, только въ римскія времена.

Принимая, что фэдинтъ докладывалъ о прибытіи процессіи въ городъ именно жрицѣ Аѳины-Демократіи, и объясняя цѣль этого доклада такъ, какъ изложено выше, весьма естественно предположить, что жертвоприношеніе Демократіи совершалось въ самый день прибытія процессіи въ городъ, то есть 14-го числа Боедроміона; однако есть нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ вѣроятнѣе будетъ отнести его на слѣдующій день, то есть на 15-е число. Прежде всего въ пользу этого говоритъ показаніе Діонисія Галикарнасскаго, что пятнадцатое число мѣсяца было посвящено Аѳинѣ [1]); а что жертвы божествамъ были приносимы преимущественно въ ихъ праздники и посвященные имъ дни, когда божества особенно могли ихъ ожидать,— это фактъ общеизвѣстный [2]). Кромѣ того одинъ вновь найденный дельфійскій документъ даетъ основаніе думать, что у Грековъ вообще было въ обычаѣ, чтобы всѣ приготовленія къ праздникамъ и жертвоприношеніямъ были оканчиваемы заблаговременно, по крайней мѣрѣ наканунѣ [3]). Ритуальный докладъ фэдинта жрицѣ Аѳины-Демократіи конечно не потеряетъ своего значенія, если мы предположимъ, что жертвоприношеніе имѣло мѣсто только на слѣдующій день по прибытіи Елевсинской процессіи: онъ могъ быть установленъ съ цѣлью предупредить жрицу, что все обстоитъ благополучно и нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы приступить къ приготовленіямъ для жертвоприношенія. Да наконецъ почему же не предположить, что самый докладъ дѣлался только 15-го числа? Вѣдь изъ документа не видно, чтобы фэдинтъ шелъ съ докладомъ къ жрицѣ немедленно по прибытіи процессіи. Наконецъ, первое изъ извѣстныхъ уже намъ народныхъ постановленій въ честь ефебовъ года арх. Аристарха (C. I. A. II, 470) сдѣлано при арх. Агаѳоклѣ именно 14-го числа Боедроміона,— значитъ въ этотъ день могло быть созываемо народное собраніе. Оно могло имѣть мѣсто не иначе, какъ по прибытіи процессіи изъ Елевсина

[1]) De arte rhet. 3, 1: Εἰ δὲ πεντεκαιδεκάτῃ εἴη [то-есть рожденіе ребенка,— то можно сказать при поздравленіи] ὅτι καὶ αὐτὴ τῆς Ἀθηνᾶς и т. д.

[2]) Ср. K. F. Hermann, Gottesd. Alterth. § 44.

[3]) Декретъ города Дельѳъ о распоряженіи суммами, пожертвованными Атталомъ II, изданный г. Haussoullier въ Bull. de corr. hell. V (1881), p. 157 sv.— См. tranche, l. 11 et sv: Τᾶι δὲ δωδεκάτ[αι] τοῦ Ἡρακλείου μηνὸς ἐχέτωσαν (οἱ ἐπιμεληταὶ) τὰ ἱερεῖα ἕτοιμα, τᾶι δὲ τρεισκαιδεκάται πομπευόντω οἵ τε ἱερεῖς τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ τῶν ἄλλων θεῶν κτλ.

въ городъ: не говоря уже о томъ, что въ процессіи, какъ прямо видно изъ декрета С. І. А. III, 5, участвовало множество народа, въ томъ числѣ навѣрное и чиновники,—присутствіе въ народныхъ собраніяхъ было обязательно для ефебовъ, какъ свидѣтельствуютъ многіе ихъ документы [1]). Процессія едва-ли прибывала въ городъ раньше полудня, такъ какъ двигалась она медленно, останавливаясь на дорогѣ для совершенія различныхъ священныхъ обрядовъ и для отдыха [2]),—и стало быть, если послѣ нея было еще народное собраніе, то жертвоприношеніе Демократіи въ тотъ же день могло быть совершено развѣ вечеромъ, что невѣроятно. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что свидѣтельство документа года Агаѳокла о народномъ собраніи 14-го Боедроміона вообще очень трудно согласовать съ показаніемъ вышеприведеннаго декрета о томъ, что процессія изъ Елевсина въ Аѳины совершалась въ этотъ же день: вопервыхъ, извѣстные стихи въ началѣ „Ахарнянъ" Аристофана (ст. 19 и 20) даютъ намъ положительное свидѣтельство, что народныя собранія, по крайней мѣрѣ въ современную комику эпоху, начинались рано утромъ; во вторыхъ вообще трудно вѣрить, чтобы послѣ торжественной процессіи усталый народъ имѣлъ охоту еще разсуждать о дѣлахъ въ собраніи, а ефебы, конвоировавшіе эту процессію въ полномъ вооруженіи, не тяготились бы присутствовать въ собраніи также вооруженные. Однако, выраженіе κατὰ τὰ ἀρχαῖα νόμιμα въ нашемъ декретѣ не позволяетъ думать, чтобы процессія изъ Елевсина совершалась 14-го числа только въ позднія времена, уже послѣ года арх. Агаѳокла, а раньше имѣла мѣсто въ какой нибудь другой день; скорѣе, мнѣ кажется, можно считать нар. собраніе 14-го числа въ годъ Агаѳокла исключеніемъ, вызваннымъ какими нибудь особыми обстоятельствами, тѣмъ болѣе, что по настоящее время не встрѣчались другіе декреты, отмѣченные 14-мъ числомъ Боедроміона [3]).

Гдѣ было совершаемо жертвоприношеніе Демократіи, на акрополѣ-ли, или на площади, или въ какомъ либо другомъ мѣстѣ города, изъ

---

[1]) См. объ этомъ Dumont, Essai sur l'éph. I, стр. 144; Grasberger, Ephebenbildung стр. 136.

[2]) См. Mommsen, Heort. стр. 252.

[3]) Такъ какъ годъ службы и учебныхъ занятій ефебовъ начинался и оканчивался мѣсяцемъ Боедроміономъ (Grasberger, Ephebenbild. с. 119), то народныя постановленія въ честь ихъ дѣлались обыкновенно въ одномъ изъ собраній этого мѣсяца; сохранились декреты отъ 20-хъ чиселъ его (С. I. А. II, № 316), отъ 18-го (№ 330), 10-го (№ 469), 9-го (№ 467 и 471), 6-го (№ 481), 4-го (№ 482).

вышеприведенныхъ документовъ неизвѣстно. Нѣтъ также данныхъ и для рѣшенія вопроса, почему для этого жертвоприношенія было избрано именно начало Елевсинскихъ празднествъ. Можно только замѣтить, что именно въ Аттикѣ культъ Аѳины нерѣдко былъ соединяемъ съ культомъ Деметры. Велькеръ [1]) указываетъ въ видѣ примѣровъ на праздникъ Аѳины Скирады [2]), на то, что родъ Фиталидовъ почиталъ Аѳину и Посидона вмѣстѣ съ Зефиромъ, Деметрою и Корою (Павс. I, 37, 1), а въ Фліейскомъ демѣ въ одномъ и томъ же храмѣ находились алтари Деметры-Анесидоры, Зевса-Ктесія, Аѳины-Тиѳроны, Коры-Протогоны и такъ называемыхъ Почтенныхъ богинь (Σεμναὶ θεαί. Павс. I, 31, 4), и на προχαριστήρια.

Вотъ, кажется, все, что можно пока сказать о жертвоприношеніи Демократія; будемъ надѣяться, что новыя эпиграфическія открытія рано или поздно, быть можетъ, позволятъ опредѣлить степень вѣрности изложенныхъ соображеній и представятъ данныя для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Остается сказать нѣсколько словъ о самихъ Елевсинскихъ празднествахъ, именно о днѣ начала ихъ. Разсматривая декретъ C. I. A. III № 5, мы принимали за несомнѣнное, что упоминаемая въ немъ процессія 14-го Боедроміона имѣла отношеніе къ Елевсиніямъ, что τὰ ἱερά, переносившіяся въ ней изъ Елевсина въ Аѳины, были нужны для обрядовъ городской половины празднествъ (до 20-го числа); и дѣйствительно, при первомъ же взглядѣ на приведенныя строки декрета можно найти въ нихъ неопровержимыя доказательства этому, особенно если сопоставить ихъ съ показаніями нѣсколькихъ ефебовскихъ документовъ, въ которыхъ эта самая процессія всегда ставится рядомъ съ процессіею Іакха 20-го числа того же мѣсяца и непосредственно предъ упоминаніемъ о жертвоприношеніи быковъ ефебами въ Елевсинѣ во время мистерій [3]). Диттенбергеръ, ком-

[1]) Griech. Götterlehre I, стр. 313.—Ср. замѣч. Бёттихера въ Philologus т. XXII, стр. 238 сл.

[2]) Однако А. Моммзенъ (Heort. стр. 442 пр. 1) отвергаетъ мнѣніе, что праздникъ Скирофорій совершаемъ былъ также въ честь Деметры и Коры.

[3]) Напримѣръ C. I. A. II, № 467 (года арх. Медія, то есть 100 г. до Р. Х.) стр. 9—11: Ἐποιήσαντο δὲ (οἱ ἔφηβοι) καὶ τὴν ὑπαπάντησιν τοῖς ἱεροῖς ἐν ὅπλοις (№ 470 доб. μέχρι τῆς Ἠχοῦς) καὶ προέπεμψαν αὐτά, καὶ τὸν Ἴακχον ὡσαύτως· ἤραντο δὲ καὶ τοῖς μυστηρίοις τοὺς βοῦς ἐν Ἐλευσῖνι τῆι θυσίαι καὶ αὐτοὶ ἐβουθύτησαν ἐν τῶι περιβόλωι τοῦ ἱεροῦ.

ментируя этотъ декретъ (въ Hermes'ѣ), ни единымъ словомъ не выражаетъ сомнѣнія въ томъ, что процессія 14-го числа относилась къ Елевсиніямъ. Остается только удивляться, читая въ „Essai sur l'éphébie“ Дюмона (т. I стр. 264) съ большимъ апломбомъ высказанное мнѣніе, что она совершалась по случаю праздника προηρόσια [1]). Мнѣніе это, впрочемъ, не принадлежитъ всецѣло г. Дюмону, а подсказано ему соображеніями, которыя высказалъ А. Моммзенъ (Heortol. стр. 219 и сл.) относительно времени этого послѣдняго праздника, коснувшись при этомъ и нашего декрета объ участіи ефебовъ въ Елевсиніяхъ. Зная его еще только по изданію въ „Филисторѣ“, безъ фрагмента *a*, и потому имѣя дѣло въ началѣ документа лишь съ отдѣльными словами или отрывками фразъ, между которыми находились упоминанія о 13-мъ и 14-мъ числахъ (Боедроміона), почтенный авторъ „Эортологіи“ могъ, конечно, подумать, что въ остаткахъ строкъ 1—15 декрета шла рѣчь еще не объ Елевсиніяхъ; а такъ какъ по его соображеніямъ Проеросіи праздновались именно 13-го Боедроміона, то предположеніе, что въ этихъ строкахъ находились какіе нибудь регламенты относительно этого послѣдняго праздника, являлось у него само собою, хотя онъ и высказалъ его очень осторожно. Послѣ полнаго изданія декрета Диттенбергеромъ онъ самъ навѣрное не повторилъ бы своего прежняго мнѣнія.

---

[1]) Считаю нужнымъ привести подлинныя слова французскаго ученаго: «Je crois qu' il s' agit d'une cérémonie distincte des grandes Éleusiniennes; il me paraît impossible de transporter au 14 la procession à la mer [да и не зачѣмъ!], qui, d' après des textes précis, avait lieu le 16, de placer la course des éphèbes jusqu' au lieu appelé Ἦχος [такъ!] entre le 15 et le 20, puisque l' inscription CXXII [т. е. C. I. A. III, № 5] donne la date du 14. Je proposerais une opinion qui n'est pas certaine, mais qui du moins respecte tous les témoignages connus. Les Proérosies [курсивъ въ текстѣ] se célébraient aux environs des Grandes Éleusiniennes; M. A. Mommsen les place au 13 de boédromion, par conjecture et en citant un calendrier rustique qui indique à cette date des sacrifices pour les travaux de la terre. Les éphèbes allaient à Éleusis aux Proérosies; les marbres le disent formellement; ils y faisaient des sacrifices comme aux Grandes Éleusiniennes. Ce serait donc à cette occasion qu' aurait eu lieu cette procession du 14 dont les auteurs n'ont pas parlé, et à cette date l'usage aurait été de porter d' Éleusis à Athènes des objets sacrés». — Интересно было бы узнать отъ г. Дюмона, какая могла существовать причина для этого usage и что ему извѣстно о прямомъ отношеніи Проеросій къ Елевсиніямъ?—Грасбергеръ въ объясненіи занимающаго насъ мѣста декрета C. I. A. III, № 5 (Ephebenbildung, стр. 129) не идетъ дальше Моммзена.

Между тѣмъ г. Дюмонъ, затрудняясь согласить дату первой процессіи изъ Елевсина въ Аѳины въ нашемъ декретѣ съ различными свидѣтельствами о времени начала великихъ Елевсиній, съ радостью ухватился за это мнѣніе, не замѣтивъ даже противорѣчія, въ которое онъ впалъ съ самимъ собою: въ вышеприведенной цитатѣ онъ утверждаетъ, что высказываемое имъ мнѣніе respecte tous les témoignages connus, а нѣсколькими строками ниже считаетъ необходимымъ замѣтить, что Проеросіи приводятся въ ефебовскихъ документахъ послѣ мистерій. Мнѣ кажется, что этимъ послѣднимъ аргументомъ пренебрегать не слѣдовало. Безъ сомнѣнія и въ декретѣ C. I. A. III, 5 было бы хотя вскользь упомянуто о Проеросіяхъ, если бы они имѣли мѣсто 13-го числа, тѣмъ болѣе, что въ этотъ праздникъ, какъ извѣстно изъ ефебовскихъ документовъ, ефебы совершали жертвоприношенія въ Елевсинскомъ храмѣ; между тѣмъ въ декретѣ сказано, что 13 числа ефебы подъ предводительствомъ космета должны были только выходить изъ Аѳинъ и притомъ исключительно съ цѣлью сопровожденія процессіи на слѣдующій день. Такимъ образомъ, на слова Моммзена (Heort. стр. 219): „wäre die Inschrift (то-есть нашъ декретъ) vollständig, so würden wir vielleicht wissen, ob XIII Boëdromion der Proërosientag war oder nicht" можно, кажется, съ полнымъ правомъ отвѣтить отрицательно,—что Проеросіи совершались не въ этотъ день, а вѣроятно въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ Елевсинскихъ празднествъ, до 7-го числа слѣдующаго мѣсяца Піанопсіона. Самое мѣсто Свиды, приводимое Моммзеномъ (стр. 218) въ доказательство того, что Проеросіи праздновались раньше 7-го Піанопсіона, говоритъ, на мой взглядъ, противъ возможности помѣщенія ихъ далеко отъ отъ этого послѣдняго срока: по объясненію лексикографа, въ этотъ день была посвящаема Аполлону εἰρεσιώνη (масличная вѣтвь, обвитая шерстью и увѣшанная плодами) въ благодарность за то, что онъ посовѣтовалъ принести богинѣ Део жертву προηρόσια для избавленія отъ эпидемической болѣзни (λοιμός). Едва ли благодарственный актъ (εἰρεσιώνη) можно отодвинуть на значительный промежутокъ времени отъ того, что̀ послужило его причиною (προηρόσια).

Возвратимся опять къ Елевсиніямъ послѣ этого отступленія, оказавшагося довольно длиннымъ. Итакъ, процессія 14-го числа имѣла отношеніе къ этому празднику. Но такъ какъ ея значеніе было только подготовительное и, строго говоря, дѣйствительное начало мистерій (то-есть первый день, въ который совершались мистическіе обряды) было лишь 16-го числа, то, быть можетъ, 14-е число и не причисля-

лось еще къ праздничнымъ днямъ? На этотъ вопросъ не позволяетъ отвѣтить утвердительно счетъ τοῦ δερματικοῦ В, въ которомъ Елевсиніи поставлены впереди жертвоприношенія Демократіи, совершавшагося по нашему разсчету 15-го числа. Стало быть, ἀγυρμός—такъ назывался первый день мистерій по прямому показанію Гесихія (s. v.)—долженъ быть передвинутъ съ 15-го числа на 13-е или по крайней мѣрѣ на 14-е. Мнѣ кажется, что вѣрнѣе будетъ поставить его на 14-е, день полнолунія: это будетъ вполнѣ согласоваться съ извѣстнымъ показаніемъ Плутарха (біогр. Алекс. гл. 31), что въ 331 году въ Боедроміонѣ мѣсяцѣ было лунное затмѣніе какъ разъ при началѣ мистерій (περὶ τὴν τῶν μυστηρίων τῶν 'Αθήνησιν ἀρχήν). Нѣтъ надобности думать, что народъ собирался на праздникъ въ Аѳины наканунѣ процессіи,—желавшіе сопровождать ее изъ Елевсина могли сходиться туда, а остальные могли прибывать утромъ въ Аѳины и потомъ встрѣчать процессію на священной дорогѣ или въ самомъ городѣ [1]). Моммзена побудило отнести ἀγυρμόν на 15-е число главнымъ образомъ, повидимому, то обстоятельство, что еслибы поставить его на 14-е, то 15-е не было бы занято никакими священнодѣйствіями или обрядами; теперь этой помѣхи не существуетъ, и для каждаго дня городской половины празднествъ имѣются особыя священнодѣйствія: 14-го числа — ἀγυρμός, перенесеніе τῶν ἱερῶν въ торжественной процессіи изъ Елевсина въ Аѳины, 15-го—жертвоприношеніе Демократіи, 16-го—ἅλαδε μύσται и т. д.

Это послѣднее обстоятельство, то-есть что начиная съ 14-го числа всѣ дни Елевсинскихъ празднествъ заняты были особыми священнодѣйствіями и обрядами, не позволяетъ предполагать, чтобы торжественная процессія, открывавшая празднества, была перенесена на 14-е число только въ поздніе времена (что склоненъ былъ допустить Диттенбергеръ въ Hermes I, 408 и сл.), а раньше совершаема была хотя бы днемъ позже. Нужно думать, что по крайней мѣрѣ уже въ IV вѣкѣ, когда жертвоприношеніе Аѳинѣ Демократіи совершалось съ

[1]) Такимъ образомъ подтверждается предположеніе Германна (Gottesd. Alterth. § 55, 8), что Елевсиніи могли начинаться уже 14-го Боедроміона, и замѣчаніе Диттенбергера (De ephebis att. p. 61) о разсмотрѣнномъ нами декретѣ: «Quum... nexus sententiarum propter mutilam tituli condicionem restitui nequeat, utro ex his diebus [то-есть 13 и 14] facta sit illa pompa, non liquet, sed alterutri eorum adscribendam esse certum est. Quare non potest amplius initium Eleusiniorum ad quintum decimum Boëdromionis diem referri.

большою пышностью (судя по значительной суммѣ въ 414 др. 3 обола, вырученной ἐκ τοῦ δερματικοῦ отъ этого жертвоприношенія въ годъ арх. Никиты), для него былъ уже назначенъ особый день. Выраженія κατὰ τὰ ἀρχαῖα νόμιμα, κατὰ τὰ πάτρια и др. въ декретѣ C. I. A. III, 5, на которыя мы уже не разъ обращали вниманіе, также свидѣтельствуютъ въ пользу древности процессіи 14-го числа. Формула доклада ѳэдинта жрицѣ Аѳины „[ἦκει τὰ] ἱερὰ . καὶ ἡ παρακέμπουσα στρατιά" очевидно была, такъ сказать, стереотипною и вела свое происхожденіе изъ тѣхъ временъ, когда для охраны процессіи и вмѣстѣ съ тѣмъ для приданія ей большей пышности ее сопровождала въ полномъ вооруженіи вся община гражданъ, а не только малочисленный отрядъ ефебовъ (къ которому не приложимо слово στρατιά). Формула эта невольно напоминаетъ намъ прямое показаніе Ѳукидида о сопровожденіи процессій вооруженными гражданами (VI, 58, при разсказѣ объ убіеніи Гиппарха Гармодіемъ и Аристогитономъ): Οὐκ ἐπὶ τὸ γενόμενον, ἀλλ' ἐπὶ τοὺς πομπέας τοὺς ὁπλίτας... εὐθὺς ἐχώρησε (Ἱππίας)... μετὰ γὰρ ἀσπίδος καὶ δόρατος εἰώθεσαν τὰς πομπὰς ποιεῖν.

Въ заключеніе полагаю нелишнимъ представить въ одной таблицѣ обзоръ извѣстныхъ теперь вполнѣ (съ начала до конца года) аѳинскихъ праздниковъ, отъ которыхъ государственная казна получала τὸ δερματικόν въ 30-хъ годахъ IV в. до Р. Х., съ показаніемъ времени каждаго изъ нихъ, насколько оно извѣстно, и должностныхъ лицъ, завѣдывавшихъ матеріальною ихъ стороною [1]).

[1]) Въ таблицѣ отмѣчены звѣздочкою тѣ праздники, которые совершались не ежегодно и потому записаны только въ одномъ какомъ нибудь изъ сохранившихся 4-хъ отрывковъ счетовъ. Надо еще замѣтить, что нѣкоторыми праздниками въ разные годы завѣдывали разныя коллегіи должностныхъ лицъ; но я позволилъ себѣ не касаться здѣсь этой разницы (равно какъ и вопроса о томъ, почему нѣкоторые изъ извѣстныхъ аѳинскихъ праздниковъ вовсе не упомянуты въ счетахъ τοῦ δερματικοῦ), ограничившись только точнымъ обозначеніемъ ея въ таблицѣ. Въ обозначеніи даты праздниковъ я слѣдую Моммзену. Въ прямыя скобки заключены въ таблицѣ слова и буквы, которыя не сохранились въ извѣстныхъ до сихъ поръ счетахъ, но возстановляются съ большею или меньшею достовѣрностью. Черточки, поставленныя въ рубрикѣ «время праздниковъ» противъ названій нѣкоторыхъ праздниковъ, обозначаютъ, что мѣсяцъ и день совершенія каждаго изъ нихъ еще неизвѣстенъ.

№№ праздниковъ.	№№ мѣсяцевъ.	Время праздниковъ.	Названія праздниковъ.	Завѣдывавшіе праздниками.
1	1	'Εκατομβαιῶνος 16.	Θυσία τῇ Εἰρήνῃ.	στρατηγοί.
2	—	'Εκατομβαιῶνος, между 16 и 23 [1]).	*Θυσία τῷ Ἄμμωνι (въ сч. А).	στρατηγοί.
3	—	'Εκατομβαιῶνος 28—29.	Παναθήναια.	ἱεροποιοί.
4	3	Βοηδρομιῶνος 14—25.	Ἐλευσίνια.	ἱεροποιοί.
5	—	Βοηδρομιῶνος 15.	Θυσία τῇ Δημοκρατίᾳ.	στρατηγοί.
6	—	Βοηδρομιῶνος 18?	Ἀσκληπιεῖα ('Επιδαύρια).	βοῶναι.
7	4	Πυανοψιῶνος 8—9.	Θησεῖα.	[στρατηγοί].
8	6	Ποσειδεῶνος 8—11.	Διονύσια τὰ ἐμ Πειραιεῖ.	[βοῶναι] въ А. στρατηγοί въ С.
9	—	—	*[Θυσ]ία [τῇ Δήμητρι καὶ τῇ Κόρῃ] τῇ Δαείρ[ᾳ].	[ἐπίμεληταί].
10	7	Γαμηλιῶνος 8—11.	Διονύσια τὰ ἐπὶ ληναίῳ.	μυστηρίω[ν ἐπιμ]ελητ[αί] въ А. στρατηγοί въ С [и Rang. № 842].
11	—	—	Θυσία τῇ Ἀγαθῇ Τύχῃ.	ἱεροποιοί въ А [и R. 842]. [ἱερ. κα]ὶ στρατ[ηγοί] въ С.
12	9	Ἐλαφηβολιῶνος 8.	Ἀσκληπιεῖα.	ἱεροποιοί.
13	—	Ἐλαφηβολιῶνος 8—13.	Διονύσια τὰ ἐν ἄστει.	βοῶναι въ А. [στρατηγοί?] R. 842.
14	10	Μουνιχιῶνος 19?	Ὀλυμπιεῖα.	οἱ τοῦ δήμου συλλογεῖς.
15	—	—	Θυσία τῷ Ἑρμῇ τῷ Ἡγεμονίῳ.	στρατηγοί.
16	11	Θαργηλιῶνος 19—20.	Βενδίδεια.	ἱεροποιοί.
17	12	Σκιροφοριῶνος 14.	Θυσία τῷ Διὶ τῷ Σωτῆρι.	βοῶναι.
18	—	—	*..... α (Rang. 842).	βοώνης.
19	—	—	*.......ια (Rang. 842).	ἱεροπο[ιοί].

[1]) См. мою замѣтку о культѣ Аммона, стр. 41.

В. Латышевъ.

1.

Ῑ Ε Ρ Ο Γ
Ε Κ Τ Η Σ Θ
Σ Τ Ρ Α Τ Η Γ
Ε Ξ Α Σ Κ Λ Η Π
Ε Χ Θ Η Σ Ε Ω Ν Ι
Ε Γ Λ Ι Ο Ν Υ Σ Ι Ϛ
Σ Τ Ρ Α Τ Η Γ Ω Ν
Ε Γ Δ Ι Ο Ν Υ Σ Ι Ω
Σ Τ Ρ Α Τ Η Γ Ω Ν :
ν Ч Σ Θ Υ Σ Ι Α
Ι Σ Τ Ρ Α Τ
Λ Ч Π Ι Ε Ϛ
ˉ Ι Ω Ν

2. (Rangabé, Ant. Hell. m. II, № 842).

[Ἐκ τῆς θυσ] Ι Λ Σ [τῆι Δήμητρι καὶ
τῆι Κόρηι] Τ Η Ι Δ Λ Ε Ι Ͱ [αι παρὰ
ἐπιμελητῶ] Ν . Η Η Δ Δ Π Ͱ Ͱ Ͱ Ͱ
[Ἐγ Διονυσί] Ω . Τ Ω Ν Ε Π Ι Λ Η Ν Α Ι Ω Γ [παρὰ
στρατηγῶν] . Η Ι Ͱ [illegible]
[Ἐκ τῆς θυσ] Ι Α Σ Τ Ḥ Ι Α Γ . . Η Ι Τ Υ Χ Η [ι παρὰ
ἱεροποιῶν] : Η Ζ Ι Ι Ι
[Ἐξ Ἀσκληπι] Ε Ι Ω Ν Π Α [ρὰ
ἱεροποιῶν] : Η Η [illegible] Δ Δ Γ [Ι
[Ἐγ Διονυσί] Ω Ν Τ Ω Ν Ε Ν [ἄστει παρὰ
στρατηγῶν?] : Η Η Η Π ᒪ Ι [illegible]
[Ἐξ Ὀλυμπι] Ε Ι Ω Ν Π Α [ρὰ τῶν τοῦ
δήμου συλ] Λ Ο Γ Ε Ω Ν : Ⓟ [Ι
[Ἐκ τῆς θυσ] Ι Α Σ Τ Ω Ι Ε Ρ Ν [ῆι τῶι
Ἡγεμονίωι] Π Α Ρ Α Σ Τ Ρ Α [τηγῶν: – –
[Ἐγ Βενδιδ] Ε Ω Ν Π Α Ρ Α Ι Ε [ροποιῶν: – –
[Ἐκ τῆς θυσ] Ι Α Σ Τ Ω Ι Δ Ι . . ΔΙΙ [Σωτῆρι
παρὰ βοων] Ω Ν : Χ Χ Ⓟ Η Δ Ι Ι Ι
[Ἐκ . . . . . Ω] Ν Π Α Ρ Α Β Ο Ω Ν Ο Υ : Η
[Ἐκ . . . . Ι] ⌒ Ν Π [αρὰ ἱ] Ε Ρ Ο Π Ϲ [ιῶν: – –

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1-го ЯНВАРЯ вышла и разослана подписчикамъ I-я, ЯНВАРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. О подпискѣ на «Русскую Старину» 1883 г. — II. Записки Якова де-Санглена, начальника секретной полиціи при Александрѣ I: императоръ и его министры въ 1801—1811 гг. — III. Наталья Николаевна Пушкина, жена поэта, очеркъ ея жизни. — IV. Дѣло о секретномъ надзорѣ надъ А. С. Пушкинымъ въ 1833 г.—V. Остзейскіе бароны и бюргеры въ XVII столѣтіи, разсказъ очевидца. — VI. Румянцовскій музеумъ. Изъ записокъ В. В. Стасова. — VII. Александръ II въ эпоху войны 1855 г.—VIII. Записки графа Михаила Николаевича Муравьева-Виленскаго о мятежѣ въ Западной Россіи въ 1863—1865 гг. Глава третья.—IX. Вас. Андр. Жуковскій, 27 янв. 1783—1883 гг.—X. Яковъ Карлов. Гротъ, пятидесятилѣтіе его ученой и литер. дѣятельности, 1832—1882 гг. — XI. Николаевская академія генеральнаго штаба — въ 1832—1882 гг. — XII. Очерки и матеріалы:—Пугачевъ на Кавказѣ.—М. И. Глинка въ 1836 г.—И. Н. Скобелевъ.—Архіеп. Ириней въ ссылкѣ.—Вѣдомость убитымъ въ 1854—1855 гг. и проч.— XIII. Некрологъ: В. А. Золотовъ † 12-го дек. 1882 г.—XIV. Библіографическій листокъ. Состав. профес. В. С. Иконниковъ.

Приложенія: I. Портретъ Натальи Николаевны ПУШКИНОЙ, жены поэта, 1837 г. Рисовалъ съ современной акварели художникъ П. Ѳ. Борель, гравировалъ въ Парижѣ г. Паннемакеръ. — II. Указатель личныхъ именъ въ „Руск. Стар.“ изд. 1882 г.

Принимается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“

изд. **1883** года.

Четырнадцатый годъ изданія, 12 книгъ въ 4-хъ томахъ, цѣна съ пересылкою **ДЕВЯТЬ** руб.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ и Москвѣ благоволятъ подписываться въ книжныхъ магазинахъ **Мамонтова**.

☞ **Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7.**

Имѣется еще въ небольшомъ числѣ экземпляровъ

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. **1882** г.

Можно получить въ редакціи сего журнала за ДЕВЯТЬ руб. 12 книгъ съ 12-ю портретами и съ пересылкою.

Книга „ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ“, съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками, выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ февраля 1883 г. и

тогда же будетъ разослана тѣмъ изъ подписчиковъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, которые возобновя ***СВОЕВРЕМЕННО*** *подписку на журналъ выслали для пересылки книги на 35 коп. марокъ или деньгами.*

Въ редакціи „Русской Старины“ можно получить прежніе годы сего изд., именно 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877—1879 гг.; 1880 г. (второе изд.); 1881—1882 гг. Цѣна за каждый годъ по 8 руб.

Изд.-ред. «Русской Старины» **М. И. Семевскій.**

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Къ аѳинской эортологіи. В. Латышева.

Редакторъ **Е. Ѳеоктистовъ.**

(Вышла 1-го января).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и заграницей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 д[illegible] утра. Иногородные также адресуются **иск**[illegible] въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжек[illegible] безъ пересылки или доставки **двѣнадцать** [illegible] доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать ру**[illegible] **десять копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе г[illegible] **надцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ** [illegible] **числѣ 55 коп. за упаковку)**. Книжки выходятъ в[illegible] каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ [illegible]тать въ редакціи Журналъ Министерства за преж[illegible]ды, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣ[illegible] съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала—по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1883.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.

1883.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Топографія средневѣковаго Константинополя . . . . Г. Дестуниса.

Отношенія Россіи и Франціи при Петрѣ Великомъ . . . . А. Брикнера.

Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи . . . . Ѳ. Успенскаго.

Гербордова біографія Оттона, епископа Бамбергскаго . . . . А. Петрова.

Критика и библіографія:

Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа . . . . Вс. Миллера.

Montenegro. Schilderung einer Reise durch das Innere nebst Entwurf einer Geographie des Landes von Dr. *Bernhard Schwarz*. Mit Illustrationen nach eigenen Aufnahmen und einer Karte (Черногорія. Описаніе путешествія внутрь ея, вмѣстѣ съ географическимъ очеркомъ страны. Сочиненіе д-ра *Б. Шварца*). . . . . А. О—скаго.

Владиміръ Ивацевичъ. Собраніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ Славянъ (Библіографическое обозрѣніе). . . . . . П. Сырку.

Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1882 годъ.

Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ 1881 году.

Столѣтній юбилей С.-Петербургской дирекціи училищъ.

Письмо изъ Парижа. . . . . Л. Л—ра.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CCXXV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средн. Подьяч., № 1.
1883.

Средняя Подьяческая, № 1.
2144.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ, ДАННЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Января 1-го 1883 г. Редактору журнала министерства народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Ѳеоктистову—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

5. (20-го октября 1882 г.). **Объ учрежденіи при коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ двухъ должностей помощниковъ воспитателей.**

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при коллегіи Павла Галагана въ гор. Кіевѣ двухъ должностей помощниковъ воспитателей, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣ

представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при коллегіи Павла Галагана въ г. Кіевѣ двухъ должностей помощниковъ воспитателей, мнѣніемъ положилъ:

При коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ учредить двѣ должности помощниковъ воспитателей, предоставивъ имъ тѣ же права по государственной службѣ (исключая содержаніе изъ казны) и пенсіи, которыми пользуются, по закону, помощники классныхъ наставниковъ въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

6. (4-го октября 1882 г.). О примѣненіи къ Елисаветградскому земскому реальному училищу общаго устава реальныхъ училищъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о примѣненіи къ Елисаветградскому земскому реальному училищу общаго устава реальныхъ училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о примѣненіи къ Елисаветградскому земскому реальному училищу общаго устава реальныхъ училищъ, мнѣніемъ положилъ:

На Елисаветградское земское реальное училище распространить Высочайше утвержденный 15-го мая 1872 года уставъ реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (полн. собр. зак. т. XLVII № 50834), за исключеніемъ постановленій, изложенныхъ въ статьяхъ 11, 72 и примѣчаніяхъ 1 и 2 къ ней, 73 и 79—81, съ соблюденіемъ, при томъ, нижеслѣдующихъ особыхъ правилъ:

1) Завѣдываніе училищемъ возлагается на правленіе, состоящее подъ предсѣдательствомъ почетнаго попечителя училища, изъ директора онаго и трехъ членовъ, избираемыхъ Елисаветградскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ на три года. Въ случаѣ назначенія училищу опредѣленнаго отъ города Елисаветграда пособія, въ составъ правленія, сверхъ упомянутыхъ выше лицъ, входитъ членъ, избираемый Елисаветградскою городскою думою, также на три года.

2) Къ обязанностямъ правленія относятся:

а) наблюденіе за управленіемъ училищемъ; б) разсмотрѣніе протоколовъ засѣданій педагогическаго совѣта; в) сообщеніе директору или педагогическому совѣту о замѣченныхъ по учебной части заведенія упущеніяхъ, а въ случаѣ оставленія директоромъ или совѣтомъ сдѣланныхъ указаній безъ уваженія—представленіе о нихъ попечителю учебнаго округа; г) опредѣленіе, съ утвержденія земскаго собранія, платы за обученіе; освобожденіе отъ нея, по ходатайству педагогическаго совѣта, недостаточныхъ учениковъ и назначеніе отличнѣйшимъ изъ нихъ, по успѣхамъ и поведенію, стипендій и единовременныхъ пособій; д) составленіе годовыхъ отчетовъ по хозяйственной части училища и представленіе ихъ попечителю учебнаго округа, земскому собранію и городской думѣ (послѣдней—въ томъ случаѣ, если городъ будетъ участвовать въ содержаніи училища); е) разсмотрѣніе отчетовъ педагогическаго совѣта по учебной и воспитательной части, а равно представленіе ихъ, съ своимъ заключеніемъ, попечителю учебнаго округа и упомянутымъ въ п. д. установленіямъ.

3) Члены правленія имѣютъ право присутствовать на производимыхъ въ училищѣ испытаніяхъ, однако безъ права голоса при оцѣнкѣ познаній учениковъ, и участвуютъ въ подписаніи аттестатовъ, выдаваемыхъ по опредѣленію педагогическаго совѣта ученикамъ, окончившимъ съ успѣхомъ полный курсъ въ училищѣ.

4) Директоръ училища избирается правленіемъ и утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя учебнаго округа. Инспекторъ, преподаватели научныхъ предметовъ, врачъ, а также учители пѣнія, танцевъ и гимнастики, избираются директоромъ и, въ случаѣ одобренія правленіемъ училища, опредѣляются въ должности: инспекторъ, преподаватели и врачъ—попечителемъ учебнаго округа, по представленію правленія, а остальныя лица—самимъ правленіемъ. Названныя лица увольняются отъ занимаемыхъ ими должностей какъ по представленію правленія, такъ равно по непосредственному усмотрѣнію подлежащаго учебнаго начальства.

5) Классные наставники избираются директоромъ изъ числа преподавателей, имѣющихъ въ классѣ наибольшее число уроковъ, и утверждаются въ должностяхъ правленіемъ училища.

6) Упоминаемые въ статьѣ 49 устава реальныхъ училищъ сверхштатные учители опредѣляются попечителемъ учебнаго округа, по

представленію правленія училища, отъ котораго зависитъ также назначеніе имъ вознагражденія изъ средствъ училища.

7) Лица, служащія по учебной и воспитательной части, пользуются правами на пенсіи изъ государственнаго казначейства, на тѣхъ же основаніяхъ, съ соблюденіемъ которыхъ они назначаются занимающимъ соотвѣтственныя должности въ реальныхъ училищахъ, учрежденныхъ правительствомъ.

8) Заключенія педагогическаго совѣта, означенныя въ статьѣ 71 устава реальныхъ училищъ, поступаютъ на обсужденіе правленія, которое представляетъ предположенія по вопросамъ, исчисленнымъ въ пунктахъ 1—4 приведенной статьи, на утвержденіе попечителя учебнаго округа, вмѣстѣ съ своими соображеніями, а заключенія по остальнымъ предметамъ утверждаются собственною властію. Возникающія между директоромъ и большинствомъ членовъ педагогическаго совѣта разногласія разрѣшаются правленіемъ, а въ случаѣ несогласія директора съ большинствомъ членовъ послѣдняго—попечителемъ учебнаго округа.

9) Ученикамъ училища форменной одежды не присвоивается.

10) Правила о взысканіяхъ съ учениковъ составляются педагогическимъ совѣтомъ и, вмѣстѣ съ заключеніемъ правленія, представляются, чрезъ попечителя учебнаго округа, на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

11) Годовые отчеты по учебной и воспитательной части заведенія составляются директоромъ и, по разсмотрѣніи ихъ въ педагогическомъ совѣтѣ, передаются въ правленіе училища, которое поступаетъ съ ними согласно пункту е статьи 2 настоящаго узаконенія.

12) Усмотрѣнію Елисаветградскаго уѣзднаго земскаго собранія предоставляется: а) учредить при училищѣ приготовительный классъ и пансіонъ или отдѣльныя ученическія квартиры и б) дать правленію училища особую инструкцію.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

7. (11-го октября 1882 г.). Объ освобожденіи воспитанниковъ Ташкентской и Вѣрненской ученическихъ квартиръ отъ платы за ученіе въ мѣстныхъ гимназіяхъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ освобожденіи воспитанниковъ Ташкентской и Вѣрненской ученическихъ квартиръ отъ платы

за ученіе въ мѣстныхъ гимназіяхъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ освобожденіи воспитанниковъ Ташкентской и Вѣрненской ученическихъ квартиръ отъ платы за ученіе въ мѣстныхъ гимназіяхъ, мнѣніемъ положилъ постановить:

„Ученики Ташкентской и Вѣрненской гимназій, воспитывающіеся въ состоящихъ при нихъ ученическихъ квартирахъ, освобождаются отъ платы за ученіе въ означенныхъ гимназіяхъ".

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

8. (2-го декабря 1882 г.). Объ учрежденіи премій имени тайнаго совѣтника Н. И. Пирогова при Кіевскомъ отдѣлѣ Общества классической филологіи и педагогики.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на учрежденіе премій имени тайнаго совѣтника Н. И. Пирогова при Кіевскомъ отдѣлѣ общества классической филологіи и педагогики, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія утвердить положеніе о сихъ преміяхъ.

9. (8-го декабря 1882 г.). Объ учрежденіи денежнаго фонда имени К. И. Мая.

Бывшіе ученики частнаго К. И. Мая учебнаго заведенія въ С.-Петербургѣ, нынѣ преобразованнаго въ гимназію, пожертвовали капиталъ въ 6,000 руб. на учрежденіе при означенной гимназіи, въ память 25-ти лѣтняго юбилея сего учебнаго заведенія, денежнаго фонда имени К. И. Мая, для выдачи пособій недостаточнымъ учителямъ, преподававшимъ и преподающимъ въ гимназіи, ихъ семьямъ и ученикамъ, какъ обучающимся, такъ и бывшимъ въ гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу ми-

нистра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе помянутаго денежнаго фонда.

10. (26-го октября 1882 г.). О служебныхъ правахъ инспектора татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о служебныхъ правахъ инспектора татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о служебныхъ правахъ инспектора татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе Высочайше утвержденнаго 28-го октября 1871 г. мнѣнія государственнаго совѣта объ учрежденіи въ Казанскомъ учебномъ округѣ должности инспектора татарскихъ, киргизскихъ и башкирскихъ школъ (полн. сборн. зак. т. XLVI № 50078), постановить:

„Состоящій при управленіи Казанскаго учебнаго округа инспекторъ татарскихъ, киргизскихъ и башкирскихъ школъ причисляется по должности въ V классу, а по шитью на мундирѣ къ V разряду".

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

11. (2-го ноября 1882 г.). О срокахъ обязательной службы для обучавшихся на казенный счетъ въ Сибирскихъ, Уфимской, Астраханской и Пермской гимназіяхъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о срокахъ обязательной службы для обучавшихся на казенный счетъ въ Сибирскихъ, Уфимской, Астраханской и Пермской гимназіяхъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о срокахъ обязательной службы для обучавшихся на казенный счетъ въ Сибирскихъ, Уфимской, Астраханской и Пермской гимназіяхъ, мнѣніемъ положилъ:

Статью 78 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (св. зак. т. III кн. 1 изд. 1876 г.), а равно примѣчаніе къ сей статьѣ, замѣнить слѣдующимъ правиломъ:

„Воспитанники Сибирскихъ, Уфимской, Астраханской и Пермской гимназій, изъ дѣтей мѣстныхъ чиновниковъ, а также предназначенные для учительскаго званія, должны выслужить восемь лѣтъ, если состояли на казенномъ содержаніи въ гимназіи и, сверхъ того, получали стипендіи въ университетѣ; тѣ же, которые пользовались стипендіями въ университетѣ, не бывъ на казенномъ содержаніи въ гимназіи, обязаны за каждый годъ стипендіи прослужить полтора года“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

12. (2-го ноября 1882 г.). **О замѣщеніи отсутствующихъ членовъ въ правленіи института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи.**

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта о замѣщеніи отсутствующихъ членовъ въ правленіи института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о замѣщеніи отсутствующихъ членовъ въ правленіи института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе § 47 Высочайше утвержденнаго 8-го іюня 1869 года устава института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи (полн. собр. зак. т. XLIV, № 47206), постановить:

„Когда по причинѣ отсутствія предсѣдателя или кого-либо изъ членовъ правленія, засѣданіе онаго, за недостаткомъ членовъ, не можетъ состояться, отсутствующихъ замѣняютъ временно старшіе въ профессорскомъ званіи изъ наличныхъ профессоровъ института. При этомъ, въ случаѣ отсутствія директора, въ правленіи предсѣдательствуетъ старшій въ профессорскомъ званіи членъ правленія".

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

13. (9-го ноября 1882 г.). О причисленіи къ спеціальнымъ средствамъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи различныхъ растеній университетскихъ ботаническихъ садовъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о причисленіи къ спеціальнымъ средствамъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи различныхъ растеній университетскихъ ботаническихъ садовъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о причисленіи къ спеціальнымъ средствамъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи различныхъ растеній университетскихъ ботаническихъ садовъ, мнѣніемъ положилъ:

1) Доходы, получаемые отъ продажи произведеній ботаническихъ садовъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго, Св. Владиміра, Харьковскаго, Дерптскаго и Новороссійскаго причислять, съ 1-го января 1883 года, къ спеціальнымъ средствамъ университетовъ; и

2) Доходы, могущіе образоваться отъ продажи произведеній университетскихъ ботаническихъ садовъ въ текущемъ году, обратить на улучшеніе этихъ садовъ и ихъ оранжерей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

14. (16-го ноября 1882 г.). О разрѣшеніи открывать городскія училища во всѣхъ городахъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о разрѣшеніи открывать городскія училища во всѣхъ городахъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи открывать городскія училища во всѣхъ городахъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, мнѣніемъ положилъ: статью 11 Высочайше утвержденнаго 26-го мая 1869 г. положенія о народныхъ училищахъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской (полн. собр. зак. т. XLIV, № 47131) изложить такъ:

„Двухклассныя училища: мужскія—на правахъ уѣздныхъ училищъ и женскія открываются, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, во всѣхъ городахъ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской".

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

15. (16-го ноября 1882 г.). О преобразованіи и правахъ училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины въ С.-Петербургѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи и правахъ училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣ-

щенія о преобразованіи и правахъ училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины, въ С.-Петербургѣ, мнѣніемъ положилъ:

I. Разрѣшить церковному совѣту евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины, въ С.-Петербургѣ, состоящее при этой церкви училище преобразовать, подъ наблюденіемъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, на основаніяхъ, на которыхъ существуетъ училище при реформатской церкви въ С.-Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы преподаваніе въ первомъ соотвѣтствовало, по объему, курсу гимназій и реальныхъ училищъ, установленному Высочайше утвержденными 30-го іюля 1871 года и 15-го мая 1872 года уставами сихъ учебныхъ заведеній.

II. По воспослѣдованіи указаннаго въ статьѣ I преобразованія: I) служащимъ въ училищѣ Св. Екатерины предоставить всѣ служебныя преимущества, дарованныя соотвѣтствующимъ должностнымъ лицамъ уставами гимназій и реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, кромѣ правъ на полученіе изъ казны третнаго, не въ зачетъ, жалованья, а также на единовременныя пособія и пенсіи за службу въ училищѣ, и II) на учениковъ, обучающихся въ классическомъ и реальномъ отдѣленіяхъ училища Св. Екатерины. распространить права, коими пользуются воспитанники соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеній, учрежденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

III. Предоставить министру народнаго просвѣщенія привести указанныя въ статьѣ II мѣры въ дѣйствіе по надлежащемъ удостовѣреніи въ томъ, что училище Св. Екатерины дѣйствительно преобразовано на основаніяхъ, опредѣленныхъ статьею I настоящаго узаконенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ председателями и членами.

16. (2-го декабря 1882 г.). Объ учрежденіи при Императорской академіи наукъ преміи за лучшее историческое описаніе двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Императорской академіи наукъ, на счетъ пожертвованнаго Тамбов-

скимъ дворянствомъ капитала въ пять тысячъ р., премія за лучшее историческое описаніе двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія утвердить правила о конкурсѣ на эту премію.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, 1-го сего января, по министерству народнаго просвѣщенія ордена:

Бѣлаго орла: тайнымъ совѣтникамъ: директору департамента народнаго просвѣщенія Брадке и члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, предсѣдателю ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Георгіевскому.

Св. Владиміра 2-й степени: тайнымъ совѣтникамъ: попечителю Одесскаго учебнаго округа Лавровскому и ординарному академику Императорской академіи наукъ Стефани.

Св. Анны 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: чиновнику особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія Янкевичу; помощникамъ попечителей учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго, Михайлову и Казанскаго, Малиновскому; предсѣдателю Виленской коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ Головацкому; заслуженному ординарному профессору Императорскаго Дерптскаго университета Шмидту и вице-директору Николаевской главной астрономической обсерваторіи Вагнеру.

Св. Станислава 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: дѣлопроизводителю V класса департамента народнаго просвѣщенія Аннину; окружному инспектору С.-Петербургскаго учебнаго округа Аничкову; ординарному академику Императорской академіи наукъ и директору главной физической обсерваторіи Вильду; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Петрушевскому и Казанскаго, Добротворскому; директорамъ гимназій: С.-Петербургской второй, Смирнову; Московской первой, Лебедеву и Таганрогской, Рейтлингеру; директору Московскаго учительскаго иститута Малинину; директору народныхъ училищъ Олонецкой губерніи Соколову и заслуженному экстра-

ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета Голстунскому.

Св. Владиміра 3-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: проректору и ординарному профессору Императорскаго Дерптскаго университета Драгендорфу; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Сергѣевичу; Харьковскаго, Зарубину; Казанскаго: Леваковскому и барону Розену; св. Владиміра, Ренненкампфу; сверхштатному ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго университета Ценковскому; директорамъ гимназій: Николаевской-Александровской, Смирнову и Кишиневской, Соловьеву; директору Московскаго реальнаго училища Кривоносову и директору народныхъ училищъ Бессарабской губерніи Соловьеву; статскимъ совѣтникамъ: ординарнымъ профессорамъ Императорскаго университета св. Владиміра: Владимірскому-Буданову и Перемежко; директорамъ гимназій: Рязанской, Кульчицкому и Калишской мужской, Семеновичу; директору Ейскаго реальнаго училища Чечелеву; члену ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Васильевскому; секретарю совѣта Императорскаго университета св. Владиміра Виндингу; старшему учителю лицея Цесаревича Николая Станишеву; заслуженнымъ преподавателямъ гимназій: С.-Петербургской пятой, Закржевскому и Императорской Казанской первой Жбиковскому; заслуженному преподавателю С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища Томасу и преподавателямъ С.-Петербургскихъ гимназій: первой, Гинтовту и второй, Сокову; коллежскимъ совѣтникамъ: дѣлопроизводителю V класса департамента народнаго просвѣщенія Оношковичу-Яцынѣ; правителю канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа Жевахову и исправляющему должность библіотекаря Императорской публичной библіотеки Плетеневу.

Св. Владиміра 4-й степени: статскимъ совѣтникамъ: ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго университета Бріо; директорамъ гимназій: С.-Петербургской восьмой, Мору и Нижегородской, Миротворцеву; директору Тифлисскихъ женскихъ Великой княгини Ольги Ѳеодоровны гимназіи и прогимназіи Шенгеру; директорамъ реальныхъ училищъ: Великолуцкаго, Гречинѣ; Бѣлостокскаго, Витте; Полтавскаго, Лагоріо и Херсонскаго, Месняеву; директору Глуховской прогимназіи Лазаренко; директору Бѣлгородскаго учительскаго института Ларіонову; директорамъ учительскихъ семинарій: Херсонской, Леонтовичу; Новоторжской, Баранову; Мо-

лодечнянской, Дурову и Воронежской, Захарову; директорамъ народныхъ училищъ: губерній: Орловской, Дружинину; Харьковской, Жаворонкову и Пензенской, Ильченко; библіотекарю Императорскаго Харьковскаго университета Балясному; инспекторамъ прогимназій: Житомірской, Сачину; Варшавской второй мужской, Олешкевичу; Воронежской, Рощупкину и Жиздринской, Цапенко; исполняющему обязанности инспектора С.Петербургской шестой гимназіи, заслуженному преподавателю сей гимназіи Зеленину; исполняющему обязанности инспектора Минской гимназіи, преподавателю сей гимназіи Земелю; исполняющему обязанности инспектора С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища, преподавателю сего училища Вильде; инспектору татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа Радлову; инспектору Симферопольской татарской учительской школы Казасу; инспекторамъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской Горовому и Лосеву; заслуженнымъ преподавателямъ гимназій: С.-Петербургской шестой, Петрову; Казанской третьей, Юшкевичу и Тифлисской второй, Кузмину; преподавателямъ гимназій: Московскихъ: первой, Каленову и пятой, Лебедеву и Казанской второй, Раппенгейму; учителю Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища фонъ-Грофе и врачу Самарской женской гимназіи Догадкину; коллежскимъ совѣтникамъ: почетному попечителю Тифлисской Великой Княгини Ольги Θеодоровны женской гимназіи Мириманову; директору Харьковскаго реальнаго училища Шихову; директору Виленской прогимназіи Юницкому; директору Витебской дирекціи народныхъ училищъ Масловскому; исправляющему должность инспектора Череповскаго реальнаго училища, преподавателю сего училища Весскому; преподавателю Варшавской первой мужской гимназіи Мальму и законоучителю сунитскаго вѣроученія въ татарскомъ отдѣленіи при Закавказской учительской семинаріи Моллѣ-Гусейнъ-Беку-Гаибову; надворнымъ совѣтникамъ: почетному попечителю Таганрогской гимназіи Ковалевскому; директору Пекинской магнитной и метеорологической обсерваторіи Фритше; инспектору Рижской губернской гимназіи Шварцу и столоначальнику канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Фелицыну; коллежскимъ ассессорамъ: директорамъ гимназій: Маріампольской мужской Соловьевичу и Тамбовской, Тихому; экзекутору департамента народнаго просвѣщенія Лаутеру и преподавателю С.-Петербургской шестой гимназіи Лосеву;

члену Старицкаго уѣзднаго училищнаго совѣта, коллежскому секретарю Измайлову; неимѣющимъ чиновъ: исправляющимъ должность инспекторовъ мужскихъ гимназій: Сувалкской, Моссаковскому и Сѣдлецкой, Сотничевскому и члену попечительнаго совѣта Одесскаго коммерческаго училища, потомственному почетному гражданину, Одесскому 1-й гильдіи купцу Гуровичу; изъ сихъ лицъ послѣднему съ тѣми по орену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. знак. отл. изд. 1876 г. т. I, св. зак.

Св. Станислава 2-й степени: корреспонденту археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія, потомственному почетному гражданину Зосту, съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. знак. отл. изд. 1876 г. т. I, св. зак.

Св. Станислава 3-й степени — преподавателю Царювскаго мореходнаго класса „Петра Великаго", неимѣющему чина Мильбаху.

Государь Императоръ, согласно удостоенію комитета министровъ, Всемилостивѣйше соизволилъ, 29-го декабря 1882 года, пожаловать по министерству народнаго просвѣщенія ордена:

Св. Анны 2-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: окружному инспектору Харьковскаго учебнаго округа Лукьянову, и начальнику Холмской учебной дирекціи Рублевскому; статскимъ совѣтникамъ: проректору и ординарному профессору Императорскаго университета св. Владиміра Паульсону; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго: Янжулу и Зернову и Дерптскаго: Фердинанду Гершельману и Вильгельму Гершельману; директорамъ гимназій: Одесской второй, Будде; Бердянской: Алаеву; Кѣлецкой мужской, Воронкову и Варшавской пятой мужской, Канскому; директорамъ прогимназій: Рыбинской, Захарбекову; Пензенской, Попову и Елисаветградской, Балыку; директору Ровенскаго реальнаго училища Дзюблевскому-Дзюбенку; директорамъ учительскихъ семинарій: Самарской, Адіясевичу и Несвижской, Николаевскому; экстраординарному профессору Императорскаго Московскаго университета Тимирязеву; библіотекарю Императорскаго Новороссійскаго университета Шишковскому; инспекторамъ гимназій: Владимірской, Нелидову; Императорской Казанской первой, Гвоздеву и Екатеринославской, Козловскому; инспекторамъ прогимназій: Александровской - Серпуховской, Симсону; Рязанской, Звѣреву; Пинчовской мужской, Линиченко и Пултуской мужской, Савину; исправляющему должность инспек-

тора Кронштадтскаго реальнаго училища, заслуженному преподавателю сего училища Ламбину; доценту Императорскаго Казанскаго университета Суворову; заслуженному преподавателю Кронштадтской мужской гимназіи Титкову; учителямъ гимназій: С.-Петербургскихъ: второй, Кенигу и шестой, Лыткину; Новгородской, Клоссе; Московской второй, Өивейскому; Смоленской, Лебедеву; Костромской, Морену; Кіевской второй: Тумасову и Юркевичу; Варшавской второй мужской, Склодовскому; Сувалкской мужской, Виноградову и Одесской Маріинской женской, Сергѣеву; преподавателю гимназіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Зоммеру; старшему учителю Рижской городской гимназіи Готфриду; учителямъ реальныхъ училищъ: Харьковскаго, Михаловскому и Варшавскаго, Веригѣ; преподавателю Московскаго учительскаго института Варравѣ и причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, члену ученаго комитета сего министерства Фоккову; коллежскимъ совѣтникамъ: директорамъ: Бѣльской прогимназіи Розанову и Вытегорской учительской семинаріи Блюдухо; директору и старшему учителю Аренсбургской гимназіи Видеману; исполняющему обязанности инспектора Николаевской-Александровской гимназіи учителю сей гимназіи Гайдебурову; исправляющему должность инспектора Бѣльской мужской гимназіи учителю сей гимназіи Лавровскому; инспекторамъ народныхъ училищъ: губерній: С.-Петербургской, Семеко; Вологодской, Пономареву; Ярославской, Өедосѣеву; Тверской, Тяжелову; Харьковской, Иванову и Полтавской, Александровичу; бывшему инспектору народныхъ училищъ Владимірской губерніи Попову; инспектору-руководителю Вымыслинской учительской семинаріи Соломоновскому; помощнику проректора Императорскаго Казанскаго университета Войцеховичу; учителю главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Бонжуру; учителямъ реальныхъ училищъ: Московскаго, Гликѣ и Харьковскаго, Пальчинскому и врачу Тамбовской гимназіи Тулушеву; надворнымъ совѣтникамъ: инспектору Новочеркасской гимназіи Калмыкову; исправляющему должность инспектора Варшавской пятой мужской гимназіи учителю сей гимназіи Геевскому; инспектору народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи Петрову; бухгалтеру канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Косоговскому; учителямъ: Холмской мужской гимназіи Снѣсареву и Мос-

ковскаго реальнаго училища Измайлову и учителю наукъ и завѣдывающему приготовительными классами Дерптской гимназіи Блумбергу; коллежскимъ ассессорамъ: механику С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Петерсу и учителю Варшавской шестой мужской гимназіи Гольдбергу; неимѣющимъ чиновъ: учителямъ мужскихъ гимназій: Варшавской пятой, Машевскому и Радомской, Брузендорфу.

Св. Станислава 2-й степени: статскимъ совѣтникамъ: окружному инспектору С.-Петербургскаго учебнаго округа Гельбке; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Мрочекъ-Дроздовскому; Казанскаго: Бѣляеву, Колли и Загоскину; Новороссійскаго: Успенскому и Клименко и Дерптскаго, Лешке; ординарному профессору Демидовскаго юридическаго лицея Тарасову; директорамъ: Маріупольской гимназіи Нейкирху и Моршанскаго реальнаго училища Клемму; экстраординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Стороженко и Варшавскаго: Самоквасову, Зигелю и Дыдынскому; инспекторамъ прогимназій: Азовской, Якимову; Кишиневской, Гадзяцкому и Сандомирской мужской, завѣдывающему Сандомирскою женскою прогимназіею Крашановскому; исполняющему обязанности инспектора Роменскаго реальнаго училища учителю сего училища Вожовскому; доцентамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, барону Розену и Дерптскаго, Рейгеру; заслуженному преподавателю Таганрогской гимназіи Мааку; учителямъ гимназій: С.-Петербургской третьей, Кесслеру; Астраханской, Снѣжницкому; Житомірской, Шаврову и Николаевской, Миллеру; учителямъ реальныхъ училищъ: Кіевскаго, Игнатовичу-Завилейскому; Херсонскаго, Шипову; Митавскаго, Блосфельду и Варшавскаго, Богуцкому; коллежскимъ совѣтникамъ: ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго, графу Комаровскому и Дерптскаго, Вальцу; директору Полоцкой учительской семинаріи Смирнову; инспекторамъ гимназій: Рязанской, Павлову и Виленской, Карпинскому; исправляющему должность инспектора Николаевской Царскосельской гимназіи учителю сей гимназіи Фамиліанту; инспекторамъ: Одесской первой прогимназіи Соловьеву и народныхъ училищъ Костромской губерніи Алякринскому; доценту Императорскаго Московскаго университета Шварцу; помощнику проректора Императорскаго университета св. Владиміра Сасько; инспектору и старшему учителю Дерптской гимназіи Трефнеру; учителямъ

гимназій: Императорской Николаевской Царскосельской Соколову; Псковской, Прохаскѣ и Симбирской Ѳедотченко; заслуженному преподавателю С.-Петербургской шестой прогимназіи Смирновскому; учителямъ: Вольской прогимназіи Воздвиженскому; главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Ѳедотченко и Виленскаго учительскаго института Циклинскому; надворнымъ совѣтникамъ: директору Рижскаго городскаго реальнаго училища Бергу; правителю канцеляріи попечителя Дерптскаго учебнаго округа Гейнрихсену; инспекторамъ: училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ учителю сего училища Тидеману и народныхъ училищъ Тамбовской губерніи Калинину; учителямъ гимназій: Московскихъ: пятой, Зубкову и шестой, Киндлеру и Каменецъ-Подольской, Опацкому и учителю Азовской прогимназіи Мейеру; коллежскимъ ассессорамъ: директорамъ: Новинской учительской семинаріи Токаревскому и народныхъ училищъ Тверской губерніи Безобразову; преподавателю С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Щукину; исправляющему должность инспектора Ташкентской женской гимназіи учителю сей гимназіи Граціанскому; старшему учителю Либавской Николаевской гимназіи Фельдту; учителю С.-Петербургской второй гимназіи Крюгеру; учителямъ приготовительныхъ классовъ гимназій: Московской четвертой, Виноградову и С.-Петербургской Введенской, Эппову; директору народныхъ училищъ Калужской губерніи, коллежскому секретарю Унковскому; исправляющему должность инспектора киргизскихъ школъ Тургайской области и Оренбургской губерніи, коллежскому регистратору Алтынсарину; неимѣющимъ чиновъ: почетному попечителю Екатеринославской гимназіи Коростовцеву; учителямъ мужскихъ гимназій: Сѣдлецкой, Сѣроцинскому и Плоцкой, Миллеру.

Св. Анны 3-й степени: статскимъ совѣтникамъ: исполняющему обязанности инспектора Черниговской гимназіи учителю сей гимназіи Лапѣ; главному надзирателю лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ Милованову; учителямъ: гимназій: Московской шестой, Гику; Холмской мужской, Тедеру и Ташкентской мужской, Пфенигу и Пермскаго Алексіевскаго реальнаго училища Фридеману; коллежскимъ совѣтникамъ: директору Коломенской прогимназіи Буслаеву; инспектору училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ Бергману; исправляющему долж-

ность инспектора С.-Петербургской восьмой гимназіи учителю сей гимназіи Фохту; исполняющему обязанности Бѣлгородской его королевскаго высочества Герцога Эдинбургскаго гимназіи учителю сей гимназіи Эсслингеру; инспектору Ржевской прогимназіи Ситарскому; исправляющему должность инспектора Псковскаго реальнаго Сергіевскаго училища Бутлерову; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Вятской, Рудницкому и Полтавской, Парижскому; старшему надзирателю лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ Булье; учителямъ гимназій: С.-Петербургскихъ первой, Зборилѣ и второй, Клеменчичу; Императорской Николаевской Царскосельской, Добровольскому; Кронштадтской, Румову; Орловской, Полидорову; Казанской второй, Сухотину; Кіевской второй, Карсунскому; состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, Михайловскому; Лубенской, Завистовскому; Витебской, Сапунову, и Уфимской, Пикачеву; учителямъ прогимназій: Московской, Софинскому; Одесской второй, Капетанаки; Ѳеодосійской: Иванову и Мышкину; учителямъ реальныхъ училищъ: Тульскаго, Сперанскому; Кременчугскаго-Александровскаго, Морачевскому; Николаевскаго, Куделину; Одесскаго, Бучинскому и Курскаго, Риму; учителю С.-Петербургскаго учительскаго института Смирнову; врачу Поневѣжской учительской семинаріи Мойгису и старшему учителю Рижской губернской гимназіи Кольбергу; надворнымъ совѣтникамъ: инспектору и исправляющему должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Добіашу; инспекторамъ: гимназій: Московской второй, Исаенкову и Ришельевской, Коропачинскому; прогимназій: Стародубской, Маркову и Павлоградской, Бронницкому; народныхъ училищъ губерній: Тульской, Щеглову и Вятской, Андрееву; учителямъ гимназій: С.-Петербургскихъ: второй, Козичу и Ларинской, Колоколову; Олонецкой, Виноградову; Московской четвертой, Шапошникову; Нижегородской. Омелянскому; Орловской, Оболенскому; казанскихъ: Императорской, первой, Семону и третьей Адамантову; Вятской, Казаринову; Ковенской, Коссову; Харьковской первой, Грузинцеву и Бѣлгородской его королевскаго высочества Герцога Эдинбургскаго, Лебедеву; учителю Александровской Серпуховской прогимназіи Арефьеву; учителямъ реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго: Михельсону и Мышковскому; Новгородскаго, Тильтину; Череповскаго, Дембскому и

Лаврову; Елабужскаго, Гортову и Бѣлостокскаго, Маракуеву; наставникамъ учительскихъ семинарій: Полоцкой, Каминскому; Псковской, Маккавееву и Новоторжской, Флерову; учителю и надзирателю Одесскаго коммерческаго училища Дельбуббѣ; учителю Оренбургскаго учительскаго института Барановскому; учителямъ-инспекторамъ городскихъ училищъ: Вологодскаго, Достойнову; Псковскаго, Самойлову и Вяземскаго, Пронину; штатному смотрителю Радомысльскаго городскаго училища Радченко; старшему учителю Перновской гимназіи Виндеру; штатному смотрителю Ржевскаго уѣзднаго училища Середникову; учителю Ревельской губернской гимназіи Стумпу и помощнику классныхъ наставниковъ Рязанской гимназіи Горчакову; коллежскимъ ассессорамъ: инспектору народныхъ училищъ Курской губерніи Акулову; учителямъ: гимназій: С.-Петербургской пятой, Карповичу; Воронежской: Рябоконеву и Дивишу и С.-Петербургской Введенской, Кипріановичу и Воронежской прогимназіи: Волескому и Косыхъ; наставнику Пензенской учительской семинаріи Черневскому; учителямъ главнаго Нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Бруннеру и Бекману; врачу и преподавателю Тотемской учительской семинаріи Вишнякову; врачу Цивильскаго уѣзднаго училища Вишневскому; учителю-инспектору Ярославскаго городскаго училища Лебедеву; экзекутору Императорскаго Московскаго университета Попову; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Можайскаго, Тяжелову и Лебединскаго, Юскевичу; учителямъ: Виленскаго еврейскаго учительскаго института Резанову и приготовительнаго класса Императорской Казанской первой гимназіи Соколову; титулярнымъ совѣтникамъ: инспектору Брянской прогимназіи Попову и письмоводителю Московскаго учительскаго института Богданову; доценту института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, коллежскому секретарю Хлюдзинскому; неимѣющимъ чиновъ: исполняющему обязанности инспектора Тамбовской гимназіи, учителю сей гимназіи Холодному; начальнику отдѣленія канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Стржижевскому; учителямъ мужскихъ гимназій: Варшавскихъ: третьей, Островскому; четвертой, Поплонскому и пятой Гродзинскому; Кѣлецкой, Нарушевичу; Люблинской, Гостковскому и Калишской, Смогоржевскому; штатному учителю и завѣдывающему Сѣдлецкою женскою гимназіею Соловьеву; учителямъ: Устюженской мужской прогимназіи Васильеву; Варшавскаго реальнаго училища Савицкому;

Варшавской учительской семинаріи Климму; Варшавской первой женской гимназіи Берлихингену и Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Новицкому.

Св. Станислава 3-й степени: статскимъ совѣтникамъ: инспектору народныхъ училищъ Херсонской губерніи Федорову и учителю Астраханской гимназіи Милевскому; коллежскимъ совѣтникамъ: экстраординарнымъ профессорамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Бобылеву и фанъ-деръ-Флиту; инспекторамъ: Харьковской второй гимназіи Тихоновичу и народныхъ училищъ Саратовской губерніи Шмидтову; доцентамъ Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, Флавицкому и Дерптскаго, Бунге; прозектору Императорскаго Харьковскаго университета Попову; учителямъ гимназій: Псковской, Витошинскому; Московской шестой, Баталину; Владимірскихъ: мужской и женской, Бѣлавину; Кіевской третьей, Мацкевичу; Житомірской, Антоновичу и Троицкой, Богородицкому; учителямъ реальныхъ училищъ: Калужскаго, Эллеву; Ровенскаго, Сеферовскому и Ростовскаго на-Дону Штамму; учителю Московскаго Петропавловскаго училища Валицкому; учителямъ прогимназій: Коломенской, Дзѣконскому и Мозырской, Добровольскому; надворнымъ совѣтникамъ: инспектору народныхъ училищъ Оренбургской губерніи Раменскому; исполняющему обязанности инспектора Новозыбковскаго реальнаго училища учителю сего училища Каменскому; доцентамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Поссе и Варшавскаго: Блоку и Трессу; доценту Дерптскаго ветеринарнаго института Гутману; инспектору Виленской дирекціи народныхъ училищъ Пляшкевичу; старшему учителю Рижской городской гимназіи Земелю; учителямъ гимназій: Вологодской: Знаменскому и Вудовенцу; Московскихъ: четвертой, Преображенскому и шестой, Лебедеву; Александровской Смоленскаго земства въ городѣ Вязьмѣ, Горелу; Самарской, Чигирю; Кіевской первой: Ильяшенко, Посиишилю и Студенецкому; Немировской, Жонту; Рижской Александровской: Давиденкову и Доброзракову; Ришельевской, Ермакову; Екатеринославской, Донцову и С.-Петербургской-Введенской, Миллеру; воспитателямъ коллегіи Павла Галагана и преподавателямъ: Гордіевичу и Ярешу; учителямъ прогимназій: Московской второй: Сперанскому и Ржаницыну; Шуйской, Сперанскому; Кіевской: Панталѣеву и Левицкому; Острожской, Симонову и Брестской, Хныкину; исправляющему должность учителя Аккерманской прогимназіи Софіанову; учителямъ реальныхъ

училищъ: Костромскаго, Мышковскому; Иваново-Вознесенскаго, Бакланову; Казанскаго, Невзорову; Саратовскаго Александро-Маріинскаго: Косолапову и Меклеру; Кіевскаго, Чернушевичу; Екатеринославскаго: Желеховскому и Фогелю и Севастопольскаго, Доброву; учителю Одесскаго коммерческаго училища Налису; наставнику-преподавателю Глуховскаго учительскаго института Тимофѣеву; учителю Θеодосійскаго учительскаго института Насютевичу; наставнику Вольской учительской семинаріи Милославскому; старшему учителю Рижскаго городскаго дѣвичьяго училища Глазепапу учителю-инспектору Трубчевскаго городскаго училища Соколову; врачу Алферовской учительской семинаріи Черскому; штатному смотрителю и учителю Летичевскаго городскаго училища Борышкевичу; старшему учителю Митавской гимназіи Гижицкому, врачу при Митавской гимназіи Гильдебранду, и учителю наукъ Дерптской гимназіи Фейерэйзену; коллежскимъ ассессорамъ: библіотекарю Императорскаго Московскаго университета Чаеву; инспекторамъ: народныхъ училищъ Казанской губерніи Карпову и Минской дирекціи народныхъ училищъ Тарановичу; лаборанту Императорскаго Казанскаго университета Кебелю; учителямъ гимназій: Псковской, Кону; Нижегородской, Шенроку; Казанской второй, Львову; Симбирской, Тихановскому; Немировской, Благоразумову; Ришельевской, Радошевичу; Ананьевской, Вѣревскому; Николаевской, Кейзлару; Уфимской, Пундани; Харьковской второй, Гоуштѣцкому и Усть-Медвѣдицкой, Козловскому; исправляющему должность учителя Александровской Сумской гимназіи Муретову; учителямъ женскихъ гимназій: Маріинской Петрозаводской, Гюнтеру и Ярославской, Зеленскому; учителямъ прогимназій: Златопольской, Успенскому; Херсонской, Брандту и Ростовской-на-Дону Капетанаки; учителямъ реальныхъ училищъ: Костромскаго, Болотову; Сарапульскаго, Юневичу; Камышинскаго, Юловскому; Новозыбковскаго, Берученко-Мусіенко; Бѣлоцерковскаго, Богословскому; Красноуфимскаго: Петрову и Боголѣпову и Екатеринбургскаго Алексіевскаго, Писареву; сверхштатному учителю Тверскаго реальнаго училища Прасолову; наставникамъ учительскихъ семинарій: Вытегорской, Дроздову; Дерптской второй, Свидзинскому; Байрамчской, Гордову; Туркестанской, Смирнову и Новочеркасской, Гаркушевскому; учителямъ: С.-Петербургскаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны Бойле; училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ Нерлингу и Московскаго Петропавловскаго училища

Фалѣеву; учителямъ-инспекторамъ городскихъ училищъ: Порѣчскаго, Молчанову и Сердобскаго, Князеву; врачамъ: Азовскихъ мужской и женской прогимназій Роневскому и при Вытегорской учительской семинаріи Базегскому; секретарямъ: правленія Императорскаго Казанскаго университета Краснову, и по студентскимъ дѣламъ Императорскаго Новороссійскаго университета Бруну; старшему учителю Ревельской губернской гимназіи Шлезингу; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Ардатовскаго, Глядкову; Ветлужскаго, Скворцову; Серпуховскаго, Розанову и Ѳеодосійскаго, Штаумбергу; вычислителю главной физической обсерваторіи въ С.-Петербургѣ Зимимову; учителю наукъ Дерптской гимназіи Лундману; учителю Вологодскаго городскаго училища Куклину; эконому пансіона Калужской гимназіи Образцову; учителямъ приготовительныхъ классовъ: Либавской Николаевской гимназіи, Темпелю; Острогожской прогимназіи, Корецкому и Нижегородскаго Александровскаго института, исполняющему обязанности воспитателя при пансіонѣ сего института Владимірскому; учителямъ городскихъ училищъ: Гайсинскаго, фонъ-Левену и Васильковскаго, Таргонію и состоящему за штатомъ учителю Хвалынскаго уѣзднаго училища Парвинскому; титулярнымъ совѣтникамъ: преподавателямъ С.-Петербургскаго практическаго Технологическаго института Демьянову и Альбицкому; лаборанту Императорскаго С.-Петербургскаго университета Боргману; учителю Дерптскаго реальнаго училища Барту; почетному смотрителю Оренбургскаго городскаго училища Рогожину; учителямъ-инспекторамъ городскихъ училищъ: Таганрогскаго, Рощицкому; Кирилловскаго, Варашкевичу и Александровскаго, Крюковичу; помощнику столоначальника канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа Скальковскому; старшему учителю Гольдингенской гимназіи Левенбергу; учителю Бѣлгородскаго учительскаго института Феддерсу; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Новосильскаго, Щедрину; Владимірскаго, Чернышеву; Сорокскаго, Розенбергу и Бѣльцскаго, Марандичу; учителю приготовительнаго класса С.-Петербургской третьей гимназіи Соколову; помощнику классныхъ наставниковъ Роменскаго реальнаго училища Жадановскому; письмоводителю Нижегородской гимназіи Спасскому; учителямъ приготовительныхъ классовъ: гимназій: Гольдингенской, Фрейфельду и Виленской, Никольскому и Харьковской прогимназіи, Чирикову; учителямъ уѣздныхъ училищъ: Валкскаго, Гейне; Вольдемарскаго: Шаде и Гейне; и учителю Бердичевскаго городскаго училища Скворцову;

почетному смотрителю Городищскаго уѣзднаго училища, арміи штабсъротмистру графу Шувалову; коллежскимъ секретарямъ: преподавателю С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Гросману; учителю Пермскаго Алексіевскаго реальнаго училища Королькову; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Ряжскаго, Ушакову и Бирюченскаго Путилину; штатнымъ смотрителямъ и учителямъ наукъ уѣздныхъ училищъ: Верроскаго, Луигу и Гапсальскаго, Мюленкампу; учителю городскаго училища при Ѳеодосійскомъ учительскомъ институтѣ Соловьеву; помощнику классныхъ наставниковъ С.-Петербургской шестой гимназіи Зрячкову; учителямъ уѣздныхъ училищъ: Валкскаго, Веберу, и Ревельскаго Меллеру; штатному учителю Ленчицкой учительской семинаріи, отставному поручику Сокольскому; губернскимъ секретарямъ: журналисту канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа и учителю Варшавской второй мужской гимназіи Лыпачевскому; помощнику воспитателей при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Осинину и помощнику классныхъ наставниковъ Московской четвертой гимназіи Троицкому; отставнымъ прапорщикамъ: преподавателю Курскаго реальнаго училища Енишерлову и штатному учителю Вейверской учительской семинаріи Юркевичу; коллежскимъ регистраторамъ: инспектору-учителю Черниговскаго городскаго училища Антонову и письмоводителю Ананьевской гимназіи Зенковичу; неимѣющимъ чиновъ: директору Дерптскаго реальнаго училища Рипке; исправляющему должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лицея Суворову: инспекторамъ; Евпаторійской прогимназіи Сигу; народныхъ училищъ Рязанской губерніи Радецкому и народныхъ училищъ, состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской Крижановскому; исправляющимъ должности: доцента Императорскаго Варшавскаго университета Гемиліану и лектору Императорскаго Варшавскаго университета Лянчи; дѣлопроизводителю канцеляріи Варшавской учебной дирекціи Павловскому; учителямъ гимназій: С.-Петербургскихъ: седьмой, Попову и Ларинской, Покрывалову; Московскихъ: первой: Гавельку и Неговорову и второй, Смирнову; Смоленской, Мясопусту; Костромской, Кириленко; Вятской, Кулагину; Прилукской, Гребльдингеру; Ревельской-Александровской, Хойнацкому; Каменецъ-Подольской, Дивишеку; Пермской, Дроздову; Харьковской первой, Высоцкому; Курской, Виноградову и Ницкому; Воронежской, Сѣдла-

тому; Тамбовской, Полонію и Александрову; Пензенской, Модестову; Новочеркасской, Стефанову и Жулковскому; Усть-Медвѣдицкой, Разумову; Бѣлгородской, Рудневу и Цвѣткову; Елатомской, Діаконенкову; Корочанской-Александровской, Паллону; Сумской-Александровской, Архангельскому; Варшавскихъ мужскихъ: первой, Ляшуку; второй, Околову; третьей, Дембицкому и Скржетускому; четвертой, Мазюкевичу; Сѣдлецкой мужской, Кулакову; Плоцкой мужской, Ливотову; Сувалкской мужской, Липскому; Бѣльской мужской, Васильеву; Люблинской мужской, Прюссу; Маріампольской мужской, Савицкому; Ташкентской мужской, Неудачину и Вѣрненской мужской, Каролинскому; исправляющему должность учителя Керченской Александровской гимназіи Успенскому; учителямъ женскихъ гимназій: Покровской, Покровскому; Николаевской Орловской Тихомирову; Смоленской Маріинской, Чамову и Степанову; Одесской Маріинской, Бородину и Варшавской третьей, Глассу; учителямъ прогимназій: С.-Петербургской шестой, Дружинину; Бѣльской, Недбалю; Острожской, Булгакову; Варшавской первой мужской, Лебедеву; Ченстоховской мужской, Вигурскому; Грубешовской мужской, Михайловскому; Елисаветградской, Борышкевичу и Ахтырской, Данилову и Клевцову; учителямъ реальныхъ училищъ: Вологодскаго, Поліевктову; Зарайскаго, Соколову; Александровскаго-Орловскаго, Жирову; Смоленскаго: Васильеву и Никульцеву; Полтавскаго-Александровскаго, Матченко; Ловичскаго, Гиро; Тамбовскаго: Троицкому и Егоровскому и Урюпинскаго, Леонтовичу; старшему учителю Рижскаго городскаго реальнаго училища Меттигу; учителямъ: Московскаго-Петропавловскаго училища Фонъ-Купфферу; частнаго реальнаго училища Воскресенскаго въ Москвѣ Некрасову, и въ училищѣ при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ Моравеку; наставникамъ учительскихъ семинарій: Тотемской, Вудрину и Псковской, Соколовскому; учителямъ: Нижегородскаго-Александровскаго института Фишеру и Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Митропольскому; учителямъ-инспекторамъ городскихъ училищъ: Лужскаго, Шпаковскому; Гатчинскаго, Уверскому; Рогачевскаго, Амельченко и Измаильскаго, Коломойцеву; помощнику классныхъ наставниковъ въ Сергіевскомъ реальномъ училищѣ во Псковѣ, Знаменскому; врачамъ: Иваново-Вознесенской женской гимназіи, Невядомскому и С.-Петербургскаго Владимірскаго городскаго училища Уверскому; старшему учителю Митавской гимназіи Выстрову; исправляющему должность учителя-инспек-

тора Дерптскаго городскаго училища Жукову; штатному смотрителю Мещовскаго уѣзднаго училища Румянцеву; сверхштатному учителю Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Витковскому; помощникамъ классныхъ наставниковъ гимназій: С.-Петербургской первой, Бобылеву; Харьковской первой, Иванову и Кіевской второй, Захарьевичу; завѣдывающимъ городскими училищами: Перовскимъ, Софійскому; Лепельскимъ учителю Макареню и Нѣжинскимъ, Васькевичу; учителямъ городскихъ училищъ: при Московскомъ учительскомъ институтѣ Окоемову и Ярославскаго, Домову и учителю Варшавскаго двѣнадцатаго воскресно-ремесленнаго училища Согету.

IV. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

(№ 18). Утверждается: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, деканъ историко-филологическаго факультета, тайный совѣтникъ Буличъ—ректоромъ сего университета, съ увольненіемъ отъ должности декана.

Назначается: столоначальникъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, коллежскій ассессоръ Мамантовъ — исправляющимъ должность дѣлопроизводителя V класса департамента народнаго просвѣщенія.

(№ 19). Производятся за отличіе: въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія Александръ Тимофѣевъ, окружный инспекторъ Казанскаго учебнаго округа Александръ Иноземцевъ, ординарные академики Императорской академіи наукъ Василій Имшенецкій и Игнатій Ягичъ, ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго Александръ Веселовскій, Московскаго Михаилъ Толстопятовъ, Николай Тольскій, Алексѣй Кожевниковъ и Александръ Дювернуа, св. Владиміра: Николай Бунге, Владиміръ Бецъ и Павелъ Ромеръ, Харьковскаго Иванъ Лазаревичъ и Валеріанъ Лашкевичъ, Новороссійскаго Никодимъ Кондаковъ и Дерптскаго Эдмундъ Руссовъ и Густавъ Тейхмюллеръ, бывшій ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, заслуженный ординарный профессоръ Карлъ Герцъ, ординарный профессоръ историко-филологическаго института князя

Безбородко въ Нѣжинѣ Петръ Люперсольскій, директоръ Радомской мужской гимназіи Василій Маркіановичъ, директоръ реальныхъ училищъ: Новозыбковскаго Илья Радкевичъ и Бѣлоцерковскаго Александръ Соковичъ, директоры народныхъ училищъ губерній: Пермской Василій Шишонко и Воронежской Иванъ Пасяда, экстраординарные профессоры: Императорскаго Казанскаго университета Арсеній Щербаковъ и Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Ѳедоръ Соколовъ и исправляющій должность экстраординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Лазарь Лазаревъ; надворный совѣтникъ, начальникъ Кѣлецкой дирекціи Василій Добровольскій и неимѣющіе чина: ординарные профессоры Императорскаго Варшавскаго университета Митрофанъ Гаппнъ и Александръ Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ.

Въ статскіе совѣтники: коллежскій ассессоръ, бывшій инспекторъ Грубешовской мужской прогимназіи Георгій Малиновскій и не имѣющій чина, бывшій инспекторъ студентовъ Императорскаго Варшавскаго университета Иванъ Семеновичъ.

Въ коллежскіе совѣтники: неимѣщій чина, инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Владиміръ Карповъ.

Въ надворные совѣтники: не имѣющій чина, учитель Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Александръ Раковскій.

Въ коллежскіе ассессоры: губернскій секретарь, учитель приготовительнаго класса и помощникъ классныхъ наставниковъ Варшавской мужской прогимназіи Иванъ Хальковской.

Въ коллежскіе регистраторы, съ 23-го декабря 1882 г.: почетный смотритель Лидскаго уѣзднаго училища, происходящій изъ казаковъ Стародубскаго уѣзда, Черниговской губерніи, Левъ Редько, вольнотрудящійся при читальной залѣ Императорской публичной библіотеки, С.-Петербургскій мѣщанинъ Николай Антоновъ и занимающійся по вольному найму въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, Кронштадтскій мѣщанинъ Николай Розенбергъ (Выс. пов. 23-го декабря 1882 г.).

(№ 1). Производятся за отличіе: Въ тайные совѣтники: дѣйствительные статскіе совѣтники: попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа Ѳедоръ Дмитріевъ и редакторъ журнала министерства народнаго просвѣщенія Евгеній Ѳеоктистовъ.

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: окружный инспекторъ Кавказскаго учебнаго округа Николай Короваевъ,

бывшій библіотекарь Императорской публичной библіотеки Аркадій Стойковичъ, врачъ С.-Петербургской пятой гимназіи Цезарь Станевичъ и корреспондентъ археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія Павелъ Лихачевъ и коллежскіе совѣтники: сотрудникъ археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія, церемоніймейстеръ Высочайшаго двора князь Григорій Хилковъ и почетный попечитель Кишиневской прогимназіи, въ званіи камеръ-юнкера, Иванъ Катаржи.

Въ статскіе совѣтники: коллежскіе совѣтники: наставники Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Евгеній Варонъ и Георгій Шмидъ и коллежскій регистраторъ, почетный попечитель Харьковскаго реальнаго училища, Дмитрій Бразоль.

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

6. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей „Справочно-объяснительнаго словаря къ Новому Завѣту" Гильтебрандта.

Членомъ археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія, коллежскимъ ассессоромъ Гильтебрандтомъ составленъ „Справочно объяснительный словарь къ Новому Завѣту", который, съ Высочайшаго соизволенія, посвященъ священной памяти Императора Александра II и супруги Его, Императрицы Маріи Александровны.

Въ виду того, что изданіе это могло бы служить весьма полезнымъ вкладомъ въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить вниманіе начальствъ сихъ заведеній ввѣреннаго вамъ округа на сказанную книгу, на случай выписки оной для библіотекъ, какъ фундаментальныхъ, такъ и ученическихъ. При семъ неизлишнимъ нахожу приложить 6 экземпляровъ объявленія г. Гильтебрандта о выходѣ его книги.

7. (11-го декабря 1882 г.). Правила о конкурсѣ на учреждаемую при Императорской академіи наукъ, на счетъ пожертвованнаго Тамбовскимъ дворянствомъ капитала въ

5 т. р., премію за составленіе исторіи первыхъ 25-ти лѣтъ царствованія Императора Александра II.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На соисканіе премія принимаются доставленныя лишь самими авторами, оригинальныя на русскомъ языкѣ печатныя сочиненія.

2) Срокомъ представленія конкурсныхъ сочиненій въ академію назначается 31-е декабря 1900 года.

3) Присужденіе преміи будетъ произведено въ 1901 г. и подробный отчетъ объ ономъ будетъ читанъ въ публичномъ собраніи академіи 29-го декабря того года, а затѣмъ напечатанъ во всеобщее свѣдѣніе.

4) Премія будетъ состоять изъ вышеозначенныхъ пяти тысячъ руб., вмѣстѣ съ процентами, какіе наростутъ на эту сумму по день присужденія преміи.

8. (11-го декабря 1882 г.). **Положеніе о преміяхъ имени бывшаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Н. И. Пирогова, при Кіевскомъ отдѣленіи Общества классической филологіи и педагогики.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

1) На проценты съ капитала, въ четыреста девяносто семь руб. составившагося изъ пожертвованій членовъ Кіевскаго отдѣленія общества классической филологіи и педагогики и А. А. Пироговою и обращеннаго въ государственныя процентныя бумаги, учреждается премія имени Н. И. Пирогова.

2) Премія выдается за лучшія сочиненія учениковъ 3-хъ высшихъ классовъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа по древнимъ языкамъ на темы, задаваемыя Кіевскимъ отдѣленіемъ Общества классической филологіи и педагогики на основаніи правилъ о конкурсныхъ работахъ, выработанныхъ и принятыхъ въ засѣданіи отдѣленія 17-го апрѣля 1876 года.

3) Премія выдается не деньгами, а книгами съ надписаніемъ отзыва Кіевскаго отдѣленія Общества классической филологіи и педагогики о сочиненіи, удостоиваемомъ преміи.

4) Число премій можетъ быть и болѣе одной, смотря по числу поступившихъ въ отдѣленіе сочиненій, заслуживающихъ преміи и согласно опредѣленію отдѣленія.

5) Если не окажется сочиненій, заслуживающихъ преміи, то

употребляемыя на сей предметъ процентныя деньги причисляются къ капиталу.

9. (14-го декабря 1882 года). **Положеніе о денежномъ фондѣ имени содержателя частной гимназіи въ С.-Петербургѣ Карла Ивановича Мая.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 2-го декабря 1882 года учрежденъ при частной гимназіи К. И. Мая, въ память 25-тилѣтія означеннаго учебнаго заведенія, денежный фондъ на капиталъ въ 6.000 рублей, пожертвованный бывшими учениками оной, для выдачи пособій недостаточнымъ учителямъ, преподававшимъ и преподающимъ въ гимназіи, ихъ семьямъ и ученикамъ какъ обучающимся, такъ и бывшимъ.

2) Пособія могутъ быть выдаваемы изъ означеннаго фонда единовременныя или періодическія.

3) Изъ означенной суммы остаются неприкосновенными 4,000 р., остальные же 2,000 рублей, равно какъ и проценты со всей капитальной суммы, могутъ быть расходуемы, по усмотрѣнію комитета, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы не было расходуемо ежегодно болѣе 500 рублей.

4) Всѣ позднѣйшія пожертвованія могутъ быть, по желанію жертвователей, расходуемы на выдачу пособій или причисляемы къ неприкосновенной капитальной суммѣ.

5) Обезпечивающій фондъ капиталъ помѣщается въ государственныхъ процентныхъ или гарантированныхъ правительствомъ бумагахъ и хранится въ государственномъ банкѣ; проценты же съ него и позднѣйшія пожертвованія получаются и сохраняются казначеемъ, избираемымъ комитетомъ изъ числа его членовъ, причемъ комитету предоставляется право дѣлать распоряженія, въ случаѣ накопленія значительнаго количества суммъ у казначея, о внесеніи ихъ въ государственный банкъ и о полученіи изъ банка части капитала, подлежащей выдачѣ въ пособіе.

6) Выдача пособій изъ фонда и процентовъ фонда производится комитетомъ.

7) Въ составъ комитета входятъ: К. И. Май, въ качествѣ постояннаго предсѣдателя, и выборные члены: два отъ учителей, какъ преподававшихъ, такъ и преподающихъ въ гимназіи, и четыре отъ

бывшихъ ея воспитанниковъ. Означенныя лица рѣшаютъ дѣла абсолютнымъ большинствомъ голосовъ, а въ случаѣ равенства—перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя.

Примѣчаніе: Засѣданіе комитета считается состоявшимся при наличности предсѣдателя и не менѣе трехъ членовъ.

8) Въ случаѣ отсутствія К. И. Мая, предсѣдательство въ комитетѣ возлагается на лицо, имъ избираемое.

9) Выборы въ члены комитета происходятъ ежегодно, на общемъ собраніи, закрытою баллотировкою.

10) Къ избраннымъ шести членамъ комитета выбираются тѣмъ же порядкомъ и на томъ же собраніи два кандидата: одинъ отъ учителей, преподающихъ въ гимназіи, и одинъ отъ бывшихъ учениковъ; эти кандидаты исправляютъ обязанности членовъ комитета въ случаѣ ихъ отсутствія.

11) Члены комитета, также какъ и кандидаты къ нимъ, выбираются совмѣстно бывшими учениками и учителями, участвующими въ общемъ собраніи; выбранными признаются лица, получившія абсолютное большинство голосовъ.

12) Общія собранія состоятъ изъ бывшихъ воспитанниковъ, участвовавшихъ въ образованіи фонда, и учителей, какъ преподававшихъ, такъ и преподающихъ въ гимназіи.

13) Общія собранія бываютъ обыкновенныя и чрезвычайныя.

14) Обыкновенное общее собраніе созывается ежегодно 15-го октября мѣсяца.

15) Вѣдѣнію общаго собранія подлежатъ:

а) выслушаніе и обсужденіе отчета о дѣятельности комитета за истекшій годъ,

б) выборъ членовъ комитета,

в) выборъ трехъ ревизоровъ, на обязанности которыхъ лежитъ провѣрка отчета, представляемаго комитетомъ, и

г) обсужденіе предложеній, вносимыхъ членами собранія и комитета.

16) Чрезвычайныя собранія созываются по мѣрѣ надобности или К. И. Маемъ, или по письменно-заявленному комитету требованію о томъ со стороны не менѣе семи лицъ, имѣющихъ право участія въ общемъ собраніи.

17) Чрезвычайное собраніе разсматриваетъ всѣ вопросы, подлежащіе рѣшенію общаго собранія и не терпящіе отлагательства.

18) Вопросы на собраніи рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ

голосовъ, а въ случаѣ равенства, перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя, избираемаго самимъ собраніемъ. Для постановленія измѣненій въ уставѣ необходимо присутствіе 25-ти членовъ и согласіе 2/3 наличнаго числа членовъ и К. И. Мая.

19) Порядокъ созыва общихъ собраній предоставляется усмотрѣнію комитета, съ тѣмъ, однако, чтобы объявленіе о таковомъ было сообщаемо не позже, какъ за три дня до собранія.

20) Собраніе считается состоявшимся при наличности не менѣе 15-ти лицъ, имѣющихъ право участія въ общемъ собраніи.

21) Въ случаѣ, если общее собраніе не состоится за недостаточнымъ количествомъ наличныхъ членовъ, комитетъ созываетъ не позже, какъ чрезъ двѣ недѣли, новое собраніе, которое признается состоявшимся при всякомъ числѣ членовъ.

22) Въ случаѣ закрытія учебнаго заведенія К. И. Мая, или оставленія его К. И. Маемъ, дальнѣйшее назначеніе фонда зависитъ отъ него, и ему предоставляется право, на случай его смерти, опредѣлить это назначеніе по его усмотрѣнію, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы оно имѣло въ виду учебную благотворительность.

Примѣчаніе. Для выслушанія назначенія, даваемаго фонду К. И. Маемъ, созывается общее собраніе.

23) Еслибы назначенія, упомянутаго въ предыдущей статьѣ, со стороны К. И. Мая, не послѣдовало, то оно зависитъ отъ общаго собранія, съ наблюденіемъ условія, указаннаго въ той же статьѣ; при чемъ общее собраніе должно состоять не менѣе какъ изъ 25-ти лицъ.

10. (17-го декабря 1882 года). **Положеніе о стипендіяхъ имени супруги тайнаго совѣтника Леокадіи Александровны Дурново при Екатеринославской Маріинской женской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ одну тысячу четыреста рублей, собраннаго добровольно жителями Екатеринославской губерніи, учреждаются при Екатеринославской Маріинской женской гимназіи двѣ стипендіи имени супруги тайнаго совѣтника, Леокадіи Александровны Дурново.

2) Обезпечивающій стипендіи капиталъ, всего въ количествѣ

1,400 руб., заключающійся въ 5% билетахъ восточнаго займа, находится въ непосредственномъ распоряженіи попечительнаго совѣта названной женской гимназіи.

3) Проценты съ стипендіальнаго капитала употребляются на взносъ платы за ученіе двухъ избранныхъ стипендіатокъ.

4) Назначеніе стипендіатокъ предоставляется пожизненно супругѣ тайнаго совѣтника Леокадіи Александровнѣ Дурново; по смерти же ея, право это передается попечительному совѣту Екатеринославской Маріинской женской гимназіи.

5) Избранныя стипендіатки сохраняютъ за собою право на пользованіе опредѣленною стипендіею во все время пребыванія ихъ въ названной гимназіи и лишаются оной только въ томъ случаѣ, если, по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи, будутъ исключены изъ оной.

6) Остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала причисляются къ капиталу, на случай увеличенія платы за право ученія въ гимназіи.

11-го (22-го декабря 1882 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ, съ рекомендаціей журнала „Русскій Филологическій Вѣстникъ".

Экстраординарный профессоръ Варшавскаго университета А. Смирновъ вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о рекомендаціи издаваемаго имъ журнала „Русскій Филологическій Вѣстникъ", особенно за прежніе годы, въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Принимая во вниманіе, что означенный журналъ еще въ 1880 году удостоился одобренія для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и учительскихъ институтовъ и семинарій, и что съ того времени „Русскій Филологическій Вѣстникъ" нисколько не терялъ своего научнаго значенія для славяно-русской филологіи, при чемъ содержаніе журнала постоянно отличалось разнообразіемъ и дѣльностію, ученый комитетъ министерства, на разсмотрѣніе котораго было передано изъясненное ходатайство, призналъ справедливымъ уважить просьбу профессора Смирнова о рекомендаціи журнала „Русскій Филологическій Вѣстникъ" для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

О такомъ постановленіи ученаго комитета, съ которымъ я вполнѣ

согласенъ, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для зависящаго, въ чемъ слѣдуетъ, распоряженія.

12 (23-го декабря 1882 г.). **Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ выдачи учителямъ третнаго не въ зачетъ жалованья.**

Въ 1881 г. нѣкоторые изъ попечителей учебныхъ округовъ обращались въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбою о разъясненіи, въ какомъ именно размѣрѣ слѣдуетъ выдавать вновь опредѣленнымъ на учительскія должности въ гимназіи, прогимназіи и реальныя училища лицамъ третное не въ зачетъ жалованье, по расчету ли вознагражденія за все число предоставленныхъ имъ уроковъ или же изъ штатнаго нормальнаго оклада за 12 недѣльныхъ уроковъ, т.-е. изъ 750 р. въ годъ.

Вслѣдствіе сего было разъяснено подлежащимъ попечителямъ учебныхъ округовъ: 1, что учителямъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, при первоначальномъ опредѣленіи на учебную службу, на основаніи § 58 уст. гимназій и § 53 уст. реальныхъ училищъ, назначается низшій окладъ содержанія за 12 недѣльныхъ уроковъ 750 р., за даваемые же ими сверхъ сего числа уроки, они, согласно общимъ примѣчаніямъ къ штатамъ названныхъ учебныхъ заведеній, получаютъ добавочную плату, сообразно съ числомъ этихъ уроковъ; 2, что эта послѣдняя плата, какъ могущая подвергаться не только довольно частому измѣненію, но даже совершенному прекращенію, въ силу разъясненія министерства финансовъ, послѣдовавшаго по соглашенію съ государственнымъ контролемъ, по поводу примѣненія закона 9 іюня 1873 г. о вычетахъ съ увеличеннаго содержанія, не можетъ быть причислена къ постоянному по службѣ содержанію; а потому, если плата за дополнительные уроки не принимается въ расчетъ при вычетахъ по случаю увеличенія содержанія, то равнымъ образомъ она не должна входить въ расчетъ и при выдачѣ изъ казны третнаго не въ зачетъ жалованья при первоначальномъ опредѣленіи къ учительскимъ должностямъ.

На семъ основаніи министерство полагало, что причитающееся помянутымъ лицамъ въ силу § 123 уст. гимназій и § 94 уст. реальныхъ училищъ третное не въ зачетъ жалованье должно быть выдаваемо изъ штатнаго нормальнаго оклада въ 750 р.

Нынѣ государственный контролеръ сообщилъ министерству на-

роднаго просвѣщенія, что совѣтъ государственнаго контроля, разсмотрѣвъ переданный на его обсужденіе нѣкоторыми изъ контрольныхъ палатъ общій вопросъ о размѣрахъ третнаго и полугодоваго жалованья, причитающагося преподавателямъ при опредѣленіи въ должности, и, въ частности, сдѣланный одною изъ контрольныхъ палатъ начетъ за выдачу учителямъ означеннаго жалованья по числу не только нормальныхъ уроковъ, но и дополнительныхъ, и соглашаясь съ приведеннымъ выше разъясненіемъ министерства народнаго просвѣщенія, принялъ сверхъ того въ соображеніе и то обстоятельство, что невозможно относить плату за дополнительные уроки въ одномъ случаѣ къ окладу содержанія (при выдачѣ третнаго жалованья), а въ другомъ къ вознагражденію за трудъ (при вычетахъ по случаю увеличенія содержанія).

Вслѣдствіе сего совѣтъ государственнаго контроля постановилъ: для предупрежденія подобныхъ неправильностей на будущее время просить министерство народнаго просвѣщенія сдѣлать общее распоряженіе, чтобы при выдачѣ преподавателямъ третнаго или полугодоваго не въ зачетъ жалованья принимались въ расчетъ лишь оклады содержанія, назначаемые имъ по числу нормальныхъ уроковъ, и чтобы плата за дополнительные уроки при выдачахъ таковаго жалованья не входила въ расчетъ.

Сообщая объ этомъ вашему превосходительству, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, сдѣлать зависящее распоряженіе о принятіи вышеизложеннаго къ руководству и исполненію.

13. (31-го декабря 1882 г.). **Правила о единовременномъ пособіи, учреждаемомъ при Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго служащими въ Московскомъ купеческомъ банкѣ.**

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ капитала въ 1000 р., заключающагося въ одной облигаціи втораго восточнаго займа, учреждается при Московскомъ университетѣ единовременное денежное пособіе, которому присвоивается наименованіе: „единовременное пособіе въ память бывшаго профессора Ивана Кондратьевича Бабста“.

2) Проценты съ сего капитала (50 р.) обращаются, по полугодно, для взноса платы за слушаніе профессорскихъ лекцій за одного изъ студентовъ юридическаго факультета Московскаго университета.

3) Избраніе студента, за котораго должна вноситься плата за

слушаніе профессорскихъ лекцій изъ означенныхъ процентовъ, предоставляется профессору политической экономіи; назначеніе же пособія производится на основаніи общихъ установленныхъ для сего правилъ.

14. (31-го декабря 1882 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ по вопросу о наказаніи учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній карцеромъ.

Однимъ изъ окружныхъ учебныхъ начальствъ возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ наказанія учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній карцеромъ.

Означенный вопросъ я призналъ нужнымъ передать на обсужденіе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, который, высказавшись за сохраненіе означенной мѣры взысканія, нашелъ, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ невозможно, почему либо, устроить свѣтлые карцеры, могутъ быть оставлены и темные, въ которыхъ надлежитъ сдѣлать окно въ дверяхъ, чтобы служитель могъ наблюдать за арестованнымъ ученикомъ, при чемъ карцеры должны быть непремѣнно отапливаемы и снабжены скамейкою для сидѣнья.

Утвердивъ таковое заключеніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, я о вышеизложенномъ считаю нужнымъ увѣдомить ваше превосходительство для свѣдѣнія и руководства.

15. (31-го декабря 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II при Вѣрненской мужской гимназіи или при одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Туркестанскаго края.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ три тысячи шестьсотъ сорокъ семь руб. тридцать девять коп., собраннаго духовенствомъ Туркестанской епархіи въ память совершившагося въ 1880 г. 25-ти лѣтія царствованія въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 23-го декабря 1882 г., временно при Вѣрненской мужской гимназіи или при одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Туркестанскаго края стипендія подъ наименованіемъ: „стипендія Туркестанскаго духовенства

Имени Императора Александра II". съ тѣмъ, чтобы стипендія эта, по открытіи въ Туркестанскомъ краѣ духовной семинаріи, была переведена въ сію послѣднюю.

2) Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 5% бумагахъ на сумму 3652 р. 50 коп. и въ наличныхъ деньгахъ на сумму 14 р. 89 коп., хранится въ государственномъ банкѣ на вѣчныя времена.

3) Ни духовенство Туркестанской епархіи, ни министерство народнаго просвѣщенія не имѣютъ права дать впослѣдствіи этому капиталу, равно какъ и процентамъ отъ него, какое либо иное назначеніе.

4) Стипендіей пользуются предпочтительно дѣти мужскаго пола священно и церковно-служителей Туркестанской епархіи, сироты, лишившіеся отца, прослужившаго въ краѣ не менѣе трехъ лѣтъ и затѣмъ уже мальчики, имѣющіе недостаточно обезпеченныхъ бѣдныхъ родителей, прослужившихъ въ краѣ не менѣе 10-ти лѣтъ.

Примѣчаніе. Круглые и совершенно безпомощные сироты не лишаются права на полученіе стипендіи даже и въ такомъ случаѣ, когда отцы ихъ и не дослужили въ краѣ вышеозначеннаго срока.

5) Стипендія присуждается епархіальнымъ начальствомъ послѣ совѣщанія въ особомъ засѣданіи, на которое приглашаются: члены консисторіи, городское духовенство, настоятели ближайшихъ къ г. Вѣрному церквей, а также начальникъ учебнаго заведенія, при которомъ стипендія учреждена.

Примѣчаніе. Срокъ этого совѣщанія постоянный,—въ началѣ учебнаго года; почему и настоятели болѣе отдаленныхъ отъ Вѣрнаго церквей могутъ, если пожелаютъ, участвовать въ немъ лично, либо приславъ свои письменныя заявленія.

6) Полную стипендію составляютъ всѣ проценты отъ капитала; впрочемъ, смотря по дѣйствительнымъ потребностямъ въ данное время, она можетъ быть раздѣлена пополамъ между двумя равноправными кандидатами.

7) Въ случаѣ соискательства стипендіи болѣе чѣмъ двумя кандидатами, преимущество отдается сыну священника предъ сыномъ причетника, сыну отца, долѣе служившаго въ краѣ, предъ сыномъ отца, который прослужилъ сравнительно менѣе.

8) Если стипендіатъ, по окончаніи курса гимназіи, можетъ по-

ступить въ духовную академію, то стипендія можетъ быть за нимъ сохранена.

9) Въ случаѣ недостатка въ стипендіатахъ, деньги, не израсходованныя въ теченіе двухъ лѣтъ, а также 14 руб. 89 коп. наличными деньгами присоединяются къ основному капиталу.

10) Вновь поступившія въ теченіе 1882 г. на ту же стипендію деньги присоединяются къ стипендіальному капиталу.

16. (10-го января 1883 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ касательно условій пріобрѣтенія учебными заведеніями „Отечественной исторіи въ картинахъ", соч. С. Е. Рождественскаго.

Директоръ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рождественскій въ прошломъ 1881 году издалъ свой трудъ „Отечественная исторія въ картинахъ, для школы и дома", цѣль котораго заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы содѣйствовать укорененію въ памяти учащихся достопримѣчательныхъ и славныхъ событій нашей исторіи посредствомъ нагляднаго изображенія ихъ. Но, вслѣдствіе большихъ затратъ на изданіе, авторъ вынужденъ былъ назначить за оное сравнительно высокую цѣну въ розничной продажѣ, а именно 20 руб. за экземпляръ (съ пересылкою 22 р.), при чемъ книгопродавцы, городскія общества и др., при требованіи не менѣе 10 экземпляровъ пользовались уступкою 20%, 20 экземпляровъ 25%, 50 экземпляровъ 30% и 100 экземпляровъ 35%, безъ пересылки.

Принимая во вниманіе, что каждое учебное заведеніе обыкновенно выписываетъ сравнительно небольшое количество экземпляровъ изданія, и потому лишено возможности воспользоваться означенною уступкою, долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше превосходительство, согласно ходатайству автора, объявить начальствамъ подвѣдомственныхъ вамъ учебныхъ заведеній о томъ, чтобы съ требованіями о высылкѣ Отечественной исторіи въ картинахъ, обращались непосредственно къ вамъ, при чемъ вы, милостивый государь, не оставите вашимъ распоряженіемъ о сообщеніи таковыхъ требованій въ департаментъ народнаго просвѣщенія, который, сосредоточивъ у себя всѣ заявленія учебныхъ заведеній о выпискѣ означенной книги, можетъ пріобрѣсти таковую съ наибольшею уступкою.

17. (10-го января 1883 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціею „Курса ариѳметики А. Серре", перев. Юденича.

Преподаватель математики Константиновскаго межеваго института и Комисаровскаго техническаго училища, коллежскій совѣтникъ Юденичъ перевелъ на русскій языкъ „Курсъ ариѳметики А. Серре", вышедшій третьимъ изданіемъ въ Москвѣ 1875 года.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, принимая во вниманіе, что означенное сочиненіе на повторительныхъ урокахъ математики въ старшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній, можетъ служить полезнымъ руководствомъ для учениковъ, и признавая особенно желательнымъ, чтобы „Курсъ ариѳметики А. Серре" былъ во всей полнотѣ изучаемъ въ учительскихъ институтахъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, подготовляющихъ учителей, нашелъ справедливымъ рекомендовать „Курсъ ариѳметики А. Серре" для основныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить, какъ пособіе, для повторительныхъ курсовъ математики въ VI классѣ реальныхъ училищъ и въ VIII классѣ гимназій.

О такомъ постановленіи ученаго комитета, съ которымъ я согласенъ, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для зависящаго, въ чемъ слѣдуетъ, распоряженія.

18. (10-го января 1883 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей книги „Исторія царствованія Императора Александра II.

Въ послѣднее время издана книга подъ заглавіемъ: „Исторія царствованія Императора Александра Втораго". Въ составъ означенной книги вошелъ обзоръ важнѣйшихъ дѣяній и событій минувшаго царствованія, причемъ текстъ иллюстрированъ рисунками, соотвѣтствующими описываемымъ событіямъ.

Въ виду несомнѣнной пользы распространенія среди учащагося юношества возможно бóльшаго знакомства съ исторіей царствованія блаженной памяти Императора Александра II, долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить особое вниманіе начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ учебнаго округа на означенную книгу, на случай выписки оной для библіотекъ какъ фундаментальныхъ, такъ и ученическихъ, а также для раздачи отличнымъ ученикамъ въ видѣ наградъ. Къ сему не излишнимъ считаю присовокупить, что мною разрѣшено издателю войдти

въ сношеніе съ гг. начальниками гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ о высылкѣ означеннаго изданія, въ томъ количествѣ экземпляровъ, которое будетъ соотвѣтствовать средствамъ каждаго учебнаго заведенія, съ тѣмъ условіемъ, чтобы цѣна экземпляра въ изящной папкѣ не превышала четырехъ рублей съ пересылкою.

19. (10-го января 1883 года). **Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей новаго изданія сочиненій Пушкина.**

Подъ редакціей преподавателя русскаго языка въ Московскомъ учительскомъ институтѣ К. Козмина, Г. Анскій издалъ для школъ сочиненія А. С. Пушкина въ трехъ томахъ, изъ которыхъ первый предназначенъ для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, а главнымъ образомъ для учениковъ старшаго возраста народной школы, второй для среднихъ, а третій томъ для старшихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ.

Въ виду того, что это школьное изданіе сочиненій Пушкина заслуживаетъ полнаго вниманія педагоговъ, такъ какъ чтеніе этихъ сочиненій приноситъ несомнѣнную пользу для умственнаго и нравственнаго развитія учащихся, равно какъ и для ихъ эстетическаго воспитанія, ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, на разсмотрѣніе котораго было передано означенное изданіе, нашелъ справедливымъ одобрить оное для употребленія въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ, и кромѣ того рекомендовать для ученическихъ библіотекъ этихъ заведеній.

Сообщая вашему превосходительству о такомъ постановленіи ученаго комитета, съ которымъ я вполнѣ согласенъ, не излишнимъ считаю присовокупить, что цѣна первому тому „Сочиненій А. С. Пушкина" 60 коп., второму — 1 рубль и третьему — 2 рубля, и что съ требованіями о высылкѣ означенной книги слѣдуетъ обратиться въ гор. Москву, въ книжный магазинъ наслѣдниковъ братьевъ Салаевыхъ.

20. (15-го января 1883 г.) **Положеніе о стипендіи имени Бориса Львовича Редрикова при Александровской Серпуховской прогимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ пожертвованнаго коллежскимъ совѣтникомъ Редриковымъ капитала въ пятьсотъ руб., заключающагося въ обли-

гаціяхъ перваго восточнаго займа, учреждается при Александровской Серпуховской прогимназіи одна стипендія имени покойнаго сына жертвователя, бывшаго ученика этой прогимназіи, Бориса Львовича Редрикова.

2) Проценты съ означеннаго капитала выдаются одному изъ бѣдныхъ учениковъ прогимназіи, заслуживающему того по своимъ успѣхамъ и поведенію, для уплаты за право ученія въ прогимназіи и на учебныя пособія. Могущій оказаться остатокъ по случаю временнаго незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ выдается стипендіату въ единовременное пособіе при окончаніи имъ полнаго курса прогимназіи.

3) Право избранія стипендіата, а также лишеніе его стипендіи, вслѣдствіе неуспѣшности или дурнаго поведенія, принадлежитъ педагогическому совѣту прогимназіи.

4) Стипендіальный капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ прогимназіи.

21. (17-го сентября 1882 г.) Циркулярское предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей педагогической энциклопедіи Шмида.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ второе изданіе предпринятой г. Шмидомъ педагогической энциклопедіи подъ заглавіемъ: „Encyclopaedie des gesammten Erziehungs- und Unterrichtswesens", въ 11 томахъ, призналъ изданіе это, какъ одно изъ лучшихъ въ числѣ нѣмецкой педагогической литературы, заслуживающимъ особой рекомендаціи для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

О такомъ постановленіи ученаго комитета, съ которымъ я вполнѣ согласенъ, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для зависящаго, въ чемъ слѣдуетъ, распоряженія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Составленный Н. Казецкимъ „Дневникъ для записыванія уроковъ учениковъ и учениць различныхъ учебныхъ заведеній". Изданіе педагогическаго бюро въ Москвѣ. Москва. 1882 г. Цѣна 20 коп.,—одобрить для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя того пожелаютъ.

— Книгу „Систематическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ, для гимназій и прогимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ, уѣздныхъ и городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій. Составили В. Арбузовъ, А. Мининъ, В. Мининъ и Д. Назаровъ, преподаватели Московскихъ гимназій. Изданіе 2-ое. Москва. 1882 г. Цѣна 50 коп.,—одобрить какъ учебное пособіе для употребленія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, а также въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ.

— Книгу: „Deutsche Chrestomatie für russiche Gymnasien, Progymnasien und Realschulen mit sprachlichen, sachligen Erklärungen, und einem deutsch-russischen Wörterbuche von Friedrich Brandt. St. Petersburg. 1877 г. Цѣна 2 рубля—допустить къ употребленію въ видѣ пособія въ старшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Біографіи и характеристики отечественныхъ образцовыхъ писателей". Для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій Составили К. Козьминъ и В. Покровскій. Москва. 1883 г. Цѣна 50 коп.—допустить какъ учебное пособіе для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу „О заговорѣ Катилины, Саллюстія"—Учебное изданіе латинскихъ классиковъ, съ словаремъ и примѣчаніями. Томъ III. Издалъ Нагуевскій. Лейпцигъ. 1882 г.—допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу „Теорія словесности".—Сводъ теоретическихъ положеній, выведенныхъ изъ разборовъ образцовъ прозы и поэзіи.—Составили К. Козьминъ и В. Покровскій.—Москва. 1883 г. Цѣна 30 коп.—одобрить въ видѣ учебнаго пособія при преподаваніи словесности.

— Книгу: „Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій съ примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ". Составилъ Иванъ Аллендорфъ, преподаватель Кишиневскаго реальнаго училища. Одесса. 1882 г. Цѣна 1 р. 30 к.—допустить въ видѣ учебнаго пособія въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „А. П. Кирпотенко Учебный курсъ ботаники". Выпускъ

третій. Морфологія, исторія развитія и систематика споровыхъ растеній (cryptogamae). С.-Петербургъ. 1882 г.—допустить въ число учебныхъ пособій для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Учебникъ латинскаго языка". Выпускъ первый для низшихъ классовъ гимназій. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное этимологіей II класса гимназіи. Составилъ Смирновъ и О. Клеменчичъ. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 60 к.—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія для низшихъ классовъ гимназій.

— Книгу: „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка, побережья Ладожскаго озера. А. А. Иностранцева" профессора С.-Петербургскаго университета. Съ 122 политипажами въ текстѣ, 2 литографіями и 12 таблицами фототипіи. С.-Петербургъ. 1882 г.—рекомендовать для пріобрѣтенія въ основныя библіотеки реальныхъ училищъ и гимназій.

— Книгу: „Книга упражненій по греческой этимологіи, по руководству И. Везенера, съ приспособленіемъ къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ и съ прибавленіемъ правилъ греческаго синтаксиса".—Составилъ Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи, Изданіе 3, исправленное. Москва, 1882 г. Цѣна 1 р. 25 коп.,—одобрить, подобно прежнимъ изданіямъ, какъ учебное пособіе по греческому языку, въ особенности для IV, V и VI классовъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: Книгу: „Завоеваніе Ахалъ-Теке". Очерки изъ послѣдней экспедиціи Скобелева (1880—1881). А. Маслова. С.-Петербургъ. 1882 г.,—допустить въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ и народныхъ школъ.

Книги: 1) „Странствователь по Казанской губерніи". Съ 6-ю рисунками. С.-Петербургъ, 1880 г. Цѣна 20 к. Изд. редакціи журнала „Мірской Вѣстникъ". 2) „Народная библіотека" изд. книжнаго магазина Мартынова. Выпускъ 1-й. Разказы изъ отечественной исторіи. Начало Руси и Владиміръ Св.-П. Рогова. Изд. 2-е С.-Петербургъ 1880 г. Цѣна 10 к. 3) „Народное чтеніе". Примѣры изъ

прошлой войны 1877—1878 годовъ. Разсказы о подвигахъ офицеровъ. Составилъ Чичаговъ. С.-Петербургъ 1880 г. Цѣна 30 коп., и 4) „Двѣ Елки". Разсказъ для дѣтей. Н. Г. Вучетича. Москва. 1881 г. Цѣна 30 к.,—допустить въ библіотеки городскихъ училищъ и народныхъ школъ.

— Брошюру: „Бесѣда о привитіи оспы". Кострома. 1881 года,—одобрить для ученическихъ библіотекъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Изъ русскаго быта". Сочиненіе М. Чистякова. С.-Петербургъ. Третье изданіе 1880 г.,—признать вполнѣ заслуживающей быть внесенною въ каталогъ книгъ для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Изданныя редакціею журнала „Досугъ и Дѣло" книжки: 1) „Русское царство отъ Ивана IV Грознаго до прекращенія Рюрикова дома". С.-Петербургъ 1882 г., и 2) „Русское царство отъ прекращенія Рюрикова дома до воцаренія дома Романовыхъ". С.-Петербургъ 1882 г.,—допустить въ библіотеки народныхъ училищъ.

— Изданія: „Украшенія для плоскихъ поверхностей (Элементарный плоскій орнаментъ)" по Мужаку и другимъ нарисовалъ учитель П. Вересовъ. Цѣна 10 коп., и „Коментарій къ элементарному плоскому орнаменту (для учителей) П. Вересовъ. Тифлисъ 1882 г. Цѣна 25 коп.",—допустить въ учительскія библіотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу „Домашній и госпитальный уходъ за больными". Профессора Бильрота. Изд. Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста. Переводъ Герценштейна и Марголина. С.-Петербургъ 1881 г. Цѣна 25 к.,—признать заслуживающею особой рекомендаціи для учительскихъ библіотекъ городскихъ и народныхъ школъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію начальной ариѳметики въ народныхъ школахъ". Сост. В. Евтушевскій. Изд. 4. С.-Петербургъ, 1882 г. Цѣна 75 коп.,—допустить въ библіотеки начальныхъ школъ, а также и въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ.

ТОПОГРАФІЯ СРЕДНЕВѢКОВАГО КОНСТАНТИНОПОЛЯ [1]).

II.

Обзоръ главныхъ сочиненій по исторической топографіи средневѣковаго Константинополя, написанныхъ въ послѣднюю четверть прошедшаго вѣка и въ нынѣшнемъ.

Второй половинѣ нынѣшняго вѣка принадлежатъ нѣсколько розысканій по занимающему насъ предмету, носящихъ несравненно болѣе спеціальный характеръ, нежели прежнія [2]).

Въ 1858 г. издалъ свое изслѣдованіе о завоеваніи Константинополя Турками докторъ А. Д. Мортманъ [3]). Здѣсь онъ даетъ краткое, но весьма обстоятельное описаніе всей ограды столицы, которое нужно было сдѣлать для точнѣйшаго распредѣленія силъ нападенія и обороны при осадѣ 1453 г. [4]) Эта серьёзная работа была плодомъ подробнаго и тщательнаго розысканія на мѣстѣ тѣхъ пунктовъ,

---

1) *Окончаніе.* См. январскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1882 годъ.

2) Драгоцѣннаго для исторіи византійскаго искусства сочиненія *Зальценберга*: Die Alt-christliche Baudenkmale Constantinopels vom V bis XII Jahrh. Berlin. 1854, разбирать мы здѣсь не будемъ, такъ какъ всѣ описанныя въ немъ памятники были уже раньше пріурочены къ своимъ мѣстамъ.

3) Belagerung und Eroberung Constantinopels durch die Türken im jahre 1453. Nach den Originalquellen bearbeitet von Dr. *A. D. Mordtmann*. Mit einem Plan von Constantinopel. Stuttgart und Augsburg. 1858 (147 страницъ).

4) См. это описаніе тамъ же на стр. 31—35, а также стр. 46—50 и дал., 71—72, 137.

гдѣ происходили военныя дѣйствія: прежнія розысканія лучшихъ топографовъ, сличенныя авторомъ съ извѣстіями современниковъ, не удовлетворили его. Къ этимъ лучшимъ топографамъ столицы онъ относитъ Жиля, Дюканжа, Хаммера, патріарха Константія и Скарлата Византія [1]). Мортманъ измѣрилъ сызнова стѣны и башни, списалъ надписи, провѣрилъ выдающіяся разрушенія и исправленія укрѣпленій, срисовалъ интереснѣйшіе пункты [2]). Сильно разошелся онъ со всѣми, передвинувъ значительно южнѣе то мѣсто, гдѣ произошелъ самый послѣдній бой на жизнь и смерть между представителями христіанства и ислама. Такъ какъ это вопросъ интереса общаго, то мы изложимъ здѣсь его взглядъ приблизительно его словами. Харсійскія ворота Византійцевъ до его времени считались всѣми топографами за нынѣшнія Эгрикапу. По мнѣнію Мортмана, одинъ изъ другаго механически переписывалъ, потому что ни одно извѣстіе Византійцевъ не могло бы дать повода къ такому мнѣнію. Онъ находитъ, что при допущеніи общепринятаго мнѣнія, возникаютъ рѣшительныя противорѣчія въ исторіи послѣдней осады, гдѣ главнѣйшимъ пунктомъ являются Харсійскія ворота вмѣстѣ съ воротами св. Романа, а потому онъ ищетъ Харсійскія ворота въ другомъ мѣстѣ. Одно извѣстіе I. Канана [3]) навело его на слѣдъ, и ворота вскорѣ были имъ отысканы. Между Адріанопольскими воротами (Polyandrium) и Пушкарными [4]) (св. Романа) стоятъ замурованныя ворота, которыхъ положеніе какъ разъ подходитъ ко всѣмъ тѣмъ извѣстіямъ византійскихъ историковъ, гдѣ онѣ упомянуты, и онъ не нашелъ ни малѣйшаго затрудненія помѣстить тутъ Харсійскія ворота [5]). Вотъ какъ глухо выражается Мортманъ: такія выраженія, сами по себѣ, никого не могутъ убѣдить въ вѣрности его предположенія, доводовъ же онъ никакихъ не приводитъ. Мы довольствуемся тѣмъ, что отсы-

[1]) Belagerung, стр. 136.

[2]) Тамъ же, стр. 3—5. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстно, были ли имъ изданы эти рисунки. Надписи же, имъ списываемыя, пересылалъ онъ къ издателямъ Corpus Inscrip. Gr., гдѣ онѣ и изданы.

[3]) Joan. Cananus, De Constantinopoli oppugnata, помѣщенъ въ томъ же томѣ Боннскаго изданія Византійцевъ, гдѣ и Франдзи (1838). См. стр. 462 этого изданія.

[4]) По турецки—Топъ-капу.

[5]) *Mordtmann*, Belagerung, стр. 137.

ласмъ читателей къ разбору этого мнѣнія Мортмана, сдѣланному г. Паспатіемъ и приводимому нами въ концѣ этой статьи [1]).

Въ одно почти время съ Мортманомъ ведетъ свои работы по древностямъ Константинополя другой нѣмецкій ученый, Детье, бывшій директоромъ Султанскаго музея (что въ св. Иринѣ). Детье и Мортманъ, оба долго проживавшіе въ этомъ городѣ, надъ древностями его трудились сообща, и мнѣнія ихъ часто совпадаютъ.

Въ своихъ „Новыхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ Константинополѣ" [2]), Детье обращаетъ вниманіе на необходимость строгаго отдѣленія большихъ воротъ отъ малыхъ, portes отъ poternes. Первыя служили или служатъ для выхода и входа—всему народу; передъ ними не было рва; это были ворота въ полномъ смыслѣ слова; вторыя же служили только къ оборонѣ стѣнъ отъ осаждающихъ. Малыя ворота (poternes) находятся обыкновенно въ Ѳеодосіевыхъ стѣнахъ въ серединѣ двухъ настоящихъ воротъ. Снутри города малыя ворота имѣютъ на правой сторонѣ каменную лѣстницу, чтобы влѣзать на стѣны. Такова потерна между Текфуръ-Сераемъ и Эдренэ́-капу такова потерна Пусея или Харисія между Эдренэ́-капу и Топъ-капу; такова, открытая самимъ Детье между Топъ-капу и Іени-капу (Мевлеханэ-капу) и проч. Настоящія, большія ворота, открываемыя въ мирное время, затворялись въ осадное. На оборотъ, потерны, передъ которыми ровъ продолжался, замуравывались на все продолженіе мира и раскрывались при осадѣ, равно какъ и самыя малыя двери (πυλίδια), оставляя проходъ одному человѣку рядомъ съ большею

[1]) Πασπάτη, Βυζ. Μελ., стр. 68—74. Пріуроченіе нѣсколькихъ старинныхъ мѣстностей и остатковъ сооруженій можно найдти въ другомъ сочиненіи Мортмана, его «Путеводителѣ по Константинополю», равно какъ и на приложенномъ къ нему планѣ, составленномъ Штолпе. См. Guide de Constantinople avec une introduction historique de *A. D. Mordtmann*. Un plan colorié de la ville et une carte du Bosphore. Constantinople (Lorentz et Keil). Страницъ всего 50. Безъ означенія года. Планъ носитъ заглавіе: Plan de Constantinople avec ses faux-bourgs le port et une partie du Bosphore. Levé et dessiné par *C. Stolpe*, vérifié d'après les changements les plus récents jusqu'en 1880. Карта озаглавлена: Carte du Bosphore avec Constantinople et les lieux environnants ainsi que le tracé de la communication à bateaux à vapeur par *J. Binder*. Безъ года. Кромѣ означенныхъ работъ Мортманъ, вмѣстѣ съ Детье, издалъ «Византійскую эпиграфику», о которой см. ниже.

[2]) Nouvelles decouvertes archéologiques faites à Constantinople, par le dr. *Dethier*. Const. Imprimerie centrale. Paris. L. Hach. Berlin. Oemigke, 1867. Содержитъ въ себѣ 5 археологическихъ статей.

частью большихъ башенъ [1]). Съ объясненіемъ значенія воротъ Детье привелъ въ связь и объясненіе мѣстности тѣхъ частей столицы, которыя носили сохранившіяся въ историческихъ памятникахъ имена: Δεύτερον, Πέμπτον и Ἕβδομον. Нѣкоторые ученые полагали, пишетъ Детье, — что числовыя наименованія частей города (συνοικίαι τῆς πόλεως) произошли отъ ихъ разстоянія отъ Милія или той площади, чтò передъ святою Софіей. Но нельзя серьезно прійдти къ такому предположенію, потому что стоитъ бросить взглядъ на топографическую карту, чтобы понять, что Δεύτερον, лежащее близъ Эптапиргія (Семибашеннаго зáмка), отстоитъ отъ названной площади не далѣе, нежели Ἕβδομον и его дворецъ. Другіе думали, что рѣчь идетъ о сохраняющихся понынѣ семи холмахъ, на которыхъ Великій Константинъ выстроилъ Седмихолмный градъ (τὴν Ἑπτάλοφον πόλιν), подобный древнему Риму (septicollis). Но и это не вѣрно, потому что всѣ сіи части города: Седьмая (τὸ Ἕβδομον), Пятая (τὸ Πέμπτον) и Вторая (τὸ Δεύτερον) лежатъ внѣ стѣнъ Константиновыхъ. Еще большее заблужденіе ученыхъ было о Пятыхъ воротахъ (Πέμπτη πύλη), потому что они, основываясь на неясныхъ текстахъ, помѣстили оныя близъ Ипсомаѳіи (τὰ Ὑψωμαθεῖα) между воротами Мраморнаго моря [2]). Одинъ только Дюканжъ разсудилъ вѣрно, помѣстивъ ихъ между воротами Топъ-капу и Адріанопольскими. Открытыя Детье ворота святаго Георгія [3]), которыя онъ прежде принималъ за потерну, а потомъ

---

[1]) См. Nouvelles découvertes, стр. 6. Сравн. его объясненія по сему предмету на стр. 11—15 сочиненія его же, *Детье*: Der Bosphor und Constantinopel. Wien, 1873.

[2]) Какое огульное обвиненіе ученымъ! Ни Левенклау, ни Лешевалье, ни Хаммеръ, ни патріархъ не пріурочиваютъ Пятыхъ воротъ къ Мраморному морю (*Leuncl.* in *Ducang.* C. C. I, XV, 12, p. 51; *Lechevalier*, Voyage d. l. Propontide I, 94; *Hammer*, Const. u. d. Bosp. I, 108—109; Κωνσταντινιάς, стр. 20). Къ Мраморному морю относитъ ихъ Бандури, послѣдуя своему Анониму. Скарлатъ Византій, не отвергая Пятыхъ воротъ приморскихъ, доказываетъ, что ихъ напрасно смѣшиваютъ съ Пятыми сухопутными (Ἡ Κωνσταντινούπ., Σκ. Βυζ. I, сличи стр. 353 съ 304). Но вѣдь, чтобъ окончательно отвергнуть Пятыя ворота, нужно прежде доказать, что какъ у Анонима, такъ и у Кодина, находится ошибка въ той части ихъ текстовъ, гдѣ идетъ рѣчь о Пятыхъ воротахъ по Мраморному морю; а этого Детье не сдѣлалъ.

[3]) Между Топъ-капу и Іени-капу Детье замѣтилъ, что въ промежуткѣ между двумя большими башнями большой стѣны, стоящими очень близко одна отъ другой, не имѣется башни въ наружной стѣнѣ. Этимъ нарушалась обычная система построенія башенъ сухопутной стѣны. Розыски привели Детье къ открытію

призналъ за обычныя публичныя ворота, закрытыя по неизвѣстнымъ причинамъ, дополняютъ его ипотезу о числовыхъ воротахъ и числовыхъ частяхъ города, какъ увидимъ сейчасъ. Онъ постепенно дошелъ до заключенія, что Θеодосіевы стѣны отъ Балатà до Седмибашенія имѣли семь воротъ настоящихъ и еще столько же ложныхъ, и что счетъ имъ начинался отъ Мраморнаго моря и оканчивался заливомъ Золотаго Рога слѣдующимъ образомъ: 1) новыя золотыя ворота (νέα χρυσῆ πύλη); 2) вторыя (δευτέρα), такъ-называемыя Николаемъ Барбаро и соотвѣтствующія второй части города (τὸ Δεύτερον); 3) третьи (τρίτη) близъ сигмы; 4) четвертыя (τετάρτη) — Георгіевы; 5) (пятыя?) ворота Лика (рѣчки), называемыя также Харсіевыми или Пусіевыми и соотвѣтствующія пятой части города (τὸ πέμπτον) [1]; 6) шестыя (ἕκτη), исчезнувшія и превращенныя вслѣдствіе построенія дворца Эвдомскаго (τοῦ Ἑβδόμη) [2]; 7) седьмыя (ἑβδόμη), которыя должны соотвѣтствовать части города Эвдомской (Седьмой, τοῦ Ἑβδόμη) [3]. Дальнѣйшія замѣтки, поясняющія ипотезу Детье,

---

обломка большой притолки (de la grande traverse) съ надписью, въ которой сказано: «Георгій соорудилъ». По догадкѣ Детье, этотъ Георгій былъ префектомъ преторія при Маврикіѣ (около 600 г. по Р. Х.); соорудилъ же онъ стѣну. См. его транскрипцію и толкованіе этой надписи на стр. 5 Nouvelles découvertes etc., par le d-r *Dethier*.

[1]) Что Пятыя ворота (Quinta) суть Харсійскія — это мнѣніе принадлежитъ Детье нераздѣльно съ Мортманомъ. Оно высказано ими въ сочиненіи подъ заглавіемъ: Epigraphik von Byzantion und Constantinopolis von den ältesten Zeit bis zum Jahre Christi 1453 v. D-r *P. A. Dethier* und D-r *A. D. Mordtmann*. Erste Hälfte. mit 8 Taf. Wien, 1864. Помѣщено это сочиненіе въ *Sitzungsberichte der Philosophisch-historischen Classe der Kais. Akad. d. Wissensch.* 13-r Band, Wien, 1864 (есть и особые оттиски; всего стр. 94 in—4°). Тутъ изданы, прочитаны и разсмотрѣны разныхъ временъ греческія надписи, относящіяся къ языческой и христіанской Византіи. Топографія же Византіи задѣта лишь случайно. Детье нанесъ porta Charisii у самой рѣчки Лика на своемъ планѣ Конст., приложенномъ къ его книгѣ: Der Bosphor u. Constantinopel. Планъ озаглавленъ: Constantinopolis (ante A) sub Iustiniano I delineata a D-re *Ph. Ant. Dethiero*, 1873. См. опроверженіе этого мнѣнія, высказанное г. *Паспати* въ Βυζαντιναὶ Μελέται. Α'. κεφ. Γ'. (особенно стр. 72—74). На картѣ Константинополя *Штолне*, исправленной до 1880 г., къ югу отъ Эдрене-капу, черезъ три башни отъ этихъ послѣднихъ воротъ, читаемъ Porta Quinta; это почти такъ, какъ и на планѣ Шпрунера.

[2]) Для насъ это темно.

[3]) Всю эту ипотезу Детье о древнихъ частяхъ города, лежавшихъ между Константиновскою и Θеодосіевскою стѣной и носившихъ числовыя названія, и о

находимъ въ статьѣ, прочитанной имъ въ Греческомъ Константинопольскомъ филологическомъ обществѣ [1]). Такъ-называемый Ἐξακίονιον, который должно писать Ἑξακιόνιον, относится не къ малому кварталу Алтимермеръ, но ко всей той мѣстности, что вокругъ сухопутныхъ стѣнъ, гдѣ были поселены, или лучше сказать, имѣли свой сухопутный лагерь аріанствующіе въ то время Готы, которымъ не было позволено жить внутри стѣнъ столицы. Мнѣніе это основываетъ авторъ на одномъ мѣстѣ такъ-называемыхъ Πάτρια, гдѣ объ этой мѣстности говорится, что она простиралась отъ Зевгмы Святаго Антонія черезъ церковь святыхъ Апостолъ до Влянга Бостана (Даутъ-паша-капусу). Означенные аріанствующіе Готы, которые стояли какъ бы лагеремъ внѣ стѣны и составляли передовую стражу, называемую виглами (βίγλαι), раздѣлены были на воинскіе отряды, изъ коихъ каждый назывался своимъ числомъ. Поэтому-то отряды сіи и назывались νούμερα и соотвѣтствовали отдѣламъ стѣнъ и всего этого укрѣпленнаго лагеря. Отсюда тѣ отдѣлы, которые назывались Δεύτερον, Πέμπτον, Ἕβδομον. Близъ Девтера нашелъ авторъ и Τρίτον [2]).

Мы изложили здѣсь главныя ипотезы Детье по возможности обстоятельно на основаніи вышеуказанныхъ его сочиненій. Правда, что неожиданность и интересность его выводовъ заманчивы; но неразъясненность и бездоказательность многихъ положеній оставляютъ читателя не удовлетвореннымъ. Быть можетъ, къ оправданію его можетъ служить то обстоятельство, что въ протоколахъ Константинопольскаго Греческаго филологическаго общества розысканія его приведены сокращенно. Можно было ждать поэтому, что въ его „Бос-

---

воротахъ Θеодосіевской стѣны, имѣвшихъ *тоже* числовыя имена, перевели мы съ греческаго изъ протоколовъ Константинопольскаго греческаго филологическаго общества (см. засѣданія 23-го и 30-го ноября 1870) въ *Запискахъ* сего Общества (Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς Σύλλογος... Τόμ. Ε'. 1870—1871. Ἐν Κωνστ. Стран. 147—149. Въ протоколахъ этихъ передано содержаніе изслѣдованій, читанныхъ въ обществѣ самимъ Детье, который былъ его членомъ. Сравн. изложенное имъ въ смыслѣ той же ипотезы въ Der Bosphor u. Constantinopel, 1873, стр. 51—56 (перепеч. 1876).

[1]) Ὁ ἐν Κωνστ. Ἑλλην. φιλ. Σύλ. Τ. Ζ', 1872—1873. Ἐν Κ. 1874. На стр. 257.

[2]) Читатель можетъ найдти эту ипотезу о частяхъ города, находившихся между Константиновскими и Θеодосіевскими стѣнами, кромѣ *Записокъ* Гр. Конст. филол. общества, и въ Bosphor u. C., стр. 11—14. На планѣ, приложенномъ къ этому сочиненію, изображены семь частей города съ такою наглядностію, какъ бы ихъ существованіе было уже доказано.

форѣ и Константинополѣ" они будутъ изложены вполнѣ доказательно; но этого мы и тутъ не находимъ: тутъ такой же рѣшительный тонъ, такая же авторитетная рѣчь, и такъ же мало доводовъ: словно его ипотеза уже имъ доказана и всѣми признана. Поэтому не спасаетъ его отъ упрека и срочность работы (см. его Entschuldigendes Vorwort въ началѣ послѣдней книги). Обѣщанныхъ Детье статей, которыя имѣли явиться въ Пештѣ, равно какъ и его Etudes archéologiques, изданныхъ послѣ его смерти, мы не видали [1]. Что Детье писалъ иногда на обумъ, это видно изо всего хода приведенныхъ нами выписокъ и изъ того огульнаго упрека, который онъ сдѣлалъ ученымъ по поводу Пятыхъ воротъ; это видно изъ 13-й стр. его Bosph. u. C., гдѣ непосредственно за увѣреніемъ, что Игорь прибилъ свой щитъ на воротахъ Іени-мевлеханэ-капу, и что Золотыя ворота были Старыя и Новыя (стало быть, двои ворота), онъ прибавляетъ: „So kommt Klarheit in die verwirrt scheinenden Berichte, wo die grössten Gelehrten zuletzt verwirrt, ihr Latein über Bord geworfen haben". Такого рода выходки, конечно, не устраняютъ возможности и болѣе серьезныхъ выводовъ въ трудахъ этого ученаго, доселѣ еще намъ неизвѣстныхъ.

Многіе ученые, начиная съ Жиля и до Скарлата Византія старались, какъ мы видѣли, уяснить себѣ мѣстоположеніе царскихъ дворцовъ въ Константинополѣ. Здѣсь рѣчь идетъ о дворцахъ первоначальныхъ, при-Воспорскихъ, а не о Влахернскихъ, куда переселились цари еще въ XII столѣтіи. Съ полною научною подготовкой и необыкновеннымъ трудолюбіемъ отдались этой задачѣ, уже послѣ Византія, Лабартъ, въ изслѣдованіи, спеціально посвященномъ этому предмету, и Унгеръ, въ сочиненіи о византійскомъ искусствѣ [2].

[1] Въ Bosphor u. C. на стр. 11, послѣ сочиненій прежнихъ ученыхъ, къ которымъ авторъ отсылаетъ читателей, Детье приводитъ и свои труды: «Unsere Studien in den Jahresberichten des griech. Syllogos (которыми мы здѣсь и воспользовались для нашего обзора) und die vier Suppl. — Bänden zu d. Cap. hist. byz., deren vierter Band unter der Presse ist, um zusammen von der ungar. Akademie in Pest publicirt zu werden». Это напечатано и въ изданіи 1873 г. его Bosphor u. C., и въ перепечаткѣ 1876 г. Разборъ Etudes archéologiques, сдѣланный г. Мансветовымъ, см. въ *Проток. Моск. Арх. Об.* 12-го апрѣля 1882 г. (№ 197), стр. 6—7.

[2] Le palais impérial de Constantinople et ses abords, Sainte-Sophie, le forum Augustéon et l' Hippodrome, tels qu' ils existaient au dixième siècle, par *Jules Labarte*. Paris, 1861. (Страницъ всего 240). Приложены 3 плана: 1) Constantinople. Partie orientale. Это снимокъ съ рукописной карты, составленной

Лабартъ помѣщаетъ дворецъ Византійскихъ императоровъ и его принадлежности преимущественно на востокъ отъ Ипподрома и на югъ отъ святой Софіи. Опираясь на сочиненіе De ceremoniis aulae Byzantinae Константина Порфиророднаго, онъ предполагаетъ, что отдѣлъ дворца, называвшійся Дафной, и именно ὁ περίπατος (=шествіе, процессія), тянулся по одной прямой линіи съ тѣмъ дворцомъ, который стоялъ въ челѣ Ипподрома. Эта прямая, по его открытію, перпендикулярна оси Ипподрома. Посему торжественное шествіе царей изъ внутреннихъ ихъ покоевъ къ Ипподрому, Лабартъ представляетъ направляющимся съ востока на западъ. А если такъ, то дворецъ находился отъ Ипподрома на востокъ [1]). Съ этимъ послѣднимъ положеніемъ не соглашается Унгеръ, по мнѣнію котораго дворецъ лежалъ отъ Ипподрома на сѣверъ. Унгеръ не утверждаетъ однако, чтобы Лабартово объясненіе шествій было невѣрно. Планъ царскаго дворца въ томъ видѣ, какъ онъ начертанъ Лабартомъ, Унгеръ считаетъ не удавшимся какъ разъ въ отношеніи къ древнѣйшей составной части дворца, а именно къ дворцу Константинову. „Помѣстивъ этотъ послѣдній къ южной сторонѣ Августея, Лабартъ упустилъ изъ виду", какъ утверждаетъ Унгеръ,—„что одна изъ значительнѣйшихъ составныхъ частей дворца, большой праздничный залъ съ 19 лектистерніями, по одному опредѣлительному свидѣтельству лежалъ къ сѣверу отъ Ипподрома" [2]). „Этотъ триклиній 19 аккубитовъ описанъ", говоритъ Унгеръ нѣсколько ниже (на стр. 326),—„какъ высокое зданіе удивительной красоты, помѣщающееся вблизи Ипподрома, именно къ сѣверу отъ него". Здѣсь Унгеръ приводитъ то, по его выраженію, опредѣлительное свидѣтельство (bestimmtes Zeugniss), которое служитъ одною изъ опоръ его ипотезѣ. Вотъ оно: „Liutprand. Antapodosis, 6,8, bei Pertz. Monum. Germ. hist. 5,338: Est domus juxta Yppodromum aquilonem versus mirae altitudinis seu pulchritudinis, quae Decanneacubita vocatur — ideo quoniam quidem 10 et 9 mensae

---

въ 1786 г. Кауѳеромъ (ср. стр. 10 и 11); 2) Le grand palais de Constantinople et ses abords, Sainte-Sophie, le Forum Augustéon et l' Hippodrome, au X siècle; 3) Le grand palais de Constantinople, au X-e siècle. — Christlich-griechische oder Byzantinische Kunst. Von Professor D-r *Fr. W. Unger*. Помѣщено въ Griechenland, V-r Band, Leipzig, 1870.

[1]) Сравн. у *Лабарта*, Le palais imp., стр. 14, 17, 18, 60, 64, 82, 128, 129 139, и его же планы №№ 2 и 3.

[2]) См. *Unger*, Chr.-Gr. Kun., стр. 321.

in Christi nativitate opponuntur" [1]). Это свидѣтельство очевидца Льютпранда, служащее, какъ мы сказали, опорой Унгеру, хотя и не очень опредѣлительно, но очень важно: и мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что оно вовсе не было упущено изъ вида Лабартомъ, а только понято имъ примѣнительно къ его системѣ. Когда Лабартъ сослался (значительно раньше Унгера) на это самое свидѣтельство, то онъ выразился слѣдующимъ образомъ о зданіи 19 аккубитовъ: „Это было, по словамъ Льютпранда, прекраснѣйшее зданіе, очень высокое, помѣщавшееся вблизи и къ сѣверу отъ Ипподрома" [2]). Мы видѣли, что, по Лабарту, Дафна, перипатъ и дворецъ Ипподрома стояли на прямой, которая, по его соображенію, перпендикулярна оси Ипподрома; а такъ какъ залъ 19 аккубитовъ, по его представленію, лежалъ на сѣверъ отъ перипата, поэтому Лабартъ и находилъ Льютпрандово описаніе совпадающимъ съ его планомъ. Чтобы доказать, что такое представленіе невѣрно, нужно бы предварительно доказать, что вся Лабартова ипотеза перпендикулярности той линіи, по которой двигалась упомянутая процессія, къ оси Ипподрома, не вѣрна; но этого Унгеръ не дѣлаетъ: онъ, напротивъ, очень одобряетъ это открытіе Лабарта. Если бы слова Льютпранда „est domus juxta Yppodromum aquilonem versus" означали, что триклиній 19-ти лежалъ непремѣнно на продолженной къ сѣверу оси Ипподрома, то ипотеза Лабарта была бы опровергнута. Но, по плану Лабарта, означенный триклиній, оставаясь на сѣверѣ отъ перипата, тѣмъ не менѣе все же приходится на сѣверо-востокъ отъ Ипподрома. Настаивать, что Льютпрандово „на сѣверъ" означаетъ во всей точности „на сѣверъ" и никакъ не можетъ быть имъ употреблено о направленіи сѣверо-восточномъ, было бъ излишнимъ требованіемъ: Льютпрандъ не былъ топографомъ, да и компаса тогда не существовало. И такъ, извѣстіе Льютпранда въ своемъ одинокомъ видѣ, одинаково можетъ подкрѣпить ту и другую ипотезу. Но кромѣ вышеприведеннаго довода, Унгеръ приводитъ еще и другіе доводы въ опроверженіе Лабартова пріуроченія дворца царей Византійскихъ. Вопреки общепринятому мнѣнію, Унгеръ подъ palatium magnum, помѣщаемымъ Описью регіоновъ (Descriptio regionum) въ 1-мъ регіонѣ, разумѣетъ не большой царскій регіонъ, а преторій; подъ basilica же, пріуроченною этою Описью къ 4-му регіону, Унгеръ понимаетъ царскій дворецъ. Это толкованіе и служитъ

---

[1]) *Unger*, ibid., p. 326, in nota 19.

[2]) *Labarte*, Le palais, p. 128.

Унгеру, между прочимъ, поводомъ къ пріуроченію царскаго дворца къ сѣверу отъ Ипподрома. Отъ этого, быть можетъ, и Лабартово пріурочение дворца къ востоку отъ Ипподрома находитъ Унгеръ ошибочнымъ. Какія же у Унгера доказательства на то, что palatium magnum Описи есть преторій? „Дѣйствительно", пишетъ Унгеръ,—„Опись регіоновъ отмѣчаетъ какой-то magnum palatium въ первомъ регіонѣ, и съ этимъ, по видимому, согласно то, что по другимъ извѣстіямъ царскій замокъ (die Königsburg) стоялъ у моря, обращенный фасадомъ на востокъ. Но это, пожалуй, не можетъ быть согласовано съ мѣстоположеніемъ Ипподрома и Софійской церкви (allein dies lässt sich mit der Lage des Hippodroms und der Sophienkirche nicht wohl in Uebereinstimmung bringen), и скорѣе можно предполагать, что подъ magnum palatium, равно какъ и подъ царскимъ замкомъ (Königsburg), подразумѣвается преторій, о которомъ мы изъ другаго извѣстія знаемъ, что онъ находился въ 1-мъ регіонѣ" [1]). И дѣйствительно, по Пасхальному Временнику, на который ссылается Унгеръ, преторій помѣщался въ 1-мъ регіонѣ. Поэтому Унгеръ ищетъ царскій дворецъ въ одномъ изъ другихъ близкихъ регіоновъ. „Вѣроятно", продолжаетъ Унгеръ тамъ же, —„надо понимать императорскій дворецъ подъ базиликою (basilica), которую Опись регіоновъ приводитъ въ 4-мъ регіонѣ, потому что онъ находился у Августея (am Augusteum), принадлежащаго къ тому же регіону, и близко къ Ипподрому, лежащему въ 3-мъ регіонѣ, а сверхъ того, намъ еще извѣстно выраженіе basilica (τὰ βασίλεια), какъ общеупотребительное обозначеніе императорскаго дворца" [2]). Изъ этого видно, что Унгеръ отожествляетъ выраженіе basilica Описи регіоновъ съ τὰ βασίλεια, Прокопія въ De aedif. I, 10, p. 202 (Bonn). Но почему эти слова тожественны, Унгеръ не поясняетъ. Что τὰ βασίλεια у Прокопія въ этомъ мѣстѣ значитъ „царскій дворецъ" или „царскіе чертоги", въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Этому выраженію τὰ βασίλεια въ Aedif. I, 10 соотвѣтствуетъ ἡ βασιλέως αὐλή Исторіи войнъ (Bellum Pers. I, 24, p. 121 Bonn. = стр. 308 рус. перевода изд. 1876 г.). Также точно

[1]) *Unger*, Christ.-Gr. Kunst, p. 321. Въ прим. 69 (на той же стр.) Унгеръ ссылается на Chronicon Paschale ad a. 407. Этого взгляда продолжалъ держаться Унгеръ и въ другомъ сочиненіи своемъ; см. его Quellen, стр. 102, пр. 2, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

[2]) *Unger* C.-G. K. p. 321. Въ прим. 70 у Унгера есть ссылка на Прокопія De Aedif. I, 10.

τὰ βασίλεια названы царскіе дворцы Прокопіемъ и въ Hist Arcana p. 146, 10 ed. Bon. (см. и прим. Алеманни). Да и всякіе царскіе дворцы выражались словомъ τὰ βασίλεια вообще греческими писателями древними и средневѣковыми. Слово basilica значило, въ Римѣ, гдѣ установилось его значеніе, либо мѣсто суда, гдѣ, между прочимъ, совершались разныя сдѣлки, либо передѣланную изъ такого присутственнаго мѣста христіанскую церковь. Въ ту эпоху, къ которой принадлежитъ Опись регіоновъ (V в. по Р. Хр.), слово basilica было выраженіемъ, котораго значеніе уже установилось. Съ какой стати было Описи регіоновъ употребить такой извѣстный офиціальный терминъ, употребляемый завѣдомо въ означенномъ смыслѣ, для обозначенія царскаго дворца? Тотъ же Пасхальный Временникъ, на который ссылается Унгеръ по поводу преторія, пишетъ въ другомъ мѣстѣ слово βασιλική, но опять таки и Временникъ подъ послѣднимъ словомъ, которое очевидно есть то же, что и basilica Римлянъ, разумѣетъ не царскій дворецъ, а зданіе сената, который иначе назывался и τὸ σενάτον, и τὸ βουλευτήριον μέγα, и еще ὁ βασιλικὸς οἶκος τῆς συγκλήτου γερουσίας [1]). Царскій же дворецъ, кромѣ τὰ βασίλεια, тѣмъ же Прокопіемъ называется и τὸ μέγα παλάτιον, то-есть, почти тѣми же двумя словами magnum palatium, которыя читаемъ въ перечнѣ зданій 1-го регіона, въ Описи [2]). Не смотря однако на этимологическія затрудненія, встрѣтившіяся при разборѣ приведенныхъ мѣстъ, близость царскаго дворца съ св. Софіей и Ипподромомъ, засвидѣтельствованная всѣми источниками, даетъ какъ будто больше права отожествлять съ царскимъ дворцомъ базилику Описи, нежели palatium magnum того же источника, такъ какъ, если допустить, что palatium magnum Описи есть царскій дворецъ, придется представить его себѣ стоящимъ гдѣ-то сѣвернѣе или восточнѣе св. Софіи [3]). Разногласіе у Унгера съ Ла-

---

[1]) *Ducangii* Const. Chr. II, pp. 141—5.

[2]) Въ другомъ трудѣ своемъ, Quellen, по поводу «die Basilica» Описи регіоновъ Унгеръ не дѣлаетъ никакого примѣчанія (см. стр. 104). Подъ словомъ же «Basilike» объясняетъ этотъ терминъ слѣдующимъ образомъ: «Basilike, eine öffentliche Halle, die zu Gerichtssitzungen und anderen öffentlichen Verhandlungen von mancherlei Art benutzt wurde. Auf christliche Kirchen haben die Byzantiner diesen Ausdruck nicht angewandt. Als Beiwort heisst basilikos Königlich, z. B. basilike Pyle, die mittlere dem Kaiser vorbehaltene Eingangsthür in grösseren Kirchen. Die Kaiserliche Wohnung dagegen hiess Basileia» (см. стр. XXVII въ Quellen). Ошибка исправлена.

[3]) Magnum palatium въ 1-мъ регіонѣ, а св. Софія во 2-мъ.

бартомъ не въ томъ, что дворецъ близокъ къ св. Софіи и къ Ипподрому, а въ томъ направленіи, въ какомъ онъ стоялъ относительно этихъ мѣстностей.

Такое сопоставленіе ипотезы Лабарта съ ипотезой Унгера нашли мы нужнымъ сдѣлать шесть лѣтъ тому назадъ, когда намъ пришлось о нихъ высказаться по поводу одного мѣста Прокопія [1]). Остаемся при тѣхъ же мысляхъ. Точнѣе опредѣлить значеніе труда Лабарта мы не въ состояніи. Для руководства читателей прилагаемъ мнѣніе о Лабартѣ Г. Паспати. Вотъ его слова: „Лабартъ, руководимый главнымъ образомъ описаніемъ царскаго церемоніала Константина Порфиророднаго и другими византійскими историками, не только изобразилъ архитектуру и украшенія всѣхъ дворцовъ, но съ большою ясностью опредѣлилъ и мѣстоположеніе каждого дворца. Я признаюсь, что нынѣшнія раскопки подтвердили многія его положенія. Желающіе изучить эти историческіе дворцы византійскіе, пусть читаютъ сочиненіе Лабарта, потому что до сихъ поръ городъ Константина еще не удостоивался такого глубокомысленнаго комментарія" [2]).

Возвратимся къ положеніямъ Унгера. По его ипотезѣ, императорскій дворецъ съ Зевксиппомъ, сенатомъ и св. Софіей окружали Августей. Это зданіе сената, въ которомъ засѣдалъ государственный совѣтъ (der Staatsrath), находилось на площади Августеѣ [3]); зданіе же сената, что̀ стояло на площади Константиновой, вѣроятно помѣщало въ себѣ городскую думу (das städtische Rathhaus) [4]). Унгеръ не соглашается съ Лабартомъ въ пріуроченіи послѣднимъ Константиновой колонны къ Августею и видитъ ее тамъ, гдѣ и нынѣ стоитъ Обожженная колонна [5]). Со всѣми учеными, сколько мнѣ извѣстно, расходится Унгеръ, помѣщая Эвдомъ не у Влахернъ, а внѣ города, внѣ Ѳеодосіевыхъ стѣнъ, у Пропонтиды по дорогѣ къ Ригію [6]).

---

[1]) Въ 9-мъ примѣчаніи къ I, 24, Прокопіевой исторіи войнъ Римлянъ съ Персами. С.-Пб. 1876.

[2]) Πασπάτης, Βυζαντιναὶ Μελέται, стр. 102. О раскопкахъ, о которыхъ говоритъ въ этой выдержкѣ г. Паспати, см. ниже.

[3]) *Unger*, Chr.-Gr. Kunst. p. 321—328; ср. его планъ дворцоваго отдѣла столицы на стр. 323.

[4]) Ibid., p. 318.

[5]) См. мои разъясненія объ этомъ въ пр. 11 къ кн. I, гл. 24 Прокопія, Исторія Войнъ.

[6]) Тамъ же, стр. 297—298. Этотъ взглядъ поддерживаетъ онъ и въ своихъ

Кромѣ упомянутаго труда Унгера, въ которомъ онъ описалъ, по возможности, въ историческомъ порядкѣ, сперва сооруженія Константиновы, а потомъ Юстиніановы, авторъ издалъ замѣчательный по своей полнотѣ сборникъ матеріаловъ, озаглавленный „Источники исторіи византійскаго искусства". Первый томъ, вышедшій въ 1878 г., содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ отрывки изъ средневѣковыхъ греческихъ и западно-европейскихъ писателей и изъ путешественниковъ новыхъ вѣковъ [1]). Отрывки переведены на нѣмецкій языкъ. Отрывки эти, заключающіе въ себѣ разнаго достоинства извѣстія о Константинополѣ, его частяхъ, его пригородахъ, его сооруженіяхъ, распредѣлены по поводу каждаго предмета въ хронологическомъ порядкѣ, а именно: когда извѣстіе принадлежитъ хронографу или историку, то подъ тѣмъ годомъ, подъ которымъ оно упомянуто (если это извѣстно), а при извѣстіяхъ новыхъ описателей—подъ годомъ ихъ пребыванія въ Константинополѣ. Каждой группѣ такихъ отдѣльныхъ чужихъ извѣстій предшествуетъ общее краткое описаніе самимъ авторомъ той группы предметовъ, къ которымъ относятся отдѣльныя извѣстія. Такъ, напримѣръ, при статьѣ „раздѣленіе города" помѣщены общія замѣчанія автора, а потомъ извѣстія о 14 регіонахъ, о семи холмахъ, о трехъ поясахъ. Всѣ общія краткія замѣчанія автора и приложенныя къ нимъ многочисленныя извѣстія писателей составляютъ 3-ю книгу разбираемаго нами 1-го тома „Источниковъ" (стр. 101—326). Но 3-й книгѣ предпоставлена 1-я, какъ историческое введеніе во все сочиненіе, съ такими же общими замѣчаніями автора и частными извѣстіями писателей; 2-я же книга содержитъ въ себѣ извѣстія объ основаніи

«Источникахъ», которыми мы сейчасъ займемся. См. стр. 113—117 сочиненія: Quellen der Byzantinisohen Kunstgeschichte, Ausgezogen und übersetzt von *Fr. Wilh. Unger.* Erster Band. Enthaltend das I—III Buch. Wien, 1878. Wilhelm Braumüller. Это сочиненіе, котораго намъ извѣстенъ пока только первый томъ, есть XII-й отдѣлъ огромной коллекціи, издаваемой подъ общимъ заглавіемъ: Quellenshcriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und der Renaissance herausgegeben von *R. Eitelberger* von *Edelberg*. Этотъ I-й томъ Источниковъ обнародованъ въ 1878 г., два года послѣ кончины автора иждивеніемъ Эйтельбергера, трудомъ г. Эдуарда Хмелржа, составившаго указатель къ книгѣ, біографію Унгера и перечень его трудовъ (V—IX).

[1]) Матеріалы для 2-го тома «Источниковъ» Унгера, оставшіеся послѣ его смерти не изданными, были имъ отчасти приготовлены къ изданію. Судя по извѣстію Хмелржа, они касаются источниковъ византійской живописи и скульптуры (стр. IX). Очень желательно видѣть ихъ въ печати.

Византіи и Константинополя и разрушеніяхъ, причиненныхъ пожарами и землетрясеніемъ, и т. д.

Цѣль автора состояла въ томъ, чтобы сдѣлать письменные источники византійскаго искусства доступными большему кругу читателей [1]). И цѣль эта, безъ сомнѣнія, достигнута. Источники приведены съ точки зрѣнія западной науки, вообще говоря, съ полнотою. Русскихъ однако нѣтъ ни одного. Изъ восточныхъ мы замѣтили отсутствіе Хадиката-уль-джевами [2]). Греческія средневѣковыя извѣстія, приводимыя Дюканжемъ, пополнены таковыми же, обнародованными въ послѣдующія времена. Изъ числа пособій, къ крайнему нашему удивленію, не видимъ, чтобъ Унгеръ пользовался греческими изслѣдователями — Патріархомъ, Византіемъ и Паспатіемъ. Изъ трудовъ Детье и Мортмана упомянута только составленная ими вмѣстѣ Эпиграфика. Ріановы Exuviae также не пущены въ ходъ [3]). Впрочемъ, мы должны замѣтить, что наша критика обращена исключительно на топографію, а не на исторію искусствъ. Нѣкоторымъ читателямъ принесетъ пользу статья: Erklärung einiger Ausdrücke (стр. XXVII—XXX), гдѣ объяснены византійскіе техническіе термины, числомъ свыше 60, равно какъ и перечень именъ архитекторовъ, инженеровъ и живописцевъ (45—53).

Непользованіе трудами греческихъ ученыхъ—Патріарха Константія, Скарлата Византія и Паспати, невыгодно отозвалось на нѣкоторыхъ представленіяхъ Унгера. Такъ онъ повторяетъ за Хаммеромъ, что der Tauros есть нынѣшній Tauk Basari (168); что имя площади der Bûs удержалось въ имени одной мечети и одной цитерны, а именно: Budrun Dschamissi и Budrun Sahrnidschii, что Budrun происходитъ отъ греческаго Budromos (176—177). Унгеръ вовсе не заинтересованъ вопросомъ о греческихъ церквахъ, обращенныхъ въ мечети, вопросомъ, котораго рѣшеніе важно не только съ точки зрѣнія топографіи и агіографіи, но и съ точки зрѣнія исторіи искусства. Между тѣмъ этотъ вопросъ очень хорошо разработывается упомянутыми греческими учеными, и отчасти русскими.

Въ продолженіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ появились комментаріи двухъ русскихъ ученыхъ, архимандрита Леонида и П. П.

---

[1]) *Unger*, Quellen, въ предисловіи стр. XII.

[2]) Объ этомъ источникѣ см. ниже по поводу Паспати.

[3]) *Unger*, Quellen, см. послѣ предисловія помѣщенный тутъ: Verzeichniss der Benützten Schriften, представляющій 173 нумера.

Савваитова на старинныхъ русскихъ паломниковъ, описавшихъ святыни Царяграда [1]).

Архимандритъ Леонидъ, въ продолженіе двухлѣтняго пребыванія его въ Константинополѣ, занимался повѣркой на мѣстѣ относительнаго достоинства сказаній паломниковъ Стефана Новгородца (1350 г.), діакона Игнатія (1389 г.), дьяка Александра (1391—1395 г.) и іеродіакона Зосимы (1420 г.) [2]). По мнѣнію этого ученаго, первое мѣсто, какъ по времени, такъ и по достоинству принадлежитъ Стефану, потому что онъ, при описаніи цареградскихъ святынь, держался нѣкоторой опредѣленной системы, то-есть, обозрѣвалъ ихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, сообразно съ ихъ расположеніемъ на семи городскихъ холмахъ, и въ такомъ точно порядкѣ и составилъ свое описаніе, не злоупотребляя, подобно другимъ, выраженіями „ту" или „ту близъ". О. Леонидъ составилъ сводъ упомянутыхъ четырехъ паломниковъ, заимствовавъ текстъ ихъ изъ Сахарова [3]). При составленіи этого своднаго списка, о. Леонидъ принялъ за основаніе описаніе Стефана, присоединяя, по каждой описываемой имъ святынѣ, тѣ свѣдѣнія о ней, какія находятся у трехъ послѣдующихъ паломниковъ, и сопровождая каждый отдѣлъ примѣчаніями, основанными на изслѣдованіяхъ патріарха Константія, а частію на собственныхъ наблюденіяхъ самого издателя свода (Обозр., стр. 20) [4]). Издатель-

[1]) Нѣсколько раньше ихъ въ 1864 г., писалъ свою образцовую книгу *П. Чихачевъ*. Мы упомянули о ней выше и объяснили, что она исторической топографіей не занимается.

[2]) Это высказано авторомъ въ предисловіи къ его «Обозрѣнію Цареградскихъ памятниковъ и святынь XIV и XV вв. по русскимъ памятникамъ». Предисловіе подписано архимандритомъ Леонидомъ въ Константинополѣ, въ ноябрѣ 1867 г. Сочиненіе это, занимающее 44 страницы, помѣщено въ *Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Исторіи и древн. Россійскихъ при Московск. Универс.* 1870. Кн. 4. Москва, 1871 г. Приложенъ: «Планъ Цареградскаго Седмихолмія, съ обозначеніемъ на ономъ мѣстѣ древнихъ памятниковъ, церквей, монастырей, согласно съ описаніемъ русскихъ паломниковъ XIV и XV вѣковъ».

[3]) Сказанія Русскаго народа, т. II, кн. VIII, 1849 г. (см. въ Обозрѣніи о. *Леонида* стр. 21).

[4]) Авторъ объясняетъ, что при сличеніи указаній нашихъ паломниковъ относительно мѣстности древнихъ святынь, съ изысканіями автора Константиніады, о мѣстѣ нахожденія ихъ среди нынѣшняго Стамбула, онъ руководствовался планомъ Константинополя *C. Stolpe* (Константинополь, 1863 г.), который хотя и не удовлетворялъ его вполнѣ въ этомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе считается лучшимъ и новѣйшимъ. Что касается Константиніады, то о. Леонидъ ссылается на французскій ея переводъ.

комментаторъ замѣчаетъ, что наши паломники, при обозрѣніи царьградскихъ святынь, обращали преимущественное вниманіе на внутреннее ихъ содержаніе, останавливались болѣе на описаніи того, что́ служило предметомъ благоговѣйнаго почитанія, а не одного любопытства, и что поэтому свѣдѣнія, доставляемыя ими, по своей опредѣленности и ясности, составляютъ совершенно новый матеріалъ, занимательность котораго для изслѣдованій по византійской исторіи и древностей очевидна (Обозр., стр. 21). Издатель-толкователь прежде всего приводитъ свѣдѣнія паломниковъ о памятникахъ, то-есть о столпахъ и болванахъ (Обозр., 22—27), а потомъ о св. Софіи (27—35) и о другихъ церквахъ и монастыряхъ (отчасти и о другихъ сооруженіяхъ (35—62), расположенныхъ на холмахъ 1-мъ, 4-мъ, 7-мъ, 5-мъ и 6-мъ. Изъ вышеизложеннаго видны весь интересъ и вся новость той задачи, которую первый поставилъ на видъ и отчасти разрѣшилъ о. Леонидъ. Сличеніе его изслѣдованія и приложеннаго къ нему плана показываютъ не только его знакомство съ главными уясненными наукою мѣстоположеніями святыхъ сооруженій, но и его стараніе пріурочить и такія изъ этихъ послѣднихъ, которыя, безъ указаній паломниковъ, оставались бы неизвѣстными. Въ этомъ представляется намъ главная его заслуга. Повѣрка его не всегда бываетъ вѣрна отъ скудости употребленныхъ имъ для повѣрки средствъ Мы приведемъ нѣсколько его объясненій, прибавивъ къ нимъ и свои замѣтки, изъ которыхъ будутъ видны нѣкоторыя сильныя и нѣкоторыя слабыя стороны его работы.

Стефанъ указываетъ на мощи св. Елисаветы, какъ на находящіяся въ „монастырѣ св. Богородицы“, а Зосима упоминаетъ о тѣхъ же мощахъ, что онѣ въ „монастырѣ женскомъ“. Изъ этого и изъ нѣкоторыхъ соображеній авторъ Обозрѣнія заключаетъ, что они оба пишутъ объ одномъ и томъ же монастырѣ. Сверхъ того, Стефанъ идетъ изъ св. Богородицы къ св. Евфиміи. Патріархъ же Констанцій прямо говоритъ, что церкви св. Богородицы и св. Евѳиміи находились на 5-мъ холмѣ, равно какъ и монастырь женскій св. Богородицы Паммакаристы. Отсюда о. Леонидъ полагаетъ, что упоминаемый Стефаномъ и Зосимою женскій монастырь св. Богородицы есть именно церковь св. Богородицы Паммакаристы (Обозр., стр. 54 и 55). Эти сближенія и соображенія кажутся намъ очень мѣткими; а таковыхъ не мало въ разбираемомъ трудѣ.

„Монастырь Еннея Клессія“, описываемый Стефаномъ, и „Девяточинную церковь“, упомянутую Игнатіемъ, нашъ изслѣдователь при-

нимаетъ за одно и то же зданіе. Къ такому предположенію приводятъ автора, повидимому, сходство именъ и близость ихъ къ палатѣ Константина. Руководимый далѣе П. Константіемъ и Лабартомъ, онъ отожествляетъ эту церковь съ тою самою придворною церковью ἡ νέα βασιλική ἐκκλησία, которая подробно описана Константиномъ Багрянороднымъ [1]). Тожество церквей, упоминаемыхъ означенными двумя русскими паломниками и греческимъ императоромъ, и намъ кажется весьма правдоподобнымъ, послѣ аргументаціи о. Леонида. Мы прибавимъ кое-какія толкованія филологическія, которыя, въ связи съ разными данными, подтверждаютъ ипотезу нашего ученаго. Льютпрандъ, писавшій раньше упомянутыхъ двухъ паломниковъ, говоритъ, что одну и ту же церковь Греки называютъ и νέαν, и ἐννέαν [2]). Итакъ, церковь ἡ νέα, то-есть, Βασιλική ἐκκλησία, Порфиророднаго, называлась, какъ видимъ изъ Льютпранда, иначе ἐννέα; и по Стефану Новгородцу эта церковь при Константиновой палатѣ называлась тоже „еннея". Я думаю, что русскій паломникъ, также какъ и пишущій по латыни Нѣмецъ-посолъ, выпустили изъ слышанныхъ греческихъ словъ членъ: Греки говорили имъ о церкви τῶν ἐννέα, причемъ подразумѣвалось ταγμάτων, τάξεων, χόρων, или что-либо подобное [3]); потому-то діаконъ Игнатій совершенно вѣрно и перевелъ названіе это русскимъ словомъ „девяточинная", то-есть, церковь девяти чиновъ небесныхъ; потому-то Стефанъ Новгородецъ, не понявъ дѣла, толкуетъ по своему: „Еннея Клессія, рекше девятой церкви, а все

---

[1]) См. Обозрѣніе *о. Леонида* стр. 42—44, гдѣ въ примѣч. къ стр. 44 находимъ у него ссылку на Photii Novae Ecclesiae Descriptio. Constantini Imp. Historia de vita et rebus gestis Basilii imperatoris, ap. Script. post Theoph., и замѣтку: «переведены *Жюлемъ Лабартомъ*, въ его Palais Impérial de Constantinople, p. 88—90».

[2]) *Ducange*, Const. Chr. IV, p. 98, приводитъ изъ Льютпранда III, 8, такую выписку: «De aede autem sacra, quam aedificavit, hoc addi potest, quod ipsam Νέαν, hoc est Novam alii vocant: alii vero 'Εννέαν, quod lingua nostra Novennalem sonat, appellant, eo quod ibidem Horarum Ecclesiasticarum machina novem pulsata ictibus seu vocibus sonet». Съ такимъ объясненіемъ Льютпранда Дюканжъ, конечно, не соглашается.

[3]) См. отвѣтъ на 2-й вопросъ: Εἰς πόσας τάξεις διαιροῦνται οἱ ἄγγελοι въ 'Ορθόδοξο; 'Ομολογία τῆς καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας τῆς ἀνατολικῆς: Orthodoxa Confessio catholicae atque apostolicae ecclesiae orientalis, quam cum interpretatione latina edit *Laurentius Normannus*. Lipsiae, MMCXCV (ошибка въ годѣ подъ предисловіемъ исправлена такъ: MDCXCV), стр. 44-я (и дал.), гдѣ ссылка на Διονύσιος, Περὶ τῆς οὐραν. ἱεραρ. κεφ. ζ'.

то во единой церкви". Точно побоялся, чтобы не подумали, что въ одномъ мѣстѣ скучилось девять церквей. Изъ Константина Порфиророднаго мы знаемъ, что великолѣпный храмъ, построенный Василіемъ Македонскимъ, дѣдомъ его, „обычно назывался Греками νέα βασιλικὴ ἐκκλησία, что посвященъ онъ былъ имени Іисуса Христа Спасителя, Михаила, перваго изъ архангеловъ и (пророка) Иліи Ѳесвитянина" [1]. Съ этимъ послѣднимъ свѣдѣніемъ согласно и извѣстіе паломника Антонія: „въ велицѣй церкви и у Св. Михаила и въ тѣхъ полатахъ (то-есть Златыхъ Царскихъ) видѣлъ Христосъ написанъ мусіею, Иліины милоти" [2]. Вотъ эта-то церковь „Новая", чествуемая во имя Спасителя, Иліи и Михаила, въ теченіе времени и могла получить названіе церкви девяти (силъ небесныхъ), ибо гдѣ Михаилъ, тамъ и весь соборъ архангеловъ [3].

Авторъ Обозрѣнія находитъ въ сказаніяхъ паломниковъ, что монастырь св. Тарасія находился близъ Перивлепта и близъ Андрея Критскаго (Обозр., 54). Хорошо. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что означенный монастырь стоялъ тамъ, гдѣ отведено ему мѣсто на планѣ автора, подъ № 49? Этого авторъ ничѣмъ не доказываетъ. Между тѣмъ возникаетъ еще одно сомнѣніе. По другимъ источникамъ монастырь, построенный патріархомъ Тарасіемъ, въ которомъ онъ былъ погребенъ, находился внѣ столицы, за проливомъ, а мощи его впослѣдствіи похищены Латинами [4]. Какъ примирить всѣ эти данныя—недоумѣваю.

Стефанъ Новгородецъ пишетъ: „И ту есть близъ монастыря того (то-есть, св. Димитрія) живетъ Жидовъ много при морѣ, возлѣ городной стѣны, и врата на морѣ ся зовутъ Жидовская". Издатель-

---

[1]) Constantinus Porphyrog. in Vita Basilii Maced. cap. 53: Κατὰ δὲ τὸν καιρὸν ἐκεῖνον καὶ ὁ περικαλλὴς οὗτος ναὸς καὶ περίβλεπτος ᾠκοδόμειτο, ὃν νέαν Βασιλικὴν ἐκκλησίαν λέγειν εἰώθαμεν, ὃς ἐπ' ὀνόματι τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ Μιχαὴλ τοῦ πρώτου τῶν ἀρχαγγέλων καὶ Ἠλιοῦ τοῦ Θεσβίτου ἠγείρετο. Выписка сдѣлана нами по *Leonis Allatii* Σύμμικτα, ed. *Bart. Nihusio*... Colon. Agripp. 1653. L. II, cap. 53, стр. 136; она есть и у *Ducang*. C. C. IV. 97.

[2]) Путешествіе Новг. архіеп. Антонія въ Царьградъ... *Павла Савваитова*. С.-Пб. 1872. См. столбцы 100, 102 и 103 и прим. 76.

[3]) На такую догадку навело меня слово «Девяточинная» Игнатія и соображенія *о. Леонида*. Но она высказана была отчасти уже *Дюканжемъ*, C. Chr. IV, 97, 98.

[4]) См. мѣста и ссылки, приведенныя у *Дюканжа* въ C. Chr. IV, XV, 43. p. 189—190.

комментаторъ, между прочимъ, поясняетъ: Жидовскія ворота,— „по свидѣтельству Бондельмонти (см. его планъ Константинополя у Бандури Imp. Orient. t. II. п. 448), писателя XV в., назывались первыя врата Золотаго Рога отъ устья, нынѣ „Яли-кіоски-капуси“ [1]). Такъ объясняетъ о. Леонидъ. Мы прибавимъ, что съ извѣстіемъ Стефана Новгородца согласны и другіе источники: отъ населенія еврейскаго получили названія тѣ ворота, которыя Греки называли Ἑβραία, Турки Чифутъ-капу. Но пріурочиваютъ эти ворота обыкновенно къ нынѣшнимъ Бахчѐ-капуси [2]), а не къ Яли-кіоски-капуси. Хотя монастырь свят. Димитрія въ дѣйствительности и былъ ближе къ Яли-кіоски-капуси, нежели къ Бахчѐ-капуси, но однихъ неопредѣленныхъ словъ Стефана: „ту есть близъ монастыря того“ и неточнаго плана Бондельмонти недостаточно, чтобы дать имъ предпочтеніе надъ указаніями признанными и доселѣ неоспоренными.

Въ заключеніе не можемъ не выразить сожалѣнія, съ одной стороны, что архимандритъ Леонидъ въ своемъ комментаріи недостаточно справлялся съ лучшими пособіями, а съ другой — что замѣчательный трудъ его, на сколько мы знаемъ, неизвѣстенъ западнымъ и греческимъ ученымъ.

Въ 1872 году издалъ впервые одного русскаго паломника П. И. Савваитовъ, а именно архіепископа Антонія [3]). Этотъ паломникъ, по замѣчанію г. Савваитова, видѣлъ многое, чего уже не удалось видѣть другимъ путешественникамъ, посѣщавшимъ Царьградъ послѣ взятія его крестоносцами; не смотря на краткость записокъ Антонія, въ нихъ встрѣчаются любопытныя извѣстія о мѣстахъ и святыняхъ

---

[1]) См. въ нашей статьѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1882, январск. кн., стр. 16, пр. 4. См. сверхъ того *Скарлата Византія* ἡ Κωνστ. I, 523.

[2]) Κωνσταντινιάδος σ. 14, Σκ. Βυζ. ἡ Κωνστ. I, 109, 120, 521. Даже и Хаммеръ, считающій Бахчѐ-капуси за нѣчто особое отъ Чуфутъ-капу, не смѣшиваетъ ни тѣхъ, ни другихъ съ Яли-кьошкъ-капуси (*Hammer*, Const. и д. B. I, 101). А сіи послѣднія ворота, по Константію и по Византію, находятся тамъ, гдѣ были прежде Евгеніевы, ст. Κων. σ. 14, 109. Σκ. Βυζ. 149, 522.

[3]) Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ 12-го столѣтія съ предисловіемъ и примѣчаніями *Павла Савваитова*. С.-Пб. 1872. Текстъ Антонія тутъ изданъ въ двухъ видахъ: сперва съ соблюденіемъ палеографическихъ его особенностей, а потомъ безъ оныхъ, но съ приложеніемъ критическихъ поправокъ и подробнаго комментарія. Сверхъ того, передъ текстомъ приложенъ литографированный снимокъ начала. Въ концѣ два приложенія: въ 1-мъ планъ Царьграда, во 2-мъ планъ и разрѣзъ св. Софіи.

цареградскихъ. Со всѣмъ этимъ мы вполнѣ соглашаемся. Къ изданному тексту г. Савваитовъ приложилъ комментарій, отличающійся богатствомъ и рѣдкою у насъ точностію сообщаемыхъ свѣдѣній и какою-то общею исправностію, съ которою поведено все дѣло. А потрудиться пришлось почтенному комментатору очень много. Пришлось опредѣлять мѣстность упоминаемыхъ этимъ паломникомъ святыхъ зданій, въ значительномъ большинствѣ случаевъ не по даннымъ самого паломника, а по другимъ сочиненіямъ. Это произошло отъ того, что топографическія данныя Антонія и скудны, и неопредѣленны. Антоній даетъ нѣкоторыя топографическія свѣдѣнія, неизвѣстныя изъ другихъ источниковъ; напримѣръ, о томъ, что монастырь пророка Иліи и церковь св. Гурія, Самона и Авива находились у Плакоты [1]); что городокъ малъ есть Цариградъ на Испиганьской странѣ, по странѣ Жидовъ [2]), и тому под. Но такихъ свѣдѣній у Антонія мало. Въ отношеніи къ занимающему насъ вопросу топографическому, Антоній даетъ несравненно меньше свѣдѣній, чѣмъ Стефанъ. Не можемъ не пожалѣть, что П. И. Савваитовъ, послѣ котораго, вѣроятно, очень долго никто не займется Антоніевыми записками съ такимъ тщаніемъ и любовью, какъ онъ, не можемъ не пожалѣть, что онъ самъ не далъ опредѣленной характеристики своего паломника какъ топографа, агіографа и писателя.

Намъ кажется, что П. И. Савваитовъ, знакомый съ литературой византійскихъ древностей въ полномъ ея составѣ, рѣшилъ бо̀льшую часть трудныхъ вопросовъ, возникающихъ при внимательномъ изученіи данныхъ Антонія. Нѣкоторые вопросы однако остались, по нашему мнѣнію, не рѣшенными. О двухъ изъ нихъ мы здѣсь упомянемъ.

Мы уже видѣли слова паломника: „Городокъ малъ есть Цариградъ на Испиганьской странѣ, по странѣ Жидовъ“. Странникъ не говоритъ ни гдѣ страна Испиганьская, ни гдѣ страна Жидовъ [3]). Г. Савваитовъ, на основаніи Сократа, Русской лѣтописи, Веніамина Тудельскаго и другихъ, доказываетъ, что Испигасъ (εἰς πηγάς) находился противъ 5-го и 6-го холмовъ на другомъ берегу Золотаго Рога [4]). Приведенныя имъ свидѣтельства подтверждаютъ это, какъ нельзя

[1]) Путеш. Антонія, столб. 161.

[2]) Путеш. Антонія, столб. 68—69.

[3]) Путеш. Антонія, столб. 68—69.

[4]) См. прим. издателя 12 и 13 къ стр. 68—69 Путеш. Антонія.

лучше. Въ другомъ мѣстѣ Антоній пишетъ: „За Испигасомъ же Олофтири мощи и кровь". Г. Савваитовъ объясняетъ, что „храмъ св. Элевѳерія былъ построенъ... близъ Ксиролофа, то-есть, близъ седьмаго холма", подтверждая это ссылками [1]). Но вѣдь Испигасъ указанъ имъ не у седьмаго холма, а противъ 5-го и 6-го, и притомъ на сѣверномъ берегу Золотаго Рога. Какъ согласить противорѣчіе? Г. Савваитовъ не отмѣтилъ этого противорѣчія въ Антоніи и не занялся его разрѣшеніемъ.

Вотъ еще одно затрудненіе. „И есть во Цариградѣ Неусыпающій монастырь", пишетъ Антоній [2]). Комментаторъ же утверждаетъ, на основаніи извѣстія преподобнаго Маркелла, приведеннаго Дюканжемъ, что Неусыпающій монастырь находится при самомъ устьѣ Понта (πρὸς αὐτῷ τοῦ Πόντου στόματι [3]). Очевидно, авторъ и его толковникъ между собою въ противорѣчіи. Какъ же ихъ согласить? Основанія монастыря Неусыпающихъ усмотрѣны были Жилемъ въ XVI в. на азіатскомъ берегу Воспора у бухты Кастакійской (= Катангійской, по Діонисію), которую Хаммеръ и Скарлатъ Византій пріурочиваютъ къ нынѣшней Чибуклыйской [4]). Эта бухта, какъ видно изъ картъ Воспорскихъ, помѣщается почти на полпути отъ Константинополя къ Черному морю, нѣсколько ближе къ первому. Весьма вѣроятно, что эту самую мѣстность имѣло въ виду Житіе преп. Маркелла, гдѣ читаемъ неопредѣленныя слова: „У самаго устья Понта". Вѣдь въ обширномъ смыслѣ и весь Воспоръ не иное что, какъ στόμα τοῦ Πόντου. Вотъ мы постарались пояснить и оправдать комментатора. Оправданіе же паломника находимъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ Дюканжа, хотя и извѣстныхъ комментатору Антонія, но не поставленныхъ имъ на видъ: „Ex hoc postmodo Acoemetorum monasterio (то-есть изъ находившагося у устья Понта) in alia cum intra, tum extra urbem monasteria idem institutum inductum est (уставъ безпрерывнаго богослуженія), quod de Dii Theophanes, de

[1]) Столб. 169. Путеш. Антонія и прим. 245.

[2]) Путеш. Ант., столб. 94.

[3]) То же, прим. 64.

[4]) См. Geographi Gr. Min. T. II, 87 (fragm. 63), ибо тутъ напечатано все сочиненіе Жиля, а не Bosporo Thracio. Издатель К. Миллеръ не пытается пріурочить упомянутые Жилемъ остатки монастыря. Поэтому см. *Hammer*, Const. u. d. B. II, 296; Σκαρ. Βυζαντίου, Κωνστ. II, 218, и карты Воспора, приложенныя къ двумъ послѣднимъ сочиненіямъ.

Studii Cedrenus et Nicephorus Callistus, de Irenaeo denique in Bithynia monasteriis Vita S. Marcelli testantur". Итакъ, Антоній видѣлъ одинъ изъ тѣхъ монастырей Неусыпающихъ, которые были „въ Цариградѣ", куда перенесенъ былъ уставъ того монастыря, что̀ стоялъ у Чубукли. Но по отсутствію надлежащихъ признаковъ у Антонія мы не въ состояніи отнести видѣнный имъ монастырь ни къ какой части столицы.

Выше нами замѣчено, что трудомъ П. И. Саввантова, также какъ и трудомъ о. Леонида, на сколько намъ извѣстно, не пользуются ни греческіе, ни западные ученые, о чемъ нельзя не пожалѣть.

Лѣтъ за десять предъ симъ, въ засѣданіяхъ Греческаго филологическаго общества въ Константинополѣ открылъ свои чтенія о средневѣковой топографіи этого города греческій ученый А. Г. Паспати. Чтенія сіи помѣщались сперва въ Запискахъ означеннаго общества [1]), а въ 1877 году сведены въ одно сочиненіе, изданное въ Константинополѣ подъ заглавіемъ „Византійскихъ изслѣдованій" [2]). Подъ этимъ общимъ названіемъ мы имѣемъ три монографіи. Среднюю изъ нихъ, посвященную исторіи торговли Византіи съ Генуэзцами, мы отложимъ, какъ не относящуюся къ нынѣшнему предмету нашихъ занятій. Къ топографіи же средневѣковаго Константинополя относится книга 1-я, не имѣющая общаго заглавія и состоящая изъ пяти главъ, и книга 3-я, подъ заглавіемъ: „Византійскія церкви до сихъ поръ сохраняющіяся въ Константинополѣ, цѣлыя и развалившіяся". Займемся сперва книгой 1-й.

Глава 1-я (книги 1-й) посвящена разсмотрѣнію сухопутныхъ стѣнъ [3]). Одна изъ этихъ стѣнъ, а именно Ѳеодосіева, которая тянется нынѣ отъ Мраморнаго моря до дворца Эвдомскаго (нынѣ Текиръ-серая) на протяженіи 4950 метровъ, состоитъ, какъ извѣстно, собственно изъ двухъ стѣнъ съ 94 башнями, 80 башен-

---

[1]) Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος. Σύγγραμμα περιοδικόν.

[2]) Βυζαντιναι μελεται τοπογραφικαι και ιστορικαι μετα πλειστων εικονων υπο Α. Γ. Πασπατη. Εν Κωνσταντινουπολει. εκ του τυπογραφειου Αντωνιου Κορομηλα. Ὁδῷ Πεμπτοπαζάρου. Ἀριθ. 11. 1877. Въ 8°. Страницъ всего: I β'. и 415. Съ 36 литографическими рисунками, преимущественно церквей, и предметнымъ указателемъ.

[3]) Πασπάτη, Βυζ. Μ., κεφάλαιον πρῶτον. Τὰ χερσαῖα τείχη τῆς Κ | πόλεως σελ. 1—32.

ками и широкимъ рвомъ [1]). Θеодосіева стѣна во всю длину свою — двойная. Извѣстія о томъ, была ли она двойною съ начала своего построенія, мы не имѣемъ. Но г. Паспати предполагаетъ, что она была таковою съ начала своего построенія, на томъ основаніи, что другая стѣна, сооруженная два вѣка позже Θеодосіевой, а именно Ираклієва, проведенная вокругъ церкви и дворца Влахернскихъ для ихъ обезопасенія, была названа Монотихомъ (Μονότειχος) то-есть, Одностѣнкомъ, очевидно, для отличенія послѣдней отъ первой. Притомъ же отъ времени построенія Θеодосіевой стѣны до времени сооруженія Ираклієвой, не упоминается ни о какой другой стѣнѣ, гдѣ-либо по близости построенной. Внутренняя часть Θеодосіевой стѣны находится отъ наружной на разстояніи 17,80 метровъ. Все продолговатое пространство между сими двумя стѣнами Византійцы называли периволомъ (περίβολος, περιβόλειον [2]). Ровъ отстоитъ отъ наружной стѣны на 17,20 метровъ. Этому второму пространству, что̀ между наружною стѣною и рвомъ, авторъ не встрѣчалъ у византійскихъ писателей особеннаго названія, почему онъ и назвалъ его προτείχιον, то-есть, предстѣніемъ [3]). Это мѣсто передъ стѣною охраняемо было внутреннею стѣнкой рва (πτεροῦ τῆς τάφρου), вышиною въ мужской ростъ, съ зубцами, до сихъ поръ сохраняющимися въ очень многихъ мѣстахъ, особенно же у воротъ Силимврійскихъ и къ югу отъ нынѣшнихъ воротъ Семибашеннаго замка. Здѣсь сражались воины, стоя на землѣ, такъ какъ Византійцы въ предѣлахъ упомянутаго предстѣнія не строили ни башень, ни другихъ укрѣпленій. Этотъ ровъ (τάφρος), который Франдзи и другіе писатели называютъ ὄρυγμα, а Кананъ—σοῦδα, Византійцами почитался за непреодолимую преграду при нападеніяхъ непріятелей [4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 5.

[2]) Πασπάτη, Βυζ. Μελ. стр. 6.

[3]) Названіе это, мнѣ кажется, неудачное, потому что слову προτείχιον издревле усвоенъ особый смыслъ—передоваго укрѣпленія, тотъ же смыслъ, какой имѣетъ и слово προτείχισμα, которое употребляется и теперь въ греческой военной наукѣ въ его древнемъ значеніи.

[4]) Г. Φραντζῆ, стр. 280. I. Κανανοῦ, въ той же книгѣ, гдѣ и Франдзи, стр. 480. Слово σοῦδα—арабское. Оно означаетъ «препятствіе, замокъ (ἐμπόδιον, φρούριον), посему такъ названъ критскій городъ Σοῦδα, какъ крѣпость по преимуществу. Изъ него нѣкоторые (жители) переселились въ тотъ участокъ Константинополя, который именуется Эгри-капу, и выстроили церковь, называемую Богородицей Судскою (Παναγία τῆς Σούδας). Такъ и въ Галатѣ одна церковь на-

Ширина рва въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 19,20 метровъ, въ другихъ 21,15 метр., а по Мортману 42 фута [1]). Прежней глубины рва теперь узнать не возможно, потому что онъ во многихъ мѣстахъ заваленъ камнями и поземомъ многочисленныхъ близлежащихъ садовъ и огородовъ. Мѣстами ровъ лежитъ въ ровень съ дорогой, мѣстами же имѣетъ онъ отъ 1 до 10 метр. глубины. Стѣнки рва, именуемыя *παραπετάσματα* и *πτερά*, очень тверды. Внутренняя стѣнка рва, какъ выше замѣчено, сохраняла во многихъ мѣстахъ въ цѣлости бойницы съ зубцами; наружная же, вѣроятно, не поднималась выше уровня земли.... Обѣ стѣнки рва выведены изъ обдѣланнаго камня, толченаго кирпича и извести... По всей длинѣ рва замѣчаются особенныя стѣны, прорѣзывающія его поперекъ, подъ прямымъ угломъ [2]). Онѣ не упомянуты ни однимъ изъ древнихъ и новыхъ писателей. Эти поперечныя стѣны г. Паспати называетъ діатафризмами (διαταφρίσματα), перемычками [3]). Онѣ, безъ сомнѣнія, постройки византійской. Онѣ очень толсты въ основаніи, и къ верху съуживаются. По верхамъ ихъ насилу пройдти человѣку [4]). Изъ этихъ перемычекъ (поперечинъ) однѣ совершенно цѣлы и возвышаются до самыхъ краевъ рва; другія же развалились. Нѣкоторыя изъ нихъ уже по взятіи города Турками были утолщены, такъ что по нимъ обыкновенно проходятъ садовники въ сады, разведенные въ периволѣ и протихіи. Тѣ четыре поперечныя стѣны, которыя возвышаются между Адріанопольскими воротами и долиной рѣчки Лика, имѣютъ въ своемъ основаніи искусно выстроенныя сводовидныя отверстія. Отъ воротъ св. Романа, откуда ровъ начинаетъ понижаться, направляясь на югъ къ Мраморному морю, поперечныя стѣны рва съ южной стороны подпираются тремя толстыми, очень крѣпкими устоями, словно строитель

зывается Каѳскою (Καφατιανή) отъ крымскаго города Каѳы (прим. Паспати на стр. 6). Страницы, на которыя ссылается здѣсь Паспати, приведены имъ по Боннскому изданію Византійцевъ. Для повѣрки объясненія г. Паспати я обращался съ вопросомъ къ бар. В. Р. Розену и получилъ отъ него такой отвѣтъ: «σοῦδα ни въ арабскомъ, ни въ персидскомъ, ни въ турецкомъ не значитъ «замокъ, препятствіе». Ничего даже похожаго нѣтъ въ этихъ языкахъ съ подобнымъ значеніемъ. Не понятно, откуда Паспати взялъ эту этимологію».

[1]) Πασπάτη, Βυζ. Μ. σ. 7.

[2]) Πασπάτη, Βυ. Μελ. σ. 8.

[3]) Терминъ этотъ, какъ мнѣ кажется, составленъ совершенно вѣрно и выразительно. Нигдѣ не нашелъ я этого слова.

[4]) См. подробности у автора, тамъ же.

опасался, чтобъ онѣ не пошатнулись. Такіе устои бываютъ тоньше въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ровъ ровенъ: это можно усмотрѣть между воротами Силимврійскими и Мраморнымъ моремъ. До сихъ поръ можно видѣть глиняныя трубы, въ старину вдѣланныя вверху или въ серединѣ этихъ поперечныхъ стѣнъ или перемычекъ, и протягивающіяся отъ одного берега рва до другаго. Эти трубы выходятъ наружу лишь въ такомъ случаѣ, когда обрушатся верхніе камни той поперечной стѣны, въ которую трубы задѣланы. Сверхъ того, у самой внѣшней обшивки рва, очень близко къ поперечнымъ стѣнамъ, до сихъ поръ сохраняются, въ весьма многихъ мѣстахъ, высохшіе колодцы, водопроводы и каменныя ямы, и все это свидѣтельствуетъ о томъ, что сквозь трубы проведена была вода. Г. Паспати полагаетъ, что поперечныя стѣны рва были водопроводами жителей Византіи, нынѣ пренебреженными и изсякшими. Нѣкоторыя однако сохранились въ цѣлости и до сихъ поръ доставляютъ городу воду для питія. Далѣе авторъ пытается объяснить, почему поперечныя стѣны рва, чтò между Адріанопольскими воротами и рѣчкой Ликомъ, имѣютъ отверстія, черезъ которыя проходятъ стекающіяся отовсюду воды, между тѣмъ какъ всѣ подобныя поперечныя стѣны, начиная отъ воротъ св. Романа на югъ,— глухія и имѣютъ очень толстый фундаментъ. Эти послѣднія большею частью и до сихъ поръ не поколеблены. Не боялись ли Византійцы, чтобъ онѣ не пошатнулись отъ дождей или отъ водъ, стекающихся сюда изъ периволовъ въ дождливую или снѣжную пору? Проходя по улицѣ, чтò подлѣ рва, въ продолженіе многихъ лѣтъ въ разныя времена года, г. Паспати никогда не видалъ, чтобы внутри рва воды было больше, чѣмъ на пять или на шесть пальцевъ глубины. Можно ли допустить, что поперечныя стѣны рва подвергались опасности разрушиться отъ напора той необильной воды, которая втекаетъ въ эти промежутки въ дождливую пору? [1]). Нѣтъ, не таково было намѣреніе первыхъ строителей этихъ стѣнъ. На сихъ достопримѣчательныхъ исполинскихъ сооруженіяхъ не замѣтно признаковъ безцѣльной дѣятельности на показъ. Ровъ съ самаго начала содержалъ въ себѣ воду; поперечины же, разрѣзывающія его, задерживали стокъ воды въ низменныя мѣста. Водопроводныя трубы, устроенныя въ сихъ поперечинахъ, когда были открываемы, могли въ короткое время на-

[1]) Πασπάτης, Βυζ. Μελ. стр. 11. Авторъ, очевидно, разумѣетъ промежутки рва отъ одной перегородки до другой.

полнить ровъ водою. Г. Паспати поясняетъ это предположеніе, утверждая, что каждая изъ трубъ, вдѣланныхъ въ поперечины, можетъ въ продолженіе сутокъ впустить въ ровъ около 600 тысячь окъ воды [1]), а на иныхъ поперечинахъ эти трубы бываютъ двойныя и тройныя. Къ тому же, Византійцы наполняли ровъ водою только по случаю приближенія непріятелей, а въ мирное время вода протекала въ городъ для надобностей его жителей. Такое предположеніе г. Паспати освѣщаетъ положительныя указанія старинныхъ источниковъ относительно факта нахожденія воды во рву. Между тѣмъ этотъ фактъ, завѣренный, какъ указываетъ г. Паспати, столькими свидѣтелями—Греками Мануиломъ Хрисолорой и Андроникомъ Каллистомъ и Италіанцами Де Бондельмонти и Поркакки, сперва допущенный авторомъ „Исторіи Крестовыхъ походовъ" Мишо, былъ въ послѣдствіи имъ же отвергнутъ на томъ основаніи, что ровъ лежитъ выше уровня моря и протекающихъ туда рѣкъ [2]). Но рву и не нужно было принимать воду ни изъ моря, ни изъ рѣкъ: онъ наполнялся ею изъ упомянутыхъ трубъ [3]). Византійцы, не будучи въ состояніи вырыть между воротами Адріанопольскими и Романовскими глубокій ровъ, такъ какъ тутъ протекаетъ рѣчка Ликъ,—во время двухъ послѣднихъ осадъ болѣе озаботились обороной городской стѣны на этомъ протяженіи, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ [4]). Если же Византійцы при описаніи осады не упоминаютъ о водѣ внутри рва, то это отъ того, что ея и не было въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходило главное нападеніе на городскія стѣны.

Мы прекращаемъ наши выписки относительно сухопутныхъ стѣнъ, рва и перемычекъ. Эти выписки сдѣланы нами съ нѣкоторою полнотою для того, чтобъ ознакомить читателей, съ какою подробностью и точностью передаетъ свои наблюденія г. Паспати, какъ осторожно и критично относится онъ къ своему предмету. Также отчетливо описываетъ онъ до его времени остававшуюся въ неизвѣстности башню Анемы (ὁ πύργος τοῦ Ἀνεμᾶ), которая находится близъ башни

---

[1]) *Окà*, ὀκᾶς, имѣетъ до трехъ фунтовъ вѣсу.

[2]) Г. Паспати ссылается здѣсь на: Κ | πολις Πατρ. σ. 7; Κ | πολις Βυζαντίου Τ. Α. σ. 107.—Bondelmonti въ Cinnami ... ed. *Ducang*. Par. p. 179; издатель Дюканжъ приводитъ слова Поркакки въ прим. 10 къ Бондельм.; *Michaud* et *Poujoulat*, Corresp. d'Orient, 1830, 1831, III, 135.

[3]) Πασκάτη, σ. 12.

[4]) Πασπάτη, Βυζ. Μελ. сравни стр. 12 и 10.

Исаакія Ангела, къ сѣверу отъ нея, въ сѣверо-восточномъ краѣ столицы [1]). Онъ тщательно осмотрѣлъ вмѣстѣ съ нѣсколькими пріятелями своими башню Анемы, при факельномъ освѣщеніи. Башня эта выстроена изъ огромныхъ камней и четыреугольныхъ кирпичей [2]). Залы ея—не цитерны, такъ какъ во всю длину ихъ замѣтны двери; стѣны же константинопольскихъ цитернъ, какъ крытыхъ, такъ и некрытыхъ, всегда были глухія. Если признать эти помѣщенія за стойла для дворцовыхъ лошадей и скота, то какая могла быть надобность въ такихъ стѣнахъ, которыя по своей твердости подобны стѣнамъ, служащимъ къ оборонѣ города [3])? На башнѣ Анемы сохранилось имя царя Θеофила: итакъ, она выстроена или возстановлена въ IX вѣкѣ [4]).

Глава 2-я книги I-й посвящена изданію, транскрипціи и истолкованію надписей, начертанныхъ на сухопутныхъ городскихъ стѣнахъ, а именно на Леонтіевой, Ираклієвой и Θеодосіевой и на принадлежащихъ къ нимъ башняхъ. Онъ постарался записать ихъ всѣ, обозначить мѣсто каждой, показать историческое значеніе каждой. Всѣхъ надписей разобрано здѣсь 41 [5]). Онъ описалъ только тѣ изъ нихъ, которыя прочитаны имъ самимъ. Изъ нихъ нѣкоторыя, по замѣчанію г. Паспати, и были уже помѣщены въ 4-мъ томѣ Бекова сборника [6]). Къ такому пересмотру г. Паспати былъ побужденъ тѣмъ соображеніемъ, что, вѣроятно, эти дивные останки дѣятельности Византійскихъ царей подвергнутся участи стѣнъ Галаты, нынѣ разрушаемыхъ, и тогда навѣки погибнутъ эти многоцѣнные историческіе памятники [7]). Это писалъ онъ въ 1865 г., а три года по написаніи этого параграфа, бо́льшая часть внѣшней стѣны и очень многія башни между воротами Пятыми и св. Романа были взорваны порохомъ.

Въ главѣ 3-й авторъ говоритъ о сухопутныхъ воротахъ. Между прочимъ онъ доказываетъ, что нынѣшнія ворота Эгри-капу суть Харсійскія византійскихъ историковъ, а не Пятыя ворота (Πέμπτη)

[1]) Тамъ же, стр. 27.
[2]) Тамъ же, стр. 30.
[3]) Тамъ же, стр. 31.
[4]) Πασπάτης Βυζ. Μελ. стр. 33 и 32; ср. на стр. 38 надпись 5-ю (Θε)οφίλου.
[5]) Πασπάτης, стр. 33.
[6]) Тамъ же.
[7]) Тамъ же.

Кодина, какъ предполагаетъ Мортманъ и принимающій его мнѣніе г. Детье [1]). Когда Турки ворвались въ столицу чрезъ Керкопорту (близъ Эвдома), то увидавшіе ихъ Византійцы обратились въ бѣгство. Бѣжавшихъ было много, и они не могли попасть въ Харсійскія ворота (кромѣ немногихъ силачей). Изъ этого извѣстія Дуки видно, заключаетъ г. Паспати — что многіе Византійцы дрались съ Турками, стоя на плоскости, чтó внѣ стѣнъ передъ Харсійскими воротами. Они-то и были тѣ, чтó, увидавъ Турокъ на стѣнахъ, устремились къ воротамъ. Возможно ли предположить, что Византійцы изъ Керкопорты прошли мимо осаждавшихъ Адріанопольскія ворота отоманскихъ полчищъ и вошли въ „Пятыя ворота" г. Мортмана, то-есть, Харсійскія, близъ которыхъ бились султанъ и императоръ? Зачѣмъ было имъ не войдти воротами Адріанопольскими, которыя ближе Харсійскихъ? Этимъ и доказывается, что Харсійскія ворота суть называемыя нынѣ Эгри-капу, и что ворота, которыя г. Мортманъ зоветъ Харсійскими, суть „Пятыя" Кодина, рѣдко вообще упоминаемыя. Всѣ древнія преданія и всѣ занимавшіеся византійскою исторіей, именуютъ Харсійскими воротами нынѣшнія Эгри-капу. Вотъ еще доводъ. Изъ свидѣтельства Михаила Дуки, что Мехмедъ разбилъ свои шатры насупротивъ воротъ Харисскихъ, за холмомъ, явствуетъ, что передъ сими воротами находился всѣмъ извѣстный холмъ, а между тѣмъ передъ Пятыми воротами лежитъ длинная равнина, орошаемая потокомъ Ликомъ, и ни единаго холма. Къ тому же улица, чтó внѣ Харсійскихъ воротъ, до сихъ поръ называется Харчи-чадеси́, то-есть, улицей Харсійскою [2]). Вообще глава 3-я очень важна для исторіи осадъ Константинополя.

Глава 4-я посвящена Влахернскому святилищу и дворцу. Въ окрестностяхъ нынѣшней Влахернской агіазмы авторъ доискался обширнаго пространства земли въ 24,000 квадратные метра, окруженнаго четырьмя стѣнами, изъ которыхъ одна есть Ираклiева. Это пространство наполнено землею. Вышина земли, чтó на Иракліевой стѣнѣ, 17 метровъ; на другихъ же бокахъ четыреугольника высота земли отъ 12 до 14 метровъ. На этомъ рукотворномъ холмѣ настроено послѣ взятія столицы очень много христіанскихъ и оттоманскихъ домовъ, и разведены сады съ плодовыми деревьями. Изъ этихъ садовъ видны Скутари, весь портъ и холмы Таксимскіе и Татаульскіе. Весь городъ до

---

[1]) Тамъ же, стр. 74 и 83.

[2]) Тамъ же стр. 74.

самой св. Софіи лежитъ у зрителей подъ глазами. Въ авторѣ возникли вопросы: Неужели это мѣсто при Византійцахъ не было покрыто землею, и только въ послѣдствіи, уже по взятіи города, Оттоманы наполнили его землею? Если эти четыре прослѣженныя имъ стѣны воздвигнуты были для обороны дворца, то зачѣмъ въ то же время не были воздвигнуты и башни, по общему обычаю Византійцевъ, которые обыкновенно сражались стоя въ периволѣ и на башняхъ? Или Оттоманы наполнили это мѣсто землею просто для удовольствія тамошняго населенія? Не легче ли было бы имъ разрушить эти византійскія стѣны и употребить этотъ матеріалъ для построенія другихъ зданій, подобно тому, какъ они съ основанія разрушили близлежащую церковь Влахернскую, и этимъ способомъ вывели новыя зданія, по свидѣтельству очевидца Жиля [1])? Отчего же они въ то самое время не срыли и сихъ исполинскихъ стѣнъ, столь близкихъ къ церкви Влахернской? Если же при Византійцахъ это мѣсто было наполнено землею, то возможно ли предположить, что въ мѣстности столь низменной, въ настоящей пропасти, воздвигнули великолѣпный дворецъ, осѣняемый высокою башней Исаакія Ангела, и исполинскіе своды тюрьмы Анемской? Могъ ли бы народъ въ Византіи назвать этотъ дворецъ превысокимъ? Если, по свидѣтельству византійскихъ писателей, лежавшія внѣ стѣнъ поля, и Козмидій, и гавань были видны изъ оконъ дворца, то необходимо предположить, что дворецъ возвышался до 40 метровъ, для того, чтобы поверхъ башни Исаакія имѣть видъ на лежавшія внизу поля. Въ такомъ высокомъ дворцѣ императорамъ приходилось бы подниматься на 270 ступеней, прежде чѣмъ насладиться славнымъ видомъ окрестностей. Сверхъ того, другіе сообщаютъ, что изъ каждой части дворца были видны море, поля и весь городъ [2]). Авторъ пришелъ къ заключенію, что императоры Византійскіе соорудили эти стѣны не для охраны дворца, но для подъема низменной почвы во Влахернахъ и близлежащей мѣстности; и на этой-то возвышенности они воздвигли тотъ великолѣпный дворецъ, который былъ такъ прославленъ крестоносцами. Въ послѣдніе вѣка имперіи эти крѣпкія стѣны, бóльшею частію и нынѣ сохраняю-

---

[1]) Blachernamque locum nominant, vestigia exstabant cum venissem Byzantium, quae funditus nunc effossa sunt et deleta. Gyll L. IV, c. 5. Κωνσταντινούπολις Βυζαντίου, Τ. Β'. σελ. 585 (прим. *Паспати* на стр. 95).

[2]) Πασπάτη, Βυζ. Μελ., стр. 96, гдѣ у автора ссылка на Κίνναμος, σελ. 74, 75.

щіяся въ цѣлости, служили укрѣпленіями для обороны отъ ярости притѣсняемаго народа и ропщущихъ ратниковъ. Съ этихъ стѣнъ жившіе подъ ихъ охраной защищались отъ народа въ 1347 г., по свидѣтельству Кантакузина [1]). Къ сѣверу отъ Высокаго дворца Влахернскаго Оттоманы, по взятіи города, открыли въ приморской стѣнѣ ворота, именуемыя Эйванъ-серай-капусу, проще Айвасара-капусу, то-есть, ворота Высокаго дворца. Эти ворота, никогда не упоминаемыя Византійцами, такъ названы были Оттоманами отъ Влахернскаго дворца, который народъ называлъ Высокимъ [2]).

Пятая глава книги 1-й носитъ заглавіе: Раскопки оракійской желѣзной дороги въ Константинополѣ. Съ середины апрѣля 1871 г. стали устроивать въ этой столицѣ желѣзную дорогу. Она тянется отъ воротъ Яли-кьоска (бывшихъ Евгеніевыхъ) на востокъ до Серайскаго мыса, а оттуда вдоль Воспора въ обходъ Серайскихъ палатъ съ сѣвера на югъ, и вмѣстѣ съ поворотомъ побережья отъ востока на западъ и сама поворачиваетъ въ этомъ направленіи и доходитъ до Семибашеннаго замка [3]). Нашъ археологъ являлся на мѣста производства приготовительныхъ желѣзно-дорожныхъ работъ и слѣдилъ, не откроется ли гдѣ остатокъ древней стѣны, или колонны, или плиты съ написью, и отмѣчалъ все достопримѣчательное, до тѣхъ поръ, пока все взрытое наружу не было снова зарываемо или обращаемо на пользу желѣзно-дорожныхъ работъ [4]). На основаніи такихъ наблюденій г. Паспати разыскалъ и опредѣлилъ мѣстность св. Димитрія, древнюю стѣну ограды императорскаго дворца, бывшаго на Акрополѣ,

---

[1]) Πασπάτη, Β. Μ. стр. 96.

[2]) Πασπάτη, Β. Μ. стр. 97, прим. 3: «Невѣрно пишетъ и переводитъ Мишо: «Haivan-hissari-capou, porte du château des animaux». Correspondance d'Orient, 1830—1831, par *Michaud* et *Poujoulat*. Paris, 1835. T. III, p. 114; *Hammer*, Constantinopolis, T. I, стр. 103.

[3]) Πασπάτη, Β. Μ. стр. 101. Сравн. эти указанія г. *Паспати* съ планомъ Константинополя, составленнымъ *Штолле* (1880 г.).

[4]) Раскопки эти, какъ видно изъ вышеизложеннаго, имѣли цѣлью устроеніе желѣзной дороги. Научныхъ раскопокъ съ археологическою цѣлью въ Константинополѣ не бываетъ: однакожь и тутъ не безъ исключенія: въ 1855 г. произведена была Англичанами раскопка для разысканія основанія Змѣиной колонны. (См. *Dethier* und *Mordtmann*, Epigraphik, 1864, ст. 36; *Unger*, Griech. Kunst. Griechenl. V. 1870, стр. 299). Если бы кто изъ посланниковъ въ Константинополѣ заинтересовался археологіей этого города, то разумѣется, не встрѣтилъ бы препятствія къ раскопкѣ. Упомянутая раскопка 1855 г. произошла по желанію лорда Стратфорда Редклифа, по почину Ньютона.

дворецъ Вуколеонта, своды или тюрьмы Вуколеонта, караульню ночной стражи, гавань Вуколеонтскую, древнія византійскія стѣны близъ Ормизда, ворота Карейскія, домъ Юстиніана, гавань Юліанову, и оба рубежа склоняющейся къ морю стѣны древнихъ византійскихъ чертоговъ [1]).

Таково вкратцѣ содержаніе пяти главъ книги 1-й. Пропустивъ книгу 2-ю, толкующую о торговлѣ Генуэзцевъ въ Константинополѣ и Черномъ морѣ въ средніе вѣка,—займемся книгой 3-й.

Общее заглавіе ея, какъ мы видѣли, слѣдующее: **Византійскія церкви, сохраняющіяся доселѣ въ Константинополѣ, какъ въ цѣлости, такъ и въ развалинахъ.** Въ этомъ сочиненіи г. Паспати описываетъ древнія греческія церкви византійской эпохи, какъ извѣстныя, такъ и неизвѣстныя, которыя большею частію обращены въ мусульманскія мечети. На пути своего изслѣдованія онъ встрѣтилъ большія затрудненія [2]). Пока входъ въ эти зданія не свободенъ, нельзя разузнать ни протяженія ихъ, ни вышины, ни внутреннихъ ихъ украшеній. Во многія изъ нихъ никогда не могъ онъ попасть. Такъ какъ многія изъ сихъ зданій обстроены кругомъ домами, то автору, вмѣстѣ съ художникомъ Г. А. Манакіемъ (Μανάκης), приходилось осматривать то одну сторону церкви, то другую, пока не отыщутъ пункта, откуда бы ее лучше срисовать. Они поднимались на стѣны, входили въ мусульманскія кладбища, въ лавочки и молочныя фермы, пробирались за деньги въ окрестные домишки, для лучшаго осмотра церкви. Никогда не встрѣчали они отпора отъ духовныхъ лицъ изъ Оттомановъ, которые охотно разказывали исторію церкви и переходъ ея въ мечеть. Наружный видъ церквей могъ быть срисованъ, а плановъ нельзя было снять [3]).

Кромѣ византійскихъ писателей, свѣтскихъ и духовныхъ, г. Паспати большую пользу извлекъ для своего труда изъ Житій Святыхъ Симеона Метафраста, который, по его замѣчанію, каждый разъ, какъ упоминаетъ о церквахъ и ихъ **мѣстоположеніи**, о христіанскихъ обычаяхъ Константинополя, говоритъ обо всемъ этомъ, какъ чело-

---

[1]) Эта 5-я глава о результатахъ, добытыхъ авторомъ изъ наблюденій за раскапываемыми мѣстностями и остатками, дополняетъ все до тѣхъ поръ извѣстныя данныя капитальными фактами (стр. 99—126).

[2]) Πασπάτη, Β. Μ. σ. 277—8.

[3]) Πασπάτη Β. Μ. σ. 278.

вѣкъ хорошо знакомый со своею родиной [1]). Этими источниками уже воспользовался Дюканжъ для своего Христіанскаго Константинополя. Въ своемъ отзывѣ объ этомъ послѣднемъ трудѣ г. Паспати выражаетъ величайшее уваженіе къ его автору [2]). Изъ византійскихъ источниковъ, изданныхъ послѣ Дюканжа, г. Паспати первое мѣсто отводитъ извѣстнымъ актамъ Константинопольскаго патріархата, изданнымъ Миклошичемъ и Мюллеромъ [3]). Для исторіи православныхъ церквей въ Константинополѣ послѣ занятія его Турками г. Паспати заимствовалъ свѣдѣнія свои изъ сочиненія въ двухъ томахъ Хафизъ-Хусейна-Эфенди, сына Хаджи-Измаила изъ Эйванъ-Серая [4]). Это сочиненіе, именуемое Хадикатъ-уль-джевамй, то-есть, „садомъ мечетей", было переработано и пополнено Сеидомъ-Алй съ 1248 до 1253 года гиджры, то-есть, съ 1832 до 1837 г. Оно издано было въ Константинополѣ въ 1281 г. гиджры, то-есть, въ 1864 г. Въ 1-мъ томѣ заключаются всѣ мусульманскія мечети, что̀ внутри и внѣ стѣнъ Константинополя; во 2-мъ томѣ мечети Воспора и азіатскихъ окрестностей. Всѣ мечети, безъ исключенія, описаны съ большою ясностію. Г. Паспати воспользовался этимъ сочиненіемъ двоякимъ образомъ. Вопервыхъ, при описаніи многихъ мечетей, въ этомъ сочиненіи положительно говорится, что онѣ въ старину были церквами, или что воздвигнуты на основѣ церквей. Къ сожалѣнію, оба оттоманскіе писателя вовсе не упоминаютъ о томъ, были ли эти мечети прежде монастырями или общими церквами, какое ихъ древнее имя или во имя какого святаго были онѣ чтимы. Вовторыхъ,—и въ этомъ главный интересъ этого сочиненія,—авторы его указываютъ годъ, часто даже мѣсяцъ и день обращенія церквей въ мечети [5]). Этимъ сочиненіемъ дополняется исторія доселѣ сохраняющихся церквей Константинопольскихъ, которыхъ судьбы, послѣ взятія столицы Турками, не были разказаны ни однимъ христіанскимъ писателемъ. Всѣ мечети, на которыя эти турецкіе писатели указываютъ какъ на бывшія церкви, посѣщаемы были по многу разъ

[1]) Тамъ же, стр. 282.

[2]) На стр. 294 г. Паспати пишетъ: «Въ означенномъ сочиненіи Дюканжа (Const. Chr.) записаны всѣ церкви, обители и молельни Византійцевъ. Я смѣло говорю, что во всемъ многоцѣнномъ собраніи византійскихъ писателей, не упомянуто почти ни одной церкви, которая не была бы записана въ сочиненіи Дюканжа». Этимъ наблюденіемъ да будетъ пополнена моя оцѣнка Дюканжа, которая помѣщена на стр. 22—26 моей первой статьи.

[3]) Πασπάτη, стр. 282.

[4]) Πασπάτη, В. М. стр. 283 (ср. стр. 396 и 403).

[5]) Πασπάτη, В. М. стр. 284.

г. Паспати.. Духовныя лица изъ мусульманъ, у которыхъ онъ, по его собственнымъ словамъ, заимствовалъ чрезвычайно много показаній объ этихъ зданіяхъ, ни разу не сообщили ему ничего такого, чѣмъ была бы обличена невѣрность словъ обоихъ означенныхъ писателей. Однако г. Паспати посѣтилъ и такія мечети изъ прежде бывшихъ церквей, которыя не описаны или не упомянуты въ означенномъ турецкомъ сочиненіи. Съ прискорбіемъ утверждаетъ онъ, что между многими церквами, находящимися въ околодкахъ оттоманскихъ, которыя до сихъ поръ оставались неизвѣстными, и которыхъ онъ передаетъ изображеніе, открылъ онъ такія церкви, которыхъ имена въ византійскую эпоху ему неизвѣстны.

Г. Паспати почерпалъ свои свѣдѣнія еще изъ сочиненія графа Ріана „О религіозной добычѣ, похищенной Латинами въ Константинополѣ въ XIII в.“ [1]) и проч. Эти розысканія г. Ріана онъ признаетъ за весьма замѣчательныя. „Къ счастію для исторіи нашихъ церквей—говоритъ г. Паспати,—„въ Европѣ сохранилось множество документовъ, упоминающихъ тѣ церкви, изъ которыхъ похищаемы были мощи и проч., ихъ перенесеніе въ Европу, и тѣ храмы, гдѣ ихъ размѣщали и чествовали. Большею частью документы эти были засвидѣтельствованы латинскими королями, архіереми, священниками, для того чтобы въ Европѣ вѣрные не были вводимы въ обманъ [2]). Изъ такихъ документовъ, напримѣръ, узнаемъ, что всѣ останки страстей Христовыхъ находились въ церкви Вуколеонтской, о которой нѣтъ упоминанія въ византійскихъ источникахъ. Въ спискѣ религіозныхъ останковъ, помѣщенномъ въ концѣ сочиненія г. Ріана, онъ приводитъ всѣ тѣ константинопольскія церкви, изъ которыхъ они были похищены. Тутъ упомянуто о бо́льшей части большихъ монастырей и церквей. Не приведена, однако, обитель Далматова, которой игуменъ былъ нѣкогда эксархомъ константинопольскихъ обителей [3]).

Очень поучительны для археолога общія соображенія г. Паспати о константинопольскихъ церквахъ и обителяхъ, ихъ архитектурномъ строѣ, ихъ древнемъ устройствѣ, ихъ общей судьбѣ, — соображенія, кото-

[1]) Πασπάτη, Β. Μ. стр, 285. «Des dépouilles religieuses enlevées à Constantinople au XIII siècle par les Latins, et des documents historiques nés de leur transport en Occident», par le comte *Riant*. Paris, 1875.

[2]) Πασπάτη, Β. Μ.. стр. 286. и примѣчанія къ ней.

[3]) Πασπάτη, Β. Μ. стр. 289.

рыми онъ заключаетъ 1-ю главу своего сочиненія о церквахъ [1]). Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія наблюденія: „Распредѣленіе улицъ нынѣшняго города", говоритъ авторъ, — „совершенно различно отъ ихъ распредѣленія въ старой Византіи. Это я вывожу изъ нашихъ сохраняющихся церквей, которыя по большей части находятся нынѣ на улицахъ и переулкахъ, между тѣмъ какъ въ древности всѣ церкви, какъ и нынѣшнія, имѣли ограду" [2]). И еще замѣчаніе: „Конха, сохраняющаяся въ бо́льшей части церквей, и минаретъ, выстроенный въ послѣдствіе времени подлѣ храма, а не на стѣнѣ его, суть самые явные признаки многихъ византійскихъ церквей, обращенныхъ въ мечети. Вообще стѣны самыхъ знаменитыхъ мечетей выстроены изъ тесанаго камня, а стѣны церквей, равно какъ и очень многихъ византійскихъ стѣнъ, изъ камня и жженаго кирпича, нѣкогда задѣланнаго штукатуркой, которая давно уже отпала" [3]). Для удобнѣйшаго пониманія исторіи сохраняющихся церквей, г. Паспати дѣлитъ ихъ на два разряда. Первый содержитъ тѣ обращенныя въ мусульманскія мечети византійскія церкви которыя до сихъ поръ извѣстны, а второй—византійскія церкви. до сихъ поръ еще неизвѣстныя. Церкви перваго отдѣла описаны имъ во 2-й главѣ [4]), а церкви втораго отдѣла — въ 3-й главѣ [5]). Глава же 4-я и послѣдняя описываетъ византійскія церкви, доселѣ принадлежащія христіанамъ, и церкви разрушенныя, и содержитъ въ себѣ общіе выводы [6]). По описаніи всѣхъ осмотрѣнныхъ самимъ авторомъ церквей онъ представляетъ читателямъ такой выводъ: церквей византійскихъ, обращенныхъ въ мечети и давно извѣстныхъ, теперь находится 17, принадлежащихъ доселѣ православнымъ христіанамъ — 3, найденныхъ въ послѣднее время — 15, другихъ церквей, разрушенныхъ, изъ которыхъ на иныхъ воздвигнуты мечети — 14, церквей принадлежащихъ Армянамъ 2, всего 51 церквей.

Изъ всѣхъ ихъ въ настоящее время мы знаемъ исторію тридцати осьми. Остаются тринадцать, о которыхъ мы не знаемъ, подъ именемъ какого святаго или святой онѣ были чтимы при Византійцахъ [7]). Въ эпилогѣ найдемъ вѣрныя и краснорѣчивыя сѣтованія

[1]) Тамъ же, 289—298.
[2]) Тамъ же, 293.
[3]) Тамъ же, 293.
[4]) Тамъ же. 298—350.
[5]) Тамъ же, 351—386.
[6]) Тамъ же, 387 до конца книги.
[7]) Тамъ же. 403.

автора относительно неправильности взгляда большей части европейскихъ ученыхъ и отчасти греческихъ на внутренній бытъ Византійцевъ [1]).

Изъ этого короткаго перечня читатель только приблизительно можетъ судить о богатомъ содержаніи „Византійскихъ изслѣдованій" г. Паспати. Безъ преувеличенія можно признать его за самого основательнаго знатока древностей города Византіи. Переводъ его сочиненія на русскій языкъ открылъ бы для нашихъ археологовъ цѣлую сокровищницу самыхъ точныхъ наблюденій ученаго самовидца.

На трудахъ г. Паспати оканчивается нашъ критическій обзоръ важнѣйшихъ работъ по средневѣковой топографіи Константинополя. Въ этотъ обзоръ мы не включили такихъ сочиненій, въ которыхъ наблюденія надъ памятниками древности теряются въ морѣ очерковъ современности. Не входили въ наше обозрѣніе и соображенія топографическія, высказанныя историками XVIII и XIX в. по поводу осадъ Константинополя. Выдѣливъ изъ области нашихъ розысканій два вышеозначенные отдѣла сочиненій и остановивъ все наше вниманіе на трудахъ собственно топографическихъ, мы всѣми силами были озабочены, какъ бы не пропустить какого-либо замѣчательнаго изслѣдованія по нашему предмету, какъ бы не выпустить изъ вида того или другаго достоинства разбираемыхъ работъ. При всемъ томъ въ полнотѣ нашего осмотра и нашей оцѣнки мы вовсе не увѣрены и будемъ ждать отъ научной критики дополненій и поправокъ.

Гавріилъ Дестунисъ.

[1]) Тамъ же стр. 405—409.

ОТНОШЕНІЯ РОССІИ И ФРАНЦІИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XXXIV. С.-Пб. 1881.

I.

1681—1712.

Отношенія Россіи къ Франціи до половины XVIII вѣка не имѣли особенно важнаго значенія. Не ранѣе какъ при императрицѣ Елизаветѣ Франція стала для Россіи важною школою относительно литературы, нравовъ, обычаевъ, модъ и проч. Дипломатическая связь между Франціей и Россіей становится болѣе оживленною тоже не ранѣе, какъ при Елизаветѣ и Екатеринѣ II. Во время Семилѣтней войны Франція и Россія дѣйствовали за одно противъ Фридриха II. Во многихъ отношеніяхъ Екатерина сочувствовала Франціи до переворота 1789 года. Русскіе дипломаты въ Парижѣ въ это время играли довольно важную роль. Съ другой стороны, и графъ Сегюръ могъ быть названъ чуть ли не важнѣйшимъ членомъ находившагося въ С.-Петербургѣ дипломатическаго корпуса въ замѣчательнѣйшее время царствованія Екатерины.

Тѣмъ не менѣе и до половины XVIII вѣка отношенія Россіи къ Франціи не лишены значенія. Дипломатическая связь между обоими государствами началась въ то самое время, когда Московское государство, при первыхъ государяхъ изъ дома Романовыхъ, стало обращать на себя вниманіе западной Европы. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ сочиненій о Россіи еще до того времени былъ трудъ Маржерета, современника Генриха IV и Лжедимитрія. Вскорѣ во

Францiи начали думать о заключенiи съ Россiей торговыхъ договоровъ; затѣмъ въ Россiи обнаружились попытки католической пропаганды со стороны французскихъ iезуитовъ. Далѣе, польскiя и турецкiя дѣла иногда служили поводомъ къ переговорамъ между Францiей и Россiей. Наконецъ, въ эпоху Петра Великаго Россiя приняла болѣе близкое участiе въ политическихъ дѣлахъ Европы. Петръ посѣтилъ Парижъ. Французское правительство чрезъ своего дипломата Кампредона содѣйствовало заключенiю Ништадтскаго мира.

Къ этому времени относится богатая коллекцiя архивныхъ дѣлъ, изданная Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ въ XXXIV-мъ томѣ его Сборника. Документы эти заключаютъ въ себѣ донесенiя французскихъ дипломатическихъ агентовъ, находившихся въ Россiи, о международныхъ и торговыхъ сношенiяхъ, бумаги, относящiяся къ пребыванiю Петра во Францiи въ 1717 году, и инструкцiи и предписанiя французскаго правительства посланникамъ и дипломатическимъ агентамъ, находившимся при русскомъ дворѣ съ 1681 по 1717 годъ; кромѣ того, въ видѣ введенiя или приложенiя помѣщена записка старшаго чиновника французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Ле-Драна, составленная имъ въ 1726 году, по порученiю министра, о переговорахъ для заключенiя трактата между Россiей и Францiей. Эта записка заключаетъ въ себѣ краткiй очеркъ политическихъ переговоровъ со времени царствованiй Людовика XIII во Францiи и Михаила Ѳеодоровича въ Россiи до 1717 года. Опубликованiе этихъ документовъ послѣдовало благодаря предупредительности начальства Парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, которое съ готовностью отозвалось на ходатайство по сему предмету русскаго посла въ Парижѣ, князя Н. А. Орлова.

Цѣль настоящей статьи—указать на значенiе этихъ документовъ въ ряду имѣющихся уже историческихъ матерiаловъ по данному предмету, и отвѣтить на вопросъ: на сколько это изданiе прибавило свѣдѣнiй ко всему тому, что̀ и прежде было извѣстно объ отношенiяхъ между Россiей и Францiей за указанное время. Съ этою цѣлью мы, придерживаясь хронологическаго порядка и стараясь привести въ нѣкоторую систему весь изданный матерiалъ, укажемъ на главное содержанiе всего XXXIV тома.

О договорѣ 1630 года въ запискѣ Ле-Драна сказано лишь нѣсколько словъ, дополняющихъ свѣдѣнiя объ этомъ предметѣ, сообщенныя въ сочиненiяхъ Германа, Соловьева и проч. Царь Михаилъ

Өеодоровичъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ, отправилъ въ 1615 году посла къ королю Людовику XIII, чтобы привѣтствовать его и увѣрить въ своей дружбѣ. Франція въ то время не обращала вниманія на отдаленную и не имѣвшую никакого значенія въ Европѣ Московію. Къ тому же тогда, непосредственно послѣ ужасовъ и крутыхъ переворотовъ Смутнаго времени, въ западной Европѣ не считали особенно вѣроятнымъ, что царь Михаилъ Өеодоровичъ удержится на престолѣ. Поэтому король Людовикъ XIII не считалъ нужнымъ откликнуться на привѣтствіе Московскаго царя, и не ранѣе какъ въ 1629 году отправилъ въ Россію своего агента де-Ге-Курменена (Des Hayes Courmenin), при посредствѣ котораго и былъ заключенъ между Франціей и Россіей торговый договоръ, не имѣвшій впрочемъ особеннаго значенія, такъ какъ Французы не привозили товаровъ въ Россію и ихъ старанія склонить Московское правительство къ предоставленію имъ монополіи транзитной торговли чрезъ Россію съ Персіею не имѣли успѣха. Объ этихъ переговорахъ относительно персидской торговли ни слова, однако, не сказано въ запискѣ Ле-Драна. За то въ ней упомянуто о нѣкоторыхъ частностяхъ, относящихся къ титулу царя, объ условіяхъ, на которыхъ было дозволено Французамъ отправлять богослуженіе въ Россіи и проч. Въ запискѣ Ле-Драна не говорится также о тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя возникали относительно церемоніала, между тѣмъ какъ эти мелочные споры характеризуютъ дипломатическія дѣйствія той эпохи и занимали весьма видное мѣсто въ переговорахъ вообще.

О нѣкоторыхъ, впрочемъ, не имѣвшихъ значенія попыткахъ политическаго сближенія между Франціей и Россіей во время царствованія Алексѣя Михайловича Ле-Дранъ также не говоритъ почти ничего. Равнымъ образомъ, лишь мимоходомъ упоминаетъ онъ о пребываніи во Франціи, въ 1681 году, русскаго посланника Потемкина, пріѣзжавшаго, чтобы просить Людовика XIV оказать помощь Польскому королю противъ Турокъ. За то между документами, напечатанными въ Сборникѣ, встрѣчается заимствованный изъ Парижскаго архива оффиціальный разказъ „о пріемѣ Московскихъ пословъ въ 1681 году“.

Какъ видно изъ статейнаго списка Петра Ивановича Потемкина о совершенномъ имъ до этого времени путешествіи по западной Европѣ, онъ былъ хорошимъ наблюдателемъ и замѣчательнымъ дипломатомъ. Особенно любопытенъ его разказъ о пребываніи его въ Испаніи. Что же касается до его путешествія во Францію въ

1681 году, то оно, при холодныхъ отношеніяхъ между Франціей и Россіей и при нѣкоторомъ расположеніи Людовика XIV къ Оттоманской Портѣ, не могло имѣть особеннаго политическаго значенія.

Въ оффиціальномъ документѣ о пріемѣ, оказанномъ Потемкину и Волкову во Франціи, сообщаются подробности о прибытіи русскихъ дипломатовъ въ концѣ марта этого года, въ Кале, о путешествіи ихъ оттуда въ Парижъ и т. п. Достойно вниманія, что когда, по случаю пріѣзда русскихъ пословъ въ Бомонъ (Beaumont), въ таможнѣ озаботились приготовленіемъ пропускныхъ билетовъ для ихъ вещей, Потемкинъ и Волковъ отказались отъ нихъ и не позволили осмотрѣть свои сундуки, подъ тѣмъ предлогомъ, что иначе король до полученія назначенныхъ ему подарковъ можетъ узнать, въ чемъ они состоятъ.

Какъ видно, и въ 1681 году во Франціи по поводу вопроса объ осмотрѣ поклажи русскихъ дипломатовъ, въ таможнѣ легко могли возникнуть недоразумѣнія въ родѣ непріятностей, случившихся въ 1662 году по случаю проѣзда русскаго дипломата Желябужскаго изъ Англіи чрезъ Францію въ Италію, или, какъ мы тотчасъ же увидимъ, по случаю пребыванія во Франціи въ 1687 году князя Долгорукаго.

Въ оффиціальномъ французскомъ разказѣ говорится подробно о церемоніалѣ, соблюдавшемся при пріемѣ русскихъ дипломатовъ. И тутъ обнаружилась обычная мелочность. Когда посланники шли на аудіенцію къ королю, они были въ шапкахъ. При входѣ въ опочивальню ихъ пригласили снять шапки; сначала они возражали, но затѣмъ исполнили желаніе церемоніймейстера. Затѣмъ, когда посланники вошли въ аудіенцъ-залу, Потемкинъ изъявилъ желаніе, чтобы король поднялся съ мѣста и освѣдомился о здоровьѣ царя. Людовикъ замѣтилъ, что посолъ долженъ удовольствоваться тѣмъ, что видѣлъ его снимающимъ шляпу каждый разъ, какъ произносилось имя царя; далѣе Потемкинъ требовалъ назначенія со стороны французскаго правительства трехъ коммиссаровъ для переговоровъ, какъ это было сдѣлано въ 1668 году по случаю перваго пребыванія Потемкина во Франціи. Король сказалъ, что назначитъ только одного коммиссара. Когда затѣмъ посланникамъ предложили ѣхать къ министру Кольберъ-де-Круасси для переговоровъ, они отказались на томъ основаніи, что комнаты его не находились въ зданіи Версальскаго дворца, тогда какъ комнаты маршала де-Вильроа, одного изъ трехъ коммиссаровъ, назначенныхъ состоять при нихъ въ 1668 году, были въ Сенъ-Жерменскомъ дворцѣ. На это, однако, имъ возразили отъ имени короля, что если они не желаютъ видѣться съ де-Круасси

въ его Версальскомъ помѣщеніи, то Людовикъ не дастъ имъ прощальной аудіенціи, а просто пришлетъ имъ свое письмо къ царю. Посланники, посовѣтовавшись между собою, рѣшились исполнить то, чего отъ нихъ требовали. Затѣмъ имъ показывали Версальскіе сады и фонтаны; король подарилъ имъ много гобеленовыхъ ковровъ, штофныхъ матерій, затканныхъ серебромъ и золотомъ, и другихъ тканей, часовъ стѣнныхъ и карманныхъ и пр. Наконецъ, когда посланники уѣхали, по приказанію короля были уплачены всѣ расходы, сдѣланные ими, на пути въ предѣлахъ Франціи и во время ихъ пребыванія въ Парижѣ.

О содержаніи переговоровъ между французскимъ министромъ и русскими дипломатами мы узнаемъ кое-что изъ записки Кольберъ-де-Круасси отъ 4-го іюля 1681 года. Французское правительство желало отмѣны пошлинъ, обременявшихъ торговлю Французовъ въ Московскомъ государствѣ. Толковали о заключеніи торговаго договора, но все это ограничилось общими выраженіями. „Нравы и обычаи Французовъ", сказано въ запискѣ французскаго министра,— „такъ разнятся отъ нравовъ Россіи, что нѣтъ вѣроятности, чтобъ эти двѣ столь различныя націи остались на долго въ согласіи, а потому торговый договоръ уничтожится самъ по себѣ".

Очевидно, Франція, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не желала никакого сближенія съ Московскимъ государствомъ, и потому пребываніе русскихъ дипломатовъ въ Парижѣ не могло имѣть сколько нибудь важныхъ послѣдствій.

Вскорѣ послѣ того произошла перемѣна въ русскомъ правительствѣ: царевна Софья, при помощи князя В. В. Голицына, стала править государствомъ.

Около этого времени во Франціи явилась мысль объ отправленіи въ Москву чрезвычайнаго посла, г. де-ла-Пикетьера. По крайней мѣрѣ въ Парижскомъ архивѣ была найдена „записка для руководства г. де-ла-Пикетьеру", содержаніе которой отлично характеризуетъ взглядъ французскаго правительства на Московію.

Достойно вниманія то обстоятельство, что Франція не столько по своимъ собственнымъ нуждамъ и интересамъ, сколько ради своихъ дружескихъ отношеній къ Датскому королю и Бранденбургскому курфюрсту, желала вступить въ сношенія съ Россіею. Въ запискѣ сказано прямо: „Его Величество при отправленіи г. Пикетьера въ Москву соображается болѣе съ выгодами Датскаго короля и курфюрста Бранденбургскаго, чѣмъ съ интересами своего королевства,

и ему нѣтъ нужды вступить въ связи съ государствомъ, столь отдаленнымъ, какъ Московское".

Франція въ это время была недовольна Швеціей и намѣревалась дѣйствовать враждебно противъ нея. Для этой цѣли она мечтала о сближеніи съ Россіей, еще прежде 1682 года расположенною къ войнѣ съ Карломъ XI. Упоминая о таковыхъ намѣреніяхъ Московскаго правительства, авторъ записки говоритъ о событіяхъ 1682 года слѣдующее: „Правда, что всѣ тогда существовавшія благія намѣренія совершенно измѣнились со смертью великаго князя Московскаго, выборомъ московскою знатью (par les Grands du Royaume) его десятилѣтняго брата отъ второго брака, вмѣсто старшаго, признаннаго неспособнымъ по его немощамъ, бунтомъ стрѣльцовъ и солдатъ московской стражи, избившихъ знатнѣйшихъ вельможъ этого двора, грабежомъ имущества и другими смутами и безпорядками". Затѣмъ однако высказана надежда, что де-ла-Пикетьеръ найдетъ въ Москвѣ установившееся правительство, и потому французскому дипломату предписывается спѣшить пріѣздомъ въ Москву: онъ долженъ былъ возбуждать Московское правительство къ нападенію на Швецію. Далѣе сказано о граматахъ „для великаго князя и патріарха", которыя, вмѣстѣ съ подарками для обоихъ лицъ, долженъ былъ взять съ собою чрезвычайный посолъ: „Такъ какъ Его Величество не знаетъ еще ихъ именъ, то оставляются для нихъ пробѣлы, которые пополняются означеннымъ г. де-ла-Пикетьеромъ, лишь онъ о томъ освѣдомится".

Изъ этого замѣчанія видно, вопервыхъ, что во Франціи считали царя и патріарха какъ бы равносильными авторитетами въ Московскомъ государствѣ; вовторыхъ же, изъ этихъ словъ записки можно заключить, что спустя цѣлый годъ до вступленія на Московскій престолъ обоихъ царей, Петра и Ивана, и назначенія Софьи правительницею, во Франціи еще не знали никакихъ подробностей объ этихъ событіяхъ, такъ что даже имена Русскихъ государей были неизвѣстны: доказательство, до какой степени Россія въ то время была чужда Европѣ.

Однако, путешествіе г. де-ла-Пикетьера въ Москву вовсе не состоялось. Не легко отвѣтить положительно на вопросъ: что могло заставить Людовика XIV отказаться отъ намѣренія отправить чрезвычайнаго посла въ Россію? Можно допустить развѣ слѣдующее предположеніе: во Франціи считали вѣроятнымъ разрывъ между Россіей и Швеціей; это ожиданіе оказалось тщетнымъ; Софья послѣ

тяжкихъ испытаній въ началѣ своего правленія, не считала возможнымъ дѣйствовать наступательно противъ кого бы то ни было. Поэтому она вскорѣ послѣ того, какъ сдѣлалась правительницею, сочла необходимымъ подтвержденіемъ Вардисскаго договора обезпечить мирныя сношенія со Швеціей и окончить распри, возникшія при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ между обоими государствами. Быть можетъ, во Франціи, узнавъ о таковомъ расположеніи Россіи къ миру, рѣшили не искать дружбы Московскаго правительства, такъ какъ нельзя было воспользоваться имъ для дѣйствій противъ Швеціи.

Важнѣйшій сановникъ при правительницѣ Софьѣ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, считался большимъ поклонникомъ Франціи вообще, и въ особенности короля Людовика XIV, котораго портретъ былъ у него въ домѣ. Голицынъ охотно сближался съ представителями католицизма и ласкалъ іезуитовъ, пріѣзжавшихъ въ это время въ Россію, и т. п. Не мудрено поэтому, что при немъ было отправлено чрезвычайное посольство во Францію, во главѣ котораго поставленъ былъ князь Долгорукій.

Голицынъ былъ замѣчательно образованный человѣкъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ можетъ быть названъ предшественникомъ и единомышленникомъ Петра. Въ области внѣшней политики дѣятельность его была однако неудачна. Переговоры съ Польшею, при царевнѣ Софьѣ, имѣвшіе слѣдствіемъ „вѣчное докончаніе“, обнаруживали необычайное дипломатическое искусство князя Василія Васильевича; но договоръ съ Польшею заставилъ Московское правительство отважиться на слишкомъ опасное предпріятіе—на войну съ Татарами. Крымскіе же походы, вполнѣ неудачные, послужили страшнымъ кризисомъ для Голицына: неудача въ этомъ важномъ дѣлѣ сдѣлалась одною изъ причинъ его паденія.

Отправленіе князя Долгорукаго во Францію въ 1687 году стояло въ тѣсной связи съ восточнымъ вопросомъ. Голицынъ надѣялся принудить Францію принять враждебныя мѣры противъ Порты, между тѣмъ какъ „наихристіаннѣйшій король“, напротивъ того, былъ склоненъ къ дружбѣ съ Турками. Къ тому же Долгорукій велъ себя во Франціи безтактно, возбудилъ противъ себя неудовольствіе короля и его министровъ. Подробности этихъ столкновеній уже извѣстны изъ документовъ Московскаго архива, которыми пользовался въ своей „Исторіи Россіи“ Соловьевъ. Довольно важнымъ дополненіемъ къ этимъ свѣдѣніямъ служатъ изданные нынѣ документы изъ архивовъ Парижскихъ.

Въ „Запискѣ о происходившей между г. де-Круасси и Московскими послами конференціи 1-го сентября 1687 года", говорится, впрочемъ, только въ общихъ выраженіяхъ, объ отношеніяхъ Россіи и Франціи къ Туркамъ. Долгорукій сообщилъ о союзѣ, заключенномъ между царями и Польшею. Кольберъ де-Круасси замѣтилъ, что въ настоящую минуту со стороны короля Людовика XIV было бы крайне безразсудно воевать съ Турками, что его величество не имѣетъ обыкновенія объявлять войну безъ достаточныхъ къ тому поводовъ, и пр. Къ этому довольно рѣзкому замѣчанію Кольберъ де-Круасси прибавилъ однако, что король будетъ весьма доволенъ, если Русскіе и Поляки будутъ продолжать употреблять свое оружіе на покореніе невѣрныхъ. Далѣе французскій министръ замѣтилъ, что король посылаетъ иногда миссіонеровъ въ Китай, и просилъ, чтобы Московское правительство облегчило этотъ переѣздъ іезуитамъ и другимъ миссіонерамъ, и пр. Переговоры не повели ни къ какому результату. За то въ другомъ документѣ, а именно въ „Запискѣ о томъ, какъ вели себя Московскіе послы во Франціи", замѣтно сильное раздраженіе французскихъ чиновниковъ противъ русскихъ дипломатовъ. Тутъ сказано, между прочимъ: „Выѣхавъ изъ Голландіи во Францію, послы отправили къ королю гонца съ письмомъ, и этотъ служитель былъ столь наглъ или невѣжественъ, что требовалъ аудіенціи у его величества и объявилъ, что лишь ему лично передастъ письмо, ему порученное. Въ продолженіе двухъ дней напрасно старались убѣдить его въ томъ, что онъ обязанъ вручить это письмо государственному секретарю иностранныхъ дѣлъ, вслѣдствіе чего были принуждены отправить его обратно, не узнавъ содержанія письма". Отправленный посламъ на встрѣчу дворянинъ Торфъ „объяснилъ имъ въ Дюнкирхенѣ всѣ обычаи, соблюдаемые во Франціи послами коронованныхъ особъ, и далъ имъ понять, что въ случаѣ, если бы они не рѣшились имъ слѣдовать, его величеству не угодно будетъ принять ихъ въ своемъ королевствѣ, и что, для сохраненія добраго согласія, существующаго между королемъ и царями, лучше будетъ, если они направятъ путь свой въ другія страны, не вынуждая его величество выслать ихъ, вслѣдствіе ихъ требованій, противныхъ обычаямъ, и презрѣнія къ его приказамъ и постановленіямъ. Посланники обѣщали въ точности слѣдовать всему, что̀ имъ будетъ предписано. Въ то же время его величество выслалъ офицеровъ съ экипажами и деньгами, нужными для удобства пословъ въ пути и для роскошнаго ихъ содержанія, и повелѣлъ снабдить пропускными билетами всѣ ихъ по-

житки и тюки, съ тѣмъ, чтобы, согласно обычаю, соблюдаемому въ подобныхъ случаяхъ, къ упомянутымъ тюкамъ была приложена въ дюнкирхенской таможнѣ печать, которую бы сняли въ Парижѣ. Но хотя имъ объясняли, что свинцовая печать есть печать короля, которую слѣдуетъ уважать и которую можно сломать только по ошибкѣ, влекущей за собою наказаніе, тѣмъ не менѣе, повинуясь болѣе дурнымъ внушеніямъ, чѣмъ даннымъ ими обѣщаніямъ, они снимали печати по дорогѣ и главнымъ образомъ въ городѣ Сенъ-Дени, гдѣ открыто торговали тканями и мѣхами, забывая, такъ сказать, званіе посланниковъ, чтобы дѣйствовать въ качествѣ мелочныхъ торговцевъ, и предпочитая личныя выгоды чести своихъ государей. Это побудило его величество, вслѣдствіе жалобы откупщиковъ, приказать полицейскому чиновнику переѣхать въ Парижъ въ посольскій домъ, гдѣ король помѣстилъ ихъ, и удерживать ихъ отъ продажи упомянутыхъ товаровъ. Но чиновникъ этотъ, въ точности исполняя данныя ему приказанія, не только подвергся оскорбленію со стороны прислуги посланниковъ, но даже говорятъ, что одинъ изъ нихъ замахнулся на него кинжаломъ и пришелъ въ чрезмѣрный гнѣвъ, обнаружившій столь малое уваженіе къ его величеству, что когда королю о томъ подробно доложили, то онъ счелъ несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ дать вторую аудіенцію посланникамъ, оказавшимся недостойными этой чести по своему дурному поведенію или вслѣдствіе тѣхъ дурныхъ совѣтовъ, которые были имъ даны къ нарушенію ихъ слова. Тѣмъ не менѣе, однако, желая заявить свое уваженіе къ царямъ, ихъ государямъ, его величество повелѣлъ послать имъ подарки. Когда же они отъ нихъ отказались, его величество приказалъ возвратить имъ всѣ тѣ подарки, которые ему угодно было принять отъ нихъ, и проводить ихъ до Дюнкирхена тѣмъ же порядкомъ, какимъ они были встрѣчены.

„Приказаніе это было имъ сообщено упомянутымъ г-мъ Торфомъ, и въ среду 27-го августа, экипажи, нужные для путешествія ихъ со всею свитою, были поданы къ посольскому дому; но послы объявили, что не уѣдутъ до тѣхъ поръ, пока его величество не назначитъ аудіенціи, и такъ упорно настаивали на своемъ намѣреніи остаться, несмотря на всѣ дѣлаемыя имъ представленія, что лица, на которыхъ возложено было исполненіе приказаній его величества, признали, что имъ не оставалось другихъ средствъ, какъ отозвать всѣхъ чиновниковъ, назначенныхъ состоять при послахъ, и даже вынести всю мебель, находившуюся въ комнатахъ занимаемаго ими

дома, объявивъ при этомъ, что они могутъ оставаться сколько имъ угодно, живя на собственный счетъ, но въ то же время дали имъ понять, что если они хотятъ возвратить себѣ милость его величества, то всего лучше отправиться имъ въ Сенъ-Дени, гдѣ они точно такимъ же образомъ будутъ помѣщены и содержаны на счетъ его величества и что послѣ изъявленія съ ихъ стороны таковой покорности, имъ будетъ легче просить о назначеніи вторичной аудіенціи. Посланники согласились на это". Затѣмъ происходили переговоры между послами и министромъ короля; двумя днями позже послы имѣли вторую аудіенцію у Людовика XIV; наконецъ ихъ проводили до Гавра, гдѣ былъ приготовленъ корабль для перевозки ихъ до испанской границы. Въ запискѣ сказано: „Послы должны были остаться весьма довольны таковымъ пріемомъ, и если испытали какое либо огорченіе, то должны его приписать лишь непорядочности своего поведенія (l'irrégularité de leur conduite) и другимъ совѣтамъ, которымъ они послѣдовали".

Какъ видно даже изъ этого оффиціальнаго документа, образъ дѣйствій французскаго правительства относительно Московскаго посольства былъ въ нѣкоторой степени произвольнымъ и даже непослѣдовательнымъ. Въ одно и то же время Долгорукому отказывали во второй аудіенціи у короля, и при извѣстныхъ условіяхъ, все-таки обѣщали ему исполнить его желаніе, лишь бы онъ согласился на удаленіе въ Сенъ-Дени, а эта перемѣна мѣстопребыванія русскаго посольства имѣла нѣкоторымъ образомъ характеръ высылки. Не ограничиваясь тѣмъ, французское правительство требовало отъ нихъ, чтобъ они еще старались вновь пріобрѣсти себѣ „милость" короля. Все это какъ-то не вяжется съ обыкновенными понятіями о правахъ пословъ вообще. Съ другой стороны, нельзя не признать бестактнымъ и поведеніе Долгорукаго, нарушавшаго правила французскаго законодательства относительно пошлинъ. Онъ долженъ былъ понимать, что уничтоженіе королевскихъ печатей повлечетъ за собою серіозныя непріятности. Такіе случаи происходили, впрочемъ, и прежде, напримѣръ, по случаю проѣзда чрезъ Францію Желябужскаго въ 1662 году. Повторявшіяся столкновенія русскихъ дипломатовъ съ таможенными чиновниками доказываютъ, что русскіе дипломаты не хотѣли признавать французскихъ законовъ. Что касается до личныхъ столкновеній между посольствомъ и французскими чиновниками, то не имѣемъ права сомнѣваться въ справедливости оффиціальнаго французскаго разказа. Случаи ссоръ и неистоваго поведе-

нія русскихъ дипломатовъ за границею въ XVII столѣтіи повторялись не рѣдко. Можно указать на цѣлый рядъ подобныхъ эпизодовъ изъ исторіи тогдашнихъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и западной Европой.

Французское правительство рѣзко порицало русскихъ дипломатовъ за то, что они, забывая свое достоинство, превращались въ торгашей. Но въ оправданіе Долгорукаго и его товарищей можно указать на тогдашній обычай русскихъ дипломатовъ вообще. Извѣстно (между прочимъ изъ „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній"), что русскіе дипломаты обыкновенно снабжались весьма незначительнымъ количествомъ наличныхъ денегъ, и что, находясь за границею, они нуждались въ деньгахъ и по необходимости должны были прибѣгать къ продажѣ товаровъ, которые возили за собою именно для этой цѣли. Эти товары были по преимуществу соболи и прочая мягкая рухлядь, также ревень и т. д. Все это становится вполнѣ понятнымъ, если взять во вниманіе, что въ Россіи въ то время преобладало натуральное хозяйство, въ противоположность къ денежному. Служившіе въ русскомъ войскѣ иностранцы получали жалованье не деньгами, а мѣхами, и потому они поневолѣ должны были для сбыта ихъ, пускаться въ торговлю. За границею же такой порядокъ вещей могъ казаться страннымъ и несовмѣстнымъ съ достоинствомъ сановника, занимающаго видное мѣсто.

Непріятное впечатлѣніе, произведенное Долгорукимъ, не скоро изгладилось. Сорокъ лѣтъ позже Ле-Дранъ, въ своей запискѣ о сношеніяхъ между Россіей и Франціей, замѣтилъ: „Посланники Московскаго царя въ 1688 г. (sic), явились скорѣе торгашами, домогающимися покрытія всѣхъ своихъ издержекъ и безпошлинной продажи своихъ товаровъ, чѣмъ посланниками, которымъ поручено вести какое нибудь государственное дѣло; потому они возбудили неудовольствіе, и король велѣлъ имъ объявить, что отнюдь не намѣренъ содержать на свой счетъ посланниковъ, которыхъ царь отправилъ къ нему, и что съ своей стороны онъ будетъ производить содержаніе отправляемымъ къ царю посланникамъ своимъ, и пр.".

Такимъ образомъ попытка князя Голицына сблизиться съ Франціей оказалась вполнѣ неудачною и даже повела къ непріятностямъ. И Франція должна была испытать нерасположеніе Россіи, оскорбленной неблагосклоннымъ пріемомъ, оказаннымъ Долгорукову. Когда, вскорѣ послѣ того, въ Россію прибыли два іезуита для проѣзда въ

Китай, Московское правительство не дозволило имъ ѣхать чрезъ русскія владѣнія.

Вскорѣ послѣ того, въ 1689 году, пріѣхалъ въ Россію Нёвиль, авторъ замѣчательнаго сочиненія „Relation nouvelle et curieuse de la Moscovie" (La Haye, 1699). Къ сожалѣнію, о его пребываніи въ Москвѣ мы знаемъ лишь изъ его сочиненія. Нёвиль считается обыкновенно французско-польскимъ дипломатическимъ агентомъ. О немъ не упоминается ни въ запискѣ Ле-Драна, ни въ документахъ, изданныхъ вообще въ XXXIV-мъ томѣ Сборника Историческаго Общества. Нельзя не желать, чтобы вопросъ о путешествіи Нёвиля и о его сочиненіи былъ подвергнутъ тщательному изслѣдованію. Можно думать, что онъ скорѣе былъ орудіемъ католической пропаганды. нежели представителемъ французскаго правительства.

Нёвиль былъ въ Москвѣ свидѣтелемъ государственнаго переворота 1689 года. Восхищаясь необычайными способностями и замѣчательнымъ образованіемъ князя В. В. Голицына, онъ не ожидалъ для Россіи хорошихъ результатовъ отъ побѣды, одержанной Петромъ надъ Софьею и ея ближайшимъ помощникомъ. Въ то время еще нельзя было предвидѣть громадное значеніе правленія царя-преобразователя. Петра еще не знали за границею. Не раньше какъ во время путешествія его въ 1697 и 1698 годахъ начало развиваться высокое понятіе о геніальности молодого государя. А вскорѣ послѣ его возвращенія въ Россію распространился слухъ о первыхъ попыткахъ реформъ въ Московскомъ государствѣ.

Съ паденія Софьи и Голицына до начала XVIII вѣка не было сдѣлано попытки сближенія между Россіей и Франціей. Петръ не любилъ Францію въ первое время своего царствованія. Во время своего перваго путешествія по западной Европѣ онъ не только не думалъ посѣтить Францію, но даже избѣгалъ, какъ напримѣръ, въ Голландіи, всякихъ сношеній съ французскими дипломатами. Во время этого путешествія Франція даже, какъ кажется, желала повредить Россіи. По крайней мѣрѣ Лефортъ, во время пребыванія въ Голландіи, жаловался на интриги французскихъ дипломатовъ, распускавшихъ слухъ, будто Русскіе, находящіеся за границею, нуждаются въ деньгахъ и проч. За то немногимъ позже во Франціи появилась мысль о вступленіи въ близкую дипломатическую связь съ Московскимъ государствомъ.

Нарвская битва 1700 г. поставила Россію въ весьма неловкое положеніе. Положеніе русскихъ дипломатовъ въ Гагѣ, Вѣнѣ и проч.

было чрезвычайно затруднительное. Въ то время ожидали дальнѣйшаго торжества Карла XII и еще бо́льшаго униженія Россіи. Тѣмъ болѣе достойна вниманія мысль французскаго правительства завести дипломатическія сношенія съ Петромъ въ 1701 году.

По случаю пребыванія Петра въ Биржахъ, въ февралѣ 1701 года, туда же, по порученію французскаго правительства, отправился дю-Геронъ, французскій посланникъ при дворѣ Польскаго короля. 28-го февраля дю-Геронъ имѣлъ аудіенцію у Петра, о которой въ запискѣ ле-Драна сказано слѣдующее: Царь, выразивъ ему свое высокое уваженіе къ особѣ короля и свое искреннее желаніе соединиться тѣснѣйшими узами дружбы съ Людовикомъ XIV, присовокупилъ, что онъ проникнутъ особымъ уваженіемъ къ геройскимъ доблестямъ его величества и всегда ставилъ себѣ его въ образецъ своей политики относительно управленія своимъ государствомъ (sic?); далѣе царь заявилъ, что нужно бы нѣсколько поумѣрить спѣсь Генеральныхъ Штатовъ, желающихъ стоять наравнѣ съ первѣйшими государями и вмѣшиваться во всѣ европейскія дѣла. Затѣмъ Петромъ было выражено желаніе заключить торговый договоръ съ Франціей и предоставить ей тѣ же выгоды, которыми до того пользовались въ Россіи Англія и Голландія и проч.

Во всемъ этомъ разказѣ замѣтно, что онъ составленъ исключительно по французскимъ, оффиціальнымъ источникамъ; поэтому нельзя считать его вполнѣ безпристрастнымъ. При всемъ томъ нельзя не считать вѣроятнымъ, что Петръ дѣйствительно въ то время желалъ сближенія съ Франціей, тѣмъ болѣе, что былъ весьма недоволенъ Голландіей. Изъ донесеній русскаго посланника въ Гагѣ Матвѣева мы знаемъ, что Генеральные Штаты, послѣ Нарвской битвы, относились къ Россіи весьма недружелюбно; имъ казалось нежелательнымъ развитіе силъ царя на Балтійскомъ морѣ. Поэтому царь легко могъ подумать о нѣкоторомъ сближеніи съ опаснѣйшимъ противникомъ Голландіи, Людовикомъ XIV.

Въ 1701 году однако, какъ кажется, не были приняты дальнѣйшія мѣры съ этою цѣлью. За то, какъ видно изъ донесеній дю-Герона, служившихъ источникомъ при составленіи записки ле-Драна, въ январѣ 1702 года Долгорукій, русскій посолъ въ Польшѣ, сообщилъ дю-Герону, что царь желаетъ войдти въ союзъ съ Людовикомъ XIV, при чемъ русскій дипломатъ горько жаловался на образъ дѣйствій прежнихъ союзниковъ Россіи — Англіи, Голландіи и Польши. Долгорукій объяснялъ дю-Герону, что Людовикъ XIV легко можетъ по-

дорвать торговлю Голландцевъ отнятіемъ у нихъ возможности сношеній съ Балтійскимъ моремъ. „Царь", говорилъ русскій дипломатъ,— „требуетъ только одного, чтобы король доставилъ ему возможность завладѣть какимъ нибудь портомъ при Балтійскомъ морѣ, способствуя тому, чтобы война противъ Швеціи продолжалась, и заставивъ Польскую республику принять въ ней участіе; лишь только онъ будетъ обладать такимъ портомъ, то вскорѣ построитъ столько кораблей, что въ непродолжительномъ времени одни только подданные его и короля будутъ производить торговлю въ Балтійскомъ морѣ, другіе же народы будутъ устранены".

Дю-Геронъ, впрочемъ, не ограничивался бесѣдами съ Долгорукимъ. Въ то время выступилъ на сцену, въ качествѣ русскаго дипломата, лифляндскій дворянинъ Паткуль; въ февралѣ 1702 года, онъ видѣлся съ дю-Герономъ и также старался выставить на видъ значительныя выгоды французско-русскаго союза, при чемъ, между прочимъ, замѣтилъ, что въ интересахъ короля было бы далеко не лишнимъ имѣть особаго представителя при царѣ.

Людовикъ XIV, по полученіи извѣстій объ этихъ переговорахъ, происходившихъ въ Варшавѣ, увѣдомилъ дю-Герона, что Паткуль извѣстенъ ему, какъ горячій сторонникъ императора, и что поэтому нужно дѣйствовать осторожно, не входить съ нимъ ни въ какія соглашенія и пр.

Какъ видно, не столько Людовикъ XIV, сколько Петръ желалъ союза между Россіей и Франціей. Въ августѣ 1702 года Паткуль опять появился въ Варшавѣ и чрезъ третье лицо сообщилъ дю-Герону, что царь искренно желаетъ заручиться дружбой Людовика XIV и можетъ быть полезенъ королю предоставленіемъ ему казаковъ для диверсіи въ Трансильваніи. Далѣе Паткуль далъ понять дю-Герон что положеніе дѣлъ въ Польшѣ предвѣщаетъ революцію; если бы королю было угодно этимъ воспользоваться, возведя на престолъ польскій принца своего дома, то онъ въ состояніи оказать ему большую услугу и устроить это дѣло. И Паткуль, какъ прежде Долгорукій, сильно жаловался на Польшу, Голландію, Англію, императора Леопольда и даже на Бранденбургскаго курфюрста. Наконецъ, Паткуль прибавилъ еще, что Петръ охотно отправилъ бы, если нужно, въ помощь королю—русскія войска въ Италію, что онъ былъ бы въ состояніи дать Людовику XIV денегъ взаймы и проч.

Все это можетъ служить свидѣтельствомъ раздраженія Петра противъ своихъ союзниковъ и желанія его достигнуть во что бы то ни

стало желанной цѣли — занятія какой-либо гавани на Балтійскомъ морѣ. Въ этихъ жалобахъ на Голландію, на Августа, Леопольда I и Фридриха III, а также въ этихъ нѣсколько легкомысленныхъ и почти наивныхъ обѣщаніяхъ доставить Франціи и войско, и даже деньги, замѣтно характеризующіе ту эпоху дипломатическіе пріемы, не гнушавшіеся никакими средствами для достиженія извѣстной цѣли. Достойнымъ представителемъ такого образа дѣйствія въ области дипломатіи былъ Паткуль.

Людовикъ XIV ко всему этому отнесся лишь хладнокровно. Дю-Геронъ на всѣ сдѣланныя предложенія Паткуля отвѣчалъ въ общихъ выраженіяхъ, ничѣмъ не связывая себя и даже указывая на нѣкоторыя затрудненія, которыхъ можно было ожидать при осуществленіи предложеній Московскаго правительства. При всемъ томъ, однако, дю-Геронъ далъ знать Паткулю, что Людовикъ XIV намѣренъ отправить въ Москву, для веденія переговоровъ о заключеніи союзнаго трактата, особаго посланника.

Очевидно, Петръ все болѣе и болѣе сталъ обращать на себя вниманіе французскаго правительства, получавшаго разныя извѣстія о преобразованіяхъ царя и о его дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Чѣмъ болѣе онъ успѣвалъ въ своихъ смѣлыхъ предначертаніяхъ, тѣмъ скорѣе Франція могла желать союза съ нимъ.

На этотъ счетъ особеннаго вниманія заслуживаетъ записка Бойссена „о преобразованіяхъ Московскаго царя" (1702 г.). Этотъ документъ, составленный, какъ кажется, нарочно для французскаго правительства, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно любопытныя данныя о слухахъ, ходившихъ въ то время о Петрѣ Великомъ. До сихъ поръ онъ былъ совершенно неизвѣстенъ и впервые напечатанъ въ XXXIV томѣ Сборника. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, къ кому именно авторъ этого письма обращается въ своей запискѣ. Въ заключеніи упомянуто о какомъ-то „monsieur du H.". Мы едва ли ошибемся, предположивъ тутъ дю-Герона. Характеръ и содержаніе этого письма напоминаетъ донесенія къ императору Леопольду Плейера, въ то время проживавшаго въ Москвѣ и также зорко слѣдившаго за важными перемѣнами, происходившими въ Россіи. Какъ видно изъ письма Бойссена, отъ дѣйствій Петра ожидали чрезвычайно важныхъ результатовъ. Бойссенъ пишетъ, между прочимъ: „Царь рѣшился ввести въ своемъ государствѣ всѣ хорошіе порядки и законы, которые онъ, какъ второй Улиссъ, видѣлъ и наблюдалъ во время своего путешествія по большей части Европы. Онъ хочетъ: 1) Устроить по образцу прочихъ ино-

странныхъ дворовъ дворъ и домъ царевича, своего сына, который скоро долженъ будетъ отправиться путешествовать подъ надзоромъ опытныхъ наставниковъ, учителей и офицеровъ. 2) Привести въ лучшее состояніе войско, пригласивъ къ себѣ на службу иностранныхъ генераловъ и офицеровъ и купивъ, если будетъ можно, нѣсколько иностранныхъ полковъ. Онъ даетъ военнымъ офицерамъ натурою то же жалованье, которое король Польскій даетъ своимъ германскими талерами. Кромѣ того, каждый полковникъ получитъ еще помѣстья. Гостинницы для проѣзжающихъ, зимнія квартиры и помѣщенія для инвалидовъ будутъ въ порядкѣ; припасы тамъ на половину дешевле, чѣмъ въ Германіи. 3) Учредить полицію посредствомъ хорошихъ законовъ, указовъ и уставовъ, которые онъ намѣренъ ввести и обнародовать относительно полиціи, правъ наслѣдства и прочаго гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. 4) Поощрять развитіе торговли на морѣ и на сушѣ, предоставляя .... и даже выдавая впередъ деньги иностраннымъ купцамъ, которые пожелаютъ основаться въ его государствѣ. 5) Ввести ученіе и занятія въ университетахъ, академіяхъ и прочихъ училищахъ. 6) Привлечь въ свое государство художниковъ и ремесленниковъ: живописцевъ, архитекторовъ, граверовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, учителей танцевъ и другихъ искусствъ, шляпниковъ, вязальщиковъ чулокъ нитяныхъ и шелковыхъ, ткачей, садовниковъ, словомъ, всякаго рода людей, свѣдущихъ въ ремеслахъ и фабричномъ дѣлѣ. Онъ повелѣлъ содержать ихъ на его счетъ во время пути по его государству и хорошо ихъ принимать, и предоставляетъ каждому изъ нихъ свободу совѣсти, большое жалованье и другія выгоды. 7) Преобразовать канцеляріи и установить придворныя церемоніи для пословъ, князей, графовъ, дворянъ и кавалеровъ орденовъ, которые онъ хочетъ учредить по примѣру другихъ государей. 8) Вступать въ союзъ съ иностранными державами, дабы имѣть большое участіе въ общественныхъ дѣлахъ Европы. Наконецъ его величество царь, какъ монархъ просвѣщенный и заботливый отецъ отечества, дѣлаетъ все, что можетъ, какъ и для того, чтобы прославиться, такъ и для того, чтобы образовать свой народъ и населить свое государство. Весьма много лицъ уже отправилось туда, особенно художниковъ изъ Богеміи, которые почти понимаютъ московскій языкъ, и за ними скоро послѣдуетъ съ разныхъ сторонъ значительное число Французовъ и Голландцевъ. Увѣряютъ, что его императорское величество весьма желаетъ союза съ его величествомъ царемъ. Даже говорятъ, что, быть можетъ, состоится бракъ между молодымъ царе-

вичемъ и австрійскою эрцгерцогинею, и что къ веснѣ императоръ отправитъ посланника къ московскому двору. Папа надѣется, что при этомъ случаѣ можно будетъ наконецъ соединить греческую церковь съ церковью латинскою, къ чему нѣсколько разъ были дѣлаемы тщетныя попытки, особенно на Флорентинскомъ соборѣ. Говорятъ, что Пиньятелли, нунцій въ Польшѣ, долженъ въ томъ же званіи отправиться въ Московію; но это еще требуетъ подтвержденія. Впрочемъ, относительно нашего московскаго дѣла позвольте мнѣ сослаться на мое предыдущее письмо, при чемъ покорнѣйше прошу васъ отвѣчать мнѣ нѣсколькими словами на имя лицъ, которыхъ г. дю-Г. вамъ укажетъ" и пр. [1]).

Къ 1703 году относится пребываніе въ Москвѣ французскаго дипломатическаго агента Балюза. Объ этомъ фактѣ были извѣстны понынѣ лишь немногія данныя, заимствованныя Соловьевымъ изъ Московскаго архива, и нѣкоторыя довольно любопытныя замѣчанія въ донесеніяхъ австрійскаго дипломатическаго агента Плейера, находящихся въ Вѣнскомъ архивѣ и изданныхъ Устряловымъ. Тѣмъ важнѣе оказывается цѣлый рядъ документовъ, относящихся къ дипломатической дѣятельности Балюза въ Россіи и помѣщенныхъ въ XXXIV-мъ томѣ Сборника Историческаго Общества.

Извѣстія, полученныя Людовикомъ XIV отъ дю-Герона, побудили французское правительство отправить въ Москву посланника съ цѣлью узнать точно, на сколько можно было считать вполнѣ искренними заявленія Петра о его готовности сблизиться съ Франціей. Этотъ посланникъ Балюзъ (Baluze), до отъѣзда въ Москву долженъ былъ въ Варшавѣ получить отъ дю-Герона всѣ свѣдѣнія, необходимыя для успѣха его миссіи. Къ тому же ему была дана инструкція, уполномочивавшая его заключить договоръ о вѣчномъ союзѣ. Этотъ документъ цѣликомъ напечатанъ въ Сборникѣ.

Тутъ прежде всего говорится о неоднократно выраженной царемъ готовности вступить въ близкія сношенія съ Франціей, при чемъ однако прибавлено, что „успѣхъ предложеній самъ по себѣ кажется сомнительнымъ, и предлагающій ихъ можетъ казаться подозрительнымъ". Балюзу было вмѣнено въ обязанность обратить вниманіе царя на коварство императора, курфюрста Бранденбургскаго, Англіи

---

[1]) Къ сожалѣнію, издатели этихъ документовъ не касаются вопроса о томъ, къ кому писано это донесеніе. Не нашлось ли въ архивѣ и то «предыдущее письмо», о которомъ говоритъ авторъ этого донесенія.

и Голландіи, на недобросовѣстность образа дѣйствій этихъ державъ въ отношеніи къ Московскому государству съ тѣхъ поръ, какъ началась Сѣверная война. За то Балюзъ долженъ былъ увѣрить Петра въ томъ, что „во всей Европѣ извѣстно вниманіе его величества (Людовика XIV) къ выгодамъ своихъ союзниковъ, и если царь когда-либо будетъ въ ихъ числѣ, то онъ испытаетъ пользу этого". Затѣмъ Балюзъ, въ случаѣ успѣха своихъ дѣйствій, долженъ былъ требовать, вопервыхъ, чтобы царь сдѣлалъ диверсію въ Трансильваніи, при помощи казаковъ, а вовторыхъ, чтобъ онъ ссудилъ королю деньги. Балюзъ долженъ былъ совѣтовать Петру заключить какъ можно скорѣе миръ со Швеціей, при чемъ король былъ готовъ принять на себя посредничество. Наконецъ, Балюзъ долженъ былъ предложить заключеніе торговаго договора. Достойно вниманія окончаніе инструкціи, свидѣтельствующее о томъ, въ какой степени мало извѣстна была въ то время Россія, и въ какой мѣрѣ именно въ эти годы усиливалось на Западѣ желаніе узнать подробнѣе о ея состояніи. „Ему (Балюзу) слѣдуетъ точно извѣстить его величество о качествахъ ума великаго князя Московскаго, объ образѣ его управленія, о власти, которую онъ имѣетъ надъ своими подданными, о его силахъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, о его стараніи къ ихъ увеличенію, о его доходахъ, о его семьѣ, о торговлѣ и о способностяхъ его подданныхъ, о значеніи, сохраняемомъ вельможами этой страны, и объ ихъ расположеніи къ царю. Г. Балюзъ извѣститъ его величество, представляется ли ему эта страна спокойною, или же думаютъ, что она можетъ быть подвержена новымъ смутамъ. Наконецъ, онъ долженъ дать точный отчетъ обо всемъ достойномъ вниманія его величества въ странѣ столь отдаленной, съ которою до сихъ поръ его величество имѣлъ такъ мало сношеній. — Также необходимо, чтобъ онъ освѣдомился о дѣйствительномъ протяженіи владѣній царя, о ихъ границахъ къ востоку, о войнахъ, которыя тамъ могутъ происходить, и о торговлѣ этого государства съ Индіею".

Инструкція Балюзу помѣчена 28-мъ сентября 1702 г. Онъ выѣхалъ изъ Варшавы 8-го декабря въ качествѣ чрезвычайнаго французскаго посланника, но въ Москву пріѣхалъ лишь 24-го марта 1703 г. Къ сожалѣнію, первыя донесенія его къ королю, отправленныя изъ Россіи, не были получены королемъ и могутъ считаться невозвратно потерянными. Первая депеша Балюза, напечатанная въ XXXIV т. Сборника, помѣчена 3-мъ октября 1703 г. Тутъ онъ

вкратцѣ повторяетъ содержаніе прежнихъ своихъ донесеній, о которыхъ узналъ, что они не дошли по назначенію.

Какъ видно изъ этого донесенія, пріемъ, оказанный Балюзу въ Москвѣ, не отличался радушіемъ и предупредительностью. Французскому дипломату было отказано въ требуемой имъ публичной аудіенціи. Когда онъ согласился удовольствоваться, такъ-сказать, частною аудіенціей, ему отказывали сначала въ особомъ и роскошномъ экипажѣ, требуя, чтобъ онъ поѣхалъ въ саняхъ Головина къ послѣднему, у котораго и долженъ былъ встрѣтиться съ царемъ. „Настоятельность моихъ требованій", пишетъ Балюзъ „продолжавшихся два часа, заставила подать мнѣ большія золоченыя сани, обитыя бархатомъ, заложенныя сѣрыми въ яблокахъ лошадьми и покрытыя изъ малиноваго бархата на соболѣ полостью съ золотою бахрамой" и пр. Затѣмъ, и словесно и письменно было объявлено Балюзу, что пріемъ его безъ церемоній нисколько не повредитъ на будущее время равенству, которое царь желаетъ ввести при пріемѣ и въ содержаніи французскаго и Вѣнскаго пословъ.

Быть можетъ, такая безцеремонность пріема объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что Петръ, тотчасъ же послѣ аудіенціи, долженъ былъ ѣхать къ арміи. Какъ бы то ни было, нѣсколько неудачное начало пребыванія Балюза въ Россіи не можетъ считаться дѣломъ случая. Плейеръ, весьма недовольный пріѣздомъ французскаго дипломата въ Москву, былъ очень радъ чрезвычайно скромной, чуть ли не жалкой роли, которую игралъ Балюзъ. Его нигдѣ не видѣли, не замѣчали. Онъ оставался на заднемъ планѣ, жилъ въ Москвѣ какъ бы въ качествѣ частнаго лица и нисколько не успѣвалъ въ порученномъ ему дѣлѣ. И изъ краткихъ замѣчаній въ „Исторіи Россіи" Соловьева и изъ донесеній Балюза видно, что русское правительство вовсе не желало брать на себя какія-либо обязательства предъ Франціей. Въ противоположность къ обѣщаніямъ, сдѣланнымъ со стороны русскихъ дипломатовъ дю-Герону въ 1702 году, Головинъ объявилъ Балюзу, что царь не можетъ „отнять торговлю" у Голландцевъ и Англичанъ, не нанеся тѣмъ вреда своимъ подданнымъ и доходамъ.

При краткомъ воспроизведеніи содержанія другихъ своихъ донесеній, не полученныхъ королемъ, Балюзъ говоритъ о необходимости поднести царю какой-либо подарокъ, жалуется на дороговизну въ Москвѣ всѣхъ предметовъ роскоши, намекаетъ на выгоду назначенія какихъ-либо подарковъ Меншикову и Головину, сообщаетъ нѣкоторыя данныя о состояніи католической церкви въ Москвѣ и пр. Изъ

другихъ замѣчаній, сдѣланныхъ въ донесеніяхъ Балюза, достойны вниманія, между прочимъ, слѣдующія: „Царь остался бы очень доволенъ, если бы я могъ поднести ему въ подарокъ рисунки нѣкоторыхъ самыхъ главныхъ кораблей флота вашего величества, съ опредѣленіемъ ихъ величины, размѣровъ, вмѣстительности и количества пушекъ, а также рисунки галеръ и галіотовъ, вооруженныхъ мортирами". О Паткулѣ, называемомъ въ депешахъ Балюза не иначе, какъ „Pasgu", сказано, „Онъ высказывалъ мнѣ, что былъ бы весьма доволенъ доказать вашему величеству свое усердіе къ вашей службѣ, считая это вполнѣ совмѣстнымъ со службой царю, своему государю, если бы вамъ угодно было употребить его при заключеніи мира между этимъ государствомъ и Швеціей, въ случаѣ принятія вашимъ величествомъ посредничества въ этомъ дѣлѣ. Онъ, кажется, желалъ бы составить третій союзъ, въ которомъ бы участвовали царь и король датскій и польскій, и не сомнѣвается въ томъ, что дворъ этотъ согласится на посредничество вашего величества, если только оно будетъ принято и королемъ шведскимъ" и пр. Какъ видно, Паткуль и въ бесѣдахъ съ Балюзомъ оставался вѣренъ своему характеру дипломата-авантюриста, постоянно занятаго составленіемъ новыхъ и смѣлыхъ проектовъ, и искавшаго все новыхъ и новыхъ комбинацій для поддержанія своихъ интересовъ, не всегда и даже лишь въ видѣ исключенія совпадавшихъ съ выгодами тѣхъ государей, въ службѣ которыхъ онъ находился.

Людовикъ XIV былъ недоволенъ холодностью русскаго правительства въ обращеніи съ Балюзомъ. Пробывъ около года въ Москвѣ, французскій дипломатъ не достигъ тамъ ни малѣйшаго успѣха; переговоры его съ Головинымъ ограничивались, какъ кажется, общими фразами. Со стороны Россіи было высказано желаніе, чтобы Балюзъ объяснилъ сперва точнѣе намѣренія короля, между тѣмъ какъ Франція требовала, чтобы русское правительство прежде всего заявило о своихъ желаніяхъ. Такимъ образомъ обѣ стороны мѣшали успѣху дѣла, очевидно не считавшагося ни Петромъ, ни Людовикомъ особенно важнымъ. Уже лѣтомъ 1703 года, король въ письмѣ къ Балюзу замѣтилъ: „Такъ какъ, посылая васъ, мое намѣреніе было отвѣчать на готовность, выказанную царемъ для вступленія въ сношенія со мною, а между тѣмъ я не вижу, чтобы онъ оставался въ томъ же расположеніи, совершенно было бы безполезно ваше дальнѣйшее пребываніе въ Москвѣ. Также ничто не обязываетъ васъ сопровождать этого государя при отъѣздѣ его въ армію,

а потому мое желаніе заключается въ томъ, чтобы вы не теряли времени для возвращенія въ Польшу" и пр.

Маркизъ Торси писалъ Балюзу 5-го октября, повторяя приказаніе о скорѣйшемъ возвращеніи въ Варшаву. Однако, такого рода приказанія, очевидно, приводились въ исполненіе въ то время чрезвычайно медленно. Въ началѣ 1704 года Балюзъ все еще находился въ Москвѣ, и маркизъ Торси, въ письмѣ отъ 3-го января, еще разъ повторилъ прежнее приказаніе Балюзу ѣхать въ Польшу.

Въ запискѣ, составленной Балюзомъ въ Варшавѣ и помѣченной 29-мъ августа 1704 г., мы встрѣчаемъ объясненіе тому, отчего Балюзъ медлилъ выѣздомъ изъ Россіи. Тутъ сказано между прочимъ: „По возвращеніи царя въ Москву въ ноябрѣ, Головинъ тотчасъ же навѣстилъ меня, чтобы узнать, не получилъ ли я какихъ-либо повелѣній отъ вашего величества. Онъ былъ крайне удивленъ, когда я сказалъ ему, что такъ какъ царь не хотѣлъ меня удостоить предложеніемъ условій союзнаго трактата, то это дало вашему величеству поводъ предполагать, что мысли царя измѣнились, и потому ваше величество повелѣли мнѣ испросить прощальную аудіенцію и возвратиться въ Польшу. Вслѣдъ затѣмъ я просилъ его устроить мой отъѣздъ по возможности скорѣе. Министръ этотъ, повидимому, старался скрыть смущеніе, въ которое привелъ его мой отвѣтъ, и спросилъ меня: не могу ли я отложить своего выѣзда до возвращенія курьера, котораго царь пошлетъ во Францію; я отвѣчалъ, что это не въ моей власти.... каждый день отыскивали какую-нибудь причину отложить мой отъѣздъ, между тѣмъ какъ самое удобное время для путешествія проходило... Наконецъ придумали прислать мнѣ записку, въ которой было выражено желаніе царя, чтобы я остался еще на нѣкоторое время при его дворѣ для занятія дѣлами, весьма полезными для обоихъ государствъ... Многократныя и настойчивыя требованія мои наконецъ подѣйствовали" и пр. Прощальная аудіенція происходила также въ квартирѣ Головина; при этомъ царь пилъ за здоровье Людовика XIV, и Головинъ и Балюзъ выразили надежду, что въ будущемъ государи заключатъ между собою дружественный союзъ.

Такимъ образомъ окончилось въ сущности совершенно безполезное пребываніе Балюза въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что пока ни Франція, ни даже Россія не видѣли пользы въ сближеніи другъ съ другомъ. До Полтавской битвы Россія не пользовалась уваженіемъ въ

Европѣ. Тогда еще нельзя было предвидѣть, что скоро она займетъ мѣсто первоклассной державы.

Безплодному пребыванію Балюза въ Москвѣ въ 1703 году соотвѣтствовало столько же безуспѣшное путешествіе Матвѣева во Францію въ 1705 году.

Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ дипломатовъ того времени. До отправленія во Францію онъ уже нѣсколько лѣтъ провелъ въ Голландіи въ качествѣ русскаго посланника. Въ то время, когда Петръ, занявъ Дерптъ и Нарву, Шлюссельбургъ и Ніеншанцъ и заложивъ Петербургъ, мечталъ о заключеніи мира съ Карломъ XII, Россія нуждалась въ посредничествѣ одной изъ западно-европейскихъ державъ. Всѣ попытки склонить императора, Голландію, Англію и пр. къ обезпеченію интересовъ Россіи оказывались тщетными. За то естественно возникала мысль о возобновленіи сношеній съ Франціей. Къ тому же во Франціи въ то время находилось уже съ цѣлью ученія морскому дѣлу нѣкоторое число Русскихъ; въ Парижѣ жилъ тогда какъ бы политическимъ наблюдателемъ Постниковъ. Изъ переговоровъ съ дю-Герономъ и Балюзомъ, мы видѣли уже, что Петръ сильнѣе, чѣмъ Людовикъ XIV, желалъ сближенія между обоими государствами. Поэтому нельзя удивляться появленію мысли объ отправленіи Матвѣева въ Парижъ.

О частностяхъ пребыванія Матвѣева во Франціи мы знали пока главнымъ образомъ по двумъ источникамъ. Весьма замѣчательнымъ памятникомъ въ этомъ отношеніи служили путевыя замѣтки самого Матвѣева, напечатанныя въ извлеченіи П. П. Пекарскимъ (Современникъ 1856 г., II, 39—66). Изъ этихъ записокъ мы узнаемъ, какое глубокое впечатлѣніе произвели французскіе нравы и обычаи на Андрея Артамоновича, въ какой мѣрѣ общественный строй, утонченность пріемовъ общежитія, роскошь и прелесть салонной жизни сдѣлались школою для русскаго дипломата-туриста. О политическихъ дѣлахъ, о ходѣ переговоровъ Матвѣева съ французскимъ правительствомъ, въ этихъ запискахъ не говорится ни слова. По этому вопросу весьма важныя данныя встрѣчаются въ „Исторіи Россіи" Соловьева, воспользовавшагося документами Московскаго архива. Понятно, что изданные нынѣ документы изъ французскихъ архивовъ значительно дополняютъ наши свѣдѣнія о ходѣ дипломатической миссіи Матвѣева въ Парижѣ.

Спеціальною задачею Матвѣева при отправленіи въ Парижъ было

требованіе возвращенія нѣкоторыхъ русскихъ кораблей, взятыхъ французскими каперами. Эта цѣль не была достигнута. Французское правительство объявило, что не можетъ исполнить желанія царя. По пріѣздѣ въ Парижъ Матвѣевъ въ подробномъ меморіалѣ изложилъ все дѣло относительно взятыхъ кораблей, при чемъ указалъ на увѣренія французскаго правительства въ расположеніи къ Россіи и въ склонности къ заключенію союзнаго договора. Этотъ меморіалъ помѣченъ 19-мъ ноября 1705 г. и цѣликомъ напечатанъ въ XXXIV томѣ Сборника. Какъ на этотъ эпизодъ смотрѣло французское правительство, мы узнаемъ изъ письма Поншартрена къ де-Торси отъ 25-го ноября. Указывая на нѣкоторыя частности факта, оправдывавшія образъ дѣйствій французскихъ каперовъ, Поншартренъ замѣчаетъ: „Такъ какъ эти корабли проданы и вырученныя за нихъ деньги давно раздѣлены между частными каперами, то, хотя бы настоящее требованіе и было болѣе справедливо, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности, весьма трудно, чтобы не сказать болѣе, обратно получить отъ нихъ эти деньги". Матвѣевъ былъ весьма недоволенъ французскими сановниками, съ которыми имѣлъ дѣло, и жаловался на нихъ въ своихъ донесеніяхъ царю Петру. Самъ же онъ въ Парижѣ произвелъ довольно благопріятное впечатлѣніе. Д' Ибервиль, послѣ двухчасоваго разговора съ Матвѣевымъ, писалъ 14-го ноября 1705 г. „Я нашелъ въ этомъ посланникѣ гораздо болѣе ума, знанія европейскихъ дѣлъ и вѣжливости, чѣмъ того ожидалъ... онъ уже понимаетъ французскій языкъ, когда читаетъ, и собирается провести во Франціи довольно много времени, чтобы научиться говорить".

Изъ этого письма мы узнаемъ, между прочимъ, что во Франціи въ то время были убѣждены въ ненависти Петра ко Франціи. Стараясь разсѣять такія предубѣжденія, Матвѣевъ замѣтилъ, что если бы при дворѣ французскомъ и при дворѣ московскомъ находились бы уполномоченные министры съ той или другой стороны, то не впали бы въ ошибку, которая повредила выгодамъ обѣихъ державъ. Въ бесѣдѣ Матвѣева съ д'Ибервилемъ была рѣчь о „предосудительномъ поведеніи и гнусномъ корыстолюбіи нѣкоторыхъ московскихъ пословъ или посланниковъ". Матвѣевъ охотно выслушалъ нѣкоторыя подробности, очевидно, относившіяся къ пребыванію во Франціи Долгорукаго и его товарищей въ 1687 году, и замѣтилъ, что этихъ лицъ строго накажутъ. Въ доказательство расположенія Петра къ Франціи Матвѣевъ указалъ на два обстоятельства: вопервыхъ, когда онъ былъ

въ Голландіи посланникомъ, то при проѣздѣ эрцгерцога [1]) онъ, по особому повелѣнію своего государя, уклонялся отъ свиданія съ нимъ и отъ признанія его Испанскимъ королемъ, не смотря на убѣдительныя о томъ просьбы, и даже зашелъ такъ далеко, что нарочно постарался встрѣтиться съ нимъ на улицѣ, прошелъ мимо него, не останавливаясь, и только поклонился ему, снявъ шляпу; вовторыхъ, послѣ объявленія войны [2]) онъ, по особому повелѣнію, сообщилъ королю Вильгельму, что царь хочетъ остаться нейтральнымъ; затѣмъ Матвѣевъ сказалъ д'Ибервилю, что французскія вина очень цѣнятся въ Московіи, и что тамъ ихъ потребляется много и пр.

Изъ другихъ сообщеній, сдѣланныхъ Матвѣевымъ д'Ибервилю, достойны вниманія слѣдующія: Онъ отзывался съ большимъ презрѣніемъ о покойномъ генералѣ Лефортѣ и называлъ его пьяницей, не имѣвшимъ другого достоинства, кромѣ того, что хорошо пилъ, и тѣмъ не менѣе, однако, любимымъ его государемъ, не смотря на всѣ свои недостатки, потому что всегда былъ къ нему очень привязанъ. Разказывая нѣкоторыя подробности изъ жизни своего отца, Матвѣевъ замѣтилъ, что отецъ его пользовался довѣренностью Петра, „потому что царь сынъ благородной дѣвицы, пріемной дочери по обычаю ихъ страны его покойнаго отца, на которой царь Алексѣй, уже будучи не молодъ, женился за рѣдкія ея качества“.

Въ своей запискѣ объ отношеніяхъ Франціи къ Россіи, составленной въ 1726 году, ле-Дранъ замѣчаетъ о пребываніи въ Парижѣ Матвѣева, что Людовикъ XIV поручилъ вести переговоры съ нимъ совѣтнику д'Агюссо, но что возгорѣвшаяся, еще въ началѣ столѣтія, во всѣхъ частяхъ Европы война до того шла въ разладъ съ интересами обѣихъ сторонъ, что до заключенія мира нельзя было думать о сближеніи между Россіей и Франціей. Такимъ образомъ пребываніе Матвѣева во Франціи кончилось лишь тѣмъ, что русскій дипломатъ взялъ съ собою письмо короля Людовика къ царю Петру, въ которомъ первый въ общихъ терминахъ говорилъ о своемъ расположеніи къ Россіи. Воспроизводя довольно подробно содержаніе ноты де-Торси, въ которой говорилось объ условіяхъ морского сообщенія между Россіей и Франціей, ле-Дранъ замѣчаетъ: „Людовикъ XIV не счелъ тогда нужнымъ принимать на себя бо̀льшихъ обязательствъ относительно царя, такъ какъ Русскіе въ то время не обладали еще

[1]) Карла, впослѣдствіи императора Карла VI.
[2]) За Испанское наслѣдство.

ни одной гаванью при Балтійскомъ морѣ, и Архангельскій портъ служилъ для Французовъ единственнымъ морскимъ путемъ въ ихъ страну".

Въ 1705 году нельзя было утверждать навѣрное, что Россія не имѣла гавани на Балтійскомъ морѣ, такъ какъ уже въ 1703 году былъ заложенъ Петербургъ, а въ слѣдующемъ была взята Нарва. Но дѣло въ томъ, что на Западѣ до окончательной развязки подъ Полтавою не считали прочными успѣхи русскаго оружія. Все это измѣнилось въ 1709 году, и тогда Франція возобновила прежнія старанія сблизиться съ Петромъ.

Ле-Дранъ пишетъ: „Однимъ изъ послѣдствій одержанной царемъ, въ іюлѣ 1709 г., Полтавской побѣды надъ Шведами, было полное подчиненіе его власти Ингріи, Ливоніи и Кареліи. Повидимому, царь хотѣлъ воспользоваться этими новыми пріобрѣтеніями при Балтійскомъ морѣ, чтобы въ короткое время создать значительный флотъ и отовсюду привлечь чужеземныхъ купцовъ къ портамъ этихъ земель; онъ повелъ это дѣло съ такимъ усердіемъ, что вскорѣ достигъ цѣли: возрастающее его могущество обратило на себя вниманіе Европы, и Людовикъ XIV пришелъ къ убѣжденію, что при такомъ положеніи дѣлъ не слѣдовало пренебрегать союзомъ съ этимъ государемъ, власть котораго усиливалась съ каждымъ днемъ. Его Величеству было извѣстно, что, не смотря на полную побѣду, одержанную царемъ надъ Шведами, онъ былъ бы не прочь заключить миръ съ Шведскимъ королемъ Карломъ XII, геній котораго, не пошатнувшійся подъ ударомъ бѣдствій, могъ сильно озабочивать своихъ враговъ; а также и Шведскій король съ своей стороны передалъ г. Дезаллёру, при проѣздѣ его чрезъ Бендеры въ Константинополь, куда онъ отправился въ качествѣ посланника при Оттоманской Портѣ, что его величество доставитъ ему живѣйшее удовольствіе, способствуя заключенію мира между имъ и царемъ. Примиреніе обоихъ государей могло бы быть весьма выгодно для Франціи, если бы вслѣдъ затѣмъ они стали дружно дѣйствовать въ пользу всеобщаго мира, заключеніе котораго составляло завѣтную цѣль, къ которой стремился король. Его величество воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы отправить, въ 1710 г., отъ себя министра къ русскому царю. На этотъ постъ былъ назначенъ г. Балюзъ, бывшій уже въ 1703 г. чрезвычайнымъ посланникомъ въ Москвѣ и теперь снова удостоившійся этой чести".

Чрезвычайно любопытна слѣдующая оцѣнка значенія Россіи послѣ Полтавской битвы въ „Запискѣ о предполагаемыхъ переговорахъ

для пользы службы короля", составленной въ 1710 году. Тутъ сказано въ введеніи: „Царь совершилъ завоеванія, доставившія ему владычество надъ Балтійскимъ моремъ, а положеніе этихъ земель такъ облегчаетъ оборону ихъ для Московскаго государства, что всѣ сосѣднія державы не въ состояніи принудить его къ возвращенію ихъ Швеціи. Царь выказываетъ свое честолюбіе стараніемъ пріученія своихъ войскъ къ войнѣ и къ дисциплинѣ, обученіемъ и просвѣщеніемъ своего народа, привлеченіемъ къ себѣ иностранныхъ офицеровъ и всякаго рода свѣдущихъ людей. Подобный образъ дѣйствій и возрастаніе его могущества, самаго величайшаго во всей Европѣ, дѣлаютъ его грознымъ для его сосѣдей, и возбуждаютъ при этомъ весьма основательную зависть въ императорѣ и въ морскихъ державахъ; его земли обильно доставляютъ все нужное для мореплаванія; его гавани могутъ вмѣщать безконечное множество кораблей. Ему желательно, чтобъ его подданные торговали во всей Европѣ, что вовсе не согласно съ интересами Англіи и Голландіи, желающихъ оставаться поставщиками товаровъ всѣхъ народовъ и вести однимъ всемірную торговлю". „Эти обстоятельства", сказано далѣе, „заставляютъ короля возобновить дипломатическія сношенія съ Московскимъ государствомъ, предложить царю заключеніе торговаго договора и посредничество для возстановленія мира между царемъ и Швеціею". Достойно вниманія и заключеніе записки: „Если царь станетъ жаловаться на наше пренебреженіе къ нему и на то, что его послы во Франціи испытали обиды, можно ему отвѣтить, что Московское государство хорошо узнали лишь съ тѣхъ поръ, какъ государь, нынѣ тамъ царствующій, своими великими дѣлами и личными качествами пріобрѣлъ себѣ уваженіе другихъ народовъ, и побуждаемый его доброю славою, его христіаннѣйшее величество чистосердечно предлагаетъ ему свою дружбу. Кардиналъ Ришелье отклонилъ Густава-Адольфа отъ завоеванія Ливоніи, для униженія могущества австрійскаго дома; было бы весьма важно въ настоящемъ положеніи дѣлъ отклонить царя отъ завоеванія тѣхъ же областей для той же цѣли". Во второй запискѣ по тому же предмету (стр. 422 — 424) еще подробнѣе указано на условія чрезвычайнаго могущества Московскаго царя; авторъ приходитъ къ заключенію, что „царю нечего бояться со стороны Швеціи и ея союзниковъ, что король Августъ утвердится въ Польшѣ съ помощью этого государя и что оба государства вмѣстѣ смогутъ поддержать недовольныхъ въ Венгріи и причинить много тревогъ императору". Затѣмъ говорится, что нужно предложить царю

принять посредничество Франціи для мира, а въ случаѣ отказа со стороны враговъ стать во главѣ лиги, которую можно составить на сѣверѣ; далѣе сказано, что не мѣшаетъ польстить царю, великіе планы котораго извѣстны, предложивъ ему услуги короля для полученія согласія отъ султана на проходъ его кораблей въ Средиземное море изъ Чернаго и проч.

Какъ видно, всѣ эти соображенія были результатомъ Полтавской битвы. Обѣ записки составлены были уже въ 1710 году. Лѣтомъ этого же года была написана инструкція Балюзу (24-го іюля 1710 г.). Содержаніе этого документа слѣдующее: Можно разчитывать на готовность Швеціи и Россіи принять посредничество для заключенія мира между обѣими державами, при чемъ можно надѣяться на содѣйствіе въ будущемъ царя и Карла XII при заключеніи общаго мира, пользуясь раздраженіемъ царя по поводу образа дѣйствій Англіи, Голландіи и императора. Балюзъ долженъ узнать, на какія обязательства въ отношеніи къ Франціи согласится царь. Въ заключеніе говорится подробно объ образѣ дѣйствій противниковъ Людовика XIV по случаю начавшихся не задолго до того переговоровъ о мирѣ, а также о возможности склонить царя къ доставленію Баварскому курфюрсту войска и денегъ, необходимыхъ для веденія войны въ Венгріи. Балюзъ долженъ навести царя на мысль посадить царевича Алексѣя на венгерскій престолъ. Во всякомъ случаѣ нужно уговорить Петра назначить министра для отправленія его во Францію. Въ заключеніе Балюзу вмѣняется въ обязанность по возможности обращаться прямо къ царю, такъ какъ „Меншиковъ, какъ извѣстно, вполнѣ расположенъ ко врагамъ короля".

Во второй половинѣ 1710 года французское правительство зорко слѣдило за ходомъ дѣлъ на сѣверо-востокѣ Европы. Министръ Торси сообщалъ Балюзу, находившемуся въ то время въ Польшѣ, разныя извѣстія о состояніи дѣлъ въ Испаніи, о слухахъ относительно намѣренія Карла вскорѣ возвратиться въ Швецію и проч. Между тѣмъ случился разладъ между Россіей и Оттоманскою Портою. Въ своемъ письмѣ отъ 12-го февраля 1711 года Торси жалуется на то, что „враги Франціи ложно приписываютъ ей причины войны, которую Турки объявили Русскимъ", и обращаетъ вниманіе Балюза на то, что эта война скорѣе можетъ считаться результатомъ коварства Австріи. Въ февралѣ же и самъ король писалъ Балюзу, предписывая ему спѣшить свиданіемъ съ царемъ для разсѣянія слуха объ интригахъ Франціи въ Константинополѣ.

Вскорѣ послѣ этого скончался императоръ Іосифъ I. Торси писалъ по поводу этого случая 3-го мая 1711 года: „Это важное событіе дастъ дѣламъ совершенно новый оборотъ. Нечего думать болѣе Шведскому королю о веденіи теперь войны съ Московскимъ государствомъ, такъ какъ германскія дѣла должны его вполнѣ занимать, а слѣдовательно онъ долженъ желать найдти средства къ заключенію мира съ царемъ, выгоднаго какъ для того, такъ и для другого. Такимъ образомъ посредничество, которое поручено вамъ предложить царю со стороны короля, должно быть пріятнымъ для него предложеніемъ, и вы будете при царскомъ дворѣ въ такое время, когда государь, подобный ему, привыкшій держаться благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ, вѣроятно будетъ очень радъ съ вами ихъ раздѣлить и впослѣдствіи принять мѣры вмѣстѣ съ его величествомъ. Желательно, чтобъ въ ожиданіи сего онъ доставилъ бы венгерскимъ конфедератамъ помощь, надѣяться на которую онъ далъ имъ основанія. Еслибы онъ возложилъ корону этого государства на главу своего союзника, короля Августа, онъ увеличилъ бы свою славу, и это было бы исходомъ весьма удачнымъ для устраненія главнаго затрудненія при заключеніи договора съ Шведскимъ королемъ; потому что съ утвержденіемъ короля Августа на престолѣ Венгріи, слѣдовало бы царю согласиться на доставленіе польскаго престола королю Станиславу".

Таково было положеніе дѣлъ, когда наконецъ весною 1711 года Балюзъ долженъ былъ встрѣтиться съ Петромъ въ Галиціи. Это свиданіе происходило въ Яворовѣ, гдѣ царь оставался нѣкоторое время на пути къ Турціи.

Пріемъ, оказанный Балюзу Петромъ и его министрами, Шафировымъ и Головкинымъ, не отличался особенною предупредительностью. И царь, и сановники его, какъ казалось Балюзу, оставались въ убѣжденіи, что турецкая война была выгодна для Людовика XIV. Въ подробномъ донесеніи объ аудіенціи у царя и о бесѣдахъ съ министрами его, Балюзъ жаловался на несоблюденіе со стороны русскихъ вельможъ нѣкоторыхъ частностей церемоніала. На предложеніе посредничества Людовика XIV для примиренія Петра съ Карломъ XII, царь и его министры отвѣчали указаніемъ на „гордость и упорство" Шведскаго короля, служащія непреодолимымъ препятствіемъ заключенія мира безъ самаго энергичнаго со стороны Россіи продолженія военныхъ дѣйствій. Совѣты Балюза остерегаться коварнаго образа дѣйствій союзниковъ Россіи также были приняты довольно холодно:

русскіе сановники замѣтили, что не опасаются обмана со стороны союзниковъ, потому что знаютъ, какимъ образомъ остеречься отъ него. Объявляя, что нельзя ожидать успѣха отъ посредничества Людовика XIV для окончанія Сѣверной войны, министры царя выразили желаніе, чтобы Франція скорѣе содѣйствовала заключенію мира между Россіей и Оттоманскою Портой, указывая на готовность царя, послѣ достиженія этой цѣли, вступить въ близкія сношенія съ Франціей и явно принять ея сторону противъ ея враговъ.

Кромѣ всего этого, во второмъ донесеніи Балюза изъ Яворова встрѣчаются нѣкоторыя любопытныя данныя о Петрѣ: „Царь", пишетъ Балюзъ, „въ саду собственноручно работаетъ надъ постройкою небольшой лодки, уже подаренной госпожѣ Синявской, которая тоже взялась за модель, чтобы помогать въ работѣ". О Екатеринѣ сказано: „Въ Яворовѣ вовсе не скрываютъ брака царя; этотъ монархъ знакомитъ свою жену съ дамами, здѣсь находящимися, и она каждый день показывается въ Яворовскомъ саду. Ее очень хвалятъ за доброту". О переговорахъ Балюзъ писалъ: „Московитскіе министры многократно повторяли мнѣ въ конференціяхъ, что дружба короля Шведскаго сдѣлается безполезна для вашего величества вслѣдствіе союза съ ихъ государемъ. Они ежедневно увѣряютъ, что получаютъ неудовлетворительныя для короля Шведскаго извѣстія; однако это не мѣшаетъ имъ желать мира" и пр.

Въ частной аудіенціи, которую Балюзъ имѣлъ у царя, Петръ опять выразилъ желаніе, чтобы король Людовикъ XIV доставилъ ему возможность заключить миръ съ одною Портою, независимо отъ короля Шведскаго. Балюзъ отвѣтилъ, что можно вести переговоры одновременно съ обѣими державами. Царь возразилъ, что предпочелъ бы сперва заключить миръ съ Турціей, въ виду того, что въ такомъ случаѣ Швеція, покинутая Портой, оказалась бы болѣе сговорчивою. Шафировъ старался выставить на видъ, что союзъ со Швеціей никогда не оказывался выгоднымъ для Франціи, и что поэтому для Людовика XIV гораздо полезнѣе думать о сближеніи съ Россіей.

Всѣ эти бесѣды и переговоры не повели ни къ какому результату. Опять-таки оказалось, что не было много общаго между интересами Россіи и Франціи.

Людовикъ XIV не могъ не видѣть нѣкоторой холодности въ заявленіяхъ Петра и его министра. Въ письмѣ къ Балюзу, отъ 11-го іюня 1711 г., онъ жаловался на то, что Шафировъ и Головкинъ говорятъ лишь въ общихъ выраженіяхъ о томъ, что царь намѣренъ

сдѣлать для выгодъ Франціи. „Наши владѣнія", писалъ король, „такъ удалены другъ отъ друга, что нужно бы было яснѣе объяснить, въ какія сношенія угодно будетъ ему войдти со мной и какія деклараціи сдѣлалъ бы онъ противъ моихъ враговъ. Онъ не могъ бы ничѣмъ лучше заявить свое доброе расположеніе, какъ поддержкою въ настоящее время князя Рагоци и венгерскихъ конфедератовъ. Но я не вижу, чтобы со стороны Русскихъ было на то много расположенія, а между тѣмъ время не терпитъ". Въ другомъ письмѣ король относительно желанія царя примирить его съ Портою и не думать о посредничествѣ между Швеціей и Россіей, замѣтилъ: „Я не могу оставить этого государя въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится, ни содѣйствовать къ лишенію помощи, получаемой имъ отъ Порты. Если я къ нему питаю эти чувства, въ то время, когда онъ не заключалъ со мною договора, московскіе министры могутъ судить о томъ, какъ я буду думать о царѣ, еслибъ онъ вступилъ со мною въ связи, которыхъ онъ, какъ кажется, желаетъ. Достовѣрно то, что въ настоящее время онъ ничего не могъ бы сдѣлать для меня болѣе пріятнаго, какъ помочь князю Рагоци и не допустить венгерскихъ конфедератовъ до полнѣйшаго разоренія" и пр.

Узнавъ о содержаніи бесѣды Балюза съ Петромъ въ частной аудіенціи, Людовикъ XIV писалъ: „Такъ какъ у меня никогда не было намѣренія заставить короля Шведскаго потерять единственнаго союзника (Порту), который могъ бы ему помочь возвратиться въ свое государство, я не могу содѣйствовать желаніямъ царя во вредъ этому государю. Но такъ какъ я не разчитываю помогать Шведамъ противъ Русскихъ, то рѣшеніе, принятое мною, не помѣшаетъ мнѣ поддержать съ царемъ доброе согласіе, котораго, какъ видно, онъ желаетъ". Къ этому было прибавлено предписаніе прекратить сношенія съ царемъ, когда Петръ удалится въ свои владѣнія, или же когда Балюзъ увидитъ, что ничего нельзя сдѣлать болѣе для пользы службы короля. Въ другомъ письмѣ къ Балюзу (отъ 2-го іюля 1711 г.) король жаловался на то, что царь подалъ завѣреніе въ склонности къ интересамъ Франціи лишь на словахъ, а на дѣлѣ показалъ, что онъ вполнѣ расположенъ поощрять противниковъ Франціи. Король опять повторилъ свою прежнюю мысль о помощи, которую царь долженъ оказать венгерскимъ конфедератамъ. Опять заявилъ онъ, что вовсе не намѣренъ устранить Турокъ отъ союза съ Карломъ XII. Въ этомъ смыслѣ Людовикъ XIV писалъ къ Балюзу еще 9-го и 23-го іюля.

Въ то же время, когда Балюзъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ при Петрѣ Великомъ, царь назначилъ своимъ резидентомъ при французскомъ дворѣ г. Крока. О немъ пока ничего не было извѣстно изъ другихъ источниковъ. О его назначеніи въ 1710 году мы впервые узнаемъ изъ записки ле-Драна. Онъ скончался въ Парижѣ въ 1711 году, не успѣвъ предъявить своихъ ввѣрительныхъ грамать. Торси, упоминая въ своемъ письмѣ къ Балюзу отъ 11-го іюня 1711 г., замѣчаетъ о Крокѣ: „Этотъ чиновникъ, находившійся на службѣ у короля, никогда здѣсь не былъ признаваемъ за царскаго министра, и умеръ до полученія ввѣрительной грамоты. Не знаю, почему захотѣли васъ сравнить съ нимъ [1]). Между вами и имъ очень большая разница“ и пр.

Впрочемъ, судя по запискѣ ле-Драна, между Крокомъ и французскимъ правительствомъ происходили какіе-то переговоры. По крайней мѣрѣ ле-Дранъ пишетъ, что Кроку было сдѣлано увѣреніе, что король желаетъ соблюдать нейтралитетъ въ борьбѣ Карла XII съ Петромъ. „Эти же увѣренія“, прибавляетъ ле-Дранъ,—„были сдѣланы г. Волкову, который провелъ часть 1711 и 1712 гг. въ Парижѣ въ званіи царскаго секретаря“. О Волковѣ упомянуто, впрочемъ, лишь мимоходомъ, и у Соловьева. Его пребываніе во Франціи, очевидно, не имѣло важнаго значенія. Въ депешахъ Балюза къ королю, осенью 1711 г., также упоминается вскользь о Волковѣ. Какъ кажется, и Волковъ, въ силу данныхъ ему инструкцій, не сдѣлалъ точно опредѣленныхъ предложеній, а только ожидалъ таковыхъ отъ французскаго правительства.

Успѣхъ дипломатической миссіи Балюза состоялъ въ нѣкоторой связи съ ходомъ русско-турецкой войны. Не даромъ онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за этими событіями. Поэтому въ его донесеніяхъ встрѣчаются разныя любопытныя данныя о Прутскомъ походѣ. Балюзу было предписано не слѣдовать за царемъ въ походъ. Онъ оставался въ Галиціи во все время пребыванія царя въ этомъ походѣ. Тутъ до него доходили разные слухи о страшной опасности, въ которой находились царь и его войско. Къ сожалѣнію, въ собраніи донесеній Балюза встрѣчаются пробѣлы: тутъ нѣтъ никакихъ донесеній между 19-мъ мая 1711 г. и 27-мъ августа 1711 г., между тѣмъ какъ въ письмахъ Людовика XIV къ Балюзу упоминается о пятнадцати его депешахъ, въ это время писанныхъ.

---

[1]) Въ отношеніи къ церемоніалу пріема.

Мы знаемъ, что Петръ не безъ опасеній выступилъ въ походъ въ началѣ 1711 года. Въ Яворовѣ, бесѣдуя о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ съ брауншвейгъ-вольфенбюттельскимъ дипломатомъ Шлейницомъ, онъ удивилъ послѣдняго скромностью своихъ сужденій и притомъ необычайно подробнымъ знакомствомъ съ дѣлами военной техники [1]). Между тѣмъ какъ царь, готовясь къ борьбѣ съ Турками, сомнѣвался въ успѣхѣ, и потому желалъ скорѣйшаго примиренія съ Оттоманскою Портою при посредничествѣ Франціи, современники, напримѣръ, извѣстный инженеръ Джонъ Перри, удивлялись быстротѣ движеній русскаго войска, направившагося къ берегамъ Дуная. Въ письмѣ Торси къ Балюзу отъ 23-го іюля 1711 года также сказано: „Не ожидали такой быстроты со стороны Русскихъ, и царь прославился, принявъ предосторожности довольно своевременно для предупрежденія своихъ враговъ". Вскорѣ затѣмъ, однако, были получены кое-какія извѣстія о событіяхъ на берегахъ Дуная и Прута. 1-го іюля Балюзъ писалъ королю, что до него дошелъ слухъ о пораженіи Русскихъ Шведскимъ королемъ; разказывали, что „проигранное Русскими сраженіе стоило имъ множество убитыхъ и плѣнныхъ". Король увѣдомлялъ Балюза, что тѣ же самыя извѣстія приходятъ изъ столь различныхъ мѣстъ, что кажутся вѣроятными. „Если это событіе подтвердится", прибавилъ Людовикъ XIV, — „то оно произведетъ большія перемѣны въ дѣлахъ Польши и Германіи". Слухъ о неудачѣ Петра заставилъ Людовика XIV предписать Балюзу „не высказывать слишкомъ большую поспѣшность при предложеніи содѣйствія Франціи къ доставленію царю мира съ его врагами".

Напрасно французское правительство обвиняло, какъ мы видѣли, Англичанъ и Голландцевъ въ томъ, что они, заключая союзные договоры съ Россіей, думали лишь о своихъ выгодахъ. На этотъ счетъ Людовикъ XIV нисколько не отличался отъ Генеральныхъ Штатовъ или отъ англійскаго правительства. Все значеніе Петра и Россіи для Людовика заключалось въ надеждѣ, что русскіе казаки сдѣлаютъ диверсію въ Трансильванію, что царь поможетъ князю Рагоци и венгерскимъ конфедератамъ. Поэтому онъ былъ весьма недоволенъ заявленіемъ Волкова, что царь будетъ въ состояніи дѣйствовать въ пользу Венгріи не раньше, какъ послѣ окончанія Турецкой войны. Узнавъ о неудачныхъ дѣйствіяхъ царя еще до Прутской неудачи,

[1]) *Guerrier*, Sophie Charlotte, Kronprinzessin von Russland. Bonn, 1875, стр. 57.

король не считалъ вѣроятнымъ, что царь будетъ въ состояніи оказать ему содѣйствіе въ борьбѣ съ императоромъ, и потому писалъ Балюзу, что нужно дѣйствовать болѣе сдержанно, не обнаруживать особенной горячности и даже имѣть въ виду прекращеніе дипломатическихъ сношеній.

Слухи о какомъ то сраженіи повторялись, но въ письмахъ Балюза отъ 8-го и 15-го іюля не было ничего опредѣленнаго относительно этого событія. Извѣстіе о побѣдѣ, одержанной будто бы Карломъ XII надъ Русскими, считалось однако весьма сомнительнымъ, какъ видно изъ письма Торси къ Балюзу отъ 20-го августа 1711 г. Даже по письму Балюза отъ 29-го іюля 1711 г., король не могъ составить себѣ вѣрнаго сужденія о дѣлѣ „такъ какъ обѣ стороны приписывали себѣ побѣду". Немногимъ позже король пишетъ: „Ваше письмо отъ 5-го августа не разъясняетъ болѣе распространившіеся слухи о сраженіи между Русскими и Турками. Министры шведскаго короля приписываютъ теперь одержаніе побѣды оттоманскому войску. Но я вижу, что слѣдуетъ ожидать болѣе вѣрныхъ извѣстій" и пр. 10-го сентября 1711 года маркизъ Торси писалъ Балюзу: „Повидимому извѣстіе о мирѣ между Турками и Русскими начинаетъ подтверждаться, такъ что нѣтъ болѣе причинъ въ этомъ сомнѣваться. Неопредѣленность все еще существуетъ въ отношеніи сраженія и того, которая изъ двухъ сторонъ одержала побѣду" и пр. Двумя недѣлями позже, король писалъ Балюзу: „Письмо, которое вы мнѣ написали 19-го августа, заключало въ себѣ еще болѣе неопредѣленныя извѣстія о пораженіи Русскихъ и о мирѣ, послѣдовавшемъ за этимъ событіемъ... Всего важнѣе знать то, что̀ касается до шведскаго короля, потому что вовсе невѣроятно, какъ объ этомъ гласятъ всѣ извѣстія, чтобы Турки, одержавъ побѣду и будучи въ состояніи заставить своихъ враговъ принять условія, какія имъ будутъ угодны, покинули бы государя своего союзника, послѣ того какъ взялись за оружіе и объявили войну въ его пользу".

Турки именно сдѣлали то, что̀ по справедливости казалось Людовику XIV неправдоподобнымъ. Какъ бы то ни было, послѣ такого кризиса нельзя было ожидать помощи отъ Россіи. Король замѣтилъ: „Какой бы оборотъ ни приняли дѣла, положеніе князя Рагоци мнѣ кажется весьма критическимъ: онъ ожидалъ помощи лишь отъ царя, а въ настоящее время Русскіе не въ состояніи вмѣшиваться въ его дѣла".

Всѣ эти данныя намъ извѣстны лишь изъ намековъ на содержа-

ніе тѣхъ донесеній Балюза, которыя не помѣщены въ коллекціи, напечатанной въ XXXIV томѣ Сборника. Изъ его письма отъ 24-го августа видно, что ему были довольно точно извѣстны условія Прутскаго договора. Балюзъ узналъ, между прочимъ, еще о слѣдующихъ подробностяхъ: „Деньги, данныя великому визирю, много содѣйствовали, какъ полагаютъ, заключенію мира; король шведскій употреблялъ всѣ средства, чтобъ помѣшать заключенію мира, но безуспѣшно, не смотря на то, что онъ сказалъ великому визирю, что сей послѣдній заплатитъ за этотъ миръ головою, на что великій визирь отвѣчалъ ему, чтобы онъ берегъ собственную голову"... „Меня увѣряли", продолжаетъ Балюзъ, „что царь потерялъ не болѣе трехсотъ человѣкъ, убитыхъ Турками, но что въ лагерѣ его много умерло отъ болѣзней, что Татары взяли въ плѣнъ много слугъ, убили много женщинъ и отняли болѣе пяти тысячъ возовъ съ поклажей арміи внѣ лагеря" и т. д. Сообщая королю подробности Прутскаго дѣла, Балюзъ замѣчаетъ: „Теряю надежду, ваше величество, имѣть возможность сообщить вамъ болѣе полное разъясненіе всего происшедшаго между Турками и Москвитянами, такъ какъ всѣ свѣдѣнія получаю только отъ сихъ послѣднихъ; быть можетъ, ваше величество получитъ болѣе положительныя извѣстія отъ графа Девелера или шведскаго министра, находящагося при вашемъ величествѣ. Нѣкоторые сомнѣваются въ продолжительности нынѣ заключеннаго мира".

29-го августа 1711 г., рано утромъ, Балюзъ въ Ярославлѣ имѣлъ аудіенцію у Петра, готовившагося выѣхать изъ этого города, гдѣ былъ лишь проѣздомъ. Свиданіе происходило на берегу рѣки Сана. Балюзъ доносилъ объ этомъ эпизодѣ: „Головкинъ предложилъ мнѣ идти вмѣстѣ съ нимъ представиться царю. Я подождалъ нѣсколько времени, потому что государь писалъ, и подошелъ къ нему въ присутствіи его министра, въ то время, когда онъ ходилъ взадъ и впередъ, отдавая приказанія относительно своего отъѣзда. Когда я подошелъ, онъ снялъ шляпу и выслушалъ привѣтствіе, которое я сказалъ ему по-польски, по случаю благополучнаго его возвращенія и предпринимаемаго имъ путешествія. Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ, тотчасъ же обратился къ своему министру и къ одному изъ своихъ генераловъ, снова надѣлъ шляпу и, повернувшись ко мнѣ спиной, началъ переходить отъ одной лодки къ другой, отдавая приказанія относительно своего отплытія... Монархъ этотъ, его министры и генералы показались мнѣ весьма сдержанными и смущенными. Нѣсколько времени спустя я обратился къ графу Головкину и спросилъ у него: не бу-

детъ ли угодно его государю поручить мнѣ что либо такое, о чемъ я бы могъ доложить вашему величеству. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что нѣтъ, ибо царь озабоченъ своимъ отъѣздомъ, но что онъ одобряетъ мое намѣреніе поселиться въ Варшавѣ... вслѣдъ затѣмъ мы распрощались".

Какъ видно, Балюзу былъ оказанъ весьма холодный пріемъ, при которомъ безцеремонность дошла до крайнихъ предѣловъ. Французскій дипломатъ не безъ раздраженія доносилъ королю: „Холодность и сдержанность этого двора даютъ мнѣ поводъ сомнѣваться въ томъ, чтобъ онъ былъ расположенъ предложить что̀ бы то ни было... Дворъ московскій не хотѣлъ назначить мнѣ прощальную аудіенцію и дать мнѣ отвѣтъ на письмо, которое я вручилъ царю отъ имени вашего величества; я не счелъ полезнымъ для пользы службы вашего величества требовать то и другое, не имѣя на то приказаній, и установилъ съ канцлеромъ Головкинымъ переписку" и пр.

Затѣмъ слѣдуютъ въ донесеніи Балюза, писанномъ уже въ Варшавѣ, довольно любопытныя данныя о Прутской неудачѣ. Царь, въ отвѣтъ на комплиментъ супруги Краковскаго воеводы: „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ", повторилъ нѣсколько разъ: „не совсѣмъ", а когда она вслѣдъ за тѣмъ выразила ему свою радость по поводу его благополучнаго возвращенія, царь снова сказалъ, что счастье его заключается лишь въ томъ, что вмѣсто ста ударовъ, которые онъ могъ получить, ему дали только пятьдесятъ. Разказавъ нѣкоторыя подробности переговоровъ Русскихъ съ Турками, Балюзъ замѣчаетъ: „Въ обществѣ распространено мнѣніе, что московскій дворъ роздалъ нѣсколько милліоновъ, чтобы достигнуть мира; что быстрый и ускоренный отъѣздъ его изъ Ярославля похожъ на бѣгство изъ опасенія быть застигнутымъ королемъ шведскимъ" и пр. Далѣе слѣдуютъ разныя данныя объ отношеніи царя къ разнымъ державамъ [1]), о его бесѣдахъ съ разными лицами, о нерасположеніи Поляковъ къ Русскимъ, о состояніи русскаго войска послѣ Прутскаго похода, о неудовольствіи иностранныхъ офицеровъ, служащихъ въ русскомъ войскѣ, и пр.

При такомъ положеніи дѣлъ послѣ Прутскаго похода, негоціація

---

[1]) Довольно любопытенъ анекдотъ о встрѣчѣ царя въ Варшавѣ съ прусскимъ посланникомъ. Петръ сказалъ ему: „Вы всегда поступаете въ дѣлахъ философически, тогда какъ мы дѣйствуемъ механически", желая, какъ полагалъ Балюзъ, тѣмъ сказать, что онъ, царь, ведетъ дѣла просто и прямо, а берлинскій дворъ относится къ нимъ съ хитростью, которая ему, царю, не нравится.

Балюза не могла имѣть успѣха. Франція не разчитывала. болѣе на Петра и ждала удобнѣйшаго времени для возобновленія дипломатическихъ сношеній съ Россіею. На заявленіе Волкова въ Парижѣ, просившаго посредничества короля для всеобщаго мира, маркизъ Торси отвѣчалъ въ общихъ выраженіяхъ, уклончиво. Балюзу было приказано оставаться въ Польшѣ на случай возобновленія переговоровъ съ Россіей, однако онъ уже болѣе не встрѣчался съ царемъ, который, начиная съ 1711 года, началъ часто ѣздить въ западную Европу, гдѣ лично велъ переговоры съ государями и министрами разныхъ державъ [1]).

О дипломатической миссіи Балюза ле-Дранъ замѣчаетъ въ своей запискѣ: „Единственный результатъ, полученный королемъ Людовикомъ XIV, изъ переговоровъ г. Балюза, заключался въ томъ, что онъ доказалъ царю ошибочность мнѣнія, внушеннаго ему врагами Франціи, убѣдивъ его, что его величество не принималъ никакого участія въ вооруженіи противъ него Турокъ, и увѣривъ его, что его величеству было желательно соблюдать строгій нейтралитетъ, какъ въ отношеніи короля шведскаго, такъ и царя".

Между тѣмъ вопросъ объ отношеніи Россіи къ Франціи сталъ интересовать прочія державы. Когда, въ 1711 году, послѣ Прутскаго похода, Петръ былъ для лѣченія въ Карлсбадѣ, туда пріѣхалъ саксонскій дипломатъ Фицтумъ, который особенно тщательно разспрашивалъ царя о его намѣреніи вступить въ близкія сношенія съ Франціей. Царь увѣрялъ Фицтума, что пока нѣтъ ни малѣйшаго соглашенія между Россіей и Людовикомъ XIV.

Балюзъ, остававшійся въ Польшѣ, не переставалъ наблюдать за ходомъ дѣлъ въ Россіи и сообщалъ о разныхъ событіяхъ и слухахъ маркизу Торси. Въ началѣ марта 1712 года, между прочимъ, Балюзъ доносилъ, что распространенъ слухъ о смерти царя. Торси отвѣчалъ, что едва ли можно вѣрить этому слуху, но что еслибъ это извѣстіе оправдалось, то можно думать, что вражда между Россіей и Портою прекратится, а также поправится значительно положеніе Карла XII. „Можно прибавить", продолжалъ Торси, „что Польшѣ можно бы надѣяться на нѣкоторое спокойствіе послѣ такой тревоги, потому что нѣтъ вѣроятія, чтобы государь, наслѣдовавшій царю, считалъ бы себя обязаннымъ идти по слѣдамъ своего отца" (стр. 482).

[1]) Нѣкоторое число писемъ Торси къ Балюзу съ 1711 до 1713 гг. см. въ *Сборникѣ*, XXXIV, 477--489. Содержаніе ихъ не особенно важно.

Слухъ о смерти царя оказался ложнымъ. Извѣстіе о новомъ разрывѣ между Россіей и Оттоманскою Портою также не подтвердилось. Балюзъ, однако, продолжалъ сообщать разныя свѣдѣнія о Россіи, Польшѣ, Швеціи и пр. При этомъ, однако, случился слѣдующій эпизодъ, свидѣтельствующій о нѣкоторомъ деспотизмѣ Людовика XIV. Торси писалъ къ Балюзу 12-го сентября 1712 года: „Графъ Поншартренъ просилъ у васъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о дворѣ и министрахъ царя, и вы мнѣ посылаете копію съ записки, которую вы ему отправили. Такія подробности должны быть сохранены для короля, который знаетъ примѣнять что̀ нужно для пользы его службы изъ получаемыхъ имъ свѣдѣній объ иностранныхъ дворахъ, а иногда можетъ оказаться несоотвѣтственнымъ его выгодамъ, чтобы тѣ, кому онъ поручаетъ дѣла такого рода, были извѣщены объ обстоятельствахъ, которыя до нихъ не касаются".

Изъ этого замѣчанія видно, что на Западѣ знали весьма немного о состояніи Россіи. Балюзъ, находившійся въ Польшѣ и узнававшій о томъ, что̀ происходило въ Россіи лишь по слухамъ, весьма часто недостовѣрнымъ, вообще едва ли, могъ составить себѣ точное понятіе о состояніи Россіи. Франція нуждалась въ постоянномъ резидентѣ, который жилъ бы въ Петербургѣ. Такимъ резидентомъ былъ назначенъ де-Лави, пріѣхавшій въ Петербургъ въ самомъ началѣ 1715 года. Одновременно съ отправленіемъ де-Лави въ Россію начинается цѣлый рядъ попытокъ сближенія Франціи съ царемъ во время его пребыванія въ западной Европѣ. Весьма важнымъ фактомъ въ этомъ отношеніи было пребываніе Петра въ Парижѣ въ 1717 году.

Весьма значительная часть XXXIV тома Сборника Историческаго Общества заключаетъ въ себѣ донесенія де-Лави; въ этомъ же томѣ встрѣчается богатая коллекція документовъ, относящихся къ пребыванію Петра во Франціи. Тѣ и другіе заслуживаютъ особеннаго разбора, которому мы и посвятимъ слѣдующія статьи.

А. Брикнеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ ВИЗАНТІИ [1].

«Car une nation ce n'est pas un point seul dans le temps, c'est l'ensemble de toutes les générations qui ont été mues par les mêmes sympathies, qui ont poursuivi les mêmes idées, combattu, souffert ou triomphé par la même cause, vécu en un mot de la même vie».

Buchon, R. et M. p. 4.

II.

Славянская община въ восточныхъ и западныхъ провинціяхъ имперіи.

Земледѣльческое населеніе Византіи главнѣйше распадается на два класса: были свободные крестьяне и зависимые. Первые сидѣли на своихъ земляхъ и лично отбывали денежныя и натуральныя повинности; вторые обработывали чужую землю и находились въ разныхъ степеняхъ зависимости отъ духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ. Обѣ формы крестьянскаго землевладѣнія, равно какъ тотъ и другой классъ крестьянскаго сословія, сохраняются во весь періодъ существованія Византійской имперіи и доходятъ до турецкаго завоеванія. Въ этомъ состоитъ существенный интересъ вопроса о крестьян-

[1]) *Окончаніе.* См. январьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1883 годъ.

скомъ землевладѣніи въ Византіи. Выясненію этой темы и посвящена предлагаемая часть изслѣдованія.

Господствующее въ настоящее время воззрѣніе на византійскія крестьянскія и вообще поземельныя отношенія зиждется на авторитетѣ неутомимаго труженика въ области византологіи, издателя многотомнаго Jus Graeco-Romanum и автора „Исторіи греко-римскаго права", Цахаріэ фонъ-Лингенталя [1]). Въ своей Исторіи, которая недавно появилась во второмъ изданіи, улучшенномъ и распространенномъ, почтенный нѣмецкій ученый сообщаетъ послѣдніе выводы науки о Византіи, пріобрѣтенные какъ его собственными изслѣдованіями, такъ и трудами другихъ ученыхъ. Этимъ выводамъ, подкрѣпленнымъ авторитетомъ общепризнаннаго и славнаго имени, суждено на долго остаться руководящими и дающими направленіе въ общихъ и частныхъ вопросахъ, связанныхъ съ изученіемъ Византіи. Съ его же заключеніями и выводами о крестьянскомъ землевладѣніи должны были ознакомиться и мы, прежде чѣмъ приступить къ предлагаемому изслѣдованію.

Превосходно выяснивъ новые принципы законодательства Исаврійской династіи, и въ частности, оцѣнивъ значеніе „Крестьянскаго закона", Цахаріэ первый бросилъ новый свѣтъ на иконоборческую эпоху. Онъ же первый выдвинулъ политическое значеніе крестьянской или деревенской общины. Но происхожденіе этой общины, судьба ея въ послѣдующія эпохи, и наконецъ, роль общины въ государственной и политической исторіи Византіи осталась ему совершенно неясною. Вслѣдствіе того и то обстоятельство, что въ послѣдующіе вѣка появляются многочисленныя рукописи Крестьянскаго закона, что онъ включенъ былъ въ Шестикнижникъ Арменопула, и что, слѣдовательно, ощущалась въ немъ практическая потребность, что наконецъ крестьянская община засвидѣтельствована новеллами X вѣка,— все это осталось въ книгѣ Цахаріэ мало оцѣненнымъ и слабо освѣщеннымъ и такимъ образомъ утратило въ значительной степени свой принципіальный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, если, вскорѣ по изданіи Крестьянскаго закона, общимъ именемъ для всего земледѣльческаго сословія сдѣлалось парикъ, то-есть, зависимый и сидящій на чужой землѣ крестьянинъ, то какое значеніе имѣютъ и многочисленные списки этого закона, и внесеніе его въ руководство Арменопула, и

---

[1]) *Zachariae* von *Lingenthal*, Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts, zweite verbesserte und erweiterte Auflage. Berlin 1877.

наконецъ новеллы X вѣка? Если право присельническое, παροικικὸν δίκαιον, сдѣлалось мало по малу господствующимъ въ провинціяхъ, подвергшихся сильному наплыву новаго населенія, то ради чьихъ же потребностей и для какого населенія составлялись списки Крестьянскаго закона, входившіе въ руководство для судебной и административной практики? Нельзя скрыть, тутъ чувствуется что-то неясное, чего не можетъ разрѣшить книга Цахаріэ.

Параграфы, идущіе вслѣдъ за Крестьянскимъ закономъ, которые собственно и имѣются у насъ въ виду [1]), составляютъ больное мѣсто въ трудѣ знаменитаго ученаго. Нельзя удовлетвориться этою частью книги его не только потому, что она не разрѣшаетъ указанныхъ выше недоразумѣній, но и вслѣдствіе матеріальныхъ упущеній, имѣвшихъ роковыя послѣдствія для постановки всего крестьянскаго и землевладѣльческаго вопроса. Мы не беремся объяснить, почему авторъ, говоря о крестьянахъ, не воспользовался вышедшимъ въ 1871 году четвертымъ томомъ монастырскихъ актовъ Миклошича и Мюллера [2]), „небывалымъ и безпримѣрнымъ подаркомъ византинистамъ“, по выраженію другаго, но уже русскаго византиниста [3]). Въ этомъ томѣ собрано 239 документовъ всякаго рода — хризовуловъ и указовъ, межевыхъ описей, купчихъ и вкладныхъ актовъ, опредѣленій и приговоровъ судебныхъ и административныхъ. Такимъ богатствомъ ужъ конечно нельзя безнаказанно пренебрегать въ сочиненіи о византійскихъ крестьянскихъ и поземельныхъ отношеніяхъ. Но это не единственный случай невниманія Цахаріэ къ матеріаламъ, прямо относящимся къ крестьянскому вопросу. Одинъ хризовулъ Андроника Старшаго, отъ 1319 года, на который притомъ же есть и ссылки въ книгѣ [4]), могъ бы совершенно измѣнить теорію объ окончательномъ паденіи свободной поземельной собственности и о безраздѣльномъ господствѣ присельническаго права. Такимъ образомъ, небольшой отдѣлъ о крестьянскомъ землевладѣніи въ Византіи нуждается уже не въ дополненіяхъ, но въ переработкѣ. И именно

---

[1]) Мы разумѣемъ слѣдующіе параграфы: 61 Νόμος γεωργικός, 62 Die bäuerlichen Verhältnisse der späteren Zeit, 63 Massregeln zum Schutze der freien Bauernschaften, 64 Die Soldgüter, 65 Schluss (234—263 стр.).

[2]) *Miklosich* et *Müller*, Acta et Diplomata graeca medii aevi, vol. IV, Vindobonae 1871.

[3]) *В. Г. Васильевскій—Журн. М. Н. Пр.*, іюль 1879, стр. 98.

[4]) Χρονογραφια της Ηπειρου των τε ομορων ελληνικων και ιλλυρικων χωρων, εν Αθηναις II, 291 (1857); сравн. *Zachariae*, стр. 260, примѣч. 927; 247 примѣч. 871.

невѣрна основная мысль Цахаріэ, будто за изданіемъ Крестьянскаго закона ослабѣло и мало по малу совсѣмъ уничтожилось свободное землевладѣніе, въ замѣнъ же его наступило господство зависимаго владѣнія землей. Вслѣдствіе того остается темною и та общественная форма, или та ячейка, которая представляла собою, хотя нѣкоторое время, свободное состояніе и независимое землевладѣніе: какъ она возникла и въ какомъ видѣ существовала, отчего въ ней мало оказалось силъ для борьбы съ крупнымъ землевладѣніемъ и т. п.? Что̀ такое представляла собою χωμητοῦρα, ἀμάδες и ἀναχοινώσεις? На подобные вопросы не найдется отвѣта въ указанномъ отдѣлѣ книги Цахаріэ.

Безспорно, большею полнотою, глубиной изученія и широтой взглядовъ отличается рядъ статей, помѣщенныхъ В. Г. Васильевскимъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1878 и 1879 годы [1]). Ученый авторитетъ автора прочно установленъ и не нуждается въ рекламѣ; слѣдящіе за развитіемъ у насъ историческихъ знаній и за новыми завоеваніями въ научной области не могли пропустить безъ вниманія почтенныхъ трудовъ, направленныхъ къ освѣщенію нашей сѣдой старины (Русско-Византійскіе отрывки) и къ выясненію средствъ и путей, которыми совершался обмѣнъ литературныхъ памятниковъ и правовыхъ воззрѣній между Византіей, южными Славянами и Русью. Уже одна попытка поставить такіе вопросы весьма плодотворна какъ благовременное предупрежденіе о цѣляхъ и задачахъ, покинутыхъ русскою наукой. Но г. Васильевскій слишкомъ серьезный ученый. Онъ не любитъ поднимать вопросы, которыхъ самъ не въ состояніи и разрѣшить; передѣлывать же разъ имъ сдѣланное значитъ заранѣе обрекать себя на безплодную работу. Сила его заключается въ самостоятельномъ изученіи текстовъ и въ оригинальности воззрѣній. Уже давно замѣчено, что онъ обладаетъ даромъ вычитывать въ памятникахъ то, чего другіе не подозрѣвали и что̀ опускали безъ вниманія. Нужно было бы анализировать массу его изслѣдованій по разнымъ вопросамъ, разсѣянныхъ за послѣдніе десять лѣтъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, чтобы подкрѣпить примѣрами сказанное, что̀ было бы здѣсь не совсѣмъ умѣстно. Напомнимъ, между прочимъ, его выводъ изъ изслѣдованія

---

[1]) Законодательство иконоборцевъ, въ трехъ книжкахъ, и Матеріалы для внутренней исторіи Византійскаго государства, въ четырехъ книжкахъ.

о законодательствѣ иконоборцевъ въ примѣненіи къ древнимъ русскимъ юридическимъ памятникамъ [1]).

Весьма трудолюбивый ученый и плодовитый писатель, г. Васильевскій не могъ не обратить вниманія на пробѣлы въ сочиненіи нѣмецкаго византиниста Цахаріэ фонъ-Лингенталя, принявшись за изученіе и сообщеніе „Матеріаловъ для внутренней исторіи Византіи". Эти „Матеріалы", которымъ посвящены четыре обширныя статьи, имѣютъ особенную цѣну для русскаго ученаго въ томъ отношеніи, что излагаютъ на русскомъ языкѣ трудно доступные тексты и вводятъ систему и порядокъ въ безпорядочную массу мелкихъ актовъ, изданныхъ безъ всякаго научнаго аппарата и тѣмъ устранявшихъ даже серьезныхъ изслѣдователей отъ попытокъ воспользоваться ими. Г. Васильевскій первый не побоялся изучить IV-й томъ Актовъ Миклошича и Мюллера, за что сугубо вознагражденъ былъ тѣмъ внутреннимъ удовольствіемъ, которое ощущаетъ изслѣдователь, нападая на новые факты, освѣщающіе для него изучаемую эпоху. Это изученіе привело его къ ознакомленію съ цѣлыми институтами въ византійской государственной жизни, доселѣ совсѣмъ не подозрѣваемыми и оставшимися неизвѣстными Цахаріэ: пронія, харистикарій, морта. Онъ же первый изучилъ и поставилъ въ связь съ прежними и новыми заграничными изданіями русскія изданія матеріаловъ для исторіи Византіи, именно сборники аѳонскихъ актовъ Ф. А. Терновскаго и Т. Д. Флоринскаго, не говоря уже о томъ, что и въ старыхъ изданіяхъ онъ выдвинулъ на подобающее мѣсто цѣлыя сочиненія или отдѣльныя статьи, давно забытыя и выпущенныя изъ научнаго оборота. Въ результатѣ соединенія въ однѣхъ рукахъ такого разнороднаго и обширнаго матеріала оказалось то, что г. Васильевскій не счелъ себя ниже той трудной задачи, отъ разрѣшенія которой отказался и самъ Цахаріэ [2]): объяснить византійскую податную систему и бросить свѣтъ на запутанную финансовую и податную терминологію.

---

[1]) О синодальномъ спискѣ Эклоги, январь 1879, стр. 169 «Наше предположеніе, что русскій Уставъ о земскихъ дѣлахъ (то-есть, Ярослава) есть простой переводъ древней греческой не изданной редакціи Νόμοι γεωργικοί, совершенно подтверждается обоими синодальными списками». На стр. 173: «что въ русскомъ (то-есть, въ Уставѣ Ярослава) нѣтъ ни одной статьи, которая не была бы взята изъ греческаго подлинника, то-есть, Νόμος γεωργικός, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію».

[2]) Geschichte, 247, примѣч. 871. Vielleicht dass es einem griechischen Gelehrten gelingt, diese zum Theil räthselhaften Abgaben und Reallasten zu erklären!

Указанныя качества „Матеріаловъ для исторіи Византійскаго государства" г. Васильевскаго должны были бы обратить на эту статью общее вниманіе и уже непремѣнно отразиться въ литературѣ выводами и разнаго рода обобщеніями. На нее и обратили вниманіе въ заграничныхъ органахъ печати. Къ Матеріаламъ долго будутъ обращаться за справками и указаніями во многихъ неясныхъ вопросахъ исторіи русскаго хозяйства и администраціи, если только не будетъ насильственно держаться убѣжденіе, что Византію изучаютъ только ради самой Византіи, а не ради насущныхъ потребностей русской и славянской науки, и если не восторжествуетъ тенденція черпать изъ нѣмецкаго сочиненія предпочтительно передъ русскимъ.

Г. Васильевскій своими „Матеріалами", равно какъ тогда же напечатаннымъ обширнымъ разборомъ нашей книги „Образованіе втораго Болгарскаго царства", за который приносимъ ему искреннюю благодарность, хотя не во всѣхъ случаяхъ безотвѣтны на его нападенія, — признаемся — парализовалъ на нѣкоторое время нашу литературную дѣятельность въ области византійскихъ поземельныхъ отношеній. До настоящаго времени мы не имѣли смѣлости исполнить давно уже данное обѣщаніе относительно части писемъ М. Акомината, трактующихъ объ административной и податной системѣ Византіи. Въ самомъ дѣлѣ, мы убѣждены, что трудно сказать что-либо новое о внутреннемъ состояніи Византіи послѣ того, какъ всѣ относящіеся сюда матеріалы были въ распоряженіи г. Васильевскаго и сдѣлались предметомъ его изслѣдованія. Нѣсколько писемъ М. Акомината, имѣя значеніе сами по себѣ, блѣднѣютъ при сопоставленіи ихъ съ массой другихъ матеріаловъ того же рода. Но урокъ, данный г. Васильевскимъ, имѣлъ для насъ то значеніе, что заставилъ взяться за тѣ же матеріалы, вдуматься въ ихъ содержаніе и найдти въ нихъ нѣчто такое, что не было и имъ замѣчено.

Г. Васильевскому не разъ приходилось ставить вопросъ о значеніи славянскихъ поселеній въ Византіи, и онъ съ большею чѣмъ кто-нибудь прежде убѣдительностью доказалъ тотъ фактъ, что Славяне принесли въ имперію новую государственную силу, дѣйствіе которой обнаружилось въ различныхъ формахъ. „Несомнѣнные признаки указываютъ", говоритъ онъ [1], — на существованіе въ VIII и IX вѣкахъ многочисленныхъ крестьянскихъ свободныхъ общинъ, на преобладаніе мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, на ослабленіе или

---

[1] *Ж. М. Н. Пр.*, мартъ 1879, стр. 161.

полную отмѣну крѣпостныхъ отношеній, на свободу крестьянскихъ переходовъ. Замѣтно, что классъ мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ получилъ въ численномъ отношеніи сильное подкрѣпленіе, подобно тому, какъ это нѣсколько ранѣе произошло на западѣ, вслѣдствіе поселеній Готовъ, Бургундовъ и другихъ варваровъ. Славяне цѣлыми массами заняли европейскія области имперіи; даже и въ азіатскихъ провинціяхъ поселенія ихъ считались десятками и сотнями тысячъ, то-есть, почти не уступали въ численномъ отношеніи колоніямъ германскихъ варваровъ на западѣ. Иконоборческое движеніе, направленное противъ монаховъ и монастырей, слѣдовательно, и противъ монастырскаго землевладѣнія, точно также могло содѣйствовать возрожденію крестьянской собственности на востокѣ. Такъ или иначе, съ VIII вѣка въ Византійскомъ государствѣ существуютъ многочисленныя крестьянскія общины, владѣющія землей на правахъ коллективной собственности, и даже въ помѣстьяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ земля обработывается вольными людьми. Нѣтъ сомнѣнія, что жизненная энергія, обнаруженная Византіей въ борьбѣ съ Арабами и Болгарами, находится въ связи съ этимъ приливомъ новыхъ силъ, съ улучшеніемъ экономическихъ основъ государственнаго быта". О судьбѣ этихъ славянскихъ колоній г. Васильевскій говоритъ въ другомъ мѣстѣ [1]): „X вѣкъ по Р. Х. есть, по видимому, тотъ критическій періодъ въ византійской исторіи, когда преобразовавшаяся властельская аристократія, то-есть, другими словами, относительно крупная поземельная собственность вела наиболѣе яростное нападеніе, наиболѣе упорную осаду противъ подкрѣпившагося въ теченіе предыдущихъ вѣковъ сословія свободныхъ крестьянскихъ землевладѣльцевъ, противъ крестьянской (славянской) общины. Прежде властельская аристократія не была довольно сильна для этого, а въ XI вѣкѣ борьба отчасти разрѣшилась торжествомъ одной изъ сторонъ, отчасти была пріостановлена внѣшними событіями".

Сравнивая не совсѣмъ рѣшительное заключеніе въ приведенномъ мѣстѣ о пріостановкѣ борьбы между общиной и властелями въ XI в. и о торжествѣ (отчасти) одной изъ сторонъ, то-есть конечно властельской, съ замѣчаніями, сдѣланными по поводу актовъ Миклошича и Мюллера [2]), мы склонны догадываться, что у г. Васильевскаго были серьезныя колебанія, или по крайней мѣрѣ, сомнѣнія въ результатахъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 166.

[2]) *Ж. М. Н. Пр.* іюль 1879, стр. 100.

борьбы къ XI в. Именно, приступая къ изложенію своихъ розысканій по IV тому Миклошича, онъ оговаривается: „Своею задачею по отношенію къ изданію Миклошича и Мюллера мы считаемъ именно то самое, что̀ было опущено издателями; то-есть, мы задаемся болѣе подробнымъ обозрѣніемъ заключающагося въ немъ матеріала, чѣмъ систематическимъ изображеніемъ условій монастырскаго землевладѣнія и крестьянскихъ отношеній, какъ они могли бы быть представлены на основаніи этого источника и при пособіи другихъ. Такая попытка обобщенія кажется намъ пока преждевременною и слишкомъ смѣлою". Не заключается ли здѣсь указаній на то впечатлѣніе, которое произвело на изслѣдователя ознакомленіе съ Актами Миклошича? Дѣло въ томъ, что въ массѣ документовъ XII, XIII и XIV вв., заключающихся въ изданіи Миклошича, трактуется не только объ отношеніяхъ зависимаго населенія къ свѣтскому или духовному землевладѣльцу, но и о разныхъ другихъ матеріяхъ въ приложеніи къ свободному землевладѣнію, къ независимымъ крестьянамъ-собственникамъ!

Такъ или иначе, но относительно того частнаго вопроса, которымъ мы теперь занимаемся, г. Васильевскій остался послѣдователемъ Цахаріэ фонъ-Лингенталя, хотя въ другихъ отношеніяхъ ему и удалось сдѣлать значительныя дополненія къ ученію о землевладѣніи въ Византіи. И нѣмецкій, и русскій византинисты согласны въ томъ, что крупное землевладѣніе поглотило сельскую общину, и что свободный классъ земледѣльцевъ палъ къ XI вѣку [1]. Результаты этого одинаково должны были отразиться во взглядѣ на законодательство Македонской династіи, въ опредѣленіи значенія комитуры (χομητοῦρα), въ преувеличеніи размѣровъ хищенія властелями крестьянскихъ земель въ X вѣкѣ, въ не совсѣмъ отчетливомъ представленіи о проніи и харистикаріѣ — учрежденіяхъ, изъ которыхъ первое никакъ не могло развиться изъ господствующаго присельническаго права, наконецъ—вообще въ умаленіи значенія славянскаго элемента въ Византіи.

Послѣ всего сказаннаго, наша собственная задача не только уже представляется ясною, но и такъ-сказать строго обязательною, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ доказательствъ существованія свободнаго крестьянскаго землевладѣнія послѣ XI вѣка. Если славянская об-

---

[1]) *Zachariae* § 62, Крестьянскія отношенія позднѣйшаго времени, и *Васильевскій*, Законодательство иконоборцевъ, статья вторая, стр. 125.

щина не погибла не только въ VI в., но и въ послѣдующіе вѣка до самаго паденія Византіи, то гдѣ же искать слѣдовъ ея, какъ изучать ея исторію? Мы начнемъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ съ объясненія причинъ, по которымъ изслѣдователи могли просмотрѣть въ изучаемыхъ ими документахъ славянскую общину. Вопросъ о византійскомъ землевладѣніи началъ нѣсколько выясняться лишь съ тѣхъ поръ, какъ стали появляться въ печати царскіе хризовулы, дарственныя и купчія записи, разнаго рода изъятія въ пользу церквей и монастырей. Почти исключительно всѣ этого рода документы вѣдаютъ отношенія зависимаго населенія къ церквамъ и монастырямъ. Въ монастырскихъ архивахъ и библіотекахъ естественно могли съ особенною бережливостью сохраняться тѣ акты, которые обезпечивали за монастыремъ его права на земли и церковныхъ крестьянъ. Несравненно меньше сохранилось дарственныхъ грамотъ и привилегій въ пользу свѣтскихъ лицъ, и почти совсѣмъ уже нѣтъ подобнаго же рода документовъ, касающихся взаимныхъ отношеній между крестьянами-собственниками и государственною властью, если не брать въ разчетъ новеллъ X вѣка. Объясняется это тѣмъ, что какъ частные архивы, такъ и государственный, съ меньшимъ упорствомъ выдерживали тяжелыя эпохи, пережитыя Византіей, чѣмъ церковь и монастыри. Но внѣшній, чисто случайный результатъ оказался при этомъ въ томъ, что мы хорошо знаемъ техническій терминъ, подъ которымъ скрываются зависимые крестьяне—парики (πάροικοι) и совершенно утратили двойникъ его, то-есть, таковой же техническій терминъ, подъ которымъ должны были быть извѣстны свободные крестьяне, именно славянскіе поселенцы въ имперіи. Κωμητοῦρα, ὁμάδες, ἀνακοίνωσις τῶν χωρίων, συγχωρῖται и тому подобные термины, употребляемые въ новеллахъ въ приложеніи къ крестьянской общинѣ, суть частію собирательныя имена, частію общія и не могутъ стать въ рядъ съ πάροικος. Между тѣмъ такой терминъ въ византійскихъ памятникахъ существуетъ, употребленіе его точное и строго выдержанное; по всей вѣроятности, оно дано Славянамъ съ первыхъ же лѣтъ поселенія ихъ на земляхъ имперіи и сдѣлалось съ тѣхъ поръ синонимомъ свободнаго крестьянина-колониста въ противоположность къ зависимому. Мы имѣемъ въ виду старое греческое слово ἔποικος. Правда, никакой словарь не уполномочиваетъ на такое заключеніе, да и слова ἔποικος нѣтъ у Дюканжа, но это произошло, можетъ быть, оттого, что слово весьма просто. Въ новомъ греческомъ языкѣ колонизація Славянами провинцій Византійской имперіи вы-

ражается терминомъ ἐποίκησις, и славянскіе поселенцы называются ἔποικοι [1]).

Здѣсь слѣдовало бы сдѣлать указанія на тѣ мѣста въ памятникахъ, которыя привели насъ къ заключенію о спеціальномъ значеніи слова ἔποικος въ приложеніи къ славянскимъ поселенцамъ. Но такъ какъ этими мѣстами ниже мы намѣрены воспользоваться и для другихъ цѣлей, то ограничимся на этотъ разъ самымъ необходимымъ. Тѣ поселяне Аѳинскаго округа, которые отправляли ходоковъ въ Константинополь въ 1184 г., и отъ имени которыхъ составленъ докладъ 1198 года, жили, конечно, уже не по присельническому праву, а по праву свободныхъ крестьянъ: иначе нельзя понять ихъ политическую роль, притязаніе на самостоятельность въ распредѣленіи податей между членами общинъ, и въ особенности, апелляцію къ центральной власти на несправедливыя дѣйствія назначенныхъ этою властью органовъ. Такой же характеръ внутреннихъ отношеній между членами общины и внѣшнихъ—къ мѣстной власти, несовмѣстный съ присельническимъ правомъ, усматривается въ документѣ 1271 года [2]). Это—мірской приговоръ общины Дріанувэны, составлявшей часть большаго политическаго тѣла — Янинской жупы-комитуры, какъ видно будетъ далѣе. Мы приведемъ его цѣликомъ.

Собственноручная вкладная запись Дріанувэ̦итовъ [3]).

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Мы, всѣ поселяне (οἱ ἅπαντες ἔποικοι) мѣстечка Дріанувэны, общимъ совѣтомъ, мнѣніемъ и желаніемъ, приложивъ собственноручныя подписи къ настоящему свитку, даемъ

---

[1]) Παπαρρηγοπουλου, Περι εποικησεως Σλαβικων τινων φυλων εις την Πελοποννησον, εν Αθηναις, 1843.

[2]) *Miklosich*, Acta, IV, 391.

[3]) Община Дріанувэнитовъ составляла часть обширной комитуры Янинской, какъ это видно изъ хризовула 1319 г., *Χρονογραφια της Ηπειρου* II, 305. Относительно положенія теперь не существующаго мѣстечка можно судить по сохранившемуся до сего времени монастырю Іоанна Предтечи. *Васильевскій* — *Ж. М. Н. Пр.*, іюль 1879, стр. 161: «На западныхъ скалистыхъ и обрывистыхъ склонахъ горы Пеліона, неподалеку отъ Новой Димитріады, раздѣленныя глубокою разсѣлиной, до сихъ поръ находятся два большихъ и богатыхъ села, отличающіяся своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ, Макриница и Портарія: первое съ церковью, прежде монастыремъ св. Дѣвы Маріи-Скораго Призрѣнія, второе съ женскимъ монастыремъ св. Іоанна Предтечи, прозываемымъ Петрою и Новою Петрою». Эти села находятся въ Ѳессаліи, около Пагасейскаго залива, теперь Воло.

сіе добровольное и не вынужденное обязательство со всѣми соучастниками и совладѣльцами нашими [1]) добровольно и непринужденно, обдуманно и нелегкомысленно, по собственному желанію и произволенію, а не изъ принужденія какого или насилія или страха, и не подъ давленіемъ власти архонта, но со всею охотой и душевнымъ расположеніемъ, словомъ сказать, изъ-за великой нашей преданности и любви къ вамъ, благороднѣйшимъ супругамъ, то-есть, возлюбленному зятю державнаго и святаго нашего государя и царя, Ангелу-Комнину-Мелиссину Николаю [2]) и возлюбленной супругѣ его, любезнѣйшей племянницѣ державнаго и святаго нашего государя и царя Дукенѣ-Комниной-Палеологинѣ, госпожѣ Аннѣ Мелиссиной, состоящей ктиторшею честнѣйшей патріаршей женской обители во имя поклоняемаго честнаго и славнаго пророка Продрома, и чрезъ васъ всей братіи и всему собору сей обители, какъ слѣдуетъ ниже.

---

[1]) σὺν τοῖς παντοίοις κληρονόμοις καὶ διακατόχοις ἡμῶν. Здѣсь не могутъ не прійдти на умъ тѣ пять категорій родовыхъ и общинныхъ отношеній, которыя указаны въ новеллѣ Романа Лакапина отъ 922 г., какъ имѣющихъ предпочтительное право на покупку отчуждаемыхъ имѣній; см. *Zachariae*, III, 234, его же Geschichte, 219; *Васильевскій*, *Ж. М. Н. Пр.*, мартъ 1879, стр. 175. Вступительная часть этой новеллы, различающая древній законъ отъ новаго, не должна ли быть истолкована въ смыслѣ разности воззрѣній римскаго и славянскаго права на собственность? Во всякомъ случаѣ, должно согласиться, что удовлетворительное истолкованіе этихъ пяти категорій 1) οἱ ἀνάμιξ συγκείμενοι συγγενεῖς, 2) οἱ συμπεπλεγμένοι κοινωνοί, 3) οἱ μόνον ἀναμεμιγμένοι, 4) οἱ συμπαρακείμενοι ὁμοτελεῖς, 5) οἱ ἁπλῶς ἔν τινι μέρει ἡνώμενοι (=ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τῆς ὁμάδος τῶν καλουμένων χωρίων ἢ ἀγριδίων), не возможно, если не перенестись вполнѣ въ общинныя отношенія. Первая категорія составитъ *семейную* или *родовую общину*; вторая—болѣе широкій союзъ, въ который вошли и не родичи, членовъ общины—*общинниковъ*; третья —*обывателей общины* (бобыли, захребетники, вообще живущіе не своимъ хозяйствомъ); четвертая категорія предполагаетъ выдѣлившіеся изъ общины, но въ писцовыхъ книгахъ (въ кадастрѣ) значащіеся подъ своею митрополіей поселки, и потому должна составить *соплательщиковъ*; пятая обозначаетъ *союзъ общинъ*, обширное общинное тѣло, примѣры котораго представитъ намъ и славянская община въ Византіи, если не захотимъ удовлетвориться русскими народоправствами. Само собою разумѣется, если принято будетъ это толкованіе, новеллы X вѣка окажутся понятыми не вполнѣ правильно. На приведенное толкованіе этого мѣста новеллы Романа Лакапина мы наведены были еще въ 1877 г. бесѣдами съ извѣстнымъ знатокомъ вопросовъ объ общинѣ М. М. Ковалевскимъ.

[2]) О ѳессалійскихъ Мелиссинахъ у г. *Васильевскаго*, іюль 1879, стр. 161. Можно только прибавить, на основаніи житія св. Ѳеодоры, что Мелиссины получили здѣсь преобладаніе въ концѣ XII в.

„Поелику, по водительству Божію, вышеназванные благородные супруги вознамѣрились воздвигнуть въ темѣ мѣстечка нашего Дріанувэны, въ мѣстности Архонтица, женскую патріаршую обитель во имя честнаго и всеславнаго пророка Продрома, по имени Неа Петра, каковая съ Божьею помощію должна стать успокоеніемъ многихъ душъ, и съ этою цѣлію пожелали выкупить все помѣстье у Михаила Архонтицы [1]), который уже много лѣтъ владѣетъ имъ, чтобы записать его на имя монастыря со всѣми различными угодьями и владѣніями, какъ это значится въ купчей Архонтицы Михаила, и поелику на названномъ помѣстьѣ лежитъ ежегодная подать въ двѣ номисмы и 8 коккіевъ [2]), вы же вознамѣрились все помѣстье посвятить Богу,—то мы, перечисленные поселяне (ἔποικοι) Дріанувэны, зная, что однажды посвященное Богу не порабощается, приговорили:

„лежащую на означенномъ помѣстьѣ ежегодную подать въ двѣ номисмы съ третью не оставлять на обители, но устроить такъ, чтобы все это имѣнье перешло во власть и собственность обители безъ дани и безъ пошлины. Разсудивъ сдѣлать это, мы рѣшились письменнымъ ручательствомъ подтвердить наше доброе желаніе, и потому сею добровольною и не вынужденною вкладною записью принимаемъ на себя указанную ежегодную подать и присоединяемъ ее къ нашимъ платежнымъ статьямъ [3]), дабы и она вносилась нами согласно со средствами каждаго, и дабы обитель сохранилась безъ притѣсненія относительно взноса каждогодной дани, то-есть, двухъ съ третью иперпировъ,—съ одной стороны, ради нашего душевнаго спасенія, съ другой—ради Божьей любви, какую отъ глубины души мы питаемъ къ вамъ, благороднѣйшимъ супругамъ, за честь и управленіе и милости, которыми постоянно пользуемся отъ васъ. И никогда ни мы сами,

[1]) Актъ продажи сохранился въ изданіи *Миклошича*, IV, 396. Онъ совершенъ ἐνώπιον καὶ τῶν κρειττόνων ὅλων ἐποίκων τῆς Δριανουβαίνης. Не лишено значенія и то обстоятельство, что Михаилъ носилъ прозваніе отъ своего помѣстья Архонтица. Какъ понимать власть архонта въ этомъ документѣ—объ этомъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

[2]) Относительно цѣнности византійской монеты съ удовольствіемъ отсылаемъ къ превосходнымъ разъясненіямъ г. *Васильевскаго—Ж. М. Н. Пр.*, 1879 августъ, стр. 387 и слѣд.

[3]) ἀναδεχόμεθα τὸ δηλωθὲν ἐτήσιον τέλος καὶ προστιθέμεθα τοῦτο τοῖς ἡμετέροις ἐτησίοις ἀκροστίχοις, ὡς καὶ τοῦτο τελεῖσθαι παρ' ἡμῶν ἀναλόγως κατὰ τὴν ἑκάστου ἰσχύν. Ἀκρόστιχοι — писцовыя книги, позднѣе поземельная подать, см. *Zachariae* Geschichte, 194; Jus III, 393.

никто изо всѣхъ соучастниковъ и совладѣльцевъ нашихъ не смѣетъ рѣшиться на уничтоженіе сей вкладной записи нашей въ одной части или въ цѣломъ, подъ страхомъ привлеченія на себя проклятія 318 святыхъ богоносныхъ отцовъ Никейскихъ и отлученія отъ Господа Бога. Такъ мы рѣшились и согласились и положили настоящую добровольную и не вынужденную вкладную собственноручную запись нашу составить на васъ, благороднѣйшихъ супруговъ, и если посмѣемъ отринуть ее частію или въ цѣломъ, не только да не будетъ дано вѣры нашимъ словамъ, что бы мы ни свидѣтельствовали, но да подвергнемся пенѣ въ вашу пользу и въ пользу вышеназванной обители въ размѣрѣ одной литры номисмъ иперпировъ, и кромѣ того, подлежимъ вышеуказаннымъ проклятіямъ. Поелику же не оказалось тавулларія во всей области Димитріады, то по просьбѣ нашей написанъ сей свитокъ рукой честнѣйшаго архіерея Димитріады и Алмира и протосинкелла Михаила. Въ мѣсяцѣ сентябрѣ 15 индикта, въ лѣто 6780".

Предоставляя себѣ воспользоваться въ другомъ мѣстѣ содержаніемъ этого документа, мы лишь выставляемъ теперь на видъ одинъ его признакъ: члены общины, составившей приговоръ о разложеніи двухъ съ третью номисмъ на всѣхъ соучастниковъ и совладѣльцевъ, называютъ себя οἱ ἔποικοι. Если будемъ пересматривать и другіе акты, касающіеся землевладѣнія въ Византіи, если обратимся затѣмъ къ лѣтописцамъ [1]),—и тамъ найдемъ подтвержденіе, что свободные крестьяне назывались **поселянами** (ἔποικοι), что вездѣ почти, гдѣ упоминаются поселяне, можно отыскать слѣды указаній на общину, что наконецъ свободное землевладѣніе и славянская община пережила самую имперію. Чтобы избѣжать въ послѣдующемъ изложеніи недоразумѣній, мы примемъ терминъ **эпикъ** (поселянинъ) для свободнаго крестьянина-общинника и терминъ **парикъ** для зависимаго (присельника).

Но если устанавливается для насъ средство показать слѣды славянской общины и свободнаго землевладѣнія не только послѣ новеллъ X вѣка, но и послѣ латинскаго завоеванія, то мы не можемъ уже ограничиться ссылкою на подходящія мѣста въ актахъ и въ лѣто-

[1]) У лѣтописцевъ, правда, мы нашли мало мѣстъ, гдѣ упоминался бы этотъ терминъ. Иначе, впрочемъ и быть не можетъ: встрѣчайся онъ чаще, на него ранѣе обратили бы вниманіе. Съ другой стороны, и того нельзя опускать изъ виду, что, какъ слишкомъ простой и обычный, этотъ терминъ не вошелъ въ указатели словъ, и что его, слѣдовательно, нужно будетъ отыскивать у историковъ.

писи, хотя и этимъ была бы въ извѣстной мѣрѣ исполнена наша задача. Славянская община, разрушившаяся къ XI вѣку подъ ударами властелей, и славянская община, выдержавшая борьбу съ крупнымъ землевладѣніемъ, затормозившая процессъ феодолизаціи въ Византіи и пережившая бурную эпоху завоеванія латинскихъ рыцарей,—два фактора совершенно неодинаковые въ политическомъ и всемірно-историческомъ значеніи. Поэтому находимъ здѣсь умѣстнымъ бросить взглядъ назадъ, чтобъ опредѣлить хотя въ нѣкоторыхъ чертахъ область дѣйствія славянской общины въ Византіи и политическую роль ея въ государствѣ, если не съ тѣмъ, чтобы рѣшить такую широкую задачу, то по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, чтобы дать надлежащую постановку славянскому вопросу въ Византійскомъ государствѣ.

Въ 1859 году въ Ученыхъ Запискахъ II-го отдѣленія Академіи Наукъ появилось изслѣдованіе В. И. Ламанскаго: „О Славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи". Имя этого ученаго дорого не намъ однимъ. Подъ его руководствомъ воспитались уже многіе усердные дѣятели, заявившіе себя почтенными трудами по славянской и византійской наукѣ и въ свою очередь преподающіе вынесенные отъ него уроки съ университетскихъ каѳедръ. И до сихъ поръ онъ продолжаетъ привлекать молодыя силы къ занятіямъ по излюбленному имъ предмету. Направленіе, школа г. Ламанскаго дѣйствительно уже и теперь ясно высказывается въ положеніи исторической науки въ Россіи, въ особенности по отношенію къ славянству и древне-русской исторіи; но она окажетъ еще болѣе замѣтное вліяніе со временемъ, когда ученики его выступятъ сами съ зрѣлыми и самостоятельными трудами. Въ названномъ выше сочиненіи г. Ламанскій, между прочимъ, задается вопросомъ: существовали ли славянскія поселенія въ Малой Азіи, и потеряна ли въ настоящее время возможность изучать славянскую стихію даже подъ турецкимъ владычествомъ? Вопросъ, поставленный такимъ образомъ г. Ламанскимъ, весьма близко подходитъ къ задачамъ нашего изслѣдованія, и мы не могли бы обойдти его молчаніемъ даже и въ томъ случаѣ, если бы получились у него отрицательные выводы. Но г. Ламанскій даетъ положительный отвѣтъ, подкрѣпленный рядомъ современныхъ византійскихъ свидѣтельствъ отъ VII до XIII в. и подтвержденный показаніями путешественниковъ XVIII и XIX вѣковъ [1]).

---

[1]) *Ученыя записки втораго отдѣленія Императорской Академіи наукъ*, кн. V, С.-П. 1859. Имѣемъ въ виду преимущественно начало сочиненія г. *Ламанскаго*, стр. 1—38 и относящіяся сюда Историческія замѣчанія

„Славяне", говоритъ г. Ламанскій,—„переселялись въ Малую Азію въ VII, VIII, въ XII и XIII в. по большей части въ однѣ и тѣ же мѣстности, преимущественно въ Виѳинія. Выше мы доказали, что въ IX—X в. и даже позже Славяне Азійскіе сохраняли свою народность, что впрочемъ понятно и безъ всякихъ на то свидѣтельствъ. Безъ сомнѣнія, сохраняли ее и гораздо позже, вопервыхъ, потому, что имѣли постоянныя сообщенія съ своими земляками и соплеменниками европейскими. Дѣйствительно, въ 821 году Греки говорили, что Славяне многократно переселялись въ Азію, тогда какъ лѣтописцы упоминаютъ до 821 года только о трехъ переселеніяхъ. Какъ случайное, мимоходное упоминаніе Византійцевъ объ этихъ трехъ переселеніяхъ, такъ и слова продолжателя Константина Багрянороднаго о многократныхъ переселеніяхъ Славянъ въ Азію до 821 года, несомнѣнно доказываютъ, что въ періодъ VII—IX в. было не мало случаевъ этихъ переселеній, о которыхъ умолчали историки. Такіе случаи должны были быть дѣйствительно нерѣдки, какъ въ этотъ, такъ и въ позднѣйшій періодъ" [1]).

На вторую часть вопроса—о возможности изученія славянства въ Малой Азіи въ настоящее время—г. Ламанскій даетъ такой отвѣтъ: „Должно полагать, что въ настоящее время въ Малой Азіи если и не сохранилась славянская стихія во всей чистотѣ, то тѣмъ не менѣе оставила по себѣ много слѣдовъ, какъ въ бытѣ, такъ и въ языкѣ, пѣсняхъ, напѣвахъ, наконецъ, даже въ физическихъ особенностяхъ жителей нѣкоторыхъ частей Малой Азіи. Путешествіе по Малой Азіи для этнографическаго изслѣдованія остатковъ бывшихъ въ ней славянскихъ поселеній могло бы, смѣю думать, принести пользу наукѣ. Подтвержденіемъ этой мысли можетъ, между прочимъ, служить весьма любопытное извѣстіе почтеннаго и весьма мало нами цѣнимаго, стариннаго путешественника нашего Василія Григоровича Барскаго Плаки Альбова" [2]) Изъ этого путешествія приводятся большія извлеченія, дѣйствительно весьма любопытныя по описанію жителей Малой Азіи, не Грековъ по языку и не мусульманъ по вѣрѣ. Ради примѣра приведемъ хотя отрывокъ: „Тамо (Селевкія) не точію Турки обрѣтаются, но и христіанъ много съ священниками, и церкви въ семъ разнствуютъ отъ иныхъ странъ, яко инымъ языкомъ, не бесѣдуютъ, точію турецкимъ, посполитъ народъ весь, въ сапогахъ обувенъ есть, на головахъ

[1]) О Славянахъ въ Малой Азіи, стр. 14.

[2]) Тамъ же стр. 18.

мужіе носятъ нѣкія высокія шапки съ завивалы и зрятся быти страшны пришельцамъ". Не менѣе любопытны также приводимыя г. Ламанскимъ наблюденія англійскаго путешественника Гамильтона, посѣтившаго Малую Азію въ 1837 году. Какъ эти, такъ и другія указанія привели нашего ученаго къ выводу, который нельзя не признать слишкомъ сдержаннымъ: „Безъ этнографическаго путешествія ученыхъ наблюдателей, хорошо знакомыхъ съ турецкимъ, греческимъ и славянскимъ языками и бытомъ, было бы слишкомъ смѣло и неосновательно утверждать, что въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ славянства въ Малой Азіи. Напротивъ, въ высшей степени вѣроятна возможность, на основаніи точныхъ этнографическихъ наблюденій, возсоздать для науки географическое распредѣленіе Славянъ въ Малой Азіи" [1]).

Ограничивая собственно византійскимъ періодомъ наши наблюденія, мы должны имѣть въ виду, что, кромѣ трехъ большихъ переселеній въ VII и VIII вв., кромѣ, такъ-сказать, правительственной колонизаціи Малой Азіи славянскими поселенцами, замѣчается во всѣ времена постоянный обмѣнъ сношеній между азійскими и европейскими Славянами. Это обстоятельство было также взвѣшено г. Ламанскимъ и привело его къ слѣдующимъ соображеніямъ: „Появленіе въ Малой Азіи Славянъ въ такихъ значительныхъ силахъ весьма много содѣйствовало поддержанію народности славянской въ колоніяхъ малоазійскихъ. Если бы въ XIV и XV вв. народность ихъ стала замирать, то приходъ ихъ земляковъ въ такихъ массахъ, безъ сомнѣнія, могъ подѣйствовать на нихъ также, какъ проходъ русскихъ войскъ по австрійскимъ владѣніямъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія поднялъ духъ и укрѣпилъ начавшія упадать народныя силы Славянъ западныхъ. Но объ исчезновеніи славянской народности въ этотъ періодъ въ Малой Азіи, кажется, не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что многочисленныя колоніи славянскія, основанныя въ Малой Азіи въ VII—VIII вв., не только сохраняли свою народность въ IX—X вв. и позже, но еще получили новыя и свѣжія подкрѣпленія, напримѣръ, въ XII в." [2]).

Разсужденія г. Ламанскаго о славянскихъ поселеніяхъ въ Малой Азіи совершенно справедливы, и сдѣланные имъ выводы о сохраненіи славянскаго элемента на Востокѣ черезъ весь византійскій періодъ

[1]) Тамъ же, стр. 21.
[2]) Тамъ же, стр. 8.

законны и необходимы, какъ основанные на вѣрныхъ посылкахъ. Если чего недостаетъ въ разсужденіяхъ и выводахъ нашего почтеннаго слависта, такъ это оцѣнки внутренней живой силы, самопомощи и живучести, которыми обладала сама славянская община. Въ самомъ дѣлѣ, въ приведенныхъ разсужденіяхъ и выводахъ чувствуется хотя нигдѣ авторомъ не высказанная, но подразумѣваемая сама собою мысль, съ которою мы не можемъ согласиться. Предполагается, будто Славяне выброшены были въ Малую Азію, да такъ и оставлены на произволъ судьбы; будто византійское правительство не преслѣдовало военныхъ и экономическихъ цѣлей, переселяя Славянъ въ Малую Азію, и само не было заинтересовано не только сохраненіемъ, но и процвѣтаніемъ славянскихъ колоній; будто, наконецъ, славянскія колоніи, изъ которыхъ иныя выставляли 30 тысячъ войска для имперіи, не заключали въ себѣ достаточно внутреннихъ средствъ для борьбы съ разрушительными силами. Конечно, дѣло не стояло въ такомъ положеніи. Первоначальныя отношенія Славянъ къ Восточной имперіи остаются до сихъ поръ не поняты, что̀ не могло не отражаться весьма важными послѣдствіями на сужденіяхъ о политической и исторической роли славянскаго элемента въ Византіи.

И мы не совсѣмъ вооружены для рѣшенія этого принципіальнаго вопроса, который требуетъ многихъ подготовительныхъ изслѣдованій. Позволяемъ себѣ однако указать хотя немногое, на чемъ въ настоящее время остановилось наше вниманіе, въ томъ предположеніи, что затронутый вопросъ вызоветъ и другихъ на поиски въ соотвѣтствующемъ направленіи. И прежде всего остановимъ вниманіе на извѣстіяхъ о большихъ поселеніяхъ Славянъ въ Малой Азіи въ VII и VIII вв. Какъ мы видѣли выше, такихъ извѣстій всего три.

Въ лѣтописи Өеофана подъ 664 годомъ читаемъ [1]): „И двинулся въ походъ Абдерахманъ сынъ Халеда на Романію и перезимовалъ въ ней и опустошилъ многія области. Славяне же, вошедшіе съ нимъ въ договоръ [2]), въ числѣ пяти тысячъ, ушли съ нимъ въ Сирію и

---

[1]) Theophanis Chronographia I, 532, ed. Bonn. 532: καὶ ἐπεστράτευσεν ὁ Ἀβδεραχμὰν ὁ τοῦ Χαλέδου τὴν Ῥωμανίαν καὶ ἐν αὐτῇ ἐχείμασεν, καὶ πολλὰς ἐλυμήνατο χώρας. Οἱ δὲ Σκλαβινοὶ τούτῳ προσρυέντες σὺν αὐτῷ ἐν Συρίᾳ κατῆλθον χιλιάδας πεντε, καὶ ᾤκησαν εἰς τὴν Ἀπάμειαν χώραν ἐν κώμῃ Σκευοκοβόλῳ.

[2]) Нашъ переводъ обусловливается употребленіемъ слова у писателей; сравн. Cedreni I, 772: τὰ μὲν προσρυέντα τὰ δὲ πολέμῳ, и Niceph. Patr. ap. *Migne* 100, p. 936: τὰ μὲν πολέμῳ τὰ δὲ ὁμολογίᾳ.

поселились въ области Апамейской въ селеніи Скевоковолъ [1]). Изъ этого извѣстія, правда, трудно извлечь болѣе того, что нами указано въ примѣчаніяхъ; но во всякомъ случаѣ не слѣдъ думать, что пятитысячная славянская колонія обречена была на конечное уничтоженіе [2]),—иначе родичи и соплеменники этихъ Славянъ не пошли бы потомъ въ Азію. Между тѣмъ мы замѣчаемъ совсѣмъ обратныя явленія.

Болѣе матеріала для заключеній представляетъ второе извѣстіе, или лучше сказать, рядъ упоминаній объ одномъ и томъ же событіи, послѣдовавшемъ въ 687 г. при царѣ Юстиніанѣ II. Основной текстъ принадлежитъ также Ѳеофану [3]), который пишетъ: „Юстиніанъ двинулся въ походъ на Славянъ и Болгаръ: Болгаръ, сейчасъ же повстрѣчавшихся, оттолкнулъ, дошедши же до Солуня и захвативъ многое множество Славянъ частію военноплѣнными, частію же по договору, поселилъ ихъ въ области Опсикій, переправивъ на ту сторону у Абидоса“. Итакъ, Славяне сами идутъ на встрѣчу желаніямъ правительства и вступаютъ съ нимъ въ соглашеніе относительно новыхъ земель въ Малой Азіи. Мы можемъ это утверждать на основаніи извѣстій о судьбѣ поселенныхъ Юстиніаномъ въ Опсикіи Славянъ, которые заявляютъ о своемъ существованіи довольно продолжительное время. Оказывается притомъ же, что колонизаціей Славянъ византійское правительство достигало столько же военныхъ, сколько и экономическихъ цѣлей. „Юстиніанъ отдѣлилъ,“ говоритъ Ѳеофанъ [4]),—

---

[1]) ἐν χώμῃ. Точно также употребленіе этого слова давало бы намъ право сказать здѣсь: въ волости или въ жупѣ. Ѳеофанъ жилъ во второй половинѣ VIII и въ началѣ IX вѣка, свидѣтельствуетъ же о фактѣ, случившемся въ VII в. Несомнѣнно, что Славянамъ переселившимся въ числѣ 5000, отмежевана была незанятая земля, и что подъ словомъ χώμη Ѳеофанъ понимаетъ не только поселеніе въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но и тѣ внутренніе порядки, которые у Византійцевъ отмѣчаются именно или этимъ словомъ, или отъ него произведеннымъ.

[2]) *Šafařik*, § 29, 6 прим. 129.

[3]) Theoph. Chronogr. I, 557 (a. 6180): ἐπεστράτευσεν Ἰουστινιανὸς κατὰ Σκλαβινίας καὶ Βουλγαρίας· Καὶ τοὺς μὲν Βουλγάρους πρὸς τὸ παρὸν ὑπηντηκότας ὤθησεν (какъ кочевую орду, непригодную для цѣлей колонизаціи, прибавимъ отъ себя). μέχρι δὲ Θεσσαλονίκης ἐκδραμών, πολλὰ πλήθη τῶν Σκλάβων τὰ μὲν πολέμῳ τὰ δὲ προσρυέντα παραλαβὼν εἰς τὰ Ὀψικίου διὰ τῆς Ἀβύδου περάσας κατέστησε μέρη.

[4]) Theoph. I, 559. Ἰουστινιανὸς ἀπελέξατο ἐκ τῶν μετοικισθέντων ὑπ' αὐτοῦ Σκλάβων καὶ ἐστράτευσε χιλιάδας λ' καὶ ὁπλίσας αὐτοὺς ἐπωνόμασεν αὐτοὺς λαὸν περιούσιον, ἄρχοντά τε αὐτῶν Νέβουλον τοὔνομα.

„изъ переселенныхъ имъ Славянъ и привелъ въ военное состояніе 30 тысячъ, и вооруживъ ихъ, назвалъ войскомъ опричнымъ (отборнымъ), давъ въ начальники ему Невула". Это отборное войско не оправдало однако надеждъ Юстиніана. Во время войны съ Арабами предводитель Славянъ перешелъ на сторону врага съ 20 тысячами человѣкъ, чѣмъ и рѣшилъ дѣло въ пользу Арабовъ. Разгнѣванный Юстиніанъ приказалъ будто бы перебить всѣхъ остальныхъ Славянъ съ женами и дѣтьми [1]).

Извѣстіе о большомъ переселеніи Славянъ при Юстиніанѣ повторяется съ нѣкоторыми измѣненіями у многихъ писателей — у патріарха Никифора, Кедрина, Зонары. Но любопытнѣе всего маленькая прибавка, сдѣланная Никифоромъ [2]): „Изъ этихъ Славянъ набираетъ военный отрядъ до 30 тысячъ... и назначаетъ начальника ему изъ благороднѣйшихъ (то-есть, изъ старѣйшинъ) именемъ Гевула". Нечего и говорить, что истребленіе такого громаднаго числа людей, которое могло выставить отрядъ въ 30 тысячъ человѣкъ, является фактомъ не правдоподобнымъ. Кромѣ прямыхъ свидѣтельствъ писателей о славянскомъ населеніи въ мѣстности, назначенной для этой колоніи, въ VIII, IX и слѣдующихъ вѣкахъ [3]), насъ разубѣждаютъ въ справедливости словъ Ѳеофана еще слѣдующія соображенія: Обязательная поставка тридцатитысячнаго отряда была, очевидно, однимъ изъ условій, на которыхъ Славяне поселены были на пустопорожнихъ земляхъ имперіи. Это было обязательство со стороны колоніи, которое исполнено было при соблюденіи обязательства со стороны администраціи—дать колонистамъ столько земли, чтобъ они въ состояніи были выставлять отъ себя такой отрядъ. Предполагается, что въ славянской колоніи было по крайней мѣрѣ вдвое, если не втрое большее количество крестьянскихъ дворовъ, что̀ въ свою очередь ведетъ къ дальнѣйшему заключенію о численномъ составѣ всей колоніи, который долженъ былъ заключать въ себѣ никакъ не менѣе 250 тысячъ. Весьма вѣроятно, что Славяне не были довольны рас-

---

[1]) Ibid. p. 561.

[2]) Nicephori Patr. ap. *Migne*, C., p. 936: ἐξ ὧν στρατεύει ἄχρι καὶ ἕως τριάκοντα χιλιάδας λαὸν.... ἄρχοντα αὐτοῖς ἐκ τῶν εὐγενεστέρων ἐπιστήσας Γεβοῦλον τοὔνομα. Grimm, D. R. A. стр. 265.

[3]) Theoph. I, 561: καὶ ἐπεστράτευσε Μουαμὲδ τῇ Ῥωμανίᾳ ἔχων μεθ' ἑαυτοῦ τοὺς πρόσφυγας Σκλάβους ὡς ἐμπείρους τῆς Ῥωμανίας; Cedreni I, 773; ср. *Шафарикъ*, § 29, 6, прим. 130.

поряженіями правительства по назначенію земель, слѣдствіемъ чего и былъ переходъ двухъ третей опричнаго войска на сторону Арабовъ. Но это обстоятельство могло сопровождаться нѣкоторыми стѣсненіями для колонія, но никакъ не повести къ уничтоженію ея. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о дѣйствительной практикѣ, имѣвшей мѣсто въ Византіи по отношенію къ занимающему насъ вопросу, нужно изучать новеллы X в. о воинскихъ участкахъ. Совершенно справедлива догадка г. Васильевскаго [1]), что воинскіе участки были образуемы не только посредствомъ отвода государственной или казенной земли, но и просто чрезъ объявленіе части крестьянскихъ земель военными. Притомъ же участки, объявленные военными, отнюдь не порывали связи съ крестьянскими, изъ которыхъ они выдѣлялись, что̀ видно изъ условій, которыми обставленъ былъ переходъ ихъ въ другія руки и ихъ обязательства „складчиковъ и сокопейщиковъ" спѣшить на помощь обнищавшему стратіоту [2]). Въ новеллахъ X в., относительно военныхъ участковъ, мы видимъ еще разъ торжество славянскихъ правовыхъ воззрѣній надъ римскими и ставимъ эти новеллы въ близкую связь съ изученіемъ судебъ славянской общины въ Византіи. Ниже мы надѣемся подкрѣпить эти соображенія нѣкоторыми доказательствами.

Что касается выраженія λαὸν περιούσιον—опричный или отборный отрядъ, какъ названъ былъ Юстиніаномъ тридцатитысячный славянскій корпусъ, въ этомъ, конечно, нельзя не видѣть въ извѣстной степени почетнаго и отличительнаго названія, которое и было вполнѣ умѣстно, если сообразить, что одна эта колонія доставляла около четвертой части всѣхъ сухопутныхъ военныхъ силъ имперіи. Какъ же было не дорожить Юстиніану II такою важною и полезною для государства силой? Относительно славянскаго вопроса, который составлялъ важную государственную задачу для Византіи, у этого государя была хорошо обдуманная и ясно сознанная система, обозначавшая переходъ къ новымъ воззрѣніямъ, къ новой политикѣ. Онъ отказался отъ обычной практики — покупать невѣрную дружбу унизительными ежегодными дарами или вооружать Болгаръ на Славянъ и на оборотъ, чтобы занять ихъ внутренними раздорами, и оцѣнилъ выгоды соединенія Славянъ въ одно политическое тѣло съ имперіей. Прямыхъ извѣстій объ этомъ, правда, нѣтъ, но есть такія, которыя позволяютъ

---

[1]) *Ж. М. Н. Пр.*, мартъ 1879, стр. 195 и сл.

[2]) *Zachariae* III, 265; Const. De cerimoniis II, cap. 49; *Васильевскій* 197.

дѣлать предложенія. „Онъ нарушилъ утвержденный съ Болгарами миръ, отмѣнивъ дѣйствовавшія со времени отца его и вошедшія въ практику положенія, и приказываетъ переправить во Θракію конныя темы, намѣреваясь взять въ полонъ Болгаръ и Славянъ“ [1]). Не съ этого ли времени вошли въ византійскій языкъ, и слѣдовательно, въ жизнь τὰ τάγματα, съ спеціальнымъ указаніемъ на пѣшее войско, собираемое изъ славянскихъ колоній?

Третье извѣстіе, также о большомъ славянскомъ поселеніи въ Малой Азіи, относится къ VIII в., именно къ царствованію Константина Копронима. Въ 754 г., вслѣдствіе волненій въ Болгаріи, множество Славянъ перешло въ имперію, и императоръ поселилъ ихъ на Артанѣ [2]): таково слишкомъ краткое замѣчаніе Θеофана. Полнѣе о томъ же говоритъ патріархъ Никифоръ [3]): „По прошествіи не немногихъ лѣтъ, Славянскія племена, покинувъ свою землю, переходятъ за Евксинъ. Доходило же число ихъ до 208 тысячъ. Они поселяются у рѣки, называемой Артиною“. Въ сущности и положеніе этой колоніи совершенно не извѣстно. Но навѣрное, она организована была также, какъ и вторая колонія въ VII в., и число военныхъ силъ, доставляемыхъ ею, должно было доходить до 20 тысячъ. Если вообразимъ теперь чисто-славянскую армію, поставляемую двумя колоніями, въ размѣрѣ 50 тысячъ, и составляющую почти половину всѣхъ силъ имперіи, то не только вполнѣ устранена будетъ опасность уничтоженія славянскихъ поселеній въ Малой Азіи, но и возникнутъ сами собою вопросы о значеніи вообще славянскаго элемента въ устройствѣ имперіи. При этомъ уже теряютъ силу доказательности мѣста писателей объ участіи Славянъ въ войнахъ, ведущихся въ Малой Азіи [4]); ибо является очевиднымъ, что Славяне выносили на своихъ плечахъ всѣ военныя

[1]) Theoph. Chronogr. I, 557: παρέλυσε δὲ καὶ τὴν μετὰ Βουλγάρων παγιωθεῖσαν εἰρήνην, διαταράξας ὑπὸ τοῦ οἰκείου πατρὸς ἐνορδίνους γεγονότας τύπους, καὶ κελεύει περᾶσαι ἐπὶ τὴν Θρᾴκην τὰ καβαλλαρικὰ θέματα. Въ чемъ заключались эти ἐνορδίνοι τύποι, объ этомъ только частію говоритъ Θеофанъ выше, p. 549 (ежегодная дань, къ стыду Ромеевъ).

[2]) Theoph. I, 667: Σκλάβων δὲ πολλῶν ἐκφυγόντων, προσερρύησαν τῷ βασιλεῖ, οὓς κατέστησεν ἐπὶ τὸν Ἀρτάναν.

[3]) Nicept. Patr. ap. *Migne*, C., p. 997. Χρόνων δὲ οὐκ ὀλίγων διελθόντων Σκλαβηνῶν γένη τῆς ἑαυτῶν μεταναστάντα γῆς φυγάδες διαπερῶσι τὸν Εὔξεινον. Συνετέλει δὲ αὐτῶν τὸ πλῆθος ἄχρι καὶ εἰς ἀριθμὸν ὀκτὼ καὶ διακοσίας χιλιάδας. Καὶ πρὸς τὸν ποταμὸν ὃς Ἀρτάνος καλεῖται αὐτοὶ κατοικίζονται.

[4]) Theoph. Chronogr. p. 661, 662; сравн. *Ламанскій*, стр. 5.

тяжести имперіи, и что правительство, колонизуя Малую Азію Славянами, заинтересовано было сохраненіемъ этой обновляющей государство силы и возможностью пользоваться ею не въ одно царствованіе, даже не въ одно столѣтіе.

Разобранныя извѣстія о поселеніяхъ Славянъ въ Малой Азіи въ VII и VIII вв., при всей ихъ краткости и неполнотѣ, позволяютъ судить о численности славянскаго элемента и о военномъ значеніи его для имперіи. Скептическій умъ можетъ не удовлетвориться этими краткими извѣстіями писателей, принадлежащихъ ко второй половинѣ VIII и началу IX в., и въ особенности, можетъ найдти ихъ слабыми для обоснованія нашей задачи—намѣтить политическую роль, какую играли Славяне въ имперіи. Самое слабое мѣсто лѣтописныхъ извѣстій состоитъ въ томъ, что они не даютъ прямыхъ данныхъ къ сужденію объ устройствѣ славянскихъ колоній, а между тѣмъ въ этомъ заключается сущность дѣла. Для восполненія этого весьма чувствительнаго недостатка мы предлагаемъ обратиться къ законодательнымъ актамъ X вѣка, именно къ новелламъ.

Пользованіе новеллами въ настоящее время весьма облегчено, благодаря труду г. Васильевскаго [1]), который изложилъ ихъ содержаніе на русскомъ языкѣ. Какъ извѣстно, существенный интересъ этихъ законодательныхъ актовъ заключается въ томъ, что по нимъ можно изучать мѣры, принятыя византійскимъ правительствомъ въ защиту мелкаго крестьянскаго землевладѣнія противъ захватовъ крупныхъ собственниковъ. Для изучаемаго нами вопроса новеллы имѣютъ особенное значеніе: на нихъ основывается заключеніе о паденіи свободнаго крестьянскаго землевладѣнія къ началу XI в. Если это заключеніе справедливо, то оно прямо обусловливало бы и рѣшеніе вопроса о судьбѣ славянскихъ колоній въ Малой Азіи, то-есть, о судьбѣ славянской общины. Ибо нельзя скрывать того обстоятельства, что новеллы нѣсколько разъ прямо указываютъ на мало-азійскія провинціи—Ѳракисійскую и Анатоликонъ, Арменіанскую, мѣста по пути въ Сирію, гдѣ находились громадныя помѣстья Малеиновъ, округъ около Филомилія, и что, слѣдовательно, тотъ порядокъ дѣлъ, противъ котораго принимаемы были законодательныя мѣры, обнаруживался съ особенною силой именно въ Малой Азіи, куда направлялась славянская колонизація. Не касаясь пока вопроса о результатѣ принятыхъ мѣръ, обратимъ вниманіе на то, въ какомъ видѣ рисуется по новелламъ мелкое

[1]) *Ж. М. Н. Пр.*, мартъ 1879, стр. 165—232.

крестьянское землевладѣніе; не могутъ ли новеллы дополнить того, чего не говорятъ лѣтописныя извѣстія VII и VIII вв.?

Изъ новеллъ выясняется съ полною убѣдительностію то обстоятельство, что мелкое крестьянское землевладѣніе было общиннымъ, и что опасность, которую желало предотвратить правительство, была опасность распаденія крестьянской общины. Небольшія извлеченія изъ новеллъ представляются здѣсь вполнѣ умѣстными. Новелла Романа Лакапина 922 г. [1]) обезпечиваетъ за общиной право на предпочтеніе при покупкѣ недвижимой собственности, при чемъ законодатель входитъ въ нѣкоторыя интересныя для насъ подробности. „Существуетъ древній законъ, по которому всякій можетъ безпрепятственно со стороны родичей или общниковъ продавать свое имущество кому бы ни захотѣлъ. Напротивъ, другой законъ запрещаетъ продавать свою собственность въ другія руки помимо жителей своей митрокоміи“ [2]). Въ дальнѣйшемъ, узаконяя второй принципъ, законодатель выдѣляетъ въ митрокоміи пять категорій лицъ, различающихся по родственнымъ, поземельнымъ и податнымъ отношеніямъ; только послѣ отказа всѣхъ этихъ лицъ, входящихъ въ митрокомію, имущество можетъ быть предложено вольному покупщику. Эти категоріи слѣдующія: 1) семейная или родовая община; 2) домохозяева-общники, то-есть, несущіе полное тягло крестьяне; 3) обыватели общины; 4) соплательщики; 5) члены союзныхъ общинъ (изъ совокупности которыхъ составляется общинное тѣло). Въ продолженіе тридцати дней со времени заявленія о продажѣ, „предпочитаемый“ (будетъ ли это категорія или лицо) долженъ уплатить цѣну имѣнія и взять за себя поземельный участокъ. Если же „предпочитаемый“ находится въ извинительномъ отсутствіи или малолѣтенъ, то его право удерживается на четыре мѣсяца. Въ теченіе этого срока онъ самъ или его представители и попечители имѣютъ право выкупа по отношенію къ постороннему покупщику. Утрачивается право предпочтенія только по истеченіи указанныхъ сроковъ — одного мѣсяца въ первомъ и четырехъ во второмъ случаѣ. Вслѣдъ за этою частью, узаконяющею новые принципы относительно общиннаго землевладѣнія, идетъ другая, направленная противъ лицъ, разными способами угрожавшихъ цѣлости крестьянской общины. Именно воспрещается властелямъ дѣлать пріобрѣтенія изъ общиннаго поземельнаго имущества

---

[1]) *Zachariae*, Jus Graeco-Romanum III, 238.

[2]) μόνον τοῖς τῆς ἰδίας μητροχωμίας οἰκήτορσιν.

посредствомъ дара, завѣщанія, покупки и найма; въ противномъ случаѣ имъ угрожаетъ отнятіе противозаконно пріобрѣтеннаго имущества и пеня въ государственную казну. Эти положенія новеллы повторяются и въ другихъ подразумѣваемыхъ актахъ X в.

Для нашей цѣли имѣетъ особенную цѣну терминологія новеллъ, гдѣ онѣ имѣютъ въ виду общину, не называя ея однако, какъ выше, митрокоміей. Таковы слѣдующія мѣста:

καὶ ταῦτα μὲν ἐπὶ συγγενῶν, καὶ κοινωνῶν, καὶ ὁμοτελῶν καὶ τῶν ἄλλων παρακεκτημένων, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τῆς ὁμάδος τῶν καλουμένων χωρίων ἢ ἀγριδίων [1]),—то-есть, подразумѣваются тѣ же пять категорій.

τοῖς τῶν αὐτῶν (первыя три категоріи) ἢ καὶ τῶν ὁμορούντων ἀγρῶν (четвертая) ἢ χωρίων οἰκήτορσιν ἡ ἐξώνησις προκείσθω (пятая) [2]).

ἢ παρὰ τῶν πρωτοτύπων δεσποτῶν (вторая) ἢ παρὰ τῶν κληρονόμων αὐτῶν (третья) ἢ συγγενῶν (первая) ἢ τούτων ἀπορούντων παρὰ τῶν ἄλλως συντελούντων (четвертая) ἢ καὶ παρὰ τῆς ὁμάδος (пятая) [3]).

ἀπὸ τῆς τῶν χωρίων ὁμάδος (пятая) ἢ τοῦ καθέκαστον (остальныя четыре, каждая въ отдѣльности) [4]).

πρὸς τοὺς πεπρακότας (первыя двѣ), ἔτι δὲ καὶ πρὸς τοὺς συγκληρονόμους (третья) καὶ συντελεστάς (четвертая и пятая) [5]).

μόνον μέντοι πρὸς τοὺς συγχωρίτας (первыя четыре), ἢ ἐξ ἀνάγκης πρὸς τὰ ὑπὸ τὴν αὐτὴν μητροκωμίαν χωρία ἤτοι ὑπὸ τὴν αὐτὴν κωμητούραν (пятая) [6]). Мѣсто имѣетъ особенный интересъ, потому что показываетъ тожество терминовъ митрокомія и комитура.

χωρίων ὁμάδος καὶ κοινότητας—такой же общій терминъ, какъ комитура [7]); ἐξ ἀνακοινώσεως ἀλλὰ καὶ ἐξ ὁμοτελείας [8]) (первыя три и четвертая и пятая).

Въ тѣсной связи съ крестьянскимъ землевладѣніемъ, по своему характеру и по своимъ судьбамъ, находятся такъ-называемые военные участки. Этимъ послѣднимъ угрожала та же опасность, что̀ и мелкой крестьянской собственности, еслибъ императоры Македонской династіи рядомъ энергическихъ мѣръ не предупредили перехода ихъ

---

[1]) *Zachariae* III, 239.
[2]) Ibid. 246.
[3]) Ibid. 248.
[4]) Ibid. 253.
[5]) Ibid. 254.
[6]) Ibid. 256.
[7]) Ibid. 284.
[8]) Ibid. 297.

въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе въ новеллахъ de fundis militaribus связь военныхъ участковъ съ общиной, что̀ позволяетъ сдѣлать заключеніе о происхожденіи военныхъ участковъ изъ общинныхъ земель. Имѣемъ въ виду не только внѣшнюю связь, обнаружившуюся въ одинаковой судьбѣ и въ сходныхъ мѣрахъ къ предотвращенію опасности, но и самый характеръ организаціи военныхъ участковъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ сослаться на одно мѣсто новеллы Константина Порфиророднаго [1]), гдѣ къ военнымъ участкамъ прилагается уже извѣстное намъ право на предпочтительный выкупъ: „Если у внесенныхъ въ списки стратіотовъ есть наслѣдники, то они сообразно съ степенью родственной близости имѣютъ право преимущественной покупки. Если же ближайшіе родственники не могутъ или не хотятъ этого сдѣлать, то право переходитъ на болѣе отдаленныхъ родственниковъ [2]). Если же ихъ нѣтъ, то—на складчиковъ и сокопейщиковъ [3]); за отсутствіемъ же и таковыхъ — на болѣе недостаточныхъ стратіотовъ-соплательщиковъ, дабы они могли восполнить недостатокъ средствъ и оправиться до степени состоятельности [4]). Если же и таковыхъ не окажется, право выкупа переходитъ къ соплательщикамъ-крестьянамъ, чтобы не пропадала по крайней мѣрѣ поземельная подать“ [5]). Намъ слѣдуетъ по поводу этого мѣста припомнить извѣстія о колонизаціи Славянами Малой Азіи въ VII и VIII вв. Тамъ мы встрѣтились съ однимъ обстоятельствомъ, не поддававшимся объясненію: какимъ образомъ организована была правительствомъ поставка Славянами воен-

---

[1]) Ibid. 264—265.

[2]) Право на предпочтеніе въ пользу родовой общины,—припомнимъ первую категорію въ крестьянской общинѣ.

[3]) συγγενῶν δὲ οὐχ' ὑπόντων — τοὺς συνδότας καὶ συναίχμους αὐτῶν ἀκούεσθαι προσερχομένους. Сравнить вторую и третью категоріи въ крестьянской общинѣ: Здѣсь разумѣются лица, которыя сообща ставятъ, вооружаютъ и содержатъ стратіота и потому считаются въ одномъ копьѣ. Параллельное мѣсто читается у Константина, De cerimoniis II, 49 (p. 695 Bonn.): ὅτε δὲ πτωχεύσωσι δίδονται αὐτοῖς καὶ συνδόται πρὸς τὸ δι' αὐτῶν ἔχειν τὸ ἱκανὸν καὶ δουλεύειν τὴν ἰδίαν στρατείαν.

[4]) τούτων δὲ οὐκ ὄντων τοὺς συντελεστὰς ἀπορωτέρους στρατιώτας; ср. четвертую категорію общины.

[5]) εἰ δὲ καὶ οὗτοι εἶεν ἀνάγκη καὶ τοὺς πολιτικοὺς συντελεστὰς εἰσακούεσθαι πρὸς τὸ μὴ διαπίπτειν τὸν ἐκ τοῦ κήνσου φόρον. Итакъ, военная община растворяется въ концѣ концовъ въ крестьянскую, по образцу которой была организована.

наго корпуса. Теперь разъясняется дѣло, по нашему разумѣнію, весьма просто. Сама славянская колонія организовала правильное отбываніе воинской повинности, какъ сама же принесла тотъ гражданскій порядокъ, который узакониютъ новеллы. Если въ X вѣкѣ въ организаціи стратіотскихъ участковъ замѣтны слѣды общиннаго начала, то конечно, это указываетъ не на римское происхожденіе учрежденія, а на славянское, и первыя его обнаруженія должны быть относимы къ эпохѣ славянскихъ поселеній въ Малой Азіи.

Вообще изъ разсмотрѣнія новеллъ мы убѣждаемся въ господствѣ общинныхъ порядковъ въ Византіи въ X вѣкѣ. Но странная судьба постигла въ наше время замѣчательное во многихъ отношеніяхъ законодательство Македонской династіи. Между тѣмъ какъ въ новеллахъ въ первый разъ, послѣ изданія Крестьянскаго закона, дается предпочтеніе славянскимъ правовымъ воззрѣніямъ передъ римскими, между тѣмъ какъ новеллы направлены именно въ защиту общиннаго землевладѣнія, и только съ X в. славянская община, ставъ подъ защиту закона, могла считать свое положеніе обезпеченнымъ,— ученые, начавъ изучать эти новеллы, пришли къ выводу о паденіи крестьянской собственности въ Византіи и о господствѣ присельническаго права къ началу XI в. Еще можно было бы считаться съ этимъ выводомъ, еслибъ онъ былъ основанъ на оцѣнкѣ самыхъ мѣръ, принятыхъ императорами, или если бы замѣчались колебанія во взглядахъ законодателей. Но ни того, ни другаго въ дѣйствительности нѣтъ. Одинъ и тотъ же принципъ строго проводится во всѣхъ новеллахъ, не только не допуская послабленій, но напротивъ, развиваясь въ деталяхъ до самыхъ крайнихъ выводовъ. Можно сослаться въ этомъ смыслѣ на прекрасную новеллу Василія Болгаробойцы (976—1025 гг.), которая издана въ послѣдніе годы X в., именно въ 996 г., и которую вообще нельзя обходить молчаніемъ при изложеніи вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи въ Византіи [1]). „Съ тѣхъ поръ, какъ мы получили самодержавную власть и принялись разбирать дѣла между богатыми и бѣдными, мы увидѣли, что власти находятъ явное поощреніе своей страсти стяжанія въ сорокалѣтней давности и стараются то посредствомъ подарковъ, то посредствомъ присущей имъ силы и вліянія миновать какъ-нибудь этотъ срокъ и затѣмъ получить уже полное право собственности надъ тѣмъ, чѣ̀ они д[...]нымъ образомъ пріобрѣли отъ убогихъ. Желая исправить

[1]) *Zachariae*, III, 308.

такое зло, поставить въ должныя границы нынѣшнихъ властелей и воспрепятствовать будущимъ слѣдовать по тому же пути, мы издаемъ настоящій законъ, послѣ котораго они будутъ знать, что уже не найдутъ въ этой сорокалѣтней давности никакой помощи, но что чужое будетъ отбираемо не только у нихъ самихъ, но и у дѣтей ихъ или у тѣхъ, кому они оставятъ свое имущество". И далѣе еще разъ подтверждается это постановленіе: „Уничтожая несправедливость и неравенство и рекомендуя для всѣхъ — и богатыхъ, и бѣдныхъ — одинаково полезное и справедливое, мы отмѣняемъ сорокалѣтнюю давность, дабы и богатые, зная это, не оставляли вышеозначеннаго рода наслѣдствъ своимъ дѣтямъ, и чтобы бѣдные, лишаемые своего достоянія, не приходили въ уныніе, но въ настоящемъ законоположеніи имѣли бы крѣпкую поддержку къ возвращенію своей собственности". Другая, не менѣе радикальная мѣра проведена второю статьей новеллы: „Мы замѣтили большія злоупотребленія и обманы въ межевыхъ описяхъ, вносимыхъ въ жалованныя грамоты, и такъ какъ по этому поводу часто возникали жалобы и тяжбы въ судахъ, то опредѣляемъ, что означенныя описи не должны имѣть никакой силы, и что никто не можетъ ссылаться на такого рода документы". За устраненіемъ юридической силы жалованныхъ грамотъ спорные вопросы о межахъ должны были разрѣшаться на основаніи писцовыхъ книгъ, хранившихся въ большомъ приказѣ, и какъ можно догадываться, на показаніяхъ окольныхъ людей. Но самая сильная мѣра къ обезпеченію мелкой поземельной собственности заключалась въ круговой порукѣ властелей за несостоятельныхъ крестьянъ. Крупные собственники должны были отвѣчать передъ правительствомъ своими достатками за правильное отбываніе повинностей мелкими собственниками [1]).

Если же законодательствомъ X вѣка общинное землевладѣніе выведено было изъ обычнаго права и принято въ право государственное, получивъ всѣ законныя гарантіи къ дальнѣйшему процвѣтанію и къ успѣшной борьбѣ съ противоположными правовыми и имущественными воззрѣніями, то чѣмъ же объяснить странное недоразумѣніе, господствующее въ наукѣ по отношенію къ взглядамъ на это законодательство, и въ особенности, на чемъ основывается роковое заключеніе о паденіи свободной поземельной собственности въ XI вѣкѣ?

Cedreni, II, 456: δόγμα ἐξέθετο τὰς τῶν ἀπολωλωτάτων ταπεινῶν συντελείας εἰσεῖσθαι παρὰ τῶν δυνατῶν. Κατωνομάσθη δὲ ἡ τοιαύτη σύνταξις ἀλληλέγγυον.

Единственное объясненіе этому можно находить въ недостаточной оцѣнкѣ объема и содержанія понятія „общины“ и въ преувеличеніи значенія тѣхъ разрушительныхъ силъ, которыя подкапывались подъ ея благосостояніе. Община, какою выступаетъ она въ новеллахъ, представляетъ собою сложное политическое тѣло, заключающееся не въ десяткѣ крестьянскихъ дворовъ, а въ десяткахъ деревень и селъ, съ десятками тысячъ населенія. Были общины и весьма громадныхъ размѣровъ, могущія выставлять цѣлый корпусъ военныхъ людей, каковы славянскія колоніи VII и VIII вв. Весьма вѣроятно, что въ X в. община раздробилась на болѣе мелкія части; но пять категорій предпочитаемыхъ, упоминаемыя въ новеллѣ Романа Лакапина, могутъ служить достаточнымъ предупрежденіемъ, чтобы не судить о размѣрахъ общины X в. по размѣрамъ нынѣшней. Все же и тогда община состояла изъ множества селеній и деревень, связанныхъ между собою по экономическимъ, земельнымъ, податнымъ и административнымъ вопросамъ. Ослабѣвала одна категорія, призывалась на помощь другая—соплательщики; становились убогими и эти, выступала вся громада, союзъ общинъ, византійская комитура. Съ такою живою силой трудно было справиться властелю, особенно если она находила себѣ защиту въ законѣ. Притомъ же, никакъ нельзя забывать, что разрушительныя силы частію приходятся сродни самой общинѣ. Упоминаемый въ новеллѣ Василія Болгаробойцы Филокалесъ первоначально былъ крестьяниномъ и принадлежалъ къ числу убогихъ. Его возвышеніе въ сословіе властелей предполагаетъ длинный рядъ экономическихъ удачъ и разнаго рода предпріятій на поприщѣ промышленномъ и торговомъ. Этого рода неравенства, очевидно, не можетъ устранить самое идеальное государственное устройство. Но византійское законодательство шло на проломъ и въ этомъ случаѣ. „Мы проходя въ той мѣстности и узнавъ изъ жалобъ со стороны бѣдныхъ о положеніи дѣлъ, приказали разрушить его (Филокалеса) великолѣпные дворцы и сравнять ихъ съ землею, бѣднымъ возвратили ихъ достояніе, а ему оставили только то, что̀ онъ имѣлъ сначала, то-есть, податную землю, и опять воротили его въ первобытное состояніе крестьянина“ [1]). Такимъ образомъ, мы допускаемъ только тотъ выводъ, что славянская община до X в. могла раздробиться, что въ нѣкоторыхъ частяхъ она ослабѣла, но что новеллы предупредили

[1]) *Zachariae*, III, 310.

угрожавшую ей опасность и окончательно обезпечили за нею политическое значеніе и внутреннюю силу на многія столѣтія.

Оффиціальный терминъ **комитура**, принятый въ новеллахъ для обозначенія совокупности общинныхъ отношеній и для опредѣленія самаго понятія „община", какъ особаго политическаго тѣла, позволяетъ намъ сдѣлать еще шагъ къ раскрытію значенія славянской общины въ Византіи. Вопросъ будетъ здѣсь заключаться въ наблюденіяхъ надъ употребленіемъ слова „комитура" и въ объясненіи его происхожденія, ибо оно не стоитъ одиноко въ новеллахъ. Выше мы отмѣтили три существенные элемента, входящіе въ понятіе общины: родовой союзъ, общинное землевладѣніе, общая отвѣтственность въ отбываніи государственныхъ повинностей. Недостаетъ четвертаго элемента—политическаго, который и долженъ скрываться въ терминѣ „комитура". Имѣемъ въ виду ту политическую форму славянской жизни, которая засвидѣтельствована Прокопіемъ: [1]) „Славяне и Анты не управляются однимъ человѣкомъ, но изъ древности живутъ въ димократіи, потому у нихъ, какъ обыкновенныя, такъ и особенной важности дѣла, всегда рѣшаются на вѣчахъ". Комитура по времени происхожденія относится къ той же эпохѣ, что̀ и приведенное свидѣтельство о политической формѣ жизни Славянъ. По новелламъ Юстиніана I, свободное крестьянское населеніе живетъ частію въ городскихъ территоріяхъ, частію въ автономныхъ деревняхъ, иногда подъ управленіемъ собственныхъ старшинъ. Эти деревни называются въ тѣхъ же новеллахъ: μητροκωμίαι, κωμητοῦραι, χωρία ἐλευθερικά [2]). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и въ законодательствѣ VI в., какъ въ новеллахъ X в., комитура обозначаетъ одинъ и тотъ же родъ крестьянскихъ отношеній и прилагается не къ старому населенію имперіи. Чтобы обосновать дальнѣйшія соображенія, необходимо теперь же указать, что κωμητοῦρα, какъ и μητροκώμια, находятся въ очевидномъ этимологическомъ сродствѣ съ словомъ κώμη — деревня. Это сродство не можетъ теряться, если соблюденъ этимологическій законъ въ происходящихъ отъ κώμη словахъ. Но сродство утрачивается и

[1]) Procopius, De bello Gothico III, 14 (ed. Bonn. II, 334): τὰ γὰρ ἔθνη ταῦτα, Σκλαβηνοί τε καὶ Ἄνται, οὐκ ἄρχονται πρὸς ἀνδρὸς ἑνός, ἀλλ' ἐν δημοκρατίᾳ ἐκ παλαιοῦ βιοτεύουσι, καὶ διὰ τοῦτο αὐτοῖς τῶν πραγμάτων ἀεὶ τά τε ξύμφορα καὶ τὰ δύσκολα ἐς κοινὸν ἄγεται.

[2]) *Zachariae*, Geschichte, 226.

должно быть доказываемо въ случаяхъ написанія такого рода: χομητοῦρα, χομητόχοολος, χομῆται. Византійцы не всегда соблюдаютъ этотъ законъ, что не могло не отразиться на заключеніяхъ о значеніи комитуры. При одномъ написаніи это слово ведетъ къ деревнѣ и распорядкамъ общины, при другомъ—къ графу (comes), то-есть, къ порядкамъ центральной администраціи.

Въ то отдаленное время, когда славянскія колоніи въ первый разъ введены были въ государственный организмъ Византіи, община обязалась, между прочимъ, и военною службой. Но земское войско, поставляемое Славянами, не слилось съ имперскимъ, не вошло въ легіоны, а образовало отдѣльную и самостоятельную часть со своимъ особымъ начальникомъ и со своею администраціей. Юстиніанъ II называлъ его войскомъ опричнымъ (λαός περιούσιος), но опричнина могла не понравиться Грекамъ, и потому найденъ былъ другой терминъ, обозначающій совокупность отношеній, въ которыхъ находились Славяне, и въ то же время заключающій въ себѣ гарантію политическихъ правъ, пріобрѣтенныхъ Славянами въ имперіи. Такой терминъ найденъ былъ въ словѣ τάγμα, подъ которымъ понимается новое населеніе и особыя политическія отношенія, въ отличіе отъ стараго населенія и старыхъ политическихъ отношеній, подразумѣваемыхъ терминомъ θέμα. Тагмы и темы являются въ Византіи какъ два противоположныя начала, различіе которыхъ наблюдается въ войскѣ, въ гражданской администраціи и въ судѣ, и утрата смысла которыхъ дѣлала изъ византійскихъ учрежденій неразрѣшимую загадку. Τάγμα, а также δροῦγγος, современны первымъ поселеніямъ Славянъ въ Византіи и переводятъ, какъ прежде мы замѣтили, вопросъ объ изученіи славянскихъ древностей къ разслѣдованію политическихъ учрежденій Византійской имперіи. Это совершенно особая задача, въ разрѣшеніе которой здѣсь мы не входимъ и касаемся ея мимоходомъ.

По старымъ свидѣтельствамъ, военные отряды, называемые друнгами, имѣли связь съ деревней и вмѣстѣ съ тѣмъ съ тагмой. Друнга есть деревенскій отрядъ, земское войско, которое организуется и поставляется къ мѣсту общиной и находится подъ командой не греческаго офицера, а комита, то-есть, старшины или жупана, во всякомъ случаѣ—деревенской власти. Множество доказательствъ тому можно заимствовать изъ военныхъ сочиненій Маврикія и Льва. „Друнга есть отрядъ, составленный изъ тагмъ, то-есть, изъ такъ-называемыхъ ко-

митовъ“ [1]). Находящееся здѣсь выраженіе κομήτων такъ выдаетъ свою неумѣстность, что измѣненіе его въ κωμητῶν является не догадкой, а потребностью здраваго смысла, ибо какимъ образомъ отрядъ можетъ составиться изъ графовъ? Само собою разумѣется, трудно подобрать еще такіе безспорные примѣры смѣшенія разныхъ принциповъ κώμη и comes. Но мы на этомъ и не будемъ долго настаивать. Всѣ отдѣльныя части земскаго войска, называемыя друнгами и бандами, находятся подъ командой друнгаріевъ или комитовъ: Ромэйская имперія совершенно измѣнила военную терминологію Римской имперіи! Причина очевидная: большинство войска поставлялось славянскими колонистами. Съ теченіемъ времени забывалась связь между κώμη и κωμήτης, съ одной стороны, и κώμη и κόμης (какъ предводитель земскаго отряда)—съ другой. Само правительство заинтересовано было привлеченіемъ на свою сторону тѣхъ старшинъ, которые являлись во главѣ военныхъ отрядовъ, и давало комитамъ почетный титулъ, столь созвучный на греческомъ языкѣ съ именемъ жителя деревни. Тѣ же военныя сочиненія, которымъ вообще въ славянскихъ древностяхъ нужно будетъ отвести весьма важное мѣсто, могутъ свидѣтельствовать, что новая терминологія была сравнительно недавнимъ учрежденіемъ, ибо писатели при новыхъ терминахъ употребляютъ и старыя: δρουγγαρίους οὓς ποτε χιλιάρχους ἐκάλουν, или κόμης δέ ἐστιν ἤτοι τριβοῦνος [2]). Банда—это меньшій отрядъ, въ немъ не должно было быть больше 400 человѣкъ; друнга — отрядъ въ 3,000 человѣкъ. Когда у писателей называются военные чины или отряды, всегда нужно различать—о какихъ войскахъ идетъ рѣчь: изъ тагмъ или изъ темъ [3]), если писатель самъ не даетъ соотвѣтствующаго опредѣленія. Весьма любопытно въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто Константина Порфиророднаго: „Когда царь посѣщаетъ темы, ему устроиваютъ встрѣчу такимъ образомъ: При приближеніи его сходятъ съ коней стратигъ и протонотарій темы, и турмархи и друнгарокомиты, и мерархъ и комитъ штаба (ὁ κόμης τῆς κόρτης), и

---

[1]) Leonis Tactica IV, 9: δροῦγγος τὸ ἐκ ταγμάτων ἤτοι ἀνδρῶν τῶν λεγομένων κομήτων συγκείμενον πλῆθος.

[2]) Ibid. IV, 42; Mauricii Strateg. I. c. 3.

[3]) Хотя, въ особенности въ оффиціальныхъ сочиненіяхъ, это различіе строго проводится. См. *Zachariae*, III. 302: εἴ τις ἐκ τῶν στρατιωτῶν δρουγγάριος εἴτε κανδοφόρος εἴτε κόμης εἴτε σχολάριος ἢ ἕτερος οἱοσδήποτε στρατιώτης μικρὸς ἢ μέγας, ταγματικὸς ἢ θεματικός, при чемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на парные термины.

хартуларій и доместикъ темы, и дѣлаютъ установленное привѣтствіе. И когда царь проходитъ, падаютъ всѣ на землю, воздавая честь царю. Стратіоты же всѣ на коняхъ. И когда стратиги съ названными архонтами отдадутъ честь, царь отступаетъ нѣсколько въ сторону и говоритъ имъ: „хорошо!" Потомъ спрашиваетъ: „Здоровы ли, дѣти мои? Какъ ваши жены, невѣсты и дѣти?" И они отвѣчаютъ: „Въ благоденствіи вашего величества и мы, ваши рабы, здравствуемъ". И опять царь говоритъ: „Хвала Богу, хранящему васъ въ здравіи". И среди общихъ привѣтствій.... царь отдаетъ приказъ **отдѣлиться тагмамъ отъ темъ** и идти въ назначенное для смотра мѣсто.... Иногда онъ приблизится къ лагерю на три мили, встрѣчаютъ его тагмы и темы привѣтствіями, и къ каждой тагмѣ и темѣ говоритъ царь такъ" [1]). Выраженіе друнгарокомиты у писателя X вѣка, несомнѣнно относясь къ тагмамъ, показываетъ, что и тогда оставался неизмѣннымъ принципъ отдѣленія славянскихъ отрядовъ отъ греческихъ, и что славянская община продолжала отстаивать то положеніе въ имперіи, которое она заняла ранѣе.

Если греческій терминъ κόμης (κόμητες, κομήτων) имѣетъ внутреннюю связь съ κωμήτης (κωμῆται, κωμητῶν) по употребленію его у византійскихъ писателей, то наблюденія надъ измѣненіемъ значенія этого слова были бы въ высшей степени интересны въ исторіи славянской общины въ Византіи. Пока можно замѣтить, что въ X вѣкѣ κόμης является уже двойникомъ латинскаго comes и обозначаетъ не предводителя небольшаго отряда, а губернатора области. По всей вѣроятности, онъ назначаемъ былъ непосредственно центральною властью [2]). Точно также у Анны Комниной (XII в.) κόμης обозначаетъ уже стратига, подъ властію котораго находятся войска, а не малый отрядъ [3]).

---

[1]) Constantini De cerimoniis, p. 482—483.

[2]) Constant. De thematibus (Ὀψίκιον — припомнимъ, что здѣсь поселена большая славянская колонія): οὐδὲ στρατηγὸς χρηματίζει ὁ τοῦ Ὀψικίου ἡγούμενος, ἀλλὰ κόμης καὶ τὴν ὀνομασίαν καὶ τὴν προσωνυμίαν προσαγορεύεται. Но что Византійцы между κόμης и κώμη не теряли связи, мы могли бы указать на комитопуловъ Скилицы, Кедрина и Зонары. Κομητόπουλοι или κομιτόπουλοι не обо[зна]чаетъ ли у нихъ членовъ славянской династіи на болгарскомъ престолѣ, въ противоположность династіи болгарской? См. у *Васильевскаго*, Русско-византійскіе отрывки, II (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1876, стр. 170).

[3]) Alexias II, 132: εἶτα δυνάμεις ἁπανταχόθεν μυριοπληθεῖς συλλεξάμενος ἐκ πάσης τε χώρας καὶ πόλεως τοὺς κόμητας μεταπεμψάμενος μετὰ τῶν ὑπ' αὐτοὺς στρατευμάτων.

Замѣчанія, сдѣланныя относительно слова κόμης, имѣютъ значеніе примѣнительно къ термину комитура (κωμητοῦρα или κομητοῦρα), къ которому мы и должны возвратиться. Въ новеллахъ встрѣчается это слово всего одинъ разъ, и притомъ рядомъ съ митрокоміей, обыкновенно же во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ожидалось бы то же слово, находимъ описательныя формы: τῶν χωρίων ὁμάδες или ἀνακοινώσεις, нагляднѣе выражающія сущность предмета. По нашему мнѣнію, разница между словами „комитура" и „митрокомія" состоитъ въ томъ, что первая означаетъ совокупность селъ и деревень, соединенныхъ между собою не только общимъ землевладѣніемъ и общею порукой въ отбываніи государственныхъ повинностей, но и въ административномъ отношеніи; такимъ образомъ комитура есть административный округъ, пользовавшійся особаго рода изъятіями; митрокомія же означаетъ административный центръ, къ которому тянули селенія и деревни по управленію и суду. Если бы нужно было замѣнить эти византійскія понятія славянскими, то комитуру назвали бы мы жупой, а митрокомію—жупнымъ градомъ. Весьма можетъ быть, что подъ κωμόπολις византійскихъ писателей нужно разумѣть митрокомію [8]). Процессъ разложенія жупы-комитуры долженъ былъ начаться, конечно, съ переходомъ ея политическихъ и административныхъ правъ въ руки центральнаго правительства. Но и этотъ ударъ нанесенъ ей былъ не Македонскою династіей, а по всей вѣроятности, Комнинами. За всѣмъ тѣмъ въ общинѣ оставалось еще много внутреннихъ силъ для борьбы съ крупнымъ землевладѣніемъ, тѣмъ болѣе, что въ XIII и XIV вв. жупа-комитура безъ политическихъ правъ не была обыкновеннымъ явленіемъ, какъ это надѣемся показать ниже. У Анны Комниной [9]), слѣдовательно, уже въ XII в., разъ упоминается комитура, но въ переносномъ, то-есть, тѣсномъ смыслѣ: отрядъ войска, находящійся подъ командой комита. Это мѣсто Анны объяснялъ Дюканжъ, весьма хорошо понявшій значеніе комитуры, слѣдующимъ образомъ: At Jurisconsultis Graecis, sev potius Graeculis Byzantinis, videntur dictae κομητοῦραι pagi et vici aliquot uni Metrocomiae subditi; nam ut Metropolis caput

---

[8]) Alex. II, 317, 325, 329.

[9]) Ibid. II, 71: ἀλλὰ καὶ οἱ λοιποὶ κόμητες — τὴν τῶν βαρβάρων ἐνωτισθέντες ἔφοδον ἐξ ἑκάστης κομητούρας ἀνὰ διακοσίους διελόμενοι... то-есть: «но и другіе комиты, узнавъ о нападеніи варваровъ, выбрали изъ каждой комитуры по 200 человѣкъ». Для изслѣдователя остаются однако другія средства слѣдить за исторіей и судьбами славянскаго элемента: это средство находится въ изученіи друнгарата.

materve est Provinciae, ita Metrocomia mater vicorum. Igitur cum a Comitibus inferioris et tertii ordinis regerentur illae, eorumque essent obnoxiae Jurisdictioni, inde Comiturae appellataesunt. Proinde χομητούρα erit districtus Comitis Pagensis, sev Vicani, vel potius convicanorum coetus et conventus. Dicuntur autem et Convicani χωμῆται in Nov. 38 unde et χομητούρας etymon posset accersi, si cum ω scripta vox reperiretur [1]).

На этомъ считаемъ возможнымъ покончить съ изслѣдованіемъ объ общинѣ и свободномъ крестьянскомъ землевладѣніи до конца X в. Слѣдуетъ напомнить лишь ходъ нашихъ доказательствъ. Къ разсмотрѣнію извѣстій о древнѣйшихъ поселеніяхъ Славянъ въ Малой Азіи и къ пересмотру новеллъ X вѣка мы приведены были тѣмъ обстоятельствомъ, что, вопреки господствующимъ воззрѣніямъ, встрѣтились въ памятникахъ XIII и XIV вв. съ ясными указаніями на славянскую общину въ Византіи и на свободное крестьянское землевладѣніе. Такъ какъ это совершенно измѣняетъ точку зрѣнія на византійскую и славянскую исторію, то намъ желательно было поискать въ литературныхъ фактахъ VII—X вв. объясненія причинъ живучести славянской общины и опредѣлить, хотя въ нѣкоторыхъ чертахъ, область дѣйствія общины и политическую роль ея въ государствѣ. На сколько мы достигли предположенной цѣли, предоставляемъ это на судъ компетентныхъ въ дѣлѣ людей, которые, можетъ быть, найдутъ возможнымъ иначе отнестись къ выдвинутымъ нами фактамъ и сдѣлать другіе выводы изъ нашихъ положеній. Теорія славянскаго права и славянскихъ учрежденій въ византійскомъ правѣ и учрежденіяхъ во всякомъ случаѣ отличается заманчивостію и привлекательностію и требуетъ, для строгой научной постановки, обширныхъ детальныхъ изслѣдованій, которыя возможны лишь при соединенныхъ усиліяхъ славистовъ и византинистовъ. Мы разрѣшаемъ, а слѣдовательно, и отвѣчаемъ за небольшую часть вопроса, именно: славянская община и свободное крестьянское землевладѣніе, обезпеченное законодательствомъ X вѣка, продолжаетъ жить въ Византіи въ XII, XIII и XIV вв.

Останавливаясь на самомъ простомъ и натуральномъ методѣ доказательствъ, будемъ указывать слѣды свободнаго крестьянскаго землевладѣнія въ хронологическомъ порядкѣ. Для практики XI в.

[1]) Alex. II, 617—618.

лучшій матеріалъ представляетъ Πεῖρα [1]). Произошло недоразумѣніе при распредѣленіи границъ между владѣніями Клавдіопольской митрополіи и общиной Ріакіевъ. Судья потребовалъ другихъ доказательствъ отъ повѣреннаго митрополита, кромѣ дарственной грамоты (очевидно, на основаніи извѣстной статьи въ новеллѣ Василія Болгаробойцы), то-есть, показаній окольныхъ людей. Эти послѣднія склонили дѣло въ пользу общины, и опредѣленіе судьи состоялось на основаніи точнаго смысла новеллъ о предпочтеніи: крестьянскіе участки остаются въ общинномъ владѣніи, если бы даже оставался въ живыхъ младенецъ, наслѣдующій отъ простолюдиновъ,—ибо его права выше всѣхъ властельскихъ [2]). Крестьяне [3]) начали искъ изъ-за пользованія вкладами и благочестивыми приношеніями въ ихъ общинную церковь, такъ какъ это ихъ право (προνόμιον ἐξ ἀρχαίων) насильственно нарушено было властелями. Судья опредѣлилъ: украшеніями и драгоцѣнными сосудами владѣть одной церкви; что же касается прочихъ доходовъ, то они дѣлятся на четыре части, изъ коихъ одна идетъ въ пользу церкви и причта, а остальныя три распредѣляются, какъ прежде, между крестьянами.—„Община Неаста [4]) владѣетъ участкомъ въ Гордіевой общинѣ 122 года“. Эту форму владѣнія никакъ нельзя объяснить себѣ, если отдѣлиться отъ формъ общиннаго землевладѣнія, если не припомнить категоріи предпочтенія въ новеллахъ. Когда на рѣшеніе судьи (друнгарія) предложенъ былъ вопросъ объ этомъ участкѣ, захваченномъ мѣстнымъ митрополитомъ, онъ рѣшилъ его на основаніи смысла новеллъ, воспрещающихъ властелямъ свѣтскаго и духовнаго чина пріобрѣтать земли внутри сельскихъ общинъ: „Если многіе участвуютъ во владѣніи пастбищами, и не будетъ притомъ явныхъ границъ у каждаго, то слѣдуетъ дѣлиться на основаніи количества казенной подати, если состоятъ въ одномъ податномъ тяглѣ“ [5]). И здѣсь мы припоминаемъ четвертую категорію общинныхъ отно-

---

[1]) *Zachariae*, Jus Graeco-Romanum I; *Васильевскій — Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.*, апрѣль 1879.

[2]) Πεῖρα XV, 10: καὶ τὰ λοιπὰ χωριτικὰ στοιχεῖα, εἴπερ καὶ νήπιον μόνον περιλέλειπται ἐν τῷ χορίῳ ἐκ τῶν πολιτῶν κληρονομοῦν, λάβῃ πάντα καὶ ἔχῃ· προτιμᾶται γὰρ τοῦτο ὑπὲρ πάντας τοὺς δυνατοὺς ἔχειν τὰ τῶν ἐξαλειφθέντων χωριτῶν δημόσια.

[4]) Πεῖρα XV, 8: οἱ κάτοικοι τῆς χώρας = κωμῆται, сравн. κατωτικοι = χωρῖται М. Акомината ар. Λαμπρος II, 89, въ первой главѣ нашей статьи.

[5]) Ibid. XXIII, 3: τῶν γὰρ νεαστῶν τῆς νεαστοῦ κώμης κατεχόντων τοπον ἐν τῷ χωρίῳ τῆς γορδίου κώμης ἐπὶ χρόνοις ρκβ.

[6]) Ibid. XXXVII, 2.

шеній, которая весьма легко разъясняетъ и сущность затрудненія, и предлагаемое практикомъ-юристомъ средство къ разрѣшенію его. Здѣсь имѣются въ виду общники и соплательщики. Словомъ, мы думаемъ, что многія судебныя рѣшенія въ Пирѣ выдаютъ собою особую практику, существовавшую относительно крестьянскаго землевладѣнія, а эта практика коренится въ крестьянскомъ законѣ и въ новеллахъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ толковать хоть бы слѣдующее, несогласное съ римскими воззрѣніями на собственность правило: „Если кто продастъ свой домъ... продажа не дѣйствительна, покупщикъ вноситъ въ казну двойную цѣну купленнаго дома, а продавецъ отдаетъ назадъ полученныя деньги" [1])? Толковать это положеніе нужно на основаніи новеллъ, воспрещающихъ отчужденіе общинной собственности, даже домовъ, въ постороннія руки, каковое толкованіе и основывается на небольшомъ дополненіи въ текстѣ: ἐάν τις πωλήσῃ οἶκον αὐτοῦ ἐπὶ τῷ καταλυθῆναι ἢ ἐποίκιον, τὸ δὲ ἐποίκιον ὁ μὲν Κύριλλος καὶ Θεόφιλος κώμην ἑρμηνεύουσι.

Допускаемъ, что въ XII в. нанесенъ былъ значительный ударъ крестьянской общинѣ династіей Комниновъ, въ особенности царемъ Мануиломъ, царствованіе котораго, блестящее по внѣшнимъ предпріятіямъ, имѣло гибельныя послѣдствія, обнаружившіяся между прочимъ въ соціальномъ движеніи при Андроникѣ и послѣ него. Но что свободное землевладѣніе пережило Комниновъ, мы видѣли это изъ доклада 1198 года, изъ анализа замѣчательнаго мѣста о славянскихъ друнгахъ, которое и составляетъ исходный пунктъ всего нашего изслѣдованія. Латинское завоеваніе дало внушительный урокъ византійскимъ государственнымъ людямъ и побудило ихъ снова подать руку крестьянской общинѣ, когда наступила необходимость искать опоры не въ западномъ флотѣ или въ латинскихъ служилыхъ людяхъ, а въ народѣ. Въ тѣхъ областяхъ, которыя оказались подъ властію латинскихъ рыцарей, феодальное право вытѣснило обычное византійское право; напротивъ того тамъ, гдѣ утвердились во владѣніи византійскіе бояре, напримѣръ, въ Никеи и Эпирѣ тамъ опять возобладало славянское право, и крестьянская община получила новыя гарантіи и обезпеченія.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками прекрасной книги г. Масъ-Латри „Исторія Кипра" [2]), въ которой, если не измѣняетъ намъ

[1]) Ibid. XXXVI, 15.

[2]) *Mas Latrie*, Histoire de l'île de Chypre sous le regne des princes de la maison de Lusignan, Paris, 1861.

память, посвящено нѣсколько страницъ вопросу о землевладѣніи на этомъ островѣ въ концѣ XII в. Не знаемъ, ссылается ли онъ на весьма важный для занимающаго насъ вопроса источникъ, изъ котораго есть у насъ небольшія извлеченія [1]). Неизвѣстный авторъ сокращенной исторіи Кипра сообщаетъ слѣдующія извѣстія о населеніи этого острова:

...Perche erano (habitatori) molto infestati da Corsari, richiesero l' Imperatore di Constantinopoli, che gli volesse mandare un Signore et famiglia d' huomini nobili at stradiotti al governo et diffensione dell' Isola, che loro si contentavano contribuire la sposa et havendogli mandati fu imposto à gli habitatori di pagare all' anno una certa quantita de danari per pagare il mantenimento de stradiotti, cive alli villani constituti in eta legitima bisantini sei—per uno il qual pagamento fu chiamato stratia, et agli habitatori delle citta un perpito che è ducati tre et tari quattro; et cosi in spatio di tempo et in diverse occasioni quelli del parpico chiamati perpiriatii si sono liberati in modo che à pena vi resta qualcuno per l'Isola sottoposto à tal pagamento. Alli villani s' è andato crescendo in diverse ongarie a tanto che furno ridotti al pagamento che di presente pagano gli parici, et furono usati ad esser partiti di qualunche... et finalmente gli fu gionta l'obligatione del' servitio delle due giornate per settimana che hora si chiama Angario et furno chiamati parici, che viene à dire proprii habitatori. Doppo in diversi tempi essendo venuti altri habitatori per gli casati furno à differenza

Такъ какъ жители много терпѣли отъ корсаровъ, то обратились къ императору Константинопольскому, который послалъ одного боярина и знатныхъ людей и стратіотовъ для управленія и защиты острова. Посланные наложили на обитателей подать, которую они должны были вносить ежегодно на содержаніе стратіотовъ, то-есть, виллами шесть византинокъ съ одною, каковая подать называлась стратія, а жители городовъ по одному иперпиру, то-есть, по три дуката и четыре тары. Съ теченіемъ времени и вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ платившіе по иперпиру и называемые перпиріатами были освобождены, такъ что на островѣ не оставалось почти ни одного, обязаннаго этою податью.

Относительно вилланов дѣло шло иначе. Они постепенно обременяемы были различными оброчными статьями и доведены до того состоянія, въ которомъ находятся нынѣ парики. Вошло въ обычай отдавать ихъ (свѣтскимъ и духовнымъ владѣльцамъ), наконецъ на нихъ наложена была барщина—два дня въ недѣлю, что̀ послѣ называется ангарія, и они стали называться париками, то-есть, зависимыми крестьянами.

Потомъ въ разное время являлись

[1]) Bibl. Casanat. X, IV, 46, Historia Compendiaria del Regno di Cipro d'incerto autore, fol. 45—69. Бюшону (*Buchon*, Recherches et Materiaux I, 38) эта рукопись не была извѣстна.

che li aggravati chiamati lefteri, civè liberi, alli quali non furno imposte salvo piccole angarie nel numero di quali si connumeranno quelli parici che per diverse iure sono stati liberati. Adunque vengono ad esser quattro sorti et condittioni d'huomini in Cipro, Servi, Casati, Parici et Liberi.

Stette in questo modo l'Isola signoreggiata da Duchi per successione hereditaria sotto l'obedientia dell' Imperio per circa 880, et nello spatio di questo tempo seguirono alcuni fatti assai notabili.

другіе поселенцы... въ отличіе отъ зависимыхъ они назывались лефтерами, то-есть, свободными; на нихъ налагаемы были лишь небольшія повинности; въ число ихъ вошли и тѣ парики, которые различнымъ образомъ освобождались на волю.

Такимъ образомъ, въ Кипрѣ были четыре рода и состоянія людей: рабы, вассалы, парики и свободные.

Островъ оставался въ управленіи дукъ съ наслѣдственною властію подъ верховною зависимостію имперіи въ теченіе 880 лѣтъ, и въ это время послѣдовали событія довольно важныя.

Затѣмъ повѣствуется исторія завоеванія Кипра Ричардомъ-Львиное сердце, и перепродажа острова Храмовникамъ, а этими послѣдними Гвидону Лузиньяну.

A Guidone successe nella signoria di Cipro Almerico suo fratello, huomo ditissimo, costui havendo ridotta l'Isola a buoni termini et havendo dotata la Nobilita di Casati in feudo et concesso gli titoli delle baronie di Gierusalem—impetrò dal Consistorio che la signoria dell' Isola fosse degna d' esser chiamata Regno et fu con grandissimo honore coronato Re...

Гвидону наслѣдовалъ по управленію Кипромъ братъ его Алмерикъ, человѣкъ весьма богатый. Онъ ввелъ прочную организацію на островѣ, одарилъ знатныхъ вассаловъ феодальнымъ правомъ, надѣлилъ ихъ титулами Іерусалимскаго баронства и испросилъ у консисторіи разрѣшеніе называться Кипру королевствомъ и съ величайшею почестью былъ коронованъ въ короли.

Изъ приведенныхъ мѣстъ ясно, что на Кипрѣ въ концѣ XII в. было не только зависимое населеніе (парики), но и свободное. Въ образованіи Никейской имперіи славянскій элементъ игралъ первостепенную роль. Такъ заставляетъ думать не только многочисленность славянскаго населенія въ Виѳиніи, указываемая древнѣйшими извѣстіями VII и VIII вв., что̀ было бы еще не совсѣмъ убѣдительно, но и нѣкоторые положительные факты, извлекаемые изъ писателей XIII в. Но если Никейскіе императоры своими успѣхами въ войнахъ съ Турками и крестоносцами обязаны были славянской общинѣ, то естественно ожидать, что они не ослабляли ея, а напротивъ поставили ее въ возможность и впередъ оберегать имперію противъ опасностей съ востока, отъ напора Турокъ Сельджуковъ. Имѣемъ въ

виду два свидѣтельства—Θедора Дуки Ласкари и Пахимера. Первый писатель еще не былъ изданъ. Его краткое свидѣтельство о значеніи славянскаго элемента въ судьбахъ Никейской имперіи много выигрываетъ при сопоставленіи съ сообщаемымъ у Пахимера подробнымъ описаніемъ одной военной и земледѣльческой колоніи въ Малой Азіи, на обязанности которой лежала защита Византійской имперіи противъ азіатскихъ кочевниковъ. Поставленные рядомъ, Θедоръ Ласкарь и Пахимеръ взаимно пополняютъ другъ друга.

Θедоръ Ласкарь (1255—1258 гг.) въ похвалѣ своему отцу Іоанну [1]) говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: Ἀλλὰ τρέμει Πέρσης ὁ πρὶν σπονδὰς ῥωμαικὰς ἕλκων εἰς συντήρησιν φιλικὴν, καὶ ἀντιδίδωσι καὶ ἐμεῖ τὰ πρὶν βασιλικὰ χρήματα, ἃ καταδυναστεύσας ἀνείλκυσεν ἐξ ἡμῶν, καὶ τέκνα σοι φέρει καὶ χρήματα δίδωσι, καὶ τὸ καινότατον, ἀποικισμοὺς τῶν ὁμοφύλων ὁρῶν, τιτρωσκόμενος τὴν ψυχὴν ἐπαινεῖσε τὸν λαφυραγογοῦντα, καὶ ῥύστην ἀποκαλεῖ καὶ σωτῆρα διαφημίζει καὶ τὴν σὴν βριαρωτάτην χεῖρα τῇ ἀλαζόνι τατταρικῇ ἐπαπειλεῖται ἐκστρατείᾳ, προστάτην τὸν σὸν φόβον προθέμενος.

Σὺ καὶ εἰς ἓν συνάγεις τὴν διπλῆν κλῆσιν τῶν Περσοσκυθῶν· καὶ γὰρ τὸ πρὶν ἐκ τῆς δυτικῆς καὶ τῶν δυτικῶν χωρίων ἀποσπάσας τὸν Σκύθην, τῇ ἑῴᾳ ἔθνα δοῦλα τὰ τούτου γεννήματα συνεισήγαγες, καὶ ἀνταλλάξας τέκνα τὰ Περσικὰ, δεσμεῖς τούτων τὰς ἀντιστάσεις πρὸς τὰς δυσμὰς ἀσφαλῶς, τὴν καλλίστην ταύτην ἀντιστροφὴν τῷ ὑπηκόῳ σοῦ χαριζόμενος καὶ τοῖς μὲν τὰ θεῖα λουτήρια δίδως, ὡς ἄλλως νέος νεώνυμος χάριτος κήρυξ, τοὺς δὲ ἰλῦος ἐκτινάξας τῆς πυρσολάτρου καὶ Περσικῆς τῷ θείῳ πυρὶ ἐν πνεύματι καθαίρεις ῥύπον τοῦ μυσαροῦ (далѣе о Болгарахъ).

Первая часть приведеннаго мѣста имѣетъ спеціальный интересъ для исторіи монгольскаго движенія, и здѣсь мы не будемъ на ней останавливаться. Вторая же незамѣнима для раскрытія значенія славянскаго элемента въ судьбахъ Никейской имперіи. „Ты соединяешь въ одно двойное имя Персоскиθовъ. Ибо прежде переселивъ Скиθа изъ западныхъ областей, изъ его поколѣній ты создалъ на востокѣ служебный народъ, и замѣнивъ Персовъ дѣтьми, обуздываешь ихъ неудержимый напоръ къ западу, даруя тѣмъ своимъ подданнымъ такую прекраснѣйшую перемѣну“....

---

[1]) Cod. Graecus въ Парижской національной библіотекѣ, Supplem. № 37, л. 1: Θεοδώρου Δούκα τοῦ Λάσκαρι τοῦ υἱοῦ τοῦ ὑψηλοτάτου βασιλέως, κυρίου Ἰωάννου τοῦ Δούκα, ἐγκώμιον εἰς τὸν πατέρα αὐτοῦ τὸν αὐτὸν ὑψηλότατον βασιλέα κύριον Ἰωάννην τὸν Δούκαν.

Лѣтописецъ Пахимеръ освѣщаетъ краткое сообщеніе Лаекаря съ двухъ сторонъ: вопервыхъ, онъ рисуетъ занятія и образъ жизни эпиковъ (ἔποικοι); вовторыхъ—и это особенно важно—указываетъ на ихъ политическія симпатіи, именно на привязанность къ дому Лаекарей (надѣлившихъ ихъ землями и вольностями), когда Палеологи захватили въ свои руки верховную власть. Обращаясь къ событіямъ, послѣдовавшимъ за утвержденіемъ Латинянъ въ Константинополѣ въ 1204 г., Пахимеръ говоритъ [1]: Греки были окружены съ обѣихъ сторонъ опасными непріятелями, съ востока—Турками (Персы), съ запада—Латинянами (Италіанцы), владѣвшими не только приморскими, но и внутренними областями и такъ стѣснившими ихъ, что не было возможности свободно вздохнуть. Въ это-то время и является у нихъ Скиѳская колонія [2], оказавшая имъ важныя услуги. Цѣли Грековъ направлялись на обезпеченіе внутренней страны противъ набѣговъ Турокъ. Такъ какъ на востокѣ ихъ отдѣляли отъ Турокъ высокія горы съ узкими долинами, военное значеніе которыхъ послѣдними было опущено изъ вниманія то прежде всего Греки озаботились усыпить Турокъ дарами и захватить важные для нихъ пункты. Созывая же отовсюду многочисленныхъ и сильныхъ эпиковъ, Греки создали въ этихъ мѣстахъ крѣпкія стѣны и образовали изъ нихъ непреодолимую ограду Ромэйской землѣ [3]. И дабы поставить этихъ горныхъ жителей въ такое положеніе, чтобъ они крѣпко держались своихъ мѣстъ и имѣли побужденіе жертвовать собою въ борьбѣ съ врагами, вся военная колонія освобождена была отъ податей, старѣйшины надѣлены проніями и почестями и всѣ таковыя преимущества обезпечены царскими жалованными грамотами [4]. Съ теченіемъ времени эти поселенцы разжились и накопили большія богатства. Но чѣмъ больше увеличивалось ихъ благосостояніе, тѣмъ ревностнѣе исполняли они свои военныя обязанности, держа ночную стражу, ежедневно нападая на вра-

---

[1]) Georgii Pachymeris I, 15—17.

[2]) Σκυθικὸν προσλαβόμενοι ἄρτι τότε φανέν τε καὶ προσληφθέν. Въ данномъ случаѣ насъ нисколько не должно смущать появленіе скиѳскаго, то-есть, русскаго элемента,—насъ занимаетъ общеславянская община въ Византіи.

[3]) συχνοῖς δὲ τοῖς πανταχόθεν ἐποίκοις καὶ ἰσχυροῖς κατασφαλισάμενοι ἐρυμνὰ τείχη καὶ οἷον δυσεπιχειρήτους θριγκοὺς τῇ Ῥωμαΐδι ταῦτα κατέστησαν. Въ защитѣ земли, слѣдовательно, принимало участіе и старое славянское населеніе Малой Азіи.

[4]) ἀλλ' ἀτελείαις μὲν τοὺς πάντας, προνοίαις δ' ἐκ τούτων τοὺς ἐπιδοξοτέρους, καὶ οἷς τολμοῖεν τὸ φρόνημα, γράμμασιν ἐσωροῦντο βασιλικοῖς.

говъ и уводя въ полонъ, дѣлая наконецъ вторженія цѣлыми партіями въ ихъ страну. Эти жители горныхъ областей или акриты пользовались своими привиллегіями до перенесенія столицы имперіи снова въ Константинополь, когда цари начали ограничивать ихъ вольности и сокращать выдаваемое имъ жалованье. Михаилъ Палеологъ, согласившись на представленія одного сановника, по имени Хадина, далъ позволеніе произвести перепись у акритовъ [1]. Хадинъ поспѣшилъ на мѣсто, и нашедши въ колоніи весьма зажиточныхъ крестьянъ, обладавшихъ большими усадьбами и стадами скота, вноситъ ихъ въ военные списки и каждаго обязываетъ нести службу со своего участка [2]. Наложивъ на каждое хозяйство подать въ 40 номисмъ, одну часть ея приказалъ зачислять за военную службу, другую вносить въ казну. Эта мѣра не замедлила совершенно разорить эпиковъ. Они утратили прежнее усердіе къ военной службѣ, обѣднѣли и упали духомъ. Ослабленіемъ этой славянской колоніи облегчено было Туркамъ завоеваніе Виѳиніи, области въ высшей степени важной для Цареграда.

Совершенно уже по другому случаю Пахимеръ еще разъ возвращается къ крестьянамъ-акритамъ [3]. Михаилъ Палеологъ, вступивъ въ Константинополь въ 1261 г., рѣшился устранить законнаго наслѣдника престола изъ дома Ласкарей, малолѣтняго Іоанна. Въ имперіи возбудилось общее негодованіе противъ насильственныхъ дѣйствій Палеолога. Патріархъ произнесъ противъ него отлученіе, въ провинціяхъ начались волненія. Въ это время славянская колонія Никейскаго округа [4] рѣшительнѣе другихъ выступаетъ на защиту правъ наслѣдника престола. Ей указано было подставное лицо въ одномъ восьмилѣтнемъ мальчикѣ, на котораго она и перенесла свои симпатіи во имя присяги на вѣрность, данной отцу Іоанна, Ѳ. Ласкарю [5]. Извѣстіе объ этомъ напугало Михаила, такъ какъ онъ имѣлъ осно-

---

[1]) πέμπεται (Χαδηνὸς) καταπρᾶξαι ἃ φθάσας βεβούλευται.

[2]) στρατεύει τούτους ἐκ τῶν σφετέρων ἐκείνων καὶ οἷς ὁ ἑκάστου βίος συνεκεκρότητο, καὶ εἰς τεσσαράκοντα νομίσματα τῷ ἑνὶ συμποσώσας, καὶ τούτων τὸ πλεῖστον ἐκ τῶν αὐτοῦ, τὸ λοιπὸν τοῦ τεθέντος τέλους, οὐκ ὀλίγον ὄν, τῷ βασιλικῷ ταμιείῳ εἰσκομίζεσθαι ἔταξεν.

[3]) Pachym. I, 193—201.

[4]) οἱ κατὰ τῆς Νικαίας τἄκρα χωρῖται, ἀγρόται μὲν ὄντες καὶ γεωργίᾳ προσέχοντες, θαρραλέοι δ' ἄλλως, πίσυνοι τόξοις ἅμα δὲ καὶ ταῖς κατὰ σφᾶς δυσχωρίαις τὸ πιστὸν ἔχοντες.

[5]) ἐφ' ᾧπερ καὶ ὅρκοις τοῖς πρὸς τὸν πατέρα πεδούμενοι ταῖς ὑπὲρ ἐκείνου προθυμίαις ἐσφάδαζον, ἅμα δὲ ὡς ἠδικημένῳ προσαμύνοντες.

ваніе опасаться, что примѣръ горцевъ къ возстанію увлечетъ и другія области. Поэтому онъ поспѣшилъ отправить сильное войско. Но гористая мѣстность, покрытая густымъ лѣсомъ, постоянно доставляла возставшимъ перевѣсъ надъ силами императора. Война приняла народный характеръ [1]). Женщины и дѣти спрятаны были въ недоступныхъ мѣстахъ, огражденныхъ разными искуственными приспособленіями [2]). Ни огнемъ, ни мечемъ царское войско не могло принудить возставшихъ къ сдачѣ. Тогда прибѣгли къ переговорамъ, стали дѣйствовать на болѣе вліятельныхъ лицъ, обѣщая имъ помилованіе, указывали, что признаваемый ими за царя мальчикъ совсѣмъ не Іоаннъ Ласкарь, а самозванецъ. Многихъ это поколебало, но многіе оставались вѣрны однажды принятому рѣшенію. „Какое намъ дѣло", говорили послѣдніе,—„настоящій это царь, или нѣтъ. Мы приняли его за царя и обѣщались положить за него наши души и пожертвовать всѣмъ, что̀ намъ дорого. Какъ же намъ выдать его? И какое мы дадимъ оправданіе въ измѣнѣ ему? Вѣдь онъ насъ не подстрекалъ, а мы сами пожелали страдать за него какъ за государя!" Волненіе въ горахъ улеглось лишь тогда, когда не стало знамени: мальчикъ препровожденъ былъ къ Туркамъ. Правительство Палеолога подвергло вѣрную памяти Ласкарей колонію разнымъ наказаніямъ и взысканіямъ и удержалось отъ окончательнаго ея уничтоженія лишь изъ опасенія оставить границу открытою для Турокъ. Пахимеръ сообщаетъ и имя занимающихъ насъ общинъ—Трикоккіоты и Зигійцы [3]).

Намъ представляется излишнимъ доказывать славянское происхожденіе горцевъ, упоминаемыхъ у Пахимера, какъ въ виду ранѣе приведеннаго мѣста изъ похвалы Ѳ. Ласкаря, такъ и потому, что эти горцы названы эпиками. В. И. Ламанскій, руководясь не обманувшимъ его историческимъ чутьемъ, давно уже высказалъ мнѣніе, что граничары Пахимера суть Славяне [4]). Но здѣсь умѣстно будетъ замѣчаніе, что симпатіи славянскаго населенія въ противоположность греческому высказываются не только въ династической борьбѣ Па-

[1]) ὥστε καὶ ὡμολόγουν καὶ μέγα τι ἐδόκουν πράττειν εἰς δεῖγμα τῆς κατὰ σφᾶς εὐσεβείας, εἴ γε καὶ ὑπὲρ βασιλέως καὶ ἠδικημένου κινδυνεύοιεν.

[2]) ὡς γυναῖκας μὲν καὶ παιδάρια ταῖς ἐσωτέραις παραδύεσθαι δυσχωρίαις, καὶ σταυροῖς δὲ ἐπιμήκεσι καὶ ἁμάξαις διειλῆφθαι τὸν κύκλῳ τόπον.

[3]) p. 201. ταῦτα περὶ τοὺς Τρικοκκιώτας καὶ τοὺς τοῦ ζυγοῦ διαπραξάμενοι ἀνεχώρουν ἐπ' οἴκων. Послѣднее слово представляетъ ошибочное чтеніе, нужно замѣнить въ ἐποίκους.

[4]) Славяне въ Малой Азіи, стр. 13.

леолога съ Ласкаремъ, но съ гораздо большею силой въ дворцовыхъ переворотахъ и быстрыхъ смѣнахъ династій VII, VIII и IX вв., что и должно составлять на будущее время предметъ изслѣдованія для византинистовъ [1]).

Свидѣтельства Θ. Ласкаря и Пахимера вводятъ насъ въ XIII в. и ведутъ къ совершенно строгимъ выводамъ о положеніи крестьянской общины въ Византіи. Чего недостаетъ въ этихъ свидѣтельствахъ, должно быть пополнено на основаніи дарственныхъ грамотъ, купчихъ и владѣнныхъ записей, хранящихся въ изданныхъ актахъ. Приговоръ общины Дріанувэнитовъ [2]), сообщенный выше, разъясняетъ внутренніе порядки славянской общины и не оставляетъ сомнѣній относительно политической роли ея. Точно такія же общинныя отношенія въ соединеніи съ свободнымъ крестьянскимъ землевладѣніемъ имѣются въ виду всякій разъ, когда выступаютъ эпики, какъ особенный византійскій терминъ, въ отличіе отъ париковъ, зависимыхъ крестьянъ. Для этого слѣдуетъ обратить вниманіе на акты, находящіеся въ IV томѣ Миклошича.

προσεχαλέσατο τοὺς ἐποίχους στρατιώτας τε χαὶ οἰχοδέσποτας [3]) (стратіотовъ и домохозяевъ—военная и крестьянская часть общины); τὰ δίχαια τῶν ἐποίχων τῆς Πέτρας χαὶ τῶν συμπαροίχων αὐτῶν [4]) (владѣнія эпиковъ Петры и ихъ париковъ). Эпики селенія Неохары даютъ обязательство не дѣлать захватовъ въ сосѣднихъ съ ними владѣніяхъ монастыря Лемвіотиссы, на которыя до сего времени (1293 г.) они посягали χατὰ λόγον δυναστείας [5]).

Эпики селенія Вари, ссылаясь на хризовулы, различные указы и владѣнныя грамоты, не повинуются монахамъ Лемвіотиссы и не соглашаются платить имъ должное вмѣсто подати. Мало того, они подстрекаютъ еще къ тому же и чужаковъ (τοὺς ἀπὸ ξένης ἐλθόντας), сѣвшихъ на земляхъ монастырскихъ, и отговариваютъ ихъ отбывать обычную барщину и исполнять другія обязанности, свойственныя состоянію париковъ [6]). Въ этомъ же документѣ отдается приказъ, чтобы эпики давали монастырю должную подать,

---

[1]) Для примѣра укажемъ у Зонары XV, с. II (*Dind.* III, 361 и сл.).
[2]) *Miklosich*, IV, 391.
[3]) Ibid. 128.
[4]) Ibid. 148.
[5]) Ibid. 231.
[6]) Ibid. 255—256.

отбывали обычную барщину и исполняли прочія повинности,—приказъ весьма странный, и по видимому, разрушающій всю теорію о состояніи эпиковъ. Но дѣло объясняется весьма просто. Селеніе Вари представляетъ собою образецъ раздробленной общины, оторвавшейся отъ митрокоміи и стоящей наканунѣ перехода въ зависимое отъ монастыря состояніе. Варійцы по случаю военнаго времени сдѣлались должниками сосѣда-монастыря, занявъ у него 55 иперпировъ. Здѣсь и нужно искать причину потери ихъ вольностей [1]).

Эпики округа Сампсонъ и Амазонокоракія черезъ своихъ выборныхъ ведутъ дѣло съ монахами Латрской обители изъ-за помѣстья Александріи. Интересъ этого дѣла заключается въ томъ, что, какъ оказалось на судебномъ слѣдствіи, эпики ссылались на подложный документъ, за составленіе котораго заплатили 14 иперпировъ, и что права ихъ оспаривали, кромѣ монастырской братіи, жители Клисуры, очевидно, также свободные землевладѣльцы [2]).

Свободное крестьянское землевладѣніе пережило и XIV столѣтіе. Если немного свидѣтельствъ можно привести въ пользу того, то причина скорѣе скрывается въ скудости сохранившихся матеріаловъ, чѣмъ въ паденіи самаго учрежденія. Въ Аѳонскихъ актахъ, изданныхъ г. Флоринскимъ, находимъ объ эпикахъ слѣдующее: Да владѣетъ (Хиландарскій монастырь) виноградникомъ въ Солуни, пожертвованнымъ ему Анною Хирагиной, каковой виноградникъ въ силу хризовуловъ, данныхъ общинѣ эпиковъ солунскихъ, оказывается свободнымъ [3]). Монахи Эсфигменова монастыря спорятъ съ эпиками замка Рентины изъ-за земли св. Николая и Враста. Дѣло рѣшается въ пользу монастыря на основаніи прежнихъ дарственныхъ грамотъ [4]).

Но и по отношенію къ XIV в. скудость матеріаловъ восполняется

---

[1]) Но встрѣчаемся нерѣдко и съ противоположными явленіями: община захватываетъ монастырскія земли. *Mikl.* IV, 231, 264: αἱ χῶραι πλησιάζουσαι τὴν κτηματικὴν αὐτῆς γῆν καθηρπάσαντο; 281: засвидѣтельствовано достовѣрными показаніями, δυναστεύεσθαι διηνεκῶς τῇ μονῇ ἐν τῷ τοῦ ἀμητοῦ καιρῷ παρὰ τῶν ἐποίκων τοῦ χωρίου Μουρμούντων—τρόπῳ δὲ δυναστικῷ.

[2]) Ibid. 290—294. Напомнимъ также эпиковъ Дріанувэны, ibid. 365, 391, 398, 429.

[3]) *Флоринскій*, Аѳонскіе акты, 42: ἀμπελεῖον, ὃ παραδέδωκε κατὰ λόγον προσενέγξεως εἰς τὴν σεβασμίαν μονὴν Χηραγηνὴ Ἄννα, ἀπὸ τῶν κοινῶς προσόντων τοῖς ἐποίκοις τῆς θεοσώστου πόλεως Θεσσαλονίκης χρυσοβούλλων ἐλεύθερον εὑρισκόμενον.

[4]) Тамъ же, стр. 88—89. κατὰ τῶν ἐποίκων τοῦ κάστρου Ρεντίνης εἰπόντες, ὅτε τὴν γῆν—ἐπελάβοντο οὗτοι πρὸ ὀλίγου καιροῦ καὶ κατέχουσιν αὐτήν.

прекраснымъ документомъ, который долженъ занять первостепенное мѣсто въ исторіи славянской общины въ Византіи. Это хризовулъ царя Андроника Старшаго отъ февраля 1319 г., данный Янинской жупѣ-комитурѣ [1]).

Начавъ съ притчи о Блудномъ сынѣ, которая представляетъ достойный подражанія примѣръ, Андроникъ ставитъ себя на мѣсто любвеобильнаго и сострадательнаго отца, а подданныхъ уподобляетъ сыну притчи: „Есть въ Эпирѣ городъ именемъ Янина; онъ величіемъ превосходитъ многіе города, въ особенности же отличается своимъ мѣстоположеніемъ, климатомъ, могуществомъ и твердынями; наполненъ жителями, цвѣтетъ богатствомъ и обладаетъ другими благами и удовольствіями жизни, какъ немногіе изъ городовъ. Но лучшее его украшеніе, оставляющее всѣ другія на второмъ планѣ, это—его покровитель и защитникъ и предстатель, великій стратигъ небесныхъ воинствъ Михаилъ, который во всѣ времена и во всякомъ дѣлѣ любвеобильно заступается, помогаетъ и защищаетъ, украшаетъ и усиливаетъ городъ, усвоивъ его себѣ съ давнихъ поръ, еще до того времени, когда городъ сталъ мѣстечкомъ, и который разливаетъ чудеса и благодѣянія на эпиковъ и гражданъ его. Но этотъ городъ, прекрасный и цвѣтущій многими благами, подвергся на немалое время злой участи и утратилъ свои преимущества: отошелъ отъ вселенской церкви и отдѣлился отъ имперіи, защитницы ея и всего Ромэйскаго племени. Находясь въ постыднѣйшемъ рабствѣ у людей другаго съ ними происхожденія [2]), жители города Янины испытали рабскую долю и разнаго рода насилія, о которыхъ тяжело и вспоминать. Нынѣ же мудрые Янинцы съ удивительною ревностью и похвальнымъ расположеніемъ перемѣняются на лучшее, воспринимаютъ благоразумныя и здравыя намѣренія, освободившись отъ одержавшей ихъ болѣзни, и стремятся со всѣмъ душевнымъ жаромъ къ лучшему устройству дѣлъ своихъ: возвращаются къ общей матери всего рода, вселенской христіанской церкви, къ соединенію съ цѣлымъ тѣломъ Ромэйской имперіи и къ подчиненію намъ, которые получили отъ Богослова власть и защиту всего Ромэйскаго племени. Мы же вос-

[1]) Χρονογραφια της Ηπειρου, II, 294—307.

[2]) Ужь, конечно, рѣчь идетъ не о деспотахъ Эпирскихъ, какъ толкуетъ это мѣсто издатель, р. 297, а объ Анжуйской династіи, утвердившейся здѣсь съ 1267 г. См. объ этомъ *Макушева*, Историческія разысканія о Славянахъ въ Албаніи, Варшава 1871, стр. 21 и слѣд.

пользуемся относительно ихъ тѣмъ примѣромъ чадолюбиваго отца, о которомъ говорено было выше: съ радостію пріемлемъ ихъ, открывая свои объятія, награждаемъ всевозможными благодѣяніями. Доказательствомъ служитъ слѣдующее: Кромѣ другихъ оказанныхъ имъ милостей, мы даемъ по ихъ просьбѣ и сей хризовулъ, которымъ исполняемъ и утверждаемъ выраженныя ими желанія.

„Царство мое опредѣляетъ и повелѣваетъ симъ хризовуломъ, чтобы святѣйшая Янинская митрополія невозбранно и непоколебимо владѣла всѣми ея имуществами и правами, по силѣ древнихъ грамотъ, будутъ ли это села или виноградники, или помѣстья, мельницы, или что̀ другое изъ земельныхъ владѣній, или присельническое [1]), равно какъ да владѣетъ подобнымъ же образомъ и тѣми пожалованіями, которыя въ недавнее время сдѣланы возлюбленнымъ зятемъ моимъ, пинкерномъ Сирріаномъ Палеологомъ. Ибо такова моя воля и желаніе, чтобъ означенная святѣйшая митрополія властвовала надо всѣмъ этимъ безпрерывно во всѣ будущія времена.

„Поелику же эпики богоспасаемаго города Янины просили и умоляли, чтобъ этотъ городъ ни подъ какимъ видомъ не уступаемъ былъ царствомъ моимъ Франкамъ или кому другому, но чтобы на будущее время оставался не отдѣляемымъ отъ царства моего и соединеннымъ съ остальною страной царства и съ замками и находился подъ властью моею и моихъ наслѣдниковъ и преемниковъ во вѣки вѣковъ, царство мое, обсудивъ и эту ихъ просьбу, обѣщаетъ настоящимъ хризовуломъ, что ни подъ какимъ видомъ городъ Янина не будетъ уступленъ или отданъ никому, какого бы происхожденія и состоянія онъ ни былъ [2]), поелику царство мое приняло этотъ городъ въ свою собственность и рѣшило оказывать ему отмѣнное расположеніе, заботиться о возстановленіи его и улучшеніи и любвеобильно относиться къ нему со всею мягкостью и расположеніемъ. И ни одинъ другой замокъ изъ вошедшихъ недавно подъ власть мою и изъ имѣющихъ на будущее время присоединиться въ той области не будетъ никому пожалованъ и не отдѣлится отъ власти и подчиненія царству моему. И это будетъ неизмѣнно по силѣ настоящаго хризовула.

---

[1]) εἴτε ἕτερα τοιαῦτα ὑποστατικὰ εἴτε πάροικα.

[2]) κἂν ὁποίας μοίρας καὶ τάξεως. Мы понимаемъ эти слова въ смыслѣ изъятія Янины отъ отдачи въ Пронію, о чемъ и говорится далѣе подробнѣе въ самомъ хризовулѣ.

„Имѣющій быть назначеннымъ въ городъ Янину воевода не властенъ изгонять или выселять ни малаго, ни великаго изъ эпиковъ, ни поселять его въ другомъ мѣстѣ, если самъ онъ не захочетъ покинуть домъ и не предпочтетъ поселиться въ иномъ мѣстѣ. Только явнаго бунтовщика [1], и только его одного, воевода имѣетъ право изгнать и удалить изъ означеннаго города, поелику его преимущественная обязанность—блюсти въ городѣ добрый порядокъ и слѣдить за исполненіемъ закона по повелѣнію Божію и по желанію царства моего. Ибо если появятся и обрѣтутся среди нихъ нарушители государственнаго порядка, готовые возбуждать народъ и производить смуту, дѣло ихъ не замедлитъ обратиться во вредъ и для тѣхъ благомыслящихъ, которые ищутъ мира и желаютъ соблюдать должный и правильный строй, посему-то царство мое и даетъ власть и полномочіе противъ явныхъ бунтовщиковъ въ означенныхъ выше предѣлахъ.

„Далѣе царство мое повелѣваетъ, чтобы эпики сего города избрали изъ своей среды лучшихъ людей и назначили ихъ судьями, дабы они судили и улаживали возникающія тяжбы, имѣя предсѣдателемъ воеводу, за исключеніемъ только тѣхъ дѣлъ, которыя подлежатъ смѣсному суду тамошней святѣйшей церкви.

„Самый городъ Янина пользуется свободой и изъятіями по прежнему обычаю, и всѣ эпики его вполнѣ освобождаются отъ торговыхъ пошлинъ, имѣютъ право невозбранно и безпрепятственно совершать нужныя торговыя сдѣлки и въ самомъ городѣ и во всѣхъ другихъ областяхъ и замкахъ царства моего, и не отъ кого не встрѣтятъ затрудненія нигдѣ, даже до богоспасаемаго Константинополя.

„Замковые Янинцы (то-есть, горожане) не обязываются и не понуждаются нести военную службу внѣ этого города, поелику одни строевые стратіоты, зачисленные въ кадровыя части и имѣющіе экономію, должны отбывать службу [2] (то-есть, по назначенію правительства).

„А какъ у нихъ господствуетъ обычай, что если по

---

[1]) τὸν ἀναφανέντα δὲ δημοτάκτην.

[2]) ἐπεὶ αὐτοὶ μόνοι οἱ ἀποτεταγμένοι στρατιῶται, συναριθμούμενοι δὲ εἰς τὰς συντάξεις τῶν ἀλλαγίων καὶ ἔχοντες οἰκονομίαν ὀφείλουσιν ἐκδουλεύειν. Мѣсто замѣчательное по ясному различенію замковыхъ и стратіотовъ и по указанію той внутренней связи, которая существовала въ славянской общинѣ между гражданскимъ строемъ и военнымъ.

разслѣдованію и вѣрнымъ свидѣтельствамъ окажется между ними измѣнникъ и предатель, то имущество его отбираютъ, а жилище разрушаютъ, самого же по истинѣ явнаго измѣнника выводятъ изъ города и прогоняютъ [1]), дабы онъ не имѣлъ въ немъ наслѣдія, то царство мое опредѣляетъ, чтобъ и на будущее время оставался въ силѣ этотъ обычай, какъ они о томъ просили.

„Стратіотъ не имѣетъ права располагаться въ домѣ горожанина (замковаго) противъ воли и желанія его.

„Имѣющій быть назначеннымъ по нашему указу воевода долженъ остерегаться противозаконныхъ, обременительныхъ и неумѣстныхъ дѣйствій по отношенію къ нимъ, ибо такова воля царства моего, чтобъ и ко всѣмъ подданнымъ относиться въ любви Христовой, равно и къ нимъ, дабы сохранить за ними всю ненарушимость изъятій, какъ это будетъ изложено въ указѣ царства моего на имя назначеннаго воеводой. Если бы же онъ, вопреки указу царства моего, допустилъ себя отягощать ихъ нелѣпыми дѣйствіями, то царство мое желаетъ, чтобы граждане обращались ко мнѣ съ жалобой и подробно объяснили допущенную противъ нихъ несправедливость или нанесенную имъ обиду, послѣ чего или послѣдуетъ таковому воеводѣ внушеніе, и возстановлена будетъ нарушенная имъ справедливость, или онъ смѣщенъ будетъ съ воеводства, и на его мѣсто назначенъ другой, который будетъ содѣйствовать удовлетворенію и успокоенію ихъ по желанію и указу царства моего. Ибо мы не можемъ не высказать неудовольствія на тѣхъ людей, которые, испытавъ несправедливость и обремененіе отъ воеводъ, не обращались съ жалобой къ намъ, чтобы мы сдѣлали соотвѣтствующее опредѣленіе, приличное внушеніе и замѣчаніе.

„На эпиковъ означеннаго города Янины не будетъ налагаемо никакого налога ни изъ нынѣ дѣйствующихъ, ни изъ имѣющихъ быть изобрѣтенными впослѣдствіи; равно освобождаются отъ обложенія села и имущества ихъ въ другихъ областяхъ, гдѣ бы они ни были и въ какихъ бы мѣстахъ ни находились; но да обрѣтаются они во всей ненарушимости и да пользуются изъятіями *согласно дѣйствующему въ примѣненіи къ нимъ обычаю* [2]),

---

[1]) τὰ μὲν κτήματα αὐτοῦ ἐπεκέρδαινον οὗτοι, τὰ δὲ ὁσπήτια αὐτοῦ κατεχάλων, τοῦτον δὲ τὸν κατὰ ἀλήθειαν ἀναφανέντα προδότην ἐξῆγον ἀπὸ τοῦ κάστρου καὶ ἀπεδίωκον. Это потокъ и разграбленіе Русской правды.

[2]) κατὰ τὴν συνήθειαν τὴν τεταγμένην εἰς αὐτούς.

по указу и желанію и одобренію царства моего, потому что и на то мы изъявили согласіе, чтобы незадолго передъ симъ наложенныя на нихъ тягости и стѣсненія были сняты и недѣйствительны, и чтобы жители Янины пользовались полнымъ спокойствіемъ и изъятіями.

„Они не подлежатъ никакой другой поголовной подати, кромѣ нынѣ дѣйствующей [1]). Точно также освобождаются их имущества отъ военнаго постоя [2]) и отъ другихъ повинностей, но да продаютъ владѣльцы помѣстій свои произведенія жителямъ области по вольной цѣнѣ, и никто не принуждается продавать свои товары противъ обычая. Освобождаются отъ сборовъ на градостроеніе въ пользу какого-нибудь другаго города, ибо они обязаны радѣть только о своемъ городѣ и принимать мѣры къ его поддержанію, улучшенію и возстановленію.

„Впавшій въ убійство наказывается по господствующему у нихъ обычаю [3]).

„Если случится кому найдти кладъ, то, взявъ найденное, онъ долженъ снести его въ богохранимое казначейство; если же распространится ложный слухъ о кладѣ и на кого нибудь будетъ клевета по злобѣ, то должно назначить разслѣдованіе и обнаружить по поводу слуховъ сущую истину, а человѣкъ, о которомъ пущенъ слухъ—что онъ нашелъ кладъ, свободенъ.

„Къ этому присоединяемъ, что они имѣютъ право владѣть безъ притѣсненій и безъ споровъ селами и угодьями, которыя и до сихъ поръ находились подъ ними. Эти села суть: Βοτίβιστα, Ζελοχοβίστα, Ψεάδα, Σανδαβίτζα, Ἀρδιλοβίστα, Γλοξιάνι, Γαρδίκι, Δεαυσίστα, Τριστεανίκος, Τρεαβοβιδίστα, Νοβοσέλη, Ἀρδομηστία [4])—съ тремя находящимися тамъ рыбными ловлями.

---

[1]) ἔτι ἵνα οὐδὲν ἕτερον χάραγμα παρὰ τὸ νῦν πολιτευόμενον εἰς αὐτοὺς τεθῇ ἐκεῖσε; χάραγμα —харачъ турецкой эпохи въ Актахъ *Терновскаго*, стр. 450.

[2]) οὐδὲ μιτάτον γένηται. О податной терминологіи у г. *Васильевскаго—Журн. М. Н. Пр.*, августъ 1879, стр. 377.

[3]) ἵνα ὁ μέλλων ἐμπεσεῖν εἰς φόνον παιδεύηται ὑπὲρ τούτου κατὰ τὴν ἐκεῖσε συνήθειαν. Само собою разумѣется, этого обычая слѣдуетъ искать въ первыхъ статьяхъ Русской Правды. Но это мѣсто любопытно еще и потому, что даетъ основаніе понимать подъ выраженіемъ ἡ συνήθεια не только обычай, но и писанный славянскій законъ, въ отличіе отъ византійскаго.

[4]) Славянскія имена этихъ селъ, частію сохранившихся и по настоящее время, очевидны. Свѣдѣнія объ нихъ можно находить въ томъ же сочиненіи, изъ котораго мы заимствовали приводимый хризовулъ.

„Точно также и селами, пожалованными имъ возлюбленнымъ зятемъ моимъ, пинкерномъ Сирріаномъ Палеологомъ, именно: Σίπκα, Ῥαδοτόβι, Δρεάνοβον, Φρεάστανα, Διπνίτζα, Κοπάντζι, Στρώμη, Δρεαβοψά, виноградникъ εἰς τοὺς Ψάθους, Κοπάνη, Κρεχοβὸς, περὶ τὴν Βαγενέτιαν Διβάδιον, Σχουπίτζα. Да владѣютъ они сими селами съ окрестностями и съ пастбищами, и съ правами ихъ и съ находящимися въ нихъ пустошами неотъемлемо, неотчуждаемо и безспорно.

„Поелику же граждане Янины просили и желали утвердить ихъ настоящимъ хризовуломъ во владѣніи и въ правахъ собственности на ихъ земли—гдѣ бы онѣ ни находились, и воспретить продажу ихъ имуществъ мѣстному архонту или стратіоту, разрѣшая свободный переходъ лишь въ руки горожанъ [1]), то царство мое опредѣляетъ и изъявляетъ свое согласіе, чтобы было по тому, какъ они просили, и чтобы никто не смѣлъ принимать на свои земли принадлежащаго другому парика.

„Поелику возлюбленный зять мой пинкернъ пожаловалъ имъ грамотой, освобождающею ихъ отъ взноса поголовной подати, дымнины, пастбищнаго, съ рыбныхъ ловель, поземельнаго, съ выпаса на горахъ, пчелинаго, десятины со свиней [2]), словомъ—отъ налоговъ, изобрѣтенныхъ въ недавнее время властителями ихъ, царство мое желаетъ оставить ихъ свободными отъ взысканій указанныхъ статей, согласно положенію, изданному на это возлюбленнымъ зятемъ моимъ пинкерномъ.

„Согласно просьбѣ ихъ, они не подлежатъ переписи.

„Сторожевая служба въ этомъ городѣ лежитъ только на строевыхъ стратіотахъ по прежнему обычаю, и граждане отнюдь не понуждаются къ сторожевой службѣ [3]), развѣ только въ случаѣ необходимости и крайней опасности.

---

[1]) οὐδὲν ἔχωσιν ἄδειαν πωλεῖν τινα ἀπὸ τούτων πρὸς ἄρχοντα τοπικὸν ἢ στρατιώτην, εἰμη διαπωλεῖν αὐτὰ πάλιν πρὸς καστρινούς. Слѣдуетъ напомнить здѣсь о категоріяхъ предпочтенія при продажѣ общинныхъ имуществъ въ новеллахъ X в.

[2]) οὐδὲν ἀπαιτῆται ὅλως ἐξ αὐτῶν βιολόγιον ἢ καπναλόγιον, ἢ νόμιστρον ἢ λιμναῖον πάκτον ἢ ζευγολόγιον ἢ ὀρικὴ ἢ μελισσοενόμιον ἢ χοιροδεκατία. О податной терминологіи см. у *Васильевскаго—Ж. М. Н. Пр.*, августъ 1879, стр. 370 и сл.

[3]) ἵνα δὲ ὦσιν εἰς τὴν ἀποβίγλισιν τοῦ τοιούτου κάστρου καὶ πάλιν οἱ πρότερον τεταγμένοι εἰς τοῦτο κατὰ τὴν προτέραν συνήθειαν; для выраженія τεταγμένοι сравн. выше ἐπεὶ αὐτοὶ μόνοι ἀποτεταγμένοι στρατιῶται, συναριθμούμενοι δὲ εἰς τὰς συντάξεις τῶν ἐλλαγίων καὶ ἔχοντες οἰκονομίαν.

„Евреи, проживающіе въ городѣ Янинѣ, пользуются всею свободой и правами наравнѣ съ эпиками.

„Пожалованія имуществъ, сдѣланныя нѣкоторымъ гражданамъ Янины возлюбленнымъ зятемъ моимъ пинкерпомъ, остаются за ними крѣпко и неотчуждаемо, согласно съ его грамотами.

„Все сіе по порядку изложенное въ настоящемъ хризовулѣ будетъ охраняемо и оберегаемо твердо и непоколебимо и неизмѣнно во всѣхъ частяхъ, ибо не въ обычаѣ у царства моего милостію Христа измѣнять что-либо въ распоряженіяхъ, утвержденныхъ хризовуломъ. Посему всѣ вышеизложенныя статьи по порядку подтверждаемъ и одобряемъ симъ хризовуломъ, изданнымъ въ мѣсяцѣ февралѣ текущаго индикта, въ лѣто 6827".

Хризовулъ въ пользу Янинской комитуры, которая заключала въ себѣ 25 по имени извѣстныхъ селъ и деревень (то-есть, общинъ) и нѣсколько не названныхъ по имени, если бы погибли всѣ другіе слѣды общинной жизни и свободнаго крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи, самъ по себѣ былъ бы въ состояніи дать иную постановку вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи и вызвать недовѣріе къ господствующей теоріи объ уничтоженіи свободной крестьянской поземельной собственности. Но онъ останавливаетъ на себѣ вниманіе по преимуществу не въ этомъ отношеніи. Хризовулъ Андроника представляетъ собою въ единственномъ числѣ сохранившійся типъ отношеній, въ которыхъ находилась къ имперіи славянская община. По этому типу должны слагаться и наши воззрѣнія на древнѣйшіе не сохранившіеся договоры обширныхъ славянскихъ комитуръ съ византійскимъ правительствомъ. Чѣмъ ближе перенесемся мы къ VII и VIII вв., тѣмъ больше мѣста должны давать автономіи въ славянской общинѣ, тѣмъ больше удѣлять ей политической свободы и тѣмъ меньше предполагать вмѣшательства центральной власти во внутренніе распорядки, въ хозяйство и управленіе общины: ибо таковъ общеисторическій ходъ развитія, выясненный на изученіи германскихъ древностей. Неоднократныя ссылки въ хризовулѣ на обычное славянское право, признаніе законной силы за старыми уложеніями и за учрежденіями, восходящими къ VII или по крайней мѣрѣ къ X вѣку и коренящимися въ бытовой и политической жизни Славянскаго племени, всѣ эти качества придаютъ хризовулу высокую цѣну въ наукѣ о славянскихъ древностяхъ и дѣлаютъ его неоцѣненнымъ источникомъ въ спеціальныхъ вопросахъ объ отношеніи Славянъ къ Ромэйской имперіи. Автономія Янинской комитуры обставлена весьма прочно и

имѣетъ твердыя основанія — собственный судъ, общинное войско, невмѣшательство воеводы во внутреннюю администрацію, гарантію въ неотчуждаемости общинныхъ земель и имуществъ, освобожденіе отъ обременительныхъ налоговъ и отъ переписи, право торговли по всей имперіи безъ даней и пошлинъ, словомъ—есть все, недостаетъ развѣ внѣшней политики. Если остановиться на предположеніи, что по такому типу строились вообще отношенія славянскихъ комитуръ къ имперіи, то для насъ станетъ понятною живучесть славянской общины въ Византіи, внутреннія силы ея, неистощимыя въ борьбѣ съ различными враждебными элементами, и та устойчивость, съ которою она держалась противъ самой центральной власти въ теченіе многихъ вѣковъ. Но если это такъ, то и первоначальныя отношенія Славянъ къ имперіи, начиная съ VI вѣка, были таковы, что могли гарантировать славянскую общину противъ разложенія и паденія среди чуждаго населенія и въ несродной Славянамъ обстановкѣ, словомъ—первоначальныя отношенія должны строиться на изученіи ромэйскаго права и ромэйскихъ учрежденій. Подобно тому, какъ изученіе поземельныхъ отношеній привело насъ къ выводамъ о славянской общинѣ, изученіе византійскихъ судебныхъ, административныхъ, и военныхъ учрежденій должно, какъ въ этомъ мы глубоко увѣрены, привести къ постановкѣ вопросовъ о соотвѣтствующихъ славянскихъ учрежденіяхъ.

Нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что община и свободное крестьянское землевладѣніе перешли и въ XV столѣтіе. Въ 1431 г. великій визирь Синанъ-паша обратился къ жителямъ Янины съ воззваніемъ, въ которомъ обѣщалъ, въ случаѣ добровольной сдачи, обезпечить за ними ихъ религіозныя, политическія и имущественныя права [1]). Въ 1444 г. деспотъ Константинъ Палеологъ пожаловалъ Дмитрію Мамонѣ Григорѣ селеніе Прииникъ со всѣми его землями и угодьями, и со всѣми крестьянами, зависимыми и свободными, мѣстными уроженцами и чужаками [2]). При всемъ томъ—уже на основаніи чисто теоретическихъ данныхъ можно заключить, что чѣмъ ближе къ XV в., тѣмъ труднѣе было крестьянской общинѣ, тѣмъ энергичнѣе дѣйствовали враждебныя ей начала. Крестьянская община, спасшая Визан-

---

[1]) Χρονογραφια της Ηπειρου II, 315.

[2]) *Miklosich* et *Müller*, III, 259: ἢ ἐγκάτοικοι εἶναι ἢ ἐλεύθεροι, ἢ ἀπὸ γένους ἢ καὶ ἀλλεωτρόπως εὑρίσκονται· ἐκεῖ νὰ ἔχῃ κάθε χρόνου εἰς κυβέρνησιν τοῦ τὰ δέκατα (то-есть, десятину).

тію отъ Арабовъ, Болгаръ, Норманновъ, отъ крестоносцевъ и отъ Турокъ-Сельджуковъ, оказалась безсильною для борьбы въ XIV и XV вв. Здѣсь слѣдовало бы подробно остановиться на причинахъ, вызвавшихъ ослабленіе общины и тѣмъ облегчившихъ для Турокъ завоеваніе имперіи. Но это вопросъ слишкомъ сложный, для разрѣшенія своего требующій детальнаго ознакомленія съ византійскими учрежденіями. Мы предполагаемъ коснуться его мимоходомъ, лишь для заключенія настоящаго изслѣдованія.

Не въ злоупотребленіяхъ своею династіей (δυναστείᾳ) властельскаго сословія была опасность для общины, а въ экономическихъ воззрѣніяхъ правительства. Цари Комнины первые примѣнили къ жизни новыя воззрѣнія, которыя съ тѣхъ поръ сдѣлались господствующими въ устройствѣ Византійской имперіи. Дабы извлечь возможно болѣе экономическихъ выгодъ и обезпечить военныя потребности, государи изъ дома Комниновъ прибѣгнули къ такому же средству, какимъ въ свое время воспользовались Каролинги [1]), назначивъ часть земель, не составлявшихъ коронной собственности, въ пользованіе людямъ, обязавшимся служить съ полученныхъ ими помѣстій. Первоначальное различіе между харистикаріемъ и проніей то же, что̀ между первоначальною прекаріей и бенефиціей. Харистикарій и прекарія представляютъ собою формулу утилизаціи для военныхъ цѣлей церковныхъ земель, пронія и бенефиція — утилизацію земель различныхъ частныхъ собственниковъ. Если мы не ошибаемся, то-есть, если оправдается, хотя бы и не во всѣхъ подробностяхъ, сдѣланное нами сопоставленіе терминовъ, то исторія византійской проніи должна идти рука объ руку съ исторіей крестьянскаго землевладѣнія. Ибо пронія развилась на почвѣ свободнаго землевладѣнія и вызвана стремленіемъ возможно болѣе утилизировать службу крестьянской общины государству. Само собою разумѣется, что господство проніарной системы должно было постепенно вытѣснять общинныя вольности и переводить свободное крестьянство въ состояніе зависимое, словомъ—преобразовать эпика въ парика. Примѣръ начинающагося въ этомъ направленіи процесса можно видѣть въ состояніи эпиковъ селенія Вари относительно Лемвіотиссы и въ самомъ приговорѣ Дріанувэнитовъ [2]).

---

[1]) Едва ли не первое упоминаніе объ этой мѣрѣ встрѣчаемъ у Атталіоты p. 61; сравн. Capitul. Liftinense a. 743, II, § 2: propter imminentia bella et persecutiones ceterarum gentium: ut sub precario et censu aliquam partem ecclesialis pecuniae in adiutorium exercitus nostri aliquanto tempore retineamus.

[2]) *Miklosich*, IV, 255, 391.

Не принимая на себя задачи входить въ изслѣдованіе этого особой важности вопроса, мы ограничимся теперь приведеніемъ нѣсколькихъ документовъ, знакомящихъ съ характеромъ проніи, равно съ тѣми вопросами, которые стоятъ съ нею въ связи и должны быть изучаемы параллельно съ исторіей проніи.

Царь Алексѣй Комнинъ возстановляетъ за родомъ Скордиловъ право на владѣніе помѣстьями на островѣ Критѣ [1]).

„Будучи назначены божественнымъ и царскимъ хризовуломъ во главу управленія славнымъ островомъ Критомъ [2]), мы получили власть вводить во владѣніе и утверждать каждаго въ правѣ на его вотчину [3]), а равно и на проніи [4]), пожалованныя державными и святыми государями нашими царями отъ прежнихъ лѣтъ и до нынѣ, дабы благородные и богобоязненные и вѣрные архонты и стратіоты благочестивыхъ и державныхъ государей нашихъ, царей Константинополя и ихъ преемниковъ, удерживали за собою каждый свою область, пожалованную отъ начала [5]).

„Такъ явился ко мнѣ честный и благородный архонтъ и вѣрный родственникъ святаго и державнаго и вселенскаго царя и государя нашего, по имени Константинъ Скордилъ, сынъ Мануила Скордила Капсокаливы, и его братья (всего перечислено девять человѣкъ) и представилъ мнѣ указъ святѣйшаго и славнаго и державнаго царя и государя нашего, повелѣвающій возвратить и отдать имъ наслѣдственныя и отеческія ихъ вотчины [6]), прежнія и отъ начала находящіяся въ области Анополисъ. Согласно повелѣнію и указу честнаго и славнаго и державнаго и святѣйшаго царя и государя нашего мы опредѣлили дать эту грамоту во исполненіе того указа.

„Дабы названный мужъ, честнѣйшій архонтъ Константинъ Скордилъ и его часть и братья приняли во владѣніе сіи мѣста и помѣстья вышесказаннаго Анополя, гдѣ бы онѣ ни сыскались, со всѣми

---

[1]) *Miklosich*, III, 235. Актъ помѣченъ 1184 г., слѣдовательно, относится ко времени Алексѣя II Комнина.

[2]) τοῦ διάγειν με εἰς κεφαλήν. На административномъ языкѣ того времени это значитъ быть снабженнымъ полнотою власти. Губернаторъ Крита носилъ титулъ дуки.

[3]) ἀποκαταστᾶν καὶ ἀναπαύειν ἑνὶ ἑκάστῳ εἰς τὴν γονικὴν ἐπαρχίαν καὶ γῆν αὐτοῦ.

[4]) καὶ διὰ προνοιατικῆς δωρεᾶς.

[5]) Здѣсь оканчивается первая часть документа, очевидно составляющая извлеченіе изъ указа о правахъ дуки Крита.

[6]) τὰς γονίμους καὶ πατρικὰς αὐτῶν ἐπαρχίας.

границами и межами ихъ, какъ вѣрные и архонты славнѣйшаго нашего царя и нашей верховной власти надъ островомъ Критомъ, на всѣ послѣдующія и вѣчныя времена, съ правомъ ему и его наслѣдникамъ брать съ этихъ помѣстій (и употреблять въ свою пользу) всѣ доходы, владѣть и держать вѣчно (исполняя службу) [1]) державнаго и святѣйшаго и славнаго царя и его преемниковъ, и нашей верховной власти, и никто въ нашемъ дукатѣ да не окажетъ имъ какого сопротивленія въ правахъ на владѣніе этою кавалеріей и помѣстьемъ Анополя, границы котораго идутъ... (надпись)" [2]).

Въ 1277 г. пинкерна Рауль рѣшилъ слѣдующее спорное дѣло между проніаромъ Мармарой и монастыремъ Неа Петра. Монахи жаловались, что протоновелиссимъ Мармара, держащій въ проніи село Триново, несправедливо присвоилъ себѣ власть и надъ Врастомъ, записаннымъ за монастыремъ, и собираетъ десятину съ монастырскихъ крестьянъ. На судѣ выяснилось, что Триново и Врастъ—два отдѣльныя и самостоятельныя селенія, и что второе дѣйствительно составляетъ церковную собственность. Приговоръ послѣдовалъ въ томъ смыслѣ, что имѣніе Врастъ должно быть возвращено монастырю, точно также и неправильно собранная десятина [3]).—Этотъ небольшой документъ имѣетъ въ нашихъ глазахъ то значеніе, что указываетъ, вопервыхъ, на связь проніи съ славянскими поселеніями, слѣдовательно, съ свободною поземельною собственностью, и что позволяетъ, вовторыхъ, заключать о коренномъ отличіи проніи отъ харистикарія.

Лучшее подтвержденіе нашего взгляда на пронію какъ на учрежденіе, развившееся на почвѣ свободнаго крестьянскаго землевладѣнія, и именно въ средѣ славянской общины, представляютъ три дарственныя грамоты второй половины XV вѣка на имя Георгія Гемиста Плиѳона и его сыновей [4]).

Аргировулъ деспота Ѳеодора Палеолога отъ 1427 г. Царство мое даетъ сей аргировулъ, которымъ повелѣваетъ слугѣ моему Георгію Гемисту владѣть и управлять городомъ и страною Фанаръ [5]),

---

[1]) Необходимое дополненіе, вызываемое и по требованію смысла и по другимъ формуламъ дарственныхъ грамотъ. Обязательство къ военной службѣ было существеннымъ условіемъ пожалованья помѣстьемъ въ пронію.

[2]) Ὁ δοῦκας καὶ κεφαλὴ τῆς νήσου Κρήτης Κωνσταντῖνος Δούκας καὶ μέγας ἑταιριάρχης σὺν τῇ δουλικῇ (конечно δουκικῇ) ἐξουσίᾳ ἡμῶν γράψας.

[3]) *Miklosich*, IV, 419.

[4]) *Miklosich*, III, 173—176, 225.

[5]) Фонаръ и Вриса, пожалованные Гемистамъ, находились—первый въ Ѳес-

со всѣми ея землями и правами и окрестностями, получая ежегодно въ свой доходъ всѣ сборы, положенные въ пользу правителя области [1]). доходы съ торговъ [2]) и все другое, что̀ повинны жители той страны давать въ царскую казну, за исключеніемъ одной подати флоріатика, которая остается государственнымъ правомъ на всю его жизнь, съ обязательствомъ военной службы [3]). Послѣ его смерти да владѣютъ и управляютъ этимъ городомъ и страною Фанаръ дѣти его Димитрій и Андроникъ пожизненно по вышеписанному, равно какъ и ихъ дѣти. Если кто изъ нихъ умретъ, то оставшійся въ живыхъ да владѣетъ и частью умершаго нераздѣльно и неуменьшаемо всю жизнь.

Хризовулъ царя Іоанна Палеолога отъ 1428 г. Содержаніе его состоитъ въ слѣдующемъ: Георгій Гемистъ предъявилъ аргировулъ Ѳедора Палеолога на владѣніе Врисой, со всѣми ея землями и окрестностями и съ правомъ пользоваться всѣми доходами, идущими въ пользу правителя области, также сборами съ двухъ ярмарокъ и съ пустошей и со всѣхъ другихъ статей, подверженныхъ обложенію въ пользу казны, исключая то, что̀ идетъ или что̀ будетъ отдѣлено въ пользу Эксамилія [4]), съ правомъ умножать и улучшать это помѣстье и принимать новыхъ поселенцевъ и нигдѣ не приписанныхъ крестьянъ [5]) и сажать ихъ на земляхъ этого помѣстья. Послѣ его смерти Вриса переходитъ къ старшему сыну Гемиста, а отъ него опять къ старшему наслѣднику, съ обязательствомъ со стороны каждаго владѣльца нести военную службу. Равно Г. Гемистъ предъявилъ другой аргировулъ на владѣніе городомъ Фанаромъ (и повторяется содержаніе документа 1427 года). Наконецъ, слѣдуетъ самый хризовулъ І. Палеолога, которымъ подтверждаются обѣ грамоты дес-

---

саліи, вторая въ Эпирѣ—гдѣ обширная славянская колитура засвидѣтельствована хризовуломъ Андроника Старшаго; о положеніи этихъ мѣстъ см. Χρονογραφία τῆς Ἠπείρου, II.

[1]) λαμβάνων κατ' ἔτος ἐντὸς τοῦ προσοδίου αὐτοῦ πάντα τὰ δίκαια τοῦ κεφαλατικίου τῆς αὐτῆς χώρας = сравн. изъятія отъ сборовъ въ пользу дуки и катапана напримѣръ, *Miklosich*. IV, 21: ἐξκουσσεύειν αὐτὰ—χρείας δουκικῆς καὶ κατεπανικῆς.

[2]) τὰς μύζας, въ другихъ мѣстахъ μείζας,—этого слова нѣтъ въ словаряхъ; мы думаемъ, что оно значитъ ярмарка.

[3]) καὶ ἐκδουλεύειν ὀφείλων = καὶ ἐκδουλεύωσι τὴν ἀνήκουσαν ὑπὲρ τούτων δουλείαν.

[4]) ἄνευ μὲν τῶν ὑπὲρ τοῦ Ἑξαμιλίου ἀποταχθέντων ἢ ἀποταχθησομένων κεφαλαίων.

[5]) ὁμοίως καὶ ὅσους ἂν προσφέρηται ἢ αὐτὸς ἢ οἱ διάδοχοι αὐτοῦ ξένους καὶ τοῦ δημοσίου ἀνεπιγνώστου.

спота Θедора Палеолога, и который не имѣетъ уже для насъ самостоятельнаго значенія.

Большую полноту, а слѣдовательно, и высшій интересъ представляетъ третій документъ, который и приводимъ во всей полнотѣ. Весьма поучительныя заключенія можно вывести при сопоставленіи его съ хризовуломъ Андроника Старшаго въ пользу Янинской комитуры, въ особенности если припомнить ограниченія власти воеводы въ Янинѣ и тянувшихъ къ ней селахъ и деревняхъ.

Деспотъ Дмитрій Палеологъ утверждаетъ за сыновьями Г. Гемиста, Дмитріемъ и Андроникомъ, владѣніе Врисой и Фанаромъ, въ 1450 году [1]).

„Ближніе царства моего Дмитрій и Андроникъ Гемисты предъявили аргировулъ брата моего, блаженнаго деспота Порфиророднаго, которымъ жалуются Дмитрій городомъ Фанаръ, Андроникъ селеніемъ Вриса, съ правами, въ немъ обозначенными, и со всѣми съ нихъ доходами, за исключеніемъ подати флоріатика. Предъявили также божественный и честной хризовулъ брата моего царя, которымъ подтверждаются за Гемистами пожалованья вышесказаннаго аргировула и присоединяется къ ихъ доходамъ и податъ флоріатикъ со времени смерти отца ихъ и жалуется имъ власть и всѣ доходы, какъ каждый изъ нихъ владѣетъ—одинъ въ Фанарѣ, другой во Врисѣ. И просили, и умоляли они царство мое дать имъ аргировулъ на эти владѣнія, большей ради безопасности и крѣпости.

„Царство мое, благосклонно принимая ихъ желаніе и просьбу, объявляетъ настоящій аргировулъ, которымъ повелѣваетъ ихъ жаловать—владѣть по силѣ и содержанію вышеназваннаго аргировула и за нимъ послѣдовавшаго честнаго хризовула—Дмитрія городомъ Фанаръ со всѣми владѣніями его и окрестностями: да властвуетъ въ немъ и управляетъ, никѣмъ не стѣсняемый, и да владѣетъ имъ на правахъ полной собственности неотъемлемо и неотчуждаемо, получая съ помѣстья и обычныя и установленныя царскія подати [2]),

---

[1]) *Miklosich*, III, 225.

[2]) λαμβάνων ἐξ αὐτοῦ καὶ τὰς συνήθεις καὶ τεταγμένας δόσεις αὐθεντικάς. Обычныя и закономъ установленныя подати — выраженіе, могущее указывать на два дѣйствующія права, точно также какъ въ хризовулѣ Андроника признается славянское обычное право и славянскій судъ на ряду съ дѣйствующимъ римскимъ судомъ и правомъ.

какъ это причитается по росписанію и окладу [1]), даже еслибъ онѣ и возвышены были, какъ напримѣръ, подать въ пользу воеводы, пользуясь правомъ собирать доходъ съ обѣихъ ярмарокъ и съ запущенныхъ хозяйствъ, какія тамъ есть или будутъ, словомъ сказать—со всѣхъ и различныхъ статей, подлежащихъ обложенію въ пользу казны. Поелику же господинъ мой братъ, какъ сказано, присоединилъ своимъ хризовуломъ и подать флоріатикъ съ этого города, то да собираетъ въ свою пользу и эту подать со смерти отца своего и да владѣетъ ею, какъ и другими царскими данями.

„Андроникъ же Гемистъ да владѣетъ нынѣ и впредь селеніемъ Врисой, что̀ близъ Кастріона, со всѣми его угодьями и окрестностями, да властвуетъ въ немъ и управляетъ самостоятельно и независимо отъ владѣтеля Кастріона, никѣмъ не стѣсняемый въ своемъ помѣстьѣ, на правахъ полной собственности [2]) неотъемлемо и неотчуждаемо, получая съ него и обычныя и установленныя царскія подати, какъ онѣ наложены и идутъ съ него по росписанію и окладу, если бы даже оказалось возвышеніе противъ нынѣшняго росписанія въ статьяхъ на правителя и на сторожевое [3]),—съ обѣихъ ярмарокъ и съ запущенныхъ хозяйствъ, какія тамъ есть или будутъ, да владѣетъ также и пожалованною ему братомъ моимъ царемъ землею, которая перешла въ государственную собственность отъ митрополіи [4]) по акту обмѣна, словомъ сказать—всѣми и различными данями царскими. А какъ господинъ мой братъ, какъ сказано, поступился въ своемъ хризовулѣ и податью флоріатикъ съ этого селенія, да собираетъ и ее Андроникъ Гемистъ по смерти отца своего и да владѣетъ ею, какъ и другими царскими данями, идущими съ этого помѣстья.

„Если бы кто когда наложилъ на всю область и новую дань—въ замѣну ли нынѣ обычно вносимыхъ, или сверхъ обыкновенныхъ,—оба имѣютъ право собирать и эту подать, одинъ съ Фанара, другой съ Вриса, и владѣть ею наравнѣ со всѣми другими.

„По силѣ настоящаго аргировула царства моего да владѣютъ Гемисты—одинъ Фанаромъ, другой Врисой,—собирая съ своихъ помѣстій

---

1) καθὼς ἂν παραδίδωνται πρὸς αὐτὸν ἀπογραφικῶς.

2) καὶ νέμηται αὐτὸ κυρίως καὶ δεσποτικῶς.

3) κἂν αὔξησίς ποτε εἰς αὐτὰς ἡτισοῦν εὑρίσκηται, τήν τε ὑπὲρ κεφαλατικίου δηλονότι καταλογιζομένην, καὶ τὴν τοῦ βιγλιατικοῦ.

4) καὶ τῆς προευεργετηθείσης αὐτῷ γῆς... τῆς ἀπὸ τῆς μητροπόλεως τρόπῳ ἀνταλλαγῆς περιελθούσης τῷ δημοσίῳ. Мѣсто также весьма любопытное: помѣстье сначала было выкуплено у церкви и стало казеннымъ, потомъ жалуется въ пронію.

перечисленныя всѣ подати въ теченіе своей жизни, неся за нихъ установленную службу и располагая означенными данями въ свою пользу и экономію безо всякаго отчужденія и притѣсненія. Если эти помѣстья обложены будутъ другими податями, и эти послѣднія собираютъ они въ свою пользу.

„По смерти ихъ получатъ Фанаръ и Врису ихъ дѣти мужеска пола, преемственно идущія въ мужескомъ колѣнѣ. Они будутъ владѣть этими помѣстьями по тому же способу, съ тѣмъ однакожь условіемъ, чтобы старшій изъ рода каждаго изъ нихъ владѣлъ раздѣльно одинъ Фанаромъ, другой Врисой. За смертью того и другаго, снова старшіе сыновья вступаютъ во владѣніе, и такъ продолжается всегда, пока останется прямое мужское поколѣніе въ родѣ Гемиста.

„Если случится, что мужское поколѣніе котораго-либо изъ нихъ вымретъ, поколѣніе же другаго будетъ представлено многими лицами, тогда изъ потомковъ этого послѣдняго рода одинъ наслѣдуетъ въ Фанарѣ, другой воВрисѣ. Точно также, если бы случилось, что старшій въ томъ и другомъ поколѣніи, на котораго падаетъ наслѣдство, оказался бы совершенно недостойнымъ пожалованія, тогда другой изъ рода того же Гемиста, болѣе перваго достойный, вводится вмѣсто него въ наслѣдованіе.

„Еще опредѣляетъ царство мое и жалуетъ сихъ Гемистіевъ и ихъ преемниковъ милостію: они имѣютъ право приглашать къ себѣ и поселять чужаковъ и не приписанныхъ къ государственной землѣ, какъ въ Фанарѣ, такъ и во Врисѣ, держать и владѣть ими по той же царственной грамотѣ, и никто не будетъ предъявлять противъ нихъ иска и претензіи, но да владѣютъ ими безо всякаго безпокойства. Въ объясненіе и утвержденіе всѣхъ сихъ льготъ и данъ настоящій аргировулъ, мѣсяца іюля текущаго индикта 13, лѣта 6958".

Намъ остается вкратцѣ повторить главнѣйшія изъ высказанныхъ положеній.

Анализъ одного мѣста о друнгахъ въ докладѣ 1198 г. раскрылъ намъ жизненное значеніе славянской общины въ Византіи. Вся вторая глава въ цѣломъ и частяхъ, по внутреннему своему смыслу, есть не что иное, какъ прямой выводъ изъ знаменитаго доклада, который долженъ послужить основаніемъ и для многихъ другихъ, совершенно новыхъ построеній въ области греко-славянской исторіи и греко-славянскаго права.

Господствующая въ наукѣ теорія о паденіи крестьянской общины и мелкаго свободнаго землевладѣнія къ XI в. зиждется на недоразу-

мѣніи и недостаточномъ изученіи памятниковъ XII, XIII и XIV вв., именно забытъ былъ терминъ эпикъ, обозначающій колониста и свободнаго крестьянина-общинника.

Извѣстія о трехъ большихъ славянскихъ поселеніяхъ въ Малой Азіи въ VII и VIII вв. даютъ матеріалъ къ заключенію, что само византійское правительство заинтересовано было Славянами и обезпечило процвѣтаніе славянскихъ общинъ разными гарантіями. Славянская община добыла себѣ въ Византіи ius aequum и была поставлена въ такое положеніе, что могла безъ обремененія нести чуть ли не половину натуральныхъ и денежныхъ повинностей.

Новеллами X вѣка обезпечены были политическія и имущественныя права Славянъ въ Византіи на все послѣдующее время. Изученіе тѣхъ же новеллъ рядомъ съ другими памятниками позволяетъ возстановить внутреннее устройство славянской общины и политическія права ея въ государствѣ.

Въ юридическихъ памятникахъ послѣ X в., въ привилегіяхъ общинамъ и въ административной практикѣ замѣтно признаніе силы закона за славянскими правовыми воззрѣніями.

Политическая роль славянскаго элемента въ Византіи во всѣ времена была громадна и въ особенности выдается въ важныя эпохи жизни имперіи.

Славянская община и свободное крестьянское землевладѣніе пережили XIV в., не пали окончательно и въ эпоху турецкаго завоеванія.

При всемъ томъ, начиная, съ XII в., община испытывала хотя и медленные, но весьма чувствительные удары. Опасность для общины была въ системѣ проніи (кормленіе).

Изученіе вопроса о проніи должно идти рядомъ съ изученіемъ судебъ славянской общины въ XII и послѣдующихъ вѣкахъ.

Славянская община пала тогда, когда правительство окончательно лишило ея обычныхъ гарантій, коренящихся въ отношеніяхъ VII—VIII вв. Но ослабленіе общины идетъ параллельно съ ослабленіемъ самой Ромэйской имперіи.

Ѳ. Успенскій.

ГЕРБОРДОВА БІОГРАФІЯ ОТТОНА, ЕПИСКОПА БАМБЕРГСКАГО [1]).

V.

Первое путешествіе Оттона въ Поморье.

(Herb. II, Ebo, II, Prefl. II и III).

Для составленія разказа о второмъ путешествіи Оттона, Гербордъ имѣлъ предъ собою достаточно полный и подробный матеріалъ въ письменныхъ источникахъ. Поэтому, какъ мы видѣли, онъ чрезвычайно рѣдко обращался къ устнымъ, да и то дополнялъ изъ нихъ только отдѣльныя, большею частію мелочныя и неважныя показанія, но никогда, имѣя возможность, относительно какого-нибудь событія, пользоваться разказомъ Эбона и Прифлингскаго анонима, не бралъ о томъ же устныхъ разказовъ. Точно также онъ составилъ и свой разказъ о жизни Эбона до его посвященія въ епископы, не смотря на то, что тутъ часто разказы Эбона и Прифлингскаго анонима были очень кратки и неясны. Дѣйствительно, какъ мы указали, Гербордъ вовсе не имѣлъ въ виду дать новое, самостоятельное и вѣрное изображеніе событій, а не дорожа истиной, старался только придать своему труду чисто-литературныя достоинства. При этомъ, конечно, наиболѣе удобнымъ для Герборда было переработать уже готовый матеріалъ, чѣмъ самостоятельно самому собирать свѣдѣнія. То же самое представляется намъ и въ разказѣ Герборда о первомъ

[1]) *Продолженіе.* См. декабрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1882 годъ.

путешествіи Оттона во 2-й его книгѣ. Здѣсь, точно также, Гербордъ обращается преимущественно, къ извѣстіямъ, находящимся у Эбона и Прифлингскаго анонима. Однако, у нихъ не достаетъ многаго такого, что, по естественному логическому плану, непремѣнно должно было входить въ разказъ о первомъ путешествіи: здѣсь читатель, въ первый разъ, встрѣчается близко съ Поморьемъ—поэтому необходимо вкратцѣ познакомить его съ природой и съ жителями Поморья; затѣмъ у читателя долженъ явиться вопросъ: почему же именно Оттонъ, жившій такъ далеко отъ Поморья, былъ приглашенъ тамъ проповѣдывать, и почему приглашеніе сдѣлано не Поморскимъ, а Польскимъ княземъ. Чтобъ уяснить это, нужно знать о предшествующихъ событіяхъ. Гербордъ, понимая необходимость дать читателю свѣдѣнія обо всемъ этомъ, и въ то же время, не находя такихъ извѣстій у Эбона и Прифлингскаго анонима, долженъ былъ обратиться къ устнымъ разказамъ, именно, какъ самъ онъ говоритъ, къ спутнику Оттона Зефриду. Хотя, конечно, Гербордъ могъ бы получить отъ него свѣдѣнія и о самомъ путешествіи Оттона, но такъ какъ онъ имѣлъ о немъ разказъ Эбона и Прифлингскаго анонима, то для Герборда это не было нужно по указанной цѣли его труда; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ мы увидимъ, Гербордъ бралъ изъ разказовъ Зефрида отдѣльныя свѣдѣнія, преимущественно тамъ, гдѣ почти совершенно ничего нѣтъ у Эбона и Прифлингскаго анонима [1]). Но бо́льшая часть его самостоятельныхъ (то-есть, основанныхъ на разказахъ Зефрида, а не представляющихъ произвольный вымыселъ Герборда, или заимствованныхъ у Эбона и Прифлингскаго анонима) извѣстій касается указанныхъ нами выше вопросовъ. Такимъ образомъ нѣкоторая неполнота разказовъ Эбона и Прифлингскаго анонима о первомъ путешествіи Оттона заставила Герборда прибѣгнуть къ помощи Зефрида.

Съ другой стороны мы должны замѣтить слѣдующее: о второмъ путешествіи Эбонъ давалъ ясные, подробные и связанные между собою разказы. Поэтому Гербордъ во многихъ случаяхъ могъ держаться близко порядка его разказовъ, слѣдовалъ имъ въ главномъ, а часто и въ подробностяхъ, и довольствовался постепенною передѣлкой отдѣльнаго разказа за разказомъ.

Между тѣмъ, относительно перваго путешествія и Эбонъ, и Приф-

[1]) Чтобы не показалось страннымъ, почему разказчикъ ничего самъ о себѣ не сообщаетъ, Гербордъ помѣстилъ въ кн. II, 24, 26, два свѣдѣнія, относящіяся лично до Зефрида, хотя они мало имѣютъ значенія для самаго разказа.

лингскій анонимъ, оба одинаково даютъ довольно краткія и отрывочныя свѣдѣнія. Вслѣдствіе того Гербордъ долженъ былъ болѣе приложить къ нимъ собственной работы, тщательнѣе обдѣлать ихъ, самостоятельнѣе развить, уяснить между собою. Поэтому онъ долженъ былъ обдумать и составить свой собственный планъ, а не идти, какъ въ третьей книгѣ, шагъ за шагомъ за Эбономъ и Прифлингскимъ анонимомъ, обращать вниманіе не только на каждый отдѣльный разказъ, но и на предыдущее и послѣдующее, иногда справляться съ разказами, отстоявшими довольно далеко отъ передаваемаго (даже, какъ мы увидимъ, съ 3-ю книгой Эбона). Затѣмъ каждый разказъ въ отдѣльности онъ гораздо болѣе и свободнѣе переработывалъ; поэтому у него болѣе и сочиненныхъ имъ подробностей, и яснѣе и рельефнѣе выдаются его предвзятыя мнѣнія о характерахъ лицъ и событій, которыя онъ желаетъ показать на дѣлѣ [1]).

Имѣя все это въ виду и достаточно познакомившись, на разборѣ 3-й и 1-й книгъ Герборда, со способомъ, какимъ составлялъ онъ свои разказы, мы, задавшись цѣлію выдѣлить его самостоятельныя извѣстія, должны чрезвычайно осторожно и строго относиться къ его разказамъ, чтобы не принять собственнаго вымысла Герборда за сообщенное Зефридомъ. Поэтому должно сперва устранить все, что̀ могъ Гербордъ прямо взять изъ Эбона и Прифлингскаго анонима, или что̀ можно считать за толкованіе, выводъ и заключеніе изъ ихъ словъ; затѣмъ то, что̀ могъ Гербордъ самъ отъ себя прибавить, слѣдовательно, всѣ подробности событій, даже отдѣльныя происшествія, разговоры и сцены между дѣйствующими лицами, не заключающія характеристическихъ чертъ мѣста и времени [2]) и не имѣющія важнаго значенія, какъ бы они ни казались возможными и вѣроятными. Тѣмъ болѣе мы должны отвергать такія его извѣстія, когда они противорѣчатъ Эбону и Прифлингскому анониму [3]) и особенно, если ясно видно, для произведенія какого впечатлѣнія Гербордъ измѣнилъ разказы Эбона и Прифлингскаго анонима, или сочинилъ свои; какія именно свойства предметовъ хотѣлъ онъ выставить, какія черты ха-

[1]) Этимъ объясняется и то, что у Герборда во 2-й книгѣ заключается чрезвычайно мало буквальнаго сходства съ Эбономъ и Прифлингскимъ анонимомъ сравнительно съ 3-ю.

[2]) И слѣдовательно, которыя могъ составить человѣкъ, не имѣвшій дѣйствительнаго знанія о нихъ.

[3]) Это слѣдуетъ особенно имѣть въ виду относительно точныхъ, напримѣръ, цифровыхъ показаній Герборда.

рактеровъ дѣйствующихъ лицъ хотѣлъ онъ оттѣнить, какой смыслъ придать событіямъ и т. п. [1]). По исключеніи всего этого, у насъ останутся извѣстія, которыя прямо говорятъ за себя какъ за самостоятельныя. Но и къ нимъ мы должны отнестись также осмотрительно и прежде всего устранить всѣ мелочныя, неважныя подробности, а обращать вниманіе только на черты существенныя и характеристичныя.

Самостоятельныя извѣстія Герборда могутъ быть раздѣлены на двѣ группы.

1) Извѣстія историческія (касающіяся какъ событій до путешествія, такъ и самого путешествія) и географическія. Извѣстія этого рода не представляютъ особеннаго интереса и важности, ибо обо всемъ этомъ мы можемъ узнать точнѣе и полнѣе изъ другихъ источниковъ. При разборѣ такихъ извѣстій мы должны имѣть въ виду, что сопоставленіе и комбинація отдѣльныхъ свѣдѣній можетъ принадлежать самому Герборду, и поэтому не должны быть принимаемы за нѣчто положительное и служить основой для какихъ-нибудь выводовъ.

2) Гораздо болѣе имѣютъ значенія извѣстія Герборда, относящіяся до природы Поморья, быта и нравовъ его жителей. Бо́льшую часть ихъ сообщилъ Герборду Зефридъ, какъ очевидецъ, и передача сущности ихъ у Герборда должна быть признана вѣрною, если только не проглядываетъ какая нибудь предвзятая цѣль, для которой Гербордъ могъ бы произвольно сдѣлать измѣненія въ сообщенномъ Зефридомъ. Однако, объясненіе и освѣщеніе фактовъ, отзывъ о нихъ почти всегда могутъ исходить отъ самаго Герборда, и поэтому должны быть устраняемы [2]).

---

[1]) Наиболѣе бросается въ глаза указанное нами въ 3-й книгѣ и здѣсь съ чрезвычайною послѣдовательностью проводимое Гербордомъ представленіе быстроты успѣха проповѣди Оттона, малаго сопротивленія язычниковъ, и напротивъ, замѣчательной склонности Поморянъ къ христіанству, ихъ любви и привязанности къ епископу и т. п. Разказы, передѣланные Гербордомъ для рельефнаго выставленія этихъ чертъ, въ большинствѣ случаевъ при первомъ взглядѣ уже кажутся преувеличенными и мало правдоподобными, а при сравненіи съ разказами Прифлингскаго анонима противорѣчатъ имъ.

[2]) Особенно нужно не довѣрять отзывамъ Герборда о свойствахъ различныхъ предметовъ, которыя (то-есть, свойства) Гербордъ, желая произвести большее впечатлѣніе, рельефнѣе представить ихъ читателю, почти всегда преувеличиваетъ въ ту или другую сторону. При этомъ часто, даже не зная ничего о свойствахъ пред-

Прежде чѣмъ приступить къ сличенію извѣстій Герборда съ извѣстіями Эбона и Прифлингскаго анонима, мы должны припомнить сказанное нами ранѣе (см. Введеніе) о сравнительномъ достоинствѣ 2-хъ книгъ Эбона и Прифлингскаго анонима. Во 2-й книгѣ Эбонъ не могъ пользоваться яснымъ и подробнымъ разказомъ Удальрика, не участвовавшаго въ первомъ путешествіи по болѣзни, а обращался къ другимъ спутникамъ Оттона и такимъ образомъ собралъ разказы отъ нѣскольких лицъ, притомъ хуже поставленныхъ относительно собиранія свѣдѣній, чѣмъ Удальрикъ; многое также у нихъ исчезло изъ памяти, другое они перепутали или забыли сообщить Эбону. Поэтому его 2-я книга не можетъ быть и сравниваема съ третьею, будучи гораздо ниже ея вслѣдствіе неясности, неполноты сбивчивости и безпорядочности разказа [1]).

Разказъ Прифлингскаго анонима, основанный на показаніяхъ одного лица, притомъ довольно хорошо знакомаго съ Поморьемъ, имѣетъ; слѣдовательно, бо̀льшія преимущества передъ Эбоновымъ по точности указаній и послѣдовательности (хотя, конечно, у него есть пропуски и неполнота).

Послѣ того, какъ подробный разборъ третьей и первой книгъ Герборда выяснилъ намъ способъ его работы, мы считаемъ излишнимъ разсматривать и оцѣнивать каждое его извѣстіе отдѣльно въ подробностяхъ, а выдѣливъ изъ одного или нѣсколькихъ разказовъ самостоятельныя свѣдѣнія, разобравъ и сличивъ ихъ съ показаніями другихъ источниковъ, остальное мы будемъ передавать только въ главныхъ чертахъ, указывая, какое изъ извѣстій Эбона и Прифлингскаго анонима принято тутъ Гербордомъ въ основаніе, и на сколько передача Герборда вѣрна.

Содержаніе второй книги Герборда расположено по слѣдующему плану: сперва Гербордъ описываетъ географическое положеніе Поморья, даетъ краткія свѣдѣнія о странѣ и ея жителяхъ (гл. 1) и разказываетъ первое путешествіе Оттона (гл. 2—6); затѣмъ говоритъ

метовъ, самъ придаетъ имъ въ преувеличенномъ видѣ тѣ качества, которыя, по его мнѣнію, должны были они имѣть. Поэтому основывать что-либо на этихъ эпитетахъ Герборда мы не считаемъ возможнымъ (напримѣръ, II, 32, мы должны принять извѣстіе Герборда, что стѣны храма въ Штетинѣ были украшены рѣзными изображеніями, но совершенно не можемъ полагаться на отзывъ его, что онѣ были *такъ искусно сдѣланы, что казались живыми*).

[1]) Притомъ Эбонъ и самъ прерывалъ разказъ о событіяхъ своими вставками (напримѣръ, гл. 14—пожаръ Бамберга, гл. 17—исторія Вигнанда).

о приготовленіи къ путешествію (гл. 7) и о самомъ путешествіи, въ хронологическомъ порядкѣ (гл. 8—40; 42). Въ концѣ, предъ разказомъ о возвращеніи Оттона домой, помѣщаетъ очеркъ внутренняго состоянія Поморья (гл. 41).

Главы 1-я—6-я, какъ мы указали, самостоятельны; поэтому мы остановимся на нихъ долѣе.

Начинается 1-я глава объясненіемъ значенія названія Поморья, объясненіемъ, показывающимъ, что ни Гербордъ, ни Зефридъ не знали славянскаго языка и перепутали то, что сообщили имъ другія лица. „Pome по славянски значитъ juxta, vel circa; moriz autem — mare; поэтому Pomerania какъ бы вмѣсто Pomerizania, то-есть, juxta, vel circa mare sita“.

Затѣмъ слѣдуетъ очень неопредѣленное обозначеніе границъ Поморья. По ходу событій, по перечисленію мѣстъ, посѣщенныхъ Оттономъ, видно, что цѣлію его путешествія были не всѣ земли, населенныя Поморянами, а только—Поморье, подвластное князю Вратиславу, подчиненному Польшѣ [1]). Тогдашняя граница этого Поморья можетъ быть обозначена такъ: на востокъ отъ Балтійскаго моря по рѣкѣ Персантѣ [2]): города Колобрегъ и Бѣлградъ были посѣщены Оттономъ; послѣ нихъ (на сколько южнѣе—не извѣстно) граница поворачивала на западъ, приблизительно соотвѣтствуя границѣ нынѣшней Помераніи [4]), къ рѣкѣ Лѣнивой Инѣ (faule Ihna [3]). По всему этому направленію Поморье отдѣлялось отъ Польши безлюднымъ пространствомъ [5]), покрытымъ лѣсами [6]); граница проходила нѣсколько южнѣе Пырицы, которая, какъ видно изъ папской буллы на учрежденіе Поморскаго епископства въ 1140 году [7]), была самымъ южнымъ городомъ Поморья [8]). Мѣстности же къ югу отъ нея и къ сѣверу отъ рр. Варты и Нотеци были позднѣе причислены къ окру-

---

[1]) Такое пониманіе слова «Поморье» въ политическомъ смыслѣ, доказывается и тѣмъ, что къ Поморью отнесенъ, напримѣръ, Лютицкій городъ Дыминъ (см. второе путешествіе Оттона).

[2]) *Barthold*, Gesch. v. Rüg. u. Pomm. I, 481.

[3]) *Haag*, Forschungen zur deut. Gesch. XVIII.

[4]) Klempin. Введеніе въ сочиненіе *Kratz:* Die Städte d. d. Provinz Pommern, стр. XXV, примѣчаніе.

[5]) Barth, II, 30.

[6]) Приблизительно на 3 дня пути (Прил. III, 1).

[7]) *Dreger*, Codex diplom. Pomer. 1.

[8]) *Roepell*, Gesch. v. Pol. 634, 635.

гамъ Познанскому и Гнѣзенскому. А такъ какъ о завоеваніи ихъ Польшею послѣ 1120—1121 гг. не извѣстно, то онѣ должны уже при Оттонѣ, быть во власти Польши [1]). Какъ далѣе простиралось Поморье опредѣлить трудно; однако, еще до XIII вѣка были поморскія владѣнія у устьевъ Варты [2]). Западная граница шла, вѣроятно, отъ Варты къ нижнему теченію Укера, оттуда къ Дымину, захватывала бо́льшую часть нынѣшняго Грейфсвальдскаго округа, а потомъ сгибалась къ Балтійскому морю [3]).

Такимъ образомъ Поморье, по своему очертанію, представляетъ довольно неправильный четыреугольникъ.

Гербордъ описываетъ Поморье слѣдующимъ образомъ [4]): „Если взглянуть на ея положеніе въ цѣломъ, какъ относительно заводей и морскихъ заливовъ (in stagnis et refusionibus marinis), такъ и сухой почвы (in locis campestribus), оно представляетъ какъ бы трехугольникъ, то-есть, три стороны, подобно линіямъ, концами сходятся и образуютъ три угла, такъ однако, что одинъ уголъ болѣе двухъ другихъ, онъ и простирается до страны Лютичей къ Саксоніи и на сѣверъ къ морю постепенно загибаясь“.

Такимъ образомъ здѣсь Гербордъ совершенно сглаживаетъ уголъ, заключающійся между восточною и южною границей Поморья, и сильно укорачиваетъ протяженіе Поморья съ востока на западъ, удлиняя его къ югу.

Далѣе идетъ запутанное и неточное перечисленіе народовъ, сосѣдящихъ съ Поморьемъ. Гербордъ называетъ и тѣхъ, земли которыхъ дѣйствительно касались Поморья, и тѣхъ, которые только жили вблизи его, или имѣли какое-либо отношеніе къ Поморянамъ.

„Поморье за собою имѣетъ Данію (Dacia) и малый, но плотно населенный островъ Рую, надъ собою же, то-есть, на сѣверо-востокъ— земли Половцевъ (Flavia [5]), Пруссовъ и Русскихъ (Ruthenia); передъ

---

[1]) *Roepell*, 253 прим. 38.

[2]) *Haag*, Forsch. XVIII; *Barthold*, I, 481.

[3]) *Barthold*, I, 481.

[4]) По переводу г. *Котляревскаго*: Книга о древн., стр. 23.

[5]) Подъ именемъ Flavi, въ средніе вѣка, постоянно разумѣются Половцы (какъ далѣе и у Герборда)—*Haag*. Forsch. z. deut. Gesch. XVIII; читать же вм. Flavi-Slavi (какъ Бартольдъ и Кенке, которые разумѣютъ подъ Slavi восточное Поморье), нѣтъ никакого основанія, кромѣ словъ Герборда, что Flavi сосѣдятъ съ Поморьемъ; но далѣе мы видимъ, что у него и Моравія, и Венгрія касаются границъ Поморья.

собою, то-есть, къ твердой землѣ (versus aridam) малымъ краемъ достигаетъ границъ Угріи и Моравіи; затѣмъ, до границъ земли Лютичей и Саксоніи, обширнымъ пространствомъ, прикасается къ Польшѣ".

Эта невѣрность и запутанность географическаго описанія Поморья могла произойдти, конечно, не только по винѣ Герборда, желавшаго свести и дать точное мѣсто каждому своему отрывочному свѣдѣнію, но и по винѣ Зефрида, который могъ сообщить это Герборду въ неясномъ и невѣрномъ видѣ.

Конецъ 1-й главы занятъ краткою характеристикой Поморья и его жителей. Ее мы разсмотримъ впослѣдствіи вмѣстѣ съ гл. 41-ю, такого же содержанія.

Далѣе, для поясненія того, почему именно Оттонъ Бамбергскій, жившій такъ далеко отъ Поморья, былъ приглашенъ для проповѣди Поморянамъ, Гербордъ переходитъ къ изображенію отношеній Поморянъ къ Болеславу и завоеванія послѣднимъ Поморья.

Прежде всего Гербордъ гл. 2-я—4-я считаетъ нужнымъ представить очеркъ дѣятельности Болеслава до покоренія Поморья. Гербордъ говоритъ о внѣшнихъ дѣлахъ Болеслава, преимущественно объ его отношеніяхъ къ Русскимъ.

Разсматривая разказъ объ этомъ Герборда, мы должны имѣть въ виду, вопервыхъ, относительно каждаго сообщаемаго Гербордомъ факта въ отдѣльности, что свѣдѣнія о нихъ получены спутниками Оттона отъ одной стороны, заинтересованной въ дѣлахъ Болеслава—отъ Поляковъ, и что, слѣдовательно, окраска этихъ свѣдѣній могла быть одностороннею, преувеличенною въ выгодную для Поляковъ сторону. Вовторыхъ, относительно общей связи и взаимнаго отношенія событій, какъ это представлено у Герборда, мы должны помнить, что эта связь вовсе не можетъ считаться достовѣрною и служить основаніемъ для какихъ нибудь выводовъ. Съ одной стороны, самъ Зефридъ, не имѣя понятія объ исторіи и отношеніяхъ Польши, могъ связать по своему произволу тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя ему передалъ кто-либо изъ его сопутниковъ, знавшій польскій языкъ, и соединить въ одно цѣлое событія, совершившіяся въ разное время и не имѣвшія отношенія другъ къ другу. Гербордъ, такимъ образомъ, могъ получить въ готовомъ видѣ невѣрную послѣдовательность событій. Съ другой стороны, и Гербордъ, изъ желанія болѣе упорядочить и уяснить разказъ, могъ еще болѣе удалиться отъ истины.

Перейдемъ теперь къ разбору.

Сперва Гербордъ даетъ въ общихъ фразахъ характеристику всего княженія Болеслава сравнительно съ его предшественниками: „Предшественники Болеслава вели неудачныя войны, теряли области и подвергались опустошительнымъ набѣгамъ сосѣдей. Болеславъ сталъ побѣждать враговъ, возвратилъ потерянныя области, грабилъ земли враговъ, и послѣ многихъ пораженій, принудилъ ихъ искать мира". Изъ этихъ фразъ Герборда можно считать достовѣрнымъ лишь то, что Гербордъ зналъ объ общемъ успѣхѣ Болеслава сравнительно съ его предшественниками. Все остальное можетъ быть произвольнымъ распространеніемъ этого.

Далѣе въ гл. 3-й Гербордъ перечисляетъ враговъ Болеслава: по одну сторону Польши—Чехи, Мораване и Угры, по другую—Русскіе, въ союзѣ съ Половцами, Пруссами и Поморянами (слѣдовательно, о войнахъ съ Нѣмцами Гербордъ не знаетъ, да и о войнахъ съ Чехами, Моравами и Уграми больше ничего не говоритъ).

Что Половцы помогали Русскимъ, на это есть прямыя указанія [1]); о Пруссахъ и Поморянахъ такихъ указаній нѣтъ; но, судя по ихъ географическому и политическому положенію относительно Польши, судя по тому, что и другіе враги Поляковъ всегда возбуждали Пруссовъ и Поморянъ къ набѣгамъ на Польшу, это очень возможно.

Далѣе Гербордъ говоритъ объ отношеніяхъ Болеслава къ Русскимъ и не упоминаетъ вовсе о войнахъ съ другими народами, представляя, что когда Русскіе жили въ мирѣ съ Болеславомъ, тогда и другіе народы не тревожили его. Это, конечно, совершенно невѣрно, но появленіе такого мнѣнія у Герборда понятно, такъ какъ Гербордъ только и зналъ нѣкоторыя подробности отношеній Поляковъ къ Русскимъ и желалъ этимъ освѣтить вообще внѣшнія дѣла Болеслава. Почему же Гербордъ упоминаетъ только о Русскихъ? По всей вѣроятности, это можно объяснить тѣмъ, что во время пребыванія Зефрида въ Польшѣ (то-есть, около 1124 г.) успѣшныя дѣла Болеслава съ Русскими—плѣнъ Володаря и подчиненіе Ростиславичей—были событіями ближайшими по времени и болѣе славными для Поляковъ, и потому Поляки могли преимущественно о нихъ и разказывать спутникамъ Оттона [2]).

---

[1]) *Roepell*, 226 пр. 36 и 37. Извѣстно также вообще, что во всѣхъ войнахъ Русскихъ князей участвовали отряды Половцевъ; *Соловьевъ*, Истор. Росс. т. III, стр. 25.

[2]) Послѣднія войны съ Чехами относятся къ 1110 году, а съ Нѣмцами къ 1109 году.

Выдѣлимъ сперва изъ разказа Герборда объ отношеніяхъ Болеслава къ Русскимъ все, что̀ можетъ быть признано достовѣрнымъ. Таково, вопервыхъ, извѣстіе о томъ, что Болеславъ женился на дочери Русскаго князя, которая вскорѣ умерла, оставивъ Болеславу сына; таковъ также разказъ о взятіи въ плѣнъ Русскаго князя польскимъ воеводой Петромъ.

Первое подтверждается многими показаніями, дающими возможность опредѣлить и время брака, именно 1102 г. (Chron. Polonorum II, 23: Cosm. Prag. 1103 г.). Съ этимъ согласны и показанія русскихъ лѣтописей (П. С. Р. Л. I годъ 6610; Карамз. II, пр. 209). Что Сбыслава умерла, оставивъ Болеславу сына см. Chron Boguchw. гл. 27: Rex Boleslaus nobilioris principis Ruthenorum filiam primo habuit in uxorem—de qua Wladislaum secundum et unicam filiam procreavit.

Разказъ Герборда о взятіи въ плѣнъ Русскаго князя—слѣдующій: „Болеславъ, устрашенный свирѣпостью Русскихъ, совѣщался съ своими, какъ бы прекратить ихъ нападенія. На совѣтѣ былъ воевода (ductor militiae) Петръ, одинаково отличавшійся и мудростію, и хитростію. Выставивъ затрудненіе побѣдить Русскихъ открыто, такъ какъ имъ помогаютъ Половцы, Пруссы и Поморяне, онъ предложилъ употребить противъ нихъ хитрость и самъ вызвался устроить ее. Мысль эта понравилась князю и знатнымъ лицамъ и была принята ими. Взявъ съ собой 30 сильныхъ мужей, Петръ, подъ видомъ перебѣжчика, ушелъ къ королю (rex) Русскихъ. Отзываясь дурно о Болеславѣ, онъ внушилъ королю довѣріе къ себѣ, и король, еще раньше зная его мудрость, приблизилъ его къ себѣ и сталъ давать ему разныя порученія, надѣясь, съ помощію его, наконецъ, восторжествовать надъ всей Польшей. Однажды, когда король отправился за городъ на охоту, Петръ постарался удалить всѣхъ окружающихъ, и оставшись около короля только съ своими сообщниками, захватилъ его, привезъ въ Польшу, и такимъ образомъ, доставилъ, какъ обѣщалъ, безкровную побѣду Полякамъ. Послѣ этого свирѣпый народъ Руссовъ такъ былъ укрощенъ, что никогда, при жизни Болеслава, больше не думалъ о войнѣ. Ибо король, за свой выкупъ, долженъ былъ отдать всѣ скопленныя предками сокровища, привезя ихъ въ Польшу на телегахъ и верблюдахъ. Чрезъ это Россія впала въ чрезвычайную бѣдность“.

Въ русскихъ лѣтописяхъ объ этомъ событіи говорится очень кратко, подъ 1122 (6630) годомъ: „Володаря яша Ляхове лестью, Василкова брата“ (П. С. Р. Л. II, 8; I, 128). Затѣмъ вспоминается еще подъ

1145 годомъ, гдѣ Полякъ называется Петрокомъ (П. С. Р. Л. II, 21): „Въ лѣто 6653-е: той же зимѣ Владиславъ Лядьскій князь емъ мужа своего Петрока и слѣпи, а языка ему урѣза и домъ его розъграби, токмо съ женою и дѣтьми выгна изъ земли и иде в Русь... Ты емъ Руского князя лестью Володаря и умучивы й, и имѣніе его усхыти все“. Въ хроникѣ Ортлиба Цвифальтскаго (Bielowski. Mon. Pol. II, 2—3) находятся нѣкоторыя подробности, сходныя съ разказами Герборда (имя Русскаго князя не обозначено): „Ditissimus Boloniorum princeps nomine Patricius... quendam Rusziae regem contra Boloniorum ducem, dominum suum inimicicias agentem fraude circumvenit, et postquam fidem jusjurandi fecerat, postquam se in dominium ipsius tradiderat, postquam filium ejus de sacro fonte susceperat, tam dolosae factionis ignarum in manus adversariorum tradidit vinculandum, atque immenso pondere thesaurorum damnandum“.

Сходенъ съ этимъ и разказъ Винцентія, гдѣ Петръ называется сыномъ Власта Wlostides (Bielowski, M. Pol. II, 351—353), только у Герборда болѣе правдоподобно разказанъ захватъ Володаря: у Винцентія его схватилъ Петръ за столомъ, среди собесѣдниковъ, у Герборда же—въ лѣсу на охотѣ. Здѣсь мы можемъ болѣе довѣрять Зефриду, узнавшему объ этомъ событіи вскорѣ послѣ его совершенія, когда еще не могла составиться преувеличенная легенда о подвигахъ Петра. Но за то Винцентій вѣрнѣе передаетъ, что Володаря выкупилъ братъ его Василько. Послѣднее выраженіе Герборда: tota Ruthenia insolita paupertate contabesceret, можетъ быть, конечно, гиперболой или Герборда, или Поляковъ, естественно представлявшихъ все въ лучшемъ свѣтѣ для Польши.

Вотъ извѣстія, которыя можно считать за достовѣрныя; все остальное въ 3-й и 4-й главѣ Герборда есть результатъ его комбинаціи этихъ свѣдѣній и совершенно невѣрно.

Гербордъ въ началѣ (гл. 2-й) говоритъ, что Болеславъ, съ самаго вступленія на престолъ, велъ успѣшныя войны съ своими сосѣдями. Затѣмъ, зная, что Русскіе воевали не одни, а въ союзѣ съ Пруссами и Поморянами, онъ представляетъ войну противъ Русскихъ самою ожесточенною. Имѣя свѣдѣніе, что Болеславъ женился на дочери князя Русскаго, Гербордъ вывелъ отсюда, что именно бракъ и былъ заключенъ для упроченія мира—Болеславъ желалъ, при заключеніи мира, получить какое-нибудь почетное удовлетвореніе: Король „Русскихъ и вельможи предложили ему самому найдти средство для утверж-

денія мира, и Болеславъ потребовалъ дочь Русскаго князя въ жены себѣ". Но такое объясненіе брака съ Сбыславой, ничѣмъ не подтверждаемое, должно быть отвергнуто. Нигдѣ нѣтъ свѣдѣній не только о войнѣ съ Русскими около времени брака съ Сбыславой, особенно о войнѣ ожесточенной и продолжительной, но и о ссорахъ съ князьями русскими, тѣмъ болѣе съ Святополкомъ-Михаиломъ [1]). Напротивъ, бракъ этотъ представляется дѣломъ, уже ранѣе задуманнымъ для упроченія мира съ Русью [2]) и спокойно совершеннымъ [3]).

Дальнѣйшее представленіе Герборда совершенно невѣрно. „Послѣ заключенія брака былъ", говоритъ Гербордъ,—„миръ у Болеслава со всѣми, до тѣхъ поръ, пока не умерла его жена... Сряду же послѣ ея смерти опять стали разгараться войны". Прежде всего здѣсь невѣрно уже разобранное нами обобщеніе Герборда, что послѣ заключенія брака былъ миръ со всѣми: въ дѣйствительности только Русскіе были въ мирѣ съ Польшей, между тѣмъ какъ въ это время (1103—1110 гг.) онъ ожесточенно воевалъ со всѣми окружавшими его народами и находился во враждѣ съ Збигнѣвомъ.

Затѣмъ невѣрно сопоставлено возобновленіе войнъ съ смертію Сбыславы, умершей ранѣе 1110 года [4]). До самой смерти Святополка (1113 г.) Болеславъ былъ всегда съ нимъ въ мирныхъ отношеніяхъ, и при Владимірѣ Мономахѣ, ссоры и войны съ Поляками начались только въ 1119 — 1120 годахъ [5]), изъ-за Ярослава Святополчича, который враждовалъ съ Владиміромъ Мономахомъ: въ 1118 году походъ Мономаха на Владиміръ; въ 1119 г. Ярославъ бѣжалъ въ Польшу и искалъ заступничества и помощи у Болеслава [6]); въ

---

[1]) Соловьевъ (т. II, пр. 162) предполагаетъ, что ссоры могли возникнуть изъ-за дѣла Ярослава Ярополчича (племянника Святополка), ведшагося вблизи польскихъ границъ; но такое предположеніе основано только на разбираемомъ извѣстіи Герборда и потому не имѣетъ значенія.

[2]) Еще на Брестскомъ сеймѣ (1099 г.) это было условлено между Владиславомъ Германомъ и Святополкомъ (*Сол.* т. II, стр. 61, 80).

[3]) См. П. С. Р. Л., т. I, 6610 г., гдѣ только просто отмѣченъ фактъ безъ указанія на какое-либо волненіе при этомъ: Ведена бысть дщи Святополча Сбыслава въ Ляхы за Болеслава.

[4]) Въ 1110 г. Болеславъ уже вступилъ во 2-й бракъ съ Саломе, дочерью графа Генриха фонъ-Бергенъ: *Sulger*, Annal. Zuifaltenses (*Roepell*, 257, пр. 43); *W. Giesebr*. III, 769.

[5]) *Сол.* II, 81, походъ Андрея въ Польшу, 1120 г.

[6]) П. С. Р. Л. I, 128.

1121 году—походъ Поляковъ къ Червену [1]); въ 1122—плѣнъ Володаря [2]); въ 1123 осада Владиміра и смерть Ярослава [3]).

Описывая взятіе въ плѣнъ Русскаго князя, Гербордъ считаетъ, что это случилось съ тѣмъ же тестемъ Болеслава, то-есть, съ Святополкомъ, тогда какъ это было съ Володаремъ.

Заключеніе Герборда, что послѣ захвата Володаря Русскіе, при жизни Болеслава, никогда уже не рѣшались тревожить Польшу, хотя вообще и невѣрно, но относительно Герборда имѣетъ смыслъ, такъ какъ самыя позднія свѣдѣнія онъ могъ имѣть отъ 1124 года; въ 1123 году Ростиславичи были въ союзѣ съ Поляками, и вмѣстѣ съ ними, подступали къ Владиміру, а въ 1124 году умерли Василько и Володарь; слѣдовательно, до 1124 года не могли еще возникнуть ссоръ и войнъ.

Въ главѣ 5-й слѣдуетъ разказъ Герборда о покореніи Поморья. Чтобы провѣрить его, мы сперва соберемъ свѣдѣнія объ этомъ изъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ, источниковъ и затѣмъ опредѣлимъ, на сколько согласуется съ ними разказъ Герборда.

Ужь изъ того, что Польскій князь, хотя Поморье имѣетъ своего собственнаго князя, приглашаетъ на проповѣдь туда Оттона, Польскій князь даетъ проповѣдникамъ все нужное, посылаетъ съ ними своего воеводу съ конвоемъ, присоединяетъ своихъ капеллановъ, а Поморскій князь не противится этому и принимаетъ Оттона съ почетомъ [4]), не отвергая подобнаго вмѣшательства въ дѣла своей страны, уже изъ всего этого видно, что за Болеславомъ признается право подобной опеки. Дальнѣйшія же событія путешествія показываютъ ясно зависимость Поморья отъ Болеслава: всякое встрѣчаемое сопротивленіе Оттонъ подавляетъ вліяніемъ и угрозами Болеслава (а не Вратислава). Это особенно обнаружилось въ Штетинѣ, гдѣ Оттонъ, видя сопротивленіе язычниковъ, послалъ извѣщеніе объ этомъ Болеславу, и тотъ, угрожая Штетинцамъ, напоминаетъ имъ обѣщанія, данныя ими при заключеніи мира—принять христіанство, платить дань и по-

---

[1]) П. С. Р. Л. II, 8.

[2]) П. С. Р. Л. II, 8; I, 128.

[3]) П. С. Р. Л. II, 8; I, 128.

[4]) Замѣтимъ впрочемъ, что Вратиславъ не оказывалъ содѣйствія Оттону, а держалъ себя болѣе въ сторонѣ, предоставляя ему самому преодолѣвать сопротивленіе Волына и Штетина; изъ этого можно заключать съ вѣроятностію, что Вратиславъ не былъ особенно доволенъ этою проповѣдью, какъ дѣломъ, начатымъ Болеславомъ.

могать Болеславу въ войнахъ. Припомнимъ также отношенія Вратислава къ Болеславу во время втораго путешествія Оттона (Herb. III, 10). Изъ всего этого, видно что Поморье было подчинено Болеславу, хотя не непосредственно, такъ какъ имѣло свое управленіе и своего князя. О подчиненіи Поморья Болеславу свидѣтельствуетъ и Оттонъ Фрейзингенскій подъ 1134 годомъ. Онъ говоритъ, что Болеславъ прибылъ къ Конраду III съ дарами, и что Конрадъ только тогда согласился принять его, когда Болеславъ обѣщалъ внести дань за Поморье за 12 лѣтъ и принести ленную присягу. Слѣдовательно, въ 1134 году Болеславъ сталъ de jure владѣть Поморьемъ, а прежде, то-есть, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, оно подчинялось ему de facto [1]). Этому соотвѣтствуетъ и извѣстіе Эккегарда въ 1124 году (см. ниже).

Изъ всей предыдущей исторіи отношеній Поморья къ Польшѣ ясно, что подобная зависимость не могла быть достигнута мирнымъ путемъ, однимъ политическимъ давленіемъ Болеслава, съ того времени, когда восточное Поморье (до 1113 года) было окончательно покорено имъ послѣ битвъ при Наклѣ и Вышеградѣ [2]). Только страшныя войны и опустошенія принуждали Поморянъ къ покорности, да и то, когда память о нихъ сглаживалась, Поморяне опять возставали [3]).

О томъ, что дѣйствительно подчиненіе Поморья было достигнуто путемъ завоеванія, и притомъ, незадолго до путешествія Оттона, есть много свидѣтельствъ. Съ одной стороны, это доказывается тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производили на Поморянъ угрозы Болеслава: жители съ ужасомъ вспоминали о нанесенныхъ имъ опустошеніяхъ, слѣдовательно, опустошенія были не особенно давно [4]); такъ Штетинцы (Priefl. 11, 10), когда вернулось посольство Оттона съ угрозами Болеслава, обѣщали повиноваться Оттону во всемъ — dummodo

[1]) VII, 19. Inde (Babenberg) in Saxoniam divertens, Polonorum ducem cum multis muneribus obvium habuit, quem tamen non ante dignatus est suo conspectui praesentari, quam tributum XII annorum, hoc est D—libras, adsingulos annos persolveret et de Pomoranis et Rugis homagium sibi faceret.

[2]) Chron. Polonorum III, 25; *L. Giesebr.* Wend. Gesch. (II 168); *Koepke* Mon. G. SS., IX, прим. къ гл. III 26.

[3]) Точно также и въ 1127 году Поморье стало почти во враждебныя отношенія къ Болеславу.

[4]) Конечно, нельзя считать, что этотъ страхъ оставался отъ войнъ Болеслава до 1118 года, тѣмъ болѣе, что собственно Западное Поморье тогда не подвергалось опустошеніямъ.

a caede, incendiis, aliisque hostilibus, qualia nimirum a duce eodem fuerant jam saepe perpessi, de caetero securi existerent. Съ другой стороны, біографы Оттона сообщаютъ намъ о видимыхъ слѣдахъ опустошенія Поморья:

1) Между Поморьемъ и Польшею находилось, простиравшееся на три дня пути, безлюдное пространство (Ebo. 11, 4; Priefl. 11, 1); значитъ, эти мѣста не были безопасными для поселеній, и слѣдовательно, между Западнымъ Поморьемъ и Польшей были войны.

2) У Прифлингскаго анонима (11, 19) упоминаются близъ Клодна: homines quidam, qui, metu ducis Poloniae profugi, incertis semper sedibus vagabantur. Paucas tamen in littore maris casas exstruxerant, quatinus eis locus fugae pateret, quotiens dux idem in eandem Pomeranorum provinciam, uti solebat, irrumperet.

3) О томъ же у Ебона (11, 18): Otto multos Pomeranorum de insulis maris reversos, ubi timore Polizlai ducis occultati erant, baptizavit. Nam dux Polizlaus... singulis annis, collecto exercitu valido, terras paganorum devastare solebat, ut vel timore gladii jugo christianae fidei subigerentur. Quod ubi ministerio Ottonis factum est, arma in pacem mutata sunt, cunctique de latibulis, ubi absconditi erant, prodeuntes, baptismi gratiam consecuti sunt.

4) Эбонъ въ разказѣ о второмъ путешествіи (Т. I, 4) упоминаетъ о рыбакѣ, котораго встрѣтилъ въ странѣ Лютичей, на озерѣ: dicebat enim septennio se panem non gustasse... siquidem capta a duce Polonie eadem provincia, ipse, cum uxore sua fugiens—parvam in medio stagni ipsius planiciem invenit, ubi edificata domuncula secure habitabat.

Наконецъ, о покореніи Поморья Болеславомъ говоритъ и Эккегардъ: anno 1124 Otto insinuat... se... a duce Poloniae Polizlao vocatum... ad gentem Pomeranorum, quam nuper idem dux sibi finitimam subegerat et ad Christianitatis confugium impulerat.

Ко времени этого покоренія Поморья должно быть отнесено и извѣстіе Саксона Грамматика о походѣ Датскаго короля Нила, съ сыномъ Магнусомъ, на Поморье. Магнусъ просваталъ за себя дочь Болеслава (Bokisclavus) [1]). Нилъ и Магнусъ отправились съ флотомъ въ Поморье; взяли городъ Osnam (Uznoim), и затѣмъ, у Волына, встрѣтились съ Болеславомъ. Помогши ему овладѣть Волыномъ, Датчане отправились домой съ дочерью Болеслава, для совершенія брака

[1]) По Книтлинга-сига—имя ея было Rikissa, Richisa (Рихинца) (*Barthold* I, 173).

ея съ Магнусомъ. На возвратномъ пути, у Стрѣлы (нынѣшній Штральзундъ), прибылъ къ Нилу Вратиславъ и просилъ о мирѣ [1]), но былъ обманомъ захваченъ въ плѣнъ, и только заступничество герцога Южной Ютландіи Кнуда Лаварда, выставившаго Нилу всю безчестность такого поступка, дало ему свободу [2]).

Нѣтъ никакой возможности предположить новый походъ Болеслава противъ Поморья позже перваго путешествія Оттона, то-есть, послѣ 1121 г. (но еще при жизни Вратислава) уже по отсутствію всякихъ указаній па это; затѣмъ нельзя допустить опустошенія Поморья послѣ вторичнаго утвержденія христіанства и потому. что тогда Поморье могло расчитывать на поддержку Германіи [3]), въ которой притомъ, Оттонъ Бамбергскій дѣйствовалъ бы въ пользу Поморья (какъ въ 1127 г. онъ ходатайствовалъ за Поморье предъ Болеславомъ). Значитъ, этотъ походъ можно отнести только ко времени покоренія Поморья Болеславомъ до перваго путешествія Оттона [4]).

Какъ и кто началъ войну, долго ли она продолжалась, въ одинъ ли походъ все было сдѣлано, или Болеславъ долженъ былъ предпринимать нѣсколько походовъ въ Поморье—для рѣшенія этихъ вопросовъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ [5]). Однако, время покоренія можно опредѣлить приблизительно. Въ 1122 году, вѣроятно—лѣтомъ [6]), проповѣдывалъ въ Волынѣ Бернгардъ; война, слѣдовательно, была уже окончена, и войско польское должно было вернуться домой. Такъ

[1]) Вѣроятно, о посредничествѣ между нимъ и Болеславомъ; *Barthold*, I, 474.

[2]) Saxo Gram., ed. *Müller* und *Velschov*, стр. 628—629.

[3]) Припомнимъ неудачу похода 1147 г.

[4]) Бѣлевскій (II, 507) соединяетъ съ этимъ покореніемъ извѣстіе Польскихъ анналъ (M. G. SS. XIX): Anno 1122 Boleslaus pertransiit mare et obtinuit ibi castra et intravit in Ungariam adbellum, говоря, что здѣсь, вмѣсто Даніи, къ которой могутъ отнести слова mare pertransiit, должно разумѣть Поморье. Къ тому же событію относитъ Бѣлёвскій слова Богухвала въ малодостовѣрномъ разказѣ о происхожденіи Петра Власта изъ Даніи: Boleslaus, anno D. MCXXIII, mare transiens, regnum Danorum obtinuit, et positis inde propriis praefectis, ad propria remeavit cum gloria. Конечно, положительно утверждать этого нельзя.

[5]) Конечно, нельзя что-нибудь выводить изъ словъ Прифлингенскаго анонима и Эбона. Priefl. II. 10 alia hostilia qualia a duce fuerant jam *saepe* perpessi; II. 19: Quotiens dux Bolizlaus in Pomeraniam, *uti solebat*, irrumperet. Ebo II, 18: Dux Polizlaus *singulis annis terram paganorum devastare solebat*. Это можетъ быть воспоминаніемъ о прежнихъ постоянныхъ войнахъ Болеслава съ Поморянами.

[6]) Онъ былъ въ ноябрѣ 1122 г. уже па сеймѣ въ Бамбергѣ (Ebo II, 1; Ekkeh., 1122 г.).

какъ нигдѣ не видно, чтобы Бернгардъ былъ въ Поморьѣ во время или сряду послѣ похода Поляковъ, а напротивъ Поморье (Волынъ) представляется уже спокойнымъ, то крайнимъ срокомъ покоренія Поморья должно считать 1121 годъ. На 1121, или скорѣе, на 1120 годъ приблизительно намекаютъ и другія показанія. По словамъ Оттона Фрейзингенскаго (см. выше), въ 1134 году Болеславъ долженъ былъ заплатить дань Конраду III за двѣнадцать лѣтъ, вѣроятно, уже истекшихъ; слѣдовательно, уже въ 1121 году Поморье должно было быть покорено, и должны были окончательно установиться отношенія Поморья къ Польшѣ. Рыбакъ у Эбона (III, 4), въ началѣ 1127 года, говоритъ, что уже семь лѣтъ, какъ онъ покинулъ свою родину: опять опустошеніе было въ 1120—1121 гг.

Изъ всего этого можно заключить, что самый разгаръ войны былъ въ 1120 году, а въ 1121 году она если уже не окончилась, то Поляки имѣли рѣшительный перевѣсъ. Это, между прочимъ, можно сопоставить съ извѣстіями русскихъ лѣтописей: въ 1121 году Поляки осаждаютъ Червенъ. Слѣдовательно, тогда они были болѣе или менѣе обезопашены со стороны сосѣдей.

Самымъ раннимъ срокомъ войны можно поставить 1119, если, съ одной стороны, обратить вниманіе на весьма правдоподобное сопоставленіе у Герборда войнъ Поморянъ съ войнами Русскихъ [1]), а съ другой—принять неясныя впрочемъ показанія Польскихъ анналъ (M. G. SS. XIX), Annales Cracovienses vetusti 1119: Bolezlaus idem duos Pomeranorum duces bello convicit, unum ligavit et.. a...f. (alium ferit; Bielowski (II, 774). Annales capituli Craco viensis 1119. Item. B. Pomoranos duces bello devicit, et utramque possedit terram и др.

Такимъ образомъ покореніе Поморья совершилось въ 1119—1121 гг., вѣроятнѣе же всего, въ 1120 г.; по крайней мѣрѣ, въ этомъ году, борьба должна была быть самою ожесточенною.

Какъ далеко проникалъ Болеславъ въ Поморье, какіе взялъ города—объ этомъ мы не имѣемъ точныхъ извѣстій. Но такъ какъ театромъ войны было Западное Поморье, пространство не особенно большое, такъ какъ Штетинъ былъ подчиненъ Болеславу, и Штетинцы помнили о его опустошительныхъ набѣгахъ, то необходимо предположить, что Болеславъ прошелъ до Балтійскаго моря, и слѣдовательно,

[1]) Въ 1119 году Ярославъ Святополчичъ бѣжалъ къ Болеславу, слѣдовательно, начались уже враждебныя отношенія между Русью и Польшей.

взялъ Штетинъ и Волынъ (да и странно было бы оставить эти важные города не покоренными). Это предположеніе получаетъ полную достовѣрность, если показаніе Саксона Грамматика относится къ этому времени, ибо тамъ прямо сказано, что Болеславъ съ Нилομъ взяли Волынъ. Если же Болеславъ дошелъ до Волына, то трудно понять, почему Штетинъ остался бы не покореннымъ [1]).

Обратившись къ Герборду, мы увидимъ, что у него многое вполнѣ согласно съ указаннымъ нами, другое очень правдоподобно и характерно и можетъ дополнять наши свѣдѣнія; нѣкоторыя же черты, хотя сами по себѣ и вѣрны, но невѣрно поставлены въ связь съ другими. Послѣднее совершенно понятно при томъ указанномъ нами способѣ, какимъ составился этотъ разказъ у Герборда.

Годъ покоренія Поморья у Герборда приблизительно соотвѣтствуетъ другимъ показаніямъ: за три года до 1124 г., слѣдовательно, отъ 1120 до 1121 г. [2]).

---

[1]) О взятіи Болеславомъ Штетина есть извѣстіе въ Miracula S. Egidii (M. G. SS. XII, 320), составленныхъ до 1124 года въ монастырѣ св. Эгидія близъ Роны; но это завоеваніе Штетина описано такъ неопредѣленно, что можетъ относиться и къ взятію Штетина Владиславомъ Германомъ въ 1091 году (Chron. Polon. II, 2). Замѣненіе малоизвѣстнаго имени Владислава чаще встрѣчающимся и болѣе славнымъ именемъ Болеслава очень возможно (сравн. Ebo I, 1; Priefl. I, 3). Къ тому же Болеславъ называется inclitae memoriae, то-есть, какъ бы уже умершій, что можетъ относиться только къ Владиславу Герману, а не жившему въ 1124 г. Болеславу III. Затѣмъ имя знатнаго юноши, исцѣленнаго св. Эгидіемъ—Sethet напоминаетъ знаменитаго палатина Владиславова Зечеха (Chron. Polon. Sethens). Во всякомъ случаѣ, мы не считаемъ возможнымъ положиться на свидѣтельство— Miracula S. Egidii, но приведемъ его для большей полноты: *De pincerna ducis Poloniae a morte liberato.* Inclitae memoriae Bolislaus dux Poloniae.,. cum gentilibus, qui contermini sibi sunt et Pomerani vocantur, diuturno praelio decertat. Hic itaque quoddam castrum eorum munitissimum, quod lingua Slavorum Stetin dicitur, obsidere et expugnare decrevit. Huic autem obsidioni, pincerna ipsius. Sethet nomine, magnae indolis adolescens, cum ceteris principibus intererat... Post aliquot dies, castro expugnato et hostibus subactis, cum ad propria redirent... слѣдуетъ чудо св. Эгидія. Объ этомъ чудѣ узнано a religiosis sacerdotibus pariter et laicis, qui de partibus illis, causa orationis huc advenerant.

[2]) Но въ то же время Гербордъ, желая показать связь событій, невѣрно сопоставляетъ плѣнъ Русскаго князя съ походомъ Болеслава въ Поморье. «При заключеніи мира съ Болеславомъ, король и знать Русскихъ обѣщали не подавать помощи Поморянамъ, ибо Болеславъ желалъ направить всѣ свои силы противъ послѣднихъ». Между тѣмъ Володарь былъ взятъ въ плѣнъ въ 1122 г., а покореніе Поморянъ не могло быть позже 1121 года.

Описывая войну Болеслава, Гербордъ передаетъ нѣкоторыя черты, вполнѣ согласующіяся съ общеизвѣстнымъ способомъ веденія войны у Балтійскихъ Славянъ [1]).

Глава 5-я. Устроивъ всѣ дѣла, Болеславъ началъ частыми набѣгами тревожить и опустошать Поморье. Такъ какъ Поморяне были язычники, то онъ желалъ или обратить ихъ въ христіанство или совершенно уничтожить [2]). Поморяне надѣялись на свои силы, ибо имѣли много городовъ и крѣпостей, защищенныхъ какъ природой, такъ и искусствомъ. Крѣпости эти были расположены на границахъ ихъ страны—in introitu terrae [3]). Поморяне снесли все свое имущество въ города и стали приготовляться къ защитѣ. Болеславъ, однако, съ помощію Божіею, поразилъ ихъ во многихъ сраженіяхъ. Между прочимъ (Nam et) онъ взялъ главный городъ (metropolis) Поморья [4]) Штетинъ, окруженный отовсюду озеромъ (stagno) и водами (aquis [5]) и считавшійся недоступнымъ [6]). Перейдя зимой по льду, Болеславъ неожиданно напалъ на Штетинъ и взялъ его.

На основаніи указанныхъ нами соображеній мы можемъ принять это извѣстіе о взятіи Штетина за достовѣрное; способъ, какимъ Болеславъ взялъ его, очень вѣроятенъ.

Другой городъ, взятый Болеславомъ въ эту войну, былъ, по Герборду, Накла. „Городъ Наклу, укрѣпленный и чрезвычайно сильный,

---

[1]) Ср. L. *Giesebr.* I 51; *Barth.*, I 489, 490, 494; *Гильфердинъ.* Собр. соч., IV, 133—115.

[2]) Это одностороннее объясненіе только здѣсь выставлено Гербордомъ; далѣе же онъ всздѣ (II, 5, 30; III, 10) ясно выставляетъ и другую цѣль Болеслава—политически подчинить себѣ Поморье.

[3]) Главный рядъ пограничныхъ крѣпостей былъ по рѣкамъ Нотеци и Вартѣ. Въ 1113 году эти укрѣпленія были уже въ рукахъ Поляковъ. Другой рядъ шелъ по южной границѣ Поморья, бывшаго подъ властію Вратислава. Эти крѣпости и должны были защищать его въ 1119—1121 гг. отъ Поляковъ. (крѣпости Пырица, Бѣлградъ, и меньшія укрѣпленія Карбье, Пѣсокъ и др.) см. *Гильфердинъ*, IV, 143 и слѣд.

[4]) Сравн. Prieß. II, 8 (см. ниже, при разборѣ главы II, 25).

[5]) Штетинъ только со стороны Польши отдѣленъ водою—р. Одеромъ и его рукавами. Герингъ (Beiträge z. Topographie Stetins. Balt. Stud. X.) понимаетъ подъ словомъ aquae—рвы, наполненные водой. Но это, можетъ быть, собственное прибавленіе Герборда.

[6]) О силѣ укрѣпленій Штетина свидѣтельствуетъ Saxo: 806. Stitinum... eminentis valli sublimitate conspicuum, insuper natura arteque aequaliter munitum ut inexpugnabilis paene existimari possit. Hinc mos proverbii sumptus, eos qui se tutos inaniter jactant Stetini praesidio non defendi.

взялъ Штетинъ и Волынъ (да и странно было бы оставить эти важные города не покоренными). Это предположеніе получаетъ полную достовѣрность, если показаніе Саксона Грамматика относится къ этому времени, ибо тамъ прямо сказано, что Болеславъ съ Ниломъ взяли Волынъ. Если же Болеславъ дошелъ до Волына, то трудно понять, почему Штетинъ остался бы не покореннымъ [1]).

Обратившись къ Герборду, мы увидимъ, что у него многое вполнѣ согласно съ указаннымъ нами, другое очень правдоподобно и характерно и можетъ дополнять наши свѣдѣнія; нѣкоторыя же черты, хотя сами по себѣ и вѣрны, но невѣрно поставлены въ связь съ другими. Послѣднее совершенно понятно при томъ указанномъ нами способѣ, какимъ составился этотъ разказъ у Герборда.

Годъ покоренія Поморья у Герборда приблизительно соотвѣтствуетъ другимъ показаніямъ: за три года до 1124 г., слѣдовательно, отъ 1120 до 1121 г. [2]).

---

[1]) О взятіи Болеславомъ Штетина есть извѣстіе въ Miracula S. Egidii (M. G. SS. XII, 320), составленныхъ до 1124 года въ монастырѣ св. Эгидія близъ Роны; но это завоеваніе Штетина описано такъ неопредѣленно, что можетъ относиться и къ взятію Штетина Владиславомъ Германомъ въ 1091 году (Chron. Polon. II, 2). Замѣненіе малоизвѣстнаго имени Владислава чаще встрѣчающимся и болѣе славнымъ именемъ Болеслава очень возможно (сравн. Ebo I, 1; Priefl. I, 3). Къ тому же Болеславъ называется inclitae memoriae, то-есть, какъ бы уже умершій, что можетъ относиться только къ Владиславу Герману, а не жившему въ 1124 г. Болеславу III. Затѣмъ имя знатнаго юноши, исцѣленнаго св. Эгидіемъ—Sethet напоминаетъ знаменитаго палатина Владиславова Зечеха (Chron. Polon. Setheus). Во всякомъ случаѣ, мы не считаемъ возможнымъ положиться на свидѣтельство—Miracula S. Egidii, но приведемъ его для большей полноты: *De pincerna ducis Poloniae a morte liberato*. Inclitae memoriae Bolislaus dux Poloniae.. cum gentilibus, qui contermini sibi sunt et Pomerani vocantur, diuturno praelio decertat. Hic itaque quoddam castrum eorum munitissimum, quod lingua Slavorum Stetin dicitur, obsidere et expugnare decrevit. Huic autem obsidioni, pincerna ipsius. Sethet nomine, magnae indolis adolescens, cum ceteris principibus intererat... Post aliquot dies, castro expugnato et hostibus subactis, cum ad propria redirent... слѣдуетъ чудо св. Эгидія. Объ этомъ чудѣ узнано a religiosis sacerdotibus pariter et laicis, qui de partibus illis, causa orationis huc advenerant.

[2]) Но въ то же время Гербордъ, желая показать связь событій, невѣрно сопоставляетъ плѣнъ Русскаго князя съ походомъ Болеслава въ Поморье. «При заключеніи мира съ Болеславомъ, король и знать Русскихъ обѣщали не подавать помощи Поморянамъ, ибо Болеславъ желалъ направить всѣ свои силы противъ послѣднихъ». Между тѣмъ Володарь былъ взятъ въ плѣнъ въ 1122 г., а покореніе Поморянъ не могло быть позже 1121 года.

Описывая войну Болеслава, Гербордъ передаетъ нѣкоторыя черты, вполнѣ согласующіяся съ общеизвѣстнымъ способомъ веденія войны у Балтійскихъ Славянъ [1]).

Глава 5-я. Устроивъ всѣ дѣла, Болеславъ началъ частыми набѣгами тревожить и опустошать Поморье. Такъ какъ Поморяне были язычники, то онъ желалъ или обратить ихъ въ христіанство или совершенно уничтожить [2]). Поморяне надѣялись на свои силы, ибо имѣли много городовъ и крѣпостей, защищенныхъ какъ природой, такъ и искусствомъ. Крѣпости эти были расположены на границахъ ихъ страны—in introitu terrae [3]). Поморяне снесли все свое имущество въ города и стали приготовляться къ защитѣ. Болеславъ, однако, съ помощію Божіею, поразилъ ихъ во многихъ сраженіяхъ. Между прочимъ (Nam et) онъ взялъ главный городъ (metropolis) Поморья [4]) Штетинъ, окруженный отовсюду озеромъ (stagno) и водами (aquis [5]) и считавшійся недоступнымъ [6]). Перейдя зимой по льду, Болеславъ неожиданно напалъ на Штетинъ и взялъ его.

На основаніи указанныхъ нами соображеній мы можемъ принять это извѣстіе о взятіи Штетина за достовѣрное; способъ, какимъ Болеславъ взялъ его, очень вѣроятенъ.

Другой городъ, взятый Болеславомъ въ эту войну, былъ, по Герборду, Накла. „Городъ Наклу, укрѣпленный и чрезвычайно сильный,

---

[1]) Ср. L. *Giesebr.* I 51; *Barth.*, I 489, 490, 494; *Гильфердингъ*. Собр. соч., IV, 133—145.

[2]) Это одностороннее объясненіе только здѣсь выставлено Гербордомъ; далѣе же онъ вездѣ (II, 5, 30; III, 10) ясно выставляетъ и другую цѣль Болеслава—политически подчинить себѣ Поморье.

[3]) Главный рядъ пограничныхъ крѣпостей былъ по рѣкамъ Нотецн и Вартѣ. Въ 1113 году эти укрѣпленія были уже въ рукахъ Поляковъ. Другой рядъ шелъ по южной границѣ Поморья, бывшаго подъ властію Вратислава. Эти крѣпости и должны были защищать его въ 1119—1121 гг. отъ Поляковъ. (крѣпости Пырица, Бѣлградъ, и меньшія укрѣпленія Карбье, Пѣсокъ и др.) см. *Гильфердингъ*, IV, 143 и слѣд.

[4]) Сравн. Priefl. II, 8 (см. ниже, при разборѣ главы II, 25).

[5]) Штетинъ только со стороны Польши отдѣленъ водою—р. Одеромъ и его рукавами. Герингъ (Beiträge z. Topographie Stetins. Balt. Stud. X.) понимаетъ подъ словомъ aquae—рвы, наполненные водой. Но это, можетъ быть, собственное прибавленіе Герборда.

[6]) О силѣ укрѣпленій Штетина свидѣтельствуетъ Saxo: 806. Stitinum... eminentis valli sublimitate conspicuum, insuper natura arteque aequaliter munitum ut inexpugnabilis paene existimari possit. Hinc mos proverbii sumptus, eos qui se tutos inaniter jactant Stetini praesidio non defendi.

Болеславъ уничтожилъ и сжегъ и всѣ окрестныя мѣста до такой степени опустошилъ огнемъ и мечемъ, что жители показывали намъ, въ различныхъ мѣстахъ (то-есть, около Наклы) развалины, пожарища и кучи труповъ. Хотя прошло уже три года, но это все представлялось какъ бы слѣдами недавняго пораженія" (acsi de strage recenti).

Послѣ открытія оригинальнаго текста Герборда нѣтъ возможности сомнѣваться въ вѣрности чтенія слова Nacla [1]) (см. Koepke, Herb. dialog. in usum schol. стр. 55 пр. 1). При этомъ нѣтъ никакого основанія отличать эту Наклу отъ знаменитой Nakel (chron. Polon.) на Нотеци и отожествлять ее съ упоминаемымъ у Герборда (II, 38), разрушеннымъ, безымяннымъ городомъ между Клодномъ и Колобрегомъ [2]), тѣмъ болѣе, что существованіе этого города, какъ мы увидимъ при разборѣ гл. II, 38, вымышлено Гербордомъ. Упоминаніе же о Наклѣ на Нотеци совершенно понятно; ибо Поляки, разказывавшіе спутникамъ Оттона о войнахъ съ Поморянами, конечно, не пропустили бы имени столь знаменитой и славной въ ихъ памяти крѣпости, при которой Поморяне столько разъ терпѣли сильныя пораженія. При этомъ Поляки могли упомянуть и о слѣдахъ этихъ битвъ, остававшихся около Наклы [3]). И Зефриду, и Герборду, не имѣвшимъ понятія о хронологіи войнъ съ Поморянами, легче всего было взятіе Наклы пріурочить къ послѣднему покоренію Поморья [4]).

Гербордъ, не зная положенія Наклы и желая рельефнѣе выставить опустошеніе Поморья, прибавилъ, для усиленія впечатлѣнія, что спут-

---

[1]) Вслѣдствіе ошибокъ въ рукописяхъ, имя этого города читали Nadam, Vadam и относили къ мѣстечку Damm (на сѣв. отъ Штетина), основываясь на сообщеніи Герборда, что онъ проходилъ черезъ него, и предполагали, что сраженіе при немъ предшествовало паденію Штетина (*Koepke*, M. G. SS. XIX, 77 пр., 30)

[2]) Какъ *Qvandt* Balt. Stud. X, 2, а за нимъ Кепке и Бѣлёвскій (Mon. Pol. II, 75—78). Они руководствовались только показаніемъ Герборда, будто Зефридъ самъ видѣлъ развалины Наклы.

[3]) Сравн. извѣстіе Винцентія о битвѣ въ день св. Лаврентія, при Наклѣ, въ 1109 г. (III, 15): Numerum occisorum non aliter scire poteris, quam si arenam maris aut coeli stellas miseris in calculum... Hujus rei fidem etiam hodie astruuntaggeres instar montium ex inhumatis ossibus acervati. Подобное могло быть передано и Зефриду; остальное—ruinas et adustiones—Гербордъ могъ добавить, считая, что такія битвы были незадолго до путешествія Оттона.

[4]) На этомъ же основаніи Гербордъ говоритъ далѣе (II, 30), что когда прибыли послы отъ Болеслава съ милостивымъ отвѣтомъ, то Штетинцы multo quamdum apud Naclam armis subacti essent, laetiores facti.

ники Оттона сами видѣли слѣды этой битвы, и что все это было aesi de strage recenti [1]).

Этотъ вымыселъ Герборда совершенно соотвѣтствуетъ его постоянному желанію какъ можно рельефнѣе выставлять характеристическія черты описываемыхъ имъ предметовъ. Такъ онъ поступилъ и здѣсь. Зная, что Поморье было опустошено Поляками, онъ старается представить дѣло такъ, чтобы читатель живо вообразилъ страну, опустошенную врагами. Подобно этому и въ другихъ мѣстахъ (II, 13, 38) онъ прибавляетъ отъ себя подробности, изъ которыхъ было бы видно, что даже остались слѣды опустошеній.

Остальныя приведенныя Гербордомъ подробности войны вполнѣ вѣроятны, и нѣтъ основанія отвергать ихъ: „Болеславъ принудилъ Поморянъ платить дань, и вмѣстѣ съ княземъ, принять христіанство. Во время войны 18,000 Поморянъ было убито, 8,000 [2]), съ женами и дѣтьми, Болеславъ заставилъ принять христіанство, увелъ въ свою землю плѣнниками и разселилъ по опаснымъ пограничнымъ мѣстамъ, для защиты Польши отъ внѣшнихъ враговъ. Когда Болеславъ желалъ обратить въ христіанство оставшихся въ Поморьѣ, то епископы Польши, подъ разными предлогами, отказывались отъ этого. Такимъ образомъ три года Поморянамъ никто не проповѣдывалъ“.

Итакъ, если исключить ошибку Герборда, отнесшаго битву около Наклы къ 1119—1121 гг. и представившаго, что епископъ проходилъ черезъ нее, остальное въ главѣ 5-й должно быть признано за достовѣрное.

Въ 6-й главѣ Гербордъ передаетъ, что Болеславъ, огорченный отказомъ епископовъ проповѣдывать Поморянамъ рѣшился обратиться къ Оттону Бамбергскому, cujus tunc fama late in regnis effloruit. При этомъ онъ приводитъ пригласительное письмо Болеслава, которое, конечно, никакъ не можетъ считаться за подлинное [3]). Вообще Гербордъ, имѣя литературную, а не историческую цѣль, во всемъ своемъ сочиненіи не сообщаетъ подлинныхъ документовъ, ка-

[1]) Далѣе же, въ разказѣ о самомъ путешествіи и Гербордъ нигдѣ не упоминаетъ, чтобъ Оттонъ проходилъ чрезъ Наклу.

[2]) На цифры, приводимыя Гербордомъ, полагаться нельзя, такъ какъ и Поляки могли дать невѣрное показаніе, и Гербордъ могъ невѣрно передать его, ибо вездѣ онъ совершенно произвольно примѣняетъ цифровыя данныя, значительно преувеличивая ихъ.

[3]) Другіе два подложныя письма указаны нами при разборѣ III, 40.

кіе не находились бы уже у Прифлингскаго анонима и Эбона, да и изъ этихъ приводитъ не всѣ. Затѣмъ, въ приведенномъ у него письмѣ нѣтъ никакихъ доказательствъ на то, что оно писано было Болеславомъ именно въ это время къ Оттону [1]). Большая часть письма состоитъ изъ общихъ фразъ; а отсутствіе такихъ чертъ подлинности въ сообщаемомъ у Герборда равняется почти доказательству того, что это сочинено самимъ Гербордомъ. Наконецъ, при разсмотрѣніи содержанія письма представляются нѣкоторыя сомнѣнія, дающія намъ право совершенно отвергнуть его подлинность.

а) Болеславъ пишетъ Оттону: „Quia, in diebus juventutis tuae, apud patrem meum decentissima te honestate conversatum memini". Между тѣмъ, когда Оттонъ находился при дворѣ Владислава Германа, Болеславъ былъ еще очень малъ и едва ли могъ хорошо помнить Оттона [2]).

б) Болеславъ говоритъ, что никто изъ епископовъ и священниковъ не брался проповѣдывать Поморянамъ, между тѣмъ какъ можно было упомянуть о Бернардѣ.

в) Наконецъ, самое главное, Болеславъ желаетъ veteres renovare amicitias, то-есть, какъ будто со времени пребыванія Оттона въ Польшѣ до 1124 г. не было у Болеслава сношеній съ Оттономъ. Но извѣстно, что въ 1110 г. Оттонъ участвовалъ въ устроеніи брака Болеслава съ Саломе, дочерью графа Генриха фонъ-Бергенъ (W. Giesebr. Kaiserzeit. III, 769).

Въ 7-й главѣ Гербордъ описываетъ приготовленія Оттона къ путешествію. Выпустивъ всѣ, находящіяся у Эбона (II, 1—3) подробности объ этомъ, онъ ограничился только общимъ выраженіемъ радости Оттона, при полученіи приглашенія отъ Болеслава, и перечис-

---

[1]) Это было бы тѣмъ необходимѣе, что, какъ видно изъ словъ Эккегарда (litteris acnun tiis quam plurimis), да и понятно само собою, дѣло не могло рѣшиться однимъ приглашеніемъ Болеслава, и должна бы быть нѣкоторая переписка и переговоры, слѣдовательно, нужно было бы означить, которое именно по времени это письмо. У Герборда же представлено, что только одно письмо и было, и что Оттонъ, получивъ его, обрадовался и тотчасъ сталъ готовиться къ путешествію.

[2]) Предполагать, что Болеславъ пишетъ это не въ томъ смыслѣ, что онъ лично помнилъ Оттона, а что объ Оттонѣ сообщили ему другіе,—нельзя, въ виду ясныхъ словъ Герборда: eo quod et tunc in adolescentia ejus patri suo munus capellani obsequentem, *notum et carum habuerit*. Эти слова свидѣтельствуютъ, что именно указанный нами смыслъ Гербордъ желалъ придать словамъ Болеслава—quia—memini.

леніемъ того, что епископъ взялъ съ собою въ Поморье — именно предметы, необходимые: для устроенія церквей и для подарковъ знатнымъ лицамъ. Все это не имѣетъ значенія, не представляя ничего новаго и самостоятельнаго.

Мы укажемъ только ошибку Герборда назвавшаго папу, у котораго Оттонъ испросилъ разрѣшеніе на путешествіе, Гоноріемъ, вмѣсто Каликста. Замѣтимъ также оригинальный выводъ, сдѣланный Гербордомъ изъ разказа Эбона о Бернардѣ (на исторію Бернарда, не называя его по имени, намекаетъ, въ этой главѣ, Гербордъ [66]): Otto audiverat — terram Pomeranorum fama ferente opulentam et egenos atque mendicos penitus non habere, sed vehementer aspernari,—et jamdudum quosdam servos Dei praedicatores egenos ac censu tenues propter inopiam contempsisse.

[66]) Между прочимъ довольно сходное мѣсто:

Herb. II, 7	Ebo. II, 1.
Praedicatores *pro* sua *necessitate relevanda* officio insisterunt praedicandi.	Qvia pro sola tue mendicitatis inopia *relevanda* nuc migrasti.. 11. 3 *pro* inopie *relevanda necessitate.*

А. Петровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпуски I и II. Тифлисъ. 1881—1882.

Едва ли есть такая область науки, по отношенію къ которой Кавказъ не представлялъ бы высокаго интереса; а между тѣмъ еще въ очень многомъ эта страна, къ сожалѣнію, можетъ быть названа terra incognita. Главная причина такого явленія, конечно, не заключается въ отсутствіи дѣятельности и энергіи въ средѣ русскихъ ученыхъ, а въ свойствѣ самаго предмета изученія. Здѣсь пространство сравнительно небольшое по географическому протяженію представляетъ гораздо большее разнообразіе по отношенію къ естественнымъ условіямъ, почвѣ, климату, народностямъ, религіямъ и т. д., нежели другія части Россіи, и уже по этому самому гораздо болѣе обильный матеріалъ для науки. Такая область, какъ Кавказъ, необходимо требуетъ и бо́льшаго числа изслѣдователей даже въ количественномъ отношеніи, а между тѣмъ число изслѣдователей сравнительно съ количествомъ научныхъ задачъ на Кавказѣ представляется совершенно ничтожнымъ. Безъ энергическаго содѣйствія мѣстнаго общества никакія ученыя временныя экспедиціи не въ состояніи достигнуть большихъ результатовъ. То, что̀ заѣзжимъ ученымъ дается съ крайнимъ трудомъ, можетъ быть сравнительно легко достигнуто дѣятельностью мѣстныхъ жителей. Конечно, въ этихъ мѣстныхъ помощникахъ, главнымъ образомъ въ сельскихъ и городскихъ учителяхъ и въ духовенствѣ, нельзя искать ученыхъ спеціалистовъ и ожидать отъ нихъ настоящихъ ученыхъ изысканій. Но наука по отношенію къ Кавказу

нуждается прежде всего еще въ собиранiи точныхъ свѣдѣнiй, въ сообщенiи матерiаловъ, а этой цѣли могутъ по многимъ вопросамъ содѣйствовать не только учители, но даже ученики старшихъ классовъ учебныхъ заведенiй и сельскiе писаря. Необходимо только, чтобы „добровольцы“ науки знали, что̀ для нея пригодно и какъ слѣдуетъ приняться за дѣло; нужно, чтобъ они сознавали, что все, что̀ ихъ окружаетъ, что̀ они видятъ повседневно, можетъ быть интереснымъ матерiаломъ, если его собрать умѣючи и изложить толково, не мудрствуя лукаво и не уклоняясь въ область личныхъ догадокъ и скороспѣлыхъ заключенiй...

Въ виду этого нельзя не привѣтствовать мысли управленiя Кавказскаго учебнаго округа издавать Сборникъ матерiаловъ для описанiя мѣстностей и племенъ Кавказа. Съ цѣлью поддержанiя „духовной дѣятельности“ преимущественно учителей начальныхъ училищъ, управленiе округа пригласило ихъ по мѣрѣ силъ участвовать въ высшей степени полезномъ трудѣ собиранiя географическихъ, этнографическихъ, статистическихъ и другихъ матерiаловъ и обратило ихъ вниманiе на возможно-всестороннее изученiе тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они живутъ и гдѣ сосредоточена ихъ дѣятельность. Это изученiе, говоря словами циркуляра (вып. I, стр. III), возбудитъ во многихъ изъ учителей и учительницъ интересъ къ наблюденiю природы и окажетъ благотворное влiянiе и на педагогическую дѣятельность. Но помимо того, работы по описанiю отдѣльныхъ мѣстностей Кавказа могутъ со временемъ представить хорошiй матерiалъ для описанiя цѣлаго края.

Съ цѣлью познакомить всѣхъ желающихъ съ характеромъ работы, управленiе округа помѣстило, въ видѣ введенiя къ I-му выпуску, подробную программу для собиранiя матерiаловъ и перечень важнѣйшихъ сочиненiй по Кавказу. Программа составлена просто, удобопонятно, обстоятельно и въ этомъ отношенiи отличается съ выгодной стороны отъ нѣкоторыхъ научныхъ программъ, нерѣдко ставящихъ въ тупикъ лицъ, для которыхъ онѣ предназначены, и вызывающихъ поэтому научные отвѣты весьма странные. Программа обнимаетъ рядъ вопросовъ по топографiи, физической географiи, климатологiи, геологiи, ботаникѣ и зоологiи, статистикѣ, матерiальному и духовному быту и снабжена образцами таблицъ для собиранiя нѣкоторыхъ данныхъ. Можно думать, что именно вслѣдствiе этой удобопонятности и опредѣленности задачъ, на приглашенiе округа скоро откликнулись изъ разныхъ мѣстъ Кавказа, такъ что скопился значительный науч-

ный матеріалъ. Въ настоящее время уже явились два выпуска, и можно надѣяться, что и третій не замедлитъ своимъ появленіемъ. Каждый выпускъ распадается на два отдѣла: въ первомъ помѣщены описанія мѣстностей, согласно съ программой, то-есть, о томъ или другомъ селеніи или городѣ сообщаются свѣдѣнія топографическія. климатическія, статистическія и т. п.; второй отдѣлъ предназначенъ для этнографическихъ очерковъ.

Не вдаваясь въ пространное разсмотрѣніе статей, помѣщенныхъ въ обоихъ доселѣ вышедшихъ выпускахъ Сборника, ограничиваемся лишь нѣкоторыми замѣчаніями о болѣе важныхъ матеріалахъ, здѣсь напечатанныхъ. Въ 1-мъ отдѣлѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на обстоятельную статью г. Зелинскаго о городѣ Эривани. Статья открывается сжатымъ историческимъ очеркомъ Эривани и нѣкоторыми указаніями на памятники древности; затѣмъ слѣдуетъ всестороннее описаніе современнаго состоянія Эривани, при чемъ сообщается рядъ таблицъ по климатологіи и статистикѣ населенія. Тотъ же авторъ сообщаетъ очеркъ Дарачичага, долины цвѣтовъ, въ которой расположена молоканская деревня Константиновка, и гдѣ сохранилось армянское кладбище древняго села Кечаръ. Къ статьѣ приложены въ армянскомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ нѣсколько надписей отъ XI, XII и XIII вѣковъ изъ церквей Кечарскаго монастыря.

Во второмъ отдѣлѣ наибольшій интересъ представляютъ сказанія о нартскихъ богатыряхъ у Татаръ-горцевъ Пятигорскаго округа, собранныя и переведенныя г. Урусбіевымъ, сыномъ таубія Урусбіевскаго аула, бывшимъ ученикомъ Владикавказскаго реальнаго училища, а нынѣ студентомъ Петровской земледѣльческой академіи. Горная часть Пятигорскаго округа, орошаемая верховьями Чегема, Баксана. Малки, населена небольшимъ народцемъ, говорящимъ татарскимъ нарѣчіемъ. Эти горныя общества, подчинявшіяся Кабардинцамъ, не имѣютъ съ ними ничего общаго по происхожденію и языку. Языкъ ихъ еще не изслѣдованъ: въ настоящее время г. Урусбіевъ составляетъ грамматику своего роднаго языка и этимъ окажетъ несомнѣнную услугу лингвистамъ. Горскія общества Кабарды въ настоящее время ближайшіе сосѣди Осетинъ, и многія названія мѣстностей, ими населенныхъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣкогда въ этихъ мѣстахъ жили Осетины, которые были впослѣдствіи оттѣснены далѣе на востокъ. Любопытно, что Осетины называютъ ближайшее къ нимъ горское общество—Балкарцевъ именемъ Аси, подъ которымъ сами Осетины были извѣстны Грузинамъ и Русскимъ (Овси, Оссы, Ясы). Въ

какое время Балкарцы и другія общества поселились въ этихъ мѣстахъ и откуда они пришли—объ этомъ не сохранилось положительныхъ данныхъ. Г. Пфафъ [1]) сообщаетъ свѣдѣніе, что изъ разбитыхъ Арабами въ Дагестанѣ Хазаръ три колѣна спаслись въ Кабарду и поселились на рѣкѣ Чегемѣ. Если это свѣдѣніе достовѣрно, то нынѣшнее тюркское населеніе на Чегемѣ, быть можетъ, представляло бы интересъ для вопроса о національности Хазаръ.

У этихъ горцевъ Тюркскаго племени сохранились разказы о богатыряхъ—нартахъ, какъ и у другихъ кавказскихъ народовъ. Имена главныхъ богатырей тѣ же, что у Осетинъ и Кабардинцевъ: Урызмекъ, Сосруко, Шауай, Ширданъ, Хмычъ, Батразъ, Рачикау и др. Эти богатыри, по пѣснямъ, предпринимаютъ набѣги далеко за предѣлами нынѣшнихъ мѣстъ, населенныхъ горцами. Главною цѣлью набѣговъ является рѣка Эдиль, то-есть, Волга. Г. Урусбіевъ приводитъ сказанія объ Урызмекѣ, о Шауаѣ, Рачикау и Сосруко. Отмѣтимъ, что нартъ Рачикау оказывается по пѣснѣ сыномъ русскаго переселенца Бёдене, который нѣкогда пришелъ къ нартамъ. Тѣ радушно его приняли и выдали за него невѣсту безъ калыма. „Бёдене поселился въ аулѣ Кинтѣ и занимался исключительно рыболовствомъ. Когда онъ ходилъ на ловлю, его всегда сопровождали собаки „ызчи-самырла" (можетъ быть, водолазы), и за нимъ тянулся всегда обозъ въ сорокъ повозокъ. Въ рукахъ онъ постоянно держалъ мѣдный крюкъ".

Можно пожелать, чтобы г. Урусбіевъ продолжалъ собирать сказанія своихъ соотечественниковъ и познакомилъ насъ съ языкомъ и преданіями этого захолустнаго народа, о которомъ до сихъ поръ наши свѣдѣнія крайне скудны.

Второй выпускъ **Сборника** уже значительно болѣе перваго по содержанію и отличается съ выгодной стороны тѣмъ, что 2-му отдѣлу этнографическому — отведено больше мѣста. Выпускъ открывается программой, составленной г. Потанинымъ подъ заглавіемъ: „Нѣсколько вопросовъ по изученію повѣрій, сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ". Такого рода программы съ опредѣленно поставленными и подробными вопросами несомнѣнно должны оказать пользу и обратить вниманіе „добровольцевъ науки" на болѣе точное наблюденіе того или другого обычая и болѣе обстоятельное сообщеніе того или другого повѣрья, которыхъ детали, важныя для спеціалиста, нерѣдко ка-

---

[1]) Матеріалы для исторіи Осетинъ, въ Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ орцахъ. V, отд. I, стр. 18.

жутся несущественными не-спеціалисту. Не менѣе полезна для Кавказцевъ статья г. Гана „Краткія извѣстія древнихъ писателей о Кавказѣ" [1]). Далѣе въ 1-мъ отдѣлѣ помѣщена статья г. Шафранова: „Образованіе Палеостома и истока его Капаръ-чая", и описаніе двухъ городовъ Гори и Нахичевани. Къ обоимъ описаніямъ приложены художественно исполненные рисунки.

Весьма обстоятельна и интересна статья г. Зелинскаго: „Этнографическіе очерки изъ быта Армянъ-переселенцевъ изъ Персіи, живущихъ въ Нахичеванскомъ уѣздѣ Эриванской губерніи". Въ 1-й главѣ авторъ даетъ свѣдѣнія объ обычаяхъ и праздникахъ, во 2-й—о церковныхъ обычаяхъ, въ 3-й—объ устной литературѣ, въ 4-й—о народной медицинѣ, въ 5-й—о пищѣ, въ 6-й—о пословицахъ и поговоркахъ. Въ настоящее время, когда сравнительное изученіе повѣрій и обычаевъ только начинается, многіе обычаи того или другого народа представляются непонятными этнографическими куріозами; но есть надежда, что съ теченіемъ времени сравнительный методъ прольетъ и въ этой области свѣтъ и окажется такъ же плодотворенъ, какимъ онъ оказался въ изученіи языковъ. Пока еще главная задача состоитъ въ собираніи и классификаціи матеріала, и въ этомъ отношеніи принесутъ не малую пользу добросовѣстно составленные очерки, въ родѣ статьи г. Зелинскаго [2]). Въ томъ же выпускѣ г. Зелинскій сообщаетъ въ татарскомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ пѣсню Хойскаго Вартана, армянскаго народнаго пѣвца. Въ предисловіи переводчикъ говоритъ, что Татары оказали значительное вліяніе на Эриванскихъ Армянъ. Послѣдніе на столько сроднились съ татарскимъ языкомъ, что даже перестали пѣть свои народныя пѣсни и съ удовольствіемъ вслушивались въ мотивы татарскихъ пѣсенъ. Народные пѣвцы (ашиги) даже стали сочинять и пѣть пѣсни на татарскомъ языкѣ. Одна изъ подобныхъ пѣсенъ, сообщаемая г. Зелинскимъ, изображаетъ всѣ періоды жизни человѣка, начиная съ мо-

[1]) Отмѣтимъ только, что г. Ганъ повторилъ ошибку нѣкоторыхъ древнихъ писателей, смѣшивающихъ по сходству имени, Албанцевъ съ Аланами (стр. 38).

[2]) Какъ этнографическій куріозъ можно, напримѣръ, отмѣтить приводимое г. Зелинскимъ повѣрье Армянъ, основанное, кажется, на пониманіи à la lettre словъ Св. Писанія: сѣмя жены сотретъ главу змія. Въ Нахичеванскомъ уѣздѣ можно услышать, что царь змѣй, живущій на Араратѣ, украшенъ цѣнною короною, которою можно завладѣть, если при видѣ его *снять нижнее бѣлье женщины и бросить ему на голову*, такъ какъ тогда онъ оставитъ свою драгоцѣнную ношу подъ бѣльемъ и уйдетъ.

мента зачатія и доводя до столѣтняго возраста и загробнаго міра. Поэтъ отъ своего лица разказываетъ о себѣ самомъ въ разные возрасты; напримѣръ:

Двухлѣтнимъ воды я просилъ, но не пилъ,
Малаго (человѣка) отъ большаго не различалъ,
Ни отъ камня, ни отъ огня, ни отъ воды не убѣгалъ,
Непониманіемъ своимъ обратился въ султана.

Или:

По смерти всю одежду мою сняли,
Сосѣдъ, братъ бились, плакать стали;
Въ пяти-аршинную матерію меня завернули,
Унесли и землѣ сей предали.
Простившись съ тѣломъ, душа пошла впередъ,
Однако на дорогѣ той много было преградъ;
Но ангелы помогать мнѣ стали.
Съ какою трудностью перешелъ я туда! и т. п.

Нѣсколько любопытныхъ народныхъ легендъ, пріуроченныхъ къ горамъ Иланъ-Дагу, Асабъ-Кяфу и къ такъ-называемому холму Езида въ Нахичеванскомъ уѣздѣ, сообщены г. Никитинымъ. Здѣсь мы имѣемъ обычные легендарные мотивы о связи змѣя съ горой и о спящихъ въ горной пещерѣ богатыряхъ, но съ нѣкоторыми новыми и интересными деталями. Армянская личность, соотвѣтствующая нѣмецкому Карлу Великому или Фридриху Барбароссѣ, спящимъ въ Кифгэйзерѣ, называется Темлихой; этотъ царевичъ, современникъ древняго царя Декъ-Януса [1]), повелѣвшаго воздавать себѣ божественныя почести, удалился съ своими пятью товарищами изъ Нахичевани и скрылся въ пещеру, гдѣ они проспали триста девять лѣтъ. Затѣмъ Темлиха проснулся и пошелъ въ родной городъ, въ которомъ уже теперь правили два царя—христіанскій и мусульманскій. Когда чудо было обнаружено, оба царя съ Темлихой пошли къ пещерѣ, въ которой еще оставались его сотоварищи. Темлиха вошелъ внутрь и исчезъ навсегда. Около пещеры построена мечеть, куда въ началѣ весны и лѣта стекаются толпы богомольцевъ изъ мусульманъ.

Пять дагестанскихъ сказокъ, записанныя ученикомъ темиръ-ханъшуринскаго реальнаго училища Нуреддинъ Шамхаловымъ въ аулѣ

---

[1]) Не искаженіе ли это имени императора Траяна (Trajanus), завоевателя Арменіи?

Тарки, представляютъ мотивы, по большей части, извѣстные изъ русскихъ сказокъ. Для исторіи такъ-называемыхъ странствующихъ повѣстей кавказскія сказки должны имѣть важное значеніе, и сравненіе ихъ прежде всего съ русскими могло бы привести къ любопытнымъ результатамъ. Нѣкоторыя сходныя черты, напримѣръ, между нашими былинами и кавказскими сказаніями о богатыряхъ (нартахъ) уже были подмѣчены. Къ сожалѣнію, изданный сказочный матеріалъ Кавказа еще до сихъ поръ весьма незначителенъ, и нужно желать, чтобы записываніе и изданіе сказокъ шло энергичнѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Считаемъ нужнымъ, обратить особое вниманіе на любопытное свѣдѣніе, записанное однимъ ученикомъ темиръ-ханъ-шуринскаго реальнаго училища, о какой-то статуѣ, слывущей въ народѣ подъ названіемъ Эрмени-булагъ (Статуя-Армянинъ). Она находится по дорогѣ изъ Карабудахкента, идущей около моря. Статуя представляетъ всадника въ полномъ вооруженіи, сидящаго на жеребцѣ. Всадникъ положилъ три пальца правой руки на лобъ, какъ будто для того, чтобы перекреститься. Разказываютъ, что статуя эта представляетъ окаменѣвшаго Армянина. Мусульмане напали на Армянина и хотѣли убить его; онъ, перекрестившись, просилъ Бога обратить его въ камень (стр. 140). Для археологіи Кавказа было бы очень важно собрать болѣе точныя свѣдѣнія объ этой статуѣ и снять съ нея фотографію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣхъ же мѣстахъ существуютъ и другія изображенія, и можетъ быть, надписи, о которыхъ до сихъ поръ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Еще г. Березинъ [1]), описывая свое пребываніе въ Тарху, говоритъ, что „любители древностей могутъ слышать здѣсь о грубыхъ каменныхъ болванахъ, будто бы находящихся въ горахъ", и разказываетъ объ одной клинописной надписи, замѣченной гдѣ-то на скалѣ на Кавказѣ однимъ медикомъ. Приводимъ слова извѣстнаго оріенталиста, такъ какъ было бы крайне желательно, чтобъ они побудили къ розысканіямъ мѣстныхъ жителей: „Нѣкоторый медикъ, спасаясь отъ разбоевъ Стеньки Разина, бѣжалъ изъ Астрахани чрезъ степи на Кавказъ и далѣе. На пути своемъ онъ видѣлъ въ горахъ много древностей и надписей, изсѣченныхъ на скалахъ, и не смотря на бѣдственное свое положеніе, снялъ копію съ одной изъ этихъ надписей. По надлежащемъ разсмотрѣніи учеными оказалось, что она принадлежитъ къ числу клинообразныхъ..

[1]) Путешествіе по Дагестану и Закавказью, стр. 68.

По предположеніямъ толкователей клинообразнаго письма, надпись, видѣнная медикомъ, должна находиться въ горахъ около Тарху; снимокъ этой надписи приложенъ къ сочиненію Бюрнуфа о клинообразной грамотѣ... Если когда-нибудь", продолжаетъ Березинъ,—„моя книга попадется въ руки человѣка, не чуждаго образованности и брошеннаго судьбою на Кавказъ, да обратитъ онъ вниманіе на обстоятельство, которое я сейчасъ разказалъ: можетъ быть, ему и удастся встрѣтить гдѣ-нибудь въ горахъ Дагестана надпись, о которой идетъ рѣчь, и оказать несомнѣнную услугу наукѣ доставленіемъ вѣрнаго и полнаго снимка всей рѣдкости. Узнать клинообразную надпись не трудно: она должна состоять изъ клиньевъ, разставленныхъ въ разныхъ направленіяхъ".

Грузинская народная словесность также представлена во 2-мъ выпускѣ небольшимъ сборникомъ пословицъ (въ текстѣ и переводѣ) и тремя сказками, доставленными г. Джаваховымъ. Между послѣдними можно отмѣтить варіантъ къ сказаніямъ объ Амиранѣ, хорошо извѣстнымъ и у Осетинъ [4]). Выпускъ кончается осетинскою легендой о спящемъ родникѣ (Хусагъ-донѣ), доставленной г. Сикоевымъ.

Кончая этотъ бѣглый обзоръ содержанія обоихъ выпусковъ, мы видимъ, что, кромѣ описанія нѣсколькихъ городовъ и селъ, они сообщаютъ этнографическія данныя о нѣсколькихъ кавказскихъ народностяхъ—Армянахъ, Грузинахъ, Осетинахъ, Закавказскихъ Татарахъ, Балкарцахъ и жителяхъ Дагестана. Все это представляетъ новый и важный матеріалъ для кавказской этнографіи. Желательно было бы, чтобы послѣдующіе выпуски составлялись также внимательно, какъ оба первые (особенно второй), чтобъ элементъ этнографическій получилъ въ нихъ перевѣсъ надъ статистическимъ, и чтобъ они принесли отвѣты хоть на нѣкоторые вопросы, поставленные программой г. Потанина. Особенно нужно спѣшить собирать данныя по народнымъ суевѣріямъ, обрядамъ и обычаямъ, потому-что и на Кавказѣ, какъ мы знаемъ по собственнымъ наблюденіямъ, старина глохнетъ, и то, что можно еще записать въ настоящее время, быть можетъ, лѣтъ черезъ десять, пятнадцать будетъ забыто окончательно.

---

[4]) См. наши Осетинскіе этюды, часть I, отд. I, №№ XII и XIII.

Вс. Миллеръ.

Montenegro. Schilderung einer Reise durch das Innere nebst Entwurf einer Geographie des Landes von Dr. *Bernhard Schwarz.* Mit Illustrationen nach eigenen Aufnahmen und einer Karte. (**Черногорія.** Описаніе путешествія внутрь ея, вмѣстѣ съ географическимъ очеркомъ страны. Сочиненіе д-ра *Б. Шварца.* Съ иллюстраціями по фотографіямъ автора и картой). Leipzig. 1883.

Передъ нами книга, изящно изданная, снабженная картой и нѣсколькими рисунками, книга, появленію которой въ свѣтъ предшествовали публичныя чтенія въ главныхъ центрахъ умственной жизни Германіи, въ Лейпцигѣ и Берлинѣ, принятыя нѣмецкою публикой съ восторгомъ, напечатанныя и перепечатанныя въ мѣстныхъ газетахъ и другихъ повременныхъ изданіяхъ. Выходъ этой книги ожидался читающею публикой съ нетерпѣніемъ.

Понятно, что съ появленіемъ въ свѣтъ она сразу обратила на себя всеобщее вниманіе и читается съ жадностію, тѣмъ болѣе, что темою служитъ страна, издавна приковывающая къ себѣ вниманіе, какъ политическаго міра, такъ и людей науки, да и книга написана легкимъ живымъ языкомъ, полна картинъ изъ природы и народной жизни съ деталями, какихъ до сихъ поръ не давало ни одно сочиненіе о Черногоріи.

Въ то время, какъ Нѣмцы читаютъ эту книгу съ любопытствомъ и напряженнымъ вниманіемъ, въ сербской литературѣ ее встрѣчаютъ съ благодарностью и привѣтомъ. Вотъ отзывъ о ней Сербской Иллюстрированной Газеты, издающейся въ Новомъ Садѣ (№ 32):

„Книга ученаго Нѣмца, д-ра Шварца, не только обогатила нѣмецкую литературу, въ особенности же этнографію и географію, для которыхъ такъ много работали Нѣмцы, но еще поставила себѣ прекрасную цѣль разсѣять множество заблужденій Запада относительно Черногоріи и Черногорцевъ, выставить страну и народъ въ настоящемъ свѣтѣ, и тѣмъ принести пользу и самой Черногоріи. Ученому, который отправляется въ наши края съ такою цѣлью, мы должны быть благодарны даже за одно доброе намѣреніе. Книга же д-ра Шварца о Черногоріи, представляетъ первое сочиненіе во всеобщей литературѣ, написанное въ легкой популярной формѣ и въ то же время основанное на самостоятельномъ научномъ изслѣдованіи большей части Черногоріи и изученіи ея народной жизни. Такого сочиненія о Черногоріи до сихъ поръ нѣтъ ни въ одной литературѣ, ни въ нашей".

И такъ, сочиненіе д-ра Шварца есть единственное какъ по само-

стоятельной научной обработкѣ предмета и прекрасному литературному изложенію, такъ и по цѣли—показать свѣту истину,—цѣли сколько благородной, столько же и философски-научной.

Какъ ученый, не довольствуясь тѣмъ, что̀ писано о Черногоріи, большею частью поверхностно и пристрастно, онъ поставилъ себѣ задачей основательнымъ изслѣдованіемъ найдти истину и замѣнить ею ложь; а какъ человѣкъ, онъ возмущается этою ложью и явно, громко высказываетъ симпатіи народу, изъ котораго другіе писатели сдѣлали какое-то пугало. Приведемъ собственныя слова автора о возмутительной неправдѣ, противъ которой онъ выступаетъ со своимъ сочиненіемъ:

„Страна, изъ края въ край наполненная высокими, мрачными горами, голая, безжизненная каменная пустыня, монотонная возвышенная поверхность которой нарушается только тамъ-сямъ зіяющею, темною пропастью, и во всей этой унылой области единственными представителями человѣческаго населенія является ничтожное количество полуголодныхъ, со впалыми глазами, оборванныхъ пастуховъ, при всякомъ удобномъ случаѣ готовыхъ обратиться въ кровожадныхъ разбойниковъ. Таково приблизительно представленіе, сложившееся у нѣмецкой публики, а можетъ быть, и у цѣлой Европы при словѣ Montenegro. Представленіе это однако ложно, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ. Есть страна, гдѣ, подъ южнымъ яснымъ небомъ, среди высящихся всюду фантастическихъ формъ великановъ-горъ, вершины которыхъ, нерѣдко покрытыя снѣгомъ, поднимаются до темно-синяго небеснаго свода, склоны и приниженія одѣты роскошнѣйшими лиственными деревьями; гдѣ среди сочной растительности, въ гущѣ лѣса, оглашаемаго шумомъ водопада, но недоступнаго шуму великаго свѣта, раздаются соловьиныя трели, и обитаетъ населеніе, не густое правда и бѣдное соблазняющими глазъ сокровищами, но здоровое физически и морально; грубое по наружности, но въ то же время одаренное глубокимъ чувствомъ; при львиной храбрости дѣтски незлобивое; гордо-серьезное и вмѣстѣ съ тѣмъ способное для самаго предупредительнаго гостепріимства. И это также Черногорія, и хотя бы читатель все-таки продолжалъ обвинять меня въ прикрашиваньѣ,—я скажу, что и это—страна „Черныхъ Горъ", какою я нашелъ ее въ дѣйствительности пропутешествовавъ нѣсколько недѣль съ полнымъ вниманіемъ по цѣлой области" (стр. 1).

Останавливаясь далѣе на вопросѣ о причинахъ такихъ превратныхъ взглядовъ, авторъ обвиняетъ въ томъ литературу, относящуюся къ Черногоріи, литературу, которая, какъ по количеству, такъ и по

качеству, занимаетъ крайне жалкое мѣсто въ ряду сочиненій по географіи, сдѣлавшей въ послѣднія десятилѣтія громадные успѣхи. „Мы едва имѣемъ", говоритъ онъ, — „какихъ-нибудь полдюжины тонкихъ томиковъ, которые, не смотря на громкія названія, какъ „Путешествіе по Черногоріи" и т. п., всѣ вмѣстѣ представляютъ не болѣе, какъ много разъ повторявшееся скудное описаніе шестичасоваго пути отъ берега моря до главнаго города Черногоріи, Цетиньи" (стр. 2). Чтобъ оцѣнить приговоръ д-ра Шварца литературѣ, мы должны бы были перебрать ее всю; но это заняло бы насъ очень много, такъ какъ она по числу сочиненій не на столько мала, какъ говоритъ авторъ, неудовлетворяемый, конечно, главнымъ образомъ ея внутренними достоинствами, въ чемъ онъ отчасти и справедливъ. Да и не могло быть иначе, потому что, дѣйствительно, нельзя насчитать ни полдюжины людей, которые задавались бы спеціально цѣлью изучить Черногорію; но всѣ почти были или простые туристы, или люди, попавшіе въ Черногорію случайно и преслѣдовавшіе совершенно иныя, свои спеціальныя цѣли, которыя часто и мѣшали представленію Черногоріи въ настоящемъ свѣтѣ. Д-ръ Шварцъ въ этомъ отношеніи представляетъ собою чуть ли не единственный хорошій примѣръ. Онъ не гонится, подобно другимъ туристамъ, за наслажденіемъ красотами природы. Проѣзжая по желѣзной дорогѣ отъ Тріеста до Фіуме по „монотонному морю холмовъ Карста", гдѣ поѣздъ двигается весьма медленно, а окружающіе виды такъ „некрасивы", онъ находитъ ихъ, въ высшей степени интересными въ географическомъ отношеніи" (стр. 4). Онъ географъ, и потому у него на первомъ планѣ — интересъ его науки, изученіе и передача въ общее достояніе того, что̀ наименѣе извѣстно.

Всего лучше цѣль автора опредѣляется въ слѣдующихъ словахъ его: „При египетской тьмѣ, которая продолжаетъ покрывать эту страну или по крайней мѣрѣ ея внутренность, путешествіе туда, не смотря на общее мнѣніе, что тамъ весьма мало красотъ природы, а вмѣсто того много опасностей и трудностей, имѣло въ моихъ глазахъ нѣчто привлекательное. Неизвѣстность прельщаетъ вообще человѣческую и въ особенности нѣмецкую натуру, особенно, если она представляется окруженною ореоломъ героическаго величія, какъ это въ высшей степени примѣнимо къ Черногоріи" (стр. 2).

И вотъ нашъ ученый, не смотря на всѣ протесты своихъ друзей и знакомыхъ подъ впечатлѣніемъ ложныхъ представленій о Черногоріи, предсказывавшихъ ему по меньшей мѣрѣ лишеніе ушей и носа,

снаряжается и отправляется въ путь. Я исполненъ былъ", говоритъ онъ,—„чудной увѣренности, что моя отвага увѣнчается успѣхомъ"— и не обманулся на дѣлѣ. Онъ нашелъ множество весьма интереснаго, новаго матеріала для своей науки, географіи, равно какъ и для установленія правильнаго взгляда на страну и народъ Черногоріи; вмѣсто предсказываемыхъ ему опасностей, онъ всюду встрѣтилъ полнѣйшую безопасность и въ добавокъ самое предупредительное гостепріимство; а за трудности, понесенныя на пути, о которыхъ не имѣютъ ни понятія его соотечественники, не бывавшіе въ подобнаго рода путешествіяхъ, онъ выноситъ, какъ награду, съ одной стороны, убѣжденіе, что совершилъ путешествіе, какого не совершалъ до него никто, и сочувственное отношеніе къ нему литературы, а съ другой— самую искреннюю, глубокую благодарность со стороны тѣхъ, за кого онъ выступилъ съ печатнымъ словомъ не какъ диллетантъ или партизанъ какого-либо политическаго направленія, а какъ человѣкъ науки, принадлежащій великой, просвѣщенной націи, и во всеоружіи научной подготовки.

Такое значеніе труда д-ра Шварца налагаетъ на насъ обязанность отнестись къ нему съ большимъ вниманіемъ, то-есть, не ограничиваясь однимъ ознакомленіемъ публики съ его во всякомъ случаѣ весьма интереснымъ содержаніемъ и изложеніемъ, оцѣнить его по достоинству въ связи съ тѣмъ, что̀ было сдѣлано до него, и сообразно съ имъ самимъ поставленною задачей.

Сочиненіе его естественнымъ образомъ распадается на двѣ части: въ 1-й заключается описаніе путешествія, которое дало ему не только матеріалъ, но и критерій для научныхъ выводовъ; а во 2-й—научные выводы, въ которыхъ онъ старался собрать все, что̀ сдѣлано предшествовавшими изслѣдователями, давъ однако этому матеріалу освѣщеніе, основанное на его самостоятельномъ, личномъ знакомствѣ съ предметомъ, и сообразно съ его научнымъ взглядомъ и политическимъ исповѣданіемъ.

Это, конечно, не спеціально ученое сочиненіе, такъ какъ предназначено вообще для читающей образованной публики, а не для спеціалистовъ ученыхъ; поэтому мы въ научномъ отдѣлѣ находимъ отвѣты на вопросы, которые вызываются чисто-житейскою, современною потребностью, какъ напримѣръ, „необходимыя реформы для пересозданія (Neuerschöpfung) Черногоріи и ея будущее". Посвященныхъ тому авторомъ осьми страничекъ слишкомъ мало для такой важной и обширной темы, а дать ей большій просторъ онъ не могъ, такъ

какъ она составляетъ только часть цѣлаго, только заключительное слово послѣ всего того, что̀ авторъ видѣлъ своими глазами и вынесъ изъ собственнаго опыта. Собственно говоря, книга его—плодъ четырехнедѣльныхъ наблюденій, которымъ литература предмета служитъ только дополненіемъ и освѣщеніемъ. Поэтому мы сейчасъ видимъ, что автору литература эта далеко не вполнѣ извѣстна, и что онъ не занимался спеціально ея изученіемъ. Иначе онъ не отнесся бы такъ несправедливо строго къ трудамъ своихъ предшественниковъ, въ спеціальной главѣ о литературѣ предмета не ограничился бы одною публикаціей текста краткаго дневника Барта и не остановился бы только на сочиненіяхъ Стефановича-Виловскаго, Густава Раша и Гопчевича, которые не имѣютъ абсолютно никакого научнаго значенія. Онъ, видимо, совершенно не знаетъ или игнорируетъ такія важныя сочиненія, какъ Vialla de Sommieres, Вилькенсона, Мармье, Ленормана (заключающее въ себѣ важные историческіе и географическіе матеріалы, какъ записки Маріана Болицы, различные трактаты Черногоріи съ Турціей и Законники), Дентона, Эккара, Милаковича, Медаковича (особенно важны его „Жизнь и обычаи Черногорцевъ, 1860 г., и Черногорія, 1868 г.), Дучича Вацлика. Я не говорю о сочиненіяхъ Русскихъ—А. Попова, Ковалевскаго, Петковича, Макушева, бар. Каульбарса, такъ какъ русскія сочиненія Нѣмцу меньше всего доступны.

Что касается спеціально географическаго очерка, авторъ, видимо, мало значенія придалъ сочиненію Ами-Буэ, которое до сихъ поръ остается главнымъ руководителемъ въ блужданіяхъ по лабиринту Балканскаго полуострова. У Ковалевскаго онъ также нашелъ бы нѣсколько интересныхъ данныхъ относительно географіи Черногоріи; а для ботаники онъ могъ бы воспользоваться сочиненіемъ профессора въ Бѣлградѣ Панчича, который изучалъ спеціально флору Черногоріи и для того восходилъ на вершины Комо и Дурмитара. Для географіи же и вмѣстѣ съ тѣмъ для оцѣнки границъ Черногоріи за послѣднее время весьма важна брошюра полковника Оттоленги, члена европейской коммиссіи для разграниченія Черногоріи и Турціи въ 1879 г. (Il Montenegro primo e dopo il trattato di Berlino, 1881); а для соображеній относительно будущности и политической роли Черногоріи полезно было бы обратить вниманіе на то, что̀ высказывается въ сочиненіи Бруніальти (Gli eredi della Turchia. Studi di geografia, politica ed economia sulla questione d' Oriente, 1880).

И такъ, принимая въ соображеніе слабое знакомство д-ра Шварца съ литературою предмета, значительная часть которой ему сверхъ

того недоступна вслѣдствіе незнанія языковъ сербскаго и русскаго, мы смотримъ на него, какъ на туриста, который, однако, имѣя спеціальностью географію и естественныя науки, является въ этой области ученымъ изслѣдователемъ, а въ остальномъ онъ—наблюдатель, обладающій ученымъ методомъ и пріемами, что̀ и даетъ ему возможность ко всему относиться съ большею критикой и объективностью. Поэтому его описаніе путешествія со всѣми мелочами жизни на сколько занимательно новизной и привлекательно по формѣ изложенія, на столько же и серьезно. Такъ напримѣръ, большинство путешественниковъ, побывавъ только на Цетиньѣ, дѣлаетъ выводъ о цѣлой Черногоріи. Видѣвши на пути отъ Котора только голыя сухія скалы, многіе и не подозрѣваютъ, что есть въ другихъ мѣстахъ той же Черногоріи и обильные потоки, какъ кристаллъ, чистой воды, и первобытные лѣса, и роскошные луга, и болѣе обширныя поля, на которыхъ произрастаетъ всякій хлѣбъ и всякая овощь. Видя на Цетиньи толпу праздношатающихся, они дѣлаютъ выводъ о лѣни Черногорцевъ вообще, о прирожденномъ ихъ нерасположеніи къ труду, не соображая, что эти бродящіе, по видимому, безъ всякой цѣли и занятія люди всѣ пришли изъ внутренности страны по какому-нибудь дѣлу въ судѣ или къ князю, притомъ иногда вызванные властью. Собственно цетинскихъ жителей вы увидите гуляющими только въ праздники: иначе всѣ заняты, начиная отъ чиновника и до мелкаго торговца или простаго работника.

Гуляющія толпы кинулись въ глаза также и Шварцу; но онъ тотчасъ понялъ, что это было по случаю праздника. Затѣмъ онъ хоть и замѣчаетъ, что на Цетиньѣ развита уличная жизнь, но не распространяетъ этого приговора на весь народъ. „Напротивъ", говоритъ онъ,—„путешествуя по внутренности, я увидѣлъ, какой неутомимый работникъ сынъ Черныхъ Горъ; равно какъ и тѣ Черногорцы, которые живутъ въ Константинополѣ, также отличаются выносливостью и ловкостью въ работѣ" (стр. 67).

Посѣтивъ тюрьму, онъ обратилъ вниманіе не на бѣдность обстановки, которая кидается въ глаза прежде всего, а на то, какъ мало обращено вниманія на предупрежденіе побѣговъ. „Заключенные, между которыми находятся большею частью важные преступники, часто даже убійцы и разбойники, свободно выходятъ и приходятъ. Никто не стережетъ ихъ ни днемъ, ни ночью. Это весьма удобная и дешевая тюремная система, которая притомъ вполнѣ отвѣчаетъ цѣли, такъ какъ почти никогда не бываетъ побѣговъ. Не можетъ ихъ привязы-

вать къ убѣжищу и особенно хорошее содержаніе, какъ это бываетъ въ другихъ земляхъ. Ихъ удерживаетъ единственно чувство чести, которое въ Черногоріи чрезвычайно развито. Кромѣ того, строеніе поверхности Черногоріи таково, что бѣглецу трудно по ней пробраться, такъ чтобы не быть пойману" (78). Мы знаемъ случаи, что убійцы, приговоренные на многолѣтнее тюремное заключеніе, были отпускаемы во время войны и принимали участіе въ битвахъ, при чемъ легко могли бѣжать, но всегда возвращались въ тюрьму и доживали срокъ, который въ такомъ случаѣ обыкновенно хоть сколько-нибудь сокращался.

Здѣсь также нѣтъ почти примѣра, чтобъ преступникъ не предалъ самъ себя въ руки правосудія. Когда Черногорецъ судится съ кѣмъ, онъ сильно отстаиваетъ свое дѣло; но какъ скоро дѣло выяснилось, такъ что ему не остается ничего выставить въ свое оправданіе, и произнесено судебное рѣшеніе, онъ покорятся ему безропотно, не вынося въ сердцѣ никакой злобы ни на судъ, ни на своего соперника.

Если натуралистъ часто затрудняется объяснить чисто-физіологическіе процессы и явленія въ одномъ живомъ организмѣ, то на сколько труднѣе понять и объяснить многія явленія въ жизни цѣлаго народа! Всѣ явленія въ народной жизни такъ сложны и въ то же время такъ тѣсно связаны между собою, что вы не можете объяснить ни одного изъ нихъ отдѣльно, а должны объяснять только въ связи съ цѣлою жизнью. А эта задача превышаетъ средства мимолетнаго наблюдателя. Ему остается обратиться за объясненіемъ къ людямъ изъ народа, если есть таковые, обладающіе для того достаточнымъ развитіемъ, или занести свое наблюденіе въ число фактовъ, совокупность которыхъ представитъ цѣлую правдивую картину нравовъ и обычаевъ.

Достоинство д-ра Шварца составляетъ именно правдивость. Онъ съ фотографическою точностью передаетъ самые мелкіе случаи, не пропускаетъ ни одного новаго растенія, попавшагося на пути, ни одной встрѣчи съ людьми, и все это такъ естественно, что не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, и въ то же время интересно своимъ мѣстнымъ колоритомъ и характерностью. Этихъ мелочей у него такъ много, что онѣ могли бы наскучить, еслибы не особенное искусство разказчика придать всякой мелочи смыслъ и значеніе.

Считая долгомъ познакомить читателя ближе съ сочиненіемъ Шварца, какъ съ содержаніемъ его, такъ и съ изложеніемъ, мы должны сдѣлать изъ него рядъ извлеченій. Но прежде всего необхо-

димо дать проспектъ цѣлой книги и указать, по какимъ именно мѣстамъ проходилъ путешественникъ.

Онъ выступилъ съ Цетинья 21-го апрѣля по старому стилю и началъ съ южнаго, болѣе теплаго края, а окончилъ высокими горами въ системѣ Дурмитара уже въ маѣ мѣсяцѣ, когда только что растаялъ лежавшій до того времени снѣгъ. Вотъ мѣста въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онъ ихъ проходилъ: Цермницы, гдѣ останавливался для осмотра нефтяного ключа въ селѣ Буковикѣ, а ночевалъ въ сосѣднемъ селѣ Сотоничахъ; на другой день въ Барѣ (Antivari), гдѣ провелъ двѣ ночи; затѣмъ въ Ульцинѣ; оттуда на пристань святаго Николая на Боянѣ и лодкой вверхъ Бояны до Скадра; изъ Скадра тоже лодкой до Зетицы и Бериславцевъ (села въ Нижней Зетѣ); переночевавъ, на другой день въ Подгорицу; изъ Подгорицы долиной Зеты черезъ Стужъ и Даниловъ-градъ въ Никшичъ, а изъ Никшича въ Шавники (въ Дробнякахъ), потомъ долиной рѣки Тушины и черезъ высокое плато Синявину въ Колашинъ; изъ Колашина въ Морачскій монастырь, откуда обратный путь черезъ Ровцы и Пиперы въ Подгорицу, и наконецъ черезъ Лѣшанскую нахію на Рѣку и Цетинье.

Такимъ образомъ онъ имѣлъ случай познакомиться съ Катунскою нахіей, идя отъ Котора до границы Цермницкой; видѣлъ значительную часть Цермницы и потомъ новопріобрѣтенное Черногоріей Приморье. Поѣздка въ Скадаръ дала ему случай провести параллель между Черногоріей и Турціей, между Черногорцами и Албанцами. Проплывъ все Скадарское озеро, онъ видѣлъ, съ одной стороны, Крайну, съ другой равнину Нижней-Зеты, съ которою потомъ ближе познакомился на пути въ Подгорицу. Зету онъ прошелъ всю; въ Дробнякахъ познакомился съ частію Герцеговины; видѣлъ Дурмитаръ и проходилъ черезъ его отроги; тутъ же имѣлъ возможность познакомиться съ характеромъ рѣкъ Пивской системы; Тару наблюдалъ въ Колашинѣ; по Морачѣ совершилъ значительную часть пути. Остались не посѣщенными только Кучи и Васоевичи со стоящимъ посреди нихъ Комомъ, и Пива.

И этого однако достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о цѣлой Черногоріи; и такого пути по Черногоріи не совершалъ еще ни одинъ добровольный путешественникъ. Правда, путешествіе это для такой области совершено слишкомъ скоро (въ 23 дня), чтобы можно было дѣлать какія-нибудь изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что бо̀льшая часть и этого времени прошла въ дорогѣ; но д-ръ Шварцъ—человѣкъ, искушен-

ный уже въ путешествіяхъ, поэтому пользовался и самою дорогой, успѣлъ собрать такимъ образомъ массу наблюденій и впечатлѣній, которыми въ настоящее время щедро дѣлится съ читающимъ свѣтомъ, а маленькій фотографическій аппаратъ далъ ему возможность украсить свою книгу помогающими тексту картинками, и сверхъ того, составить цѣлый альбомъ, который, надѣемся, также когда-нибудь увидитъ свѣтъ. Особенно должны быть интересны группы въ Шавникахъ и Барѣ, о которыхъ онъ самъ упоминаетъ.

Мы не станемъ слѣдовать за нимъ шагъ за шагомъ, а выберемъ нѣсколько болѣе характерныхъ картинъ и сценъ, знакомящихъ насъ болѣе близко, какъ со страною, такъ и съ описывающимъ ее авторомъ.

I.

Надобно замѣтить, что съ Цетинья д-ръ Шварцъ запасся опытнымъ путеводителемъ, служившимъ ему въ то же время переводчикомъ, котораго онъ въ книгѣ называетъ своимъ „менторомъ", а отъ министра М. Вербицы по телеграфу дано было знать мѣстнымъ властямъ, что г. Шварцъ—изслѣдователь рудъ, и чтобъ поэтому ему вездѣ указывали, гдѣ что̀ находится, и оказывали всякое содѣйствіе. Подъ багажъ, въ которомъ главную роль игралъ фотографическій аппаратъ, путешественникъ бралъ отъ мѣста до мѣста лошадь или мула съ погоньщикомъ, самъ же иногда шелъ пѣшкомъ, иногда ѣхалъ верхомъ на лошади.

Первый пунктъ, къ которому онъ направился, былъ Буковикъ въ Церминцѣ, гдѣ находится нефтяной ключъ, обращавшій вниманіе многихъ, но не подвергавшійся тщательному изслѣдованію спеціалиста. Легче всего можно было сдѣлать этотъ путь черезъ Рѣку, откуда водой до Вирбазара, находящагося уже въ Церминцѣ; но, имѣя въ виду, что въ Рѣкѣ можно побывать на возвратномъ пути, г. Шварцъ избралъ прямой путь черезъ горы, который также интересенъ, потому что идетъ подъ хребтомъ, отдѣляющимъ Черногорію отъ Настровичей, и проходитъ черезъ Верхнюю-Церминцу и долину Ораховицы, которые въ противномъ случаѣ остались бы неосмотрѣнными. Онъ держался правила: „выбирать путь не болѣе удобный, а болѣе поучительный", и отправился на первый разъ пѣшкомъ, твердо увѣренный въ крѣпости своихъ ногъ, испытанныхъ въ путешествіяхъ по Саксоніи, Шварцвальду, Альпамъ и т. д. и, въ прочности своихъ сапоговъ съ толстыми подошвами изъ русской юфти.

На всемъ этомъ пути до спуска къ Церминцѣ онъ не нашелъ ничего особеннаго. Перемѣнилась нѣсколько почва и растительность, вмѣсто чистаго известняка появились спорадически шиферъ, грюнштейны, конгломераты изъ выглаженныхъ камешковъ съ чрезвычайно крѣпкимъ цементомъ. Скалы уже не такъ голы и задрапированы молодою порослью ясеня, дуба (цера), краснаго бука; на ровныхъ мѣстахъ сплошной орѣшникъ, одиноко стоящія грушевыя деревья въ полномъ цвѣту и неизмѣнный боярышникъ. Чистыя отъ лѣса площадки покрыты яркою зеленью молодой травы и усѣяны цвѣтами—ранункулами, свѣтложелтою буквицей, незабудкой; изъ-подъ кустарника даетъ знать о своемъ существованіи душистая фіалка; въ щеляхъ скалъ, наполненныхъ жирнымъ перегноемъ, гордо поднимаетъ свой стебель съ надувшимся, какъ колоколъ, бутономъ пятнистый ярокъ (бѣлокрыльникъ?), характерное растеніе для всей западной Черногоріи. По сухому пути вездѣ шуршатъ веселыя ящерицы; бѣлыя бабочки толпятся въ воздухѣ; пчелы съ жужжаніемъ облѣпили грушу, впиваясь въ ея бѣлый цвѣтъ; вблизи слышится крикъ кукушки, который приводитъ въ восторгъ путешественника, потому что онъ привыкъ слышать эту птицу въ своемъ отечествѣ, гдѣ она живетъ постоянно. Но обиліе кукушекъ здѣсь склоняетъ его къ тому мнѣнію, что настоящее мѣсто ихъ въ Черногоріи.

„Несравненно однако больше, чѣмъ этотъ растительный міръ“, говоритъ авторъ,—„доставляетъ удовольствіе то, что̀ создано здѣсь, въ этой каменной пустынѣ съ удивительною настойчивостью рукою человѣка. Вездѣ, гдѣ только подался кусочекъ земли, годный для обработки, большею частью въ маленькихъ воронкообразныхъ углубленіяхъ, гдѣ при помощи періодически скопляющейся и высыхающей воды образуется черноземъ,—каждый клочекъ, едва въ 6 квадратныхъ метровъ, обращенъ въ ниву. Тамъ-сямъ торчали стебли отъ прошлогодней кукурузы, или зеленѣли свѣжіе новые посѣвы. Тутъ вы видите, что Черногорецъ вовсе не лѣнивецъ, призванный и склонный только къ войнѣ и грабежамъ, какимъ его часто считаютъ у насъ, но что онъ гораздо чаще, именно внѣ столицы, показываетъ такое прилежаніе и постоянство, съ которыми, если только дать случай и поводъ, онъ совершилъ бы великое дѣло“ (стр. 100).

На Обзовицѣ при ключѣ г. Шварцъ имѣлъ отдыхъ и измѣрилъ при этомъ температуру воды, показывающую $+9^{0}$ Ц. при $+12^{0}$ въ воздухѣ, и отмѣчаетъ, какъ курьозъ, что вода этого и другаго источника, рядомъ, вытекающая значительною массой, едва пройдя по по-

верхности земли 4 метра, тотчасъ исчезаетъ подъ нею безслѣдно. Проходившія тутъ Цермничанки обратили на себя вниманіе путешественника своими безукоризненно бѣлыми чулками, что̀ впередъ давало ему понятіе о богатствѣ Цермницы. Жалуется онъ на безлюдье: точно никто здѣсь не живетъ, а поля обработываютъ сказочные гномы.

Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ встрѣтилось одно только село Угни, да и то забилось куда-то въ глубь между скалъ; только церковка одиноко стоитъ на холмѣ и сиротливо смотритъ на проходящихъ; да еще послѣ увидѣлъ онъ въ глубокомъ котлѣ бѣленькіе домики, окруженные обработанными полями. Они кругомъ обстановлены такими крутизнами, что удивляешься, какъ люди могутъ вылѣзать изъ своего пріятнаго оазиса для сообщенія съ остальнымъ свѣтомъ.

„Наконецъ мы стоимъ на высокомъ перевалѣ. Но что̀ за видъ представился нашимъ глазамъ! Передъ нами опять огромная масса воды Скадарскаго озера, съ тою только разницей, что мы видимъ его уже не въ туманной дали, какъ это было, когда мы смотрѣли на него съ возвышенія близъ Цетинья, а совсѣмъ вблизи, и сіяющее яркою лазурью. Окружающія его съ восточной стороны и покрытыя снѣгомъ горы выступаютъ гигантами рѣзче, чѣмъ прежде. Но что̀ больше всего очаровывало глазъ, это яркій цвѣтъ зелени, который присоединился къ бѣлизнѣ снѣга и лазури воды. Пространство между нами и озеромъ, возвышенія и низменности, все покрыто было самою роскошною и сочною растительностію. Каменная Аравія за нами; передъ нами—Аравія Счастливая! Это житница и военный погребъ Черногоріи, рай Черныхъ Горъ, черногорская Рейнская провинція, плодоносныя поля, которыя въ цѣлой совокупности носятъ названіе Цермницы; ее-то мы увидѣли внизу подъ собою съ нашего высокаго наблюдательнаго пункта“ (стр. 103).

По мѣрѣ спуска внизъ растительность становилась роскошнѣе и роскошнѣе; притомъ деревья, наверху имѣвшія только почки, какъ дубъ и ясень, тутъ были въ полной красѣ распустившихся листьевъ; ракитникъ (citisus Laburnum) украшенъ роскошнымъ, лимонно-желтымъ мотыльковымъ цвѣтомъ. Вмѣсто маленькихъ ящерицъ, попадавшихся прежде, явилась большая, болѣе полуметра въ длину и нѣсколько сантиметровъ поперекъ спины, золотозеленая „перловая ящерица“ (lacerta ocillata). „Сплошное море зелени раскинулось передъ нами, точно гдѣ-нибудь въ южномъ Гарцѣ или Турингіи. Мѣстность напоминала мнѣ также Вейсерицкую долину близъ Тарандта въ Сак-

совіи. Кто могъ бы предполагать въ Черныхъ Горахъ такую полную сочной зелени идиллическую мѣстность!" (стр. 104).

Здѣсь путешественникъ обратилъ вниманіе на то, что всѣ сѣверные склоны горъ густо одѣты лѣсомъ, тогда какъ южные—голы; это онъ наблюдалъ послѣ и въ другихъ мѣстахъ Черногоріи.

Спускъ, однако, продолжался болѣе часу, и то дошли только до первой террасы, съ которой вытекаетъ Ораховица, соединяющаяся съ р. Цермницей у Вирбазара. Долина ея чрезвычайно живописна. Тутъ же попадается село Утргъ или Подгоръ, теряющееся среди роскошныхъ нивъ и виноградниковъ. „Цѣлый этотъ гигантскій садъ кругомъ однако обставленъ высокими, сѣрыми стѣнами, и только черезъ трещину, пробитую въ ней Ораховицей, можно видѣть синюю поверхность озера. По крутой тропинкѣ, отчасти вымощенной, къ сожалѣнію, крайне гладкими камнями, мы спускаемся внизъ. Но въ то время, какъ я подвигался впередъ съ трудомъ и весьма медленно, боясь на каждомъ шагу сломать себѣ шею или ногу, на встрѣчу намъ шли плохо-одѣтыя женскія фигуры, которыя, свободно балансируя съ наполненными водой ведрами на головахъ, съ достоинствомъ королевъ въ коронахъ, поднимались въ гору, какъ танцовщицы по паркету" (стр. 106).

„Вы уже въ селѣ; но это нисколько не утѣшаетъ утомленнаго и жаждущаго путника, потому что нигдѣ нѣтъ ни корчмы, ни гостинницы. Приходится искать отдыха на „матери зеленой травѣ". И дѣйствительно, трудно найдти мѣсто для „природнаго кнейпа" лучше того, на которомъ мы остановились. Изъ маленькой боковой долины стремится потокъ, который можетъ привести въ движеніе колеса первобытнаго устройства мельницы. Избытокъ жидкой массы тутъ же падаетъ съ каменнаго барьера, покрытаго ковромъ изъ водорослей и мховъ, дѣлясь на три струи, которыя на зеленомъ фонѣ выдѣляются точно полосы бѣлаго полотна и собираются внизу въ небольшомъ резервуарѣ. Здѣсь мы усаживаемся, подъ тѣнью густой листвы стараго смоковаго дерева, и отъ времени до времени насъ обдаетъ тонкою водяною пылью каскадовъ, которые журчатъ позади насъ, тогда какъ взоръ нашъ бродитъ по роскошной котловинѣ Ораховицы, въ концѣ которой она упирается въ гигантскія окружающія ее стѣны" (стр. 106—107). Тутъ же останавливается кучка людей, мужчинъ и женщинъ, съ которыми завязывается живая, непринужденная бесѣда.

Но цѣль путешествія еще далека, а солнце уже низко; поэтому,

не теряя времени, путники идутъ дальше. Добрый часъ привелось идти до того пункта, гдѣ оканчивается терраса, и откуда можно видѣть всю низменную равнину Церинницы, лежащую между высотами, съ которыхъ спустились, и Суторманомъ. Равнина эта, безъ сомнѣнія, была нѣкогда заливомъ Скадарскаго озера. Здѣсь по пути встрѣтился сумакъ (rhus cotinus), листья котораго, дающіе матеріалъ для краски и дубленія кожъ, составляютъ важную вывозную статью Черногоріи.

Наконецъ, съ крайнимъ истощеніемъ силъ путникъ достигаетъ цѣли, искомаго нефтянаго источника. Тамъ уже ждали его люди съ капитаномъ во главѣ, раскопавъ яму и подготовивъ все, что нужно было для изслѣдованія. Еще издали чувствовался тяжелый запахъ нефти, а въ раскопанной ямѣ, на поверхности грязной воды, ясно можно было видѣть плавающее горное масло, которое желтоватою струей пробивалось на поверхность изнутри, снизу. При раскопкѣ вынуто нѣсколько буковыхъ бревенъ, которыя служили столбами и распорками въ открытыхъ тамъ штольняхъ, свидѣтельствующихъ, что разработка этого минерала производилась тамъ въ весьма старое время,—о чемъ ничего не знаетъ живущее теперь современное населеніе,—можетъ быть, Венеціанцами или даже какимъ-нибудь народомъ еще прежде ихъ, какъ справедливо предполагаетъ д-ръ Шварцъ. Находка эта ободрила путешественника и придала ему на столько силы, что онъ тутъ же изслѣдовалъ нѣсколько другихъ источниковъ, издававшихъ сильный сѣроводородный запахъ.

Впослѣдствіи обѣ эти жидкости посланы были ему во Фрейбергъ, гдѣ, по его просьбѣ, произведенъ ихъ химическій анализъ, который кстати и приведемъ здѣсь же. Вода съ сѣрнымъ запахомъ оказалась съ весьма слабымъ минеральнымъ содержаніемъ: въ ней можно было открыть только слѣды поваренной соли и гипса. А петролеумъ въ не обработанномъ видѣ былъ свѣтло-бураго цвѣта, прозраченъ и маслянистъ на ощупь. Специфическій вѣсъ до 0,784=30° B. Поэтому онъ стоитъ ниже пенсильванскаго и бакинскаго, и чуть выше галиційскаго. Но дистиллировка дала довольно благопріятные результаты:

1,7 вѣса %= 2,1 Vol. %—необработанной нефти.
47.2 „ %=49,3 Vol. % горючаго масла—0,830 спец. вѣса=40° B.
51,1 „ %=48,6 Vol. % масла для смазки—0,915 спец. вѣса=23° B.

Радость ученаго скоро, однако, смѣнилась заботой о ночлегѣ: въ Буковикѣ, оказалось, негдѣ ночевать, а до Вирбазара такъ далеко.

что нельзя и думать отправиться туда, потому что солнце было уже на закатѣ; путники же при томъ были утомлены, и почти безъ отдыха цѣлый день, да еще въ первый разъ по такой страшной мѣстности. Капитанъ вывелъ ихъ изъ затрудненія, предложивъ отправиться къ нему въ Сотоничи, до которыхъ было опять таки около часу. Но выбора не было, и потому рѣшеніе принято было тотчасъ.

Каковъ былъ этотъ путь, о томъ и говорить нечего: послѣдняя всегда горше первыхъ. Наконецъ, цѣль достигнута, достигнутъ вожделѣнный „отель". „Но мученіямъ нашимъ еще не пришелъ конецъ", продолжаетъ свой наивный разказъ путешественникъ;—„хозяинъ привелъ насъ на круглую, обведенную низенькою глиняною стѣнкой площадку, гумно, находящееся на востокъ отъ дома. Сюда принесли намъ стулья, собственно небольшіе деревянные обрубки, въ которыхъ были сдѣланы вырѣзки такъ, чтобы можно было въ нихъ сѣсть и наслониться. Къ сожалѣнію, они были не выше нашихъ подножныхъ скамеечекъ, что̀ дѣлало ихъ весьма неудобными для насъ, западниковъ, съ плохо сгибающимися ногами. Мы сидѣли такимъ образомъ на этихъ диванахъ, твердость которыхъ, однако, была устранена подложенными подушками; холодный вечерній воздухъ заставлялъ насъ дрожать, тѣмъ болѣе, что на послѣднемъ пути мы сильно вспотѣли и теперь пили холодную воду. Между тѣмъ, среди такихъ невыгодныхъ обстоятельствъ, видъ съ того мѣста, гдѣ мы находились, былъ такъ великолѣпенъ, что стоило бы тамъ построить королевскій замокъ. Словно съ какой нибудь башни смотрѣли мы внизъ въ Цермницкую долину—лежащую какъ разъ подъ нашими ногами, гдѣ въ рѣзкомъ контрастѣ съ темными, обступающими ее горами волнами колыхался бѣлый вечерній туманъ, между тѣмъ какъ на востокѣ довольно уже близко къ намъ магически сверкала подъ освѣщеніемъ сумерокъ зеркальная поверхность Вирбазарскаго залива" (стр. 115—116).

Какъ ни хорошъ видъ, но ожиданіе было непріятно. „Во всякомъ случаѣ", продолжаетъ авторъ,—„мулу нашему было лучше, чѣмъ намъ; потому что онъ уже стоялъ въ теплой конюшнѣ". Затѣмъ авторъ продолжаетъ: „Наконецъ и мы были введены въ домъ. Это—маленькое каменное строеніе, только что оконченное. Внизу была дверь, ведущая въ помѣщеніе для скота, которому посвященъ весь низъ. Въ верхній этажъ, предназначенный для людей, можно было попасть только по лѣстницѣ, которая снаружи прислонена была къ стѣнѣ. Это помѣщеніе съ помощію перегородки, плетеной изъ вербы, дѣли-

лось на двѣ половины. Въ одной была устроена кухня, то-есть, въ одномъ углѣ на тяжелой цѣпи повѣшенъ былъ котелъ, черный отъ сажи, который составляетъ необходимую принадлежность всякаго дома. При такомъ устройствѣ достигаются двѣ цѣли: приготовляется кушанье и грѣются обитатели дома. Въ этомъ отдѣленіи копошилась хозяйка, еще молодая женщина съ весьма пріятными чертами лица и чрезвычайно чисто одѣтая. Около нея толпилось много дѣтишекъ, которыя съ большимъ интересомъ слѣдили за оборотами вертела; при видѣ насъ однако всѣ, исключая старшихъ, со страхомъ прятались. Они, конечно, рѣдко видѣли человѣка не въ черногорскомъ одѣяніи. Недавно родившійся теленокъ и нѣсколько куръ собрались тоже сюда. Освѣщеніе этой кухнѣ даетъ только огонь на очагѣ, или когда позволяетъ погода, свѣтъ со двора черезъ дверь, такъ какъ оконъ нѣтъ. Естественно, что мы, какъ почетные гости, были тотчасъ проведены далѣе въ смежную „хорошую комнату“, хотя обстановка и тутъ была въ высшей степени проста. У задней стѣны стояли двѣ кровати, или точнѣе говоря, простыя подобныя нашимъ полевымъ кроватямъ, помосты изъ досокъ, на которыхъ навалены были разносныя подушки и суконныя одѣяла. Болѣе къ серединѣ комнаты стоялъ столъ съ нѣсколькими стульями. Вотъ и вся мебель. И это, надобно замѣтить, домъ человѣка съ высшимъ положеніемъ. Если Гладстонъ назвалъ Черногорцевъ „новыми Спартанцами“, имѣя въ виду ихъ страшную храбрость и ихъ тѣлесныя достоинства, то они заслуживаютъ такого названія и по простотѣ обстановки ихъ жизни“ (стр. 116—117).

Угощеніе ракіей и довольно сносный ужинъ, приготовленный въ такомъ размѣрѣ, что „могъ бы насытить цѣлую маленькую армію“, заставилъ помириться съ такою незавидною обстановкою; оставалось только подкрѣпить силы сномъ.

„Намъ“, продолжаетъ разказчикъ,—„отвели одну изъ кроватей, которая была вполнѣ просторна для насъ двоихъ. Трогательно было видѣть, съ какимъ страхомъ хозяинъ и хозяйка, уложивъ насъ, старались избѣгать всякаго шума, чтобы не потревожить нашъ сонъ. Это было, однако, не такъ легко, потому что нужно было успокоить дѣтей, которымъ предоставлена была другая кровать. На ней они были уложены одинъ возлѣ другаго, какъ сельди; потомъ покрыли всѣхъ вмѣстѣ толстымъ шерстянымъ одѣяломъ, такъ что изъ-подъ него не выглядывалъ ни кончикъ носа. Мнѣ не понятно, какъ въ этой странѣ вездѣ одинаково этимъ способомъ укладываемыя на

кровать дѣти не подвергаются удушенію. Двое самыхъ маленькихъ имѣли свои отдѣльныя кроватки. Они были уложены въ нѣчто въ родѣ футляра, похожаго на наши кукольныя колыбельки, но такого размѣра, что въ немъ едва могло помѣститься маленькое тѣло ребенка. И тутъ не обошлось безъ герметической закупорки. Мужъ и жена, ради гостепріимства пожертвовавшіе собственнымъ помѣщеніемъ, отправились искать себѣ мѣстечка въ другомъ отдѣленіи на твердомъ полу у огня. Не прошло много времени, какъ все успокоилось, то-есть, на сколько то относится къ людямъ. Между тѣмъ міръ животныхъ теперь только началъ жить. Мыши стадами суетились по полу, а крысы начали такую энергическую работу около валяющихся костей, что ясно можно было слышать ихъ хрустъ и жеваніе. Можно было даже видѣть эту гномическую дѣятельность, когда горящіе угли вспыхивали и бросали свой красноватый свѣтъ въ густую тьму комнаты" (стр. 119).

На другой день утромъ, возстановивъ свои силы сномъ и освѣживъ лицо холодною водой, путешественникъ съ новымъ наслажденіемъ любовался находящеюся передъ его глазами панорамой, являвшеюся притомъ въ новомъ освѣщеніи: „Словно восхитительная шапочка negligé изъ воздушнаго тюля съ тонкими кружевами, которою чуть прикрываетъ свою головку избалованная красавица въ утреннюю пору, лежалъ надъ долиной и заливомъ бѣлый покровъ тумана, сквозь который тамъ и сямъ, въ болѣе тонкихъ мѣстахъ проглядывали, какъ бы погруженныя еще въ дремоту, то синяя поверхность воды, то сплошной коверъ зелени; а вершины горъ, виднѣющихся по ту сторону озера, давно уже озолоченныя первыми лучами солнца, поднимались къ темно-голубому безоблачному небу" (стр. 120).

Напившись кофе, путешественники на высланныхъ изъ Бара лошадяхъ отправились далѣе. Пересѣкши поперекъ Цермницкую равнину, посреди которой вдоль протекаетъ р. Цермница, черезъ часъ они стали подниматься на Сутурманъ. На трети подъема, съ одной террасы они, оглянувшись назадъ, снова любовались роскошною Цермницей, за которою во всей суровости и дикой красотѣ громоздились одна за другою сѣрыя горы вплоть до Ловчена, живописно рисующагося своею капой на голубомъ горизонтѣ. Впереди же открывались совершенно иные ландшафты: буковый лѣсъ; загроможденныя каменьями русла потоковъ, текущихъ на встрѣчу; разруше-

нія, производимыя водой на мягкомъ глинистомъ грунтѣ; а края долины, по которой шла дорога, спускались отвѣсными стѣнами. Мѣстность становилась все диче и глуше, растительность бѣднѣе. Но и тутъ почти до самаго верха встрѣчались обработанныя поля, и по временамъ слышались крики пахаря, понукающаго своихъ воловъ".

„Дѣятельность этихъ черногорскихъ экономовъ", говоритъ далѣе д-ръ Шварцъ,—„часто давала себя знать непріятнымъ образомъ. Именно нѣсколько разъ намъ приводилось встрѣчать какъ разъ на дорогѣ воздвигнутую изъ камней стѣну въ нѣсколько метровъ вышины или засѣку изъ вѣтвей, заваленныхъ дерномъ и щебнемъ, такъ что мы должны были дѣлать очень трудные обходы. Это характерно для Черногоріи и показываетъ изобрѣтательность ея жителей. Обыкновенно такимъ образомъ па скатахъ они преграждаютъ путь стремящейся сверху въ дождливое время водѣ, такъ что за устроенною баррикадой образуется грязный прудъ, въ которомъ послѣ, когда вода испарится, останется осѣвшійся изъ нея черноземъ, и является готовое поле" (стр. 122—123).

На этомъ мы прекращаемъ выписки изъ первыхъ двухъ главъ. Намъ замѣтятъ, можетъ быть, что выписокъ этихъ слишкомъ много; но мы, приводя ихъ, руководились тою мыслью, что на первыхъ шагахъ путешественникъ видѣлъ больше всего оригинальнаго, типичнаго, характеризующаго цѣлую половину Черногоріи; а также на этихъ первыхъ страницахъ мы успѣли познакомиться и съ личностью автора, съ его отношеніями къ предмету и способомъ изложенія, что̀ облегчитъ намъ ознакомленіе съ остальными главами.

Въ Барѣ путешественникъ прежде всего останавливаетъ вниманіе па „градѣ": страшное разрушеніе даетъ ему понятіе о силѣ сопротивленія и энергіи осаждавшихъ, а остатки великолѣпныхъ палаццо свидѣтельствуютъ о процвѣтаніи города въ старое время, когда тутъ жили не Турки и Арнауты, а болѣе культурные элементы—сербскій и венеціанскій. Разрушенный также дворецъ Селимъ-бега, народнаго тирана, съ роскошною природною обстановкой его гарема, также осмотрѣнъ имъ и описанъ подробно. Онъ присутствовалъ на праздникѣ св. Георгія, который сопровождался народнымъ пиршествомъ подъ открытымъ небомъ, со спичами, пѣніемъ и пляской; побывалъ на пристани, которая поразила его своею безжизненностью. Что касается общаго впечатлѣнія, которое произвелъ на него Баръ, то, ошеломленный его безграничнымъ гостепріимствомъ, путешественникъ чувствовалъ себя какъ бы на своемъ собственномъ праздникѣ, среди

родныхъ ему людей. Съ особенною симпатіей онъ вспоминаетъ въ своемъ сочиненіи послѣдній вечеръ, проведенный въ Барѣ, именно въ тамошней читальнѣ, которая заслуживала того вполнѣ. Только это мѣсто и приведемъ мы изъ всего, что онъ описываетъ въ Барѣ.

Вотъ оно: „На довольно значительномъ и круто спускающемся возвышеніи на западъ отъ города развалинъ, который отъ обитаемой части отдѣляется широкимъ и глубокимъ рвомъ, совсѣмъ скрывающимся въ зелени фиговыхъ деревъ, стоитъ чистенькій и бѣленькій домикъ. Широкая лѣстница ведетъ наверхъ къ нему. На верху передъ входною дверью изъ каменныхъ плитъ устроена платформа, которую къ сторонѣ рва замыкаетъ нѣчто въ родѣ тріумфальныхъ воротъ. Архитектурные обломки античной древности и среднихъ вѣковъ, куски колоннъ, надгробныя плиты, торсы статуй и тому под. не безъ искусства связаны въ одну стѣну. По срединѣ поставлена старая плита съ изображеніемъ Христа, къ сожалѣнію совсѣмъ стершимся, только можно еще прочитать буквы J. H. S. (Jesus hominum Salvator). Надъ цѣлымъ этимъ маленькимъ произведеніемъ искусства на высокомъ древкѣ развѣвается черногорскій флагъ vis-à-vis съ разрушенными стѣнами по ту сторону. Мнѣ это маленькое зданіе было еще тѣмъ болѣе интересно, что оно обнаруживало въ простомъ черногорскомъ народѣ присутствіе вкуса и духа охраненія, совершенно чуждаго, какъ извѣстно, Османамъ. Съ этого оригинальнаго возвышенія вы входите въ довольно просторную, простую, но чистую комнату, въ которой на большомъ кругломъ столѣ разложены различные газеты и журналы. Мы находимся въ барской читальнѣ, созданіи послѣдняго времени. И такъ, все-таки хоть что-нибудь положительное, внесенное въ жизнь тѣми, первое вступленіе которыхъ ознаменовано было развалинами и трупами. И сколько мудрости и предусмотрительности въ правилахъ, на основаніи которыхъ образованъ этотъ союзъ! Посмотрите только: на табличкѣ, повѣшенной на стѣнѣ, стоятъ имена христіанъ и магометанъ, православныхъ и католиковъ. И такъ, здѣсь тоже духъ умѣренности, добродушія и дружелюбія, внушающій Черногорцу, чтобы къ Турку, съ которымъ во время войны онъ бился, какъ со своимъ заклятымъ врагомъ, онъ относился во время мира какъ къ равноправному своему соотечественнику. Это великодушіе и въ Барѣ, какъ въ другихъ мѣстахъ, пробудило симпатіи, и отчасти уже почти осуществилось сближеніе до сихъ поръ такою глубокою пропастью раздѣленныхъ національностей и религій. Честь Черногорцамъ въ томъ случаѣ, какъ и всегда, за то, что они, считаемые у насъ за дикихъ и неспособныхъ

къ образованію, за расу, призванную только къ грабежу и убійству, прежде всего позаботились основать въ разрушенномъ городѣ храмъ для образованія и духовной пищи. Какъ должно это пристыдить такъ-называемые культурные народы и цивилизованныхъ завоевателей! (стр. 151—153).

„Наше пребываніе въ этомъ помѣщеніи было, какъ говорится, сухое, потому что въ немъ не было ни пива, ни вина, ни водки, безъ привлекающей силы которыхъ у насъ многіе не могутъ обойтись; но мы были такъ заинтересованы, что незамѣтно для себя задержались долго, и тогда только отправились на свою квартиру, когда полный мѣсяцъ совершенно вступилъ уже въ свои права.

„Но какая картина, какъ бы на прощаніе, представилась намъ съ того самаго возвышенія! Изъ темной пропасти, въ которую не могъ проникнуть свѣтъ блестящаго шара, возвышался, весь въ сіяніи, городъ развалинъ на своемъ природномъ цоколѣ (скалѣ). Въ особенномъ освѣщеніи выступали въ воздухѣ разстрѣлянныя стѣны, изувѣченные минареты, страшная иллюстрація къ древнему, печальному изреченію: „Все создано изъ пыли, и въ пыль будетъ снова обращено". (Притчи Солом. 3,20)". (стр. 153).

Не можемъ также не привести описаніе женскаго типа въ Барѣ, такъ какъ мы намѣрены, прослѣдивъ его по всему сочиненію, дать читателю возможность имѣть передъ собою рядъ мѣстныхъ типовъ, дающій представленіе о цѣломъ.

Въ Барѣ д-ръ Шварцъ имѣлъ случай наблюдать большую группу женщинъ, возвращавшихся изъ церкви на Юрьевъ день. „Хотя это были христіанки", говоритъ онъ,—„и были не покрыты, видъ ихъ былъ чисто-восточный. Въ широкихъ шальварахъ изъ пестрой шелковой матеріи, богато покрывшія себя украшеніями изъ золота и жемчуга, замотанныя въ легкій, воздушный газъ, выступали эти довольно высокія, но весьма нѣжныя созданія съ лицами несомнѣннаго, чистаго греческаго типа. Узкая, овальная форма всей головы, ослѣпительно бѣлая кожа, на которой словно изнутри вспыхивалъ свѣжій румянецъ щекъ; темные, миндалевидные глаза со смѣло поднятыми, черными бровями и съ тонкою кожей нижней рѣсницы, сквозь которую едва замѣтно просвѣчивалъ синеватый оттѣнокъ, а все лицо обрамляютъ черные съ синевой, тяжелые волосы, —это все живо напоминало красавицъ гарема, которыхъ такъ часто мы видимъ на картинахъ живописцевъ, представляющихъ восточные сюжеты, и которыми мнѣ самому иногда приводилось любоваться въ

Константинополѣ или на Принцевыхъ островахъ. Какое огромное различіе между этимъ типомъ человѣчества, этою расой женщинъ, физіономія которыхъ точно восковыя и напоминаютъ живо женскія головки въ нашихъ салонахъ для завивки, и нѣсколько приса-женными, мускулистыми, загорѣлыми фигурами черногорскихъ женщинъ съ гораздо болѣе широкими, костлявыми лицами! Эти нѣжныя фигуры вмѣстѣ съ красотою восточныхъ женщинъ представляютъ собою ничегонедѣланье, лѣнь, которой онѣ отдаются, лежа за своими рѣшетчатыми окнами на мягкихъ диванахъ, тогда какъ тѣ—представительницы тяжелой работы и упорной борьбы за существованіе" (стр. 139).

Съ Баромъ и Ульциномъ значительно расширяется кругъ наблюденій автора надъ міромъ растительнымъ. Кругомъ густые насажденія маслинъ, лавръ и мирта; цѣлую зиму цвѣтутъ розы, олеандры, пинія и кипарисъ, лимонъ и апельсинъ, туйя, агава, вѣчно зеленый дубъ (ilex aquifolium), особенное растеніе spartium junceum, изъ котораго выдѣлывается пряжа для грубаго холста, идущаго на мѣшки, напоминаютъ крайній югъ Италіи и даютъ чувствовать дыханіе самаго жаркаго материка, Африки.

На пути изъ Бара въ Ульцинъ авторъ замѣчаетъ, что хребетъ Можура составляетъ границу между сербскимъ и албанскимъ элементомъ. Вся мѣстность передъ Ульциномъ, какъ и самый городъ, производятъ на путешественника самое отрадное впечатлѣніе, совершенно несходное съ тѣмъ, что писали о немъ многіе корреспонденты, какъ о жалкомъ разбойничьемъ гнѣздѣ. Непріятно поражаютъ его только женщины магометанскія, которыя, закутавшись съ ногъ до головы въ какія-то черныя широкія мантіи изъ грубой шерстяной матеріи, толстой и мохнатой въ родѣ конскихъ ковровъ, бродятъ по улицамъ, какъ муміи. Вообще же онъ предсказываетъ городу хорошую будущность, какъ мѣсту, которое можетъ замѣнить Ниццу. Ульцинъ имѣетъ для этого всѣ выгоды: чрезвычайно теплый, даже жаркій климатъ, умѣряемый свѣжимъ дыханіемъ моря, особенно постояннымъ обмѣномъ воздуха между моремъ и материкомъ; отличное купанье и разнообразіе видовъ; а притомъ для жизни всего вдоволь: хлѣбъ, фрукты, мясо, рыба, все въ изобиліи и дешево. Знакомство съ воеводой Симомъ Поповичемъ, губернаторомъ Ульцина, также внушило автору нѣсколько симпатичныхъ страницъ, относящихся какъ къ личности воеводы, такъ и къ его роли въ томъ краю и къ положенію самаго края.

Представивъ портретъ воеводы и полную его характеристику, указавъ, что онъ человѣкъ весьма образованный и притомъ хорошій поэтъ и литераторъ, авторъ добавляетъ: „Онъ однако не мечтатель, подобно другимъ поэтамъ, которые оказываются не призванными къ жизни въ простой дѣйствительности; онъ еще больше имѣетъ складъ истинно государственнаго человѣка, какъ я могъ въ томъ лично убѣдиться. Мѣсто губернатора Ульцина, которое князь далъ ему, какъ своему любимцу, досталось ему вовсе не изъ одной милости. Его высочество въ этомъ назначеніи сдѣлалъ самый счастливый выборъ“ (стр. 167—68).

Мы рѣшаемся продолжать эту выписку, въ которой хоть и вращается все около личности воеводы, но въ то же время характеризуетъ положеніе и значеніе Черногоріи въ этомъ новомъ ея краю. „Можно себѣ представить“, говоритъ авторъ,—„что положеніе было здѣсь нелегкое, что постъ здѣшній не могъ быть синекурой. Населеніе города, считающееся въ нѣсколько тысячъ, состоитъ изъ 99 на 100 другой національности, другого языка и другой вѣры, чѣмъ Черногорцы. Притомъ не незначительная [1]) часть этого населенія принадлежитъ исламизму, одному изъ самыхъ интоллерантныхъ исповѣданій. Принявъ во вниманіе старую ненависть Турокъ противъ Черногорцевъ, нужно было предполагать, что албанская лига, то-есть, какъ извѣстно здѣсь всякому, константинопольское правительство, которое этимъ искусственно изданнымъ учрежденіемъ хотѣло помѣшать исполненію плана великихъ державъ,—будетъ въ состояніи легко возбудить Ульцинянъ, такъ что мысль о взорваніи города на воздухъ мѣстными жителями хотя и оставлена, но Черногорцы, вступивъ туда вслѣдствіе извѣстной флотской демонстраціи и продолжительныхъ переговоровъ, нашли тамъ далеко не благопріятную для себя почву. Съ тѣхъ поръ прошло не много лѣтъ, а какъ измѣнилось положеніе дѣлъ! Въ статьяхъ научныхъ, въ политическихъ журналахъ и другихъ изданіяхъ говорилось, напримѣръ, что пріобрѣтенія, которыя сдѣлала Черногорія къ югу отъ своихъ границъ, болѣе чѣмъ сомнительны, вслѣдствіе духа сопротивленія, которымъ проникнуто тамошнее населеніе: этихъ сомнѣній не можетъ быть въ настоящее время, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Ульцину, который нужно считать

[1]) Почти исключительно всѣ магометане, если не считать десятокъ домовъ католиковъ-Арнаутовъ и десяти православныхъ.

А. О.

главнымъ городомъ или по меньшей мѣрѣ главнымъ пунктомъ среди пріобрѣтенной на югѣ территоріи. Ульцинъ на югѣ оказывается совершенно мирнымъ, и не смотря на столь короткое время, доволенъ новымъ порядкомъ вещей. Заслуга въ этомъ главнымъ образомъ должна быть приписана призванію на эту должность Сима Поповича. Онъ принялъ себѣ за правило показывать совершенно неслыханную, но истинѣ геніальную и отчасти рискованную неустрашимость и довѣріе, которыя, конечно, и не остаются безъ дѣйствія на восточные умы. У насъ въ подобныхъ трудныхъ обстоятельствахъ во вновь пріобрѣтенномъ городѣ всѣ улицы были бы загромождены вооруженными людьми; а Поповичъ — представьте себѣ, — имѣетъ въ Ульцинѣ не болѣе 15-ти солдатъ, которые не столько служатъ для его личной безопасности, сколько для службы вообще на стражѣ и для полиціи. Самъ онъ, губернаторъ, во всякое время дня, всюду идетъ безъ провожатыхъ, даже по большей части безъ оружія [1]), и передъ его воротами нѣтъ никакой стражи, и всякій имѣетъ къ нему совершенно свободный доступъ. Намъ случалось даже присутствовать при одной изъ этихъ свободныхъ аудіенцій. Одинъ старый, оборванный Арнаутъ, который, не смотря на его ужасный видъ, хлопоталъ по дѣлу о большомъ земельномъ имуществѣ, вошелъ, держа руку на заржавѣломъ шомполѣ (?), который, онъ носилъ за поясомъ, какъ единственное оружіе, и безъ всякихъ объясненій кинулся къ ногамъ губернатора, который сидѣлъ на софѣ. Въ такомъ колѣнопреклоненномъ положеніи онъ изложилъ со всѣми подробностями свою жалобу. Во всемъ его поведеніи видно было безусловное довѣріе къ новому повелителю, довѣріе, которое совершенно оправдывалось оказаннымъ ему вполнѣ человѣколюбивымъ пріемомъ" (стр. 168—169).

На другой день путешественникъ въ свитѣ воеводы отправился на устье Бояны, гдѣ праздновался всѣми сосѣдними и даже изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ Арнаутами католическаго исповѣданія день св. Николая; здѣсь находится и церковь его имени—Шинколъ (San-Nicolo). Обыкновенно собираются сюда по нѣсколько тысячъ, и всякій, по обычаю, вооруженъ. Воевода, не смотря на недавность своего пребыванія въ краѣ, не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи никакихъ ограниченій, и разумность его дѣйствій нашла себѣ въ этомъ случаѣ полнѣйшее оправданіе. Тамъ, во время богослуженія, которое совершалось

---

[1]) Только не безъ револьвера, который составляетъ conditio sine qua non для всякаго Черногорца, особенно если онъ на службѣ. *А. О.*

по причинѣ большаго собранія народа внѣ церкви, случилось несчастіе, которое едва не произвело всеобщей рѣзни. Дѣло въ томъ, что для бо̀льшаго торжества откопана была какая-то старая турецкая пушка, чтобъ изъ нея дать три залпа какъ разъ во время монстранціи (когда совершается въ литургіи приношеніе въ жертву тѣла Христова). Первый выстрѣлъ былъ неудаченъ; тогда вызвался помочь одинъ Черногорецъ, бывшій въ числѣ войниковъ, сопровождавшихъ воеводу: но онъ сдѣлалъ еще хуже: не охладивъ мокрымъ банникомъ горячаго жерла пушки, онъ вложилъ новый зарядъ; при выстрѣлѣ, Черногорца совершенно ослѣпило, и онъ сгорѣлъ бы, еслибы не успѣли оборвать загорѣвшуюся одежду; къ общему удивленію, онъ, обгорѣвшій какъ уголь, остался однако живъ, только безъ глазъ, да притомъ двоихъ Арнаутовъ ранилъ. Народъ, не зная, въ чемъ дѣло, тотчасъ вскочилъ и схватился за оружіе; но присутствіе духа воеводы и священнослужителей успѣло парализовать это первое движеніе, а затѣмъ дѣло выяснилось, и все обошлось мирно. Моментъ, однако, былъ роковой: какихъ-нибудь двѣнадцать Черногорцевъ и нѣсколько тысячъ вооруженныхъ Арнаутовъ—счетъ короткій. Путешественникъ пережилъ этотъ моментъ и подробно разказываетъ это происшествіе, произведшее на него потрясающее впечатлѣніе, какое впрочемъ испыталъ бы и всякій на его мѣстѣ.

„Во время моихъ многократныхъ путешествій я находился не разъ въ опасномъ положеніи, но никогда еще не переживалъ болѣе страшнаго момента, чѣмъ теперь", говоритъ авторъ (стр. 190). Не пускаясь въ подробности его повѣствованія, мы не можемъ однако не остановиться на томъ, что̀ даетъ намъ какую-нибудь черту, могущую послужить вкладомъ въ этнографію или другу̀ю соприкасающуюся съ нею науку.

До начала литургіи совершались жертвоприношенія. Клубки пряденой шерсти, свертки холста, куски сыра и масла, ягнята и цѣлые бараны приносились благочестивыми жертвователями въ церковь. прикладывались къ престолу и потомъ относились въ находящуюся стѣнка объ стѣнку компату—сакристію. Эту толпу путешественникъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Корпусъ каждаго былъ одѣтъ въ полотно или еще чаще въ принятую на Востокѣ матерію изъ бѣло-сѣрой шерсти; но и то, и другое было въ лохмотьяхъ и заплатахъ [1]). Головы были совершенно обнаженныя, и притомъ представ-

[1]) Эти выраженія должны быть значительно видоизмѣнены и смягчены. *А. О.*

лялись весьма некрасивыми! Волоса вплоть до косы длиною въ локоть, спускающіеся по спинѣ, были острижены гладко. Въ этомъ видѣ дикіе парни (K-rle) съ бѣгающими, бросающими искры глазами, скорѣе похожи были на кровожадныхъ краснокожихъ первобытныхъ лѣсовъ Америки, чѣмъ на „цивилизованныхъ“ и христіанскихъ обитателей Европы“ (стр. 188). Когда началась проповѣдь, содержаніе которой авторъ не могъ понять, всѣ слушали ее съ величайшимъ вниманіемъ. Пользуясь этимъ моментомъ, онъ производилъ свои этнографическія наблюденія надъ массой, чему благопріятствовало занимаемое имъ мѣсто.

„Я занималъ мѣсто“, говоритъ онъ,—„именно съ боку губернатора, на нѣсколько возвышенной, покрытой красными покрывалами почетной эстрадѣ. Оттуда мой взглядъ наблюдалъ не только то, что происходило передъ алтаремъ, но и сотни столпившихся одна возлѣ другой женщинъ на кладбищѣ, окружающемъ церковь. И дѣйствительно, на сколько ужасенъ былъ видъ мужчинъ, на столько привлекательны были представительницы пола женскаго. Не только нѣжный, бѣлый, слегка покрытый румянцемъ цвѣтъ лица, особенно выдающійся при черныхъ волосахъ и глазахъ, и тонкій овалъ, чѣмъ женщины южнаго типа на Балканскомъ полуостровѣ отличаются отъ югославянскихъ, даже одежда ихъ гораздо интереснѣе, чѣмъ этихъ послѣднихъ. Большая часть ихъ одѣта въ бѣлое. Именно ослѣпительной бѣлизны платками обмотаны были ихъ головы. Одежда на всей фигурѣ состояла, напротивъ, нерѣдко изъ различнаго цвѣта кусковъ. Всѣ носили на шеѣ цѣпь изъ блестящихъ золотыхъ монетъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ представляютъ небольшой капиталъ“ (стр. 189).

Описанный выше случай былъ причиною того, что путешественникъ отправился изъ Шникола не пообѣдавъ, на первой попавшейся ландрѣ (лодкѣ), вмѣстѣ съ цѣлою толпою Скадровъ, мужчинъ и женщинъ.

На сколько пріятно путешествіе въ лодкѣ изъ Скадра внизъ по теченію, на столько оно тяжело и скучно при путешествіи вверхъ воды. Сверху вы достигаете Шникола въ шесть или семь часовъ, а оттуда въ Скадръ не можете прибыть и въ двѣнадцать часовъ. Г. Шварцъ, отправившись въ полдень, долженъ былъ на пути заночевать и едва могъ достигнуть Скадра передъ вечеромъ. Собравшись въ путь среди общей суматохи, путешественникъ очутился въ немаломъ затрудненіи: пришлось отправиться не только не пообѣдавъ,

но и не имѣя ничего на дорогу, и въ добавокъ онъ попалъ въ общество Арнаутовъ, языка которыхъ не понималъ ни онъ, ни его „менторъ". Счастье, однако, выручило: въ видѣ ангела-избавителя явился одинъ Арнаутъ, по имени Августинъ, который служилъ въ различныхъ миссіяхъ у Европейцевъ, и потому зналъ нѣсколько европейскихъ языковъ. А главное, это былъ человѣкъ нѣсколько цивилизовавшійся, и сверхъ того, имѣвшій при себѣ что̀ съѣсть и попить.

Съ его помощью путешественники благополучно прибыли въ Скадръ, вынесши только впечатлѣніе муки отъ медленнаго плаванія и безпардоннаго веселья плывшихъ съ нимъ Арнаутовъ, ни на минуту не перестававшихъ пѣть, и вдобавокъ передъ самымъ Скадромъ остановившихся для пляски, такъ что остальной путь привелось совершить пѣшкомъ, а черезъ нѣкоторые рукава Дрина верхомъ на солдатахъ изъ турецкаго низама. На всемъ этомъ пути г. Шварцъ чувствовалъ себя какъ нельзя лучше, забывъ все происшедшее наканунѣ; для этнографіи онъ могъ отмѣтить только то, что, Скадарцы, по его наблюденіямъ во время пути—„почти самые веселые люди въ Европѣ" (стр. 195).

Тѣмъ интереснѣе наблюденія ученаго путешественника относительно Бояны.

„Бояна", говоритъ онъ,—„на нашихъ картахъ незначительная береговая рѣченка, вообще не имѣетъ чисто-европейскаго характера. Ее можно сравнить съ Дунаемъ по ту сторону Желѣзныхъ Воротъ. Совершенно подобная этой родной намъ рѣкѣ въ нижнемъ теченіи, она болѣе напоминаетъ намъ дикое величіе американскихъ гигантскихъ рѣкъ. Лѣниво течетъ и здѣсь грязно-желтая масса воды, превосходя шириной Эльбу у Дрездена въ два-три раза, и на столько глубокая, что самыя большія морскія суда могли бы проходить по ней. На бездонныхъ глубинахъ еще издали ясно видны водовороты. На нѣкоторыхъ мѣстахъ кажется, будто текущая стихія совершенно стоитъ, тогда какъ тотчасъ затѣмъ является теченіе въ теченіи и придаетъ новую, страшную быстроту. Часто попадаются цѣлыя плывущія деревья, уныло выставляющія свои облѣпленныя иломъ вѣтви и носимыя этою дикою рѣкой. Нерѣдко подобные павшіе великаны на мелкихъ мѣстахъ снова задерживаются на днѣ и угрожаютъ мимопроходящимъ судамъ. Многочисленныя чайки непрерывно носятся надъ шумящею и рокочущею рѣкой, чтобы тутъ или тамъ съ крякавьемъ пасть на воду и схватить кого-нибудь изъ обитателей воды, которыхъ эта рѣка плодитъ въ необыкновенномъ ко-

личествѣ. Чисто-американскій характеръ носятъ и берега, заключающіе рѣку. Большею частью они заросли настоящимъ первобытнымъ лѣсомъ. Густыя массы ильмовъ и ольхъ, обвитыхъ гирляндами подобныхъ ліанамъ вѣтвей ежевики, представляютъ собою совершенно непроницаемое сплетеніе. Часто надъ этимъ міромъ кустарника высятся осины, которыхъ мощные стволы достигаютъ высоты колокольныхъ башенъ. Мѣстами матово-зеленая туйя, это настоящее дитя американской пустыни, образуетъ непроницаемую заросль. Изрѣдка только, гдѣ попадаются деревья, эта слишкомъ роскошная флора принимаетъ болѣе умѣренный характеръ. Тогда выступаютъ орѣховыя деревья и смоквы, или дикій виноградъ, опутавъ кустарникъ, свѣшивается до воды своими гроздами. На мѣстахъ болотистыхъ, гдѣ нѣтъ лѣса, папоротникъ достигаетъ размѣровъ стоящаго рядомъ кустарника. Характеръ пустыни, который носятъ на себѣ эти картины, оправдывается еще больше ужаснымъ уединеніемъ, которое, какъ кошмаръ, принижаетъ все. Тутъ вы не видите ни легко несущагося парусваго судна, ни извивающихся, какъ червь, плотовъ, не говоря уже объ изящныхъ пассажирскихъ пароходахъ или кряхтящихъ туерахъ, чѣмъ у насъ оживляются водяные пути. Здѣсь пройдетъ только простой челнъ, подобно спугнутой дичи, поперекъ рѣки, чтобы перенести на ту сторону какія-нибудь оборваныя албанскія фигуры, которыя едва ступятъ на твердую землю, тотчасъ заряжаютъ свои длинныя ружья и исчезаютъ въ гущѣ лѣса. Часто приходится слышать раздавшійся выстрѣлъ. Стоило это жизни какому-нибудь животному, или убійственное дуло направлено было въ человѣческую грудь“ (стр. 197—98).

Почти на половинѣ пути къ рѣкѣ приближаются съ обѣихъ сторонъ горы, и тутъ на одномъ (правомъ) берегу воздвигнута цѣлая крѣпость, такъ-называемый, Бѣлой-градъ; на другомъ сильные шанцы. Эти укрѣпленія, какъ Гибралтаръ, защищаютъ проходъ по Боянѣ и въ то же время господствуютъ надо всею мѣстностью вверхъ и внизъ Бояны. За нимъ близко, послѣ множества извилинъ, пристань Оботы, гдѣ собираются на зимовку суда Ульцинянъ, и откуда начинается уже мелководье, не дающее судамъ доходить до Скадра. Это мелководье, или вѣрнѣе, засореніе русла производитъ впадающій немного выше Дринъ, который въ одномъ мѣстѣ рветъ плоскіе, мягкіе берега, а въ другомъ наноситъ острова и образуетъ мели.

Скадаръ съ перваго же шага произвелъ на путешественника непріятное впечатлѣніе дикимъ видомъ толпящихся на базарѣ „малисоръ“ (горныхъ Албанцевъ), по срединѣ котораго какъ разъ привелось

ему проходить. „Въ узкихъ улицахъ деревяннаго города“, говоритъ г. Шварцъ,—„толпились люди всѣхъ родовъ: Италіанцы и Греки, Босняки и Далматинцы, Турки и христіане, дикіе и цивилизованные. Какое разнообразіе физіономій и одѣяній! Но особенно кидались въ глаза горные Албанцы: въ самыхъ жалкихъ оборвышахъ, какихъ только можно себѣ представить, выглядывали настоящіе кандидаты висѣлицы, то какъ бы подкарауливающіе добычу, то принимающіе на себя гордую осанку. Вовсе не съ пріятнымъ чувствомъ я нѣсколько разъ могъ замѣтить, что на моего спутника, который въ своемъ черногорскомъ одѣяніи беззаботно продирался сквозь волнующуюся массу, они смотрѣли весьма враждебно. И какъ я обрадовался послѣ того, когда мы вышли изъ этого смрада и толкотни и вошли въ ресторанъ, который хоть и представлялъ собою нечто иное, какъ задымленную пещеру, но за то мы встрѣтили въ немъ цѣлую полдюжину давно не видѣнныхъ нами Черногорцевъ! Какъ жалъ я руки этимъ честнымъ малымъ! Между ними мы чувствовали себя совершенно безопасными, и намъ было пріятно“ (стр. 211). Четверо изъ нихъ тутъ же подряжены были везти на другой день путниковъ въ своей лодкѣ Скадрскимъ озеромъ до Плавницы, ближайшей пристани къ Подгорицѣ. Поѣздка, однако, состоялась только черезъ день вслѣдствіе неблагопріятной погоды.

Непріятное впечатлѣніе усилилось еще болѣе, когда хозяинъ гостинницы таинственно объявилъ, что одинъ изъ чиновниковъ полиціи все время слѣдилъ за вновь прибывшими и сдѣлалъ ему цѣлый допросъ; затѣмъ явился этотъ самый человѣкъ съ требованіемъ, чтобы путешественники отправились съ нимъ въ полицію, чего однако они не исполнили, и ставъ подъ покровительство своихъ консуловъ, послали только свои паспорты съ консульскими кавасами; на другой же день послѣ того они плыли уже по озеру. Встрѣтившій ихъ вскорѣ противный вѣтеръ принесъ было еще больше непріятности, потому что имъ привелось остановиться въ одномъ заливѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, по увѣренію лодочниковъ, еслибы заночевали, никто не остался бы живъ отъ Арнаутовъ. Но съ полудня вѣтеръ перемѣнился, и они благополучно достигли цѣли. Лодка не могла подойдти къ селу, и потому пришлось оставить ее и пройдти нѣсколько пѣшкомъ.

„Лодка осталась сама въ болотѣ“, продолжаетъ г. Шварцъ,—„но мы громко выражали нашу радость, потому что земля, на которую мы теперь вступили, составляла территорію Черногоріи, дружественной намъ земли. И что за пріятный видъ представился нашимъ глазамъ на первомъ же шагу! На сочномъ лугу, какъ бы привѣтствуя

насъ, всюду встрѣчались намъ пестрые луговые цвѣты моего отдаленнаго сѣвернаго отечества; жеребята рѣзвились по широкому простору равнины; мимо насъ проходили коровы такія крупныя, какихъ мы нигдѣ послѣ не встрѣчали, и длинношерстныя овцы, которыхъ вели за собою загорѣлые, крѣпкаго сложенія пастухи. Не менѣе отрадно смотрѣло и селеніе, котораго мы скоро достигли. Чистенькіе каменные домики большею частью скрываются въ зелени садовъ, среди которыхъ стоятъ большія тутовыя и другія плодовыя деревья. Растительность была роскошная; сочная зелень, густота листвы и цвѣтовъ на деревьяхъ были всюду необыкновенны, такъ что вѣтви ихъ достигали заборовъ, идущихъ вдоль плохой деревенской дороги. Виноградная лоза съ густою листвой взвивается на верхъ тонкихъ тополей, или придружившись къ кустарнику изъ дуба, ясеня и боярышника, сплелась съ ними въ одну непроницаемую стѣну. Въ довершеніе впечатлѣнія теплоты жизни, мимо насъ двигались поселяне въ своемъ пестромъ народномъ костюмѣ со скрипящими двухколесными телегами или съ плугами, и не пропускали привѣтливо сказать намъ: „Добрый вечеръ“ (стр. 231—232). Любезный пріемъ, хорошее угощеніе и ночлегъ у надзирателя соляныхъ магазиновъ исцѣлили окончательно всѣ боли недавняго прошлаго.

На другой день къ обѣду д-ръ Шварцъ былъ уже въ Подгорицѣ. Осматривая городъ и дѣлая визиты для знакомствъ, онъ счелъ долгомъ посѣтить и воеводу Марка Миланова, въ то время бригадира и главнаго представителя политической власти. Разказъ объ этомъ визитѣ интересенъ вдвойнѣ: какъ характеристика извѣстнаго героя, и какъ выраженіе сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ на автора.

„Мы вошли во дворъ; во внутренности его кругомъ были различныя постройки, которыя украшались только галлереей, тянущаяся вдоль втораго этажа главнаго зданія. Поднявшись по лѣстницѣ и пройдя галлерею, мы вступаемъ въ просторную комнату, отдѣланную внутри деревомъ. На коврахъ, разостланныхъ вдоль стѣнъ, сидѣли Турки и благодушно разговаривали съ какимъ-то человѣкомъ, который при нашемъ появленіи быстро вскочилъ и привѣтствовалъ насъ самымъ сердечнымъ образомъ. Это былъ Марко Милановъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ героевъ Черногоріи, и въ то же время, одна изъ наиболѣе прославляемыхъ и популярнѣйшихъ личностей въ странѣ. Онъ въ дѣйствительности заслуживаетъ и того и другаго славу и любовь.

„На корпусѣ, по истинѣ гигантскомъ, сидитъ голова съ такимъ

открытымъ, честнымъ, искренность выражающимъ лицомъ, что при первомъ взглядѣ на этого человѣка отдаешься ему вполнѣ. Въ его глазахъ отражается безумная храбрость и вмѣстѣ съ тѣмъ лукавое добродушіе. Волосы у него бѣлы, какъ снѣгъ, но эластичная походка, сила и живость, выражающіяся во всѣхъ его движеніяхъ, ясно указывали, что онъ посѣдѣлъ не подъ бременемъ лѣтъ. Онъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ. Но чего не продѣлалъ этотъ мощный герой! Безчисленны раны на его великанскомъ тѣлѣ, и еслибъ онъ не былъ весь изъ стали и желѣза, его давно не было бы въ живыхъ. Онъ, однако, отплатилъ своимъ непріятелямъ за все, что̀ они ему сдѣлали, даже въ десять разъ. Въ нѣкоторыхъ дикихъ рукопашныхъ схваткахъ, гдѣ Турки, окруживъ его отовсюду, впередъ считали его вполнѣ въ своихъ рукахъ, онъ сѣкъ имъ головы, какъ репейникъ, и побивалъ ихъ массами, какъ Самсонъ, когда его Филистимляне связали веревками и считали, что онъ въ ихъ рукахъ. Когда мы посидѣли нѣсколько времени у этого прекраснѣйшаго человѣка, онъ вдругъ поднялся со словами: „Чтобы вамъ, моимъ лучшимъ друзьямъ, оказать наибольшую честь, какая только можетъ быть на Востокѣ, я поведу васъ и въ мой гаремъ". Признаюсь, я былъ пораженъ этими словами. Это турецкое безобразіе въ христіанскомъ домѣ? Такой хорошій человѣкъ—рабъ женщинъ? Несмотря на то, я пошелъ за нимъ. По узкому корридору мы вступили въ другую половину палаццо (Palast). Воевода постучалъ въ дверь, и на отвѣтъ „войдите" мы вошли въ „гаремъ". Но что̀ представилось моимъ глазамъ? Не въ фантастическихъ прическахъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями украшенныя одалиски, которыя въ разлѣнивающей роскоши покоятся на мягкихъ постеляхъ; нѣтъ, у задней стѣны совершенно просто, но удобно убранной комнаты сидѣла женщина за швейною машиной. Она была одѣта совершенно по европейски и напомнила мнѣ собою нѣмецкую бюргершу. Подлѣ нея въ простой колыбелькѣ покоился ихъ маленькій сынокъ" (стр. 240—241).

„Признаюсь, я совершенно окаменѣлъ", продолжаетъ авторъ.—„Эта неожиданная для меня идиллія, эта картина счастливой, напоминающей мнѣ мое далекое отечество и лучшія стороны, и высшее благо нашего нѣмецкаго народа, мирной жизни героя, который привыкъ махать окровавленнымъ мечомъ, чуть не вызвало слезы на моихъ глазахъ". Въ заключеніе авторъ высказываетъ желаніе, чтобы Черногорцы стремящіеся быть подобными этому герою въ военныхъ подвигахъ, приняли себѣ за примѣръ и его прекрасную домашнюю жизнь. Далѣе

онъ разказываетъ исторію женитьбы воеводы, извѣстную уже изъ другихъ сочиненій.

Въ Подгорицѣ г. Шварцъ пробылъ только полдня: походилъ по базару, осмотрѣлъ старую турецкую крѣпость, разрушенную еще при Туркахъ громомъ; зазванъ былъ въ читальню, затѣмъ его зазвалъ къ себѣ на кофе и ракію священникъ. Вообще въ угощеніяхъ такого рода не было недостатка; а дѣти, встрѣчавшіяся на улицѣ и скидавшія шапки, понравились автору своею вѣжливостью.

Желая въ возможно кратчайшее время видѣть сколько возможно больше, то-есть, обозрѣть большее пространство, д-ръ Шварцъ не осматривалъ ничего около Подгорицы, не поѣхалъ посмотрѣть даже знаменитую Діоклею, а отправился на другой же день дальше и весь тотъ путь, видимо, совершилъ также слишкомъ быстро, вслѣдствіе чего и въ его книгѣ на всемъ пути до Шавникъ не встрѣчается ничего почти, кромѣ описанія мѣстности и квартирныхъ удобствъ или неудобствъ. Въ Никшичѣ по пути, при входѣ въ городъ, онъ осмотрѣлъ принадлежащее князю заведеніе для приготовленія швейцарскаго сыра подъ управленіемъ Швейцарца Шевалье.

Шавники г. Шварцъ называетъ Chamounix Черногоріи и приходитъ въ восторгъ отъ этой по истинѣ прелестной мѣстности. Здѣсь его поразила квартира: „Мы очутились въ комнатѣ, обстановка которой заставляла насъ задать себѣ вопросъ: не заколдованы ли мы, и передъ нами, какъ въ сказкѣ, въ дикихъ скалахъ оказалась дверь, ведущая въ зачарованный маленькій замокъ". Какъ ни тѣсно было помѣщеніе, но все въ немъ было такъ чисто и уютно, начиная со стѣнъ и оканчивая постелью, что лучшаго комфорта нельзя было и желать. Ужинъ былъ изготовленъ также превосходно. Но что̀ больше всего очаровало путешественника, это сами хозяева, мужъ и жена, молодые люди, недавно только женившіеся. Между ними также были отношенія, основанныя на полномъ равенствѣ, какъ между воеводой М. Милановымъ и его женой.

Въ Шавникахъ авторъ снялъ одну группу и одинъ ландшафтъ, который приложенъ къ книгѣ, но къ сожалѣнію, не вполнѣ передаетъ характеръ мѣстности, такъ какъ вершины ближнихъ горъ срѣзаны. Послѣ пріятныхъ впечатлѣній испытанныхъ въ Шавникахъ, автору на слѣдующій же вечеръ привелось испытать совершенно противное въ вершинахъ р. Тушины подъ Соминой. Грязный, крайне непривѣтливый до грубости хозяинъ, такая же грязная многочисленная семья;

точно такіе же сосѣди, которые собрались, чтобы надоѣдать путешественникамъ своими безцѣльными разпросами, тогда какъ имъ нужно дать успокоиться,—вотъ что̀ ихъ встрѣтило на новомъ ночлегѣ. Чтобы добиться покоя, ему пришлось просто прервать всякій разговоръ. Тогда сосѣди разошлись, а домашніе улеглись спать.

Далѣе интереснѣе послушать разказъ самого автора: „По приказанію хозяина, дверь была забаррикадирована для защиты противъ медвѣдей и волковъ, которые здѣсь часто производятъ ночныя посѣщенія домовъ; деревянными ставнями затворили отверстія, служащія вмѣсто оконъ, и задули лампу, въ которой сученая шерстаная нить, напитанная жиромъ, служила фитилемъ. Мы были плѣнники. Непроницаемый мракъ окружалъ насъ. Все это, конечно, заставило бы насъ бояться, еслибы въ миролюбіи нашихъ хозяевъ не убѣдило насъ скоро послышавшееся храпѣніе ихъ. Не смотря на то, я не рѣшился снять съ себя ничего изъ одежды и спалъ въ полномъ одѣяніи, держа увѣсистую палку въ правой рукѣ, или лучше сказать, вовсе не спалъ. Въ этомъ жалкомъ помѣщеніи было слишкомъ жарко и душно. И если отъ утомленія я впадалъ въ нѣкоторое забытье, то скоро пробуждали меня противныя кошки, которыя шлялись черезъ мою голову, или какое-то мелкое насѣкомое, которое наползало со всѣхъ сторонъ, для того чтобы мучить нѣжнаго жителя Запада. Но всему есть конецъ. Черезъ скважину въ крышѣ въ нашу хижину проникъ матовый свѣтъ сумерекъ, и какую оригинальную картину онъ освѣтилъ! Плотно одинъ къ другому уложены были по всему полу бѣлосѣрые свертки. Только тамъ или сямъ обнаженная рука или высунувшаяся наружу нога выдавала, что въ этихъ безформенныхъ кучахъ скрываются живыя существа“ (стр. 305).

На другой день путешественники благополучно достигли Колашина передъ вечеромъ; но д-ръ Шварцъ захотѣлъ въ тотъ же день попасть и въ Морачскій монастырь и за то подвергся тяжелому испытанію. Скоро наступилъ мракъ; а путешествіе по горамъ извѣстно какое! Еслибы съ нашими странниками не было цѣлой свиты провожатыхъ, то они или изувѣчились бы, или должны бы были заночевать подъ открытымъ небомъ. „Силы мои совершенно истощились“, сознается онъ самъ.—„Я упалъ бы съ лошади, еслибы меня не поддерживали съ боковъ мои любезные спутники. Справа и слѣва они держали меня своими сильными руками, и такимъ образомъ, болѣе несомый, чѣмъ двигаясь собственными силами, я послѣ небольшаго подъема вступилъ въ монастырскій дворъ; поднимаюсь еще не-

много по лѣстницѣ и нахожусь въ ярко освѣщенной комнатѣ. Но я не обращалъ вниманія на принесенныя блюда и бутылки, которыя были поставлены на столъ съ чистою скатертью; опустился на софу и тотчасъ впалъ въ крѣпкій сонъ, отъ котораго только на половину пробудился, когда меня вели по длинному корридору въ другую комнату и положили тамъ на кровать. Но мы тогда были въ дорогѣ отъ 4 часовъ утра до 11 часу ночи". (стр. 316).

Если г. Шварцъ нигдѣ не испытывалъ бо̀льшаго страха, какъ въ Шиноколѣ (на Боянѣ), то никогда также не испытывалъ онъ бо̀льшаго утомленія, какъ здѣсь. Послѣ этого онъ имѣетъ полное право сказать, что не только знаетъ черногорскія дороги, но и испыталъ, какъ нелегко по нимъ путешествовать, особенно на собственныхъ ногахъ. Подошвы его сапоговъ изъ русской юфти сдались еще раньше.

Въ Морачѣ онъ снялъ три вида, изъ которыхъ два вполнѣ удачны, а одинъ, представляющій дворъ съ частью церкви, неудаченъ въ томъ отношеніи, что не представляетъ всей церкви, чего она заслуживаетъ по своей архитектурѣ, въ которой изящество соединено съ простотой, и какъ единственная уцѣлѣвшая постройка отъ стараго времени (1253 г.); притомъ церковь вся весьма красиво покрыта мелкими дощечками, а отнюдь не соломой, какъ это показываетъ картинка.

Еще одну ночь г. Шварцъ провелъ въ Ровцахъ, гдѣ видѣлъ бѣгающихъ дѣтей совершенно голыми, а взрослыхъ безъ рубашекъ, идущихъ за плугомъ, и также испыталъ гостепріимство бѣдняка. На предложеніе Шварца заплатить хозяину что нибудь за ночлегъ и за то, что онъ для него зарѣзалъ козленка, тотъ отвѣтилъ: „Мы бѣдны; но угощаемъ нашихъ друзей не за деньги. Ваше посѣщеніе принесло намъ честь и радость" (стр. 326).

Оканчивая на этомъ обозрѣніе первой части сочиненія д-ра Шварца, и прежде чѣмъ приступить ко второй, считаемъ нужнымъ подвести итогъ тому, что̀ нашли въ этой первой части, и высказать о ней свое сужденіе.

Мы уже имѣли случай заявить, что правдивость и точность составляютъ одно изъ достоинствъ книги д-ра Шварца. Вообще говоря, этими качествами въ особенности отличается первая часть. Авторъ не пропускаетъ ни малѣйшихъ подробностей: и какъ ему на одномъ пиршествѣ случилось откупорить бутылку съ пивомъ съ помощью двухъ вилокъ и возбудить тѣмъ всеобщее удивленіе; и какъ

онъ же на Боянѣ, къ общему удовольствію дѣтей, дѣлалъ свистульки изъ кожи, снятой съ вербоваго прута; далъ ли ему кто на пути папироску или вынесъ молока напиться, — все, все вошло въ его книгу, нашло себѣ мѣсто и получило свое освѣщеніе. Эти мелочи и красятъ разказъ путешественника. Но все-таки должно сказать, д-ру Шварцу не достаетъ настоящей простодушной наивности; всякая мелочь, какъ будто для того только и упоминается имъ, чтобы сдѣлать изъ нея какой-нибудь выводъ. Для этого онъ иногда не только впадаетъ въ натяжки, но и просто искажаетъ факты. Такъ описывая богатые костюмы на Черногорцахъ, видѣнныхъ имъ на Цетиньѣ во время парада передъ русскимъ генераломъ, онъ говоритъ въ заключеніе: „Но на сколько блестящъ костюмъ мужчинъ, на столько простъ и лишенъ всякаго украшенія костюмъ женщинъ, какъ мы это часто видимъ у первобытныхъ народовъ (Naturvölker), и что̀ совершенно противно нашей модѣ. Впрочемъ въ животномъ мірѣ почти всегда наружность самца богаче и болѣе кидающаяся въ глаза, чѣмъ у самокъ“ (стр. 70).

Не останавливаясь на умѣстности или неумѣстности такого заключенія, мы должны высказать крайнее удивленіе, какъ такой точный наблюдатель не полюбопытствовалъ разспросить людей о женскомъ костюмѣ, если самъ не имѣлъ случая видѣть, такъ какъ въ парадѣ передъ русскимъ генераломъ женщины не участвовали, а продолжали тѣмъ временемъ свои обыденныя занятія. Онъ могъ бы кого-нибудь попросить показать, и тогда увидѣлъ бы, что костюмъ женскій тоже не бѣденъ. Всякая замужняя женщина, кромѣ самой бѣдной, имѣетъ серебряный поясъ (тьемеръ), иногда позолоченный, съ большими пряжками (павто), и еще вдобавокъ украшенный каменьями, сердоликомъ или крупными кораллами, а есть и съ бирюзой. Такой поясъ дешевле 100 гульденовъ не можетъ стоить, а часто 200 и больше. На шеѣ ожерелье (дьерданъ) изъ монистъ, стоимость котораго тоже отъ ста и болѣе флориновъ. Платокъ на головѣ шелковый, большею частью темнаго цвѣта, иногда съ полосами, или какого-нибудь одного свѣтлаго цвѣта, не можетъ быть дешевле 6 гульденовъ. Онъ прикалывается на головѣ булавкой съ большою серебряною головкой и съ серебряною же цѣпочкой въ одну нить или въ нѣсколько. Рубашка вышита золотомъ и шелкомъ по узкому вороту и по разрѣзу на груди, а также расшиты рукава и плеча. Коретъ (кафтанчикъ бѣлаго сукна безъ рукавовъ) также бываетъ расшитъ золотомъ по угламъ, но это новая мода. Юбка шелковая или шерстяная. У мужчинъ все

богатство въ шитомъ золотомъ джемаданѣ или дьечермѣ (грудное одѣянье безъ рукавовъ), и сверхъ того, и то не всегда, носимый сверхъ гуня (бѣлаго суконнаго кафтана) елекъ (тоже родъ жилета). И все это вмѣстѣ можетъ стоить до 200 гульденовъ. Есть еще тьпптерацъ (родъ ментика, краснаго сукна съ золотымъ шитьемъ и шелковою подкладкой), но его носятъ только придворные люди, воеводы (и то не всѣ) и рѣдко, рѣдко кто изъ простыхъ побогаче. Но за то и жены ихъ одѣваются богаче, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы говорили. Еще есть дорогая принадлежность черногорскаго костюма—тóки: это родъ латъ (въ сущности когда-то это и были латы). Но ихъ вы встрѣтите больше всего у Герцеговинцевъ, и они держатся отъ старины, а вновь почти никто не дѣлаетъ, исключая опять-таки людей придворныхъ или богатыхъ. Дороже всего, конечно, стоитъ оружіе: ножъ—въ богатой оправѣ и леденицы—пистолеты, оправленные серебромъ.

Въ добавокъ г. Шварцъ говоритъ, что черногорскія женщины носятъ черный чунь. Признаемся, это намъ новость: кромѣ бѣлыхъ, мы никогда не видали во всей Катунской нахіи, а въ Дробнакахъ, костюмъ которыхъ онъ такъ хвалитъ, это есть: именно, если не черный, то темносиній, иногда темномалиновый. А между тѣмъ авторъ уже спѣшитъ сдѣлать выводъ по поводу этого небывалаго чернаго кафтана: въ Черногоріи-де, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ присвоенъ только черный цвѣтъ, цвѣтъ работы и подчиненія женщинѣ.

Понятно, что авторъ увлекся тутъ своею любимою мыслію — о страшномъ порабощеніи черногорской женщины. Да, это правда: она задавлена работой. Но это обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что мужъ ея всегда или на войнѣ, или на стражѣ, такъ какъ въ Черногоріи никогда почти нѣтъ мирнаго положенія. Но вѣдь и въ остальной Европѣ женщина, если не имѣетъ большихъ средствъ, развѣ не поглощена также вся кухней, приборкой въ домѣ, обшиваніемъ дѣтей и вообще уходомъ за ними?

Д-ру Шварцу не извѣстно, что черногорская женщина подчиняется своему мужу на столько, на сколько и онъ вѣренъ ей и своему долгу передъ домомъ и семьей; въ противномъ же случаѣ она отомститъ ему, какъ отомстилъ бы и онъ ей, то-есть, пулей или ножомъ, или же потребуетъ развода, и добьется своего. И если только она пойдетъ на то, то она ничего не испугается. Такого духа въ рабахъ

не бываетъ. Рабы притомъ плохіе воины, а черногорская женщина, гдѣ случится, не побѣжитъ и изъ боя.

На сколько для предостереженія читателя, на столько же и въ оправданіе автора, я долженъ замѣтить, что въ описаніяхъ г. Шварца иногда проскальзываетъ неточность, вслѣдствіе того, что онъ, желая быть добросовѣстнымъ, слишкомъ гонится за мелочами, которыя однако легко утрачиваются изъ памяти. Онъ дѣлаетъ иногда такія ошибки, которыя для знающаго человѣка очевидны какъ опечатки, но не знающаго введутъ въ заблужденіе. Такъ, послѣ правдиваго и весьма интереснаго описанія способа укладыванія дѣтей спать на первомъ ночлегѣ въ Церминцѣ, онъ разказываетъ свои наблюденія ночью, какъ стаями мыши и крысы бѣгали по полу и грызли кости, брошенныя послѣ ужина. Это даетъ читателю поводъ вывести заключеніе, что у Черногорцевъ, какъ у какихъ-нибудь Эскимосовъ, гдѣ ѣдятъ, тутъ такъ и бросаютъ на полъ кости и всѣ остатки. Совсѣмъ напротивъ. При всемъ недостаткѣ чистоты, у Черногорцевъ есть обычай послѣ всякой ѣды непремѣнно собрать со стола всѣ крошки и бросить ихъ въ огонь или дать курамъ, а полъ подмести. Тѣмъ менѣе возможно это въ Церминцѣ, жители которой отличаются чистотой и порядочностью, и еще въ домѣ капитана, который не могъ не обратить вниманія на чистоту и ради своихъ необыденныхъ гостей.

Не менѣе фальшиво звучитъ и разказъ г. Шварца подъ Соминой въ вершинахъ рѣки Тушины. Хозяинъ дома, куда пришли путешественники, узнавъ, что д-ръ Шварцъ—Нѣмецъ, выразился такъ: „Жаль, что ушелъ Турокъ, который только что здѣсь былъ; а то они разговорились бы между собою". И эти слова авторъ комментируетъ слѣдующимъ образомъ: „По его понятію, нѣтъ на свѣтѣ другаго языка, кромѣ сербскаго и языка ихъ враговъ, послѣдователей ислама" (стр. 302). Во первыхъ, Турокъ, который могъ быть тамъ, это изъ Герцеговины, или изъ другого сосѣдняго мѣста, гдѣ настоящихъ Турокъ нѣтъ, а все Сербы-потурченцы или Арнауты. Во вторыхъ, всякій Черногорецъ былъ въ Которѣ и знаетъ, что есть еще языкъ италіанскій. А наконецъ, онъ знаетъ и Англичанъ, и Французовъ, и знаетъ, что всякій изъ нихъ говоритъ своимъ языкомъ, и ни съ кѣмъ изъ нихъ не можетъ разговаривать на своемъ собственномъ языкѣ настоящій Турокъ.

Странно также какъ-то описанъ костюмъ Арнаутовъ, которыхъ г. Шварца видѣлъ во время праздника въ Шипколѣ. Ихъ обычный костюмъ—бѣлаго грубаго сукна куртка и такія же панталоны, съуживаю-

щіяся книзу такъ, что у щиколки они совершенно въ обтяжку, и какъ то, такъ и другое, обложено по швамъ и на другихъ мѣстахъ чернымъ шерстянымъ шнуркомъ; косы они не носятъ, а подстригаютъ сзади, какъ у насъ, въ кружокъ; иные запускаютъ ихъ рости, но не ниже плечъ, спереди же немного подбриваютъ; иные же стригутся гладко. Откуда же вышло то, что они по наружности показались г. Шварцу „скорѣе похожими на краснокожихъ первобытныхъ лѣсовъ Америки, чѣмъ на цивилизованныхъ и христіанскихъ жителей Европы"? (стр. 188).

Нѣкоторыя мѣста просто не знаешь, какъ понять, именно вслѣдствіе того, что автору хочется сообщить то, чего онъ своими глазами не видалъ, а только предполагаетъ. Напримѣръ, вотъ что̀ г. Шварцъ видѣлъ на Цетиньѣ изъ окна своей квартиры рано утромъ, когда народъ только что сталъ пробуждаться: „Многія женщины выходили изъ домовъ, чтобы совершить свой утренній туалетъ. Для этого онѣ лили изъ горшечковъ воду на руки. Замѣчательно, что при исполненіи этого омовенія, онѣ гораздо болѣе заботились о волосахъ, чѣмъ о лицѣ, что̀ замѣтилъ я также и во время моего путешествія" (стр. 83). Что̀ это значитъ—онѣ мыли на улицѣ свои волосы, или расчесывали ихъ? Что около женскихъ волосъ больше хлопотъ, чѣмъ около лица, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но смѣю увѣрить, что этого не дѣлается никогда наружу. Расчесывая свои волосы, женщина кроется даже отъ своихъ домашнихъ, удаляется для этого въ какую-нибудь отдѣльную коморку, а иногда кое-какъ помѣститъ ихъ подъ покрываломъ, чтобы только никто не видѣлъ этого, потому что это, по народнымъ понятіямъ, стыдъ и даже грѣхъ. Таковъ обычай у черногорскихъ женщинъ, какъ у замужнихъ, такъ и у дѣвушекъ, которыя начинаютъ заплетать косу лѣтъ съ 14-ти. Косы ихъ никто не долженъ видѣть; поэтому дѣвушка въ такой порѣ сверху шапочки пришпиливаетъ платочекъ для прикрытія косъ, или совсѣмъ обвязываетъ голову подъ подбородокъ; а замужняя покрываетъ голову большимъ платкомъ, какъ бы ни были прекрасны ея волосы. И еслибы кто либо осмѣлился приподнять на дѣвушкѣ капицу (шапочку) съ головы или платокъ съ замужней женщины, она можетъ ударить того, чѣмъ попало и по чему попало, и она не будетъ отвѣчать передъ закономъ, который особенно строгъ противъ подобнаго рода увѣчій. Это одна изъ этнографическихъ чертъ черногорскаго народа, которая приведеннымъ мѣстомъ опровергается, но конечно совершенно бездоказательно.

Читая серьезное сочиненіе, особенно этнографическій очеркъ, не-

пріятно встрѣтить нѣчто напоминающее наши лубочныя картинки, на которыхъ какого нибудь-героя иначе не представляютъ, какъ великаномъ, однимъ взмахомъ сабли посѣкающимъ сотни непріятельскихъ головъ. У г. Шварца почти такъ представленъ воевода Маркъ Милановъ. Онъ прежде всего гигантъ; въ лицѣ его такъ и читаете не знающую предѣловъ храбрость, откровенность, честность, вѣрность; въ каждомъ движеніи его видны сила и ловкость; и чего только не продѣлалъ этотъ герой! Окруженный однажды со всѣхъ сторонъ Турками, онъ рвалъ имъ головы, какъ головки татарника, и цѣлыя массы ихъ побивалъ, какъ Самсонъ Филистимлянъ.

Оставимъ въ сторонѣ „преданья старины глубокой" о Самсонахъ, Ахиллесахъ и имъ подобныхъ: мы не можемъ подвергать ихъ современной критикѣ; а отъ современнаго писателя намъ пріятнѣе было бы получить чистые факты, прослушать какой-нибудь эпизодъ изъ геройской жизни описываемаго имъ воеводы, въ которомъ фактически, сами собою, видны были бы всѣ присвоенныя ему авторомъ качества. А кстати было бы приложить и его портретъ съ хорошей фотографіи. Что же касается портрета, представленнаго авторомъ, то можемъ замѣтить — онъ далеко не отвѣчаетъ подлиннику: во первыхъ, ростъ его между Черногорцами не представляется особенно высокимъ; лицо его не такъ открыто, чтобы можно было на немъ такъ легко читать. Вотъ его главныя черты: оно довольно коротко, лобъ не широкій, а густые волосы, густо спускающіеся изъ-подъ шапки, еще больше закрываютъ его; держится онъ обычно немного сутуловато и смотритъ понурно — свойство всѣхъ людей, смолоду начавшихъ вести жизнь хайдука, какимъ былъ Марко, но конечно, въ лучшимъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ также и простымъ чобаниномъ, и эти два періода своей жизни вспоминаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ этой жизни въ тѣсномъ общеніи съ природой, которую Марко такъ любитъ,—жизни, полной тревогъ и приключеній, много поэзіи; а онъ—поэтъ въ душѣ. Этому періоду принадлежатъ и самые отчаянные подвиги храбрости, которыми онъ сначала пріобрѣлъ вліяніе и власть надъ умами своихъ соотечественниковъ, а потомъ обратилъ на себя вниманіе и заслужилъ довѣріе князя Данiила, и съ тѣхъ поръ пріобрѣтаетъ себѣ все больше и больше громкое имя героя. Героизмъ его, однако, вовсе не показный. Онъ смотритъ просто, добродушно и любитъ выставить только свою вѣрность старымъ привычкамъ чобана и земледѣльца: дайте ему овецъ, которыхъ бы онъ пасъ, пчелъ, за которыми бы ухаживалъ,—вотъ и все, что ему нужно. Его отношенія

къ женѣ дѣйствительно составляютъ рѣдкое исключеніе въ Черногоріи, и это не единственный примѣръ. На этомъ нельзя было не остановиться; но у г. Шварца и это вышло какъ-то дѣланно. Такая же дѣланность является не на одномъ мѣстѣ въ сочиненіи д-ра Шварца. При описаніи базара въ Скадрѣ, напримѣръ, онъ говоритъ, что тамъ увидѣлъ людей всѣхъ сортовъ: Италіанцевъ и Грековъ, Босняковъ и Далматинцевъ, Турокъ и христіанъ, дикихъ и цивилизованныхъ, и при этомъ восклицаетъ: „Какое разнообразіе физіономій и одѣяній!" Но умѣстнѣе было бы показать фактично это разнообразіе вмѣсто голаго перечня народностей и пустого возгласа; „у него этого-то и нѣтъ„. Только о горныхъ Албанцахъ онъ выразился, что въ каждомъ такъ и видится висѣльникъ Въ дѣйствительности же разнообразія народностей здѣсь нѣтъ по крайней мѣрѣ, въ такой степени, чтобъ оно кидалось въ глаза. Какой-нибудь десятокъ Италіанцевъ или Грековъ, если и есть, то ихъ вы и не примѣтите въ такой массѣ народа (а собственно говоря, ихъ и не было), о Далматинцахъ и помину нѣтъ: имъ не зачѣмъ тутъ и быть. Босняковъ тамъ тоже не могло быть; а это только Подгоричане и Никшичане, эмигрировавшіе изъ Черногоріи. Но первые не отличаются костюмомъ отъ Арнаутовъ, а послѣднихъ весьма мало, и они не составляютъ такой рѣзкой разницы въ цѣлой массѣ. Есть, конечно, разница въ одеждѣ пришедшихъ поселянъ и туземцевъ горожанъ, и между послѣдними разница въ одеждѣ между католиками и магометанами; но этого намъ и не показываетъ авторъ.

По рефератамъ о публичныхъ чтеніяхъ г. Шварца насъ интересовали гораздо больше, чѣмъ текстъ, снятыя путешественникомъ фотографіи, какихъ до сихъ поръ не имѣется изъ Черногоріи, да и трудно имѣть другому путешественнику: онъ путешествовалъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ этомъ отношеніи мы однако ошиблись: у г. Шварца издана только малая часть картинъ, и тѣ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не выполнены какъ слѣдуетъ. Въ картинѣ Шавникъ, напримѣръ, текущая справа р. Шавникъ слишкомъ мало замѣтна изъ-за домовъ; а р. Бѣлая, текущая слѣва и столь же широкая, какъ Буровица, съ которою она соединяется, совершенно не существуетъ, и на мѣстѣ ея очутилось поле. Потомъ, для читателя необходимо было бы дать хотя какое-нибудь объясненіе изображенныхъ предметовъ; особенно это нужно для картины Цетинья.

II.

Обращаемся ко второй части сочиненія г. Шварца.

Подъ скромнымъ именемъ „Географіи Черногоріи“ вы найдете у него цѣлыхъ главъ: 1) литература предмета; 2) названіе страны; 3) горизонтальное расчлененіе поверхности; 4) вертикальное раздѣленіе территоріи съ таблицею высотъ; 5) замѣтки по геологіи и минералогіи съ анализомъ найденнаго петролея; 6) климатъ; 7) гидрографія; 8) флора; 9) фауна и 10) населеніе.. Всего 132 страницы или болѣе одной четверти книги. На первой главѣ мы не будемъ останавливаться, потому что въ ней приводится только дневникъ Барта, который путешествовалъ въ 1865 году черезъ Подгорицу и потомъ долинами Морачи и Тары въ Колашинъ, Майковацъ и далѣе,—дневникъ, не представляющій въ настоящее время никакого особеннаго интереса; остальной литературы предмета авторъ почти и не касается. Въ этой же главѣ говорится о картографіи; здѣсь все сводится къ одному заключенію, что всѣ карты неточны, неправильны, и на всѣхъ неудачно написаны славянскія имена, вслѣдствіе чего авторъ предлагаетъ свой собственный способъ, съ которымъ познакомимся изъ его картъ и другихъ мѣстъ сочиненія. Отдѣльная глава объ имени страны представляетъ 5 страницъ, ни къ чему не нужныхъ и ничего не разрѣшающихъ; а подъ заглавіемъ „горизонтальное расчлененіе поверхности“ заключаются разсужденія автора о политическихъ границахъ Черногоріи, о ихъ несовершенствѣ и о томъ, гдѣ онѣ должны были бы пройдти. Къ этому мы возвратимся въ концѣ статьи, такъ какъ самъ авторъ обращается къ тому же вопросу и при концѣ своей книги.

Останавливаетъ наше вниманіе на первый разъ глава о вертикальномъ дѣленіи территоріи.

Не видѣвъ еще значительной части Черногоріи, д-ръ Шварцъ, конечно, долженъ былъ главнымъ образомъ обратиться къ имѣющимся по этому предмету книгамъ и картамъ. Но и личное знакомство хоть съ частью мѣстности—а онъ захватилъ значительную ея часть своимъ путешествіемъ—должно было значительно облегчить его задачу. Прежде всего, конечно, онъ обратилъ вниманіе на направленіе хребтовъ и лежащихъ между ними, зависящихъ отъ ихъ направленія долинъ, равнинъ или какихъ бы то ни было углубленій почвы. Затѣмъ идетъ геологическое строеніе. Первое можно усмотрѣть по

картамъ и потомъ легко схватить простымъ наблюденіемъ; для втораго же необходимо спеціальное научное изслѣдованіе. За неимѣніемъ, однако, этого послѣдняго, ученому натуралисту руководящею нитью могли служить наблюденія каменныхъ породъ и находящихся въ связи съ тѣмъ свойствъ почвы: крайней скважности ея или непроницаемости, большей или меньшей способности разрушаться и ассимилироваться съ органическимъ міромъ и т. п., и наконецъ, самая почва съ находящеюся на ней растительностію. Посмотримъ же, что сдѣлалъ авторъ для лучшаго уразумѣнія вертикальнаго строенія Черногоріи на основаніи указанныхъ нами доступныхъ ему средствъ и данныхъ.

Прежде всего онъ не причисляетъ Черногорію къ альпійскимъ странамъ и называетъ ее высокою плоскою возвышенностію, плоскогорьемъ. Затѣмъ, онъ раздѣляетъ ее на двѣ части, различающіяся одна отъ другой: западную—высокую плоскость и восточную—высокую горную страну. Границу между ними составляетъ р. Зета, берущая свое начало выше Никшича. Названіе первой половины онъ объясняетъ тѣмъ, что „она относительно представляетъ мало уклоненій отъ горизонтальной линіи, на сколько позитивной, вершинъ, настолько и негативной, долинъ“ (стр. 375). Затѣмъ авторъ приводитъ цѣлый рядъ высотъ, изъ котораго видно, какъ онѣ понижаются по мѣрѣ направленія къ югу и приближенія къ морю. Онъ не выпускаетъ изъ вниманія и мѣстностей, находящихся внѣ политическихъ границъ Черногоріи, какъ и слѣдуетъ, потому что природа строитъ, не справляясь съ планомъ политиковъ. Въ заключеніе, сопоставляя все относительно западной половины, г. Шварцъ характеризуетъ ее такъ: „Западная Черногорія, то-есть, страна между Адріей и Зетой, представляетъ высокое плато, колеблющееся между 1,000 и 600 метрами, понижающееся къ югу и вздутое на западномъ краю выше 1,706 метровъ, которое въ серединѣ имѣетъ возвышенія въ видѣ островковъ, также уменьшающіяся числомъ и высотой“ (стр. 377). Показать какой-нибудь планъ авторъ отказывается, отдѣлываясь старымъ, избитымъ сравненіемъ съ моремъ, взволнованнымъ сильнымъ штормомъ, ударившимъ со всѣхъ сторонъ свѣта, и мгновенно застывшимъ, и приравниваетъ къ другимъ странамъ формаціи карста. Совсѣмъ иначе смотритъ г. Шварцъ на восточную половину, въ которой различаетъ опредѣленныя системы горъ. Такихъ системъ онъ опредѣляетъ четыре, называя ихъ **массивами**: 1) между Зетой и Морачей; 2) рядомъ къ востоку отъ него между Морачей и Тарой;

3) на крайнемъ востокѣ между Тарой и Лимомъ и 4) къ сѣверо-востоку и востоку отъ предыдущихъ между Тарой и Пивой. Разсмотримъ эти группы въ отдѣльности. Въ составъ перваго массива г. Шварцъ внесъ: Острый кукъ, Власулю, Орлово-брдо, находящіяся на крайнемъ сѣверѣ Черногоріи по лѣвую сторону р. Пивы (Магличъ, вторую вершину послѣ Дурмитара и Кома, онъ не внесъ сюда, ошибочно обозначивъ его на своей картѣ внѣ черногорской границы), затѣмъ Еленакъ, стоящій на правой сторонѣ Пивы и вершины, находящіяся именно въ центрѣ Черногоріи между Зетой и Морачей— Прекарницу, Лебершникъ, Маганикъ и Брникъ. Почему онъ отсюда исключилъ Войникъ, имѣющій высоту 1,968 метровъ, слѣдовательно, значительнѣе четырехъ вершинъ, принятыхъ имъ въ этотъ массивъ, и стоящій какъ разъ на пути, такъ что нельзя даже пройдти человѣку, не коснувшись его подошвъ и отроговъ,—намъ непонятно. Еленакъ причислилъ онъ туда, очевидно, по незнанію того, гдѣ послѣдній находится, что вполнѣ возможно; но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было и упоминать о немъ.

Что г. Шварцъ не причислилъ сюда Голію, Добрыницу и Леденицу, также превосходящія по высотѣ вершины упомянутыя выше, это—хорошо. Но какъ соединить въ одну группу горы, находящіяся совершенно на противоположныхъ краяхъ, и перескочивъ стоящую имъ на пути весьма важную, самостоятельную группу, какъ Войникъ? И какъ присвоить имъ названіе Зета-Морача, когда тамъ нѣтъ и слѣда этихъ рѣкъ, да и текутъ онѣ совершенно въ обратную сторону?

Въ доказательство, что между этими горами нѣтъ никакой внѣшней связи (внутренней, основанной на геологическомъ составѣ, мы не знаемъ, какъ и самъ авторъ), довольно указать на равнину, идущую тотчасъ изъ-подъ Войника: два Брезна (Верхнее и Нижнее), за которыми послѣ идетъ Байово поле, и затѣмъ сплошная равнина до Гораньска, идущая далѣе и поворачивающая оттуда на западъ къ Ровному, а далѣе она переходитъ въ Герцеговину, гдѣ черезъ равнину Чемерно вступаетъ въ долину верхней Неретвы. Эта равнина отдѣляетъ отъ группы Маглича и Власули не только центральный массивъ, но и близкія Леденицу и Добрыницу (показанную также ошибочно внѣ черногорской границы).

Мы попросимъ г. путешественника припомнить путь отъ Шавникъ въ Тушину. Идя вверхъ Буковицы, близко моста черезъ нее, гдѣ она дѣлаетъ крутое колѣно, онъ замѣчаетъ, безъ сомнѣнія, съ лѣвой стороны цѣлый истокъ бураго желѣзняка (Braunstein); обрываясь

здѣсь рѣкой, онъ въ томъ же направленіи идетъ на другой сторонѣ, составляя продолженіе, подобно тому, какъ и слой слабаго глинистаго шифера сѣро-зеленоватаго цвѣта идетъ одинаково по тому и по этому берегу. Это Ивица, продолженіе Дурмитара, переправляется черезъ рѣку, гдѣ потомъ какъ разъ встрѣчается съ Яворьемъ, откуда вытекаетъ Морача, и которое принадлежитъ массиву Зета-Морача.

Рѣки не въ состояніи раздѣлять горныя системы, а только могутъ пробираться между ними, подъ ними или сквозь нихъ, если найдется какая-нибудь трещина. И такъ вотъ гдѣ связь очевидная.

Точно также группа Маглича связывается съ Дурмитаромъ. Идя долиной Пивы вверхъ отъ Мратиньи (недалеко отъ соединенія съ Тарой), вы видите по обѣ стороны висящія надъ вами стѣны высокихъ горъ, совершенно придвинувшихся одна къ другой; а смотря съ какой-нибудь высоты, вы замѣтите другое: рѣки не видать, а на ея мѣстѣ высокое плато, по сторонамъ котораго стоятъ съ одной стороны Біоче и Кручица (передъ Магличемъ ближе къ Пивѣ), а съ другой Баботинъ-верхъ, Капавица, Зарисиипъ и др., и между ними не больше промежутокъ, чѣмъ, напримѣръ, между Біочемъ и Магличемъ,—такъ что они составляютъ, очевидно, одну группу. Но далѣе къ востоку отъ нихъ идетъ широкая равнина Церквицы (Верхняя и Нижняя), которая и отдѣляетъ эту группу отъ Дурмитара. Тутъ является связь черезъ посредство небольшаго кряжа между Пруташомъ (это одна изъ вершинъ подъ Дурмитаромъ, не менѣе 2000 метровъ высоты) и горами, стоящими надъ Пивой. Одна изъ вершинъ этого кряжа и называется Еленакъ (1740 метровъ), который, впрочемъ, между великанами съ той и другой стороны, и вслѣдствіе значительной высоты цѣлаго плато, представлятся холмомъ, какъ Диновобрдо надъ Цетиньемъ. Онъ же отдѣляетъ Церквицы отъ собственно Пивы, именно отъ части ея, называемой „Пивска-планина“. Это связь наружная; есть ли въ то же время связь внутренняя, геологическая—съ увѣренностію не смѣю сказать, хотя и имѣются для того нѣкоторыя данныя.

Потомъ, идя изъ Ровцевъ черезъ прекрасную ложбину Терманье, путешественникъ вступилъ въ Каменикъ. Какая рѣзкая разница оказалась тотчасъ же! Тамъ ровно залегшій слой земли, поросшій густою зеленью; по пашнѣ видно, слой этотъ глубокъ; по бокамъ ложбины струится вода. Ложбина направляется къ Морачѣ и передъ тѣмъ расширяется въ цѣлую широкую равнину, не цѣльную, правда, но пересѣченную зеленѣющими холмами и пологими долинами, спускающимися

къ рѣкѣ. Въ Каменикѣ же вы сразу вступаете въ царство камня, который хотя и поросъ лѣсомъ, но всюду передъ вами торчатъ совершенно голыя скалы; мѣстами вы едва протискиваетесь между ними, съ трудомъ выбираете дорогу между грудами крупнаго и мелкаго камня и въ добавокъ попадаете въ лабиринтъ ямъ, по которымъ виляете и ныряете, не зная сами, куда ведетъ васъ едва примѣтная тропинка. По другую сторону Морачи вы видѣли Вѣтерникъ, стоящій на пути между Братонжичами и Лѣвой-рѣкой. Онъ такой же, и даже хуже. Эта самая ужасная часть пути изъ Подгорицы въ Васоевичи; а тутъ же рядомъ гора Птичъ совсѣмъ иного характера, точно также, какъ и Лѣвая-рѣка: тутъ вы отдыхаете и тѣломъ, и душой, потому что ногамъ мягко ступать, жажду можете утолять на каждомъ шагу, а глазъ наслаждается живостью и разнообразіемъ ландшафтовъ.

Почти напротивъ Вѣтерника черезъ Малую-рѣку находится Церовица, какъ бы тотъ же Вѣтерникъ въ миніатюрѣ. Съ тѣмъ же характеромъ далѣе идетъ Стравче, потомъ Момо́пьева; но тутъ же сверните вправо къ Жійову или влѣво къ Брзкуту, и вы встрѣтите совершенно иную природу.

Я говорю это, чтобы показать, какъ рѣкою иногда можетъ перерваться связь наружная, но въ то же время она очевидна изъ одинаковости формаціи или геологическаго состава, и рядомъ можетъ находиться совершенно другая формація, обусловливающая иныя свойства почвы, иную растительность, иныя картины природы. Такимъ образомъ, мы пришли къ признанію связи между центральнымъ массивомъ и Магличемъ, только другимъ путемъ, и продолжили ее далѣе черезъ Морачу и Малую-рѣку въ глубину Кучъ.

Теперь возвратимся къ той продольной равнинѣ, которая стала на пути системѣ г. Шварца. Мы указали ее изъ-подъ Войника. Она начинается раньше и выше: именно идетъ отъ Лукавицы и пересѣкаетъ дорогу изъ Никшича въ Шавники между Буковикомъ и Вучьимъ; съ этой дороги прежде можно видѣть Иваньево (маленькое поселеніе), затѣмъ Ясепово-поле и Липову-равень. Эта часть равнины отдѣляется отъ Брезнъ Яворкомъ, невысокимъ кряжемъ, идущимъ между Войникомъ и Шишманомъ. Затѣмъ продолженіе есть на юго-востокѣ и заканчивается обширною равниной, на которой находятся Радовче, Копилье, Сеоце и др., спускается на Морачу противъ Біоча и соединяется съ равниной въ Кучахъ, въ которой лежатъ Ратьи, Косоръ, Лешта, Убли и др.

Намъ остается дать нѣкоторыя объясненія относительно той огромной впадины, въ которой протекаетъ Зета.

Находясь на Планиницѣ (передъ Никшичемъ), путешественникъ, конечно, любовался отвѣсными, прямо высящимися надъ нимъ стѣнами Острога, темными пещерами, которыми онѣ всѣ испробиты, и въ одной изъ которыхъ устроилъ себѣ келью святой Василій, а послѣ подъ нею возникъ и цѣлый монастырь, имѣющій свою славную исторію. При этомъ авторъ могъ наблюсти, что эта стѣна идетъ весьма далеко: она именно оканчивается за Спужемъ въ Пиперахъ, гдѣ по ней и одно село называется Стѣна. Всмотрѣвшись еще далѣе, вы увидите, что, прервавшись тамъ долиной Морачи, она снова продолжается на той сторонѣ: это та стѣна, что̀ въ Кучахъ уже идетъ надъ Сѣницой и Фунданой. И какъ правильно она идетъ, точно проведена по шнуру.

Дуга есть ничто иное, какъ продолженіе той же самой трещины. Не останавливаясь здѣсь, она переходитъ въ Гацко, потомъ въ Невесинье и доходитъ до Мостарскаго поля. Всякій Черногорецъ, путешествовавшій отъ Никшича въ Мостаръ, знаетъ, что это самый лучшій путь, который приспособила къ тому сама природа. Протяженіе его въ Черногоріи 105 километровъ, да около того, вѣроятно, будетъ и дальше, что̀ составитъ до 200 километровъ. Высшій пунктъ пути составляетъ Ноздри (1319 метровъ), какъ разъ по срединѣ Дуги, откуда можно видѣть и стѣну подъ Острогомъ, и оріентироваться по тому. Высота Острога, впрочемъ, ниже этого пункта на 176 метровъ. Оттуда идетъ пониженіе до Гацка, и только Гацкое поле немного поднимается въ попутномъ направленіи, но Невесинье уже ниже Гацка. Трещина эта идетъ, конечно, параллельно съ окружающими хребтами, и это направленіе юго-восточное, то самое, котораго держатся всѣ горы въ западной части Балканскаго полуострова.

Какъ ни безформенна поверхность западной половины Черногоріи, но и тамъ вы найдете то же направленіе главныхъ хребтовъ, составляющихъ не только окраины ея, но и внутренность. Одна лощина идетъ отъ Жаневицы на Бостуръ (между Штировникомъ и Ловченомъ) и выходитъ на Угни и дорогу, ведущую въ Цермницу; другая, съ Нѣгушей,—старою дорогой на Цетинье и новою на Рѣку, а далѣе на Цеклинъ, Люботинь и опять въ Цермницу, и т. д.

Главная разница между западною и восточною половинами состоитъ въ томъ, что въ послѣдней горы несравненно выше, и потому на нихъ долѣе держится снѣгъ, питающій источники, и вообще больше задер-

живается влага; а вслѣдствіе высоты и проистекающей оттуда суровости климата онѣ меньше опустошаются человѣкомъ. Ловченскіе источники значительно ослабѣли на памяти живущихъ, вслѣдствіе истребленія лѣса. Масса водъ, собирающаяся въ цѣлыя рѣки, гложетъ твердое русло, гладитъ его, нивеллируетъ и помогаетъ образованію правильныхъ долинъ. Но тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ рѣкъ, стремящихся съ громадныхъ горъ съ никогда почти не тающимъ снѣгомъ, вы встрѣтите тѣ же явленія, какъ и въ западной половинѣ: отсутствіе воды на поверхности или исчезаніе ея на короткомъ теченіи въ какой-нибудь трещинѣ. На такихъ плато, какъ Верхняя-Церквица или Пивская-планина, которыя стелятся какъ разъ у подножія Дурмитара, вы рѣдко гдѣ встрѣтите ключъ. Изъ-подъ Пруташа вытекаетъ значительная рѣка Сушица, средняя часть которой всегда почти суха, тогда какъ вверху течетъ сильный потокъ, а внизу выступаетъ цѣлая рѣка. То же должно сказать и о Синавиной, которая по занимаемому ею простору и совершенно своеобразному характеру, представляетъ нѣчто отдѣльное, самостоятельное. А возьмите Зету отъ Планиницы внизъ: развѣ ей много даютъ воды обступившія ее горы изъ центральной группы? Пиперы всѣ съ ихъ прекрасными равнинами, какъ Копилье или Сеоце, безводны; планины ихъ тоже. Безъ Кома, только Никшицкая равнина богата водою, да Езера, представляющія котловину, въ которой собираются всѣ воды Дурмитара, текущія съ него на сѣверную сторону. Примѣромъ можетъ служить также большое и богатое село Дужи въ Дробнякахъ, сидящее безъ воды, потому что текущая передъ ними Комарница лежитъ слишкомъ глубоко. Въ такомъ же положеніи находятся и всѣ села на Пивѣ: у воды и безъ воды.

Совсѣмъ иное представляетъ Комъ. Тамъ вы шагу не можете сдѣлать, чтобы передъ вами не было долины, въ которой непремѣнно шумитъ потокъ или цѣлая рѣка даже въ самое сухое лѣто. Это можно хорошо видѣть и на картѣ; а потому мы не будемъ распространяться о немъ. Замѣтимъ только, что тѣмъ же характеромъ отличаются и всѣ Васоевицкія планины, и онъ отчасти проникаетъ въ сторону отъ его системы въ глубь центральной плоскости въ Ровцы и Морачу. Можетъ быть, и есть въ томъ какая-нибудь связь; но и объ этомъ тутъ говорить не мѣсто. А постараемся свести все, что мы считали нужнымъ высказать по поводу системы д-ра Шварца.

Вопервыхъ, предложенные имъ массивы соединяютъ насильственно

то, между чѣмъ нѣтъ никакой связи; во-вторыхъ, распредѣленіе ихъ между рѣками также не раціонально, потому что массивы часто не идутъ вмѣстѣ съ ними, а пересѣкаютъ однѣ другія; втретьихъ, разница между западною и восточною половинами не существенная, и только Комъ представляетъ собою типъ особый отъ всѣхъ этихъ группъ. Не останавливаясь на одномъ отрицаніи, мы въ заключеніе представляемъ такое распредѣленіе разсматриваемой территоріи. Прежде всего нужно избѣгать всякихъ натяжекъ, а для того не нужно стараться все подводить подъ одну мѣрку. Поверхность Черногоріи естественно дѣлится на двѣ части, которыя главнымъ образомъ различаются высотою. Затѣмъ въ системѣ горъ однѣ расположены массивами или группами, а потому нужно намѣтить эти группы; онѣ могутъ быть обозначены такъ: 1) массивъ центральный (пусть будетъ Зета-Морача-Пиво, только чтобъ онъ не переходилъ естественныхъ границъ); 2) массивъ въ самомъ сѣверномъ углу Маглича и на востокъ отъ него; 3) массивъ Дурмитара; 4) Синавина представляетъ отдѣльное высокое плато; можетъ быть, даже можно связать ее съ Баласицей, и 5) Комъ. Детальныя горы могутъ быть разсматриваемы, какъ продольные хребты, а иныя могутъ быть также соединены въ группы.

Тутъ же кстати выскажемся и о картѣ, приложенной къ сочиненію г. Шварца. Конечно, она достаточна для того, чтобъ оріентироваться по ней при чтеніи путешествія; но авторъ придаетъ ей большое значеніе, что̀ видно изъ примѣчанія, въ которомъ онъ говоритъ, что онъ пользовался новою русскою картой, хотя и въ корректурѣ, картой австрійскаго генеральнаго штаба и собственными наблюденіями. Не видно, однако, ни того, ни другаго. Нижняя часть Церквицъ почему-то не вошла въ черногорскую границу, хотя на русской картѣ она въ придѣлахъ Черногоріи; Магличъ также неправильно вынесенъ вонъ; не показанъ Волуякъ, на который идетъ граница; рѣки вокругъ Кома показаны крайне неправильно: не показана Лѣвая-рѣка (рѣка и большое село), откуда разселились Васоевичи; не исправлена даже Мртвица-рѣка, которую видѣлъ самъ авторъ, и о которой долженъ знать, что она не имѣетъ такихъ длинныхъ хвостовъ; племена совсѣмъ не означены, что̀ было бы однако легко сдѣлать и очень важно; Студенцы, просто гряды скалъ у Никшица, означены кружкомъ, какъ Никшичъ. Скутари представлено совсѣмъ неправильно: и самый городъ не лежитъ такъ далеко на сѣверъ, какъ означено на картѣ, а рѣка Кири проходитъ черезъ

него; крѣпость же должна быть между Кири и Дриномъ, хребетъ Мажуръ передъ Ульциномъ показанъ, какъ какое-нибудь приморское мѣстечко. Въ Ровцахъ и Пиперахъ не показано никакихъ селъ, какъ будто тамъ никто и не живетъ. Что касается способа писанія именъ, то ошибокъ не такъ много; но не достаетъ звука — *ж* и въ началѣ словъ—*з*; поэтому читается: Schelesna (Железница), Драшевина (Дражевина), Schitin (Житинъ), Pluschina (Плужины), Salasi (Залазы), Savola (Завола), Saslap (Заслапъ) и т. д. Есть ошибки чисто въ духѣ нѣмецкаго языка: Ktschebo (Krebo), Lipowa Rabka (на другихъ Ravka, собств. Липова Равань; Buratschkovaz (Бурučковацъ). Въ Пивѣ не означены ни главное мѣсто Горанска, ни Пивскій монастырь съ важною рѣчкой Синацъ, только по соединеніи съ которою Комарница начинаетъ называться Пивой. Смѣшно читать Zrno-See. Есть также непослѣдовательность въ писаніи *ц* то черезъ *c*, то черезъ *z*, и въ словахъ: Hum von Orahovo и Suk Grudski. Зету авторъ пишетъ черезъ Ceta; несоотвѣтственно никакому выговору пишетъ онъ Crnagorsen. Въ текстѣ также есть странности въ этомъ родѣ, напримѣръ онъ пишетъ Njegus, Maso, а въ скобкахъ ставитъ: выговаривай—gusch, scho; почему же не написать сразу такъ? Митрополита иногда величаетъ патріархомъ, инспектора школъ Schulmonarch".

О геологіи и минералогіи почти ничего не сказано; о климатѣ авторъ выражается съ обычными преувеличеніями, напримѣръ, то тамъ соединяются крайности: сѣверная стужа и африканскій жаръ; что демонъ бо́ра и здѣсь, какъ въ Карстѣ, дѣлаетъ пребываніе въ странѣ почти невозможнымъ, тогда какъ здѣсь именно нѣтъ ни крѣпкой зимы, ни слишкомъ жаркаго лѣта, а бо́ра бываетъ большею частью только весной и лѣтомъ, когда онъ вреденъ только для овощей и потомъ сушитъ землю; особенно же рѣзкаго впечатлѣнія онъ не производитъ. Какъ курьозъ сообщаетъ авторъ, что въ Черногоріи, не въ примѣръ остальной Европѣ, крайности климата встрѣчаются въ странахъ, прилегающихъ къ морю, а умѣренный—внутри; въ сущности же и этого нѣтъ: въ Барѣ и Ульцинѣ климатъ умѣренный, какъ нигдѣ: иначе тамъ не могли бы расти ни маслина, ни лимонъ, ни лавръ. Въ заключеніе авторъ даетъ среднія годовыя температуры для различныхъ мѣстностей Черногоріи, не объясняя источника, откуда взяты свѣдѣнія, тогда какъ намъ извѣстно, что никто до сихъ поръ не производилъ по Черногоріи никакихъ климатическихъ наблюденій. Только два года какъ стали вести ихъ въ Барѣ и Ульцинѣ завѣдующіе портами, да Фриллей приводитъ нѣсколько цифръ изъ собственныхъ наблюденій относительно ясныхъ

и дождливыхъ дней, бурь, землетрясеній и т. д.; но ни термометрическихъ, ни барометрическихъ наблюденій нѣтъ.

Глава о гидрографіи представляетъ много выводовъ, причемъ весьма важныхъ, напримѣръ, о вліяніи рѣкъ на политическое и культурное развитіе Черногоріи; но данныхъ очень мало. Самая удовлетворительная въ этомъ отношеніи глава—о флорѣ; статья о фаунѣ—слабѣе.

Наконецъ, послѣдняя глава посвящена населенію. Она по одному уже названію самая интересная. Вотъ ея содержаніе: происхожденіе, языкъ, отношенія къ сербской литературѣ, очеркъ исторіи, типъ, одежда, жилище, число жителей и густота населенія, образъ жизни, семейныя отношенія, характеръ народа, государственныя учрежденія, церковь, школа, торговля, промышленность, необходимыя реформы для возрожденія, будущее Черногоріи.

Здѣсь вы найдете многое взятое изъ другихъ сочиненій, а многое представляется въ связи и въ болѣе обобщенномъ видѣ изъ того, что̀ говорилось въ описаніи путешествія. Съ фактической стороны тутъ очень мало новаго и самостоятельнаго; только опредѣленнѣе выступаетъ личный взглядъ автора на Черногорію, на ея настоящее и будущее, что̀ и составляетъ главный интересъ всей главы.

Съ чрезвычайною настойчивостью г. Шварцъ повторяетъ все, что̀ прежде было сказано о женщинѣ. Представивъ еще рѣзче ея положеніе, отражающееся на ея наружности и здоровьѣ, онъ такъ передаетъ выраженіе ея физіономіи: „Нѣчто убитое и робкое видно въ ея глазахъ, по крайней мѣрѣ публично, тогда какъ дома при благопріятныхъ условіяхъ, и эти дочери Евы умѣютъ показать веселыя мины и живость взгляда“. Въ одномъ только онѣ приближаются къ мужчинамъ—въ мускульной силѣ, крѣпости и выносливости, что̀ женщина такъ блестяще выказываетъ въ ношеніи тяжестей. Конечно, ужь изъ этого одного становится очевиднымъ, что упрекъ, дѣлаемый Черногорцамъ въ лѣни и отвращеніи къ труду, несправедливъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ женщинѣ“. Изъ этого и намъ становится очевиднымъ, что авторъ, такъ много говорившій о трудолюбіи вообще черногорскаго народа, въ концѣ концовъ дѣлаетъ эту уступку только по отношенію къ женщинѣ, и то главнымъ образомъ придавая ей роль вьючнаго животнаго.

Замѣчательно, что люди, писавшіе о Черногоріи просто, не принимая на себя роли защитниковъ ея, какъ г. Шварцъ, не только относились къ ней съ бо̀льшимъ сочувствіемъ, но и безпристрастнѣе умѣли оцѣнить хорошія и дурныя стороны Черногорцевъ. Такъ

Ленорманъ, напримѣръ, выставивъ на видъ тягостное положеніе черногорской женщины, не можетъ однако не показать и другую сторону: „Черногорская женщина“, говоритъ онъ, — „ведетъ жизнь тяжелой работы; но ея достоинство отъ того не страдаетъ. Уважаемая и любимая своимъ мужемъ, она служитъ украшеніемъ очага, у котораго каждый день отдыхаетъ утомленный воинъ. Это римская матрона лучшихъ временъ республики, чистая и вѣрная своему мужу, гордая числомъ и крѣпостью своихъ дѣтей, которая отдала свою жизнь домашнимъ заботамъ. Но черногорская женщина не ограничивается занятіями и тихою жизнію, которую мы только что представили. Она, подобно мужчинамъ, имѣетъ свои радости, свою славу и свои тріумфы“ [1]). Далѣе авторъ указываетъ, въ чемъ заключаются эти радости и тріумфы: она участвуетъ въ походахъ мужа и въ бояхъ; она мститъ за мужа и т. д. И въ заключеніе онъ такъ резюмируетъ ея характеристику: „Возвышенность, чистота и моральное достоинство черногорской женщины, не смотря на условіе безпрестанной работы, окружаютъ ее такимъ уваженіемъ, котораго нельзя было бы ожидать при упомянутыхъ условіяхъ ея существованія. Съ этой точки зрѣнія нравы Черногорцевъ совершенно рыцарскіе. Женщина для нихъ существо неприкосновенное. Месть, распри племени или семейства не распространяются на нее. Она пользуется одною изъ самыхъ благородныхъ привилегій. Человѣкъ, котораго женщина взяла подъ свою охрану, — совершилъ ли онъ какое убійство, находится ли подъ преслѣдованіемъ самой неумолимой вендетты, становится также неприкосновеннымъ, какъ и она; съ нею онъ можетъ сидѣть у очага своихъ враговъ, и никто не посмѣетъ тронуть волосъ на его головѣ, такъ какъ это значило бы навсегда обезславить себя въ глазахъ цѣлаго народа. Послѣ женщины, существо самое священное для Черногорцевъ—путешественникъ“ [2]).

Кинулось г. Шварцу въ глаза равенство и простота отношеній между Черногорцами, которая выражается и въ простотѣ отношеній къ князю, что̀ такъ согласуется съ патріархальностью цѣлаго государственнаго строя Черногоріи. Черногорецъ, по вѣрному замѣчанію автора, „будь онъ послѣдній бѣднякъ, считаетъ себя равнымъ съ лучшими и стоящими выше людьми; онъ даже и передъ князя выступаетъ съ смѣлымъ самосознаніемъ. Сидитъ нѣчто благородно-республиканское

[1]) *Lenormant*, Turcs et Monténégrins, стр. XVIII.

[2]) Тамъ же, XXI—XXII.

въ этихъ людяхъ; они смотрятъ такъ, какъ бы всякій носилъ маршальскій жезлъ въ своей сумкѣ.

Относительно религіознаго настроенія г. Шварцъ сравниваетъ Черногорцевъ съ тампліерами и другими рыцарскими орденами, которые всю жизнь свою полагали на защиту своего христіанства „Но", добавляетъ авторъ,—они „чужды ханжества и строгаго благочестія; они представляютъ живой и бодрый народецъ" (стр. 453). Демократическій характеръ Черногорцевъ, между прочимъ, авторъ выводитъ изъ ихъ исторіи, въ которой при племенной жизни всѣ главари были выборные люди (стр. 457). Въ обшемъ Черногорія и Черногорцы произвели на путешественника весьма благопріятное впечатлѣніе. Онъ хвалитъ ихъ и защищаетъ; за то даетъ себѣ право высказывать и порицаніе въ томъ, что̀ ему не нравится.

Относительно наружнаго типа авторъ говоритъ, что Черногорцы принадлежатъ „расѣ, которая должна быть причислена къ одной изъ благороднѣйшихъ національностей", и что притомъ они сохранили этотъ типъ во всей чистотѣ; вслѣдствіе того у нихъ западному человѣку кидается въ глаза одинаковость или по крайней мѣрѣ большое сходство всего наружнаго вида и лицъ, что̀ и составляетъ признакъ первобытныхъ народовъ, у которыхъ общее всегда развивается на счетъ индивидуальнаго. Не скрывая, наконецъ, что постоянная война должна была наложить свою печать на Черногорцевъ, вслѣдствіе чего въ наружномъ видѣ и взорѣ его, кромѣ храбрости, неустрашимости и братолюбія, выражается нѣкоторая суровость, дикость, авторъ однако дѣлаетъ различіе въ характерѣ этого выраженія: „Это взглядъ льва, но отнюдь не тигра".

Перечисляя различныя добрыя качества черногорскаго народа, г. Шварцъ приписываетъ ему и музыкальный талантъ. „Въ этомъ отношеніи", говоритъ онъ,—„сынъ „Черныхъ горъ" также счастливо одаренъ, какъ бо̀льшая часть славянскихъ племенъ, именно какъ Чехи" (стр. 452). Это, пожалуй, и слишкомъ.

„И еще одно порицаніе, высказалъ бы я", — говоритъ авторъ;—„оно относится къ двумъ совершенно противоположнымъ свойствамъ. Именно Черногорцы въ одно и то же время оптимисты и пессимисты; съ одной стороны, они очень склонны все представлять себѣ въ розовомъ свѣтѣ, воображаютъ, что они достигли уже весьма много, что больше уже ничего не остается желать, что у нихъ уже все есть; а потомъ также легко впадаютъ и въ самое мрачное настроеніе и отчаяваются въ возможности своего возстановленія и процвѣтанія. Въ

первомъ случаѣ они слишкомъ много значенія придаютъ своимъ военнымъ пріобрѣтеніямъ и не признаютъ несравненно высшихъ заслугъ въ томъ благодѣяній и созданій мира и культуры; вмѣсто того они ожидаютъ всего отъ Россіи, которая дѣйствительно сдѣлала для нихъ много добраго, хотя она часто, гдѣ требовали ея собственные интересы, жертвовала ими. Что же касается ихъ пессимизма, который, кстати сказать, болѣе или менѣе составляетъ основную черту всего Востока, — они слишкомъ склонны не довѣрять европейскимъ великимъ державамъ и предполагаютъ, что онѣ всегда ставятъ Черногорію на задній планъ, между тѣмъ какъ нельзя не признать оказанной уже ими услуги въ разрѣшеніи огромныхъ затрудненій, послѣдствіемъ чего является конечное рѣшеніе восточнаго вопроса и окончательное опредѣленіе границъ Черногоріи" (стр. 456). Поэтому автору желательно для Черногоріи, чтобы „мѣсто глухого, безнадежнаго и парализующаго равнодушія, заступила чистая увѣренность, что и для нея теперь даже возможно скромное счастіе, только нужно приложить всѣ силы къ дѣятельности".

Для достиженія этого скромнаго счастія г. Шварцъ предлагаетъ цѣлый рядъ совѣтовъ: что̀ нужно-де поднять сельское хозяйство, торговлю и промышленность, а въ этихъ видахъ необходимо позаботиться о путяхъ сообщенія, въ особенности о судоходствѣ по морю и по Скадарскому озеру; нужно перенести столицу Черногоріи изъ Цетинья въ другое мѣсто; не держать козъ, развить коневодство; завести плантаціи табачныя и апельсинныя, въ Цермницѣ вмѣсто деревъ айвы, непроизводительно высасывающихъ сокъ изъ почвы, всюду насадить маслину; разработывать минеральныя богатства, и т. д. Что касается политическаго устройства Черногоріи, которому авторъ посвятилъ двѣ-три страницы, онъ видимо доволенъ имъ; нѣкоторыя вещи даже ставитъ въ примѣръ другимъ. Небольшую похвалу заслужили отъ него школы, которыя—сказать по истинѣ—съ каждымъ годомъ падаютъ все ниже и ниже, вслѣдствіе недостатка учителей и отсутствія просвѣщеннаго человѣка въ главѣ учебнаго дѣла. Понадобятся ли Черногоріи спеціалисты по части земледѣлія или развитія какого-либо промышленнаго производства, г. Шварцъ убѣжденъ, что въ отвѣтъ на „дружественную просьбу" Черногорія можетъ получить отъ Австріи такого спеціалиста, какъ инструктора; „могущественный сосѣдъ можетъ помочь совѣтомъ и дѣломъ, и конечно, поможетъ". „Такимъ образомъ", добавляетъ авторъ, — „съ этой точки зрѣнія необходима близкая связь съ могущественною имперіей".

Эти постоянныя напоминанія при каждомъ удобномъ случаѣ о необходимости болѣе тѣсной связи съ Австріей составляютъ, такъ сказать, рефренъ или варіаціи къ темѣ, которая поставлена раньше, именно тамъ, гдѣ въ числѣ мѣръ, необходимыхъ для возрожденія Черногоріи упоминается и внѣшняя политика: „Сохранивъ дружбу съ Россіей, освѣщенную національнымъ чувствомъ и столѣтними традиціями, для Черногоріи величайшую пользу принесло бы болѣе искреннее и прямое примкнутіе къ Австріи, подобно тому, какъ это уже сдѣлали Сербія и Румынія. Прежде всего Черногорія слишкомъ мала, чтобы съ успѣхомъ вести собственную политику, чтобъ играть роль самостоятельнаго государства. А затѣмъ никто не можетъ не примѣчать того, что Австрія все болѣе и болѣе дѣлается преобладающею державою на Балканскомъ полуостровѣ“ (стр. 462).

Глава о горизонтальномъ расчлененіи Черногоріи, какъ мы уже вскользь замѣтили, заключаетъ въ себѣ больше политическихъ разсужденій, чѣмъ географическихъ данныхъ. Здѣсь теперь какъ разъ кстати возвратиться къ ней.

Авторъ весьма осязательно доказываетъ, что народъ, обреченный жить въ слишкомъ тѣсныхъ границахъ, и притомъ на весьма непроизводительной почвѣ, естественно будетъ искать выхода изъ такого положенія, и этимъ исканіемъ выхода г. Шварцъ объясняетъ всѣ войны Черногоріи съ Турціей. „Твердыня горъ“ говоритъ онъ,—„можетъ только на короткій срокъ осады, а не на болѣе продолжительное время удовлетворять со всѣхъ сторонъ стекающееся населеніе. Старыя стѣны скоро сдѣлаются тѣсными. Отнимите у человѣка средства къ пропитанію, онъ получитъ непремѣнно побужденіе къ воровству и разбою“. Затѣмъ онъ рисуетъ картину положенія черногорскаго народа, который обреченъ былъ изъ своихъ голыхъ скалъ смотрѣть на роскошныя мѣста, занятыя Турками, гдѣ все есть—и роскошные луга, и нивы, и сплошные природные сады различныхъ фруктовыхъ деревъ, виноградники, маслинады. „Этому наблюдателю сверху представлялось, будто онъ обоняетъ запахъ апельсинъ и розъ, доносящійся къ нему изъ глубины, тогда какъ его на страшной высотѣ охватываетъ острое, ледяное дыханіе горнаго воздуха“. Далѣе авторъ перечисляетъ всѣ эти злачныя мѣста, на которыя падалъ взглядъ голоднаго Черногорца — Подгорица, Никшичъ, Колашинъ, Плавъ и Гусиньо и т. д., и потомъ заключаетъ: „Сопоставивъ все вмѣстѣ, мы должны будемъ сказать, что бѣдные Черногорцы изъ своего скалистаго убѣжища на всѣ стороны видѣли рай, который для нихъ былъ потерянъ и затворенъ“.

Да и то, чѣмъ владѣли Черногорцы, какъ среднее теченіе Зеты, было фиктивно, пока Никшичъ и Спужъ были въ рукахъ Турокъ.

Берлинскій конгресъ, по мнѣнію автора, положилъ конецъ этому вопіющему злу, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, и Черногорцы за то благословляютъ его вмѣстѣ съ друзьями мира, друзьями человѣчества (?!).

И такъ всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя Черногоріей въ послѣднюю войну, на сѣверъ до соединенія Тары съ Пивой, на югъ до Бояны, на западѣ и на востокѣ совершенно справедливы. Въ прежнихъ границахъ они, по законамъ природы, не могли оставаться, а теперь они довольны и благодарятъ за то Берлинскій конгресъ.

Къ сожалѣнію, это не совсѣмъ такъ. Не даромъ авторъ въ одной изъ вышеприведенныхъ цитатъ жалуется на то, что Черногорцы слишкомъ много приписываютъ своему оружію и отчасти Россіи, и мало оказываютъ довѣрія доброжелательству къ нимъ остальной Европы. Чудаки эти Черногорцы, оптимисты и пессимисты въ одно и то же время, однако еще недовольны: они и еще чего-то хотятъ, и авторъ догадывается, чего они хотятъ, а можетъ быть, и сознаетъ, что это желаемое ими въ то же время и необходимо имъ, также какъ были необходимы Никшичъ и Подгорица—и потому онъ поторопился отвѣтомъ впередъ.

„Конечно", говоритъ онъ, — „храбрые обитатели горъ съ высотъ Крстца все еще смотрятъ внизъ на море черезъ Которъ, по воздушной линіи удаленный едва на одинъ ружейный выстрѣлъ, не смѣя назвать его своимъ. Бокка-Которская, которую они въ продолженіе своей многовѣковой исторіи много разъ завоевывали, не присуждена имъ. Имъ это, безъ сомнѣнія, довольно тяжело. И совершенно все равно, было или не было ихъ участіе въ настоящемъ возмущеніи тамъ; дѣло въ томъ, что ихъ сердце—съ ихъ единоплеменниками, возставшими противъ Габсбургскаго господства. Между тѣмъ это совершенно несправедливо со стороны Черногорцевъ. Покуда существуетъ Австрія, это стремленіе ихъ къ Бокку напрасно", потому что Австрія безъ нея не можетъ обойдтись. И всякое покушеніе Черногоріи въ эту сторону будетъ только вызывать „неблагорасположеніе могущественнаго сосѣда, не принося никакой выгоды" (стр. 368). А наконецъ, на сколько Бокка важна для Австріи, на столько мало выгодъ представляетъ она для Черногоріи. „Задняя часть Бокки, область по ту сторону Котора, вплоть до долины Зеты, представляетъ самую пустынную, самую непроизводительную часть Черногорской территоріи. Поэтому соедине-

ніе съ моремъ въ такомъ мѣстѣ представляло бы мало выгодъ". Кромѣ того, здѣсь трудно было бы установить и коммуникацію. Да и къ чему же? Черногоріи нужно было имѣть сколько-нибудь морскаго берега: она имѣетъ его теперь.

Но Черногорцы, эти храбрые обитатели горъ, не такой народъ, чтобъ ихъ можно было урезонить одними убѣжденіями; авторъ чувствуетъ, что они будутъ домогаться чего-нибудь, и сознаетъ даже, что необходимо что нибудь еще дать. Но гдѣ и что̀? На это опять готовъ отвѣтъ впередъ.

„Будущая, жизненная способность маленькаго государства", разсуждаетъ д-ръ Шварцъ,—„безспорно зависитъ не отъ распространенія къ сѣверу, гдѣ опять только нагроможденія горъ, а отъ обладанія пространною низменностью на югѣ и тамъ расположеннымъ, соединеннымъ съ моремъ Скадарскимъ озеромъ. Это показываетъ и склоняющееся въ ту же сторону высокое плато; и кто желаетъ Черногоріи добра, тотъ не можетъ дать ей лучшаго совѣта, какъ совѣтъ перенести точку своего тяготѣнія на югъ" (стр. 370). Тутъ г. Шварцъ охотно уступаетъ Черногоріи „все Скадарское озеро и всю Бокку.

Но какъ быть съ Арнаутами? Взявши Ульцинъ, Черногорія и безъ того уже вошла въ чуждый ей элементъ. Но вѣдь всѣ эти Арнауты были когда-то Славянами, разсуждаетъ, г. Шварцъ (стр. 372); они и теперь на обращеніе къ нимъ на сербскомъ языкѣ отвѣчаютъ: „я не понимаю нашки" то-есть, по нашему, по сербски; значитъ, сами признаютъ сербскій языкъ своимъ (стр. 169). Да кромѣ того, при постоянной ихъ враждѣ между собою, между отдѣльными племенами у нихъ нѣтъ идеи національнаго единства; поэтому составить изъ нихъ одно государство—дѣло невозможное (стр. 372).

Не говоря уже о Турціи, автору не приходитъ на мысль: допуститъ ли это Австрія?

Для разрѣшенія этого вопроса о будущемъ заглянемъ въ прошлое. О необходимости дать Черногоріи Баръ (Антивари) писалъ одинъ Русскій, именно Е. П. Ковалевскій, которому привелось быть въ коммиссіи для разграниченія Черногоріи съ Турціей, а потомъ для разбора дѣлъ съ Австріей. По поводу этихъ распрь онъ высказалъ (въ письмѣ въ 1859 г.) слѣдующее: „Уступка Черногоріи порта Антивари съ прилегающимъ къ нему племенемъ Спича присоединили бы къ ней не болѣе 8000 жителей, но придали бы ей важныя физическія силы, и тогда европейскія державы, упрочивъ ея существованіе, дѣйствительно принесли бы пользу человѣчеству и избавили народъ отъ ни-

щеты и безполезно проливаемой крови". Идея эта давно уже засѣла въ головахъ черногорскихъ государственныхъ людей, а также была раздѣляема и Русскими людьми. Они и осуществили эту идею взаимною работой. Но достигнуть этого они могли не иначе, какъ вопреки желанію Австріи. Во время бомбардированія Бара, австрійскій консулъ долго оставался тамъ и употреблялъ всѣ средства, чтобы помѣшать Черногорцамъ овладѣть крѣпостью. И потомъ, когда къ величайшему прискорбію Австріи, Баръ палъ, а съ нимъ и Спичъ попалъ въ руки Черногорцевъ, „могущественный сосѣдъ" постарался отнять у нихъ хоть этотъ клочекъ безъ всякой надобности, единственно чтобы только сдѣлать какой-нибудь вредъ Черногоріи.

Такимъ образомъ предлагаемое д-ромъ Шварцемъ тяготѣніе Черногоріи къ югу наталкивается на непреодолимое препятствіе, поставляемое тѣмъ именно государствомъ, на великодушіе котораго онъ совѣтуетъ отдаться Черногоріи.

Все, что возможно для Черногоріи и чего авторъ желаетъ ей, резюмируется въ слѣдующихъ его заключительныхъ словахъ, послѣ того какъ онъ перечислилъ необходимыя для ея счастія мѣры и преобразованія: „Можно бы и еще упомянуть многое, что̀ открыло бы болѣе или менѣе богатые источники въ помощь странѣ. Но мы полагаемъ, что нами по крайней мѣрѣ одно достаточно выяснено, это именно то, что народъ Черныхъ Горъ, если, можетъ быть, и не будетъ никогда народомъ богатымъ и великимъ, то во всякомъ случаѣ и теперь уже находится въ такомъ положеніи, что можетъ питаться трудомъ своихъ рукъ и потому можетъ найдти счастье въ самомъ себѣ и въ признаніи свѣта. Мы желаемъ, чтобы сознаніе проложило наконецъ путь въ сердца бѣднаго народа, чтобы вслѣдствіе того мѣсто темныхъ сомнѣній относительно своего спасенія, къ которымъ онъ слишкомъ склоненъ, заняли довольство и надежда и съ надеждой возросла бы его дѣятельная сила. Да, желательно было бы, чтобъ онъ со всею силой посвятилъ себя пріобрѣтенному и достигнутому нынѣ, а отвѣтъ на вопросъ: будетъ ли онъ играть еще бо̀льшую роль на сильно возмущенномъ Балканскомъ полуостровѣ—къ чему онъ несомнѣнно способенъ по своимъ разнообразнымъ высшимъ дарованіямъ—предоставилъ бы вѣчному Правителю міра" (стр. 469—470).

Черногорскій народъ всегда жилъ своимъ трудомъ. Когда не доставало ему дома, онъ шелъ на заработки на сторону. Такъ было до тѣхъ поръ, пока его не втянули въ кругъ остальныхъ европейскихъ державъ. Съ того времени не было ни одной европейской войны, въ

которой онъ не принималъ бы участія. Его не минула даже буря Наполеоновскихъ войнъ. Для такой роли, само собою разумѣется, онъ не имѣлъ своихъ средствъ и принималъ помощь отъ того, кому онъ помогалъ; притомъ не помогалъ онъ всякому, а только тому, на чьей сторонѣ было его сердце, на чьей сторонѣ онъ видѣлъ правду, кто защищалъ дорогіе ему принципы его собственной вѣры и народности. Черногорецъ вѣчно боролся противъ Турціи, которая угнетала его единокровную и единовѣрную братію; онъ выступилъ и противъ Франціи, когда она посягнула на чужую собственность. Но онъ никогда не былъ ни наемникомъ, ни дармоѣдомъ: онъ былъ вѣрнымъ союзникомъ и всякій, съ кѣмъ онъ былъ, не остался безъ пріобрѣтеній. И какія еще это пріобрѣтенія! Черногорскими руками Австрія пріобрѣла Бокку и все Приморье; изъ ея же рукъ она приняла и Герцеговину. Что Черногорія то и другое совершила со скорбнымъ сердцемъ,—это не подлежитъ сомнѣнію; но даже обманувшись въ сочувствіи Европы, она покорилась, вѣря въ правду и справедливость, которой надѣется дождаться отъ Европы. И вдругъ приходитъ какой-то чужой человѣкъ, которому, по сербской пословицѣ, Черногорецъ „ни виноватъ, ни долженъ", и говоритъ: „Твоя роль кончена, довольствуйся тѣмъ, что̀ имѣешь; трудись и мучься, положившись на Бога и на могучаго цесаря". И говоритъ онъ это подъ личиной дружбы и особеннаго расположенія, съ претензіей человѣка, который оказываетъ какое-то великое благодѣяніе.

Д-ръ Шварцъ особенно напираетъ на то, что Черногорія слишкомъ мала, и въ концѣ своей книги называетъ Черногорцевъ уже не народомъ, а народцемъ (Völkchen). Но пусть не забываетъ онъ простаго факта, что никто не родится великимъ, а растетъ и развивается, какъ все живое, въ чемъ есть сила и энергія; такова исторія и всѣхъ государствъ, не исключая и нынѣшней Германіи, основнымъ кристалломъ которой послужилъ пустынный Бранденбургъ. Такъ и Черногорія: какъ не мала она, все же она можетъ развиваться, можетъ безъ страха идти на встрѣчу будущему, не боясь своего „могущественнаго сосѣда" и не отдаваясь въ его руки.

А. О—скій.

Владиміръ Ивацевичъ. *Собираніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ Славянъ.* (Библіографическое обозрѣніе). С.-Пб. 1883.

Собираніе произведеній народнаго творчества у Славянскихъ народовъ началось сравнительно не давно; тѣмъ не менѣе, въ настоящее время накопилось, въ общей сложности, такое количество данныхъ по народной словесности, обнародованныхъ уже въ періодическихъ и не періодическихъ изданіяхъ и въ отдѣльныхъ сборникахъ, иногда довольно объемистыхъ, что весьма трудно разобраться въ ихъ массѣ. Эта затруднительность еще болѣе усложняется вслѣдствіе тѣхъ неблагопріятныхъ условій, въ какія поставлены славянскіе народы по обмѣну своихъ изданій. Но и при благопріятныхъ условіяхъ, дѣло облегчилось бы весьма не во многомъ; также мало помогли бы дѣлу изданія, снабженныя хорошими указателями, да ихъ въ настоящее время почти и не существуетъ. Большинство сборниковъ произведеній славянскаго народнаго творчества составлено неумѣло, вопреки серьезнымъ требованіямъ науки; нерѣдко, помѣщенные въ нихъ памятники завѣдомо поддѣланы,—не говоря уже объ отдѣльныхъ произведеніяхъ, разбросанныхъ, кромѣ сборниковъ, по разнымъ другимъ изданіямъ, и на основаніи которыхъ нерѣдко дѣлались выводы, имѣвшіе и отчасти до сихъ поръ имѣющіе научный вѣсъ, строились и строятся предположенія, вводившія и понынѣ вводящія даже серьезныхъ ученыхъ въ заблужденіе. Поэтому труды въ родѣ книжки г. Ивацевича не только полезны, но и давно необходимы въ обще-славянской литературѣ, если позволительно употреблять такое названіе въ настоящее время. Взявшійся за такой трудъ могъ бы представить историко-библіографическое обозрѣніе сборниковъ произведеній народной словесности и изложить научные выводы о подлинности или неподлинности, о характерѣ, значеніи и источникахъ какъ отдѣльныхъ произведеній, такъ и произведеній цѣлыхъ славянскихъ народностей порознь и вмѣстѣ. Теперь уже можно собрать довольно много матеріала для такого обзора,—матеріала, правда, по большей части разбросаннаго въ періодическихъ и не періодическихъ славянскихъ и неславянскихъ изданіяхъ, которыя если у насъ и можно достать, то только въ Петербургѣ, можетъ быть, еще въ Москвѣ и то не всѣ. Правда, бо́льшая часть этого матеріала состоитъ изъ мелкихъ статей, въ которыхъ предметъ трактуется отрывочно или эпизодически; но въ настоящее время нельзя и требовать бо́льшаго, вслѣдствіе того, что народная словесность—наука сравнительно молодая, и собираніе памятниковъ изъ устъ народа продолжается и по сіе время. Такимъ

образомъ, такія сочиненія, какъ извѣстныя книги Водянскаго, Костомарова, Челяковскаго и нѣкоторыхъ другихъ, немногимъ облегчили трудъ нашего автора, такъ какъ вопросъ о народной словесности со времени появленія этихъ книгъ перешелъ въ другія фазы, и представленные въ нихъ выводы во многомъ устарѣли. Слѣдовательно, историко-библіографическое обозрѣніе собранныхъ уже произведеній славянской народной словесности должно быть сдѣлано на основаніи самостоятельнаго знакомства съ матеріаломъ, по крайней мѣрѣ съ главнѣйшею его частію; и будь такой обзоръ популярный или научный, во всякомъ случаѣ онъ долженъ дать по возможности полное и ясное понятіе о предметѣ, о состояніи вопроса въ наукѣ и объ его общественномъ значеніи.

Книга г. Ивацевича начинается предисловіемъ, въ которомъ авторъ, сказавъ нѣсколько словъ о цѣли, назначеніи и происхожденіи своего труда, счелъ умѣстнымъ свести свои личные счеты съ нѣкоторыми лицами, занимающимися изученіемъ славянства. Все это, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ предметомъ его книги. Тутъ же г. Ивацевичъ объясняетъ, что въ основу его труда легло студентское сочиненіе на тему, данную въ 1873 г. покойнымъ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ: „Объ успѣхахъ изученія народной поэзіи у западныхъ Славянъ", и что его трудъ есть не болѣе, какъ „краткія замѣчанія о народной поэзіи того или другого славянскаго племени" (!), которыя „составлены на основаніи народныхъ произведеній и на основаніи научныхъ данныхъ". По словамъ автора, работа его „не претендуетъ на названіе ученаго труда"; но въ то же время авторъ высказываетъ большія притязанія, говоря, чтъ онъ рѣшился „напечатать въ значительно-сокращенномъ и измѣненномъ видѣ свое студентское сочиненіе", съ цѣлію „сколько-нибудь помочь дѣлу изученія славянской народной поэзіи и возбудить забытый большинствомъ молодыхъ славистовъ вопросъ" (?). Мало того: своимъ трудомъ авторъ вознамѣрился пополнить пробѣлъ, существовавшій въ литературахъ славянскихъ народовъ, и потому не счелъ нужнымъ касаться сборниковъ южно-славянскихъ и западно-славянскихъ пословицъ, для коихъ уже имѣется библіографическое обозрѣніе въ книгѣ извѣстнаго ученаго Ганута: „Literatura přislovnictví slovanského a německého". Вмѣстѣ съ тѣмъ однако г. Ивацевичъ считаетъ „нужнымъ замѣтить относительно краткихъ и общихъ замѣчаній о народной поэзіи каждаго изъ южно и западно-славянскихъ племенъ (!), что эти замѣчанія вовсе не составляютъ вполнѣ научной и подроб-

ной характеристики народной поэзіи того или другого племени; отдѣльныя характеристики народныхъ произведеній каждаго славянскаго племени (!) могутъ и должны быть, по нашему мнѣнію, предметами отдѣльныхъ научныхъ изслѣдованій, для которыхъ настоящій трудъ можетъ дать нѣкоторыя указанія", такъ какъ „предметъ (разумѣется, книги г. Ивацевича) и до сихъ остался почти столь не разработаннымъ, какимъ былъ десять лѣтъ тому назадъ".

Въ своемъ обозрѣніи г. Ивацевичъ разсматриваетъ только отдѣльные сборники нѣкоторыхъ произведеній народной словесности, главнымъ образомъ—тѣ, которые были у него подъ руками. Впрочемъ, онъ приводитъ заглавія и нѣкоторыхъ сборниковъ, не бывшихъ въ его распоряженіи, но „безъ всякихъ замѣчаній", а только для большей полноты библіографическаго обозрѣнія, которое однако онъ считаетъ „все-таки далеко не полнымъ" (стр. 70). Что же касается „народныхъ произведеній, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ и помѣщенныхъ тамъ критическихъ замѣтокъ на разные сборники народныхъ произведеній", г. Ивацевичъ почему-то не счелъ нужнымъ касаться ихъ. О сборникахъ онъ „или въ нѣсколькихъ словахъ высказываетъ свое собственное мнѣніе, или просто только указываетъ матеріалъ, представляемый сборникомъ". Однимъ словомъ, г. Ивацевичъ чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, и такимъ образомъ онъ до нѣкоторой степени отнимаетъ у своего даже невзыскательнаго рецензента право обращаться съ должными требованіями къ его книгѣ и дозволяетъ высказать о ней сужденіе только въ предѣлахъ того, что̀ она представляетъ, а не въ предѣлахъ того, что̀ она должна бы въ себѣ заключать.

И такъ что̀ же даетъ книга г. Ивацевича?

Кромѣ небольшаго введенія, книга г. Ивацевича состоитъ изъ двухъ главныхъ неравномѣрныхъ частей или отдѣловъ: А. Южные Славяне (стр. 3 — 77) и Б. Западные Славяне" (стр. 78 — 179). Отдѣлы эти въ свою очередь подраздѣляются на шесть главъ: I, Болгаре, II, Сербы и Хорваты, III, Словинцы, IV, Чехи, Мораване и Словаки, V, Поляки, и VI, Сербы-Лужичане; въ концѣ помѣщено прибавленіе ко II-й главѣ. Четвертую главу авторъ раздѣляетъ на два параграфа: 1) Чехи и Мораване и 2) Словаки. Лучше сдѣлалъ бы авторъ, если бы поставилъ послѣднихъ въ особую главу, какъ сдѣлалъ онъ съ Словинцами.

Въ первой главѣ г. Ивацевичъ обозрѣваетъ изданія народныхъ произведеній болгарскаго народа, обнародованныхъ не только въ от-

дѣльныхъ сборникахъ, но и въ нѣкоторыхъ періодическихъ и не періодическихъ изданіяхъ. Эта глава, прибавленная при передѣлкѣ студентскаго сочиненія, составлена довольно наскоро и „не совсѣмъ“ полная, какъ сознается и самъ авторъ (стр. 118); кромѣ того, авторъ допустилъ въ ней нѣсколько неточностей. Видно, что онъ не имѣлъ подъ руками всѣхъ изданій, которыя упоминаетъ. Такъ, говоря о пѣсняхъ, помѣщенныхъ въ маленькой книжкѣ Богоева (Пеща, 1842), 11-ю онъ называетъ „неопредѣленною“ (стр. 10), не объясняя, въ какомъ смыслѣ онъ принимаетъ это слово въ данномъ случаѣ. Очевидно, что и 11-я пѣсня касается также „временъ несомнѣнно древнѣйшихъ“, какъ и первая и восьмая. Далѣе, слѣдовало бы указать, что статья священника Петра Задерацкаго: „Болгаре, переселенцы Новороссійскаго края и Бессарабіи“, помѣщенная въ Москвитянинѣ, 1845 г. (ч. IV, № 11, стр. 159—175), перепечатана въ пятомъ выпускѣ „Славянскаго Ежегодника“, издаваемаго Кіевскимъ Славянскимъ Обществомъ подъ редакціей А. В. Стороженка (Кіевъ, 1882), и что болгарскій текстъ пѣсенъ въ обоихъ случаяхъ переданъ съ безобразными ошибками. Нелишне было бы также сказать объ интересныхъ пѣсняхъ, по преимуществу историческаго содержанія, помѣщенныхъ въ журналѣ Наука, издаваемомъ съ 1882 въ Филлипополѣ. Слѣдовало также упомянуть о маленькомъ сборникѣ Лачоглу и Астарджіева: „Зборникъ отъ ровни български народни прикаскы и пѣсни“ (ч. I. Русчюкъ, 1871), заключающемъ въ себѣ 5 сказокъ и 26 пѣсенъ историческаго и бытоваго содержанія, собранныхъ въ сѣверо-восточной Болгаріи, въ Придунайскихъ областяхъ, и отчасти уже извѣстныхъ по другимъ изданіямъ, а также о новомъ сборникѣ извѣстнаго И. Богорова „Български народни пѣсни. Изъ И. Богорова Книжатникъ“ (ч. I. Софія, 1879), заключающемъ въ себѣ 55 пѣсенъ,также историческаго содержанія, и между прочими, нѣсколько—о Кралѣ Маркѣ, записанныхъ по преимуществу въ Софійской области. Можно еще отмѣтить пѣсни, изданныя Богуславомъ Грегоромъ: „Дванадесятъ български народни пѣсни за мѫжско кватетето“. (Брой I. Прага. 1882). Если авторъ упомянулъ о Болгарахъ въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи, то ему не слѣдовало бы забывать о Болгарахъ и въ Сербіи и Венгріи. О первыхъ онъ могъ найдти свѣдѣнія и образцы ихъ народнаго творчества въ почтенномъ трудѣ М. Миличевича: Кнежевина Србиjа. (У Београду, 1876). Кромѣ того, существуетъ небольшой сборникъ народныхъ пѣсенъ, большею частію лирическихъ, записанныхъ у этихъ Болгаръ Милошомъ Милославле-

вичемъ. (Песме народне. Ч. I. у Београду 1869, съ небольшимъ словарикомъ въ концѣ). Образцы народныхъ произведеній (сказки и пѣсни) венгерскихъ Болгаръ помѣщаются въ „Bâlgarsci Denêvnić (âli Kalindar) za Bâlgarete u Plàdnemadzarsku", издаваемомъ Леопольдомъ Киссилковымъ въ Вингѣ (недалеко отъ Тимишвара) съ 1877 г. (печатается въ Тимишварѣ), о которомъ г. Ивацевичъ могъ узнать изъ Archiv für slavische Philologie (VI, стр. 132). Весьма кстати было бы указать на обстоятельную характеристику болгарскихъ пѣсенъ, сдѣланную Ант. Безеншекомъ: „Оцѣненіе на българскитѣ народни пѣсни по формата и съдержанието имъ", (Двѣ сказки държани въ „Славянска Беседа". Софія, 1881 г., а для полноты на отдѣлъ о болгарскихъ народныхъ пѣсняхъ въ книжкѣ П. Оджакова: „Наука за пѣснотворство и стихотворство" (Одесса 1871 стр. 90—122). Нужно замѣтить также, что г. Ивацевичъ почти ничего не говоритъ о размѣрѣ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ. Равнымъ образомъ онъ почти не обращаетъ вниманія на то, что писано о характиристикѣ болгарской народной поэзіи, и потому онъ пропустилъ весьма содержательную, хотя неполную, замѣтку проф. И. В. Ягича о Кралѣ Маркѣ въ болгарской народной поэзіи (Archiv für slavische Philologie, V, стр. 452—455), содержаніе которой было передано между прочимъ въ Голосѣ 1881 г., № 173.

О болгарскихъ народныхъ сказкахъ г. Ивацевичъ упоминаетъ только вскользь, не дѣлая общей характеристики уже собраннымъ и не говоря даже о томъ, много ли ихъ собрано, о чемъ онъ могъ бы узнать изъ библіографической замѣтки, помѣщенной также въ Archiv für slavische Philologie подъ заглавіемъ: „Ein bibliografischer Beitrag zur bulgarische Märchenliteratur" (VI, стр. 130—133). Такимъ же образомъ поступаетъ онъ и съ загадками. Здѣсь нужно отмѣтить небольшой сборникъ загадокъ, составленный Тончомъ Мариновымъ: „Български народни гатанки. Българска мѫдрость" (Кн. 1, Софія 1879); въ немъ заключается 777 загадокъ съ разгадками, частію записанныхъ составителемъ (329), частію имъ самимъ составленныхъ (157) и частію заимствованныхъ изъ разныхъ изданій. Составитель продолжаетъ собирать новыя загадки для второй книжки.

Г. Ивацевичу слѣдовало бы, на основаніи того матеріала, который былъ у него подъ руками, указать на то, какъ ставился въ разныя времена у Болгаръ вопросъ о способѣ собиранія и записыванія произведеній народнаго творчества. Довольно дѣльныя замѣтки объ этомъ онъ могъ бы найдти въ книжкахъ Периодическо Списание за пер-

вый годъ. Укажу еще на довольно обширныя статьи въ болгарской газетѣ Право, издававшейся въ Константинополѣ, за1869 г., и въ Летоструѣ, издававшемся филиппопольскимъ книгопродавцемъ Христо Дановымъ въ Вѣнѣ, за 1870 годъ.

Ограничиваемся этими замѣтками касательно обзора памятниковъ болгарской народной словесности, сдѣланными не столько съ цѣлью обличать недостатки книги г. Ивацевича, сколько для ея дополненія, которое, впрочемъ, можно было бы и увеличить еще нѣкоторыми указаніями.

Обозрѣніе произведеній сербо-хорватской народной словесности, какъ и слѣдовало ожидать, нѣсколько полнѣе, чѣмъ обзоръ болгарской, и на первый взглядъ кажется, что оно исполнено съ большею тщательностію, но, къ сожалѣнію, и оно недостаточно. Для характеристики сербо-хорватской народной поэзіи г. Ивацевичъ пользовался поучительнымъ изслѣдованіемъ проф. И. В. Ягича: „Gradja za jugoslavensku poeziju“, переведеннымъ въ „Славянскомъ Ежегодникѣ“ Задерацкаго, кн. IV, 1878 г. Однако для характеристики Кралевича Марка онъ не воспользовался многосодержательною статьей того же ученаго автора: „Kraljević Marko kurz skizzirt nach der serb. Volksdichtung“, помѣщенной въ Archiv f. slav. Philologie (V, стр. 439—452), и даже не упоминаетъ о ней. Равнымъ образомъ не упоминаетъ онъ и о полномъ и довольно дѣльно составленномъ Ив. Филиповичемъ сборникѣ сербско-хорватскихъ народныхъ пѣсенъ о Кралевичѣ Маркѣ: „Kraljević Marko и narodnih pjesmah“ (U Zagrebu. 1880), съ объясненіемъ малоизвѣстныхъ словъ и выраженій, хотя бы по тому же Архиву (V, стр. 438—439), ни о популярномъ изданіи, сдѣланномъ преимущественно по Вуку Караджичу, книжною фирмой братьевъ Іовановичей въ Панчевѣ въ 1879 г.: „Краљевић Марко у народним песмама (34 пѣсни, стр. 159 въ малую 8-ку, съ рисункомъ „Сонъ Кралевича Марко“ и объясненіемъ турецкихъ и другихъ малоизвѣстныхъ словъ). Далѣе, указывая въ текстѣ на первую книгу сборника извѣстнаго сербскаго патріота-энтузіаста Милоша Милоевича: „Песме и обичаји укупног народа сербског“, и говоря о второй и третьей книгахъ въ приложеніи, г. Ивацевичъ не упоминаетъ о другомъ сборникѣ того же автора „Путопис дела праве-Старе-Србије“ (3 книги. У Београду. 1871—1872—1877 г.), въ первыхъ двухъ выпускахъ котораго также помѣщены записанныя, а можетъ быть, и сочиненныя составителемъ сербскія пѣсни и описаны нѣкоторые народные обычаи. Говоря о М. Милоевичѣ, г. Ивацевичъ долженъ былъ, на основаніи существующихъ уже указаній,

сказать хотя бы нѣсколько словъ о подлинности представляемыхъ Милоевичемъ произведеній народной словесности, или хотя бы упомянуть о томъ, что нѣкоторыя пѣсни изъ его собранія считаются подложными, тѣмъ болѣе что въ настоящее время этотъ собиратель окончательно уличенъ въ археологическихъ подлогахъ и поддѣлкахъ, какъ то основательно доказалъ Призренецъ Величко Тричичъ [1]). Можно было бы сдѣлать еще не мало замѣтокъ и дополненій ко второй главѣ книги г. Ивацевича, но я укажу здѣсь только на весьма интересный и дѣльно составленный сборникъ хорватскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ Истріи и на Кварнеискихъ островахъ: „Hrvatske narodne pjesme, što se pjevaju u Istri i na Kvarnenskih otocih, preštampane iz „Naše Sloge" podporom „Matice Hrvatske" (U Trstu. 1880). Сборникъ этотъ состоитъ изъ предисловія и послѣсловія, въ которомъ говорится, кѣмъ и откуда доставлены пѣсни обществу Naša Sloga (Наше Согласіе); и указано, что нѣкоторыя пѣсни перепечатаны изъ другихъ изданій. Сборникъ раздѣленъ на слѣдующія шесть частей (хотя пѣсни, вслѣдствіе неодновременнаго поступленія въ распоряженіе общества, не строго распредѣлены между ними): I—пѣсни юнацкія (junačke, числомъ 25, изъ которыхъ бо́льшая часть о Кралевичѣ Маркѣ); II—женскія (ženske pjesme, числомъ 169, между которыми есть и историческія); III—свадебныя, подблюдныя и колядныя (pjesme svatovske, napitnice i koledve, числомъ 25); IV—дѣтскія (dječje pjesme, числомъ 28); V—причитанія (pjesme naricaljke числомъ 6) и IV—духовныя (pobožne pjesme, числомъ 25). Многія изъ пѣсенъ снабжены примѣчаніями, а въ концѣ прибавлено: „Краткое объясненіе малоизвѣстныхъ иностранныхъ словъ". Хотя нѣкоторыя пѣсни записаны не съ буквальною точностію, какъ и об— нено въ предисловіи, тѣмъ не менѣе отъ этого нисколько не уменьшается ихъ значеніе, тѣмъ болѣе, что многія собраны въ такихъ мѣстахъ, откуда до настоящаго времени не были обнародованы произведенія народной словесности, или если и были, то въ очень небольшомъ количествѣ. Историческія пѣсни составляютъ по большей части только варіанты уже извѣстныхъ по Караджичу и другимъ,

---

[1]) О книжкѣ *Трпича*: Милош С. Милојевић у Призрену и њ еговој околини (у Београду, 1880) было сдѣлано мною года два тому назадъ нѣсколько замѣтокъ (*Ж. М. Н. Пр.* 1880, декабрь), а также указано было на явные подлоги въ пѣсняхъ М. Милоевича.

но за то другіе отдѣлы представляютъ весьма много цѣннаго для изученія мѣстной жизни и силы народнаго творчества.

Вторая часть книги г. Ивацевича, о западныхъ Славянахъ, представляется болѣе обстоятельною, чѣмъ первая; здѣсь авторъ обращаетъ вниманіе на существенное, и менѣе замѣтна та случайность въ сужденіяхъ и замѣткахъ о томъ или другомъ сборникѣ или собирателѣ. Особенною законченностью отличается глава четвертая, и потому тѣмъ болѣе кажется страннымъ, что г. Ивацевичъ пропустилъ въ ней такой важный сборникъ, какъ „Slovenské Spevy", издаваемый выпусками въ пять листовъ съ 1880 г. въ Турчанскомъ Святомъ Мартинѣ „Любителями словацкихъ напѣвовъ" (Priatelia slovenských spevov),—сборникъ, о которомъ нѣсколько разъ говорилось въ русскихъ газетахъ (между прочимъ въ Голосѣ 1881, № 169). Это изданіе словацкихъ пѣсенъ съ ихъ напѣвами задумано во время существованія Словацкой матицы, но послѣ ея закрытія оно было отложено на неопредѣленное время, и только недавно могли начать его „любители", во главѣ которыхъ стоитъ комитетъ изъ четырехъ лицъ, заправляющій дѣломъ собиранія пѣсенъ и напѣвовъ и издающій сборникъ. Всѣхъ выпусковъ сборника будетъ десять; по до настоящаго времени вышло только пять. У меня подъ руками теперь только три, въ которыхъ заключаются 325 напѣвовъ съ ихъ пѣснями, изъ коихъ однѣ приведены въ цѣлости, а другія только въ первыхъ куплетахъ. Напѣвы записаны людьми, хорошо знающими музыку; иногда приводится по одному, по два и даже по три варіанта одного и того же напѣва. Всѣ пѣсни, помѣщенныя въ вышедшихъ уже выпускахъ, бытовыя, и относятся къ отдѣлу „травницъ" [1]); въ нихъ воспѣвается любовь, разлука и разочарованіе влюбленныхъ. Есть, впрочемъ, между

[1]) «Травницами» называются дѣвушки, отправляющіяся на гору или въ поле за травой. Напримѣръ:

Trávnice, trávnice v poli záškodnice
A le ste do domu dobré robotnice.

Янъ Колларъ, Národnie Zpevanky, I, стр. 293.

Дѣвушки по дорогѣ и на мѣстѣ работъ поютъ пѣсни вольнаго темпа, причемъ конечная буква на концѣ слога или какой-нибудь части значительно продолжается; оттого пѣсни и называются «травницами». Въ прежнія времена «травницами» назывались пѣсни вольнаго темпа, стихи которыхъ состояли изъ 12 слоговъ. Въ настоящее время хорошій пѣвецъ называетъ «травницей» всякую облюбленную имъ пѣсню. Названіе это новое; Колларъ не упоминаетъ его въ своихъ «Zpievankách». Slovenské Spevy, seš. I, стр. VII.

ними нѣсколько валашскихъ (то-есть, пѣсенъ моравскихъ валаховъ и вообще пастушескихъ). Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ уже извѣстны по прежнимъ изданіямъ, но бо́льшая ихъ часть записана впервые, притомъ съ означеніемъ мѣстностей, гдѣ каждая записана. Изданіе „Slovenske Spevy" съ внѣшней стороны довольно изящно. Чешско-моравскіе газеты и журналы: Narodni Listi, Moravska Orlice, Svetozor, Cech, Vestnik bibliograficky и другія славянскія періодическія изданія привѣтствовали появленіе въ свѣтъ „Slovenske Spevy" съ большимъ сочувствіемъ. Признавая важное историческое, бытовое и музыкально-эстетическое значеніе этихъ напѣвовъ и пѣсенъ и называя ихъ перлами славянскаго народнаго творчества, они предлагаютъ ихъ самому серьезному вниманію знатоковъ и любителей славянской поэзіи, а также и славянскихъ поэтовъ.

Гораздо менѣе удовлетворительно составленъ библіографическій обзоръ польской народной словесности; въ немъ нѣтъ ни цѣльности, ни законченности, и замѣтки автора носятъ здѣсь характеръ совершенно случайный и отрывочный. Впрочемъ, самъ авторъ сознается, „что въ настоящемъ обозрѣніи" встрѣчаются „пробѣлы (sic), потому что, не говоря уже о томъ, что всѣ труды, помѣщенные въ журналахъ", онъ оставилъ въ сторонѣ, но „при всемъ усиліи" ему не удалось „достать и прочитать даже и всѣхъ отдѣльныхъ сборниковъ, сдѣланныхъ Поляками". Поэтому онъ говоритъ только о томъ, что̀ было у него „подъ руками" (стр. 140). Сказавъ довольно подробно о характерѣ польской народной поэзіи, по преимуществу на основаніи изслѣдованій профессора Ягича, г. Ивацевичъ такъ объясняетъ отсутствіе эпоса у западныхъ Славянъ: „Что нѣтъ эпоса у Поляковъ, Чеховъ, Словаковъ, Морававъ, это можно объяснить только особенными историческими и соціально-политическими условіями ихъ народной жизни и преимущественно особеннымъ положеніемъ простаго народа: въ Польшѣ онъ былъ подавленъ шляхтой, въ Чехіи и другихъ упомянутыхъ нами странахъ нѣмецкимъ вліяніемъ, вліяніемъ нѣмецкаго католическаго духовенства, всегда враждебно относившагося ко всему народному славянскому — народной поэзіи, народнымъ обычаемъ, обрядамъ, народной письменности и старавшагося всѣми силами искоренить ихъ, равно и въ извѣстной степени, господствомъ магнатовъ" (стр. 131). Нельзя не признать слова г. Ивацевича справедливыми; но въ нихъ, по моему разумѣнію, заключается еще не вся истина. Была еще одна причина, и притомъ самая главная. Въ не менѣе трудныхъ условіяхъ находился простой народъ и у юго-

восточныхъ Славянъ, разумѣется, съ нѣкоторыми особенностями. Дѣло тутъ не въ одномъ простомъ народѣ. Эпическія поэзія въ первыя времена политической жизни отдѣльныхъ славянскихъ народностей была достояніемъ не одного только простаго народа, какъ нынѣ. Этому положенію можно найдти нѣкоторыя основанія въ исторіи. Но у юго-восточныхъ Славянъ культура, привнесенная извнѣ вмѣстѣ съ религіей, не имѣла того подавляющаго вліянія на самобытный духъ и характеръ народа, какое она, при помощи римскаго католичества, обнаружила у западныхъ славянскихъ народовъ, когда послѣдніе находились только въ колыбели политической жизни; она, такъ сказать, вытравила очень рано почти все, что̀ было у нихъ самобытно живаго, самостоятельнаго. Восточная церковь по своему принципу, не отрицая въ себѣ народнаго элемента, языка, давала право существовать самобытно каждой народности, вступившей въ ея лоно, и тѣмъ самымъ не только укрѣпляла, но и освящала живую мощь народа. Поэтому у восточныхъ Славянъ мы видимъ съ самыхъ раннихъ временъ послѣ принятія христіанства появленіе еретическихъ сектъ, которыя въ свою очередь только обогатили народную поэзію. Противъ сказаннаго мною можно выставить одно очень сильное, съ перваго взгляда, возраженіе,—что Хорваты, воспитанные на римско-католической культурѣ, сохранили эпосъ. Не говоря о характерѣ эпическаго элемента хорватскихъ пѣсенъ, нужно однако замѣтить, что Хорваты составляютъ нераздѣльное цѣлое въ національномъ смыслѣ съ Сербами, и что сношенія между тѣми и другими были непрерывны, и потому всегда сообщалась Хорватамъ, какъ бы посредствомъ электрическаго тока, жизненная національная струя. Такимъ же образомъ можно объяснить и появленіе патареновъ въ Босніи, гдѣ, собственно говоря, долгое время боролись двѣ культуры въ лицѣ двухъ вѣръ, пока одна изъ нихъ, вспомоществуемая внѣшними обстоятельствами, не взяла верха надъ другою. Далѣе г. Ивацевичъ характеризуетъ польскую народную поэзію въ современномъ ея состояніи, но видимому, для того, чтобы доказать то, чего никто никогда не оспаривалъ. „Изъ всего сказаннаго нами“, говоритъ онъ,—„кажется, нельзя вывести заключенія, что у Поляковъ народная словесность уже слишкомъ бѣдна. Правда, она не особенно богата; но все-таки и изъ нея можно видѣть, что Поляки народъ чисто славянскій: у нихъ видна любовь къ пѣснямъ“. И затѣмъ нѣсколько далѣе: „Изданныя г. Кольбергомъ польскія народныя пѣсни, равно какъ и изданныя Рогеромъ и Коз-

ловскимъ, безъ сомнѣнія, лучше всего могутъ опровергнуть установившееся ложное мнѣніе о бѣдности и ничтожности польской народной поэзіи. Важное достоинство ея и въ томъ, что въ ней незамѣтно нѣмецкаго вліянія, которое такъ непріятно поражаетъ насъ въ пѣсняхъ другихъ западныхъ Славянъ" (стр. 158). Нельзя, конечно, теперь повторять намъ слова Бодянскаго: „у Поляковъ нѣтъ пѣсенъ". Такъ какъ первый изъ Русскихъ надолго установилъ въ обществѣ ложное мнѣніе о польской поэзіи, то очень желательно было бы, чтобъ именно русскій ученый высказалъ на нее вѣрный и неопровержимый (!) взглядъ" (стр. 133). Вся эта тирада вызвана, мнѣ кажется, сильнымъ увлеченіемъ г. Иващевича имѣвшими въ свое время свое основаніе словами покойнаго профессора Бодянскаго, книга котораго (О народной поэзіи славянскихъ племенъ. М. 1837) въ настоящее время весьма мало извѣстна.

Къ коротенькой, но довольно обстоятельной шестой главѣ о Серболужичанахъ я считаю нужнымъ сдѣлать небольшое добавленіе, отмѣтивъ два сборника: одинъ—Эдм. Фекенштедта (Edm. Veckenstedt), старшаго учителя древнихъ языковъ въ Либавской Николаевской гимназіи: „Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche". (Graz. 1880), посвященный профессору Р. Вирхову, и другой—Шуленбурга (Wilibald von Schulenburg): „Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald" (Leipzig. 1880). Первый сборникъ составленъ весьма обстоятельно и съ знаніемъ дѣла; начинается онъ краткимъ, но содержательнымъ предисловіемъ, въ которомъ объясняется характеръ помѣщенныхъ въ немъ народныхъ произведеній и указываются лица, при помощи которыхъ составитель собралъ часть своего матеріала; затѣмъ приводится 96 сказокъ, преданій, разказовъ, повѣрій, пословицъ и т. п., съ означеніемъ мѣстъ, гдѣ записаны, и нерѣдко съ варіантами; изъ варіантовъ пять представляютъ образцы говоровъ сербско-лужицкаго языка — будишинскаго, мужиковскаго, градковскаго и нижне-лужицкаго около Хотебуза. Въ концѣ прибавленъ указатель. Второй сборникъ составленъ любителемъ, хотя почти не уступаетъ первому въ исполненіи; и это собраніе начинается также предисловіемъ, въ которомъ приводится нѣсколько интересныхъ замѣтокъ о характерѣ страны и населенія, гдѣ записаны заключающіяся въ сборникѣ произведенія народной словесности, и между прочимъ отмѣчены особенности сербско-лужицкой азбуки. Весь заключающійся въ сборникѣ матеріалъ раздѣленъ на двадцать отдѣловъ, въ которыхъ помѣщены не только сказки и обычаи, но и по-

вѣрья. Подъ чертой приведено множество примѣчаній и указаній по языку, объяснительныхъ, историческихъ и историко-литературныхъ. За этимъ слѣдуетъ приложеніе съ девятью образцами мѣстнаго говора, съ нѣмецкимъ переводомъ подъ чертой же; изъ нихъ семь—народныя произведенія, восьмой—отрывокъ изъ Евангелія отъ Матѳея (V, 3—12) безъ нѣмецкаго перевода, и девятый—басня Федра: „Волкъ и ягненокъ". Въ концѣ приведены добавленія, иногда весьма интересныя, исправленія и указатель.

Этимъ я заключаю обзоръ содержанія книги г. Ивацевича. Не выходя изъ тѣхъ предѣловъ, какіе далъ ей авторъ, можно сказать, что въ общемъ она все-таки недостаточна. Даже на основаніи того матеріала, который былъ въ его распоряженіи, онъ могъ дать ей болѣе приличный видъ. Какъ въ активной, такъ и въ механической работѣ автора, видна поспѣшность и небрежность; поэтому въ ней встрѣчаются необдуманные заключенія и выводы, и на ряду со сборниками первостепенной важности поставлены второстепенные и даже ничтожные; притомъ же книжка написана, можно сказать, варварскимъ языкомъ, принимая это выраженіе въ литературномъ смыслѣ. Не привожу примѣровъ тому, потому что всякій можетъ найдти ихъ очень легко, раскрывъ книгу. Такая же поспѣшность и небрежность отразилось и на внѣшности книги: въ ней не только масса типографскихъ промаховъ, особенно въ не русскихъ текстахъ, но нерѣдко можно встрѣтить и грамматическія ошибки. При всемъ томъ книга г. Ивацевича, какъ первая попытка указать матеріалъ славянскаго народнаго творчества, заслуживаетъ вниманія какъ занимающихся славянствомъ, такъ и читающей публики и вообще можетъ быть не безполезна.

Полихроній Сырку.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ПО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ И ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЯМЪ ЗА 1882 ГОДЪ [1].

Подводя, въ нашемъ отчетѣ, какъ бы годичный итогъ силъ, работавшихъ въ нашей средѣ на пользу науки, мы невольно обращаемся прежде всего къ тѣмъ горестнымъ утратамъ, что̀ испытала академія со времени послѣдняго нашего торжественнаго собранія. Это даетъ намъ случай, публичнымъ заявленіемъ нашего соболѣзнованія, воздать должную дань признательности тѣмъ, которые много сдѣлали полезнаго на своемъ вѣку и для которыхъ теперь настаетъ уже исторія.

Впереди всѣхъ мы должны назвать нашего бывшаго президента— графа Ѳ. П. Литке, память котораго неразлучно связана съ исторіею нашего учрежденія.

Затѣмъ мы оплакиваемъ утрату, въ составѣ нашихъ почетныхъ членовъ, такихъ заслуженныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, какъ свѣтлѣйшій князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ-Рымникскій, предсѣдатель археологической коммиссіи графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, туркестанскій генералъ-губернаторъ Кон-

[1]) Читанъ непремѣннымъ секретаремъ, ординарнымъ академикомъ *К. С. Веселовскимъ*, въ годичномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1882 года.

стантинъ Петровичъ Кауфманъ, начальникъ русскихъ телеграфовъ Карлъ Карловичъ Людерсъ, и любитель исторической науки графъ Владиміръ Петровичъ Орловъ-Давыдовъ.

Въ спискѣ нашихъ членовъ-корреспондентовъ смерть вычеркнула многія знаменитыя имена, произносимыя повсюду съ уваженіемъ.

19-го апрѣля окончилъ свое славное поприще Чарльзъ Дарвинъ— одинъ изъ геніальнѣйшихъ натуралистовъ нашего вѣка, сообщившій всему естествознанію могущественное движеніе впередъ. Англичане, всегда признательные къ тѣмъ, кто придаетъ новый блескъ англійскому имени, помѣстили прахъ великаго реформатора современной науки въ пантеонъ своей народной славы—въ Вестминстерское аббатство, рядомъ съ Невтономъ, какъ бы подъ сѣнью той надписи, которая сіяетъ на гробницѣ послѣдняго—Decus generis humani.

Почти въ то же время [1]) угасъ въ Лондонѣ маститый президентъ тамошняго линнеевскаго общества Джоржъ Бентамъ, занявшій многочисленными, важными и обширными своими трудами по систематикѣ растеній безспорно первое мѣсто среди современныхъ ботаниковъ всѣхъ странъ. Между французскими учеными, которымъ наука о растеніяхъ обязана наибольшими успѣхами, не стало Декена [2]), многолѣтняго директора парижскаго Jardin des Plantes, достойнаго преемника Дефонтена, троихъ Жюсьё и Турнфора.

Столь же чувствительна, для другой отрасли науки, была кончина знаменитаго французскаго геометра Ліувиля, обладавшаго изумительною ученою плодовитостію и неоставившаго почти ни одной отрасли математики, безъ того чтобы не обогатить ее важными вкладами.

Въ Мюнхенѣ почти въ одно и то же время скончались престарѣлый анатомъ Теодоръ Бишофъ, прославившійся такими трудами по исторіи развитія млекопитающихъ, которые надолго останутся классическими, и филологъ Карлъ Гальмъ, упрочившій за собою высокое мѣсто въ наукѣ превосходными трудами въ области обѣихъ классическихъ литературъ, и въ особенности много содѣйствовавшій къ лучшему познанію произведеній Цицерона. Въ Эдинбургѣ не стало отличнаго санскритолога Джона Муира, которому принадлежитъ не малая доля участія въ столь обширныхъ въ наше время трудахъ по изученію литературы и древностей Индіи, и наконецъ въ Гёттингенѣ сошелъ

[1]) 16-го марта.

[2]) Ум. 8-го февраля въ Парижѣ.

въ могилу въ глубокой старости первоклассный ученый, химикъ Велеръ, ученикъ и потомъ другъ Берцеліуса, внесшій въ науку много важныхъ открытій.

Обзоръ трудовъ по физико-математическимъ и историко-филологическимъ наукамъ, занимавшихъ наши засѣданія и затѣмъ сообщаемыхъ ученому свѣту посредствомъ нашихъ изданій, долженъ по справедливости начаться съ математики, какъ науки по преимуществу, которая, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ наша академія, занимала въ ней одно изъ главныхъ мѣстъ. Нашъ высокоуважаемый вице-президентъ, академикъ В. Я. Буняковскій неослабно трудился надъ разработкою той части этой науки, которая обязана ему уже многими важными изысканіями, а именно теоріею чиселъ.

Придуманный Эратосѳеномъ способъ для выдѣленія простыхъ чиселъ изъ ряда натуральныхъ нечётныхъ составляетъ нынѣ лишь любопытный образчикъ изобрѣтательности древнихъ геометровъ. Несмотря на слишкомъ двухтысячелѣтнюю давность этой первой попытки, рѣшеніе вопроса объ опредѣленіи послѣдовательныхъ простыхъ чиселъ очень мало подвинулось впередъ и до нашей эпохи. Непреодолимыя затрудненія, присущія вообще изслѣдованіямъ о простыхъ числахъ, причиною тому, что въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, ихъ теорія оставалась неподвижною. Съ начала XVII столѣтія стали появляться нѣкоторыя отрывочныя изысканія о ихъ свойствахъ, каковы, между прочимъ, теоремы Фермата и Вильсона. И въ прошломъ вѣкѣ, обильномъ важными изслѣдованіями Эйлера, Лагранжа и Гаусса по предмету трансцендентной ариѳметики, эта спеціальная ея отрасль не получила существеннаго обогащенія. Только въ современную намъ эпоху труды Дирихле, Чебышева, Штаудта, Клаусена, внесли въ ученіе о простыхъ числахъ особенно выдающіеся результаты. Несмотря однакожъ и на эти важные вклады, число неразрѣшенныхъ вопросовъ по этой спеціальности теоріи чиселъ до сихъ поръ было весьма значительно. Въ запискѣ, читанной намъ г. Буняковскимъ объ одномъ видоизмѣненіи способа, извѣстнаго подъ названіемъ Эратосѳенова рѣшета, изложенъ пріемъ, посредствомъ котораго можно находить всѣ простыя числа опредѣленнаго вида, заключающіяся между двумя данными предѣлами. Самый видъ чиселъ, подвергаемыхъ испытанію, обусловливается значеніями и мѣстами цифръ, входящихъ въ ихъ составъ.

Другая записка нашего маститаго геометра составляетъ первый отдѣлъ предпринятаго имъ изслѣдованія о нѣкоторыхъ предложеніяхъ,

относящихся къ функціи $E(x)$. Поводомъ къ этому труду служило заявленное г. Буняковскому нѣкоторыми извѣстными математиками желаніе ознакомиться съ анализомъ, приведшимъ его къ тѣмъ предложеніямъ этого рода, которыя были напечатаны имъ безъ доказательствъ, въ „Бюллетенѣ Академіи". Въ читанной имъ теперь запискѣ изложены, кромѣ этихъ доказательствъ, еще нѣкоторые новые результаты, относящіеся къ той же функціи $E(x)$.

Продолжая свои изысканія о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ особаго рода, академикъ Чебышевъ въ запискѣ [1]: „Объ отношеніи двухъ интеграловъ, распространенныхъ на однѣ и тѣ же величины перемѣнной" далъ рѣшеніе одного новаго вопроса относительно интеграловъ.

Академикъ В. Г. Имшенецкій распространилъ на линейныя уравненія вообще способъ Эйлера для изслѣдованія всѣхъ случаевъ интегрируемости одного частнаго вида линейныхъ уравненій втораго порядка.

Нашему члену-корреспонденту, члену бельгійской академіи наукъ Каталону обязаны мы сообщеніемъ замѣчательной записки о постоянной величинѣ G; наконецъ, знатоки высшей синтетической геометріи прочтутъ съ интересомъ въ нашемъ бюллетенѣ предложенный чешскимъ математикомъ, профессоромъ Ванечекомъ, рядъ теоремъ, относящихся къ образованію поверхностей 2, 3 и 4-го порядковъ по общему способу, заключающему въ себѣ, какъ частный случай, способъ обратныхъ радіусовъ векторовъ.

Въ наукѣ, занимающейся изслѣдованіемъ небесныхъ тѣлъ, на долю нашей Пулковской обсерваторіи, какъ извѣстно, досталась разработка преимущественно звѣздной астрономіи.

Орбитныя движенія въ системахъ звѣздъ совершаются большею частью въ столѣтніе или тысячелѣтніе періоды, и одинъ и тотъ же наблюдатель обыкновенно можетъ прослѣдить въ пути, описываемомъ тою или другою системою, только весьма небольшую часть, по которой приходится заключать о фигурѣ и размѣрахъ всей орбиты. Чѣмъ точнѣе и продолжительнѣе измѣренія, тѣмъ вѣрнѣе, конечно, и эти заключенія. Поэтому весьма важное значеніе пріобрѣтаютъ измѣренія, произведенныя нашимъ сочленомъ, О. В. Струве въ системахъ двойныхъ и болѣе сложныхъ звѣздъ въ теченіе почти полустолѣтія и служащія продолженіемъ знаменитыхъ трудовъ его

---

[1]) Чит. 23-го ноября.

отца. Четыре года назадъ появились въ печати сорокалѣтнія его наблюденія двойныхъ звѣздъ въ предѣлахъ, принятыхъ В. Я. Струве, а именно наблюденія тѣхъ системъ, въ которыхъ видимое взаимное разстояніе свѣтилъ не превосходитъ 32″. Въ печатаемомъ нынѣ продолженіи своихъ микрометрическихъ измѣреній, онъ, между прочимъ, распространилъ ихъ на двойныя звѣзды, разстояніе между которыми превышаетъ упомянутый предѣлъ. Совокупность этихъ двухъ рядовъ наблюденій приводитъ къ весьма замѣчательнымъ заключеніямъ помимо той важности, какую они имѣютъ непосредственно для вычисленія самыхъ орбитъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ остроумныя соображенія, основанныя на теоріи вѣроятностей, побудили В. Я. Струве принять сказанное угловое разстояніе за предѣлъ, далѣе котораго не стóитъ продолжать измѣреній двойныхъ звѣздъ, такъ какъ физическая связь такихъ системъ гораздо менѣе вѣроятна, и слѣды орбитныхъ движеній могутъ обнаруживаться въ нихъ только чрезъ весьма продолжительные періоды. Въ настоящее время наблюденія вполнѣ подтвердили справедливость этого взгляда. Съ приближеніемъ къ означенному предѣлу взаимныя положенія звѣздъ въ самомъ дѣлѣ измѣняются весьма рѣдко. Отюда можно заключить, что звѣзды этой категоріи если бóльшею частью и представляются еще физически связанными системами, то, по причинѣ большихъ линейныхъ разстояній, орбитныя движенія въ нихъ происходятъ чрезвычайно медленно. Напротивъ того, при еще бóльшихъ угловыхъ разстояніяхъ, мы опять часто замѣчаемъ значительныя перемѣны во взаимныхъ положеніяхъ. Здѣсь начинаютъ преобладать относительныя движенія, которыя нельзя смѣшивать съ орбитными; они зависятъ отъ такъ называемыхъ собственныхъ движеній, представляющихъ вѣрнѣйшее средство для различенія физически-связанныхъ двойныхъ звѣздъ отъ оптическихъ. Мы получаемъ такимъ образомъ богатѣйшія данныя для дальнѣйшаго изслѣдованія этихъ собственныхъ движеній—движеній, помощью которыхъ астрономія надѣется современемъ получить отвѣтъ на важные и еще таинственные вопросы объ устройствѣ звѣзднаго міра и о господствующихъ въ немъ силахъ. Особенно замѣчательны тѣ рѣдкіе случаи, въ которыхъ обѣ звѣзды, при взаимномъ угловомъ разстояніи въ цѣлыя минуты, имѣютъ одинаковое собственное движеніе значительной величины. Въ такихъ системахъ нужно предполагать физическую связь и въ то же время сравнительно меньшее разстояніе отъ нашей солнечной системы.

Сравненіе произведенныхъ г. Струве въ 1851 г. измѣреній ко-

лецъ Сатурна со старѣйшими, менѣе точными наблюденіями другихъ астрономовъ, привело нашего сочлена къ предположенію, что въ этой удивительной системѣ происходятъ значительныя измѣненія, и что несогласіе прежнихъ наблюденій достаточнымъ образомъ объяснимо допущеніемъ, что кольца Сатурна, все болѣе и болѣе расширяясь во внутрь, приближаются къ планетѣ краемъ, обращеннымъ къ ней. Съ того времени планета совершила полный оборотъ свой вокругъ солнца и въ нынѣшнемъ году находилась снова въ томъ же положеніи относительно солнца и земли, въ которомъ она была наблюдаема въ 1851 году. Воспользовавшись этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для повѣрки своего прежняго предположенія, г. Струве получилъ, въ произведенныхъ наблюденіяхъ надъ кольцомъ Сатурна, такое согласіе съ прежними, при которомъ нѣтъ и слѣдовъ поступательнаго движенія кольца. Послѣ этого астрономамъ предстоитъ интересная задача объяснить, какимъ причинамъ можно приписать изумительныя несогласія прежнихъ наблюденій—задача тѣмъ болѣе сложная, что существованіе измѣненій въ этой системѣ, хотя бы и не поступательныхъ, не можетъ быть отрицаемо, между прочимъ уже потому, что черной полосы, которая раздѣляла въ 1851 году такъ называемое темное кольцо и которую наблюдали тогда г. Струве и другіе астрономы, на нынѣшній разъ не было видимо и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для наблюденія.

Столь же любопытными представляются видоизмѣненія, которыя, послѣ появленія въ 1879 году извѣстнаго краснаго пятна на Юпитерѣ, обнаружились на поверхности этой планеты. Тщательно наблюдая и изучая это пятно, г. Картацци, астрономъ морской обсерваторіи въ Николаевѣ, нашелъ, что общій видъ этого пятна въ теченіе трехъ лѣтъ не измѣнился. Но строгое вычисленіе повидимому указываетъ на небольшое передвиженіе пятна по диску планеты въ направленіи къ экватору, вслѣдствіе чего это пятно едва-ли можно считать частію твердой массы Юпитера, хотя, конечно, для положительныхъ о томъ заключеній необходимы еще дальнѣйшія наблюденія. Во всякомъ случаѣ, это пятно рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ пятенъ на Юпитерѣ, бѣлыхъ и черныхъ, быстро измѣняющихся и видимо связанныхъ съ мощными теченіями въ атмосферѣ планеты.

Наблюденія надъ тѣми же планетами, Сатурномъ и Юпитеромъ, а также надъ Нептуномъ, во время ихъ противостоянія въ 1881 г., были предметомъ записки, напечатанной академикомъ А. Н. Савичемъ въ нашемъ Бюллетенѣ. Огромная масса планеты Юпитера

имѣетъ, какъ извѣстно, преобладающее вліяніе въ возмущеніяхъ элиптическаго движенія всѣхъ тѣлъ солнечной системы. Хотя уже многіе астрономы старались опредѣлить ее, однако полученные результаты еще не вполнѣ удовлетворяютъ нынѣшнимъ требованіямъ теоріи, увеличившимся соотвѣтственно возрастанію точности наблюденій. Этотъ недостатокъ представился особенно чувствительнымъ для г. Баклунда, при его изслѣдованіяхъ о движеніи кометы Энке, и побудилъ его предпринять новое опредѣленіе этого элемента при помощи репсольдова геліометра Пулковской обсерваторіи. При этомъ изслѣдованіи нашъ членъ-корреспондентъ оставилъ, по предложенію О. В. Струве, прежній общепринятый способъ измѣренія разстояній спутниковъ отъ самой планеты и замѣнилъ его измѣреніями разстояній и угловъ положеній спутниковъ между собою. Въ представленной академіи предварительной запискѣ онъ изложилъ этотъ способъ опредѣленія и показалъ, насколько онъ, въ отношеніи точности, превосходитъ прежній. Дѣлаемыя г. Баклундомъ уже въ теченіе трехъ лѣтъ наблюденія, въ нынѣшнюю зиму будутъ закончены и даютъ право ожидать отъ нихъ результатовъ, вполнѣ удовлетворяющихъ требованіямъ науки.

Академикъ Савичъ сообщилъ намъ о вычисленіи частныхъ возмущеній въ движеніи кометъ и малыхъ планетъ замѣчанія и объясненія, относящіяся къ способу Гапзена и Тіетина [1]).

О великолѣпныхъ кометахъ 1882 года академія получала отъ г. Струве въ разное время изустныя сообщенія. Въ числѣ трудовъ объ этихъ кометахъ особенно интересны произведенныя въ Пулковѣ спектроскопическія наблюденія г. Гассельберга. Въ кометѣ Вельса, имѣвшей сначала извѣстный углеводородный спектръ, при приближеніи ея къ солнцу вдругъ этотъ спектръ замѣнился блестящею линіею натрія, снова уступившею мѣсто линіямъ углеводородовъ съ удаленіемъ кометы отъ солнца. Очевидно, близость солнца значительно измѣнила физическія условія внутри самой кометы. Изъ прежнихъ сообщеній г. Гассельберга извѣстно, что подобныя явленія происходятъ и въ Гейслеровыхъ трубкахъ при дѣйствіи электрическаго тока. Когда въ трубкахъ присутствуютъ пары натрія, то послѣдніе принимаютъ на себя роль проводниковъ тока, углеводороды же остаются пассивными. Это обстоятельство служитъ новымъ доказательствомъ электри-

[1]) Чит. 23-го ноября

ческой теоріи свѣченія кометъ, неисключающей конечно въ кометахъ и отраженнаго солнечнаго свѣта.

Къ числу астрофизическихъ изслѣдованій относятся и фотометрическія работы ученаго секретаря Пулковской обсерваторіи г. Линдемана, о которыхъ мы уже не разъ имѣли случай говорить. Въ нынѣшнемъ году имъ представлены академіи двѣ записки: одна составляетъ дополненіе къ прежнему его списку новыхъ звѣздъ краснаго цвѣта, каковой цвѣтъ принято считать признакомъ перемѣнчивости звѣздъ. Но въ другой любопытной запискѣ г. Линдеманъ именно доказываетъ, на основаніи собственныхъ опытовъ, что сужденіе о перемѣнчивости красныхъ звѣздъ въ неожиданно большой мѣрѣ обусловливается меньшею чувствительностью человѣческаго глаза къ красному цвѣту, и полагаетъ, что по этой причинѣ для многихъ перемѣнныхъ звѣздъ этого цвѣта предполагаемая перемѣнчивость не можетъ еще считаться доказанною.

Оптическія явленія, происходящія при прохожденіи нижнихъ плачетъ черезъ дискъ солнца около момента прикосновенія краевъ свѣтилъ, много мѣшаютъ точности наблюденій и выводимыхъ изъ нихъ результатовъ. Приписывали ихъ прежде главнымъ образомъ такъ-называемый диффракціи, но бездоказательно, не изучая достаточно теорію этого явленія. Математическая теорія диффракціи въ зрительныхъ трубахъ, разработанная трудами Эри и Шверда пятьдесятъ лѣтъ назадъ, ограничивалась частнымъ случаемъ исхожденія свѣта изъ свѣтящихся точекъ, а по недостатку въ то время столь много усовершенствованныхъ въ послѣднія десятилѣтія пособій математическаго анализа, не могла быть распространена на свѣтящіяся поверхности. Нынѣ этимъ предметомъ занялся съ замѣчательнымъ успѣхомъ г. Германъ Струве, сынъ нашего сочлена. Выработанная имъ теорія разсматриваетъ диффракцію въ зрительныхъ трубахъ съ болѣе общей точки зрѣнія и вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ замѣченнымъ понынѣ при прохожденіяхъ Меркурія и Венеры явленіямъ. Она указываетъ кромѣ того на существованіе и нѣкоторыхъ другихъ диффракціонныхъ явленій, незамѣченныхъ наблюдателями до сего времени при прохожденіяхъ, по причинѣ ихъ кратковременности. Но трудъ г. Герм. Струве важенъ не только для однихъ практическихъ астрономовъ. Употребивъ въ немъ такъ называемыя Бесселевы функціи, онъ даетъ новыя развитія этихъ функцій, интересныя въ математическомъ отношеніи, и приходитъ къ различнымъ оптическимъ теоремамъ, которыя должны будутъ оказаться плодотворными въ примѣненіи къ много-

численнымъ задачамъ теоретической оптики. Поэтому мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ работу г. Герм. Струве, какъ важный новый шагъ на пути физико-математическихъ теорій, столь мало разработанныхъ въ нашемъ отечествѣ со временъ Эйлера и Бернулли.

Дѣятельность академика Г. И. Вильда была обращена преимущественно на организацію ученой части полярныхъ экспедицій, снаряженныхъ всѣми образованными странами свѣта для изученія арктической природы. Въ качествѣ предсѣдателя международной коммиссіи по этому предпріятію, нашъ сочленъ занялся, по поводу этихъ экспедицій, въ особенности опредѣленіемъ точныхъ правилъ для наблюденій надъ земнымъ магнетизмомъ.

Съ цѣлью изслѣдованіемъ одного частнаго случая обратить вниманіе ученыхъ на нѣкоторые еще нерѣшенные вопросы земнаго магнетизма, важные въ виду означеннаго грандіознаго предпріятія, г. Вильдъ издалъ обширную записку о магнитной бурѣ 30-го января и 1-го февраля 1881 года. При этомъ, основавъ свои вычисленія на показаніяхъ магнитографовъ въ Павловскѣ и въ одиннадцати другихъ пунктахъ земнаго шара, онъ получилъ возможность опредѣлить числовыя значенія самыхъ силъ, произведшихъ магнитныя возмущенія, и вывести нѣсколько важныхъ заключеній относительно распредѣленія этихъ возмущеній. Это изслѣдованіе дало ему поводъ сдѣлать, чрезъ посредство нашего „Бюллетеня“, мотивированное предложеніе относительно однообразнаго регулированія варіаціонныхъ магнитныхъ аппаратовъ относительно ихъ чувствительности — предложеніе, уже и принятое повсюду къ руководству на магнитныхъ обсерваторіяхъ.

По мѣрѣ того, какъ организованная нашею главною физическою обсерваторіею метеорологическая сѣть, постоянно развиваясь, достигаетъ постепенно большей полноты и точности наблюденій, матеріалъ, доставляемый ими, пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе для науки, и такимъ образомъ даетъ основу для бо̀льшаго числа ученыхъ изслѣдованій, имѣющихъ въ виду, чрезъ разработку этого матеріала, разъяснить тѣ или другіе важные вопросы климатологіи Россіи, равно какъ и законы атмосферныхъ явленій. Въ этомъ отношеніи мы должны отдать полную справедливость всему составу служащихъ при главной физической обсерваторіи, принимающихъ съ особымъ усердіемъ самое дѣятельное участіе въ ученой обработкѣ означенныхъ матеріаловъ.

Помощникъ директора обсерваторіи М. А. Рыкачовъ, подвергнувъ вычисленію суточныя анемометрическія наблюденія Петербурга, из-

слѣдовалъ вопросъ о томъ, не обнаруживаются ли также и въ этихъ наблюденіяхъ суточные приливы и отливы атмосферы, существованіе которыхъ было теоретически выведено Лапласомъ, но которые имѣли эмпирическое подтвержденіе себѣ только въ показаніяхъ барометра. Точными вычисленіями критически провѣренныхъ матеріаловъ г. Рыкачову дѣйствительно удалось доказать, съ несомнѣнностью, существованіе этихъ воздушныхъ приливовъ и отливовъ.

Предметомъ другой работы того же ученаго были данныя относительно времени вскрытія и замерзанія рѣкъ, озеръ и другихъ водоемовъ имперіи, а побужденіемъ къ этому труду было самое обиліе накопившагося въ главной физической обсерваторіи матеріала, состоящаго изъ свѣдѣній, доставленныхъ подвѣдомственными ей наблюдателями, полученныхъ отъ Императорскаго русскаго географическаго Общества и извлеченныхъ изъ Сборника Министерства Путей Сообщенія.

Старшій наблюдатель обсерваторіи, г. Амелунгъ, занявшись показаніями устроеннаго при ней лимниграфа, доказалъ существованіе въ Петербургѣ, въ устьѣ Невы, зависящихъ отъ дѣйствія луны прилива и отлива, причемъ, между прочимъ, нашелъ столь значительное вліяніе луннаго склоненія на видъ приливныхъ волнъ въ Петербургѣ, что во время равноденственныхъ квадратуръ слѣдуетъ принимать суточный періодъ приливовъ и отливовъ вмѣсто полусуточнаго. Въ этомъ отношеніи, полученные г. Амелунгомъ результаты, въ сравненіи съ изслѣдованіями, произведенными до сихъ поръ Гагеномъ и Зейбтомъ надъ приливами и отливами въ Балтійскомъ морѣ, представляются новыми и двигающими впередъ гидрографическое изученіе этого моря.

Обработка наблюденій, доставленныхъ недавно устроенными по Оби и Енисею метеорологическими станціями, дала г. Штелингу возможность, изслѣдованіемъ средняго направленія вѣтра въ низовьяхъ этихъ рѣкъ, пополнить тотъ пробѣлъ, какой представляли до сихъ поръ сѣверныя окраины Европейской, а въ особенности Азіатской Россіи. При этомъ обнаружились, въ отношеніи измѣненія направленій вѣтра по временамъ года, поразительныя разницы между побережьями моря и странами въ отдаленіи отъ нихъ,—разницы, которыя г. Штелингъ удовлетворительно объяснилъ замѣчаемыми здѣсь особенностями въ распредѣленіи давленія воздуха и подкрѣпивъ такое объясненіе указаніемъ на Бѣлое море, гдѣ подобныя явленія вѣтра оказываются слѣдствіемъ такихъ же особенностей воздушнаго давленія.

Наконецъ, физикъ главной физической обсерваторіи г. Лейстъ сообщилъ намъ записку о дождяхъ въ іюлѣ 1882 года, вызванную вопросами, которые были возбуждены страшнымъ крушеніемъ поѣзда на Московско-курской желѣзной дорогѣ, печально извѣстнымъ подъ названіемъ кукуевской катастрофы, а лейтенантъ Пароменскій, занимавшійся три года при нашей обсерваторіи, изслѣдовалъ распредѣленіе тумановъ на Балтійскомъ морѣ въ разныя времена года, воспользовавшись для своихъ заключеній относительно этого вопроса, важнаго не только для метеорологіи, но и для мореплаванія, наиболѣе продолжительными рядами наблюденій въ нашихъ портахъ и на маякахъ.

Въ области собственно физики, вопросъ объ электропроводимости тѣлъ получилъ обогащеніе въ основательномъ изслѣдованіи нашего члена-корреспондента Р. Э. Ленца о гальванической проводимости алкогольныхъ растворовъ.

По части химіи намъ были сообщены академикомъ А. М. Бутлеровымъ его собственныя изслѣдованія объ окисленіи изобутилена марганцо-каліевой солью, и работа г. Риццы о дѣйствіи цинкметила на хлоралъ.

По геологіи и минералогіи, предметомъ чтеній въ нашихъ засѣданіяхъ были сообщенія академика Г. П. Гельмерсена о геологическихъ условіяхъ Арало-Каспійской низменности; академика Н. И. Кокшарова—результаты его кристаллографическихъ измѣреній вокелинита, лаксманита, оливина, пахнолита и желтой свинцовой руды; нашего члена—корреспондента, профессора К. Г. Шмидта—изслѣдованія о составѣ воды въ нѣкоторыхъ рѣкахъ и озерахъ восточной части Европейской России и Сибири, и наконецъ академика Ѳ. Б. Шмидта—обширное дополненіе къ прежде изданнымъ его трудамъ о силлурійскихъ ископаемыхъ Россіи, и преимущественно о любопытной фавнѣ ракообразныхъ, встрѣчающихся въ верхне-силлурійской формаціи остр. Эзеля.

Адъюнктъ Фаминцынъ довелъ до 25 листа печатаніе своего сочиненія объ обмѣнѣ веществъ и превращеніи энергіи въ растеніяхъ, о которомъ уже было говорено въ прошлогоднемъ нашемъ отчетѣ.

Въ трудахъ 1882 года познаніе современной русской фавны обогатилось двумя замѣчательными изслѣдованіями. Ученый хранитель нашего музея, докторъ зоологіи М. М. Богдановъ, занимаясь обработкою въ немъ обширной коллекціи птицъ, предпринялъ изданіе, которое должно приготовить путь къ составленію современемъ пол-

ной орнитологіи Россіи—это конспектъ всѣхъ видовъ птицъ, водящихся въ Имперіи, въ которомъ авторъ поставилъ себѣ цѣлью съ точностью опредѣлить дѣйствительный составъ нашей орнитологической фавны и возстановить наиболѣе правильныя названія видовъ, очистивъ литературу отъ синонимовъ.

Берлинскій профессоръ Мартенсъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ мягкотѣлыхъ животныхъ, занимавшійся уже русскими молюсками при обработкѣ ихъ въ изданіи Туркестанскаго путешествія покойнаго Федченки, представилъ намъ, въ обширномъ мемуарѣ, изслѣдованіе всей средне-азіатской малакозоологической фавны въ томъ видѣ, въ какомъ она является на основаніи коллекцій, собранныхъ нашими отважными путешественниками: Пржевальскимъ, Потанинымъ, Регелемъ и другими, отъ восточныхъ береговъ Каспійскаго моря до границъ собственно Китая, между Алтаемъ и Гималайскимъ хребтомъ.

Наконецъ, познаніе русской фавны пополняется любопытною запискою г. Кеппена объ отсутствіи на Крымскомъ полуостровѣ бѣлки и о нахожденіи тамъ козули и благороднаго оленя.

Въ 1882 году исполнилось полстолѣтіе существованія нашего зоологическаго музея; это дало академику А. А. Штрауху поводъ составить довольно пространный обзоръ основанія, постепеннаго расширенія и современнаго состоянія этого, съ точки зрѣнія русской науки, единственнаго въ своемъ родѣ учрежденія въ Россіи. Начертавъ, въ видѣ введенія къ своему обзору, біографію Ѳ. Ѳ. Брандта, основателя музея и перваго его директора, съ жизнью котораго такъ тѣсно сливается исторія этого учрежденія, г. Штраухъ представляетъ, въ первыхъ трехъ отдѣлахъ, все то, что относится до помѣщенія, денежныхъ средствъ и рабочаго личнаго состава музея. Четвертый, наиболѣе важный отдѣлъ посвященъ обзору коллекцій. Изображая постепенно возрастаніе коллекцій чрезъ покупку, обмѣнъ, чрезъ путешествія и экспедиціи, снаряженныя отъ академіи, и наконецъ чрезъ пожертвованія и пожалованія, г. Штраухъ,—въ сознаніи, что такое центральное, какъ нашъ музей, учрежденіе можетъ достигать полноты и процвѣтанія только при дѣятельномъ сочувствіи къ нему разныхъ слоевъ общества, счелъ своимъ долгомъ сохранить благодарную память [illegible]ѣхъ жертвователей, обогащавшихъ музей въ теченіе пятидесяти [illegible]ь своими приношеніями, и съ этою цѣлью включилъ въ свой отчетъ полный списокъ этихъ лицъ, извлеченный изъ протоколовъ академіи. За описаніемъ трехъ независимыхъ другъ отъ друга отдѣловъ музея—зоологическаго, энтомологическаго и остеоло-

гическаго, авторъ обращается къ весьма важному при всѣхъ музейскихъ работахъ пособію—къ спеціальной библіотекѣ, организація и полнота которой составляютъ заслугу самого г. Штрауха. Въ послѣдней главѣ обзора остановятъ на себѣ вниманіе читателя изложенныя здѣсь соображенія о настоящемъ значеніи музея, о главныхъ цѣляхъ, имъ преслѣдуемыхъ, и о пользѣ, которую онъ приносилъ до сего времени и которую можно ожидать отъ него въ будущемъ.

Въ заключеніе обзора трудовъ по біологическимъ наукамъ, укажемъ на сообщенія, сдѣланныя намъ: ученымъ хранителемъ зоологическаго музея А. Ф. Моравицемъ объ одномъ интересномъ случаѣ помѣси двухъ видовъ мелкихъ птицъ тропической Африки; лаборантомъ нашей физіологической лабораторіи В. Н. Великимъ—о строеніи пучковъ рыхлой соединительной ткани и Н. Е. Введенскимъ—о методикѣ телефонныхъ наблюденій надъ гальваническими дѣйствіями мышцы во время произвольнаго тетануса.

Обращаемся къ занятіямъ историко-филологическаго отдѣленія, и прежде всего къ русской исторіи.

Съ половины лѣта 1882 г. академія приступила къ печатанію записокъ, завѣщанныхъ ей ея почетнымъ членомъ, Литовскимъ митрополитомъ Іосифомъ. Чрезвычайный историческій интересъ этихъ записокъ, относящихся главнымъ образомъ до одного изъ великихъ событій славнаго царствованія императора Николая I—возсоединенія въ 1839 году уніатовъ съ православною церковью — заставляетъ повсюду съ нетерпѣніемъ ожидать появленія въ свѣтъ этихъ важныхъ документовъ. Высоко цѣня довѣріе, оказанное митрополитомъ Іосифомъ въ его завѣщаніи, академія приложила все стараніе къ тому, что бы изданіе этихъ записокъ было, во всѣхъ отношеніяхъ, вполнѣ достойно ихъ важности. Записки составятъ три объемистыхъ тома, печатаніе которыхъ въ настоящее время доведено уже до половины.

Рядомъ съ этимъ изданіемъ шло печатаніе другаго, переносящаго насъ въ эпоху великаго преобразователя Россіи и основателя академіи. При всей массѣ изданныхъ до сихъ поръ документовъ, относящихся до исторіи Петра Великаго, едва-ли они достаточны для полнаго уразумѣнія важнѣйшихъ сторонъ народной жизни того времени. Мы знаемъ, что дѣла, сосредоточившіяся въ Петровскомъ сенатѣ, принадлежали къ важнѣйшимъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, а между тѣмъ они оставались большею частью неизвѣстны и недоступны для занимающихся русскою исторіею. Предпринявъ изданіе докладовъ и приговоровъ правительствующаго се-

ната въ царствованіе Петра, академія имѣла въ виду воздать долгъ благоговѣйной признательности великому монарху, своему учредителю и вмѣстѣ съ тѣмъ дать прочныя основы для лучшаго познанія внутренняго быта нашего отечества въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Въ нынѣшнемъ году выпущенъ въ свѣтъ второй томъ и приступлено къ третьему тому изданія, для довершенія котораго остается еще напечатать до 26-ти томовъ.

Столь обширное и важное дѣло стало для академіи возможнымъ лишь благодаря просвѣщенному и усердному содѣйствію, которое оказалъ ей въ этомъ случаѣ завѣдывающій Московскимъ архивомъ министерства юстиціи сенаторъ Калачовъ, руководившій составленіемъ извлеченій изъ актовъ, хранящихся въ этомъ ахривѣ, и имѣвшій надзоръ за самымъ печатаніемъ ихъ. Президентъ академіи имѣлъ счастіе повергнуть на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора изданные нынѣ два тома этихъ актовъ, и Его Величество, благосклонно принявъ поднесенныя книги, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ объявить сенатору Калачову Монаршую Его Величества благодарность за означенный ученый трудъ.

Чрезъ нѣсколько дней появится въ свѣтъ конченный уже печатаніемъ обширный сборникъ весьма любопытныхъ документовъ, собранныхъ о войнѣ 1812 года нашимъ членомъ-корреспондентомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ, подъ заглавіемъ: „Отечественная война въ письмахъ современниковъ". Событія этой знаменательной эпохи изучены въ литературѣ преимущественно съ военной стороны; но рядомъ съ нею привлекаетъ вниманіе наше другая сторона—проявленіе народнаго духа и отраженіе событій на мысляхъ и чувствахъ тогдашняго общества. Желая способствовать изученію этой стороны, г. Дубровинъ въ своемъ сборникѣ представилъ болѣе 450 неизданныхъ писемъ и записокъ, въ которыхъ возстаютъ передъ нами главные дѣятели той эпохи, съ ихъ помыслами и заботами, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, и притомъ какихъ событій,—когда весь народъ русскій жилъ только мыслію о спасеніи отечества и когда отъ одного выиграннаго или проиграннаго сраженія зависѣла судьба всей карты Европы. Книгу г. Дубровина ожидаетъ самый радушный пріемъ во всѣхъ кругахъ читающей публики; польза его труда, какъ пособія для изученія эпохи 1812—1815 гг., въ значительной степени увеличивается приложеннымъ къ нему библіографическимъ указателемъ 1.600 книгъ и статей объ отечественной войнѣ, невошедшихъ въ извѣстный каталогъ Липранди.

Нашего сочлена, А. А. Куника въ настоящемъ году занимали преимущественно вопросы древне-русской нумизматики. Изъ двухъ читанныхъ имъ записокъ, одна посвящена доказательству о молдавскомъ происхожденіи такъ называемаго золотаго талера русскаго князя Холмскаго, а въ другой — разсматривается состояніе въ русско-византійской нумизматикѣ вопроса о поддѣльныхъ монетахъ Владиміра Святаго.

Академикъ В. П. Безобразовъ, посѣтивъ, по порученію министерства финансовъ, московскую выставку, для изученія современнаго состоянія русской промышленности, сообщилъ намъ, въ краткомъ изложеніи, результаты своихъ наблюденій, а въ настоящее время занятъ составленіемъ описанія выставки, которое должно войдти въ составъ общаго о ней отчета и будетъ основано какъ на личномъ осмотрѣ г. Безобразова, такъ и на работахъ экспертныхъ коммиссій и на свѣдѣніяхъ, представленныхъ экспонентами.

При томъ рвеніи, съ какимъ во всѣхъ странахъ, занимающихся классическою филологіею, Софоклъ изучается и въ кабинетѣ ученыхъ и въ классахъ учебныхъ заведеній, академикъ Наукъ нашелъ достаточно поводовъ къ обработкѣ новаго изданія трехъ трагедій его (Аякса, Филоктета и Электры). Вслѣдствіе испорченности дошедшихъ до насъ рукописей Софокла, нашему сочлену представилась при этомъ возможность подвинуть впередъ далеко еще незаконченную критику текста этихъ твореній греческаго трагика.

Отъ римскаго императора Марка Аврелія Антонина дошли до насъ 12 книгъ размышленій, на греческомъ языкѣ. Авторъ ихъ, приверженецъ стоической философіи, являетъ въ нихъ такую возвышенность мыслей, которая ставитъ его въ ряду благороднѣйшихъ личностей, какія когда либо жили на свѣтѣ. Это сочиненіе, бывшее въ древности однимъ изъ любимѣйшихъ чтеній и въ прошедшихъ вѣкахъ много разъ печатавшееся, оставалось съ начала нынѣшняго столѣтія въ незаслуженномъ пренебреженіи, и до сихъ поръ не имѣется изданія, которое давало бы надежныя указанія о чтеніяхъ главныхъ рукописей, важныхъ для возстановленія правильнаго текста. Привлекаемый свѣтлою личностью автора столько же, сколько и встрѣчающимися въ его сочиненіи, отчасти только въ немъ и сохранившимися отрывками изъ греческихъ поэтовъ, г. Наукъ уже издавна занимался изученіемъ Марка Антонина. Главные выводы, полученные такимъ изученіемъ, онъ сообщилъ нынѣ въ нашемъ „Бюллетенѣ“ [1]),

[1]) De Marci Antonini commentariis. Bulletin de L'Acad. XXVIII, 196—210.

въ надеждѣ оказать услугу тому, кто предприметъ критическое изданіе текста этого замѣчательнаго писателя.

Рядомъ съ этою работою, нашъ сочленъ посвящалъ свои труды извѣстному творенію Ямблиха „о жизни Пиѳагорейской" (De vita Pythagorea). Года три тому назадъ (1879 г.) онъ имѣлъ случай сравнить важную для познанія этого писателя флорентійскую рукопись, при помощи которой чтеніе текста въ имѣющихся понынѣ изданіяхъ должно быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пополнено и въ весьма многихъ мѣстахъ исправлено. Въ теченіе этого лѣта онъ сдѣлалъ точное сравненіе хотя и менѣе значительной, но все-таки небезполезной для возстановленія текста—рукописи, принадлежащей Цейцской гимназіи и которая, по просьбѣ академіи, была намъ доставлена изъ Цейца для этой цѣли. Въ настоящее время г. Наукъ приступилъ къ печатанію критическаго изданія Ямблиха и кончитъ его въ наступающемъ году.

Археологическіе труды академика Л. Э. Стефани вошли въ составъ изданнаго въ нынѣшнемъ году отчета Императорской археологической коммиссіи за 1880 годъ, т.-е. 20-й съ тѣхъ поръ, какъ нашъ сочленъ дѣятельно участвуетъ въ занятіяхъ коммиссіи. Важнѣйшую часть содержанія этого отчета составляютъ точныя описанія и объясненія многочисленныхъ предметовъ утвари и украшеній, въ особенности драгоцѣнныхъ золотыхъ вещей, найденныхъ въ 1879 году въ трехъ гробницахъ на Таманскомъ полуостровѣ. Открытыя раскопками въ одномъ и томъ же курганѣ, очевидно принадлежащія существенно одному и тому же времени, а именно срединѣ или второй половинѣ III вѣка до Р. Х., эти гробницы, никѣмъ до нашего времени нетронутыя, служили усыпальницею для членовъ одной семьи. Особенно важно то, что время этихъ гробницъ самымъ несомнѣннымъ образомъ установляется, какъ одною изъ найденныхъ въ нихъ золотыхъ монетъ Воспорскаго царя Перизада II, взошедшаго на престолъ въ 284 году до Р. Х., такъ и одною изъ выбитыхъ въ Византіи золотыхъ монетъ Ѳракійскаго короля Лизимаха, чеканенныхъ послѣ смерти короля, относящейся къ 281 году до Р. Х.; слѣдовательно и время изготовленія всѣхъ предметовъ, найденныхъ въ этихъ гробницахъ, опредѣляется точно и несомнѣнно. Здѣсь кстати замѣтить, что бо̀льшая часть находимыхъ въ Южной Россіи произведеній античнаго искусства представляетъ предъ подобными же предметами въ другихъ музеяхъ то превосходство, что время ихъ изготовленія устанавливается съ большею достовѣрностью. Въ

числѣ художественныхъ произведеній, изъ тѣхъ гробницъ, г. Стефани обратилъ особое свое вниманіе на многочисленныя, сдѣланныя изъ золота, серебра, бронзы и драгоцѣнныхъ камней, изображенія Ираклова узла.—мотива, весьма любимаго художниками древности по причинѣ не только красоты его линій, но и особой приписываемой ему профилактической силы. Нашъ сочленъ далъ при этомъ случаѣ полный сводъ всего того, что представляютъ для разъясненія этого мотива дошедшіе до насъ памятники искусства, равно какъ и извѣстія писателей древности, и выставляетъ, между прочимъ, весьма вѣроятною догадку о томъ, что такимъ же Иракловымъ узломъ былъ и знаменитый Гордіевъ узелъ, разсѣченный Александромъ Македонскимъ.

Не меньшей археологической важности оказывается найденный въ одной изъ тѣхъ гробницъ золотой перстень со вставленнымъ въ него камнемъ изъ Сардоникса, на которомъ изображенъ маленькій эротъ, ловящій бабочку. Это есть, по замѣчанію г. Стефани, древнѣйшее изъ извѣстныхъ намъ изображеній бабочки въ греческомъ искусствѣ, въ которомъ она до того времени вовсе не является, между тѣмъ какъ въ позднѣйшую пору его она, какъ извѣстно, играетъ важную роль. Кромѣ того этотъ камень особенно замѣчателенъ еще и потому, что греческіе рѣзные камни ранѣе III вѣка до Р. Х. были вообще не камеи (рѣзанные рельефомъ), а только intagli (рѣзанные въ глубь), такъ что этотъ камей принадлежитъ къ древнѣйшимъ, до насъ дошедшимъ, а гробницы Таврическаго полуострова, какъ принадлежащія большею частью къ болѣе древнимъ временамъ, доставили для Императорскаго Эрмитажа очень немного камеевъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ, по розысканіямъ г. Стефани, еще и другой золотой перстень, найденный въ той же гробницѣ: будучи, какъ видно изъ надписи, знакомъ сыновней благодарности, онъ украшенъ изображеніемъ въ формѣ сандаліи, которая, какъ извѣстно, въ женскихъ рукахъ играла важную роль при воспитаніи дѣтей.

Замѣтимъ, наконецъ, что полученными изъ сказанныхъ гробницъ золотыми вещами въ первый разъ доказано знакомство греческихъ ювелировъ уже въ III вѣкѣ до Р. Х. съ пріемами работы cloisonné, которая прежде того встрѣчается въ произведеніяхъ египетскаго искусства, а впослѣдствіи достигла такого обширнаго примѣненія въ Византіи.

Въ числѣ средствъ, которыми располагаетъ академія для содѣйствія успѣхамъ наукъ въ нашемъ отечествѣ, не послѣднее мѣсто за-

нимаютъ раздаваемыя ею награды, служа въ ея рукахъ то прямымъ пособіемъ къ труду, то живительнымъ средствомъ для возбужденія соревнованія, то, наконецъ, нравственною поддержкою для скромныхъ тружениковъ, еще неувѣренныхъ въ собственныхъ своихъ силахъ и находящихъ въ одобреніи высшаго ученаго учрежденія живительное для себя подкрѣпленіе. Поэтому академія всякій разъ съ радостію встрѣчаетъ каждое новое увеличеніе числа этихъ наградъ, какъ расширеніе сферы своей дѣятельности па пользу Россіи.

Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія при академіи учреждены двѣ преміи: одна почетнымъ опекуномъ, гофмейстеромъ княземъ Николаемъ Борисовичемъ Юсуповымъ въ 6,000 руб., другая—Тамбовскимъ дворянствомъ въ 5,000 р., за составленіе исторіи царствованія Императора Александра II. Высоко цѣня честь быть исполнительницею патріотической мысли учредителей къ прославленію великихъ и свѣтлыхъ дѣяній незабвеннаго Монарха, академія сочтетъ себя счастливою, если въ свое время ей суждено будетъ увѣнчать преміями князя Юсупова и тамбовскаго дворянства такіе труды, которые останутся въ литературѣ памятниками, достойными славнаго царствованія въ Бозѣ почивающаго государя.

На академію возложена также раздача наградъ имени графа Д. А. Толстаго, учрежденныхъ съ Высочайшаго соизволенія, бывшими его сослуживцами по министерству народнаго просвѣщенія. Эти награды, въ видѣ почетныхъ золотыхъ медалей и денежныхъ премій, будутъ раздаваемы за лучшіе оригинальные труды по всѣмъ наукамъ, которыми занимается академія и останутся на вѣчныя времена памятникомъ о заслугахъ предъ отечественнымъ просвѣщеніемъ того лица, чье имя онѣ носятъ.

За кончиною ординарнаго академика, митрополита Московскаго Макарія, вступаетъ въ силу сдѣланное имъ еще въ 1867 году распоряженіе, по которому отнынѣ академія будетъ получать, разъ въ два года, сумму въ 6,000 руб.,—проценты съ завѣщаннаго имъ капитала,—для премій имени высокопреосвященнаго, за сочиненія по всѣмъ отраслямъ свѣтскихъ знаній. Въ этихъ преміяхъ академія получаетъ такое же могущественное средство къ возбужденію ученыхъ трудовъ, какимъ были Демидовскія преміи, благотворное дѣйствіе которыхъ сказывалось не въ предѣлахъ одной какой-либо спеціальности, но въ обширномъ кругу всѣхъ вѣтвей науки.

Въ настоящемъ году происходило двадцать шестое соисканіе наградъ графа Уварова. Изъ девяти явившихся на него историческихъ

сочиненій академія имѣла удовольствіе отличить одно бо́льшею преміей, два—меньшими преміями, и одно—почетнымъ отзывомъ. Подробный отчетъ объ этомъ присужденіи былъ въ свое время доведенъ до всеобщаго свѣдѣнія и теперь печатается въ нашихъ Запискахъ.

Имѣя въ нынѣшнемъ году въ своемъ распоряженіи почетную золотую медаль Бэра, назначенную служить высшею наградою за труды въ области естествознанія, академія сочла долгомъ справедливости присудить ее профессору Венцеславу Леопольдовичу Груберу, и тѣмъ публично заявить высокое уваженіе, питаемое ею къ многолѣтнимъ и плодотворнымъ трудамъ, поставившимъ его имя въ ряду первыхъ анатомовъ нашего времени. Денежной же преміи Бэра удостоенъ Михаилъ Степановичъ Воронинъ за свое важное не только въ научномъ, но и въ практическомъ отношеніи изслѣдованіе о нѣкоторыхъ паразитныхъ растеніяхъ. Отчетъ объ этомъ присужденіи будетъ вслѣдъ за симъ представленъ вашему, милостивые государи, вниманію моимъ почтеннымъ сочленомъ Ф. В. Овсянниковымъ.

Задача академіи при присужденіи въ нынѣшнемъ году Ломоносовской преміи была столь же легкою, сколько и пріятною. Между сдѣланными въ Россіи открытіями и изслѣдованіями въ области физики, химіи и минералогіи ей недолго пришлось искать достойнѣйшее награды. Довольно было назвать капитанъ-лейтенанта г. Де-Колонга и его труды по девіаціи компаса—и единогласный приговоръ академіи призналъ за ними несомнѣнное и безспорное право на отличіе, выражающееся присужденіемъ Ломоносовской преміи. Можно даже сказать, что труды г. Де-Колонга принадлежатъ къ числу такихъ, которыми и самое значеніе преміи возвышается.

За другимъ, бывшимъ въ виду коммиссіи сочиненіемъ, а именно Н. А. Меншуткина—объ образованіи сложныхъ эфировъ—академіею сохранено право участвовать въ соисканіи Ломоносовской преміи въ 1884 году, причемъ оно, впрочемъ, подвергнется и новому разсмотрѣнію.

Компасъ доставляетъ, какъ всѣмъ извѣстно, простѣйшее, а во многихъ случаяхъ—и единственное средство для указанія пути корабля. Между тѣмъ показанія его зависятъ не только отъ направленія магнитной силы земли въ данномъ мѣстѣ земнаго шара, но и отъ различныхъ магнитныхъ силъ, возбуждаемыхъ въ желѣзѣ самаго судна. Въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ введено желѣзное судостроеніе въ торговомъ флотѣ, а суда военныя покрылись тяжелою бронею и вооружаются тяжеловѣсною артиллеріею,—вліяніе судоваго желѣза

на компасную стрѣлку достигло чрезвычайныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ, изученіе всѣхъ силъ, дѣйствующихъ на магнитную стрѣлку, подвѣшенную горизонтально на кораблѣ, не только представляетъ любопытную математическую задачу, но и имѣетъ важное значеніе для успѣховъ мореплаванія.

Первыя основанія математической теоріи вліянія желѣза на компасъ положены знаменитымъ Пуасономъ въ 1824 году. 15 лѣтъ спустя королевскій астрономъ Эйри впервые предложилъ, для уничтоженія девіаціи, укрѣплять вблизи компаса магниты и мягкое желѣзо. Недостатки такого способа и появленіе девіаціи вновь послѣ перемѣщенія судна, или съ измѣненіемъ судовыхъ магнитныхъ силъ, побудили англійское адмиралтейство, отказавшись пока отъ компенсаціи, ограничиться развитіемъ теоріи девіаціи компасовъ. Арчибальдъ Смитъ, въ шестидесятыхъ годахъ развилъ теорію Пуасона и переложилъ на удобныя практическія формулы.

Въ такомъ состояніи находилась эта отрасль науки, когда она была принята у насъ устройствомъ компасной обсерваторіи въ Кронштадтѣ, и съ этого же времени г. Де-Колонгъ посвятилъ свои занятія этому предмету. Онъ обратилъ вниманіе на затрудненія, встрѣчаемыя въ принятыхъ способахъ наблюденій и вычисленій, и издалъ цѣлый рядъ статей, имѣющихъ цѣлью дать болѣе простые способы опредѣленія девіаціи. Въ 1865 году, въ своей запискѣ „о черченіи дигограмы и о значеніи ея въ теоріи зажигательныхъ линій" онъ предложилъ графическій способъ для полученія величины силы, дѣйствующей на компасную стрѣлку, и отклоненія ея отъ магнитнаго меридіана для каждаго направленія судна. Употребленный при этомъ пріемъ имѣетъ значеніе и въ математикѣ. Въ слѣдующемъ затѣмъ году г. Де-Колонгомъ предложенъ способъ по наблюденіямъ надъ девіаціею и силою, произведеннымъ на какихъ бы то ни было трехъ направленіяхъ, опредѣлить характеръ девіаціи.

Весьма важный недостатокъ принятыхъ до того времени формулъ для вычисленія девіаціи заключался въ томъ, что всѣ онѣ были выведены для магнитныхъ курсовъ, между тѣмъ какъ на судахъ наблюдаются компасные курсы. Этотъ недостатокъ побудилъ г. Де-Колонга предложить въ первый разъ строгій геометрическій способъ опредѣленія девіаціи на компасные курсы. Изслѣдованія нашего моряка обратили на себя вниманіе англійскихъ ученыхъ—Арчибальда Смита и Эванса. Первый изъ нихъ помѣстилъ труды г. Де-Колонга въ третьемъ изданіи адмиралтейскаго руководства по девіаціи компаса, давъ при

этомъ весьма лестный о нихъ отзывъ. Знаменитый англійскій физикъ Томсонъ, въ своей біографіи Арчибальда Смита, упоминаетъ о трудѣ г. Де-Колонга, какъ объ изящномъ рѣшеніи различныхъ математическихъ задачъ, относящихся къ теоріи девіаціи компаса.

Не останавливаясь однако на этомъ, г. де-Колонгъ, отыскивая средства уничтожить вліяніе магнитныхъ судовыхъ силъ на компасъ, произвелъ рядъ изслѣдованій, въ которыхъ употреблялъ: для изученія характера вліянія судоваго желѣза, тѣ самые магниты, которыми онъ имѣлъ въ виду уничтожить девіацію. Эти труды завершились построеніемъ новаго прибора, дающаго надежное средство для уничтоженія девіаціи компаса. Этотъ приборъ, оправдавшій блестящимъ образомъ на испытаніи ожиданія изобрѣтателя, отличается отъ всѣхъ приборовъ, которые доселѣ были предлагаемы для той же цѣли, тѣмъ, что въ немъ введенъ новый элементъ, а именно вліяніе силы магнита на компасную стрѣлку въ зависимости отъ разстоянія его до стрѣлки, что̀ и дало возможность опредѣлять и уничтожать девіацію безъ наблюденія самой девіаціи, находясь вдали отъ береговъ и при отсутствіи свѣтилъ, которыя могли бы помочь повѣрять истинныя направленія. Это обстоятельство очень важно для мореплаванія, такъ какъ именно при такихъ условіяхъ не представляется никакихъ средствъ для повѣрки опредѣленія мѣста корабля и надежность пролагаемаго корабельнаго пути зависитъ единственно отъ вѣрности показаній компаса; слѣдовательно, изобрѣтеніемъ способа повѣрять и исправлять компасъ при такихъ условіяхъ—г. Де-Колонгъ оказалъ важную услугу мореплаванію.

Одновременно съ нашимъ даровитымъ морякомъ тѣмъ же предметомъ занимался въ Англіи г. Томпсонъ, который также предложилъ способъ уничтоженія девіаціи безъ самой девіаціи, но только для того случая, когда она предварительно доведена до малыхъ размѣровъ, тогда какъ способъ г. Де-Колонга точнымъ образомъ рѣшаетъ задачу въ самомъ общемъ ея видѣ.

Наиболѣе существенное, признаваемое и самимъ Томпсономъ. преимущество прибора русскаго моряка предъ компасомъ знаменитаго англійскаго физика, заключается во введеніи новаго, весьма остроумно придуманнаго, простаго средства—опредѣлять величины, пропорціальныя судовымъ магнитнымъ силамъ, дѣйствующимъ на компасную стрѣлку. Для этой цѣли имъ придуманы, въ дополненіе къ компасу, два новыхъ прибора, служащіе для измѣренія горизонтальной и вертикальной силъ съ бо̀льшимъ удобствомъ и бо̀льшею

точностію, чѣмъ это достигалось помощію качаній. Въ особенности важны результаты, достигнутые посредствомъ прибора для измѣренія вертикальныхъ силъ, давшаго средство измѣрять также и величины дѣйствующихъ на компасную стрѣлку полной силы и горизонтальной ея составляющей. Такимъ образомъ оказалось возможнымъ опредѣлять коэфиціентъ крена и уничтожить креновую девіацію безъ наблюденій на берегу надъ горизонтальною и вертикальною силами земнаго магнетизма, полагая только извѣстнымъ наклоненіе земнаго магнетизма, а этотъ элементъ обыкновенно дается на картахъ.

Практическая польза инструмента г. Де-Колонга и предложенныхъ имъ способовъ наблюденій уже оцѣнена морскимъ министерствомъ, по представленію котораго г. де-Колонгъ удостоился Высочайшей награды, состоящей изъ осыпаннаго брилліантами компаса съ вензелевымъ изображеніемъ Его Императорскаго Величества. За границею также высоко цѣнятъ труды нашего моряка: въ руководствахъ англійскаго адмиралтейства переведены на англійскій языкъ и рекомендуются предложенные г. Де-Колонгомъ геометрическіе пріемы для опредѣленія девіаціи, эти способы вошли также въ новѣйшіе курсы въ Португаліи, Франціи и другихъ странахъ.

Такимъ образомъ г. Де-Колонгъ, многолѣтними трудами, требующими глубокихъ математическихъ познаній и остроумныхъ соображеній, подвинулъ значительно теорію девіаціи, и достигъ важныхъ практическихъ результатовъ на пользу военнаго и торговаго флота, давъ простое и надежное средство опредѣлять и уничтожать вредное вліяніе судоваго желѣза, и тѣмъ обезпечилъ, въ этомъ отношеніи, безопасное плаваніе судовъ.

ОТЧЕТЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ЗА 1882 ГОДЪ [1]).

Отчетъ о своей дѣятельности за текущій годъ Второму Отдѣленію пріятно начать воспоминаніемъ о своемъ недавнемъ семейномъ праздникѣ: юбилеѣ старѣйшаго изъ своихъ сочленовъ, Я. К. Грота. Девятый, дополнительный томъ сочиненій Державина и второй томъ сочиненій Плетнева—таковъ былъ его вкладъ въ русскую науку и литературу въ пятидесятый годъ служенія ей, ровнаго, безсмѣннаго, честнаго. Другіе подведутъ ему итоги; намъ дорогá его идея: служеніе русской литературѣ, языку, исторіи. Отъ стихотворныхъ переводовъ изъ Байрона, Рунеберга, Тегнéра—до критическаго изданія нашихъ поэтовъ XVIII-го вѣка; отъ юношеской погони за матеріаломъ лингвистическаго знанія и редакціи шведско-русскаго словаря—до „Филологическихъ розысканій"; отъ „Исторіи Россіи", написанной по шведски,—до монографій, замѣтокъ и матеріаловъ, обогатившихъ нашу исторіографію: вездѣ одно и то же теченіе, никогда не мѣнявшее русла и только наполнявшееся новыми, живыми водами. На почвѣ обще-европейскаго, широкаго образованія выросло такимъ образомъ зданіе, русское стилемъ и содержаніемъ, плодъ таланта и устойчиваго труда, которымъ принесли дань должнаго уваженія всѣ, чествовавшіе пятидесятилѣтній юбилей нашего сочлена. Ихъ было много; сочувствіе можно считать тѣмъ болѣе искреннимъ, чѣмъ тише, неожиданнѣе

[1]) Составленъ академикомъ *А. Н. Веселовскимъ* и читанъ имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 20-го декабря 1882 года.

подкралось само празднованіе, о которомъ не знали даже близко стоявшіе къ дѣлу люди — не потому ли, что частое вращеніе въ кругу извѣстныхъ величинъ пріучаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто обыденное, не выходящее изъ ряду и канцелярскаго ранжира? Иное могло и должно было быть отношеніе нашего Отдѣленія; такимъ оно остается и теперь. Если въ концѣ каждаго академическаго года оно обыкло приносить на судъ общественнаго мнѣнія отчетъ о своихъ годичныхъ трудахъ, то полагаемъ, ничто не возбраняетъ ему указать на результаты тридцатилѣтней дѣятельности, которой оно было свидѣтелемъ. Дѣло, впрочемъ, не столько въ книгахъ, сколько въ человѣкѣ, не въ производительности, а въ условіяхъ, ее вызвавшихъ, въ совокупности воззрѣній, убѣжденій и нравственныхъ понятій, внѣ которыхъ научное слово грозитъ обратиться въ звучащую мѣдь. Служеніе наукѣ, даже въ академической кельѣ, дѣло не легкое: снаружи доносится пѣсня Мефистофеля, зовущая къ златому тельцу, и міръ пытается облобызать правду, посягая на ея чистоту. Чтобы соблюсти ее, надо было не только принести, но и твердо сохранить обѣтъ, данный около 40 лѣтъ тому назадъ—по поводу одного привѣтствія. Во время пребыванія Якова Карловича въ Финляндіи, кто-то наканунѣ Рождества таинственно подкинулъ ему затѣйливый подарокъ: перо изъ бѣлой кости, въ оправѣ изъ стали и серебра, съ надписью изъ Рунеберга:

«Такъ было весело, свѣтло!»

Получивъ этотъ подарокъ, нашъ молодой въ то время профессоръ отвѣчалъ стихами:

. . . .
«Но кто-же ты, кто такъ прекрасно
Мнѣ вѣсть участья нынѣ шлешь,
И ободренья знакъ такъ ясно
И такъ умно мнѣ подаешь?
. . . .
Кто бъ ни былъ ты, прими въ отплату
Дань этихъ первыхъ строкъ пера,
Тобою поданнаго брату
Съ завѣтомъ правды и добра.
О, я завѣтъ сей принимаю,
Я передъ ангеломъ благимъ [1])

[1]) То-есть, передъ ангеломъ, являющимся въ пьесѣ «Вечеръ на Рождество», откуда взятъ стихъ: «Такъ было весело, свѣтло».

Добру и правдѣ обѣщаю
Всегда служить перомъ моимъ!
И если я обѣтъ нарушу,
И если низости змѣя
Когда-нибудь вползетъ мнѣ въ душу
И развратится рѣчь моя—
Пускай мой бѣлый гость обратно
Къ тебѣ умчится, помрачась,
И стихъ исчезнетъ благодатный!»

Бѣлый гость не умчался, потому что обѣтъ былъ соблюденъ. „Дѣйствовать открыто и прямо", отвѣтилъ юбиляръ на привѣтствія членовъ Отдѣленія, „чуждаться всякой интриги, вести дѣла коллегіально, законно и безпристрастно, уважать свободу мнѣній и слова, идти на встрѣчу всякому добросовѣстному труду, всякому справедливому желанію, наконецъ энергически охранять честь учрежденія, которому великій его Основатель завѣщалъ высокую цѣль служить наукѣ на пользу Россіи и Русскаго народа—таковы были правила, которыя я всегда считалъ обязательными для каждаго честнаго академика, помня при томъ святое апостольское слово: плодъ правды сѣется въ мирѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я однакожъ сознавалъ, что стремленіе къ миру должно имѣть свои предѣлы, что въ дѣлахъ общественныхъ правда не можетъ быть приносима въ жертву миру, и что когда предстоитъ выборъ между ними, то предпочтеніе должно быть безъ колебанія отдаваемо правдѣ".

Пока эти слова останутся девизомъ нашего Отдѣленія, „бѣлый гость", надѣемся, не отлетитъ и отъ насъ.

Петербургскій, Кіевскій, Казанскій и Новороссійскій университеты почтили акад. Грота избраніемъ его въ свои почетные члены; тогда же онъ получилъ привѣтственные адресы отъ юго-славянской академіи и Варшавскаго университета, а Гельсингфорскій, не имѣвшій возможности участвовать въ юбилейномъ торжествѣ, вспомнилъ недавно о своемъ дѣятелѣ, по поводу совершившагося его семидесятилѣтія, прислáвъ ему поздравительный адресъ, исполненный теплаго къ нему сочувствія профессоровъ, изъ которыхъ многіе были его слушателями.

Къ дѣятельности Я. К. Грота въ истекающемъ году слѣдуетъ также отнести составленіе отчета о первомъ присужденіи Пушкинскихъ премій. Учрежденіе этихъ премій является въ жизни Отдѣленія однимъ изъ крупныхъ событій. Комитетъ по сооруженію памят-

ника Пушкина, выполнивъ свою задачу и имѣя въ своемъ распоряженіи оставшуюся за всѣми расходами на этотъ предметъ сумму въ 20,000 руб., испросилъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при Академіи Наукъ, изъ процентовъ съ этого капитала, преміи Пушкина за сочиненія по исторіи русскаго языка и литературы. По утвержденіи составленнаго въ Отдѣленіи положенія объ этихъ преміяхъ объявленъ былъ конкурсъ, и два изъ представленныхъ сочиненій, именно „Два міра", поэма А. Н. Майкова, и „На Закатѣ", сборникъ стихотвореній Я. П. Полонскаго, признаны были заслуживающими: первое—полной, а второе—половинной преміи, на основаніи разборовъ, составленныхъ, по просьбѣ Отдѣленія, Н. Н. Страховымъ и О. Ѳ. Миллеромъ. Отчетъ объ этомъ первомъ присужденіи прочитанъ былъ Я. К. Гротомъ въ особомъ публичномъ засѣданіи 19-го минувшаго октября. Пожелаемъ, чтобы Отдѣленію постоянно представлялась возможность при ежегодныхъ конкурсахъ на преміи Пушкина, встрѣчать труды, столь же достойные одобренія.

Академикъ А. Ѳ. Бычковъ въ теченіе 1882 года выпустилъ въ свѣтъ издававшійся подъ его редакціей трудъ П. М. Строева: „Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы". Собранные покойнымъ нашимъ сочленомъ матеріалы для исторіи славяно-русской литературы содержатъ совершенно обработанныя статьи въ видѣ „Библіологическаго словаря" (отъ буквы А до Е), а съ буквы Е статьи, оставшіяся въ сыромъ видѣ. Словарь и матеріалы расположены въ алфавитномъ порядкѣ именъ и фамилій писателей и переводчиковъ. Въ первомъ при каждомъ лицѣ сначала сообщаются нѣкоторыя біографическія о немъ данныя, а за тѣмъ исчисляются его сочиненія и переводы, иногда съ подробнымъ изложеніемъ ихъ содержанія, а иногда съ присовокупленіемъ критической ихъ оцѣнки, и почти всегда съ указаніемъ лучшихъ списковъ и мѣстъ ихъ храненія. Въ матеріалахъ же только указаны рукописи, въ которыхъ П. М. Строевъ находилъ то или другое сочиненіе извѣстнаго автора, и весьма рѣдко приведены біографическія и другія данныя. Настоящій трудъ составленъ Строевымъ въ 1835-мъ году; если бы онъ былъ оконченъ и напечатанъ своевременно, то, безъ сомнѣнія, занялъ бы почетное мѣсто среди пособій для изученія нашей древней литературы; издавать же въ настоящее время этотъ словарь вполнѣ значило бы повторять иногда всѣмъ и давно извѣстное. Вслѣдствіе этого акад. Бычковъ сличилъ трудъ Строева съ „Словаремъ" митрополита Евгенія, съ „Обзоромъ русской духовной литературы" архіеп. Филарета и тѣми дополненіями,

которыя были вызваны въ свѣтъ появленіемъ послѣдняго труда,—съ цѣлью выдѣлить изъ Словаря тѣ данныя, которыя и теперь представляютъ интересъ въ какомъ-либо отношеніи и обнародованіе которыхъ было не безполезно. Пересмотрѣнный и изданный такимъ образомъ трудъ Строева является не лишнимъ въ ряду пособій для изученія нашей древней литературы и можетъ дать хотя отчасти понятіе о томъ, какое значеніе онъ имѣлъ бы для своего времени.

Тотъ же академикъ окончилъ печатаніемъ второе изданіе труда покойнаго И. И. Срезневскаго: „Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ)“, къ которому сдѣлалъ много дополненій, и выпустилъ въ свѣтъ первую часть составляемаго имъ „Описанія церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной библіотеки“, первыми двумя выпусками котораго уже имѣли возможность пользоваться нѣкоторыя лица. Въ этомъ важномъ трудѣ описанъ 91 сборникъ изъ „Погодинскаго древнехранилища“, менѣе другихъ библіотекъ извѣстнаго изслѣдователямъ отечественной исторіи и литературы. При описаніи каждой рукописи акад. Бычковъ перечислилъ всѣ находящіяся въ ея составѣ статьи и изъ тѣхъ, которыя были доселѣ неизвѣстны или представлялись въ какомъ либо отношеніи любопытными, привелъ болѣе или менѣе обширныя выдержки; нѣкоторыя же, небольшія по объему, напечатаны цѣликомъ. Къ статьямъ уже обнародованнымъ присоединены библіографическія указанія на изданія, въ которыхъ онѣ были помѣщены, при чемъ нерѣдко опредѣлено достоинство рукописнаго текста сравнительно съ печатнымъ. Пользованіе настоящимъ трудомъ акад. Бычкова весьма облегчается составленнымъ имъ подробнымъ указателемъ лицъ, мѣстъ, предметовъ и статей, въ немъ упоминаемыхъ.

Шестой выпускъ „Исторіи Россійской Академіи“ М. И. Сухомлинова посвященъ всецѣло одному изъ дѣятелей XVIII—XIX вв., Осипу Петровичу Козодавлеву, члену Россійской Академіи съ самаго ея учрежденія, директору народныхъ училищъ, составителю проекта устава русскихъ университетовъ, редактору „Собесѣдника любителей россійскаго слова“ и „Сѣверной Почты“, органа министерства внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго Козодавлевъ былъ поставленъ въ 1811 году. Такая многосторонняя и, притомъ, видная дѣятельность не прошла незамѣченной современниками, которые поспѣшили оцѣнить ее, а кое въ чемъ и очернить. Несомнѣнно, что въ нравственномъ обликѣ Козодавлева были черты, не даромъ вызвавшія порицанія, не только Вигеля, что было бы недоказательно, но и Державина. Но

былъ и другой источникъ порицанія, касавшійся дѣятеля и исходившій изъ настроенія того времени. Воспитанникъ Лейпцигскаго университета, гдѣ онъ былъ товарищемъ Радищева, Козодавлевъ вынесъ сознательную любовь къ идеямъ европейскаго просвѣщенія, которое онъ отдѣлялъ отъ русскаго не принципіально, а лишь какъ очередь развитія болѣе полнаго, которой не миновать и намъ. Онъ „былъ горячимъ защитникомъ свободы, полагая и доказывая, что она должна служить основою для законодательства и для всѣхъ, дѣйствительно полезныхъ, преобразованій и нововведеній" (стр. 132), Отсюда его идеи терпимости по отношенію къ раскольникамъ и духоборцамъ (стр. 205—206), требованіе для крестьянъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости (стр. 207), для слова—свободы печати отъ благонамѣренныхъ, но часто неразумныхъ поползновеній цензуры (стр. 260 и слѣд.; 282—283, 318), для промышленности—поменьше административной опеки, стѣсняющей честную предпріимчивость (стр. 195). Разказываютъ, что на вопросъ, отчего иноземныя растенія отлично сохраняются въ нашихъ оранжереяхъ, а наши фабрики и мануфактуры не могутъ усвоить себѣ хорошихъ образцевъ и сравниться съ иностранными, Козодавлевъ отвѣчалъ: оттого, что въ устройство оранжерей не вмѣшивается администрація (стр. 260). Извѣстны, изъ его посланія къ Державину, похвалы Фелицѣ, что она

милуетъ грядущи къ ней народы
Даетъ имъ чувствовать пріятности свободы

(стр. 331). Другое дѣло, когда ставился вопросъ о непріятностяхъ, которыя могло возбудить нѣкоторое, хотя бы и воображаемое, свободомысліе. Здѣсь у Козодавлева нехватало—не то, чтобы гражданскаго мужества, а внѣшней выдержки, которая нерѣдко идетъ за него. Когда, по совѣту Козодавлева, Державинъ написалъ стихи по случаю рожденія великаго князя Михаила Павловича и публика стала поговаривать о рѣзкихъ выраженіяхъ, въ нихъ употребленныхъ и будто бы грозившихъ поэту ссылкой или чѣмъ-нибудь подобнымъ,— Козодавлевъ при первой встрѣчѣ отвернулся отъ него,—и поспѣшилъ его поздравить, когда огорченіе явилось—въ видѣ табакерки съ бриліантами, подаренной Государемъ за присланную ему оду.

Можно, не будучи героемъ идеи, прослыть за ея представителя и вызвать нареканія ея противниковъ. „Въ немъ много добраго", говорилъ о Козодавлевѣ Карамзинъ, „не смотря на то, что вошелъ въ пословицу не съ хорошей стороны". Полагаютъ, что эта нехорошая сторона заключалась въ либерализмѣ Козодавлева (стр. 150), вошед-

шемъ въ пословицу, что одно объясняетъ, почему въ старческихъ воспоминаніяхъ Дашковой онъ названъ цензоромъ, пропустившимъ трагедію Княжнина „Вадимъ“, за которую ея авторъ навлекъ на себя обвиненіе въ революціонныхъ замыслахъ (стр. 267 слѣд.).

Противополагая азіатскіе порядки европейскимъ, настаивая на томъ, что Петръ Великій вводилъ нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ (стр. 222), Козодавлевъ былъ чутокъ къ правамъ этого народа на самостоятельность въ области, какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго развитія. Проводя эту идею не только въ оффиціальныхъ бумагахъ, но и въ дружескихъ письмахъ, онъ дѣйствовалъ вполнѣ искренно; это, быть можетъ, одна изъ наиболѣе цѣльныхъ и симпатичныхъ идей, опредѣлившихъ его дѣятельность. Какъ освобожденіе русской промышленности отъ зависимости иностранной (стр. 202) было любимою мечтою министра внутреннихъ дѣлъ, такъ уже въ проектѣ устава русскихъ университетовъ опредѣленно ставится мысль, и впослѣдствіи никогда не покидавшая Козодавлева: о самостоятельномъ развитіи русскаго языка и науки. Иноземные профессора, приглашаемые въ наши университеты, обязывались приготовить русскихъ студентовъ и учителей, а впослѣдствіи и лекціи читать не иначе, какъ на русскомъ языкѣ, потому что „польза Россійскаго государства несомнѣнно требуетъ, чтобы науки въ россійскихъ университетахъ преподавались на языкѣ народномъ. Языкъ народный есть первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія; гдѣ науки преподаются на языкѣ иностранномъ, тамъ народъ находится подъ игомъ языка чуждаго, и рабство сіе съ невѣжествомъ нераздѣльно. Число ученыхъ въ государствѣ людей какъ бы велико ни было, но если они преподавать науки будутъ не тѣмъ языкомъ, которымъ говоритъ народъ, то просвѣщеніе пребудетъ только между весьма малою частью гражданъ, а народъ останется въ невѣжествѣ (стр, 65)... Англичане и Французы преимущество свое предъ прочими европейскими народами въ художествахъ и промыслахъ и вообще въ народномъ просвѣщеніи пріобрѣли болѣе тѣмъ, что науки были у нихъ преподаваемы на языкѣ народномъ, и что, какъ изъ того слѣдовало, хорошіе писатели, соединявшіе отъ самыхъ младыхъ лѣтъ языкъ свой съ науками, сообщали знанія свои отечеству природнымъ же своимъ языкомъ“ (стр. 87).

Тѣ же идеи развивались и на страницахъ Сѣверной Почты (стр. 249—251), и въ статьѣ Козодавлева „О народномъ просвѣщеніи въ Европѣ“, помѣщенной въ Растущемъ виноградѣ и доказы-

вавшей тѣсную связь просвѣщенія съ его необходимымъ орудіемъ— народнымъ языкомъ: языки—сосуды, сохраняющіе человѣческія мысли и знанія; прогрессъ послѣднихъ измѣряется совершенствованіемъ первыхъ, и наоборотъ. Авторъ снова указываетъ на примѣръ Англичанъ и Французовъ, которые „со тщаніемъ обращали попеченіе свое на вычищеніе языковъ своихъ. Просвѣщеніе распространялось между ними несравненно скорѣе прочихъ народовъ, а языки ихъ содѣлались языками просвѣщеннаго міра“. Наоборотъ: „сильное въ Германіи знатныхъ и ученыхъ людей прилежаніе къ языку французскому произвело въ нихъ презрѣніе къ языку природному, изъ коего родилось и презрѣніе къ отечеству. Языкъ нѣмецкій, яко единственное орудіе, служащее къ распространенію въ Германіи наукъ, художествъ и хорошаго вкуса, оставался въ нечистотѣ и грубости. Словомъ, Германія была подъ игомъ языка чуждаго до тѣхъ поръ, пока Провидѣніе не произвело великихъ людей, обратившихъ вниманіе свое на вычищеніе и обогащеніе языка нѣмецкаго. Въ Германіи были Лейбницъ, Вольфъ и множество другихъ великихъ людей; но ученіе ихъ оставалось между учеными. Отечество ихъ получало не болѣе пользы отъ нихъ, какъ и отъ писателей иностранныхъ. Германія покрыта была мрачнымъ покровомъ педантства и невѣжества, пока Геллертъ, Лессингъ, Виландъ и множество другихъ не возвели языка нѣмецкаго на степень совершенства. Нѣмцы узрѣли красоту языка народнаго, низвергли съ себя иго языка чуждаго, и науки, художества и хорошій вкусъ въ короткое время распространились въ Германіи“ (стр. 315—317).

Съ любовью къ отечественному языку, какъ органу просвѣщенія, Козодавлевъ соединялъ пониманіе народной старины. Дорожить ея памятниками онъ считалъ нравственною обязанностью просвѣщеннаго человѣка и въ изданіи ихъ видѣлъ выраженіе не только любви къ наукѣ, но и любви къ своему отечеству (стр. 284). Имъ предпринято новое изданіе сочиненій Ломоносова (стр. 33 слѣд.); онъ же напечаталъ житіе патріарха Никона, составленное его современникомъ и ближайшимъ свидѣтелемъ его судьбы (стр. 283). Будучи главнымъ руководителемъ Собесѣдника любителей россійскаго слова, въ которомъ участвовали Державинъ, фонъ-Визинъ, Херасковъ, Княжнинъ, Богдановичъ и др. (стр. 348 — 349), Козодавлевъ представляется намъ показателемъ средняго литературнаго и научнаго уровня своего времени. Важны не столько его собственные вклады въ литературу, сколько идеи, которыя онъ поддерживалъ силой своего по-

ложенія: идеи европейскаго просвѣщенія въ формахъ народности. Для характеристики этого направленія, связывающаго эпохи Екатерины II и Александра I, новый трудъ нашего академика представляетъ обильный и разносторонній матеріалъ.

Академикъ А. Н. Веселовскій приготовилъ четвертый выпускъ своихъ „Разысканій въ области русскихъ духовныхъ стиховъ". Въ главахъ, вошедшихъ въ составъ этого выпуска, обращено особое вниманіе на данныя, представляемыя новогреческой и румынской народной поэзіей и суевѣріемъ, по отношенію къ русскимъ и южнославянскимъ. Привлеченъ также и матеріалъ кавказскихъ вѣрованій. Основаніе такого выдѣленія, не обособленія, лежитъ во взглядѣ автора на границы и пріемы сравнительнаго метода. Сравненіе либо обнимаетъ бытовой матеріалъ всевозможныхъ народовъ, не обращая вниманія на ихъ этнографическую рознь и отсутствіе взаимной культурной связи; выводы, получаемые въ этомъ случаѣ, могутъ быть вмѣнены общимъ закономъ человѣческаго, бытоваго и психическаго развитія. Либо сравненіе заключается въ чертѣ одной этнографической семьи, и выводы ведутъ къ предположенію доисторическаго единства вѣрованій и воззрѣній. Но есть еще другое, болѣе тѣсное по границамъ, но болѣе близкое къ намъ по времени и потому болѣе доступное анализу; единство культурное, на почвѣ котораго выростало единство народнаго, религіознаго и поэтическаго міросозерцанія. Такимъ культурнымъ, связующимъ началомъ для Русскихъ и южныхъ Славянъ, для Румынъ и Грековъ и для части Кавказа — было христіанство въ формахъ восточной церкви; оттуда въ повѣрьяхъ тѣхъ народностей и духовной пѣснѣ общія черты, теряющіяся за границей церковнаго вліянія. Эту то общность слѣдуетъ установить и уяснить, прежде чѣмъ обратиться къ другимъ, болѣе широкимъ, приводящимъ къ предположенію единства доисторическаго или психологическаго.

Академикъ И. В. Ягичъ продолжалъ въ теченіе нынѣшняго года печатаніе своихъ „Чтеній о церковно-славянскомъ языкѣ", основанныхъ на обширномъ изученіи, между прочимъ, и такихъ памятниковъ, которые до сихъ поръ не принимались въ разчетъ при изложеніи церковно-славянской грамматики. Онъ же окончилъ изданіе глаголическаго Маріинскаго Евангелія. Покойный В. И. Григоровичъ, желавшій напечатать его, заказалъ его фотографическое воспроизведеніе въ Москвѣ, гдѣ и сдѣлано съ него нѣсколько великолѣпныхъ снимковъ; но лишь одна его часть (Евангеліе отъ Луки)

была издана фотолитографически Обществомъ любителей древней письменности. Академикъ Ягичъ взялся пополнить этотъ пробѣлъ, будучи убѣжденъ, что для прочныхъ выводовъ о церковно-славянскомъ языкѣ необходимо полное знакомство со всѣми древнѣйшими его памятниками; а Маріинское Евангеліе принадлежитъ, вмѣстѣ съ изданнымъ недавно Зографскимъ, къ числу древнѣйшихъ списковъ евангельскаго текста. Изданіе академика Ягича основано на тѣхъ же началахъ, какъ и изданіе Зографскаго Евангелія: текстъ сообщается въ критической кирилловской транскрипціи, подъ строкой приведены разночтенія изъ тѣхъ глаголическихъ (Ассеманово и Зографское Евангеліе) и кирилловскихъ (Остромирово Евангеліе и Савина книга) списковъ того же памятника, которые пока мы считаемъ древнѣйшими, равно какъ и изъ Никольскаго Хвалова Евангелія, сохранившаго много слѣдовъ глубокой древности, какъ въ чтеніи, такъ и въ словарѣ и въ грамматическихъ формахъ. Матеріалъ разночтеній убѣдитъ читателя въ поразительной близости всѣхъ этихъ текстовъ, такъ что теперь мы уже въ состояніи утверждать, для $^5/_6$ древне-славянскаго перевода Евангелія, что такъ именно, а не иначе, онъ вышелъ изъ подъ пера просвѣтителя всѣхъ Славянъ.

Всѣ подобные памятники печатались до сихъ поръ въ объемѣ уцѣлѣвшаго ихъ содержанія; академикъ Ягичъ рѣшился немногіе листки, недостающіе въ Маріинскомъ Евангеліи въ началѣ и концѣ, восполнить содержаніемъ, заимствованнымъ изъ другихъ, самыхъ близкихъ къ издаваемому текстовъ, такъ что въ его изданіи читатель найдетъ полное тетраевангеліе въ церковно-славянскомъ переводѣ древнѣйшаго юсоваго вида.

Убѣдившись, съ другой стороны, въ неудовлетворительности „отрывочныхъ“ изданій древнѣйшихъ памятниковъ русскаго языка, акад. Ягичъ предложилъ Отдѣленію, и оно порѣшило—издать всѣ выдающіеся памятники древней русской письменности XI—XII вѣка, насколько они до сихъ поръ еще не обнародованы. Съ этою цѣлью ак. Ягичемъ приготовлены для печати обѣ типографскія минеи 1096 и 1097 г.; къ печатанію первой изъ нихъ онъ надѣется приступить въ началѣ будущаго года.

Шестой томъ Архива, редактируемаго нашимъ сочленомъ, продолжаетъ знакомить западныхъ ученыхъ съ главнѣйшими явленіями въ области славянской филологіи. Интереснымъ вкладомъ въ ея исторію будетъ корреспонденція двухъ знаменитыхъ славистовъ на-

чала нашего столѣтія: Копитара и Добровскаго, приготовленная къ изданію акад. Ягичемъ.

Въ теченіе прошлаго лѣта акад. Ягичъ посѣтилъ, по порученію Отдѣленія, Истрію, съ цѣлью познакомиться съ этнографическими отношеніями этого полуострова, мало извѣстными даже ближайшимъ сосѣдямъ. Главная часть его населенія (160,000) принадлежитъ къ славянскому племени Хорватовъ и такъ называемому чакавскому говору, отличающемуся многими остатками древности въ грамматикѣ, лексиконѣ и удареніи. Въ будущемъ году акад. Ягичъ намѣренъ продолжать свои наблюденія, результаты которыхъ будутъ несомнѣнно на пользу славистики.

Между тѣмъ надъ представителями ея снова отяготѣла рука смерти. Недавно (5-го ноября) скончался одинъ изъ самыхъ видныхъ ея дѣлателей, Юрій Даничичъ (род. 1825 г.). Послѣдователь Вука Караджича, онъ выступилъ уже въ 1847 году въ защиту его реформы сербскаго литературнаго языка и правописанія (Рат за српски језик и правопис), а въ 1866 представилъ переводъ Библіи на народный языкъ, считающійся классическимъ наравнѣ съ переводомъ Евангелія, сдѣланнымъ Караджичемъ. Ученикъ Миклошича, онъ сталъ своими трудами по грамматикѣ, лексикографіи и исторіи сербскаго языка (Српска синтакса, 1858 г.; Облици српскога језика, 1863 г.; Историја облика српскога и хрватскога језика до свршетка XVII вѣка, 1874 г.; Рјечник из књижевних старина српских, 1863—1864 г. и др.) въ ряду замѣчательныхъ славистовъ, о трудахъ котораго нашъ сочленъ, ак. Ягичъ, выразился нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что каждый европейскій филологъ порадовался бы имъ, еслибъ языкъ, на которомъ они написаны, не дѣлалъ для огромнаго большинства невозможнымъ ближайшее съ ними знакомство. Мы ограничимся лишь упоминаніемъ другихъ сторонъ его дѣятельности: какъ издателя древнихъ памятниковъ сербской письменности, какъ профессора высшей школы въ Бѣлградѣ, какъ секретаря Сербскаго ученаго дружества и Загребской академіи, давшей ему средства на приготовительныя (1866—1876) работы для его послѣдняго, широко-задуманнаго труда: историческаго и этимологическаго сербо-хорватскаго словаря, расчитаннаго на 40—50 выпусковъ, изъ которыхъ появилось пока всего четыре.

Прочувствованная рѣчь Бошковича, произнесенная надъ гробомъ покойнаго въ соборной Бѣлградской церкви 14-го ноября 1882 г., указываетъ, какъ сильно ощущается на родинѣ его утрата. Къ этому

печальному сочувствію присоединяется и наше Отдѣленіе, корреспондентомъ котораго онъ состоялъ съ 1863 г.

Въ октябрѣ текущаго года умеръ въ Скерневицахъ Петръ Павловичъ Дубровскій (род. въ Кіевѣ въ 1813 г.), извѣстный своими работами въ области польской литературы и языка и изданіемъ, къ сожалѣнію, не долговѣчной (1842—43 г.) Денницы (Jutrzenka), журнала на русскомъ и польскомъ языкахъ, посвященнаго славянству. Назначенный въ 1851 году профессоромъ польскаго языка въ главномъ педагогическомъ институтѣ, онъ въ 1855 г. былъ избранъ адъюнктомъ по II-му Отдѣленію Имп. академіи наукъ, въ трудахъ котораго помѣстилъ свои изслѣдованія грамматическихъ формъ польскаго языка и статью о Петрѣ Скаргѣ, іезуитѣ и проповѣдникѣ Сигизмунда III. Въ 1862 году, когда явилась упомянутая работа, Дубровскій, тогда экстраординарный академикъ, просилъ по разстроенному здоровью уволить его отъ этой должности, оставивъ за нимъ званіе корреспондента. Послѣднимъ значительнымъ его трудомъ былъ: Полный словарь польско-русскій и русско-польскій (Варшава 1876—78).

Невознаградимую утрату понесло Отдѣленіе въ лицѣ своего сочлена (съ 4 ноября 1854 года), высокопреосвященнаго Макарія, митрополита Московскаго и Коломенскаго. Русская церковь потеряла въ немъ досточтимаго іерарха, богослова, ученаго, впервые поставившаго науку русской церковной исторіи на подобающую ей высоту; духовная каѳедра—замѣчательнаго проповѣдника, владѣвшаго простымъ, изящнымъ словомъ, далекимъ отъ обычной проповѣднической рутины; словомъ, чутко отзывавшемся на такія явленія жизни, которыя до тѣхъ поръ не часто встрѣчали отголосокъ на церковной каѳедрѣ. Всѣмъ памятна его рѣчь въ церкви Страстнаго монастыря по поводу открытія памятника Пушкину въ 1880 году; рѣчь, въ которой онъ чествовалъ „не только величайшаго нашего поэта, но и поэта нашего народа", чуткой душой отозвавшагося „на всѣ преданія русской старины и русской исторіи, на всѣ своеобразныя проявленія русской жизни", глубоко проникшагося „русскимъ духомъ", сообщившаго русскому слову „такую естественность и простоту и, вмѣстѣ, такую обаятельную художественность, какихъ мы напрасно стали бы искать у прежнихъ нашихъ писателей". Припомнимъ, въ этой связи, и слово, произнесенное покойнымъ въ Харьковскомъ университетѣ въ день столѣтняго юбилея И. А. Крылова (2 февраля 1868 г.): меткую характеристику его языка и практической мудрости, и вытекавшее изъ нея житейское обобщеніе. „Языкъ его чисто русскій,

но выработанный имъ самимъ и запечатлѣнный силою его необыкновеннаго таланта", говорилъ о Крыловѣ проповѣдникъ; „онъ взялъ нашу образованную литературную рѣчь, освободилъ ее отъ всего искусственнаго, чужеземнаго и обрусилъ ее черезъ сліяніе съ простонародной рѣчью. И вышелъ крыловскій языкъ. Что онъ говорилъ? Говорилъ то, что можетъ говорить человѣкъ самаго здраваго смысла, практическій мудрецъ и, въ особенности, мудрецъ русскій. Братья соотечественники! договаривать-ли, что еще завѣщалъ намъ нашъ безсмертный баснописецъ? Онъ завѣщалъ намъ быть русскими вполнѣ, какимъ былъ самъ до глубины своего существа; онъ завѣщалъ намъ любовь искреннюю, безграничную любовь ко всему отечественному: къ нашему родному слову, къ нашей родной странѣ и ко всѣмъ коренным началамъ нашей народной жизни. И такъ, развивайте ваши молодыя силы и способности", заключилъ проповѣдникъ обращеніемъ къ студентамъ, „воспитывайте и укрѣпляйте ихъ во всемъ добромъ и прекрасномъ; обогащайте себя разнородными познаніями, откуда бы они ни приходили; старайтесь усвоить себѣ всѣ плоды обще-европейскаго, общечеловѣческаго образованія. Но зачѣмъ? Затѣмъ, помните, затѣмъ, чтобы вы это добро, вами пріобрѣтенное, принесли въ жертву ей, вашей родной матери— Россіи!".

Покойному не суждено было дожить до окончанія своего любимаго труда, которому онъ всецѣло отдавался, на сколько то позволяли ему его пастырскія обязанности, въ теченіе почти половины жизни. Въ 1846 г. появилось введеніе въ его Исторію Русской Церкви, подъ заглавіемъ: „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра", которое акад. Куникъ призналъ „рѣдкимъ явленіемъ въ области литературы отечественной исторіи". Съ 1857 по текущій годъ вышли XI томовъ „Исторіи Русской церкви" и часть двѣнадцатаго, посвященнаго дѣятельности патріарха Никона по исправленію церковныхъ книгъ и обрядовъ.

Неутомимый методическій работникъ, строгій къ себѣ, покойный не только сочувствовалъ всякимъ ученымъ начинаніямъ въ области, въ которой онъ самъ былъ мастеромъ, но и не сѣтовалъ, встрѣчаясь съ воззрѣніями, несогласными съ его собственными. Такое уваженіе къ объективной истинѣ и къ тѣмъ, кто ее ищетъ, хотя-бы на расходящихся путяхъ, явленіе — не изъ обычныхъ. Тѣмъ-же культомъ научной истины объясняются и вклады покойнаго, составленные изъ трудовыхъ сбереженій, на пользу отечественной науки. Еще въ 1844

году, будучи баккалавромъ Кіевской духовной академіи, онъ далъ обѣтъ, если Богъ благословитъ его намѣренія и труды, хранить неприкосновенными всѣ деньги отъ продажи своихъ сочиненій, пока изъ нихъ не составится значительная сумма, и тогда положить ее въ кредитное учрежденіе на всегда, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ нея были выдаваемы ежегодныя преміи для поощренія отечественныхъ талантовъ. Въ 1867 году, въ бытность свою архіепископомъ Харьковскимъ, высокопреосвященный Макарій могъ уже пожертвовать капиталъ въ 120,000 руб. на учрежденіе, по его смерти, премій его имени за достойныя оригинальныя сочиненія на русскомъ языкѣ, по предметамъ богословскихъ и свѣтскихъ наукъ, такъ чтобы въ одинъ годъ всѣ проценты съ капитала были отпускаемы въ распоряженіе св. синода, а на другой въ вѣдѣніе академіи наукъ. Этимъ не ограничились пожертвованія: въ 1869 году, по случаю юбилея Кіевской духовной академіи, его высокопреосвященство пожертвовалъ въ ея пользу 25,000 р., съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы выдавались ежегодно за лучшія сочиненія по духовной литературѣ, и въ томъ-же году учреждены имъ ежегодныя преміи въ 1000 р. за лучшія учебныя пособія по предметамъ семинарскаго и училищнаго образованія.

Когда передъ нами прошла долгая трудовая жизнь, проникнутая одной руководящей идеей: служенія истинѣ, любопытно бываетъ проникнуть туда, гдѣ впервые завязалась эта идея, наполнившая собою цѣлое существованіе. Въ небольшой тетрадкѣ сѣрой, грубоватой бумаги сохранилось нѣсколько стихотвореній, надписанныхъ: „Сочиненія Макарія Булгакова, студента Кіевской духовной академіи",—что относитъ насъ ко времени до 1841 года. Подлинная рукопись доставлена въ Отдѣленіе С. Н. Пономаревымъ. Первое стихотвореніе озаглавлено: „Три гимна"; въ сущности—три строфы, три пѣснопѣнія, обращенныхъ къ юности, полной чудныхъ, неизвѣданныхъ силъ; къ мечтѣ, уносящей въ поднебесье отъ земныхъ дрязгъ и горя; наконецъ—къ истинѣ. Вотъ само стихотвореніе:

Тебѣ, о *Юность дорогая*,
Тебѣ мой первый сердца гимнъ!
Тобой дышу я—и сгараю
Огнемъ священнымъ, неземнымъ.
О! сладко пить твой нектаръ чудный
Изъ чаши полной, круговой,
И сладко, сладко пѣснью звучной
Пѣть прелесть жизни золотой.

Тобой прекрасна мнѣ природа,
Тобою люди мнѣ милѣй,
Пріятны бури, непогода,
Дороже счастье свѣтлыхъ дней.

Второй мой гимнъ *Мечтѣ прелестной*,
Тебѣ, подруга дней моихъ!
Люблю орломъ въ выси небесной
Парить на крыльяхъ я твоихъ,
Люблю въ твой дивный міръ, далекій,
Изъ міра здѣшняго летать,
И тамъ, забывшись, одинокій,
Съ тобой, волшебница, играть.
И я блаженъ . . . . и я не знаю
Ни горестей, ни жизни бѣдъ;
Весна иль осень? . . . я мечтаю
И милъ всегда мнѣ Божій свѣтъ.

А ты, которая звѣздою
Вдали алмазною горишь,
И пылкихъ юношей красою
Своей божественной манишь,
Святая Истина, ужели
И для тебя простой лишь гимнъ
Споетъ—отъ самой колыбели
Поклонникъ прелестямъ твоимъ?
О нѣтъ! Богинѣ благодатной
Всего себя я отдаю
И гимнъ любви, гимнъ благодарный,
Я цѣлой жизнью пропою.

И зрѣлый мужъ исполнилъ, въ предѣлахъ человѣческой возможности, обѣтъ юноши: всею жизнью пропѣть благодарный гимнъ Истинѣ.

Отвлеченный заботами архипастыря, покойный въ послѣднее время не былъ въ состояніи принимать дѣятельное участіе въ занятіяхъ Отдѣленія, но это не мѣшало ему сочувствовать его стремленіямъ и интересамъ и поддерживать въ вопросахъ, близко его касавшихся. Тѣмъ болѣзненнѣе ощущается его утрата. Мы и не надѣемся замѣнить его; но мы можемъ стараться пополнить наши рѣдѣющіе ряды людьми, которыхъ дѣятельность сложилась въ сторону его идеаловъ! „Рукъ и возможности у насъ станетъ на все“, писалъ когда-то о Россіи Козодавлевъ; дѣло за средствами привлеченія, которыми наше Отдѣленіе далеко не богато.

Наконецъ мы не можемъ пройдти молчаніемъ, что три дня тому назадъ, 26-го декабря, исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія знаменитаго нашего іерарха, митрополита Московскаго Филарета, бывшаго ординарнымъ академикомъ Отдѣленія.

Труды, совершенные имъ для науки, его краснорѣчивое слово, произносившееся въ теченіе многихъ лѣтъ съ Московской каѳедры, его неутомимая и высокопросвѣщенная дѣятельность на пользу православной церкви и государства отвели ему навсегда одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи Россіи и отечественнаго просвѣщенія.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ 1881 году.

Личный составъ служащихъ въ институтѣ къ 1-му января 1882 года былъ слѣдующій: директоръ, инспекторъ, 6 профессоровъ, 8 доцентовъ (3 испр. должн.), 2 учителя, помощникъ инспектора, управляющій имѣніями института, ученый садовникъ, испр. должн. помощника ученаго садовника, 3 лаборанта (2 сверхштатныхъ), секретарь, бухгалтеръ, врачъ, смотритель зданія и старшій педель, всего 30 лицъ. Вакантными были должности: доцента по каѳедрѣ строительнаго искусства и учителя рисованія и черченія; исполненіе обязанностей по второй изъ сихъ должностей возложено было на одного изъ профессоровъ института. Изъ числа преподавателей командированы были въ качествѣ руководителей научныхъ экскурсій со студентами института доценты: Краузе и Красускій—въ Варшавскую губернію, для осмотра лѣсовъ княжества Ловичскаго, Цихоцкій—въ ту же губернію, для осмотра вблизи уѣзднаго города Кутно свеклосахарнаго завода „Констанція“ и винокуреннаго и пивовареннаго заводовъ въ имѣніи Кутно, и Хлюдзинскій—въ Варшаву, для осмотра бывшей тамъ выставки скотоводства.

Ходъ преподаванія и практическихъ занятій учащихся выражается слѣдующими данными по отдѣльнымъ предметамъ институтскаго курса Зоологія преподавалась студентамъ I курса въ 1-мъ полугодіи по 4

часа, во 2-мъ—по 2, въ объемѣ утвержденной программы. Практическія занятія происходили въ зоологическомъ кабинетѣ и состояли въ ознакомленіи студентовъ съ анатоміей низшихъ позвоночныхъ животныхъ, преимущественно рыбъ, и въ изученіи мѣстной фауны. Физіологія животныхъ излагалась для студентовъ II курса сельско-хозяйственнаго отдѣленія по 2 часа въ недѣлю, причемъ пройденъ весь курсъ, за исключеніемъ физіологіи органовъ чувствъ, съ которою студенты, впрочемъ, ознакомились въ общей зоологіи и анатоміи животныхъ. По обоимъ предметамъ успѣхи учащихся оказались удовлетворительными,—что̀ приписывается изданію профессоромъ литографированныхъ курсовъ,—хотя и желательна лучшая демонстративная обстановка курса физіологіи. Для студентовъ III курса прочтенъ былъ сжатый курсъ эмбріологіи, какъ дополненіе къ не вполнѣ пройденному въ предыдущемъ году курсу физіологіи на II курсѣ. Ботаника и физіологія растеній читались для I-го курса (4 часа въ 1-мъ и 5 во 2-мъ полугодіи) по прежнимъ программамъ; пройденъ былъ полный курсъ, сопровождавшійся демонстраціями и практическими занятіями въ видѣ особыхъ экскурсій для изученія мѣстной флоры. Успѣхи по этимъ двумъ важнымъ предметамъ были недостаточно удовлетворительны, почему и были приняты надлежащія мѣры для повышенія успѣховъ учащихся. По распоряженію начальства института, студенты III курса также на особыхъ экскурсіяхъ пополнили свои познанія въ опредѣленіи сорныхъ сельско-хозяйственныхъ растеній. Минералогія (2 часа на I курсѣ) и геогнозія (2 часа на II курсѣ) излагались по одобреннымъ программамъ безъ всякихъ отступленій отъ оныхъ и не измѣняя прежнихъ методовъ преподаванія и практическихъ занятій; успѣхи по обоимъ предметамъ вполнѣ удовлетворительны. Физика и метеорологія съ климатологіей преподавались 4 часа для I курса, причемъ успѣшность студентовъ не была удовлетворительна, вслѣдствіе какъ слабой подготовки большинства поступающихъ въ институтъ по физикѣ, такъ и неудовлетворительнаго состоянія демонстративной обстановки лекцій. Устраненіе первой причины уже состоялось въ 1881 году, благодаря повышенію уровня требованій для вновь принимаемыхъ въ студенты института; второе же обстоятельство требуетъ затратъ, несоразмѣрныхъ съ средствами института. Практическія занятія сохранили по прежнему необязательный характеръ и состояли въ упражненіяхъ желающихъ изъ учащихся въ производствѣ различнаго рода измѣреній и въ употребленіи нѣкоторыхъ приборовъ. Геодезія съ нивеллированіемъ (2 часа на I курсѣ), прак-

тическая механика (3 часа на томъ же курсѣ) и земледѣльческая механика (2 часа на II курсѣ сельско-хозяйственнаго отдѣленія) преподавались по одобреннымъ программамъ. Практическія занятія студентовъ состояли: по геодезіи и нивеллировкѣ—въ групповыхъ упражненіяхъ I курса въ простѣйшихъ геодезическихъ операціяхъ, по земледѣльческой механикѣ—на III курсѣ въ опредѣленіи сопротивленія земледѣльческихъ орудій и разборкѣ и сборкѣ нѣкоторыхъ болѣе сложныхъ орудій. Преподаватель этихъ предметовъ находилъ успѣхи студентовъ въ нихъ вполнѣ удовлетворительными; директоръ же института нашелъ такое мнѣніе неоправдываемымъ результатами ни экзаменовъ, ни практическихъ занятій, въ особенности по земледѣльческой механикѣ. Общая химія (3 часа неорганической на 1-мъ курсѣ, 2—органической и 1 часъ аналитической на 2-мъ курсѣ для сельско-хозяйственнаго отдѣленія) читалась по измѣненнымъ съ одобренія совѣта программамъ и приблизительно къ напечатанному профессоромъ Потылицинымъ курсу химіи и учебнику органической химіи Алексѣева. Вслѣдствіе увольненія бывшаго профессора Лея и перерыва въ преподаваніи, курсъ общей химіи былъ сокращенъ; занятія же студентовъ въ химической лабораторіи шли непрерывно. Успѣхи студентовъ найдены вообще удовлетворительными, особенно въ аналитической химіи. Земледѣльческая химія (2 часа на II курсѣ, во 2-мъ полугодіи только для сельско-хозяйственнаго отдѣленія) читалась по прежней программѣ, дополненной отдѣломъ о продуктахъ растеньеводства. Практическія занятія въ земледѣльческой лабораторіи велись на III курсѣ и состояли въ упражненіяхъ въ различныхъ сельско-хозяйственныхъ анализахъ и изслѣдованіяхъ. Успѣхи студентовъ преподаватель нашелъ менѣе удовлетворительными, чѣмъ въ предшествовавшихъ годахъ, хотя для облегченія студентовъ и былъ изданъ преподавателемъ литографированный курсъ лекцій по растительной химіи. Сельско-хозяйственная и лѣсная технологія читалась на III курсѣ (въ 1-мъ полугодіи по 2 часа для обоихъ отдѣленій, во 2-мъ 4 для хозяевъ и 2 для лѣсоводовъ), причемъ преподаватель нашелъ возможнымъ дополнить общій курсъ отдѣломъ о горючихъ матеріалахъ. Занятія состояли въ демонстраціяхъ пріемовъ для техническихъ изслѣдованій, въ чемъ упражнялись и студенты. Кромѣ того, подъ руководствомъ преподавателя, студенты III курса произвели технологическую экскурсію и посѣтили свеклосахарный заводъ въ Юзефовѣ, гдѣ имѣли возможность ознакомиться съ дифрузіоннымъ методомъ переработки свеклы и способомъ Манури для извлеченія сахара изъ

натоки; далѣе—винокуренный и пивоваренный заводы въ Крочевѣ. Успѣхи студентовъ, по мнѣнію директора, нельзя назвать удовлетворительными. Сельское строительное искусство съ проектированіемъ хозяйственныхъ построекъ, за неимѣніемъ штатнаго преподавателя по этой каѳедрѣ, преподавались бывшимъ учителемъ Кублицкимъ только во 2-мъ полугодіи для 3-го курса (по 2 часа) и имѣло характеръ краткихъ, наиболѣе важныхъ свѣдѣній о постройкахъ, необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Политическая экономія (4 часа въ 1-мъ полугодіи), статистика (4 часа во 2-мъ полугодіи на II курсѣ) и законовѣдѣніе (2 часа въ 1-мъ полугодіи для III курса) читались по прежнимъ программамъ, причемъ преподаватель нашелъ успѣхи студентовъ менѣе удовлетворительными сравнительно съ предшествовавшими годами. Русскій языкъ и словесность преподавались на всѣхъ трехъ курсахъ по 2 часа по прежней программѣ; успѣхи найдены очень хорошими. Нѣмецкій языкъ преподавался по 2 часа на I и II курсахъ и 1 на III, но вслѣдствіе прежде заявленныхъ общихъ причинъ неуспѣшности дѣла и болѣзни преподавателя, результаты преподаванія нельзя не признать очень слабыми. Земледѣліе читалось для II курса (общее растеньеводство 2 часа) и III-го (частное растеньеводство 3 часа) безъ существенныхъ измѣненій въ прежнихъ программахъ. Практическія занятія состояли въ ознакомленіи съ пріемами механической обработки почвы и изученіи культурныхъ растеній, разводимыхъ на опытной фермѣ института. Успѣшности занятій по растеньеводству препятствовала недостаточная подготовка учащихся въ земледѣльческой механикѣ и общей ботаникѣ. Почвовѣдѣніе излагалось 1 часъ на II курсѣ и сопровождалось практическими занятіями въ земледѣльческой лабораторіи въ теченіе года; успѣшность студентовъ по прежнему выразилась въ хорошихъ отвѣтахъ на испытаніяхъ и результатахъ практическихъ занятій, напечатанныхъ въ Запискахъ института. Скотоводство (общее 2 часа на II и частное 2 часа на III курсѣ сельско-хозяйственнаго отдѣленія) преподавалось по программѣ нѣсколько сокращенной, вслѣдствіе недостатка времени. По общему скотоводству студенты II курса занимались составленіемъ кормовыхъ нормъ; по частному же студенты III курса занимались въ земледѣльческой лабораторіи, въ зоотехническомъ кабинетѣ и на опытной фермѣ въ теченіе года по плану прежнихъ лѣтъ; въ вакаціонное же время они ознакомились съ птицеводствомъ и оцѣнкой скота на институтской фермѣ. Сельско-хозяйственная экономія читалась для III курса сельско-хозяйственнаго

отдѣленія по одобренной программѣ. Въ теченіе 2-го полугодія происходили еженедѣльныя практическія занятія студентовъ; послѣ же окончанія экзаменовъ студенты III курса упражнялись въ таксаціи фермскихъ земель и въ счетоводствѣ. Успѣхи студентовъ по скотоводству и сельско-хозяйственной экономіи вполнѣ удовлетворительны, на что, безъ сомнѣнія, повліяли прочтенные преподавателемъ во 2-мъ полугодіи дополнительныя за особое вознагражденіе лекціи. Анатомія животныхъ и ветеринарныя науки излагались: первая—2 часа во 2-мъ полугодіи для I курса, вторыя—для сельско-хозяйственнаго отдѣленія по 2 часа на II и III курсахъ и сопровождались надлежащими демонстраціями, секціями, осмотромъ больныхъ животныхъ на фермѣ, операціями и приготовленіемъ лекарствъ. Успѣхи студентовъ очень удовлетворительны. Лѣсоводство преподавалось: лѣсохраненіе и лѣсовозращеніе—для II курса, лѣсопотребленіе, лѣсные законы съ счетоводствомъ и лѣсная статистика—для III курса на лѣсномъ отдѣленіи, лѣсоохраненіе, лѣсовозращеніе и лѣсопотребленіе—для III курса на сельско-хозяйственномъ отдѣленіи. Преподаватель, вслѣдствіе сокращенія учебнаго времени, сжалъ объемъ читанныхъ курсовъ, что, совмѣстно съ многопредметностію и заявленною преподавателемъ, вслѣдствіе многообразныхъ для него занятій, невозможностію надлежащимъ образомъ слѣдить за успѣхами науки,—не могло не повліять неблагопріятнымъ образомъ на успѣшность преподаванія. По заявленію преподавателя, отсутствіе лѣсной дачи, бѣдность лѣснаго отдѣла библіотеки, многопредметность и скромная служебная карьера, ожидающая выходящихъ воспитанниковъ по лѣсному отдѣлу,—служатъ помѣхой правильному преподаванію лѣсоводства и причиной значительнаго уменьшенія числа студентовъ на лѣсномъ отдѣленіи, сравнительно съ сельско-хозяйственнымъ. Практическія занятія ограничились на II курсѣ работами въ лѣсномъ питомникѣ и лѣсномъ участкѣ на Горной Нивѣ, на 3-мъ—письменными работами по лѣсному дѣлопроизводству, счетоводству и лѣснымъ законамъ. Лѣсная таксація (на II курсѣ древоизмѣреніе, на III—лѣсоустройство и оцѣнка лѣсовъ съ лѣсной статистикой для студентовъ-лѣсоводовъ и сокращенный курсъ лѣсной таксаціи для студентовъ-хозяевъ III курса) читалась безъ всякихъ отступленій отъ одобренныхъ программъ. Чтеніе сопровождалось практическими занятіями. Послѣ экзаменовъ студенты II курса занимались составленіемъ лѣсоустроительнаго плана казенной Рудской дачи; представленные ими письменные отчеты и планы были выполнены вполнѣ хорошо, что свидѣтельствуетъ о сравнительной

успѣшности преподаванія. Лѣсная ботаника (для студентовъ-лѣсоводовъ II курса) излагалась по прежней программѣ. Практическія занятія производились въ формѣ лѣтнихъ экскурсій въ институтскихъ владѣніяхъ. Садоводство читалось во 2-мъ полугодіи (по 1 часу) для III курса за особое вознагражденіе и состояло въ изложеніи главныхъ основаній предмета, преимущественно же разведенія фруктовыхъ деревьевъ. Въ институтскихъ садовыхъ учрежденіяхъ студенты занимались прививкой и знакомились съ ходомъ работъ. Лѣсная энтомологія, пчеловодство, шелководство и рыбоводство излагались: первый предметъ—1 годовой часъ для II курса лѣсоводовъ, послѣдніе три—1 часъ въ 1-мъ полугодіи для III курса,—и сопровождались соотвѣтственными практическими занятіями и экскурсіями II и III курсовъ въ зоологическомъ кабинетѣ, институтской пасѣкѣ и въ окружающей мѣстности. Успѣхи студентовъ найдены удовлетворительными, не смотря на ограниченность употребленнаго времени.—Кромѣ того, во 2-мъ полугодіи, съ разрѣшенія начальства Варшавскаго учебнаго округа, для студентовъ II и III курсовъ, читались сверхъобязательныя лекціи по нѣкоторымъ предметамъ, не входящимъ въ институтскій учебный планъ, а именно по эмбріологіи, сельско-хозяйственной энтомологіи, по съемкѣ теодолитомъ. Успѣхи студентовъ по этимъ послѣднимъ предметамъ, по оцѣнкѣ экзаменаціонной коммиссіей, оказались удовлетворительными.—На темы для награжденія медалями, сочиненій представлено не было. Для присужденія наградъ въ 1882 г. одобрены совѣтомъ института слѣдующія три темы: по общему растеніеводству—„Костяное удобреніе, приготовляемое по способу Ильенкова и Энгельгардта“ по общему скотоводству—„Употребленіе поваренной соли въ скотоводствѣ“; по земледѣльческой химіи—„Химическій анализъ почвы и его значеніе для оцѣнки ея плодородія“.

Совѣтъ института имѣлъ въ 1881 году 28 засѣданій, изъ которыхъ четыре частію были употреблены на производство испытаній на званіе лѣсничаго. Въ остальныхъ 24 засѣданіяхъ рѣшались разнообразныя дѣла учебнаго характера относительно хода преподаванія и практическихъ занятій и результатовъ оныхъ, учебно-вспомогательныхъ учрежденій, какъ по расходованію суммъ, такъ и ихъ улучшенію, пособій студентамъ и проч. Важнѣйшіе вопросы, возбуждавшіеся совѣтомъ и принятыя по онымъ рѣшенія были слѣдующіе: а) объ отдѣльной каѳедрѣ сельско-хозяйственной экономіи. Вопросъ этотъ возбужденъ былъ вторично, и совѣтъ остался при прежнемъ мнѣніи от-

носительно образованія новой профессуры по сельско-хозяйственнымъ наукамъ, но окончательнаго рѣшенія этого дѣла въ 1881 году не послѣдовало; б) лекціи пчеловодства, шелководства и рыбоводства перенесены на 2-е полугодіе 3-го курса; в) въ программѣ земледѣльческой химіи произведены измѣненія, а именно практическая часть животной химіи перенесена въ курсъ скотоводства; г) для студентовъ III курса сельско-хозяйственнаго отдѣленія въ читаемомъ имъ курсѣ лѣсоводства расширено преподаваніе лѣсовозращенія и лѣсохраненія, взамѣнъ лѣсоупотребленія; д) обсуждался вопросъ о преподаваніи нѣмецкаго языка, причемъ совѣтъ рѣшилъ признать посѣщеніе уроковъ этого языка необязательнымъ для студентовъ, но допускать къ испытаніямъ по этому предмету только посѣщавшихъ уроки; самое же преподаваніе вести не по курсамъ, а по группамъ, и удержать прежній, практическій характеръ онаго; е) дозволено, въ видѣ исключенія изъ общихъ правилъ, преподавателю во время экзаменовъ, по соглашенію съ другими членами коммиссіи, освобождать отъ словеснаго испытанія студентовъ, заявившихъ себя усердными занятіями и отличными успѣхами въ теченіе года; ж) объ учрежденіи должности отдѣльнаго библіотекаря съ увеличеннымъ содержаніемъ на счетъ спеціальныхъ средствъ института. Какъ этотъ вопросъ, такъ и другой—объ употребленіи механическихъ мастерскихъ, арендное содержаніе которыхъ прекратилось въ 1881 году,—не были окончательно рѣшены. Для большей успѣшности практическихъ занятій учащихся, на опытной фермѣ устроена рабочая комната, съ назначеніемъ отдѣльнаго кредита изъ сбора за ученіе въ распоряженіе завѣдывающаго фермой, для надлежащей ея обстановки. — Подвергались испытанію и выдержали оное удовлетворительно: воспитанникъ бывшаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства Брониславъ Сикорскій—на званіе надлѣсничаго и окончившій въ 1880 году курсъ наукъ по лѣсному отдѣленію Ново-Александрійскаго института Вильгельмъ Скиндеръ—на званіе лѣсничаго.

Профессоры и другіе служащіе въ институтѣ издали въ свѣтъ слѣдующіе ученые труды: профессоры: Карпинскій напечаталъ въ Biologisches Centralblatt статью „Ueber den Bau des männlichen Tarters und den Mechanismus der Begattung bei Dictyna benigna"; Малевскій помѣстилъ въ Запискахъ Института отчетъ о практическихъ занятіяхъ студентовъ по почвовѣдѣнію въ 1880—1881 учебномъ году; Потылицынъ издалъ „Начальный курсъ химіи" и напечаталъ въ Журналѣ Русскаго физико-химическаго общества статью „О законахъ

двойныхъ разложеній". Доценты: Хлюдзинскій издалъ остальные выпуски „Организаціи сельско-хозяйственнаго промысла" и въ Запискахъ Института помѣстилъ двѣ статьи: „Объ употребленіи желтаго люпина въ кормъ скоту" и „Матеріалы для изученія экстерьера лошадей"; Краузе напечаталъ въ Запискахъ Института редактированный имъ переводъ сочиненія „Лѣсное опытное дѣло"; Цихоцкій помѣстилъ въ томъ же изданіи актовую рѣчь „Сельское хозяйство и сельско-хозяйственная промышленность"; Бердау напечаталъ въ Запискахъ Института „Отвѣты на вопросы нѣкоторыхъ хозяевъ относительно посадки и вообще воздѣлыванія обыкновеннаго боярышника". Лаборанты: Орловскій помѣстилъ статьи: въ Журналѣ Русскаго физико-химическаго Общества—„Результаты изслѣдованія сродства сѣры и селена къ металламъ" и „Новые способы открытія кадія въ присутствіи мѣди", и въ Запискахъ Института—„Выводы изъ наблюденій метеорологической станціи института за 1880 г.", Мещерскій напечаталъ: въ Запискахъ Института—„Крахмальное производство, какъ средство для улучшенія сельскаго хозяйства" и въ журналѣ Русскій начальный учитель—работу „О насѣкомыхъ, вредныхъ для сельскаго хозяйства". Ученый садовникъ Маевскій издалъ „Опредѣлитель растеній для средней Россіи" и приготовилъ къ печати трудъ „Махровые цвѣты, морфологическое изслѣдованіе". Помощникъ ученаго садовника Коржинекъ помѣстилъ въ Запискахъ Института статью „Нѣсколько словъ о вліяніи зимы 1879—1880 гг. на растенія въ садахъ Ново-Александрійскаго института". Кромѣ того, издали литографированные курсы своихъ лекцій: директоръ института Добровольскій, профессоры Антоновичъ, Малевскій, Карпинскій, доценты: Заіончевскій и Кратовскій; приготовили къ изданію—профессоры Зелинскій и Малевскій.

Денежныя средства института находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы изъ средствъ казны: оставалось отъ 1880 года 2.207 руб. 83 коп., въ 1881 году ассигновано 48.485 руб., израсходовано въ теченіе года 49.101 руб. 93 коп., переведено на другія кассы 375 руб., затѣмъ къ 1-му января 1882 года имѣлось на лицо 1.215 руб. 90 коп.; б) сбора за слушаніе лекцій: къ началу 1881 года имѣлось 4.646 руб. 29 коп., въ теченіе года поступило 10.000 руб 78 коп., израсходовано 12.598 руб. 43 коп., къ началу 1882 года оставалось на лицо 2.048 руб. 64 коп.; в) общихъ спеціальныхъ средствъ: остатка отъ 1880 года было 3.912 руб. 70 коп., въ 1881 году поступило 24.330 руб. 30 коп., израсходовано въ теченіе года

25.227 руб. 32 коп., на лицо къ 1882 году имѣлось 3.015 руб. 68 коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора за ученіе были слѣдующіе: на жалованье служащимъ 1.698 руб., на печатаніе учебныхъ и ученыхъ изданій 1.447 руб., на основную библіотеку 1.310 руб., на пособія служащимъ и вознагражденіе за особые труды 1.200 руб., на химическую лабораторію 793 руб., на пособія студентамъ за сочиненія, на леченіе и за завѣдываніе студентскою библіотекою 790 руб., на опытную ферму Мокрадки 599 руб., на литографированіе курсовъ лекцій 582 руб., на земледѣльческую лабораторію 507 руб., на устройство и поддержаніе студентской столовой 506 руб.

Движеніе учащихся представляется въ слѣдующемъ видѣ: Въ первомъ полугодіи 1880—1881 учебнаго года (къ 1-му января 1881 года) состояло студентовъ 211, во второмъ полугодіи принято 7, всего 218. Изъ нихъ выбыло въ теченіе 1-го полугодія 50 (за окончаніемъ курса 43, по другимъ обстоятельствамъ 7). Къ началу 1881—1882 учебнаго года подали прошенія о пріемѣ 121, изъ нихъ окончательно принято и поступило 90 (бывшихъ студентовъ института 1, студентовъ и воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 3, получившихъ въ гимназіяхъ аттестаты зрѣлости 6, невыдержавшихъ испытанія зрѣлости 2, окончившихъ съ аттестатомъ курсъ реальныхъ училищъ по основному отдѣленію или выдержавшихъ въ нихъ испытанія 73, окончившихъ съ аттестатами курсъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища 5). Въ теченіе 1-го полугодія 1881—1882 учебнаго года выбыло 33 (за окончаніемъ курса 8, по разнымъ причинамъ 25). Затѣмъ къ 1-му января 1882 года состояло 225 студентовъ, которые распредѣлялись: а) по курсамъ: въ I курсѣ 89, во II—76 (отдѣленія сельскаго хозяйства 53, отдѣленія лѣсоводства 23), въ III—60 (отд. сел. хоз. 37, отд. лѣсовод. 23); б) по сословіямъ: дворянъ потомственныхъ 143, дворянъ личныхъ 29, духовнаго званія 4, купеческаго званія 9, мѣщанъ и городскихъ обывателей 28, крестьянъ и сельскихъ обывателей 9, военныхъ нижнихъ чиновъ 2, иностранцевъ 1; в) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 56, римско-католическаго 147, армяно-григоріанскаго 1, евангелическаго 7, іудейскаго 14; г) по предварительному образованію: изъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 9, изъ классическихъ гимназій 31, изъ реальныхъ училищъ 171, изъ другихъ средне-учебныхъ заведеній 14; д) по мѣсту рожденія: уроженцевъ Царства Польскаго 76, западнаго края 92, другихъ губерній имперіи 57, то-есть изъ мѣстныхъ губерній почти 34%, изъ внутреннихъ 66%. Общее число

студентовъ увеличилось сравнительно съ 1880 годомъ на 14 (225 вмѣсто 211). По произведеннымъ испытаніямъ оставлено на 2-й годъ 17, переведено въ слѣдующіе курсы 143, удостоено аттестата 51. Вольныхъ слушателей въ институтѣ не полагается, равно какъ и казенныхъ стипендіатовъ. Для улучшенія быта несостоятельныхъ студентовъ практиковались слѣдующія мѣры: Освобождены были отъ взноса платы за слушаніе лекцій: въ первомъ полугодіи—22, во второмъ—24 студента. Выданы пособія для взноса полной платы 6-ти студентамъ на сумму 150 руб. Денежными пособіями для облегченія взноса платы воспользовались 53 студента на сумму 710 руб. Стипендіи производились. а) на суммы, жертвуемыя служащими въ институтѣ: въ 1-мъ полугодіи—6, во 2-мъ—5, всего на 482 руб. 50 коп.; б) на проценты съ капиталовъ, пожертвованныхъ частными лицами и обществами: въ 1-мъ полугодіи—8 студентовъ на 1.620 руб., во 2-мъ—6 на 670 руб. Студентамъ предоставлялись нѣкоторыя работы по учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ (библіотекѣ, кабинетамъ, опытному полю и друг.); такія работы въ теченіе года даваемы были 12-ти студентамъ, и на нихъ израсходовано изъ спеціальныхъ средствъ института 307 руб. 30 коп. За сочиненія, написанныя студентами на избранныя темы съ цѣлію полученія пособія, 14-ти студентамъ выдано 330 руб. Изъ сборовъ отъ концерта и спектаклей, 50 студентовъ получили всего 928 руб. 73 коп. Денежныя пособія выдавались двоякаго рода: безвозвратныя и заимообразныя. Первыхъ выдано на сумму 1.238 руб. 73 коп., вторыхъ—21 студенту на 341 руб. 80 коп. Больнымъ студентамъ институтъ оказывалъ помощь, состоявшую: а) въ содержаніи студентскаго отдѣленія въ мѣстной больницѣ св. Карла, б) во взносѣ 60-ти копѣечной посуточной платы за лѣчившихся въ той же больницѣ несостоятельныхъ студентовъ, в) въ уплатѣ за больныхъ, пользовавшихся спеціальными больницами въ Варшавѣ, и г) въ покупкѣ лекарствъ нѣсколькимъ студентамъ, лѣчившимся на дому. Расходъ по этой статьѣ составилъ 444 руб. Наиболѣе несостоятельнымъ студентамъ были даваемы безплатныя помѣщенія въ такъ-называемомъ Маринковскомъ дворцѣ и одна комната при студентской библіотекѣ. Такими помѣщеніями пользовались въ теченіе года разновременно 20 студентовъ. Наконецъ, продолжала свою дѣятельность и студентская столовая, въ первомъ полугодіи находившаяся въ завѣдываніи студентовъ, а затѣмъ переданная частному содержателю. Число пользовавшихся ею студентовъ среднимъ числомъ равнялось въ году 100 человѣкамъ ежедневно, за исключеніемъ вакаціоннаго времени.

Состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій института въ 1881 г. и дѣятельность ихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: Въ основной библіотекѣ къ 1-му января 1882 года было книгъ 6,719 названій 17,342 тома на 36,958 руб. Въ 1881 году библіотека была приведена окончательно въ порядокъ, при чемъ оконченные инвентари систематическіе и карточный алфавитный составлены по 1882 годъ. Въ студентской библіотекѣ съ читальней, по отчету завѣдывавшаго ими, числилось 657 названій 1,229 томовъ на сумму 2,681 руб. Такъ какъ эта библіотека не приведена въ окончательный порядокъ, то приведенныя цифры не представляются достовѣрными. Въ химической лабораторіи: коллекцій, приборовъ, снарядовъ, мебели и проч. 385 нумеровъ 913 экземпляровъ на 10,607 руб. Практическія занятія въ лабораторіи производились подъ ближайшимъ руководствомъ профессора Потылицина при содѣйствіи двухъ лаборантовъ. Работало въ 1-мъ полугодіи на 63 мѣстахъ 45 студентовъ II курса и 70—1-го, при чемъ послѣдніе занимались поочередно; во 2-е же полугодіе до 68 человѣкъ II курса на 72 мѣстахъ. Занятія состояли въ качественномъ и количественномъ анализѣ; по послѣднему практикантами были представлены вполнѣ удовлетворительные отчеты. Успѣшности занятій студентовъ содѣйствовало и то обстоятельство, что лабораторія была для нихъ открыта ежедневно съ 9-ти часовъ утра до 7-ми вечера по пяти дней въ недѣлю. Въ лабораторіи производились слѣдующія научныя работы: профессоръ Потылицинъ окончилъ рядъ статей о законахъ двойныхъ разложеній и работу „О вліяніи массъ при взаимномъ замѣщеніи галоидовъ", а также продолжалъ изслѣдованіе надъ скоростями реакцій въ водныхъ растворахъ при обыкновенной температурѣ; лаборантъ Орловскій занимался изслѣдованіемъ сродства сѣры и селена къ металламъ; примѣнилъ два новые способа открытія кадія въ присутствіи мѣди,—къ открытію солей самой закиси мѣди въ свободномъ состояніи и въ смѣси съ другими тѣлами, анализировалъ соль „лизанку" для скота и славенковскія минеральныя воды; лаборантъ Мещерскій производилъ анализы образцовъ грязи изъ грязныхъ вулкановъ полуострова Амета въ Закавказьѣ. Въ земледѣльческой лабораторіи: мебели, приборовъ, снарядовъ, коллекцій, препаратовъ, хозяйственныхъ принадлежностей 562 предмета на сумму 8,575 руб. Въ первой половинѣ года въ лабораторіи занимались 20 студентовъ—хозяевъ III курса, во второй—32. Занятія состояли въ изслѣдованіи почвы, кормовыхъ веществъ, растительныхъ и другихъ продуктовъ. Изъ особыхъ работъ заслужи-

ваютъ упоминанія работы студентовъ: Шабловскаго—надъ составомъ нѣкоторыхъ институтскихъ водъ, и Савченко—надъ сравнительнымъ составомъ молока отъ коровъ опытной фермы института. Въ этой же лабораторіи занимались по почвовѣдѣнію студенты II курса: въ первомъ полугодіи—62, во-второмъ—74. Занятія состояли въ механическомъ анализѣ и опредѣленіи физическихъ свойствъ различныхъ почвъ; второгодичные студенты занимались изслѣдованіемъ различныхъ отношеній почвы въ водѣ, въ частности же опредѣленіемъ влагоемкости и водопроницаемости при посредствѣ различныхъ способовъ и пріемовъ. Кромѣ того, происходили занятія студентовъ III курса по зоотехніи и по технологіи. Лаборантъ Колесниковъ занимался изслѣдованіемъ чумусовыхъ веществъ и проростаніемъ масличныхъ сѣмянъ, а также производилъ анализы нѣкоторыхъ растительныхъ продуктовъ и почвъ. Въ физическомъ кабинетѣ находилось разныхъ предметовъ 472 нумера на сумму 7,914 руб.,—сумму впрочемъ, несоотвѣтствующую дѣйствительной стоимости приборовъ, такъ какъ изъ нихъ многіе устарѣли и мало пригодны для цѣлей института. Практическія занятія по прежнему производились въ ограниченномъ размѣрѣ и состояли въ различнаго рода измѣреніяхъ. Въ метеорологической обсерваторіи имѣлось 20 предметовъ на 604 руб. Завѣдывающій обсерваторіею лаборантъ Орловскій производилъ правильныя и постоянныя наблюденія, которыя отсылались въ главную физическую обсерваторію и печатались въ изданіяхъ ея, средніе же выводы помѣщались въ Запискахъ института. Въ зоологическомъ кабинетѣ: разныхъ предметовъ 1009 нумеровъ 1,458 экземпляровъ на 2,675 руб. Въ ботаническомъ: 4,254 предмета на 1,548 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ: 11,708 разныхъ предметовъ на 3,228 руб. Послѣдніе три естественно-историческіе кабинета служили главнымъ образомъ для демонстрацій на лекціяхъ и отчасти для практическихъ занятій студентовъ, которыя ограничивались недостаткомъ соотвѣтственныхъ приспособленій. Въ кабинетахъ: механическомъ, геодезическомъ и рисовальномъ находилось разныхъ предметовъ: въ первомъ—227 на сумму 8,965 руб., во второмъ—208 на 2,750 руб., въ послѣднемъ—270 на 473 руб. Въ технологическомъ кабинетѣ: 617 предметовъ на 5,360 руб. Въ земледѣльческомъ кабинетѣ: 1,423 предмета на 3,827 руб. Кромѣ пособія при лекціяхъ земледѣлія, земледѣльческой механики и черченія, кабинетъ этотъ давалъ матеріалы для занятій студентовъ въ рабочей комнатѣ при опытной фермѣ института. Въ зоотехническомъ кабинетѣ имущество составляли 315 пред-

метовъ на 3,694 руб. Въ коллекціяхъ по строительному искусству было 93 предмета на 3,468 руб. Коллекціи эти оставались вполнѣ непроизводительными для института, почему и возникъ вопросъ о передачѣ ихъ въ другое учебное учрежденіе. Въ лѣсномъ кабинетѣ: разныхъ предметовъ 1,279 названій на 3.468 руб. Въ вѣдѣніи завѣдывавшаго этимъ кабинетомъ преподавателя находились лѣсной питомникъ и лѣсной участокъ на Горной Нивѣ. Въ питомникѣ произведены были немаловажныя улучшенія. Какъ и въ предшествовавшемъ году, посѣвъ и пересадка сѣянцевъ въ школу произведены были при участіи студентовъ. Въ лѣсномъ участкѣ на Горной Нивѣ работы производились въ ограниченныхъ размѣрахъ и только съ цѣлію ознакомленія студентовъ съ различными пріемами посадокъ. Лѣсной участокъ на Кемпѣ служилъ важнымъ по необходимости пособіемъ для практическихъ занятій студентовъ-лѣсоводовъ. Ветеринарная клиника и ветеринарный кабинетъ заключали въ себѣ 1,088 предметовъ на 3,565 руб. Дѣятельность ихъ ограничивалась совѣтами для приводимыхъ больныхъ животныхъ, леченіемъ на мѣстѣ, приготовленіемъ лекарствъ и демонстративными и самостоятельными практическими упражненіями студентовъ въ секціяхъ, операціяхъ и изготовленіи лекарствъ. Въ теченіе года подверглось осмотру и леченію 51 животныхъ, принадлежащихъ институту; изъ нихъ околѣло 9. Секцій произведено 11. Посторонними лицами было приведено для осмотра и совѣта 32 животныхъ. Число заболѣваній въ институтскихъ стадахъ значительно уменьшилось, вслѣдствіе браковки скота. Въ учрежденіяхъ по пчеловодству и шелководству находилось разныхъ предметовъ 150 нумеровъ на 356 руб. Въ пасѣкѣ было 14 роевъ и 40 ульевъ, изъ коихъ одинъ наблюдательный. Вслѣдствіе крайняго непостоянства погоды лѣтомъ 1881 года, выходъ пчелъ былъ въ высшей степени неправиленъ и не допускалъ контроля. Ни роеніе, ни сборъ меда не были удовлетворительны: для продажи пасѣка дала только 63 фунта меду. Въ пчеловодиѣ разводились шелкопряды—тутовый, айлантовый и дубовый, съ цѣлью административной.—Сверхъ вышеуказанныхъ учрежденій, при Новоалександрійскомъ институтѣ состоятъ принадлежащія ему опытная ферма и два имѣнія: Конская Воля и Пожогъ.

СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДИРЕКЦІИ УЧИЛИЩЪ.

Рѣчь, произнесенная 2-го января 1883 г. въ залѣ С.-Петербургской городской думы директоромъ народныхъ училищъ Петербургской губерніи С. Рождественскимъ по случаю столѣтняго юбилея дирекціи народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи и народнаго образованія въ Россіи.

Мм. гг.! Мудрая императрица Екатерина II въ своемъ знаменитомъ Наказѣ писала: „Хотите ли предупредить преступленія, сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми. Самое надежное средство сдѣлать людей лучшими есть усовершенствованіе воспитанія“.

Впервые съ высоты престола раздался у насъ на Руси такой голосъ, впервые торжественно высказанъ былъ такой свѣтлый взглядъ на просвѣщеніе народа.

Необходимость образованія предки наши сознавали всегда. Это мы видимъ изъ постоянныхъ заботъ нашихъ князей и царей о заведеніи училищъ, начиная со времени принятія христіанства. Это мы должны заключить изъ множества старинныхъ пословицъ и поговорокъ, дошедшихъ до насъ, какъ напримѣръ: „ученье—свѣтъ, а неученье—тьма“; „вѣкъ живи, вѣкъ учись“ и т. п. Но вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ историческихъ условій, образованіе подвигалось впередъ у насъ слишкомъ медленно. По волѣ Петра Великаго появились у насъ наконецъ разнаго рода учебныя заведенія. Но чего же требовали отъ этихъ школъ? Требовали, чтобъ изъ нихъ выходили инженеры, артиллеристы, моряки, врачи и другіе спеціалисты. На общечеловѣ-

ческое же образованіе въ нихъ мало обращали вниманія. Екатерина въ вышеприведенныхъ словахъ Наказа первая высказала мысль о томъ, что прежде всего нужно образовывать и воспитывать людей, развивать ихъ умъ и сердце, или, какъ она выразилась, черезъ усовершенствованіе воспитанія дѣлать людей лучшими. Но, что̀ всего важнѣе, высказавъ такой взглядъ, она рѣшилась осуществить его и притомъ обставила дѣло народнаго образованія такъ, что оно съ тѣхъ поръ стало на болѣе или менѣе прочную ногу.

Вотъ какъ было положено этому начало.

Въ 1775 г. издано было Учрежденіе о губерніяхъ, по которому попеченіе объ открытіи народныхъ школъ въ городахъ и селеніяхъ возложено было на приказы общественнаго призрѣнія. Но, не имѣя ни учителей, ни руководствъ, и не зная какъ приняться за дѣло, приказы дѣйствовали весьма медленно и нерѣшительно при заведеніи училищъ: то открывали ихъ, то закрывали. Тогда императрица приступила къ дѣлу сама. Въ 1781 г. 16-го февраля она на счетъ собственнаго кабинета открыла въ Петербургѣ первое народное училище подъ названіемъ Исакіевскаго. Столѣтіе этого училища, переименованнаго въ послѣднее время во 2-е Коломенское, въ свое время мы праздновали. Вслѣдъ за Исакіевскимъ училищемъ, въ томъ же году, въ разныхъ частяхъ Петербурга открыты были на добровольныя пожертвованія еще шесть народныхъ училищъ: Владимірское, Вознесенское, Симеоновское, Андреевское, Введенское и Сампсоніевское—названныя такъ по церквамъ, близъ которыхъ находились. Всѣ эти училища, за исключеніемъ Симеоновскаго, существуютъ доселѣ и составляютъ зерно народнаго образованія въ Россіи, столѣтіе котораго мы собрались сегодня праздновать. Новооткрытыя училища были подчинены вѣдѣнію приказа общественнаго призрѣнія, и количество учащихся въ нихъ въ первый же годъ достигло почти до 500; между ними 12-я часть была дѣвочекъ; по званіямъ это были дѣти купцовъ, мѣщанъ, приказныхъ и отчасти офицеровъ, а также придворныхъ и господскихъ служителей и солдатъ; учились они всѣ вмѣстѣ, безъ раздѣленія на классы; предметами обученія были: Законъ Божій, чтеніе и письмо, которые преподавали приходскіе священники; далѣе ариѳметика, которой обучали сержанты и штыкъ-юнкера гвардейскихъ полковъ столицы, и наконецъ, рисованіе, которому обучали разные учителя по найму.

Но чтобъ эти училища не постигла участь прежнихъ школъ, открытыхъ при Петрѣ и при его преемникахъ, императрица Екате-

рина рѣшилась утвердить обученіе въ нихъ на твердыхъ и непоколебимыхъ началахъ, а также распространить такого рода образованіе по всей имперіи. Съ этою цѣлію въ сентябрѣ 1782 г. она составила особую „коммиссію объ учрежденіи училищъ". Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ тайный совѣтникъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, по образованію своему и по любви къ просвѣщенію принадлежавшій къ передовымъ людямъ своего времени. Онъ былъ впослѣдствіи первымъ министромъ народнаго просвѣщенія. Задача коммиссіи состояла въ томъ, чтобы: 1) издать для школъ хорошія учебныя книги, 2) составить планъ народныхъ училищъ и уставъ ихъ, 3) завести училища во всей имперіи и 4) приготовить для нихъ способныхъ учителей. Для выполненія такой трудной задачи въ помощь коммиссіи вызванъ былъ изъ Австріи директоръ Темешварскихъ училищъ Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ де-Миріево, рекомендованный Екатеринѣ императоромъ Іосифомъ II. Онъ былъ Сербъ по происхожденію, зналъ русскій языкъ, исповѣдывалъ православную вѣру, и какъ директоръ училищъ, хорошо знакомъ былъ со школьнымъ дѣломъ. На него-то и возложено было устройство учебной части народныхъ училищъ въ Россіи. Конецъ 1782 г. и начало 1783 представляютъ самое оживленное время по части устройства народнаго образованія въ Петербургѣ. Янковичъ энергически принялся за порученное ему дѣло. Къ концу 1782 г. имъ ужь изданы были самыя необходимыя учебныя книги, а именно: 1) двѣ азбучныя таблицы, одна церковной, а другая гражданской печати; 2) три таблицы для складовъ, одна церковной, другая гражданской печати, а третья рукописная; 3) россійскій букварь; 4) сокращенный катехизисъ безъ вопросовъ, и 5) руководство къ чистописанію съ прописей. Кромѣ того, изданы были правила для учащихся. Все это было составлено самимъ Янковичемъ. Къ началу 1783 г. приготовлено было также къ печати руководство къ ариѳметикѣ и нѣкоторыя еще другія учебныя книги. Въ то же самое время Янковичъ усердно готовилъ учителей для новыхъ училищъ. Для этого въ коммиссію, по сношенію съ епархіальнымъ начальствомъ, вызвано было 20 воспитанниковъ изъ Александро-Невской семинаріи. По испытаніи семинаристовъ въ наукахъ, Янковичъ и занялся обученіемъ ихъ новой методѣ преподаванія учебныхъ предметовъ. Эта новая метода, при помощи разныхъ пріемовъ преподаванія, направлена была къ тому, чтобъ учитель постоянно владѣлъ вниманіемъ всѣхъ учениковъ въ классѣ, тогда какъ прежде въ нашихъ школахъ учитель занимался съ однимъ ученикомъ, отчего другіе большею частію или скучали,

или шалили, и такимъ образомъ времени на ученіе тратилось много, а успѣхи были ничтожные. Кромѣ того, новая метода имѣла цѣлью своею то, чтобъ ученики могли понимать предметы ученія легко и ясно; для этого требовалось, чтобы объясненія, при помощи наглядныхъ пособій—таблицъ, картъ, атласовъ, продолжались до тѣхъ поръ, пока ученики не усвоивали урока въ классѣ. Такимъ образомъ впервые введенъ былъ у насъ принципъ наглядности при элементарномъ обученіи въ школахъ. Нельзя не обратить вниманія на это требованіе методы, вводимой у насъ Янковичемъ. До этого времени обученіе въ нашихъ школахъ ограничивалось исключительно почти однимъ спрашиваніемъ и задаваніемъ урока по книгѣ. Ученики должны были по учебникамъ заучивать наизустъ такія отвлеченныя и темныя опредѣленія наукъ, что въ настоящее время только удивляешься этому. Для образца приведемъ, напримѣръ, опредѣленіе ариѳметики: „Ариѳметика или числительница есть художество честное, независимое и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее и многохвальнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ въ разныя времена являвшихся изряднѣйшихъ ариѳметиковъ изобрѣтенное и изложенное". Еще пожалуй туманнѣе было опредѣленіе географіи: „Географія есть математическое смѣшенное, изъясняетъ, фигура или корпусъ и ѳикція свойства земноводнаго корпуса, купно съ ѳеноменами, со явленіями небесныхъ свѣтилъ: солнца, луны и звѣздъ". Невольно теперь разбираетъ смѣхъ при чтеніи этихъ хитроумныхъ опредѣленій наукъ. Но это смѣхъ сквозь слезы сожалѣнія о томъ, какою жалкою и неудобоваримою умственною пищею должны были пробавляться у насъ головы учениковъ въ XVIII вѣкѣ. Поэтому весьма понятно, что коммиссія училищъ придавала особенное значеніе новой методѣ, помогающей развитію способностей въ учащихся, а не подавляющей, не забивающей ихъ.

Когда учителя были подготовлены и книги изданы, императрица опредѣлила съ 1783 года приступить къ новому устройству училищъ, открытыхъ въ Петербургѣ. Членамъ приказа общественнаго призрѣнія, завѣдующимъ училищами, предписано было приготовить все нужное для введенія въ нихъ новаго способа ученія, какъ то столы, скамейки, большія черныя доски и проч. 1-го января 1783 г. Янковичъ де-Миріево назначенъ былъ директоромъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, а тотчасъ послѣ праздниковъ новый учебный способъ начали вводить въ училищахъ торжественно въ присутствіи членовъ коммиссіи. 9-го января онъ введенъ былъ въ Исакіевскомъ

училищѣ а затѣмъ и въ остальныхъ. При этомъ ученики въ каждомъ училищѣ раздѣлены были на два класса, и для каждаго класса назначенъ былъ особый учитель съ жалованьемъ по 80 руб. въ первомъ классѣ и по 120 руб. во второмъ, при казенной квартирѣ. Для бо́льшаго привлеченія учащихся, имъ на первый разъ розданы были книги безденежно и въ тоже время уничтожена плата за ученіе дотолѣ взимавшаяся. Вмѣстѣ съ новымъ способомъ обученія введена была также новая, болѣе гуманная система воспитанія. Учителямъ предписано было воздерживаться отъ суровыхъ наказаній, оскорбительныхъ и унизительныхъ названій учениковъ и т. п.

Такимъ образомъ съ начала 1783 года для народныхъ училищъ началась новая жизнь. Вотъ почему мы и избрали время назначенія перваго директора народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи и введенія новой системы обученія и воспитанія въ училищахъ временемъ для празднованія также столѣтія народнаго образованія въ Россіи. Съ этихъ поръ народное образованіе въ смыслѣ общечеловѣческаго, а не спеціальнаго только, развивается у насъ уже непрерывно.

Устроивъ столичныя училища, коммиссія приступила къ открытію такихъ же училищъ въ другихъ городахъ Петербургской губерніи— Кронштадтѣ, Нарвѣ, Гдовѣ, Лугѣ, Ораніенбаумѣ и Новой Ладогѣ, а также къ составленію устава народныхъ училищъ. Въ то же время она продолжала издавать новыя учебныя книги. Но главное вниманіе ея, по видимому, сосредоточено было на приготовленіи учителей для училищъ предполагаемыхъ къ открытію во всей имперіи. Съ этою цѣлью въ концѣ 1783 года торжественно въ присутствіи членовъ коммиссіи открыто было въ Петербургѣ особое училище подъ названіемъ главнаго народнаго. Это было уже нѣчто въ родѣ нынѣшней гимназіи или прогимназіи съ педагогическими курсами. Оно состояло изъ 4-хъ классовъ, и учебный курсъ его заключалъ въ себѣ слѣдующіе предметы: Законъ Божій, языки—русскій, латинскій и нѣмецкій, географію, исторію, математику, физику, естественную исторію, черченіе и рисованіе; преподавателями въ высшіе два класса назначены были профессора академіи наукъ, а въ низшіе—учителя, приготовленные Янковичемъ. Изъ 385 учениковъ, поступившихъ въ это училище, 100 было казеннокоштныхъ, которые собственно и предназначались для занятія учительскихъ должностей; поэтому они, кромѣ изученія наукъ, должны были учиться еще методикѣ преподаванія и разнымъ учительскимъ обязанностямъ, какъ то: сочиненію списковъ, таблицъ, рапортовъ и т. п. На содержаніе этого училища им-

ператрица пожаловала изъ собственнаго кабинета 10,000 руб., и кромѣ того, повелѣла отдать подъ помѣщеніе его купленный въ казну домъ купца Щукина. Директоромъ главнаго народнаго училища назначенъ былъ также Янковичъ де-Миріево. И всѣ его заботы теперь обращены были на это воспитательно-учебное заведеніе. Онъ даже вскорѣ освобожденъ былъ отъ должности директора народныхъ училищъ. Равнымъ образомъ и педагогическіе курсы скоро выдѣлены были изъ главнаго народнаго училища и составили особое заведеніе, подъ названіемъ учительской семинаріи. Придавая большое значеніе наглядности въ преподаваніи, Янковичъ особенно заботился о снабженіи созданной имъ учительской семинаріи всѣми необходимыми учебными пособіями. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ не останавливалъ его. Онъ умѣлъ изыскивать разныя средства для пріобрѣтенія нужнаго. Такимъ образомъ, вскорѣ при семинаріи явился кабинетъ учебныхъ пособій, въ которомъ были коллекціи по зоологіи, ботаники и минералогіи, разные приборы и модели для математики и физикѣ, а также книги и атласы съ изображеніями тѣхъ предметовъ, которыхъ нельзя было имѣть въ натурѣ. При кабинетѣ была устроена и библіотека, въ которой не было недостатка въ разнаго рода книгахъ для чтенія.

Если мы припомнимъ, что̀ за педагоги были учителя въ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ, то намъ вполнѣ понятны будутъ столь нѣжныя заботы Янковича о своей учительской семинаріи. Вотъ, напримѣръ, что̀ разказываетъ майоръ Даниловъ о своемъ учителѣ, штыкъ-юнкерѣ Прохорѣ Алабушевѣ въ артиллерійской школѣ, переименованной потомъ во 2-й кадетскій корпусъ: „Алабушевъ былъ человѣкъ пьяный и вздорный, по третьему смертоубійству сидѣлъ подъ арестомъ и взятъ обучать школу... а потому можно знать сколь великій тогда былъ недостатокъ въ ученыхъ людяхъ при артиллеріи". Не менѣе лестные отзывы о своихъ учителяхъ въ гимназіи при Московскомъ университетѣ представляетъ фонъ-Визинъ. „Ариѳметическій нашъ учитель", пишетъ онъ въ своихъ запискахъ—„пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ, но голову имѣлъ преострую и какъ латинскій, такъ и россійскій языкъ зналъ очень хорошо". Чтобы нагляднѣе видѣть, какіе получались результаты отъ такихъ педагоговъ, я позволю себѣ сдѣлать краткое извлеченіе изъ записокъ того же фонъ-Визина объ экзаменахъ. „Наканунѣ экзамена в нижнемъ латинскомъ классѣ", разказываетъ онъ,—„дѣлалось приготовленіе; вотъ

въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностію, спросилъ я учителя о причинѣ. „Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшными",—сказалъ онъ—„но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значитъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія. И такъ", продолжалъ онъ, ударяя по столу рукой,—„извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда будутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за какую пуговицу я возьмусь - если за вторую, то смѣло отвѣчайте—втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте смотря на мои камзольныя пуговицы и никогда ошибки не сдѣлаете". Еще оригинальнѣе былъ экзаменъ изъ географіи. Учениковъ по этому предмету было только трое. „Но какъ учитель нашъ", говоритъ фонъ-Визинъ, — „былъ глупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы были безъ приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга. „Въ Черное море", отвѣчалъ онъ. Спросили о томъ же другаго моего товарища. „Въ Бѣлое," отвѣчалъ тотъ. Сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ. „Не знаю"—сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили"...

Такимъ образомъ, приготовленіе учителей для народныхъ училищъ составляло первую насущную потребность. Безъ этого дѣло народнаго образованія никакъ не могло бы упрочиться. Между тѣмъ, выработанъ былъ уставъ народныхъ училищъ, и изданы были всѣ необходимыя для нихъ учебныя книги. 5-го августа 1786 г. уставъ былъ Высочайше утвержденъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно было на основаніи этого устава открыть училища въ 26 губерніяхъ. Положено было въ губернскихъ городахъ учредить главныя народныя училища, а въ уѣздныхъ малыя, по образцу петербургскихъ. И они дѣйствительно были открыты во всѣхъ губернскихъ и во многихъ уѣздныхъ городахъ; даже были примѣры открытія школъ въ селахъ. Такъ изъ Петербурга, образованіе быстро стало распространяться по всей имперіи. Къ концу 1789 года всѣхъ народныхъ училищъ считалось уже до 170 и изъ нихъ главныхъ народныхъ 43. Въ самомъ же Петербургѣ къ концу царствованія императрицы Екатерины, кромѣ главнаго народнаго училища и учительской семинаріи, было уже 12 малыхъ народныхъ, да кромѣ того, въ уѣздныхъ городахъ губерніи открыто было 13 такихъ же училищъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что успѣху этого дѣла весьма много содѣйство-

валъ первый директоръ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи Янковичъ де-Миріево. Онъ приготовилъ учителей для народныхъ училищъ; онъ составилъ бо́льшую часть учебниковъ для нихъ; онъ, наконецъ, обработалъ учебную часть устава этихъ училищъ. Авторитетъ Янковича въ дѣлѣ народнаго образованія былъ такъ великъ, что ему поручено было пересмотрѣть и исправить учебно-воспитательную часть и въ существовавшихъ тогда военныхъ, духовныхъ и даже женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Императрица высоко цѣнила заслуги его по народному образованію и награждала его чинами, орденами. Онъ былъ потомъ членомъ главнаго правленія училищъ и членомъ академіи наукъ. Къ настоящему юбилею доставлена черезъ г. министра народнаго просвѣщенія жалованная грамота императрицы Екатерины II Янковичу на деревню Норка въ Могилевской губерніи въ 255 душъ мужскаго пола, а также копія съ герба рода Янковичей де-Миріево. Такъ какъ эти документы имѣютъ нѣкоторое историческо-археологическое значеніе, то они и выставляются здѣсь.

Но само собою разумѣется, что главною виновницею, главною двигательницею всего дѣла народнаго образованія сто лѣтъ, тому назадъ, была сама императрица Екатерина II. О денежныхъ пожертвованіяхъ ея на народныя училища уже было говорено. Кромѣ того, она вообще живо интересовалась дѣятельностью коммиссіи, вникала во всѣ подробности оной, читала всѣ доклады и постановленія ея, даже разсматривала нѣкоторые учебники, издаваемые ею, и дѣлала на нихъ собственноручно замѣчанія. Какъ видно, особенное вниманіе ея было обращено на учебникъ по русской исторіи. Когда коммиссія приступила къ составленію этого руководства, то не нашлось даже никого, кто могъ бы написать его прямо на русскомъ языкѣ. Составленіе поручено было извѣстному тогда своими учеными трудами по русской исторіи Штриттеру, служившему при Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Но онъ могъ писать только на нѣмецкомъ языкѣ, съ котораго учебникъ въ сокращенномъ и исправленномъ видѣ переводился на русскій самимъ Янковичемъ. Сохранились въ высшей степени любопытныя замѣтки императрицы на исторію Штриттера. Изъ нихъ видно, что она признавала достоинства за трудомъ Штриттера, но въ то же время замѣчаетъ въ немъ и недостатки, указываетъ на погрѣшности, и въ заключеніе даетъ такой совѣтъ, вѣроятно, предсѣдателю коммиссіи: „Мой совѣтъ есть, чтобы вы приказали изъ сего нѣмецкаго труда (заглядывая непрестанно въ Записки касательно

россійской исторіи) сдѣлать исторію, выбирая изъ того и другаго все то, что̀ здравому разсудку не противно будетъ". Особенно любопытны замѣчанія ея касательно вопроса, который и до сихъ поръ служитъ камнемъ преткновенія для нашихъ историковъ. „Соблазнительно покажется всей Россіи", пишетъ она,—„аще примете толкованіе г. Стриттера о происхожденіи Россійскаго народа отъ Финновъ"... и потомъ спрашиваетъ: „Г. Стриттеръ откуда уроженецъ? Конечно, онъ какую ни есть національную систему имѣетъ, къ которой и натягиваетъ. Остерегитесь отъ сего". Читая эти строки, начертанныя рукою великой императрицы, невольно проникаешься благоговѣніемъ къ заботамъ ея о просвѣщеніи своихъ подданныхъ.

Такимъ образомъ, благодаря особеннымъ заботамъ императрицы Екатерины II, а также благодаря удачному выбору ея первыхъ дѣятелей на поприщѣ народнаго образованія, оно съ 1783 года стало на прочную ногу, и изъ народныхъ училищъ выросли потомъ гимназіи, университеты и другія разнаго рода общеобразовательныя учебныя заведенія.

Прослѣдимъ же кратко дальнѣйшую исторію Петербургскихъ народныхъ училищъ, положившихъ начало общечеловѣческому образованію въ нашемъ отечествѣ.

Коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ въ 1802 г. преобразована была въ министерство народнаго просвѣщенія, а въ 1804 г. изданъ былъ новый уставъ учебныхъ заведеній, по которому главныя народныя училища преобразованы были въ гимназіи, а малыя—въ уѣздныя училища; для начальнаго же обученія положено было открывать въ городахъ и селеніяхъ такъ-называемыя приходскія училища. Эти названія за всѣми общеобразовательными учебными заведеніями сохранилъ и уставъ 1828 года. Только въ послѣднее время уѣздныя училища по особому уставу 1872 г. переименованы въ городскія, а всѣ школы элементарныя, открываемыя въ городахъ и селеніяхъ, по положенію 1874 г., получили наименованіе начальныхъ народныхъ училищъ.

Судьба же первыхъ семи петербургскихъ народныхъ училищъ въ главныхъ чертахъ была такова. Всѣ они до 1804 г. существовали подъ названіемъ малыхъ народныхъ училищъ. Затѣмъ Владимірское, Андреевское и Введенское преобразованы были въ уѣздныя послѣ изданія устава 1804 г., а Вознесенское и Самсоньевское на основаніи устава 1828 г. Но при этомъ, при каждомъ изъ нихъ открытъ былъ для начальнаго обученія приходскій классъ. Исакіевское же учи-

лище, во весь почти столѣтній періодъ своего существованія, оставалось начальнымъ подъ названіемъ одноклассннаго приходскаго. Только Симеоновское училище, переименованное потомъ въ Пантелеймоновское, прекратило свое существованіе, слившись съ гимназіей. Въ настоящее время уѣздныя училища — Владимірское, Сампсоньевское и Вознесенское преобразованы въ городскія по положенію 1872 года, а Андреевское существуетъ подъ названіемъ Никольскаго двухклассснаго женскаго приходскаго училища. Что же касается Введенскаго уѣзднаго училища, то оно въ 1868 г. преобразовано было въ прогимназію, но при этомъ приходскій классъ его образовалъ двухклассное приходское училище, въ которомъ въ настоящее время учатся также однѣ только дѣвочки.

Во все время своего существованія уѣздныя училища, преобразованныя въ послѣднее время въ городскія по положенію 1872 г., содержались на средства казны. Приходскія же училища, число которыхъ потомъ возросло до 19-ти въ Петербургѣ, получали содержаніе частію отъ казны, большею же частію отъ городской думы.

Завѣдывали какъ уѣздными, такъ и приходскими училищами, до 1807 г. отдѣльныя лица, которыя назывались директорами народныхъ училищъ Петербургской губерніи. Такихъ директоровъ было четыре: 1) Янковичъ де-Миріево, 2) Козодавлевъ, бывшій впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ и президентомъ академіи наукъ, 3) Струговщиковъ, и 4) Ростовцовъ, отецъ извѣстнаго графа Я. И. Ростовцова, бывшаго начальника штаба военно-учебныхъ заведеній. Послѣ же Ростовцова, когда въ Петербургѣ стали открываться гимназіи, обязанности по завѣдыванію уѣздными и приходскими училищами возлагались на одного изъ директоровъ гимназій. Иногда, впрочемъ, назначались и отдѣльные директора училищъ. Такъ продолжалось до 1863 г., когда для завѣдыванія низшими училищами въ Петербургѣ и въ Петербургской губерніи учреждена была снова особая дирекція училищъ. Съ изданіемъ же положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ въ 1874 г., она преобразована опять въ дирекцію народныхъ училищъ, и въ вѣдѣніе ея поступили также всѣ сельскія училища въ губерніи, которыми съ 1864 г. завѣдывалъ отдѣльный инспекторъ народныхъ училищъ.

Уже одна передача уѣздныхъ и приходскихъ петербургскихъ училищъ въ завѣдываніе директоровъ гимназіи должна была неблагопріятно отозваться на состояніи ихъ. Считая завѣдываніе ими какъ бы второстепенными своими обязанностями, они, конечно, не могли

обращать на нихъ должнаго вниманія. Вслѣдствіе того учебная часть въ нихъ упала, или по крайней мѣрѣ, не развивалась сообразно требованіямъ времени. Но самою главною причиною застоя учебно-воспитательной части въ низшихъ петербургскихъ училищахъ былъ крайній недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Въ 1822 г. дума ассигновала на содержаніе всѣхъ приходскихъ училищъ, вмѣстѣ и съ дирекціей, около 14,500 руб. (51 тыс. ассигнац.), и эта сумма, не смотря на быстро возрастающую дороговизну всего, оставалась не измѣнною до послѣдняго времени. Очевидно, что приходскія училища при такихъ средствахъ не могли имѣть ни хорошихъ учебныхъ пособій, ни удобныхъ помѣщеній, ни достаточно подготовленныхъ учителей. Къ этому надобно присовокупить, что учительская семинарія, устроенная Янковичемъ, была въ 1804 г. преобразована въ педагогическій институтъ, который подготовлялъ учителей исключительно почти для гимназій и профессоровъ для высшихъ учебныхъ заведеній. Въ низшія же училища опредѣлялись учителями лица безъ всякой педагогической подготовки.

Но, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, начальное народное образованіе въ Петербургѣ не заглохло: такъ было прочно основаніе, положенное ему при Екатеринѣ II, сто лѣтъ тому назадъ.

Великія реформы императора Александра II коснулись и начальнаго народнаго образованія. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права главныя заботы объ образованіи низшихъ слоевъ населенія имперіи возложены на земства, городскія и сельскія общества. Въ концѣ 1876 г. городу Петербургу, равно какъ Москвѣ и Одессѣ, даровано право имѣть свой училищный совѣтъ для завѣдыванія начальными училищами. И вотъ съ этого времени мы каждый годъ присутствуемъ при открытіи въ Петербургѣ такихъ училищъ цѣлыми десятками. Въ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ цифра начальныхъ петербургскихъ училищъ съ 16-ти возрасла до 128-ми, въ которыхъ обучается болѣе 5 тысячъ дѣтей обоего пола. Одновременно съ этимъ и средства на начальное народное образованіе въ Петербургѣ возвысились съ 14,000 до 200,000 слишкомъ. Это, конечно, даетъ возможность обставлять начальныя училища наилучшимъ образомъ: опредѣлять въ нихъ лучшихъ учителей и учительницъ, пріобрѣтать для нихъ хорошія учебныя пособія, нанимать болѣе или менѣе удобныя помѣщенія. Честь и слава Петербургской городской думѣ, столь ревностно принявшейся въ послѣднее время за дѣло образованія низшихъ слоевъ населенія столицы. Нѣтъ сомнѣнія, что, при такомъ настроеніи думы

въ Петербургѣ еще черезъ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ возможно будетъ и введеніе обязательнаго обученія.

Но, мм. гг., вопросъ о народномъ образованіи въ послѣднее время во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ стоитъ едва ли не на первомъ планѣ, составляетъ для всѣхъ насущную потребность. „Послѣ хлѣба, образованіе и воспитаніе суть первыя потребности для народа“, сказалъ одинъ государственный мужъ Франціи. Другой по этому вопросу выразился такъ: „Первый народъ тотъ, у котораго лучшія школы; если онъ не первый сегодня, то будетъ имъ завтра“. Поэтому не даромъ говорятъ, что при Садовой и подъ Седаномъ одержалъ побѣды школьный учитель. Еще недавно знаменитый патріотъ Франціи, преждевременную смерть котораго она теперь оплакиваетъ, такъ говорилъ по вопросу о народномъ образованіи: „Отстраняя отъ школы ребенка, вы мѣшаете вступить на арену общественной дѣятельности, можетъ быть, таланту или даже генію; вы мѣшаете развиться, быть можетъ, инженеру, ученому, химику, физіологу, великому художнику. Всякій разъ“, продолжаетъ онъ,—„когда оставляютъ умъ безъ вниманія, обкрадываютъ страну, лишая ее, быть можетъ, великаго сокровища“. А Лютеръ еще въ XVI в. такъ выразился по этому вопросу: „Невѣжество народа вреднѣе и опаснѣе для страны даже непріятельскаго оружія“. Вообще, нынѣ признается всѣми, что народное образованіе вмѣстѣ съ воспитаніемъ составляетъ единственное коренное средство къ улучшенію матеріальнаго благосостоянія народа и къ искорененію общественныхъ пороковъ, какъ-то: пьянства, взяточничества и т. п. Сознавая такую важность образованія, цивилизованныя націи въ новѣйшее время принимаютъ самыя энергическія мѣры для распространенія его въ массѣ народа: издаютъ новые законы, вводятъ обязательное обученіе, учреждаютъ общества для содѣйствія народному образованію, увеличиваютъ денежныя средства на этотъ предметъ. Въ Америкѣ даже существуетъ училищный фондъ и изданъ законъ, по которому завѣщаніе, не отказывающее извѣстной суммы на народное образованіе, признается недѣйствительнымъ.

Мм. гг.! И у насъ, младшихъ сыновъ Европы, въ послѣднее время народное образованіе сдѣлало такіе громадные успѣхи, о которыхъ даже недавнимъ нашимъ предкамъ и во снѣ не снилось. Въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ II, въ манифестѣ при вступленіи на престолъ, сказалъ: „Да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности“. И вотъ въ его царствованіе какъ бы изъ земли начали

выростать школы въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде о нихъ и помину не было; цѣлыя десятки тысячъ школъ явились тамъ, гдѣ прежде съ трудомъ насчитывали ихъ сотни только. И правительственныя учрежденія, и земства, и общества, и частныя лица, всѣ какъ бы наперерывъ другъ передъ другомъ, внимая царскому голосу, понесли свою лепту на образованіе меньшей братіи. Всѣ какъ бы разомъ поняли, что въ образованіи народа заключается главная сила и могущество государства. Снова, какъ сто лѣтъ тому назадъ, началась оживленная дѣятельность по народному образованію: изданіе новыхъ законовъ и инструкцій, новыхъ учебныхъ книгъ и наглядныхъ пособій, учрежденіе учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ, усовершенствованіе методовъ преподаванія, устройство музеевъ и кабинетовъ учебныхъ пособій, библіотекъ и книжныхъ складовъ и т. д., и т. д. Особенно много сдѣлано было для народнаго образованія въ министерство графа Дмитрія Андреевича Толстаго.

Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, еще будучи наслѣдникомъ престола, оказывалъ особенное покровительство народному образованію. По его желанію, даже открыта была народная школа близъ Петербурга, по Финляндской желѣзной дорогѣ, при домѣ призрѣнія душевно-больныхъ. 1-го сентября 1880 г. Государь Наслѣдникъ съ Августѣйшею Супругою своею изволили присутствовать при освященіи зданія этой школы, ласкали дѣтей и милостиво благодарили лицъ, принимавшихъ участіе въ устройствѣ школы. Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ милостивомъ вниманіи Государя Императора къ дѣлу народнаго образованія и при живомъ сочувствіи къ нему всего общества, оно скоро окончательно упрочится у насъ и пойдетъ еще болѣе быстрыми шагами впередъ, укрѣпляя въ народѣ вѣру и нравственность и служа оплотомъ для государства

Не могу не закончить моей рѣчи словами, сказанными у насъ однимъ митрополитомъ еще въ XVII вѣкѣ. Когда у него спросили: „Какіе столпы церкви и государства?“ онъ отвѣтилъ:—„Вопервыхъ, училища, вовторыхъ училища, и втретьихъ училища“.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Январь 1883 года.

I.

Я уже не разъ говорилъ вамъ о стараніяхъ французскаго правительства преобразовать высшее преподаваніе, чтобы дать ему характеръ менѣе ораторскій и болѣе практическій, чтобы сформировать студентовъ-историковъ и филологовъ, какъ уже существуютъ студенты-юристы и студенты-медики. Усилія эти начинаютъ увѣнчиваться успѣхомъ. Учрежденіе конференцій совершенно измѣнило видъ дѣла, и учебный 1882—1883 годъ, по видимому, долженъ дать самые удачные результаты. Словесный факультетъ въ Парижѣ рѣшительно сталъ во главѣ этого движенія. Уже два года, какъ въ началѣ каждаго семестра, онъ печатаетъ, помимо объявленій о своихъ лекціяхъ, еще нѣкоторое число руководящихъ объявленій съ указаніемъ всѣхъ лекцій, читаемыхъ по извѣстной наукѣ не только въ Сорбоннѣ, но и въ École des Chartes, въ École des hautes études и во Французской коллегіи. Студентъ, пріѣхавшій изъ провинціи и еще не знакомый съ научнымъ Парижемъ, такимъ образомъ съ самаго начала оріентируется и узнаетъ о всѣхъ научныхъ средствахъ, которыми можетъ располагать. Это—прекрасное нововведеніе. Такого рода синтетическія объявленія соединяютъ искусственнымъ образомъ въ одно цѣлое всѣ учебныя учрежденія. Другое нововведеніе: въ объявленіяхъ о курсахъ нынѣшняго года въ первый разъ, рядомъ съ росписаніемъ извѣстнаго числа лекцій, упоминается и о спеціальныхъ курсахъ (cours fermés), соотвѣтствующихъ privatissima нѣмецкихъ университетовъ

Въ объявленіи сказано, что отнынѣ публика не будетъ допускаема на нѣкоторыя лекціи. Наконецъ, въ первый разъ названы студентами слушатели лекцій по филологіи, исторіи и философіи. Студенты записываются, получаютъ спеціальный билетъ и имѣютъ въ своемъ распоряженіи свою библіотеку. Эти нововведенія встрѣчены большимъ сочувствіемъ въ Парижѣ. Къ 8-му декабря 1882 года число студентовъ, записавшихся въ Сорбоннѣ, распредѣлялось такимъ образомъ: по философіи — 58 студентовъ, по словесности и грамматикѣ — 213, по исторіи—125, по новѣйшимъ языкамъ—84, а всего—480 студентовъ. На естественныя и математическія науки число записавшихся было до того велико, что не всѣ могли быть приняты. Теперь строятся уже новыя зданія.

Конференціи и спеціальные курсы устанавливаютъ постоянныя связи между студентами и профессоромъ; послѣдній долженъ просматривать ихъ работы и давать имъ совѣты; однимъ словомъ, на профессора возлагается значительно большій трудъ. Профессора Сорбонны относятся къ этому съ усердіемъ и готовностію, но въ замѣнъ того желаютъ избавиться отъ нѣкоторыхъ обязанностей, не имѣющихъ ничего общаго съ ходомъ науки или преподаванія. Самая тяжелая изъ этихъ обязанностей—это экзаменъ на баккалавра словесности (испытаніе зрѣлости). Извѣстно, что экзаменъ этотъ производится не въ лицеяхъ (гимназіяхъ), какъ въ Россіи и Германіи, а при факультетахъ, у профессоровъ. Въ нѣкоторыхъ факультетахъ число желающихъ экзаменоваться по истинѣ подавляющее. Въ Парижѣ оно свыше 1,500. Профессоровъ и преподавателей-руководителей не хватаетъ; они вынуждены приглашать къ себѣ на помощь профессоровъ изъ другихъ факультетовъ. Эта утомительная обязанность не только мѣшаетъ имъ предаваться научнымъ работамъ, но и вредитъ самому дѣлу преподаванія. Такъ, нынѣшній годъ конференціи начались только 4-го декабря, а ноябрь всецѣло поглощенъ былъ экзаменами. Профессора высказываютъ желаніе, чтобы впредь этотъ экзаменъ происходилъ въ лицеяхъ. По всей вѣроятности, реформа испытаній на степень баккалавра состоится въ непродолжительномъ времени.

Уже давно ожидается еще одна реформа, именно учрежденіе свободныхъ лекцій при факультетахъ, чтобы дать молодымъ ученымъ возможность пробовать свои силы въ ожиданіи свободнаго мѣста или новой каѳедры. По этому поводу министръ народнаго просвѣщенія обратился съ циркуляромъ къ попечителямъ округовъ, чтобъ узнать

мнѣніе факультетовъ. Онъ уже разрѣшилъ факультетамъ словесныхъ и естественныхъ наукъ давать право докторамъ этихъ наукъ, вообще немногочисленнымъ, право чтенія лекцій (venia docendi). Напротивъ того, нужна нѣкоторая осторожность относительно докторовъ права и медицины, которымъ нѣсть числа. Впрочемъ, министръ согласенъ, что отъ ученыхъ съ установившеюся уже извѣстностію можно и не требовать высшей ученой степени. Долгое время кругъ преподаванія, особенно въ провинціи, былъ у насъ очень ограниченъ. Въ нашихъ провинціяхъ, напримѣръ, весьма много ученыхъ— архиваріусовъ, историковъ, библіотекарей, людей весьма свѣдущихъ въ мѣстной исторіи, которые могли бы оказать истинную услугу дѣлу преподаванія. Министръ выражаетъ желаніе, чтобы факультеты разсмотрѣли также вопросъ о томъ, должны ли профессора, читающіе эти дополнительныя лекціи, быть вознаграждаемы отъ правительства или оплачиваемы самими слушателями. Какъ только факультеты выскажутся по всѣмъ этимъ вопросамъ, отзывы ихъ будутъ переданы въ высшій совѣтъ министерства народнаго просвѣщенія и разсмотрѣны имъ въ свою очередь.

Вы знаете, что бо́льшая часть нашихъ преобразователей стремится соединить всѣ парижскіе факультеты и множество спеціальныхъ школъ въ одинъ гигантскій университетъ. Но кажется, этотъ проектъ еще не скоро осуществится. Къ многочисленнымъ спеціальнымъ школамъ прибавилась еще одна новая — école du Louvre. Нашъ знаменитый музей состоитъ изъ коллекцій, въ высшей степени замѣчательныхъ въ научномъ отношеніи, и онѣ много разъ служили пособіемъ для преподаванія. Напримѣръ, знаменитый египтологъ Масперо, до назначенія его директоромъ Булакскаго музея (въ Египтѣ), читалъ нѣкоторыя изъ своихъ лекцій въ Луврскомъ египетскомъ музеѣ. Теперь сами хранители музея будутъ читать въ немъ лекціи. Извѣстный археологъ Бертранъ прочтетъ курсъ національной археологіи, отъ самыхъ отдаленныхъ временъ до Хлодвига, а хранитель египетскаго музея Пьерре — курсъ о египетскихъ древностяхъ; Ревилью займется демотическими памятниками и изложитъ египетское право и политическую экономію по папирусамъ Лувра; хранитель восточныхъ древностей Ледренъ объяснитъ основныя начала еврейской и финикійской грамматики и тексты клинообразнаго письма; наконецъ, хранитель антиковъ музея Равессонъ будетъ читать о классической археологіи. На первый взглядъ это нововведеніе кажется удачнымъ; но оно не представляется необходимымъ: нѣкоторая часть курсовъ,

учреждаемыхъ въ новой школѣ, уже читается въ Сорбоннѣ, въ школѣ высшихъ знаній и во Французской коллегіи. Съ другой стороны, палата не вотировала спеціальныхъ суммъ для этихъ курсовъ, такъ что профессора будутъ вознаграждаемы изъ бюджета Лувра; но этого бюджета не хватаетъ и на покупку памятниковъ искусства или древности, оспариваемыхъ другими европейскими музеями. Чтенія о памятникахъ еще имѣютъ значеніе въ Луврѣ, но едва ли особенно необходимы тамъ лекціи по грамматикѣ или языкознанію. Вообще эта затѣя товарища министра, завѣдующаго изящными искусствами, по видимому, не встрѣчаетъ единогласнаго одобренія.

Я сейчасъ говорилъ о Масперо; вы знаете, что знаменитый египтологъ состоитъ уже два года хранителемъ музея, основаннаго въ Булакѣ покойнымъ Маріеттомъ. Въ этомъ музеѣ находятся неоцѣнимыя богатства. Во время послѣднихъ безпорядковъ въ Египтѣ, Масперо долженъ былъ оттуда уѣхать, оставивъ музей на рукахъ сторожей, но друзья древняго искусства съ удовольствіемъ узнаютъ, что музей остался неприкосновеннымъ: ни одна изъ его вещей не похищена, все цѣло. Французская школа восточной археологіи, основанная въ Каирѣ, скоро также возобновитъ свои занятія.

Французская Аѳинская школа понесла нынѣшній годъ большую утрату въ лицѣ двухъ изъ своихъ учениковъ, умершихъ отъ тифозной горячки: одинъ умеръ въ Самосѣ, другой въ Смирнѣ. Это двойное несчастіе сильно возбудило общественное вниманіе; всѣ единогласно требуютъ серьезныхъ измѣненій въ правилахъ школы. При существующемъ порядкѣ, работы учениковъ дурно распредѣляются. Ученики должны въ первый же годъ представить въ академію надписей сочиненіе по археологіи. Въ Аѳины они пріѣзжаютъ въ ноябрѣ, проводятъ тамъ зиму, занимаясь своимъ сочиненіемъ, и по окончаніи его начинаютъ дѣлать поѣздки для изслѣдованій, что̀ совпадаетъ съ лѣтними жарами. Надо было бы, напротивъ того, ѣздить зимой, а лѣтомъ оставаться на мѣстѣ. Кромѣ того, по большей части они путешествуютъ отдѣльно; было бы желательно, чтобы впредь они ѣздили вдвоемъ. Наконецъ, въ Аѳины они пріѣзжаютъ недостаточно подготовленные; имъ необходимо бы еще въ Парижѣ пріобрѣсти первыя спеціальныя познанія, напримѣръ, прослушать курсъ ново-греческаго языка и греко-римской археологіи. Двойная катастрофа, случившаяся въ Аѳинской школѣ, указываетъ на необходимость безотлагательныхъ реформъ.

Среднее женское образованіе, организованное закономъ, о ко-

торомъ я уже говорилъ вамъ, продолжаетъ дѣлать серьезные успѣхи. Четыре женскія гимназіи уже открыты въ Монпелье, Руанѣ, Безансонѣ и Нантѣ, 12 коллегій открыты въ менѣе значительныхъ городахъ, и еще четыре открываются въ непродолжительномъ времени. Новое образованіе имѣетъ уже свой спеціальный органъ, ежемѣсячное обозрѣніе подъ заглавіемъ Среднее женское образованіе (l'Enseignement secondaire des jeunes filles), издаваемый депутатомъ Камилемъ Се (C. Sée), который внесъ въ палату законъ, организовавшій это образованіе; журналъ редактируется гг. Легуве и Анри Мартеномъ, членами Французской академіи. Это обозрѣніе, прекрасно издаваемое, печатаетъ, кромѣ офиціальныхъ распоряженій, статьи педагогическія и литературныя. Недавно въ немъ былъ помѣщенъ большой трудъ г. Греара, попечителя Парижскаго учебнаго округа, объ исторіи женскаго образованія во Франціи. Греаръ разбираетъ въ немъ множество сочиненій, писанныхъ по этому предмету до нашего времени, и разказываетъ исторію главныхъ учрежденій, основанныхъ для этой цѣли частными лицами или духовенствомъ, пока государство не взяло это важное дѣло въ свои руки. Пора заняться наконецъ имъ серьезно. Хотятъ, чтобы преподаваніе въ нашихъ женскихъ лицеяхъ велось по возможности самими женщинами. Но особы, являющіяся въ настоящее время для занятія этихъ должностей, вообще слабо подготовлены. Передо мною лежитъ отчетъ президента послѣдней экзаменаціонной коммиссіи: кандидатки по большей части стоятъ не выше уровня начальнаго образованія. Онѣ не знаютъ исторіи французскаго языка, не читали авторовъ цѣликомъ, а довольствовались только отрывками изъ ихъ произведеній, и обнаружили нѣкоторыя познанія лишь по исторіи и географіи. Конечно, у насъ во Франціи есть выдающіяся женщины, но лишь въ средѣ достаточныхъ классовъ, и изъ нихъ нельзя набрать составъ преподавательницъ для женскихъ лицеевъ.

II.

Въ прошломъ году я сообщалъ вамъ о смерти знаменитаго археолога Лонперье. Его произведенія состоятъ изъ множества статей, разбросанныхъ въ самыхъ различныхъ сборникахъ французскихъ и иностранныхъ. Нѣкоторыя изъ его сочиненій почти уже не встрѣчаются въ продажѣ. Отличный археологъ Шлумбергеръ возымѣлъ счастливую мысль собрать ихъ въ отдѣльное изданіе. Полное ихъ собраніе соста-

вить пять томовъ, съ 300 статей по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Первый томъ, только что вышедшій въ свѣтъ, посвященъ восточному и арабскому искусству; два слѣдующіе будутъ посвящены вопросамъ классической древности—греческой, римской и галльской; наконецъ, два послѣдніе будутъ заключать въ себѣ статьи, относящіяся къ среднимъ вѣкамъ и къ эпохѣ возрожденія. Первый томъ состоитъ изъ пятидесяти-пяти статей; нѣкоторыя изъ нихъ весьма важны по своему содержанію; въ нихъ трактуются вопросы нумизматики, эпиграфики, филологіи и археологіи. Къ тексту приложено много рисунковъ и снимковъ. Шлумбергеръ написалъ къ первому тому подробный очеркъ жизни и ученыхъ трудовъ Лонперье. Профессоръ словеснаго факультета въ Парижѣ, Буше-Леклеркъ только что окончилъ свой большой трудъ о вѣдовствѣ въ древнемъ мірѣ (Histoire de la divination dans l'antiquité). Это сочиненіе составляетъ четыре тома въ 8-ю долю листа и можетъ быть названо лучшимъ по этому предмету. Буше-Леклеркъ извѣстенъ какъ авторъ весьма уважаемаго сочиненія: „Первосвященники древняго Рима" (Pontifes de l'ancienne Rome). Для новой своей монографіи онъ воспользовался не только всѣми литературными свидѣтельствами древности, но и надписями и памятниками вещественными; притомъ же, въ сочиненіи его виденъ чисто философскій умъ и неутомимая эрудиція. Къ своему послѣднему тому онъ приложилъ нѣсколько прибавленій, какъ напримѣръ, замѣчанія о коллегіи дуумвировъ, децемвировъ и т. д.; томъ этотъ оканчивается общимъ указателемъ для облегченія справокъ, и по этому указателю можно судить о богатствѣ и разнообразіи всего сочиненія. Безспорно, автору его будетъ присуждена одна изъ наградъ, находящихся въ распоряженіи академіи надписей, и конечно, со временемъ самъ онъ сдѣлается академикомъ. Еще драгоцѣнный трудъ по классической филологіи составляетъ изслѣдованіе о жизни и произведеніяхъ Лукіана (La vie et les oeuvres de Lucien), недавно изданное профессоромъ въ Монпелье Морисомъ Круазе (Croisez). Мориса Круазе не надо смѣшивать съ его братомъ Альфредомъ, профессоромъ въ Парижѣ. Оба они отличные эллинисты. Изслѣдованіе о жизни и твореніяхъ Лукіана составляетъ объемистый томъ въ 8-ю долю листа; оно написано съ большимъ знаніемъ дѣла и притомъ отличается изящнымъ изложеніемъ; авторъ воспользовался лучшими сочиненіями нѣмецкой школы и пополнилъ ихъ во многихъ отношеніяхъ. То же можно сказать и о трудѣ г. Куа (Couat), доцента словеснаго факультета въ Бордо, озаглавленномъ: „Александрійская поэзія во вре-

мена первыхъ трехъ Птолемеевъ" (La poésie alexandrine sous les trois premiers Ptolomées). Куа представилъ уже въ Парижскій словесный факультетъ любопытную диссертацію о Катуллѣ; изученіе римскаго поэта привело его къ изученію поэтовъ греческихъ, которымъ Катуллъ подражалъ: Каллимахъ, Θеокритъ, Аполлоній, Ератосθенъ подвергнуты въ этой книгѣ ученому изслѣдованію, представляющему много новыхъ выводовъ.

Я писалъ вамъ въ свое время о первомъ изданіи древней исторіи Франсуа Ленормана, ученаго археолога и теперь члена института. Это сочиненіе нынѣ достигло уже девятаго изданія. Оно иллюстрировано, также какъ и большая исторія Римлянъ — Дюрюи, и издано въ большомъ форматѣ, въ 8-ю долю листа. Первый томъ заключаетъ въ себѣ изысканія о происхожденіи племенъ и языковъ; 2-й — посвященъ Египту, 3-й—Ассиріи. Еще другая исторія Востока только что издана Маріусомъ Фонтаномъ; она состоитъ изъ трехъ томовъ: первый посвященъ Индіи, второй—Иранцамъ, 3-й—опять Индіи. Но эта книга, написанная впрочемъ не безъ таланта, представляется съ научной точки зрѣнія не болѣе какъ компиляціей, не внушающею большаго довѣрія къ себѣ. При многихъ изъ нашихъ словесныхъ факультетовъ недавно учредились курсы по исторіи греческихъ и римскихъ учрежденій. Программа для испытанія на полученіе степени кандидата (licence) содержитъ въ себѣ нѣкоторые вопросы по этому предмету. Въ виду того, профессоръ словесности въ Реннѣ, Робіу (Robiou), весьма добросовѣстный ученый, недавно издалъ руководство къ изученію учрежденій древней Греціи; это прекрасно написанный учебникъ, заключающій въ себѣ обстоятельныя свѣдѣнія о государственной и общественной жизни Аθинъ и Спарты, о религіи и греческомъ театрѣ. Другой профессоръ, Миспулэ (Mispoulet), предпринялъ еще болѣе подробное сочиненіе—о политическихъ учрежденіяхъ Римлянъ; въ 1-мъ томѣ, уже вышедшемъ въ свѣтъ, говорится о римскомъ государственномъ устройствѣ, о его происхожденіи и постепенномъ развитіи, отъ основанія Рима до царствованія Юстиніана. Хотя авторъ и пользовался нѣмецкими сочиненіями, однако книга его составляетъ трудъ самостоятельный.

Изъ книгъ по новой исторіи укажу прежде всего на сочиненіе Лаферьера: „Проекты о бракосочетаніи Елизаветы, королевы Англійской" (Projets de mariage de la reine Elisabeth d' Angleterre). Авторъ этой книги неоднократно посѣщалъ Россію для изученія архивныхъ документовъ, относящихся къ французской исторіи. Часть его новаго

сочиненія была напечатана въ Revue des deux mondes, гдѣ и могла быть прочитана нѣкоторыми изъ вашихъ читателей. Это любопытный этюдъ о характерѣ Елизаветы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, объ общей политикѣ XVI вѣка. Другой ученый, Шантелозъ (Chantelauze), уже нѣсколько разъ увѣнчанный Французскою академіей, печатаетъ теперь въ собраніи „Les grands écrivains de France" записки знаменитаго кардинала Ретца. Изданіе достигло уже 6-го тома и напечатано также тщательно, какъ и превосходное изданіе Мольера, о которомъ я уже вамъ нѣсколько разъ говорилъ. Шантелозъ, приготовляя это изданіе, имѣлъ случай изучить одно изъ замѣчательныхъ лицъ XVII вѣка, Винцентія де-Поля. Онъ написалъ его біографію, при чемъ отнесся къ своему предмету критически и устранилъ нѣкоторыя легенды объ этомъ лицѣ, но за то выставилъ въ яркомъ свѣтѣ его милосердіе, его отношенія ко двору и государственнымъ людямъ того времени.

Подъ заглавіемъ „Патріотическихъ записокъ" (Mémoires patriotiques), трудолюбивый ученый Лореданъ Ларше, хранитель Мазариновой библіотеки, предпринялъ печатаніе нѣкоторыхъ не изданныхъ до сихъ поръ документовъ, относящихся къ войнамъ революціи и имперіи. Два тома уже вышли, и изъ нихъ второй особенно замѣчателенъ; онъ озаглавленъ: тетради Капитана Коапье (Les cahiers de capitaine Coignet). Коанье—по происхожденію простой крестьянинъ—выслужилъ свои военные чины въ бояхъ, состоялъ въ императорской гвардіи и находился при Наполеонѣ I въ качествѣ вагенмейстера. Онъ часто имѣлъ случай прислуживать императору и сообщаетъ о немъ и его привычкахъ любопытныя подробности. Въ военномъ отношеніи эта книга не менѣе любопытна. Коанье участвовалъ въ войнахъ Франціи съ Австріей, Пруссіей и Россіей. Онъ былъ свидѣтелемъ свиданія въ Тильзитѣ, и между прочимъ разказываетъ о томъ, какъ Русскіе братались съ Французами послѣ перемирія. Онъ былъ и въ Москвѣ; описанію похода 1812 года онъ посвятилъ около 50 страницъ. Конечно, это одно изъ любопытнѣйшихъ сочиненій о той достопамятной эпохѣ.

Въ послѣднее время много занимались у насъ исторіей французскаго театра въ XVI и XVII вѣкахъ и не разъ подвергали изслѣдованію его отношенія къ италіанскому театру. Весьма талантливый ученый Арманъ Баше недавно открылъ въ Мантуанскомъ архивѣ множество документовъ, на основаніи которыхъ написалъ любопытнѣйшую книгу подъ заглавіемъ: „Италіанскіе комедіанты при Французскомъ дворѣ Карла IX, Генриха III, Генриха IV и Людовика XIII" (Les

comédiens italiens à la cour de France sous Charles IX, Henri III, Henri IV et Louis XIII). Мантуанскіе Гонзаго имѣли, во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія, знаменитый театръ, поставлявшій актеровъ въ бóльшую часть городовъ Италіи и во Францію, гдѣ въ то время царствовали италіанскія королевы (Екатерина и Марія Медичи). Имѣть хорошихъ актеровъ было тогда государственнымъ дѣломъ: Французскій дворъ сносился съ дворомъ Мантуанскимъ, желая пріобрѣсть новаго Арлекина или Изабеллу; италіанскіе актеры, уѣзжая изъ своего отечества, переписывались со своими знаменитыми покровителями. Открывшій эту переписку Арманъ Башс принадлежитъ къ числу лучшихъ нашихъ изслѣдователей по вопросу объ отношеніяхъ Франціи и Италіи; новая книга его прибавила весьма любопытную страницу къ исторіи французской и италіанской литературъ. Еще любопытное сочиненіе для исторіи италіанскаго искусства, это—монографія Плона о Бенвенуто Челлини. Въ италіанской литературѣ нѣтъ еще спеціальнаго сочиненія объ этомъ великомъ художникѣ. Вотъ что̀ пишутъ по этому поводу въ издаваемомъ во Флоренціи журналѣ Nuova Antologia: „Франція сдѣлала за насъ то, чего сами мы не сумѣли сдѣлать". Для своей книги Плонъ производилъ самостоятельныя изысканія въ италіанскихъ архивахъ. Книга эта иллюстрирована, что̀ и необходимо для изученія созданій великаго италіанскаго художника. Впрочемъ, изданія по исторіи изящныхъ искусствъ размножаются у насъ до безконечности. Я сообщалъ вамъ объ огромномъ трудѣ Мюнтца о Рафаэлѣ. Теперь Мюнтцъ стоитъ во главѣ изданія „Международной художественной библіотеки", роскошно печатаемой (цѣна за томъ около 25 фр.); въ ней уже помѣщено много весьма хорошихъ монографій. Самъ Мюнтцъ напечаталъ въ этой библіотекѣ томъ о предшественникахъ эпохи возрожденія въ Италіи. Лаланнъ, одинъ изъ нашихъ добросовѣстнѣйшихъ ученыхъ, печатаетъ теперь въ томъ же собраніи сочиненіе весьма любопытное для исторія искусства и идей въ XVI вѣкѣ. Онъ отыскалъ въ библіотекѣ Института сто не изданныхъ рисунковъ знаменитаго рисовальщика Жана Кузена, одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ французскихъ художниковъ эпохи возрожденія. Эти рисунки были предназначены для иллюстраціи „Книги судьба" (le lisvre de fortune), собранія аллегорій о судьбѣ, сочиненнаго однимъ неверскимъ дворяниномъ, которое, впрочемъ, никогда напечатано не было. Помимо высокаго художественнаго значенія этихъ рисунковъ, они особенно драгоцѣнны для исторіи аллегоріи въ эпоху возрожденія. Лаланнъ написалъ къ этому изданію ученое введеніе. Въ томъ

же собраніи появится скоро исторія византійской миніатюры, написанная вашимъ соотечественникомъ Н. П. Кондаковымъ, профессоромъ Новороссійскаго университета.

Одновременно съ этимъ роскошнымъ изданіемъ выходитъ въ свѣтъ другое болѣе скромное, о которомъ я уже сообщалъ вамъ: это „Библіотека для преподаванія изящныхъ искусствъ", изданіе баснословно дешевое (4 фр. за томъ иллюстрированный и переплетенный). Она также пополнилась новымъ томомъ Мюнтца. Наша публика чрезвычайно любитъ изданія этого рода. Дешевизна этой послѣдней „Библіотеки" объясняется тѣмъ, что издатели перепродаютъ сдѣланныя для нея клишэ за границу, такъ что иллюстрація обходится имъ почти даромъ.

Я уже писалъ вамъ о сочиненіяхъ іезуита Пирлинга, уроженца Россіи, спеціально занимающагося сношеніями Россіи съ Римскою куріей. Пирлингъ напечаталъ интересные этюды о Римѣ и Димитріи Самозванцѣ и о попыткахъ Сорбонны ввести католичество въ Россіи. Недавно появилось объявленіе о скоромъ выходѣ въ свѣтъ его сочиненія подъ заглавіемъ „Римъ и Москва". Пока онъ напечаталъ новое изданіе знаменитой реляціи іезуита Поссевина о Московіи. Къ этому изданію онъ приложилъ не напечатанную записку кардинала Комскаго, заключающую въ себѣ оцѣнку характера Поссевина и его поѣздки въ Москву; кромѣ того, къ книгѣ присоединены нѣкоторыя примѣчанія и указатель историческихъ и географическихъ именъ. Этотъ указатель необходимъ для западныхъ читателей, такъ какъ собственныя имена у Поссевина страшно искажены; трудно, напримѣръ, узнать Потемкина въ Pochionleim (sic). Эта небольшая книжка, красиво напечатанная, входитъ въ составъ „Славянской библіотеки", издаваемой книгопродавцемъ Леру. Густавъ Мерлэ издалъ недавно второй томъ своихъ литературныхъ этюдовъ о французскихъ классикахъ, изучаемыхъ въ лицеяхъ. Въ первый томъ вошли этюды о Корнелѣ, Расинѣ и Мольерѣ, во второй—статьи о Chanson de Rolland, Chronique de Joinville, о Монтенѣ и о главныхъ писателяхъ въ періодъ отъ Паскаля до Вольтера. Еще очень недавно вошли у насъ въ курсъ преподаванія писатели, предшествовавшіе этому періоду. Трудъ Мерлэ свидѣтельствуетъ о значительномъ успѣхѣ преподаванія. Второй томъ, также какъ и первый, написанъ съ знаніемъ дѣла и большимъ педагогическимъ тактомъ. Мерлэ—профессоръ риторики въ Парижѣ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ преподавателей по среднему образованію. Рядомъ съ этою книгой, спеціально предназначен-

ной для учениковъ, нужно упомянуть о новомъ томѣ Брюнетьера: „Новые критическіе этюды по исторіи французской литературы". Брюнетьеръ является теперь въ Revue des deux Mondes оффиціальнымъ панегиристомъ нашей классической литературы; онъ ненавидитъ средніе вѣка, за то знаетъ и высоко цѣнитъ XVII и XVIII столѣтія. При своихъ обширныхъ свѣдѣніяхъ, онъ и пишетъ оригинально и бойко, умѣетъ сказать новое о предметахъ, о которыхъ, кажется, все уже было высказано; въ этомъ томѣ есть много прекраснаго о Précieuses отеля Рамбулье, о Боссюэтѣ, Фенелонѣ, о Массильонѣ, Мариво, аббатѣ Галіани, Дидро и о театрѣ временъ революціи. Брюнетьеръ обѣщаетъ еще болѣе значительный трудъ, критическое изданіе сочиненій Жанъ-Жака Руссо.

Л. Л—ръ.

НОВЫЯ ХЭРОНЕЙСКІЯ НАДПИСИ О ПОСВЯЩЕНІИ РАБОВЪ.

При производствѣ въ 1880 г. работъ по очищенію общей могилы (πολυάνδριον) Ѳиванцевъ, павшихъ въ битвѣ при Хэронеѣ [1]), завѣдывавшимъ этими работами г. Стаматакисомъ были произведены также раскопки въ сѣверо-восточной части деревни Капрены (занимающей мѣсто древней Хэронеи), при чемъ были найдены фундаменты различныхъ построекъ позднѣйшихъ временъ и въ нихъ, между прочими древними остатками, нѣсколько камней съ надписями, цѣлыхъ или разбитыхъ. Надписи эти были изданы г. Стаматакисомъ, безъ всякихъ объяснительныхъ примѣчаній, въ журналѣ Ἀθήναιον 1881 г. [2]), вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, которыя были найдены въ той же мѣстности еще въ 1871 г. и оставались еще не изданными, — всего въ количествѣ 35 отдѣльныхъ документовъ, вырѣзанныхъ на 6 камняхъ. Всѣ 35 документовъ по содержанію одинаковы и представляютъ собою записи разныхъ лицъ о посвященіи рабовъ или рабынь богу Серапису [3]). Такимъ образомъ они явились богатымъ дополне-

---

[1]) Объ этихъ работахъ см. мою статью «Археологическія изслѣдованія въ Хэронеѣ» въ отдѣлѣ классич. филологіи Журнала Мин. Нар. Просв., февраль 1882 г.

[2]) Томъ IX, вып. 4 и 5, стр. 319 и 353 сл. Вмѣстѣ съ Хэронейскими надписями, изданы, Стаматакисомъ двѣ однородныя съ ними по содержанію (о посвященіи рабовъ Зевсу-царю и Трофонію) надписи, найденныя въ Ливадіи въ ноябрѣ 1880 года.

[3]) Единственный документъ инаго содержанія, изданный г. Стаматакисомъ вмѣстѣ съ этими надписями (стр. 361), именно декретъ Хэронейцевъ о дарованіи

ніемъ къ прежде извѣстнымъ хэронейскимъ надписямъ такого же содержанія, изданнымъ въ Corpus inscriptionum graecarum, потомъ извѣстнымъ нѣмецкимъ миѳологомъ Преллеромъ и Французомъ Дешармомъ [1]). Проѣздомъ чрезъ Капрену въ концѣ ноября 1881 г. я имѣлъ возможность сличить съ подлинниками какъ эти давно извѣстные документы, такъ и большинство вновь изданныхъ г. Стаматакисомъ [2]), и кромѣ того, списать нѣсколько новыхъ надписей такого же содержанія, изъ которыхъ однѣ были уже извѣстны г. Стаматакису, но почему-то не были имъ изданы вмѣстѣ съ остальными, другія были найдены уже послѣ его отъѣзда изъ Хэронеи, весною 1881 г., при производствѣ работъ по обновленію Капренской церкви Богородицы. Въ виду отсутствія въ русской литературѣ изслѣдованій, относящихся къ институту рабства въ древнемъ мірѣ, я рѣшаюсь познакомить читателей, на основаніи стараго и вновь прибавившагося эпиграфическаго матеріала, съ однимъ изъ гуманныхъ обычаевъ, имѣющихъ отношеніе къ этому институту, — именно съ обычаемъ освобожденія рабовъ путемъ посвященія ихъ какому-нибудь божеству.

Предварительно сообщаю копіи списанныхъ мною новыхъ хэронейскихъ записей и между ними прежде всего тѣхъ, которыя вырѣзаны на однихъ и тѣхъ же камняхъ съ записями, изданными въ

проксеніи нѣкоему Іатроклу Пневматійцу, не найденъ при послѣднихъ раскопкахъ, а вдѣланъ въ стѣну одного дома въ Капренѣ и былъ извѣстенъ издателю уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

[1]) C. I. Gr. т. I, № 1608 a—h (перепечатаны у Le Bas, V. Archéol., Grèce du Nord № 797).—L. Preller, Ueber Inschriften aus Chäronea въ Berichte über die Verhandlungen d. Königl. Sächs. Gesellsch. d. Wissensch. zu Leipzig, т. VI (1854), стр. 195—202 (нѣкоторыя изъ этихъ надписей снова изданы Конце и Михаэлисомъ въ Annali dell' Inst. di corr. arch. т. XXXIII (1861) стр. 77).—P. Decharme, Recueil d'inscriptions inéd. de Béotie (въ Archives des miss. scient. т. IV сер. 2 и отд. изд., Paris 1868), № 17.

[2]) Записи, изданныя въ C. I. Gr., вырѣзаны большими, красивыми и четкими буквами и до сихъ поръ прекрасно сохранились. Не удивительно поэтому, что онѣ и списаны были почти безошибочно, за исключеніемъ только первой (a), вырѣзанной болѣе мелкими буквами на карнизѣ пьедестала. Исправленная копія этой первой записи дана мною въ статьѣ «Die Festzeit der Pamboiotien», помѣщ. въ Mittheilungen d. Deutsch. Arch. Inst. т. VII (1882 г.) стр. 31 и сл. Въ копіяхъ Преллера, Дешарма и Стаматакиса (у послѣдняго впрочемъ рѣдко) есть ошибки, хотя неважныя, такъ что будущему издателю полнаго собранія Беотійскихъ надписей необходимо будетъ снова сличить ихъ. Помѣщать здѣсь результаты моего сличенія всѣхъ изданныхъ надписей было бы излишнимъ; впрочемъ, мои копіи нѣкоторыхъ изъ надписей г. Стаматакиса даны будутъ ниже.

C. I. Gr., а потомъ Преллеромъ и Дешармомъ (эпиграфическіе тексты см. въ приложеніи).

№ 1. Пьедесталъ сѣраго мрамора, на передней сторонѣ котораго вырѣзаны восемь посвященій, списанныхъ впервые еще Киріакомъ Анконскимъ и потомъ изданныхъ въ C. I. Gr. № 1608, былъ долгое время вдѣланъ въ стѣну, такъ что была видна только эта передняя сторона. По извлеченіи его изъ стѣны [1]) оказалось, что на одной изъ боковыхъ сторонъ (справа отъ передней) есть еще три записи такого же содержанія. Первая и третья изъ нихъ вырѣзаны очень небрежно, крупными буквами, а средняя—болѣе мелкими, красивыми и тщательно отдѣланными.

a. Ἀναξικράτιος ἀρχῶ, μεινὸς
Βουκατίω πεντεκηδεκάτη Καλ-
λ[ὶς] Τιμιάδαο, παρι[ό]ντος αὐτῆ φί- (sic)
λων Κάλλωνος Τιμιάδαο, Δαμα-
γείτω Καφισοδώρω, ἀντίθει-
τι τὰν Ϝιδίαν δούλαν Καλλίδα
ἰαρὰν τεῖ Σαράπι, μεὶ ποθείκω-
σαν μηθενὶ μηθέν, τὰν ἀνάθε-
σιν ποιουμένα διὰ τῶ σου-
νεδρίω κὰτ τὸν νόμον.

b. Ἄρχοντος Μνασέου, μηνὸς Ἱπποδρομίου πεντεκαιδεκά-
τηι Τελλέας Εὐνόμου καὶ Παραμόνα Κηφισοδώρου καὶ
Κηφεισόδωρος Τελλέου ἀνατιθέασ(ι) τὴν ἰδίαν δούλην
Ζωίλαν ἱερὰν τῷ Σεράπει, τὴν ἀνάθεσιν ποιούμενοι
διὰ τοῦ συνεδρίου κατὰ τὸν νόμον. Παρῆν Παραμόνᾳ
ὁ ἀνὴρ καὶ Κηφισοδώρωι ὁ πατὴρ Τελλέας Εὐνόμου.

c. Ἄρχοντος Ἀπολλοδώρου,
μηνὸς Πανάμου πεντεκη-
κάτη Πυθὶς ἱερὰ τοῦ Σαρά-
πιδος, παρόντος αὐτῇ τοῦ ἱεράρ-
χου, ἀναιεροῖ τὸ ἐκ τῆς θρεπτῆς (sic)
αὐτῆς Καραΐδος γεγονὸς κο-
ράσιον ᾗ ὄνομα Νικὼ ἱε-
ρὸν τῷ Σαράπι, παραμεῖν
[αν] αὐτῇ ἀνανκλήτως

---

[1]) Теперь пьедесталъ находится въ новой Капренской церкви.

ἕως ἂν ζῇ, τὴν ἀνάθε-
σιν ποιουμέ(νη) διὰ τοῦ
συνεδρίου κὰτ τὸν
νόμον.

№ 2. Документы, изданные Преллеромъ, вырѣзаны на трехъ сторонахъ большаго мраморнаго жертвенника, украшеннаго на двухъ (болѣе широкихъ) сторонахъ рельефными повязками и головами оленей [1]), а на двухъ другихъ также повязками и жертвенными чашами. Преллеромъ изданы и комментированы только записи (въ числѣ пяти), находящіяся на двухъ широкихъ сторонахъ жертвенника; что же касается до трехъ записей третьей стороны, то, по его объясненію, „von den auf der Seite B befindlichen Inschriften konnte bei dem damaligen Zustande des Blocks nur wenig gelesen werden“; это немногое прочитанное дано имъ на таблицѣ X, приложенной къ статьѣ, именно начала и концы всѣхъ строкъ третьей надписи, и начала всѣхъ и конецъ послѣдней строки второй надписи (и то съ ошибками). Теперь жертвенникъ находится передъ старою церковью св. Спиридона (которая служитъ музеемъ), и надписи на всѣхъ трехъ сторонахъ читаются свободно. Вотъ что̀ вырѣзано на третьей сторонѣ:

a. . . . . ωνος ἄρχοντος, [μεινὸς τοῦ δεῖνος]
π[εν]τεκηδεκάτη Πουθίνα[ς τοῦ δεῖνος ἀν]-
τίθειτι τὰν ϝιδίαν θεράπην[αν τὴν δεῖνα]
κὴ τ[ὸ παιδά]ριον τὸ ἐξ αὐτᾶς ὑ ὄν[ιουμα Νικά]-
ρα[τ]ο[ς?, ἰαρ]ὼς τεῖ Σαράπει, τὰν ἄν[θεσιν]
ποιό[μ]ενος διὰ τῶ σουνεδρίω κὰτ [τὸν]
νόμον.

b. Ἀρχεδάμω ἀρχῶ, μεινὸς Ὁμολωίω πεντεκαιδεκάτη Μηλὶς
Φιλήμονος ἀνατίθητι τὼς ϝιδίως δούλως Σώτιμον κὴ Σωτί-
χαν ἰαρὼς τεῖ Σεράπι, παραμείναντας αὐτῇ [ἀ]νενκλείτως ἇς κ[α]
ζώει, τὰν ἀνάθεσιν ποιουμένα διὰ τῶ συνεδ[ρίω] κατὰ τὸν νόμον.

---

[1]) Такія же рельефныя оленьи головы находятся и на другихъ херонейскихъ жертвенникахъ съ записями о посвященіяхъ. См. описаніе Стаматакиса въ Ἀθήν. IX стр. 356. Для объясненія причины такого украшенія жертвенниковъ Преллеръ и Дешармъ приводятъ показаніе Павсанія (X, 32, 16) о томъ, что въ Тиѳоррѣ были приносимы въ жертву Изидѣ быки и олени, украшенные льняными или виссосовыми повязками, по заимствованному изъ Египта обычаю. Такія же украшенія жертвенниковъ встрѣчаются и на Делосѣ: см. Bulletin de corr. hellén. т. VI (1882), стр. 339, № 45.

c. Που[ρ]ρίναο ἄρχοντος, μεινὸς Ἑρμαίω π[εν]-
τεκηδεκάτη Ἐπίτιμος Σα[μ]οκλ[εῖο]ς κὴ [Ε-
ὐ]φροσόνα ἱαρὰ τᾶς Ματέρ[ο]ς τῶν [θι]ῶν ἀν-
τίθεντι τὰν ϝιδίαν θρεπτὰν Ζ[ω]ίλαν ἱα[ρ-
ὰν] τεῖ Σαράπι παραμείνασα[ν] αὐτεῖς [ἕ]ως κ[α]
ζώωνθι, τὰν ἀνιά[ρ]ωσιν π[οι]ιόμενει διὰ τῶ
[σ]ουνεδρίω κὰτ τὸν νόμον.

№ 3. Два отрывка записей о посвященіяхъ, изданные г. Дешармомъ, находятся на небольшомъ обломкѣ мрамора, сохранившемся, по видимому, также отъ четырехугольнаго жертвенника. На другой сторонѣ обломка есть остатки еще двухъ записей, которыхъ почему-то не замѣтилъ авторъ.

a. [Μελα]νθίω ἀρχῶ, με[ινὸς τοῦ δεῖνος πεντε-
κηδε]κάτη Ῥόδων [τοῦ δεῖνος ἀντίθει-
τι τ]ὰν ϝιδίαν δ[ούλαν τὴν δεῖνα
ἱαρὰν] τεῖ Σαράπι κ[. . . . . τὰν ἄνθεσιν ποιό-
μενος] διὰ τῶ σου[νεδρίω κὰτ τὸν νόμον].

b. . . . . . . .ω ἀρχῶ, με[ινὸς τοῦ δεῖνος τῇ δεῖνι
. . . . . .ς Ἀντιγό[νου ἀντίθειτι
τὰν ϝι]δίαν δούλ[αν τὴν δεῖνα ἱα-
ρὰν τεῖ Σαρ]άπι, τὰ[ν ἄνθεσιν ποιομεν... κ.τ.λ.

Въ музеѣ списаны мною слѣдующіе неизданные обломки записей о посвященіяхъ:

№ 4. Карнизъ сѣраго камня, отъ котораго сохранился фрагментъ въ 0,36 м. длиною, 0,26 шириною и 0,115 высотою. На одной сторонѣ остались начала строкъ двухъ слѣдующихъ записей [1]) (во второй записи буквы разставлены гораздо рѣже, чѣмъ въ первой):

a. Μνασικλε[ῖο]ς ἀρχῶ, μεινὸς Ἱπποδρομ[ίω τῇ δεῖνι (ἡμέρᾳ) ἡ δεῖνα ἱαρὰ — — σουνευδοκιόντων?]
αὐτῇ τῶν ἀπελευθερωσάντων [ἀντίθειτι τ.ν ἰδι.ν δουλ.ν — — παραμεινα . . . αὐ]-
τῇ ἀνεγκλείτως ἅς κα ζώει κὴ μι[— — τὰν ἄνθεσιν ποιουμένα διὰ τῶ σουνεδρίω]
κὰτ τὸν νόμον.

[1]) На другой сторонѣ сохранились концы строкъ слѣдующаго посвященія:
№ 4 bis. [Ὁ δεῖνα — κλ]εῖος τὰν ματέ-
[ρα τὴν δεῖνα — ω]νος τα. α. νεν
— — — Σαράπ]ι, Ἴσι, Ἀνούβι.

b. Θεοδώρου ἄρχοντος, [μηνὸς τοῦ δεῖνος τῇ δεῖνι — — —]
χα Ἀριστοκλέους παρό[ντος αὐτῇ — — — — — — χρά]-
τους ἀνιεροῖ τὰς ἰ[δίας δούλας — — — — — — — τὴν]
ἀνάθε[σιν ποιουμένη κ.τ.λ.

№ 5. Обломокъ карниза сѣраго мрамора, шир. 0,35. выс. 0,07 м.
[Τοῦ δεῖνος ἄρχοντος, μηνὸς τοῦ δεῖνος] πεντεκαιδεκάτῃ Δάμων Καφισίωνος [καὶ - - ἀνατιθέασι - - κοράσιον ᾧ ὄν]ομα Παρθένα ἱερὸν τῶι Σεράπει, παραμεῖναν — — — — — — ἕως ἂ]ν ζῶσιν ἀνενκλήτως, τὴν ἀνάθεσιν ποιούμενοι κ.τ.λ.]

№ 6. Угловой обломокъ четырехугольнаго пьедестала (или жертвенника) сѣраго мрамора, высотою въ 0,55 + 0,11 м. (часть въ 0,11 м. выс. теперь отбита), шириною внизу одной стороны 0,205, внизу другой 0,15. На одной сторонѣ сохранились въ отрывкахъ шесть записей, на другой семь.

Сторона А. Отъ трехъ верхнихъ записей (а—с) сохранилось такъ мало, что нѣтъ надобности давать ихъ транскрипцію.

d. Ἄρχοντος Θεοδώ[ρου μηνὸς — — — — — — Ἐλ-]
17. λάνιχος Ἡρακλείδου ἀ[νατίθησι — — — τὸν ἴδιον δοῦλον]
Ἄνδρωνα, παραμεῖνα[ντα ἀνενκλήτως — — — —]
Σαμίχου, τὴν ἀνάθεσιν [ποιούμενος — — κατὰ τὸν νόμον·]
20. καὶ κατέβαλε τὸ γινόμ[ενον δραχμὰς εἴκοσι παραχρῆμα?].
e. Δεξίππου ἄρχοντος, μη[νὸς — — — — — — — — —]
ρὶς Ἀστίου ἀνατίθησιν κ[— — — — τὰς ἰδίας δούλας]
Ὁμολωῖν καὶ Ζωΐλαν, μη[θενὶ μηθὲν προσηκούσας, τὴν ἀνάθεσιν]
ποιουμένη διὰ τοῦ συνεδ[ρίου κατὰ τὸν νόμον].
f. Ἄρχοντος Νίκωνος, [μεινὸς τοῦ δεῖνος πεντεκηδεκά-]
26. τη Ἀριστοκλεῖς Καλλ[ικράτιος (?) κὴ — — — — —]
ἀντίθεντι τὸν ϝίδι[ον δοῦλον — — — — — ἱαρὸν τεῖ]
Σαράπι, τὰν ἀνάθεσι[ν ποιόμενοι διὰ τῶ σουνεδρί]-
ω κατὰ τὸν νόμον.

Сторона В. Заслуживаютъ транскрипціи только двѣ нижнія записи:

m. [Τοῦ δεῖνος ἀρχῶ, μεινὸς — — — — — — — ἡ δεῖνα Καφ]ισοδώρω
[παριόντος αὐτῆ — — — — — — — — — — τὴν ἀν]άθεσιν ποιο-
[μένη — — — κὰτ τὸν νόμον. Κὴ κατέβαλε παραχρ]εῖμα τεῖ ταμίῃ
[τεῖ ἐπὶ τῶν ἱαρῶν δραχμὰς ϝίκατι?].
n. [Τοῦ δεῖνος ἀρχῶ, μεινὸς τοῦ δεῖνος πεντ]εκηδεκάτῃ Λέ-
[ων τοῦ δεῖνος ἀντίθειτι τὸν ϝίδιο]ν δοῦλον Ἄρχω-

[να ἰαρὸν τεῖ Σαράπι, τὰν ἄνθεσιν ποιόμε]νος διὰ τῶ σουνε-
δρίω κὰτ τὸν νόμον].

№ 7. Въ домѣ хранителя древностей (ἀρχαιοφύλαξ) находится угловой обломокъ четырехугольнаго пьедестала (или жертвенника) сѣраго мрамора съ карнизомъ (выс. съ карнизомъ 0,21 м., дл. 0,11 и шир. 0,13), съ остатками записей на обѣихъ сторонахъ. Здѣсь достаточно дать транскрипцію только первой записи стороны А.

[Τοῦ δεῖνος ἀρχῶ, μεινὸ]ς Ἀγριωνίω
[— — — ἡ δεῖνα — — ω]νος, παριόντος
[αὐτῆ — — — — — —]ς ἀντίθειτι
[ἰαρὰς τεῖ Σαράπι τὰς ϝιδίας] δούλας Νικῶν
κὴ — — — — παραμειν]άσας αὐτῆ ἄς
κα ζώει ποιομένα τὰν ἄν]θεσιν διὰ τῶ
σουνεδρίω κὰτ τὸν νόμον].

№ 8. Въ оградѣ старой церкви, служащей музеемъ, большой обломокъ карниза, отъ поверхности котораго съ той стороны, гдѣ вырѣзана надпись, сохранилась только небольшая часть (0, 21 м. ширины и 0,09 выс.); боковая поверхность карниза слѣва отъ надписи (выс. 0,34, шир. 0,43) покрыта довольно изящно изваянными украшеніями какъ бы въ видѣ капители коринѳской колонны.

Ἄρχοντος Εὐβούλου, [μηνὸς — — — — — —]
Συρεῖνα Σιμίου, παρό[ντος αὐτῇ τοῦ δεῖνος, συνευα]-
ρεστούσης αὐτῇ [καὶ — — — — — ἀνατίθησι τὴν]
ἰδιὰν θρεπτὴν Χρυσί[δα ἱερὰν τῷ Σεράπει — — —]
τὴν ἀνάθεσιν ποιο[υμένη διὰ τοῦ συνεδρίου κ.τ.λ.].

Всѣ сообщенные до сихъ поръ документы заключаютъ въ себѣ или навѣрное, или по всей вѣроятности посвященія рабовъ или рабынь Серапису. Но кромѣ этого божества, рабы въ Хэронеѣ были посвящаемы еще Артемидѣ-Илиѳіи о чемъ до сихъ поръ было извѣстно изъ одной только записи C. I. Gr. № 1609 [1]). При обновленіи церкви Богородицы найдены были два новые документа объ этомъ посвященіи, вырѣзанные на одномъ кускѣ сѣраго мрамора, который, безъ сомнѣнія, имѣлъ какое-нибудь архитектурное назначеніе, но какое—я не умѣю опредѣлить: въ настоящее время онъ представляетъ собою плиту, обломанную слѣва и имѣющую 0,40 м. ширины и 0,39 м. толщины, отъ

[1]) Эта богиня названа еще въ документахъ C. I. Gr. №№ 1596 и 1597.

которой въ недалекомъ разстояніи отъ праваго края идетъ внизъ выступъ въ 0,35 высоты (вмѣстѣ съ означенною плитою). На самой плитѣ были вырѣзаны сначала нѣсколько словъ крупными буквами (теперь можно разобрать только ..ε..διορθωσ...), затѣмъ одинъ изъ документовъ о посвященіи, а на выступѣ—другой документъ.

№ 9. a. [Τοῦ δεῖνος ἀρχῶ, μεινὸς — — —]ω πεντεχηδεκάτη Δαμὼ Ἱάρωνος ἀντί[θει-
τι τὰν ϝιδίαν δούλαν — — ἰαρὰν τῆ Ἀρτ]άμιδι τῆ Ἐλιθιουίη, τὰν ἀνάθεσιν ποιομέ[να
διὰ τῶ σουνεδρίω xὰτ τὸν νόμον. Παρεῖαν] ὁ ἀδελφιὸς Θοίνω[ν] ὁ Ἱάρωνος xὴ Ἵάρων xὴ Ἐπήνετο[ς
οἱ] Θοίνωνος.

b. Стр. 6 - 25. Θεός. | Ἀριστονίxω ἀρ|χῶ Εὔδαμος Ἀριστοδάμω ἀ|ντίθειτι τὰν | ϝιδίαν δού(λ)αν | ἧ ὄνιουμα Σ|ωσίχα ἰαρὰ|ν τῆ Ἀρτάμ[ι]|δι τῆ Εἰλιθίη, π|αρμείνασαν | αὐτῦ (ἕ)ως xα | ζώει, ποιόμε|νος τὰν ἄνθ|εσιν xὰτ τὸ[ν] νόμον, σουνε|πιννευόντων αὐτῦ Νίx|ωνος xὴ Ἀπολλῶς.

Изъ вышеприведенной записи № 2 с можно вывести, между прочимъ, интересное заключеніе о томъ, что въ Хэронеѣ существовалъ культъ Матери боговъ и обычай посвящать ей рабовъ: въ записи упомянута нѣкая [Εὐ]φροσόνα ἰαρὰ τᾶς Ματέρ[ο]ς τῶν [θι]ῶν. Тотъ и другой фактъ совершенно новы, такъ какъ ни у авторовъ, ни въ прежде извѣстныхъ эпиграфическихъ документахъ не встрѣчалось еще объ нихъ упоминанія [1]). Однако приведенная фраза оставляетъ еще нѣкоторое мѣсто сомнѣнію: можно было бы, пожалуй, предположить, что эта Евфросона была посвящена не въ Хэронеѣ, а въ какомъ-нибудь другомъ городѣ, и только впослѣдствіи переселилась въ Хэронею. Но два нижеслѣдующіе документа окончательно уничтожаютъ это сомнѣніе.

№ 10. Документы эти вырѣзаны одинъ на передней, другой на боковой сторонѣ простой плиты сѣраго мрамора (выс. 0,31, шир. 0,33, толщ. 0,145), не имѣющей никакихъ украшеній. Плита найдена при перестройкѣ церкви, въ которой теперь и находится.

Сторона a. Ἄρχοντος Εὐάνδρου, μηνὸς Βουχατί-
ου πεντεχαιδεχάτῃ Θέων Διονυσίου

---

[1]) Культъ Матери боговъ существовалъ и въ другихъ беотійскихъ городахъ напр. въ Өивахъ (Павс. IX, 25, 3) и Өеспіяхъ (надпись, изд. въ Mitth. d. D. Arch. Inst. т. V стр. 130: Ἀγείσις|Ματέρι Μεγάλῃ).

καὶ Ἀθηναῒς Φάωνος κατοικοῦντες
ἐγ Χαιρωνείαι ἀνέθηκαν τὴν ἰδίαν
θρεπτὴν Διονυσίαν ἱερὰν τῇ Μη-
τρὶ τῶν θεῶν, παραμείνασαν ἑαυτο-
ῖς ἕως ἂν ζῶσιν ἀνενκλήτως, καὶ Θέω[ν]
Διονυσίου ἀ[ν]ατίθησιν τὸν ἴδιον δο[ῦ]-
λον Κέρδωνα ὡσαύτως παραμε[ί]-
ναντα ἑαυτῷ τε καὶ Ἀθηναΐδι ἕως ζῶσ[ι]
ἀνενκλήτως, τὴν ἀνάθεσιν ποιούμεν-
οι διὰ τοῦ συνεδρίου κατὰ τὸν νόμον.

Сторона b. [Χ]αρώνδαο ἀ[ρχῶ],
μεινὸς Θιουίω [τε]-
τράδι ἀπιόντος [Δα]-
μπρὶς Κάλλωνο[ς
ἀ]ντίθειτι τὸν ϝίδ[ι]-
ον δοῦλον Ἀπολλώ-
νιον ἰαρὸν τῆ Ματρ[ὶ]
τῆ <τῆ> Μεγάλη, τὰν ἀ-
νάθεσιν ποιιομένα
διὰ τῶ σουνεδρίω κὰ-
τ τὸν νόμον. Παρεῖς
[Λ]αμπρίδι ὁ ἀδελφιὸς
Λάν(π)ρων Κάλλωνο[ς].

Существовавшій у древнихъ Грековъ обычай освобожденія рабовъ при посредствѣ божествъ, извѣстный исключительно изъ эпиграфическихъ документовъ, найденныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ Еллады, вызвалъ уже не мало болѣе или менѣе подробныхъ и точныхъ изслѣдованій ученыхъ [1]; но тѣмъ не менѣе не безынтересно будетъ войдти

[1] См. комментаріи Бёка къ C. I. Gr. №№ 1607—1609 и 1699—1710.—E. Curtius, De manumissione sacra graecorum въ Anecdota Delphica стр. 10 сл.—Meier въ Hall. Allg. Litter.-Zeit., декабрь 1843 г. — Rangabé въ Ant. Hellén. т. II стр. 642 сл.—Foucart, Mémoire sur l'affranchissement des esclaves etc. Paris, 1867. Ср. его же комментаріи къ надписямъ тэнарскимъ (Le Bas et Foucart, Inscr. du Péloponnèse № 255 и Bull. de corr. hellén. т. III стр. 96) и орхоменскимъ (Bull. de corr. hell. IV стр. 91 сл.) и ст. Apeleutheroi въ Dictionnaire des ant. grecques et romaines, par Daremberg et Saglio. — Decharme, Recueil d'inscr. de Béotie стр. 3 сл.—R. Weil, Das Asklepieion von Naupaktos въ Mitth. d. D. Arch. Inst. IV (1879), стр. 24 сл.—Wallon, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, т. I, гл. 10 (2-е изд. 1879 г.) и пр.

въ подробное разсмотрѣніе частностей, встрѣчающихся въ новыхъ хэронейскихъ документахъ: однѣ изъ этихъ частностей подтверждаютъ новыми примѣрами нѣкоторые факты, уже раньше извѣстные, другія до сихъ поръ еще не встрѣчались и потому могутъ служить къ пополненію нашихъ свѣдѣній объ институтѣ рабства, который такъ тѣсно, органически связанъ былъ со всею древнею жизнію.

Обычай посвященія рабовъ божествамъ у Грековъ ведетъ свое начало изъ глубокой древности и объясняется вполнѣ понятными причинами: рабы въ древности считались вещью, всецѣло принадлежавшею господину и находившеюся въ полномъ его распоряженіи; подобно другимъ вещамъ, они могли быть жертвуемы или посвящаемы религіозными людьми въ храмы въ благодарность божествамъ за дарованныя ими блага или для ихъ умилостивленія при испрошеніи новыхъ благъ. Посвященные такимъ образомъ рабы, подъ названіемъ ἱερόδουλοι, становились собственностью, вещью храма и должны были служить при немъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ болѣе древнія времена іеродулія существовала de facto, то-есть, что рабы дѣйствительно обязаны были оставаться на службѣ при храмѣ или иными способами доставлять ему доходъ. Но такъ какъ служеніе при храмѣ, понятно, было несравненно лучше службы въ домѣ даже самаго кроткаго и нетребовательнаго господина, и іеродулы стояли подъ особою защитой и покровительствомъ религіи, то конечно, іеродулія казалась имъ завиднымъ, желаннымъ состояніемъ [1]), и вслѣдствіе своего спокойствія и безопасности была даже предпочитаема простому освобожденію. Этимъ легко объясняется тотъ фактъ, что и владѣльцы стали смотрѣть на посвященіе рабовъ въ какой-нибудь храмъ какъ на лучшую награду за ихъ хорошее поведеніе или особыя заслуги [2]). Понятіе рабства, заключавшееся въ словѣ ἱεροδουλεία, мало по малу было забыто, посвященіе въ храмъ сдѣлалось фиктивнымъ и стало просто однимъ изъ способовъ освобожденія рабовъ при посредствѣ божества.

---

¹) Ср. Еврип. Финик. ст. 235, Плут. Amat. 21 и др.

²) Въ одной македонской надписи римскихъ временъ (изд. у Delacoulonche, Berceau de la puissance Macéd. № 29, цит. Фукаромъ въ комментаріи къ тэнарскимъ надписямъ) прямо сказано, что господа посвящаютъ Артемидѣ рабыню въ награду за ея хорошую службу: Ἠξίωσαν οἱ θρέψαντες καλῶς δουλευθέντες ὑπὸ θρεπταρίου ἰδίου, ὀνόματι Ὀνησίμαν, περὶ ἔτη ιή, ἀνατιθήμειν ταύτην εἰν δούλην τῆς θεᾶς.

Изъ различныхъ эпиграфическихъ памятниковъ извѣстны три такихъ способа [1]):

а) Только что упомянутый способъ посвященія.

б) Рабъ былъ освобождаемъ господиномъ не въ храмѣ, а въ народномъ собраніи (ἐν ἐννόμῳ ἐκκλησίᾳ), при чемъ однако забота объ охраненіи его свободы отъ могущихъ быть покушеній на нее ввѣрялась, кромѣ свѣтскихъ властей, еще жрецу, и въ случаѣ дѣйствительнаго покушенія, вся штрафная сумма, взимавшаяся съ виновнаго въ немъ, или половина ея, шла въ пользу храма. Такой способъ освобожденія существовалъ въ Елатеѣ и Стирндѣ при посредствѣ жрецовъ Асклепія [2]).

в) Третій, наичаще встрѣчающійся, способъ состоялъ въ томъ, что господинъ продавалъ раба божеству (ἀπέδοτο τῷ θεῷ) за извѣстную сумму денегъ; по такъ какъ эти деньги были передаваемы въ храмъ самимъ рабомъ (καθὼς ἐπίστευσεν ὁ δεῖνα τῷ θεῷ τὰν ὠνάν), то продажа была чисто фиктивная и вполнѣ равнялась выкупу на волю за деньги, при чемъ однако бывшіе рабы становились подъ покровительство божества. Такой способъ освобожденія, какъ извѣстно, весьма распространенъ былъ въ Дельфахъ при храмѣ Аполлона; точно также въ Тиѳоррѣ рабы были продаваемы Серапису, въ Халіонѣ—Аполлону Островитянину (νησιώτης), въ Навпактѣ—Асклепію и Діонису, въ Арсиноѣ — Гераклу, въ Фистіонѣ—Афродитѣ Сирійской, въ Амфиссѣ—Асклепію [3]).

---

[1]) Ср. указ. ст. Вейля.

[2]) Впрочемъ, въ прежде извѣстной стирійской записи (E. Curtius, Anecd. Delph. стр. 22) нѣтъ упоминанія о народномъ собраніи, и она скорѣе можетъ быть отнесена къ первому способу. Это особенно видно изъ сравненія ея съ первою изъ двухъ новыхъ стирійскихъ записей, изданныхъ лишь недавно Бодуэномъ (Bull. de corr. hellén. т. V, стр. 446); въ этой новой записи прямо сказано, что освобождаемые рабы посвящаются Асклепію: Σωτηρίδας ἀφίητι ἐλευθέρους Ξένωνα καὶ Παρά[μο]νον τοὺς ἰδίους θρεπτούς — — καὶ ἀνατί[θησι] αὐτοὺς τῷ θεῷ Ἀσσκλαπιῷ τῷ ἐν Στείρει. Но вторая изъ новыхъ записей относится дѣйствительно ко второму способу: Ἀφίητι — — τὰ ἴδια σώματα ἐλεύ[θερα] — — καὶ παρακατατ[ίθητι] πα[ρὰ τοὺς] θεοὺς καὶ τὸν Ἀσκλαπιὸν καὶ τοὺς πολίτας καὶ [τοὺς Φ]ωκεῖς. Способъ освобожденія рабовъ въ Θеспіяхъ, извѣстный изъ одной надписи, помѣщенной у Кейля (Zur Syll. inscr. Boeot. № XXI), отличался отъ только что указаннаго нѣкоторыми особенностями.

[3]) Документы, относящіеся къ освобожденію по способамъ *б* и *в*, указаны въ вышеуказанной статьѣ Кейля. Къ нимъ нужно прибавить 34 новыхъ дельфійскихъ акта, которые издалъ Haussoullier въ V томѣ Bull. de corr. hellén.

Обращаясь снова къ обычаю посвященія рабовъ божеству, надо замѣтить прежде всего, что обычай этотъ, въ которомъ нельзя не признать высокой степени гуманности, существовалъ уже въ весьма древнія времена, а не только въ эпоху упадка Греціи, какъ думали Э. Курціусъ и Валлонъ [1]), и что посвященіе это весьма уже рано сдѣлалось фикціей, вполнѣ равносильною отпущенію раба на волю. Драгоцѣнное подтвержденіе этого имѣемъ мы въ настоящее время въ небольшой надписи на бронзовой дощечкѣ, найденной при послѣднихъ раскопкахъ въ Олимпіи и относящейся, вѣроятно, къ VI в. до Р. Хр. [2]). Въ ней, между прочимъ, прямо сказано: Α[γ...]αιδας (?) ἀφῆκε ἐλευθάρως τὸν ἀπὸ Σφίγγας γόνον ἱαρὸς τῶ Διὸς τῶ Ὀλυμπίω. На основаніи этого документа можно, кажется, съ полною увѣренностью признать фиктивнымъ только, а не фактическимъ, и посвященіе рабовъ въ храмъ Посидона на Тэнарѣ, о которомъ извѣстно намъ изъ нѣсколькихъ надписей немного болѣе поздняго времени, вѣроятно — конца V вѣка [3]). За этими почтенными по своей древности документами слѣдуетъ почти двухвѣковой промежутокъ времени, отъ котораго до сихъ поръ нѣтъ надписей, относящихся къ эманципаціи рабовъ: остальныя извѣстныя записи о посвященіи ихъ и о продажѣ божествамъ врядъ ли восходятъ выше второй половины III вѣка до Р. Хр. Въ эти болѣе позднія времена мы видимъ существованіе обычая освобожденія рабовъ подъ видомъ посвященія божествамъ главнымъ образомъ въ городахъ западной части Беотіи: такъ, въ Хэронеѣ рабы были посвящаемы Серапису, Артемидѣ-Илиѳіи и Матери боговъ, въ Орхоменѣ—Серапису и Изидѣ [4]), въ Коронеѣ—Серапису [5]), въ Ли-

---

(стр. 406 — 434), и изданный тамъ же Бодуэномъ (стр. 451) актъ амфиссейскій, изъ котораго мы впервые узнали о существованіи обычая продажи рабовъ и въ Амфиссѣ. Всѣ вопросы, относящіеся къ фиктивной продажѣ рабовъ божествамъ, подробно разработаны на основаніи множества дельфійскихъ актовъ г. Фукаромъ въ упомянутомъ «Mémoire sur l'affranchissement des esclaves», съ всегда присущею этому почтенному ученому точностью научнаго изслѣдованія.

[1]) Anecd. Delph. p. 25; Wallon, Histoire de l'esclavage, t. I ch. 10.

[2]) Издали Кирхгоффъ въ Arch. Zeitung 1879 г. стр. 50, № 225, и Рёль (H. Roehl) въ сборникѣ Inscript. gr. antiquiss. (Berol. 1882), № 552. Имя рабовладѣльца трудно возстановить (Кирхгоффъ читалъ Ἐ[κ]αλίδας, но это чтеніе не подтверждается сохранившимися остатками буквъ).

[3]) Roehl, Inscr. gr. ant. №№ 83, 84, 86, 88.

[4]) Decharme, Inscr. inéd. de Beotie, №№ 1—4 (см. приложеніе къ настоящей статьѣ); Foucart, Bull. de corr. hellén. IV, стр. 91.

[5]) Keil, Syll. inscr. Béeot. № XXI (=Ross, Inscr. gr. ined. I, № 86; Curtius Anecd. Delph. стр. 21).

вадіи—Зевсу-Царю и Трофонію [1]); кромѣ того, въ Давлидѣ—Аѳинѣ Поліадѣ [2]), въ Стиридѣ—Асклепію [3]), въ Ѳермонѣ—Зевсу, Землѣ и Солнцу [4]), иногда также и въ Дельфахъ Аполлону [5]).

Что въ эти времена посвященіе раба божеству уже вполнѣ равнялось его освобожденію, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, и въ любомъ изъ извѣстныхъ намъ документовъ можно найти неопровержимыя тому доказательства. Въ Коронейской надписи, напримѣръ, подобно тому какъ и во множествѣ документовъ о фиктивной продажѣ, прямо сказано, что посвященіе раба сдѣлано съ тою цѣлію, чтобъ онъ былъ свободенъ; далѣе въ этой же надписи, какъ и во многихъ другихъ, мы видимъ опредѣленіе относительно того, кто обязанъ защищать посвященнаго въ случаѣ противозаконныхъ покушеній обратить его въ рабство [6]). Во множествѣ записей къ фразѣ „такой-то посвящаетъ такого-то раба“ прибавлено: „ни отъ кого ни въ чемъ не зависящаго“, въ смыслѣ предложенія цѣли (μηθενὶ μηθὲν προσήκοντα=ἐφ' ᾧτε μηθενὶ μηθὲν προσήκειν). Самое выраженіе „посвятить“ не разъ смѣшано съ выраженіемъ „освободить“ или „отпустить на волю“ [7]). Не менѣе вѣское доказательство видимъ мы и въ томъ, что въ храмъ могли быть посвящаемы не только рабы, но и вольноотпущенники, чему можно указать два примѣра [8]).

---

[1]) Foucart, Bull. de corr. hell. IV, стр. 96; Стаматакисъ, 'Αθήναιον т. IX, стр. 362.

[2]) C. I. Gr. № 1725 (=Le Bas, Grèce du Nord, № 811); Ross, Inscr. in. I, № 81 (=Le Bas № 812).

[3]) Beaudouin, Bull. de corr. hellén. V стр. 446.

[4]) Lolling, Mittheil. d. Deutsch. Arch. Inst. IV, стр. 222.

[5]) Conze et Michaelis, Annali dell' Instituto, т. XXXIII (1861) стр. 67.

[6]) Οἱ δεῖνες ἀνατιθέασι [τὸν ἴδιον δοῦλον] τὸν δεῖνα ἱερὸν τῷ Σεράπι — — — [ἐφ'ᾧτε] εἶναι ἐλεύθερον μὴ προσήκον[τα μηθενὶ μηθέν]. ἐὰν δέ τις ἐφάπτηται ε[ἰ]ς δουλή[ας χάριν, ἀποτισάτω] πρόστιμον δραχμὰς χιλίας ἱερὰς τ[ῷ Σεράπι· συλάτω δὲ] αὐτὸν ὁ ἱερεὺς κα[ὶ τῶν] ἄλλων ὁ [παρατυγχάνων] κτλ.—Ср. въ Давлійской надписи (Ross, № 81): 'Επεί κα δὲ οὗτοι ἀποθάνωντι, Κάλλων Μνασία καὶ Δαμὼ Φίλωνος, τοὺς ἀνέθηκαν τᾷ 'Αθανᾷ ἐλευθέρους [εἶ]μεν πάντας.—Ср. также цитированную выше Стирійскую надпись.

[7]) Напр. въ Хэронейской записи C. I. Gr. № 1608, a: Такія-то ἀφιᾶσι τὴν ἰδίαν δούλην ἐλευθέραν, ἱερὰν τῷ Σαράπι — — τὴν ἀνάθεσιν ποιούμενοι κτλ. — Ср. ibid., c.

[8]) 'Αλε[ξ...] 'Αθανίαο Λε[βαδ]ε[ὺ]ς ἀνατίθει[τι τ]ὰν Fιδίαν ἀπε[λε]ύθερον αὐτῶ Εὐδ[...] ἱαρὰν τεῖ Σαράπι κτλ. Стамат. стр. 357, № 5 (NB. Надписи, изданныя Стаматакисомъ, я и впредь буду отмѣчать, для краткости, начальными буквами

Понятное дѣло, что, разъ отпустивъ раба на свободу, бывшій господинъ его не могъ бы посвятить его въ храмъ, если бы въ этомъ посвященіи былъ хоть малѣйшій намекъ на дѣйствительную іеродулію. Такое посвященіе вольноотпущенника можно объяснить себѣ только желаніемъ его бывшаго господина какъ можно болѣе улучшить его новое положеніе, поставивъ его подъ покровительство религіи, которымъ, какъ мы увидимъ ниже, пользовались посвященные не смотря на свою фактическую независимость отъ храма,—и тѣмъ самымъ избавивъ его отъ обязанности имѣть патрона (προστάτης), которую греческіе законы налагали на вольноотпущенныхъ [1]). Въ одной изъ Ливадійскихъ надписей можно замѣтить, правда, слѣды фактической іеродуліи: посвященному рабу поставлено въ обязанность служить при жертвоприношеніяхъ тѣмъ божествамъ, которымъ онъ былъ посвященъ, то-есть Зевсу-Царю и Трофонію [2]). Но именно этотъ фактъ, что владѣлецъ раба счелъ нужнымъ поставить это условіе въ записи о посвященіи, свидѣтельствуетъ о томъ, что прямое слѣдствіе посвященія, служеніе при храмѣ, было уже совершенно забыто въ то время, къ которому относится посвященіе, и не будь это условіе поставлено въ записи, рабъ ни чуть не считалъ бы себя обязаннымъ нести какую-нибудь службу при храмѣ.

Различныя болѣе или менѣе стѣснительныя обязательства, которыми господа обусловливали рабамъ ихъ посвященіе, также неоспоримо доказываютъ, что въ тѣ времена, которымъ принадлежатъ вышеуказанныя записи, при посвященіи рабовъ на первомъ планѣ стоялъ не религіозный актъ, а его слѣдствіе, то-есть, освобожденіе посвящаемыхъ рабовъ; оно исключительно имѣлось въ виду господами, которые, давая рабамъ такое высокое благодѣяніе, какъ свобода, и притомъ давая его даромъ, безъ выкупа, не стѣснялись поэтому ставить для его достиженія, по своему личному усмотрѣнію, разныя условія, которыя совершенно не согласуются съ идеею посвященія и подчасъ даже не совмѣстны съ достоинствомъ религіи. Но прежде, чѣмъ перейдти къ разсмотрѣнію такихъ условій, надо ска-

---

его фамиліи, съ указаніемъ на соотвѣтствующую страницу IX тома журн. 'Αθήναιον). — 'Αγαθοκλῆς Κάλλωνος ἀνατίθησι τὸν ἴδιον ἀπελεύθερον Δάον ἱερόν κ. τ. λ. въ одной записи изд. Преллеромъ.

[1]) Ср. Anecd. Delph. стр. 19.

[2]) 'Ανδρικὸν δὲ λειτωργῖμεν ἐν τῆς θοσίης τῶν θιῶν οὗτων.—Bull. de corr. hell. V, 97.

зать нѣсколько словъ вообще о редакціи Хэронейскихъ записей и попробовать опредѣлить ближе время, къ которому онѣ относятся.

Хэронейскія записи о посвященіи рабовъ отличаются отъ однородныхъ съ ними документовъ другихъ беотійскихъ и фокидскихъ городовъ особенною краткостью и простотою. Если при посвященіи господинъ не налагалъ на посвящаемаго раба какихъ-либо обязательствъ, то оно было записываемо въ слѣдующей формѣ: „При такомъ-то архонтѣ, такого-то мѣсяца и числа, такой-то или такая-то (имя и отчество владѣльца или владѣлицы) посвящаетъ такому-то божеству своего собственнаго раба (воспитанника)—или рабыню (воспитанницу),—по имени такого-то (иногда при этомъ прибавляется выраженіе: ни отъ кого ни въ чемъ не зависящаго), совершая посвященіе при посредствѣ совѣта по закону". При сравненіи этой редакціи съ редакціей посвященій въ другихъ городахъ замѣчаются слѣдующія важныя отличія: а) въ Хэронеѣ не были обозначаемы въ записяхъ лица, на которыхъ возлагалась обязанность защищать посвященнаго въ случаѣ противозаконнаго покушенія на его свободу, тогда какъ въ записяхъ другихъ городовъ эти лица были почти всегда указываемы (см. напримѣръ, въ приложеніи Орхоменскія записи); но за то б) заключительная фраза хэронейскихъ записей „совершая посвященіе при посредствѣ совѣта по закону" не встрѣчается въ документахъ о посвященіи, извѣстныхъ изъ другихъ городовъ. Къ этимъ отличіямъ мы еще возвратимся впослѣдствіи, почему здѣсь и ограничиваемся только указаніемъ на нихъ.

Годы хэронейскихъ записей обозначены, по греческому обыкновенію, именами архонтовъ-эпонимовъ, за весьма рѣдкими исключеніями. Эти имена даютъ намъ возможность сразу опредѣлить приблизительно время если не всѣхъ новыхъ записей, то по крайней мѣрѣ большинства ихъ, и именно отнести ихъ къ тому же времени, которому принадлежатъ уже давно извѣстные документы, помѣщенные въ C. I. Gr. подъ № 1608: изъ числа семи архонтовъ-эпонимовъ, записанныхъ въ заголовкахъ этихъ документовъ, трое встрѣчаются и въ вновь изданныхъ записяхъ, именно слѣдующіе: Πάτρων (4 раза), Ἀντίγων, Εὔανδρος и Καφισίας (по 1 разу). Архонтъ Ἀρχέδαμος встрѣчается въ одной изъ записей, изданной Преллеромъ, и въ двухъ новыхъ. Кромѣ того, и въ новыхъ документахъ встрѣчаются случаи, что въ годъ одного и того же архонта [1]) было по нѣскольку посвященій:

[1]) Не извѣстно, возможно ли было въ Хэронеѣ избраніе одного и того же

такъ, отъ годовъ архонтовъ Дексиппа и Θеодора мы имѣемъ по четыре посвященія, отъ годовъ Калликона, Никона, Діоклида и Критолая— по два; имя архонта Евбула, стоящее въ заголовкѣ № 8, встрѣчается также въ одной изъ надписей Стаматакиса (стр. 359, № 4). Можно было бы, пожалуй, подумать, что названные архонты, встрѣчающіеся въ разныхъ записяхъ, не одни и тѣ же лица, а только тёзки и принадлежатъ разнымъ временамъ; но такое предположеніе, само по себѣ мало вѣроятное для всѣхъ двѣнадцати названныхъ лицъ, еще болѣе теряетъ свою силу отъ того, что во многихъ, какъ новыхъ, такъ и прежде извѣстныхъ документахъ, попадаются одни и тѣ же имена рабовладѣльцевъ и другихъ лицъ, не оставляющія сомнѣнія въ принадлежности документовъ къ небольшому періоду времени; относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ именъ можно сказать съ полною увѣренностію, что они обозначаютъ въ разныхъ записяхъ одни и тѣ же лица, относительно другихъ это можно только предполагать. Если же въ записяхъ разныхъ годовъ фигурируютъ одни и тѣ же лица, то эти годы, понятно, не могутъ отстоять одинъ отъ другаго на значительные промежутки времени, — и такимъ образомъ является возможность сдѣлать нѣсколько попытокъ группировки архонтовъ по времени, хотя, конечно, попытки эти останутся пока безъ важныхъ результатовъ [1]). Такъ напримѣръ, годъ архонта Антигона не можетъ отстоять далеко отъ года архонта Критолая, такъ какъ одна и та же супружеская чета, Μίλων Ἱππίνου и Τηλεμαχὶς Εὐβούλου, посвящала рабовъ въ оба эти года [2]). Ἄλιππος Ἱππίου въ годъ архонта

лица въ должность архонта нѣсколько разъ; но уже по аналогіи съ тѣмъ, что мы знаемъ объ избраніи ихъ въ другихъ греческихъ государствахъ, можно отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, да кромѣ того, въ случаѣ вторичной и т. д. службы архонтовъ въ документахъ безъ сомнѣнія была бы прибавляема отмѣтка объ этомъ (τὸ δεύτερον и т. д.).

[1]) Порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ разныя записи на одной и той же сторонѣ камня, конечно, долженъ быть принимаемъ въ разчетъ при опредѣленіи послѣдовательности архонтовъ, но особенно важнаго значенія ему придавать нельзя, потому что а) какъ мнѣ довелось лично убѣдиться, записи сдѣланы иногда не одна подъ другою, а въ разныхъ мѣстахъ поверхности камня; б) записи были вырѣзываемы на томъ или другомъ камнѣ, очевидно, по произволу лицъ, завѣдывавшихъ ихъ вырѣзкою: иначе невозможно объяснить тотъ фактъ, что разныя посвященія, совершенныя въ одномъ и томъ же году, вырѣзаны на разныхъ камняхъ; поэтому и нельзя думать, что архонты, имена которыхъ встрѣчаются на одномъ камнѣ или даже на одной сторонѣ камня, слѣдовали другъ за другомъ непосредственно или съ небольшими промежутками.

[2]) C. I. Gr. № 1608, i; Стам. 357, 3 и 4.

Архедама посвятилъ рабыню, а при арх. Патронѣ былъ іерархомъ [1]). Εὔανδρος Τιμογίτονος записанъ въ качествѣ свидѣтеля при посвященіяхъ, совершенныхъ въ годы Анхіара (запись слѣдуетъ на камнѣ непосредственно за записью года Архедама) и Діоклида (Ст. 359, № 4); изъ записи же года Діоклида слѣдуетъ, что архонтъ Евбулъ былъ если не непосредственнымъ, то во всякомъ случаѣ близкимъ предшественникомъ этого архонта (см. ниже). Ἀριστοκλῆς Καλλικράτιος посвятилъ раба и рабыню въ годъ Никона (Ст. 358, № 9 и нашъ № 6f) и, вмѣстѣ съ братомъ, раба въ годъ Аѳанія (у Преллера). Ἀντίγων Ἀριστογείτονος былъ свидѣтелемъ при одномъ посвященіи, совершенномъ въ годъ арх. Аристона (Стам. 319), а при арх. Мелитонѣ самъ посвятилъ рабыню (id. 353, № 2). Годъ Аристона можно сблизить еще съ годомъ Кафисія подъ условіемъ допущенія маленькой невѣрности въ копіи Стаматакиса или въ C. I. Gr.: если имя одного изъ свидѣтелей посвященія, совершеннаго въ годъ Аристона, читать [Κ]ράτων Ἀμινίου вмѣсто Ἐράτων (или наоборотъ), то это лицо можно отожествить съ тѣмъ, которое въ годъ Кафисія посвятило одну изъ своихъ рабынь (C. I. Gr. 1608 h).—Точно также годъ вышеупомянутаго арх. Антигона можетъ быть сближенъ еще съ годомъ Епитима, если предположить, что Παρθένα ἱερὰ τοῦ Σεράπιδος, совершившая посвященія рабынь въ эти годы (Ст. 320 и 360), одна и та же личность.

Приведенныя доказательства, надѣюсь, достаточно убѣдительны для того, чтобы признать большинство новыхъ хэронейскихъ документовъ приблизительно одновременными между собою и съ 8-ю документами, изданными въ C. I. Graec. Постараемся теперь, по мѣрѣ возможности, опредѣлить степень ихъ древности. По мнѣнію Бёка, документы, помѣщенные въ C. I. Gr., не могутъ быть древнѣе 130—150 Олимп. (260—180 до Р. Хр.), на томъ основаніи, что культъ Сераписа распространился въ Елладѣ не ранѣе временъ египетскихъ Птолемэевъ, и что всѣ записи были сдѣланы уже на обще-еллинскомъ діалектѣ (κοινή), а не на беотійскомъ.

Въ новыхъ записяхъ нѣтъ никакихъ признаковъ, на основаніи ко-

[1]) Стам. 356, δ, № 1, и 359. Имя и отчество іерарха въ обѣихъ записяхъ года Патрона не сохранилось вполнѣ и не возстановлено греческимъ издателемъ, хотя это возстановленіе, можно сказать, прямо бросается въ глаза, а запись года Архедама дѣлаетъ его несомнѣннымъ: въ 1-й записи г. Стаматакисъ прочиталъ παρόντος α|[ὐτῷ τοῦ ἱε]ράρχου Ἀλίππου |[τοῦ...]του, а во 2-й παρόν|[τος αὐ]τῇ τοῦ ἱεράρχου |[.....]ου τοῦ Ἱππίου. Что въ 1-й записи ι была принята за τ, въ этомъ нѣтъ ничего мудренаго.

торыхъ можно было бы прямо заключить, какому времени принадлежатъ онѣ. Но для того, чтобы вывести такое заключеніе путемъ соображеній, для насъ весьма важенъ тотъ несомнѣнный фактъ, что записи относятся къ эпохѣ, такъ сказать, переходной, когда беотійскій діалектъ, по крайней мѣрѣ въ письменныхъ документахъ, сталъ уступать свое мѣсто обще-еллинскому. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 35 записей Стаматакиса почти половина (17), а изъ 31 нашихъ гораздо болѣе половины (20), составлены на беотійскомъ діалектѣ, но уже далеко не чистомъ, а съ другой стороны, въ языкѣ остальныхъ записей замѣчается еще много беотизмовъ, особенно въ именахъ собственныхъ [1]). Особенно интересно то, что даже между записями, относящимися къ одному и тому же году, встрѣчаются составленныя на томъ и другомъ языкѣ: такъ, при арх. Патронѣ 4 посвященія записаны на обще-еллинскомъ языкѣ и 1 на беотійскомъ, при Дексиппѣ и Θеодорѣ — по 3 на общемъ и по 1 на беотійскомъ, при Архедамѣ — два на беотійскомъ и одно на общемъ. То же самое можно сказать и про тѣ записи, которыя хотя относятся къ разнымъ годамъ, но содержатъ въ себѣ упоминанія объ однихъ и тѣхъ же лицахъ: напримѣръ, посвященіе, совершенное Алипомъ, сыномъ Гиппія, при арх. Архедамѣ, записано на беотійскомъ діалектѣ, а 2 посвященія года Патрона, при которыхъ Алипъ присутствовалъ въ званія іерарха,—на обще-еллинскомъ; имя Антигона сына Аристогитона, какъ мы видѣли выше, встрѣчается въ 2-хъ документахъ, относящихся къ годамъ архонтовъ Мелитона и Аристона; изъ нихъ въ первомъ мы видимъ беотійскій діалектъ, во второмъ—обще-еллинскій.

Констатировавъ фактъ принадлежности нашихъ записей ко времени исчезновенія беотійскаго діалекта въ письменныхъ документахъ г. Хэронеи, остается по возможности опредѣлить это время. За неимѣніемъ данныхъ для этого въ эпиграфическихъ памятникахъ собственно хэронейскихъ можно, кажется, принять во вниманіе данныя, которыя представляютъ намъ документы другихъ ближайшихъ беотійскихъ городовъ, напримѣръ, Орхомена. Правда, что мѣстный діалектъ исчезъ не въ одно и то же время во всѣхъ городахъ Беотіи: такъ напримѣръ, въ Θеспійскихъ документахъ обще-еллинскій языкъ былъ въ

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ беотизмовъ: ἀντί[θησι]—Ст. 356, δευτ. πλ. 1; ἱαρά—360, ε; Ἀγαθαμερίς (355, δευτ. πλ. № 3), Καφισίας (356, 1 и др.), Ἀναξίδαμος (ibid.), Καλλικράτιος род. п. отъ Καλλικράτης (358, 9), Ἀθανίας (360, ε), πεντεκηδεκάτη и κὰτ τὸν (нашъ № 1 c), Δάμων Καφισίωνος (нашъ № 5) и пр.

употребленіи уже около 135 Олимпіады [1]), тогда какъ въ Орхоменѣ мѣстный діалектъ сохранился долѣе [2]); но болѣе ранняя замѣна беотійскаго діалекта обще-еллинскимъ въ Ѳеспіяхъ легко можетъ быть объяснена болѣе близкимъ сосѣдствомъ ихъ съ Аттикою, при которомъ языкъ послѣдней не могъ не оказывать вліянія на мѣстный діалектъ, тогда какъ въ городахъ, болѣе отдаленныхъ отъ Аттики и близкихъ между собою, мѣстное нарѣчіе могло удержаться дольше и потомъ исчезнуть въ одно, приблизительно, время. На основаніи этихъ соображеній мнѣ представляется возможнымъ при опредѣленіи времени исчезновенія беотійскаго діалекта въ Хэронейскихъ документахъ руководствоваться пока данными, вытекающими изъ пощаженныхъ до насъ вѣками памятниковъ Орхоменскихъ. Въ числѣ же этихъ послѣднихъ въ настоящее время есть такіе, которые представляютъ довольно точныя указанія на время начала употребленія τῆς κοινῆς въ этомъ городѣ. Еще очень недавно въ Скрипу (Орхоменѣ) найдена большая каменная плита, покрытая со всѣхъ сторонъ надписями; на ней оказались 7 документовъ [3]), относящихся къ денежному займу, сдѣланному городомъ Орхоменомъ у богатой ѳеспійской гражданки Никареты, и 3 списка молодыхъ людей, поступившихъ впервые въ военную службу. Г. Фукаръ, тщательно обработавшій и издавшій эти документы [4]), на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ отнесъ ихъ

---

[1]) См. комментарій Бёка къ C. I. Gr. № 1580.

[2]) Прямое доказательство этого представляютъ 2 списка побѣдителей на состязаніяхъ въ праздники Харитъ (Χαριτήσια) въ Орхоменѣ (C. I. Gr. № 1583= *Le Bas*, Grèce du Nord № 626) и Музъ (Μουσεῖα) въ Ѳеспіяхъ (*Decharme*, Inscript. de Béotie № 26): первый составленъ на беотійскомъ діалектѣ, второй — на обще-еллинскомъ, а между тѣмъ они несомнѣнно очень близки одинъ къ другому по времени, такъ какъ четверо изъ побѣдителей, внесенныхъ въ Орхоменскій каталогъ, записаны и въ Ѳеспійскомъ. Для приблизительнаго опредѣленія времени этихъ каталоговъ могъ бы служить еще аѳинскій декретъ C. I. A. II, 1, № 420, года арх. Зопира, еслибы можно было съ увѣренностью сказать, что записанный въ этомъ декретѣ въ числѣ эпимелетовъ Βάκχιος Βαχχίου Θριάσιος — одно и то же лицо съ Аѳиняниномъ того же имени и отчества, фигурирующимъ въ числѣ побѣдителей въ Ѳеспійскомъ каталогѣ. Но возможно, конечно, что они были только тезки или отецъ и сынъ. Архонта Зопира г. Кёлеръ (Mitth. d. D. Archäol. Inst. III, 258) ставитъ около 235 г. до Р. Хр.

[3]) Г. Фукаръ считаетъ 8. О причинахъ нашего разногласія см. въ моемъ сочиненіи «О нѣкоторыхъ эолич. и дорич. календаряхъ», прилож. 1-е, стр. 185. Тамъ же приведенъ полный текстъ документовъ по моему собственному сличенію.

[4]) Bull. de corr. hellén. III (1879), стр. 459—465; IV, стр. 1—24 и 77—89; дополненія и исправленія тамъ же, стр. 535—540.

къ промежутку времени отъ 223 до 192 г. до Р. Хр. Изъ числа этихъ документовъ на обще-еллинскомъ языкѣ написанъ одинъ контрактъ представителей г. Орхомена съ Никаретою, который—что особенно замѣчательно—составленъ, вѣроятно, въ одинъ день съ первымъ договоромъ объ уплатѣ долга, написаннымъ, подобно всѣмъ остальнымъ документамъ, на беотійскомъ діалектѣ. Къ концу III в. принадлежитъ, по мнѣнію Фукара [1]), и давно извѣстный Орхоменскій декретъ о дарованіи проксеніи Сосибію сыну Діоскурида Александрійцу, составленный на беотійскомъ діалектѣ: этого Сосибія Фукаръ отожествляетъ съ извѣстнымъ изъ Полибія (V, 35 сл.) и Плутарха (Клеом. 33 сл.) наперстникомъ Птолемэя Филопатора, столь много содѣйствовавшимъ гибели Клеомена III. Съ другой стороны, списокъ побѣдителей на состязаніяхъ въ Харитесіи въ Орхоменѣ, помѣщенный въ C. I. Gr. подъ № 1584 и отнесенный Бёкомъ, на основаніи нѣсколькихъ доводовъ, приблизительно къ 145 Олимпіадѣ (200 до Р. Хр.), записанъ уже на обще-еллинскомъ языкѣ. Такимъ образомъ только что приведенные документы позволяютъ заключить, что мѣстный діалектъ сталъ выходить изъ употребленія въ Орхоменѣ въ самомъ концѣ III или началѣ II в. до Р. Хр. Къ этому же, приблизительно, времени можно пріурочить и занимающія насъ Хэронейскія записи, и такимъ образомъ сократить на 3—4 десятилѣтія промежутокъ времени, въ которомъ были поставлены Бёкомъ извѣстныя ему 8 записей. Характеръ письма надписей указываетъ на эту же эпоху или нѣсколько болѣе позднюю [2]).

Обозначеніе мѣсяца и числа освобожденія раба—подробность, отличающая хэронейскія записи отъ однородныхъ съ ними документовъ изъ другихъ беотійскихъ городовъ [3]). Наибольшее количество

---

[1]) Bull. de corr. hellén. IV, стр. 97.

[2]) И по мнѣнію Р. Мейстера (Die griech. Dialekte, Bd. I, Götting. 1882, стр. 203) «Die Inschriften zeigen uns den böotischen Dialekt bis in die erste Hälfte des 2. Jahrh. v. Chr. im Schriftgebrauche lebendig (Ueber die Chronologie des böotischen Vocalismus, Fleckeisens Ib. 1879. S. 520); beträchtlich länger erhielten sich dialektische Eigenthümlichkeiten in Eigennamen».

[3]) Одинъ только мѣсяцъ, безъ числа, обозначаемъ былъ въ дельфійскихъ актахъ о продажѣ рабовъ; обозначеніе мѣсяца и числа встрѣчается въ ѳессалійскихъ спискахъ вольноотпущенныхъ, уплатившихъ въ городскую казну установленный взносъ (Heuzey, Mission archéol. en Macédoine, №№ 215, 218, 222, стр. 435 и сл.; его же Le mont Olympe et l'Acarnanie, №№ 4, 11 и др.). Въ числѣ мѣсяцевъ, отмѣченныхъ въ новыхъ записяхъ, находится одинъ новый, Ἀγριώνιος, послѣд-

посвященій въ извѣстныхъ до сихъ поръ хэронейскихъ документахъ приходится на мѣсяцы Ὁμολώιος и Ἀλαλκομένιος. Фактъ этотъ, неважный самъ по себѣ, едва ли можетъ быть признанъ случайнымъ при значительномъ количествѣ документовъ, которымъ мы обладаемъ, хотя для удовлетворительнаго объясненія его нѣтъ никакихъ данныхъ. Можно развѣ только предположить, что въ эти мѣсяцы были какіе-нибудь праздники, во время которыхъ посвященіе (то-есть, освобожденіе) рабовъ было особенно въ обычаѣ [1]).

Посвященія были совершаемы преимущественно два раза въ мѣсяцъ, 15-го и 30-го числа (особенно часто 15-го). Въ восьми записяхъ, которыя были извѣстны Бёку, отмѣчены исключительно эти два числа, и Бёкъ объяснилъ это тѣмъ, что въ эти дни происходили засѣданія совѣта (при посредствѣ котораго совершались посвященія). Однако вновь изданныя надписи показываютъ, что могли быть и исключенія изъ этого правила (то-есть, что посвященія могли быть совершаемы и въ другіе дни), которыхъ не допускалъ Бёкъ: одно посвященіе совершено 4-го числа (τετράδι, Стам. 354), другое 20-го (ἰκάδι, ibid. 355, № 3), третье—ὀγδ[όη] ἐπὶ Ϝικάδι (ibid. 354), еще одно—τετράδι ἀπιόντος (нашъ № 10 b). Но это, конечно, были исключительные случаи, обусловленные какими-нибудь особыми обстоятельствами.

Перенося теперь наше вниманіе на различныя условія, которыми владѣльцы рабовъ обставляли ихъ освобожденіе, необходимо предварительно замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ условія эти совершенно сходны съ тѣми, которыя встрѣчаются въ дельфійскихъ актахъ о продажѣ рабовъ Аполлону Пиѳійскому и уже подробно разобраны Фукаромъ въ его „Mémoire sur l'affranchissement des esclaves", о которомъ мы уже упоминали. Поэтому мы коснемся этихъ условій по возможности вкратцѣ.

Результатъ посвященія—освобожденіе раба—нерѣдко входилъ въ силу немедленно (въ нѣкоторыхъ новыхъ хэронейскихъ записяхъ и въ одной ливадійской прямо сказано: ὁ δεῖνα ἀνατίθησι — — ἀπὸ τῆςδε τῆς ἡμέρας; немедленное же освобожденіе надо, конечно, подразумѣ-

---

шій мѣсяцъ, котораго недоставало для полнаго возстановленія беотійскаго календаря. Я полагаю, что Агріоній былъ седьмымъ мѣсяцемъ беотійскаго года и соотвѣтствовалъ аттическому Скирофоріону, вопреки мнѣнію Липсіуса, который поставилъ его на четвертое мѣсто въ году. Основанія для моего разсчета см. въ моей книгѣ о календаряхъ, стр. 72.

[1]) Ср. Wallon, Histoire de l'esclavage т. I гл. 10 стр. 337 (изд. 2-е).

вать и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда время вступленія его въ силу точнѣе не обозначено); но встрѣчается также много случаевъ, въ которыхъ посвящаемому рабу вмѣняется въ обязанность оставаться въ домѣ бывшаго владѣльца или владѣлицы и служить имъ безупречно (ἀνεγκλήτως, sans reproche [1]) по переводу г. Фукара) въ теченіе такого времени, какое имъ благоугодно было назначить; чаще всего это условіе простиралось до конца жизни владѣльца или владѣлицы [2]), иногда также до смерти жены владѣльца [3]), мужа владѣлицы (Стам. 360, ε) или ихъ родителей (Стам. 354, γ, 1); иногда рабу поставлялось въ обязанность служить не самому владѣльцу, а его ближайшимъ роднымъ: матери (Стам. 357, 7; C. I. Gr. 1608 b), женѣ (Стам. 358, 9) и др. Въ одной изъ ливадійскихъ записей (Foucart, Bull. IV, 96) господинъ ставитъ посвящаемому рабу въ обязанность служить въ теченіе 10 лѣтъ его матери, согласно приказанію отца (παρμείναντα πὰρ τὰν ματέρα Ἀθανοδώραν ϝέτια δέκα καθὼς ὁ πατεὶρ ποτέταξε), а въ случаѣ смерти матери до истеченія этого времени—ему самому все остальное время до окончанія 10 лѣтъ. Подобнаго рода условія встрѣчаются сплошь да рядомъ и въ дельфійскихъ актахъ и разобраны г. Фукаромъ въ 3-й главѣ его „Мемуара".

Дѣти рабыни въ Греціи слѣдовали, какъ извѣстно, состоянію матери и дѣлались собственностью ея господина, подобно тому, какъ приплодъ его стадъ. Количество такихъ рабовъ, рожденныхъ въ домѣ господъ (ἐνδογενεῖς, οἰκογενεῖς), въ Греціи было весьма значительно, если судить по дельфійскимъ надписямъ [4]). Въ этихъ актахъ, какъ и въ новыхъ хэронейскихъ, нерѣдко встрѣчаются случаи, что маленькія дѣти рабынь были освобождаемы вмѣстѣ съ матерями; но если бывшая рабыня послѣ своей продажи или посвященія божеству обязана была оставаться еще извѣстное время на службѣ въ домѣ господина, то участь дѣтей, которыя могли у нея родиться въ теченіе этого времени, зависѣла отъ воли господина и иногда была опредѣляема особымъ условіемъ въ актѣ освобожденія. Условіе это почти всегда было благопріятно для будущихъ дѣтей рабыни: они были

---

[1]) Это значеніе слова ἀνεγκλήτως подтверждается, между прочимъ, варіантомъ παραμείνασαν ἀγαθήν въ записи Стам. 353, № 3.

[2]) C. I. Gr. 1608 a, f, g, h; Стам. 320, 355 № 2, 358 № 8, въ нашихъ записяхъ №№ 1 c, 2 b и c, 4 a, 5, 7, 9 b и 10 a.

[3]) C. I. Gr. 1608 e; Стам. 353 № 3, 356 № 1.

[4]) См. Foucart, Mémoire, стр. 25.

признаваемы свободными [1]); но самый тотъ фактъ, что упоминаніе объ этомъ считалось необходимымъ въ актѣ освобожденія, показываетъ, что пока свобода посвященной рабыни оставалась номинальною, а не фактическою, она не имѣла своимъ непремѣннымъ слѣдствіемъ свободу ея дѣтей,—и дѣйствительно, извѣстенъ примѣръ (въ Хэронеѣ, C. I. Gr. 1608 b), что при посвященіи двухъ рабынь дѣти, которыя могли у нихъ родиться во время ихъ послѣдующей службы при матери ихъ владѣлицы, заранѣе были объявлены рабами этой послѣдней, между тѣмъ какъ маленькій сынъ одной изъ этихъ рабынь посвященъ былъ вмѣстѣ съ матерью.

Первая изъ изданныхъ Стаматакисомъ записей (стр. 319) весьма интересна по тѣмъ условіямъ, которыми владѣлецъ обязалъ посвящаемаго имъ раба. Въ ней освобожденіе можетъ быть достигнуто рабомъ только посредствомъ значительныхъ денежныхъ затратъ въ пользу господина и потому представляется настоящимъ выкупомъ на волю, слегка только, да и то неудачно, замаскированнымъ. Привожу эту запись цѣликомъ:

Ἄρχοντος ἐγ Χαιρωνείαι Ἀρίστωνος, | μηνὸς Ἀγριωνίου πεντεκαιδεκάτῃ, | Θέων Θεομνήστου Φανατεὺς ἀνέθη|κεν ἐγ Χαιρωνείαι ἱερὸν τῶι Σαράπι τὸ|ν ἴδιον θρεπτὸν, ὃν εἶχε οἰκογενῆ, ὧι ὄνο|μα Σώσων, τὴν ἀνάθεσιν ποιούμενος | διὰ τοῦ συνεδρίου κατὰ τὸν νόμον Χαι|ρωνέων. Ἐξενεγκάτω δὲ Σώσων τὸν | ἔρανον, ὃν συνάγαγε Θέων ἐμ Φανατεῖ, | τὸ(ν) ὑπὲρ Θέωνος ὄνομα, ἕως ἂν τέλος λά|βῃ ὁ ἔρανος. Τὴν δὲ οἰκίαν, ἧς ἔχει τὴν κτ|ῆσιν Ἀρμέας Ἀρίστωνος Φανατεὺς πε|πιστευμένος παρὰ Σώσωνος, κομισά|σθω Σώσων τὸ ἐπ᾽ αὐτῇ δάνειον καὶ κελευ|σάτω ἀποδοῦναι Τ τὴν ὠνὴν τῆς οἰκίας | Ἀρμέαν Θέωνι. Μάρτυρες (3 Фанатейца и 3 Хэронейца).

Владѣлецъ раба Θеонъ былъ гражданиномъ фокидскаго города Фанатея (или Панопея; названіе Φανατεύς было особенно употребительно въ позднѣйшія времена), лежавшаго только въ 20 стадіяхъ отъ Хэронеи къ западу [2]). Посвященіе совершено имъ въ Хэронеѣ по хэронейскому закону и потому по формѣ нисколько не отличалось отъ посвященій, которыя были совершаемы самими Хэронейцами. Важны только обязательства, которыми Θеонъ обусловилъ своему рабу Сосону его освобожденіе. Первое изъ нихъ не ново: подобныя ему не

[1]) Такой примѣръ имѣемъ мы и въ одной изъ новыхъ хэронейскихъ записей (Стам. 320): Εἰ δέ κα γεννάσει Σουρίνα (рабыня) ἔτι ζώσας Παρθένας (имя госпожи), ἔστω τὸ γενόμενον ἐλεύθερον.

[2]) Bursian, Geographie v. Griechenland, т. I стр. 168.

разъ встрѣчались уже въ дельфійскихъ актахъ о продажѣ рабовъ и объяснены Фукаромъ на стр. 28-й его „Мемуара". Въ греческихъ республикахъ, говоритъ онъ,—и въ особенности въ Аѳинахъ, граждане составляли общества взаимнаго вспомоществованія, которыя въ случаѣ надобности ссужали своимъ членамъ подъ залогъ имущества [1]) или за поручительствомъ бóльшія или меньшія денежныя суммы подъ условіемъ возвратить ихъ или въ опредѣленный срокъ, или по мѣрѣ возможности. И вотъ, отпуская на волю рабовъ, владѣльцы иногда ставили имъ въ обязанность уплатить суммы (ἔρανοι), которыя были взяты ими въ долгъ, или за которыя они поручились, а для того, чтобы пресѣчь рабамъ возможность уклониться отъ этой уплаты, владѣльцы обязывали ихъ оставаться у нихъ на службѣ до окончанія ея,—„удобное средство платить свои долги и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ можно дольше пользоваться услугами рабовъ". Нѣсколько иное объясненіе дано Валлономъ въ его „Исторіи рабства": по его мнѣнію, освобождаемые рабы обязываемы были платить за господъ ихъ членскіе взносы въ общества, членами которыхъ они состояли, такъ что подъ словомъ ἔρανοι Валлонъ понимаетъ самыя общества, а не занятыя въ нихъ суммы [2]). Мнѣ кажется, что если разсмотрѣть внимательно выраженія, въ которыхъ формулировано въ дельфійскихъ актахъ разбираемое условіе, то необходимо будетъ принять, что оба названные ученые отчасти правы: въ однихъ случаяхъ редакція условія заставляетъ думать скорѣе объ уплатѣ суммъ, которыя были взяты господиномъ въ долгъ, или за которыя онъ поручился [3]), въ другихъ—объ уплатѣ членскихъ взносовъ въ общества [4]). Наша запись по редакціи интересующаго насъ условія ближе всего подходитъ къ дельфійскому акту № 213, въ которомъ сказано (стр. 10—12): Κατενεγκάτω δὲ τὸν ἔρανον Σῶσος (имя раба) τὸν συνᾶξε 'Αμυνέας Χαριξένου τετ-

---

[1]) Сохранилось нѣсколько надписей, обозначавшихъ границы недвижимыхъ имуществъ, отданныхъ въ залогъ (πεπραμένων ἐπὶ λύσει) еранистамъ. См. J. Martha, Inscription de Spata, въ Bull. de corr. hell. I, стр. 235; Foucart, «Stèle hypothécaire de Munychie», ibid. V, стр. 322; Böckh, Staatshaush. d. Athen. I, 180 etc.

[2]) «Le maître stipule que l' affranchi lui payera une redevance ou qu' il fournira, en son lieu, sa quote-part dans l' association dont il est membre». Hist. de l' esclav. т. I, стр. 342.

[3]) Напримѣръ, въ указанныхъ Фукаромъ актахъ №№ 107, 139, 213 изъ сборника Wescher-Foucart, Inscriptions recueillies à Delphes.

[4]) Тамъ же №№ 89, 126, 244.

ταραχονταμναῖον, τὸ ἥμισσον αὐτοῦ ἐπὶ τὸ Καλλιξένου (имя владѣльца раба) ὄνομα, ἄχρι κα ἐξενεχθῆ ὁ ἔρανος, καὶ οὕτω βέβαιος ἔστω ἁ ὠνὰ τῶι θεῶι. Здѣсь рѣчь идетъ очевидно о долгѣ, который былъ сдѣланъ нѣкіимъ Аминеемъ пополамъ съ владѣльцемъ раба, а не объ уплатѣ членскаго взноса; выраженіе καταφέρειν τὸν ἔρανον значитъ—вносить деньги для уплаты долга, ἐκφέρειν — окончательно погасить его [1]). Сравнивая это условіе съ тѣмъ, которое записано въ нашей хэронейской записи, нельзя не признать, что въ ней рѣчь идетъ объ уплатѣ долга, а не членскаго взноса. Выгода, которую Θеонъ, владѣлецъ раба, получалъ отъ уплаты послѣднимъ его долга, вѣроятно, показалась Θеону слишкомъ малою сравнительно съ цѣнностью, которую онъ терялъ въ лицѣ освобождаемаго раба,—и вотъ, чтобъ еще болѣе вознаградить себя, онъ возложилъ на Сосона и второе обязательство. Дѣло было въ томъ, что Θеонъ былъ долженъ еще своему согражданину Армею нѣкоторую сумму денегъ, занятую подъ залогъ дома. Залогъ этотъ, по извѣстному древнему обычаю, состоялся въ видѣ продажи дома Армею подъ условіемъ возвратить его прежнему владѣльцу, когда послѣдній возвратитъ полученныя деньги (πρᾶσις ἐπὶ λύσει). Но вѣроятно, уже послѣ займа, между Армеемъ и Θеономъ состоялось новое условіе объ окончательной продажѣ этого дома послѣднимъ первому, цѣною за 1 талантъ; эту операцію, конечно, проще всего было бы произвести такимъ образомъ, чтобъ Армей уплатилъ Θеону талантъ за вычетомъ ранѣе занятой у него Θеономъ суммы; но послѣднему желательно было получить эти деньги сполна, и потому онъ обязалъ Сосона доставить ему занятую имъ у Армея сумму денегъ и потомъ побудить его уплатить цѣну дома; послѣднее требованіе прибавлено на томъ основаніи, что Сосонъ былъ поручителемъ за Армея. Такимъ образомъ „посвященіе" Сосона дѣйствительно было только замаскированнымъ выкупомъ; и такъ какъ онъ, вѣроятно, очень уже желалъ получить свободу, то его ловкій господинъ и воспользовался этимъ желаніемъ для того, чтобъ устроить весьма выгодную для себя коммерческую сдѣлку. Конечно, такое quasi-посвященіе ужъ никакъ не можетъ быть приписано религіозности или гуманности Θеона! Наша надпись является лишнимъ примѣромъ для

[1]) Что касается до выраженія ἔρανον συνάγειν, то оно имѣетъ весьма широкое значеніе. Такъ напримѣръ, въ C. I. Att. III, I, 23 оно значитъ «созвать членовъ общества въ собраніе»; ibid. № 74—«устроить складчину», а въ разсматриваемыхъ нами актахъ—«взять въ обществѣ деньги въ долгъ».

подтвержденія того общеизвѣстнаго факта, что въ древней Греціи рабы, de iure не имѣя права собственности, не только имѣли ее de facto, но иногда бывали даже очень зажиточны и могли дѣлать значительныя денежныя затраты для пріобрѣтенія свободы.

Освобожденіе рабовъ, путемъ ли продажи или посвященія божеству, совершаемо было оффиціально, въ присутствіи государственныхъ чиновниковъ или членовъ совѣта, а также жрецовъ или должностныхъ лицъ храма (впрочемъ, въ хэронейскихъ записяхъ нѣтъ нигдѣ упоминанія о жрецахъ, и заключать о ихъ присутствіи при посвященіяхъ можно только по аналогіи съ дельфійскими и др. документами; присутствіе іерарха въ нѣкоторыхъ случаяхъ было обязательно, какъ мы увидимъ ниже), и было обставлено различными формальностями, нужными для того, чтобъ актъ имѣлъ законную силу.

Формальности эти въ Хэронеѣ были въ главныхъ чертахъ тѣ же, что̀ и въ Дельфахъ:

а) При посвященіяхъ, совершавшихся женщинами, въ Хэронеѣ всегда присутствовалъ отецъ, мужъ, братъ или сынъ посвящающей (ἡ δεῖνα παρόντος αὐτῇ τοῦ δεῖνος ἀνατίθησι и т. д.). Извѣстно, что женщина въ греческомъ обществѣ не имѣла юридической самостоятельности и всю жизнь находилась подъ опекою, сначала отца или другаго близкаго родственника, потомъ мужа, а въ случаѣ его смерти— сына, брата и т. п. Они представляли ея личность во всѣхъ актахъ гражданской жизни, были ея κύριοι. Но при освобожденіи рабовъ присутствіе родственниковъ едва ли имѣло строго-юридическое значеніе, такъ какъ освобожденіе это имѣло видъ посвященія или пожертвованія раба въ храмъ, стало быть, чисто-религіознаго акта, для котораго посредничество опекуновъ не было необходимо. Поэтому на присутствіе родственниковъ при посвященіяхъ, совершавшихся женщинами, вѣрнѣе смотрѣть какъ на простую формальность и придавать имъ только значеніе свидѣтелей акта; это въ особенности видно изъ того, что въ нѣсколькихъ случаяхъ при посвященіяхъ присутствовали только друзья владѣлицъ, которые не имѣли надъ ними никакого законнаго авторитета [1]). Въ одной изъ орхоменскихъ записей посвященіе раба, находившагося въ общемъ владѣніи у двухъ женщинъ, совершено было въ присутствіи одного только лица [2]).

[1]) Стам. 356, δ, 2; 358, 10; нашъ № 1а; Foucart, Bull. de corr. hell. IV, стр. 93 (изъ Орхомена), ср. стр. 95. Въ нашемъ актѣ № 9а при посвященіи присутствуютъ братъ и, вѣроятно, два племянника рабовладѣлицы.

[2]) Foucart, Bull. IV, стр. 91: Παρεὶς τῇ Εὐκλείῃ κὴ τῇ 'Αριστ.... ....ίας

Иногда также отецъ записанъ присутствующимъ при актѣ, совершенномъ сыновьями (Стам. 359, 4; нашъ № 1 b), сынъ—при отцѣ (въ одной записи, изд. Преллеромъ). Въ Дельфахъ при продажѣ рабовъ Аполлону женщинами присутствіе опекуновъ ихъ не было необходимо. Фукаръ (Mém. стр. 5) говоритъ объ этомъ: „Женщина считается гражданскою личностью не только въ Дельфахъ, но и въ Амфиссѣ, Локридѣ, Фокидѣ, Доридѣ, Этоліи, то-есть почти во всей сѣверной Греціи. Есть болѣе 30 примѣровъ, что женщины совершаютъ продажу отъ своего собственнаго имени, безъ повѣреннаго, безъ опекуна, безъ этого κύριος, посредничества котораго требовалъ аѳинскій законъ. Онѣ объявляютъ, что получили деньги, ставятъ условія, на которыхъ рабъ уступается божеству, опредѣляютъ ограниченія его свободы, обозначаютъ лицъ, которымъ онъ обязывается въ извѣстныхъ случаяхъ уплатить денежную сумму, однимъ словомъ, онѣ располагаютъ своею собственностію вполнѣ и безконтрольно... Значитъ, тутъ есть противоположеніе аѳинскому закону: заключать контракты, продавать и покупать, являться предъ судомъ—это такіе акты гражданской жизни, которыхъ аѳинская женщина не могла совершать безъ своего κύριος". Фукаръ не находитъ, однако, возможнымъ, основываясь на этихъ фактахъ, признать существованіе въ сѣверной Греціи особаго законодательства, признававшаго за женщиною права, въ которыхъ ей было отказано вездѣ въ другихъ мѣстахъ. Онъ совершенно справедливо видитъ въ этомъ только исключеніе изъ общаго правила, объясняющееся самою формой этихъ освобожденій, которыя первоначально были настоящими пожертвованіями божеству, — а для пожертвованія женщина не имѣла надобности въ согласіи и посредничествѣ опекуна.

б) Фукаромъ былъ уже разъясненъ (Mém. стр. 6 сл.) смыслъ нерѣдко встрѣчающихся въ дельфійскихъ актахъ выраженій συνεπαινέοντος или συνευδοκέοντος, συνευαρεστοῦντος τοῦ δεῖνος: этими словами обозначается, что на освобожденіе раба дано согласіе лицами, не имѣющими на него правъ собственности, но могущими имѣть ихъ впослѣдствіи по праву наслѣдства. Такія лица, вступивъ впослѣдствіи во владѣніе доставшимся имъ по наслѣдству имуществомъ, могли бы, пожалуй, не признать законности акта о продажѣ или посвященіи раба и заявить на него притязаніе; во избѣжаніе возможности подобныхъ

ʼΑριστίωνος. Здѣсь можно предположить, впрочемъ, что владѣлицы были между собою сестры, а присутствовалъ при посвященіи ихъ отецъ.

случаевъ и дѣлалась въ записяхъ отмѣтка о томъ, что будущіе наслѣдники изъявили свое согласіе на освобожденіе раба и тѣмъ самымъ отказались отъ всякихъ притязаній на него. Это согласіе не было необходимо владѣльцу раба: онъ и безъ него могъ вполнѣ свободно распоряжаться своею собственностію (почему оно и не отмѣчено въ многихъ записяхъ); но для освобождаемаго раба оно имѣло немаловажное значеніе, такъ какъ гарантировало ему безопасность отъ возможныхъ притязаній наслѣдниковъ бывшаго его господина. Въ хэронейскихъ записяхъ, какъ новыхъ, такъ и прежде извѣстныхъ, отмѣтка о согласіи будущихъ наслѣдниковъ на посвященіе рабовъ встрѣчается довольно часто [1]). Къ этому же обычаю относится оригинальная запись Стам. 359, № 4, которую я считаю нелишнимъ привести здѣсь цѣликомъ по моей копіи, нѣсколько болѣе полной, чѣмъ копія греческаго издателя.

Ἄρχοντος Διοκλίδαο, μηνὸς Δαμα[τ]ρίου τριακάδι, Ἀριστὼ Καλλικράτιος, | παρόντος αὐτῇ τοῦ ἀνδρὸς Εὐάνδρου τοῦ | Τιμογίτονος, Καλλικράτης καὶ Σιμίας | καὶ Κηφισόδωρος οἱ Σιμίου, παρόντος αὐτοῖς | τοῦ πατρὸς Σιμίου, ἔνγραφον ἀποτίθενται εἰς | τοὺς ἄρχοντας διὰ τοῦ συνεδρίου εὐαρεστοῦν|τες· τὴ[ν] ἀνιέρωσιν πεπόηται Φιλόξενος Φιλοξένου, [Εὐ]μένιος Πτολεμαίου ἐν τῷ ἐπὶ Εὐβούλου ἄρχοντος [ἔτει].

Редакція этого документа оставляетъ многаго желать въ отношеніи ясности, но все-таки общій смыслъ его мнѣ кажется понятнымъ. Мы видимъ въ немъ заявленіе о томъ, что цѣлая компанія родственниковъ (три брата, и вѣроятно, замужняя дочь одного изъ нихъ; мужъ ея и отецъ трехъ братьевъ играютъ только роль свидѣтелей, о чемъ было уже сказано выше) при посредствѣ совѣта представила въ надлежащее вѣдомство [2]) письменное удостовѣреніе въ своемъ согласіи или одобреніи. Далѣе естественно было бы ожидать прямаго указанія на то дѣяніе, которое они одобрили; но въ документѣ

[1]) Обычай отмѣчать согласіе на посвященіе рабовъ со стороны лицъ, могущихъ впослѣдствіи предъявить на нихъ право собственности, ведетъ свое начало съ весьма раннихъ временъ: еще въ древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ намъ актовъ подобнаго рода, олимпійскомъ (о которомъ уже было говорено выше), читается отмѣтка: «καὶ Πιθὼ [σ]υνέφα, Ἀγείδα θυγάτηρ». Какое родство существовало между этою Питео и владѣльцемъ рабовъ, судить трудно; можетъ быть въ цитированномъ здѣсь мѣстѣ поставлено имя самого рабовладѣльца, только невѣрно написанное. Ср. комментарій Рёля.

[2]) Кто были ἄρχοντες, названные въ документѣ, не извѣстно; можетъ быть, эпонимъ и храмовые чиновники (напр. іерархи).

фраза круто оборвана на этомъ мѣстѣ, а въ слѣдующей фразѣ названы только два лица, совершившія посвященіе [1]), и отмѣченъ годъ этого посвящен[illegible] менемъ архонта. Остается принять, что одобреніе лицъ, на[illegible]ъ въ первой части документа, относится именно къ этому по[illegible]. Кто или что̀ было посвящено—въ послѣдней фразѣ докумен[illegible] не сказано; но такъ какъ онъ вырѣзанъ на одномъ камнѣ съ нѣсколькими другими, относящимися исключительно къ посвященіямъ рабовъ, то приходится думать, что и въ немъ дѣло идетъ о посвященіи одного или нѣсколькихъ рабовъ; ихъ имена, конечно, были названы въ письменномъ удостовѣреніи, но не повторены въ сохранившемся до насъ документѣ, который представляетъ собою только заявленіе (или родъ росписки), констатирующее фактъ полученія должностными лицами этого удостовѣренія (ἔνγραφον). Является новый вопросъ: зачѣмъ понадобилось согласіе названныхъ въ документѣ четырехъ лицъ на посвященіе, которое было совершено уже годомъ (а можетъ быть, и нѣсколькими годами) ранѣе? Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ опять нѣтъ въ документѣ, нѣтъ даже признаковъ, изъ которыхъ можно было бы вывести его хотя съ нѣкоторою вѣроятностью, такъ что приходится снова ограничиться только предположеніями. Изъ именъ лицъ, совершившихъ посвященіе и давшихъ на него согласіе, не видно, чтобъ они состояли между собою въ родствѣ, а если и состояли, то во всякомъ случаѣ не въ ближайшемъ; но по аналогіи со множествомъ однородныхъ документовъ съ отмѣткою о согласіи, необходимо принять, что названныя въ началѣ нашего документа лица имѣли право наслѣдства на имущество лицъ, совершившихъ посвященіе: иначе трудно объяснить, зачѣмъ нужно было ихъ одобреніе [2]). Не выразивъ его по тѣмъ или другимъ при-

---

[1]) Единственное число сказуемаго (какъ въ нашемъ документѣ πεπόηται) при двухъ и даже трехъ подлежащихъ нерѣдко встрѣчается въ документахъ, если сказуемое поставлено впереди подлежащихъ. Напримѣръ въ Inscript. recueill. à Delphes №№ 23, 90, 112, 150, 160, 182, и др.; Bull. de corr. hell. т. V, стр. 428 (№ 43), 430 (№ 45), 433 (№ 48), въ стирійскомъ актѣ ibid. стр. 448 и др. Что касается до слова ἀνιέρωσις, то по прямому свидѣтельству Гесихія (п. сл. ἀνιερώσαντες· ἀναθέντες) и нѣсколькихъ новыхъ херонейскихъ записей (напримѣръ, №№ 1 с, 2 с, 4 b), оно=ἀνάθεσις.

[2]) Въ Дельфахъ въ качествѣ συνεπαινέοντες встрѣчаются не только дѣды, родители и дѣти владѣльцевъ рабовъ, но и внуки ихъ, братья, сестры и даже, можетъ быть, зятья (Wescher-Foucart, № 133: ἀπέδοτο Θευδώρα Πολύωνος, συνεπαινεόντων τᾶς ἀδελφᾶς Ἡρακλείας καὶ Κλεώνδα τοῦ Κλευμάχου). Въ числѣ воз-

чинамъ при самомъ посвященіи, они дали письменное удостовѣреніе впослѣдствіи, быть можетъ, по нарочитой просьбѣ лицъ, совершившихъ посвященіе (или самыхъ посвященныхъ), мотивированной ихъ желаніемъ по возможности болѣе гарантировать безопасность посвященныхъ рабовъ въ будущемъ. Такъ понимаю я эту оригинальную запись, хотя опять-таки повторяю, что редакція ея слишкомъ неясна для того, чтобы можно было съ полною увѣренностію высказать то или другое мнѣніе.

в) Актъ посвященія или продажи раба божеству совершаемъ былъ публично, въ присутствіи бо́льшаго или меньшаго количества свидѣтелей, имена которыхъ отмѣчены въ большинствѣ сохранившихся до насъ актовъ. Въ Дельфахъ свидѣтели были записываемы неукоснительно въ каждомъ документѣ, и между ними мы встрѣчаемъ не только частныхъ лицъ, но и представителей храма (жрецы, неокоръ и простатъ храма) и гражданской общины (архонты, члены совѣта. См. Foucart, Mém. стр. 21). Въ другихъ городахъ въ качествѣ свидѣтелей фигурируютъ только частныя лица. Изъ числа беотійскихъ документовъ перечисленіе свидѣтелей имѣютъ слѣдующіе: Коронейскій, Θеспійскій и два вновь изданные Ливадійскіе (ϝίστορες, по 4 человѣка). Между извѣстными до сихъ поръ Хэронейскими актами есть всего одинъ (именно приведенная выше запись Θеона Фанатейца), въ которомъ записаны свидѣтели въ числѣ 6 человѣкъ, изъ которыхъ трое были Хэронейцы, а другіе трое—Фанатейцы, сограждане владѣльца раба. Отсутствіе списка свидѣтелей во всѣхъ остальныхъ записяхъ объясняется, мнѣ кажется, вѣрнѣе всего тѣмъ, что посвященія въ Хэронеѣ совершаемы были при посредствѣ совѣта (διὰ τοῦ συνεδρίου), стало быть, въ его присутствіи [1]), а при этомъ

можныхъ наслѣдниковъ вольноотпущенниковъ могли быть и ихъ бывшіе господа: извѣстно, что если вольноотпущенный умиралъ бездѣтнымъ, то его имущество переходило къ бывшему господину (ср. Foucart, Mém. стр. 24). Поэтому для освобожденія рабовъ, совершавшагося лицами отпущенными на волю (посредствомъ посвященія или продажи), согласіе бывшихъ ихъ господъ могло быть желательнымъ—и такой случай (еще первый въ своемъ родѣ) имѣемъ мы, кажется, въ нашемъ новомъ документѣ № 4 а; по крайней мѣрѣ трудно придумать болѣе вѣроятное возстановленіе для отрывка фразы, читающагося во 2-й — 3-й строкѣ, нежели то, которое предложено нами выше, въ текстѣ.

[1]) Припомнимъ, что за весьма немногими исключеніями, указанными выше, посвященія совершаемы были только два раза въ мѣсяцъ, 15-го и 30-го числа. Причина этого понята Бёкомъ, мнѣ кажется, совершенно вѣрно (то-есть, что въ эти дни происходили засѣданія совѣта).

было уже лишнимъ приглашать въ свидѣтели еще частныхъ лицъ. Присутствіе же свидѣтелей при посвященіи раба Θеономъ Фанатейцемъ было обусловлено, вѣроятно, особенною важностью поставленныхъ имъ рабу обязательствъ и тѣмъ, что онъ былъ не Хэронеецъ и что, слѣдовательно, въ случаѣ какихъ-нибудь недоразумѣній гораздо проще и легче было обратиться за подтвержденіемъ законности акта или условій его къ свидѣтелямъ—Фанатейцамъ, нежели ѣхать въ Хэронею и обращаться къ совѣту. Выборъ же свидѣтелей между Хэронейцами былъ, можетъ быть, просто слѣдствіемъ того, что самое посвященіе совершено было въ Хэронеѣ, или требовался правилами о посвященіи рабовъ иностранцами.

Кромѣ свидѣтелей, въ дельфійскихъ актахъ о продажѣ всегда отмѣченъ одинъ или нѣсколько поручителей (βεβαιωτῆρες) за продавца (то-есть, владѣльца освобождаемаго раба), которые гарантировали исполненіе послѣднимъ всѣхъ условій продажи. Въ рассматриваемыхъ нами документахъ освобожденіе раба было результатомъ не продажи, а добровольнаго пожертвованія, и стало быть, въ поручителяхъ не было надобности. И дѣйствительно, мы не видимъ ихъ ни въ одномъ актѣ о посвященіи.

Выше нами было приведено нѣсколько доказательствъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ томъ, что посвященные божествамъ рабы фактически становились совершенно свободными, и за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, не имѣли никакихъ обязательствъ по отношенію къ божествамъ, которымъ они были посвящены, или къ ихъ храмамъ. Тѣмъ не менѣе, de iure они считались принадлежащими божеству, носили названіе ἱεροί (по крайней мѣрѣ въ Хэронеѣ) и пользовались защитой и покровительствомъ храма въ лицѣ его представителей. Не имѣя правъ гражданства и слѣдовательно возможности дѣйствовать самостоятельно въ различныхъ актахъ гражданской жизни, эти ἱεροί имѣли своими представителями (προστάται) въ такихъ актахъ должностныхъ лицъ храма, подобно тому, какъ обыкновенные вольноотпущенники пользовались патронатомъ своихъ бывшихъ господъ. Такъ напримѣръ, въ Хэронеѣ во всѣхъ случаяхъ, когда οἱ ἱεροί, все равно мужчины ли или женщины, посвящали своихъ рабовъ, обязательно присутствовалъ іерархъ храма [1]). Кромѣ того жрецы и іерархи нерѣдко фигурируютъ въ

[1]) Стам. 320; 358 πλ. 2, № 1 и 2; 359 № 2; 360, ε; нашъ № 1с. Бёкъ, основываясь главнымъ образомъ на Оропской надписи C. I. Gr. № 1570, счи-

документахъ въ числѣ лицъ, на которыхъ лежала обязанность защищать посвященныхъ въ случаѣ какого либо противозаконнаго посягательства на ихъ свободу. Въ Дельфахъ въ такомъ случаѣ вольноотпущенному предоставляется защищать себя собственными силами или отвести обидчика въ судъ; случайно присутствовавшія при посягательствѣ частныя лица имѣли полное право вступиться за обижаемаго, не боясь никакой отвѣтственности; защита его во многихъ документахъ представляется даже богоугоднымъ дѣломъ, такъ какъ вольноотпущенники de iure считались принадлежащими божеству, какъ купленные имъ (см. Foucart, Mém. стр. 11 сл.). Но тѣмъ не менѣе мы не видимъ въ Дельфахъ примѣровъ, чтобы представители храма (жрецы или должностныя лица) обязывались принимать фактическое участіе въ защитѣ фиктивной собственности божества. Между тѣмъ въ городахъ, гдѣ существовало освобожденіе рабовъ подъ видомъ посвященія (напримѣръ, въ Орхоменѣ, Ливадіи, Коронеѣ), защита ихъ отъ попытокъ порабощенія возлагаема была прежде всего на жрецовъ и храмовыхъ чиновниковъ, затѣмъ иногда на государственныхъ чиновниковъ и членовъ совѣта, и наконецъ уже предлагалось и всякому желающему оказывать имъ возможное содѣйствіе [1]). Ясное дѣло, что

таетъ должностныя функціи іерарховъ сходными съ функціями аөинскихъ ταμιῶν τῶν ἱερῶν χρημάτων, но въ то же время указываетъ, что, судя по ихъ названію, ихъ дѣятельность могла быть и шире и обнимать собою также тѣ функціи, которыя въ Аөинахъ принадлежали епистатамъ храмовъ (C. I. Gr. т. I стр. 731). Шёманъ (Griech. Alterth. II, стр. 416, 3 изд.) опредѣляетъ ихъ дѣятельность словами: Hierarchen... als eine Art von Tempelprovisoren erscheinen und über die Tempelgebäude, Anathemen und Gelder die Aufsicht führen. Однако въ Хэронеѣ іерархи, повидимому, не завѣдывали денежною частію, такъ какъ въ одномъ изъ новыхъ документовъ (Стам. 353 № 3) встрѣчается особый ταμίας ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν. Количество іерарховъ въ различныхъ беотійскихъ городахъ было различно: такъ, въ Орхоменѣ было 2 іерарха (см. прилож.); не менѣе трехъ надо принять въ Ливадіи и въ Оропѣ, на основаніи постояннаго употребленія множ. числа для ихъ обозначенія. Между тѣмъ въ Өивахъ (Bull. de corr. hell. V стр. 264) и въ Хэронеѣ повидимому былъ одинъ только іерархъ. Относительно Хэронеи можно заключить это на основаніи нашей записи № 1c, гдѣ не поставлено имя іерарха, что̀ было бы необходимо, еслибы ихъ было нѣсколько.

[1]) Ливадія: Εἰ δέ κά τις ἀντιποιείτη Ἑρμαίας εἶ ἄλλο τι ἀδικῖ καθ'ὅντινα ὧν τρόπον, ούπερδιχιόνθω κὴ προϊστάνθω τύ τε ἱαρεῖες κὴ τὺ ἱαράρχη τὺ ἧι ἐν ἀρχεῖ ὄντες κὴ τῶν ἄλλων ὁ βειλόμενος (Стам. стр. 362. Въ другомъ актѣ послѣ ἱαράρχη варіантъ: τὺ ἧι ἀντιτιουνχάνοντες).

Орхоменъ: Ἠ δε κά τις καταδουλίττειτη εἶ ἐφάπτειτη, κούριος ἔστω ὁ ἱαρεὺς

посвященные считались de iure принадлежащими божествамъ, представители которыхъ прежде всякаго другаго обязаны были заботиться объ охраненіи священной собственности отъ всякаго ущерба; въ этомъ помогали имъ, въ лицѣ своихъ представителей, и государства, которыя въ древней Греціи, какъ извѣстно, всегда принимали весьма близко къ сердцу интересы религіи.

Можетъ, пожалуй, показаться страннымъ, почему ни въ одной изъ извѣстныхъ до сихъ поръ хэронейскихъ записей о посвященіи (числомъ до 80) нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, кто обязанъ былъ защищать посвященныхъ въ случаѣ чьихъ-либо посягательствъ на ихъ свободу. Вѣдь не потому же, чтобы въ Хэронеѣ не предвидѣлось возможности подобныхъ посягательствъ. Если въ другихъ городахъ владѣльцы посвящаемыхъ или продаваемыхъ рабовъ останавливались съ особенными подробностями на относящемся къ такимъ покушеніямъ пунктѣ акта и перечисляли всѣхъ лицъ, у которыхъ вольноотпущенный могъ искать помощи и защиты, — то значитъ, они считали этотъ пунктъ существеннымъ, и стало быть, случаи противозаконныхъ покушеній обратить въ рабство вольноотпущенныхъ бывали въ дѣйствительности; а врядъ ли обитатели Хэронеи отличались на столько высокою нравственностью и уваженіемъ къ законамъ и религіи, чтобъ у нихъ не мыслимы были незаконныя дѣянія, случавшіяся въ другихъ беотійскихъ городахъ. Разгадка заключается, мнѣ кажется, въ выраженіи κατὰ τὸν νόμον, отличающемъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, редакцію хэронейскихъ актовъ отъ актовъ другихъ городовъ Беотіи [1]). Постоянное употребленіе единственнаго числа въ этомъ выраженіи несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что въ актахъ дѣлалось указаніе на спеціальный законъ, относившійся къ

[κὴ τὺ] πολέμαρχυ συλῶντες κὴ δαμιώοντες κὴ τῶν ἄλλων ὁ β[ουλόμενος], κὴ τὺ συνέδρυ δαμιώνθω τὸν ἀδικίοντα (Foucart, Bull. de corr. hell. IV, стр. 91. Въ цитатѣ не поставлены въ скобки слова, которыя хотя и не читаются въ цитируемой записи, но несомнѣнно дополняются изъ другой, вырѣзанной на томъ же камнѣ). Другіе примѣры см. въ приложеніи.

Коронея: [συλάτω δὲ] αὐτὸν ὁ ἱερεὺς κα[ὶ τῶν] ἄλλων ὁ [παρατυγχάνων]. Keil, Syll. inscr. Boeot. № XXI.

[1]) Упоминаніе о законѣ пропущено только въ одной изъ извѣстныхъ до сихъ поръ хэронейскихъ записей съ сохранившимся окончаніемъ, именно Стам. 320, 3. Въ дельфійскихъ актахъ о продажѣ весьма часто встрѣчается упоминаніе о законахъ (именно въ выраженіи βεβαιωτὴρ κατὰ τὸν νόμον или τοὺς νόμους τᾶς πόλιος), но тамъ можно разумѣть и обще-государственные законы, а не спеціально относящіеся къ посвященіямъ. См. Foucart, Mém.; стр. 19.

эманципація рабовъ подъ видомъ посвященія ихъ божеству; въ этомъ законѣ, конечно, была предусмотрѣна возможность незаконныхъ посягательствъ на свободу посвященныхъ, и было опредѣлено, кто обязанъ былъ оказывать имъ въ такомъ случаѣ защиту и преслѣдовать обидчиковъ; поэтому въ записяхъ о посвященіи, вмѣсто подробнаго перечисленія такихъ лицъ, ограничивались только упоминаніемъ о томъ, что посвященіе совершено законнымъ образомъ. Члены совѣта, при посредничествѣ котораго были посвящаемы рабы, вѣроятно, были въ числѣ лицъ, обязанныхъ защищать ихъ. Самое посредничество это состояло, вѣроятно, въ томъ, что совѣту были представляемы рабы и предъявляемы письменные документы о посвященіи, которые потомъ были вырѣзываемы на камняхъ [1]). Необходимо предположить, что и въ другихъ городахъ существовали особые законы относительно освобожденія рабовъ [2]), но вмѣсто простаго упоминанія о нихъ въ актахъ дѣлалось нѣчто въ родѣ выписки или цитаты статьи закона съ обозначеніемъ лицъ, на которыхъ возлагалась защита освобожденныхъ. Что разсматриваемый нами пунктъ документовъ былъ именно какъ бы выпиской изъ закона, и что порученіе защиты освобожденныхъ тѣмъ или другимъ лицамъ не зависѣло отъ воли каждаго отдѣльнаго лица, освобождавшаго рабовъ,—это видно изъ того, что въ разныхъ документахъ изъ одного и того же города обозначены обыкновенно одни и тѣ же лица [3]); варіанты же редакціи этого пункта въ различныхъ документахъ одного города легко можно объяснить тѣмъ, что лица, записывавшія документъ, не считали необходимымъ воспроизводить съ буквальною точностью статью закона, а довольствовались только передачею ея смысла.

[1]) Во вновь изданномъ Бодуэномъ (Bull. V, стр. 451) амфиссейскомъ актѣ о продажѣ раба Асклепію встрѣчается весьма любопытное свидѣтельство о томъ, что подобные акты должны были быть представляемы владѣльцами рабовъ письменно: въ данномъ случаѣ въ актѣ отмѣчено, что онъ былъ записанъ однимъ изъ знакомыхъ владѣлицы, по ея неграмотности и личной просьбѣ.

[2]) Изъ Ѳермонской записи о посвященіи рабыни (Lolling, Mitth. IV, стр. 222) видно, что въ Этолійскомъ союзѣ существовали относительно посвященій особые законы, общіе для всего союза: [ἀπηλ]ευθ[έρ]ωσεν ὑπὸ Δία Γῆν Ἥλιον — — κατὰ τοὺς Αἰτωλῶ[ν] νόμους. Существовали они и въ Ѳессаліи, какъ видно изъ тамошнихъ списковъ вольноотпущенныхъ, о которыхъ мы говоримъ ниже.

[3]) Есть однако исключенія: напримѣръ, въ Орхоменскихъ документахъ, цитированныхъ выше, названы жрецъ, полемархи и синедры, какъ лица, обязанныя защищать посвященныхъ въ случаѣ покушеній на ихъ свободу, а въ записяхъ, которыя мы сообщимъ въ приложеніи, вмѣсто полемарховъ записаны іерархи.

Остается разсмотрѣть еще одинъ вопросъ, который невольно представляется уму, если обратить вниманіе на сущность разобранныхъ нами документовъ. Если посвященіе или продажа рабовъ въ какой-нибудь храмъ фактически были равносильны ихъ полному освобожденію, если посвященные не имѣли никакихъ обязательствъ относительно храма, то какія же выгоды получали храмы отъ такихъ посвященій или продажъ, и чѣмъ объяснить покровительство, которое они оказывали впослѣдствіи вольноотпущеннымъ, и участіе, которое они принимали въ ихъ судьбѣ? Въ дельфійскихъ записяхъ, самыхъ многочисленныхъ изъ документовъ, относящихся къ эманципаціи рабовъ, мы не находимъ никакихъ прямыхъ указаній на этотъ счетъ; но, какъ замѣтилъ уже Вейль (цит. ст. стр. 26), трудно предположить, чтобы при актѣ, совершавшемся съ извѣстною торжественностію въ храмѣ при содѣйствіи жрецовъ, храмъ не получалъ нѣкоторой матеріальной выгоды въ видѣ части выкупной суммы; Вейль думаетъ даже, что обычай освобождать рабовъ подъ видомъ продажи въ храмъ потому и получилъ въ Дельфахъ особенное распространеніе, что жрецы видѣли въ немъ новый источникъ дохода для храма. Кромѣ того, во множествѣ записей мы видимъ, что въ случаѣ чьего-либо посягательства на свободу вольноотпущенныхъ, ихъ бывшіе владѣльцы или поручители послѣднихъ обязываемы были закономъ возвратить въ храмъ полученную выкупную сумму (βέβαιον παρέχειν τῷ θεῷ τὰν ὠνὰν κατὰ τὸν νόμον). Во многихъ городахъ, гдѣ существовалъ обычай продажи или посвященія рабовъ божествамъ, какъ напримѣръ, въ Тиѳоррѣ (An. Delph. стр. 20), Гіамполѣ (ibid. стр. 73, № 38), Елатеѣ (ibid. № 39), Стиридѣ (ibid. стр. 22 и Bull. de corr. hell. V, стр. 446 сл.), Давлидѣ (C. I. Gr. № 1725), Коронеѣ и др., въ случаѣ покушенія обратить въ рабство вольноотпущеннаго, виновный въ такомъ покушеніи подвергался большему или меньшему (отъ 10 минъ до 1 таланта) штрафу, который или цѣликомъ шелъ въ пользу храма, или же одна половина его выдаваема была лицу, заступившемуся за отпущенника, а другая принадлежала храму, или точнѣе, божеству. Но такъ какъ случаи подобныхъ покушеній, конечно, бывали рѣдки, то такія штрафныя суммы были для храмовъ, по русской пословицѣ, только журавлемъ въ небѣ. Два документа изъ числа изданныхъ Стаматакисомъ даютъ намъ свѣдѣнія, что храмы (или по крайней мѣрѣ храмъ хэронейскій) получали при посвященіяхъ рабовъ—употребляя выраженіе той же пословицы—и синицу въ руки, то-есть, прямую матеріальную выгоду, хотя и небольшую. Именно въ записи, помѣщен-

ной на стр. 353 подъ № 3, послѣ обычной заключительной формулы добавлено еще, что храмовому казначею были немедленно вручены установленныя 20 драхмъ: Κὴ κατέβαλε τῦ ταμίη [τῦ ἐ]πὶ τῶν ἰαρῶν τὸ γινιούμενον δραχμὰς ϝίκατι παραχρῆμα (небольшіе обрывки подобныхъ же фразъ есть и въ нашихъ записяхъ № 6 ст. А, d и ст. В, m). Въ фразѣ нѣтъ подлежащаго, такъ что изъ нея прямо не видно, кто внесъ означенную сумму, — владѣлецъ, или посвящаемая рабыня, хотя предположеніе, конечно, немедленно склоняется на сторону послѣдней. Если же при письменномъ изложеніи акта посвященія (или при вырѣзкѣ его на камнѣ) сочли нужнымъ съ особеннымъ удареніемъ заявить въ немъ о томъ, что установленная сумма внесена была немедленно (какъ, вѣроятно, и въ новой записи № 6 ст. В, m), то отсюда мы въ правѣ заключить, что обыкновенно она была вносима только впослѣдствіи, чѣмъ и объясняется отсутствіе упоминанія о ней въ другихъ документахъ. И дѣйствительно, другая запись (Стам. 356, № 1) подтверждаетъ оба только что высказанныя предположенія. Читается она слѣдующимъ образомъ:

1. [Ἄρχοντος Κ]αφισίου, μηνὸς Ἀ[γρι]-
ωνίου τριακάδι, Ζώϊλος Ἀρνίου [ἀνι]-
ερωμένος ὑπὸ τοῦ θρέψαντος
Ἀρνίου, ἱερὸς τῶι Σεράπει, παρα-
5. μείνας δὲ αὐτῷ τε Ἀρνίᾳ καὶ τῇ [γυ]-
ναικὶ αὐτοῦ Λαμπρίδι καὶ παραμε-
μενηκὼς κατὰ τὴν ἀνιέρωσιν...
κατέβαλεν [τῷ ταμίᾳ τὸ ἐκ τοῦ νό]-
9. μου γινόμενον [1]).

Вся суть этого документа заключается въ строкѣ 8-й, которая къ сожалѣнію не можетъ быть прочитана вполнѣ: послѣ κατέβαλεν не возможно разобрать ни одной буквы. Предлагаемое мною возстановленіе недостающей части ея сдѣлано на основаніи сравненія ея

---

[1]) Въ началѣ строки 3-й Стаматакисъ прочиталъ ἐρώμενος и въ концѣ стр. 2-й не отмѣтилъ не прочитанныхъ буквъ; но на камнѣ замѣтны еще слѣды двухъ или трехъ стершихся буквъ. Возстановленіе ихъ сдѣлано на основаніи строкъ 4-й и 7-й, изъ которыхъ видно, что Зоилъ дѣйствительно былъ посвященъ своимъ господиномъ въ храмъ. Въ концѣ стр. 7-й стояло, быть можетъ, обозначеніе времени, въ теченіе котораго Зоилъ обязанъ былъ служить своимъ бывшимъ господамъ послѣ посвященія (Возстановленіе [ἀνι]ερωμένος предложено также г. Хаджидакисомъ въ журналѣ Ἀθήναιον, т. 10, стр. 81). Послѣ γινόμενον въ стр. 9 на камнѣ, кажется, ничего не было вырѣзано.

съ нѣсколькими списками вольноотпущенныхъ, извѣстными изъ разныхъ городовъ Ѳессаліи. Въ этой странѣ отпущеніе рабовъ на волю (по крайней мѣрѣ въ римскія времена, къ которымъ относится большинство сохранившихся списковъ) совершаемо было просто, безъ всякой фикціи, даромъ или за выкупъ. Вольноотпущенные обязаны были по закону вносить въ городскую казну опредѣленную сумму денегъ, въ однихъ городахъ бо́льшую, въ другихъ меньшую (для пріема этихъ суммъ и завѣдыванія ими существовали въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ, въ Гипатѣ, особые чиновники), и уплатившіе этотъ взносъ были записываемы по порядку времени освобожденія въ годовой списокъ, который и вырѣзывался на камнѣ. Вотъ заголовки нѣсколькихъ такихъ списковъ:

Изъ Ламіи [1]): Στραταγέοντος τοῦ δεῖνος, ταμιεύοντος τᾶς πόλιος τοῦ δεῖνος ἀπελεύθεροι δεδοκότες (sic) ἐν τὰν στάλαν τοὺς δεκαπέντε στατῆρας (въ одномъ спискѣ ἐν τὰν πόλιν). Здѣсь разумѣется серебряные статеры=2 драхмамъ.

Изъ Гипаты [2]): [Ζωίλο]υ τοῦ Πα[ραμό]νου τοῦ ἐπιμελητοῦ τῶν [ἀπελε]υθερικῶν χρημάτων ἀναγραφὴ τῶν δεδω[κότω]ν τῇ πόλει τὸ τῆς στηλογραφίας ἀργύρι[ον]. Сумма взноса въ этомъ документѣ не обозначена, можетъ быть, именно потому, что была строго опредѣлена и всѣмъ извѣстна.

Изъ Лариссы [3]): Ἀγαθῇ τύχῃ· παρ[ὰ] Λ(ουκίου) Τιτίου Ὀνησίμου τοῦ ταμίου τῆς πόλεως τὴν δευτέραν ἑξάμηνον ἐν στρ(ατηγῷ) Ἱπποκρατίδῃ ἀναγραφὴ ἀπελ(ευθέρων) τῶν δεδωκότων τοὺς στατῆρας τῇ πόλει. По мнѣнію Э. Курціуса (An. delph. стр. 13), здѣсь каждый отпущенникъ вносилъ по 1 статеру; но такъ какъ эта сумма слишкомъ мала, то не вѣрнѣе ли τοὺς στατῆρας понимать въ смыслѣ „опредѣленное количество статеровъ“?

Изъ Галоса [4]): Ἀναγραφὰ τῶν δεδωκότων τᾶι πόλει ἀπελευθέρων τὸ

---

[1]) Rangabé, Ant. Hell. № 946 сл.=Le Bas, Thessalie №№ 1148 сл.

[2]) Le Bas, Thessalie № 1135 (=Ross, Arch. Aufs. II, 476). Подъ №№ 1125—1134 помѣщены у Le Bas другіе 9 списковъ.

[3]) Ussing, Inscr. graecae ined. № 8b=Le Bas, Thessalie № 1241. Ср. новые списки, изданные Лоллингомъ въ Mitth. d. D. Arch. Inst. VII стр. 226 сл.

[4]) Heuzey, Mission. archéol. en Macédoine, № 214. Этотъ списокъ относится вѣроятно, еще ко II в. до Р. Хр. (см. мое сочин. о календаряхъ, стр. 84 прим. 25); стало быть, онъ не очень много разнится по времени отъ хэронейскихъ документовъ. Ср. тамъ же №№ 215 и 219 и въ его же книгѣ: Le mont Olympe et l'Acarnanie, №№ 2, 3, 11, 13, 14, 18 (сумма взноса въ этихъ спискахъ=$22^1/_2$

γινόμενον τᾶι πόλει.—Παρὰ τοῦ δεῖνος τοῦ ἀπελευθερωθέντος ἀπὸ τοῦ δεῖνος τὸ ἐκ τοῦ νόμου στατῆρες δεκαπέντε и т. д.

Изъ этихъ заголовковъ мы узнаёмъ не только величину взноса въ разныхъ городахъ, но и прямое его назначеніе: онъ взыскиваемъ былъ εἰς τὰν στάλαν или εἰς τὴν στηλογραφίαν, то-есть, за внесеніе именъ вольноотпущенныхъ въ общій годовой списокъ, который, будучи увѣковѣченъ на камнѣ, служилъ такимъ образомъ важнѣйшимъ доказательствомъ того, что они дѣйствительно отпущены были на волю [1]. Но сумма взноса каждаго лица обыкновенно была на столько велика, что, конечно, не могла быть израсходована сполна на вырѣзку нѣсколькихъ словъ на камнѣ [2], и значительная часть ея составляла чистый доходъ города, почему въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ документовъ прямо сказано, что взносъ вольноотпущенниковъ поступалъ въ пользу города.

Аналогія выраженій только что приведенныхъ ѳессалійскихъ доку-

---

денаріи). Изъ нихъ въ № 14 интересно выраженіе τὰ κρινόμενα (раз. δηνάρια) τῆς ἐλευθερώσεως вмѣсто τὰ γινόμενα, поставленнаго въ другихъ спискахъ.

[1]) Ср. замѣчаніе Валлона: «Enfin l'affranchissement pouvait être constaté encore soit par quelque monument particulier... soit par l'inscription sur les régistres publics, comme nous serons amenés à le conclure de l'état des affranchis à Athènes: formalité qui se constatait aussi par une mention speciale gravée sur la pierre, comme le prouvent plusieurs monuments decouverts en Thessalie (Curtius An. p. 13—16). On y donne presque toujours décharge de la somme que les affranchis ont payée à la cité comme pour acquitter un droit d'enrégistrement». Hist. de l'esclavage, т. I, стр. 337 (2-е изд.).

[2]) Въ Аѳинахъ на вырѣзку государственныхъ декретовъ выдаваема была отъ казны сумма отъ 10 до 50 драхмъ (чаще всего 30), какъ извѣстно изъ множества сохранившихся документовъ (преимущественно IV в., такъ какъ позднѣе вмѣсто точнаго обозначенія суммы встрѣчается обыкновенно выраженіе τὸ γενόμενον ἀνάλωμα). Но тамъ за эту сумму надо было изготовить для каждаго декрета особый камень и вырѣзать на немъ иногда нѣсколько десятковъ длинныхъ строкъ; въ добавокъ камни нерѣдко сверху украшаемы были рельефными изображеніями и внизу вѣнками. Между тѣмъ въ ѳессалійскихъ городахъ списокъ отпущенниковъ за цѣлый годъ вырѣзываемъ былъ на одномъ камнѣ, и запись каждаго отпущенника состояла лишь изъ нѣсколькихъ словъ; точно также и въ Хэронеѣ акты о посвященіи излагаемы были очень кратко и по нѣскольку актовъ (иногда болѣе 10) было вырѣзываемо на одномъ камнѣ. Весьма точное показаніе о стоимости вырѣзки документовъ имѣемъ мы съ о. Делоса: тамъ платили по 1 драхмѣ за 300 буквъ (см. Bull. de corr. hellén. стр. VI (1882), стр. 82). Если принять приблизительно ту же стоимость и для Ѳессаліи, то внесеніе имени каждаго отпущенника въ списокъ стоило меньше драхмы.

ментовъ съ выраженіями интересующихъ насъ записей хэронейскихъ на столько очевидна, что едва ли можетъ быть сомнѣніе въ вѣрности предложеннаго возстановленія 8-й строки записи Зоила. А въ такомъ случаѣ она, вмѣстѣ съ другою записью, даетъ намъ право высказать слѣдующія положенія: а) рабы, отпускавшіеся на волю въ Хэронеѣ подъ видомъ посвященія божествамъ, обязаны были закономъ вносить въ храмовую казну опредѣленную сумму денегъ; б) она вносима была или при самомъ посвященіи, или впослѣдствіи, по истеченіи времени службы у владѣльцевъ, если такая служба поставлена была рабу въ условіе при его посвященіи; в) въ первомъ случаѣ взносъ опредѣленъ былъ въ 20 драхмъ; увеличивался ли онъ во второмъ случаѣ, то-есть, если былъ уплачиваемъ впослѣдствіи, не извѣстно; г) взносы отпущенниковъ, можетъ быть, предназначаемы были, какъ въ ѳессалійскихъ городахъ, на вырѣзку на камнѣ акта о посвященіи, которая служила для отпущенниковъ важнымъ доказательствомъ полученной ими свободы; вырѣзкою завѣдывали, стало быть, должностныя лица храма. Этимъ легко объясняется тотъ фактъ, что акты о посвященіи часто вырѣзываемы были на жертвенникахъ, посвященныхъ божествамъ, и притомъ по нѣскольку актовъ разныхъ годовъ на одномъ и томъ же жертвенникѣ. Остатки взносовъ составляли чистый доходъ храма, который такимъ образомъ былъ матеріально заинтересованъ въ освобожденія рабовъ путемъ ихъ посвященія божеству; не мудрено поэтому, что жрецы и чиновники храма покровительственно относились къ этому способу эманципація и къ самимъ вольноотпущеннымъ, видя въ нихъ одинъ изъ источниковъ благосостоянія храма. Такіе же взносы существовали, вѣроятно, и въ другихъ городахъ, гдѣ было въ обычаѣ освобожденіе рабовъ подъ видомъ посвященія ихъ божествамъ, хотя прямыхъ указаній на это мы не имѣемъ въ сохранившихся документахъ.

Такимъ образомъ новыя хэронейскія надписи, не отличаясь ничѣмъ существеннымъ отъ давно извѣстныхъ и до мелкихъ подробностей разобранныхъ разными учеными документовъ того же рода, все-таки прибавляютъ кое-что къ имѣвшимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ объ одномъ изъ гуманныхъ обычаевъ древности, который остался бы совершенно намъ неизвѣстнымъ, если бы мать-земля не сохранила бережно въ своихъ нѣдрахъ въ теченіе множества вѣковъ массу драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ жизни эллинскаго народа.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Орхоменскія надписи о посвященіи рабовъ.

Изъ Орхомена беотійскаго извѣстны по настоящее время 6 актовъ о посвященіи рабовъ Серапису и Изидѣ, о культѣ которыхъ въ этомъ городѣ мы знаемъ только изъ этихъ документовъ. Изъ нихъ четыре изданы въ 1868 году Дешармомъ въ его „Recueil d'inscriptions inédites de Béotie", подъ №№ 1—4 [1]), остальные два—года три тому назадъ г. Фукаромъ [2]). Четыре акта Дешарма вырѣзаны на большомъ (1,10 м. вышины и около 0,60 въ діаметрѣ) цилиндрическомъ алтарѣ изъ сѣросинеѣватаго мрамора, находящемся по настоящее время во дворѣ Успенскаго монастыря въ дер. Скрипу́. Боковая поверхность цилиндра украшена рельефными изображеніями четырехъ оленьихъ головъ съ вѣтвистыми рогами, которые соединены между собою гирляндами или повязками съ висящими цвѣтками лотоса на концахъ. Въ промежуткахъ между рельефами находятся 8 актовъ о посвященіяхъ (г. Дешармъ нѣсколько гиперболически выражается, говоря, что весь алтарь былъ покрытъ надписями), но такъ какъ поверхность камня очень сильно пострадала отъ времени, то Дешарму удалось разобрать только 4 изъ нихъ, да и то „au prix d'une longue patience et à force de rapprochements entre les trois premières inscriptions".

Имѣвъ возможность въ началѣ мая мѣсяца 1881 года сличить копіи французскаго издателя съ подлинниками, я нашелъ, что ему не мѣшало бы продлить вдвое его longue patience для того, чтобъ его копіи могли быть названы удовлетворительными. Особенно не любилъ онъ собственныхъ именъ, и чуть только которое-нибудь изъ нихъ читалось не совсѣмъ ясно, онъ, нисколько не стѣсняясь, отмѣчалъ его въ своей копіи не прочитаннымъ или возстановлялъ по совершенно произвольнымъ догадкамъ [3]). Поэтому небезполезно будетъ

---

[1]) Впослѣдствіи эти документы были перепечатаны Р. Мейстеромъ въ его сборникѣ эпиграфическихъ источниковъ для изученія беотійскаго діалекта, помѣщ. въ V томѣ Бецценбергеровыхъ «Beiträge zur Kunde d. indogerm. Sprachen».

[2]) Bull. de corr. hell. IV (1880) стр. 91 сл. Перепечатаны Мейстеромъ въ Beiträge Бецценбергера, т. VI стр. 61 сл.

[3]) Вообще весь «Recueil» Дешарма при первомъ же просмотрѣ производитъ довольно печальное впечатлѣніе, такъ что никакъ нельзя упрекнуть не только въ несправедливости, но даже и въ рѣзкости слѣдующій отзывъ о немъ Бермана: «Editor ipse magna cum neglegentia et inscitia egit» (Ern. Beermann, De dial. Boeotica, въ Studien zur griech. u. lat. Grammatik Курціуса и Бругмана, т. IX, стр. 4).

No 1.

a ΑΝΑΞΙΚΡΑΤΙΟΣΑΡΧΩΜΕΙΝΟΣ
ΒΟΥΚΑΤΙΩΠΕΝΤΕΚΗΔΕΚΑΤΗΚΑΛ
ΛΙΣΤΙΜΙΑΔΑΟΠΑΡΙΟΝΤΟΣΑΥΤΗΦΙ
ΛΩΝΚΑ^{Λ}ΛΩΝΟΣΤΙΜΙΑΔΑΟΔΑΜΑ *sic*
ΓΕΙΤΩΚΑΦΙΣΟΔΩΡΩΑΝΤΙΘΕΙ
ΤΙΤΑΝFΙΔΙΑΝΔΟΥΛΑΝΚΑ^{Λ}ΛΙΔΑ
ΙΑΡΑΝΤΕΙΣΑΡΑΠΙΜΕΙΠΟΘΕΙΚΩ
ΣΑΝΜΗΘΕΝΙΜΗΘΕΝΤΑΝΑΝΑΘΕ
ΣΙΝΠΟΙΟΥΜΕΝΑ ΔΙΑΤΩΣΟΥ
ΝΕΔΡΙΩΚΑΤΤΟΝΝΟΜΟΝ

b. ΑΡΧΟΝΤΟΣΜΝΑΣΕΟΥΜΗΝΟΣΙΠΠΟΔΡΟΜΙΟΥΠΕΝΤΕΚΑΙΔΕΚΑ
ΤΗΙΤΕΛΛΕΑΣΕΥΝΟΜΟΥΚΑΙΠΑΡΑΜΟΝΑΚΗΦΙΣΟΔΩΡΟΥΚΑΙ
ΚΗΦΕΙΣΟΔΩΡΟΣΤΕΛΛΕΟΥΑΝΑΤΙΘΕΑΣΤΗΝΙΔΙΑΝΔΟΥΛΗΝ *sic*
ΙΩΙΛΑΝΙΕΡΑΝΤΩΣΕΡΑΠΕΙΤΗΝΑΝΑΘΕΣΙΝΠΟΙΟΥΜΕΝΟΙ
ΔΙΑΤΟΥΣΥΝΕΔΡΙΟΥΚΑΤΑΤΟΝΝΟΜΟΝΠΑΡΗΝΠΑΡΑΜΟΝΑ
ΟΑΝΗΡΚΑΙΚΗΦΙΣΟΔΩΡΩΙΟΠΑΤΗΡΤΕΛΛΕΑΣΕΥΝΟΜΟΥ

c. ΑΡΧΟΝΤΟΣΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟΥ
ΜΗΝΟΣΠΑΝΑΜΟΥΠΕΝΤΕΚΗ
ΔΕΚΑΤΗΠΥΘΟΙΣΙΕΡΑΤΟΥΣΑΡΑ
ΠΙΔΟΣΠΑΡΟΝΤΟΣΑΥΤΗΤΟΥΙΕΡΑΡ
ΧΟΥΑΝΑΙΕΡΟΙΤΟΕΚΤΗΣΘΡΕΠΤΗ^{Σ} *sic.*
ΑΥΤΗΣΚΑΡΑΙΔΟΣΓΕΓΟΝΟΣΚΟ
ΡΑΣΙΟΝΗΟΝΟΜΑΝΙΚΩΙΕ
ΡΟΝΤΩΣΑΡΑΠΙΠΑΡΑΜΕΙΝ
[redacted]ΗΣΑΥΤΗΑΝΑΝΚΛΗΤΩΣ
ΕΩΣΑΝΙΗΤΗΝΑΝΑΘΕ
ΣΙΝΠΟΙΟΥΜΕΔΙΑΤΟΥ *sic*
ΣΥΝΕΔΡΙΟΥΚΑΤΤΟΝ
ΝΟΜΟΝ

No 4 bis.

ΞΙΟΣΤΑΝΜΑΤΕ
ΝΟΣΤΑ[redacted]ΑΙΗΝΕΝ
ΠΙΣΙΑΝΟΥΒΙ *vac.*

No 4.

ΜΝΑΣΙΚΛΕ[redacted]ΣΑΡΧΩΜΕΙΝΟΣΙΠΠΟΔΡΟΜ a
ΑΥΤΗΤΩΝΑΠΕΛΕΥΘΕΡΩΣΑΝΤΩΝ
ΤΗΑΝΕΓΚΛΕΙΤΩΣΑΣΚΑΙΩΕΙΚΗΜΙ
ΚΑΤΤΟΝΝΟΜΟΝ
ΘΕΟΔΩΡΟΥΑΡΧΟΝΤΟΣ b.
ΧΑΑΡΙΣΤΟΚΛΕΟΥΣΠΑΡΟ
ΤΟΥΣΑΝΙΕ[redacted]ΡΟΙΤΑΣΙ
vac. ΑΝΑΘΕ

Къ ст.: „Новыя Херонейскія надписи.“

№ 2.

a ΙΙΝΟΣ ΑΡΧΟΝΤΟΣ Ι[redacted]
Π [redacted] ΙΤΕΚΗΔΕΚΑΤΗΠΟΥΦΙΗΑ [redacted]
ΓΙΘΕΙΤΙΤΑΝ FΙΔΙΑΝ ΘΕΡΑΠΗΝ
ΚΗΤ [redacted] ΡΙΟΝΤΟ ΕΞΑΥΤΑΣ ΥΟΝ [redacted]
ΡΑΙΟ [redacted] ΩΣΤΕΙΣΑΡΑΠΕΙΤΑΝΑΝ [redacted]
ΠΟΙΙΟ [redacted] ΕΝΟ Σ ΔΙΑΤΩΣΟΥΝΕΔΡΙΩΚΑΤ
ΝΟΜΟΝ
b ΑΡΧΕΔΑΜΩ ΑΡΧΩΜΕΙΝΟΣΟΜΟΛΩΙΩΠΕΝΤΕΚΑΙΔΕΚΑΤΗΜΗΛΙΣ
ΦΙΛΗΜΟΝΟΣΑΝΑΤΙΘΗΤΙΤΩΣFΙΔΙΩΣΔΟΥΛΩΣΣΩΤΙΜΟΝΚΗΣΩΤΙ
ΧΑΝΙΑΡΩΣΤΕΙΣΕΡΑΠΙΠΑΡΑΜΕΙΝΑΝΤΑΣΑΥΤΗ.ΝΕΝΚΛΕΙΤΩΣΑΣΚ
ΣΩΕΙΤΑΝΑΝΑΘΕΣΙΝΠΟΙΟΥΜΕΝΑΔΙΑΤΩΣΥΝΕΔ [redacted] ΚΑΤΑΤΟΝΝΟΜΟΝ

(рельефъ)

c ΠΟΥΡΡΙΝΑΟ ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΜΕΙΝΟΣ ΕΡΜΑΙΩΠ [redacted]
ΤΕΚΗΔΕΚΑΤΗΕΠΙΤΙΜΟΣΣΑ [redacted] ΟΚΛ [redacted] ΣΚΗ
[redacted] ΦΡΟΣΟΝΑΙΑ ΡΑΤΑΣΜΑΤΕΡ [redacted] ΣΤΩΝ [redacted] ΩΝΑΝ
ΡΙΘΕΝΤΙΤΑΝ FΙΔΙΑΝ Θ ΡΕΠΤΑΝ ΣΩΙΛΑΝΙΑ
[redacted] ΤΕΙΣΑΡΑΠΙΠΑΡΑΜΕΙΝΑΣΑ.ΑΥΤΕΙ Σ ΓΩΣ Κ [redacted]
ΣΩΩΝΘΙΤΑΝΑΝΙΑ.ΩΣΙΝΠ.ΙΟΜΕΝΕΙΔΙΑΤΩ
[redacted] ΟΥΝΕΔΡΙΩ ΚΑΤΤΟΝ ΝΟΜΟΝ

№ 3.

a [redacted] ΝΘΙΩΑΡΧΩΜΕ
[redacted] ΚΑΤΗΡΟΔΩΝ
[redacted] ΑΝFΙΔΙΑΝΔ
[redacted] ΤΕΙΣΑΡΑΠΙΚΙ
[redacted] ΔΙΑΤΩΣΟΥΙ
b. [redacted] ΩΑΡΧΩΜΕ
[redacted] ΣΑΝΤΙΓΟ
[redacted] ΔΙΑΝΔΟΥ
[redacted] ΠΙΤΑ

№ 5.

ΤΕΝΤΕΚΑΙΔΕΚΑΤΗΔΑΜΩΝΚΑΦΙΣΙΩΝΟΣ
ΟΝΑΠΑΡΘΕΝΑΙΕΡΟΝΤΩΙΣΕΡΑΠΕΙΠΑΡΑ
ΝΙΩΣΙΝΑΝΕΝΚΛΗΤΩΣΤΗΝΑΝΑΘΕΣΙΝ
vac.

No 6.

Col. B		Col. A	
g.	Ν		
	ΑΝ	Ν	
	ΛΕΙ		
		ΣΑΝ	a
h.	ΑΥ	ΝΑΣΘ	
	ΑΡΑΝ	ΔΟΥΛΙ	
	ΔΑΚΗ	ΣΥΝΕΔ	
	ΜΜΕ	ΣΑΜΙΧΟΥΑ	b.
		ΛΑΣ	
i.	ΔΑΟ	ΡΙΟΝΑΙΟΝΟΙ	
	ΕΙΚΗ	ΡΑΚΛΕΩΝΑ	
	ΙΜΕΙ	ΠΟΙΟΥΜΕΝΟ	
	ΣΟΥΝΕ	ΕΡΟΧΟΥΑΛΙ	c
		ΕΥΘΙΟΥΔΑΜΟΣΙ	
k.	ΑΝΑΤΙΘΗΣΙΝ	ΔΟΥΛΑΝΕΡΜΑΙΑΙ	
	ΑΛΛΩΜΗΘΕΝΙ	ΒΩΣΚΑΙΑΜΕΙΣΕΙΤ	
		ΚΑΤΤΟΝΝΟΜΟΝ	
l.	ΣΑΜΟΚΛΕΙΟΣ	ΑΡΧΟΝΤΟΣΘΕΟΔΩΙ	d.
	ΙΣΑΡΑΠΙ	ΛΑΝΙΚΟΣΗΡΑΚΛΕΙΔΟΥΑ	
	ΝΝΟΜΟΝ	ΑΝΔΡΩΝΑΠΑΡΑΜΕΙΝΑ	
	ΤΑΤΤΕΙΑΥΤΕ	ΣΑΜΙΧΟΥΤΗΝΑΝΑΘΕΣΙΝ	
		ΚΑΙΚΑΤΕΒΑΛΕΤΟΓΙΝΟΜ	
m.	ΙΣΟΔΩΡΩ	ΔΕΞΙΠΠΟΥΑΡΧΟΝΤΟΣΜΗ	e.
	ΑΝΤΙΘΕΙΤΙ	ΡΙΣΑΣΤΙΟΥΑΝΑΤΙΘΗΣΙΝΚΙ	
	ΑΘΕΣΙΝΠΟΙΟ	ΟΜΟΛΩΙΝΚΑΙΣΩΙΛΑΝΜΗ	
	ΕΙΜΑΤΕΙΤΑΜΙΗ	ΠΟΙΟΥΜΕΝΗΔΙΑΤΟΥΣΥΝΕΔΙ	
	ΕΚΗΔΕΚΑΤΗΛΕ	ΑΡΧΟΝΤΟΣΝΙΚΩΝΟΣ	f.
	ΝΔΟΥΛΟΝΑΡΧΩ	ΤΗΑΡΙΣΤΟΚΛΕΙΣΚΑΛΛ	
	ΝΟΣΔΙΑΤΩΣΟΥΝΕ	ΑΝΤΙΘΕΝΤΙΤΟΝΕΙΔΙΟ	
		ΣΑΡΑΠΙΤΑΝΑΝΑΘΕΣΙ	
		ΩΚΑΤΑΤΟΝΝΟΜΟΝ	

No 7.

Col. A.		Col. B.	
		ΜΗΝΟΣΑΛΑΛΚΟΜΕΝΙΟΥ	c.
		ΤΟΥΠΥΡΙΝΟΥΤΙΜΩΝΟ	
		ΠΑΡΑΜΕΙΝΑΣΑΝΕ	
a.	ΣΑΓΡΙΩΝΙΩ		
	ΝΟΣΠΑΡΙΟΝΤΟΣ	ΚΡΑΤΓ	
	ΣΑΝΤΙΘΕΙΤΙ	ΚΑΛ	
	ΔΟΥΛΑΣΝΙΚΩΝ	ΙΑΡΩ	
	ΑΣΑΣΑΥΤΗΑΣ	ΔΙΑ	
	ΘΕΣΙΝΔΙΑΤΩ	ΑΝ	
		ΕΡΜ	
b.	ΓΝΟΣΔΑΜΑΤΡΙΩ	ΚΑ	
	ΛΗΜΟΝΟΣΑ	ΤΕ	
	ΠΠΟΥΘ	Μ	
	ΥΣ		

№ 9.

a. . Ε . . . . ΤΟΡΟΣ Σ . . Ν
. ΩΠΕΝΤΕΚΗΔΕΚΑΤΗΔΑΜΩΙΑΡΩΝΟΣΑΝΤΙ
. ΑΜΙΔΙΤΗΕΛΙΘΙΟΥΙΗΤΑΝΑΝΑΘΕΣΙΝΠΟΙΙΟΜΕΙ
ΟΑΔΕΛΦΙΟΣΘΟΙΝΩ.ΟΙΑΡΩΝΟΣΚΗΙΑΡΩΝΚΗΕΠΗΝΕΤΟ
.ΘΟΙΝΩΝΟΣΣ
ΘΕΟ sic.
ΑΡΙΣΤΟΝΙΚΩΑΡ
ΧΩΕΥΔΑΜΟΣΑΡ
ΙΣΤΟΔΑΜΩΑ
ΝΤΙΘΕΙΤΙΤΑΝ
FΙΔΙΑΝΔΟΥΑΝ sic.
ΗΟΝΙΟΥΜΑΣ
ΩΣΙΧΑΙΑΡΑ
ΝΤΗΑΡΤΑΜ.
ΔΙΤΗΕΙΛΙΘΙΗΠ
ΑΡΜΕΙΝΑΣΑΝ
ΑΥΤΥΑΩΣΚΑ sic.
ΙΩΕΙΠΟΙΟΜΕ
ΝΟΣΤΑΝΑΝΘ
ΕΣΙΝΚΑΤΤΟΝ
ΝΟΜΟΝΣΟΥΝΕ
ΠΙΝΝΕΥΟΝΤ
ΩΗΑΥΤΥΝΙΚ
ΩΝΟΣΚΗΑΠΟ
ΛΛΩΣ

№ 8.

ΑΡΧΟΝΤΟΣΕΥΒΟΥΛΟΥ
ΣΥΡ.ΝΑΣΙΜΙΟΥΠΑΡΟ
ΡΕΣΤΟΥΣΗΣΑΥΤΗ
ΙΔΙΑΝΘΡΕΠΤΗΝΧΡΥΣΙ
ΤΗΝΑΝΑΘΕΣΙΝΠΟΙΟ

№ 10.

Ст. А.

ΑΡΧΟΝΤΟΣΕΥΑΝΔΡΟΥΜΗΝΟΣΒΟΥΚΑΤΙ
ΟΥΠΕΝΤΕΚΑΙΔΕΚΑΤΗΘΕΩΝΔΙΟΛΥΣΙΟΥ
ΚΑΙΑΘΗΝΑΙΣΦΑΩΝΟΣΚΑΤΟΙΚΟΥΝΤΕΣ
ΕΓΧΑΙΡΩΝΕΙΑΙΑΝΕΘΗΚΑΝΤΗΝΙΔΙΑΝ
ΘΡΕΠΤΗΝΔΙΟΝΥΣΙΑΝΙΕΡΑΝΤΗΜΗ
ΤΡΙΤΩΝΘΕΩΝΠΑΡΑΜΕΙΝΑΣΑΝΕΑΥΤΟ
ΙΣΕΩΣΑΝΖΩΣΙΝΑΝΕΝΚΛΗΤΩΣΚΑΙΘΕΩ
ΔΙΟΝΥΣΙΟΥΑ.ΑΤΙΟΗΣΙΝΤΟΝΙΔΙΟΝΔΟ
ΛΟΝΚΕΡΔΩΝΑΩΣΑΥΤΩΣΠΑΡΑΜΕ
ΝΑΝΤΑΕΑΥΤΩΤΕΚΑΙΑΘΗΝΑΙΔΙΕΩΣΖΩΣ
ΑΝΕΓΚΛΗΤΩΣΤΗΝΑΝΑΘΕΣΙΝΠΟΙΟΥΜΕΝ
ΟΙΔΙΑΤΟΥΣΥΝΕΔΡΙΟΥΚΑΤΑΤΟΝΝΟΜΟΝ

Ст. В.

.ΜΡΩΝΔΑΟΑ
ΜΕΙΝΟΣΘΙΟΥΙΩ
ΤΡΑΔΙΑΠΙΟΝΤΟΣΛ
ΜΠΡΙΣΚΑΛΛΩΝΟ
.ΝΤΙΘΕΙΤΙΤΟΝFΙΔ
ΟΝΔΟΥΛΟΝΑΠΟΛΛΩ
ΝΙΟΝΙΑΡΟΝΤΗΜΑΤΡ.
ΤΗΤΗΜΕΓΑΛΗΤΑΝΑ
ΝΑΘΕΣΙΝΠΟΙΙΟΜΕΝΑ
ΔΙΑΤΩΣΟΥΝΕΔΡΙΩΚΑ
ΤΤΟΝΝΟΜΟΝΠΑΡΕΙΣ
ΑΑΜΠΡΙΔΙΟΑΔΕΛΦΙΟΣ sic
ΛΑΝΡΩΝΚΑΛΛΩΝΟ. sic

сообщить здѣсь мои копіи этихъ четырехъ актовъ и еще пятаго, не изданнаго Дешарномъ и сохранившагося гораздо хуже, но такъ, что все-таки можно еще возстановить его смыслъ. Я не даю эпиграфическаго текста, такъ какъ онъ данъ въ сборникѣ Дешарма, хотя не вполнѣ точно (способъ расположенія строкъ одна подъ другою совершенно не отмѣченъ). Отъ остальныхъ трехъ актовъ, вырѣзанныхъ на жертвенникѣ, сохранилось только по нѣскольку буквъ, такъ что возстановить ихъ содержаніе нѣтъ возможности.

№ 1.

[᾿Απο]λλ[ωνί]δαο ἄρχον-
τος, [ἱα]ρειάδδοντος [᾿Αντι-
γ]ένιος [Σω]κράτιος, ἱαραρχιό[ν]-
των ῾Αγεισιν[ί]κω Σού[βραχ]ος,
Σωσιβίω Πουθίλλιος,
ἀντίθειτι Θίων Δαματρίχ-
[ω] τὸν ϝίδιον ϝοιχέταν ᾿Ακρίσιο[ν]
ἱαρὸν εἶμεν τῶ Σαράπιος κὴ τᾶ-
[ς ῎Ι]σιος· κὴ μεὶ ἐξεῖμεν μει-
θενὶ ἐφάπτεστ[η] μειδὲ κα-
ταδουλίτταστη· ἠ δέ κά τις ἐφά-
πτειτη, κούριος ἔστω ὁ ἱαρεὺς κὴ τὺ
ἱαράρχη κὴ τὺ σούνεδρυ συλῶντες κὴ
δαμιώοντες.

Варіанты изданія Дешарма. Стр. 1: [᾿Αντιγε]νίδαο.—Стр. 2—3: ᾿Αντι[γέ]νιος.—Стр. 3: Σωκράτ[ιο]ς. Стр. 3—4: ἱαραρχό[ντω]ν.—Стр. 4: ᾿Αγει[σά]ν[δρ]ω съ примѣчаніемъ на стран. 7: „᾿Αγεισάνδρω me paraît restitué avec certitude; car il est impossible de former un autre mot avec les lettres lisibles sur la pierre, et d'ailleurs c'est un nom propre béotien et même orchoménien“ [1]). Та же строка: Σούβραχος. Стр. 5 нач. [κὴ]; на камнѣ эта строка начинается правѣе строки 4-й и передъ именемъ Σωσιβίω ничего не было вырѣзано. Стр. 6—7: Δαματριχ[ί|ω τ]όν. Стр. 12: [κ]ούριος.

Невѣрно прочитавъ ἱαραρχόντων въ этой записи и въ слѣдующей, Дешармъ предупредительно объясняетъ читателямъ (стр. 12), что эта

[1]) Имя ῾Αγεισίνικος также встрѣчается въ Орхоменѣ, напримѣръ у Рангависа въ Ant. Hell. II № 1304 (= Keil, Zur Syll. inscr. Boeot. № XXXVII, стр. 562) и др.

форма происходитъ-де отъ (не существующаго) глагола ἱεράρχω, тогда какъ въ 3-й записи стоитъ причастіе ἱαραρχιόντων отъ ἱεραρχέω. На самомъ дѣлѣ на камнѣ во всѣхъ трехъ записяхъ ясно читается правильная беотійская форма ἱαραρχιόντων [1]).

№ 2.

Ἰφιδάμω [ἄρχοντος, ἱαρειάδδοντος]
Εὐμείλω Διοσ[κορίδαο,]
ἱαραρχιόντων Σωκρά[τιος]
Καφισοδώρω, Ἀριστίωνος Ἀ-
ριστίωνος, ἀντί[θει]τι ...
Ἀγαθὰ Ἐπιχαρ[ίδ]αο [π]αρι[όν]-
τος αὐτῆ τῶ οὑ[ι]ῶ Ἐπι-
κλεῖος Ἀγάθων[ος] τὰν
ϝιδίαν θερά-
πηναν Νιουμῶν
ἱαρὰν εἶμεν τῶ Σαρά[π]ιος
κὴ τᾶς Ἴσιος· κὴ μεὶ ἐξεῖμεν
μειθενὶ Νιουμῶς ἐ[φ]άπτεστ[η]
μειδὲ καταδουλ[ίτ]τα[σ]τη· ἡ δέ κά
[τι]ς ἐφάπ[τ]ειτη, κο[ύ]ριος [ἔστω] ὁ ἱαρε[ὺς]
κὴ τὺ ἱαράρχη κὴ [τὺ] σούνεδρ[υ]
σουλῶντες κὴ δα[μιώ]-
οντες.

Варіанты. Строки 1, 2 и 15 совершенно не прочитаны французскимъ издателемъ. Стр. 3: [ἱα]ραρχόντων. Стр. 4—5: Ἀριστίωνος | Ἀριστίωνος. Стр. 5: ἀντί[θειτι]. Стр. 6: Ἐπιχαρ[ί]λαο, [π]α[ρόν|το]ς. Стр. 7: [ο]ὑ[ιῶ Καλλι]|κλεῖος. Стр. 8: Ἀγάθωνος. Стр. 10: Νιου[μ]ὼν [ἱ]αρὰν. Стр. 12: [ἐξ]εῖμ[εν]. Стр. 14: καταδαυ[λι]ττᾶσ[τη] ἡ δέ [κά τις] | и т. д. Стр. 16: [τὺ ἱ]αρά[ρ]χη κὴ τὺ σούν[εδρυ]. Стр. 17—18: δαμιώ|οντες.

№ 3.

Κ[αφι]σ[ο]δ[ά]μω ἄρχοντος, ἱαρειάδ-
δο[ντ]ο[ς] Χαρίαο Ἐ[π]ωφελίδαο, ἱαραρ-
χιόντων Λιουσίαο Ἐπι[χ]άριος, Εὐρέαο
Δάμωνος, ἀντίθειτι Ἀθανόδωρος Δορ-
κίλλιος τὰν ϝιδίαν θεράπηναν Καρ-
δάμαν ἱαρὰν εἶμεν τῶ Σαράπιος κὴ

[1]) Ср. Beermann. De dial. boeot. стр. 21. R. Meister, Die griech. Dial. I, p. 245 и 280. т

τᾶς Ἴσιος· χὴ μεὶ ἐξεῖμεν μειθενὶ
Καρδάμας ἐφάπτεστη μειδὲ
καταδουλίτταστη· ἡ δέ χά τις ἐ-
φάπτειτη, χούριος ἔστω ὁ ἱα-
ρεὺς χὴ τοὶ ἱαράρχη χὴ τὺ σού-
νεδρυ σουλῶντες χὴ δα-
μιώοντες.

Варіанты и примѣчанія. Въ стр. 1-й въ имени архонта Дешармъ не прочиталъ ни одной буквы; впрочемъ и мое возстановленіе, основанное на нѣсколькихъ неясно видныхъ буквахъ, не можетъ быть названо несомнѣннымъ. Стр. 1—2: ἱαρ[ειάδδο|ντος Εὐ]χάρ[ει]ος [Εὐκ]λί-δαο. Въ предложенномъ мною чтеніи сомнительны только двѣ первыя буквы въ имени Ἐπωφελίδαο: Ε можетъ быть принята и за Σ, отъ Π сохранилась только лѣвая вертикальная черта; во всякомъ случаѣ имя образовано совершенно правильно отъ Ἐπωφέλης, какъ patronymicum. Въ концѣ стр. 2-й буквы ΙΑΡΑΡ не прочитаны Дешармомъ. Стр. 3 возстановлена у него такъ: χιόντων.... δραο Ἐπι[χ]άριος Εὐα-[ρίδαο]; но на камнѣ имена Διουσίαο и Εὐρέαο читаются довольно хорошо. Форма Διουσίας (=Δυσίας) встрѣчается и въ другихъ орхоменскихъ документахъ [1]); имя Εὐρέας было весьма употребительно въ Беотіи. Стр. 4—5: Δορ[ί]λλιος съ примѣчаніемъ, что новое имя Δορίλλης „appartient à la catégorie des noms propres tirés du mot δορύ" (sic). На самомъ же дѣлѣ на камнѣ въ началѣ стр. 5-й замѣтна еще верхняя часть буквы К, а слѣдующая I видна довольно ясно. Возстановленное такимъ образомъ имя владѣльца даетъ намъ возможность опредѣлить приблизительно временное отношеніе сообщаемыхъ записей (принадлежащихъ, судя по формѣ изложенія, почти одному времени) къ двумъ записямъ, изданнымъ Фукаромъ. По мнѣнію издателя, эти двѣ записи должны быть немного древнѣе нашихъ, судя по діалектическимъ формамъ и нѣкоторымъ подробностямъ редакціи; теперь мы можемъ сказать, что разница между ними—только на одно поколѣніе, такъ какъ записанный въ числѣ полемарховъ въ актахъ г. Фукара Δορκίλλης Ἀθανοδώρω, по всей вѣроятности, отецъ нашего Аѳанодора. Въ стр. 5-й Дешармъ прочиталъ ΘΕΡΑΠΝΑΝ. Остальная часть документа читается на столько ясно, что для снятія съ нея вѣрной копіи Дешарму, вѣроятно, не понадобилось долготерпѣніе.

[1]) Напримѣръ, у Рангависа, Ant. Hellén. II, № 1306 (=Keil, Zur Sylloge inscr. boeot., стр. 631). Ср. Beermann, De dial. boeot. стр. 56. Meister, Die griech. Dial. I, стр. 233.

№ 4.

Χαρει[τι]άδου ἄρχοντος, ἱερητεύοντος
Φιλοξένου Εὐνόμου, κατοπτευόντ[ω-
ν] Ὑπν[οδότ]ου Ἀντιγενείδου, Πυθίλλους
Σω[σί]μου, ἀνατιθέασιν [Ἱ]εροκλῆς Πυθί-
νου καὶ [Ἀν]θιππίνα Καφισοδώρου καὶ Σώ-
κλεια Ἱε[ρ]οκλέους τὴν ἰδίαν θεράπαιναν
Σωσῶν ἱερὰν εἶναι το[ῦ] Σαράπιδος καὶ
[τ]ῆς Ἴσιδος, παραμεινά[σης] Σωσῶς Ἱερο-
κλεῖ καὶ [Ἀν]θιππίνᾳ μέχρι ἂν ζῶσι· ἐὰν [δε
μὴ] παραμείνῃ ἢ μὴ ποι[ῇ] πᾶν τὸ προστασσό-
μ]ε[ν]ον, ἐξουσία ἔστω Ι.

Варіанты и примѣчанія. Стр. 2: κατοπ[ιπ]ευόντω[ν] съ замѣчаніемъ: „Il semblerait naturel de lire κατοπτευόντων, d'où le substantif κατόπτης. Mais la lacune qui existe sur la pierre, est certainement de deux lettres; et si composé κατοπιπεύω ne se trouve pas dans le Thesaurus, le simple ὀπιπεύω existe. Malgré la défiance qui doit accueillir des mots nouveaux, je crois pouvoir accepter le verbe κατοπιπεύω comme une forme nouvelle et probablement locale de κατοπτεύω“. На самомъ дѣлѣ буква Τ еще довольно ясно видна на камнѣ (хотя, дѣйствительно, отдѣлена отъ предшествующей и слѣдующей буквъ нѣсколько бо́льшими противъ обыкновенныхъ промежутками), такъ что ученые [1]) совершенно справедливо сомнѣвались въ вѣрности выдуманной Дешармомъ формы. Стр. 3: Ὑπνο[δό]του; это чтеніе не можетъ считаться несомнѣннымъ; въ моей эпиграфической копіи стоитъ ΥΠΝ. . .ΙΟΥ. Стр. 4: [Σ]ω[σί]μου; объ этой формѣ (вм. Ζωσίμου) ср. Keil, Syll. inscr. Boeot. № XXII b. Стр. 4—5: [Π]υθίλ[λ]ους]; мое чтеніе несомнѣнно; существованіе имени Πυθίνης въ Орхоменѣ подтверждается, напримѣръ, финансовымъ отчетомъ, изд. въ Bull. de corr. hell. IV, стр. 89. Стр. 5: Χαιριππῖνα Καφισοδώρου, Κ[αλλί]κλεια. Союзъ καί въ обоихъ случаяхъ несомнѣненъ; можно сомнѣваться только въ вѣрности возстановленія перваго женскаго имени, которое въ моей эпиграфической копіи записано, какъ въ этой, такъ и въ 9-й строкахъ ..ΟΙΙΙΠΙΝΑ; имена Ἀνθίππη и Ἄνθιππος извѣстны (см. Лексиконъ греч. собств. именъ Папе-Бензелера). Стр. 7—8: καὶ [τῆ]ς Ἴ]σιδος. Стр. 8: παραμείν[ηι δὲ]; предлагаемое нами возстановленіе подсказывается родит. падежомъ имени рабыни. Въ стр. 9-й

[1]) Напримѣръ E. Preuss, Quaestiones boeoticae (Programm des Nicolaigymnasiums in Leipzig, 1879) стр. 17.

женское имя совершенно не разобрано Дешармомъ. Стр. 9—10: ἐὰν [δὲ μὴ] παραμείνῃ; остальная часть стр. 10 не прочитана и не возстановлена. Въ стр. 11 читается ....ἐξουσία ἔστωι, причемъ ι въ послѣднемъ словѣ издатель считаетъ прибавленною по ошибкѣ рѣзчика къ ἔστω.

По поводу строкъ 9—11 издатель замѣчаетъ совершенно справедливо, что въ нихъ заключалась формула, аналогичная съ встрѣчающимися въ дельфійскихъ надписяхъ формулами, въ родѣ ἐξουσίαν ἐχέτω ὁ δεῖνα ἐπιτιμέων τρόπῳ ᾧ θέλοι и т. под.; но въ нашей записи формула, по его мнѣнію, должна была быть гораздо короче, „car l'espace manque sur la pierre si l'on veut restituer: Ἱεροκλεῖ ἐπιτιμέοντι τρόπῳ ᾧ θέλοι, ἐξουσία ἔστω". Дѣло было, кажется, не совсѣмъ такъ: нѣсколько лишнихъ буквъ, прочитанныхъ мною въ стр. 10 и въ началѣ 11-й, дѣлаютъ несомнѣннымъ предложенное выше, въ текстѣ, возстановленіе этихъ строкъ [1]), а въ такомъ случаѣ необходимо заключить, что запись не окончена. Принимая послѣднюю букву (I) стр. 11-й за начальную букву имени владѣльца рабыни, можно думать, что не вырѣзанное окончаніе фразы должно было имѣть приблизительно слѣдующій видъ: ἐξουσία ἔστω Ἱ[εροκλεῖ καὶ Ἀνθιππίναι ἐπιτιμᾶν (или κολάζειν) τρόπωι ὧι ἂν θέλωσιν].

Эта послѣдняя запись сдѣлана гораздо небрежнѣе, чѣмъ три первыя, и совсѣмъ другою рукою; буквы въ ней гораздо мельче и не равны между собою. Она вырѣзана по обѣимъ сторонамъ одной изъ вышеупомянутыхъ рельефныхъ повязокъ, тогда какъ остальныя—въ промежуткахъ между ними. Судя по характеру письма, она принадлежитъ значительно болѣе позднему времени, нежели предыдущія, которыя могутъ быть отнесены къ концу III или началу II вѣка до Р. Хр.

№ 5.

Слѣдующій разобранный мною документъ сохранился гораздо хуже предыдущихъ. Но такъ какъ онъ принадлежитъ къ одному году съ № 1, какъ видно изъ сохранившихся отчасти именъ жреца и іерарховъ, то оказалось возможнымъ возстановить его почти вполнѣ (кромѣ именъ собственныхъ) слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Ср. Wescher-Foucart, Inscr. rec. à Delphes, № 64: Εἰ δέ κα ἢ μὴ παραμένῃ ἢ μὴ ποῇ τὸ ποτιτασσόμενον Καλλικράτης Πάτρωνι, κύριος ἔστω κολάζων и т. д.— Подобные примѣры можно встрѣтить во множествѣ дельфійскихъ актовъ. Въ моей эпиграфической копіи строка 11 нашей Орхоменской надписи записана такъ: ΕΙΟΝΕΞΟΥΣΙΑΕΣΤΩΙ (буквы ΝΕ вырѣзаны вязью).

1. [Ἀπολλωνίδαο ἄρχοντος, ἱαρειά]δ[δ]οντος Ἀντιγένι[ος Σωκράτιος, ἱαρ]αργιόντων [Σωσιβίω Π]ουθίλλιος, [Ἀ]γεισινίκω [Σούβρχχος,] ἀντίθεντι ......ος Δαμοκλίδαο κὴ Ἱππαρέ-[τα — — κὴ] Δαμοκλίδα[ς κ]ὴ Φιλο[κλεῖ]ς κὴ Τιμοκρά[τεις — — — — — — —] τῶς ϝιδίως ϝοικέτας Σουρίν-[αν κὴ .....ωνα] ἱαρὼς εἶμεν [τῶ] Σαράπιος κὴ τᾶς Ἴσιος· κὴ [μεὶ ἐ]ξεῖ[μεν μειθενὶ ἐφά]πτεσ[τη] μειδὲ κατα[δουλίτταστη Σουρίναν κὴ .....]ωνα· εἰ δέ [κ]ά [τις ἐφάπτειτη, κούριος ἔστω ὁ ἱαρεὺ]ς κὴ τὺ ἱα-[ράργη κὴ τὺ σούνεδρυ συ]υλῶν[τες κὴ δ]αμιώον-[τες].

Редакція записи совершенно та же, что̀ въ трехъ первыхъ; только въ стр. 8-й вмѣсто род. падежа именъ посвящаемыхъ поставленъ винит. въ зависимости отъ глагола καταδουλίτταστη, какъ въ двухъ актахъ, изданныхъ Фукаромъ. Посвятила рабовъ, по видимому, цѣлая семья, состоявшая изъ отца, матери и троихъ или четверыхъ дѣтей (изъ которыхъ одинъ сынъ носилъ, по греческому обычаю, имя дѣда съ отцовской стороны). Точно также въ актѣ № 4 записаны, по видимому, отецъ, мать и дочь.

В. Латышевъ.

Замѣтка о копіи писемъ Антонина (помѣщ. въ статьѣ «Эпиграфическіе этюды, III» въ отдѣлѣ классич. филологіи іюльской книги Журнала Мин. Нар. Просв. 1881 года). Въ концѣ ноября 1881 г., проѣздомъ черезъ деревню св. Димитрія, я имѣлъ случай еще разъ сличить съ камнемъ мою копію этого документа и исправить въ ней двѣ-три маленькія неточности. Именно, въ началѣ строки 16-й вмѣсто δώσουσι μὲν νόμιον слѣдуетъ читать δώσουσιν ἐννόμιον. Въ концѣ той же строки еще видна на камнѣ буква Ε (ὀφε[ί]λειν). Въ стр. 17 я напрасно приписалъ ошибку рѣзчику надписи: на камнѣ стоитъ ΕΝΕΧΥΡΑΑΥΤΟΙϹ. Сверхъ того, какъ въ транскрипціи текста, такъ и въ эпиграфической копіи (приложенной къ августовской книгѣ Журнала), въ стр. 1-й надо читать [ἐ]πείθεσθε вмѣсто поставленнаго по ошибкѣ [ἐ]πείσθεσθε и въ одной только эпигр. копіи въ стр. 13 и 15—ΘΙϹΒΕΩΝ и ΘΙϹΒΕΙϹ вмѣсто ΘΙϹΘΕΩΝ и ΘΙϹΘΕΙϹ.

В. Л.

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

СТРАН.

Именной Высочайшій указъ 21

Высочайшія повелѣнія.

1. (16-го сентября 1882 г.). О предоставленіи министерству народнаго просвѣщенія утверждать уставы вспомогательныхъ и ссудо-сберегательныхъ кассъ для служащихъ по вѣдомству этого министерства. 3

2. (20-го сентября 1882 г.). О присвоеніи народной школѣ въ д. Лозоваткѣ, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи, наименованія „Лозоватской Алексѣя фонъ-Буксгевдена народной школы“. 4

3. (26-го октября 1882 г.). О почетныхъ смотрителяхъ при пансіонахъ для киргизскихъ и русскихъ дѣтей въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской. . . . . —

4. (20-го октября 1882 г.). О преобразованіи С.-Петербургской Введенской шестиклассной прогимназіи въ гимназію. . . 5

5. (20-го октября 1882 г.). Объ учрежденіи при коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ двухъ должностей помощниковъ воспитателей. —

6. (4-го октября 1882 г.). О примѣненіи къ Елисаветградскому земскому реальному училищу общаго устава реальныхъ училищъ 22

7 (11-го октября 1882 г.). Объ освобожденіи воспитанниковъ Ташкентской и Вѣрненской ученическихъ квартиръ отъ платы за ученіе въ мѣстныхъ гимназіяхъ 24

8. (2-го декабря 1882 г.). Объ учрежденіи премій имени тайнаго совѣтника Н. И. Пирогова при Кіевскомъ отдѣлѣ Общества классической филологіи и педагогики. 25

9. (8-го декабря 1882 г.). Объ учрежденіи денежнаго фонда имени К. И. Мая . . . . —

10. (26-го октября 1882 г.). О служебныхъ правахъ инспектора татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа. 26

11. (2-го ноября 1882 г.). О срокахъ обязательной службы для обучавшихся на казенный счетъ въ Сибирскихъ, Уфимской, Астраханской и Пермской гимназіяхъ . . . . —

12. (2-го ноября 1882 г.). О замѣщеніи отсутствующихъ членовъ въ правленіи института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи. 27

13. (9-го ноября 1882 г.). О причисленіи къ спеціальнымъ средствамъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи различныхъ растеній университетскихъ ботаническихъ садовъ 28

14. (16-го ноября 1882 г.). О разрѣшеніи открывать городскія училища во всѣхъ городахъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской 21

15. (16-го ноября 1882 г.). О преобразованіи и правахъ училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины въ С.-Петербургѣ . . . . —

16. (2-го декабря 1882 г.). Объ учрежденіи при Императорской академіи наукъ преміи за лучшее историческое описаніе двадцатипятилѣтія Императора Александра II. 30

СТРАН.

Высочайшие приказы.

2-го декабря 1882 г. (№ 17). 6
(№ 18). 45
(№ 19). . . , ... —
(№ 1). 46

Высочайшія награды 31

Министерскія распоряженія.

1. (19-го ноября 1882 г.). Правила для стипендіи графовъ Муравьева-Амурскаго и Игнатьева. 7

2. (20-го ноября 1882 г.). Положеніе о стипендіи потомственнаго почетнаго гражданина Платона Осиповича Иванова при С.-Петербургской VII мужской гимназіи. 8

3. (25-го ноября 1882 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго Курскаго городскаго головы Прокопія Адріановича Устимовича при Курскомъ реальномъ училищѣ. . . . . —

4. (5-го декабря 1882 года). Правила для стипендіи Алоисія Валевскаго, учрежденной при институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи. 9

5. (8-го декабря 1882 года). Положеніе о стипендіи при Казанскомъ реальномъ училищѣ для сыновей лицъ почтоваго вѣдомства. 11

6. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей „Справочно-объяснительнаго Словаря къ Новому завѣту" Гильтебрандта. 47

7. (11-го декабря 1882 г.). Правила о конкурсѣ на учреждаемую при Императорской академіи наукъ, на счетъ пожертвованнаго Тамбовскимъ дворянствомъ капитала въ 5 т. р., премію за составленіе исторіи первыхъ 25-ти лѣтъ царствованія Императора Александра II. 48

8. (11-го декабря 1882 г.). Положеніе о преміяхъ имени бывшаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Н. И. Пирогова, при Кіевскомъ отдѣленіи Общества классической филологіи и педагогики. . . . . —

СТРАН.

9. (14-го декабря 1882 г.). Положеніе о денежномъ фондѣ имени содержателя частной гимназіи въ С.-Петербургѣ Карла Ивановича Мая 49

10. (17-го декабря 1882 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени супруги тайнаго совѣтника Леокадіи Александровны Дурново при Екатеринославской Маріинской женской гимназіи. . . . 51

11. (22-го декабря 1882 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей журнала „Русскій Филологическій Вѣстникъ". 52

12. (23-го декабря 1882 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ выдачи учителямъ третнаго не въ зачетъ жалованья. 53

13. (31-го декабря 1882 г.). Правила о единовременномъ пособіи учреждаемомъ при Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго служащими въ Московскомъ купеческомъ банкѣ 54

14. (31-го декабря 1882 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ по вопросу о наказаніи учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній карцеромъ. 55

15. (31-го декабря 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II при Вѣрненской мужской гимназіи или при одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Туркестантскаго края 55

16. (10-го января 1883 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ касательно условій пріобрѣтенія учебными заведеніями „Отечественной исторіи" въ картинахъ, соч. С. Ч. Рождественскаго. 57

17. (10-го января 1883 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціею „Курса ариеметики" А. Серре, перев. Юденича. 58

18. (10-го января 1883 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей книги „Исторія царствованія Императора Александра II". . . . . . . —

19. (10-го января 1883 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей новаго изданія сочиненій Пушкина. 59

20. (15-го января 1883 г.). Положеніе о стипендіи имени Бориса Львовича Редрикова при Александровской Серпуховской прогимназіи. 59

СТРАН.

21. (17-го сентября 1882 г.), Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей педагогической энциклопедіи Шмида. 60

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

О книгѣ: „Старославянская грамматика". Составилъ М. Колосовъ. 12

О книгѣ: „Русская историческая библіографія за 1865—1876 г. включительно". Составилъ В. И. Межовъ. . . . . . —

О книгѣ: „Руководство къ изученію главныхъ основаній педагогики въ учительскихъ семинаріяхъ министерства народнаго просвѣщенія". Составилъ Иванъ Никольскій. , ... —

О книгѣ: „Modern Englich". Составилъ Р. Гердъ. . . . —

О книгѣ: „Livre de lecture, composé pour servir, à l'enseignement de la langue française, dans les classes élémentaires". . —

О книгѣ: „Избранныя сатиры Горація для среднихъ учебныхъ заведеній, латинскій текстъ съ русскими примѣчаніями и со статьей о Гораціѣ". В. И. Модестова. . . . . —

О книгѣ: „Пособіе для практическихъ занятій при первоначальномъ изученіи русскаго языка въ гимназіяхъ". Составилъ М. Николенко . . . . , . 13

О книгѣ: „Сборникъ геометрическихъ задачъ, примѣненный къ курсамъ гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній". Составилъ В. П. Мининъ . . . . . . —

О книгѣ: „Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли и объясненіемъ каждой статьи, съ 300 темъ и плановъ для устныхъ и письменныхъ упражненій и съ біографіями писателей". Изданіе Н. Невзорова. . . . . . . , ... —

О книгѣ: „Очеркъ элементарныхъ свѣдѣній изъ психологіи и логики съ педагогическими выводами". Составлено И. Соломоновскимъ . . . . —

О книгѣ: „Прокопія Кессарійскаго исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандалами и Готѳами". Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса. . . . . —

О книгѣ: „Греческо-русскій словарь", составленный А. Д. Вейсманомъ. . . . . —

Стран.

О книгѣ: „Дневникъ для записыванія уроковъ учениковъ и учевицъ различныхъ учебныхъ заведеній“. Составленный Н. Казецкимъ 60

О книгѣ: „Систематическій сборникъ ариометическихъ задачъ“. Составилъ В. Арбузовъ. . . . . —

О книгѣ: „Deutsche Chrestomatie für russiche Gymnasien, Progymnasien und Realschulen mit sprachlichen, sachligen Erklärungen, und einem deutsch-russischen Wörterbuche von Friedrich Brandt . . . . , ... —

О книгѣ: „Біографіи и характеристики отечественныхъ образцовыхъ писателей“. Составилъ К. Козьминъ. . . . . . —

О книгѣ: „О заговорѣ Катилины, Саллюстія“. Издалъ Нагуевскій . . . . —

О книгѣ: „Теорія словесности“. Составилъ К. Козьминъ. . —

О книгѣ: „Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій съ примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ“. Составилъ Иванъ Аллендорфъ. . . . . —

О книгѣ: „Учебный курсъ ботаники“. А. П. Кирпотенко. . —

О книгѣ: „Учебникъ латинскаго языка“. Составилъ Смирновъ. 62

О книгѣ: „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка, побережья Ладожскаго озера А. А. Иностранцева“. . . . . . . —

О книгѣ: „Книга упражненій по греческой этимологіи, по руководству И. Везенера“. Составилъ Э. Черный. . . . . . —

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

О книгѣ: „Элементарное объясненіе явленій природы“. Составилъ А. Игнатовичъ. 14

О книгахъ: 1) „Нѣтъ работы, нѣтъ и хлѣба“. 2) „Подъ старость—радость“. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло“. —

О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Поученія о состраданіи къ животнымъ“, священника „Мартирія Чемены“ . . . . . . —

О книгѣ: „Общеобразовательныя бесѣды съ нижними чинами и народомъ“. Изданіе Павла Меньшикова. . . . . —

О книгѣ: „Курсъ педагогики, дидактики и методики“. Составилъ В. Тихомировъ. . . . . —

Стран.

О книгѣ: „Русскій самоучка Семенъ Прокофьевичъ Власовъ". Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло". 14
О книгѣ: „Турчанка Галя". Разказъ Н. Бутовскаго. . . . —
О книгѣ: „Вода въ воздухѣ". Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло". 15
О книгѣ: „Руководство къ наблюденію природы и собиранію естественно-историческихъ коллекцій". Составилъ А. П. Кирпотенко . . . . —
О книгахъ 1) „Вода въ трехъ видахъ". 2) „Замѣчательные русскіе люди". Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло". . —
О книгѣ: „Катакомбы". Сочиненіе Евгеніи Туръ. . . . . —
О книгѣ: „Начальное обученіе ариѳметикѣ". А. Литвинскій. —
О книгѣ: „Обученіе грамотѣ". Составлена С. Миропольскимъ . . . . —
О книгѣ: „Завоеваніе Ахалъ-Теке". А. Маслова. 62
О книгѣ: „Странствователь по Казанской губерніи". Изд. редакціи журнала „Мірской Вѣстникъ". . . . . —
О брошюрѣ: „Бесѣда о привитіи оспы". 63
О книгѣ: „Изъ русскаго быта". Сочиненіе М. Чистякова. . —
О книгѣ: „Русское царство отъ Ивана IV Грознаго до прекращенія Рюрикова дома". . . . . —
Объ изданіи: „Украшенія для плоскихъ поверхностей (Элементарный плоскій орнаментъ)". . . . . —
О книгѣ: „Домашній и госпитальный уходъ за больными". Профессора Бильрота . . . . —
О книгѣ: „Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію начальной ариѳметики въ народныхъ школахъ". Сост. В. Евтушевскій. . . . . —
Офиціальныя извѣщенія. 15

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Топографія средневѣковаго Константинополя. Г. Дестуниса. 1 и 229
Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи. Ѳ. Успенскаго . . . . 30 и 301
Прежнія воззрѣнія польскаго писателя Крашевскаго на бывшее литовское княжество, то-есть, западную Россію. М. Кояловича 88

СТРАН.

Кавказскія преданія о великанахъ прикованныхъ къ горамъ. Вс. Миллера 100

Новые архивные матеріалы для исторіи грузіи XVIII столѣтія. А. Цагарели 117

Новыя изслѣдованія о буддизмѣ. И. Минаева 138

А. В. Лихачевъ. Самоубійство въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія. Д. А—на 164

Грађа за историју Кра евине Србије. Време прве владе кнеза Милоша Обреновића. Прикупили Букашин I. Петровић и Др. Ник. I. Петровић. II. Кулаковскаго 184

Труды третьяго международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ. Н. Веселовскаго 195

Rumänische Märchen, übersetzt von Mite Kremnitz (Румынскія сказки, въ переводѣ М. Кремницъ). Александра Веселовскаго 216

Отношенія Россіи и Франціи при Петрѣ Великомъ. А. Брикнера 264

Гербордова біографія Оттона, епископа Бамбергскаго. А. Петрова 361

Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вс. Миллера 384

Montenegro. Schilderung einer Reise durch das Innere nebst Entwurf einer Geographie des Landes von Dr. Bernhard Schwarz. Mit Illustrationen nach eigenen Aufnahmen und einer Karte. А. О—скаго 392

Владиміръ Ивацевичъ. Собираніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ Славянъ. П. Сырку . . . 448

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

По поводу Сибирскаго юбилея 1

Императорская публичная библіотека въ 1880 году 24

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній . . . . 34 и 101

Александръ Осиповичъ Іонинъ. (Некрологъ). И. Помяловскаго 59

СТРАН.

Отчетъ Императорской Академіи наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1882 годъ. 63

Письмо изъ Парижа. Л. Л—ра. 127

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Къ Аѳинской эортологіи. В. Латышева. 1

Новыя хэронейскія надписи о посвященіи рабовъ. В. Латышева. 25

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для классного чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе девятое, дополненное новыми статьями, портретами и рисунками: „На Пасхѣ“, „Храмъ Христа Спасителя“, „Защита Баязета“, „Картина взятія Плевны“, „Скобелевъ“ и др.

СЪ 42-мя РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна **25** коп.

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съъ 87 картинками. Составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для классного и внѣклассного чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

„УКАЗКА“.

Начальный учебникъ русской грамматики и правописанія съ краткою этимологіей церк.-славянскаго языка, статьями для разбора, диктанта и заучиванья наизусть, письменными упражненіями, славянскимъ текстомъ, рисунками. Сост. А. РАДОНЕЖСКІЙ. Цѣна 50 коп. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы.

Съ требованіями просятъ обращаться: въ Москвѣ, въ книжный магазинъ *Наслѣдниковъ Салаевыхъ*. Въ С.-Петербургѣ,—въ книжный магазинъ *Фену* и К°.

Адресъ издателя: Шпалерная ул., д. № 6, кв. 9.

1-го ФЕВРАЛЯ вышла и разослана подписчикамъ II-я, ФЕВРАЛЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА"

Содержанiе: I. Записки сенатора **Я. А. Соловьева** о крестьянскомъ дѣлѣ, 1856—1860 гг.—II. Графъ **Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ**. Записки его о мятежѣ въ Сѣверо-западной Россiи въ 1863—1865 гг. Глава четвертая.—III. Графъ **Ѳ. Ѳ. Бергъ**, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ. Очеркъ П. Ш. Карцова.—IV. **Послѣдняя польская смута**, съ 14-го февраля 1861 г. по 15-е iюня 1862 г. V. **Поѣздка подъ Плевну** въ 1877 г. Разказъ Д. И. Иловайскаго.—VI. Записки **Якова Ивановича де-Санглена**. Главы XIII—XVII; ссылка Сперанскаго, 1812 г.—VII. Императоръ **Николай** и гр. Дибичъ въ 1829 г.—VIII. **Имп. Военная академiя генеральнаго штаба** въ 1834—1840 гг. Сообщ. князь Н. С. Голицынъ.—IX. **В. А. Жуковскiй**. Столѣтняя годовщина его рожденiя, 1783 — 1883 гг.—X. **М. Ю. Лермонтовъ** въ переводахъ французскихъ писателей: «Герой нашего времени».—XI. **Замѣтки и матерiалы**: Мих. Иван. Глинка. Сообщ. Л. И. Шестакова.—Николай I въ гор. Чембарѣ.—В. Н. Заринъ, сообщ. П. А. Извольскiй.—XII. С.-Петербургская город. Дума о чествованiи памяти В. А. Жуковскаго.—XIII. Гр. **Ѳ. П. Толстой**, 10-го февр. 1783—1883 гг.—XIV. Библiограф. листокъ.

Приложенiе: Портретъ великой княгини **Марiи Ѳеодоровны**, супруги цесаревича Павла Петровича, 1782 г. Весьма точный снимокъ, исполненный г. Скамони въ Экспедицiи заготовленiя госуд. бумагъ съ гравюры, сдѣланной въ Парижѣ въ 1782 г.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ" изд. 1883 г.

Четырнадцатый годъ изданiя, 12 книгъ въ 4-хъ томахъ, цѣна съ пересылкою **ДЕВЯТЬ** руб.

Городскiе подписчики въ С.-Петербургѣ и Москвѣ благоволятъ подписываться въ книжныхъ магазинахъ **Мамонтова**.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцiю „РУССКОЙ СТАРИНЫ", въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

Имѣется еще и можно получить изд.: „РУССКАЯ СТАРИНА" изд. **1882** года.

Цѣна **ДЕВЯТЬ** руб. 12 книгъ съ 12-ю портретами, съ пересылкою.

Книга „ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ", съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками, выйдетъ въ свѣтъ въ Мартѣ 1883 г. и тогда же будетъ разослана тѣмъ изъ подписчиковъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ", которые, возобновя въ объявленный срокъ подписку на журналъ, выслали для пересылки книги 35 коп. марками или деньгами.

Въ редакцiи „Русской Старины" можно получить прежнiе годы сего изд., именно: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 — 1879 гг.; 1880 г. (второе изд.); 1881 и 1882 гг. Цѣна за годъ по **ВОСЬМИ** руб. съ пересылкой.

Изд.-ред. «Русской Старины» **М. И. Семевскiй**.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Новыя херонейскія надписи о посвященіи рабовъ . . . . В. Латышева.

За редактора **Л. Майковъ.**

(Вышла 1-го февраля).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и заграницей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города **тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку)**. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала—по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.